

АФИНЕЙ

ПИР МУДРЕЦОВ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ

ΑΘΗΝΑΙΟΥ

ΔΕΙΠΝΟΣΟΦΙΣΤΩΝ

ΒΙΒΛΙΑ ΙΕ

Α – Η

АФИНЕЙ

ПИР МУДРЕЦОВ

В ПЯТНАДЦАТИ КНИГАХ

Книги I–VIII

Издание подготовили

Н.Т. ГОЛИНКЕВИЧ,

М.Г. ВИТКОВСКАЯ, А.А. ГРИГОРЬЕВА,

О.Л. ЛЕВИНСКАЯ, Б.М. НИКОЛЬСКИЙ

МОСКВА НАУКА 2004

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ
“ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ”

*В.Е. Багно, Н.И. Балашов (председатель), М.Л. Гаспаров,
А.Н. Горбунов, А.Л. Гришунин, Р.Ю. Данилевский, Н.Я. Дьяконова,
Б.Ф. Егоров (заместитель председателя), Н.В. Корниенко,
Г.К. Косиков, А.Б. Куделин, А.В. Лавров,
А.Д. Михайлов (заместитель председателя), Ю.С. Осипов,
М.А. Островский, И.Г. Птушкина (ученый секретарь), Ю.А. Рыжов,
И.М. Стеблин-Каменский, С.О. Шмидт*

Ответственный редактор
М.Л. ГАСПАРОВ

ТП-2002-II-№ 166

ISBN 5-02-022718-8
ISBN 5-02-010237-7 (кн. I–VIII)

- © Н.Т. Голикевич (перевод), 2004
- © О.Л. Левинская (статья), 2004
- © М.Г. Витковская, А.А. Григорьева,
Е.С. Иванюк, О.Л. Левинская,
Б.М. Никольский, И.В. Рыбакова
(примечания), 2004
- © Российская академия наук и издатель-
ство “Наука”, серия “Литературные
памятники” (разработка, художествен-
ное оформление), 1948 (год основа-
ния), 2004

ИЗВЛЕЧЕНИЯ ИЗ ПЕРВОЙ КНИГИ (по византийским эпитамам)¹

А ф и н е й – отец этой книги². Он обращается в ней к Т и м о к р а -
т у. Название ее «Пир мудрецов». В ней описано, как богатый римлянин
Л а р е н с и й собирает у себя в доме самых лучших знатоков всякого ро-
да учености. Ничто замечательное не осталось неупомянутым. В книгу во-
шли и рыбы, и то, как подавать их на стол, и разъяснение их имен, и раз-
ные сорта овощей, и различные породы животных, и составители историй,
и поэты, и философы, и музыкальные инструменты, и тысячи шуток; раз-
говор заходит и о разнообразии чаш, и о царских сокровищах, и о разме-
рах судов, и о многом другом, чего мне не успеть перечислить, даже если
я потрачу на это целый день. И само распределение частей рассказа есть
подобие роскоши пира, а составление книги напоминает приготовление к
пиру. Изумительный распорядитель слова, Афиней, устраивает этот столь
сладостный словесный пир, и, всё более совершенствуясь, он, как афин-
ские риторы³, распаляясь от собственного красноречия, прыжками устре-
мляется от одной части книги к другой.

2. Участниками пира представлены софисты: М а с у р и й, толкова-
тель законов, ревнитель всякого рода учености, единственный поэт на пи-
ру, не уступающий, однако, и в остальном никому, усердный энциклопе-
дист⁴. О чем бы ни заводил он речь, кажется, что он говорит именно о
главном предмете своих занятий, настолько образован был он с детства.
Он сочинял ямбы, по словам Афиней, ничуть не хуже любого из поэтов
после Архилоха⁵. Присутствовали там и П л у т а р х, и Л е о н и д Элей-
ский, и Э м и л и а н Мавританский, и З о и л – самые приятные из грам-
матиков⁶. Были там и философы П о н т и а н и Д е м о к р и т никоми-
диец, затмившие всех своей ученостью, был и Ф и л а д е л ь ф П т о л е -
м е й, муж, не только умом постигший философию, но и претворявший ее
в жизнь⁷. Из киников по имени назван лишь один, К и н у л ь к⁸, однако не
«две лихие за ним побежали собаки» [Од.П.11], как за Телемахом на пло-
щадь, а свора, гораздо бóльшая, чем за самим Актеоном⁹. Риторов было
ничуть не меньше, чем киников. На них, как и вообще на всех, кто начи-
нал говорить, обрушивался У л ь п и а н из Тира, за свои постоянные дис-
путы на улицах, во время прогулок, у книжных торговцев, в купальных по-
лучивший прозвище «Подходит-не-подходит» – прозвище более вырази-
тельное, чем его собственное имя. Человек этот взял себе за правило, пре-
жде чем ответить чего-либо, выяснять, подходит или не подходит, напри-

мер, слово «пора» к обозначению части дня, слово «пьяница» к мужчине, слово «матка» к съедобной пище, и присуще ли «свинство» вепрю¹⁰. Из врачей были Д а ф н из Эфеса, замечательный и своим искусством и образом жизни, не понаслышке знакомый с учениями академиков¹¹; Г а л е н из Пергама, написавший столько философских и медицинских сочинений, что превзошел всех предшественников, не уступая никому из древних в толкованиях; Р у ф и н из Nikeи. Был там и музыкант А л к и д из Александрии. Афиней говорит, что это перечисление скорее смахивает на список войска, чем на перечень участников попойки.

3. Ревностно следуя Платону, Афиней делает свой диалог драматическим¹². Начало у него такое:

«Сам ли ты, А ф и н е й, принимал участие в этом прекрасном собрании упомянутых здесь пирующих софистов, о котором так много говорили в городе, или ты пересказал друзьям с чужих слов? – Да, Т и м о к р а т, я сам был там. – В таком случае не будешь ли ты любезен передать что-нибудь из этих застольных речей и нам, ибо

трижды пережевавших бог лучшим куском одаряет,

как говорится где-то у киренского поэта [Эратосфен], или нам придется раз узнавать у кого-нибудь другого?»

4. Затем он принимается расточать похвалы Л а р е н с и ю и продолжает: «Честолюбие заставляло его собирать у себя образованную публику, причем развлекал он ее не только общепринятыми на пирах вещами, но и беседами, предлагая и достойные разбора вопросы и найденные им решения, – он ведь никогда не брался обсуждать случайные, не продуманные заранее им предметы, но подвергал их самому тщательному анализу по сократовской методике¹³, так что все бывали восхищены тонкостью его замечаний». Афиней рассказывает, что еще божественным императором Марком Ларенсиеву попечению в Риме были вверены как отеческие, так и эллинские храмы и жертвоприношения. Называет он его Астеропеем за то, что тот в равной степени превосходно владел обоими языками – латинским и греческим. Он говорит также, что Л а р е н с и й был сведущ в древних религиозных церемониях, установленных основателем города Ромулом и Нумой Помпилием, был он знатоком и гражданских законов. И все это он изучил самостоятельно, копаясь в списках древних постановлений и указов; изучал он и законы, содержащиеся в древних сборниках, в которые юристы больше не заглядывали, и ставших в результате упадка общественного вкуса «запечатанными книгами»¹⁴, – как сказал Эвполид о поэзии Пиндара. Объясняет это Афиней тем, что Ларенсий владел огромным множеством древних рукописей, превосходя количеством книг всех прославленных обладателей библиотек: и Поликрата Самосского, и афинского тирана Писистрата, и Эвклида, и самого Афиня, и Никократа Кипрского, еще и царей Пергама, трагика Еврипида, философов Аристотеля, Феофраста и сохранившего наследие последних Нелея. Афиней говорит, что его зе-

мляк царь Египта Птолемей, прозванный Филадельфом, купил у наследников Нелея все эти сочинения и, присоединив к книгам, приобретенным в Афинах и на Родосе, вывез в свою прекрасную столицу Александрию. Поэтому кто-то и сказал о нем словами Антифана [Kock.П.124]:

Ты всякий раз сторонник Муз и Разума,
Когда дела искусства разбираются.

Или:

...блещет
Славословие песнопений
Среди нашего веселья на его гостеприимном пиру, –

как сказал фииванский лирик [Пиндар.Ол.1.14].

Афиней также говорит, что на пирах Л а р е н с и я все приглашенные [иноземцы] могли чувствовать себя в Риме как в родном городе. «Ибо кто мог тосковать по родине в обществе этого человека, державшего двдери своего дома широко распахнутыми для друзей?» По словам комедиографа Аполлодора [Kock.III.293]:

Верь, Никофонт, когда кому случается
Войти в жилище друга благосклонного,
К нему с порога всё благожелательно:
Привратник расплывается улыбкою,
Хвостом виляет пес, навстречу выскочив,
Слуга выносит кресло, и ни слова вслух!

5. Все богачи должны быть такими. Ибо не столь гостеприимному хозяину любой может сказать: «Почему ты так скареден? Твои кущи полны вина – так пир для старейшин устрой: прилично тебе и способно¹⁵». Подобной щедростью отличался Александр Великий, а Конон, победив лакедемонян в морской битве у Книда¹⁶ и окружив стенами Пирей¹⁷, принес богам гекатомбу – истинную, а не «так называемую», – и пригласил на празднество все Афины. И когда кони Алкивиада заняли в Олимпии первое, второе и четвертое места¹⁸, – в честь этой победы Еврипид написал эпиникий, – то, принеся жертвы Зевсу Олимпийскому, Алкивиад устроил всем участникам празднества. То же самое устроил в Олимпии и Леофрон (эпиникий ему написал Симонид Кеосский). Эмпедокл из Акраганта победил на Олимпийских играх в скачках¹⁹, и поскольку он был пифагорейцем и не ел живого²⁰, то слепил быка из смирны, ладана и драгоценнейших благовоний и, [«заколов» его в жертву], раздавал по кусочку тем, кто явился на праздник. И поэт Ион Хиосский, когда его трагедия заняла первое место в Афинах²¹, роздал каждому афинянину по кувшину хиосского вина²².

Зачем еще богов молить бы смертному
Богатства дать и денег в изобилии,
Как не затем, чтобы друзьям со щедростью
Он мог помочь и семена рассеивал

Сладчайшей из бессмертных – Благодарности?
 Ведь все имеют наслаждение равное
 От пищи и питья, и чтоб насытиться
 Блистательных застолий нам не надобно, –

говорит Антифан [Кокк.П.111].

[О том,] что²³ халкедонец Ксенократ, академик Спевсипп и Аристотель написали царские законы²⁴.

- 4 Отличался гостеприимством и акрагантец²⁵ Теллий, радушно встречавший всех приходивших к нему. Так, когда однажды зимой у него оставились пятьсот всадников из Гелы, он выдал каждому из них хитон и гиматий²⁶.

6. Афиней пользуется выражением «О софист, пиров искатель (τρεχέδαιμος)!»

Клеарх рассказывает [FHG.П.308], что некий сиракузянин Харм очень ловко прикладывал стишки и поговорки к каждому выставлявшемуся на стол кушанью. Например, к рыбе:

Пучину я эгейскую соленую [Еврипид.«Троянки».1]
 Покинул, –

моллюскам, называемым трубачами:

Здравствуйте, мужи глашатаи, вестники бога и смертных [Ил.Ι.334] –,

- б кишке:

Завита и коварна [Еврипид.«Андромаха».448], –

начиненному кальмару:

Мудра, мудра ты [Еврипид.«Андромаха».245], –

вареным плодам:

Толпу вокруг меня не рассеешь? [Диоген Лаэртский.Π.117], –

ободранному угрю:

И космы рассыпались непокрытые [Еврипид.«Финикиянки».1485].

- с Афиней рассказывает, что на пире у Л а р е н с и я присутствовало много подобных персон, принесших с собой свою запеленутую в свитки ученость, как взносы на складчинный обед²⁷. Он рассказывает, что Харм, всегда имевший (как сказано выше) что сказать о каждом сервированном блюде, пользовался среди мессенцев²⁸ репутацией высокообразованного человека. Так же и Каллифан, отца которого прозвали *Объедалой*, желая прославиться обширной эрудицией, выписывал начала множества поэм и речей, так что всегда мог процитировать по три или четыре строчки каждой из них.

У многих других участников пира не сходили с языка сицилийские мурены, водоплавающие угри, желудки пахинских тунцов, козлята с Мелоса,

скиафская рыба, прозванная постником (вид кефали), а из менее известных вещей – пелорские моллюски, липарская килька, мантинейская репа, фиванский рапс и аскрийская свекла²⁹. d

Клеанф из Тарента, согласно Клеарху [FHG.II.309], всё, что хотел сказать на пире, декламировал стихами. Также поступал и сицилиец Памфил. Например:

Ну-ка, мне выпить налей и ножку подай куропатки.

Или:

Пусть принесут мне горшок, а также пирог мне (πλακοῦντα) подайте.

Афиней замечает, что хорошо устроившиеся люди не имеют необходимости зарабатывать себе на хлеб собственными руками (ἐγχειροῦσθ-ορες).

[О том,] что у Аристофана встречается выражение «таща лукошки, полные декретов» [Kock.I.446].

7. [О том,] что Архестрат из Сиракуз (или из Гелы) в сочинении, кото- e
рому Хрисипп дает заглавие «Гастрономия», Линкей же и Каллимах – «Искусство жить роскошно», Клеарх – «Искусство обедать», а другие – просто «Поварское искусство» (написано оно было эпическим стихом и начиналось так:

Вот образец я даю разысканий для целой Эллады), –

утверждает [fr.61]:

Должно обед проводить за одним, но роскошным застольем.
Быть же должно за столом три-четыре участника, в крайнем
Случае – пять, но не боле: иначе не пир это будет,
Сборище грубых солдат, что пришли перепортить припасы.

Он, следовательно, не знал, что за платоновской трапезой было двадцать восемь едоков³⁰.

[О том, что] Антифан пишет [Kock.II.112]:

На все обеды парни эти в городе f
Незванными без промаха слетаются.

И далее продолжает:

Должны кормить мы их на счет общественный, 5
Как, говорят, быка для мух в Олимпии
Приносят в жертву, так и нам приходится
Гостям незванным³¹ свой обед закалывать.

8. Одно рождается летом, а другое зимой, – говорит сиракузский по-эт³² [Феокрит.II.58]; так что невозможно всё вместе доставить – сказать же легко.

[О том,] что сочинения о пирах были написаны и другими авторами, среди которых можно отметить Тимахида Родосского, написавшего эпи-

б ческим стихом³³ по крайней мере одиннадцать книг, также Нумения из Гераклеи, ученика врача Диевха, пародиста Матрея из Питанеи, а также Гегемона с Фасоса, прозванного Чечевицей, которого некоторые включают в число авторов Древней комедии³⁴.

[О том,] что Артемидор, ошибочно прозываемый учеником Аристофана³⁵, составил словарь кулинарных терминов. О «Пире» левкадийца Филоксена упоминает автор комедий Платон [Kock.I.646]:

– Хочу я в место спрятаться укрозное,
 Чтоб эту книгу почитать в молчании.
 – А что за книга, Расскажи, прошу тебя!
 – Новинка Филоксена, «Кулинария».
 – Так вслух прочти, я весь вниманье.
 – Слушай же!

«С лукавиц труд я начну, тунцом завершу сочиненье».
 – Тунцом? Выходит, мне совсем неплохо с ним
 В ряду последнем затеряться было бы!
 – «Вдосталь в золе потоми ты лук, обмакни его в соус,
 И от души погрызи, он жилы мужам напрягает.
 Впрочем, об этом довольно; я к детям морей отправляюсь».

И немного ниже:

«Надобна сковорода, иногда неплоха и кастрюля».

И еще немного ниже:

«Окуня, палтуса, рыб морских с кривыми зубами
 Или прямыми не режь, чтобы кара с небес не дохнула,
 Но подавай целиком запеченных: так много вкуснее.
 Щупальце коль отобьешь кальмара ты долго, и сварешь,
 Если оно велико – гораздо печеного лучше;
 Если ж печеных два будет, вареному их предпочту я.
 Жилы не сможет напрячь султанка, дитя Артемиды:
 Девой она рождена и чуждается страсти любовной.
 А скорпион»...

– Заползет тебе в зад, и тогда ты уймешься!

е 9. По имени этого Филоксена и некоторые виды пирогов были названы филоксеновскими. Хрисипп рассказывает о нем следующее: «Мне запомнился некий гурман, настолько потерявший чувство стыда, что уже не обращал внимания ни на кого из присутствующих, чем бы ему ни приходилось заниматься. В общественных банях он открыто приучал руки к горячему, подолгу держа их в воде; этой же водой он полоскал горло, чтобы горячая пища проходила в его глотку без затруднений. Рассказывали, что он подговаривал поваров ставить блюда на стол как можно более горячими, чтобы он один мог поглощать их на глазах у беспомощных сотрапезников». Подобные вещи рассказывают
 ф и о Филоксене с Киферы³⁶, и об Архите, и множестве других. Один из

подобных господ хвастает у комика Кробила [Kock.III.381]:

– Держу я это мясо раскаленное
Холодными, как снег на Иде, пальцами³⁷;
А паром от кусков, в кишках дымящихся,
Я глотку грею.

– Печь, не человек уж!

Клеарх рассказывает [FHG.II.309], что Филоксен, находился ли он в своем или в любом другом городе, имел обыкновение, помывшись, обходить дома в сопровождении слуг, несших масло, рыбный соус, уксус и другие приправы. Со всей этой компанией он вваливался в чужой дом и, добавляя недостающее, доводил до ума варившееся в нем, после чего жадно набрасывался на угощение. Когда он приплыл как-то раз в Эфес, в местной лавочке не оказалось никакой снеди. Поинтересовавшись, в чем дело, и узнав, что все закуплено на свадьбу, он помылся и незванным гостем отправился к новобрачным. После обеда он спел гимней³⁸, начинавшийся словами «О Гименей, лучезарнейший бог!», чем привел всех в совершенный восторг, ибо был прекрасным дифирамбическим поэтом. Жених спросил: «Филоксен! А завтра ты будешь обедать тем же манером?» «Конечно, – ответил Филоксен, – если здесь опять не будут торговать съестным».

10. Феофил говорит [FHG.IV.516]: «Не таков был Филоксен, сын Эриксида. Он ведь, кажется, уличал природу в том, что она обделила человека удовольствиями, и просил богов дать ему журавлиное горло. Однако гораздо лучше было бы ему постараться стать лошадью, быком, верблюдом или слоном – ведь тогда наслаждения его были бы гораздо сильнее и острее, ибо они возрастают пропорционально силе животного». Клеарх же, рассказывая о Меланфии, утверждает, что и он молился об этом [FHG.II.309]: «Представляется, что Меланфий рассудил лучше Тифона: тот, возмечтав о бессмертии, висит теперь в своем покое, удрученный дряхлостью, лишившей его большинства наслаждений, Меланфий же, обуреваемый страстью к наслаждениям, молил богов даровать ему горло длинношейей птицы, чтобы он мог продлить наслаждение как можно дольше». У того же автора рассказывается, что Пифилл, прозванный Лакомкой, ходил с обернутым языком и освобождал его только перед самым угощением, а после еды очищал сухой рыбьей чешуей. Говорится, что он был единственным из гурманов, кто брал еду, надев на пальцы перчатки, – ему, несчастному, хотелось положить ее на язык как можно более горячей. Другие называют Филоксена рыбеедом, Аристотель же просто обжорой. Пишет он так [fr.36]: «Люди, говорящие речи в собраниях, целый день смотрят фокусы, расспрашивают приезжих из Фасиса или Борисфена, но ничего не читают, кроме Филоксенова «Пира», да и то не подряд».

11. Фений рассказывает [FHG.II.297], что этот Филоксен, киферский поэт³⁹, был большим охотником до лакомств. Обедая как-то с Дионисием, он заметил, что перед тем была положена огромная кефаль (τρίγλη), перед Фи-

локсеном же малюсенькая; тогда он взял ее в руки и поднес к уху. Когда Дионисий спросил, что это он делает, Филоксен ответил, что поскольку сочиняет сейчас поэму о Галатее⁴⁰, то хотел бы узнать от кефали кое-что о Нерее и его дочерях. А она говорит, что была слишком мала, чтобы бывать в компании Нерее, но вот ее старшей сестрице, той, что лежит перед Дионисием, известно всё, что он хотел бы узнать. Дионисий расхохотался и приказал передать свою кефаль Филоксену. Дионисий любил выпивать с Филоксеном, но когда того обвинили, будто он обольстил Дионисиеву любовницу Галатею, Дионисий приказал бросить его в каменоломни. Там Филоксен и написал своего «Киклопа»⁴¹, рассказав в нем свою историю. Под видом Киклопа он вывел Дионисия, флейтистку представил Галатеей, а самого себя Одиссеем.

12. Во времена императора Тиберия жил некий Апикий⁴², человек очень богатый и изнеженный; от его имени многие виды пирогов получили название *Апикиевых*. В своих Минтурнах (город в Кампании) он проедал громадные состояния, питаясь преимущественно очень дорогими креветками, которые были крупнее самых больших креветок из Смирны или омаров из Александрии. Услышав однажды, что в Ливии тоже водятся громадные креветки, он отплыл туда в тот же день. Когда, много натерпевшись в пути от непогоды, он приблизился к африканскому берегу, то прежде чем он сошел с корабля, навстречу ему в море вышли тамошние рыбаки, набрав с собой самых лучших креветок, – ибо среди ливийцев уже распространился слух о его прибытии. Осмотрев их, он спросил, есть ли у них покрупнее. Когда же они ответили, что привезли самых больших местных креветок, то ему припомнились родные минтурнские и, так и не подойдя к берегу, он приказал немедленно повернуть обратно в Италию.

Киренский философ Аристоксен, буквально претворявший в жизнь философию своей родины⁴³ (это по его имени окорок, приготовленный особым образом, назывался *Аристоксеновым*), достиг таких пределов чревоугодия, что приказывал поливать на ночь салат-латук в своем саду водой, смешанной с медом и вином. Собирая наутро зелень, он приговаривал, что земля приносит ему готовые пирожные.

13. Когда император Траян пребывал в Парфии, в многих днях пути от моря, Апикий посылал ему свежих устриц⁴⁴, сохраняя их своим собственным способом консервирования. Роскошью Апикий превосходил Никомеда, царя Вифинии: когда Никомену, тоже вдали от моря, захотелось анчоусов⁴⁵, то повар приготовил для него искусственную рыбу и поднес ему в качестве анчоуса. По крайней мере, у комического поэта Эвфрона один повар рассказывает [Kock.III.323]:

– Учился я у Сотерида-повара.
Вот это мастер! Как-то Никомед, наш царь,
Среди зимы потребовал анчоуса;
От моря было за двенадцать дней пути,
Но повар подал! Люди так и ахнули.

– Возможно ли такое?

– Репу свежую

Нарезал он сперва ломтями тонкими
И длинными, по форме рыбы, после же
Ошпарил кипятком, полил оливковым
Обильно маслом, соль добавил мастерски,
Затем посыпал сверху зерен маковых –
Штук сорок, ровно – и в далекой Скифии
Царя прекрасной рыбой удовлетворял.
Поев той репы, Никомед расхваливал
Друзьям своим анчоус превосходнейший.
Поэтому не вижу я различия
Меж кулинаром и поэтом: главное –
Смекалка – там и тут.

f

14. [О том, что] Архилох, поэт с Пароса, упрекает Перикла за то, что он, как миконец, врывается на пиры незванным⁴⁶. Ведь жители острова Микон заслужили своей скаредностью и корыстолюбием дурную славу – видимо, потому, что живут на скудном острове в крайней бедности. Так, например, Кратин называет скупого Исхомаха миконцем [Kock.I.109]:

8

Миконца Исхомаха сын,
Ну как ты мог бы щедрым быть?

[О том, что] добрый человек пришел пировать к добрым людям: у друзей ведь всё общее⁴⁷.

Архилох же говорит:

...жадно упиваясь неразбавленным вином
И своей не внесши доли...
И никто тебя, как друга, к нам на пир не приглашал.
Но желудок твой в бесстыдство вверх тебе и ум и дух.

b

У комического поэта Эвбула где-то говорится [Kock.II.206]:

У нас на пире двое приглашенных есть
Неодолимых: Филоктет и Филоктет:
Он хоть один, но стоит двух, по-моему,
И здоровенных, даже трех, не менее.
Однажды, говорят, приятель звал его
На пир, сказав прийти, когда от стрелки тень
Длиною будет в двадцать стоп на гномоне⁴⁸.
А он с утра измерил, и была она
На с лишком две стопы длинней назначенной.
Явившись на рассвете, извинялся он:
Мол, опоздал, дела держали срочные.

c

Ведь кто на званный пир привык опаздывать,
Тот и в бою оставит пост назначенный, –

говорится у комика Амфида [Kock.Π.248]. Хрисипп же утверждает:

d Бокалом даровым не вздумай брезговать.

А также:

Выпивки не упускай даровой, но всегда помогайся.

Антифан говорит [Kock.Π.117]:

Да это жизнь богов, когда позволено
Нам поживиться, о цене не думая.

И в другом месте:

И это жизнь блаженная! Приходится
Мне новый способ каждый раз придумывать,
Чтоб челюстям задать работу!

Всё это я захватил на пир из дома, заранее позаботившись, чтобы и я
пировал, внося свою долю.

e Ведь мы, аэды, только лишь бездымные
Приносим жертвы⁴⁹.

[О том,] что древним не было незнакомо принятие пищи в одиночку⁵⁰
(μονοφσγεῖν). Например, у Антифана говорится [Kock.Π.128]:

Ты ешь один? одним уж этим мне вредишь!

Также у Амипсия [Kock.Ι.677]:

Проваливай к воронам, взломщик-монофаг!

ОБ ОБРАЗЕ ЖИЗНИ ГОМЕРОВСКИХ ГЕРОЕВ

15. Гомер видел, что скромность есть добродетель⁵¹, более всех прочих подобающая юношам, и что она, подобно устроителю хора, гармонично сочетает между собою все хорошие качества. Он хотел привить ее людям с ранних лет на всю жизнь, чтобы они тратили свой досуг и рвение на добрые дела и были щедры и готовы оказать друг другу услугу. Поэтому он всем своим героям приписал умеренность и довольство малым.

f Поэт считал, что сильнее всего в людях потребность в пище и питье и получаемое от них удовольствие, так что люди, соблюдающие умеренность в еде, скромны и воздержны также и во всем прочем. И потому жизнь простую и неприхотливую ведут у него все: цари и простолюдины, юноши, старцы [Од.Ι.138]:

Гладкий потом пододвинула стол; на него положила
Хлеб домовитая ключница...

...на блюдах, подняв их высоко
Мяса различного крайчий принес [Од.Ι.141], –

мясо было жареное и преимущественно говяжье. Кроме этого даже на праздниках и свадьбах и других трапезах не подается ничего. Даже самим царям не подают у Гомера ни кушаний, запеченных в фиговом листе, ни кандила⁵², ни печенья на меду; они едят только такую пищу, от которой становятся здоровее душой и телом. Сам Агамемнон подносит Аяксу после единоборства⁵³ хребет быка как почетный дар. И Нестора, уже старца, и Феникса [Ил. IX.215] угощают жареным мясом. Так поэт отвращает и нас от неумеренных желаний. Менелай, справляя свадьбу детей⁵⁴, подает Телемаху [Од. IV.65]

бычатины жареной кус, из почетной
Собственной части его отделивши своею рукою.

И Нестор, когда у моря приносит в жертву Посейдону быков в окружении только самых любимых родных сыновей, то, хотя и был он царем и много имел подданных, отдает повеление⁵⁵ [Од. III.421]:

В поле один за телицей беги и т.д.

В самом деле, жертва, принесенная с помощью самых близких и преданных людей, благочестивее и угоднее богам. Даже женихи, уж на что были наглы и неумеренны в наслаждениях, всё же не ели, как показывает Гомер, ни рыбы, ни птицы, ни пирогов на меду. Поэт из всех сил избегает говорить об ухищрениях поварского искусства, о кушаньях, которые, по словам Менандра, «распаляют похоть»⁵⁶, о блюде, именуемом у многих писателей «горшок для развратников» (как утверждает Хрисипп в сочинении «О благе и наслаждении», его приготовление особенно хлопотно).

16. По рассказу Поэта, Приам упрекает сыновей⁵⁷ за то, что они истребляют скот, вопреки обычаю [Ил. XXIV.262]:

Эти презренные хищники коз и агнцев народных.

А Филохор сообщает в своей «Истории» [FHG. I.394], что и в Афинах запрещалось есть еще ни разу не стриженного барана, если в том году приплод овец был недостаточен.

Гомер называет Геллеспонт «богатым рыбой» [Ил. IX.360], изображает феакийцев отличными мореходами, знает, что на Итаке много гаваней, а у близлежащих островов во множестве водится рыба и дикая птица. Одним из залогов благоденствия он считает обилие рыбы в море. И, однако, никто у него ни рыбы, ни птицы не ест.

Никому не подают и фруктов, хотя было их немало, и поэт с удовольствием о них упоминает⁵⁸ и называет «вечно бессмертными» [Од. VII.120]:

Груша за грушей, за яблоком яблоко...

и так далее. И никого мы не увидим у Гомера ни увенчанным, ни умащенным миррой⁵⁹, ни курящим благовония. Наоборот, его герои чужды всему этому, он выбирает их прежде всего за их невзыскательность и довольство малым. Даже богам он приписывает простую пищу: нектар и амбро-

f сию⁶⁰. И люди у него, воздавая богам почести, жертвуют только то, что обычно едят сами, и не прибегают ни к ладану, ни к мирре, ни к венкам, чуждаясь подобной роскоши.

Поэт показывает, что и простой пищи герои едят немного: он удерживает их от пресыщения, как лучшие врачи [Од.І.150]:

...когда же
Был удовлетворен голод их лакомой пищей...

10 Одни, утолив голод, тут же обращаются к гимнастическим упражнениям. Диски и копья доставляют им удовольствие, и, забавляясь, они постигают то, что потом применяют в серьезном деле. Другие же слушают кифаредов⁶¹, которые напевно и мерно повествуют о подвигах героев.

b 17. Нет поэтому ничего удивительного в том, что воспитанные в таких правилах люди уравновешенны и душой и телом. Доказывая, что умеренность полезна для здоровья, благотворна и доступна всем, Гомер изображает, как мудрейший Нестор подносит вино раненому в правое плечо врачевателю Махаону⁶² в качестве наилучшего лекарства от воспаления, – а именно прамнийское, известное нам густотой и питательностью (не для простого «утоления жажды», но ради полного насыщения, ведь когда тот уже выпил, Нестор приглашает его продолжить питье⁶³: «Друг, сиди у меня и багряным вином укрепляйся»). Более того, для возбуждения жажды Нестор добавляет в вино натертый козий сыр и в прикуску – лук, хотя в другом месте поэмы Гомер утверждает, что вино обессиливает⁶⁴, отнимая крепость и храбрость. Что касается Гектора⁶⁵, то Гекуба, надеясь, что он проведет остаток дня в городе, склоняет его к удовольствию и приглашает совершить возлияние и выпить; он, однако, отвергает это, собираясь возвратиться в битву. И если одна упорно хвалит вино, то другой, даже тяжело дыша после боя, отказывается; одна призывает выпить, совершив возлияние, другой же считает это нечестивым, поскольку забрызган кровью. Гомер признает полезным умеренное питье вина и утверждает, что хлебать его большими глотками⁶⁶ значит вредить самому себе. Известны ему также различные пропорции смешения⁶⁷: Ахилл не приказывал бы: «раствори покрепче»⁶⁸, если бы не существовало какой-то другой, повседневной пропорции. Может быть, поэт и не знал, что вино очень легко улетучивается [из тела] через поры, не будучи смешано с твердой пищей (это хорошо знают умелые врачи – когда они лечат сердечные недомогания, то для продления воздействия [снадобий] смешивают вино с мучной пищей). Нестор, тем не менее, дал Махаону вино, смешанное с мучицей и сыром⁶⁹, а Одиссей придерживается полезного соединения вина с хлебом [Ил.ХІХ.167]:

c d

Но человек, укрепяся вином и насытятся пищей...

Для пьяницы же поэт отводит сладкое вино, называя его так в следующем стихе [Од.ІІ.340]:

Куфы из глины с вином многолетним и сладким стояли.

18. Гомер также описывает, как девушки и женщины омывают гостей⁷⁰, ибо он полагает, что людей, живущих в благородной скромности, ничто не может распалать. Обычай этот и впрямь очень древний: ведь и дочери Кокала, как полагалось в те времена, купали⁷¹ прибывшего в Сицилию Миноса [Диодор.IV.76]. e

Обрушиваясь на пьянство, поэт изображает громадного Киклопа, погубленного по этой причине малюсеньким существом [Од. IX.360 сл.]; подобным же образом [губит он] и кентавра Эвритиона [Од.XXI. 295]; а гостей Кирки, падких на удовольствия, превращает во львов и волков⁷², но спасает Одиссея, повиновавшегося совету Гермеса [Од.X.277сл.] и этим избежавшего опасности. Эльпенор же, предававшийся пьянству и распущенности⁷³, ломает себе шею [Од.X.552]. И Антиной, который хоть и поучал Одиссея: «твой ум отуманен медвяным вином» [Од.XXI.293], но сам не воздерживался от выпивки, погибает⁷⁴, пронзенный стрелой, так и не оторвавшись от кубка. Гомер также изображает, как эллины отплывают в море пьяными и потому-то они принимаются бунтовать и погибают [Ил.Ш.139]. Рассказывает он и о том, что Энею, мудрейшему на советах троянцев, из-за пьяной болтливости и хвастливых обещаний⁷⁵, данных им за выпивкой, пришлось выдержать натиск самого Ахилла и едва не полатиться жизнью⁷⁶ [Ил.XX.84]. И Агамемнон как-то раз высказывается о себе [Ил.IX.119]: f

Но как уже погрешил, обуявшего сердца послушав, –
В том виновато вино, иль меня провели сами боги, –

ставя опьянение на одну доску с безумием. (Так приводит эти стихи⁷⁷ ученик Исократ Диоскорид.) Ахилл же, браня Агамемнона, говорит [Ил.I.225]: b

О винопийца со взорами пса.

Так говорит этот фессалийский плут – воплощенная «фессалийская хитрость»⁷⁸: здесь Афиней, должно быть, обыгрывает пословицу.

19. [О том,] что из приемов пищи у героев Гомера прежде всего шел завтрак⁷⁹ (ἀκράτισμα), который он называет *полдником*⁸⁰ (ἄριστον). Один раз о нем упоминается в «Одиссее» [XVI.1–2]:

...Одиссей с свинопасом божественным рано
Встав и огонь разложив, приготовили *полдник*.

И один раз в «Илиаде» [XXIV.124]: c

Окрест его суетились друзья и готовили *полдник*.

Утреннюю трапезу он также называет *эмброма*⁸¹ (ἐμβρομα), между тем как мы называем ее завтраком («акратисмон», ἀκράτισμόν), так как за ней едим только куски хлеба, смоченные в несмешанном (ἄκρατος) вине. Так об этом говорит, например, Антифан [Kock.Π.126], который после стиха

Пока готовит повар *полдник* (ἄριστον),

продолжает:

А как насчет *позавтракать* (ἀκρατίξω) со мной?

Также и Кантар [Kock.I.766]:

– Мы здесь не будем *завтракать* (ἀκρατίξω)?

– Нельзя никак:

На Истме будем полдничать (ἀριστάω).

d И Аристомен [Kock.I.693]:

Позавтракав (ἀκρατίξω) слегка, опять вернусь сюда,

Два-три кусочка хлеба откушу.

Филемон утверждает⁸², что у древних были в ходу следующие приемы пищи: первый завтрак, второй завтрак (полдник), обед и ужин. Причем завтрак они называли «нарушением поста» (διανησιτισμός), полдник – обедом (δεῖπνον), обед – «вечерней трапезой» (δορπητός), ужин – десертом (ἐλιδορλῖς). Точный порядок названий трапез можно найти у Эсхила в стихах, которые произносит Паламед [fr.133]:

e Я разделил по сотням и по тысячам
Войска, я всем назначил продовольствие,
Срок завтраку, и полднику, и ужину...

Четвертая трапеза, упоминаемая Гомером в следующих словах [Од.XVII.599]:

...ночевавши (δειλιήσας)

Дома, сюда возвратися, –

которую некоторые называют предвечерней (δειλινόν), имела место⁸³ между нашими полдником и ужином. Таким образом, полдник (ἄριστον) имел место ранним утром, обед (δεῖπνον) – около полудня и соответствовал нашему полднику, ужин (δόρπον) принимали уже затемно. Иногда же Гомер использует слово обед (δεῖπνον) как синоним завтрака⁸⁴ (ἄριστον); ведь именно об утреннем приеме пищи сказано [Ил.VIII.53–54]:

f Тою порой укреплялися снедью (δεῖπνον) ахейские мужи
Быстро по кущам и в битву оружием все покрывались.

Получается, что они выходили на бой вскоре после восхода солнца, уже приняв завтрак.

20. Пируют у Гомера сидя⁸⁵. Некоторые даже полагают, что перед каждым едоком ставился отдельный столик⁸⁶. Так, ссылаются они, перед Ментесом, пришедшем на пир Телемаха когда столики еще не были принесены, поставили «гладкий стол» [Од.I.138]. Однако такой вывод нельзя признать окончательным, ибо Афина (Ментес) могла пировать и за столом Телемаха. Принесенные блюда оставались на столах⁸⁷ в течение всего пира, как это делается у варварских народов и поныне; «покрытыми

всевозможными благами» стоят они и у Анакреонта. И только после ухода гостей прислужницы [Од. XIX.61]

Начали всё убирать там: столы с недоеденным хлебом,
Кубки и множество чаш.

Однако пиру во дворце Менелая [Од. IV.60] поэт придает некоторые особенности: беседуют гости уже насытившись, затем, ополоснув руки, снова принимаются за еду, и даже после общего плача он заставляет их тут же вспомнить об угощении [Од. IV.216]. То, что столы [во время пира] не убрались, казалось бы, опровергается следующим стихом⁸⁸ [Ил. XXIV.476]:

ἔσθων καὶ πίνων, ἔτι καὶ παρέμετο τράπεζα
Пищи вкусив и питья, и пред ним еще стол оставался..

b

Поэтому его следует читать:

ἔσθων καὶ πίνων ἔτι, καὶ παρέμετο τράπεζα
Пищи вкусив и питья еще; стол перед ним оставался, –

или объяснять противоречие особыми обстоятельствами. Ибо как могло быть приличным для находившегося в трауре Ахилла подобно какому-нибудь гуляке держать перед собой стол в продолжение всего пира? Хлебы выставлялись на стол в корзинках, но мясо на пирах было исключительно жареным.

Похлебки не варил, когда закалывал
Быка Гомер, ни мяса, ни мозгов не мог
Сварить, и даже требуху поджаривал.
Такой уж старомодный он писатель был, –

c

замечает Антифан [Кокк. II.124].

21. Мясо делилось на равные порции; по соблюдению на пирах этого справедливого порядка поэт и называет их «равными», «дружелюбными». Действительно, ведь общественные обеды (δείπνον) и получили название пиров⁸⁹ (δαίς) от глагола «делить» (δαίωμαι), потому что на них делилось на порции не только мясо, но и вино [Од. VIII.98]:

Душу свою насладили на равном пиру мы довольно.

Также и [Ил. IX.225]:

Здравствуй, Пелид! в дружелюбных нам пиршествах нет недостатка.

Основываясь на этом наблюдении, Зенодот посчитал, что равный пир здесь означает *добрый, справедливый* пир. И, поскольку пища есть для человека важнейшее благо, необходимое [для всех в равной степени], Гомер-де назвал ее не просто равной (ἴση), но подчеркнул это, используя наиболее полную, растянутую форму слова (ἐῖση). Действительно, ведь первобытные люди, у которых пищи, конечно, всегда не хватало, как только обнаруживали ее, принимались за грабеж, набрасываясь всем скопом, и на-

d

сильно отнимали у владельцев. Несомненно, что при возникавших беспорядках дело доходило и до убийств. Этим, очевидно, и объясняется происхождение слова *нечестие*⁹⁰ (ἀτασθαλία): ведь именно при возникновении изобилия (θαλία) первобытные люди совершали преступления (ἄται) по отношению друг к другу. Когда же благодаря Деметре у них появился некоторый достаток, каждому стали выдавать равную долю, что определенным образом упорядочило человеческие трапезы. Отсюда и появились ломти хлеба и лепешки, представляющие собой равные порции, раздаваемые едокам, а для выпивающих были придуманы ходившие по рукам чаши. Потому-то трапеза и стала называться *пиром* (δαις) от глагола *делить* (δαίρειν), то есть разделять на равные порции, а жаривший мясо крайчий был назван *дайтросом* (δαιτρός), так как каждому выдавал равную долю. Причем слово пир поэт применяет исключительно к человеческой трапезе и никогда к пище животных. Не разобравшись в этимологии этого слова, Зенодот в своей редакции поэм⁹¹ пишет [Ил.1.4]:

...сагих распростер их на пир плотоядным
Птицам окрестным и псам, –

13 называя так добычу коршунов и других птиц. Однако только человеку, отвергнувшему первобытное насилие, доступно честное равенство, и потому только его трапеза может быть названа пиром и только у него «доля» есть то, что доступно каждому. Более того, у Гомера гости не уносили с собой остатки пиршества⁹², но, насытившись, оставляли пищу хозяевам, чтобы ключница, отложив ее про запас, имела возможность угостить неожиданно пришедшего странника.

22. Иногда Гомер изображает своих героев, питающимися и рыбой и птицей⁹³. По крайней мере спутники Одиссея ловят на острове Тринакии⁹⁴ [Од.ХП.331]

Что где случилось: стреляли все птицу, и рыбу
Острогобеными крючьями удили.

Разумеется, ковались эти крючья не на Тринакии, но были привезены на корабле, что показывает и опыт и искусство ужения рыбы [людьми того времени]. Мало того, Гомер сравнивает несчастных спутников Одиссея, схваченных Скиллой, с рыбами, пронзенными длинным шестом (остройгой) и выброшенными на берег [Од.ХП.251]. Одним этим он обнаруживает больше понимания в этом ремесле, чем авторы ученых поэм и трактатов. Я имею в виду⁹⁵ аргивянина Кекала и гераклейца Нумения, аркадца Панкрата, Посидония Коринфского, а также моего старшего современника киликийца Оппиана: столько мне попало авторов эпических поэм под заглавием «Искусство рыбной ловли». А у прозаиков [мне известны] сочинения Селевка из Тарса, Леонида Византийского и Агафокла из Атракия⁹⁶ [в Фессалии]. И если Гомер не упоминает о подобной снеди на пирах⁹⁷, то потому что она считалась пищей, неприличествующей высокому достоин-

ству витязей; то же касается и новорожденных [детенышей домашних животных]. Наравне с рыбой ели в те времена и устриц, хотя они малопитательны и невкусны, особенно когда лежат глубоко на дне. И нет никакого способа добыть их, кроме ныряния [Ил.XVI.745]:

d

Как человек сей легок! Удивительно быстро ныряет!⁹⁸

– и далее говорится, что, нырнув, тот многих мог бы удовлетворить устрицами.

23. Перед каждым пирующим у Гомера ставится чаша. Так, перед Демодокосом ставится корзина, стол и чаша⁹⁹, «чтоб пил он, когда пожелает» [Од.VIII.69]. А выражение «кратеры¹⁰⁰ венчались вином» означает, что их наполняли доверху, так что жидкость возвышалась над краем сосуда и как бы увенчивала его. Делалось это намеренно, ибо считалось добрым знаком. Наполнив кратеры, юноши

e

По чашам пирующим всем разливали... [Ил.I.471]

Слово «всем» относится не к чашам, но именно к людям. Это ясно из обращения Алкиноя к Понтоноу: «[Наполнив кратеры,] вина удели всем в мегароне» [Од.VII.179–183]. И после этого

Наполнив вином все кратеры,
В чашах пирующим подал...

Есть на пирах и особые почести для храбрейших: сына Тидея чествуют «брашном и полными кубками» [Ил.VIII.162], Аякс награжден «хребтом бесконечным» [Ил.VII.321]; то же самое получают и басилей:¹⁰¹

f

Тут он им подал бычатины жареной кус, из почетной
Собственной части... [Од.IV.65]

Здесь речь идет о Менелее. А Идомонее Агамемнон чтит полным кубком [Ил.IV.262]. Той же честью пользуется среди ликийцев и Сарпедон, а кроме того, «местом почетным и брашном» [Ил.XII.310].

Пир у древних сопровождался здравицами. Ведь даже о богах говорится [Ил.IV.3]:

Кубки приемля златые,
Чествуют боги друг друга... –

это значит, что, поднимая здравицы, боги подавали друг другу десницы. И кто-то «приветствовал Ахилла», вместо того чтобы подать ему правую руку, – то есть чествовал его, подавая правой рукой кубок¹⁰². Понравившемуся сотрапезнику древние могли также отдать часть собственной порции, как, например, поступил Одиссей, отрезавший для Демодока¹⁰³ от поставленного перед ним бычьего хребта.

14

24. Было также в обычае приглашать на пиры кифаредов¹⁰⁴ и плясунов, как это делали женихи¹⁰⁵ [Пенелопы]. На пире Менелая «пел вдохновенный певец» [Од.IV.17], а вокруг, зачиная *веселье*¹⁰⁶ (μολπή), кружились

два прыгуна; ибо слово «пляска» (μολπή) здесь употреблено вместо «игра, веселье» (παῖδις).

Кроме того, племя певцов отличалось здравомыслием и философическим расположением духа. Поэтому Агамемнон в качестве стража и наставника оставил при Клитемнестре именно певца¹⁰⁷, чтобы он, во-первых, рассуждая о женских добродетелях, возбуждал в ней стремление к совершенству, а во-вторых, придавая ее досугу приятность, отвлекал ее ум от дурных помыслов. Поэтому Эгисфу удалось совратить эту женщину не ранее, чем он убил этого певца на безлюдном острове. Таков же и тот певец, который¹⁰⁸ по принуждению пел перед женихами, но ненавидел их, умышляющих против Пенелопы. И вообще сам поэт открыто говорит, что певцы (αἰδοί) высоко чтимы¹⁰⁹ (αἰδοίσι) всеми людьми [Од. VIII.480]:

... их сама научила

Пению Муза; ей мило певцов благородное племя.

И если Демодок поет перед феаками о любви Ареса и Афродиты¹¹⁰, то не для восхваления подобных страстей, но для того чтобы отвлечь слушателей от таких беззаконий; или же, зная, в какой изнеженности выросли слушатели, он предлагал им развлечение, наиболее соответствовавшее их нраву. Точно так же и Фемий пел женихам по их желанию о возвращении ахейцев¹¹¹ [Од. I.326], Сирены пели Одиссею¹¹² о том, что было ему приятно и отвечало его честолюбивой, жадной до нового натуре. Ведь Сирены говорят [Од. XII.189]:

Знаем мы всё, что на лоне земли многодарной творится.

25. Пляски у Гомера иногда исполняются акробатами, а иногда их сопровождает игра в мяч. Потакая своей землячке, керкирская словесница Агаллида¹¹³ приписывает ее изобретение Навсикае. Однако Дикеарх [FHG.II.249] отдает первенство сикионцам¹¹⁴, а Гиппас [FHG.IV.430] – придумавшим гимнастику спартанцам. Навсикая, впрочем, единственная героиня Гомера, играющая в мяч. Прославленными игроками в мяч были Деметел, брат хиосского софиста Феокрита и некий Хэрефан¹¹⁵. Последний принялся однажды ходить по пятам за распутным мальчишкой и, ни разу не заговорив, мешал тому вести свои делишки. В конце концов юнец взмолился: «Хэрефан! Я позволю тебе всё, чего только попросишь; только отвяжись». «Стану я с тобой разговаривать!» – ответил тот. «Зачем же ты преследуешь меня?» И Хэрефан:

«Внешность мне радует глаз, но натуру твою презираю».

[О том,] что так называемый *фолликул*¹¹⁶ (это некий род мяча) придумал для упражнений Помпея Великого преподаватель гимнастики неаполитанец Аттик. Игра же в мяч, называемая грабежом (άρπαστόν), прежде называлась *фенинда*¹¹⁷ (φαίνινδα). Мне она нравится больше всего.

26. Она требует значительных усилий в борьбе за мяч и весьма изнурительна: нередко играющие не на шутку выкручивают друг другу шеи и души. Так, у Антифана [Kock.Π.125]:

Ой-ой! Какая боль! Свернули шею мне!

Есть у Антифана и следующее описание игры в фенинду [Kock.Π.114]:

15

С веселым смехом он проворно мяч схватил,
Своим отдал, от этих ускользнул легко,
Того с пути отбросил, а того – поднял.
Все заревели: «Дальше! Рядом с ним! Закинь!
Над головою! Низом! Верхом! Подойди!
Отдай в борьбу!»

Называли ее фениндой или потому, что игроки бросали мяч (ῥφεσις), или же по имени изобретателя, которым, как утверждает Юба Мавретанец [FHG.Π.482], был преподаватель [гимназия] Фенестий. Это подтверждает и Антифан [Kock.Π.126]:

Играть в фенинду ты ходил к Фенестию.

Игроки в фенинду уделяли внимание и тому, чтобы двигаться красиво. Дамоксен, например, пишет [Kock.Π.353]:

b

Парнишка там играл; сейчас мне кажется,
Он был годков шестнадцати-семнадцати,
Кеосец, без сомненья: боги создали
Тот остров. Он разок взглянул на зрителей
И начал: получал ли мяч он, отдавал –
Все хором мы кричали: «Браво! Молодец!
Краса движений! Что за скромность! Мастерски!»
Что б он ни делал, что ни говорил, – друзья, –
Казался чудом красоты! Не слышал я
И не видал еще подобной прелести.
Меня б удар хватил, когда б чуть дольше там
Остался. Я и так немного сам не свой.

c

Охотно играл в мяч даже философ Ктесибий Халкидский, и многим из свиты царя Антигона¹¹⁸ приходилось раздеваться, чтобы играть с ним. Сведения об игре в мяч собрал в своем трактате Тимократ Лаконец.

27. Однако феаки у Гомера пляшут даже без мяча. И пляшут они в очередь, быстро сменяясь (именно это и означает τάρφε' ἀμειβομένοι [Од.VIII.379]); другие же стоят вокруг и отбивают такт, щелкая указательными пальцами, что и обозначено глаголом «стучать»¹¹⁹ (ἀρκεῖν). Известно поэту и исполнение танцев под аккомпанемент пения: например под пение Демодока пляшут «юноши во цвете лет» [Од.VIII.262]. И в «Изготовлении оружия» отрок играет на кифаре, а напротив него

d

пляшучи стройно

С пеньем, и с криком¹²⁰, и с топотом ног хороводом несутся [Ил.XVIII.572].

Здесь можно усмотреть намек на так называемую гипорхематическую пляску¹²¹, которая была очень популярна во времена Ксенодема и Пиндара. Этот вид пляски изображает различные действия, которые можно пересказать словами. Прекрасное описание одного из таких представлений, произошедшего на пире фракийца Севфа, дает в «Анабасисе» Ксенофонт [VI.1.5]: «После возлияния и пения пеана¹²² первыми выступили фракийцы и стали плясать с оружием в руках под звуки флейт, причем они высоко и легко подпрыгивали и махали при этом кинжалами. В конце концов, один из них поразил другого и всем показалось, что тот убит: он упал с большим искусством. Пафлагонцы¹²³ подняли крик. Победитель снял оружие с побежденного и удалился, распевая «ситалку»¹²⁴, а другие фракийцы¹²⁵ вынесли павшего за мертвого; на самом же деле он нисколько не пострадал. После этого выступили энианы и магнеты¹²⁶ и стали плясать так называемый карпейский вооруженный танец¹²⁷. Танец этот заключается в том, что один из пляшущих кладет около себя оружие и затем начинает сеять и пахать, все время оглядываясь, будто он чего-нибудь опасается. А между тем подкрадывается разбойник. Заметив его, первый хватается за оружие, идет ему навстречу и сражается с ним из-за волон. Они исполняли это в такт под звуки флейты. В конце концов разбойник связал пахаря и увел его вместе с волами; иногда же пахарь связывает разбойника, и в таком случае он впрягает последнего вместе с волами и погоняет его, связав ему руки на спине. Еще кто-то, – говорит он, – плясал персидский танец, ударяя щитами друг о друга, приседая и вновь поднимаясь, и всё это он выполнял в такт под звуки флейты. После, – говорит он, – выступили аркадяне в прекрасном вооружении; они шествовали в такт военного марша под звуки флейты, пели пеан и танцевали».

28. Гомеровским героям была знакома и игра на флейтах и сирингах¹²⁸. Агамемнон, например, внимал «звуку свирелей, цевниц» [Ил.X.13]. Однако на пиры они не допускаются за исключением одного упоминания о флейтах на свадебных торжествах в «Изготовлении оружия» [Ил.XVIII.495]. При этом флейта [у Гомера] – инструмент варварский: ведь именно среди троянцев поднимается «флейт и цевниц звук».

Возлияния совершали [герои] в завершение пира и посвящали их Гермесу, а не Зевсу-Вершителю¹²⁹, как в позднейшие времена, ибо Гермес считался покровителем сна¹³⁰. Ему же совершались возлияния, и когда по завершении трапезы [жертвенным животным] отсекались языки¹³¹ [Од.Ш.341], – они посвящались ему как богу красноречия.

Знает Гомер и разнообразие кушаний: говорится ведь у него и о «корзине со всякой едой» [Од.VI.76] и о «лакомствах, какие царям лишь, питомцам Зевеса, приличны» [Од.Ш.480]. Кажется, что он был знаком со всей роскошью нынешней жизни. Так, из жилищ смертных несомненно великолепнейшим является дворец Менелая. Гомер представляет пышность его убранства подобной великолепию жилища некоего иберийского правителя¹³², который, по словам Полибия, мог бы поспорить в роскоши с феака-

ми; у него одного посреди дома стояли серебряные и золотые чаши, наполненные ячменным вином¹³³ [XXXIV.9.15]. А при описании жилища Калипсо Гомер заставляет застыть в изумлении самого Гермеса.

Радостна и легка у Гомера и жизнь феаков: «любим обеды роскошные, пение, музыку, пляску» [Од.VIII.248] и далее ... [лакуна]... эти стихи¹³⁴ Эратосфен предлагает читать следующим образом:

Я же скажу, что великая нашему сердцу утеха
Видеть одно благомыслие (εὐφροσύνη) в людях и как беспорочно
(καχότητος ἀπούσης)

Сладко пируют в домах, песнопевцам внимая... –

под «беспорочно» разумея отсутствие бессмысленной глупости. Ибо невозможно феакам не иметь здравого смысла; ведь и Навсикая говорит, что «они очень любимы богами» [Од.VI.203].

29. И женихи [Пенелопы] у Гомера развлекались, «в шашки играя пред входом»¹³⁵ [Од.I.107]. Но не от знаменитого Диодора или Феодора, конечно, научились они искусству игры в шашки, и не от Леонта Митиленского, по происхождению афинянина, который, по свидетельству Фения [FHG.II.294], был непобедимым игроком. Апион Александрийский пишет, что слышал рассказ итакийца Ктесона о том, какова в действительности была игра, развлекавшая женихов. «Женихи, – пишет он, – которых было сто восемь человек, расставляли шашки числом, равным числу женихов, в два ряда напротив друг друга. Следовательно, в каждом ряду получалось по пятьдесят четыре шашки. Между двумя этими рядами оставалось небольшое пространство; на его середине клали одну шашку, которую они называли *Пенелопой*. Она представляла собой цель, в которую нужно было попасть другой шашкой. После этого они бросали жребий, и вытащивший его целил в Пенелопу. Если кто-то попадал и продвигал ее вперед, то ставил свою шашку на место, которое она занимала прежде и с которого была вытолкнута; затем, поставив Пенелопу на следующую позицию, он пытался попасть ею в свою шашку. Если это ему удавалось сделать, не задев ни одной чужой шашки, он выигрывал и получал большие шансы на хозяйку. И Эвримах, одержавший в этой игре более всего побед, с большой уверенностью надеялся на брак». От такого приволья руки женихов ослабели, и никто не смог справиться с луком [Одиссея]. Бездельничали даже их слуги.

Могучей силой обладает у Гомера и аромат благовоний – при их сотрясении в «медностенном Крониона доме» [Ил.XIV.173]

Вдруг до земли и до неба божественный дух разливался.

Знает Поэт и великолепно украшенные покрывала, подобные тем, что Арета велит постелить Одиссею [Од.VII.336]. Также и Нестор с гордостью говорит Телемаху, что имеет множество драгоценных покрывал [Од.III.351].

30. Однако некоторые из позднейших поэтов, изображая людей троянских времен, переносили на них испорченность и легкость нравов своего времени. Так, Эсхил где-то недостойно изображает пьяных эллинов¹³⁶, которые даже дерутся ночными посудинами. Он говорит [TGF². 59]:

Другой потешник, ловко запустив в меня
Урыльником, неблагоовонно пахнувшим,
Уметил прямо в темя мне без промаха,
Горшок разбился, черепки рассыпались,
И ароматы разнеслись не сладкие.

И Софокл в «Ахейской пирушке»¹³⁷ [TGF². 162]:

В сердцах вонючим запустил урыльником,
Уметил прямо в темя мне без промаха,
Горшок разбился вдрызг, и пах не мирром он.
Струхнул я не на шутку от зловония.

Эвполид же следующими словами высмеивает первого, назвавшего ночной горшок *амидой*¹³⁸ [Kock.I.350]:

А л к и в и а д. Спартанством сыт по горло я, купить сковороду бы!
В. многих жен, считай, уж перетрахал!
А л к и в и а д. А с утра кто ввел у вас попойки?
В. О да! Но ввел лишь потому что здесь зады глубоки.
А л к и в и а д. А кто за выпивкой сказал впервые: «Раб, амиду»?
В. Вот эта выдумка хитра, достойна Паламеда!

Однако у Гомера предводители войска пируют в шатре Агамемнона¹³⁹, соблюдая все правила приличия. И если в «Одиссее» упоминается о ссоре Ахилла и Одиссея¹⁴⁰, а Агамемнон [при этом] «веселится в душе», то их соперничество было полезно [для войска], ибо они спорили о том, хитростью или битвой следует брать Трою. Даже при изображении подвыпивших женихов никогда дело не доходит до непристойностей, подобных тем, что нагородили Софокл и Эсхил, но всё ограничивается воловьей ногой, запущенной в Одиссея¹⁴¹.

31. На своих совместных застольях герои никогда не возлегали, но восседали¹⁴². Согласно Дуриду [FHG.II.474], так делалось иногда и при дворе царя Александра. Во всяком случае, когда однажды он принимал около шести тысяч офицеров, то рассадил их на серебряных стульях и ложах, застеленных пурпурными плащами. Также и Гегесандр [FHG.IV.419] рассказывает, что в Македонии вообще никому не позволялось возлегать за столом, если только он не убил без сетей, одним копьем, дикого вепря. А до этого все должны были есть сидя. Поэтому и Кассандр, будучи уже тридцати пяти лет от роду, обедал за столом у отца сидя, ибо не смог совершить подобного подвига, хотя был и храбр, и охотник хороший¹⁴³.

Всегда обращая взоры к достойному, Гомер изображает героев, питающихся исключительно мясом, да и его приготавливающих самостоятельно.

Он хочет этим сказать, что не видит ничего смешного или унижительного в том, что они стряпают и жарят. Они ведь сами о себе заботились и гордились, как говорит Хрисипп, своей сноровкою. Одиссей, например, говорит, что может лучше любого другого «и мясо разделить и огонь разложить» [Од.XV.322]. И в сцене «Посольства»¹⁴⁴ Патрокл с Ахиллом все готовят [самостоятельно]. И когда Менелай справляет свадебный пир¹⁴⁵, вино разливает сам жених Мегапент. Мы же пали так низко, что лежим и за трапезой!

32. И общественные бани вошли в обиход совсем недавно¹⁴⁶ – сначала их даже не разрешали устраивать в черте города. На вредные последствия этой новинки указывает Антифан [Kock.II.118]:

К чертям все бани! Как меня отделали!
Сварился весь! Как будто кожа содрана,
Едва лишь только кто слегка притронется.
Да, кипятки горячий – штука страшная!

И Гермипп [Kock.I.248]:

Не пьянствуют, конечно, люди добрые,
Как ты, в воде горячей не купаются!

И такая нынче поднялась суматоха вокруг изготовления гастрономических деликатесов и изысканной косметики, что, как говорит Алексид [Kock.II.408], человек недоволен, «даже если окунется в бассейн, наполненный благовониями». Вовсю процветают кондитеры и изобретатели постельных поощрений: дело уже дошло до губчатых прокладок, – это, видите ли, учащает сношения! Феофраст [ИР. IX.18.9] описывает некие снадобья, позволяющие совокупляться по семьдесят раз подряд, так что в конце концов вместо семени начинает течь кровь. А Филарх [FHG.I.344] рассказывает, что среди подарков, посланных Селевку индийским царем Чандрагуптой, были возбуждающие средства такой силы, что даже когда их только подкладывали под ноги занимающихся любовью, одним они придавали прямо-таки птичий пыл, других же совершенно обессиливали. Музыка наша испорчена до крайности, а в щегольстве одежды и обуви дальше идти просто некуда.

33. Гомер же, будучи прекрасно осведомлен о природе благовоний, нигде не выводит героев, умащенных маслами, кроме одного лишь Париса, о котором говорится: «светел красой» [Ил.III.392]; также и Афродита «красою лицо ей умыла» [Од.XVIII.192]. Мало того, никто у него не украшается даже венком, хотя употребляя это слово в метафорическом смысле¹⁴⁷, поэт показывает, что венки ему были хорошо знакомы. Вот ведь он пишет [Од.X.195]:

Остров, безбрежною бездной морской, как венцом, окруженный.

И [Ил.XIII.736]:

Словно венцом ты объят отовсюду сраженьем.

Следует отметить, что если в «Одиссее» поэт описывает омовение рук перед приемом пищи, то в «Илиаде» такое отыскать невозможно. В «Одиссее» ведь изображается досуговая мирная жизнь – поэтому люди там ухаживают за телом при помощи мытья и умащений, играют в кости, танцуют, играют в мяч. И Геродот [I.94] ошибочно утверждает, будто игры были изобретены в правление Атиса из-за голода, – ибо героический век гораздо старше. Люди же, принадлежащие обществу «Илиады», могут только восклицать вместе с Пиндаром:

Услышь, о богиня Боевого клича, дочь Войны,
Приступ к пению копий.

34. [О том,] что за мастерскую игру в мяч афиняне даровали гражданство и почтили статуей любимца Александра каристийца¹⁴⁸ Аристоники. Ибо эллины в поздние времена ставили ремесленные искусства намного выше произведений благородной образованности. Так, например, гестейцы и ореоты установили в театре медную статую Феодора, проделывавшего фокусы с игральными камешками¹⁴⁹; он так и стоял с камешком в руке. То же самое сделали милетцы¹⁵⁰ для кифариста Архелая. В Фивах же статуи Пиндара нет, зато есть памятник певцу Клеону¹⁵¹ с высеченной надписью:

Сын Пифея Клеон здесь лежит, голосистый фиванец.
Смертный другой ни один столько венков не стяжал,
Громкая слава его порога небес достигает.
Фивы родные, Клеон, ты возвеличил. Прощай!

Полемон пишет, что когда Александр сносил Фивы до основания...¹⁵² один из беженцев спрятал в полость, укрытую плащом этой статуи, свое золото, когда же город был отстроен¹⁵³, то он вернулся и нашел его на том же самом месте тридцать лет спустя. Гегесандр рассказывает [FHG.IV.416], что наибольшим уважением при дворе царя Антиоха пользовались декламатор мимов Геродот и танцовщик Архелай. Отец же этого царя¹⁵⁴, тоже Антиох, принял сыновей флейтиста Сострата в свои телохранители.

35. И эллины и римляне восхищались александрийским шутом¹⁵⁵ Матреем, который распространял слух, что держит некоего зверя, который сам себя поедает. Даже в наши дни еще продолжают обсуждать, кто же такой Матреев зверь. Пародируя Аристотеля, он сочинял так называемые «Проблемы»¹⁵⁶, которые читал на публике: «Почему солнце заходит, но не захаживает?» или «Почему губки напитываются, но не напиваются?» или «Почему тетрадрахму можно спустить, но науськать никак нельзя?» Афиняне же предоставили Пофину, выступавшему с куклами-марионетками¹⁵⁷, сцену¹⁵⁸, на которой когда-то Еврипид приводил в восторг современников. Мало того, они водрузили в этом театре статую Эвриклида, поставив ее в одном ряду с изображениями Эсхила и его соперников. Восхищались также фокусником Ксенофонтом¹⁵⁹, оставившем после себя ученика Кратисфена из Флиунта. Тот самопроизвольно изрыгал огонь и вла-

дел множеством других трюков, от которых народ сходил с ума. Подобным мастерством обладал и Нимфодор, который, как пишет Дурид [FHG.II.480], поссорившись с жителями Регия, первым высмеял их за трусость¹⁶⁰. Согласно Аристоксену [FHG.II.284], большой известностью пользовался и шут Эвдик, представлявший пародии на борцовские схватки и кулачные бои. Тот же автор рассказывает, что тарантинец Стратон прославился пародированием дифирамбов, италиец Энон с учениками пародировал лирных певцов¹⁶¹, Киклоп у него заливался соловьем, а Одиссей, 20 терпя кораблекрушение, от страха путал слова и бормотал, как чужеземец¹⁶². Диопиф Локрийский, по рассказу Фанодема [FHG.I.369], появился однажды в Фивах, спрятав под поясом пузыри, наполненные вином и мо-
локом; давя на них исподтишка, он уверял, что извергает всё это изо рта. Подобным же фокусом прославился и мимический актер¹⁶³ Ноэмон. Были знаменитые фокусники и при дворе Александра – тарантинец Скимн, сиракузянин Филистид, Гераклит из Митилены. Из шутов наиболее выдающимися были Кефисодор и Панталеон, Ксенофонт упоминает еще о шуте Филиппе¹⁶⁴. b

36. ОПРЕДЕЛЕНИЕ¹⁶⁵. Афиней называет жителей Рима «народом вселенной» и говорит, что без ошибки можно было бы назвать Рим выжимкой вселенной¹⁶⁶. Действительно, глядя на Рим, можно одним взором окинуть все города мира, как бы разместившиеся в нем. Многие из них легко узнать по особым приметам: «золотую Александрию», «прекрасную Антиохию», «великолепную Никомедию», не говоря уже о [Kock.III.407]

Граде, самом блестящем из всех, созданных Зевесом, –

разумеется, об Афинах. Мне дня не достало бы, возмись я перечислять все города в небесном граде римлян, – не хватило бы и всего календаря – настолько Рим многолик! И целые народы поселились в нем, собравшись в одно место, – не говоря о многих прочих, назову каппадокийцев, скифов, понтийцев. c

«И все они, как единый народ вселенной, – говорит Афиней, – называли Мемфисом современного философа-танцора¹⁶⁷, причудливо уподобив движения его тела древнейшему и царственнейшему из городов мира, о котором Вакхилид говорит:

Мемфис, для бурь недоступный, и Нил тростниковый... d

Этот Мемфис разъясняет всю философию Пифагора, какова она есть, не произнося ни слова, и представляет нам его учение яснее, чем те, кто всю жизнь занимаются словесным искусством».

37. Первым, кто ввел этот так называемый «трагический танец»¹⁶⁸ в стиле Мемфиса, был александриец Бафилл: он, как утверждает Селевк, «танцевал по правилам»¹⁶⁹. Аристоник рассказывает, что этот самый Бафилл, наряду с Пиладом, написавшем о танцах целый трактат, развил ита-
лийский стиль танца, взяв за основу театральные пляски: из комедий – e
кордак, из трагедий – эмелию, а из сатирических драм – так называемую си-

кинниду¹⁷⁰ (от нее и сатиры называются сикиннистами), чьим изобретателем был какой-то варвар Сикинн. Другие авторы, однако, считают Сикинна критянином. Танец Пилада в торжественно-патетической форме выражал самые разнообразные характеры, тогда как бафиллов был гораздо живее: он изобрел ведь еще и какую-то *гипорхему*¹⁷¹.

f Сам Софокл не только был красив смолоду, но еще и в детстве под руководством Лампра¹⁷² стал искусен в танцах и музыке. Так, после морского сражения при Саламине¹⁷³, он, намазавшись маслом, обнаженным (а другие говорят, в плаще) плясал под кифару вокруг воздвигнутого трофея. При постановке «Фамира», Софокл сам играл на кифаре, а при постановке «Навсикаи»¹⁷⁴ сам отлично играл в мяч. Даже мудрый Сократ обожал Мемфисову пляску, и, как говорит Ксенофонт [«Пир».2.19], его часто заставляли танцующим. Друзьям он говаривал, что пляска – это гимнастика
21 для всех членов тела. Действительно, слово *пляска* иногда употребляется¹⁷⁵ для обозначения любого движения или просто волнения. Поэтому и Анакреон говорит:

Дивноволосые дочери Зевеса легкой стопою плясали.

Также Ион [TGF². 742]:

От неожиданности сердце заплясало.

38. Гермипп же рассказывает, что Феофраст имел обыкновение яв-
ляться в Перипат¹⁷⁶ точно в назначенный час, блистая маслом и тща-
b тельно одевшись; затем он усаживался и начинал лекцию, сопровождая ее все-
ми надобными движениями лица и тела: когда, например, он однажды изоб-
ражал лакомку, то высунул язык и облизнулся.

Древние вообще придавали умению одеваться большое значение, а кто не умел, те подвергались едким насмешкам. Платон пишет в «Теэтете» [175e]: «он всё это умеет исполнять точно и проворно, зато не знает, как изящно перебросить через правое плечо плащ или в лад речам достойно воспеть счастливую жизнь богов и людей». Сапфо высмеивает Андромеду

c
И какая тебя
так увлекла,
в кожу одетая,
Деревенщина?...
Не умеет она
платья обвить
около щиколки.

Также Филетер [Kock.Π.235]:

Прикрой лодыжки! Опусти же плащ, чудак!
Колен не оголяй, как деревенщина.

Гермипп [FHG.III.51] пишет, что хиосец Феокрыт бранил Анаксимена за безвкусную манеру одеваться. И ученик Аристофана Каллистрат укорял в

своей книге Аристарха за неряшливость в одежде, ибо в этом видна культура человека. Поэтому и Алексид пишет [Kock.II.303]:

Поверь мне, человека некультурного
 Походка выдаст – лишь пройдет по улице.
 Ведь не мешают нам ходить с достоинством,
 На это нет налога, не приходится,
 Кому-то уплатив, с других взимать его.
 Приносит нам походка величавая
 И честь и славу, услаждает зрителей,
 И украшает жизнь. Из здравомыслящих
 Кто б отказался от подобной почести?

d

39. И Эсхил не только привнес в сценические костюмы величавость и благопристойность, которой добиваются в своих нарядах иерофанты и факелоносцы¹⁷⁷, но и придумывал множество танцевальных фигур, самолично обучая им свои хоры. Хамелеонт, например, пишет, что Эсхил первым, без помощи постановщика танцев, научил свой хор нужным фигурам; более того, он сам сочинял эти фигуры и полностью брал на себя руководство постановкою. Кажется, он даже играл в собственных пьесах. Так, Аристофан (именно у комиков можно найти достоверные свидетельства о сочинителях трагедий) представляет самого Эсхила, утверждающего, что [Kock.I.558]:

e

Хорам разрабатывал сам я фигуры.

А также:

Фригийцев его знаю, видел и даже запомнил,
 Как носились они и туда, и сюда, выкупая Приамова сына
 Убиенного, много диковинных поз принимали и так, и вот эдак.

f

Много танцевальных фигур придумал и преподаватель танцев Телес, или Телест, искусно пояснявший движениями рук то, что говорилось. Филлид, музыкант с Делоса¹⁷⁸, говорит [FHG.IV.476], что в древности кифареды чрезвычайно скупно пользовались мимикой, но много расхаживали и даже приплясывали. Поэтому неудивительно что, согласно Аристоклу [FHG.IV.332], Эсхилев танцор Телест обладал таким танцевальным искусством, что при постановке трагедии «Семеро против Фив» телодвижениями объяснял события, происходившие на сцене. Говорят также, что авторов Древней комедии – Феспида, Пратина, Кратина и Фриниха – называли плясунами, потому что они не только в своих пьесах отводили большую роль хоровым пляскам, но и частным порядком обучали танцам всех желающих.

22

По свидетельству Хамелеонта, Эсхил сочинял свои трагедии, вдохновляясь вином. Недаром Софокл отзывался о нем: «Если он и сочиняет как следует, то бессознательно¹⁷⁹ (οὐκ εἰδώς)».

b

40. Из народных же танцев известны следующие¹⁸⁰: лаконские, трезенские, эпизефирские, критские, ионийские, мантинейские. Последние Ари-

стоксен [FHG.Π.284] выделял за особенные движения рук. Пляска была настолько изощренна (σοφός) и почитаема, что Пиндар даже Аполлона называет плясуном [fr.148]:

Аполлон с широким колчаном,
Пляшущий владыка великолепей...

И Гомер или кто-то из гомеровидов¹⁸¹ говорит в гимне Аполлону [514сл.]:

А Феб-Аполлон на кифаре играет,
Дивно, высоко шагая.

А критянин Эвмел или Арктин где-то выводит пляшущим самого Зевса:

Посередине плясал отец бессмертных и смертных.

Феофраст же пишет, что Андрон, флейтист из Катаны¹⁸², стал первым сопровождать ритмическими движениями игру на флейте, – поэтому древние вместо «танцевать» говорили «сицилийствовать» (σικελλίζειν). После него [это делал] фиванец Клеолан. Прославленными танцовщиками были выступавший в пьесах Кратина и Каллия Больб и критянин Зенон, бывший, по свидетельству Ктесия, любимцем Артаксеркса. Кроме того, Александр в письме к Филоксену упоминает Феодора и Хрисиппа.

41. [О том,] что силлограф¹⁸³ Тимон, издеваясь над кормившимися в Мусее философами¹⁸⁴, где-то называет его плетеной корзиной, полной птиц: они де откармливаются там, подобно редким птицам в вольере:

Много теперь развелось в краю многолюдном Египта
Книжных ученых тычин, грызутся они беспрестанно
В птичьей корзинке Мусея.

.....185

...пока не прекратится словесный понос у наших застольных горе-ораторов, которые, как мне кажется, из-за постоянного зуда в языке позабыли даже пифийский оракул¹⁸⁶, записанный Хамелеонтом:

Двадцать дней до того, как взойдет Пес¹⁸⁷, и столько же после
Делай врачом для себя Диониса в жилище прохладном.

И афинянин Мнесифей рассказывает, что пифийский оракул предписал Афинам почитать Диониса-целителя¹⁸⁸. Алкей же, митиленский поэт¹⁸⁹, говорит:

Легкие сохнут¹⁹⁰, друзья, –
Дайте вина!
Звездный ярится Пес¹⁹¹.
Пекла летнего жар
Тяжек и лют;
Жаждет, горит земля.

И в другом месте [ср. 430b-d]:

Давайте пить! Ведь звездный восходит Пес.

Эвполид утверждает, что Протагор принуждал Каллия пить, [Kock. I. 297],

Чтоб легкие смочить перед восходом Пса.

У нас же не только легкие ссохлись, но боюсь, как бы и сердца наши не поразила сухость. Ведь и Антифан говорит [Kock. II. 112]:

– Что значит жить, скажи мне?

– Пить, отвечу я.

Ты знаешь, сколь растет зимой вдоль быстрых рек¹⁹²

Деревьев, днем и ночью увлажняемых (βρέχεται)?

Растут они красивые, высокие!

А те, кто в сухости живут, упорствуют,

Те от безводья гибнут все безвременно.

23

После того как они поговорили таким манером о звезде-Псе, – говорит Афиней, – им принесли питье.

Действительно, вместо *пить* часто говорят *увлажняться* (βρέχειν). Например, у Антифана [Kock. II. 126]:

Потребно увлажняться (βρέχειν), коль обжорствуешь.

Эвбул [Kock. II. 209]:

– Я, Сикон,

Явился из-под фляги, весь промоченный.

– Ты пьян, скотина?

– Точно так!

Мендейский Зевс свидетель.

b

42. [О том,] что глагол «откидываться» (ἀναπίπτειν)¹⁹³ обычно относят к сфере душевных переживаний в значении «падать духом», «изнемогать». Например, Фукидид в первой книге «Истории» [I. 70]: «...терпя поражение, [афиняне] менее всего падают духом». Однако Кратин использует этот глагол, говоря о гребцах [Kock. I. 131]: «Откидывайся и плечи!» И Ксенофонт в «Домострое» [8.8]: «А почему не беспокоят друг друга гребцы? Разве не потому, что они в порядке сидят, в порядке наклоняются вперед, в порядке откидываются назад?» А «воздвигаться» (ἀναδείσθαι) мы говорим только о статуях. Поэтому смеются над теми, кто чопорно употребляет это выражение в значении «возлежать за столом». Например, один из персонажей Дифила говорит [Kock. II. 577]:

c

Я тут возлег маленько (ἀνεχεῖμην).

На что его товарищ, задетый этим выражением, отвечает:

Воздвигайся (ἀναδείσο) же!

Также персонаж Филиппида [Kock. III. 310]:

И за трапезой

Всегда к нему при-воз-двигался.

И далее следует:

Он что ли монументы угощал?

Выражения «укладываться» (κατακλίσθαι)¹⁹⁴ и «прилечь» (κατακλίσθαι) употребляются как синонимы; примеры можно найти в «Пирах» Ксенофонта и Платона. Также у Алексида [Kock.II.399]:

d

Прилечь (κατακλίσθαι) до трапезы – сплошное бедствие!
Тут ни соснуть никак нельзя, конечно же,
Ни, коли скажут, разуместь хоть что-нибудь –
Ведь мысли-то вокруг стола все вертятся.

Однако изредка можно встретить употребление в этом значении и выражения «возлечь» (ἀνακλίσθαι). Например, у Софокла так выражается восплававший страстью к Гераклу сатир [TGF². 295]:

О если б мог к нему, когда приляжет он (ἀνακλινέω),
На шею прямо прыгнуть я!

У Аристотеля в «Тирренской Политии»¹⁹⁵: «Тиррены принимают трапезу, возлежа (ἀνακλινέοι) под одним гиматием с женщиной». Но у Феопомпа [Kock.I.750]:

e

За выпивку взялись мы после этого...
В триклинии улегшись (κατακλινέοι), Теламоновы
Мы в очередь вопили песнопения.

Также у Филонида [Kock.I.256]:

Я здесь прилег (κατάκλιναι) давным-давно, как видите.

А Еврипид в «Киклопе» [пользуется следующим выражением] [410]:

Валится (ἀνέτεσε) навзничь, дух
Тяжелый из гортани испуская.

Также Алексид [Kock.II.402]:

После этого
Ей повелел я повалиться (ἀνατεσεῖν) рядышком.

f

24

43. [О том,] что выражение «вкушать» (πάσασθαι)¹⁹⁶ употребляется в смысле «отведать, попробовать» (ἀπογεύσασθαι). Так, например, Феникс рассказывает Ахиллу [Ил.IX.486]: «ничего не вкушал ты (πάσασθαι)». И в другом месте [Од.III.9]: «сладкой вкусивши утробы (ἐλάσασθαι)». И это оправданно: утробы ведь можно было только попробовать, ибо ее было слишком мало для такой толпы. И Приам говорит Ахиллу [Ил.XXIV.641]: «ныне лишь яствы вкусил (πάσασθαι)», ибо в таком великом несчастье человек может лишь слегка прикоснуться к пище, наесться же досыта ему мешает печаль. Поэтому и о человеке, полностью воздержавшемся от пищи, сказано: «ни еды, ни питья не вкушавши (ἄλαστος)» [Од.IV.788]. О тех же, кто наедается досыта, поэт никогда не говорит «вкушать» (πάσασθαι),

а прямо обозначает сытость: «пищей насытив себя» [Од.VI.99] или «го-лод свой утолили» [Од.IV.68]. Однако позднейшие поэты употребляют выражение «вкушать» (πάσασθαι) и в смысле «насыщаться»¹⁹⁷. Например, Каллимах:

Рассказом я охотно бы насытился (πάσαμην).

b

И Эратосфен:

Дичи добытой куски, зажарив на углях, съели (ἐπάσαντο).

44. «Притерлись, как доска к доске»¹⁹⁸, как выразился фиванский лирик [Пиндар].

ЕЩЕ ОБ ОБРАЗЕ ЖИЗНИ ГОМЕРОВСКИХ ГЕРОЕВ

[О том,] что Селевк предположил, что гомеровское выражение «пир изобильный» (δαῖτα θάλασιον)¹⁹⁹ получено перестановкой букв из слова «образ жизни» (δαῖταν), возведение же его к глаголу «поделить» (δαίσασθαι) [он считал] слишком надуманным.

[О том,] что Каристий Пергамский [FHG.IV.359] рассказывает, что керкирские женщины еще и в наши дни²⁰⁰ поют за игрой в мяч. У Гомера также играют в мяч не только мужи, но и жены. Упражняются они и в бросании дисков и дротиков, не увлекаясь, однако, этим чрезмерно [Од.IV.626]:

...бросаньем

Дисков и дротиков острых себя забавляли, –

c

то есть лишь до тех пор, пока удовольствие перевешивало утомление. Юноши еще и охотятся на самых различных зверей²⁰¹, чтобы приучать себя к опасностям войны; от этого они становятся крепки и здоровы [Ил.XII.43]:

Ловчие, друг возле друга, сомкнувшись твердой стеною,
Зверю противостоят и тучами острые копья
Мечут из рук.

Были они знакомы и с различными омовениями, чтобы восстанавливать силы после трудов: усталость они снимали купаниями в море, которое полезно жилам, мышцы же расслабляли в [теплых] ваннах; после этого они обильно умащались, чтобы высыхающая вода не стягивала кожу. Например, воины, возвратившиеся из ночного дозора [Ил.X.572],

d

...погрузившись в волны морские,
Пот и прах смывали на голених, вые и бедрах,

и после этого

Оба еще омывались в красивоотесанных ваннах.
Так омывшись они, умащенные светлым елеем,
Сели с друзьями за пир.

Существует и другое [более простое] средство снятия усталости – обливание головы горячей водой [Од.Х.362]:

Стала сама плеча орошать мне и голову теплой
Влагой.

е Что же касается омовения в ваннах, то вода, отовсюду обволакивая поры тела, препятствуют потоотделению, как это происходит, если в воду опускают цедилку, – поры ее замыкаются и ничего не пропускают, пока ее не поднимут и не дадут остывшим порам выпустить содержимое наружу. Такое объяснение в своих «Физических проблемах» давал Аристотель [fr.236], изучая вопрос: почему, когда вспотевшие погружаются в теплую или холодную воду, то потение прекращается до тех пор, пока они не выйдут из ванны.

f 45. Подносили героям на пирах и овощи. О том, что они были знакомы с огородничеством, ясно из следующих слов [Од.VII.127]:

Саду границей служили красивые гряды.

Мало того, они хрустели даже едкими луковицами [Ил.XI.630]:

...с луком, в прикуску напитка.

25 Гомер рисует их также возделывающими фруктовые деревья [Од.VII.120]:

...зарождая одни, наливая другие:

Грушу за грушей, смокву за смоквой.

Поэтому Гомер и называет плодоносные деревья прекрасными [Од.VII.114]:

Много дерев плодоносных, прекрасных, широковершинных,
Яблонь, и груш, и гранат.

Деревья же, дающие хорошие доски и бревна, Гомер называет высокими, подчеркивая этим эпитетом их назначение [Од.V.238]:

...множество там находилось

Тополей черных, и ольх, и высоких, дооблачных сосен.

Кстати, возделывание фруктовых деревьев было известно еще задолго до времен троянской войны. Например, Тантал даже после смерти не освободился от любви к их плодам: божество назначило ему кару в виде качавшихся перед самым лицом плодоносных ветвей (так подгоняют тупую скотину, подвесив перед ней свежую ветку), и всякий раз, когда он был уже готов схватить их, божество не давало ему насладиться. И Одиссей напоминает Лаэрту, как тот дал ему, еще мальчику, тринадцать груш [Од.XXIV.340]:

Дал ты тринадцать мне груш... и т.д.

46. А то, что древние питались и рыбой, ясно из слов Сарпедона [Ил.V.487], который сравнивает пленение с попаданием в сеть. Эвбул, прав-

да, говорит об этом не без комикования [Коск.П.207]:

с

Кто из ахейцев у Гомера рыбу ест?
У них и мясо было только жареным:
И ни один не пробовал варить его.
Никто из них не тешился с подругами:
Друг дружку мяли десять лет без устали
В такой войне, что хуже не придумаешь.
Один лишь город взяли и ушли с дырой
В зад у пошире тех проломов в крепости.

И воздух герои не оставляли птицам, но ставили силки и сети на дроздов и диких голубей, а также упражнялись в стрельбе по ним: привязывали голубку к вершине корабельной мачты и стреляли в нее издали, – как это рассказано в «Играх по Патроклу»²⁰². Если же поэт умалчивает о питании героев овощами, рыбой и птицей, то лишь потому, что всё это похоже на чревоугодие, к тому же ему было бы неудобно изображать их за приготовлением подобных вещей к столу, ибо он считал это ниже достоинства богов и героев. А что они не пренебрегали варкой мяса²⁰³, говорят следующие стихи [Ил.ХХI.362]:

d

Словно клокочет котел...
... вепря огромного тук растопляя блестящий.

Свидетельствует об этом и пущенная в Одиссея воловья нога²⁰⁴: ибо воловьих ног не жарит никто. Также и стих «мяса различного крайчий принос»²⁰⁵ свидетельствует не только о том, что на выбор предлагалось мясо различных животных, – птица, свинина, козлятина, говядина, – но и о роскоши тогдашней кулинарии, не однообразной, но изощренной.

e

Отсюда и возникли сицилийская и сибаритская кухни, а уже в наши дни хиосская²⁰⁶. Ибо подтверждений хиосской кулинарной фантазии можно найти не меньше, чем первым двум. Тимокл пишет [Коск.П.466]:

f

Хиосцы ведь придумали
Неподражаемые лакомства.

Спят с женщинами у Гомера²⁰⁷ не только молодые, но и старики Феникс и Нестор. Нет наложницы только у Менелая, ибо весь поход был предпринят ради возвращения его законной супруги.

[О ВИНАХ]

47. Пиндар восхваляет [Ол.9.48]

Старое вино и цветы новых песен.

Эвбул же пишет [Коск.П.209]:

Не странно ли – всегда в чести у девушек
Вино постарше, а мужчина свеженький?

- 26 Те же стихи можно найти у Алексида [Kock.II.400]; у него только вместо «всегда в чести» поставлено «в большой чести». Старое вино, действительно, не только приятнее на вкус, но и гораздо полезнее для здоровья. Ибо оно лучше помогает усвоению пищи, а будучи составленным из более тонких частиц²⁰⁸, быстрее выводится из организма; кроме того, оно взбадривает тело, улучшает состав крови, благотворно для кровотока, а также улучшает сон. Гомер хвалит вино²⁰⁹, которое допускает значительное разбавление водой, как, например, вино Марона; а много воды нужно именно старому вину, так как с годами оно становится крепче. Некоторые даже толкуют бегство Диониса в море²¹⁰, как свидетельство давнего знакомства [древних] с виноделием, – ибо вино действительно приобретает приятный вкус после разбавления его морской водой. Хвалит Гомер также темное вино и часто называет его *багряным*²¹¹ (αἶθροψ). Оно очень крепкое, и действие его – долгое. Феопомп пишет²¹² [FHG.I.328], что темное вино впервые появилось у хиосцев, потому что заселение этого острова возглавлял сын Диониса Энопион; от него-то они первыми и научились разводить виноградную лозу и ухаживать за ней, а затем передали искусство виноделия остальным племенам. Белое вино – слабое и нежное, а желтое из-за своей сухости легко усваивается.

48. Об итальянских винах²¹³ участник этой ученой компании Г а л е н рассказывает следующее: «Фалернское вино приобретает приятный вкус после десяти лет выдержки и сохраняет его до пятнадцати или двадцати лет; превысившее этот срок вызывает головные боли и угнетающе действует на телесное напряжение. Существует два его сорта: сухой и сладковатый. Последний приобретает свои особенности, когда во время сбора винограда дует южный ветер, в результате вино получается более темным. Сбор в безветренную погоду дает сухое вино желтого цвета. Два сорта имеет также альбанское вино: сладковатый и кислый; оба приобретают наилучший вкус после пятнадцатилетней выдержки. Соррентинское же вино начинает приобретать приятный вкус только после двадцати пяти лет выдержки: из-за бедности жиром и очень грубого осадка оно едва созревает даже за этот срок; впрочем и после этого оно по вкусу только для привыкших к нему. Регийское вино, более жирное, чем соррентинское, становится годным уже после пятнадцатилетней выдержки. Такая же выдержка нужна и привернскому, которое суше регийского и совершенно не ударяет в голову. Очень похоже формианское, однако оно жирнее его и очень быстро созревает. Трифолийское созревает медленнее и содержит еще больше осадка, чем соррентинское. Статан принадлежит к числу лучших вин, он похож на фалернское, но легче его и не ударяет в голову. Тибуртинское вино очень жидкое, быстро выдыхается; созревает оно после десяти лет выдержки, но после этого срока становится еще лучше. Лабиканское сладко и жирно на вкус; оно занимает место между фалернским и альбанским. Пить его начинают после десяти лет выдержки. Редко встречающееся гавранское вино превосходно; при этом оно очень терпкое и густое, будучи жирнее пренестинского и тибуртинского.

Марсикское очень слабое и легко усваивается. В Кампании, поблизости от Кум, получают так называемое ульбанское; оно легко и пригодно к употреблению уже после пяти лет выдержки. Анконское вино очень неплохое, жирное... [лакуна]... Буксентинское кисловатостью похоже на альбанское, оно обладает большой энергией и легко усваивается. Велитернское вино на вкус сладкое, но обладает характерной особенностью: кажется, что к нему подмешан какой-то другой сорт вина. Каленское вино легкое и усваивается лучше фалернского. Цекубское вино тоже благородно, однако слишком сильное и крепкое; его созревание требует многолетней выдержки. Фунданское крепкое, питательное, но ударяет в голову и вредит желудку – поэтому его редко пьют на пирах. Самое же легкое – сабинское, его пьют, выдерживая от семи до пятнадцати лет. Сигнийское же хорошо после шести лет, однако от многолетней выдержки оно становится гораздо лучше. Номентанское созревает быстро, и пригодно для питья уже после пяти лет; оно ни слишком сладкое, ни слишком сухое. Сполетинское вино... на вкус сладкое и имеет золотистый цвет. Экванское во многих отношениях близко к соррентинскому. Баринское слишком слабое, и оно постоянно совершенствуется. Благородно также кавкинское, оно близко к фалернскому. Венефран хорошо усваивается и легко. Неаполитанский тревиллик имеет умеренную крепость, легко усваивается и обладает тонким букетом. Цвет эрбуланского сначала темен, однако через несколько лет становится белым; оно легко и изысканно. Хорошее вино также из Массалии, но его очень немного; оно густое и от него можно расползаться. Тарентинское, как и все вина этих широт, мягкое, не ударяет в голову, некрепкое, имеет сладкий вкус и легко усваивается. Мамертинское вино изготавливают за пределами Италии, в Сицилии; там оно называется иоталинским. Оно сладкое, легкое, имеет хорошую крепость».

[О том,] что, как рассказывает Харет Митиленский, индусы почитают божество по имени Сороадей²¹⁴; по-эллински это значит податель вина.

49. [О том,] что у Антифана в какой-то комедии есть прелестное перечисление того, какие города чем славятся [Kock.II.115]:

Элидский повар, из Аргоса – тазики,
 Флиунтское вино, ковры коринфские,
 Эгинские флейтистки, сикионская²¹⁵
 Рыбешка,
 Сыр – из Сицилии, а мирра – из Афин,
 Но всех прекрасней угри беотийские.

Гермипп делает это так²¹⁶ [Kock.I.243]:

– Ныне поведайте, Музы, живущие в сенях Олимпа [Ил.II.485],
 Сколько и грузов каких, решив промышлять судоходством,
 В город привез Дионис по винно-цветному морю.
 Сильфия стебли, да шкуры быков он везет из Кирены;
 Скумбрию из Геллеспонта, за ней солонины раздолье;
 От фессалийцев – крупу на кашу, да ребра воловьи;
 – Да от Ситалка везет чесотку для Лакедемона;

- f Да от Пердикки вранья на много эскадр корабельных.
 – Из Сиракуз доставляет свиней и сыр сицилийский.
 – Подлым керкирцам – позор, пускай Посейдон их погубит
 Прямо на их кораблях пустозвонных, за ум двоедушный.
 – Всё это местный товар. Зато паруса подвесные
 Или папирус – везет Египет, шлет Сирия ладан,
 Крит же прекрасный везет богам стволы кипариса,
 Ливия шлет на продажу обилие кости слоновой,
 Родос – изюму и фиг, что сладостный сон навевают,
 Груши Эвбея везет, да тучных овец и баранов,
 Фригия – взятых в сраженьи, Аркадия – ищущих боя.
 – Толпы рабов и бродяг клейменных привозят Пагасы.
 – А на закуску миндаль блестящий и желуди Зевса
 Нам пафлагонцы везут, – «ведь пиру они украшеньё».
 28 Финики шлет Финикия, мучицу для булок отборных.
 – Для лежебок – Карфаген ковры, да подушки цветные.

50. И Пиндар в пифийской оде, посвященной Гиерону²¹⁷ [fr.106]:

- ...От Тайгета – лаконский пес,
 Первый гончий густошерстного зверя;
 От скиросских коз
 Самое лучшее доится молоко;
 Оружье – в Аргосе,
 Колесницы – в Фивах,
 b А в Сицилии, сияющей плодами,
 Быть повозкам, сработанным искусной рукою...

Критий дает свое перечисление²¹⁸:

- Коттаб²¹⁹ – земли сицилийской товар превосходной работы,
 Ставим его мы как цель для виннокапельных стрельб.
 Следом возок сицилийский, красотой и расходом он первый.

 Стул – фессалийский, роскошней для членов седалища нету.
 Славу стяжал красотой спального ложа Милет,
 Хиос прославился с ним, приморский град Энопиона.
 Дар Тиррении нам – златочеканный фиал,
 c Также вся бронза, что красит жилища у нас каждодневно.
 Финикияне нашли буквы²²⁰ – хранилище слов.
 Соединили повозку с кузовом первыми Фивы,
 Морем карийцы владеть стали²²¹ в ладьях грузовых.
 Круг же гончарный и плод земли и печей раскаленных, –
 Глиняный славный сосуд, необходимый в доме, –
 Та, что воздвигла прекрасный трофей Марафону²²², открыла.

- Аттическая керамика действительно ценится очень высоко. Однако Эв-
 d бул [Kock.Π.211] говорит: «Горшки из Книда, сицилийские миски, мегар-

ские бочонки». Антифан же [Kock.Π.171]:

Вот кипрская горчица, соус из вьюнков,
Милетский кардамон, самофракийский лук,
Капуста кормовая карфагенская,
И сильфий, и душица тенедосская,
И тмин гиметтский.

51. [О том,] что персидский царь пил только халибонийское²²³ вино, которое согласно Посидонию [FHG.III.276], стали производить также в сирийском Дамаске, после того как персы разбили там виноградники. Более того, Агафархид пишет [FHG.III.194], что на Иссе²²⁴, острове в Адриатическом море, делают вино, превосходящее вкусом все остальные. О хиосском и фасосском винах²²⁵ упоминает Эпилик [Kock.I.804]: «Хиосское и фасосское процеженное». И Антидот [Kock.Π.411]:

Плесни фасосского ...
Какая бы мне сердце ни тревожила
Забота, выпью – всякий раз рассеется;
Как будто сам его Асклепий²²⁶ оросил.

Вино лесбосское,
Его, я мыслю, приготовил сам Марон²²⁷, –

говорит Клеарх [Kock.Π.410].

Питья лесбосского,
Вина другого слаще нет, –

говорит Алексид [Kock.Π.398; ср.47d] и продолжает:

Остаток дня винцом
Фасосским и лесбосским поливает он,
Да сладости грызет.

Он же [Kock.Π.398]:

Освободил любезно Вакх от податей
Вино на Лесбос всякого ввозящего;
В любой другой-то город и наперсточка
Ввезти нельзя: всё отберут немедленно.

Эфипп [Kock.Π.264]:

Люблю прамнийское²²⁸ вино из Лесбоса...
Его так много жадно выпивается
До капли.

Антифан [Kock.Π.117]:

Закуска неплохая здесь имеется,
Есть ленты, мирра и вино фасосское.
У смертных ведь Киприда изобилие
Предпочитает²²⁹, бедняков бежит она.

Эвбул [Kock.Π.209]:

Набрав вина фасосского, хиосского
Или сочащего нектар старинного
Лесбосского.

Он также упоминает о псифийском²³⁰ вине [Kock.Π.212]:

Псифийским сладким раз он угостил меня
Несмешанным; я жаждал и хватил его,
Но укусом мне в грудь так и ударило.

Также Анаксандрид [Kock.Π.163]:

И кружка разведенного псифийского.

29 52. [О том,] что Деметрий Трезенский дал второму изданию комедии Аристофана «Женщины на празднике Фесмофорий»²³¹ заглавие «Женщины, *справившие* Фесмофории». В этой комедии поэт упоминает пепаретийское вино²³² [Kock.I.473]:

Не дам я пить вина пепаретийского,
Прамнийского, хиосского, фасосского
И прочего, – всего, что отмыкает вам
Замки страстей.

Эвбул [Kock.Π.210]:

Левкадское имеется, медвяное²³³
Винишко недурно на вкус.

Бытописатель пиров Архестрат:

b Полною мерою взяв из бокала Спасителя Зевса²³⁴,
Время старинное пить вино с седыми висками,
Белым цветочным венцом чьи влажные кудри покрыты,
Лесбоса дар несравненный земли, обьятой волнами.
Также библийское я похвалю из святой Финикии,
Только лесбосского выше его никогда не поставлю:
Если его ты вкусишь неожиданно, дотоле не зная, –
Благоуханней сочтешь лесбосского, даже намного,
c Ибо для бегства времен его аромат неприступен;
Вкусом, однако, оно лесбосского ниже немало, –
То же покажется славой тебе с амбросией равным.
Слыша же брань болтунов хвастливых, вздорно надутых, –
Им, де, из фиников брага прелестнее всех и желанней, –
Не поверну головы я...
Также фасосского вкус благороден, но ежели только
Выдержки старой оно, многих лет и погод наилучших.
Мог бы еще рассказать я о плодоносных побегах
Многих других городов, похвалить – имена не забыл я.
Надо ли? все ведь они ничто в сравнении с лесбосским;
d Хоть и любезно иным расхваливать только родное.

53. О вине из фиников упоминает также Эфиоп [Kock.II.263]:

Гранаты, финики, орехи, сладости,
Горшочки-крохотки с вином из фиников.

И еще [Kock.II.255]:

Вина из фиников откупорен кувшин.

Упоминает о нем в «Анабасисе» [II.3.14] и Ксенофонт. Кратин же говорит о мендейском²³⁵:

Едва завидит свежее мендейское
Винишко, – рот разинув, вслед увяжется:
«Как нежно, чисто! Тройку не потянет ли?»

Гермипп где-то представляет Диониса, рассуждающего о сортах вин [Kock.I.249]:

Мочатся боги мендейским, блаженствуя в мягких постелях.
Что ж до Магнесии, также сладчайшего Фасоса дара,
Что над собою струит божественный яблочный запах, –
Думаю, всех остальных оно превосходней и краше,
Кроме хиосского: то нетягостно и безупречно.
Есть и другое вино, «гнилым» его называют,
Только откроешь кувшин, из горлышка сразу же льется,
Распространяется запах фиалок, роз, гиацинтов:
Благоуханьем священным наполнится дом весь высокий.
Вместе нектар и амброзия! Это нектар, несомненно:
Надо на стол выставить его за пиром веселым
Выпить друзьям дорогим, врагам же – вино Пепарета.

Фений Эресийский пишет [FHG.II.301], что мендейцы кропят виноградные грозди слабительным; это придает вину мягкость.

54. [О том,] что Фемистоклу были даны от персидского царя²³⁶ Лампсак – на вино, Магнесия – на хлеб, Миунт – на закуску, Перкота и Палескепис – на постель и одежду. Ему было приказано, как и Демарату, ходить в варварском наряде: в добавление к уже подаренному царь дал ему еще Гамбреон, поставив при этом условие никогда более не надевать эллинскую одежду.

По свидетельству Агафокла Вавилонского [FHG.IV.289], и Кир Великий даровал своему другу кизикийцу Питарху семь городов²³⁷ – Педас, Олимпий, Акамантий, Тий, Скептру, Артипс, Тортиру. «Он же, – пишет Агафокл, – исполнившись глупой дерзости, собрал войско и попытался править своей родиной как тиран. Однако жители Кизика яростным натиском устремились на него, и каждый старался первым броситься навстречу опасности».

В Лампсаке почитается Приап²³⁸, (это то же самое божество, что и Дионис; «Дионис» же является его прозвищем наряду с другими именами – Триамбом или Дифирамбом).

[О том,] что жители Митилены²³⁹ зовут свое сладкое вино продромом, другие называют его *протропом*²⁴⁰.

55. Восхищаются также икарийским вином²⁴¹. Например, у Амфида [Kock.II.248; ср.67b]:

Из Фурий²⁴² масло, чечевица гельская,
Вино икарское и фиги кимолийские²⁴³.

c На острове Икаре, пишет Эпархид [FHG.IV.404], производят так называемый *прамний*²⁴⁴, – это сорт вина. Он не сладкий и не густой, но сухой, терпкий и крепости необычайной. Как утверждал Аристофан, этот сорт не нравился афинянам: он ведь пишет [Kock.I.539], что афинский люд не любит ни поэтов суровых (σκληρός) и непреклонных (ἀσμενής), ни прамнийских вин, от которых сдвигаются брови и сводит кишки, но [предпочитает] душистые, «сочащиеся нектаром зрелости»²⁴⁵. Сем пишет [FHG.IV.493], что на острове Икаре есть скала, называемая Прамнион, а возле нее высокая гора, с которой и получают прамнийское вино; некоторые называют его *зельем* (φαρμακίτην). Сам же остров из-за своих рыбных богатств прежде назывался Ихтиоесса²⁴⁶, подобно тому, как Эхинады названы по морским ежам, Сепийский мыс по водящимся вокруг него каракатицам, а Лагусские острова – по их зайцам; по тому же образцу названы и другие острова, Фикуссы и Лопадуссы²⁴⁷. Согласно Эпархиду, виноград, из которого на Икаре получают прамнийское вино, в других землях называется *священным*, сами же жители Энои²⁴⁸ называют его *дионисийским*. (Эноя – город на этом острове.) Дидим, однако, утверждает, что прамнийское вино названо так по винограду, [из которого его получают]; другие говорят, что это специальный термин, обозначающий все темные вина; некоторые же считают, что это означает вино, долго сохраняющее свои качества, – будто бы от слова «парамонион» (длительность, упорство); а иные толкуют это название как «смягчающий душу» (πραΐνοντα), поскольку-де пьющие его успокаиваются.

e

56. Амфид в следующих стихах хвалит вино из города Аканфа²⁴⁹ [Kock.II.247]:

– Угрюмец мрачный, говори, откуда ты?
– Аканфянин.

– О боги, получается,
Что ты, земляк вина необычайного,
Решил характер уподобить имени
Отечества²⁵⁰, отринув нравы светские.

f О вине из Коринфа Алексид упоминает как о терпком [Kock.II.401]:

Вино там завозное, ведь коринфское –
Была бы попытка сушая.

Он же упоминает и эвбейское: «Эвбейского вина немало выпивши». Архилох сравнивает вино из Наксоса²⁵¹ с нектаром; он же говорит где-то:

В остром копые у меня замешан хлеб. И в копые же –
Из-под Исмара²⁵² вино. Пью, опершись на копые.

Страттид же хвалит вино из Скиафа²⁵³ [Kock.I.729]:

Проходим рай: течет рекой скафийское
Напополам с водой, густое, темное.

Ахей – библийское²⁵⁴ [TGF². 756]: «Он принимал, угощая бокалом крепкого библийского». Вино это названо так по имени некоей местности. Перечисляет же Филлий [Kock.I.787]: 31

Я выставлю
Лесбосского, хиосского старинного,
Фасосского, библийского, мендейского –
Похмелья никакого не предвидится.

Эпихарм говорит, что оно было названо по имени неких Библинских гор. А по утверждению Арменида [FHG.IV.339], эта местность расположена во Фракии, ее называют Библия, а также Антисара и Эсима²⁵⁵. И это неудивительно, ведь славилась прекрасными винами как сама Фракия, так и места, находящиеся с ней по соседству: b

Тою порой корабли, нагруженные винами Лемна,
Многие к берегу пристали... [Ил.VII.467]

Гиппий Регийский пишет, что и так называемый «вьющийся» (εἰλεός) виноград прежде называли библийским; его якобы завез из Италии Поллий Аргосский, царствовавший в Сиракузах. В таком случае и сладкое вино, называемое сиракузянами поллийским, есть не что иное, как библийское²⁵⁶.

ОРАКУЛ. Афиней рассказывает, что произнося пророчество, божество по своей воле добавило:

Пей замутненным вино, если ты не живешь в Анфедоне²⁵⁷,
Или Гипере святой, где беспримесным ты его пил бы. c

Действительно, жители Трезены²⁵⁸, как пишет в их «Политии» Аристотель [fr. 596], прежде называли сорта винограда анфедонским и гиперейским по именам неких Анфа и Гипера, подобно тому как альтефийский виноград [был назван] по имени некоего Альтефия²⁵⁹, одного из потомков Алфея.

57. Алкман где-то говорит «вино, огня не знавшее (ἄλτιρος), с ароматом благоуханным»; его завозят с Пяти холмов, деревеньки в семи стадиях от Спарты, из Денфиад – какой-то крепостцы, а также из Энунт, Оногл и Статм²⁶⁰. Все эти местечки находятся в окрестностях Питаны в Лаконии²⁶¹. Поэтому у Алкмана и говорится: «Вино из Энунта, или Денфиса,

d или Кариста²⁶², или Оногл, или Статм». Что касается Кариста, то он находится поблизости от Аркадии. А «огня не знавшее» значит некипяченое, сырое, ибо у древних было в обычае пить и кипяченые вина.

По словам Полибия [XXXIV.11.1], в Капуе растет превосходный виноград, именуемый *древесным*²⁶³, с которым не может равняться никакой другой. Алкифрон из Меандра говорит, что недалеко от Эфеса есть горная деревушка, прежде называвшаяся Лето²⁶⁴, ныне Латория (по имени амазонки Латории), где производят прамнийское вино. Тимахид Родосский упоминает о каком-то родосском вине, которое он называет «подслащенным»²⁶⁵ и говорит, что оно похоже на сусло. «Сладковатым»²⁶⁶ же называют вино, подвергавшееся кипячению. Полизел [Kock.I.790] называет какое-то вино «особенным, [домашнего приготовления]». У комика Платона [Kock.I.664] встречается «дымчатое» вино; так он называет превосходное вино из Беневента, города в Италии. А Сосикрат [Kock.III.392] называет негодное вино именем «амфия»²⁶⁷ (ἀμφίᾱς). Пили древние и какую-то настойку, приготовленную на ароматических специях, которую они называли похлебкой (τρίμμα). Феофраст пишет в «Истории растений» [IX.18.10], что в аркадийской Герее²⁶⁸ получают вино, от которого мужчины становятся безумными, а женщины беременными²⁶⁹. Поблизости же от ахейской Керинии²⁷⁰ растет некий сорт винограда, от которого у беременных женщин происходят выкидыши, даже если они съели только одну гроздь [этого] винограда. Он также рассказывает, что трезенское вино делает выпивших бесплодными, а на Фасосе²⁷¹ производят вина, одни из которых вызывают сон, а другие бессонницу.

58. О приготовлении душистого вина Фений Эресийский рассказывает следующее [FHG.II.301]: «Для получения ароматного букета²⁷² (ἀνθοσμιά) к пятидесяти хоям²⁷³ сусла добавляют один хой морской воды». И еще: «Ягоды, снятые с молодых лоз, гораздо ароматнее снятых со старых». Далее он продолжает: «Потоптав незрелые ягоды, они дали соку настояться, и он стал душистым». Феофраст же пишет [«О запахах».51], что в пританее²⁷⁴ на Фасосе угощают вином, необычайно приятным на вкус; получают его, используя специальные приправы: «Они кладут в винный кувшин пшеничное тесто, замешанное на меду, так что аромат вино имеет свой собственный, сладость же ему придает тесто». И далее он пишет: «Если смешать терпкое и душистое вино с вином, не имеющим запаха, – например, с гераклейским или эритрейским²⁷⁵, – то одно придаст мягкость, а другое аромат».

Упоминание о миринском²⁷⁶ вине можно найти у Посидиппа [Kock.III.346]:

Миринское вино, необычайное,
Что разжигает жажду, драгоценное.

Также у Стратгида [Kock.I.717; ср.473с] говорится о некоем напитке, называемом Гермесом.

Херея говорит, что в Вавилоне получают вино, называемое *нектаром*:

Верно замечено: хочет не только водой разбавляться,
Но и насмешкой лихой сопровождаться вино.

«Нам Дионисово презирать нельзя, чти даже косточку от винограда», – утверждает кеосский²⁷⁷ поэт [Симонид].

59. Вина бывают белые, желтые и темные. И белое вино, тончайшее по своей природе, обладает мочегонным действием, горячит и, способствуя пищеварению, разогревает голову – это вино, устремляющееся вверх. Если черное вино несладко, то оно питательно, и обладает вяжущим вкусом. Сладкие же его сорта, также как и сладкие сорта белых и желтых вин, наиболее питательны. Это объясняется тем, что сладкое вино смягчает пищевод и, делая жидкое более густым, менее вредит голове. Действительно, как свидетельствуют Диокл и Праксагор, природа сладкого вина заставляет его задерживаться в подреберной области, что усиливает слюноотделение. Мнесифей Афинский пишет: «Темные вина наиболее питательны, белые – легчайшие и обладают мочегонным действием, желтые сухи и наиболее благоприятны для пищеварения». Вина же, со всей возможной тщательностью приправленные морской водой, не вызывают похмелья, расслабляют кишечник, разъедают желудок, вызывают вздутие живота, но помогают пищеварению. Таковы миндское²⁷⁸ и галикарнассское вина. Поэтому-то киник Менипп называет Минд «соленым пропойцей». Достаточно много морской воды и в косском вине. Родосское же вино соединяется с морской водой хуже всего, и в больших количествах она совершенно бесполезна. Вина с островов вообще хороши для попоек, для ежедневного же питья они не годятся. Книдское²⁷⁹ вино способствует кроветворению, питательно, расслабляет кишечник, однако при питье в больших количествах угнетает желудок. Лесбосское вино имеет небольшую терпкость и выраженное мочегонное действие. Очень приятно на вкус хиосское, особенно его сорт, называемый *ариусий*²⁸⁰. Имеется три сорта этого вина: сухой, сладкий и третий, промежуточный по вкусу, «самодостаточный». Сухой сорт благоприятен для пищеварения, питателен и обладает большим мочегонным действием; сладкий питателен, сытен, расслабляет кишечник; «самодостаточный» же и по воздействию на организм занимает среднее положение. Хиосское вино, как правило, благотворно для пищеварения, питательно, способствует кроветворению, смягчит и благодаря своей густоте очень сытно.

Из итальяйских вин²⁸¹ самые приятные альбанское и фалернское. Однако если их передержать, то после слишком долгого хранения они могут действовать как яды и вызвать немедленную потерю сознания. Так называемое адриатическое пахнет приятно, легко усваивается и в целом безвредно. Однако итальяйские вина необходимо заготавливать не позднее определенного срока и выдерживать в хорошо проветриваемом месте, чтобы они потеряли излишнюю крепость. После длительной выдержки очень

приятно керкирское²⁸². Однако закинфское и левкадское²⁸³ из-за примесей гипса вызывают головную боль. Киликийское же вино, называемое «абат»²⁸⁴, по существу представляет собой слабительное. Кеосскому, миндскому, галикарнасскому и вообще винам из приморских местностей подходит жесткая вода, как родниковая, так и дождевая, ее нужно только процедить и дать отстояться. Поэтому эти вина хорошо пить в Афинах и Сикионе²⁸⁵, так как вода там жесткая. Но для вин, удаленных от моря, вяжущих и терпких, а также для хиосского и лесбосского подходит только вода, лишенная всякого вкуса.

60. Язык, столь долго ты молчал, как сможешь ты
Деянья эти изложить? Поистине,
Нет горше ничего необходимости,
Велящей выдать тайны сокровенные
Господ, –

говорит Софокл [TGF². 295].

Я стану сам себе Алкид и Иолай²⁸⁶.

d [О том,] что марейское вино, называемое также александрийским, названо по имени расположенного поблизости от Александрии озера Маррея²⁸⁷ и одноименного с ним города, прежде очень большого, теперь же превратившегося в деревню. Название это происходит от имени Марона²⁸⁸, одного из спутников Диониса в его победоносном походе. Местность эта изобилует виноградом, грозди которого очень приятны на вкус, а вино из них превосходно. Оно белое, вкусное, душистое, легко усваивается, не ударяет в голову и обладает мочегонным действием. Однако так называемое *тениотское*²⁸⁹ еще лучше. В этих местах тянется длинная коса (ταίνια), и вина получают на ней очень жирные, что придает им зеленоватый оттенок. От этого недостатка можно избавиться, понемногу добавляя воды, как к аттическому меду. Помимо приятного вкуса тениотское вино обладает хорошим запахом и малой терпкостью. Нильская долина изобилует сортами винограда не меньше, чем ее река водами, и каждый сорт отличается особым цветом и вкусом. Но всех их превосходит вино из Антиллы²⁹⁰, города близ Александрии, доходы от которого тогдашние цари Египта, также как и персидские цари, дарили своим женам «на пояса»²⁹¹. Вино из Фиваиды, а в особенности вино из города Копта²⁹², настолько легко усваивается, что его безболезненно принимают даже больные, лежащие в лихорадке.

Жена, себя ты хвалишь, как Астидамант²⁹³ [Kock.II.530], –

34 Астидамант был сочинителем трагедий.

61. [О том,] что Феопомп Хиосский [FHG.I.328] рассказывает, что виноградная лоза была обретена на берегах Алфея²⁹⁴ в Олимпии. В восьми стадиях от нее в Элиде есть местечко, жители которого, закрыв

на Дионисии²⁹⁵ три пустых медных кувшина, запечатывают их в присутствии приезжих; когда некоторое время спустя их открывают, они бывают полны вином. Однако Гелланик [FHG.I.67] утверждает, что впервые виноградная лоза была обретена в египетском городе Плифине²⁹⁶. Поэтому-то, считает философ-академик Дион, египтяне стали большими ценителями и любителями вина. Было у них даже изобретено средство для облегчения положения бедняков, которым не хватало на вино, – а именно ячменный напиток²⁹⁷; и выпившие его приходили в такой восторг, что принимались петь, плясать и во всем вели себя как настоящие пьяные. Аристотель [fr.106] пишет, что опьяневшие от вина падают вперед, лицом вниз, а упившиеся ячменным напитком валяются навзничь; объясняет он это тем, что одно отяжеляет голову, другое же усыпляет.

62. [О том,] что египтяне действительно большие любители выпить, свидетельствует и сохранившийся до наших дней обычай, существующий только у них, – а именно, первым из всех кушаний за обедом они едят вареную капусту. Многие даже добавляют капустное семя во все лекарства от похмелья. Всякий же раз, когда на винограднике сажают капусту, вино получается более темным. Согласно Тимею [FHG.I.206], перед выпивкой ели капусту также жители Сибариса. Алесксид [Kock. II.401]:

Вчера ты пил, теперь похмелье мучает.
Вздремни, и все пройдет. Потом я дам тебе
Капусты (ράφανος) сваренной.

И Эвбул где-то говорит [Kock.II.209]:

Жена!
Меня считаешь ты капустой (ράφανος)? На меня
Спустить свое похмелье хочешь, кажется.

О том, что древние называли капусту (κράμβη) ράφανος²⁹⁸, свидетельствует Аполлодор Каристийский [Kock.III.288]:

У нас капуста – ράφανος, а за морем
Она зовется κράμβη; ну а женщинам
И дела нет!

Анаксандрид [Kock.II.160]:

Когда, поев капусты (ράφανος), ванну примете,
Исчезнет тяжесть, туча вмиг рассеется,
Что на чело легла.

Никохар [Kock.I.773]:

Назавтра... желудей наварим мы
Взамен капусты (ράφανος), чтоб прогнать похмелье.

И Амфид [Kock.II.247]:

Похоже, лучше нет от опьянения
Лекарства, чем когда беда навалится
Нежданная, – немедля отрезвит она;
Пред ней капуста (ράφανος) ерундой покажется.

О незаурядной силе воздействия капусты говорит и Феофраст [ИР.IV.16.16], утверждающий, что даже капустный запах угнетает рост виноградной лозы.

КОНЕЦ КНИГИ ПЕРВОЙ

ИЗВЛЕЧЕНИЯ ИЗ ВТОРОЙ КНИГИ (по византийским эпитамам)

1. ...Прибавляет ко сну большую часть дня.

35

Речи, которые ты припоминаешь¹, не дают мне времени поспать – так пестры они и разнообразны.

Не промахнуться мимо цели².

[О том,] что по утверждению Никандра Колофонского вино (οἶνος) названо по имени Ойнея³:

Выжав в полые кубки, Ойней назвал вино «ойнос».

И Меланиппид Милетский говорит

Мой господин,

Вино по имени Ойнея названо.

Гекатей Милетский, по словам которого виноградная лоза была обречена в Этолии, пишет, в частности, следующее [FHG.I.26]: «Оресфей, сын Девкалиона, пришел в Этолию на царство, и собака его родила кусок дерева, а он велел палку зарыть в землю, и выросла из нее лоза, обильная гроздьями, поэтому он и назвал своего сына Фитием («Растительным»), а от него родился Ойней, названный так от лозы». Ибо древние эллины, – объясняет Афиней, – называли лозы «ойнами»⁴. «От Ойнея же родился Этол».

Платон, разбирая в «Кратиле»⁵ [406с] этимологию слова «вино» (οἶνος), пишет, что справедливо было бы назвать его «вид-умно» (οἶδ-νους) за то, что, когда мы выпиваем, оно заставляет нас считать себя (οἶομαι) умными. Однако более вероятно, что оно названо так из-за пользы (ὄνησις); ведь и Гомер, обыгрывая это значение слова⁶, говорит примерно так [Ил.VI.260]:

...и сам ты, когда пожелаешь испить, укрепишься (ὀνήσῃ).

И яства он, как правило, называет «подкреплением» (ὀνεΐατα), потому что они приносят нам пользу.

2. Ибо вино, Менелай, для смертных соделали боги

Средством, из всех наилучшим, развеять людские печали, –

утверждает автор «Киприй»⁷, кем бы он ни был. Комический же поэт

Дифил пишет следующее [Kock.П.569; ср.: Гораций. «Оды».Ш.21.5]:

d О Дионис мудрейший, как приятен ты,
Как ты любим везде людьми разумными:
Гордиться позволяешь ты ничтожеству,
Склоняешь к смеху важно бровь задравшего,
С тобой решится слабый, трус отважится.

Филоксен Киферский говорит: «прекрасно текущее, открывающее все уста вино». Трагический же поэт Хэремон утверждает [TGF². 787], что вино приуготовляет пьющим его веселость, мудрость, свежесть ума и рассудительность. Ион Хиосский говорит:

Неумный отпрыск, ликом – бык,
Сладкий служитель гулких страстей,
Вино – вздыматель духа, властитель смертных.

36 ... Сказал же Мнесифей: для пьющих правильно
Вино великим благом боги сделали,
Но крайним злом для пьющих неумеренно.
[Оно для всех есть пища наилучшая,
Душе и телу силы придающая.]
Для врачеванья нет его полезнее:
На нем у нас все снадобья замешаны,
И раненым несет оно спасение.
Его разбавив, те, кто пьет умеренно,
В нем обретают благодушье мирное,
b А те, кто неумерен, – наглость дерзкую.
Кто мало разбавляет, тех безумие
Одолевает, а кто пьет несмешанным –
Тех паралич. За то и называется
Бог Дионис повсюду врачевателем [Kock.Ш.423].

И Пифия⁸ кому-то наказала называть Диониса врачевателем⁹.

3. Эвбул выводит Диониса, говорящего следующее¹⁰ [Kock.П.196]:

c Три чаши я дарую благомыслящим
В моем застолье: первой чашей чествуем
Здоровье, а второю – наши радости
Любовные, а третьей – благодатный сон.
Домой уходит умный после этого.
Четвертая нахальству посвящается,
Истошным воплям – пятая, шестая же –
Разгулу пьяному, седьмая – синякам,
Восьмая чаша – прибежавшим стражникам,
Девятая – разлитью желчи мрачному,
Десятая – безумью, с ног валящему.
В сосуде малом скрыта мощь великая,
Что с легкостью подножки ставит пьяницам.

Эпихарм же пишет:

– За жертвоприношением – угощение,
За угощением – выпивка.
– Отличнейше!
– За выпивкой – насмешки, безобразия,
Потом – суды да приговоры, а по ним –
Оковы, кары, наказания.

d

А эпический поэт Паниасид первую чашу посвящает Харитам, Горам и Дионису¹¹, вторую – Афродите и опять же Дионису, третью – Насилию (‘Υβρις) и Злу (’Ατῆ), ибо он пишет:

Первую чашу Хариты и Горы по жребию взяли
И Дионис многошумный: они-то и сладили дело.
Следом за ними свою обрели Дионис и Киприда.
Это питье для людей прекрасным соделали боги,
Если кто, выпив его, разумно домой удалится
С пира сладчайшего, тот печалей и бедствий избегнет;
Кто же к умеренным чашам безумно добавит и третью,
Меры не зная, тому достанутся Зло и Насилье
В тяжкий удел, что смертным великие беды приносят.
Нет, дорогой, соблюдай умеренность в выпивке сладкой,
Рядом с законной женой ходи, общайся с друзьями:
Бойся, как бы от третьей вина медвяного чаши
В сердце невольно твоим не возманила безумная Дерзость,
Бойся виновником стать кончины гостей благородных.
Так что послушай меня и много не пей.

И далее он еще пишет о неумеренном питье вина:

Зла и Насилья удел оно с собою приносит.

Ибо согласно Еврипиду [«Киклоп».354]:

Ведь что ни пир – то кулаки, да ссоры.

Поэтому некоторые считают, что Дионис и Насилие происходят от одного общего начала.

4. У Алексида где-то сказано [Kock.Π.331], что

e

Натура человека в высшей степени
Подобна винной: должно мужу и вину
Сперва перебродить, окрепнуть, отцвести
И выдохнуться. А когда все стадии
Пройдет вино, останется лишь вычерпать
Ту пену глупую, что сверху плавает.
Тогда оно к питью пригодно, можно нам
Его на стол поставить – всем понравится
Оставшееся.

Согласно же киренскому поэту¹² [Эратосфен]:

- f Мощью вино не уступит огню: войдя в человека,
Гневно бушует оно, словно Борей или Нот
В волнах ливийского моря, и все из глубин выплывает,
Скрытое прежде в душе, и потрясается ум.

Однако в другом месте Алексид пишет прямо противоположное [Kock.II.399]:

Судьба вина не схожа с человеческой:
Угрюмый старец станет отвратителен,
Вино же чем старше, тем желаннее, –
Один нас мучит, а другое радует.

- 37 И Паниасид говорит:

Как и огонь есть вино земнородным защита и помощь:
Это – прелестная доля земной красоты и веселья,
Это – и радостный танец, и это – любовные ласки,
Это – от низких забот отрешенье, от горестных мыслей.
Должен и ты на пиру, прияв с благодарной душою,
Чашу испить, а не так, как стервятник, кусок заглотавший,
Есть до отвала без меры, забывши о благоразумье.

А также:

- b Ибо для смертных вино – от богов наилучший подарок.
Радостно, если оно согласуется с песнею всякой,
С пляскою всякой, а также со всякой любовной услугой.
Всякую скорбь изгоняет оно из груди человеков,
В меру когда его пить, и становится злом – коль сверх меры.

5. Тимей из Тавромения [FHG.I.221] говорит, что в Акраганте¹³ один дом назывался триерой, и вот по какой причине.

- c Компания молодых людей как-то раз пьянствовала в этом доме. Разгоряченные вином, они до того одурели, что вообразили себя плывущими на триере и застигнутыми в море жестокой бурей. И до того они обезумели, что стали выбрасывать из дому всю утварь и покрывала: им казалось, что они швыряют все в море, по приказу кормчего разгружая в непогоду корабль. Даже когда собралось много народу и стали растаскивать выброшенные вещи, и тогда еще молодые люди не переставали безумствовать.

- d На следующий день к дому явились стратеги и вызвали юношей в суд. Те, все еще страдая морской болезнью, на вопросы стратегов ответили, что буря уж очень им досаждала и что поэтому они вынуждены были избавиться от лишнего груза. Когда же стратеги подивились их смятению, один из молодых людей, который, казалось, был старше других, сказал: «А я, господа тритоны, со страху забился под нижние скамьи корабля и лежал в самом низу».

Судьи, приняв во внимание невменяемое состояние юношей и строго-настрого запретив им пить так много вина, отпустили их. Все они поблагодарили судей, и один из них сказал: «Если мы спасемся от этого страшного шторма и достигнем гавани, то на родине рядом с изображениями морских божеств поставим статуи вам – нашим спасителям, столь счастливо нам явившимся». Вот почему дом и был прозван триерой. e

6. Филохор же пишет [FHG.I.387], что выпившие не только обнаруживают, каковы они есть, но, откровенничая, раскрывают и чужие секреты. Поэтому говорят: «вино неразлучно с истиной» и «вино выявляет ум мужа» [Феогнид.500]. Отсюда же и наградной треножник на Дионисиях. О тех, кто говорит истину, обычно говорят: «вещают с треножника»; а под дионисовым треножником следует понимать кратер: в древности существовало два вида треножников¹⁴, и оба назывались *котлами*. Один из них ставился на огонь и использовался для подогрева воды. Так, у Эсхила [fr.72]: f

Единого из рук ее приял котел,
Над очагом блюдомый на треножнике...

Другой – так называемый *кратер*. [Это его имеет в виду] Гомер [Ил.IX.122]: «Семь треножников новых, не бывших в огне (ἀπύρους)». Его использовали для смешивания вина [с водой], и именно он называется «треножником истины», потому что если Аполлону истину открывает гадание, то Дионису – опьянение. Сем Делийский пишет [FHG.IV.495]: «Медный треножник, не священный пифийский, но подобный тем, что ныне называются котлами. Одни из них не ставились на огонь (ἀλτροί), но использовались для смешивания вина, а в других, предназначенных для омовения (λοετροίβοι), подогревалась вода, и они ставились на огонь. Некоторые из них, снабженные ручками, но опиравшиеся на три ножки, назывались треножниками». b

Эфипп где-то говорит [Kock.II.236]:

– Ты много выпил и болтаешь лишнее.
– Но ведь недаром сказано, что истину
Вещают пьяные?

Антифан [Kock.II.114]:

Хранить секреты, Фидия,
Совсем нетрудно, кроме двух лишь случаев, –
Влюбиться или выпить угораздило:
Глаза и речи раскрывают истину,
Когда же отпираться принимаются,
Совсем уж очевидной ложь становится. c

7. Филохор пишет [FHG.I.387], что первым разбавил вино водой афинский царь Амфикион¹⁵, переняв это искусство от самого Диониса. И когда, начав пить разведенное вино, люди выпрямились, – потому что прежде, удрученные несмешанным питьем, они ходили сгорбившись, – то в свя-

тилище Гор, которые возвращают плоды виноградной лозы, они воздвигли жертвенник Дионису Прямому¹⁶. Рядом с ним в поучение смешивающим вино был сооружен алтарь Нимф¹⁷, ибо они считаются кормилицами Диониса. И был установлен обычай оставлять немного несмешанного вина, для того чтобы попробовать его после принятия пищи и почувствовать силу Благого Бога¹⁸; всё же остальное вино разводят водой и пьют его, сколько кто пожелает, приговаривая имя Зевса-Спасителя¹⁹, напоминающее, что этот способ питья безопасен.

Платон во второй книге «Законов»²⁰ [674b] разрешает употреблять вино только для лечения больных.

Оттого что винопитие неразлучно с опьянением, Диониса уподобляют быку и барсу²¹, так как он пробуждает в пьяных насилие. Алкей:

Иной раз приготавливая слаще меда,
Иной – колючек острее.

Некоторые даже приходят в неистовство: таков, например, бык. Еврипид [«Вакханки».743]:

Грозящий рогом бык, надменный силою...

А от воинственного пыла некоторые обретают звериную свирепость, отсюда и сравнение с барсами (παρδαλῶδες).

8. Аристон Кеосский прекрасно сказал, что приятнейшее питье должно соединять в себе сладость с благоуханием. Поэтому и так называемый *нектар*, который приготавливают в окрестностях лидийского Олимпа²², представляет собой вино, смешанное с воском и настоенное на цветах. Известно мне также, что Анаксандрид считает нектар не напитком, но *пищей* богов [Коск.II.160]:

Нектаром набиваю рот за трапезой,
Хлещу амбросию, Зевесу самому
Прислуживаю, надуваюсь важностью,
Когда болтаю с Герой или спать ложусь
С прелестной Афродитой.

И Алкман говорит, что боги «нектаром питаются»; и Сапфо:

С амвросией там
воду в кратере смешали,
Взял чашу Гермес
черпать вино для бессмертных.

Гомеру, однако, нектар известен только как *напиток* богов. Ивик же утверждает, что амбросия в девять раз слаще меда, когда говорит, что по приятности мед в сравнении с амбросией составляет девятую долю.

9. Дурных людей среди пьянчужек не найдешь.
Ведь Бромий, сын двух матерей²³, с негодными
Не водится, не любит он невежества, –

говорит Алексид [Kock.Π.400], а также что вино

сверх меры им упившихся
Ораторами делает.

Автор же посвященной Кратину эпиграммы говорит [«Палатинская антология». XIII.29]:

«Милой душе песнопевца вино – точно конь быstroногий;
Кто воду пьет, тому слов мудрых не изречь».
Так, Дионис, говорил твой Кратин, винный дух издавая²⁴, –
Не меха одного, а целой бочки дух.
И оттого его дом постоянно был полон венками,
И лоб его, как твой, увенчан был плющом²⁵.

Полемон пишет, что в Мунихии²⁶ почитают героя Акратопота²⁷ (Пьяница), на спартанских же фидитиях²⁸ поварами установлено чествование героев Маттона (Жеватель) и Кераона (Смешиватель) [ср.173f]. Также в Ахайе почитается Дейпневс, имя которого восходит к слову *πιν*.

И если от сухой пищи «ни шутки не родится, ни возвышенной поэмы», то и не западет в душу ни пустозвонства, ни хвастовства. Поэтому совершенно справедливо грамматик Аристарх сохранил следующие стихи²⁹ [Ил.VIII.229]:

Где похвалы, как храбрейшими сами себя величали,
Те, что на Лемне, тщеславные, громко вы произносили?
Чаши до дна выпивая, вином через край налитые, –

отбросив стих,

Там на пирах поедая рогатых волов неисчетных, –

объясняющий заносчивость эллинов мясоедением. Ибо не всякое благодушное изобилие заставляет хвастать, шутить и насмешничать, но только когда опьянение изменяет образ мыслей, обращая его ко лжи.

10. Поэтому Вакхилид пишет:

Когда сладостная неминуемость спешащих кубков
Свежие горячит юношеские души,
Мгновенными пронизывая их чаяниями Киприды,
Неразлучно едиными с дарениями Диониса.
Высоко тогда возносятся людские заботы,
Венцы городов падают в прах пред каждым,
Каждый себе мнитсЯ владыкой над целым миром.
Дом сверкает золотом и слоновой костью,
Полные пшеницею, по сияющему морю
Плывут корабли твои с египетским богатством, –
Так застольными мечтами волнуются души.

И Софокл говорит [TGF². 295]:

... лекарство от печалей – опьянение.

И у других поэтов говорится: «дар полей, вино, веселящее сердце» [Ил.III.246]. Одиссея же царь поэтов заставляет утверждать, что [Ил.XIX.167]

...человек, укрепяся вином и насытятся пищей,
Может весь день под оружием с силой враждебных сражаться.
Дух в его персях и крепок и бодр и т.д.

11. [О том,] что Симонид возводил начало винопития и музыки к одному источнику: именно за питьем были придуманы в аттической деревне Икарии³⁰ комедия и трагедия. Случилось это во время сбора винограда (τρύγη), и поэтому комедия называлась прежде *тригодией*.

Он, Дионис, на утешенье горю
Дал людям виноград, – а без вина
Какая уж любовь, какая радость! –

говорит в «Вакханках» Еврипид [772]. И Астидамант [TGF². 780]:

Лекарство от печали виноградная
Лоза открыла смертным – мать вина.

Без просыпу вино в себя вливающий,
Теряет ум, но если пьешь умеренно,
Разумен станешь, –

говорит Антифан [Kock.II.123].

Я выпил-то не до потери разума,
А ровно столько, чтобы мог еще язык
Членораздельно буквы выговаривать, –

говорит Алексид [Kock.II.403].

Селевк же пишет, что в древности не было в обычае ни напиваться вином, ни переходить меру в других наслаждениях, если только это не было связано с почитанием богов. Отсюда произошли названия³¹ застолья (θοί-νη) и пира (θαλεία) [и пьянства (μέθη)]: первое было названо так из предположения, что опьяняться следует, только славя богов (θεοί), второе – потому что, собираясь за столом, в честь богов солили (ἡλίζοντο) пищу – это ведь и есть «пир изобильный» (δαίτα θάλεια). И наконец, Аристотель говорит [fr.102], что слово «напиваться» (μεθύειν) означает то, чем занимают *после жертвоприношения* (μετὰ θύειν).

12. Кто божествам приносит жертвы (τέλη) малые,
Благочестивей в жертву приносящего
Быка громадного, –

говорит Еврипид [TGF². 458]. Этим он показывает, что τέλος значит «жертвоприношение»³². Также у Гомера [Од.IX.5]:

От приношения жертвы (τέλος) не знаю я большей утехи,
Чем когда завладело веселие целой страной.

И всё еще процветающие празднества, сопровождающиеся традиционны-

ми мистериями, мы называем *телетами*³³, из-за того что они связаны с большими тратами. Ведь *τελεῖν* значит «тратиться»; поэтому и много тратящие называются *πολυ-τελεῖς*, а тратящие мало – *εὐ-τελεῖς*. Алексид пишет [Kock.Π.394]:

Должны открыто жить богатые,
Чтоб от богов дары у них все видели:
Ведь если боги одаряют благами,
То ждут они за это благодарности.
Увидев, что одаренный скрывается,
Всех убеждает, что живет он в бедности
И недостойно участи свободного,
Дождутся боги случая удобного
И всё подаренное быстро отберут.

f

13. Провиновитийствовав, или произнеся свою речь о вине, во время которой он прямо-таки пожирал имена вин...

... Не рад бокалу человек, сызмальства приученный к трезвости.

Сладко на пире обильном или на пирушке складчинной
Нам наслаждаться беседой, когда насытятся гости, –

говорит в «Меламподии»³⁴ Гесиод.

[О ВОДАХ]

Никому из вас не пришло в голову сказать [похвальное] слово воде, от смещения с которой происходит, кстати, и ваше вино; а ведь громогласный Пиндар назвал воду самым лучшим на свете [Ол.1.1].

И божественный Гомер знал о ее благотворных свойствах, когда говорил [Од.ХVII.208] о роще «темных ольх, над водою возросших». Хвалит он и ее прозрачность [Од.V.70]: «светлой струею четыре источника рядом бежали». Источники с легкой, драгоценной водой он называет желанными: так, желанным он называет Титаресий³⁵, «быстро в Пеней устремляющийся... воды» [Ил.Π.753]. Упоминает он и об очищающей силе воды, о которой говорит, позаимствовав это, и Праксагор Кеосский... [лакуна]... называя светлой [Од.VI.87]:

41

Вода в них обильно
Светлой струею лилася, нечистое все омывая.

Ключевые воды Гомер отличает от широких; так, например, Геллеспонт он называет широким [Ил.VII.86], а о первых говорит: «корабль мы поставили ... поблизости от ключевой (γλυκεροῖο) воды»³⁶ [Од.XII.305]».

b

14. Известно ему и целительное действие тепла на раны: во всяком случае теплыми ваннами лечат раненого Эврипила³⁷ [Ил.XI. 830], хотя для того, чтобы прекратить кровотечение, необходимо было бы приложить

- c холод и сжать рану. Скорее всего, он использует тепло, обладающее обезболивающим действием, для утишения страданий. Слово *ῥαῖος* означает у Гомера «теплый». Совершенно ясно он показывает это, говоря об источниках Скамандра [Ил. XXII.149]:

Теплой (*ῥαῖος*) водою струится один, и кругом непрестанно
Пар от него подымается, словно как дым от огнища.

Разве не теплое то, от чего поднимаются испарения огня и раскаленный дым? Но другой, говорит он, источник

... и средь лета студеный катится,
Хладный как град, как снег, как в кристалл превращенная влага.

- d Привыкший рассказывать о том, что получившие свежие раны обливаются горячей (*θερμός*) кровью, он говорит и об Агамемноне [Ил. XI.266]:

Кровь откуда горячую свежая рана струила.

Однако, описывая убегающего после ранения оленя, он говорит [Ил. XI.477]:

Доколе вращались
Теплая (*ῥαῖος*) кровь и колена.

Афиняне же называют теплое *смешанным* (*μετάμικτος*)³⁸, также и Эратосфен: «жидкое и теплое (*μετάμικτος*)».

- e 15. Что касается вод, текущих со скал, то [Гомер] называет их «мрачными» [Ил. IX.15], считая бесполезными³⁹; предпочитает же он ключевые, прошедшие под землей длинный путь, благотворные; как, впрочем, и Гесиод [«Труды и дни».595]:

Глядя в прозрачный источник с бегущею вечно водою.

И Пиндар говорит [fr.198b]:

Бессмертная влага, сладкая, как мед,
Из светлых ключей Тильфоссы⁴⁰...

Тильфосса – это родник в Беотии. Как пишет Аристофан, это из него испил воды дряхлый Тиресий, не вынес ее холода и умер.

- f Феофраст пишет в сочинении «О водах», что нильская вода самая свежая и плодovitая: имея щелочную примесь, она расслабляет внутренних пьющих ее. В сочинении же «История растений» [IX.18.10] Феофраст говорит, что в некоторых местностях, как например в Феспиях, воды благотворны для деторождения, в других же, например в Пирре, вызывают бесплодие. Вызывают его, – продолжает он, – также и некоторые из текущих вод, – по крайней мере они неблагоприятны для деторождения, как вода в Фетах и в Пирре. Когда земли вокруг Нила однажды поразила продолжительная засуха, то вода в нем стала ядовитой, и много египтян умерло.
- 42

Он пишет также, что речные воды могут не только приобретать привкус горечи, но вся река целиком может становиться соленой, как это случилось в Кариин, там где стоит храм Зевса-Владыки (Ζηνολοσείδων)⁴¹. 16. Причиной этого стали многочисленные молнии, ударившие в его окрестностях.

Однако бывают и воды, густые от большого количества твердой взвеси (συσταῖσθι). Такова вода в Трезене⁴²: у попробовавших ее тут же набивается рот. Котила⁴³ воды из шахтных выработок в Пангеоне зимой весит девяносто шесть [драхм⁴⁴], а летом только сорок шесть: холод сжимает ее и уплотняет. Поэтому и вода, текущая в водяных часах⁴⁵ (ὕδασις), не показывает зимой правильного времени, но всегда избыточное, ибо из-за чрезмерной густоты она медленнее выливается через устье. В Египте, говорят, то же самое происходит из-за мягкости воздуха. Соленая же вода, имея ббольшую плотность⁴⁶ (υἰσδέστερον), требует большего нагревания, чем морская, ибо, имея более теплую природу⁴⁷, морская вода иначе реагирует [на изменение температуры]. Из соленых вод жестка только вода Аретузы⁴⁸. По тем же причинам нехороши тяжелые стоячие, жесткие и холодные воды: они плохо кипятятся из-за большого содержания твердых частиц или избытка холода. Быстро же нагревающаяся вода легка и благодотворна. В Кранноне⁴⁹ слегка теплая вода в течение двух или трех дней сохраняет теплоту в смешанном с ней вине. Вообще же даже притекающая по водопроводу вода, как правило, лучше стоячей: она взбалтывается и становится мягче. Поэтому хорошей считается и вода, получающаяся при таянии снега: более пригодная для питья часть поднимается к ее поверхности и дробится воздухом, поэтому она даже лучше дождевой воды. Лучше дождевой также и вода, полученная при таянии льда: доказательством служит то, что и сам лед легче любой воды. Холодная же вода жестка из-за своей плотности. Всѐ же, содержащее большое количество твердой примеси, легче нагревается и быстрее остывает. По тем же причинам и вода из горных источников более пригодна для питья, чем взятая на равнине: в последней больше примеси твердого вещества. Взвеси также окрашивают воду в различные цвета. Так, в Вавилоне в некоторые дни озеро становится красным⁵⁰, вода же Борисфена⁵¹ иногда имеет фиолетовый цвет, хотя она необычайно легка, что доказывается тем, что, смешиваясь с водами Гипаниса⁵², при северных ветрах она продолжает течь поверх них.

17. Повсюду имеются источники, вода которых подходит для питья не хуже вина. Например, к известному ручью в Пафлагонии⁵³ местные жители ходят [издалека], чтобы выпить хотя бы немного его воды. У сицилийских сиканов⁵⁴ источники имеют воду солоноватую, с примесью кислоты. В окрестностях Карфагена есть некий источник воды, отстой которой сверху похож на оливковое масло, однако по цвету темнее; его сливают и дают пить овцам и другой скотине. И в других местностях имеются источники с жирной водой, например ручей в Азии, увидев который, Александр разослал извещения о том, что найден источник оливкового масла. Одна-

43 ко и среди термальных вод есть пресные, например в Эгах киликийских⁵⁵,
около Пагасов⁵⁶, в троянской Лариссе⁵⁷, около Магнесии⁵⁸, на Мелосе и
Липаре⁵⁹, а также *царская вода* в Прусе⁶⁰, той, что около мисийского
Олимпа. Вода же в Азии около Тралл⁶¹, в реке Харакомет⁶² и еще в городе
Ниса⁶³ столь жирна, что там не встретишь торговца оливковым маслом.
Такова же вода и в деревне Даскила⁶⁴. Воды в Карурах⁶⁵ почти пересохли
b и очень горячи, вода поблизости от деревни Мена, что во Фригии⁶⁶, обладает
острым щелочным вкусом, так же как и вода из фригийской деревни
Леонта⁶⁷. Воды около Дорилеи⁶⁸ очень приятны на вкус, а вот вода
озера в окрестностях Бай, или Байя⁶⁹, в Италии совершенно непригодна
для питья.

18. Взвесив воду из источника, называемого в Коринфе Пиреной⁷⁰, я
нашел, что это самая легкая вода в Греции. Поэтому я и не верю комику
Антифану, утверждающему, что, во многом превосходя остальные местности,
Аттика обладает и отличнейшей водой. Он ведь пишет [Kock. II.84]:

– Чем наша нас ни одарит земля,
Гиппоник, во вселенной это лучшее:
Мед, хлебы, смоквы.

– Соглашусь со смоквами:
Свидетель Зевс, их множество.

c – Скотина, шерсть,
Пшеница, мирты, воды, воскурения.
Поэтому, испив воды аттической,
Ее узнаешь сразу.

Комедиограф Эвбул где-то говорит [Kock. II.214], что трагик Хэремон
назвал воду «телом реки»⁷¹ [TGF². 787]:

Священные пределы преступив,
Через речное тело переправились, –
Действительно, и наше тело черпает
Всю силу из воды.

На Теносе⁷² есть источник, вода которого не смешивается с вином. Геродот же пишет в четвертой книге [«Истории»] [IV.52], что река Гипанис
[по выходе из озера лишь короткое время] – пять дней пути – остается еще
d пресной, а затем на четыре дня плавания [вплоть до моря] вода ее делается
горько-соленой, так как в нее впадает горький источник. А Феопомп
пишет [FHG. I.316], что вода реки Эригон⁷³ кислая, и выпившие ее пьянеют,
как от вина.

19. Аристобул Кассандрейский пишет, что в Милете есть источник, называемый Ахилловым, текущая вода которого очень пресная, стоячая же
солона. Милетяне рассказывают, что Ахилл омылся в нем после убийства
царя лелегов Трамбела⁷⁴. Говорят также, что в Каппадокии⁷⁵ воды очень
много, она вкусна, не портится и не дает осадка, кроме тех случаев, когда
бьет из-под земли. Царь же Птолемей пишет в седьмой книге «Воспоми-

наний»⁷⁶ [FHG.III.187]: «Когда нас вели к Коринфу и через гребень горы мы поднимались по перевалу, называемому Контопорией⁷⁷», – там был ключ, вода которого холоднее снега, и поэтому многие отказываются пить ее, опасаясь простудиться. Однако Птолемей добавляет, что сам он пил ее. Филарх пишет [FHG.I.354], что в Клиторе⁷⁸ есть источник, испившие из которого не выносят даже запаха вина. Клеарх пишет [FHG.II.327], что цвет воды называют, подобно цвету молока, *белым*, вина и нектара – *красным*, а меда и оливкового масла – *желто-зеленым*, давленных тутовых ягод – *черным*.

Эвбул говорит, что вода придает людям, ничего не пьющим кроме нее, необычайную находчивость [Kock.II.211]:

Вино лишь ум нам затемняет.

Те же самые ямбы имеются у Офелиона [Kock.II.294].

20. Произнеся всё это и, подобно заправским ораторам, ловко управившись с водой⁷⁹, он перевел дух и продолжил: «У комика Амфида где-то говорится [Kock.II.248]:

В вине, как видно, нечто есть разумное:
Ведь очень глупы водохлебы многие.

Антифан [Kock.II.129]:

Вино... [выгонять] ... другим вином должны мы,
Трубу трубою, крикуна – глашатаем суровым,
Удар ударом, шумом шум, монетою блудницу,
Заносчивость нахальством гнать, кухаром – Каллистрата,
Раздор раздором, битвой бой, задиру синяками,
Трудом работу, суд судом, жену – другой женою.

[О том,] что древние воду тоже называли *несмешанной*⁸⁰. Софрон: «...вода несмешанная в чаше».

[ОТСТУПЛЕНИЕ О ТРЕЗВЕННИКАХ]

21. [О том,] что Филарх пишет [FHG.I.337], что житель Лариссы⁸¹ Феодор, всегда неприязненно относившийся к царю Антигону, был трезвенником. Рассказывает он [в седьмой книге⁸²], и что все иберы, богатейшие из людей, – трезвенники; хотя из-за скаредности они всегда едят в одиночку, однако одеваются очень роскошно. Аристотель или Феофраст упоминают о каком-то Филине, который в жизни не ел и не пил ничего, кроме молока. Пиферм же в сочинении «Пирейские тираны» [FHG.IV.488] представляет трезвенником Главкона. Гегесандр Дельфийский пишет [FHG.IV.418], что элидские софисты Анхимолон и Мосх всю жизнь пили только воду, заедая ее смоквами, однако телом были здоровы и чувствовали себя не хуже любого другого, только пот их очень плохо пахнул, и поэтому в банях все их

d сторонились. Фиванец Матрид всю жизнь питался лишь миртовыми плодами⁸³, и то помалу, от вина же и всего другого, кроме воды, воздерживался. Трезвенником был и музыкант Лампр, о котором Фриних говорит [Kock.I.388]:

И плакать над свистелками скончавшегося Лампра,
Скорбевшего сверхмудреца, зануды-водохлеба,
Озноба соловьиного, зауспокойной песни,
Иссохшей Музы.

А комик Махон упоминает о трезвеннике Мосхионе⁸⁴.

e 22. Аристотель в сочинении «Об опьянении» [fr.103] пишет, что некоторые люди, поев солений, не испытывали жажды; одним из них был ар-
гивянин Архонид. Карфагенянин Магон трижды пересекал безводную пу-
стыню, питаясь сухой ячменной крупой и не принимая никакого питья. Академик⁸⁵ же Полемон начиная с тридцати лет и до самой кончины пил
только воду – об этом говорит Антигон Каристийский. Деметрий Скеп-
сийский рассказывает, что пепаретец⁸⁶ Диокл всю жизнь пил только хо-
лодную воду. Оратор же Демосфен и сам достоверно свидетельствует о се-
бе, когда говорит [6.30], что какое-то время пил только воду. И Пифей го-
ворит: «Вы, однако, знаете, сколь несхожа жизнь нынешних народных во-
f ждей [Демосфена и Демада]: если один, говорят, трезвенник, трудится все
ночи напролет, то другой, содержатель притонов, целыми днями пьянству-
ет и зовется у вас на собраниях *Толстобрюхом*». Эвфорион где-то пишет
следующее: «В отличие от всех людей ласионец Ласирт⁸⁷ никогда не испы-
тывал потребности в питье, хотя мочу испускал не хуже любого другого.
45 Многие были задеты этим и принялись было наблюдать за ним, однако от-
ступились, так и не поняв, в чем дело. В летнюю жару они тридцать дней
выслеживали его и видели, что он не уклонялся ни от какого соленого ку-
шанья, а при этом мочевого пузыря у него очевидным образом был в пол-
ном порядке. Иногда он мог и выпить, но нисколько не нуждался в этом».

Переменять всегда приятно кушанья, –

говорит Антифан [Kock.II.118], –

Когда набит уже желудок доверху
Расхожей снедью, вот тогда попробовать
Какой-нибудь новинки доставляет нам
Двойное удовольствие.

b 23. Персидский царь⁸⁸, как говорит Геродот в первой книге «Истории» [I.188], выступает в поход, запасаясь питьевой водой не иначе как из проте-
кающей у Суз реки Хоаспа⁸⁹. С этой-то кипяченой водой из Хоаспа в сере-
бряных сосудах множество четырехколесных повозок, запряженных му-
лами, всегда следует за царем. Ктесий из Книда подтверждает, что эта цар-
ская вода кипятится и разливается по сосудам, и добавляет, что на вкус она
необычайно легка и приятна. И царь Египта Птолемей Второй, по прозва-

нию Филадельф, выдав родную дочь Беренику замуж за сирийского царя Антиоха, был озабочен тем, чтобы посылать ей нильскую воду и чтобы дочь его пила воду только этой реки, – так рассказывает Полибий [fr.154]. Гелиодор пишет [FHG.IV.425], что Антиох Эпифан⁹⁰, которого Полибий поделом называет Эпиманом, приказал разбавлять воду вином [прямо] в одном источнике в своей Антиохии. То же самое, как рассказывает Феопомп [FHG.I.289], проделал фригийский Мидас, когда захотел спить Силена⁹¹, чтобы поймать его. Ручей этот, как пишет Бион [FHG.II.19], протекает между медами и пэонами⁹², зовут его Инна.

Стафил пишет [FHG.IV.506], что первым придумал смешивать вино с водой Мелампод. Плистоник же считает, что для желудка вода полезней вина.

24. [О том,] что у упорных пьяниц желудок приходит в ненадлежащее состояние, портится и часто губит попавшую в него пищу. Чтобы лечить его, рекомендуется пропотеть, выкупаться и этим увлажнить и умягчить тело; а после этого самое полезное – выпить воды, зимой и весной, как правило, теплой, летом холодной, чтобы не утомить желудок раньше времени. Перед выпивкой же следует напиться [воды] сообразно количеству [вина], так, чтобы, заполнив желудок, она не давала вину бурлить и разъедать стенки сосудов. А кому это в тягость, тем лучше предварительно принимать сладкое горячее питье, лучше всего так называемый *протрон*⁹³ (сладкое лесбийское), который очень полезен для желудка. Не отягчает головы и сладкое вино – об этом пишет Гиппократ в сочинении «О режиме», которое некоторые называют «Об острых [болезнях]», третьи – «О ячменном отваре», а иные – «Советы жителям Книда». Он пишет следующее: «Сладкое вино меньше других отяжеляет голову, меньше воздействует на рассудок и более способствует удалению из внутренностей всего ненужного».

Нам не следует поднимать друг за друга здравицы по обычаю жителей Кармании⁹⁴, о которых рассказывает Посидоний [FHG.III.275]: «Чтобы приветствовать друг друга на попойках, они режут вены на лбах, смешивают стекающую кровь с питьем и выпивают его, полагая, что залог дружбы в том, чтобы отведать крови друг друга. После такой выпивки они мажут головы миром⁹⁵, обычно розовым, если же его нет, то айвовым, – чтобы избежать опьянения и вредного воздействия винных паров; если же под рукой нет и айвового, они пользуются ирисовым или нардовым⁹⁶». Поэтому неплохо сказал Алексид [Kock.II.368]:

Он мажет ноздри: средство превосходное
Дать голове понюхать благотворного.

25. Следует, однако, избегать жирных благовоний и пить воду, прозрачную и на вид невзрачную: она и на вес легка, и не содержит твердых примесей. Надлежащим образом прокипяченная и охлажденная вода хороша и не портится, если держать ее в медных или серебряных сосудах. «Быстро разогретая и охлажденная вода всегда легка», – говорит Гиппократ. Негодна вода, в которой разваривались овощи: она содержит соль и соду.

В сочинении «О водах»⁹⁷ Гиппократ называет хорошую воду *питьевой* (πότις). Стоячая же вода легко загнивает, например озерная и болотная. Жесткая вода и в большинстве источников. Эрасистрат пишет: «Некоторые судят о качестве воды по ее весу, больше ни на что не обращая внимания. Но если сравнить, например, воды от Амфиарая и из Эретрии⁹⁸, то окажется, что одна никуда не годна, а другая хороша, по весу же они несколько не отличаются». Гиппократ пишет в сочинении «[О воздухах, водах и] местностях», что самая лучшая вода – та, которая вытекает с высоты земляных холмов, ибо она сладка, светла и вина требует лишь самую малость. Зимой она тепла, а летом холодна. Хвалит он те источники, которые текут в сторону солнечного восхода, особенно летнего⁹⁹, ибо вода в них всегда прозрачна, легка и ароматна. Диокл же пишет, что вода улучшает пищеварение, снимает вздутие [живота], охлаждает, умеренно обостряет зрение, освежает голову, возбуждает и душу и тело. То же самое пишет и Праксагор; он хвалит дождевую воду, а Эвенор колодезную: по сравнению с Эретрийской, говорит он, очень хороша вода от Амфиарая.

26. [О том,] что вода по общему признанию обладает питательными свойствами. Это ясно из того, что некоторые существа, например цикады, питаются только ею одной. Питательны и многие другие жидкости: молоко, ячменный отвар, вино. Младенцы обходятся одним молоком, да и многие народы живут на молочной пище. Демокрит абдерский¹⁰⁰, говорят, решил в старости покончить с жизнью и с каждым днем убавлял свою пищу. Когда же наступили дни Фесмофорий¹⁰¹, его родственники просили его не умирать во время праздника, чтобы дать им возможность справиться с ним. Он послушался их и приказал поставить рядом сосуд с медом; питаясь только испарениями меда, он прожил нужное количество дней, а когда прошли дни праздника и мед унесли¹⁰², он умер. Демокрит всегда любил мед, и, когда его кто-то спросил, как оставаться здоровым, он сказал: «Надо изнутри увлажнять себя медом, а снаружи – оливковым маслом¹⁰³». Хлеб с медом, как свидетельствует Аристоксен [FHG.II.237], был пищею пифагорейцев: кто ел его на завтрак, те никогда не болели. Лик же сообщает [FHG.II.337], что отличаются долголетием кирии¹⁰⁴ (они проживают недалеко от Сардинии), потому что постоянно употребляют мед. Получают они его в невероятных количествах.

[О РЕДКИХ СЛОВАХ]

27. Заметь: выражение «поиск всего *отложенного* (ἀνατιθεμένων)» вместо ἀναβαλλομένων.

[О том,] что слова ἄνησις и νῆσις (голодный) эквивалентны, подобно ἄσταχυς и στάχυς¹⁰⁵ (колос); так у Кратина [Kock.I.26]:

Не первый из людей идешь ты к ужину
Незванным и несатым.

Слово «жаждущий» (δῆύλεινος)¹⁰⁶ употребляет Дифил [Kock.II.572]:

b

Я с удовольствием смотрю на сбросивших
Плащи и вечно раньше срока *жаждущих*
Всем поживиться.

Также Антифан [Kock.II.124]:

– Один лишь у него изъян:
Всё время *голод ложет*.
– Речь идет, должно,
О муже фессалийском.

И Эвбул [Kock.II.167]:

Велит идти он Зету на фиванскую
Равнину: ведь хлебами там прекрасными
Торгуют, он же был *все время голоден*.
Однако Амфиону утонченному
Велит взойти в Афины достославные:
Ведь *жаждут* вечно девы там Кекроповы,
Живя беспечно и глотая запахи,
Надеждами питаюсь.

c

28. Слово же «моносит» (питающийся один раз в день) встречается у
Алексида [Kock.II.396]:

Когда ты видишь человека частного,
Который лишь *однажды в день питается*,
Или поэта, что не жаждет песен, – знай:
Полжизни обывателя погублено,
А у поэта – половина мастерства;
Полумертвы, бедняги, оба.

Платон [Kock.I.658]: «Не всякий раз он только раз питается, но иногда обе-
дает и дважды в день».

d

[О том,] что сласти назывались νωγαλεύματα¹⁰⁷. Арарот [Kock.II.217;
ср.86d]:

Вот эти сладости (νωγαλεύματα) изысканны.

Алексид [Kock.II.398] [ср.28e]:

Остаток дня
Винцом фасийским и сладостями (νωγαλίζει) тешится.

Антифан [Kock.II.3,8] [ср.: Эфипп.29d]:

Гранаты, винограда гроздь и финики,
Другие сласти (νωγαλα).

«Воздерживающийся от еды» (ἀπόσιτος) сказано у Филонида
[Kock.I.255] [см.247e], «на своих хлебах» (αὐτόσιτος) [см.248b] у Кробила
[Kock.III.379]: «парасит на своих хлебах»; «не завтракавший» (ἀναρί-

e

σπητος)¹⁰⁸ сказано у Эвполида [Kock.I.273]. «Питающийся против воли» (ἀντρυχόσιτος) – у Кратета [Kock.I.134]. И у Никострата [Kock.II.228]:

Под горшок мальчишка стриженный,
Завернутый в хламиду и по случаю
В дом приведенный, чтобы *есть насильственно*.

«Завтрако-ужин» сказано у Алексиды [Kock.II.402; ср.247e]:

От них бы нам хотя бы получить
Завтрако-ужин сокращенный.

29. После этих слов мы поднялись и заняли ложа, кому где понравилось, не дожидаясь [указаний] раба-номенклатора, отвечавшего за распорядок пиров.

f [О том,] что в домах древних были залы-триклинии¹⁰⁹ (на три ложа), и тетраклинии, и гептаклинии, и эннеаклинии¹¹⁰, и даже еще большие. Антифан [Kock.II.129]:

Всего-то было трое, но в триклиний он
Отвел нас.

Фриних [Kock.I.387]:

Была прекрасна зала на семь лож,
За ней другая зала на девять.

Эвбул [Kock.II.208; ср.49c]:

– Нам нужен гептаклиний.
– Гептаклиний – вот.
– Пять сицилийских лож.
– Готово, дальше что?
– Подушек сицилийских пять.

Амфид [Kock.II.249]:

И никогда в триклинии
Не стелешь?

Анаксандрид [Kock.II.162]:

48 И стариков неспешными беседами
Триклиний весь наполнился...
Но раствори и окропи гостиные,
И ложа застели, огонь зажги, кратер
Наполни и смешай вино сладчайшее [Kock.III.508; TGF². 857].

b 30. «Сейчас мы установили разницу между искусством выделять те ковры, которыми укрываются, и те, которые подстилают», – пишет Платон-философ [«Политик».280b]. А его тезка поэт пишет [Kock.I.658]:

И на ложах, где ножки слоновой кости,
покрывалах, окрашенных в пурпур,
Завернувшись в порфиры, изделие Сард,
разлеглись они...

Искусство изготовления расшитых тканей наивысшего расцвета достигло при мастерах с Кипра Акесе и Геликоне¹¹¹. Они были прославленными ткачами. Гиероним говорит, что этот Геликон был сыном Акеса, потому что на одном из [его] изделий, хранящемся в Пифийском святилище, написано:

Сделал Акесов сын, Геликон-саламинец¹¹²: Афина
В руки вдохнула ему прелесть бессмертных Харит.

Таким же [мастером] был и египтянин Пафимий.

Давно уж прыгаю
Я там, где розами ковры надушены,
Натертый благовоньями редчайшими (ψαχαστοῖς), –

говорит Эфипп [Kock.Π.236]. И Аристофан [Kock.I.561]:

Ты же на благовонных
Мягких коврах всю ночь
На госпожу восходишь.

И Софрон: «Драгоценные ковры, расшитые фигурами птиц». Божественный же Гомер говорит, что те из покрывал, которые подстилаются снизу, – полотняные (λίτα) [Од.I.130]; они белые, некрашенные и нерасшитые; о тех же, которыми укрываются (περιτρώματα), [он говорит] [Од.X.352]: «прекрасные порфирные покровы».

31. Как пишет Гераклид [FHG.Π.97], должности так называемых «постельничих» первыми ввели персы; они должны были следить за мягкостью и нарядностью постелей. Поэтому-то, высоко ценя Тимагора (или, как пишет перипатетик Фений [FHG.Π.296], критского гортинца Энтима), который, подражая Фемистоклу¹¹³, отправился вслед за ним к царю, Артаксеркс даровал ему шатер редкой красоты и величины в придачу с ложем на серебряных ножках, а вместе с драгоценными коврами послал также и простыни (ὑποστρώματα), говоря, что эллины не умеют застилать постели. Полностью завладев душой царя, критянин получал приглашения на его семейные трапезы – честь, которой ни до, ни после не удостоивался ни один эллин. Эта привилегия тщательно оберегалась его потомками. Ее не удостоился даже афинянин Тимагор, преклонивший перед царем колена и осыпанный величайшими благодеяниями, – ему одному посылали блюда с царского стола. Лаконцу Анталкиду Артаксеркс, сняв с себя, послал напитанный благовоньями венок, но Энтиму он оказывал подобную честь многократно и приглашал его на семейные обеды. Персы это едва терпели, ибо молва распространилась в народе и как раз тогда готовился новый поход на Элладу. [Артаксеркс] послал ему и ложе на серебряных ножках, и покрывало, и купольный шатер из цветных тканей, и серебряное кресло, и позолоченный зонтик, и двадцать золотых, усыпанных драгоценными камнями фиалов, и сотню больших серебряных, и серебряные кратеры, и сотню молоденьких девочек, столько же мальчиков, шесть тысяч золотых монет, не говоря уже о посылаемом для удовлетворения каждодневных надобностей.

32. Столы на ножках слоновой кости со столешницами из кленовых досок. Кратин [Kock.I.100]:

Украсившись, давно уж дожидаются
Потанцевать веселые девчоночки,
Собрались за треногими кленовыми
Столами.

[О ТРЕНОГИХ СТОЛАХ]

Вознегодовав на то, что кто-то из киников назвал стол треножником¹¹⁴, один из гостей ученого пира, У л ь п и а н, говорит: «Сегодня я себе «работу из безделья сделаю». Откуда треножник у этого бродяги? Разве что он посчитал Диогенов посох да две его ноги и назвал все это треножником, в то время как все называют поставленное перед нами столами».

[О том,] что Гесиод в «Свадьбе Кеика», – как мне кажется, это старинное сочинение, хотя даже рабы грамматиков отняли бы у поэта эти стихи, – называет столы треножниками. И утонченнейший Ксенофонт пишет в седьмой книге «Анабасиса» [VII.3.21]: «[Затем] для каждого из обедавших внесли по столу на трех ножках; на них числом до двадцати были навалены куски мяса». И продолжает: «Столы подносились, главным образом, гостям, ибо таков был их (т.е. фракийцев) обычай». Антифан [Kock.II.127]:

Треножник унесли, мы стали руки мыть.

с Эвбул [Kock.II.298]:

– А для тебя вот этих пять треножников,
Да пять еще.
– Так сборщиком я сделаюсь
Пятидесятницы¹¹⁵.

Эпихарм:

– А это что?
– Треножник, разумеется.
– Так почему четыре ножки у него?
Тогда зови его четвероножником.
– Зовут его треножником; а ножек-то,
Четыре, точно.
– Говоришь загадками.
Не обошлось тут без Эдипа, кажется.

Аристофан [Kock.I.526]:

– И принеси трехногий стол:
Гораздо лучше он четырехногий.
– Трехногий стол? Да где его достану я?

[КАТАЛОГ ЗАКУСОК]

33. [О том,] что прежде на пирах, отведя гостя на место, угощающий предлагал ему небольшую записку, содержащую перечень приготовленного, чтобы тот знал, какие блюда собирается подавать на стол повар.

ДАМАССКИЕ ТЕРНОСЛИВЫ (ΔΑΜΑΣΚΗΝΑ). О Дамаске, городе великом и знаменитом, упоминают многие древние авторы. А так как в большей части страны, населенной его гражданами, заботливо возделывается тернослив (букв. *кукушкино яблоко*, *κοκκυμῆλον*), то по имени Дамаска эти плодовые деревья называются *дамаскинами*¹¹⁶, чтобы отличать их от терносливов, произрастающих в других местностях¹¹⁷. Итак, это терносливы, о которых упоминают поэты, и среди них Гиппонакт:

Я терносливом был увенчан и мятой¹¹⁸.

Алексид [Kock.Π.397]:

– И, кажется, победу предвещающий
Увидел сон я.

– Расскажи!

– Пожалуйста:

Приснилось мне, один из подвизавшихся
На стадионе, и уже раздевшийся
Для боя, подошел и увенчал меня
Венком (κυλιότῳ) из зрелых терносливов.

– О Геракл!

И в другом месте [Kock.Π.398]:

Видал ли ты когда-нибудь
Сычуг иль селезенку начиненную,
Прожаренную, и корзины целые
Созревших терносливов? Лоб его таков.

Никандр:

Зовут его терносливом.

Перипатетик Клеарх говорит [FHG.Π.327], что жители Родоса и Сицилии называют кукушкины яблоки *лесной сливой*¹¹⁹ (βράβιλα), как, например, сиракузянин Феокрит [VII.146]:

...и гнулся сливняк, отягченный плодами,
Тяжесть не в силах нести и к земле приклоняясь верхушкой.

И в другом месте [XII.3]:

...как яблоко слаще
Сливы лесной...

Плод этот меньше терносливов, вкусом же ничем от них не отличается, разве что немного кислее. Селевк пишет в «Глоссах»¹²⁰, что βράβιλα ἦλα,

e

f

50

кукушкино яблоко, и μάδρυα – это один и тот же вид тернослива, причем μάδρυα получилось из μάλο-δρυα (яблоко), а βράβυλα названы так из-за их слабительного действия, так как они «выбрасывают пищу» (βοράν ἐκβάλλοντα); о том что ἥλα получено из μῆλα пишет в своей «Этимологии» также и сын Деметрия Иксион. Феофраст же пишет [ИР.Ш.6.4]: «[поверхностные корни] – у сливы и терносливы (это своего рода дикая слива)». Арарот называет терносливом как дерево, так и его плоды. Дифил же Сифнийский пишет, что мякоть сливы сочна, хорошо хранится, обладает изысканным вкусом и малопитательна.

34. ЧЕРЕШНЯ (ΚΕΡΑΣΙΑ). Феофраст в «Истории растений» [Ш.13.1]: «Черешня по своей природе дерево особенное. Ростом она высока: до двадцати четырех локтей, очень стройна; толщины такой, что окружностью у корня бывает в два локтя. Листья ее похожи на листья мушмулы¹²¹, но толще и очень жестки, так что дерево издали заметно по своему цвету. Кора по гладкости, цвету, толщине похожа на липовую... [Ш.13.3] Цветы белые, похожие на цветы груши и мушмулы; они состоят из маленьких цветочков и напоминают соты. Плоды красные, похожие формой на хурму и величиной с боб; только у хурмы косточка твердая, а у черешни мягкая. И далее [Ш.15.6]: «Боярышник (κράταινος) – [очень распространенное дерево,] некоторые называют его κράταινος. Листья у него гладкие, похожие на листья мушмулы, только больше, скорее широкие, чем продолговатые, и без зубцов по краям, как у мушмулы. Дерево это не бывает ни очень большим, ни очень толстым; древесина его пестрая, крепкая, желтая. Кора гладкая, как у мушмулы; единственный корень уходит обычно глубоко в землю. Плоды круглые, величиной с дикую маслину; созревая, они желтеют и чернеют. Вкусом и запахом они похожи на мушмулу: поэтому дерево это и принимают за дикую мушмулу». Из всего этого, – говорит Афиней, – я делаю вывод, что философ описывает дерево, называемое в наши дни черешней¹²².

35. Называя какое-то дерево *карликовой черешней*, Асклепиад Мирлейский пишет следующее: «В земле вифинской¹²³ произрастает карликовая черешня, корень которой невелик. Собственно, это и не дерево, ибо размерами она не превышает розового куста. Плоды же ее неотличимы от черешен. Однако большие количества этих ягод отяжеляют, подобно вину, и вызывают головные боли». Вот что пишет Асклепиад; мне же кажется, что он описывает земляничное дерево¹²⁴. Его ягоды растут на таком же дереве, и съевший более семи ягод зарабатывает головную боль. Аристофан [Kock.I.559]:

А в горных кряжах сам собой кормил людей земляничник.

Феопомп [Kock.I.751]:

Грызут и мирты, земляничку спелую.

Кратет [Kock.I.142]:

Ведь грудки у нее очаровательны,
Похожи на клубнички или яблочки.

Амфид [Kock.II.247]:

Вот посмотри:

На шелковице – шелковицы, желуды
Всегда растут на дубе, земляника же –
На земляничном древе.

Феофраст [ИР.III.16.4]: «Земляничное дерево, приносящее съедобные земляничные ягоды».

[О том,] что сатировскую драму «Агена» написал¹²⁵ то ли катанский или византийский Пифон, то ли сам царь Александр.

Ритору возражает Л а р е н с и й: «Вы, греки, присваиваете себе многие вещи, претендуя на то, что дали им имена, а значит и первыми обнаружили или вывели их. Однако вы не знаете, что римский полководец Лукулл, тот самый, что воевал с Тиграном и Митридатом¹²⁶, первым привез черешню в Италию из понтийского города Керасунта. По имени города, как рассказывают наши писатели¹²⁷, он и назвал плоды *черешнями* (χέρσων). На это ему отвечает некий Д а ф н: «Однако у прославленного мужа, сифнийца Дифила, родившегося гораздо раньше Лукулла, – жил он во времена царя Лисимаха, а тот был одним из преемников Александра, – есть следующее упоминание о черешне: “Черешня полезна для желудка, сочна, малопитательна; если ее есть сырой, она благотворна для пищеварения. Лучшие сорта черешни – *красная* и *милетская*, они обладают мочегонным действием”».

36. ТУТОВЫЕ ЯГОДЫ (ΣΥΚΑΜΙΝΑ). [О том,] что все называют их *тутовыми*, одни александрийцы зовут эти ягоды *морами*¹²⁸. Тутовые ягоды – это вовсе не плоды египетской смоковницы, чьи ягоды некоторые зовут *сикоморами*¹²⁹. Тамошние жители слегка надрезают их ножом и оставляют на ветке: овеваемые ветром, они в течение трех дней созревают и становятся душистыми, особенно при западном ветре. И когда их смешивают с розовым маслом и используют в качестве припарок на живот, они приносят немалое облегчение больным, лежащим в жару, как если бы в этих ягодах содержалось немного холода. Вырастают ягоды египетской шелковицы не на черенках, а прямо на стволе дерева. Во «Фригийцах» Эсхила со смоковничными ягодами сравнивается Гектор [TGF². 85]:

Нежнее, чем смоковничная ягода.

В его же «Критянках» это название относится к плодам терновника [TGF². 38]:

На нем в одну и ту же пору ягоды
И белые, и черные, и красные.

Софокл [TGH². 217]:

Сперва увидишь стебель белый, весь в цвету,
Потом обильно красные и круглые
Его покроют тутовые ягоды.

А Никандр поясняет в «Георгиках», что эти ягоды появляются раньше всех остальных древесных плодов, причем, подобно александрийцам, шелковицу он называет *морέης*:

И шелковица, что малым ребятам повсюду отрада,
Смертным она возвещает приход поры урожая.

37. Ученик Аристотеля Фений Эресийский называет плоды дикой шелковицы *морами*, отмечая, что зрелые ягоды имеют очень сладкий и приятный вкус [FHG.II.301]: «Колючие моры, когда их гроздь, похожая на тутовую, высохнет, содержат семенные отделения, подобные... солоноваты и сочны, имея рыхлую, трещиноватую структуру». Парфений же называет тутовые ягоды *габринами* (ἄβρινα), тогда как другие зовут их *морами*. На Саламине эти ягоды называют *батиями* (βάτια). Деметрий Иксион считает, что слова *сикамина* и *мора*¹³⁰, обозначающие одно и то же, происходят от σῆκον ἀμείνω (лучше смокв) и αἱμόροα (кровотечение). Врач Дифил из Сифноса пишет следующее: «Тутовые ягоды, называемые также морами, сочны, малопитательны, полезны для желудка и легко усваиваются. В незрелом виде они обладают способностью изгонять глистов». Как пишет Гегесандр, Пиферм рассказывает, что при нем шелковицы не приносили ягод в течение двадцати лет, и разразилась столь сильная эпидемия подагры, что ею были поражены не только мужчины, но дети, девушки и евнухи, не говоря уже о женщинах. Не миновала эта беда и овец, которых пало не менее двух третей.

38. ОРЕХИ (ΚΑΡΥΑ). Аттики и другие писатели используют это слово как общее наименование всех плодов, покрытых твердой скорлупой. Эпихарм, однако, как и мы, обозначает этим особые плоды:

Грызя сушеные
Орешки и миндалинки.

Также и Филлилий [Kock.I.788]:

Орехи, яйца и миндалинки.

Но эфесец Гераклеон пишет: «Орехами называли и миндаль и то, что теперь называют каштанами». У Софокла встречается и название самого дерева:

Орешины (καρύαι) и ясени.

Эвбул [Kock.II.212]:

Орешки буковые, каристийские¹³¹.

Существует и какой-то вид орехов, называемый мостенами¹³².

39. МИНДАЛЬ (ΑΜΥΓΔΑΛΑΙ). [О том,] что у древних буквально на каждом шагу упоминаются наксосские¹³³ миндалины; и действительно, – говорит Афиней, – миндаль с острова Наксос превосходит, в этом я убе-

дился на собственном опыте. Фриних [Kock.I.387]:

...коренные мне
Все зубы выбил он, так что
Наксосские навряд бы смог
Миндалинки погрызть я.

Замечательны и кипрские миндалины; по сравнению с миндалем из других мест они продолговаты и загнуты на концах. Селевк пишет в «Глоссах», что лаконцы называют *микерами* (μικῆρος) мягкие орехи, тогда как жители Теноса¹³⁴ обозначают этим словом сладкие орехи. Америк же пишет, что микер является обычным названием миндаля. Съеденный перед приемом пищи миндаль вызывает сильнейшую жажду. Эвполид [Kock.I.327]:

Дай пожевать наксосские миндалины,
А после выпить дашь вина наксосских лоз, –

потому что был какой-то сорт винограда, называвшийся наксосским. Плутарх Херонейский говорит [«Застольные беседы». 624с], что среди сотрапезников Друза, сына Тиберия Цезаря, был врач, за выпивкой опережавший всех, – этого он добивался, съедая перед попойкой пять или шесть горьких миндалин, а без этого он не выдерживал и малой выпивки. Это потому, что [миндальная] горечь имеет силу сушить и противодействовать влаге. Согласно александрийцу Геродиану¹³⁵ [I.321.21], слово «миндаль» произошло оттого, что под зеленой кожурой поверхность плода покрыта многочисленными рубцами (ἀμυγή).

Осел! ты лезешь к шелухе от лакомства, –
говорится где-то у Филемона [Kock.II.530].

Орешки буковые, приношение Пану, –
говорит Никандр во второй книге «Георгик».

[О том,] что слово «миндаль» встречается также в форме среднего рода. Дифил [Kock.II.567]:

Миндаль (ἀμύδαλα), «плакунты», миртовые ягоды.

40. [О том,] что Памфил требует: в названии миндального плода последний слог должен быть безударен, а в названии дерева ударение должно стоять на последнем слоге и быть обличенным¹³⁶ – ἀμυδάλη подобно ροδί (розовый куст). Так пишет и Арилох:

И цвет прекрасный с розовых кустов (ροδί).

Аристарх название и плода и дерева произносит одинаково с острым ударением (ἀμυδάλη), тогда как Филоксен в обоих случаях пользуется обличенным (ἀμυδαλή). Эвполид [Kock.I.274]:

Меня погубишь ты, клянусь святой миндалиной (ἀμυδαλήν)!

Аристофан [Kock.I.542]:

Ну что ж, возьми-ка эти вот миндалины (ἀμυδαλᾶς),
Ты можешь лбом их щелкать!

Фриних [Kock.I.386]:

Миндаль (ἀμυδαλῆ) – от кашля неплохое снадобье.

Другие же авторы пишут ἀμυδαλᾶς подобно καλᾶς (прекрасные). Трифон в сочинении «Ударение в аттическом диалекте» пишет название плода ἀμυδαλῆ с низким тоном на последнем слоге, тогда как мы произносим его безо всякого повышения тона – ἀμύδαλον; название же дерева Трифон пишет ἀμυδαλῆ как производное от названия плода, получающее из-за своего притяжательного значения обремененное ударение на последнем слоге.

[О том,] что Памфил пишет в «Глоссах», что щипцы для колки орехов называются у лаконцев μουκῆτρο-βαγός, что значит «миндале-ед», так как миндаль лаконцы называют μουκῆτρος.

41. [О том,] что у Никандра упоминается так называемый «понтийский» орех¹³⁷, который некоторые называют «облупленным» (λόβιμα). Гермонакт же и Тимахид пишут в «Глоссах», что понтийский орех известен также под именем «зевсовых бобов».

Гераклид Тарантинский поднимает вопрос, следует ли подавать сласти в начале обеда, как это делается в некоторых местностях Азии и Эллады, или это следует делать после трапезы. Если, например, их подавать после трапезы, когда желудок и кишки полны пищею, то орехи, съеденные для возбуждения жажды, прибавляются к ней, что приводит к обильному выделению газов и порче пищи, так как орехи в силу своей природы всегда тяготят стенки [желудка] и усваиваются с большим трудом, отсюда возникают несварение и понос.

42. «Миндаль, – отмечает Диокл, – высокопитателен и благотворен для кишечника, более того, он согревает, ибо обладает некоторыми качествами проса. Зеленый миндаль полезнее зрелого, замоченный – сухого и поджаренный – сырого. Гераклейские же орехи¹³⁸, называемые также «зевсовыми бобами», не так питательны, как миндаль; кроме того, они сушат и всегда тяготят стенки желудка; в больших количествах они вызывают головную боль. Из этих орехов зеленые вредят здоровью меньше спелых. От персидских орехов¹³⁹ голова болит не меньше, чем от зевсовых бобов, зато они более питательны; глотка и рот становятся от них шершавыми. В жареном виде они вредят меньше. Если есть их с медом, то перевариваются они гораздо легче. Широкие каштаны вызывают обильные ветры, однако в вареном виде они причиняют меньше неудобств, чем сырые или поджаренные, поджаренные же меньше сырых».

Филотим пишет в своем сочинении «О пище»: «Все широкие каштаны и так называемые «сардианские»¹⁴⁰ орехи в сыром виде плохо переварива-

ются и усваиваются кишечником, потому что они крепят и сдерживают выделение желудочных соков. Понтийский орех из-за своей жирности также плохо переваривается; в меньшей степени это относится к миндалю, и поэтому его можно есть помногу, не испытывая никаких неудобств. На вид же он кажется более жирным и пускает жирный сладковатый сок».

Дифил из Сифнии пишет: «Царские орехи вызывают головную боль и 54 прилегают к поверхности желудка. Они гораздо лучше и вкуснее, когда еще мягки и белесы. Те же, что прожарены в печи, малопитательны. Миндаль обладает мочегонным, слабительным и очищающим действием, он тоже малопитателен. Спелый миндаль больше вызывает ветры и тяготит стенки желудка, нежели незрелый. Последний, однако, невкусен и мало-питателен. Если же его отбелить, когда он еще мягок, но достиг уже достаточной величины, он полон молочка и гораздо вкуснее. Миндаль с Фасоса¹⁴¹ и Кипра, даже достигнув спелости, остается мягким и легко выводит- b из организма. От понтийского ореха болит голова, но он меньше тяготит стенки желудка, чем царский».

43. Мнесифей Афинский пишет в сочинении «О пище»: «Что касается эвбейских орехов или каштанов (они известны под обоими этими именами), то они плохо разлагаются в желудке, к тому же перевариваются с большим выделением газов; однако кто хорошо переносит это, тот быстро толстеет. Миндаль же, гераклейские, персидские орехи и другие плоды того же рода много уступают каштанам [в полезности для здоровья]. Действительно, за исключением зеленого миндаля, их нельзя есть в сыром виде, но одни надо варить, а другие поджаривать, потому что одни из них жирны (например, зрелый миндаль и зевсовы бобы), другие же тверды и обладают крепящими свойствами, – таковы буковые орехи и подобные им. Кулинарная обработка удаляет жир из маслянистых частей, а это самое вредное в орехах; твердые же и крепящие составляющие ослабляют- c ся, если долго держать орехи на малом огне».

Дифил называет каштаны также «сардианскими бобами» и добавляет, что они вкусны и питательны, однако плохо усваиваются из-за того, что долго задерживаются в желудке; после прожарки они становятся менее питательными, но перевариваются гораздо лучше. Однако в вареном виде они не только вызывают меньше ветров, но и питательнее поджаренных. d

Звали эвбейцы его *облупленным* (λόπιον) и *карионом* (κάριον),
Просто *бобом* называли другие,

пишет в «Георгиках» Никандр Колофонский. Агелох же называет каштаны *ῥιζοτα*: «Где бы ни росли синопские¹⁴² орехи, дерево называли *ῥιζοτα*».

44. ГОРОХ [ΕΡΕΒΙΝΘΟΙ]. Кробил [Κοκκ. III.381]: e

– Поев пустых стручков зеленого
Горошка, принялись в коттаб¹⁴³ играть они.
– Не человецье, обезьянье лакомство.

Гомер [Ил.ХIII.589]:

Черные скачут бобы, иль зеленые зерна гороха.

Ксенофан Колофонский в «Пародиях»:

Вот о чем нужно вести беседу зимней порою
У очага, возлежа на мягком ложе, наевшись,
Сладкое попивая вино, заедая горошком;
«Кем ты будешь, откуда? Годов тебе сколько, милейший?
Сколько было тебе, когда нагрязнул Мидиец¹⁴⁴?»

f Сапфо:

Заросли по берегам золотились гороха густого.

Феофраст в сочинении о растениях [ИР.VIII.5.1] называет некоторые сорта гороха «баранами». Это название обыгрывается у Софила [Kock.II.447]:

Стручок отца той девы – выдающийся
Баран-пробойник.

Фений пишет в «Заметках о растениях» [FHG.II.300]: «Горох и бобы восковой спелости считаются лакомствами, зрелые же варят и жарят в качестве простых овощей». Алексид [Kock.II.356]:

Всего-то нас пять: вот нищий муж,
Да старая я, да маленький сын.
Да старшая дочь, да младшая дочь.
Мы, трое старших, живем кое-как,
На двух малышей – лепешки кусок.
Когда уж совсем без хлеба сидим,
Без лиры заводим скорбную песнь.
Мы все восковою бледностью
Покрылись уже от голода.
Вся наша еда состоит из бобов,
Люпина и зелени...
Есть репа, вика и желуди,
Есть вика-горошек и «бульба-лук»,
Цикады, дикая груша, горох,
А также сердцу любезные
Сушеные смоквы, родины
Наследие нашей: их принесли
Смоковницы Фригии¹⁴⁵ славной.

b

Ферекрат [Kock.I.169]:

Впредь сделаешь горох ты мягким.

И еще:

Задохся он, грызя горох поджаренный.

Дифил пишет: «Горох плохо переваривается, обладает слабительным и мочегонным действием, а также вызывает ветры». Согласно же Диоклу,

горох вызывает брожение в желудке; белая его разновидность, имеющая прямоугольную форму, лучше черной, милетская лучше называемых «баранами», замоченный лучше сухого.

[О том,] что горох есть дар Посейдона¹⁴⁶.

45. ЛЮПИН [ΘΕΡΜΟΙ]. Вот как пишет тот поэт-забавник [Алексид. Kock. II. 395]:

– Будь он неладен, пусть идет ко всем чертям,
Кто ел люпин и шелухой мусорил
В прихожей. Чтоб он подавился, мусоря!
– Не то что Клеэнет, поэт трагический, –
Он не таков, он человек любезнейший,
И уж не бросит кожуры от овоща.

А Ликофрон Халкидский в сатировской драме¹⁴⁷, высмеивающей философа Менедема (того самого, от которого получила название эретрийская школа¹⁴⁸), пишет следующее в издевку над всеми философами вообще [TGF². 817; ср. 420b]:

Люпин плебейский там всюду отплясывал,
Товарищ верный нищего триклиния.

Дифил [Kock. II. 570]:

Нет хуже ремесла, чем наше сводниче!
Чем блудный дом держать, я рад по улицам
Бродить, торгуя розами и редьками,
Люпино-бобами, выжимкой масличною, –
Все лучше, чем таких девиц прокармливать!

[Афиней] пишет, что следует обратить внимание на слово «люпино-бобы» (θερμόχυαδοί), ибо оно оставалось в ходу и в его время.

Полемон говорит, что лакедемоняне называют люпин «народным заступником» (λυσισαΐδα). Феофраст же рассказывает в «Причинах растений» следующее [IV.2.2]: «Люпин, вика (турецкий горох) и горох – единственные из стручковых, в которых не заводятся черви; этому препятствует их едкая горечь. Увядший горох, – продолжает он, – чернеет». Однако в третьей книге этого же сочинения [III.22.3] он пишет, что в горохе всё же заводятся гусеницы. Дифил Сифнийский пишет, что люпин питателен и обладает слабительным действием, особенно если его длительное время вымачивать в сладком растворе. А поэтому и Зенон Китийский, обычно суровый и очень резкий с приятелями, напившись вина, становился приветливым и ласковым. А кто спрашивал, отчего это, он отвечал, что это так происходит и с волчьими бобами¹⁴⁹ (люпин): они, мол, пока не размокнут, очень горькие, а как напитаются влагой, становятся сладкими и очень вкусными.

46. ФАСОЛЬ (ΦΑΣΗΛΟΙ). Полемон рассказывает, что лакедемоняне на своих пирах, называемых *Копидами*¹⁵⁰, подают на сладкое сушеные

смоквы, бобы и зеленую фасоль. Эпихарм:

И если Дионису мил ты, быстро
Поешь фасоли.

Деметрий [Kock.I.796]:

Фасоль иль смокву, в этом роде что-нибудь.

47. МАСЛИНЫ (ΕΛΑΙΑ). Эвполид [Kock.I.342]:

Вот каракатицы, маслины спелые (δρύτελεῖς).

б Последнее слово заимствовано римлянами, которые называют спелые маслины *drupae*. Дифил пишет, что маслины малопитательны и вызывают головную боль; еще хуже черные маслины – от них болят и голова и живот; маслины, называемые «ныряльщиками [в рассол]», более полезны и обладают крепящим действием. Качество черных маслин улучшается, если их подавить. Упоминает о давленных маслинах и Аристофан [Kock.I.493]:

... маслины подавить.

с И далее:

Ведь подавить их лучше, чем засаливать.

Архестрат в «Гастрономии»:

Пусть тебе подадут морщинистых, спелых оливок.

Потому-то, поминая наш укропный Марафон,
Мы укроп в рассол масличный обязательно кладем, –

воскликает Гермипп [Kock.I.249]. Филемон пишет: «Маслины с дряблой мякотью (фавлии) называют *отрубями*, а черные – *давленными*». Каллимах же дает в «Гекале» перечень различных сортов маслин :

Отруби, старицы (γερυέρцов), те, что зелеными осенью поздней
Плывать в соленый рассол положены были.

д Перезрелые маслины, согласно Дидиму, назывались также *сушеными* (ισχάδας) и старицами. Более того, вместо «спелые маслины», говорили просто «спелые» (δρύτελεῖς), не добавляя слово «маслины». Телеклид [Kock.I.218]:

Пусть угощает он меня без устали
Маслинами (δρύτελεῖσι), ячменными лепешками
И кervелем¹⁵¹.

Давленные маслины афиняне называли *выжимками* (στέμφυλα); а то, что зовем выжимками мы, то есть давленные виноградные грозди, они называли βρούτα, производя это наименование от слова «гроздь» (βότρυς).

е 48. РЕДЬКА (ΡΑΦΑΝΙΔΕΣ). Название редьки связано с легкостью ее выращивания¹⁵². Последний слог (ις) аттики произносят то долго, то крат-

ко. Например, у Кратина он долгий [Kock.I.104]:

Редькам (ῥαφανῖσι) угодно решение, другие же овощи против.

А у Эвполида [Kock.I.342] он краткий: «редьки (ῥαφανίδες) немывые, каракатицы». На то, что эпитет «немывые» относится именно к редькам, а не каракатицам, нам указывает Антифан, который пишет [Kock.II.124]:

Медовых пирогов, орехов и яиц,
Овсянки, меда, уток и медовых сот,
Немытых редек, репы наглотаётся.

Таким образом, «немывыми» являются именно редьки, называемые также «фасийскими»¹⁵³. Ферекрат [Kock.I.198]:

Есть редька под рукой у нас немывая,
Вода уже нагрета для купания,
Орехи, солонина есть.

В уменьшительной форме употреблено слово «редька» в «Гиперболе» Платона [Kock.I.645]: «листок салата или редечка». Феофраст же в «Истории растений» говорит [VII.4.2], что редька бывает пяти сортов: коринфская, клеонийская, леофасийская, аморейская, беотийская. [...] Леофасийская, которую некоторые называют фракийской, лучше всего переносит холода, а беотийская самая сладкая; она круглая, а не длинная, [как клеонийская]. Вообще, говорит он, редьки с гладкими листьями слаще и вкуснее. Каллий называет именно редьку словом ῥάφανος¹⁵⁴: рассказывая о Древней комедии, он пишет [Kock.I.698]:

Маслины созревшие, репы, огонь,
гороховый супчик и редьки (ῥάφανοι),
Лепешки фаллические.

В доказательство того, что ῥάφανος означает здесь именно редьку, можно привести свидетельство Аристофана, который, рассказывая в пьесе «Данайды» о Древней комедии, пишет [Kock.I.456]:

А хор плясал в те давние дни, завернувшись в циновки да тряпки,
Под мышкой зажав вязанки колбас, или редек пучки да грудинку.

Редька была очень дешевым блюдом. Амфид [Kock.II.243]:

Кто при деньгах и, выйдя за провизией,
Упустит случай насладиться рыбами,
А понакупит редек, – не дурак ли он?

49. СОСНОВЫЕ ШИШКИ (ΚΩΝΟΙ). Афинский врач Мнесифей в сочинении «О съестных продуктах» называет косточки шишек *скорлупками* или просто *шишками*. Диокл Каристийский называет их «сосновыми орешками», а Александр Миндийский – «сосновыми шишками». Феофраст же дерево называет сосной, а плоды шишками. Гиппократ в сочинении «О ячменном отваре», добрая половина которого считается неподлин-

ной (некоторые полагают, что подложно всё сочинение), [называет их] «ядрышками», а многие – «косточками», как и Геродот, когда говорит о понтийском орехе [IV.23]: «Внутри спелого плода есть косточка». Дифил Сифнийский пишет: «Эти шишки очень питательны, а благодаря смоле, содержащейся в них, они смягчают сосуды бронхов и очищают диафрагму». Мнесифей добавляет, что тело от них тучнеет, пищеварению же они не вредят; кроме того, они обладают мочегонным действием и безвредны для кишечника.

50. ЯЙЦА (ΩΙΑ). Анаксагор говорит в «Физике», что то, что называют «птичьим молоком», – это белок яйца. Аристофан [«Птицы».695]:

Ночь, от ветра зачав, первородок-яйцо принесла¹⁵⁵.

Сапфо пишет слово «яйцо» в три слога (ῶιον):

Говорят, нашла когда-то Леда яйцо¹⁵⁶.

И еще:

Яйца белей namного.

Эпихарм пишет это слово ῶεον:

Яйца (ῶεα) гусей и куриц, несушек крылатых.

[Также] Симонид во второй книге ямбов:

Подобно яйцу меандровского¹⁵⁷ гуся.

Анаксандрид растягивает это слово на четыре слога: ῶάρια (яичечки) [Kock.II.163]. Также Эфипп [Kock.II.203; ср.29d]:

Горшочки-крохотки с вином из фиников,
Яичечки и всякая безделица.

Кажется, Алексид пишет [Kock.II.392] о ломтиках яиц. Яйца-болтуны назывались не только ἀνεμαῖα (ветреные), но и ὑπνέμα (легкие, как ветер).

«Верхние этажи дома, называемые у нас ὑπερφα, они называли *яйцами* (ῶά)», – пишет в «Любовных историях» Клеарх [FHG.II. 316], добавляя, что поэтому-то о Елене, выросшей в подобном жилище, разнеслась молва¹⁵⁸, будто бы она вылупилась из яйца. Поэтому большую ошибку допускает Неокл Кротонский, пишущий, будто яйцо, из которого вылупилась Елена, упало с Луны, – ибо хотя лунные женщины и кладут яйца, но тамошние младенцы в пятнадцать раз крупнее наших – об этом рассказывает Геродор Понтийский [FHG.II.35].

Ивик в пятой книге «Песен» говорит о сыновьях Молионы:

Белоконных сыновей
Молионы убил я¹⁵⁹ –
Сверстников, крепко сращенных друг с другом,
Храбрых. В яйце родились серебряном
Вместе они.

Эфипп [Kock.II.255; ср.642c]:

Явились сласти, пряники кунжутные,
Медовые, молочные пирожные
И тьма яиц – за все мы принялись.

О выеденных яйцах упоминает Никомах [Kock.III.389]:

Отцовское наследное имущество
Я взял в кулак и в месяцы немногие
Всю мякоть выжал, как яичко высосал.

О гусиных яйцах – Эриф [Kock.II.430]:

– Белее снега яйца, и громадные.
– Гусиные, наверно, а не Ледины¹⁶⁰.

Эпэнет и Гераклид Сиракузский утверждают в «Искусстве кулинарии», что лучшие из яиц – павлиньи, за ними следуют яйца утки пеганки (anas tadorna), и лишь на третьем месте куриные.

51. АПЕРИТИВ (ПРОПОМА). [Афиней] говорит, что когда первая порция аперитива была обнесена вкруговую, церемонимейстер пиров У л ь п и а н спросил, можно ли найти у какого-либо автора слово «аперитив», употребленное в значении, какое вкладываем теперь в него мы. Сделав паузу и убедившись, что никто не собирается отвечать, он продолжил: «Я скажу сам. Если память мне не изменяет, Филарх Афинский, или Навкратидский, пишет следующее в том месте своего сочинения, где речь идет о вифинском царе Зеле¹⁶¹, который, замыслив зло на галатских вождей, пригласил их на пир, однако сам был [ими] убит [FHG.I.341]: “Как было заведено с самого начала, перед пиром разнесли какой-то аперитив”». Рассказав это, У л ь п и а н попросил дать ему выпить из холодной чаши, приговаривая, как он доволен, что его безотказная память не подвела его и на этот раз. В составе этого аперитива Афиней выделяет мальвы¹⁶².

52. МАЛЬВЫ (МАЛАХΑΙ). Гесиод [«Труды и дни».41]:

... на великую пользу идут асфodelи¹⁶³ и мальва (μαλάχη).

Так [через альфу] пишут и аттики. «Однако, – говорит Афиней, – во многих списках комедии Антифана «Минос» я нашел это слово, написанное через омикрон [Kock.II.75]:

Грызущие корень мальвы (μολόχης).

Также у Эпихарма:

... да я смиреннее мальвы».

Фений пишет в трактате «О растениях» [FHG.II.300]: «Семяносец садовой мальвы называется *плацентой*, будучи очень похож на нее с виду; ведь его ткань, похожую на гребешок, можно уподобить основанию пла-

центы, а в середине плаценто-подобного утолщения можно усмотреть нечто похожее на пупок. Если удалить основание, то оставшееся становится похожим на поперечный разрез морского ежа».

f Дифил Сифнийский рассказывает, что мальва сочна и смягчает бронхальные сосуды и едкие соки, находящиеся в верхней части желудка; очень полезна мальва при раздражениях почек и мочевого пузыря, она питательна и легко выводится из организма, причем дикая мальва¹⁶⁴ полезней садовых сортов. Ученик Каллимаха Гермипп утверждает [FHG.III.40], что мальва является главной частью снадобья, называемого «лекарством от голода и жажды».

59 53. ТЫКВЫ (ΚΟΛΟΚΥΝΤΑΙ). Эвтидем Афинский в сочинении «Об овощах» называет тыкву «индийским огурцом», потому что семена ее были завезены из Индии. В Мегалополе¹⁶⁵ называют ее *огурчиком* (οικυων-α). Феофраст говорит о тыквах [IP.VII.4.6], что они все представляют собой только один сорт, только экземпляры бывают лучше и хуже. Однако Менодор, ученик Эрасистрата и приятель Гикесия, пишет: «Тыквы подразделяются на *индийские*, называемые также «огурцами» (οικύα), и просто тыквы. Индийские тыквы обычно варят, а обычные тыквы можно еще и жарить». Жители Книды¹⁶⁶ до сих пор называют тыквы *индийскими*. Однако живущие вокруг Геллеспонта называют продолговатые экземпляры «огурцами», а круглые – тыквами.

b Диокл утверждает, что самые лучшие тыквы вырастают около Магнесии¹⁶⁷. Они имеют форму идеального шара, достигают огромных размеров, сладки и очень полезны. Наилучшие огурцы вырастают в Антиохии¹⁶⁸, салат-латук в Смирне и Галатии¹⁶⁹, рута – в Мире¹⁷⁰.

c Дифил пишет: «Тыква малопитательна, она легко усваивается, содержит много влаги, сочна и легко выводится из организма. Полезно есть ее, запивая водой, смешанной с уксусом, потому что с приправами она гораздо вкуснее. Если употреблять ее с горчицей, она снижает вес; в вареном виде она лучше усваивается и выводится из организма». Мнесифей же пишет: «Вообще все овощи легко варятся на огне: таковы огурцы, тыквы, кидонские¹⁷¹ яблоки (айва), воробьиные яблоки¹⁷² (вид айвы) и всё тому подобное. После этого они становятся малопитательными, но совершенно безвредными и снабжают организм влагой. Все они замедляют пищеварение. Предпочтительнее употреблять их в вареном виде». Аттики называют все виды этого растения исключительно тыквой (κολοκύντη). Гермипп [Kock.I.248]:

Что у него за голова! Как тыква!

Фриних говорит уменьшительно [Kock.I.386]:

Лепешечки кусочек или тыквочки (κολοκύντιου).

Эпихарм использует обычную форму слова:

Полезней тыквы (κολοκύντας) он, конечно же.

На нем лежало, чудно представлявшее
 Сезоны года и круговорот времен.
 Был небосвод представлен полушарием,
 На коем красовались все созвездия:
 Козлят и рыб там скорпион преследовал,
 А звезды были – ломтики яичные.
 Когда же мы взялись за мироздание
 С напарником вдвоем, весь труд достался мне:
 Всё толковал о чем-то он отчаянно
 И головою тряс, а я усердствовал,
 Покуда блюдо решетом не сделалось.

56. ГРИБЫ (МУКАΙ). Аристий [TGF². 727]:

От грибных раскатов грома трясся каменный порог.

Полиох [Kock. III.390]:

Посыпанный мякиной, черный, маленький
 Ячменный хлебец каждый дважды получал
 На дно, немного смокв; грибы мы жарили,
 В ненастный день ходили за улитками;
 Из здешней зелени еще чего-нибудь,
 Иль давленных маслин, вина немножечко –
 Отменной местной дряни.

Антифан [Kock. II.111]:

Обед – ячменная лепешка, что на бой
 За дешевизну выйдя, ошетилилась
 Мякиной грозно, луковица ириса,
 Приправа, гриб, осот¹⁷⁵, еще чего-нибудь,
 Чем нас, убогих, кормит место жалкое.
 Так мы живем: без жара, без огня в крови.
 И кто, имея мясо, станет есть тимьян,
 Слыви он хоть адептом Пифагоровым?

И продолжает:

Кто знает жребий свой? И что нам вынести
 Еще придется? Так пожар же два гриба,
 Вот этих, из-под дуба каменного.

[О том,] что ученик Исократ Кефисодор в сочинении против Аристотеля (оно состоит из четырех книг) упрекает философа за то что тот почитал ниже своего достоинства заняться собиранием пословиц, тогда как Антифан написал целую пьесу, озаглавленную «Пословицы». Из нее цитируются следующие стихи [Kock. II.88]:

Да если б я притронулся к чему-нибудь
 Из вашей снеди, мне бы показалось,
 Что ем грибы сырые или яблоки
 Кислейшие или еще чего-нибудь,
 Чем морят смертных.

57. Грибы зарождаются в земле, и лишь немногие из них съедобны, большинство же вызывает удушье. На этом основана и шутка Эпихарма:

Вы прямо, как грибы сушеные,
Меня задушите.

f

Никандр перечисляет в «Георгиках» ядовитые грибы:

Все те страдания и злоба, какие
Каменный дуб и простой, олива и груша накопят,
Тяжестью смертной в грибах набухают.

Говорит он также и что

Если сокроешь глубоко в навозе смоковницы стебель,
После его увлажнишь текучею вечно водою,
То прорастут от ствола грибы безвредные; только
С корнем их от основания не отрывай.

61

[Остальное было неразборчиво]*.

Так ты поганки-грибы (ἀκανθας) посадишь, –

пишет там же тот же Никандр. А Эфипп [Кокк. II.263]:

Чтоб, как грибы, я мог бы задушить тебя.

Епархид рассказывает [FHG.IV.404], что когда поэт Еврипид гостил в Икарии, он сочинил эпиграмму по случаю гибели целой семьи – матери, двоих взрослых сыновей и незамужней дочери: они отравились, поев в поле ядовитых грибов. Эпиграмма такова:

b

Гелиос-бог, бороздящий эфира нетленного сферу!
Зрел ли такую беду зрак ослепительный твой?
Мать, дочь-девицу и двух близнецов уже возмужалых
Разом похитила смерть в день для семьи роковой.

Диокл Каристийский пишет в первой книге трактата, озаглавленного «Здоровье»: «Из диких растений для варки пригодны белая свекла, мальва, щавель, крапива, лебеда, трюфели и грибы».

c

58. ПОРУЧЕЙНИК (ΣΙΑ). Спевсипп во второй книге «Подобий» говорит, что он растет в воде, подобно болотному сельдерее. Поэтому и Птолемей Эвергет, второй царь Египта, требовал переписать гомеровский стих следующим образом [Од.V.72]:

Вкруг зеленели луга поручейника (σίου) и сельдерея, –

ибо сельдерей растет вместе с поручейником, но не с фиалками (ἴα).

59. Дифил говорит, что грибы вкусны, расслабляют кишечник, питательны, но трудно перевариваются и вызывают вздутие живота. В особенности это касается грибов с острова Кос¹⁷⁶. «Многие даже смертельно ядовиты. Пригодные в пищу с виду тонки, нежны и ломки; они вырастают под вязами и соснами. Ядовитые же [на изломе] чернеют или синеют, они же-

d

* Приписка эпитоматора.

етки и после варки выставляются на стол уже совершенно твердыми; съевшие их умирают. Помогает [обильное] питье медовухи, кислого меда, соды и уксуса. После питья надо вызвать рвоту. Поэтому очень важно сразу же после сбора грибы обработать уксусом, медом или солью: это удаляет все, что вызывает удушье». Феофраст же пишет в «Истории растений» [fr.168]: «Растут эти растения иногда под землей, иногда на ее поверхности. Последних некоторые называют *дождевиками*¹⁷⁷ (πέζια), они растут среди грибов; как и грибы, корней они не имеют. Однако [в отличие от дождевиков] грибы обладают вытягивающейся сообразно их разбуханию ножкой, от которой отходят корешки». Пишет он также [ИР.IV.7.2], что в море вокруг Геракловых Столпов¹⁷⁸ после обильных дождей появляются грибы, которые окаменевают на солнце. И Фений в первой книге его трактата «Растения» [FHG.II.300]: «Другие же растения никогда не производят ни цветков, ни клубнеподобных почек, содержащих семена, ни даже вовсе каких-либо семян; таковы гриб, трюфель, папоротник и вьющийся плющ». Он же пишет о «папоротнике, который некоторые называют βλάχων». Феофраст в «Истории растений»¹⁷⁹: «Растения, покрытые гладкой кожей, такие как трюфель и грибы: дождевик и исполинский дождевик¹⁸⁰ (γεράνειον)».

62 60. ТРЮФЕЛИ (ΥΔΝΑ). Они самозарождаются в земле преимущественно на песчаных местах. Феофраст говорит о них [ИР.I.6.9]: «...трюфель, так называемый исполинский дождевик, и вообще все растения, находящиеся под землей...». И еще [fr.167]: «... и зарождение, и наружность подземных растений, таких как трюфель или растущий в окрестностях Кирены¹⁸¹ гриб, называемый μίσυ¹⁸². Он слыет большим лакомством, имеет запах мяса и походит на фракийскую *стрелу* (οϊτόν). Считается, что этот вид растений обладает следующей особенностью: они зарождаются во время обильных осенних дождей и сильных гроз, и чем больше громов, тем больше их прорастает, так что грома-де их и порождают¹⁸³. Грибы эти однолетние и более года не живут, собирать же их надо весной, когда они достигают наибольших размеров. Тем не менее некоторые полагают, что эти растения прорастают из семени. В доказательство они ссылаются на то, что на побережье Митилены¹⁸⁴ трюфели не появляются, пока не пройдут ливни и не принесут их семена из Тиар¹⁸⁵. В Тиарах они растут в изобилии, и вообще более всего их появляется на побережье, в особенности в песчаной почве, – как раз таковы Тиары. Водятся они также в Абарниде близ Лампсака¹⁸⁶, в Алопеконнесе¹⁸⁷, и Элиде¹⁸⁸».

Линкей Самосский пишет: «...море рождает медуз, а суша трюфели». И пародист Матрон в своем «Пире»:

Лакомых устриц принес: они трюфлями служат Фетиде.

Дифил отмечает, что трюфели перевариваются с трудом, однако сочны, смягчают и расслабляют кишечник, некоторые же из них, подобно

грибам, причиняют смерть через удушье. Гегесандр Дельфийский пишет [FHG.IV.420], что на Геллеспонте¹⁸⁹ ни трюфель не водится, ни горбыль, ни даже тимьян. Потому-то Навсиклид и сказал, что не найдешь там ни весны, ни товарища. Памфил упоминает в «Глоссах» некую траву, которую он называет *трюфельным листом*: она вырастает над тем местом, где появится трюфель; по ней его и находят.

61. КРАПИВА (ΑΚΑΛΗΦΗ). Так аттики называют травянистое растение и пахучую траву. Аристофан в «Финикиянках» [Kock.I.751]:

А всех прежде
Выросла всякая овощь
С каменной крапивой.

62. СПАРЖА (ΑΣΠΑΡΑΓΟΙ). Одни ее разновидности называются *болотными*, другие *горными*. Лучшая – та, что вырастает не из семян, она целебна при всех внутренних недомоганиях. Зато сеяная бывает огромной величины, и говорят, что в ливийской Гетулии она толщиной не уступает кипрскому тростнику, а в длину достигает двенадцати футов; в горах же и на берегу океана она достигает толщины больших нартексов и длины около двадцати локтей. Кратин пишет ее через φ [Kock.I.108], т.е. ἀσφάραγος. Также Феопомп [Kock.I.751]:

Затем, заметив спаржу (ἀσφάραγος) под одним кустом...

И Амипсий [Kock.I.677]:

Ни дерева мастичного¹⁹⁰, ни спаржи нет (ἀσφάραγος),
Ни лавра веточки.

Дифил же говорит, что капуста-спаржа, имеющая специальное название *стрелка* (δρεμενος), более полезна для желудка, к тому же она расслабляет кишечник, но вредит зрению. Кроме того, она жжется, обладает мощным действием и портит почки и мочевого пузырь. Росток же, вытягивающийся из капустного кочана, называется стрелкой только у аттических авторов. Софокл в «Следопытах» [TGF². 109]:

Росток (βλάστη) не замирает *устремившийся*, –

от глаголов ἐξορούειν – «устремляться» и βλαστάνειν – «расти».

Антифан, наоборот, пишет слово «спаржа» через λ, т.е. ἀσπάραγος [Kock.II.130]:

Блестала спаржа (ἀσπάραγος) и горох стоял в цвету.

Аристофонт [Kock.II.282; ср.170b]: «Каперс, полей (разновидность мяты), тимьян, спаржа (ἀσπάραγος), лук-порей, терн, шалфей и рута».

63. УЛИТКИ (ΚΟΧΛΙΑΣ). Филиллий [Kock.I.787-788]:

Жена, ведь не цикада, не улитка я.

А также:

Сардины, скумбрии, ...
... улитки, коракины.

d

e

f

63

Гесиод называет улитку *домоносцем* [«Труды и дни».569]. Это же обыгрывает и Анаксилай [Κοκκ.Π.274]:

- b Намного ты улиток недоверчивей,
А ведь они таскают на горбу своим
Дома от подозрительности.

Ахей [TGF². 757]:

Этна¹⁹¹ ль питает таких
Громадных рогатых улиток?

Также на пирах предлагается в качестве загадки следующий стих, описывающий улитку:

В древе рожден, без шипов, бескровен, ходит по влаге.

Аристотель в пятой книге «О частях животных» пишет [ИЖ.V.41], что улитки появляются в период размножения осенью и весной. У них единственных из черепокожих наблюдалось спаривание. Феофраст пишет в сочинении «О животных, обитающих в норах»: «Улитки прячутся в норах даже зимой, но еще больше летом. Поэтому они и появляются в огромных количествах во время осенних дождей. Летом они укрываются или в земле, или на деревьях».

Некоторые разновидности улиток называются *сесилами* (σέσιλοι). Эпихарм:

– Вот этих всех на саранчу меняю я,
А за моллюсков я возьму одних *сесил*.
– Иди ты к черту.

- d Однако Аполлас пишет, что лакедемоняне называют улиток *семелами* (σέμελον), а Аполлодор во второй книге «Этимологии» указывает, что некоторые виды улиток называются «предобедниками»¹⁹².

64. ЛУКОВИЦЫ «БУЛЬБЫ» (ΒΟΛΒΟΙ). В пьесе Эвбула «Амальтея» Геракл отвергает «бульбы» (βόλβος) в таких словах [Κοκκ.Π.166]:

Горяч ли он, остывший или тепленький –
Волнует всех живей, чем Трои взятие.
И не капустных стеблей, и не силфия,
И не дрянных гарниров святотатственных,
Не «бульбы» я пришел нажраться луковиц.
Нет, тем, что в прибавленьи силы первое
И первое по вкусу и в полезности
Для нашего здоровья: угощаюсь я
Кусками мяса, свежими, громадными,
Свинными оконечностями (ἄχροῦλλα), мордами;
Вдобавок три кусочка поросеночка
Засоленного.

Алексид же высказывается о благотворном воздействии этих луковиц на

мужскую силу [Kock.Π.399]:

Пинны, крабы, лук,
Улитки, яйца, трубачи, конечности (ἄκροχώρα),
И всё подобное: влюбленный в девушку
Навряд отыщет лучше этих снадобье...

f

Ксенарх в «Буколионе» [Kock.Π.467]:

И гибнет дом,
Где чресла у хозяев обессилены:
Дух гибели, страшнее, чем Пелоповский,
В кого ворвется – всем беда! И голову
Втянувший в плечи земнородный бульба-лук,
Деметрин друг, необходимый каждому
В вареном виде, не поможет гибнущим.
Напрасно и возвращенный в черных омутах
Полип, крепитель членов, свежепойманный
Плетеною сетей неумолимостью,
Напрасно наполняет чрево твердое
Горшка, дитяти ремесла гончарного.

64

Архестрат:

Здесь говорю я «прощай!» кочерыжкам капустным и луку,
Укусникам и прочей закуске.

65. Гераклид Тарантийский в «Пире»: «Считается, что луковицы-“бульбы”, улитки, яйца и подобное им способствуют производству семени; однако это происходит не потому, что они высокопитательны, но из-за того что они содержат семяподобные первоэлементы, воздействующие с наименьшей силой». Дифил: «Лук-бульба с трудом переваривается, но питателен и полезен; оказывает очищающее действие на организм, но ослабляет зрение. Кроме того, лук-“бульба” возбуждает любовное желание». Такова и поговорка:

b

Не поможет тебе «бульба», коли жилы слабые.

66. Действительно, так называемые «царские луковицы» более всех прочих возбуждают любовные желания: после них – красные; белые походят на ливийский морской лук; а слабее всех египетские. Те же, что называются *бульбинами* (βολβίνοι), сочнее прочих луковиц, однако из-за своей сладковатости они не очень полезны; более того, будучи довольно жесткими, они способствуют тучности, но из кишечника выводятся легко. Упоминает о «бульбинах» и Матрон в пародиях:

c

Весь же осот рядовой не могу ни назвать, ни исчислить, [Ил.Π.488]
Мякотью белой глава полна его, грозна шипами; [Ил.Π.323]
Также *бульбин*, Олимпийца Зевеса лирников-мужей. [Гомеровские гимны. XXV.3]

В почве сухой их вскормил нескончаемый ливень Зевесов,
Снега белее они, а видом на плюшки похожи, [Ил.X.437]
К ним, подраставшим, не раз влеклось благородное брюхо.[Ил.XX.223]

- d 67. [О том,] что Никандр хвалит «мегарские¹⁹³ луковицы». Феофраст в седьмой книге «Истории растений» [VII.13.8]: «В некоторых местностях, например в Херсонесе Таврическом, лук-бульба (βόλβος) настолько сладок, что его едят сырым». То же самое рассказывает и Фений [FHG.II.300]. «Есть такой его вид, – продолжает Феофраст, – который растет по морскому берегу и у которого под внешним покровом есть шерсть, которая находится, таким образом, между внутренней, съедобной, частью и наружной. Из этой шерсти изготавливают сандалии и разную одежду». Согласно Фению, волосат и индийский лук-бульба.
- e

О способах приготовления луковиц «бульбы» пишет Филемон [Kock.II.516]:

Взгляни, коль хочешь ты, на бульбу-лук:
Ведь сколько тратит шельма, чтобы чваниться!
Лук нужен, мед, оливковое маслице,
Кунжут, сыр, уксус, сильфий – сам же по себе
Он дрянь горчайшая.

- f Гераклид Тарентский требует ограничить употребление луковиц «бульбы» на пирах: «...объедаться нельзя никоим образом, в особенности кушаньями липкими и вязкими, такими, как яйца, лук-«бульба», требуха, улитки и тому подобное. Всё это надолго застревает в кишечнике и, связывая внутренние соки, препятствует их течению».

68. ДРОЗДЫ (ΚΙΧΛΑΙ). За предварительной выпивкой (προποῖμασι) нам подавали целые стаи дроздов и многих других пернатых. Телеклид [Kock.I.209; ср.268d]:

И влетали зажаренные дрозды
прямо в рот, и с лепешками вместе.

Сиракузяне произносят слово «дрожд» κιχῆλα. Эпихарм:

Дроздов (κιχῆλας), оливки поклевать любителей.

- 65 Упоминает о них в «Облаках» и Аристофан¹⁹⁴ [339]. Аристотель рассказывает [ИЖ.IX.617.96], что существует три вида дроздов. Первый, и самый большой, величиной с сороку; его называют *иксоедом*, потому что он питается [только] ягодами омелы¹⁹⁵ (ἰξόν). Другой – *трихад*¹⁹⁶, величиной с черного дрозда. Меньше всех третий, которого называют *илладом* (ἰλλάδα)¹⁹⁷, а иные, – пишет Александр Миндский, – *тиладом* («хохолок» τυλάδα). Они, подобно ласточкам, собираются в большие стаи и на их же манер выют гнезда.

- b [О том,] что приписываемая Гомеру поэмка, озаглавленная «Дроздовки» (Ἐλικηλάδες), называется так, потому что Гомер пел ее детям, получая в награду дроздов. Об этом рассказывает Менехм в сочинении «О мастерах».

69. ПЕНОЧКИ ФИГОВЫЕ¹⁹⁸ (ΣΥΚΑΛΙΔΕΣ). Александр Миндский рассказывает: «Другую разновидность синичек одни называют *элеий*

(ἔλαιος), другие *пиррией* (πυρραίς), во время же созревания фиг ее зовут фиговой пеночкой». Она разделяется на два вида: собственно фиговую пеночку и черную шапочку. Эпихарм:

Блестящих фиговых пеночек (συκαλλίδες), –

и еще:

Также было много цапель длинно-шее-выгнутых,
Глухарей, что ищут семя и блестящих фиговых
Пеночек (συκαλλίδες).

Повятыся они преимущественно во время созревания фиг; поэтому правильнее писать их название через одну λ, Эпихарм же пишет две λ ради ритма.
70. ЗЯБЛИКИ (ΣΠΙΝΟΙ). Эвбул [Kock.Π.214]:

Справляются ведь в доме Амфидромии¹⁹⁹.
На них должны мы сыру херсонесского
Ломтей нажарить, отварить блестящую
Капусту в маслице оливковом, тушить
Ягняток грудки жирные, ошипывать
Дроздов дородных, вяхирей, да зябликов,
Да каракатиц пожевать, анчоусов,
Отбить искусно тьму полипных щупальцев,
Да пить вина за чашей чашу крепкого.

71. ЧЕРНЫЕ ДРОЗДЫ²⁰⁰ (ΚΟΨΙΧΟΙ). Никострат или Филетер [Kock.Π.221]:

– Скажи мне, что ж купить?
– Без лишних трат, но всё, что нужно: зайчика,
Коль попадется, уток поболее.
Да сколько сможешь, черных и простых дроздов.
А диких птиц – всех, всех, какие встретятся.
И будет мило.

Антифан упоминает среди снеди и СКВОРЦОВ [Kock.Π.130]:

Мед, куропатки, вяхири,
Скворцы, сороки, утки, гуси, черные
Дрозды и галки, перепелка, курица.

Ты требуешь от нас объяснять буквально всё подряд, и словечка нельзя вымолвить, чтобы не подвергнуться допросу.

[О том,] что ВОРОБЕЙ (ΣΤΡΟΥΘΑΡΙΟΝ) упоминается у Эвбула, а также у многих других авторов [Kock.Π.208]:

Четыре-пять возьми-ка куропаточек,
Зайчишек штуки три-четыре, воробьев,
Чтоб было что погрызть, щеглов и зябликов,
Да попугаев, пустельги, чего-нибудь,
Что попадется.

f 72. СВИНЫЕ МОЗГИ (ΕΓΚΕΦΑΛΟΙ ΧΟΙΡΕΙΟΙ). Философы не решают нам есть их²⁰¹, говоря вкушающим: «Грызть же бобы – все равно, что» поедать не только «родителей головы милых», но и всё самое нечистое. По крайней мере никто из древних не ел свиные мозги, ибо они за-
 66 ключают в себе почти всю способность чувствовать.

Аполлодор Афинский говорит, что никто из древних не употребляет слово *мозг* (ἐγκεφάλων): и Софокл, например, рассказывая в «Трахиня-
 ках» [791] о том, как Геракл швырнул Лихаса в море²⁰², говорит не о моз-
 ге, но о *белой мякоти* (λευκὸς μυελός), уклоняясь от точного обозначения:

Мякоть (λευκὸς μυελός) брызнула,
 Кровавый череп на куски разбился, –

хотя в остальных деталях он точен. И Еврипид, представляя Гекубу, опла-
 кивающую сброшенного эллинами Астианакта²⁰³, пишет [«Троянки».1137]:

b Ох, бедный мой! Жестоко раздробила
 Тебе головку Фебова твердыня!..
 Как выющиеся волосы твои
 Расчесывала мать, как целовала..
 Из черепа раздробленного кровь
 Течет... о худшем умолчу...

Чтобы правильно понять эти две цитаты, следует немного задержаться.
 Ведь слово «мозги» есть и у Филокла [TGF². 760]:

И если б ел *мозги*, не оторвался бы, –

и у Аристофана [«Лягушки».134]:

Но так *мозгов* две трети разлетелось бы, –

c и у других. Софокл, следовательно, воспользовался выражением «белая
 мякоть» для поэтичности, Еврипид же и вовсе не пожелал изображать
 гнусное и безобразное зрелище и показал лишь то, что хотел. Голова во-
 обще считалась священной; это ясно из того, что ею клялись и почиталось
 святым даже исходящее из нее чихание. Ведь даже договоры закреплялись
 кивком головы, о чем говорит и Зевс у Гомера [Ил.1.524]:

Зри, да уверенна будешь, – тебе я главой помагаю.

d 73. [О том,] что в предварительное питье входят перец, салатный лист,
 смирна²⁰⁴, осока и египетское миро. Антифан [Kock.Π.125]:

Накупишь перцу – не успеешь в дом войти,
 Уже доносы пишут, казни требуя
 Колесованием шпиона подлого.

А также:

Теперь пуститься надо мне на поиски
 Перчинки или «блита» (?) ягоды.

Эвбул [Kock.II.210]:

Взяв зернышко крапивы или перчика,
Его ты с миррой разотри-ка, женщина,
И окропи дорогу.

Офелион [Kock.II.294]:

Ливийский перец, благовоние,
И книжицу с Платоновыми бреднями.

Никандр в «Териаках» [875]:

Мелколепестника²⁰⁵ листьев нарвав пушистых и мелких –
Он ведь на каждом шагу встречается – или же перца
Свежего мелко нарезав, мидийского кардамона²⁰⁶.

Феофраст пишет в «Истории растений» [IX.20.1]: «Перец – это плод, который бывает двух видов: есть круглый, как горькая вика, с кожурой и мясом, как у лавровых ягод, красноватый. Другой продолговатый, черный с зернышками, похожими на маковые, гораздо более едкий, чем первый. Горячительными свойствами обладают оба. Поэтому перец, так же как и ладан, помогает против отравления болиголовом²⁰⁷». В сочинении же «Об удущье» он пишет [fr.166]: «Возвращает их к жизни вливание уксуса, смешанного с растертыми семенами перца или крапивы». Любопытно, что ни одно греческое существительное, кроме «меда» (μέλι), не оканчивается на йоту. Ведь «перец» (πέπερι), «гумми» (χόμμι) и «койфи»²⁰⁸ (κοΐφι) – слова иноязычные.

74. ОЛИВКОВОЕ МАСЛО (ΕΛΑΙΟΝ). Самосское масло упоминает Антифан или Алексид [Kock.II.134,408]:

Масла вот тебе
Метрет²⁰⁹ самосского, что белизной своей
Все масла побивает.

Карийское²¹⁰ масло упоминает Офелион [Kock.II.294]:

Карийским маслом умащается.

Аминта пишет в «Путеводителе по Персии»: «На этих горах произрастают терминт, мастиковое дерево и персидский орех, из которого для царя в больших количествах дают масло». Ктесий же говорит, что в Кармании²¹¹ для нужд царя производят масло из терновника. В сочинении «О даях, собираемых в Азии» он дает перечень всего, поставляемого к царскому столу, не упоминая при этом ни перца, ни уксуса, который «из всех приправ приправа наилучшая». Не упоминает его и Динон в «Персидской истории», хотя пишет [FHG.II.92], что для царя из Египта возят аммонияк²¹² и нильскую воду.

Об оливковом масле, называемом «сырцом», упоминает в сочинении «О запахах» Феофраст [IV.14-15], добавляя, что получают его из маслин с

дряблой мякотью (φαλλαι) и миндаля. В числе отличнейших называет оливковое масло, получаемое в Фуриях, Амфид [Kock.II.248; ср.30b]:

Из Фурий масло, чечевица гельская²¹³.

c 75. РЫБНЫЙ СОУС²¹⁴ (ΓΑΡΟΣ). Кратин [Kock.I.95]:

Полна корзинка ваша рыбным соусом.

Ферекрат [Kock.I.197]:

Всю бороду замызгал рыбным соусом.

Софокл в «Триптолеме» [TGF². 264]:

... из рыб соленых соуса.

Платон [Kock.I.656]:

Они меня утопят, окунув меня

В протухший рыбный соус.

А что это существительное мужского рода, видно из эсхиливского стиха [TGF². 71]:

И рыбный соус (γάρον).

d 76. УКСУС (ΟΞΟΣ). Из всех приправ (ῥδυσμα) только его аттики называют *наслаждением* (ῥδος). Философ Хрисипп утверждает, что наилучшими уксусами являются египетский и книдский. Аристофан же пишет в «Плутосе» [720]:

Всё это он полил сфеттийским уксусом.

Комментируя этот стих, грамматик Дидим пишет: «Возможно, потому что уроженцы дема Сфетт [в филе Акамантиде] были очень язвительны». В другом месте он упоминает, что хорош уксус из Клеон [Kock.I.560]:

В Клеонах²¹⁵ тоже уксусник отыщется.

Также Дифил [Kock.II.572]:

– Поверь мне: выхлебал,

Забившись в уголок на лаконский лад,

Он за обедом уксуса котилу²¹⁶.

– Врешь!

– Что значит «врешь»?

– Так ведь клеонский уксусник

Вмещает ровно столько.

Филонид [Kock.I.256]:

Нет уксуса у них в приправах.

e Гераклид Тарентский пишет в своем «Пире»: «Можно наблюдать, как на открытом воздухе некоторые вещества свертываются под действием уксуса; примерно то же самое происходит и в желудке. Никто, однако, не станет спорить, что внутри нас смешаны самые различные соки, поэтому некоторые сгустки уксус растворяет».

Высоко ценился также декелейский уксус. Алексид [Kock.Π.400]:

Из Декелеи уксуса домашнего²¹⁷
Заставил ты меня четыре полные
Котилы выпить, – сразу после этого
На рынок потащил в жару полдненную!

Οξύγαρον (уксусный соус) следует писать через ипсилон, так же как и вмещающий его сосуд ὀξύβαφον (соусник); ведь и у Лисия сказано в речи «Против Феопомпа по обвинению в насилии»: «Я же пью мед с уксусом (ὀξύμελι)». По тому же образцу мы скажем и ὀξύρόδιον (рыба в уксусе).

77. [О том,] что слово «приправы» (ἀρτύματα) встречается у Софокла [TGF². 278]:

И приправы пищевые.

Также у Эсхила [fr.299]:

Приправами пропитываешь.

И Феопомп пишет [FHG.I.298]: «Много мединнов приправ, много мешков и мехов с книгами и всем остальным, необходимым для жизни». Глагольная форма обнаруживается у Софокла [TGF². 357]:

Искусный повар, всё смогу приправить я.

Кратин [Kock.I.101]:

Должным образом не всякий вам приправит горбыля²¹⁸.

Эвполид [Kock.I.347]:

Едой дрянной, приправленной роскошнейше.

[О том,] что у Антифана где-то перечисляются следующие приправы [Kock.Π.69]:

Сильфия²¹⁹, изюму, соли, суслу, сыру и тимьяна,
Семена кунжута, соды, тмина, кешу и душицы,
Меда²²⁰, уксуса, оливок, соуса бобового,
Каперсов, копченой рыбы, кресса²²¹, листьев фиговых,
Зелени, яиц, закваски.

[О том,] что древним был известен так называемый *эфсионский* тимин²²².

[О том,] что «тимьян» (ὁ θύμος) и «душица» (ὁ ὀρίγανος) – слова мужского рода. Анаксандрид [Kock.Π.157]:

И нарубивши морского лука, спаржи, душицы (ὀρίγανον),
(Каждый ведь знает, что, если смешать ее с кориандром,
Облагородит она копченую рыбу).

Ион:

Однако тут же он в своей руке душицу (τὸν ὀρίγανον) прячет.

Однако у Платона (или Кантара) оно женского рода [Kock.I.641]:

Или аркадскую острейшую (δριμυτάτην) душицу.

Наконец, среднего рода это слово у Эпихарма и Амипсия [Kock.I.678].
 с Что касается слова «тимьян», то в «Пчеловодстве» Никандра оно мужского рода.

78. [О том,] что Кратин называет в «Одиссеях» ДЫНИ семенными огурцами [Kock.I.56]:

– Но когда же, где ты видел Лаэртида моего?
 – Мы на Паросе²²³ встречались, покупал он огурец,
 Удивительно громадный, не иначе, семенной.

Платон в «Лае» [Kock.I.618]:

Не видишь разве ты, как наш Леагр,
 Дрянная ветвь Главкона рода славного,
 Известный дурачок, повсюду шляется
 d На толстеньких, как дыня-евнух²²⁴ (ή σιχύα), ножечках?

Анаксилай [Kock.II.274]:

Лодыжки у него
 Распухли толще тыквы спелой (σιχυός).

Феопомп [Kock.I.752]:

Стала у меня
 Она нежнее дыни спелой (ή σιχυά).

Фений пишет [FHG.II.300]: «Огурцы и дыни едят сырыми, когда мякоть свежа и не содержит семян; у перезрелых экземпляров съедобна только наружная кожица. Тыква же в сыром виде несъедобна, но вареная или тушеная хороша». Диокл Каристийский в первой книге своего трактата «Здоровье» пишет, что из дикорастущей зелени для варки пригодны латук (лучше всего черный), кресс, кориандр, горчица, лук (лучше всего аскалонский²²⁵ (лук-перо), а также лук-порей), луковицы чеснока, стебли чеснока, огурец, дыня (τέλων) и мак. Немного ниже он пишет: «Дыня (τέλων) хороша для сердца и желудка. Вареный огурец мягок, безвреден и обладает мочегонным действием. Если же дыню сварить в сладком сиропе, она расслабляет кишечник». Спевсипп называет в «Подобиях» дыню (τέλων) «огурчиком» (ή σιχυά); однако Диокл, упомянув о дыне (τέλων), этого названия не употребляет, тогда как Спевсипп, наоборот, пишет только ή σιχυά, но не τέλων. Дифил же пишет: «Дыня сочна, богата вяжущими веществами ... менее вкусна, а также малопитательна; она легко переваривается и выводится из кишечника».

79. ЛАТУК ПОСЕВНОЙ (ΘΡΙΔΑΕ) [Lactuca sativa]. Аттики называют его θριδαχίνη. Эпихарм:

Облупленный латука (θρίδαχος) стебель.

Еще более длинную форму, $\theta\rho\acute{\iota}\delta\alpha\chi\iota\upsilon\delta\alpha\varsigma$, можно найти у Страттида [Kock.I.730]:

69

И гусеницы тропками
Пятидесятиножными
В садах и огородиках
На листья забираются,
Цепляясь к длиннохвостому
Сатировому дереву.
Завивают хор вокруг
Базилика лепестков,
И душистый сельдерей
Обвивают и латук ($\theta\rho\acute{\iota}\delta\alpha\chi\iota\upsilon\delta\omega\nu$).

Феофраст пишет [ИР.VII.4.5]: «[То же самое] у латука: белый слаще и нежнее. Есть три других его сорта: с широким стеблем, с круглым стеблем и третий, лаконский: листья у него напоминают листья сколимуса²²⁶, он прямой и рослый; побегов на стволе не имеет. У латука с широким стеблем стебли бывают так велики, что, говорят, из них делают иногда огородные дверцы». Вновь отросшие веточки, говорит Феофраст [ИР.VII.2.4], даже вкуснее.

b

80. Никандр Колофонский пишет во второй книге «Глосс», что у киприотов латук называется *брентом* ($\beta\rho\acute{\epsilon}\nu\theta\iota\varsigma$); спрятавшийся в нем Адонис был растерзан вепрем. Амфид пишет в пьесе «Иалем» [Kock.II.241]:

...В латуке, чтоб пропал треклятый он!
Его ведь козь поест нестарый муж еще,
То всякий раз, когда сойдется с женщиной, –
Всю ночь над ней промается, а без толку,
Напрасно теребя свои причинности.

c

А Каллимах говорит, будто Афродита прятала Адониса в латуке, – этим поэты хотят сказать, что постоянно употребляющие латук слабы в постели. И Эвбул говорит в «Бессильных» [Kock.II.169]:

Не выставляй, жена, передо мной на стол
Латука иль тогда сама себя вини.
Ведь, говорят, Киприда²²⁷ в этом овоще
Адониса скончавшегося прятала,
С тех пор он пища мертвых.

d

Кратин говорит [Kock.I.110], что, полюбив Фаона, Афродита скрыла его в «пышном латуке», Марсий же младший – что в зеленом ячмене. Памфил пишет в «Глоссах», что Гиппонакт называл латук *четвериком* ($\tau\epsilon\tau\rho\alpha\chi\iota\upsilon\eta$). По словам пифагорейца Лика, вызывающий бессилие латук с широкими гладкими листьями и без стебля пифагорейцы называли «скопцом», а женщины – «дряблухой» ($\delta\rho\acute{\alpha}\tau\upsilon\tau\iota\delta\alpha$); он обладает мочегонным действием и вызывает бессилие, а на вкус бесподобен.

e

81. Дифил пишет, что стебель латука очень питателен, но выводится из организма гораздо труднее листьев; листья же вызывают вздутие живо-

стебли, а листья широкие и колючие. Стебли эти зовут «кактосами». Они съедобны, если с них снять кожу, и немного горьковаты на вкус. Их солят впрок. Есть другое растение с прямым стеблем, который называется πτέρνιξ. Стебель этот тоже съедобен, но сохранять его впрок нельзя. Околоплодник, в котором находятся семена, напоминает по форме головку чертополоха; его едят, оборвав пушистые семена; он напоминает «мозг» финиковой пальмы и зовется ἀσφάληρον (голова)». Кто же тогда после этого откажется признать, что именно этот «кактос» живущие близ Сицилии римляне называют carduus, а для эллинов это общеизвестный *артишок* (κινάρα)? Ведь заменяя всего две буквы, эти «кардос» и «кактос» можно было бы превратить в одно и то же слово. Совершенно определенно на это указывает и Эпихарм, перечисляя «кактос» среди других съедобных растений:

.....
мак, укроп и «кактосы» колючие,
 Без боязни можно есть их вместе с прочей зеленью.

И продолжая:

Ежели его приправить добрыми приправами,
 Будет вкусным он на славу, а без этого – ни-ни!

И в другом месте:

Латук и пальмовые почки, лук морской,
 редьки, «кактосы».

И еще:

Другой несет с полей укроп и «кактосы»,
 Сафлор²³⁵, цикорий, щавель, семя сильфия,
 Всю зелень огородную, чертополох
 Ворсистый, кактос, папоротник.

И Филит Косский:

Крик олененка, который теряет дыхание жизни
 После напрасной борьбы с «кактоса» острой иглой.

84. Однако Сопатр Пафийский, живший при Александре, сыне Филиппа, называл это растение, подобно тому как это делаем мы, *артишоком* (κινάρα); дожил он, кстати, до правления второго из египетских царей, о чем сам свидетельствует в одном из своих сочинений. Египетский же царь Птолемей Эвергет, бывший одним из учеников грамматика Аристарха, во второй книге «Воспоминаний» пишет следующее [FHG.III.186]: «Недалеко от ливийских Лет протекает небольшая речка Береника, в которой водится рыба *лабракс*²³⁶, также *дорада*, множество рыб, водящихся в Македонии и Копадском озере²³⁷, зато их столько, что ими полна вся река. В этих местах так много артишоков, что все сопровождавшие нас солдаты собирали его ягоды, постоянно жевали их и, очистив от колючек, приносили нам». Мне также известно, что есть некий остров Кинара, о нем упоминает Сем [FHG.IV.495].

d 85. «МОЗГ» ФИНИКОВОЙ ПАЛЬМЫ. Говоря о финиковой пальме, Феофраст добавляет [ИР.II.6.2]: «Такова посадка пальмы косточками. Другой способ состоит в том, что от дерева берут верхушку, в которой находится “мозг”». И Ксенофонт пишет во второй книге «Анабасиса» [II.3.16]: «Солдаты тогда впервые ели пальмовую капусту, и многие удивлялись ее виду и своеобразному приятному вкусу. Но эта пища также вызывала сильную головную боль. Пальма, из которой изымали капусту, совершенно засыхала». Никандр в «Георгиках»:

Той же порой боковые побеги у пальмы срезают,
И устремляют вперед верхушку с «мозгом», любимым
Лакомством для детворы.

e Дифил Сифнийский рассказывает: «Пальмовая капуста сытна и питательна, однако это тяжелая, плохо перевариваемая еда, она вызывает жажду и желудочные колики».

«Мы же, Т и м о к р а т, – заключает Афинея, – докажем, что в голове у нас тоже достаточно мозгов, если завершим на этом свой перечень».

* * *

f²³⁸ 86. На обед попасть семейный – это просто тяжкий труд!

Там отец, взяв первым килик, начинает говорить,
И, закончив поученье, выпивает. Мать – за ним.
После тетушка лопочет, а за ней басит старик,
Этой тетушки папаша, после – старушенция,
Что кого-то из семейства называет «миленьким»,
Ну, а он сидит, кивает этой всей компании, –

говорит Менандр [«Привратник», Коск.III.239]. А также [Коск.III.171]:

Сперва для фона вставив нить порфирную,
Потом они вплетают в ткань ни белое,
Вот это, ни пурпурное, как будто бы
Подмешан к шерсти света луч.

Антифан [Коск.II.119]:

Что говоришь ты? Прямо в двери вынесешь
Чего-нибудь поесть мне? И усядусь я,
Как нищий, на земле? Еще заметит кто...
Хорошенькое дело!

Он же [Коск.II.119; ср.49с]:

Приготовь же мне
Лохань и кружки, чашу холодильную,
Горшок, котел треногий, ковшик суповой,
Треножник, ступку.

КОНЕЦ КНИГИ ВТОРОЙ

КНИГА ТРЕТЬЯ

1. [О том,] что грамматик Каллимах¹ говаривал: большая книга – большое бедствие. 72

ЕГИПЕТСКИЕ БОБЫ² (ΚΙΒΩΡΙΑ). Никандр в «Георгиках»:

Также египетский боб высевай, чтобы в летнюю пору
Мог из цветов ты плести венки, а позднее созреют
В полых стручках и плоды; ими сможешь парней неженатых
Ты на пирах угощать: они по бобам стосковались³. b
Я же и клубни варю, чтобы их выставлять на пирушках.

Здесь под «клубнями» (ῥιζα) Никандр имеет в виду то, что александрийцы называют индийской *колокасией* (κολοκάσια). Он и сам пишет:

Клубень (κολοκάσιον) боба облупив и нарезав.

В Сикионе же существует святилище *Афины Колокасии*.

«Киборием» называют также чаши особого рода [см.477с].

2. Феофраст пишет в сочинении «История растений» [IV.8.7]: «"Боб" в Египте растет в озерах и на болотах; стебель у него высотой до четырех c
локтей, а толщиной в палец; он похож на мягкий безузлый тростник и внутри весь из продольных трубочек, разделенных, как соты. Стебель заканчивается головкой, [похожей на круглое осиное гнездо; в каждой из ее ячеек, несколько выдаваясь оттуда, сидит боб; числом их самое большее тридцать]. Цветок вдвое больше, чем у мака; окраска у него ярко розовая; головка находится над водой. С каждой стороны у этого растения имеются крупные листья, [равные по величине фессалийской шляпе, с таким же стеблем, как у самого «боба». Если раздавить одно из его зерен, увидишь нечто горькое и клубообразное, из чего образуется «войлок». Таковы свойства плода.] Что касается корня, то он толще самого толстого тростника и с такими же образованиями внутри, как у стебля. Его едят сырым, вареным и печеным; для болотных жителей он заменяет хлеб. Растут египетские бобы и в Сирии, и в Киликии, но в этих странах не вызревают; водятся они также в одном небольшом озере около Тороны на Халкидском полуострове; здесь они превосходно вызревают». Дифил Сифнийский пишет: «Клубни египетского боба, называемого *колокасия*, вкусны и питательны, однако благодаря терпкости тяжелы для желудка; чем меньше они шерстисты, тем лучше». «Бобовые же его плоды, – продолжает он, – когда они еще зелены, плохо перевариваются, малопитательны, расслабляют кишечник и вызывают обильное выделение газов; зрелые сухи и об- d 73

разуют гораздо меньше газов». Широко известны цветы египетского боба, из которых плетут венки. Египтяне называют его лотосом, «однако жители моего родного Навкратиса, – говорит Афиней, – называют его «медвяным лотосом»; из него плетут так называемые *венки из медвяного лотоса*, очень душистые и в жаркое время хорошо охлаждающие голову».

3. Филарх пишет [FHG.I.350]: «Сеять египетские бобы прежде и не пытались, если же кто-нибудь высевал, они нигде, кроме Египта, не вырастали; однако в правление Александра, сына Пирра, случилось, что египетские бобы выросли на одном болоте недалеко от речушки Фиа, протекающей в эфирской Феспротии. Утверждают, что в течение двух лет они разрастались и обильно плодоносили. Когда же Александр приставил к ним стражу, не только не разрешавшую желающим собирать их, но и вовсе прекратившую доступ к этому месту, болото высохло до дна и не то что не производило вышеупомянутых плодов, но и лишилось всей воды, бывшей в нем. Похожий случай был и в Эдессе⁴. Там недалеко от моря стал бить источник холодной воды, тогда как поблизости никакой пресной воды не было. Испив из него, чувствовали облегчение даже тяжелобольные, поэтому много народу стало ходить за водой издалека. Когда же правители, назначенные царем Антигоном, стараясь о доходном хозяйствовании, наложили на пользующихся водой специальный налог, источник иссяк. Так же и в Троаде, где прежде любовью желающий мог свободно собирать трагасейскую соль⁵, она исчезла, после того как царь Лисимах наложил на нее налог. Удивленный Лисимах освободил местность от налога, и соль появилась снова».

ОГУРЕЦ⁶ (ΣΙΚΥΟΣ). Пословица:

4. Грызи огурчик, милая, и тки свой плащ.

Матрон в пародиях:

И огурец я узрел, потомство прославленной Геи, [Од.XI.576]
В зелени он возлежал и на девять столов простирался.

И Лахет⁷:

Точно как в орошенных полях огурец вырастает.

Аттики всегда пишут его название трехсложно (οικύος), Алкей же пишет: «погрыз бы он огурцов (οικύων)», – образуя этот родительный падеж от двухсложного именительного οίκυς, подобно тому как родительный падеж στάχυος образуется от именительного στάχυς (колос).

Сковородка с рукоятью⁸, редьки⁹ ...
И четыре огурца.

Фриних в «Затворнике» использует уменьшительную форму «огурчик» (οικύδιον) [Kock.I.377]:

... огурчика погрызть.

* Здесь начинается текст основной рукописи.

5. Феофраст пишет в сочинении «История растений» [VII.4.6], что существует три сорта огурцов: лаконские, «дубинки» и беотийские. Из них лаконские предпочтительнее разводить, если есть возможность обеспечить обильный полив, а остальные – при отсутствии полива. «Огурцы вырастают более сочными, если перед посадкой их семена замачивают в молоке или медовой смеси», – это он пишет в «Причинах растений» [II.14.3]; [также] они быстрее прорастают, если их семена незадолго перед посадкой замачивать в воде или молоке [IP.VII.1.6]. Эвтидем пишет в сочинении «Об овощах», что так называемые *драконтии*¹⁰ представляют собой разновидность огурцов. Деметрий же Иксион в первой книге своих «Этимологических исследований» пишет, что слово «огурец» (σικυός) образовано от глаголов¹¹ σέυεσθαι (устремляться) и κίειν (двигаться), так как растет он очень быстро. А Гераклид Тарентский в «Пире» называет огурцы ἡδυόσσι (сладко-почвенные). Диокл Каристийский пишет, что огурцы, съеденные натошак вместе с поручейниками¹², приводят к несварению, так как, подобно редьке, они задерживаются в верхней части желудка; если же их есть в конце трапезы, они не причиняют никакого беспокойства и легко усваиваются, а вареные огурцы обладают еще и некоторым мочегонным действием. Дифил пишет: «Обладая охлаждающими свойствами, огурцы тяжелы для желудка и с трудом выводятся из кишечника; более того, они вызывают судороги, разлитие желчи и понижают потенцию». Огородные огурцы растут главным образом в полнолуние¹³, во время которого они, подобно морским ежам, прибавляют прямо на глазах.

6. СМОКВЫ¹⁴ (ΣΥΚΑ). «А вот смоковницу я никому не уступлю, – начал М а г н, – хоть вешайте меня на ней, – я без ума от нее, и буду рассказывать о ней всё, что попало, – так вот, смоковнице, любезные мои, выпала честь вести человечество к лучшей жизни. Это доказывается тем, что афиняне до сих пор называют место, где она впервые была обнаружена, *Священной Смоковницей*, плод же ее они зовут *Предводителем*¹⁵, потому что он был первым культурным плодом, доставшимся человечеству. Существует масса сортов смоквы. Об аттических смоквах упоминает в «Тезках» Антифан: вот что он пишет, расхваливая землю Аттики, [Kock.II.84; ср.43b]:

– Чем наша нас ни одарит земля,
Гиппоник, во вселенной это лучшее:
Мед, хлебы, смоквы.

– Соглашусь со смоквами:
Свидетель Зевс, их множество.

Истр пишет в «Истории Аттики» [FHG.I.423], что [в свое время] аттические смоквы даже было запрещено вывозить за пределы страны, чтобы ими могли наслаждаться только местные жители; поскольку же многие попадались на укрывательстве смокв, то разоблачители, доносившие о них судьям, первыми стали называться тогда *сикофантами*¹⁶

(т.е. обнаруживающий смоквы). Поэтому Алексид пишет в «Поэте» [Kock.II.365]:

f

Несправедливо сикофанта прозвище
Приложено к негодным: душу честную,
Должно обозначать оно, приятную,
Как смоква обнаруженная. Нынче же
И не понять, зачем плутам-мошенникам
Даровано такое имя сладкое.

75

А Филомнест в работе «О сминфийских празднествах»¹⁷ на Родосе» рассказывает так [FHG.IV.477]: «Имя «сикофант» произошло оттого, что в те времена пени и налоги, тратившиеся на общественные расходы, взимались смоквами, вином и оливковым маслом; и, видимо, сикофантами называли тех, кто производил эти взыскания или заявлял о них; а выбирались они из числа наиболее уважаемых граждан».

7. О лаконской смокве упоминает в «Земледельцах» Аристофан [Kock.I.419]:

У меня растут все смоквы, лишь лаконской не растет.
Эта смоква – враг народа – такова ее порода.
Потому-то эта смоква и мала, что зла на нас.

b

Он называет ее «малышкой», потому что это дерево не вырастает высоким. О фригийских смоквах упоминает в «Олинфиях» Алексид [Kock.II.356; ср.55a]:

А также сердцу любезные
Сушеные смоквы, родины
Наследие нашей: их принесли
Смоковницы Фригии славной.

О так называемых *фибалийских* смоквах¹⁸ упоминают многие комедиографы, в том числе Ферекрат в «Похмельных» [Kock.I.167]:

Проклятый! Чтоб тебя излихорадило,
Чтоб летом фибалийских смокв наелся ты,
Чтоб в полдень рухнул спать под этой тяжестью,
И чтоб тебя до крика жгло и мучило.

c

Телеклида в «Амфиктионах» [Kock.I.211]:

О как прелестны смоквы фибалийские!

Фибалийскими называют и сорт миртовых ягод¹⁹, например Аполлофан в «Критянах» [Kock.I.798]:

Но главное, хочу на стол я миртовых
Поставить ягод, я жую их всякий раз,
Как думать нужно: это фибалийские,
Отменные, в венки вплетенные...

О ласточкиных смоквах упоминает в «Гуляке» Эпиген [Коск. II.417]:

Спустя немного времени,
Затем выходит важно блюдо, полное
Сушеных ласточкиных смокв.

d

Со своей стороны, Андротион – или Филипп, или Гегемон – дают в «Календаре земледельца» следующий перечень сортов смокв: «На равнине следует высаживать ласточкины смоквы, дикие, седые, фибалийские, но цариц осени можно высаживать повсюду. Что-нибудь хорошее есть в каждом сорте, однако наиболее полезны бесхвостые, форминские²⁰, двух-урожайные, мегарские и лаконские, они нуждаются только в достаточном количестве воды».

8. О родосских смоковницах упоминает в письмах Линкей, сравнивая лучшие плоды аттической земли с лучшими плодами Родоса. Он пишет: «Дикие смоквы по сравнению с лаконскими – то же, что шелковица по сравнению со смоквами вообще. Я выставлял их на стол не после обеда, как это здесь принято (ведь когда желудок полон, то и вкус притупляется), но перед обедом, когда аппетит еще в полной силе». Однако если бы Линкей попробовал в нашем замечательном Риме воробьиных смокв, как это удалось мне, он стал бы куда зорче своего тезки²¹ – настолько эти смоквы превосходят все другие смоквы на свете. Как пишет в своем трактате о смоквах ликиец Геродот, высоко ценятся и другие сорта смокв из окрестностей Рима: и так называемые хиосские и ливианские, и так называемые халкидские и африканские.

e

9. Парменон Византийский называет в ямбах превосходными смоквы из эолийской Каны:

Без груза канских смокв свершил я путь морем.

76

Общеизвестно, как высоко ценятся смоквы из карийского Кавна. О так называемых «кислых» смоквах упоминает Гераклеон Эфесский, а также Никандр Фиатирский, цитирующий следующие стихи из пьесы Аполлодора Каристийского «Портниха с приданым» [Коск. III.287]:

Но очень уж винишко было скверное
И кислое, мне даже стыдно сделалось:
Ведь если у соседей смоквы «кислые»,
То у меня весь виноград кислятина.

b

Что же касается смокв с острова Парос – там тоже растут превосходные смоквы, называемые местными жителями «кровяными» (это то же самое что и так называемые лидийские, и название свое они получили за красноватый оттенок), – то их упоминает Архилох в следующих словах:

Брось морскую жизнь и Парос, и смоковницы его.

Паросские смоквы так же отличаются от произрастающих во всех остальных местностях, как мясо вепря отличается от мяса домашних свиней.

c

10. Некий «левкерин» (белесая дикая смоковница) тоже есть сорт смоковницы, и возможно, она действительно приносит белые плоды. О ней есть упоминание в пьесе Гермиппа «Ямбы» [Kock.I.246]:

Отдельно – левкерины засушенные.

О диких смоквах²² упоминает Еврипид в «Скироне» [573]:

Иль воткнуть
Смоковницы ветвь дикой.

И Эпихарм в «Сфинксе»:

Не сходствует нимало с дикой смоквою.

d Софокл в «Свадьбе Елены» плод ее описательно называет именем дерева [TGF². 172]:

Словами, словно дикая смоковница,
В еду негодный, оплодотворишь других.

Здесь вместо «зрелая дикая смоква» (τέλων ἔρινον) он написал «зрелая дикая смоковница» (τέλων ἔρινος). Так же и Алексид в «Лохани» [Kock.II.343]:

И нужно ли еще
Нам говорить о тех, кто на любом углу
Торгует смоквами? На дно кладут они
Плоды, всегда дрянные и засохшие,
Поверх положат зрелые, отборные,
И платит покупатель несусветную
За смоквы цену, а мошенник за щеку
Монету сунет, да и побожится вам,
Что продал смоквы дикие.

e

Дикая же смоковница, приносящая дикие смоквы (τὰ ἔρινά), называется словом мужского рода (ἔρινος). Страттид в «Троиле» [Kock.I.723]:

А рядом с нею ты заметил дикую
Смоковницу (ἔρινος)?

И Гомер [Од.Х.103]:

Дико растет на скале той смоковница (ἔρινος) с сенью широкой.

Америй же пишет, что низкорослые дикие смоковницы называются *эри-надами* (ἐρινάδας).

f 11. Гермонакт в «Критском глоссарии» записывает в число сортов смокв ἀμάδεα и νικύλεα. Филемон пишет в «Аттическом словаре», что существует некий род смокв, называемых *царскими*, от этого произошло и название *царских* сушеных смокв; далее он пишет, что спелые смоквы назывались жолύтра. Селевк в «Словаре диалектов» обсуждает некий γλυκυσίδης (пион), замечая, что по виду он очень похож на смокву, и добавляет, что женщинам строжайше запрещалось есть его, потому что он вы-

зывает неприличное испускание ветров; об этом говорит в «Клеопонте» и комик Платон [Kock.I.617]. Памфил, ссылаясь на «Лаконский Словарь» Аристофана, пишет, что в Ахайе *зимние смоквы* назывались «колокольчиками». О *вороньих* смоквах нам в следующем стихе из «Воинов» сообщает Гермипп [Kock.I.239]:

Их превосходят смоквы фибалийские,
Или вороньи.

Феофраст рассказывает во второй книге «Истории растений» о некоей разновидности смоковницы, похожей на так называемую арапейскую смоковницу. В третьей же книге он говорит [Ш.17.5], что вокруг троянской [горы] Ида растет кустистая смоковница, листья которой похожи на липовые, а смоквы она приносит красные, величиной с маслину, только круглее, вкусом они напоминают мушмулу²³. О смоковнице, называемой критянами «кипрской», тот же Феофраст пишет в четвертой книге «Истории растений» следующее [IV.2.3]: «А у дерева, называемого на Крите *кипрской смоковницей*²⁴, плоды растут из ствола и из самых толстых ветвей, но только не непосредственно, а на маленьких безлистных побегах, которые выпускает дерево и на которых, как на корешках, сидят плоды. Ствол у этой смоковницы велик и похож на ствол серебристого тополя; листья как у вяза. Плоды на ней вызревают четыре раза в год, и столько же раз дерево дает побеги [ни одна ягода не созреет, если не подрезать и не дать соку стечь.] Сладостью она похожа на винную ягоду, а видом – на плод дикой смоковницы; величиной она со сливу».

12. О смоквах, называемых *ранними*, Феофраст упоминает в пятой книге «Причин растений» [V.1.4; V.1.8]: «Что касается смоковницы, то когда воздух становится мягким, влажным и теплым, это вызывает рост [ранних] побегов; из них и появляются ранние смоквы». И далее он пишет следующее: «Опять же, некоторые сорта смоковниц приносят *ранние смоквы*, таковы лаконская, белый пупок и некоторые другие, но есть сорта, не приносящие таковых». Также Селевк упоминает в «Словаре диалектов» о термине *πρῶτερηγή* (ранний), обозначающем какой-то сорт смоковницы, приносящей ранние плоды. О смокве, плодоносящей дважды в год (*διφόρος*), упоминает и Аристофан в «Женщинах в народном собрании» [707]:

Пока не потрогаем мы листков
Дважды родящей (διφóρος) смоквы.

Также Антифан в «Женщинах из Склер» [Kock.II.96]:

Это там, внизу, у смоквы той, что дважды в год родит.

Также и Феопомп пишет в пятьдесят четвертой книге «Истории» [FHG.I.324], что в правление Филиппа в земле бисалтов, окрестностях Амфиополя и македонской Грастонии в разгаре весны смоковницы, когда им было самое время цвести, были усыпаны смоквами, виноградные лозы

гроздьями, а оливы оливками, и во всем Филиппу сопутствовало счастье. Во второй книге «Истории растений» Феофраст говорит, что дикая смоковница плодоносит дважды в год²⁵, иногда же, как например на Кеосе, трижды. 13. Говорит он также [ИР.II.5.5], что смоковница, если ее посадить, воткнув в «морской лук», идет скорее и черви объедают ее меньше. Вообще все, что f посажено в «морском луке»²⁶, идет хорошо и растет быстрее. Опять же, во второй книге «Причин растений» Феофраст пишет [II.10.2]: «Так называемая индийская смоковница²⁷, имея удивительную высоту, приносит так мало и таких мелких плодов, что можно подумать, будто все силы она тратит на рост». И во второй книге «Истории растений» философ пишет: «В Элладѣ, Киликии и на Кипре произрастает также и другой сорт смоковниц, приносящий карликовые плоды, причем на верхней стороне листа вырастает нормальная смоква, а на нижней – карликовая. У других же смоковниц плодоносят, как правило, прошлогодние ростки, но не новые. И смоковница эта, в отличие от наших карликовых смоковниц, приносит сладкие, созревающие раньше других плоды. Вырастает она гораздо выше других; между цветением и плодоношением времени проходит немного».

78 Я могу назвать и другие ходовые названия смокв: царские, царские смоквы, желтобрюхие, оленье мясо, лепешки [ср.113d], горькие, ползучие, белесые, черноватые, приречные, мельничные, луковичные.

14. Рассуждая во второй книге «Истории растений» о происхождении слова «смоква» (σῦκα), Трифон²⁸ приводит рассказ, содержащийся в Андротионовом «Календаре земледельца», о том, что, когда Зевс преследовал Сикея, одного из титанов, того взяла под свою защиту его мать Гея, и чтобы утешить сына, произрастила дерево; по его имени назван и киликийский город Сикей. Однако эпический поэт Ференик из Гераклеи производит название смокв²⁹ от имени Сики, дочери Оксила: сын Орея Оксил, сочетавшись со своей сестрой Гамадриадой, помимо прочего потомства будто бы породил Карию (орех), Балану (желудь), Кранию (кизил), Морею (шелковица), Эгеру (тополь), Птелею (вяз), Ампелу (виноградная лоза) и Сику (смоковница); все они получили имя *гамадриад*, а их именами были названы многие деревья. Поэтому, добавляет он, и Гиппонакт говорит:

c И смоква черная, сестра лозе винной.

Лаконец же Сосибий доказывает, что смоквы – это дар Диониса [FHG.II.628], ссылаясь на почитание в Лакедемонѣ Диониса *Смоковенного* (Συμίτης). А согласно Андриску и Аглаосфену [FHG.IV.304], жители Наксоса рассказывают³⁰, будто Дионис получил прозвище *Мейлихий* (милостивый) в благодарность за подаренные им смоквы. По этой же причине на Наксосу лик Диониса Бакхия вырезан из виноградной лозы, а лик Диониса Мейлихия из смоковницы: потому что *мейлиха* (сладкими) называются именно смоквы.

d 15. Смоквы – самые полезные из всех древесных плодов: это убедительно доказывается во многих местах книги Геродота Ликийца о смок-

вах: в частности, он рассказывает, что младенцы вырастают гораздо здоровее, если им давать смоковный сок. Ферекрат, или кто бы ни был автором комедии «Персы», пишет [Kock.I.184]:

Если кто-нибудь находит после долгих поисков
Смокву, смазываем ею мы глаза своих детей.

Удивительнейший и сладкоголосый Геродот следующими словами из первой книги «Истории» называет смоквы величайшим благом [I.71]: «Царь! Ты собираешься в поход на людей³¹, которые носят кожаные штаны и другую одежду из кожи; едят же они не столько, сколько пожелают, а сколько найдут пищи, так как обитают в суровом краю. Кроме того, они не пьют вина, довольствуясь только водой. Нет у них ни смокв и никаких других благ». Мегалополитанец же Полибий в шестнадцатой книге «Истории» пишет [XVI.24.8]: «Филипп, отец Персея³², когда во время набегов в Азии войско его терпело нужду в съестных припасах, принял от магнетов смоквы, потому что хлеба у них не было. За смоквы он и Миунт подарил магнетянам, когда овладел этим городом». Также ямбический поэт Ананий говорит:

Когда б ты запер двух-трех узников,
Немного смокв и кучу злата в комнате,
Узнал бы ты, что смоквы лучше золота.

16. Вот сколько смоковных речей наговорил М а г н. После него слово взял врач Д и ф и л: 79

«Филотим пишет в третьей книге сочинения «О пище», что свежие смоквы сильно отличаются друг от друга как по сорту и времени созревания, так и по пищевым качествам; вообще же говоря, сочные, и прежде всего зрелые смоквы, быстро растворяются и перевариваются легче остальных осенних плодов, и не препятствуют перевариванию остальной пищи. Их пищевыми качествами являются влажность, клейкость, сладость и слабая щелочность; выделения из кишечника они вызывают обильные, размягченные, быстрые и совершенно безболезненные. При употреблении вместе с соленой пищей смоквы выделяют кисло-соленый сок. Как я уже говорил, растворяются в желудке они очень быстро, и поэтому даже если мы съедаем их помногу, всё равно скоро опять худеем. Это потому что пищевая масса не задерживается в желудке и рассасывается немедленно. Перевариваются смоквы легче любых других фруктов. Это видно из того, что мы легко поглощаем их во много раз больше, чем все другие фрукты, а также из того, что, наевшись смокв, можем тотчас легко поглощать и обычную пищу в таких же количествах. Очевидно, что если мы справляемся с такой смесью, то смоквы и сами перевариваются и не мешают перевариванию остальной пищи. О пищевых качествах уже было сказано; о клейкости и солености можно судить, исходя из того, что руки от смокв становятся клейкими и чистыми, сладость же мы непосредственно

ощущаем во рту. О том, что испражнения после смокв происходят без кишечных колик и каких-либо неудобств, что они обильны, происходят быстро и мягко, мы уже сказали, и я думаю, нет необходимости что-нибудь добавлять. Пищеварение мало изменяет вид съеденных смокв, и это не потому что они плохо перевариваются, но потому что мы проглатываем их быстро и почти не жуем, а пищеварительный путь они проходят без задержек. Соленый же сок они испускают, потому что, как уже было сказано, в них содержится щелочь. Он становится солонее или кислее в зависимости от качеств жидкостей, с которыми смоквы поедаются: соленые блюда добавляю

ему соленость, а уксус или тимьян кислоту.

17. Гераклид Тарентский обсуждает в своем «Пире» вопрос, горячей или холодной водой следует запивать смоквы. Приверженцы горячей воды, пишет он, ссылаются на то, что она быстро очищает руки, и поэтому весьма вероятно, что и съеденные смоквы немедленно растворяются ею в кишечнике. Ведь даже если облить смоквы снаружи горячей водой, она превратит их в массу, состоящую из очень мелких частиц; от холодной же воды смоквы только твердеют. Однако приверженцы холодной воды утверждают: «Принятая внутрь холодная вода сносит своей тяжестью содержимое желудка вниз; смоквы же неблагоприятно воздействуют на желудок, разогревая и расслабляя его, и поэтому некоторые даже немедленно запивают смоквы неразбавленным вином. После этого кишечник легко опорожняется». Следовательно, смоквы необходимо обильно запивать водой, чтобы они не задерживались в желудке, но сносились в нижние отделы кишечника.

18. Другие авторы утверждают, что смоквы ни в коем случае нельзя есть в полдень, потому что, как пишет в пьесе «Похмельные» Ферекрат [Kock.I.167; ср.75b], в эти часы они могут вызывать болезни. Аристофан в «Предварительном состязании» [Kock.I.511]:

Увидел летом друга захворавшего –
И съел, чтоб сам свалиться, смокв полуденных.

Эвбул в «Сфингокарионе» [Kock.II.201]:

Свидетель Зевс, больна была я, миленький, –
Ведь накануне в полдень смокв отведала.

Никофонт в «Сиренах» [Kock.I.777]:

И если кто-нибудь порой полуденной
Поест зеленых смокв и спать уляжется,
Примчится тут же лихорадка подлая,
Не стоящая трех оболлов, кинется
На нас, заставит желчью выблевать.

19. Дифил Сифнийский пишет, что свежие смоквы малопитательны и дают мало сока, однако, находясь в силу природной легкости у поверхности желудка, они легко выводятся из кишечника и усваиваются лучше су-

шенных. Снятые с дерева поздней осенью и созревающие позднее хуже тех, что созрели в разгар сезона, не нарушая своей природы. Те, что содержат много кислоты и мало воды, вкусны, однако тяжелы для желудка. Смоквы из Тралл³³ ничем не отличаются от родосских, все же остальные, включая и хиосские, гораздо менее сочны. Мнесифей Афинский пишет в трактате «О пище»: «Что касается тех плодов, которые употребляются в сыром виде, как, например, груши, смоквы, дельфийские яблоки и тому подобное, то нужно очень точно ловить время, когда их сок не кислый, не гнилой и не слишком высох». Деметрий Скепсийский пишет в пятнадцатой книге «Троянского строя», что у тех, кто не ест смокв, голос становится очень приятным. В доказательство он приводит рассказ об александрийском историке Гегесианакте, которого в молодости нужда заставила выступать на сцене в трагедиях; воздерживаясь в течение восемнадцати лет от смокв, он стал актером с отличным голосом. Я могу также привести относящиеся к смоквам общеизвестные пословицы³⁴:

За рыбой смоква, боб за мясом следует.

Любят пернатые смоквы клевать, но сажать не желают.

20. ЯБЛОКИ³⁵ (МНЛА). В книге «О пище» Мнесифей Афинский называет их дельфийскими яблоками. Дифил же пишет, что зеленые, недозревшие яблоки дают невкусный сок; стремясь разместиться у поверхности желудка, они вредят ему, вызывают разлитие желчи, способствуют развитию заболеваний и вызывают колики. Спелые яблоки дают хороший сок, сладки, не терпки и легко выводятся из кишечника; а кислые сорта терпки, и сок их менее полезен. Несладкие, но вкусные яблоки полезней из-за слабой терпкости. Летние сорта яблок дают плохой сок, и осенние в этом отношении гораздо лучше. Так называемые *орбиклаты*, соединяющие приятный терпкий вкус со сладостью, очень полезны. Называемые *сетаниями*, а также *платании* очень вкусны и хорошо выводятся из кишечника, однако бесполезны для здоровья. Так называемые *мордианы* лучше всего растут в Аполлонии, называемой также Мордиум, они похожи на орбиклаты. Что же касается *кидонских яблок*³⁶, некоторые сорта которых называются воробыиными, то это вообще самые полезные из всех яблок, особенно когда достигают полной спелости. Главкид утверждает, что лучшими древесными плодами являются кидонские яблоки, фавлии и воробыиные яблоки. Однако Филотим в тринадцатой книге трактата «О пище» пишет, что ранние, выросшие весной яблоки гораздо тяжелее для желудка, чем груши, всё равно, есть ли их зелеными или спелыми. Более того, они обладают качествами жидкой пищи: те из них, что кислы и незрелы, будучи более терпкими, в сочетании с умеренной кислотой, испускают в теле терпкость. В общем же яблоки перевариваются тяжелее груш – это видно из того, что нам труднее переварить немного яблок, чем много груш. Испускание терпкой жидкости, которую Праксагор называет «сте-клянистой», объясняется тем, что пища, плохо поддающаяся переварива-

нию, содержит густой сок, а мы видели, что яблоки перевариваются труднее, чем груши, и что терпкие их составы более склонны производить более густые соки. Так, среди зимних сортов яблок кидонские испускают наиболее терпкий сок, тогда как воробьиные, содержат меньше сока с меньшей терпкостью, и могут перевариваться гораздо легче.

d Никандр Тиатирский ошибочно полагает, что все сорта кидонских яблок называются *воробьиными*, – ведь Главкид совершенно ясно называет наилучшими фруктами кидонские яблоки, фавлии и воробьиные. 21. О кидонских яблоках упоминает в «Елене» и Стесихор³⁷:

Много яблок кидонских летело там к трону владыки,
Много и миртовых листьев,
Густо сплетенных венков из роз и гирлянд из фиалок.

Также и Алкман, и Кантар в пьесе «Терей» [Kock.I.765]:

Размером грудки с яблочки кидонские.

Филемон же в «Деревенщине» называет кидонские яблоки воробьиными [Kock.II.478].

e Филарх пишет в шестой книге «Истории» [FHG.I.336], что аромат кидонских яблок притупляет даже действие смертельных ядов³⁸. «Когда, – пишет он, – в сундук, еще сохранявший запах кидонских яблок, был положен фаросский яд, он совершенно выдохся и не сохранил ни одного из своих качеств: когда его развели и дали выпить людям, против которых снадобье было втайне приготовлено, все они остались невредимыми. Причина выяснилась позднее, когда стали допрашивать продавца снадобья и он признался, что хранил его вместе с яблоками».

f 22. Гермон пишет в «Критских Глоссах» [ср.76е], что слово «кодимал» (κοδύμαλα) означает кидонские яблоки. Однако Полемон в пятой книге «Против Тимея» полагает, что «кодималом» некоторые авторы называют некий цветок. Алкман, когда пишет: «меньше кодимала» – подразумевает воробьиные яблоки, тогда как Аполлодор и Сосибий называют так кидонские яблоки. А что кидонские и воробьиные яблоки – это совершенно различные плоды, ясно показано во второй книге «Истории растений» Феофраста [II.2.5].

82 Как утверждает Эвфорион (или Архит) в «Журавле», прекрасные яблоки урождаются в Сидоессе (это деревня, принадлежащая Коринфу):

Так же прелестно, как яблочко красное, что в Сидоессе,
Малой деревне холмистой, на глинистых зреет откосах.

Упоминает их и Никандр в «Превращениях»:

Тут же пушистые он из садов Сидоессы и Плейста
Яблоки рвать принялся, вырезать на них Кадмовы знаки³⁹.

b О том, что Сидоесса принадлежала Коринфу, написано у Риана в первой

книге «Гераклеи» и у Аполлодора Афинского в пятой книге «Каталога кораблей» [FHG.I.457]. Также и Антигон Каристийский в «Антипатре»:

Там, где любовь у меня была слаще яблочек красных,
Что вырастают в холмистой Эфире⁴⁰ на радость всем смертным.

23. О яблоках-фавлиях следующим образом упоминает в «Амфикионах» Телеклид [Kock.I.211; ср.81a]:

То хороши, а то дряблей, чем фавлии.

Так же и Феопомп в «Тесее» [Kock.I.738]. Андротион пишет в «Календаре земледельца»: «Яблони-фавлии и воробьиные (у последних плоды никогда не падают с черенка), а также весенние сорта яблок – лаконские, или си- доентские, или пушистые». Я же, друзья мои, выше всего ценю продающи- еся в Риме яблоки, называемые матианскими, которые, говорят, привозят из какой-то деревушки в Альпах около Аквилеи. Лишь немного уступают им яблоки из пафлагонского города Гангры.

А тому, что и яблоки – дар Диониса, есть свидетельство сиракузянина Феокрита, выражающегося примерно так [II.120]:

Яблоки, дар Диониса, припрятавши в складках накидок,
В светлых венках тополевых; священные листья Геракла
Мы бы украсили пышно...

Неоптолем Паросский тоже предполагает в «Дионисиаде», что яблоки, как и все остальные фрукты, – создание Диониса. «Что же касается *эпимелии* (ἐπιμηλίσ), – пишет Памфил, – то так называют одну из разновидностей груш». О гесперидских яблоках упоминает в четвертой книге «Пира» Тимахид. Памфил же пишет, что в Лакедемоне на стол богов⁴¹ кладут некий род яблок, очень душистых, но несъедобных; называют их *гесперидскими* яблоками⁴². Еще один пример можно найти в «Лаконской истории» Аристократа [FHG.IV.332]: «яблоки, а также яблони, называемые *гесперидскими*».

24. ПЕРСИКИ⁴³ (ΠΕΡΣΙΚΑ). Говоря во второй книге «Истории растений» о деревьях, плоды которых недоступны наблюдению, Теофраст пишет⁴⁴: «...ибо у крупных сортов рост плода доступен наблюдению с самого начала, как, например, у миндаля, ореха, желудей и всех им подобных плодов, кроме персидских орехов (там это увидеть труднее всего); можно еще добавить гранаты, груши и яблони». Дифил из Сифноса пишет в сочинении, озаглавленном «О пище для больных и здоровых»: «Так называемые персидские яблоки (некоторые называют их персидскими сливами) по большей части сочнее и питательнее яблок». Филотим в третьей книге сочинения «О пище» пишет, что персидское яблочко более жирно, рассыпчато и довольно рыхло; если же его выжимать под прессом, оно дает много масла. Грамматик Аристофан пишет в «Лаконском Глоссарии», что сливы лаконцы называют «кислыми персидскими яблоками», тогда как другие зовут их адриями⁴⁵ (ἄδρια).

25. ЦЕДРАТ⁴⁶ (ΚΙΤΡΙΟΝ). Когда очередь дошла до него, у застольных философов разгорелись жаркие споры о том, встречается ли упоминание о нем у кого-либо из древних авторов.

В конце концов М и р т и л принялся кричать, чтобы вся наша компания спорщиков проваливала к диким козам⁴⁷, ибо цедрат упоминается в «Записках» Гегесандра Дельфийского, хотя точной цитаты он привести не мог.

b Возражая ему, П л у т а р х сказал: «Ну, я-то уж точно знаю, что нигде у Гегесандра цедрата не найдешь, я нарочно перечитал все его «Записки», когда мой приятель, ссылаясь на одного почтенного комментатора, вздумал на этом настаивать; так что придется тебе, Миртил, поискать другого свидетеля».

c Э м и л и а н же принялся рассказывать, что учнейший муж, мавританский царь Юба, упоминает цедрат в своей «Истории Ливии» [FHG.III.472], утверждая, что у ливийцев он называется «яблоком из Гесперии», потому что как раз оттуда Геракл и принес в Элладу эти яблоки, прозванные за свой цвет *золотыми*. Что же касается так называемых *гесперидских* яблок, то их произвела Гея в честь свадебных торжеств Зевса и Геры — об этом пишет в шестидесятой книге «Египетской истории» Асклепиад [FHG.III.306].

d Раздраженно посмотрев на них, слово взял Д е м о к р и т: «Если Юба такое пишет, — то не надо мне его африканских историй и плаваний Ганнона! Я же утверждаю, что древние не пользовались этим словом; в доказательство сошлюсь на описание Феофрастом Эресийским некоего растения, в котором нельзя не опознать цедрат. 26. Вот что пишет философ в четвертой книге «Истории растений» [IV.4.2]: «[Вообще в странах восточных и южных есть много и растений, и животных, каких нигде больше нет.] В Мидии, например, и в Персии растет еще и так называемое «мидийское» или «персидское яблоко». Листья у этого дерева похожи на листья [лавра], земляничника и грецкого ореха, почти одинаковой величины с ними, а колючки такие, как у груши или кизильника, гладкие, очень острые и крепкие. Яблоко с этого дерева не едят, но они очень ароматные, так же как и его листья. Если такое яблоко положить в сундук с одеждой, то оно сохранит ее от моли⁴⁸. Оно полезно и на тот случай, если кто-нибудь выпьет смертельного яда: его дают с вином, оно вызывает расстройство желудка и выводит яд. Оно же делает дыхание благовонным: если сварить его мякоть в соусе или еще в чем-нибудь, или выжать в рот и проглотить, то запах изо рта становится приятным. Выбрав семена, сажают их в тщательно обработанные грядки и поливают через каждые три-четыре дня. Следующей весной, когда растеньице окрепнет, его пересаживают в землю мягкую, сырую и не очень легкую: именно такую любит это дерево. Плоды оно приносит круглый год: одни снимают, другие зреют, а дерево в это время стоит в цвету. Из цветов дают плод те, в которых, как мы говорили, торчит из середины как бы веретено; те, у которых этого нет, бесплодны». И в первой книге этого же сочинения [I.13.4] Феофраст говорит

e

f

о плодоносных цветках с веретенами. Так вот, друзья мои, то, что Феофраст говорит о цвете, аромате и листьях этого дерева, убеждает меня, что речь идет о цедрате. И никого из вас не должно удивлять, что он пишет о несъедобности его плодов, ибо еще во времена наших дедов они не употреблялись в пищу, но их разве что раскладывали по сундукам с одеждой. 84

27. А то, что это растение действительно пришло к эллинам из глубин Азии, подтверждается описаниями, встречающимися у авторов комедий; судя по размерам, речь у них идет о цедратах. Например, Антифан в «Бетянке» [Kock.Π.35]:

– Но перед ненасытными о лакомстве
И говорить-то глупо. Эти яблочки
Возьми, красotka.

– Как же хороши они!

– Благие боги, хороши конечно же!
Совсем недавно привезли их сеянцы
Сюда, в Афины от царя персидского.

– Я думала, ты скажешь, что привез ты их
От Гесперид – три золотые яблока,
Клянуся Светозарною!

– Прекрасное

Повсюду редко и высоко ценится.

Вставив эти стихи Антифана в «Мелибею» как свои собственные, Эриф продолжил⁴⁹ [Kock.Π.429]:

– Я думала, ты скажешь, что привез ты их
От Гесперид – три золотые яблока,
Клянуся Светозарною!

– Прекрасное

Повсюду редко и высоко ценится.

– Даю обол, не больше, деньги любят счет.

– А вот гранаты.

– Прелесть.

– Это дерево

Посажено на Кипре Афродитою.

– О, чтимая Бербея! Эти яблоки –

Их тоже только три?

– Их больше не было.

28. Если кто-нибудь хочет отрицать, что здесь речь идет о цедрате, пусть докажет! Впрочем Фений Эресийский подает мысль, что это мог быть кедровый орешек (κεδρίον), получивший свое имя от кедра; а у кедра, как он пишет в пятой книге «О растениях» [FHG.Π.301], листья окружены колючками. Но ведь всякий знает, что у цедрата тоже! d

Мне точно известно, что цедрат, съеденный перед едой, всё равно, твердой или жидкой, является отличным противоядием от любого смер-

e тельного яда; я узнал это от одного моего земляка, занимавшего долж-
 ность в Египте. Однажды он приговорил изобличенных преступников к
 растерзанию дикими зверями – их должны были бросить ядовитым зме-
 ям. Когда их вводили в амфитеатр, где казнили разбойников, какая-то
 мелочная торговка из жалости угостила их цедратом, который она
 eла, держа в руках. Взяв, они съели его, и когда были брошены чудо-
 вищным кровожадным змеям, то нимало не пострадали от их укусов.
 f Правитель пришел в изумление и в конце концов принялся допрашивать
 стражника: ели или пили они чего-нибудь перед казнью? Узнав, что им
 дали цедрат, он приказал назавтра дать его одному из приговоренных,
 другому же не давать, и съевший нисколько не пострадал от укуса, дру-
 гой же умер мгновенно. На таком повторном примере все убедились, что
 85 цедрат – универсальное противоядие от всякого яда. И если цедрат цели-
 ком, вместе с семенами, отварить в аттическом меде, он растворится, и
 выпивший утром этого питья на два или три пальца не будет подвержен
 действию никакого яда.

29. Если кого-нибудь всё это не убеждает, пусть обратится к сочинени-
 ям Феопомпа Хиосского, настоящего поборника истины, потратившего
 b огромные деньги на точное выяснение всех событий. В тридцать восьмой
 книге своей «Истории» [FHG.I.311] он пишет, что тиран Гераклеи Понтий-
 ской Клеарх умертвил множество граждан, обычно заставляя их выпивать
 аконит⁵⁰. «Когда же, – пишет он, – все узнали, как он любит этот яд, то все
 перед выходом из дому стали есть руту – потому что на тех, кто поел ру-
 ты, аконит никогда не действовал. Название свое аконит получил от мес-
 течка Аконы близ Гераклеи».

c Когда Д е м о к р и т закончил свой рассказ, многие из нашей компа-
 нии настолько поразились силе цедратов, что принялась поедать их так
 жадно, как будто до сих пор они не брали в рот ни еды, ни питья. Памфил
 пишет в «Глоссах», что римляне называют цедрат *citrus*.

[О МОРСКИХ ПРОДУКТАХ]

30. Следом за только что описанными закусками нам принесли множе-
 ство устриц и других родов панцирных моллюсков⁵¹. Большую часть из
 них, по крайней мере из тех, что достойны упоминания, я нахожу в следу-
 ющих стихах из «Свадьбы Гебы» Эпихарма:

d Он моллюсков всевозможных нам приносит: блюдечек,
 Крабизов и кикибалов⁵², и асцидий, и омаров,
 Желудей морских, багрянок и захлопнувшихся устриц,
 (Их раскрыть ужасно трудно, съесть же просто и легко),
 И скифидрий, также мидий, трубочей и нерейт
 (Свежие вкусны и сладки, но скисают просто вмиг),

Длинных черенков округлых, также ракушек-чернушек
(Детвора их собирает и удачно продает),
Да еще других улиток, земляных или песчанок,
Они дешевы, однако, все вокруг ругают их,
Также тех, что называют люди все «беглянками
От мужей», но мы-то, боги, их «белянками» зовем.

31. В «Музах» же [вместо стиха

(Детвора их собирает и удачно продает)]

у него написано:

Что *теллинами* зовутся, мясо их всего вкусней.

Говоря о теллине (τελλίνα), он, наверно, имеет в виду то, что римляне именуют *mitulus*. Грамматик Аристофан пишет в сочинении, озаглавленном «О сломанной скитале»⁵³, что ракушки-блюдечки (λελλάς) похожи на так называемых *теллин*.

Каллий Митиленский, комментируя встречающееся у Алкея слово «блюдечко» (λελλάς), пишет, что у Алкея есть песня, начинающаяся со слов:

Дитя скалы и моря пенного, –

в конце же ее написано:

Приободри сердца ребячьи, блюдечко!

Аристофан же вместо «блюдечко» пишет «черепаха» и утверждает, что Дикеарх ошибся, допуская здесь слово «блюдечко». Он добавляет также, что дети подносят их ко рту и дуют, наигрывая мелодии, совсем как это проделывают наши молодые бездельники с так называемыми теллинами. О них упоминает и автор флиаков⁵⁴ Сопатр в пьесе, озаглавленной «Эвбул-человекобог»:

Но погоди! *Теллины* сладкий звук
Достиг вдруг слуха моего.

Опять же Эпихарм говорит в «Пирре и Прометее»:

Посмотри на *нерейту*, на *теллину* посмотри,
Посмотри, вот блюдечко громадное.

У Софрона ракушки-конхи названы меланидами (мидии): «Ведь меланиды, уверяю тебя, придут ко мне из маленькой гавани». В миме же, озаглавленном «Рыбак и крестьянин» он называет их *херамбами*⁵⁵ (пресноводные мидии). Херамбы упоминаются также у Архилоха, *нерейты* – у Ивика. *Нерейты* называются также *анартами* (ἀνάρτη). Будучи подобны улиткам, устрицы, как и ракушки-блюдечки, прикрепляются к скалам. У Геронда в «Сотрудницах»:

Он присосался как *анарта* (нерейта) к рифу.

Также в «Персах» Эсхила сказано⁵⁶: «острова, кормящие *нерейт*». А Гомер упоминает *асцидий* (τῆθος) [Ил.XVI.747].

с 32. Диокл Каристийский пишет в «Здоровье», что для пищеварения и почек самыми лучшими из панцирных моллюсков являются мидии, устрицы, гребешки и сердцевидки. Архипп в «Рыбах» [Kock.I.683]:

С ежами и с иглами, блюдечками, эсхарами и гребешками.

«Укреплению же сил, – пишет Диокл, – более всего способствуют конхи, багрянки, трубачи». О последних Архипп говорит так [Kock.I.683]:

Трубач, питомец моря и багрянки сын.

d Спевсипп же пишет во второй книге «Подобий», что между собой схожи трубачи, багрянки, витые улитки и конхи. Витых улиток упоминает в «Жителях Камики» Софокл [TGF². 201]:

Морских витых улиток, деточка,
Когда найти их сможем...

И еще Спевсипп в один класс зачисляет конхов, гребешков, мидий, пинн и черенков, в другой – устриц и блюдечки. Арарот же пишет в «Горбуне» [Kock.II.217; ср.47d, 105e]:

Изысканные сласти: конхи, черенки,
И, как дельфины, там кривые прыгали
Креветки.

e Софрон в «Мимах»: «– А это, дорогой, что за длинные цилиндры? – Это, конечно же, черенки, ракушки со сладким мясом – вдовье лакомство». Пинн упоминает в «Архилохах» Кратин [Kock.I.14]:

Она, конечно же,
Подобна пиннам или устрицам.

Филиллий, или Эвник, или Аристофан в «Городах» [Kock.I.785; ср.92e]:

Каракатичку, также лангуста бери,
осьминожика, устриц, омара,
Черенков, сердцевидок, и мидий, и пинн,
гребешков митиленских, и блюдца.
Рыбью мелочь берите, леща, окуней,
барабульку, кефаль, коракина.

f Агий и Деркил в «Истории Арголиды» [FHG.IV.386,292] называют витых улиток страбел *астрабелами*, и упоминают, что они пригодны для того, чтобы трубить в них как в рог.

33. Слово «конх» (ракушка) можно найти и в мужском и в женском роде. Аристофан в «Вавилонянах» [Kock.I.409]:

87 Смотри-ка, ишь ты, как поразевали рты,
Ни дать, ни взять, как ракушки (κόγχα) на угольях.

И Телеклид в «Гесиодах» [Kock.I.214]: «конху (κόγχη) раздавить». Также Софрон в своих «Женских мимах»: «Вот это да! Все конхи (κόγχα),

как по команде, раскрылись для нас, предлагая вытащить их мясо». Эсхил же в «Главке морском» пишет это слово в мужском роде [TGF².13]:

Конхи (κόγχοι), ракушники, устрицы.

Аристоним в «Тесее» [Kock.I.668]:

Подобен конх был мокрым флейтам.

В мужском роде пишет и Фриних в «Сатирах» [Kock.I.383].

Ученик Эрасистрата Гикесий пишет, что встречаются две разновидности сердцевидок: шероховатые и царские. Шероховатые невкусны, мало-питательны, но легко перевариваются; на них хорошо приманивать багрянок. Из гладких сердцевидок наиболее хороши самые крупные. Гегесандр пишет в «Записках» [FHG.IV.420], что шероховатые ракушки в Македонии называются «мешками», афиняне же называют их «баранами».

34. О ракушках-блюдечках Гикесий пишет, что изо всех вышеупомянутых морепродуктов они перевариваются легче всего; устрицы менее питательны, однако сытны и тоже легко перевариваются. «Гребешки более питательны, однако невкусны и тяжелы для желудка. Что же касается мидий, то эфесские и подобные им вкуснее гребешков, но сердцевидкам они уступают: мочегонных свойств у них больше, чем прослабляющих. Некоторые плохим запахом и отвратительным вкусом даже напоминают морской лук. Меньшие и снаружи шероховатые в большей степени мочегонны и пахнут лучше лука, однако они менее питательны, – отчасти из-за размеров, отчасти по природе своей. Шейки трубачей вкуснее, но содержат меньше питательных веществ, чем мидии, сердцевидки и гребешки; для людей со слабым желудком, у которых пища медленно проходит в кишечник, они полезны, хотя желудочный сок очень медленно их переваривает. Продукты же, которые всеми считаются легко усваиваемыми, напротив, вредны слабому желудку, ибо они перевариваются очень быстро из-за мягкости и хорошей растворимости. Поэтому и мак трубачей⁵⁷, не очень подходящий для нормальных желудков, хорош для слабого кишечника. Мак багрянок питательнее и приятнее, однако они все-таки более напоминают вкусом морской лук; это, впрочем, свойственно всем ракушкам. Их особенностью, присущей и черенкам, является то, что они делают жирной похлебку, в которой варятся. Шейки багрянок, даже отваренные безо всяких приправ, хорошо действуют на желудок». Посидипп упоминает их в «Покрянках» следующим образом [Kock.III.339]:

И час настал:

Угрей, лангустов, конхов свежепойманных,
Морских ежей и мака, мидий, шеек, пинн.

35. Если морские желуди достаточно велики, то они хорошо перевариваются и вкусны. «Морские ушки» же, – они водятся и около острова Фарос, лежащего напротив Александрии, – питательнее всех упомянутых моллюсков, но тяжелы для желудка. Антигон Каристийский пишет в «Ле-

b

c

d

e

ксиконе», что эолийцы называют их «ушками Афродиты». Камнеточеч (φωλάς) высокопитателен, но отдает тухлятиной. Похожи на них асцидии, они даже еще более питательны. Встречаются также так называемые «дикие» устрицы; они имеют тухлый запах и неприятны на вкус.

Аристотель пишет в сочинении «О животных»: «К панцирным моллюскам относятся пинна, устрица, мидия, гребешок, черенок, конх, блюдечко, асцидия, желудь. К передвигающимся относятся трубач, багрянка, сладкая багрянка, еж, витая улитка. Шероховатая раковина гребешка пересечена бороздками, у асцидии же она гладкая и без бороздок; у пинны маленький рот, тогда как у устрицы он велик, раковина у нее двустворчатая и шероховатая; у блюдечка она одностворчатая и гладкая; у мидии раковина состоит из двух сросшихся частей; у черенка и желудя она цельная; раковина конха бывает и такая и такая». Внутренности пинны Эпэнет называет в «Кулинарном искусстве» «маком».

Аристотель же пишет в пятой книге «[Истории] животных» [V.544a]: «Багрянки размножаются в весеннее время, также и *трубачи*, когда кончается зима. И вообще у панцирных моллюсков, кроме съедобных [морских] ежей, так называемые яйца обнаруживаются весной и осенью. Хотя яйца у этих последних бывают лучшими в указанные времена года, однако они, [хотя и худшего качества], встречаются у них и во все [сезоны], преимущественно же в полнолуния и пригретые [солнцем] дни. Не так [обстоит дело у морских ежей] Пиррейского залива⁵⁸: те лучше [всего для еды] зимой. Хотя они [в это время] и невелики, однако полны яиц. По-видимому, и все улитки размножаются в тот же самый [весенне-летний] сезон».

36. Продолжая, философ снова пишет [о них] [546b]: «Багрянки, собравшись весной в одно место, производят так называемые соты: это нечто подобное медовым сотам, только не гладкое, а как бы сколоченное из множества оболочек белого гороха. Ни одно из этих образований не имеет открытого прохода, и не из них возникают багрянки, а и они, и прочие панцирные зарождаются из ила и вместе с тем из гнили. Соты же представляют собой как бы очищение и багрянок, и трубачей, потому что и трубачи производят соты. Таким образом, и панцирные, производящие соты, возникают так же, как и прочие панцирные, однако преимущественно тогда, когда уже имеются существа того же рода. Именно они выделяют, начиная производить соты, клейкую слизь, из которой образуется нечто напоминающее шелуху. Всё это расплывается, в землю попадает ихор⁵⁹, и на этом-то месте возникают маленькие багрянки. Ловят [взрослых] багрянок, которые несут их на себе, иногда даже когда у них еще не определилась форма. Если же багрянок захватят прежде, чем они разродились, то иногда они рождают и в плетенках, но не где придется, а собравшись в одно место, как в море; только вследствие тесноты зачатки возникают в виде грозди. Существует несколько видов багрянок: некоторые из них крупные, как [те, что водятся] поблизости от Сигея и Лекта, другие малые, как

в Эврипе и около [берегов] Карию. Те, что живут в заливах, велики, шиповаты, и у большинства из них цветок черный, у некоторых же красный и небольшой⁶⁰. Бывают багрянки крупные, весящие целую мину. Те же, что водятся по берегам и у крутых берегов, размером невелики и цветок имеют красный. Далее, в местообитаниях, открытых на север, они по большей части черные, а в [открытых] на юг – красные».

37. Афинянин Аполлодор в сочинении «Комментарии к Софрону», приводя выражение «прожорливей багрянки», поясняет, что это пословица, и пишет, что одни имеют в виду ее красящие способности, ибо к чему бы она ни прикоснулась, она тащит это внутрь себя, а затем откладывает позади себя, уже окрасив в свой цвет; другие, однако, относят это к самому животному. Аристотель же пишет [ИЖ.V.547a]: «Ловят их весной, когда они делают соты; под [знаком] же Пса их не ловят, так как [в это время] они корма не ищут, но скрываются в норах. Цветок они имеют посередине между шеей и маком». [547b]: «И багрянки, и трубачи имеют крышки, устроенные одинаковым образом, также и прочие извитые раковины все имеют их от рождения. Питаются они, выдвигая из-под крышки так называемый язык. Величина этого языка у багрянки больше пальца. При помощи его она питается и пробуравливает улиток и раковины своих сородичей. И багрянки, и трубачи оба долговечны: багрянки живут около шести лет, и ежегодный прирост замечен по промежуткам между завитками раковины». «Конхи же, сердцевидки, черенки и гребешки образуются в песчаных местах.

38. Пинны растут вертикально в глубине моря; в них обитают стражи⁶¹, в одних – небольшая креветка, в других – маленький краб. Лишившись их, они скоро погибают». Памфил Александрийский пишет в сочинении «Об именах», что стражи рождаются внутри моллюсков. А Хрисипп Солейский в пятой книге сочинения «О Благости и Наслаждении» пишет: «Пинна и ее страж помогают друг другу и врозь жить не могут. Пинна – это моллюск, а ее страж – маленький краб. И когда пинна, раскрыв створки, замирает в ожидании, пока не приблизится маленькая рыбка, ее страж стоит рядом и укусом сообщает ей о приближении добычи, после этого пинна захлопывает створки. Пойманную таким способом добычу они поедают вместе». Некоторые даже утверждают, что они вместе и зарождаются из одного семени. И опять пишет Аристотель: «Вообще же все раковинные возникают также и самопроизвольно в иле. Смотря по различию ила, [возникают они в форме] различных [видов]. В местах грязевых [возникают] устрицы, в песчаных – конхи и упомянутые выше [виды], в расщелинах скал – асцидии, морские желуди и [виды], обитающие на поверхности, как, например, блюдечки и нерейты».

39. «Таким же образом возникают и те из панцирных, которые не имеют раковины, например, морская крапива и губки – в расщелинах скал. Существует два вида морской крапивы (актиний): один, живущий в углублениях, не отделяется от скал; другой, [живущий] на местах гладких и ров-

ных, отделяется и [способен] переходить на другое место» [ИЖ.V.548a]. Эвполид называет в «Автолике» [Kock.I.272] морскую крапиву (κνίδη) *акалефой* (ἀκαλήφη) [Kock.I.272], также и Аристофан в «Финикиянках» [Kock.I.534; cp.62d]:

А всех прежде
Выросли стрелки лаванды
Со скалистой крапивой.

Также и в «Осах» [884]. Ферекрат в «Перебежчиках» [Kock.I.152]:

Равное время носить венок из крапивы.

Сифнийский врач Дифил пишет: «Крапива благотворна для кишечника, мочегонна и нетяжела для желудка; у собирающих ее она вызывает зуд, если они предварительно не намажут руки маслом». Она действительно жалит рвущих ее; за это и получила теперь название «акалефа» (ἀκαλήφη), что после незначительного изменения слова означает «недоброе прикосновение» (ἀχάλη ἀφή). (Возможно, оттуда же название и крапивы-растения.) «Недоброе» – это эвфемистическая замена, она ведь не только неласкова или не «добра», но даже колюча и неприятна для прикасающихся к ней. Морскую крапиву упоминает в «Амфиарае» Филиппид [Kock.III.302]:

Передо мною устриц и крапив морских
Он выставлял, моллюсков ставил блюдечек.

В «Лисистрате» это слово обыгрывает Аристофан [549]: «О, самая мужественная из бабушек (τηθῶν) и злых, как крапива, матерей (μητριδίων)», поскольку τηθῶν может означать не только «бабушек», но и «асцидий», а для смеха к этому добавляются еще и «матери»⁶² (μήτηρ).

40. Пишет Дифил и о других панцирных моллюсках: «Сердцевидки малых размеров с шероховатыми раковинами имеют нежное мясо и называются *устрицами*; они благотворны для желудка и легко перевариваются. Гладкие же, называемые *царскими* (некоторые даже называют их исплинскими (πελίνισσι, венерки) [cp.92f], питательны, но плохо перевариваются; они вкусны и полезны для желудка, особенно самые большие из них. Теллины в больших количествах водятся возле Каноба, в особенности они изобилуют во время нильских разливов. Те из них, что называются *царскими*, мягче и легче, они питательны и быстро проходят кишечник; однако речные теллины слаще. Питательные качества мидий весьма средние, они мочегонны и тоже быстро проходят кишечник. Лучше всех эфесские, особенно пойманные осенью. Мюиски меньше мидий, но слаще них и вкуснее, а также очень питательны. Так называемые *черенки*, которых зовут еще и дудками, и тростинками, и ноготками, содержат много невкусной жидкости, кроме того, они клейки. Самцы черенков имеют разноцветные, покрытые бороздками раковины, они полезны страдающим камнями и другими нарушениями мочеиспускания. Самки черенков одноцветны и

гораздо слаще. Их едят и вареными, и жареными, но лучше всего те, которых пекли на углях, пока их створки не раскрылись».

Как свидетельствует Фений Эресийский в сочинении «Убийства тиранов из мести», собирателей черенков называли «череночниками». Он пишет: «Филоксен пришел к тиранической власти из демагогов. За то что начинал он с ловли рыбы и собирания черенков, его прозвали *череночником*, однако, собрав некоторый капитал и занявшись торговлей, он добил-ся немалого влияния».

«Из гребешков более нежное мясо имеют белые, они не пахнут и благотворны для кишечника. Из черных и рыжих гребешков очень вкусны и мясисты крупные экземпляры. Вообще же они все очень полезны, легко перевариваются и благотворны для кишечника, если есть их, приправляя перцем и тмином». Упоминает их и Архипп в «Рыбах» [Kock.I.683; ср.86с]:

С ежами и с иглами, блюдечками, эсхарами и гребешками.

«Морские *желуди*, называемые так из-за сходства с плодами дуба, различаются в зависимости от местообитания. Египетские, например, сладки, мягки, вкусны, питательны, содержат много сока, обладают мочегонным действием, благотворны для кишечника; остальные желуди слишком соленые. *Морские ушки* же плохо перевариваются, в жареном виде питательны. Камнеточец (φωλός [ср.88а]), вкусен, но плохо пахнет и малосочен.

41. [Морские] ежи имеют нежное мясо, они сочны, сильно пахнут, сытны и легко перевариваются. Если их есть вместе со смесью меда и уксуса, а также сельдереем и мятой, то они полезны для желудка, сладки и сочны. Наиболее приятны и жирны ежи красного и яблочного цветов, также и те, мясо которых выделяет молочко, если его поскрести. Те же, что водятся поблизости от Кефалении, а также в Икарийском и Адриатическом морях ... [лагуна] ... некоторые из них горьковаты, живущие же на сицилийских утесах вызывают расстройство желудка».

Аристотель же пишет [ИЖ.IV.530а], что существует много родов морских ежей: один из них съедобен – тот, в котором есть «яйца», два же других называются *спатанги* и *брисы*. Спатангов упоминают и Софрон, и Аристофан в «Грузовых ладьях» [Kock.I.497]:

Спатанги же меня⁶³

На части рубят, жрут и гложут косточки.

Говорит о ежах в «Свадьбе Гебы» и Эпихарм:

Прибыли ежи и крабы, лишь они по влаге плавать
Не умеют, но отважно путешествуют пешком.

Деметрий из Скепсиса рассказывает в двадцать шестой книге «Троянского строя», как один лаконец был приглашен на пир, где на стол были выставлены морские ежи; он взял одного из них, но не умел обращаться с этим кушаньем, а посмотреть, как это делают сотрапезники, не догадался.

- d Он схватил его зубами и принялся грызть вместе со скорлупой. Без толку провозившись и не понимая, почему еда такая жесткая и неподатливая, он воскликнул: «Негодная жрачка! Я не какой-нибудь слабак, чтобы бросить, но уж в другой раз ни за что с тобою не стану возиться».

Эти ежи, как сухопутные, так и морские, огораживают себя от нападающих частоклолом колючек, превращаясь в собственных телохранителей: это подтверждает Ион Хиосский в «Финикийце» или «Кенее» следующим образом [TGF². 739]:

У сухопутных тварей я приветствую
Повадки льва, а не ежа презренного:
Еж чуть заметит сильного противника,
Тотчас свернется в шар, торчащий иглами,
И ляжет, недоступный для зубов и лап.

- e
42. «Одни из моллюсков-блюдецек, – продолжает Дифил, – малы, другие достигают размеров устриц. Они жестки, малосочны, однако запах у них совсем не едкий. Они очень вкусны и легко усваиваются; в вареном виде они также довольно вкусны. *Пинны* обладают мочегонным действием и питательны, но плохо перевариваются и усваиваются. Сходны с ними и *трубачи*, шейки которых очень полезны, несмотря на то что долго перевариваются; поэтому они хороши для больных со слабым желудком, хотя плохо проходят через кишечник и не весьма питательны. Их так называемые «маковки» у основания мягки и хорошо усваиваются. Поэтому они полезны больным, страдающим слабостью кишечника. *Багрянки* занимают промежуточное положение между пиннами и трубачами: шейки их сочные и вкусные, остальное мясо имеет солоновато-сладкий привкус и легко усваивается; оно хорошо в качестве приправы. Устрицы зарождаются в реках, бухтах и в открытом море. Наилучшими являются морские, если рядом находится река или бухта, – тогда они урождаются сочными, крупными и сладкими. Те же, что выросли на побережье или у скал, не имея доступа к илистой или свежей воде, – мелки, жестки и раздражают язык. Лучше всего они весной или в начале лета – набухшие, пахнущие морем, со сладковатым привкусом, они полезны и легко перевариваются. Сваренные с мальвой или со щавелем⁶⁴ или с рыбой, даже и сами по себе, они питательны и благотворны для кишечника».
- f
- 92

43. Мнесифей Афинский пишет в сочинении «О пище»: «Мясо устриц, конхов, мидий и им подобных плохо переваривается из-за содержащейся в нем соленой жидкости, поэтому, если их съесть сырыми, своей соленостью они угнетают кишечник. Во время же варки они испускают в воду, в которой варятся, или всю свою соль или ее избыток, и в результате их отвар вызывает спазмы кишечника, а вареное их мясо, лишённое соков, скрипит на зубах. Если же их умело поджарить, то жар уничтожает все эти их недостатки. Поэтому они не так трудно перевариваются, как сырые: ведь жидкости, от которых кишечник вяло работает, испаряются. И вооб-
- c

ще все панцирные моллюски представляют собой пищу водянистую и трудно перевариваемую, но в то же время не мочегонную. Актинии же и икра морских ежей, будучи пищей водянистой и незначительной по сухому остатку, расслабляют кишечник и способствуют выделению больших количеств мочи».

44. Никандр Колофонский дает в «Георгиках» следующее перечисление моллюсков:

Все моллюски, которых питает пучина морская:
Мидии и нерейты, затем трубачи и венерки,
Скользкие дети самой Галосидны⁶⁵, укромные норы
Пинны.

d

Также Архестрат пишет в «Гастрономии»:

Энос мидий больших приносит, Абидос – устриц,
Парий – цикаду морскую⁶⁶, несет гребешки Митилена,
Также Амбракия нам несет очень много громадных

.....

Конхов же в узком проливе Мессенском возьмешь исполинских,
Или в Эфесе, а устриц отменно добротных и гладких [см.87b]
Даст Калхедон. А всех трубачей⁶⁷ – и людей, и моллюсков –
Пусть грозный Зевс истребит, пощадив одного человека, –
Это мой друг, он живет на богатом лозой виноградной
Лесбосе, имя ему Агафон.

e

Также Филиллий, или иной автор «Городов» [Kock.I.785; ср.86а, 104f]:

Черенков, сердцевидок, и мидий, и пинн,
гребешков из Мефимны и блюдца.

Слово «устрица» встречается у ранних авторов только в форме ὀτρεῖα. Кратин в «Архилохах» [Kock.I.14]:

Она подобна пинне или устрице.

И Эпихарм в «Свадьбе Гебы» [ср.85d]:

f

Устрица захлопнувшаяся.

Платон в «Федре» [250c] пишет ὀτρεὼν подобно ὀρυεὼν: «связанный на манер улитки». И в «Тимее» [92b]: «устриц (ὀτρεῶν) и вообще всех водяных животных». В десятой же книге «Государства» [611d] он пишет ὀτρεῖα: «оброс ракушками (ὀτρεῖα) и водорослями».

Венерки-пелориды получили свое название от слова πελώριον «исполин»; они действительно больше сердцевидок и достигают необычайных размеров. Аристотель пишет, что они водятся в песчаных местах. Сердцевидок (χήμη) упоминает в «Посещениях» Ион Хиосский [FHG.II.47]. Возможно, эти ракушки получили свое имя от слова χε-χηνέναι (зевнуть).

93

45. Об индийских устрицах вот что пишет Феофраст в книге «О камнях» (будет кстати вспомнить о них по поводу жемчуга) [36]: «Жемчуг – один из самых удивительных камней⁶⁸; он блестящ по природе, и из него делают драгоценные ожерелья. Образуется он в некоторых раковинах, подобных *пиннам*, только поменьше. Величиной он с довольно большой рыбий глаз». А вот что пишет Андросфен в своем «Плавании вокруг Индии»: «И витые раковины, и мелкие двустворчатые, и прочие разнообразны по виду и непохожи на те, что встречаются у нас. Водятся там и багрянки, и множество других моллюсков. Но есть среди них один особенный, местные жители называют его *бербери*. Из него получают камень жемчуг, который высоко ценится по всей Азии и продается в Персии и в верхней Азии на вес золота. Раковина этого моллюска с виду напоминает *гребешок*, но ее гладкие, плотные створки лишены бороздок; кроме того, у нее не два ушка, как у *гребешка*, а только одно. Камень образуется в мякоти моллюска, как затвердения в свином мясе. Одни жемчужины – золотистые, так что даже нелегко отличить их, когда они лежат рядом с золотом, другие похожи на серебро, третьи – совсем белые, как рыбий глаз». Харет из Митилены говорит в седьмой книге «Истории Александра»: «В Индийском море, а также в Армении, Персии, Сузиане и Вавилонии ловят моллюска с крупной продолговатой раковиной, внутри которой много душистого белого мяса. Из этой мякоти извлекают белые косточки, называемые жемчужинами. Они идут на изготовление ожерелий и браслетов для рук и ног: у персов, мидян и прочих азиатов такие украшения ценятся дороже золотых».

46. Исидор из Харакса в своем «Описании Парфии» говорит, что в Персидском море есть остров, возле которого находят очень много жемчуга. Поэтому вокруг острова сделали мостки из тростника, и люди ныряют с них на глубину двадцати сажень за двустворчатыми раковинами. Говорят, что в пору гроз, когда непрерывно гремит гром и идут проливные дожди, у моллюсков-пинн чаще всего начинается беременность, больше всего рождается жемчужин, и к тому же самых крупных. Зимой *пинны* обычно забиваются в норы на большой глубине; летом по ночам они раскрываются и плавают свободно, а днем закрываются. Моллюски, которые прирастают к скалам и утесам, пускают корни и, оставаясь на одном месте, рожают жемчуг. Пищу и остальные средства к существованию они при этом получают через ту часть своего тела, которая непосредственно прилегает к мягким тканям: она сращена с устьем раковины и продолжается щупальцами, которые ловят добычу, подобно маленькому крабу-стражу [ср.89d]. Мягкая ткань простирается отсюда, подобно корню, к середине раковины; там-то, однажды зародившись в самом толстом месте ракушки, и вырастает жемчужина, получая питание всё время, пока моллюск прикреплен к скале. Когда же, постепенно разрастаясь под жемчужиной, мягкие ткани отделяют ее от раковины и обволакивают со всех сторон, то жемчужина лишается питания и от этого становится гладкой, блестящей и чистой. Глубоководные *пинны* про-

изводят самый блестящий, крупный и чистый жемчуг, а те, что над водой и под солнечными лучами, рождают жемчужины поменьше и цветом похуже. Ловцы жемчуга не без риска просовывают руку в открытую раковину, так как она тотчас же захлопывается и часто отрезает им пальцы: некоторые даже сразу умирают. А те охотники, которым удастся подsunуть руку сбоку, легко отделяют раковину от скалы.

b

О смарагдах упоминает Менандр в пьесе «Дитя» [Kock.III.108]:

Марагд и сердолик должны здесь были быть.

Это слово нужно произносить без начального «с», потому что оно происходит от глагола *μαρμαίρειν* «сверкать».

[О ТРЕБУХЕ]

47. После этого нас обнесли подносами, на которых было навалено множество **ВАРЕНОГО МЯСА**⁶⁹, – ног, голов, ушей, челюстей, кишок, требухи, языков, – как в александрийских лавочках под вывеской «Мясо вареное».

c

«Слово «требуха», Ульпиан, есть у Посидиппа в комедии «Дитя»! [Kock.III.341]» И опять наша компания стала дознаваться, что из выставленного было упомянуто у поэтов. Кто-то сказал: «О требухе упоминает Аристофан в комедии «Всадники» [300]:

Скажу: «торгует требухой беспошлинной!» –

и далее [160]:

d

Что ты смеешься? Не даешь промыть кишки
И с требухою торговать колбасами! –

и еще [356]:

А я нажрись свиных кишок, заем их требухою,
Отваром этим же запью, рук даже мыть не стану,
Говорунов перекричу и Никию дам трепку; –

и еще [1178]:

А «Дочь могучего» тебе дарует
Вареного из супа мяса, также
И требухи: кишки, рубец, желудок.

e

Челюсть упоминается в «Богатствах» Кратина [Kock.I.63]:

За бычью челюсть бьющийся.

И у Софокла в «Амике» [TGF². 154]:

Он размягчает челюсти.

Платон в «Тимее» пишет [75d]: «...соединив с ними края челюстных костей

f под лицом». И Ксенофонт в «Искусстве верховой езды» [I.8]: «маленькую аккуратную челюсть». Некоторые произносят это слово (σιγῶν) через ипсилон (συγῶν) по аналогии со словом «свинья» (ὕς).

О колбасах упоминает Эпихарм, называя их ὀρύσι, этим словом он даже озаглавил одну из своих пьес. Аристофан в «Облаках» [455]:

Пусть меня изотрут в колбасу
И на ужин дадут мудролюбцам.

Кратин во «Фляжке» [Kock.I.72]:

Кусочек колбасы – он очень тоненький.

95 Также Эвполид в «Козах» [Kock.I.264]. Также Алексид в «Левкадянке» или «Беглых рабах» [Kock.II.344]:

Колбасочки кусочек прибыл и мясо,
Нарубленное мелко.

Антифан в «Свадьбах» [Kock.II.40]:

Вырезая середину колбасы.

48. Ноги, уши и рыла упомянуты Алексидом в «Кратейе», или «Торговке снадобьями»; однако эту цитату я приведу немного позднее [107b], так как в ней есть много и других слов, интересных для обсуждения. Феофил в «Панкратиасте» [Kock.II.475; ср.417b]:

b – Вареных кушаний
Почти три мины.
– Дальше говори.
– Свиных
Ноги четыре, рыльце, окорок.
– Геракл!
– Да три ноги воловых.

Анаксилай в «Поварах» [Kock.II.269]:

– Стихов Эшила мне вкуснее кажется
Рыбешечки нажарить.
– Что? Рыбешечки?
Как за больными, хочешь ты ухаживать
За сотрапезниками? Лучше выварить
Им потроха, да рыло, да конечности.

Анаксилай в «Кирке» [Kock.II.267]:

И с рылом, мой Кинесий, со свиным.
Вот ужас был!

А также в «Калипсо» [Kock.II.266]:

c И понял я, что с рылом я свиным хожу.

Ушки же упомянуты Анаксандридом в «Сатириасе» [Kock.II.155]. Акси-

оник пишет в «Халкидянине» [Kock.II.415]:

Пока похлебку стряпаю, горячими
 Держу я рыб – объедки сгреб вчерашние,
 Смочил вином, добавил потрохов туда,
 Подсыпал соли и приправил сильфием⁷⁰;
 Потом рублю кусочки требушинные
 И колбасу, вымачиваю в уксусе
 Свиное рыло; всеми будет признано:
 Похлебка лучше вышла, чем вчерашнее
 Застолье свадебное.

Аристофан в «Предварительном состязании» [Kock.I.510]:

Я с потрохами съел своих детенышей –
 На жареные рыльца как смотреть теперь?

Ферекрат в «Безумцах» [Kock.I.173]:

Свиное рыло это просто-напросто!

Так называется и местность Ринх [т.е. рыло] в Этолии в окрестностях Страта, о чем говорит Полибий в шестой книге своих историй [VI.59]. И Стесихор пишет в «Охотниках на вепря»⁷¹:

Скрыть кончик рыла под землей.

А что слово «рыло» (ῥύγχος) относится собственно только к свиньям, уже было сказано ранее. Однако оно может прилагаться и к другим животным и даже, как это делает во втором издании своего «Амфитриона» Архипп, в шутку относиться и к человеческому лицу [Kock.I.679]:

Хоть было у него
 Такое рыло вытянутое.

И Арарот в «Аониде» [Kock.II.215]:

Ведь божество к нам рылом обращается.

49. Свиные конечности упоминает Аристофан в «Эолосиконе» [Kock.I.393; ср.: Аристофан. «Лягушки».558]:

Такие уж я нежные
 Сварил тебе четыре оконечности.

И в «Геритадах» [Kock.I.430]:

Крабы, хлеб, конечности.

Антифан в «Коринфянке» [Kock.II.61]:

– Как? Афродиту чтить свиной конечностью?
 – Забыл, хозяин, что богиня Кипрская
 Так любит всех свиней на этом острове,
 Что и навозом у нее питаются
 Не свиньи, а быки.

96 От том, что Афродите действительно приносится в жертву свинья, свидетельствует в «Исторических записках» Каллимах или Зенодот: «Аргосцы жертвуют Афродите свинью, и даже сам праздник называется *Свиным* (Ῥοθήρια)».

Ферекрат в «Рудокопах» [Kock.I.175; ср.269a]:

Нежнейшие на блюдах подле цельные
Окорока лежали, оконечности
Проваренные дважды.

Алексид в «Игроках в кости» [Kock.II.339]:

Позавтракали мы свиной конечностью.

И в «Ночной страже», или «Поденщиках» [Kock.II.363]:

Ведь мясо не прожарено, испорчены
Обрезки мяса, угорь выварен,
Свинные не готовы оконечности.

О вареных ножках упоминает Ферекрат в «Учителе рабов» [Kock.I.157]:

– Скажите, что же на обед готовите для нас вы.
– Итак: есть засоленный угорь для вас,
Кальмар, немного ягненка, кусок
Колбаски, вареная ножка, ребро,
Печенка, птицы, сырок в меду,
Говядины порция.

Антифан в «Парасите» [Kock.II.87]:

– Копченая
Нога свиная.
– Завтрак замечательный,
Клянусь богиней Гестией.
– И плавленый
Шипящий сыр.

с Экфантид в «Сатирах» [Kock.I.9]:

Поскольку должен был купить и ноги съесть вареные.

Язык упоминается в следующих стихах из «Любителей жареного» Аристофана [Kock.I.522; ср.110f]:

Довольно анчоусов!
Устал я от жирного!
Несите печень перепела,
Загривок от козленочка,
Да язычок, да легкое,
Брюшину, селезеночку,
Подсвинка осеннего выводка
С горячим пирогом!»

50. После стольких речей об этих предметах, не преминули внести свой вклад и присутствовавшие врачи. Д и о н и с о к л, например, сказал: «Мнесифей Афинский пишет в трактате «О пище» следующее: “Голова и ноги свиньи содержат мало питательных веществ и жира”». А Л е о н и д процитировал Демона, который пишет в четвертой книге «Истории Аттики» [FHG.I.378]: «Тогдашний царь афинян Афидант был убит своим незаконнорожденным младшим братом Фимэтием, который и воцарился после него. Во время его правления мессенец Меланф, изгнанный из своего отечества, спросил Пифию, где ему надо поселиться. Ему был дан ответ: там, где, принимая его в качестве почетного гостя, за пиром ему подадут голову и ноги. Это и случилось с ним в Элевсине, когда, справляя какой-то местный праздник, жрицы израсходовали всё мясо, кроме голов и ног, и послали их Меланфу».

[СОВРЕМЕННЫЕ ПЕДАНТЫ]

51. Тут подали *свиную матку*, родоначальницу и подлинную мать сыновей Гиппократ⁷², которых, я знаю, не раз высмеивали в комедиях за их свинство. Взглянув на нее, У л ь п и а н сказал: «Ну, друзья, у кого мы встречаем слово «матка»? Мы уже вдоволь поели, пора нам и побеседовать. А киникам, которые нажрались до отвала (*ἡχόρτοσμάνοι*), я посоветую молчать. Пусть, если хотят, грызут челюсти и головы и всякие кости: ведь никто не запретит им лакомиться, словно собакам, всеми этими отбросами. Впрямь, они собаки, и прозвищем своим гордятся.

Закон велит бросать объедки псам, –

сказал Еврипид в «Критянках» [TGF². 504]. Так вот и киники хотят есть и пить всё без разбора, и им нет дела до того, что сказал божественный Платон в «Протагоре» [347c]: «Разговаривать о поэзии – всё равно что пировать у дурных и пошлых людей. Из-за своей необразованности они не могут за столом общаться друг с другом своим голосом и своими словами; поэтому они так ценят флейтисток, и нанимают за большие деньги чужой голос – голос флейт, – и при его помощи общаются между собою. А где собираются добрые и образованные сотрапезники, там не видно ни флейтисток, ни танцовщиц, ни арфисток: сами гости способны поддерживать беседу без всего этого вздора и пустяков, по очереди говоря и слушая друг друга; они сохраняют благопристойность, даже если выпьют очень много вина». Вот и с вами так же, Кинульк: когда вы выпьете, или, вернее напьетесь, то, наподобие флейтисток и танцовщиц, мешаете остальным получать удовольствие от беседы. И живете вы, говоря словами того же Платона, сказанными им в «Филебе» [21c], не по-человечески, а словно какой-нибудь моллюск или иная морская тварь, у которой дух спрятан в твердой раковине».

d 52. А К и н у л ь к отвечал в сердцах: «Ах ты обжора и чревоугодник! Ничего-то ты не умеешь: ни говорить связно, ни вспомнить что-нибудь из истории, ни ввернуть красивое слово, – и всё время только допытываешься: “Встречается это слово где-нибудь или не встречается? Сказано уже каким-нибудь автором или не сказано?” Ты прямо ногтем скребешь каждое слово собеседника и цепляешься за каждую колючку, словоно продираешься

через чертополох и грубые сорные травы⁷³

и никогда не собираешь красивых цветов. Не ты ли утверждал, будто «эпиномида»⁷⁴ – это то, что римляне называют *strena* и, по отеческому обычаю, дарят друзьям? Если в этом объяснении ты рвешься вслед Платону, то мы хотим знать... [текст испорчен]... Если же ты нашел это слово, употребленное в таком смысле у другого автора, то открой нам, у кого? Я, например, знаю, что «эпиномидой» называется еще и часть триеры, как установил в своем трактате «О триерах» Аполлоний. И не ты ли сказал о новом плаще-феноле, – да, да, милейший, он называется «фенол», а не «фенола», – который тебе еще ни разу не пригодился: “Дай мне, раб мой Левк, этот *непригодный* плащ?” А однажды, направляясь в баню, разве не ответил ты на вопрос: – Куда ты? – *Спешу смыться*. – И в тот же день во-ры, промышляющие чужой одеждой, украли у тебя прекрасный канусийский плащ, так что вся баня хохотала, когда ты искал свой «непригодный фенол»⁷⁵. В другой раз, милые друзья (вам-то нужно знать правду!), он ударился о камень и разбил голень. Когда же, вылечившись, он вновь вышел и его спросили: – Что у тебя на ноге, Ульпиан? – он ответил: – Фонарь! – А я (я был тогда с ним) не мог удержаться от смеха, и потом, когда один мой приятель-врач смазывал мне под глазами густой мазью, на вопрос: – Что с тобой? – я ответил: – Споткнулся!»

98 53. Есть и другой ревнитель подобной мудрости, Помпейян Филательф. Будучи человеком небезыскусным, этот ловец словес кричит рабу: «Стромбихид! Принеси мне в гимнасий *невыносимые* сандалии и *непригодную* мантию, потому что, подвязав бороду, обращаюсь я к приятелям; ибо зрим уже мне Ларих. Принеси мне и кувшинчик оливкового масла, дабы нам с ним сперва *натираться*, а засим *омываться*»⁷⁶. Тот же мудрец, встретившись в *феврале* с приятелем, которого давно не видел, – а месяц этот, как пишет мавританский царь Юба [FHG.III.470], называется так по избываемым страхам перед покойниками, поэтому в самые холода несколько дней подряд чтут усопших возлияниями, – так вот, этот умник ответил своему приятелю: «Я несколько дней не показывался *из-за жары*»⁷⁷. Когда же в Афинах справляли Панафинеи, праздник, во время которого суды закрыты, он сказал: «Сегодня *неправый* день рождения *неложной*⁷⁸ Афины». А однажды он назвал *бесполезным* (ἄχρηστος) одного нашего товарища, ходившего в Дельфы за прорицанием оракула (χρησμός) и возвратившегося ни с чем. Выступая с парадной речью и разливаясь в похва-

лах стольному граду, он выдал: «*Неосновательное*⁷⁹ (ἀνυπόστατος) владычество римлян восхищает нас».

54. Вот каковы, друзья, эти ульпиановы мудрецы, готовые назвать печным сосудом (ἰπνολέβητα) и римский *miliarium*, служащий для нагревания воды [в банях]. Эти изобретатели множества новых словечек на много парасангов оставили позади сицилийца Дионисия, который деву называл «менандром», потому что она *ждет мужа* (μένει τὸν ἄνδρα), столп – «менекратом», потому что он *стойко и твердо держится* (μένει καὶ κρατεῖ), копьё – *противобросом*⁸⁰ (βαλάντιον), потому что его *бросают против* кого-нибудь (ἐναντίον βάλλεται), а мышинные ходы – «мистериями», потому что они *оберегают мышей* (τοὺς μῦς τηρεῖ). Афаний рассказывает в первой книге «Сицилийских историй» [FHG.II.82], что этот самый Дионисий даже быка называл «гаротаном» (землерезом), а свинью – иакхом⁸¹. Таков же был и Алексарх, брат македонского царя Кассандра, основавший Уранополь: Гераклид Лемб пишет о нем в тридцать седьмой книге «Истории» так [FHG.III.169]: «Основав Уранополь, Алексарх принялся насаждать в нем особую речь, называя петуха *с-утра-криком*, цирюльника *людостригом*, драхму *серебрянкой*, хойник⁸² *кормильцем дня*, глашатая *выгонялой*. Однажды он послал правителям, назначенным Кассандром, письмо следующего содержания: «Алексарх *передовым Сородного [желает] хорошесть! Считая мне известным о солнцебаранах, властвующих оставленными делами держателей, назначенных роком подземельным богам, натеревших маслом себя и горних стражей*». Что значит это послание, думаю, даже Пифия не отгадает! Это же утверждает Антифанов «Клеофан»⁸³ [Kock.II.58]: «И это властвование? Что сказать, клянусь Зевсом, о достойном человеке, который идет за ликейскими софистами, тощими, голодными, негодными, бормочущими, что если вещь возникает, то ее нет, потому что то, что возникает, еще не возникло; а если оно было, то оно не возникает, потому что чего нет, то не есть; а что не возникает, то не может быть, пока не возникло, так как оно не возникло из того, что есть; но если оно не возникло из того, что есть, то как оно могло возникнуть из того, чего нет? Это невозможно. Но если оно из чего-то возникло, то не может быть, чтобы из того, что есть, возникает то, чего нет, потому что ничто не может стать тем, чего нет. Что это значит – самому Аполлону не понять».

55. Я знаю также, что поэт Симонид называл Зевса *аристархом* (вождем наилучшим), Эсхил же называл Аида *агесилаем* (водителем народа), а Никандр Колофонский животное аспиды – *иохейром* (метателем стрел). Подобным же образом и удивительнейший Платон в диалоге «Политик», рассуждая о животных, передвигающихся на суше и в воздухе, упоминает «сухоядение» и «водопастьбу» и «воздуховыпас» сухопутных, плавающих и летающих животных, как бы предостерегая этим любителей изобретать новые словечки; дословно же он пишет следующее [261e]: «Если ты не будешь особенно заботиться о словах, то к старости станешь богаче мнени-

ями». Известно мне также, что оратор Герод Аттик называл *колесными путями* деревянный брус, прижимавшийся к колесам, когда дорога шла под гору, хотя Симарист в сочинении «Синонимы» назвал этот брус *наколесником* (ἐποχέα). И поэт Софокл в следующем стихе из какой-то пьесы назвал стражника *засовом страха*:

Мужайся, я ведь крепкий страха этого
Тебе засов.

В другом месте он называет якорь *держалом* (ισχύδα) за то, что тот держит корабль:

Держало корабля
Матросы размотали.

Оратор Демад называл Эгину «бельмом Пирея», Самос «осколком Города (Афин)», юношество «весной народа», стены «платьем города», а глашатая «общественным петухом афинян». Этот же ловец слов даже женщину, имевшую задержку месячных, называл «нечистой». И как тебе, У л ь п и а н, только пришло в голову сказать «нажравшиеся» (μεχῶρτασμένοι) [ср.96f], когда отлично можно было взять глагол «насытиться» (χορεσθῆναι)?»

56. Весело рассмеявшись его словам, У л ь п и а н ответил: «Полно тебе твякать, дружище, и не очень-то свирепей: эти песьи дни⁸⁴ – еще не повод, чтобы набрасываться на нас с собачьей яростью. Скорее тебе надо ласкаться к пирующим и вилять хвостом, иначе день нашего пира превратится в аргосский праздник «Псоубийства». А «нажраться», любезнейший, сказано в следующем стихе из «Одиссеев» Кратина [Kock.I.57]:

День провели в наслажденьях они, обжираясь белым
Млеком.

И Менандр в «Трофонии» [Kock.III.133] говорит «обожравшийся». Аристофан же пишет в «Геритадах» [Kock.I.429]:

Монодиями пусть хоть обожрется он.

И Софокл в «Тиро»:

...их всевозможными обжорствами (παυχόρτοισιν)
Мы угощали до отвала.

100 Эвбул в «Долоне» [Kock.II.175]:

Я так нажрался, так раздулся спереди,
Что еле в силах подвязать сандалии.

Софил в «Филархе» [Kock.II.446]:

Здесь знатное застолье ожидается,
Уже я вижу, что нажрусь я досыта,
Уже как в масле сыр катаюсь.

Амфид в «Небесах» [Kock.II.244]:

Нажрусь я до отвала нынче вечером.

Вот что, Кинульк, могу сказать тебе сейчас; «завтра же иль послезавтра», – так Гесиод называет третий день [«Труды и дни». 410], – угощу тебя до отвала плетьюми, если ты не разъяснишь мне, к чему подходит слово «чревобесие» (χοιλιοδαίμων). И когда тот замялся с ответом, У л ь п и а н сказал: «Прекрасно, тогда я сам скажу тебе: Эвполид называет так льстецов в своей одноименной комедии [Kock.I.306; ср.97с]. Цитату же ты услышишь не раньше, чем отведаешь моих плетей».

[О СВИНОЙ МАТКЕ]

57. Развеселив всех своим остроумием, У л ь п и а н продолжил: «Мало того, я представляю вам и речь о СВИНОЙ МАТКЕ. Алексид в пьесе, озаглавленной «Понтиец», следующим образом высмеивает оратора Каллимедонта, занимавшегося государственными делами во времена Демосфена [Kock.II.368]:

Мы жизнь отдать готовы за *отечество*,
Каллимедонт-Лангуст же за вареную,
Наверно, *матку* на тот свет отправится.

Этот Каллимедонт был ведь знаменит и своим гурманством. А вот как упоминает матку Антифан в «Маменькином сынке»⁸⁵ [Kock.II.108]:

Росток у древа в *чреве* распускается,
Зовется град не «отце-», – *метрополией*,
На рынке *матки* продают сладчайшие,
И друг хиосец *Метр* народу нашему.

Эвфрон в «Преданной» [Kock.III.322]:

Такую матку мой наставник выделал –
Каллимедонт, жуя, скакал от радости:
С того и прозван был Каллимедонт-Лангуст.

Диоксипп во «Враге содержателей притонов» [Kock.III.358]:

А блюд каких он требует изысканных:
Сычуга, маток, потрохов!

И в «Историографе» [Kock.III.359]:

Через портик пробивался и Амфикл; заметив матки
(Их висело там две штуки), указал на них и крикнул:
«Шли его сюда скорее, коль увидишь».

Эвбул в «Девкалионе» [Kock.II.173]:

Куриная печенка, тощая
Кишка, рубец бараний, матка.

- f 58. Близкий друг Феофраста самосец Линкей знал рецепт приготовления ее с соком сильфия⁸⁶: на пиру Птолемея, говорит он «гостей обносили маткой в соке сильфия с уксусом». Сок сильфия упоминается также Антифаном в «Несчастном влюбленном»; речь идет о Кирене [Kock.П.46]:

Не поплыву туда, откуда выслали,
Скажу «прощай» всему: упряжкам, сильфию,
Коням и лихорадкам, листьям сильфия,
Горячке, соку сильфия и скакунам.

- 101 О вырезанной матке в следующих стихах упоминает Гиппарх, сочинивший «Египетскую Илиаду»:

Пусть веселит мое сердце кастрюля или же матка,
Что плодовита была и вырезана, поросенок,
Пахнущий в печке приятно.

Сопатр в «Ипполите»:

Как превосходна матка вырезанная,
Прекраснощекая, что в белом соусе
Отварена была и дивный стан ее
Подобен сыру.

В «Естествоиспытателе»:

- b Кусок свинины – матки недоваренной,
Внутри которой едкий уксус.

В «Книжных червях»:

Чтоб ты поел кусочек матки сваренной,
Макая в горечь едкой руты.

[КЛАССИЧЕСКИЕ ПИРЫ. ЭПИКУР]

59. Никто из древних не обносил гостей перед обедом ни матками, ни латуком, ни еще чем-нибудь в этом роде, как принято в наше время. Зато, как свидетельствует кулинарный кудесник Архестрат, по окончании пира⁸⁷ поднимали тосты и душились благовониями:

- c Всенепременно главу украшай на пире венками,
Всеми, какими цветет счастливое лоно земное,
Также ее умащай редчайшими из благовоний,
В мягкой золе очага пускай у тебя непрестанно
Смирна и ладан курятся, подарки благоуханной
Сирии. К выпивке пусть тебе желудок подносят
Или вареную матку свиную, что вся пропиталась
Сильбием, уксусом едким и тмином, а также пернатых
Жареный род благородный, каких время года позволит.

Сиракузян презирай, что только пьют, как лягушки,
 Не заеда я ничем, и закусывай тем, что назвал я.
 Вся же другая еда стала признаком нищенства злого:
 Яблоки или горох вареный, сушеные смоквы
 Или бобы. Но когда пирог ты плоский увидишь,
 В славных Афинах рожденный, прими его непременно:
 Если же он у тебя из града другого, то меду
 Надо афинского взять, чтобы сделать пирог превосходным.
 Так надо жить человеку свободному или под землю,
 В Тартара бездны на гибель уйти и зарыться глубоко.

d

e

Описывая пир флейтистки Ламии⁸⁸, который она устроила в честь Деметрии Полиоркета, Линкей показывает, что как только гости входили в обеденный зал, им сразу же подавали мясо и всевозможную рыбу. Подобным же образом из его описания застольного порядка на пире царя Антигона, праздновавшего Афродисии, а также пира царя Птолемея видно, что прежде всего подавались рыба и мясо.

f

60. Все-таки восхищения достоин оставивший нам эти великолепные заповеди Архестрат, предвосхитивший учение мудрого Эпикура о наслаждении! Не уступая в назидательности аскрейскому мудрецу⁸⁹, он предостерегает нас от подражания кому не следует и призывает довериться ему и питаться только согласно его советам, проделывая это ничем не хуже повара из пьесы комедиографа Дамоксена «Сводные братья», который рассуждает следующим образом [Kock.III.349]:

– Воспитанника Эпикура мудрого
 Во мне ты видишь! Знай же: у него в дому
 В два года и неполных десять месяцев
 Четыре нажил для тебя таланта я.
 – Но где ж таланты?

102

– Божеству пожертвовал.

Был повар Эпикур, того не ведая.
 И что за повар! Слушай, сиротинушка:
 «Источником, вожатым и помощником
 Природа служит нам в любом занятии.
 Ее мудрей помыслить невозможно нам».

Любое дело пустяки познавшему
 Ученье это, и ему всё на руку.
 Напротив, распознав невежу-повара,
 Который Демокрита не штудировал,
 А хуже, сердцем чтение не принявшего, –

b

Презри его как пустозвона; если же
 Канона Эпикурова не слыхивал, –
 Гони с позором, как из школы. Дорогой,
 Всё надо знать! В чем, например, различие
 Меж двух главкисков, летнего и зимнего?
 Какие рыбы осенью полезнее,
 Какие – в зимнее солнцестояние?

c

d

Подумай! Перемены и движения -
 Опаснейшее зло, они ведь качества
 Еды меняют. Понял? А когда живут
 С календарем согласно, не печалятся.
 А многие ль заветам могут следовать?
 Нарушишь – будут ветры, будут колики,
 Что заставляют нарушать приличия.
 Мои же кушанья насытят каждого,
 Усваиваются и должным образом
 Выводятся. И в результате правильно
 По всем сосудам соки разделяются.
 Не в соках, учит Демокрит, а в том беда,
 Что нарушает их, плодя подагриков.
 – Так ты и в медицине разбираешься!
 – Как и любой, природы суть изведавший.
 Взгляни, ради богов, что за невежество
 Царит средь поваров: солянку рыбную
 Творят, в одно сводя несовместимое!
 Натрут еще кунжута – пусть отведавший
 Подряд такие блюда задом пукает!
 – Великолепно!

e

– Ничего хорошего,
 Когда мешают частности бессмысленно,
 Плетя несоразмерное объятие.
 Всё это знать – искусство вдохновенное,
 А дымом пахнуть, миски мыть – не главное.
 Я в кухню, например, и вовсе не вхожу.
 – Но как же так?

f

– Сижу в дверях, советую.
 Другие трудятся, а я диктую им
 Примерно так причины и последствия:
 «Стаккато слишком остро рубишь, понежней».
 – Ты музыкант, не повар.

103

– «Огоньку прибавь!
 Ровнее темп веди! Кастрюля первая
 С другими не созвучно пахнет». Понял ты
 Мой метод?

– Аполлон!

– Искусство нравится?

Пойми, тарелки наобум не выставлю
 Я ни одной, но как из нот гармонию
 Творю из них.

– Как так?

– Одни из кушаний

С другими кварту образуют, третьи же
 Построят квинту, зазвучат октавою –
 Я всё свожу по интервалам, свойственным
 Продуктам, и всегда веду секвенцию

К развязке должной. Спрашиваю повара:
«К чему привяжешь? С чем собрался смешивать?»
Смотри: здесь диссонанс звучит натянуто». b
Так Эпикур умело удовольствия
Жевал прилежно и кормился мудростью.
В чем благо знал он. А вот эти стойки
Всё время благо ищут, каково ж оно,
Не знают, – стало быть, не обладая им,
Другим не могут передать.

– Согласен я.

Дальнейшее оставим: всё понятно мне.

61. И Батон пишет в «Обманщике», изображая отца, который распекает раба-педагога за то, что тот приучал мальчика к неправильному образу жизни [Kock. III.328; cp.279a]: c

– Подлец! Забрав мальчишку, ты сгубил его.
И в жизни путь внушил, совсем не свойственный
Его натуре. Вот и пьянки ранние,
Чего за ним доселе не водилось.
– Хозяин, не бранись: умеет мальчик жить.
– И это жизнь?!

– Так утверждают мудрые:

Сам Эпикур сказал, что удовольствие
Есть благо величайшее. Его ж нельзя
Никак поймать иначе – только вольностью: d
Сам будешь счастлив и других порадуешь!
– Скажи, ты видел пьяного философа
Хоть одного, всем этим обольщенного?
– Да всех! Они хоть важно лоб наморщивши
Разгуливают, спорят и, подумавшись,
Рассудок ищут, как раба сбежавшего;
А только рыбку перед ними выставишь –
Уж знают за какую взяться «топику»,
И «сущность» так тебе ее разделают,
Что все вокруг дивятся многоумию. e

62. Также у Антифана в «Воине», или «Тихоне»⁹⁰, некий персонаж дает следующий совет [Kock. II.98]:

Я говорю: кто в доле человеческой
Добро свое считает в безопасности,
Тот сильно просчитается! как хищники,
Придут налоги, судные взыскания,
Стратегия введет в долги, хорегия f
Оденет хор в багрец, хорега – в рубище,
В удавку вгонят траты триерархии,
К пиратам попадешь или к разбойникам,
Или рабы тебя пристукнут сонного –

104

Ничто не прочно, только то, что в этот день
Ты сам себе добудешь в удовольствие.
И то будь зорок: вдруг опередят тебя
Да всё съедят? А вот когда урвал кусок
И уж его зубами держишь стиснувши, –
То в этом лишь и можно быть уверенным.

То же самое он пишет и в «Гидрии».

b

63. Кто же, друзья мои, слыша всё это, не поразится проникательно-сти благородного Хрисиппа, который глубоко проник в самую сердцевину эпикурейского учения о природе и сделал вывод, что в центре его находится «Гастрология» Архестрата? Сей великолепный эпос наиболее прозорливые философы признают своей Феогнидианой⁹¹. Высмеивая этих господ, Феогнет пишет в «Привидении» или «Сребролюбце» [Kock.III.364]:

c

Меня уморишь! Доверху наполнился
Стоическими пестрыми словечками:
«Богатство чуждо людям, вроде иinea,
Присуща мудрость только, это глыба льда.
Ей завладев, не потеряешь». Горе мне!
Я должен, бедный, жить с глупцом-философом.
Ты буквы левые учил⁹², негоднейший!
Всё книги эти жизнь тебе испортили:
О небесах и землях философствуешь,
Которым дела нет до благоглупостей».

[СНОВА О МОРСКИХ ЖИВОТНЫХ]

d

64. У л ь п и а н еще продолжал свою речь, а в залу уже входили слуги, неся нам на круглых подносах ЛАНГУСТОВ, размерами с оратора Каллимедонта, который сам был прозван *Лангустом* за то, что обожал это блюдо. Так Алексид, например, подобно другим комедиографам, представляет его любителем рыбы в пьесе «Доркида», или «Причмокивающие женщины» [Kock.II.316]:

e

Как слышал я, торговцы рыбой приняли
Решение в рядах своих на празднествах
Панафиней Каллимедонта статую
Из бронзы водрузить с лангутом жареным
В деснице. Он их ремесла единственный
Спаситель, все ж другие – наказание.

То, что лангусты были очень любимым блюдом, подтверждается многими отрывками из комедий. Сейчас достаточно будет сослаться на комедию

Аристофана «Женщины на празднике Фесмофорий»⁹³ [Kock.I.473]:

– Кто покушал здесь рыбу? Каракатицу?
Креветок плоскоспинных? Осьминожиков?
Тевфид, нестид, акул, кальмаров жареных?
– Не я!
– А скатов?
– Видит вышний Зевс, не я!
– А требуху, утробу с почкой, с печенью,
А потроха свиные и козлиные,
А крабов, а угрей? Клянусь, великое
В них облегчение усталым женщинам!

f

Под *плоскоспинными креветками* здесь следует разуместь омаров. О них упоминает в «Городах» и Филиллий [Kock.I.785; ср.86е]. К такому заключению можно придти, исходя из того что Архестрат в своей знаменитой поэме ни разу не использует слова «лангуст», называя их омарами, как например, в следующих стихах:

Бредни, однако, оставив, омара бери: его клешни
Длинные, и тело свое тяжело на малюсеньких ножках
Тащит он по земле. Всего более их – и отличных! –
Водится на островах Липарских, еще собирает
Многих таких Геллеспонт.

105

Эпихарм в «Свадьбе Гебы» тоже со всей ясностью показывает, что так называемый омар Архестрата есть не что иное, как лангуст:

Есть омары, есть и крабы (κολύβδαινα), есть с клешнями существа
Длинными, на малых ножках, их лангустами зовут.

b

65. Лангусты представляют особый род, отдельный от омаров и креветок. Слово «омар» (ὀμαχτός) аттики произносят через омикрон (ὀμαχτός), так же как и слово «изюм»⁹⁴ (ὀμαφίς). Эпихарм же в «Свадьбе Гебы» пишет его через альфу:

И омары (μασταχοί) с кривыми клешнями.

Спевсипп пишет в «Подобиях», что среди мягкоскорлупных подобны друг другу лангуст, омар, нимфа, морская цикада, обыкновенный краб, краб-пагур. Диокл Каристийский пишет: «Креветки, крабы, лангусты, омары вкусны и мочегонны». Как говорит Никандр, слово κολύβδαινα, которое употребляет Эпихарм в процитированной выше пьесе, означает «морской фаллос», однако Гераклид в «Кулинарном искусстве» утверждает, что это обычная креветка. Аристотель пишет в пятой книге сочинения «О частях животных» [ИЖ.V.541b]: «Мягкоскорлупные, как-то: лангусты, омары, креветки и им подобные, совокупляются так же, как четвероногие, испускающие мочу назад, таким образом, что одна особь поворачивает хвост брюшной стороной, а другая накладывает на не-

c

d го свой хвост. Совокупление происходит у берегов в начале весны (это замечено у всех), а иногда в пору созревания смокв. Омары и креветки совокупляются таким же образом». [ИЖ.549b] «Водятся лангусты в неровных и скалистых местах, омары же в гладких. В местах илистых нет ни тех, ни других. Поэтому в Геллеспонте и около Фасоса водятся омары, а около Сигея и Афона лангусты. Живут все лангусты долго». Феофраст тоже утверждает в книге «О животных, обитающих в норах», что омары, лангусты и креветки доживают до глубокой старости.

e 66. Рассказывая о КРЕВЕТКАХ (ΚΑΡΙΔΕΣ), Эфор пишет в третьей книге «Истории» [FHG.I.242], что недалеко от острова Хиос есть город *Кариды*; его будто бы основали спасшиеся от Девкалионова потопа, предводителем которых был Макар, и вплоть до Эфорова времени город назывался Каридами (Креветки). Кулинарный же кудесник Архестрат дает следующий совет:

Если когда-нибудь в град Иасон ты карийский прибудешь,
Крупных креветок возьми, но там они все-таки редки:
Их в Македонии много, а также в краю Амбракийском.

Арарот пишет в «Горбуне» слово «креветка» (καρίς) с долгой йотой [Kock.Π.217; ср.86d]:

f И в тростниковом верше, как дельфинчики,
Креветки (καρίδες) изгибались и прыгали.

Также Эвбул в «Сиротке» [Kock.Π.192]:

Креветку (καρίδα) я
Засунул вниз, потом обратно вытащил.

И Анаксандрид в «Ликурге»⁹⁵ [Kock.Π.144]:

Он забавляется с креветочками,
А также окуньками среди фракяночек,
С камбалочками среди рыб-губанчиков,
И с горбыльками посреди пескариков.

Он же в «Пандаре» [Kock.Π.149]:

106 Дорогой ты мой!
Нельзя прямым остаться, изогнувшись;
И вот она, креветкою ссутулившись,
К мужчине, словно якорь, прицепляется.

И в «Хвосте» [Kock.Π.143]:

Красней креветки сделаешься сваренной.

Эвбул в «Няньках» [Kock.Π.204]:

Креветки – это тоже твари гнутые.

Офелион в «Уродливом красавце» [Kock.Π.294]:

Кривых креветок куча на сухой земле.

И в «Завывании» [Kock.II.293]:

Кривым креветкам, пляшущим на угольях,
Подобные.

b

Однако у Эвполида в «Козах» йота краткая [Kock.I.259]:

Разве что
Однажды у Феака я креветок (καρίδας) ел.

И в «Демах» [Kock.I.286]:

С лицом как у креветки (καρίδας), красной как ремень.

67. Получили же свое имя креветки (καρίδες) от слова «голова» (ῥάρα), потому что именно голова занимает большую часть их тела. Аттические авторы, хотя и пишут слово «креветки» с краткой йотой (καρίδες), тоже образуют его от слова «голова» (ῥάρη), так как голова креветки громадна. Точно так же образованы ῥαφίς «резчик» от ῥαφή «картина», βολίς «метательный снаряд» от βολή «бросок», как и καρίς от ῥάρη. После же удлинения предпоследнего слога удлинился и последний, и слово «креветка» стало произноситься подобно словам ψηφίς (камешек) и κρητίς (основание).

c

Вот что пишет об этих панцирных Дифил Сифнийский: «Среди панцирных следует различать принадлежащих к одному роду креветку, омара, лангуста, краба и омара-льва. Омар-лев больше омара. Лангусты называются также грапсеями; в них больше мяса, чем в крабах. Мясо краба тяжело для желудка и плохо переваривается». Мнесифей Афинский в сочинении «О пище» пишет: «Лангусты, крабы, креветки и все им подобные тяжелы для пищеварения, однако все-таки намного легче других рыб. Их лучше жарить, чем варить».

d

Софрон в «Женских мимах» называет креветок *куридиями*:

e

Вот прекрасные *куридии*, вот омары – красота!
Посмотри,
Как красны, шелковолосы!

И Эпихарм в «Земле и Небесах»:

И красные *куридии*.

В «Слове и Речи» он пишет это слово через омегу:

Кривых коридий (κωρίδας) и сардин.

Также и Симонид:

Кальмар с тунцами, с пескарями *коридии*.

68. Следом была внесена жареная печенка, завернутая в так называемый *эпипл* (сальник), который Филетер в «Терее» [Kock.II.235] называет *эпиплоон*. Посмотрев на нее, К и н у л ь обратился к Ульпиану: «Объ-

f ясни мне, ученейший муж, упоминается ли у какого-нибудь автора обернутая таким образом печенка?» А тот в ответ: «Не ранее, чем ты скажешь мне, у кого жировая перепонка названа *эпиплом*».

Услышав это, М и р т л принял вызов и начал: «Эпипл встречается в «Вакханках» Эпихарма:

107 Вождя укрыл он в сальнике.

И в «Послах»:

Вокруг подбрюшия и сальника (эпипл).

Также Ион Хиосский пишет в «Посещениях» [FHG.II.47]: «...укрыв в эпипле». Сторонишься же ты сальных перепонок, дорогой мой Ульпиан, потому что когда-нибудь тебя завернут в них и должным образом поджарят⁶, раз и навсегда освободив нас от твоих расспросов. Однако это хорошо, товарищ, что пока мы не обсуждали уши и ноги, ты напомнил нам [ср.95a], что именно так сервируют печень в комедии Алексиса «Кратейя», или «Торговка снадобьями». Весь этот отрывок будет очень нам полезен, и поскольку памяти твоей может сейчас не хватить, я предложу свои услуги. Итак, комедиограф пишет следующее [Kock.II.335; ср.314d]:

69. Вначале я заметил у какого-то
 Неря, старика морского, устрицы,
 Обернутые водорослями, и взял,
 Потом ежей морских: они прелюдия
 Перед прелестно выстроенным пиршеством.
 Уладив дело, я набрел на махоньких
 Рыбешек, трепетавших перед будущим,
 И успокоил их, сказав, что от меня
 Обиды им не будет; и громадного
 Взял горбыля да ската, понадеявшись,
 Что женские изнеженные пальчики
 Ущерб не потерпят от шипов его.
 Для жарки я набрал губанов, камбалу,
 Креветок, спара, пескаря и окуня,
 И скоро сковородка в рыбной мелочи
 Пестрее сделалась хвоста павлиньего.
 Взял мяса: ножки, рыло, уши свинские
 И печень в оболочке – эта скромница
 Стесняется своей природной бледности.
 Такими повар блюдами побрезгует,
 Однако, Зевс свидетель, пожалеет он!
 И без него могу я с этим справиться,
 И так сготовлю сам изобретательно,
 Что гости будут у меня тарелки грызть [ср.169d].
 Всех этих вкусных блюд приготовление
 И сервировку я готов желающим
 Бесплатно объяснять и демонстрировать.

70. То, что этот способ сервировки печени был в обычае, можно видеть из «Записок» Гегесандра Дельфийского, который, рассказывая случай с гетерой Метанирой, пишет [FHG.IV.419], что, когда она развернула жировую обертку и обнаружила там [вместо печенки] кусок легкого, она воскликнула:

Пропала я,
 Меня сгубили складки одеяния!

Пожалуй, к Алексиду, назвавшему такую печенку *стыдливой*, можно добавить и комического поэта Кробила, пишущего в «Лжеподкидыше» [Kock.III.381]:

И жесткую клешню, и столь стыдливую
 Печенку дерьмоеда-кабана.

f

В форме ἥλτιον печень упоминается в «Любителях жареного» Аристофаном [Kock.I.522; ср.96с], Алкеем в «Палестре» [Kock.I.762], а также Эвбулом в «Девкалионе» [Kock.II.173; ср.100е]. Произносить слово «печень» (ἥλαρ) нужно с густым придыханием; это доказывается оглушением стоящего перед ним предлога (ἐλί) в следующем стихе Архилоха:

Ведь желчи у тебя нет в печени (ἐφ' ἥλαρ).

Есть даже некая рыба, называемая *печенкой*; тот же самый Эвбул говорит в «Лаконцах» или «Леде», что у нее нет желчи [Kock.II. 185]: 108

А ты считал,
 Нет желчи у меня, печенкой-рыбою
 Срамил? Но тоже ведь из чернозадых я⁹⁷.

Гегесандр рассказывает в «Записках» [FHG.IV.420], что в голове у рыбы-печенки есть два камня ромбовидной формы, блеском и цветом подобные тем, что встречаются в раковинах-жемчужницах.

71. Кроме названной комедии [107с], Алексид упоминает о жареных рыбах и в «Деметрии» [Kock.II.315]. Также и Эвбул в «Сиротке» [Kock.II.190; ср.228f]: b

Прохаживаются
 Влюбленные красотки и бездельники,
 Мальчишечки, у сковород возросшие,
 Откормленные жирными лепешками.
 С кальмаром рядом девица фалерская⁹⁸
 Справляет свадьбу с бараньим потрохом,
 И прыгает и пляшет, как ретивый конь,
 Что на свободу из упряжки вырвался.
 И распалает веер раскаленное
 Дыханье сковород, уж псы Гефестовы
 Сторожевые пробудились: манит их,

с Бьет в ноздри запах и приводит в бешенство.
 Готов пирог, дитя Деметры! вдоль него
 Руками выдавленная расщелина
 Пустая тянется, на след похожая
 Тарана корабельного, – вступление
 К обеду наилучшее.

Жарили также каракатиц. Никострат или Филетер в «Антилле» [Kock.II.221]:

И больше никогда
 Со сковородки каракатицу
 Есть в одиночку не отважусь.

И у Гегемона в «Филинне» герои поедают мелкую жареную рыбешку со сковороды [Kock.I.700; ср.285b]:

Нет, быстренько пойди, купи полипчиков
 И дай поесть хотя бы мне рыбешечек
 Со сковородки».

d 72. Тут У л ь п и а н, которого это выступление отнюдь не радовало, а больше раздражало, бросил на нас пронзительный взгляд и продекламировал ямбы из «Сиротки» Эмбула [Kock.II.192]:

«Как славно оплошал на сковородочке
 Богопротивный... –

конечно, богопротивный Миртил: я же знаю, что сам он никогда не покупал поесть ничего подобного, – я слышал, как один его раб однажды декламировал стихи из «Содержателя притона» Эмбула [Kock.II.194]:

У фессалийца я живу жестокого;
 Сребролюбивый грешник он, богач, гурман,
 На целых три обола продовольствия
 Нам закупает!

Парень этот получил образование – не у Миртила, конечно, но у какого-то другого хозяина, потому что, когда я спросил, как его угораздило попасть к Миртилу, он ответил мне стихами из «Уточки» Антифана [Kock.II.79]:

Сириец я⁹⁹, в Афины вывезен
 Сюда с сестрою был я во младенчестве
 Купцом каким-то. На продажу выставлен
 Я с нею был. Купил нас ростовщик один,
 Никем не превзойденный по сквалыжности,
 Такой, что в дом не принесет ни крошечки,
 Опричь тимьяна, – даже то, что Пифагор
 Вкушал тот самый триждыприснопамятный».

f

[РЕЧИ О ХЛЕБЕ]

73. У л ь п и а н еще продолжал свои шуточки, но К и н у л ь к уже заревел: «Где же хлеб¹⁰⁰? Я говорю не о царе мессапиев [по имени Арт, т.е. *Хлеб*], проживающих в Япигии, о котором Полемон написал книгу. В седьмой книге «Истории» о нем упоминает и Фукидид [VII. 33], а комический поэт Деметрий в пьесе «Сицилия» пишет так [Kock.I.795]:

– Оттуда южным ветром нас в Италию
По морю занесло в страну мессапиев;
Царь Хлеб нас принял, угощал отличнейше.
– Хозяин он приятный!

109

– Был он там велик

И пышен.

Итак, не этого Хлеба пришло время, но подаренного нам Деметрой, именуемой Кормилицей и Изобилием, ибо именно под такими именами почитается это божество в Сиракузах, как свидетельствует тот же Полемон в сочинении, озаглавленном «О Морихе». А в первой книге своего «Ответа Тимею» он пишет, что в беотийском городе Сколе были установлены статуи Мегаларта (Сверхкаравай) и Мегаломадза (Сверхлепешка).

b

Пока он разглагольствовал, в залу были внесены хлебы, а вместе с ними в изобилии всевозможные кушанья; поэтому, увидев это великолепие, он процитировал стихи из пьесы Алексида «В колодеце» [Kock.II.319]:

«О сколько западней
Для хлеба¹⁰¹ ставят смертные несчастные!

Давайте же скажем что-нибудь и о хлебе».

74. Однако, опередив его, слово захватил П о н т и а н: «Трифон Александрийский в сочинении «О растениях» дает следующее перечисление сортов хлеба, если только мне не изменяет память: квашеный, не квашеный, из муки тонкого помола, с крупой, из непросеянной муки (он замечает, что этот сорт менее крепит, чем хлеб из очищенной муки), из ржи, из полбы и из проса. Крупиный хлеб, пишет он, готовится из рисовых зерен, так как из ячменя крупу не делают. ДУХОВОЙ (ἰσνίτης) хлеб получил свое название, потому что его выпекают в печи; о нем упоминает Тимокл в «Лже-разбойниках» [Kock.II.465]:

c

Заметив неостывший противень,
Поел печеных хлебцев я горяченьких.

ЖАРОВЕННЫЕ ЛЕПЕШКИ (ΕΣΧΑΡΙΤΗΣ). О них упоминает Антидот в «Первом танцовщике» [Kock.II.411]:

Он в руки взял
Горячие лепешки, – почему бы нет?
Затем он их свернул и обмакнул в вино.

d И Кробил в «Удавленнике» [Kock.III.379]:

Схватив какой-то противень
С горячими лепешками жаровными.

А Линкей Самосский пишет в послании Диагору, сравнивая афинские кушанья с родосскими: «Кроме того, на пирах у них никогда нет недостатка в продающемся на местных рынках хлебе, которым они очень гордятся; его подают в начале и в самом разгаре трапезы. Когда едоки насытятся и уже не смотрят на выставленные кушанья, в качестве соблазнительной приманки выносят так называемые *помазанные* жаровенные лепешки, которые, сочетая неповторимую прелесть с нежностью, тают на языке с такой сладостью, что одно их появление приводит к удивительному результату: подобно тому как пьяный частенько трезвеет, точно так же и сытый от полученного наслаждения превращается в голодного».

АТАБИРИТ (ΑΤΑΒΥΡΙΤΗΝ). Сопатр в «Девушке из Книда»:

Атабирийский хлеб на обе челюсти.

АХЕНЫ (ΑΧΑΙΝΑΣ). Об этих хлебах упоминает Сем в восьмой книге «Истории Делоса» [FHG.IV.494], поясняя, что пекут их на Фесмофории. Это большие караваи, праздник же называется Мегалартия (Велехлебе).

f Приносящие их приговаривают:

Вот козел, полный жира, для Скорбящей¹⁰².

ПЕЧЕННЫЙ ХЛЕБ¹⁰³ (ΚΡΙΒΑΝΙΤΗΝ). О нем упоминает Аристофан в пьесе «Старость», где представляет торговку хлебами, у которой омоложившиеся [старцы] растаскивают товар [Kock.I.422]:

– Что там такое?

– А вот кому горячего!

– С ума сошла ты?

– А вот кому печеного (κρίβανίτης)!

– Печеного?

– А вот кому пшеничного!

110 ИСПЕЧЕННЫЙ В ГОРЯЧЕЙ ЗОЛЕ (ΕΓΚΡΥΦΙΑΝ). О нем упоминает Никострат в «Иерофанте» [Kock.II.223], а также кулинарный кудесник Архестрат, чье свидетельство я в свое время представлю [см.111f].

ДВАЖДЫ ПЕЧЕННЫЙ (ΔΙΠΥΡΟΝ). Эвбул в «Ганимеде», так же как и Алкей в своем «Ганимеде» [Kock.I.757]:

– Горячий дважды выпеченный.

– Что это?

– Роскошнейшие хлебцы!

ВАФЛИ (ΛΑΓΑΝΟΝ). Они тонкие и легкие, в этом их превосходит только так называемая ЭПАНТРАКИДА (ΕΠΑΝΘΡΑΚΙΣ). Первые упоминаются Аристофаном в «Женщинах в народном собрании» [843]:

...пекутся вафли; –

а об АПАНТРАКИДАХ Диокл Каристийский пишет в первой книге «Здоровья»: «...апантракиды мягче вафель». Возможно, что и они пекутся на углях, подобно афинским *энкрифиям*; во время празднеств, посвященных Крону, александрийцы приносят их в его храм, чтобы ими мог угощаться каждый желающий. b

75. Эпихарм в «Свадьбе Гебы», а также в «Музах» (последняя книга представляет собой переработку первой) дает следующее перечисление сортов хлеба: «"печеный", «соседский», пшеничный, на меду с маслом, жирный, полу-каравай». О них упоминает в «Женских мимах» и Софрон: «Трапеза богинь – печной хлеб, соседская лепешка, а для Гекаты полу-каравай». c

Известно мне, дорогие друзья, что аттики произносят слова «печь» (κρίβανον) и «печной» хлеб (κρίβανίτην) через букву ρ, Геродот же пишет во второй книге «Истории» [II. 92]: «в раскаленной печи (κλίβανῳ)» [через букву λ]. И Софрон: «Кто выпекает пшеничные булки, или печные (κλίβανίτας), или полу-каравай?» В этих же мимах он упоминает и о каком-то хлебе, называемом ПЛАКИТА (ПЛАКИТА): «Она обещала угостить меня ночью хлебом-плакитой». О СЫРНЫХ (ΤΥΡΟΝΤΟΣ) булках Софрон упоминает в миме «Теща»: «Советую поесть, ведь кто-то прислал детям сырные булки». d

Никандр Колофонский называет в «Глоссах» недрожжевой хлеб ДАРАТОМ [ср.114b]. Платон-комик в следующих стихах из комедии «Длинная ночь» называет огромные караваи из неочищенной муки КИЛИКИЙСКИМИ [Kock.I.624]:

А потом купил и выслал он нам караваев.
Не подумай, что из тонкой и очищенной муки,
Нет, громадных киликийских.

В «Менелae» [Kock.I.622] же какие-то булки он называет АГЕЛАЙЯМИ (ΑΓΕΛΑΙΟΥΣ, букв. «стадные»). АВТОПИР, хлеб из непросеянной муки (ΑΥΤΟΠΥΡΟΣ), упоминается в пьесе Алексиды «Девушка с Кипра» [Kock.II.340]: e

Он только что ел булку-автопир¹⁰⁴.

Фриних в «Полольщицах» называет эти булки *автопиритами* [Kock.I.380]:

Булками-автопиритами,
Выжимками жирными масличными.

Софокл упоминает в «Триптолеме» [TGF². 265] об ОРИНДЕ, то есть хлебе, выпеченном из зерен риса, растения, произрастающего в Эфиопии и похожего на кунжут. О выпечке, называемой КОЛЛАБ (род печенья), упоминает в «Любителях жареного» Аристофан [Kock.I.520, 522; ср.96с]: f

По коллабу каждый получает.

И еще:

Брюшнину, [селезеночку]
Подсвинка осеннего выводка
С горячим пирогом!

Выпекается он из свежесобранных зерен, в Авге на это указывает Филиллий [Kock.I.782]:

С плодами зерен прихожу, трехмесячных пшеничных,
С горячими коллабами, блеее молока.

О МАКОВЫХ хлебцах упоминает Алкман в пятой книге:

111 Вот семь столов и столько же сидений.
На тех столах – все маковые хлебцы,
Льняное семя и сесамовое семя,
И для детей в горшочках – *хрисокола*.

Это – кушанье из льняного семени, приготовленного на меду.

О хлебах, называемых КОЛЛИРАМИ, упоминает в «Мире» Аристофан [122]:

Будет большой каравай (*κολλύραν*), и пинков я вам дам на закуску.

b 76. Так называемые ОБЕЛИИ получили свое имя или потому что, как, например, в Александрии, продаются они за обол, или потому что их поджаривают на рожнах-оболах. Аристофан в «Земледельцах» [Kock.I.417]:

Какой-то малый жарит хлеб на вертеле.

Ферекрат в «Забывчивом» [Kock.I.160]:

На хлебы – на обелии – набросился,
Не пощадил, конечно же, ни крошечки.

«Обелиафорами» назывались участники процессий, которые несли на плечах обелии. Сократ в шестой книге «Наименований» пишет, что обелии придумал во время своих походов Дионис.

c Согласно Эвкрату, хлеб из бобовой муки называется *лекифитом*. У мессапиев хлеб называется *паном*. Отсюда и насыщение называется *панией*, а то что насыщает – *панионом*, об этом свидетельствуют Блэс в «Полуизношенном», Динолох в «Телефе» и Ринфон в «Амфитрионе». Римляне тоже называют хлеб *panis*.

НАСТ (ΝΑΣΤΟΣ), согласно Полемарху и Артемидору, – это большой каравай, испеченный из дрожжевого теста, однако Гераклеон утверждает, что это разновидность плоского круглого пирога (плакунты). Никострат в «Ложе» [Kock.II.223]:

d Мой господин, *наст* был громаден, бел и толст;
Настолько, что он даже перевесился
За край корзины, а чуть только подняли
Мы крышку, то ударил прямо в ноздри нам
Медовый запах с паром – так горяч он был.

Артемидор Эфесский пишет в «Ионийских записках», что у ионийцев был в ходу ТЕРТЫЙ хлеб.

ТРОН (ΘΡΟΝΟΣ) – это тоже наименование сорта хлеба. Неанф Кизикский пишет во второй книге «Истории Греции» [FHG.Ш.3]: «Кодр принимает нарезанные ломти хлеба, называемого *троном*, и вместе с кусками мяса передает это старейшему».

Никандр во второй книге «Глосс» рассказывает, что у элейцев хлеб, испеченный в золе, называется БАКХИЛОМ. Упоминает о нем в «Ошибшейся» и Дифил [Kock.Π.548]:

И обнести [гостей] в золе печеными
Хлебами из муки просеянной.

Сортом хлеба является и так называемый АПОПИРИЙ; его поджаривают прямо на углях. Некоторые называют его *дрожжевым*. Кратин в «Неженках» [Kock.I.45]: «Прежде всего, у меня здесь есть поджаренные дрожжевые хлебцы, а не ваша жвачка, полная оческов шерсти».

77. А вот как повествует о ячменном и пшеничном хлебе в своей «Гастрономии» Архестрат:

Прежде всего мы дары Деметры прекрасноволосой
Вспомним, Мосх дорогой, а ты прими это сердцем.
Лучше всего и прекрасней, что только добыть нам возможно, –
Прекрасноплодный ячмень, просеянный мелко и чисто,
Тот, что на волнообъятом холме Эреса на славном
Лесбосе снега белей небесного. Ежели боги
Хлеб ячменный жуют, то Гермес его там покупает.
Также ячменный хорош хлеб на Фасосе и в семивратных
Фивах, в других городах, но, поверь, по сравнению с э т и м
Все они косточками покажутся от винограда.
Также кругловерченный, отменно промятый руками
«Колликс» пускай фессалийский в дому твоём будет, *кримнитом*
Кличут его фессалийцы, зовут крупяным все другие.
Также тончайшей тегейской муки тебе рекомендую
Отпрыска, выпечен он в золе и зовется «энкрифий».
Делают хлеб на продажу и смертным его доставляют
Также и славные наши Афины, и он превосходен.
Белый же хлеб из печей в Эритрах, лозою богатых,
Славно тебя усладит на пирах, в прелестное время
Года всегда расцветая.

Продолжая описание, лакомка Архестрат советует брать пекарем финикийца или лидийца; он не знал, что наилучшие хлебопеки живут в Каппадокии. Пишет он так:

Пусть же в дому у тебя будет муж финикиец, лидиец, –
Пекарь умелый, затем чтобы печь для тебя ежедневно
Хлеба любые сорта, какие ты только прикажешь.

78. Превосходными называет аттические хлеба в «Сиротке» Антифан [Kock.Π.83]:

d

Ведь как бы человек с образованием
Покинул эти своды? Белотелые
Когда он хлеба видит, что на выходе
Толпятся из печей рядами тесными.
Когда он наблюдает, как меняется
Их вид в горниле, или же любит
Искусными фигурами, аттической
Руки работой, даром Теариона.

e

Это тот самый пекарь Теарион, о котором наряду с Митеком упоминает в диалоге «Горгий» Платон [518b]: «Если бы я спрашивал, кто из мастеров ухода за телом хорош или был хорош в прежние времена, – а ты бы, нисколько не шутя, отвечал: – Пекарь Теарион, и Митек, написавший книгу о сицилийской кухне, и трактирщик Сарамб, все – удивительные мастера ухаживать за телом: у одного дивный хлеб, у другого – приправы, у третьего – вино». Аристофан также говорит о Теарионе и в «Геритадах» и в «Эолосиконе» [Kock.I.392; ср.: Еврипид.«Гекуба».1]:

Пришел я из пекарни Теариона,
Обитатели печей.

В следующих стихах из «Сиротки» Эвбул называет превосходным кипрский хлеб [Kock.Π.192]:

f

Как тяжело, заметив кипрский хлеб,
Проехать мимо! Он ведь голодающих
Притягивает как магнетский камень.

О КОЛЛИКИЯХ (это то же самое, что и КОЛЛАБЫ [см.110f]) упоминает в «Артемиде» Эфипп [Kock.Π.250]:

От Александра, хлебоеда (κολλικοφάγος) фессалийского,
Печь, полная хлебов.

Аристофан в «Ахарнях» [872]:

А, хлебоед (κολλικοφάγε)! Здорово друг беотянин.

113

79. После этого слово взял один из присутствовавших грамматиков по имени А р р и а н: «Друзья мои, все эти хлеба – из доисторических времен. Нас ведь «не соблазнит ячменный хлеб – завален город булками пшеничными» [Kock.Π.488], ни какой-либо другой из прочитанного перечня. А вот мне попался не упоминавшийся здесь трактат Хрисиппа Тианского, озаглавленный «Хлебопечение», и поскольку об описанных в нем хлебах я навел справки у многих моих друзей, поэтому я тоже попытаюсь сказать что-нибудь о хлебе. Качества хлеба, называемого АРТОПТИКИЕМ (ΑΡΤΟΠΤΙΚΙΟΣ) сильно зависят от того, выпекался ли он в духовке или на открытом огне. Если, например, вы заквашиваете его на твердых дрож-

b

жах, он будет великолепен и хорош для еды всухомятку; если же вы разведете дрожжи (ослабите), он будет легим, но не таким белым. Хлеб, выпекаемый в духовке и на открытом огне, требует самых слабых дрожжей. У эллинов есть и хлеб под названием МЯГКИЙ (ΑΠΑΛΟΣ); для него нужно только немного молока и оливкового масла и много соли. Форма для выпечки должна быть очень слабой. Зовут этот хлеб *каппадокийским*, потому что в Каппадокии почти все сорта хлеба «мягкие». Сирийцы же называют такой хлеб «лахман»; они его очень любят, потому что его можно есть очень горячим, к тому же он ... [напоминает] ... цветы.

Существует и хлеб БОЛЕТИН (ΒΩΛΑΝΤΙΝΟΣ), выпекаемый в форме гриба. Квашню смазывают маслом и посыпают маковыми зернами, и только потом выкладывается тесто, чтобы оно не прилипло ко дну. Потом его ставят в печь в глиняной посуде, предварительно посыпанной мукой грубого помола, в результате хлеб приобретает прекрасный цвет копченого сыра.

Для КРЕНДЕЛЯ (ΣΤΡΕΠΤΙΚΟΣ) нужно немного молока, перца, а также оливкового масла; если его нет, то добавляется сало. В так называемый АРТОЛАГАНОН (ΑΡΤΟΛΑΓΑΝΟΝ, пшеничные вафли [ср.110а]) добавляют немного вина, а также перца, молока и оливкового масла или сала. Такую же смесь кладут и в КАПИРИИ, которые римляне называют *tracta*.

80. Когда славный римский знаток закончил свой доклад, достойный самого Аристарха, К и н у л ь к воскликнул: «Матерь Деметра, что за пропасть учености! Стоит ли после этого удивляться, что у восхитительного Остроглаза учеников, что песка морского, а богатств его прекрасная наука принесла ему больше, чем Горгию и Протагору. Клянусь обеими богинями¹⁰⁵, я просто не знаю, что и сказать: сам он слеп, или это у преданных ему учеников один глаз на всех, и его не хватает, чтобы видеть? Вот уж блаженные, чтобы не сказать «блаженной памяти»! Вот чему научили их наставники!». Ему ответил М а г н, который любил поест и восхищался усердием Арриана:

«Вот мудрецы, что с ногами немывтыми ночи проводят,
Лежа на голой земле, бродяги под небом открытым, –

или, как сказал комик Эвбул [Коск.II.212]:

Вы, нечестивые глотки,
Тянетесь вечно чужим добром поживиться!

Разве ваш праотец Диоген, пожирая за обедом пирог, не ответил на попрек, что ест *хорошо приготовленный хлеб*¹⁰⁶? «О вы», – по словам того же Эвбула, – «вылизыватели мисок из-под мяса белых тунцов», никогда-то вы другим не уступите, но всегда галдите и не успокаиваетесь, пока вам не бросят, как шавкам, кость или кусок хлеба. Откуда вам знать, что КУ-БИКИ – это не игральные кости, с которыми вы вечно возитесь, а хлебы

прямоугольной формы, приправленные анисом, сыром и оливковым маслом, как свидетельствует Гераклид в «Искусстве Кулинарии»? Наш Остроглаз пропустил этот род хлеба, также как и ТАРГЕЛ (ΘΑΡΓΕΛΟΝ), который иногда называют «талисием», – а ведь Кратет пишет в первой книге «Об аттическом диалекте», что таргелом называется первый хлеб из зерна нового урожая. Он пропустил также СЕЗАМОВЫЙ хлеб и не заметил даже АНАСТАТА, который выпекают для аррефор¹⁰⁷. А еще ведь есть и хлеб ПИРАМ из семян кунжута – скорее всего, тот же сезамовый. Все эти сорта хлеба описывает в первой книге своей «Жизни растений» Трифон, также как и хлеба, называемые ТИАГОНАМИ (ΘΙΑΓΟΝΟΣ) – их выпекают в Этолии для богов. А у афамантийцев какие-то хлеба называются ДРАМИКАМИ или ДРАМАМИ.

81. Перечисляют названия хлеба и составители словарей. Селевк упоминает некий хлеб, называемый македонцами ДРАМИНОМ, фессалийцы же называют его ДАРАТОМ. Он же пишет, что ЭТНИТ выпекается из тертых бобов, а ЭРИКИТ из непросеянной пшеничной муки грубого помола. Америк называет хлеб из непросеянной пшеницы КСЕРОПИРИТОМ, точно так же и Тимахид. Никандр же пишет, что этолийцы посвящают богам хлеба, называемые ими ТИАГОНАМИ [ср.114b]. Египтяне называют свой кисловатый хлеб КИЛЛАСТИСОМ: в «Данаидах» о нем упоминает Аристофан [Kock.I.457]:

Болтают по-египетски:

«Килластис! Петосири!»

Упоминают о нем также Гекатей [FHG.I.20; ср.418с], Геродот [II.77] и Фанодем в седьмой книге «Истории Аттики» [FHG.I.367]; Никандр Тиатирский тоже пишет, что хлеб из ячменной муки египтяне называют килластисом. «Грязные» хлеба Алексид в «Киприоте» называет «серыми» (φαίος) [Kock.II.340; ср.110d]:

– Ну, с чем ты прибыл-то?

– Забрал едва-едва

Из выпекавшихся хлебов я несколько.

– Чтоб провалился ты! И сколько же принес?

– Шестнадцать.

– Заноси сюда...

– Взял восемь белых я и серых столько же.

«БРОСКОМ» (ΒΑΝΜΑ), пишет Селевк, называется горячий хлеб, пропитанный вином. Филемон в первой книге «Предметов для жертвоприношений» пишет, что ПИРН'ом называется хлеб, выпекаемый из муки непросеянной и сохранившей всё, что было в зернах, а БЛОМИЕЯМИ называются хлеба с надрезами, которые в Риме зовут *квадратами*; хлеб же из отрубей называется БРАТТИМ'ом или, по Америю и Тимахиду, *эвконом*. Далее, Филит в «Беспутных» называет СПОЛЕЕМ какой-то хлеб, который едят только в узком семейном кругу.

82. Что же касается ЯЧМЕННОГО хлеба (MAZA), то упоминания о нем можно найти и у Трифона и у многих других авторов. Афиняне называют *фистой* лепешки из муки не самого тонкого помола, кроме того, у них есть кресс-салатная лепешка, берека, колобки, ахилловы хлебцы (похоже, они выпекаются из ахилловой, очень тонкого помола муки), салатная лепешка (θριδακίνη), винная лепешка, медовая и так называемая лилейная (лилей называлась фигура хоровой пляски, упоминаемая в «Невесте» Аполлофана [Kock.I.797]). А «салатницы» (θριδακίσκαι) Алкмана – это то же самое, что афинские салатные лепешки. Пишет же он так:

Гора духовых лепешек и салатницы.

Сосибий пишет в третьей книге «Комментариев к Алкману», что «духовыми» называются сырны лепешки в форме женской груди. *На здоровье* называются ячменные лепешки, раздаваемые при жертвоприношениях всем желающим. Гесиод же называет ячменную лепешку *сдобной* (ἀμολγάη) [«Труды и дни».590]:

Сдобного хлеба к нему, молока от козы некормящей.

Это сказано о крепком пастушеском хлебе: ἀμολγός ведь и значит крепкий. Что же касается всех видов жертвенных лепешек и печений, описанных афинянином Аристоменом в третьей книге «О священнослужении», то здесь память моя пасует, хотя в юности моей я был знаком со старым Аристонимом. Он был актером в пьесах Древней комедии, впоследствии он стал вольноотпущенником учнейшего императора Адриана, который называл его «аттической куропаткой».

И тут У л ь п и а н не удержался: «У какого автора встречается термин «вольноотпущенник»?» Кто-то ответил, что одна из пьес Фриниха имеет заглавие «Вольноотпущенник», а у Менандра в пьесе «Получающая пощечины» есть и слово «вольноотпущенница»; были названы и другие примеры. Тогда У л ь п и а н спросил: «А какая разница между понятиями¹⁰⁸ «вольноотпущенник» (ἀτελευθέρος) и «отпущенник» (ἐξελευθέρος)? Однако было решено отложить эту проблему до более удобного случая.

83. Мы уже было протянули руки к хлебу, но Г а л е н воскликнул: «Мы не начнем трапезы, пока вы не прослушаете, что сказано о хлебах, печеньях и пище вообще сынами Асклепиадов¹⁰⁹! Начну с того, что пишет Дифил Сифнийский в сочинении «О пище для больных и здоровых»: «По сравнению с ячменным пшеничный хлеб и более питателен и лучше усваивается, и вообще он во всех отношениях лучше. Первое место занимает хлеб из отборной муки (σεμδαλίται), потом из обычной муки (ἀλευρίται), и наконец, из непросеянной муки (συρμιόμοτοί): они считаются самыми питательными». Филистий Локрийский говорит, что больше всего сил придает хлеб из отборной муки, затем хлеб из муки грубого помола и, наконец, хлеб из обычной пшеничной муки. Тем не менее вкус у хлеба из отборной муки хуже и питательности в нем меньше. Любой свежий хлеб пи-

тательнее, вкуснее и переваривается гораздо лучше черствого; кроме того, он облегчает дыхание¹¹⁰ и легко усваивается.

Черствый хлеб легко насыщает, но плохо переваривается. А лежалый и засохший хлеб совсем не питателен, невкусен и крепит кишечник. Хлеб, испеченный в золе, из-за неравномерного обжаривания тяжел для желудка и плохо переваривается. Хлеб, испеченный в маленькой печке или очаге, расстраивает кишечник и плохо переваривается. Испеченный на сковороде или в жаровне хлеб пропитывается оливковым маслом, легко проходит кишечник, однако бывает продымлен и этим вреден для здоровья. Хлеб, испеченный в больших печах (κλιβανίτης), превосходит во всех отношениях: он вкусен, полезен для желудка, хорошо переваривается и очень легко усваивается: не крепит и не расслабляет кишечника. Врач Андрей рассказывает, что в Сирии выпекают хлеб из шелковичных ягод, от которого выпадают волосы. Мнесифей же пишет, что пшеничный хлеб переваривается легче ячменного, однако самый питательный хлеб – полбенный, который легче всего переваривается. Рисовые лепешки в больших количествах тяжелы для желудка и перевариваются плохо, поэтому постоянно есть их вредно. Следует также помнить, что плохо пропеченное тесто из грубой муки производит ветры, вялость, колики и головные боли».

[О СОЛОНИНЕ]

84. После столь продолжительной дискуссии было решено приступить, наконец, к трапезе. И вот, когда нам вынесли так называемую *царицу закусок*, Л е о н и д сказал: «Друзья, Эвтидем Афинский в своем сочинении «О солонине» приводит следующие стихи о засоленной пище, якобы принадлежащие Гесиоду:

Изо всех рыб осетра с обоюдоострою пастью
Первым признать мы должны; его прежде еще называли
«Челюстью» те рыбаки, что покрывшись одеждой простою
Били его острой. Наслаждается им и богатый
Рыбой соленой Боспор, где, брюхо его нарезаа
Прямоугольно и ровно, народ мастерит солонину.
Да, осетра не бесславен меж смертными род острорылый,
Коего и целиком и кусками шершавая дарит
Соль нам. Также созревших тунцов питает Византий,
Скумбрий глубокопучинных и меч-рыб, откормленных жирно.
Город же Парий – кормилец испанской славной макрели.
По ионийским волнам из Гадиры, Тарента святого,
Или Кампании или от Бруттия нам доставляют
Сердце тунца-исполина, что в тесно набитых сосудах
Ждет, не дождется начала обеда.

Вирши эти, мне кажется, вышли из-под пера какого-то повара, но никак не могут принадлежать вдохновенному Гесиоду. Да и откуда ему было d
знать про Парий, Византий, не говоря уже о Таренте, Бруттии и Кампании, когда он жил за много лет до того, как эти местности были заселены? Поэтому я склоняюсь к мысли, что стихи эти принадлежат скорее всего самому Эвтидему».

На его слова отозвался Д и о н и с о к л: «Чьи это стихи, – судить вам, мой добрый Леонид, знаменитым словесникам, однако раз уж речь зашла о СОЛОНИНЕ¹¹¹ (ΤΑΡΙΧΟΣ), то я могу привести даже пословицу, на которую обратил внимание Клеарх из Сол:

Душицу любит солонина тухлая, – e

и попытаюсь рассказать кое-что об этом предмете. 85. Например, Диокл Каристийский в книге «Здоровье» пишет, что лучше всего из тощей соленой рыбы – ранние (ῥαῖα) тунцы, а из жирной – взрослые. А Гикесий пишет, что и пелакиды и ранние тунцы крепят кишечник. Самые молодые тунцы очень похожи на тунцов-кибий (χῦβιοι) и совсем не так похожи на ранних тунцов¹¹². Точно так же, – говорит он, – есть большая разница не только между ранними тунцами Византия и всеми другими, но и всеми прочими рыбами, которые ловятся в Византии и в f
других местах».

Его замечания продолжил эфесец Д а ф н: «А вот Архестрат, объехавший целый мир ради вожделений желудка и того, что ниже, пишет:

Мосх дорогой, солонину тунца сицилийского надо
Есть, когда резать его для засолки в горшках начинают.
Прелесть понтийскую, рыбу сапердиду, шлю я подальше, 117
Также и тех, кто ее восхваляет: немногим известно,
Что из нее и плоха и невзрачна бывает закуска.
Скумбрию три дня подряд поддержи, перед тем как положишь
В слабосоленый рассол, и ешь, когда в нем пролежала
Очень недолго она. Когда посетишь ты Византий,
Град многославный, святой, умоляю, тунца молодого
Съешь солонины, она нежна, ее вкус благодороден. b

Однако лакомка Архестрат упустил в своем перечне упоминаемую комедиографом Кратетом в пьесе «Самосцы» *слоновую* солонину¹¹³, о которой тот говорит так [Kock.I.139]:

Нарубив ветвей сосновых, черепаха на костре
Солонину из *слоновой кости* в кожаном ведре
Отварила. Волки в перьях, крабы быстрые гурьбой
Храбро с тучей выходили разлохмаченной на бой.
Бей! Души его! Какое, друг, на Кеосе число?

О том, что «засоленная слоновая кость» Кратета была у всех на устах, сви- c

детельствуют следующие стихи из «Женщин на празднике Фесмофорий» Аристофана [Kock.I.480; ср.104е]:

Здорово для нас, комедийщиков,
Выдумал Кратет, не поморщившись,
Рыбину из бивня слонового
И таких затей на посмешище!

86. О сырой солонине упоминает в «Ослепшем» Алексид, он же в «Беспутной» выводит повара, следующим образом рассуждающего о приготовлении солонины [Kock.II.366]:

d Присяду все-таки и тихо сам с собой
Здесь поразмыслию о закупках надобных
И как всё приготовить. Я понять хочу:
С чего начать и чем мне блюдо каждое
Приправить. Взять хотя бы этот вот кусок
Тунцовой солонины. В два обола он
Мне обошелся; хорошенько вымочить
Его мне прежде надо, а потом приправ
В кастрюлю я насыплю, положу его,
Залью вином всё белым да оливковым
Заправлю маслицем и буду уж тушить,
Пока мозгов нежней не станет, сверху же
Покрою щедро сильфием.

e В «Ослепшем» же некий персонаж препирается с требующим уплатить взнос за складчинный обед [Kock.II.301]:

– Пока не дашь отчета в каждой мелочи,
На медный грошик даже не рассчитывай!
– Имеешь право. Где же счета, камешки?
– Выкладывай!

– За солонину пять кладу
Я медяков.

– Согласен. Дальше говори!

f – На мидий только – семь.
– Ты не кощунствуешь.
– Да за ежей морских обол.
– По совести.
– Капусты вы не ели после этого,
Которую хвалили?

– Здесь не спорю я:
Действительно, прекрасна.

– Это стоило

Мне два обола.

– Чем же восхищались мы?

– На три обола – солонины «кубовой».
– Надул! А на цикорий не потрачено
И вовсе ни обола.

– Видно, ты, простак,
 Давно на рынке не был: долгоносики
 Всю зелень нынче съели.
 – И поэтому
 За солонину вдвое переплачено?
 – На рынке есть торговец: подойди, спроси.
 Да десять за угря оболов.
 – Дешево.
 Что дальше?
 – Накупил я рыбы жареной
 На драхму.
 – Горе! Список твой горячечный:
 То чуть полегче, то опять огнем горю.
 – Прибавь вино: средь пира прикупить его
 Кувшина три, за них оболов по десять.

87. Гикесий пишет во второй книге трактата «О пище», что пеламида – это большая рыба-кибия. Упоминает кибий и Посидипп в «Перебежчике» [Kock.III.430]. Эвтидем же пишет в сочинении «О солонине», что рыба делькан (δελκωνός) названа по реке Делькону, где ее ловят; в соленом виде она очень полезна для желудка. Дорион, упоминая в сочинении «О рыбах» «лебия», пишет, что, по мнению некоторых, это тот же делькан, а коракина многие называют «сапердидой», и лучшие из них водятся в Меотидском озере. Он пишет также, что замечательных серых кефалей (χεοτρεῖς) ловят недалеко от Абдер; немногим уступают им кефали из окрестностей Синопы; в соленом виде они очень полезны для желудка. Разновидность кефалей-муллов (μύλλοι) некоторые называют «агнотидиями», другие (их же!) – «платистаками». (Точно так же одна и та же рыба хеллария имеет несколько имен¹⁴: ее называют и «вакхом» и «осленком».) «Платистаками» называются самые крупные экземпляры, средние – муллами, а мелочь – «агнотидиями». Упоминает муллов и Аристофан в «Грузовых ладьях» [Kock.I.499]: «Скумбрии, испанская макрель, лебии, муллы, сапердиды, самки тунцов».

88. На этом Д и о н с о к л¹⁵ умолк, и речь продолжил грамматик В а р: «Однако эту соленую рыбу упоминает и Антифан в «Девкалионе» [Kock.II.43]:

Кому по вкусу, вот осетр засоленный
 Или тунец гадирский, соблазняемый
 Благоуханьем самки из Византия.

Также в «Парасите» [Kock.II.87]:

Соленый, жирный посредине был осетр,
 Весь белый и горячий.

Также Никострат или Филетер в «Антилле» [Kock.II.220]:

Засоленная рыба пусть участвует
 В гулянке нашей, из Гадир подбрюшие
 Пускай войдёт.

И далее:

Купил у мужика я, (боги правые!),
Торговца солониной благородного,
Очищенный от шкуры и громаднейший
Кусок ценою в драхму, и всего за два
Обола¹¹⁶. Нам и за три дня не съесть его,
Не съесть и за двенадцать – так уж он велик».

f На этих словах У л ь п и а н сказал, поглядев на Плутарха: «А ведь кажется, сударь, никто не упомянул в этом перечне вашу александрийскую рыбу «мендесия», которой даже бешеная собака в рот не возьмет, а также твоих «полу-солений» (ἡμίνηρος) и соленых сомов».

119 П л у т а р х ответил: «А чем, по-вашему, отличается «полу-соленье» от «полу-соленой рыбы» вашего прекрасного Архестрата [ср.117а]? К тому же, полу-соленье упоминает пафиец Сопатр в «Слуге Мистака»:

Дунайского питомца, осетра он взял,
Полу-соление, утеху скифскую.

Упоминает он и раннего мендесия:

Прелестный, мастерски слегка подсоленный
Мендесий и лобан, что в желтом пламени
Зажарены.

b Все знатоки подтвердят, что они куда вкуснее *котт* и *лепидий*, которыми у вас так хвалятся. Ты скажи-ка нам лучше, мужского ли рода у аттиков слово «солонина»¹¹⁷ (τάριχος)? У Эпихарма это имен=но так».

89. Однако замаявшегося Ульпиана опередил М и р т и л: «Прежде всего, Кратин пишет в «Дионисалексandre» [Kock.I.24]:

Я солонину принесу понтийскую (τάριχος)
В корзинах.

Платон в «Зевсе оскорбленном» [Kock.I.613]:

Итак, я, значит, все свое имущество
На солонину выброшу.

Аристофан в «Пирующих» [Kock.I.441]:

c Взмочу я эту рыбину соленую (τάριχον)
За все проказы, что за нею водятся.

Кратет в «Зверях» [Kock.I.135]:

Надо отварить капусту,
Рыбу сжарить, солонину (τάριχος),
И при этом свои руки
Далеко держать от нас.

По-особенному оно коверкается в «Хлеботорговцах» Гермиппа [Kock.I.228]:

И жирный солонин¹¹⁸.

Но у Софокла в «Финее» [TGF². 285]:

На вид
Он солонины был мертвей египетской¹¹⁹.

Уменьшительная форма – в «Мире» у Аристофана [563]:

... купим вкусный полоточек балыка (ταρίχιον).

У Кефисодора в «Свинье» [Kock.I.892]:

Кусок мяса иль солонинки плохонькой.

У Ферекрата в «Перебежчиках» [Kock.I.151]:

Каждого жена ждет дома, варит тертые бобы,
Чечевицу или жарит нам козлятинки кусок
Или солонинку.

И Эпихарм пишет слово «солонина» (ὁ τάριχος) в мужском роде; и у Геродота в девятой книге [IX.120]: «...соленые рыбы (οἱ τάριχοι) запрыгали и стали биться в огне»; и в пословицах тоже мужской род:

Вприглядку солонина может жариться.
Душицу любит солонина тухлая.
Заслуг своих соления не ведают.

Но аттики пишут это слово в среднем роде, и родительный падеж получается у них τοῦ τάριχους. Например, Хионид в «Нищих» [Kock.I.5]:

О боги, так бы съел и солонины (τοῦ τάριχους) он?

А дательный падеж «солониной» – τάριχει, как ξίφει («мечом»). Менандр в «Третейском суде»¹²⁰ [Kock.I.5]:

На солонину (τῷ τάριχει) порубить их следует!

Там же и винительный падеж этого слова [Kock.III.52]:

Я в этих случаях
На солонину (ἐντὶ τάριχος) соли посыпать привык.

Когда это слово пишется в мужском роде, родительный падеж теряет сигму (τάριχου).

90. И так любили афиняне эту соленую рыбу, что, как утверждает в «Эпидавре» Антифан, даровали гражданство сыновьям торговца солониной Хэрефила [Kock.II.322]:

Сыночков Хэрефиловых вы сделали
Афинянами лишь за то, что выучил
Он солонину есть. Верхом увидев их,
Тимокл сказал в своих Сатирах: «Что это
За пара скумбрий^{121?}»

Упоминает их и оратор Гиперид. Другого торговца солониной, Эвфима упоминает в «Цирюльнике» Антифан [Kock.П.63]:

Сходи к торговцу солониной, Парменон,
Я от него ношу обычно, если мне
Удача улыбнется
Эвфим на месте разочтя,
Чего-нибудь, да повкуснее, Парменон,
И прикажи порезать.

Еще одного торговца солониной, Фидиппа, упоминает Алексид в «Шарфике» и в «Корзинках» [Kock.П.299, 377]:

b Другой – Фидипп, чужак и солонины вождь».

91. Так как мы ели солонину, у многих возникло желание выпить, однако Д а ф н вскинул руки вверх и сказал: «Друзья мои, в сочинении, озаглавленном «Пир», Гераклид Тарентский пишет: «Перед выпивкой нужно в меру наестся, и лучше всего закусками при начале трапезы. Ибо, если c пища попадает в желудок после вина, она его перестраивает, и начинается ноющая боль. Некоторые даже полагают, что разные виды зелени и едкие сорта солонины ведут к заболеваниям желудка, и предлагают заменять их пищей клейкой и вязущей. Однако они забывают, что пища, d расслабляющая кишечник, хорошо умеряет еду противоположного свойства: это так называемый пастернак (о нем упоминает Эпихарм в «Деревенщине» и «Земле и Небе» и Диокл в первой книге «Здоровья»), также спаржа, белая свекла (красная свекла угнетает кишечник), моллюски-конхи, черенки, морские мидии, сердцевидки, гребешки, хорошо засоленная рыба без запаха и различные виды рыб с сочным мясом. Хорошо также для возбуждения аппетита выставлять на стол закуски из зелени, свеклу и солонину... [текст испорчен] ... не злоупотребляя тяжелой пищей. Обильных же возлияний в начале трапезы следует избегать, ибо они препятствуют впитыванию жидкостей, поступающих после них». Только македоняне, как e свидетельствует Эфипп Олинфский в сочинении «О погребении Александра и Гефестиона», никогда не признавали умеренного питья и сразу напились допьяна уже к первым переменам блюд, так что уже не могли наслаждаться едой.

92. Дифил Сифнийский пишет: «Солонина из морской, озерной и речной рыбы малопитательна, мало-сочна, суха, легко переваривается и возбуждает аппетит. Из нежирных сортов лучше всего кибии, ранние тунцы и подобные им виды рыб, из жирных – кусочки тунцового мяса и молодые тунцы. С возрастом их мясо становится лучше и острее, особенно у рыб из f Византия. Кусочки тунцового мяса, – пишет он, – делают из пелагид, тунцы поменьше похожи вкусом на мясо тунцов-кибий, к этому же классу относятся и ранние тунцы. Сардинские тунцы по величине такие же, как испанская макрель. Мясо скумбрии очень легко и не задерживается в желудке. Испанская макрель слабит кишечник, она очень едкая и невкусная, од- 121

нако очень питательна. Лучше нее аминкланская и сакситанская из Испании: она гораздо легче и слаще». Страбон в третьей книге «Географии» пишет [III.159], что город Секситания стоит на Геракловом острове напротив Нового Карфагена [156]; от его имени получила свое название соленая рыба. Есть там и другой город, называемый Скомбарией от «скумбрий»; эту рыбу здесь ловят и готовят из нее наилучший соус. Есть еще и рыба «чернодубровка» (μέλανδρυς), о ней упоминает Эпихарм в «Одиссее-перебегчике»: «Был полезен кусок тунцовой солонины, похожей на чернодубровку». Эта чернодубровка, по словам Памфила в «Ономастиконе», является самой крупной разновидностью тунца; солонина из нее самая жирная.

93. «Сырую солонину, – продолжает Дифил, – называют *кетема*¹²² (κήτημα); она тяжела, клейка и к тому же плохо переваривается. Речная нильская рыба коракин (χορακίνοσ), которую называют также *пельтой*, а в Александрии еще *полу-соленой*, – довольно жирная, очень вкусная, мясистая, питательная; она легко переваривается и усваивается во всех отношениях лучше муллы. Икра же и свежих и соленых рыб в равной степени тяжела для желудка, особенно от жирных и крупных рыб, ибо она твердая и плохо дробится. Однако она становится пригодной для желудка, если ее окунуть в рассол и поджарить. Вообще же всю соленую рыбу надо отмачивать, пока вода не станет пресной и не потеряет запаха. Если отварить солонину в морской воде, она становится более пресной; особенно она вкусна, пока не остыла».

Мнесифей Афинский пишет в книге «О пище»: «Как соленые, так и пресные соки возбуждают кишечник, кислые и едкие мочегонны, горькие еще более мочегонны, кроме того, некоторые из них прослабляют, а терпкие [крепят]». Утонченнейший Ксенофонт, осуждая в сочинении «Гиерон или Тиран», подобные кушанья, пишет [1.22]: «– К чему все эти кулинарные измышления, которые вы напридумывали для тиранов: кислое, едкое, терпкое и всё тому подобное? – Конечно, – ответил Симонид, – всё это мне кажется противным природе человека. – Не думаешь ли ты, – сказал Гиерон, – что эти кушанья предназначены для возбуждения их низких и больных душ? Ведь кто вправду ест с удовольствием, тот нисколько не нуждается в таких исхищениях, ты это знаешь».

[О ПРОХЛАДИТЕЛЬНЫХ НАПИТКАХ]

94. После этих слов, К и н у л ь к попросил выпить *декокта*¹²³, – ему, мол, нужно оросить пресной влагой круто просоленные речи. Рассердившись на него, У л ь п и а н хлопнул по своей подушке и воскликнул: «Долго ли вы будете изъясняться варваризмами? Или уйти мне прочь, покинув пир? Я не в силах переносить вашу болтовню!»

«Драгоценный мой! – отвечал ему К и н у л ь к, – раз уж я сейчас нахожусь в царственном Риме, то и пользуюсь словом, привычным в местном наречии. Ведь и у древних поэтов и прозаиков, писавших на чистейшем эллинском языке, можно обнаружить персидские слова, ставшие уже привычными: *парасанги* [мера длины], *астанды* [гонцы], *ангары* [царская почта] и *схены* в мужском или женском роде – это путевая мера длины, которой многие пользуются и в наше время. Известны мне у многих аттиков и слова, заимствованные от македонян при общении с ними. Лучше было бы мне

Напиться бычьей кровушки,
Ведь гибель Фемистокла предпочтительней¹²⁴

встречи с тобой. Я нарочно не сказал «упиться бычьей влагою», потому что ты не понял бы, что это такое. Ты не знаешь, что и у лучших поэтов и прозаиков можно найти что-то неудачное. Ведь и Кефисодор, ученик оратора Исократ, пишет в третьей книге «К Аристотелю», что любой при желании найдет у других поэтов и ученых одно-два неудачных выражения. Например, у Архилоха сказано: «...шкурник всякий человек», Феодор велит обогашаться, но восхваляет равенство, у Еврипида сказано: «...клялся язык...» [«Ипполит».612], у Софокла в «Эфиопах» сказано [TGF². 136]:

Ведь для твоей же пользы, не во вред тебе
Я предлагаю: поступай как мудрые:
Хваля достойное, не забывая барыш.

И в другом месте он говорит, что слово, приносящее выгоду, не может быть плохим¹²⁵. А у Гомера Гера злоумышляет против Зевса [Ил.XIV.159сл.], и Арес прелюбодействует [Од.VIII.266сл.], и за это все их бранят. 95. Так что, если я оплошал в чем-нибудь, не прогневайся, о лучший лучших имен и словес! Говорит ведь милетский поэт Тимофей:

Старого я не пою, новое мое – лучше.
Царь наш – юный Зевс, а Кроново царство миновало:
Прочь ступай, древняя Муза!

Опять же Антифан говорит в «Алкесте» [Kock.II.22]:

Всегда старайся непременно новое
Изобретать: одно нововведение
Легко побьет старинные обычаи,
Хотя бы и казалось опрометчивым.

Но чтобы ты снова не разгневался на меня, я докажу, что и древним был известен напиток, который я называл декоктом. Как говорит Ферекрат в «Лжегеракле» [Kock.I.194]:

Сказал бы очень ловкий в измышлениях
.....
Но я отвечу так: не суетись и будь
Любезен, обрати вниманье, выслушай».

«Умоляю, – сказал У л ь п и а н, – не откажи сперва сказать, что такое *бычья влага*, – у меня просто жажда до таких выражений».

И К и н у л ь к: «Позволь тогда сперва выпить за тебя, зачерпнувши слов, которых ты жаждешь, из «Пифагорейки» Алексиды [Kock.II.370]:

Я пью

Воды прокипяченной чашу: если же
Сырую выпьет кто, – обременит его
И утомит она.

Бычьей же, дорогой мой, назвал Софокл в «Эгее» [TGF². 135] воду из Бычьей реки в Трезене, подле которой протекает и ручей, называемый Гиоесой. 96. Известно, что в древности заздравно пили даже очень холодную воду, но я не приведу свидетельств, пока ты не просветишь меня, пили ли наши предки на пирах также и горячую воду? Ведь если кратеры получили свое название¹²⁶ от того, что в них смешивали питье до краев, то ведь не огонь под ними разводили, как под котлами. А что горячая вода была им знакома, свидетельствует в «Демах» Эвполид [Kock.I.286]:

Воды нагрей нам медный таз, испечь вели
Нам жертвенных лепешек, чтобы сгрудились
Над требухой мы.

И Антифан в «Омфале» [Kock.II.84]:

И чтоб никто навстречу не попался мне
С горшком воды кипящей, – я не болен ведь,
Избави бог нас от недомогания!
А если и заноез что под ложечкой
Иль у пупка, то перстенок имеется
Заговоренный, у Фертата купленный
За драхму.

И в «Умацивательнице» – эта пьеса также приписывается Алексиду [Kock.II.19]:

А если мастерскую мне ославите,
Клянусь Деметрой, кипятком ошпарю вас,
Из таза зачерпнув громадным ковшиком.
И если так не сделаю, пускай тогда
Вовек не пить воды мне избавительной.

Платон в четвертой книге «Государства» [IV.437d]: «Возникает ли в душе человека еще и дополнительное желание? Например, если речь идет о жажде, будет ли это желанием пить непременно горячее или холодное, много или мало – словом, пить какой-нибудь определенный напиток? Если человеку жарко, не прибавится ли к его жажде желание чего-нибудь *горячего*¹²⁷, а если ему холодно, то – *холодного*? Если налицо большой выбор напитков, жажда принимает различные оттенки, и начинают желать многого; если же это просто жажда, то – немного-

го. Но жажда сама по себе никогда не будет вожелением к чему-нибудь другому, кроме естественного желания пить, а голод сам по себе – кроме естественного желания есть».

Сем Делосский пишет во второй книге «Истории островов»¹²⁸ [FHG.IV.493], что на острове Кимоле летом копают холодильные ямы и ставят в них глиняные сосуды, полные теплой воды; когда же их вынимают обратно, они холодны как лед. Афиняне, как свидетельствует в «Андрокле» Софил [Kock.II.444], называют теплую воду *смешанной* (μετάμικτος). Алексид в «Локрах» [Kock.II.347]:

И разливали воду две прислужницы:
Та – *смешанную*, эта же – горячую.

И Филемон в «Коринфянке» [Kock.II.488], Амфид в «Бане» [Kock.II.237]:

И вопил один: «Горячей принесите мне воды!»
Рядом *смешанной* с горячей громко требовал другой».

97. Киник еще собирался продолжить свое нагромождение цитат, но Понтиан оборвал его: «Любезные мои! Но ведь древние знали и очень холодное питье. Ведь Алексид говорит в «Парасите» [Kock.II.364]:

Ибо я хочу,
Чтоб ты отпил воды моей колодезной:
Она прекрасна – виршей Араротовых
Прохладней¹²⁹.

Колодезную воду упоминает также Гермипп в «Керкопах» [Kock.I. 234]:

..... [цитата утеряна]

Алексид говорит в «Упившейся мандрагорой», что пили и ледяную воду [Kock.II.348]:

124 Ну разве человек не суетливое
Создание, что вечно меж двух крайностей
Без толку мечется? Мы увлекаемся
Людьми чужими, а роднею брезгуем.
А ведь бедняк последний, без гроша, богат
Своими близкими! При взносах складчинных
Донельзя скряжничает, каждодневно же
Роскошествовать белою лепешкою
Хотим, ячменной и похлебкой черною,
(Природный цвет ее черным красителем),
К питью нам нужен лед, но чуть остывшие
Освищем кушанья и разбраним вино
Чуть кислое, сходя с ума по соусам.
Выходит, верно говорится многими
Людьми неглупыми, что совершенства нет,
А коли возникает, то немедленно
Ему конец приходит.

И Дексикрат пишет в комедии, озаглавленной «Сам себя обманувший» [Kock.III.374]:

Когда я спьяну ледяную воду пью,
Иль о египтских благовоньях думаю...

И Эвтикл в «Мотах» или «Послании» [Kock.I.805]:

Он первым узнавал, торгуют ли
На рынке льдом, и соты съесть медовые
Всегда готов был первым по любой цене.

И превосходный Ксенофонт упоминает в «Воспоминаниях [о Сократе]» питье со льдом [II.1.30], а Харет Митиленский, рассказывая в «Истории Александра» об осаде индийской крепости Петры, описывает способ хранения льда: Александр приказал вырыть тринадцать холодильных ям, их наполнили льдом, завалили дубовыми ветками, и лед сохранялся в них очень долго.

98. О том, что и вино охлаждали, чтобы пить его очень холодным, пишет в «Холодильщиках» Страттид [Kock.I.728]:

Вино горячее
Никто не стал бы пить, для нас приятнее
Вино со льдом, в колодеце охлажденное.

И Лисипп в «Вакханках» [Kock.I.700]:

– Гермон, ты как? И что случилось?
– Ничего!
В колодец только опустил отец меня,
Как летом опускал в жару кувшин с вином.

Дифил в «Памятке» пишет [Kock.II.559]:

Дорида, охлади вино!

Протагорид, описывая во второй книге «Забавных историй» [FHG.IV.485] речное плавание царя Антиоха¹³⁰ по Нилу, рассказывает о некоторых способах получения холодной воды: «Днем они выставляют воду на солнце, на ночь же, ссидев осадок, оставляют в глиняных гидриях на открытом воздухе, как можно выше, и всю ночь два раба смачивают стенки сосудов. Утром сосуды спускают вниз и снова сцеживают осадок. Таким способом вода делается чистой и очень здоровой. После этого они укрывают гидрии в мякине и пьют воду, не нуждаясь ни во льде, ни в чем-нибудь подобном».

О колодезной воде упоминает Анаксилай во «Флейтистке» [Kock.II.264]:

Воду из моего колодезя
Считай своею.

И снова:

Испортил воду он в моем колодезе.

Аполлодор из Гелы упоминает в «Потерявшей мужа» и о самом ко-

лодке, используя это слово (λίχμος) в нашем сегодняшнем значении [Kock.III.278]:

Веревку отвязавши от колодезя,
Ты бросилась на брань вооруженная».

Услышав это, М и р т и л воскликнул: «Друзья, как любитель солонины (φιλοτάριχος), я тоже хотел бы выпить ледяной воды на манер Симонида!»

У л ь п и а н в ответ: «Выражение *любитель солонины* было в «Омфале» у Антифана [Kock.II.84]:

Нет, дева, не любитель солонины я.

Алексид в комедии «Власть женщин» обзывает кого-то *похлебкой из солонины* (ζωμοτάριχος) [Kock.II.312]:

Гиппокл-то киликийский – ну, актеришко!
Похлебка с солониной!

Но вот что значит «на манер Симонида», я не знаю».

99. М и р т и л отвечал: «Тебя ведь, пузан, история нисколько не интересует. Ты *жиро-лиз* (χνισολοιχός), и даже, говоря на манер старинного самосского поэта Асия, *жиро-угодник* (χνισοκόλαξ). Каллистрат рассказывает в седьмой книге «Смеси», что однажды «в пору могучего зноя» поэт Симонид обедал у кого-то в гостях, и виночерпии, положив лед в питье остальных гостей, обошли его; тут же экспромтом сочинил он следующую эпigramму:

Тот, кто был принесен Бореем из Фракии ярым,
Больно кусая всех, кто не закутался в плащ,
Тот, кто покрыл пеленою Олимп и заживо умер,
Тягость простерши свою на Пизрийской земле, –
Пусть, растопившись, послужит и мне, потому что негоже
Теплым поить питьем доброго гостя в дому».

Когда Миртил выпил, У л ь п и а н снова спросил: «Где же ты нашел *жиролиза*, и в каких стихах Асия упоминается *жироугодник*?» М и р т и л ответил: «Стихи Асия такие:

В час, когда свадьбу справлял Мелес, согнутый годами
Жироугодник пришел, жалкий, клейменный, хромой,
Нищий, незванный, просящий похлебки; посередине
Свадьбы стоял герой, вылезший из нечистот.

Жиролиза же можно найти в «Филархе» Софила [Kock.II.446]:

Ты лакомка и *жиролиз*.

А в пьесе, озаглавленной «Бегущие вместе» [Kock.II.446], сказано «*жиролизание*»:

Притона содержатель, весь снедаемый
Жиролизаньем, приказал вот этою
Кровяной колбасой его полакомить.

Упоминает *жиролиза* и Антифан в «Шмеле» [Kock.II.37].

О том, что за едой пили сладкие вина, говорит в «Дропиде» Алексид [Kock.II.317]:

Вино внесла девица сладкое
В серебряной пузатенькой посудине,
На вид приятной; но ни чаша, ни фиал, –
В себе она соединяла формы их».

[О ЗАПЕКАНКАХ]

100. После этого внесли пирог из молока, лепешек и меда¹³¹, который римляне называют *libum*. К и н у л ь к заметил: «Подкрепись, Ульпиан, отеческим «хтородлапсом», которого, клянусь Деметрой, ты не найдешь ни у одного древнего автора за исключением, быть может, твоих соотечественников Санхуниатона и Моха¹³², писавших об истории Финикии». 126

«Хватит с меня, клещ [Ил.XXI.394], – отвечал У л ь п и а н, – и медовой лепешки! Впрочем, с удовольствием поел бы я и запеканки с моллюсками или с орешками пинии». Когда ее принесли, он сказал: «Подайте мне «мистилу» (μυστίλης), не стану же я называть ложку¹³³ словом «мистрон» (μύστρον), ибо до нашего времени так не говорил никто».

«Ты удивительно забывчив, – возразил ему Э м и л и а н, – не ты ли всё время превозносишь эпического поэта Никандра Колофонского за его ученость и любовь к старине? Не ты ли цитировал нам его стихи о перце? А ведь он, описывая в первой из двух книг «Георгик» приготовление запеканки (χώνδρος), воспользовался словом «мистрон» [ср.129с]: b

Если варить каплуна или свежеебитого станешь
Мясо козленка, ягненка, – крупу пшеничную (χίβρα) высыпь
В полный сосуд, разотри, смешай ее с маслом душистым. c
А как бульон закипит, залей.
. и, прикрыв его крышкой,
После оставь упревать: ведь сильно мука разбухает.
В полные мистры его подавай, когда кушанье станет
Теплым.

В этих стихах, – удивительно, что ты забыл их! – Никандр описывает приготовление пшеничной или ячменной запеканки и велит вливать в нее бульон, сваренный на мясе ягненка, козленка или каплуна. Он пишет, что пшеничную крупу надо истолочь в ступке, смешав с оливковым маслом, и влить в нее мясной бульон, когда он только начнет закипать. Когда после этого варево загустеет, надо размешать его разливным черпаком, не добавляя более ничего другого, а только снимая ложкой всплывающую жирную накипь. Вот почему он говорит: «Оставь ее упресть, накрыв крышкой»: ведь мука грубого помола (χρίμνον) сильно разбухает. И наконец, когда она остынет до приятной тепловатости, ешь ее полными мистронами. d

- e Более того, и македонец Гипполох, описывая в письме к Линкею македонский пир небывалой роскоши, упоминает и о том, что всем приглашенным были розданы золотые ложки (μύστρα). Если же, дорогуша, ты предпочитаешь быть древнелюбом и не хочешь знать ни одного слова, которое не встречалось бы у аттических авторов, то скажи-ка мне, о чем говорится в пьесе «Брюхотруженики» автора Древней комедии Никофонта. По-моему, он упоминает здесь именно о ложках (τῶν μύστρων) [Kock.I.779]:

- f Торговцам рыбешкой, торговцам углями,
Сушеными фидами и кожухами,
Торговцам мукою и пирогами,
Решетами, ложками (μυστριολῶλαις) и семенами,
И книготорговцам.

Кем еще могут быть эти μυστριολῶλαι, как не торговцами ложками? Итак, мой аттичнейший из сирийцев, научись на этих примерах пользоваться ложкой и от души поешь этой каши, чтобы ты не мог говорить «убог ведь я и немощен»¹³⁴.

- 127 101. Мне даже странно, почему ты не спросил: «Откуда эта запеканка? Из Мегар или Фессалии, отчества нашего Миртила?».

У л ь п и а н на это: «Я не притронусь к еде до тех пор, пока ты не разъяснишь мне, у каких авторов встречаются упоминания об этих запеканках!»

Э м и л и а н ему: «Не могу отказать тебе. Однако, видя, какой пышный пир здесь готовится, я хочу, чтобы ты поел каши и, распушив перья как петух, рассказал бы нам о кушаньях (ἐδέσματα), которые нас ожидают».

- b Но У л ь п и а н возмущенно воскликнул: «Какие еще «кушанья»? Неужели нельзя хоть немного передохнуть от вечных вопросов к этим на-тасканным недоумкам?»

«Ну хорошо, – отвечал Э м и л и а н, – я расскажу тебе и об этих запеканках. И начну со стихов из «Антеи» Антифана [Kock.II. 24]:

- А что в корзинках у тебя, любезнейший?
- В трех – запеканка (χόνδρος) славная мегарская.
- Но правду ль говорят, что фессалийская
Всех лучше?
- Несомненно, финикийскую...
- ... муки тончайшей и просеянной (σεμίδαλις).

- c Эта же комедия с очень малыми разночтениями приписывается и Алекси-ду. Тот же Алексид пишет в «Блуднице» [Kock.II.368]:

И запеканкой фессалийской полон дом.

Однако Аристофан называет в «Пирующих» словом χόνδρος кашницу-раз-мазню [Kock.I.422]:

Заварит кашу, бросит муху в варево
Да мне и поднесет.

Мука очень тонкого помола под именем σειδάλις упоминается также Страттидом в «Человеке-молоте» [Kock.I.712] и Алексидом в «Равновесии» [Kock.II.328], хотя точных цитат я привести не могу. В той же пьесе Страттида это слово появляется и в родительном падеже (σειδάλιδος) [ср.242d]: d

...Близнецов, потомков семидалиды...

Словом же *кушанья* (ἐδέσματα) воспользовался в «Близнецах» Антифан [Kock.II.45]:

Я смаковал прекраснейшие кушанья,
И выпивал по три-четыре здравицы;
Напировался всласть, и поглотил еды,
Наверно, четверым слонам достаточной».

– Пора мне кончать и эту книгу, Т и м о р а т! Пусть же ее завершат речи о предвкушаемых кушаньях, а к самому пиру мы приступим в следующей книге.

– Но не прежде, А ф и н е й, чем ты расскажешь о пире македонца Гипполоха.

– Хорошо, если тебе это интересно, я поищу рассказ о нем.

КОНЕЦ КНИГИ ТРЕТЬЕЙ

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

128 1. Македонец Гипполох, друг мой Т и м о к р а т, жил во времена Линкея и Дурида, самосцев, учеников Феофраста из Эреса. Как можно узнать из его писем, они с Линкеем договорились писать друг другу всякий раз, как один из них побывает на каком-нибудь пышном пиру. Некоторые из их посланий с описанием пиров сохранились: Линкей описывает пир¹, который аттическая флейтистка Ламия дала в Афинах царю Деметрию, прозванному Полиоркетом (эта Ламия была любовницей Деметрия), а Гипполох – свадьбу македонца Карана. Мы напали и на другие письма Линкея к тому же Гипполоху, в которых он рассказывает о пирах царя Антигона, справлявшего Афродисии в Афинах, и царя Птолемея. Эти письма я тебе дам. Письмо же Гипполоха – вещь редкая, поэтому я ради приятного времяпрепровождения перескажу тебе его содержание сейчас.

2. Как я уже говорил [ср.126е], Каран устроил свой свадебный пир в Македонии. Приглашено было [сто] двадцать человек. Едва они возлегли, каждый тотчас получил в дар по серебряному фиалу. Еще они не взялись за еду, как хозяин возложил на каждого золотой венок стоимостью в пять золотых. Когда же они осушили свои фиалы, всем подали одинаковые караван хлеба на медных блюдах коринфской работы², а также кур³ и уток, вяхирей, гусей и прочей снеди, нагроможденной в изобилии. Каждый, взяв кушанье, передал его вместе с блюдом стоявшему сзади рабу.

Но разнообразные яства появлялись одно за другим. Принесли серебряное блюдо, на котором лежали большой хлеб, гуси, зайцы, козлята, искусно выпеченные хлебцы, голуби и голубки, куропатки и прочие пернатые твари, какие только водятся на свете. «Отдали мы и это рабам, – продолжает Гипполох, – и когда досыта наелись, вымыли руки. Тогда принесли множество венков из разных цветов и к каждому из них – золотой убор, весом как то украшение, которым нас увенчали в начале пира». После этого Гипполох сообщает, что Протей – внук знаменитого Протея, сына Ланики, кормилицы царя Александра, – выпил очень много, ибо пил за здоровье всех подряд (пьяницей был и дед его Протей, спутник Александра).

3. Затем он пишет: «Мы были уже в том приятном состоянии, когда здравый рассудок покидает нас. В это время пришли флейтистки, певицы и какие-то родосские арфистки; по-моему, они были нагие, но другие гости говорили, что на них были хитоны. Поиграв, они удалились. На смену им вышли другие женщины, каждая несла по два лекифа с миррой; один из них был золотой, другой серебряный, оба вмещали по котилу и были

скреплены между собой тонкой золотой пластинкой. Их роздали гостям. Потом принесли уже не угощение, а целое богатство. Это был позолоченный серебряный поднос (золото покрывало его толстым слоем), такой большой, что на нем поместилась огромная жареная свинья; она лежала навзничь и показывала брюхо, набитое лакомствами⁴: в нем были вместе запечены дрозды, утки, множество жаворонков, яичные желтки, устрицы, морские гребешки. Всё это роздали гостям в горячем виде. Потом, выпив, мы взяли золотые ложки⁵ и положили себе мяса козленка, совсем еще горячего и лежавшего на таком же блюде. Каран увидел, что подарки уже некуда класть, и приказал подать нам корзинки для еды и для хлеба, сплетенные из пластин слоновой кости. Мы были в восторге и принялись рукоплескать жениху: ведь так у нас сохранялось всё, что нам подавали. Потом снова принесли венки и двойные лекифы с миррой, золотые и серебряные, того же веса, как в первый раз. Когда установилась тишина, к нам ворвались люди, которым впору было бы участвовать разве что в афинских горшечных празднествах⁶, а с ними фаллоносцы⁷, комедиантки и какие-то нагие фокусницы, кувыркавшиеся на мечях и выдувавшие огонь изо рта.

4. Избавившись от них, мы снова обратились к подогретым крепким винам⁸ – фасосскому, мендейскому, лесбосскому; золотой кубок, поданный каждому из нас, был очень велик. После питья принесли оправленное серебром стеклянное блюдо⁹, поперечником примерно в два локтя, полное жареной рыбы разных сортов. Кроме того, всем дали по серебряной хлебнице с каппадокийскими булками¹⁰, часть которых мы съели, а часть отдали стоявшим позади рабам. Вымыв руки, мы надели новые венки и снова получили золотые уборы, вдвое больше прежних, и новые двойные лекифы с миррой.

Когда водворилась тишина, Протей, соскочив с ложа, попросил чашу емкостью в целый хой, наполнил ее фасосским вином, добавил в него чуть-чуть воды и выпил, сказав при этом [Еврипид.TGF². 541]:

Кто больше пьет, и веселится больше тот!

И Каран сказал ему: – Раз ты выпил первый такую чашу, то тебе будет она в дар. И другие получают такую же, если сумеют ее осушить. – При этих словах мы «все девять воспрянули» [Ил.VII.161] и схватили кубки, стараясь опередить один другого. А один из нас, несчастный, которому нельзя было пить, сел и заплакал, что останется без чаши; но Каран милостиво подарил ему пустой фиал. После этого вышел хор из ста человек и стройно спел брачный гимн, а после хора явились танцовщицы, одетые одни – не-рейдами, другие – нимфами.

5. Между тем попойка продолжалась. Стало смеркаться. Тогда открыли комнату, которая до того была скрыта занавесками из тонкого белого полотна. Когда они раздвинулись, приводимые в движение скрытыми устройствами, стали видны наяды, и эроты, и паны, и гермесы, и множество

c

d

e

f

130

б других статуй, державших в руках серебряные светильники. Пока мы удивлялись этой хитрой выдумке, всем подали настоящих эриманфских вепрей¹¹, которые лежали, пронзенные серебряными вертелами, на четырехугольных подносах в золотых оправах. И самое удивительное то, что мы, ослабевшие, с тяжелою от хмеля головой, лишь только замечали новое кушанье, сразу же трезвели и, как сказал поэт, «прядали с ложа» [Ил. XXIV.11]. А слуги между тем плотно набивали наши счастливые корзинки, пока не протрубили установленный сигнал к окончанию пира: такой обычай, как ты знаешь, существует у македонцев на многолюдных пиршествах.

с Каран, своим примером подав нам знак пить из меньших кубков, приказал рабам обнести вином гостей. Мы легко осушили чаши, как бы принимая противоядие против выпитого раньше неразбавленного вина. Потом явился шут Мандроген – как говорят, потомок знаменитого Стратона Аттического – и очень посмешил нас, проплясав с женщиной, которой было далеко за восемьдесят. Напоследок внесли столы для ужина и подали в плетенках из слоновой кости сласти и пироги всех сортов – и критские, и твои самосские, друг мой Линкей, и аттические; каждый сорт лежал в особой корзинке. После этого мы встали и удалились – трезвые, клянусь богами, от страха перед нечаянным богатством.

Теперь, Линкей, ты в одиночестве живешь в Афинах и блаженствуешь, слушая поучения Феофраста, питаешься тимьянами, руколами¹² и вкусными кренделями, любуясь Ленеями и горшечными празднествами. Мы же, разжившись богатством на пиру у Карана, ищем теперь для покупки, кто – дома, кто – земли, кто – рабов».

е 6. Теперь, прочитав это, какой эллинский пир, ты, Т и м о к р а т, мог бы поставить рядом с только что описанным? Ведь даже комедиограф Антифан в «Пелопе», или «Эномае», осмеивает эллинские трапезы [Kock.II.81]:

Что могут эти скудоеды эллины
И листогрызы¹³ совершить, когда у них
Едва получишь на обол малюсеньких
Четыре дольки мяса? А ведь жарились
ф У наших предков славных целиком быки,
Бараны, вепри и олени целые.
Да вот недавно целиком чудовище
Зажарил повар и царю персидскому
Верблюда преподнес¹⁴ еще горячего!

И Аристофан так расписывает в «Ахарнянах» варварское великолепие [85]:

– Нас принял он, кормил быками целыми
На вертеле.

131 – Да кто ж видал когда-нибудь
На вертеле быков? Вранье бесстыдное!
– Однажды птицу подали огромное,
Чем Клеоним. Она зовется уткой¹⁵.

Анаксандрид в «Протесилае» высмеивает свадебный пир Ификрата, же-

нившегося на дочери фракийского царя Котиса [Коск. II.151]:

7. – И если поступите, как я сказал,
Мы вам зададим восхитительный пир,
На пиры Ификрата во Фракии он
Не будет похож, – а те, говорят,
Блистали напропалую: b
Всю площадь покрыли до корабля
Ковры порфирные; были там
Гостями в несметном числе господа
Маслоеды¹⁶ с чубами грязными;
Стояли медные там тазы
Больше погреба на двенадцать лож;
Подпоясавшись, Котис сам разливал
Из них золотым половником суп.
Напробовавшись из кратеров, упал
Он пьяным еще до попойки.
На флейте играл им Антигенид,
На кифаре – аркадский Кефисодот, c
И Аргас пел; воспевали они
То широкоравнинную Спарту,
То, меняя напев, доходили до Фив
Семивратных. Жених в приданое взял
Кобыл двух гнedyх, стадо коз, да щит
Золотой плоскодонный фиал [ср.485a],
Со снегом кувшин, да проса горшок,
Погреб луковиц-бульб¹⁷ в двенадцать локтей
И целых сто осьминогов!
Вот какой дал, разносит молва,
Котис свадебный пир Ификрату.
Величайей его и пышнее стократ d
У наших хозяев готовится пир.
Чего только нет здесь, какого добра!
Сирийской миррою дом пропах,
Дымится ладан; радуют глаз
Лепешки ячменные, пироги
Молочные, мягкие булки,
Потроха, осьминоги, сало, чеснок,
Колбасы, похлебки, свекла, бобы
Натертые, «трии», ячменный отвар,
Пирожные винные, скумбрия,
Сардины, пшеничная каша,
Бобы и бобовые, вика, фасоль,
Бараний рубец, молозиво, мед,
Орехи, сыр, запеканки,
Кальмары и крабы жареные,
Вареные каракатицы,
Кефаль, мурены и пескари,
Губаны вареные, самки тунцов e

Поджаренные и окуни,
 Морские черти и камбалы,
 Сростнозубые рыбы, колючая
 Акула, султанка и скаты –
 Электрические, шиповатые,
 Соленая рина, алозы и хек,
 Медовые соты и виноград,
 С ними яблоки, смоквы, лепешки, кизил,
 Гранаты, мак и груши с ветвей,
 Тимьян, сафлор и масличный жом,
 Маслины, молочные пироги,
 И лук, и порей, и лук-порей,
 Лук-бульба, цветная капуста, укроп,
 Закваска сычужная, уксус, кунжут,
 Чечевица, кузнечики, сельфий и кресс,
 Трубаچی, и пинны, и яйца, и соль,
 И мидии, и гребешки, тунцы,
 И устрицы, блюдечки; кроме того,
 Бесчисленное количество птиц:
 Утки, горлицы, гуси, дрозды, воробьи,
 Сойки, лебеди, жаворонки, пеликан,
 Водяные дрозды и журавль...

– А журавль

Возьми и задай по спине, по бокам
 Зеваке праздному трепку,
 Разбей ему лоб!

– Здесь есть для тебя

И вина: белое, сладкое,
 местное,
 С нежным букетом, дымчатое.

8. Линкей же в «Кентавре» вот как высмеивает аттические обеды
 [Kock.III.274]:

– Скажу: приносит жертвы и готовит мне
 Родосский повар, сам я – из Перинфа гость.
 Ведь никому из нас пиры афинские
 Не нравятся; приедем отвратительны
 Аттические эти угощения:
 Внесут большой поднос, на нем пять махоньких
 Подноси́ков, и на одном из них чеснок,
 Морских ежей на следующем парочка,
 Лепешка винная на третьем, далее
 Лежит десяток конхов, на последнем же
 Осетрик маленький. Пока я ем одно,
 Мой сотрапезник¹⁸ поедает прочее,
 И сколько съест он одного, я столько же
 Другого уничтожу. А ведь я хочу
 Поесть, милейший, и того и этого!
 Но требую я, видно, невозможного:

Не пять ведь глоток у меня, не пятеро
И рук. На вид красиво всё разложено,
Но ничего желудок не почувствует,
Лишь губы пачкаешь, не сыт нисколько.
Чем угощаешь?

– Много устриц.

– Вынеси

Мне их большой поднос, не надо прочего!
А есть ежи морские?

– Разумеется;

За восемь я оболов раздобыл поднос.

– Вот это блюдо только нам и вынеси,

Чтоб ели все одно и то же, а не так:

Я ем одно, другое – сотрапезник мой.

Как рассказывает Гегесандр Дельфийский [FHG.IV.415], когда парасита Дромея спросили, где обеды лучше, в Афинах или в Халкиде, он ответил, что закуска перед обедом в Халкиде приятнее, чем целый обед в Афинах. Закускою он называл разнообразных устриц, во множестве подававшихся перед обедом.

9. Дифил же в «Потерявшей мужа» выводит повара, который рассуждает так [Kock.II.545]:

– А много ли гостей на свадьбу позвано,

И кто они, милейший? все афиняне,

Или иные с торжища приморского?

– Какое дело повару до этого?

– Пойми, отец, что в нашем деле главное –

Кого мы кормим, знать заблаговременно.

Допустим, ты позвал к обеду родосцев –

Так поднеси им сразу же горячего:

Вареного сома иль рыбы-лебиа –

Им это слаще, чем вино душистое.

– Сом – рыба знаменитая.

– А ежели

Гостей ты ожидаешь из Византия –

Во всё клади полынь, клади чеснок и соль:

У них такая прорва рыбы водится,

Что заложило нос и притупило вкус.

Также у Менандра в «Трофонии» [fr.397]:

– Обед в честь гостя.

– Что за гость? Откуда он?

Ведь это знать небезразлично повару.

К примеру, если гость приехал с острова,

Где изобилие рыбы всевозможнейшей,

Его не удивит соленой рыбою –

Он до нее едва-едва дотронется

И предпочтет скорей с мясной начинкою
 И с пряною приправой блюда тонкие.
 Кто ж из далекой от морей Аркадии –
 Тот должное воздаст моллюскам-блюдечкам,
 А ионийцу-богатею сделаю
 Кандавл¹⁹, и суп, и снедь афродисийскую.

10. Действительно, для возбуждения аппетита древние пользовались и
 133 специальными блюдами, например маслинами в рассоле, которые они на-
 зывают «утопленницами» (μόλυνβόδας) [ср.56b]. Аристофан, например,
 пишет в «Старости» [Kock.I.426]:

Почтенный! Предпочтешь подружек зрелых ты
 Иль полудевок, плотных, как соленая
 Маслина?

Филемон в «Преследователе», или «Похлебкине» [Kock.II.488]:

– Какой же ты нашел
 Вареную рыбешку?
 – Очень маленькой!
 Ты понял? И потом, всё заглушил рассол,
 Густой и белый, – я приправ не чувствовал,
 Сковородой не пахла рыба. Врали все,
 Что ты рассол хороший варишь.

b

Ели для аппетита даже цикад и акрид. Аристофан в «Анагире» [Kock.I.404]:

О как я рвусь²⁰ ловить на обед
 Жирных акрид и хвостатых цикад
 На тонкий прут!

Акрида – это тварь, подобная цикаде и титигонию, как показывает Спев-
 сипп во второй книге «Подобий». Упоминает их в «Коралиске» и Эпилик
 [Kock.I.804]. И Алексид во «Фрасоне» [Kock.II.326]:

... тебя, жена, болтливее,
 Не видел никого я: ни кузнечика,
 Ни соловья, ни ласточки, ни горлицы,
 И ни сороки, ни цикады.

c

Никострат в «Наперснице» [Kock.II.219]:

Начало пира будь поднос ежей морских,
 За ним сырая солонина, каперсы,
 Пирожное, лук-бульба в кислом соусе,
 Кушище мяса.

d

11. О том, что для возбуждения аппетита ели репу в горчичном уксусе,
 ясно показывает Никандр во второй книге «Георгик» [ср.369b]:

Двойственный древний союз появляется летом на грядках
 Репы и редьки племен, неизменно и длинных, и твердых.
 После мытья просуши на северном ветре и спрячь их,

Милых студеной порой и всегда домоседов ленивых,
 Снова они оживут, если теплой водой их намочишь.
 Корни сперва отсеки у репы (наружную шкурку,
 Что не засохла, очисти и выбрось), на тонкие ломти
 После порежь, просуши на солнце их самую малость,
 Иль в кипятке окуни, затем вымочи в крепком рассоле;
 Или же размешай виноградное сусло в кувшине
 С уксусом в равных долях, а затем опусти в него ломти,
 Вывалить лишь не забудь их в соли. Но также ты можешь
 В ступке изюм истолочь и кусачее семя горчицы.
 В час, когда пена пойдет из рассола и станет он едким,
 Самое время его сливать для заждавшихся пира.

Дифил или Сосипп в «Оставляющей [мужа]» [Kock.Π.546]:

– Нет в доме у тебя острее уксуса?
 – Наверно есть, дружок; закваска быть должна.
 Всё круто я сварганю, лучшим образом
 В салате едком: у любой развалины
 Подобные приправы будят чувственность,
 Медлительность и притупленность гонят прочь
 И делают приятнейшим жевание.

12. Алексид говорит в «Тарентийцах», что жители Аттики на пирах 134
 пускались в пляс с одного глотка вина [Kock.Π.379]:

Афинский знаешь ты обычай давешний:
 Почувяв запах винный, все немедленно
 Пускаются плясать; коли врасплох войдешь,
 Покажется, что здесь случилось бедствие.
 Кто молод, тот кружится не без прелести,
 Но если Феодота я, мошенника,
 Завижу или встречу вдруг негодного
 Льстеца, что глазками играя, вертится, –
 С каким бы наслаждением я б схватил его
 И засадил в колодки.

Может быть, на этот аттический обычай намекает и Антифан, когда в
 «Карийцах» высмеивает софиста, танцующего в застолье [Kock.Π.55]:

Смотри, как пляшет и как машет ручками
 Седой распутник! Видно, не стыдится он,
 Всем важно Гераклита разъясняющий,
 Единственный, искусство Феодектово
 Открывший, к Еврипиду составляющий
 Компендиумы!

Здесь весьма кстати слова комика Эрифа в «Эоле» [Kock.Π.428]:

Старо присловье, но неплохо сказано:
 Вино, отец, плясать и старцев вынудит
 Помимо воли.

Алексид же говорит в пьесе «Равновесие» [Коск. II.328; ср. 127d]:

Весь складчинный обед они за выпивкой
Сидели и глядели лишь на пляшущих.
И больше ничего; именовали их
Названиями лакомств или кушаний:
Приварком, крабом, пескарем, мучицею.

[АФИНСКИЙ ПИР]

13. «Аттический пир, дорогие мои, – начал П л у т а р х, – не без изящества описывает пародист Матрон, и поскольку его сочинение найти довольно трудно, я не замедлю вам его напомнить:

- Муза, скажи мне про тот многохлопотный ужин, которым²¹
Некогда ритор Ксенокл нас потчевал в славных Афинах;
Я и туда ведь зашел с товарищем, брюхом голодным.
Сразу пленили меня красавцы хлебы-гиганты,
Свежего снега белей, а вкусом на булки похожи... [Ил. X.437]
К ним не раз и Борей разгорался любовью в пекарнях. [Ил. XX.223]
Сам же любезный Ксенокл прошел по рядам возлежавших, [Ил. III.196]
После ступил на порог; за спиной у него возвышался [Од. XX.127]
Хэрефоонт-парасит, голодной чайке подобный, [Од. V.51]
Пищи он вечно алкал, и в чужих был застольях искусен. [Од. V.250]
Тою порой повара заносили столы, нагружали:
Страже поручен их был Распорядок Верховный Готовки – [Ил. V.750]
Раньше ли пир начинать, иль откладывать время обеда. [Ил. V.751]
135 В час же, когда к овощам все простерли длинные руки, [Од. IX.288]
Я рассудил на свой лад и подряд за все блюда принялся:
Взялся за спаржу, за лук, за устриц с мякотью белой, [Од. IX.293]
Лишь солонины сырой избегал, финикийской утехы.
Наземь швырнул я морских ежей, кудреглавых шипами,
Быстро по праху катясь, грохотали они под ногами [Ил. XVI.794]
Слуг на проходе, где волны лишь мутные бились о берег, [Ил. XXI.61]
С корнями клоки шипов из голов у себя исторгая. [Ил. X.15]
Вот приплыла из Фалера сардина, Тритона подруга²²,
Щеки закрывши свои головным покрывалом из грязи... [Од. I.334]
b ...Коих Киклоп обожен и при случае сам разводил их... [Од. IV.72]
Громко на блюде бренча, приехали звонкие пинны,
В море на скалах лохматых их пенная влага питает...
...Камбала с толстым хрящом, за ней с красным боком [Од. IX.125]
султанка.
Я хоть и в первых рядах наложил когтистую лапу, [Од. X.218]
Не подцепил и куска, Аполлон-стреловержец попутал;
Но лишь Стратокла узрел, разносителя бурного бегства, – [Ил. XII.39]
c Он султанки держал главу, укротителя коней. [Ил. XXIV.724]

Снова я ринулся в бой, в ненасытную глотку вцепился...		
Следом Фетида пришла, среброногая дочь Нерее, –		
Сепия в светлых кудрях, одаренная речью богиня,	[Од.Х.136]	
Изю всех рыб лишь она различает белое с черным ²³ .		
Тития также я зрел, знаменитого угря морского,	[Од.ХI.576]	
Он на тарелках лежал и на девять столов простирался.	[Од.ХI.577]	
Следом богиня вошла, лилейнораменная рыба,		
Угорь, гордая тем, что сходилась в объятьях с Зевесом,	[Од.ХI.268]	d
Родом из Копайд, где стадаются дикие угри,	[Ил.П.852]	
С тушей громадной, которой сильнее двух мужа атлета		
(Вроде таких, например, как Астианакт и Антенор),		
С дола на воз не легко бы могли приподнять рычагами:	[Ил.ХII.448]	
Были ж они толщиною в девять локтей и три пяди,	[Од.ХI.312]	
А вышиной уродились, я думаю, в девять сажень.		
Часто с крутизны на крутизны карабкаясь, повар под	[Ил.ХХIII.116]	
кровлей		
Нашей сновал, потрясая на рамени правом подносом.		
Сорок следом за ним примчалось горшков закопченных,	[Ил.П.534]	e
Строем вышли навстречу им столько же мисок эвбейских.	[Ил.П.516]	
Бурно Ирида внеслась – кальмар быстроходный, за нею	[Ил.П.786]	
Окунь в цветной чешуе, за ним чернохвостка простушка;		
Смертная, с рыбой бессмертной она быстротою равнялась.	[Ил.ХVI.154]	
Но одиноко глава тунца из кладовки лежала,	[Од.ХI.543,557]	
Горько поодаль скорбя, сокрушалась о взятых доспехах,		
Бедствии, что для людей учинили жестокие боги.	[Од.ХI.555]	
Рина следом пришла, угощение плотников-мужей,	[Ил.VI.315]	f
Шкурой она хоть шершава, но юношей бодрых питает,	[Од.IX.27]	
Я же не мог бы припомнить вкусней ее мяса и слаще.	[Од.IX.28]	
Жареный конник кефаль, детина чудовищный, прибыл,	[Ил.П.336]	
И не один: по бокам лежали почтительно сарги,	[Од.П.331]	
Амий иссиня-черный, громадный, издевавший моря		
Все глубины и царя Посейдона державе подвластный;	[Од.IV.386]	
И олимпийского Зевса пришли песнопевцы, креветки,		136
Старцы, согбенные веком, зато превосходные вкусом,	[Од.П.16]	
Также дорада, что рыб других красотой затмевает.	[Ил.ХХII.318]	
Краб и омар, ополчившись, пылали желаньем на сходках	[Од.ХХ.27]	
Противостать у блаженных, но мигом застольников руки		
Их похватили в уста, разнесли, не оставив кусочка.	[Од.ХI.385]	
Рать их герой предводил, эллоп, знаменитый копещик,	[Ил.П.645]	
Я хоть и сыт уже был, но его своей жадной рукою		b
Выхватил; он же меня одарил амбросией дивной,	[Од.О.555]	
Коей пируют одни блаженные, вечные боги.	[Од.V.7]	
Вот, наконец, принесли мурену, что стол весь покрыла,	[Од.ХVII.333]	
С повязью шейной, которой гордилась она, украшаясь,	[Ил.IV.137]	
Как восходила на ложе могучего Драконтиада.		
Сандала нам положили из вечного рода бессмертных,		
Бычий язык, что в пучине вспененной морской обитает,	[Ил.VI.396]	c

В ряд уложили дроздов, морских юношей высоколетних,
(Кормят их скалы морские), за ними – свиней-водохлебов²⁴.
Сарги, макрель золотая, сомы вперемешку лежали,
Спар и гигантский мормир громоздились напротив,

- их повар
- Вынес шипящих еще, и наполнился зал благовоньем. [Од.XVII.333]
Их предлагали вкушать, но счел я, друзья, это блюдо
Слишком изнеженным и потому к другим устремился.
- d Травка лежала, которой за пиром никто не касался,
Тихо на месте свободном, где вширь расступались миски... [Ил.X.199]
Следом пришел черный дрозд, угощать всех собою готовый,
Многих охотников встретив, нетронутым он не остался.
Окорок жирный узрев, задрожал я; но рядом стояла, [Ил.XIV.294]
Сласть золотая, горчица, и лишнего съесть не дала мне.
Дивного блюда вкусив, зарыдал о том я, что завтра [Од.XII.309]
Больше его не увижу, придется мне сыр и лепешку...
- e Не устояла утроба, бесстрашно ее доконали [Ил.XVI.102]
Черная злая похлебка, свиные вареные ноги.
Уток какой-то слуга саламинских вывел тринадцать, [Ил.II.557]
Жирных донельзя, приплывших от вод священных; их повар [Ил.V.710]
Вынес и там разложил, где афиняи фаланги... лежали. [Ил.II.558]
Свесть воедино умел Хэрефонт день вчерашний [Ил.I.343]
с грядущим:
- f Птиц был искусен гадать и поживою впрок запасался; [Од.II.159]
Жадно, как лев, он глотал, но держал в руке ногу баранью, [Од.I.104]
Чтобы, домой воротясь, за ужином ей подкрепиться. [Од.IX.324]
Каша с лицом миловидным, над нею Гефест потрудился: [Ил.II.101]
В глиняный ввергнув горшок, тринадцать там месяцев [Ил.V.387]
парил.
- В час, когда все уже вдоволь насытились лаковой пищей, [Од.XXIV.489]
К руки свои омывавшим водою от волн Океана [Ил.XIX.1]
Отрок пригожий пришел с приятным фиалковым мирром,
137 Отрок явился другой с венками, даря их по кругу,
В них вплетены были розы, с обеих сторон украшая. [Од.IX.157]
Бромия бога для нас развели уж в кратере, и много
Поднято было вином лесбосским торжественных здравий.
Вот для десерта внесли столы, что ломились от фруктов:
- b Были гранаты на них, дебелие яблоки, груши [Од.IX.217]
И виноградные грозди, кормилицы Бромия бога,
Только что снятые с кисти, которую чтут «двуопорной». [Од.V.273]
Здесь ничего я не ел, но, раздувшись, на ложе валялся.
Круг же когда я узрел золотой, сладчайший, громадный,
В залу входивший, «плакунту», печеного сына Деметры,
- c Как от «плакунты» бы я божественного отказался?... [Ил.X.243]
Если бы десять имел я рук и десять гортаней, [Ил.II.489]
Несокрушимое брюхо имел бы и медные перси...
А на закуску вошли, две затейницы, девки-блудницы,
Коих Стратокл устремлял на бегу, как пернатые быстрых... [Ил.II.764]

14. Алексид, высмеивая в «Бегущих вместе» аттические обеды, пишет [Kock.II.375]:

Двух добрых поваров хотел нанять бы я,
Умелых, самых лучших в целом городе!
Я угощаю мужа фессалийского,
И потому никак на лад аттический
Нельзя мне растянуть его от голода,
Поставив блюдо каждое на маленьком
Подносике, – один, громадный, выставлю.

d

Фессалийцы, действительно, едят очень роскошно, об этом говорит и Эриф в «Пельтасте» [Kock.II.430]:

Подобной снеди, Сир, Коринф не видывал,
Лаиса не знавала, не питались ей
Заезжие гурманы фессалийские –
А эта вот рука была в ней дольщицей.

Автор же обычно приписываемых Хиониду «Нищих» [Kock.I.5] пишет, что когда [афиняне] ставят в пританее завтрак перед Диоскурами, то в память об их древнем образе жизни на столы кладутся «ячменные лепешки, сыр, спелые маслины и лук-порей». Солон же, подражая Гомеру, велит выставлять обедающим в пританее ячменные хлебцы, и только по праздничным дням добавлять пшеничные булки. Ибо Гомер, сводя старейшин за завтраком у Агамемнона, говорит: «...ячменное тесто месили»²⁵. Хрисипп пишет в четвертой книге трактата «О Благе и Наслаждении»: «Говорят, не так давно в Афинах были даны два пира: один в Ликее, другой в Академии»²⁶. Когда на академическом празднестве повар вынес угощение в сосуде, не специально для того предназначенном, то пирующие перебили всю посуду словно священнонадзиратели (ἱεροποῖς), вознегодовавшие против нечестия, от которого нужно держаться как можно дальше. В Ликее же повар, который вынес соленое мясо, выдавая его за соленую рыбу, был высечен как лжеумудрствующий мошенник». А Платон во второй книге «Государства» описывает угощения новых граждан следующим образом [372c]: «– Ты, никак, заставляешь этих людей угощаться»²⁷ без угощений? – Я ответил: – Твоя правда, совсем забыл, что у них будет, чем угоститься. Ясно, что у них будет и соль, и маслины, и сыр, и лук-порей, и овощи, и они будут варить какую-нибудь деревенскую похлебку. Мы добавим им и лакомства: смоквы, горошек, бобы; миртовые ягоды и буковые орехи они будут жарить на огне и в меру запивать вином. Так проживут они жизнь в мире и здравии и, достигнув, наверное, глубокой старости, скончаются, завещав своим потомкам такой же образ жизни».

e

f

138

b

[ПИРЫ РАЗНЫХ НАРОДОВ]

15. Затем следует сказать и о спартанских пирах. Описывая в девятой книге своей «Истории» утварь Мардония, Геродот говорит о них следующее [IX.82; ср.150с]: «Ксеркс, убегая из Греции, оставил Мардонию всю свою утварь. Когда Павсаний увидел ее и увидел разукрашенную золотом и серебром палатку с разноцветными занавесями²⁸, он приказал хлебопекам и поварам приготовить такой же обед, как они обычно готовили Мардонию. Пока они исполняли приказание, Павсаний разглядывал золотые и серебряные лежа, устланные дорогими покрывалами, серебряные столы и великолепную пиршественную посуду. Пораженный всем виденным, Павсаний, желая пошутить, велел своим собственным слугам приготовить спартанский обед. Когда всё было сделано, Павсаний, смеясь, пригласил эллинских военачальников. Когда те собрались и он, показав им убранство обоих пиров, сказал: «Эллины, я созвал вас, чтобы показать безрассудство этого предводителя мидян, который живет в такой роскоши и все-таки пришел к нам, чтобы отнять наши жалкие крохи». Говорят также, что некий житель Сибариса, находясь в Спарте и сидя со спартанцами за их общей трапезой, сказал: «Понятно, что спартанцы – самый храбрый из всех народов: кто в здравом уме, тот лучше тысячу раз умрет, чем согласится жить так убого».

16. Полемон, объясняя упоминаемую Ксенофонтом «повозку с кузовом, плетеным из тростника» [«Агесилай».8.7], приводит стихи из «Богачей» Кратина, где говорится о лаконском празднестве Копиды (Ножи) [Kock.I.63]:

Знать недаром говорится, что любым гостям там можно,
Всем, пришедшим на Копиды, угоститься от души?
На дворах там постоянных для дедов висят колбасы,
Приколочены гвоздями, чтобы каждый откусил.

И у Эвполида в «Илотах» [Kock.I.294]:

Сегодня же в их честь Копиды празднуют.

Эти Копиды, подобно так называемому «аиклу», представляют собой пир особого рода. Когда их справляют, то первым делом подле храма разбирают шатры, в шатрах делают лежа из веток, а на ветки настилают ковры и лежа на них пируют не только собравшиеся местные жители, но и прибывшие издалека чужестранцы. В жертву на Копидах приносятся только козы, других жертв не бывает; и всем раздают куски жертвенного мяса в придачу с так называемым «фискиллом» – хлебом, похожим на «энкриду» (медовую лепешку), только более округлым. Всем собравшимся раздают зеленый сыр, рубец и куски колбасы, а на десерт идут сушеные смоквы, бобы и зеленая фасоль. В Копидах может принять участие любой желающий из спартиатов. Одновременно с празднествами, происходящи-

ми в городе, в деревне для детей справляют праздник Кормилиц (Τιθην-
(δία): няньки приводят мальчиков на поле, и там перед изображением Ар-
темиды Кориталии, святилище которой находится близ источника Тиасса, b
по направлению к Клите, справляют «копиды», очень похожие на выше-
описанные [взрослые]. В жертву приносят молочных поросят (ὀρθαγορί-
σμοί), а для трапезы готовят вышеназванный [109с, 115е] духовой хлеб.

У всех остальных дорийцев главная трапеза называется аиклом. Эпи-
харм, например, говорит в «Надежде» :

Если кто-то на пирушку (αἶκλος) приглашает неохотно,
На пирушку ты охотно устремляешься бегом.

То же сказано у него и в «Периалле». «В Лакедемоне после общей трапе-
зы в фидитии²⁹ бывает аикл, и тогда каждому допущенному подается хлеб c
в корзине и кусок мяса, а служба при раздатчике провозглашает аикл и
объявляет, кто прислал продукты».

17. Так пишет Полемон. Ему, однако, противоречит грамматик Дидим
(тот, которого Деметрий Трезенский называет «книжной бездною», так
много он выдал сочинений – до трех с половиною тысяч), который пишет:
«Поликрат рассказывает в «Лаконской истории» [FHG.IV.480], что обряды d
Гиакинфий лаконцы совершают в течение трех дней, во время которых,
оплакивая Гиацианта, не увенчивают головы на пирах, не подают белого
хлеба и никакой другой выпечки со всем, что к ней положено, не поют и
пеанов Аполлону³⁰ и не делают ничего, что принято при других жертво-
приношениях: они обедают в строгом порядке и расходятся. Однако во
второй из этих трех дней они устраивают многолюдное достопримеча-
тельное празднество: мальчики, высоко подпоясав хитоны, играют на ки-
фах или поют под звуки флейты; одни, пробегая плектром по струнам, e
высокими голосами поют богу хвалы в анапестических песнопениях; дру-
гие объезжают театр на разукрашенных конях; хоры юношей в полном
составе поют местные песни; а среди них плясуны под звуки флейты и пе-
ние хора исполняют древние пляски. Девушки выезжают на богато разуб-
ранных крытых повозках и на тележках, запряженных парой, и весь го-
род охвачен радостным праздничным волнением. В этот день приносятся
всевозможные жертвы и граждане угощают всех своих рабов и знакомых;
никто не остается без доли жертвенного мяса, и город пустеет, потому что
все уходит на представление».

О Копидах упоминают и Аристофан (или Филиллий) в «Городах» 140
[Kock.I.786], а также Эпилик, пишущий в «Коралиске» следующее [Kock.I.893]:

Я на Копиды думаю направиться
В Амиклы к Аполлону, ибо будут там
«Бараки» (Βαράκιες), булки и похлебка смачная, –

«бараки» – это ячменные лепешки (μάζας), а не клецки (τολύπας), как ут-
верждает Ликофрон, и не кусочки предварительно замешанного ячменно-

го теста, как считает Эратосфен. Они-то и подавались на Копидах, а также пшеничный хлеб и богато заправленная похлебка. Очень четкое определение дает Копидам Молпид в «Лаконском государственном устройстве» [FHG.IV.453]: «Справляют они и так называемые Копиды. Это трапеза, состоящая из ячменных лепешек, хлеба, мяса, сырых овощей, похлебки, смокв, орехов и люпина». Что же касается молочных поросят, то называются они вовсе не $\delta\rho\theta\alpha\upsilon\rho\omicron\varsigma\omicron\chi\omicron\iota$, как считает Полемон, а $\delta\rho\theta\rho\alpha\upsilon\rho\omicron\varsigma\omicron\chi\omicron\iota$, потому что продаются под утро³¹ ($\delta\rho\theta\rho\varsigma$), как свидетельствуют Персей в «Лаконском государственном устройстве» [FHG.II.623], Диоскорид во второй книге «Государства» [FHG.II.192] и Аристокл в первой из двух книг своего «Лаконского государственного устройства» [FHG.IV.464]. Далее, Полемон утверждает, что лаконцы, так же как и все остальные дорийцы, называют обед аиклом. Алкман, во всяком случае, пишет:

Был на мельнице избит он, на аиклах общих бит, –

называя так совместные обеды. И еще:

Алкман аикл состряпал.

Однако лаконцы не называют аиклом ни послеобеденное угощение, ни те куски хлеба и мяса, которые раздаются фидитам после обеда [ср.139с]: всё это называется эп-аиклом, то есть дополнительными блюдами для фидитов после аикла – так и получилось такое слово. Кушанья для этих эп-аиклов готовятся не всем одинаковые, как полагает Полемон, но двух родов. Мальчикам подается еда очень простая и дешевая: ячменный хлебец, смоченный оливковым маслом, который, как пишет Никокл Лаконец [FHG.IV.464], они завертывают в лавровые листья и проглатывают ($\chi\alpha\lambda\tau\epsilon\iota\nu$) после обеда; поэтому и лавровые листья называются $\chi\alpha\mu\alpha\tau\iota\delta\alpha\varsigma$, а сами ячменные лепешки $\chi\alpha\mu\alpha\tau\alpha$. (О том, что в древности было в обычае жевать на закуску лавровые листья, пишет Каллий (или Диокл) в «Киклопах» [Kock.I.694]:

Листья, знак завершения обеда и плясок начала.)

Взрослым же фидитам подавалось мясо предписанных обычаем животных в дар от одного или нескольких зажиточных членов компании.

Молпид утверждает, что эп-аиклы назывались также маттией (рагу или мясной салат). 18. Об эп-аиклах Персей пишет в «Лаконском государственном устройстве» так [FHG.II.623]: «И тут же он берет с богатых пожертвования для эп-аикла, а бедным велит приносить с собой тростник, подстилки и листья лавра, чтобы проглотить после обеда свой эп-аикл, то есть ячменные лепешки в масле. А по сути всё это является маленьким государственным установлением: кому возлежать за столом первым, кому вторым, а кому сидеть на скамье – всё это решается именно на эп-аиклах». То же самое передает и Диоскурид. О лавровых листьях и ячменных лепешках пишет Никокл [FHG.IV.464]: «Выслушав обе стороны, эфор выносил

оправдательный или обвинительный приговор. Выигравший дело брал легкую пеню камматами (ἡμίσητα) или камматидами (καμμάτιδας); камматы – это ячменные лепешки, а камматиды – лавровые листья, вместе с которыми они проглатываются».

19. О трапезе фидитов Дикеарх в «Трижды политике» рассказывает так [FHG.II.242]: «Начало обеда сервируется для каждого едока отдельно, и никто не делится с соседом; затем всем обедающим подают ячменные лепешки, какую кто пожелает, а для питья, коли захочется, перед каждым положена походная фляга с вином. Мясо всегда для всех одно и то же – вареная свинина (иногда очень маленький кусочек, весом около четверти) и более ничего, кроме обязательной похлебки из этого же самого мяса; ее хватает, чтобы непрерывно обносить круговую в течение всего обеда. Добавкой могли быть оливки, сыр или смоквы, но кто-то может принести и рыбу, и зайца, и дикого голубя и тому подобное. А когда обед второпях проглочен, едоков обносят так называемыми эпайклами. Каждый участник фидития вносит примерно полтора аттического медимна ячменя, одиннадцать или двенадцать хоев вина, определенное количество сыра и смокв и дает около десяти эгинских оболов на покупку мяса». Сфер в третьей книге «Лаконского государственного устройства» пишет [FHG.III.20]: «Фидиты приносят с собой и эпайклы: пойманную дичь, а богатые – еще и хлеб и земные плоды по сезону – сколько нужно для одной трапезы; они считают, что незачем приносить и готовить больше, чем нужно на один раз». А Молпид пишет [FHG.IV.453]: «Согласно обычаю после обеда всегда кто-нибудь (а иногда и многие) выставляет приготовленную дома маттию [ср. 140f], и это называется эпайклом. Оно никогда не покупается на рынке: ведь делается это не ради удовольствия или не для объедения, но чтобы подтвердить свое охотничье мастерство; вдобавок многие владельцы стад щедро делятся приплодом. Таким образом, маттия – это дикие голуби, гуси, горлицы, дрозды, черные дрозды, зайцы, ягнята, козлята. И повара во всеуслышанье объявляют имена тех, кто почасту приносит эту снедь на пир, чтобы всем были ведомы их охотничьи труды и усердие для общего дела».

Деметрий Скепсийский пишет в первой книге «Троянского строя», что спартанский праздник Карнеи представляет собой подражание военному походу. Действительно, в девяти местах сооружаются «сени» (οἶκός), называемые так по сходству с шатрами; и в каждой из них угощаются девять человек, а все распоряжения объявляются через глашатая. В каждой «сени» представлены три фратрии, и длится Карнеи девять дней³².

20. Позднее, однако, лакедемоняне отошли от подобной суровости быта и впали в роскошь. Филарх, например, пишет о них в двадцать пятой книге своей «Истории» [FHG.I.346]: «[В то время] лакедемоняне перестали собираться по старинному обычаю на совместные трапезы; когда же они устраивали их, то шатры, положенные по закону, делали очень маленькими, покрывала для ложей брали такие большие и пышные, что иные гос-

b

c

d

e

f

[КРИТСКИЕ ПИРЫ]

22. Рассказывая об общественных трапезах критян, Досиад пишет в «Критской истории» [FHG.IV.399]: «Свои совместные застолья литтии устраивают так. Каждый вносит из своих доходов десятую часть в свое товарищество и в доходы государства, которые потом назначенные лица распределяют по каждому дому. Но все рабы вносят по эгинскому статеру с головы. Граждане делятся на товарищества, называемые андриями. Попечение об общей трапезе вверяется женщине, которая берет себе в помощь трех-четырех мужчин из простого народа. При каждом из них двое слуг, подносящих дрова; называют их калофорами. На Крите повсюду для трапез отводятся два дома, один из них называется «мужским» (ανδρεῖον), другой, для приема иноземцев, – покоем (μοισητήριον). У входа в обеденный зал ставятся два стола, называемые гостевыми, за них усаживают присутствующих иностранцев, далее – столы для остальных обедающих. Каждому выдается равная доля, однако молодые получают только половинную долю мяса и ничего из прочей пищи. На стол выставляется чаша с сильно разведенным вином, из которой пьют все, сидящие за этим столом; после окончания обеда подается вторая. Для мальчиков выставляют один общий кратер разведенного вина, но взрослые, если захотят, могут выпить и больше. Начальница трапезы может на глазах у всех взять с любого стола лучшие кушанья и поставить их перед теми, кто отличился на войне или в совете. После трапезы у них принято обсуждать дела общественные, а потом они вспоминают воинские подвиги и воздают хвалы доказавшим свою храбрость, побуждая этим юношей к доблести».

Пиргион пишет в третьей книге «Критских обычаев» [FHG.IV.486], что на своих общих трапезах едят критяне сидя³⁵; что сироты получают пищу без приправ, что самые младшие стоят, прислуживая у столов; что после безмолвного возлияния богам вся поставленная снедь делится поровну; и что сыновьям, сидящим у ног своих отцов, дается половина взрослой доли, сиротам же полная взрослая доля, однако, по обычаю без приправ. Были у них и специальные кресла для гостей, а третий стол по правую сторону от входа в андрейон назывался «столом Зевса Гостеприимца», или гостевым.

[ПЕРСИДСКИЕ ПИРЫ]

23. Сравнивая эллинские пиры с персидскими, Геродот пишет [I.133]: «Самым большим праздником каждого человека у персов признается день рождения. В этот день они считают нужным устраивать более обильное, чем в другие дни, угощение. Люди богатые тогда подают на стол целиком зажаренного в печи быка, осла, коня, или даже верблюда, а бедные лишь

мелкий рогатый скот. Обеденных яств у них немного³⁶, зато потом много закусок одна за другой. Поэтому персы говорят, что эллины встают из-за стола голодными, так как у них после обеда не подают ни одного стоящего блюда. Если бы у эллинов подавались закуски, то они бы ели не переставая. Персы – большие любители вина. В присутствии других людей у них не принято извергать пищу и мочиться. Эти обычаи персы строго соблюдают. Во хмелю они обычно обсуждают самые важные дела. Решение, принятое на таком совещании, на следующий день хозяин дома еще раз предлагает гостям уже на трезвую голову. Если они и трезвыми одобряют это решение, то так и поступают. И наоборот: решение, принятое трезвыми, они еще раз обсуждают во хмелю³⁷.

24. Ксенофонт же в «Агесилае» пишет о роскоши персидских царей так [9.3]: «Для персидского царя его люди обегают все земли, разыскивая ему самые лучшие вина; десятки тысяч трудятся, приготавливая ему самые вкусные блюда; трудно рассказать, как хлопочут, чтобы он задремал. Напротив, для Агесилая любовь к труду сделала приятным любой попавшийся напиток, любую случайную пищу, любое ложе годилось ему для спокойного сна». А в сочинении «Гиерон», рассуждая о роскошном столе тиранов и пище частных граждан, он пишет так [I.17]: «– Мне прекрасно известно, Симонид, – сказал он, – что большинство считает, будто питье и еда нам вкуснее, чем простому народу: это потому что им кажется, будто они гораздо охотнее съели бы наш обед, нежели состряпанный в их собственном доме. Ведь приятно бывает именно непривычное. Однако по той же причине тиранам незнакомо приятное предвкушение праздников: столы у них всегда ломаются от лакомств, и праздник не добавляет ничего нового. Итак, вот первое, в чем положение обывателя выгоднее, чем тирана, – надежда на лучшее. Затем, – продолжил он, – ты, конечно, знаешь, что чем больше кто-нибудь предается излишества в еде, тем скорее наступает пресыщение. Так что и продолжительность наслаждения у избильного бывает короче, а у скромно живущего дольше. – Зато, клянусь Зевсом, – сказал Симонид, – пока это им по душе, питающиеся роскошно наслаждаются куда больше, чем питающиеся простой пищей».

25. Феофраст в трактате «О монархии», посвященном Кассандру (если сочинение это подлинное, потому что многие утверждают, будто оно принадлежит Сосибия, тому, которому поэт Каллимах элегическим стихом написал эпиникий), пишет, что персидский царь, утомленный роскошью, обещал выплатить кучу серебра тому, кто изобретет новое наслаждение [ср.514e]. Феопомп пишет в тридцать пятой книге «Истории» [FHG.I.311], что пафлагонскому царьку Фису за обедом подавалось сто блюд, начиная с быка. Даже когда Фис был доставлен пленником к царю персов и содержался под стражей, он продолжал жить на широкую ногу и пировал не менее пышно. Узнав об этом, Артаксеркс сказал, что ему ясно: Фис живет, как будто спешит умереть. Тот же Феопомп пишет в четырнадцатой книге «Истории Филиппа» [FHG.I.298]: «Когда великий царь посещает подвла-

стную ему область, на его пир расходуется двадцать или тридцать талантов, а иногда много больше, потому что каждый город пропорционально его размерам издавна обложен как бы податью на царский пир».

26. Гераклид из Кум, автор «Персидской истории», пишет во второй книге, озаглавленной «Снаряжения» [FHG.II.96]: «Вся челядь прислуживает за обедом гостям персидского царя, приняв ванну и нарядившись в белые одежды, и тратит на приготовление к пиру до половины дня. Одни из царских сотрапезников едят снаружи, доступные взорам любого желающего, другие же внутри вместе с царем. Однако и они не делят трапезу с царем, но во дворце устроены напротив друг друга два зала: в одном из них пирует царь, в другом приглашенные гости; и царь лицезреет их сквозь занавес, повешенный на дверях, они же его не видят. Только иногда во время праздников все пируют в одном помещении с царем; под это отводится большой зал. Когда же царь [после обеда] устраивает попойку (а бывает это часто), то застольников обычно бывает двенадцать человек. Когда все уже отобедали, царь в своей комнате, гости в другой, то их приглашает войти кто-нибудь из евнухов. И тогда, войдя к царю, они бражничают вместе с ним, хотя вино пьют не то же самое. Гости сидят на полу, а он возлежит на ложе с золотыми ножками; напившись сверх всякой меры, гости расходятся. Завтракает и обедает царь обычно один, иногда с женой и с кем-нибудь из сыновей. Во время обеда ему поют и играют на лирах наложницы, одна отдельно (ἑξάρχη), а другие хором. Царский пир, – продолжает Гераклид, – на первый взгляд кажется расточителен, но по рассмотрению оказывается расчетлив и даже скуповат; таковы же и пиры всех персидских вельмож. А именно, ежедневно для царских нужд забивается тысяча животных, в том числе лошади, верблюды, быки, ослы, олени и множество овец, а также птицы, среди них аравийские страусы (очень большие), гуси и петухи. От всего этого каждому царскому гостю подается только малая часть, причем каждый может унести домой всё, чего не съел за столом. Большая же часть мяса забитых животных и прочей снеди выносятся во двор для телохранителей и пельтастов, находящихся на царском кормлении. Там все остатки мяса и хлеба делятся поровну; и как в Элладе наемники получают плату деньгами, так они получают ее от царя по договору пищей. У остальных персидских вельмож тоже еда подается на стол вся сразу; когда же сотрапезники отобедают, все остатки (главным образом, мясо и хлеб) начальник стола раздает слугам, этим они и кормятся. Поэтому самые знатные сотрапезники ходят к царю только на завтрак, извиняясь тем, что не могут посещать его дважды, так как должны принимать своих собственных гостей».

27. Геродот же пишет в седьмой книге [VII.118], что те из эллинов, которые должны были принимать и угощать Ксеркса, впали в такую великую нужду, что лишились домов и имущества. Так, фасосцам пришлось принимать и угощать войско Ксеркса за их города на материке, и один только знатный гражданин Антипатр, сын Оргея, потратил на угощение

- b четыреста талантов, потому что и кубки, и сосуды для смешения вина, и вся прочая столовая утварь были из золота и серебра... Если бы Ксеркс ел дважды в день и кроме обеда еще завтракал, то города бы этого не перенесли. И в девятой книге «Истории» он пишет [IX.110]: «Иногда царь дает царский пир, это бывает раз в году в день рождения царя. По-персидски этот пир называется «тикта», что по-гречески значит «самый лучший». Только в этот день царь умащает голову и раздает подарки».
- c Как рассказывает в книге «О кончине Александра и Гефестиона» Эфипп Олинфский, пируя с друзьями, Александр Великий каждый раз тратил сто мин в день; сотрапезников же у него бывало, может быть, шестьдесят или семьдесят. Персидский же царь, как пишут Ктесий и Динон (в его «Персидской истории» [FHG.II.93]), давал пиры на пятнадцать тысяч человек и тратил при этом по четыреста талантов. В италийской монете это составляет два миллиона четыреста тысяч денариев; разделив их на пятнадцать тысяч человек, получаем сто шестьдесят денариев на человека, то есть столько же, сколько и у Александра, – тот, по Эфиппу, тратил сто мин. Между тем Менандр в «Пьянстве» оценивает расходы на большой пир всего лишь в талант [Kock.III.91; ср.364d]:
- d

А жертвы мы приносим по достатку ли?
 Богам отдать достаточно паршивую
 За десять драхм овцу, хотя не менее
 Таланта нам обходятся флейтистки,
 Певички, благовония, фасосское,
 Мендейское, сыр, угри и так далее.

e

Таким образом, талант он считал необычайно дорогой тратой. И в «Брюзге» [447] у него говорится:

Как они, разбойники,
 Приносят жертву! Кружки, короба у них
 Не для богов, а для себя. Лепешку бы
 Да ладану принести – и жертву полностью
 Бог примет из огня. Так нет, богам суют,
 Что несъедобно, – желчь, от костреца кусок,
 А прочее – себе в живот.

f

[ПИР ДИОНИСИЯ]

28. Филоксен Киферский в поэме «Пир» (если только именно он, а не Филоксен Левкадийский упоминается в «Фаоне» комедиографом Платоном [Kock.I.646]), так описывает приготовления к пиру:

Маслом лоснящийся стол
 двое прислужников вынесли,
 после – второй, другие – другим,
 пока не заполнилась зала.

Сверкали столы
в ярком сиянии высоких огней,
ломились гирляндами разделочных досок
и приправ в графинчиках
роскошествующие всевозможными искусными выдумками,
радостью бытия, ловушками душ.

Рядом встали в корзинах
с белой кожей ячменные хлебцы,
другие же слуги

После них первой вошла не супница,
любовь моя,
но громадный сосуд, усеянный заклепками.
На закуску – славное блюдо угрей (έγχελεα),
божьей утечи,
нарубленных угриных (γούγρο-) голов.

Следом за ним другое такое же блюдо вошло,
с круглым скатом под соусом.

b

Там маленькие супники были:

один с акульим мясом,

другой с разительным скатом.....

..... было другое богатое блюдо головоногих

и каракатиц со щупальцами,

..... мягче волос.

После него прямо с огня вошла

в струях пара

серая кефаль размером со стол.

Друг мой,

..... за нею вошли

в сухарях осьминоги

и гнутые золотистые креветки.

За ними – винные пирожные и сласти,

в цветочных лепестках

и пшеничные лепешки с глазурью,

кисло-сладкие, размером с горшок (?).

c

Но истинно знаю:

вот пира пуп,

и ты и я его зовем так:

клянусь богами,

последней там была

чудовищная горячая глыба кусков тушеного тунца,

вырезанных из самых мясистых подбрюшных частей.

Вот была бы великая радость,

если всё наше дело было

только лежать там.

Но и без нас

пир был великолепен:

никто другой

так не расскажет, как я,

d

о всех поставленных блюдах.
Я чуть было не пропустил
горячие потроха, а за ними кишки
откормленного в доме поросенка,
и хребет вошел, и ребра с горячими клецками (?).

И поставили перед нами
целую вареную голову козленка,
вспоенного молоком,
дышащую паром, разрезанную надвое,
и вареные конечности, белокожие ребра, рыла, головы,
ноги и вырезки, сдобренные соусом из сельфия.

e

И прочее мясо:
вареные и жареные барашки и козлята,
и сладчайшая смесь
полусырых кишок барашков и козлят,
этому ликовали бы сами боги,
и ты, моя радость,
охотно поел бы их.
После жареный заяц был и петушки молодые.

Затем уже стол завалила обильно
груда горячих вяхирей и куропаток,
гнувшихся от мягкости хлебов.
С ними одной ватагой пришли
мед золотистый, творог;
что же до сыра, то нежным его
каждый признал бы,
и я в вместе с ними.
Когда же к моим друзьям
пришел час насыщения питьем и пищей,
всё со столов убрали рабы,
и на руки нам пролилась вода³⁸.

[ПИР АНТОНИЯ И КЛЕОПАТРЫ]

f

148

29. Сократ Родосский в третьей книге «Гражданской войны» [FHG.III.326] описывает пир Клеопатры, последней царицы Египта, вступившей в брак с римским полководцем Антонием в Киликии. Когда они с Антонием встретились в Киликии, Клеопатра устроила в честь него царственное пиршество, на котором всё было из золота, всё в драгоценных камнях, всё самой тонкой работы; даже стены там были, по словам Сократа, все в коврах, пурпурных и парчевых. Приказав накрыть двенадцать триклиниев, Клеопатра позвала на пир Антония с избранными его друзьями. При виде несметного богатства Антоний остановился как вкопанный; Клеопатра же с улыбкой сказала, что это ее подарок, и пригласила прийти еще раз завтра, с друзьями и военачальниками. Второй пир был еще ве-

ликолепнее, так что первый показался убогим. И опять она подарила всё это ему, а военачальникам позволила унести с собой каждому свое ложе; чаши и покрывала тоже были розданы гостям. А когда настало время расходиться, она предоставила высшим чинам носилки и слуг, прочим же гостям – коней с серебряной сбруей; и каждому был приставлен эфиопский раб с факелом. На четвертый день она купила роз на целый талант³⁹ и велела усыпать пол слоем этих роз толщиной в локоть, а поверх них положить сплетенные сетью гирлянды.

Историк рассказывает, что потом, когда Антоний был в Афинах, он воздвиг напоказ в театре подмостки, увитые зеленью, как для вакханалий, и они увешаны были тимпанами, оленьими шкурами и прочими дионисическими затеями. Лежа там с раннего утра, Антоний пьянствовал с друзьями, слушая при этом певцов, приглашенных из Италии. Поглядеть на такое зрелище греки собирались со всех концов. «Иногда переходил он и на Акрополь, – пишет Сократ. – Все Афины освещались тогда с крыш факелами. И с тех пор он повелел, чтобы во всех городах его величали Дионисом. А император Гай, прозванный Калигулой за то, что родился в лагере, не только называл себя новым Дионисом, но и наряжался Дионисом и в таком облачении правил суд».

30. Глядя на такое, можно полюбить греческую бедность, особенно если вспомнить, каковы были фиванские пиры.

Клитарх в первой книге «Истории Александра» сообщает, что «после завоевания города Александром всего добра у них оказалось на 440 талантов; люди они были мелочные, а в пище скарედные; на пирах у них подавался фарш в фиговых листьях, вареные овощи, сардины и другая рыба мелочь, колбасы, грудинка, похлебка. Так угостил Мардония и пятьдесят других персов Аттагин, сын Фринона, о котором Геродот в девятой книге говорит [IX.15], что он был отменно богат. После этого вряд ли могли персы одержать победу, и грекам не было надобности при Платеях ходить в бой против тех, кого уже успела погубить подобная пища».

[АРКАДСКИЕ ПИРЫ]

31. Аркадский пир описывает в третьей книге «Генеалогий» Гекатей Милетский [FHG.I.28]: его составляют ячменные лепешки и свинина. Гармодий Лепреатский пишет в сочинении «Об обычаях фигалейцев» [FHG.IV.411]: «Выбранный фигалейцами *ситарх* (ответственный за продовольствие) ежедневно поставлял три хоя вина, мидимн ячменной муки, пять мин сыру, а также все необходимые приправы для мяса. Город же давал каждому из двух хоров трех овец, повара, а также подставку для ведер, столы, скамьи для сидения и тому подобное; поварскую утварь доставлял хорег. Порядок самого пира был следующий. Согласно обычаю, сыр и ле-

b

c

d

e

f

149

- б пешки из слабозамешенного ячменного теста клались на медные разделочные подносы, называемые у некоторых авторов мазономами (по своему предназначению⁴⁰). С лепешками и сыром подавалась требуха с солью. При освящении этой пищи каждый сотрапезник отпивал из глиняного кувшинчика, а освящающий говорил: «Хорошего обеда!» Затем все совместно ели похлебку и мелко нарезанное мясо; кроме этого каждому едоку выдавались два куска мяса. Во время всех обедов, и прежде всего на так называемых *мазонах* (так до сих пор называются Дионисовы сборища), соблюдалось следующее правило: самым крепким едокам из молодежи подливали больше похлебки и подкладывали дополнительные лепешки и хлебцы – эти юноши считались мужественными и правильно воспитанными, потому что обжорство у них было в большом почете и всячески восхвалялось. После обеда они совершали возлияния, не помыв рук, но обтерев их хлебными мякишами; причем мякиши каждый потом уносил с собой из страха перед ночной дорогой⁴¹. После возлияний поется пеан. Когда же они приносят жертвы [местным] героям, то закалывается множество быков и все пируют вместе с рабами, а дети угощаются вместе с родителями, сидя голышом на камнях». Феопомп же пишет в со-
рок шестой книге «Истории Филиппа» [FHG.I.319]: «Аркадияне угощают на празднествах и господ, и рабов, причем для всех выставляется один общий стол; снедь кладется на его середину, и вино для всех размешивается в одном кратере».

[ПИРЫ В НАВКРАТИСЕ]

32. «У жителей Навкратиса, – пишет Гермей во второй книге «О гри-нейском Аполлоне» [FHG.II.80], – народ обедает в пританее в дни празднований рождения Гестии Первоприсутствующей, Диониса, а также Сельского Аполлона, надевая белые одежды, еще и поныне называемые пританейскими. После того как участники заняли места на ложах, они встают и коленопреклоненно совершают возлияния, а глашатай, исполняющий обязанности жреца, произносит отеческие молитвы. Улегшись после этого на ложах, все получают по две котилы вина, за исключением жрецов
Аполлона Пифийского и Диониса, которые получают вдвое. После этого каждому подается плоский хлеб из очищенной пшеничной муки, на который положен другой хлеб, называемый печным, а также свинина, чашка с ячменным или еще каким-нибудь отваром, по времени года, два яйца, ломтик свежего сыра, сушеные смоквы, лепешка и венок. Устроитель празд-
неств, вышедший за рамки этого перечня, наказывается властью имущими; пирующим не позволено приносить с собой съестное, но все едят только
это; остатки же от пиршества раздают рабам. Однако и во все остальные дни года в пританее может пообедать любой желающий: он должен при-

готовить для себя дома зелень или бобы, соленую или свежую рыбу и немного свинины; принеся это с собой, [он получает] котилу вина. Ни одна женщина не может входить в пританей, за исключением флейтисток; также не разрешается приносить в пританей ночные горшки. Если же житель Навкратиса справляет свадьбу, то свадебные законы запрещают подавать на стол яйца и пироги на меду». Откуда такой запрет, нам лучше всего расскажет Ульпиан.

33. Ликий в «Египетской истории» отдает египетским пирам предпочтение перед персидскими. «Египтяне, – рассказывает он, – отправились в поход против Оха, царя персидского⁴². Потерпев поражение, египетский царь попал в плен. Ох обошелся с ним по-доброму и пригласил его на обед. И вот, хотя приготовлено всё было блестяще, египтянин рассмеялся над тем, как скудно живет перс. «Царь, – обратился он к нему, – если хочешь знать, чем должны питаться счастливые цари, то позволь моим бывшим поварам приготовить для тебя обед по-египетски». Тот распорядился, обед был приготовлен, и Ох, отведав его, сказал тогда: «Чтоб тебе злою смертью погибнуть, негодный египтянин, коли ты от таких пиршеств стал искать дешевой пищи». Каковы были эти египетские пиры, нам показывает Протагорид в первой книге сочинения «Об играх в Дафне» [FHG.IV.484]: «Третий вид пиров – это египетские; на них перед гостями не ставят столы, а обносят их подносами с кушаньями».

[ПИРЫ У ГАЛЛОВ]

34. У галлов, как рассказывает Филарх в шестой книге [FHG.I.336], на столы кладется множество ломтей хлеба и ставится много мяса из котлов, но никто не приступает к еде, пока не увидит, что царь отведал предложенного. В третьей книге тот же Филарх рассказывает [FHG.334], как Ариамн, первый богач среди галлов, объявил, что будет один целый год кормить всех галлов и осуществил это так. По всей стране на лучших дорогах по его приказу были поставлены стоянки, на них из колеб, камыша, ивовых прутьев построены навесы на четыреста человек и больше, соответственно количеству народа, который должен был туда стекаться из городов и сел. Под этими навесами он велел поставить огромные котлы и наполнить их разным мясом⁴³. Котлы эти еще за год до того были отлиты на заказ мастерами, приглашенными из других городов. По приказу Ариамна здесь ежедневно закалывались быки, свиньи, овцы и прочий скот без числа, приготовлены были также бочки с вином и замешано много ячменного теста. И туда не только галлы стекались из городов и деревень, но даже прохожих чужеземцев задерживали на дорогах поставленные для того рабы и не отпускали в путь прежде, чем они отведают угощения.

[ФРАКИЙСКИЕ ПИРЫ]

35. О фракийских пирах упоминает Ксенофонт в седьмой книге «Анабасиса» [VII.3.21], описывая пир у Севфа следующим образом: «Когда же все собрались, то сели к обеду в круг. Для каждого внесли по столу на трех ножках, [числом около 20] на них лежали куски мяса, и к ним были привязаны большие квашеные хлеба. Кушанья подносились, главным образом, гостям, таков был их обычай; и Севф показал этому пример. Он взял лежавшие перед ним куски хлеба, разломил на небольшие ломти и бросил кому хотел (из присутствующих), а потом и мясо, оставляя себе лишь столько, сколько сам мог съесть. Все, перед кем стояли столы, тоже поступали таким же образом. Только один аркадянин по имени Ариста, большой обжора, не захотел разбрасывать еду: взяв в руку хлеб величиной в три хойника и положив на колени мясо, он принялся уписывать еду. Стали разносить рога с вином, и все брали по рогу; но когда виночерпий поднес рог Аристе, тот, видя, что Ксенофонт уже кончил есть, сказал: «Подай ему, он уже отдыхает, а я еще занят», – и все рассмеялись. Когда началась попойка, вошел фракиец, ведя за собой белого коня, и, взяв наполненный вином рог, сказал: «Пью за твоё здоровье, Севф, и дарю тебе этого коня; на нем ты догонишь всякого, кого захочешь, а при отступлении ты можешь не бояться врага». Другой ввел раба и подарил его таким же образом, выпив за здоровье Севфа; третий подарил одежды для его жены. А Тимасий выпил за здоровье Севфа и подарил ему серебряную чашу и ковер ценой в десять мин. Тут один афинянин, Гнесипп, встал и сказал, что существует прекрасный древний обычай: имущие одаряют царя в знак уважения, а неимущих одаривает сам царь. Тогда Ксенофонт смело встал, взял рог и сказал: «Севф, я отдаю тебе в верную дружину самого себя и вот этих моих товарищей, и ни один из них не идет к тебе против воли. Сейчас они находятся здесь, больше ничего от тебя не требуют и согласны добровольно обречь себя на труды и опасности ради тебя». Севф встал, выпил вместе с Ксенофонтом и вместе с ним опрокинул рог. После этого вошли люди и затрубили в сигнальные рога и в трубы из сырой бычачьей кожи, и всё это в такт, как при игре на магадиде».

[ПОСИДОНИЙ О ГАЛЛАХ И ПАРФЯНАХ]

36. Стоик Посидоний, сочинивший свою «Историю»⁴⁴ не без влияния философии той школы, приверженцем которой он был, описывает в ней много обычаев и установлений различных народов: «Кельты, – пишет он [F.H.G.III.260], – принимают пищу за деревянными столами, под которые подкладываются охапки сена, так чтобы они лишь немного возвышались над землей. Пища их – немного хлеба и много мяса, вареного и зажарен-

ного на углях или рожнах. Едят они опрятно, но с каким-то львиным неистовством: двумя руками хватают кусок животного и обгрызают мясо зубами; если же кусок жесткий, то отрезают от него мясо ножичком, который нарочно лежит у них в ножнах. Те из них, что живут по рекам и по бережью внутреннего и внешнего моря⁴⁵, питаются печеной рыбой, приправляя ее солью, уксусом и тмином⁴⁶; тмин они кладут и в питье. Оливковым маслом они не пользуются, оно редко и с непривычки кажется им невкусным. Когда обедают большой компанией, то усаживаются в круг, а в середине как предводитель хора садится самый влиятельный, превосходящий всех или военным умением, или знатностью, или богатством. Рядом усаживается гость, а затем по обе стороны, согласно своему достоинству, занимают места остальные. Позади них становятся телохранители с длинными щитами, а напротив, усевшись в круг по примеру господ, пируют копьеносцы. Прислужники разносят питье в сосудах, похожих на наши чаши с носиком, глиняных или серебряных. Таковы же и подносы, на которых подают кушанья; а иные пользуются медными, деревянными или плетеными из прутьев корзинками. На богатых пирах пьют неразбавленное привозное вино из Италии или Массалии⁴⁷ и только изредка добавляют в него воды. На более скромных трапезах пьют пшеничную брагу, приправленную медом, а народ ее пьет и без приправ; называется она кóрмой. Отпивают они ее почаству, но понемногу, не более киафа из одной и той же чаши. Питье это разносит раб по кругу слева направо и обратно, как у них принято, богам же они поклоняются, поворачиваясь в правую сторону».

37. В рассказе о Луернии, отце того Битуита, что был убит римлянами, Посидоний пишет, что, добиваясь народной любви, он разъезжал по полям на колеснице, разбрасывая золото и серебро десяткам тысяч сопровождавших его кельтов; огородив прямоугольное пространство стороной в двенадцать стадий, он поставил там чаны, наполненные дорогим вином, сзади же заготовил такие горы, что помногу дней подряд мог угощать всех желающих, не испытывая ни в чем недостатка. Когда же подошел назначенный им конец празднеству, вдруг явился к нему припозднившийся варварский поэт (бард) и принялся оплакивать свое опоздание и воспевать величие вождя; тому это так понравилось, что, приказав подать мешок с золотом, он бросил его бежавшему за колесницей поэту. А тот, подхватив подарок, стал петь, что даже следы, оставляемые на земле его колесницей, несут людям золото и благоденствия.

38. Пишет об этом Посидоний в двадцать третьей книге. А в пятой книге он рассказывает о парфянах [FHG.III.254]: «Приглашенный на пир царский друг не делит с ним стол, но, сидя у подножья высокого царского ложа, по-собачьи подбирает то, что ему бросают на пол; частенько по какому-нибудь пустяку его оттаскивают от этого низменного угощения и бьют розгами или ремнями с вплетенными в них костяшками; весь залитый кровью, он падает ниц и поклоняется своему мучителю как благодетелю». Далее, в шестнадцатой книге, рассказывая историю царя Селев-

- ка, – о том, как, пойдя походом на Мидию, тот был побежден Аршаком и долгое время жил у него в плену, где с ним, впрочем, обращались по-царски, – Посидоний пишет так [FHG.III.258]: «На парфянских пирах царь занимает отдельное ложе, выше всех и в стороне от остальных. Стол ему также ставится отдельный, как обожествленному герою, полный туземных лакомств». Далее, рассказывая в тридцать четвертой книге о Гераклеоне из Бeroи, том самом, который, будучи возвышен царем Антиохом Грипом, чуть было не сверг своего благодетеля, Посидоний пишет [FHG.III.265]: «Когда он обедал, то устраивал пиршество и для солдат, разделяя их по тысячам и размещая на земле под открытым небом. Обед состоял из большого каравая хлеба и мяса; питьем служило любое вино с холодной водой. Служители были вооружены кинжалами, и обед проходил в строгом молчании». А во второй книге он пишет [FHG.III.252]: «Когда в граде римлян во храме Геракла происходит пир, это делается в честь триумфатора и поистине с Геракловым размахом. В течение всей трапезы рекой течет медовое вино, пищей же служат громадные караваны, вареное копченое мясо и в изобилии жареное мясо только что освежеванных жертвенных животных. А у тирренцев роскошные пиры устраиваются дважды в день, расстилаются разноцветные ковры, подается серебряная посуда всякого рода, и стоит толпа красавцев-рабов в дорогих одеждах». Тимей же пишет в первой книге «Истории» [FHG.I.196], что у них за пирами приносят нагие невольницы, еще не достигшие совершеннолетия.

[ПОЕДИНКИ НА ПИРАХ]

39. Мегасфен во второй книге «Истории Индии»⁴⁸ пишет [FHG.II.423], что у индусов на пирах перед каждым ставится стол. Стол этот похож на ящик, на нем стоит золотая чаша, в которую они сначала кладут рис, сваренный так, как у нас каша, затем – множество лакомых яств, приготовленных по-индусски. Германцы же, как повествует Посидоний в тридцатой книге [FHG.III.264], едят на завтрак куски жареного мяса, запивая молоком и неразбавленным вином. У кампанцев иногда устраивают поединки во время пиров⁴⁹. Николай Дамасский, философ-перипатетик, в сто десятой книге своих «Историй» упоминает, что и у римлян на пирах устраивались гладиаторские бои [FHG.II.417]: «Зрелищем гладиаторских боев римляне наслаждались не только в театре, но и, как этруски, на своих пирах. Друзей часто приглашали на обед для того, чтобы сверх всего прочего они посмотрели на две или три пары гладиаторов, которых вызывали, когда гости были уже сыты и пьяны от обеда. Когда гладиатор падал пронзенный, гости рукоплескали от удовольствия. У одного даже в завещании было написано, что он устраивал поединки между самыми красивыми из принадлежавших ему женщин, у другого – то же самое о мальчиках, его лю-

бимцах. Впрочем, народ не вынес такого беззакония и завещание было признано недействительным». Эратосфен в первой книге «Олимпийских победителей» пишет, что кулачные бои у тирренцев происходят под звуки флейты.

40. В двадцать третьей книге своей «Истории» Посидоний пишет [FHG.III.259]: «На пирах кельты часто устраивают поединки. Приходят они с оружием и бьются или с мнимым противником, или, шутя, друг с другом; но иногда случаются и ранения, тогда они приходят в ярость, и, если не вмешаются окружающие, дело может дойти до убийства. В древности, – продолжает он, – за трапезой подавались цельные окорока и самому сильному воину вручалось бедро; если же кто-либо начинал спорить, то они вступали в поединок и бились насмерть. Были и такие, которые в театре собирали с публики серебро или золото, а иные – нужное количество глиняных кувшинов с вином; и, получив ручательство, что сбор сделан и всё будет распределено среди их близких, они растягивались навзничь на больших продолговатых щитах, и стоящий рядом перерезал им горло мечом». Так и Эвфорион Халкидский пишет в «Исторических заметках»: «У римлян предлагается пять мин тому, кто даст голову на отсечение топором при условии, что деньги будут вручены наследникам. Часто записываются несколько и начинают спорить, у кого больше прав на отсечение».

46. Гермипп в первой книге «О законодателях» указывает [FHG.III.36], что первыми ввели в обиход поединки жители Мантинеи по совету их согражданина Демонакта; от них это переняли жители Кирены. Эфор же пишет в шестой книге «Истории» [FHG.I.261]: «С особенным усердием упражнялись в боевых искусствах мантинейцы и аркадяне, так что еще в наши дни древнее военное облачение и оружие называют мантинейским, ибо считается, что придумали их мантинейцы. Кроме этого, в Мантинее впервые стали обучать бою в тяжелых доспехах, приемы которого изобрел Демейя». О том, что обычай поединков очень древний, говорит в «Финикиянах» Аристофан [Kock.I.533]:

Эдиповы два сына двенадменные,
Войною грянув, в бой единоборственный
Вступили по старинному обычаю.

Очевидно, что слово «поединщик» (μονομάχος) происходит не от существительного «бой» (μάχη), но от глагола «сражаться» (μάχεσθαι). Ведь всякий раз, когда в состав сложного слова, оканчивающегося на -ος, входит слово «бой», как в словах «союзник» (σύνμαχος), «сражающийся в первых рядах» (πρωτόμαχος), «открытый для нападения» (ἐλπίμαχος), «противник» (ἀντίμαχος), а также «в битвы влюбленный» (φίλομαχος) Персеев род у Пиндара, составное слово принимает острое ударение на третьем слоге от конца; когда же сложное слово оканчивается на глагол «сражаться», оно принимает острое ударение на предпоследнем слоге, как в словах «кулачный боец» (πυγμάχος), «ведущий морское сражение» (ναυμάχος), «ты сам,

первый боец у врат (πυλωμάχης) у Стесихора, «тяжеловооруженный воин» (ὀπλομάχος), «сражающийся на стенах» (τείχομάχος), «сражающийся на башне» (πυργομάχος).

Комедиограф Посидипп говорит в «Содержателе притона» [Коск. III.341]:

155 Кто в море не бывал, тот не знаком со злом:
Мы, моряки, несчастней поединщиков.

О том, что даже знаменитейшие герои и вожди выходили на поединки, мы уже говорили в других частях книги. Афинянин Диилл пишет в девятой книге «Истории» [FHG.II.361], что, когда Кассандр возвращался из Беотии и устроил в Эгах погребение царя и царицы⁵⁰, а также Кинны, матери Эвридики, он не только почтил их всеми подобающими обрядами, но и устроил поединки между четырьмя своими воинами.

- b 42. Деметрий из Скеписиса рассказывает в пятнадцатой книге «Троянского строя», что «при дворе Антиоха, прозванного Великим, во время трапез танцевали в тяжелых доспехах не только друзья царя, но и он сам. Когда же очередь танцевать дошла до Гегесианакта из Александрии Троадской, автора исторических сочинений, он поднялся и сказал: «Государь! Чего ты больше хочешь: посмотреть, как я плохо танцую, или послушать как хорошо я читаю свои творения?» Ему было велено читать, и он так понравился царю, что удостоился подарка и был включен в число царских друзей».
- c Дурид Самосский пишет в семнадцатой книге «Истории» [FHG.II.476], что Полисперхонт, бывший уже в преклонных годах, первый из македонцев по достоинству и военным заслугам, всякий раз, когда напивался пьяным, пускался в пляс, в шафрановом платье и сикионских башмаках.
- d Агафархид Книдский рассказывает в восьмой книге «Истории Азии» [FHG.III.196], что когда друзья угощали Александра, сына Филиппа, то все лакомства на стол выставлялись завернутыми в золото; а когда их ели, то золотую обертку разворачивали и выбрасывали вместе с шелухой и косточками, чтобы люди видели роскошь царских друзей, а слуги получали свой законный доход. Как быстро позабыли они, – пишет Дурид [FHG.II.470; ср.231b], – что когда Филипп, отец Александра, приобрел золотую чашу весом в пятьдесят драхм, то на ночь он всегда уносил ее с собой и клал под подушку.
- e Селевк пишет [FHG.III.500], что несколько фракийцев на пирушке забавлялись удавкой: сверху подвешивали петлю, а под ней ставили камень, который легко валился на бок, когда на него становился человек. Затем они тянули жребий, и вытянувший его влезал на камень с серпом в руке, на шею ему надевали петлю; другой, проходя мимо, неожиданно ударял по камню, и если человеку в петле, соскользнув с камня, не удавалось быстро перерезать серпом веревку, он повисал мертвый, остальные же заливались смехом, словно его смерть была забавной шуткой.
- f 43. Вот что, друзья мои и сотрапезники, «первейшие меж эллинов», я хотел вам рассказать из того, что знаю о древних пирах».

Очень точно рассказывает о пирах мудрый Платон в первой книге «Законов» [637a]: «Ни в селениях, ни в городах, о которых пекутся спартиаты, не увидишь ты нигде пиршеств и всего, что после них так сильно тянет к всяким удовольствиям. Каждый, кто встретит пьяного гуляку, тотчас налагает на него такое наказание, которое уже не снять под предлогом Дионисийских празднеств. А у вас я видел целые повозки с такими гуляками, да и в Таранте у наших поселенцев во время Дионисий весь город я видел пьяным. У нас же в Лакедемонe ничего подобного не бывает».

[ЧЕЧЕВИЧНАЯ ПОХЛЕБКА]

44. И тут К и н у л ь к [заревел]: «Да чтоб ты сам удавился за этой фракийской забавой! Ты совсем нас вывел из терпения: мы постимся до звезды, как те славные философы⁵¹, которые утверждают, что до ее восхода грех коснуться пищи. «А я, несчастный», – как говорит комик Дифил [Kock.II.558; ср.397f], –

из-за вас, постящихся
Наверно превращусь в рыбу-постника.

Никак позабыли вы прекрасные слова поэта [Од.XVII.176]:

Знаете сами, что вовремя пища вдвое вкуснее.

И как дивный Аристофан пишет в «Кокале» [Kock.I.484]:

Смотри, папаша: припекает солнышко,
Нам, молодым, как раз пора пополдничать!

По мне же куда лучше подкрепиться на манер Пармениска в «Попойке киников», чем, как в бреду, наблюдать кружащиеся вокруг тебя блюда».

Все мы засмеялись и кто-то сказал: «Однако, любезнейший, не откажись рассказать нам об этой парменисковой попойке». И тот, поднявшись на ноги и возвышаясь над нами, торжественно провозгласил:

«"Клянусь вам, мужи", как говорит милейший Антифан в «Фальшивой невесте» [Kock.II.88; ср.TGF². 900]:

Клянусь вам, мужи, я тем самым божеством,
Что нам ниспосылает опьянение!
Гораздо лучше э т о т образ жизненный,
Чем самого Селевка роскошь царская:
Приятней чечевица в безопасности,
Чем мягкая перина в страхе-трепете.

45. Пармениск начинает свое сочинение так: «Пармениск Молпиду привет! Перекормив тебя описаниями пышных пиров, я уже опасаясь, как бы, заработав несварение желудка, ты не стал сетовать на судьбу. Поэто-

e му прошу тебя разделить со мной трапезу, которую давали в доме Кебета из Кизика. Итак, отхлебни чабера⁵² и берись за угощение.

Попал я туда в то время, когда в Афинах праздновали Дионисии. Застал я там полдюжины уже улегшихся киников, вожакom их стаи был мегарец Карней. Начало обеда задерживалось, и затеялся спор, какая вода слаще? Одни хвалили лернейскую, другие – пиренскую, Карней же сказал, цитируя Филоксена [ср.147e]: «омывальная»⁵³. Но вот внесли стол, и мы приступили к трапезе: «...и не успевали мы покончить с одной чечевичной похлебкой, как наливалась за нею другая»⁵⁴. Затем нам вынесли чечевицу в кусусе. Запустив в нее руку, Диитреф возгласил:

Виновнику,
Не дай укрыться, боже, этих... чечевиц⁵⁵.

Следом другой воскликнул [TGF². 857]:

Злой рок пускай и демон чечевичные
Тебя настигнут!

(А я бы здесь процитировал комика Дифила, который говорит в «Пеллеядах» [Kock.II.562]:

– Обед был не обильный, но изысканный:
Пред каждым едоком была поставлена
Большая миска чечевиц.

157 – Начало-то

Не столь уж пышное!

– За ней громадная,
Танцую, в круг слетела наш сапердида,
Вонявшая довольно мерзко.

– Это же
Губан священный⁵⁶, рядом с ним дрозды уже
Не лезут в горло.)

Под смех, покрывший эти слова, в комнату вошли известные гетеры, театральная мешалка Мелисса и песья муха Никион. С изумлением посмотрев на угощение, стоявшее перед нами, они тоже покатались с хохоту. Наконец Никион сказала: «Что же это такое, борононосцы вы этакие! Рыбу не хотите есть? Не то ли с вами случилось, что пишет о Гомере ваш предок Мелеагр из Гадары в своих «Харитах»: Гомер-де был сирийцем и по этим-то отеческим обычаям ахейцы у него не едят рыбы⁵⁷, хотя Геллеспонт кишел ею? Или вы прочли только то его сочинение, в котором он сравнивает гороховую кашу с чечевичной похлебкой? Столько всего у вас приготовлено для варки чечевицы, что посмотришь и скажешь как сократик Антисфен: лучше покончить самоубийством, чем съесть такое!»

c Ей ответствовал Карней: «– Никион! Как пишет во второй книге «Жизнеописаний» перипатетик Клеарх [FHG.II.303], пифагореец Эвксифей говорил, что даны людским душам тело и здешняя жизнь в наказание и

что бог постановил: если они не останутся здесь до тех пор, пока он сам не освободит их, то будут ввергнуты в еще худшие напасти. Потому-то все опасаются господской угрозы и боятся самовольно уйти из жизни, и лишь смерть в старости приемлют с радостью, веря, что освобождение души происходит по господской воле. Вот и мы того же держимся.

«– Нет, но кто же мешает вам избрать один из трех законных способов⁵⁸? Или вам не ведомо, дурни вы эдакие, что тяжелая пища воздвигает преграду вокруг водительствовающей части души⁵⁹ и не дает разумению проникнуть в нее?» (46. Точно: и Феопомп пишет в пятой книге «Истории Филиппа» [FHG.I.286]: «Ведь обжорство и мясоедение отнимают рассудок и обессиливают души, наполняя их гневом, жестокостью и неуклюжестью». И дивный Ксенофонт говорит [«Киропедия».I.2.11], что голодному вкусна и ячменная лепешка, и кусок хлеба, а жаждущему сладка простая вода из реки. И Сократ часто поздним вечером разгуливал перед своим домом, и на вопрос: «Что ты делаешь так поздно?» – он отвечал: «Собираю приправу к ужину».)

«– Нам от вас довольно любого куска, мы и на малый не обидимся, как обиделся Геракл у Антиклида, который пишет во второй книге «Возвращений»: «После своих подвигов Геракл вместе со всеми был приглашен на жертвоприношения к Эврисфею. Когда же сыновья Эврисфея, разнося каждому его долю жертвенного мяса, перед Гераклом поставили очень невзрачный кусок, он счел себя оскорбленным и убил троих: Перимеда, Эврибия и Эврипила». Нет, мы не таковы, хотя во всем остальном мы подражаем Гераклу».

47. Чечевицы не гнушалась и трагедия подчас;
Также, слышал я, однажды живописец Агатарх,
Излечившись об болезни, в благодарность рисовал
Чечевицу на картине, где хлебал ее Орест, –

пишет комедиограф Софил [Kock.II.447]. А стойки верят, что мудрец во всем преуспевает и умело готовит даже чечевичную похлебку. Потому-то Тимон Флиунтский и сказал:

Тот, кто похлебку Зенона разумно не смог приготовить, –

как будто чечевичную похлебку нельзя сварить иначе, чем по наставлению Зенона, сказавшего:

В чечевицу добавь двенадцатую часть кориандра.

И Кратет Фиванский говорил:

Миску большую не ставь перед нами,
Лучше похлебки налей. Восставать нас иначе заставишь.

И Хрисипп приводит в сочинении «О прекрасном» несколько изречений:

Коль есть крапива, не кормись маслинами.
Зимой – увы – суп чечевично-луковый.
В мороз и чечевичный суп – амбросия.

с И милый Аристофан пишет в «Геритадах» [Kock.I.431]:

Варить отвар ячменный учишь ты его
Иль чечевицу?

Также в «Амфиарае» [Kock.I.398]:

Бранишь такое чудо чечевичное?

Эпихарм пишет в «Дионисах»:

В горшке бурлит похлебка чечевичная.

Антифан в «Подобных» [Kock.II.82]:

Как хорошо, когда бы чечевичную
Варить похлебку научил нас кто-нибудь
Из местных жителей.

Известно мне также, что Мнасей из Патр в третьей книге «О Европе» рассказывает, будто у разумнейшего и смышленейшего Одиссея была сестра по имени Чечевица, хотя некоторые называют ее Каллисто; об этом сообщает Лисимах в третьей книге «Возвращений» [FHG.III.339, 152]». d

48. При этих словах Плутарх не выдержал и громко рассмеялся, К и - н у л ь к же, не вынеся поношения своей чечевичной эрудиции, ответил: «Но ведь и вы, Плутарх, жители прекрасной Александрии, выросли на чечевице, и весь город ваш полон чечевичными блюдами. О ней упоминает и пародист факиец⁶⁰ Сопатр, когда пишет в пьесе «Бакхида»:

е Не смог бы я, взирая на чудовищный
Колосс из бронзы, чечевичный хлеб глотать⁶¹.

Ибо –

Что нужно смертным, –

согласно твоему Еврипиду [TGF². 646], о ученейший, –

кроме только двух вещей:
Даров Деметры, чаши щедро льющейся?
Всегда ведь под рукой они и созданы,
Чтоб нас питать. Однако недостаточно
Обилья их: мы гонимся за средствами,
Что доставляют трапезу роскошную.

И в других стихах говорит сценический философ:

f За трезвым пиром довольно мне
И скромной пищи; а всё, что сверх
И что не ко времени, прочь гоню.

И Сократ говаривал, что он отличается от остальных людей тем, что они живут, чтобы есть, а он ест, чтобы жить. И Диоген отвечал укорявшим его за у всех на виду рукоблудие: «Вот кабы так же, потирая живот, я мог бы

избавиться от голода и нужды». Еврипид же говорит в «Просительницах» о Капанее [801; ср.250f]:

Вот Капаней: он очень был богат,
Но вовсе не заносчив, никакой
В нем не было гордыни, словно в бедном.
Чревоугодников он избегал,
Стыдящихся простой еды; считал он,
Что доблесть не в желудке, что довольно
Немногого, чтоб жить.

159

49. Ибо не похож был Капаней на сребролюбцев, которых описывает прекрасный Хрисипп в трактате «Предметы, которых не должно добиваться ради них самих»: «До такой степени некоторые впадают в сребролюбие, что один, говорят, перед самой смертью проглотил немало золотых монет и так умер; а другой зашил золото в рубашку и, надев ее, наказал домашним похоронить его прямо так, не сжигая тела и не совершая над ним никаких обрядов». Вот такие и подобные им господа голосят даже при смерти⁶² [TGF². 456, из утерянной «Данаи» Еврипида]:

b

О злато, ты для смертных – дар прекраснейший!
Таких утех не знает ни семейства мать,
Ни дети в доме, ни отец заботливый,
Какие ты даешь, тобой владеющим.
Когда глаза Киприды тем же пламенем
Горят, что злато, то зачем дивиться нам
Тому, что верно служат ей влюбленные.

c

Такова была страсть к деньгам у людей того времени, что, когда Анахарсиса спросили, для чего эллинам деньги, ответил: «Для пересчитывания». Диоген же, устанавливая законы для своего идеального государства, велел в качестве денег использовать бабки. Прекрасны и такие слова Еврипида [TGF². 368]:

Не говори мне о богатстве! Я не чту
То божество, что отдается с легкостью
Последнему мерзавцу.

Хрисипп рассказывает во введении к трактату «О Добре и Зле», что однажды в Афины прибыл из Ионии один молодой богач в пурпурном плаще с золотой каймой и на вопрос, из чьих он будет, ответил: «Из богачей». Возможно, этот самый молодой человек упоминается и в следующих стихах из «Фиванцев» Алексида [Kock.II.326; ср.: Плавт.«Пленники».II.2.27]:

d

– Какого рода он?

– Из состоятельных:

Все называют их высокородными,
Но бедняка не видят благородного.

[ПЕРЕБРАНКА О КИНИКАХ]

e 50. Вот что сказал К и н у л ь к, но не удостоился аплодисментов слушателей и потому воскликнул: «Распорядитель пира! Видно, эти господа страдают словесным поносом и совершенно не испытывают голода? Или же они смеются над моими словами о чечевице, вспоминая стихи из «Ко-рианно» Ферекрата [Kock.I.163]:

– Давай, улягусь, ты же стол мне вынеси,
Закуску, чашу – будет пить приятнее.

– Вот чечевица, килик, вот и стол тебе.

– Как чечевица? Даже не подумаю

Я есть ее! О Зевс, ведь после этого

f Воняет изо рта.

Так вот, если наши мудрецы по этой причине воздерживаются от чечевицы, прикажи подать, по крайней мере, мне чечевичных хлебцев, а к ним чего-нибудь попроще, вроде чечевичной похлебки или “конха”⁶³. Когда же все громко рассмеялись, прежде всего над «конхом», он заявил: «Сот-
160 рапезники мои! Да вы неучи, не читающие книг, которые одни только могут воспитать людей, влекущихся к прекрасному: я говорю о «Силлах» пирроновца Тимона. Ведь именно он упоминает о конхе во второй книге:

Не по душе мне лепешка теосская или мясное
Лакомство Лидии дальней⁶⁴, но в конхе дешевой и грязной
Эллинская нищета мне пышную роскошь находит.

Несмотря на то, что ячменные лепешки с Теоса великолепны, также как и эретрийские (об этом свидетельствует в «Спутниках Вакха» Сопатр:

b Мы устремились в Эретрию, град, счастливейший
Мукой ячменной), –

тем не менее и ей, и лидийскому мясному рагу Тимон предпочитает конха».

51. На это ему ответил сам наш хлебосольный хозяин Л а р е н с и й: «Мужи-псы! ...[лакуна]... как говорит Иокаста у Страттида в комедии «Финикинянки» [Kock.I.724; ср.: Еврипид.«Финикинянки».460]:

Совет вам мудрый я подать хотела бы:
Когда варить вы чечевицу приметесь,
Не подливайте мирры!

И Сопатр, на которого ты только что ссылался, упоминает об этом в «Вы-
звании мертвых» [ср.: Еврипид.«Киклоп».101]:

c Здесь Одиссей с Итаки! – в чечевичную
Похлебку мирра. Укрепись, мой дух!

«Мирра в чечевичную похлебку»⁶⁵ – эти слова перипатетик Клеарх в трактате «О поговорках» [FHG.II.320] приводит в качестве поговорки. Упомянул об этом выражении и мой предок Варрон, прозванный Мениппей-
цем⁶⁶, тогда как большинство римских грамматиков, не общавшихся [как

он] с таким множеством эллинских поэтов и прозаиков, не понимало, откуда Варрон взял этот ямбический стих. Ты же, Кинульк, (тебе так уж нравится это прозвище, что ты никогда не вспоминаешь об имени, которым при рождении назвала тебя мать), хоть и кажешься мне, говоря словами твоего Тимона [ср.: Од. I.301], «велик и прекрасен», однако сам не знаешь, что слово «конх» впервые встречается у Эпихарма в «Празднествах» и «Островах», а также у комедиографа Антифана, который его употребил в уменьшительной форме в комедии «Свадьба» [Kock. II.40]:

Конхичек малюсенький

Да с ним кусок колбаски.

Тут слово перехватил М а г н, воскликнув: «Наш во всем превосходный Ларенсий был просто великолепен, когда так изящно и смело отбивал конх у этого пузатого кобеля! Я же, по словам из «Галатов» пафийца Сопатра:

...в обычае которых всякий раз,
 Когда одержат верх над неприятелем,
 Немедля взятых пленников поджаривать⁶⁷
 Богам великим в жертву. Подражая им,
 И я даю обет поджарить в честь богов
 Трех подложных горе-диалектиков.
 Послушав, как вы складно рассуждаете,
 Слагая словеса, призвавши к стойкости,
 Устрою я проверку ваших догматов,
 Огонь раздую и коли замечу я,
 Что кто-нибудь из вас ногой задрывает, –
 Того продам наследнику Зенонову⁶⁸,
 На вывоз, коли нету разумения.

52. Я же скажу им откровенно: если ты любишь самодостаточность, философ, то почему не подражаешь тем пифагорейцам, о которых Антифан в «Могилах» [Kock. II.76] говорит так:

Там жалкие попались пифагоррики:
 В канаве ели травы и такую дрянь
 В котомку собирали...

А в комедии «Котомка» Антифан говорит [Kock. II.67]:

Во-первых, подражая Пифагору, он
 Не ест живого вовсе: на обед возьмет
 Он хлеба пригорелого и жрет его.

Алексид в «Тарентцах» [Kock. II.378]:

– Слышал я, что они, пифагорейщики,
 Ни рыбы не едят, и ничего вообще
 Живого, и вина одни не пьют совсем.
 – Да, но Эпихарид-то, тот ведь ест собак,
 А он – пифагореец.

– Но убив пред тем:
 Убитое ведь больше не живое...

Ниже Алексид говорит еще:

с

Ученья Пифагора, рассуждения
Тончайшие и мысли изощренные
Питают их, а пища их повседневная –
По булке хлеба чистого на каждого,
Стакан воды и всё.

– Еда тюремная!

Ужель все мудрецы таким же образом
Живут и горе мыкают злосчастное?
– Роскошествуют эти по сравнению
С другими! Знаешь ты, что их товарищи
Меланнипид и Фаон, Фиромах и Фан
Обедают лишь раз в пять дней, не более
Одной котилы ячменя на каждого?

И в «Пифагорействующей» [Kock.Π.370]:

d

А вот какое будет угощение:
Сухие фиги, выжимки масличные
И сыр – пифагорейцам не велит закон
Иного в жертву приносить – свидетель Зевс!
На славу приношенье, лучше некуда!

И чуть дальше:

И нужно выносить недоеданье, грязь,
Молчанье, холод, мрачный вид, и без мытья.

53. Ничего-то из этого вы, философы, не придерживаетесь, но, что самое досадное, болтаете о вещах, вам недоступных, и, как обжоры с претензией на изящество, набиваете себе рты по Антифану. В «Охотнике за беглыми рабами» этот милый поэт пишет [Kock.Π.46]:

e

В пригоршню набирая пищу чопорно,
(Снаружи выставя долю малую,
Внутри ж кулак набит), точь-в-точь как женщины,
Сожрал он дочиста лохань громадную.

И он же пишет в «Шмеле», как просто [Kock.Π.37]

На драхму закупить всего, что надобно:
И чесноку, и сыру, луку, каперсов...

Аристофонт в «Пифагорейце» [Kock.Π.279]:

f

Помилуй, бог! Ужели в старину и впрямь
Пифагорейцы все ходили грязными
И рубища носили с удовольствием?
По-моему, неправда это чистая:
Но по нужде и не имея ни гроша,
Предлог удобный нищете придумали,
Ввели ограничения полезные

Для бедных. А попробуй только им подать
 Мясца иль рыбки – коли не сожрут всего
 И не оближут пальчиков, то пусть меня
 Повесят десять раз!

Уместно было бы напомнить написанную в вашу честь эпиграмму, которую цитирует в шестой книге «Записок» Гегесандр Дельфийский [FHG.IV.413]: 162

Брове-высоко-заломы и в-бороды-носо-запраты,
 Мешко-борода-хлыщи, миско-воришко-плуты,
 Коротко-плаще-задиры и дико-босо-в-землю-глядя,
 Ночью-съедалы-тайком, шур-шур-в-потемках-с-грехом,
 Отроко-за-нос-водилы и вычурно-слог-бормоталы,
 Мудрые-вздорным-умом выродки-благо-ловцов.

b

54. И Архестрат из Гелы в своей «Гастрологии»... Это, кстати, единственный эпос, который вы, мудрецы, признаете; единственное же пифагорейское правило, которое вы соблюдаете по неумению говорить, это обет молчания; кроме того, вы обожаете «Искусство любви» киника Сфодрия, декламации «Любовных рассказов», которые устраивает Протагорид, а также «Застольные беседы» приятного философа Персея, составленные из воспоминаний Стилпона и Зенона. В них он разбирает, как нужно делать возлияния, чтобы застольники случайно не заснули, когда можно вводить мальчиков и девиц на застолье, когда допускать их до заигрывания и когда отправлять обратно с презрением; говорит он также об изысканных кушаньях, о разных видах хлеба и обо всем прочем. С такой же обстоятельностью рассуждает и о том, что сын Софрониска говорил о поцелуях, – а за это, по словам Гермиппа [FHG.III.48], Антигон доверил ему Акрокоринф; но Персей ударился в пьянство и в результате бежал не только из крепости, но и из самого Коринфа, побежденный военной ловкостью Арата Сикионского. В «Беседах» он первым возражает Зенону насчет того, будто мудрец и полководцем будет хорошим, – хотя только он один [среди стойков] проверил это утверждение на деле – он, этот Зенонов домочадец! По этому поводу неплохо выразился Бион Борисфенский, когда, увидав медное изваяние, подписанное: «Персей, Зенонов Китиец (Κιτιῶς)», сказал, что подписавший ошибся и что надо было написать так: «Персей, Зенонов домочадец»⁶⁹ (οἰκητιῶς). Персей и в самом деле родился в доме Зенона, как повествуют Никий Никейский в своей «Истории» о философах и Сотион Александрийский в «Преемствах [философов]». Сейчас нам известны две записи этого мудрого Персеева труда, с одинаковым названием «Застольные беседы». c d

55. Как свидетельствует Антигон Каристийский в «Жизнеописаниях [философов]», знакомец Менедема халкидец Ктесибий на вопрос, что дала ему философия, ответил: «Бесплатные складчинные обеды». Поэтому и Тимон сказал, обращаясь к нему [пародия на Ил.I.225]: e f

Блюдобезумец с очами елени, душой непроторной.

163 Ктесибий был большим остроумцем и всех смешил веселыми шутками, поэтому его охотно приглашали на попойки. Не таков ты, киник, ни разу в жизни не принесший жертвы Музам, что уж говорить о Харитах! Добродетель бежит от тебя и тебе подобных, находя прибежище подле Наслаждения, как пишет в своей эпиграмме сикионец Мнасалк:

Здесь я, несчастная Доблесть, печально у ног Наслажденья
В трауре ныне сию, кудри обрезав свои.
Горько дух мой стенает сраженный: ведь все полагают,
b Что вредоносная сласть истинно лучше меня.

А комедиограф Батон пишет в «Убийце» [Kock.III.326]:

Зову сюда я истинных философов,
Таких, что для себя не ищут выгоды,
А ищут на прогулках и в собраниях
Разумное, как бы раба сбежавшего⁷⁰.
Зачем, имея капитал достаточный,
Ты, нечестивец, ходишь трезв, как стеклышко?
Зачем богам такое оскорбление?
Зачем себя дороже деньги ценишь ты
c И выше, чем природа им назначила?
Хоть воду пьешь, ты бесполезен городу,
Купцу и земледельцу только пакостишь;
А я вот, пьяный, поднимаю прибыли.
Потом флакон с утра везде таскаешь ты,
Пытаясь разглядеть, а есть ли масло в нем,
А кажется, что ты с часами носишься⁷¹.

d 56. Так вот, Кинульк, Архестрат [ср.162b], перед которым ты, брюха ради, преклоняешься, как перед Гомером, – «нет в мире прожорливей брюха!», согласно твоему Тимону [ср.279f], – Архестрат в рассказе об акулах пишет вот что [ср.310c-e]:

Только немногие знают из смертных о лакомстве этом
Иль соглашаются есть, потому что они обладают
Смертной душой простофиль и бессилием разум разбит их.
Что ж говорят в оправданье они? Человеческим мясом
Тварь-де питается эта – как будто не всякая рыба
Станет охотно глотать человечину, коль повезет ей.
Стало быть, надо им всем, болтающим глупости эти,
Было давно перейти к растительной пище от мяса
e И к мудрецу Диодору отправившись, благодно вместе
Пифагорействовать с ним.

Диодор этот родом был аспендиец и, хотя слыл пифагорейцем, жил на манер киников: отпускал длинные волосы, не мылся в бане и ходил босиком. Некоторые даже посчитали, что длинноволосая грива и есть исконно пифагорейская прическа, однако по свидетельству Гермиппа [FHG.III.42], такая мода была введена именно Диодором. Тимей из Тавромения рассказы-

вает о нем в девятой книге «Истории» так [FHG.I.211]: «Диодор, родом аспендиец, ввел в моду причудливый вид и распускал слухи о своей близости к пифагорейцам. Стратоник послал к нему вестника, наказав при отъезде передать свои слова:

f

Пифагорову приспешнику, наполнившему Стою
И безумством зверовидным, и надменностью осадной».

Сосикрат же рассказывает в третьей книге «Преемств философов», что Диодор, подстрекаемый необычайным тщеславием, ввел в моду длинные бороды⁷², короткие плащи и косматые волосы, тогда как до него пифагорейцы ходили в белых одеждах, мылись в банях, умащались маслом и стригли волосы по привычной моде.

164

57. Если же вы, философы, действительно привержены самодостаточности и простоте трапез, зачем же вы явились сюда без зова? Неужели, придя в «распутный дом» (τὸ ῥαώτιον), вы приметесь изучать тамошнюю поварскую утварь или декламировать Диогенова «Кефалиона»? Ведь, согласно Софоклову «Кедалиону» [TGF². 202]:

Вы, негодяи, порки лишь достойные,
Добра чужого воры-пожиратели.

У вас, философов, все помыслы только и направлены на пиры, тогда как вы должны бы просить дать поесть (ἐλεσθείν), или, вернее, пожрать (ἐπιφαγεῖν) чего-нибудь из вашей кинической пищи – негоже мне *юлить языком* (χαρτοῦσσεῖν) перед вами! Это ясно из того, что описывает Алесид в пьесе, озаглавленной «Лин» [Kock.II.345]. В ней изображается Геракл, обучаемый Лином; ему велят выбрать для чтения какую-нибудь из разложенных книг. Геракл же, схватив кулинарную книгу⁷³, вцепляется в нее обеими руками. Лин говорит так:

b

Л и н. Пойди, возьми какую хочешь книжицу.
Перечитай заглавия внимательно
И выбери; потом в досужий час прочтешь.
Здесь есть Орфей и Гесиод, трагедии,
Херил, Гомер и Эпихарм, есть всякая
Литература. Этим обнаружишь ты
Свою наклонность.

c

Г е р а к л. Вот она, беру ее!

Л и н. Скажи, какая книга.

Г е р а к л. Кулинарная,

Так говорит заглавие.

Л и н. Ты истинный
Философ! Это ясно, ведь из множества
Ты сочиненье Сима выбрал.

Г е р а к л. Кто же он?

d

Л и н. Отменный муж! Сейчас ушел в трагедию:
Его первейшим поваром из трагиков
Считают театралы, лучшим трагиком

Из поваров считают наниматели...

.....
Л и н. Ты болен голодом.

Г е р а к л. Что хочешь говори,
Но я проголодался, знаешь сам».

58. После того как Магн бодро пробежался по всем этим цитатам, К и н у л ь к возопил, обращаясь к присутствовавшим философам:

е «Видел ты как бесновалась фасосская буря⁷⁴, как выла?
Полною мерою щедро отмстил он и без промедленья.
Прямо скажу, не похоже на споры слепца и глухого, –

как пишет в «Архилохах» Кратин [TGF². 857; Kock.III.616]. Ведь забыл он, на какой суд выносит эти ни в чем не повинные ямбы! Однако врожденные чревоугодие и угодливое «сладкоречие» (ἡδυλογία) подстрекают его исполнять дикие песни, «бессмысленных мелодий вой под гром безжалостных кимвалов» [TGF². 857; Kock.III.616]. Прощеголяв дурным вкусом, он обходит дома честных граждан, вынюхивая, где готовят пир попышней, namного превзойдя пресловутого афинянина Хэрефонта, о котором Алексид пишет в «Изгнаннике» [Kock.II.391; ср.229b]:

165 Всегда уловку Хэрефонт придумает,
Чтоб на обед попасть без взноса складчины.
Где только вывешен горшочек глиняный, –
Знак найма поваров, – с утра он тут как тут:
Стоит и ловит нанятого повара,
Выспрашивает, что здесь затевается
И кто хозяин пира; если ж улучит,
Как двери открывают, – входит первым он.

Подобно нашему достойному Магну, господин этот ради брюха не остановится даже перед заморским путешествием. Об этом написал тот же Алексид во «Вместе умирающих» [Kock.II.374]:

В Коринфе напросья на угощение,
Наш Хэрефонт сейчас несется по морю:
Настолько сладок пир чужой!

б И Феопомп в «Одиссее» [Kock.I.743; TGF². 647]:

У Еврипида, знаю, метко сказано:
Воистину блажен, кто съел обед чужой».

59. После этих слов, когда вся наша компания отсмеялась, У л ь п и а н сказал: «Но откуда взяли эти сладострастные грешники выражение «сладкоречие» (ἡδυλογία [см.164е])?»

На что К и н у л ь к: «Знай же, свинина ты под соусом, комедиограф Фриних пустил выражение «говорить сладкие речи» в стихах из пьесы

«Эфиальт» [Kock.I.370]:

Очень трудно, сограждане, стало сейчас
 уберечься от этих нахалов.
 Стрекало в пальцах есть у них какое-то,
 Юности цвет мизантропной!
 Когда рынок обходят, со всеми всегда
 говорят они сладкие речи (ήδυλογεῖν),
 Но когда заседают они на скамьях,
 тут уж тем, кому сладенько лестили,
 Расцарапают раны глубоко, и все,
 как один, заливаются смехом».

с

Словом же χαριτοῦλωσσεῖν [«юлить языком»; ср.164b] воспользовался Эсхил в «Прометее прикованном» [297]:

А что искренне слово – узнаешь. Тошны
 Мне юлящие, лстивые речи.

d

[МОТЫ И КУТИЛЫ]

И снова слово взял У л ь п и а н: «Любезные друзья! Какая поварская утварь используется на кухне [164b]? Ведь в рассказе об аркадских пирах о ней говорилось, как о предмете, достойном упоминания [149a]. И с чем связано выражение «распутный дом» (τὸ ῥωτίον) [164a]? Я знаю, конечно, о знаменитых мотах; одного из них упоминает в «Девушке с Книда» Алексид [Kock.II.333]:

В два года Диодор (уж эта бестия!)
 В мяч округлил отцовское имущество:
 Так он сжевал его стремительно.

В «Федре» же он пишет [Kock.II.387; ср.58a]:

е

«Едва ли» ты сказал? Пресветлый Гелиос!
 Малыш Эпихарид добро отцовское
 В пять дней скатал и округлил стремительно,
 Как мячик.

60. И Ктесипп, сын Хабрия, дошел в мотовстве до того, что ради своих прихотей продал камни с отцовского памятника, на сооружение которого афиняне потратили тысячу драхм. Дифил, во всяком случае, в «Заупокойных жертвах» пишет так [Kock.II.552]:

Фэдим! Когда бы не был другом мне Ктесипп,
 Сын Хабрия, я внес бы, как мне кажется,
 Закон бесполезный, чтобы памятник
 Его отца закончить хоть когда-нибудь,
 По камню добавляя каждый год туда,
 По камню, и большому, и дешевому,
 Чтоб впору было на телеге вывезти.

f

Тимокл в «Демосатирах» [Kock. II.452]:

166

Сын Хабрия Ктесипп и то не бреется
Три раза в день, а уж на что сияет он –
Не средь мужчин, хотя бы между дамами.

И Менандр в «Гнев» говорит о нем [Kock. III.105]:

b

И я, жена, был юн, да только в юности
Не мылся в день пять раз; теперь – пожалуйста!
Хламиду не носил – теперь ношу ее,
Не умащался – ныне умащаюсь.
Вот я покрашусь, волосы повыщиплю,
И буду я, клянусь, не человек – Ктесипп!
Совсем как он, проем не только землю я,
Но даже камни все проем могильные.

Пожалуй, именно из-за его мотовства и разврата Демосфен умолчал о нем в речи «[Против Лептина] об изъятиях» [20]. Кто промотал отцовское достояние, тех следует наказывать так, как говорит Менандр [в «Судовладельце», Kock. III.102]:

c

О, мать-земля! Для человека умного
Какое ты бесценное сокровище!
Пусть промотавший отчее имение
Вовеки только по морю и плавает,
Ногой на сушу не ступив, пусть чувствует,
Что он имел и потерял по глупости!

61. Был еще мот Пифодел, о котором упоминает в «Тирренце» Аксионик [Kock. III.102]:

А вот и Пифодел, «танцором» прозванный,
К нам приближается, а по пятам за ним
Плетется Фига, пьяная тимпанщица,
«Иссохшая и палками забитая».

d

Мота Полиевкта высмеивает в «Терее» Анаксандрид [Kock. II.156]:

– Ты будешь зваться Петушком.
– За что, скажи
Богини ради Гестии? За то ль, что я,
Как Полиевкт, проел добро отцовское?
– Конечно, нет; а потому что ты, самец,
Был самками заклеван.

e

Феопомп в десятой книге «Истории Филиппа» [FHG.I.293] (некоторые отрицают подлинность последней ее части, где речь идет об афинских демагогах) пишет, что мотом был и демагог Эвбул. Дословно это место звучит так: «Даже тарентинцев превзошел он в мотовстве и жадности: те были всего-навсего невоздержны в своей страсти к пирушкам, тогда как он постоянно расходовал [на это] деньги афинян, даже предназначенные на

плату наемникам. А вот демагог Каллистрат, сын Калликрата, – продолжает он, – хотя тоже не знал меры в развлечениях, но радел о государственных интересах». Далее, рассказывая в пятьдесят второй книге «Истории» о тарентинцах, он пишет так [FHG.I.322]: «Город Тарент чуть ли не каждый месяц приносит в жертву быка и устраивает угощения на общественный счет; народ же всё время проводит в компаниях за чашей вина. Оправдываются тарентинцы примерно так: тогда как все остальные люди в своих трудах и промыслах только собираются жить, они среди развлечений в своих компаниях не готовятся жить, но уже живут».

62. Как проматывал жизнь царь Филипп со своими товарищами, пишет тот же Феопомп в сорок девятой книге «Истории» [FHG.I.320]: «После того как Филипп стал обладателем неслыханных богатств, он не просто их быстро потратил, нет, он спустил их, бросил на ветер. Как сам он был никуда не годным хозяином, так и его окружающие. Попросту говоря, никто из них не умел вести хозяйство, живя просто и скромно. Виновником этого был сам Филипп: ненасытный в стремлении к роскоши, он и брал и раздавал добро с одинаковой легкостью: у него, воина, не было времени подсчитывать доходы и траты. К тому же его товарищи, устремившиеся к нему со всех концов земли, – одни были местные, другие из Фессалии, третьи из остальной Эллады – подбирались не по достоинствам; напротив, сколько ни было среди эллинов или варваров распутников, мерзавцев и наглецов, почти все они, собравшись в Македонии, назвались товарищами Филиппа. Да и окажись там человек иного склада, в водовороте македонской жизни он быстро бы уподобился остальным и перенял их привычки. Как войны и походы, так и [мирная] расточительность жизни не только пробуждала в них непристойную наглость, но и доводила до распутства, почти разбойничьего».

63. Дурид, рассказывая в седьмой книге «Македонской Истории» о том, каким мотом был кипрский царь Пасикипр, пишет в частности следующее [FHG.II.472]: «Отпуская после [завершения] осады Тира Пнитагора, Александр наградил его, кроме всего, и крепостцой, которую тот попросил. Царствовавший в ней прежде Пасикипр был вынужден из-за своей расточительности за пятьдесят талантов передать ее, а вместе с нею и царскую власть китийцу Пигмалиону. Получив деньги, Пасикипр провел свою старость в Аматунте». Как утверждает Деметрий Скепсийский, ссылаясь на свидетельство Архилоха, таким же мотом был и коринфянин Эфиоп: когда он плыл вместе с Архием [в Сицилию], где тот намеревался основать Сиракузы, то по крайней своей невосдержности и чувственности он за медовую коврижку продал приятелю свой надел, который должен был получить в Сиракузах.

64. Гегесандр рассказывает [FHG.IV.415], что до великого беспутства дошел Деметрий, потомок Деметрия Фалерского. Он держал любовницу, Аристагору из Коринфа, и утопал в роскоши. Когда же члены ареопага вызвали его и приказали жить поскромнее, он ответил: «Да я и теперь жи-

фу, как подобает свободному человеку: и подружка у меня самая красивая, и не обижаю я никого, а что я пью хиосское вино и позволяю себе много других удовольствий, так это всё на свои деньги; а взятку я не беру и не развратничаю тайком, как иные из вас». И он назвал поименно некоторых из тех, кто так поступал. Услышав об этом, царь Антигон⁷⁵ назначил его фесмофетом⁷⁶. На Панафинейх, исполняя должность начальника конницы, Деметрий воздвиг для своей Аристагоры возле герм помост выше самих герм⁷⁷. А на элевсинских мистериях он поставил для нее кресло возле самого храма Деметры, говоря: «кто поперечит, тот пожалеет».

168 65. О том, что в старину члены ареопага и вправду вызывали в суд и наказывали тех, кто жил беспутно и не по средствам, рассказывают в своих историях Фанодем [FHG.I.368], Филохор [FHG.I.394] и многие другие. Так вызвали философов Менедема и Асклепиада, тогда еще молодых и бедных, и спросили их, как это они ухитряются, бездельничая целые дни среди философов и при этом не имея никакого имущества, сохранять крепость тела. Обвиняемые попросили вызвать в суд одного мельника; тот явился и показал, что они каждую ночь приходят к нему на мельницу и там мелют муку за две драхмы на обоих. Судьи удивились и назначили им почетную награду в двести драхм. Также жители Абдеры судили Демокрита, обвинив его в том, что он расточил отцовское имущество. Но когда, прочтя им «Большой мирострой» и «Об Аиде», Демокрит сказал, что именно на это он истратил наследство⁷⁸, то был оправдан.

66. Те же, кто кутит не на этот манер, а по словам Амфида [Kock.II.248],

пьют день за днем,

c расстраивая себе мозги неразбавленным вином⁷⁹, или, говоря словами Дифила [Kock.II.577], «имеют три главы, как Артемида⁸⁰», – те, «словно враги собственного имущества, – пишет в сочинении «О характерах» Сатир [FHG.III.164], – опустошают свое поле, разоряют жилище, расхищают имущество, считают не то, сколько потрачено, а сколько собираются потратить, не то, сколько уцелеет, а сколько расточат. В молодости они проматывают доходы, на которые должны были жить в старости, радуясь гетере, а не другу, вину, а не сотрапезнику». Агафархид Книдский пишет в двадцать восьмой книге «Европейской истории» [FHG.III.193]: «В Спарте эфоры воспретили Гносиппу общаться с юношами, потому что он показал себя мотом». Римляне же, как пишет в сорок девятой книге «Истории» Посидоний [FHG.III.265], до сих пор помнят некоего Апикия⁸¹, превзошедшего мотовством целый свет. Этот самый Апикий стал виновником изгнания Рутилия, издавшего свою «Историю Рима» на греческом языке. О другом Апикии, тоже славившемся мотовством, мы уже говорили в предыдущих книгах [см.7а].

67. Диоген Вавилонский пишет в сочинении «О знатности»: «Не было афинянина, который не ненавидел бы Фока, сына Фокиона; всякий встречный говорил ему: «Ты, опозоривший свой род!» Он расто-

чил на распутство всё отцовское имущество и после этого принялся угодливо заискивать перед начальником гарнизона Мунихии, и этого ему тоже не простили. Когда однажды шел сбор добровольных пожертвований, он вышел к собранию и сказал: «Я тоже жертвую», но все афиняне в один голос воскликнули: «На бесчинства!» Фок к тому же был и пьяница. Когда он одержал победу в конных состязаниях на Панафинейях⁸², отец устроил угощение для его друзей. Когда они явились на пышный пир, то им вынесли тазы для омовения ног, наполненные вином с благовониями. Увидев это, отец подозвал Фока и сказал ему: 169 «Неужели ты не остановишь своего приятеля? Ведь он губит твою победу!»⁸³».

Мне известно еще множество других кутил, однако с ними разбирайтесь сами, кроме, пожалуй, Каллия, сына Гиппоника⁸⁴, которого знают даже рабы, провожающие в школу детей. Что же касается остальных предложенных мной к обсуждению предметов [ср.165d], то если вам есть что сказать, «раскрыл я широко ушей врата». Итак, отвечайте, да не забудьте о тех выражениях, которые употребил Магн: *поедать* (ἐλεσθ(ε)ῖν) и *пожрать* (ἐλιφάγεῖν) [ср.164b]».

Ему ответил Э м и л и а н: «"Распутный дом" – это выражение Страттида в «Хрисиппе» [Kock.I.726]:

Но даже если не найдет он времени
Передохнуть, или в распутный дом зайти,
Или с прохожим поболтать на улице...

b

[ПОВАРСКАЯ УТВАРЬ]

68. Перечисление поварской утвари дает в «Кифареде» Анаксипп [Kock.III.300]:

Дай уполовник, да двенадцать вертелов,
Три чашки, вилку, ступку, терку сырную,
Нож для взрезанья шкуры, резаков больших
Четыре, топорище, тазик маленький –
Не опоздай, богопротивный! Да возьми
Еще колун, подставку сковородную.

c

В пьесе «Женщины, захватившие палатки» Аристофан называет горшок для варки «каккаб» (κακκάβη) [Kock.I.515]:

– И каккаб на огонь поставь!
– Учительский?

Также в «Поджаривателях» [Kock.I.445]:

Оттуда принеси каккаб!

Антифан в «Приверженце фиванцев» [Kock.Π.105; ср.622f]:

d

Всё есть у нас! И даже соименная
С той, что в дому, угрица беотийская,
В глубинах каккаба томится, булькает,
Всплывает, прогревается.

Однако в «Эвтидике» Антифан называет [горшок] «батанион» [Kock.Π.49]:

...затем нарезанный,
В батанионах осьминог отваренный.

Также Алексид в «Асклепиоклиде» [Kock.Π.306; ср.107d]:

С моим талантом поварским в Сицилии
Я стряпать наловчился самоучкою,
И заставляю едоков батании
Зубами грызть подчас от удовольствия.

Антифан в «Свадьбе» пишет его через π – патанион [Kock.Π.40]:

e

Патанион, лук, соль, горшки, светильники,
Оливковое масло, блюда, кориандр,
Да свекла, сильфий.

Филетэр в «Энопионе» [Kock.Π.234]:

Вперед пускай Патаний выйдет, повар!

И еще:

Подозреваю, больше ждет Патания
Учеников, чем было у Стратоника⁸⁵.

В «Парасите» же Антифан пишет и следующее [Kock.Π.85]:

– Другой придет за этим, преогромнейший,
Займет весь стол он, благородный⁸⁶.
– Говоришь

О ком ты?

– О создании Каристия,
Бурлящем, земнородном.

f

– Да ответишь ли?
– Я говорю о каккабе, но мискою
Его назвал бы ты.

– Да мне и дела нет!
Зови его хоть каккабом, хоть *ситтибом*⁸⁷,
Мне лишь бы знать, что дело о посудине.

Эвбул же в «Ионе» употребляет формы «батанион» и «патанион» одновременно [Kock.Π.177]:

И чаши, и батании, и каккабы,
И миски, и патании, звенящие
На все лады, – да если б стал перечислять,
Я никогда бы не закончил.

69. Перечень ПРИПРАВ (НΔΥΣΜΑΤΑ) у Алексида имеется в комедии «Котелок» [Kock.II.343; ср.: Поллукс.VI.66]: 170

- И мне здесь не оправдывайся, «нету, мол».
- Я всё достану, лишь скажи, что надобно.
- Ну хорошо. Сходи, добудь кунжута мне.
- Он есть у нас.

– Неси аниса, сельфия,
Тимьяну, чеснока, душицы, каперсов,
Горчицы, сумаха (ροῦν), шалфея, сесели.
Укропу захвати, дробленный виноград,
Сушеный кориандр с цветной капустою,
Да руту, тмин, порей, еще вареное
Возьми-ка сусло.

b

Другой перечень – в «Ночной страже» или «Поденщиках», где повар жалуются [Kock.II.362]:

За всем, что нужно, сбегать и повыспросить
Я должен. Ты пришел и хочешь ужинать,
А у меня, как на беду, ни уксуса,
Ни суслы, ни душицы, ни укропчика,
Ни фиги, ни оливки, ни миндалины,
Ни чеснока, ни луковки, ни тыковки,
Ни соли, ни яичка, ни огня, ни дров,
Ни тмина, ни жаровни, ни посудыны,
Ни кадки, ни веревки, ни колодезя,
Ни винной бочки. Я стою один, как перст,
С ножом в руках и крепко подпоясанный.

c

И в «Заблудшей» [Kock.II.367]:

В кастрюлю крупную
Душицы положи⁸⁸, поверх ликер налей,
Разбавь его, как должно, едким уксусом,
Затем подкрась вареным суслом, сельфием,
И размешай, как должно.

«Поедать» (ἐπεσθ(ε)ῖν) сказано у Телеклида в «Пританах» [Kock.I.215; ср.486a]: «поедающего сыр»; а «пожрать» (ἐπιφαγεῖν) в «Таксиархах» Эвполида [Kock.I.328]: d

Три соленые маслины, да малютка-луковка –
Больше нечего пожрать.

И у Аристофана в «Плутосе» [1005]:

А раньше всё готов был жрать от бедности.

70. Наряду с поварами приглашались и так называемые «устроители стола» (τραπέζοιοίς). В чем состояли их обязанности, видно из «Метэ-

ков» Антифана [Kock.II.73]:

Пошел я и вдобавок взял вот этого
Хозяина стола, который вымоет
Посуду и наладит нам светильники,
Свершит все возлиянья и всё прочее,
Что должен.

e

Однако возникает вопрос, отличается ли чем-нибудь от «устроителя стола» «сервировщик стола» (τραπεζομός). Потому что царь Юба пишет в «Подобиях», что «сервировщик стола» – это то же самое, что римский *structor*, ссылаясь на стихи из пьесы Александра, озаглавленной «Пьянка» [Kock.III.372]:

Нанять на завтра нужно мне флейтисточку;
Я также приглашаю сервировщика,
Поставщика продуктов: ради этого
Хозяин из деревни отослал меня.

f

«Устроителем стола» называли также лицо, в обязанности которого входило наблюдение за правильностью сервировки столов и вообще благопристойным течением пира. Филемон в «Случайно зашедшем» [Kock.II.493]:

Не на тебе ведь кухня, но прислуживать
Нам устроитель пира должен.

Блюда, выставленные на стол, назывались «сервировкой» (ἐπιτραπεζώματα). Платон в «Менелае» [Kock.I.622; ср.641b]:

Как мало сервировки (ἐπιτραπεζώματα) на столе у нас.

171

Раба, закупавшего провизию (то, что сейчас называется *obsonator*⁸⁹), называли «закупщиком» (ἀγοραστής): так у Ксенофонта во второй книге⁹⁰ «Воспоминаний о Сократе»: «А в домашние слуги и закупщики провизии (ἀγοραστής) захотели бы мы взять такого хоть даром?» Однако Менандр в «Фании» употребляет это слово в более общем смысле [Kock.III.143]:

Закупщик (ἀγοραστής) он нещедрый, осмотрительный.

Аристофан же в «Любителях жареного» называет закупщика *покупщиком* ὁψώνης [Kock.I.521]:

Похоже, *покупщик провизии* (ὁψώνης)
Задерживает полдник наш.

b

Выражение «закупать лакомства мимоходом» (παροψονεῖν) употребляет Кратин в следующих стихах из «Клеобулин»⁹¹ ... а у Алексида в «Дропиде» сказано «походя закупать провизию на рынке» (παραγοράζειν). Как свидетельствует Памфил, приглашающие к царскому столу называются илеатрами (εἰλέατροι) от ἐλεός «кухонный стол». Однако Артемидор называет их «зазывалами на пир» (δειπνοκλήτωρ).

71. Дегустаторов блюд, – продолжает он, – называли *эдеатрами* (ἐδεάτρως), они ели царскую пищу, чтобы царя не отравили. Позднее звание эдеатра стало означать главу всей прислуги; должность эта была высокая и почетная. По крайней мере, Харет пишет в третьей книге «Истории», что эдеатром Александра был сам Птолемей Сотер. Возможно, и тех, кого в наши дни римляне называют *gustator* (πρωτογεύστης), эллины прежде называли «предвкушателями» (πρωτένθης), как в «Первых Облаках» Аристофана [1196]:

Стрепсиад. Так почему же не в новолунье денежки
Берет притан, а в «молодой и старый день»?^{92?}

Фидиппид. Как «предвкушатель», верно, он торопится,
Чтоб поскорее прикарманить денежки:
Он накануне их, как жертву, пробует.

Упоминает их в «Дикарях» и Ферекрат [Kock.I.147]:

Не удивляйся, мы из предвкушателей (πρωτένθων),
Не знал ты этого.

И Филлиий в «Геракле» [Kock.I.784]:

Кто я такая, значит, знать хотите вы?
Из предвкушателей (πρωτένθων), зовусь я Дорпией⁹³.

Известно мне и постановление народного собрания, принятое в Афинах в архонтство Кефисодора⁹⁴, в котором о предвкушателях говорится как о коллегии жрецов, подобной коллегии так называемых параситов. Звучит оно следующим образом: «Фок предложил: чтобы члены Совета вместе со всеми остальными афинянами могли отпраздновать Апатурии по уставу предков, постановить: распустить членов Совета на те дни, на которые отпускаются и все остальные должностные лица, начиная с того дня, с которого начинают празднования жрецы-предвкушатели (οἱ πρωτένθαι)».

О том, что у древних были предвкушатели-дегустаторы (προγεύστης), пишет Ксенофонт в сочинении «Гиерон» или «Тирания» [4.2]: «Тиран живет, не доверяя даже пище и питью; и вместо того чтобы посвятить начатки богам, даже здесь он сперва велит попробовать пищу прислуге из-за боязни съесть или выпить чего-нибудь дурного». Также и Анаксилай в «Калипсо» пишет [Kock.II.266]:

Сперва старуха твоего отведает
Питья.

72. Пекущих печенье и в особенности большие плоские пироги (плакунты) прежде называли *мастерами* (δεμιουργός). Так, у Менандра в «Лжегеракле» персонаж, бранящий поваров, берущихся не за свое дело,

говорит [Kock.III.148]:

b

Какой ты повар, право, надоедливый!
Уж третий раз спросил ты, сколько надобно
Накрыть столов. А что тебе за разница,
Один иль десять? Поросенок жертвенный –
На всех один. Ты нам сегодня сделаешь
Не тот пирог обычный, где мука нужна,
И мед, и яйца. Нынче всё особенно.
Сегодня *повар* пирожков наделает⁹⁵,
Печенье испечет и кашу сварит нам,
И после рыбы даст соленой. Далее –
Яичницы и гроздья виноградные.
Поджарит мастерица-повариха нам
Кусочки мяса, и дроздов, и лакомства.
Полакомится гость, потом намажется
Он мирром и опять, венком украшенный,
Поест дроздов с медовыми лепешками.

c

Что их обязанности были разделены, – мастера отвечали за выпечку, а повара за приготовление мяса и рыбы, – ясно показывает Антифан в «Хрисиде» [Kock.II.110]:

Мы четырех флейтисток оплатить должны,
Двенадцать поваров, к тому же требуют
Корытца с медом мастерицы.

Менандр в «Мастерице» [Kock.III.34]:

d

– Ну что, мой раб? Вошел ты с видом ревностным
Примерного слуги.
– Всю ночь не спали мы,
Всё лепим пироги, да и сейчас еще
Не всё у нас готово...

Селевк утверждает, что печенье и пироги впервые упоминаются у Паниасида в рассказе о человеческих жертвоприношениях у египтян; он говорит там, что на тело жертвы было положено много печенья, пирогов и «множество птиц гнездовых». Однако еще до него у Стесихора или Ивика в поэме «Погребальные игры» было сказано, что в качестве даров деве поднесли

e

Кунжутные печенья, медовые пироги (ἐγκρίδας),
Прочие сладости и желтый мед.

На самом деле поэма эта принадлежит Стесихору, и свидетель тому Симонид, который говорит в рассказе о Мелеагре:

Который копьем
Победил бойцов и за бурный их изгнал
Анавр из богатого гроздьями Иолка:
Так ведь Гомер и Стесихор пропели народам.

А в вышеназванной поэме «Погребальные игры»⁹⁶ как раз и содержится f
Стесихоров стих:

Амфиарай – в прыжках, а с дротом – Мелеагр победитель.

73. Небезызвестно мне и то, что, по словам Аполлодора Афинского, делосцы предлагали прибывшим для совершения священных обрядов услуги своих поваров и «устроителей столов». По этим занятиям их называли магидами и колобками, поскольку, говорит Аристофан 173
[«Мир».27], они целыми днями лепили для пиров ячменные лепешки и скатывали колобки, очень любимые женщинами. И поныне некоторые из них прозываются⁹⁷ *свинками, агнцами, кухарями, кунжутниками, кухонными козлами, мясными мальчиками и рыбобросами*; поварихи зовутся *тминными цветами*, а общим для всех именем стало *элеодиты* (ἐλεοδίται), потому что, прислуживая на пирах, они должны изворачиваться меж столами, а столы называются ἔλεοι. Так у Гомера [Ил.IX.215]:

Так их обжарив кругом, на обеденный стол (ἐλεοίῳιν) возлагает.

Поэтому, когда Поликратон Ренейский, сын Критона, подал на делосцев в суд, он не называл их делосцами, но озаглавил свой иск «Против содружества элеодитов». И закон амфиктионов велит, чтобы воду доставляли элеодиты, то есть устроители стола и другие прислужники того же рода. Комедиограф Критон в «Хлопотуне» называет делосцев «парапитами бога» [Kock.III.354]: b

Он финикийца-толстосума вынудил
Проститься с морем, оба корабля его
Поставить на стоянке вечной в гавани⁹⁸,
А сам решил на Делос из Пирея плыть,
Прослышав, что три блага величайшие
Для параситов там лишь сочетаются:
Цветущая торговля разносолами,
Толпа зевак, со всей Эллады прибывших,
Да параситы божьи – сами делосцы. c

74. Эретриец Ахей в сатировской драме «Алкмеон» [TGF². 749] называет дельфийцев стряпающими мясное рагу (μαρῶν):

Увижу, как рагу мясное стряпают, –
Стошнит, – d

очевидно, потому, что, порубив жертвенное мясо, они тушили его и подавали с тонким соусом. Потому Аристофан сказал [Kock.I.560]:

О Феб, ты любишь точить остря
Дельфийских ножей
И учишь тому же служителей.

И в нижеследующих стихах Ахей пишет [TGF². 749]:

Кто там сидит, запрятавшись,
Ножей ли тезка, чрево рассекающих⁹⁹?

- e Это сатиры смеются над дельфийцами с их вечными жертвоприношениями и празднествами. Сем в четвертой книге «Истории Делоса» [FHG.IV.493]: «Жители Делоса снабжали прибывших к ним дельфийцев солью, уксусом, оливковым маслом, дровами и постелями». Аристотель (или Феофраст), говоря в «Записках» о том, что жители Магнесии обитают на реке Меандре, рассказывает, что это переселенцы из Дельф, и
- f что они предлагают приезжающим те же услуги: «Магнеты, живущие на реке Меандр, служители бога, переселенцы из Дельф, доставляют приезжим кров, соль, оливковое масло, дрова, а также светильники, лежа, постели и столы»».

- Деметрий Скепсийский пишет в шестнадцатой книге «Троянского строя» [ср.39с], что в Лаконии на Гиакинфовой дороге стоят жертвенники героям Маттону (Жеватель) и Кераону (Смешиватель), сооруженные слугами, выпекающими ячменные лепешки и смешивающими вино на фидитиях. В двадцать четвертой книге того же сочинения он рассказывает, что у троянцев почитается герой Дайт (Пирующий), о котором упоминает Мимнерм. А Гегесандр Дельфийский пишет [FHG.IV. 419], что на Кипре почитают Зевса Сотрапезника и [Зевса] Потрошителя.
- 174

[О МУЗЫКЕ]

75. И много еще было рассказано тому подобного, однако из соседнего дома послышался звук гидравлоса (водяного органа)¹⁰⁰, такой сладостный и приятный, что все мы повернули головы, замороженные благозвучием. И У л ь п и а н, взглянув на музыканта А л к и д а, сказал: «Ты слышишь, музыкальнейший, эту дивную гармонию, которая так привлекла всех нас, околдованных музыкой? Это не то, что ваш александрийский однотрубный авлос (μόναυλος), от которого слушателям скорее мучение, чем радость!»
- b

- «Однако же, – отвечал А л к и д, – и этот музыкальный инструмент, этот гидравлос (не знаю, считаешь ли ты его инструментом духовым или струнным), есть изобретение александрийца, цирюльника по профессии, а по имени Ктесибий¹⁰¹. Аристокл в сочинении «О хорах» рассказывает об этом примерно так: «К духовым или струнным инструментам относится гидравлос, – вопрос спорный. Аристоксену, по крайней мере, он еще не известен. Считается, что первый шаг к его изобретению сделал Платон, построив ночные часы – большую клепсидру, похожую на гидравлос. В самом деле, гидравлос – это ведь тоже клепсидра. Поэтому его никак нельзя отнести ни к струнным, ни к ударным инструментам; скорее уж к духо-
- c
- d

вым, потому что вода в нем отжимает воздух. А именно, концы труб опущены в воду, и когда мальчик с силой качает воду, то воздух нагнетается в клапаны труб, проходящих через весь инструмент, и от этого трубы издают нежный приятный звук. С виду орган похож на круглый алтарь¹⁰², и, говорят, изобретен он был цирюльником Ктесибием, который жил в Аспендии при Птолемеѐ Эвергете III¹⁰³. Говорят, также, что он был очень знаменит: свое искусство он передал своей жене Таиде». Трифон в третьей книге трактата «О терминах» (об авлосах и [других] музыкальных инструментах) подтверждает, что механик Ктесибий писал о гидравлосе; но я не уверен, не ошибся ли он в имени. Впрочем, Аристоксен вообще предпочитает струнные и ударные инструменты духовым, потому что на духовых играть слишком легко: потому, говорит он, многие и не учась играют на авлосах и сирингах, даже пастухи.

76. Вот что я могу сказать тебе, У л ь п и а н, об этом гидравлическом инструменте. Были также, как утверждает Ксенофонт¹⁰⁴, авлосы-«гингра-сы», длиной в пядь, с высоким и печальным звуком, – ими обычно пользовались финикийцы, а также карийцы в своих причитаниях, если только карийцами не называли финикийцев, как это было у Коринны и Вакхилида. Финикийцы же называли авлосы «гинграми» от причитаний по Адони-су¹⁰⁵, которого вы, финикийцы¹⁰⁶, называете Гингром, как свидетельствует Демоклид. Об авлосе-гингре упоминают Антифан во «Враче» [Kock.II.54] и Менандр в «Кариянке» [Kock.III.75]. Амфид в «Дифирамбе» говорит о нем так [Kock.II. 329]:

– Люблю я гингры – инструмент мудренейший!

– А что такое гингр?

– Мое новейшее

Изобретенье! Театральным зрителям

Его еще ни разу не показывал,

Но на пирах он в моде.

– Что ж не вынесешь

На суд театра?

– Жду, чтоб предложить его

Честолюбивой филе, – точно знаю я:

Всё на пути снесет она трезубцами

Своих рукоплесканий оглушительных.

И Аксионик в «Любителе Еврипида» [Kock.II.412]:

Настолько ведь на песнях Еврипидовых,

Свихнулись оба, что другие кажутся

Мелодии гингрическими плачами.

77. Право же, о мудрейший У л ь п и а н, этот гидравлический инструмент куда лучше набла¹⁰⁷, о котором пародист Сопатр пишет в пьесе «Врата», что это тоже ваше финикийское изобретение. Вот его слова:

...и набла сидонского

Со струн не слетает глухое бречание.

И в «Слуге Мистака» он пишет:

d

У набла слишком мало благозвучия:
Бездушный лотос у него меж ребрами
Забит и не дает дыханья музыке:
Еще ни разу наблом не был хор певцов
Так возбужден, чтобы воскликнуть Эвоз!

А Филемон в «Прелюбодее» [Kock. II.489]:

– Должна, конечно, быть флейтистка, Парменон,
Иль с наблом кто-нибудь.

– А что такое набл?

– Свидетель Зевс! Не знаешь, что такое набл?
Не знаешь, значит, ничего хорошего.
И самбикистки¹⁰⁸, может быть, не видывал?

e

Что касается инструмента, называемого тригоном¹⁰⁹, то Юба пишет в четвертой книге «Истории театра» [FHG. III.481], что это сирийское изобретение, также как и «финикийская лира»¹¹⁰ ... и самбика. Последнюю, впрочем, Неанф Кизикский в первой книге своих «Летописей» [FHG. III.3] считает изобретением Ивика из Регия, а барбитон¹¹¹ – изобретением Анакреонта.

f

Поскольку ты, Ульпиан, обозвал моих александрийцев «немузыкальными», а монавλος¹¹² постоянно называешь «распространенным у нас инструментом», выслушай, что я могу рассказать на память и о монавлосе. 78. Юба в том же своем сочинении пишет, что египтяне считают монавλος изобретением Осириса, точно так же, как и косой авлос, называемый фотингом¹¹³. Но вот тебе цитата из прославленного автора. Фотинг у нас и вправду местный инструмент, зато монавλος упоминается еще Софоклом в «Фамире» [TGF². 182]:

И больше не звучат пектиды струнные,
Монавлы, лиры, слух наш улаждавшие:
Опустошает храмы смоляной Арес.

Арарот в «Рождении Пана» [Kock. II.217]:

И не представишь ты, с какою ловкостью
Схватил монавλος он и стал подпрыгивать,
Пушинки легче.

176 Анаксандрид в «Сокровище» [Kock. II.142]:

...монавλος взяв,

Он свадебную песню заиграл.

И в «Чашеносце» [Kock. II.158]:

– Эй, Сир! Куда ты подевал монавλος мой?
– Какой монавλος?
– Тростниковый.

Сопатр в «Бакхиде»:

И пролилась монавлоса мелодия.

Протагорид Кизикский во второй книге сочинения «Об играх в Дафне» пишет [FHG.IV.484]: «Он касается пальцами каждого инструмента (одного за другим): кастаньет, тимпана, пандуры; и наконец, он извлекает сладчайшие звуки из нежного монавлоса». Стоик Посидоний, рассказывая о войне апамейцев с ларисийцами¹¹⁴, в третьей книге «Истории» пишет вот что [FHG.III.253]: «Расхватав кинжалы и копьеца, грязные и ржавые, покрыв головы широкополыми шляпами, затенявшими лицо, но не стеснявшими горла, они тащили за собой ослов, нагруженных вином и разными кушаньями вместе с фотингами и монавлосами, отличными на гулянках, но никак не на войне». (Небезызвестно мне также, что у Америя Македонского в «Глоссах» монавлос называется *титирином*.) Вот тебе, добрый Ульпиан, и о фотинге авторитетное упоминание! А что монавлос – это то же, что и нынешний *каламавлос* (тростниковый авлос), ясно видно из такой эпиграммы Гедила:

В этой могиле Феон, сладкозвучный флейтист, обитает.

Некогда радостью был мимов монавлос его.

Умер, ослепнув под старость, он, Скирпалов сын. Еще в детстве,

Славя рождение его, Скирпал прозвание ему

Дал «Эвпалама» и этим прозванием на дар от природы –

Ловкость ручную его, – предугадав, указал.

Песенки Главки шутливой, внушенные Музой, играл он,

Милого пьяницу он, Баттала, пел за вином,

Котала, Панкала славил... Почтите же словом привета

Каламавлета-певца, молвите: «Здравствуй, Феон»¹¹⁵.

Каламавлетами мы называем играющих на тростнике-«каламе», а играющих на тростнике-«раппе» называли раппавами; об этом пишет в «Глоссах» Америй Македонец.

79. Я хочу, любезнейший Ульпиан, чтобы ты знал: не бывало в истории людей более музыкальных, чем александрийцы; и говорю я не только о пении под кифару, которое у нас настолько знакомо каждому, что самый убогий обыватель, даже неграмотный, тотчас распознает любую фальшь, нет, мы никому не уступим и по части авлосов, и не только так называемых «девичьих» и «детских», но и мужских, среди которых есть и «полные», «сверх-полные», для аккомпанемента кифарам и щипковым инструментам. И это еще не всё: авлосы, называемые «элимами»¹¹⁶, о которых упоминает Софокл в «Ниобе» и «Тимпанистах» [TGF². 229, 271], как мы слышали, есть не что иное, как фригийские авлосы, с которыми александрийцы тоже хорошо знакомы. Известны им также авлосы и «с двумя отверстиями», «средние» и «низко-сверленные». Авлосы, называемые элимами, упоминает и Каллий в «Скованных» [Kock.I.697]. Юба пишет, что эти авлосы фригийского происхождения и что их называют также скиталий-

скими, ибо толщина у них одинаковая со скитами. Кратин Младший пишет в «Ферамене» [Kock.II.290], что их использовали также киприоты. Мне известны «половинные» авлосы: их упоминает Анакреонт:

Кто это, к юношам милым
Взор обратив, всем существом флейт *полузвук* ловит?

182* Эти «половинные» авлосы короче «полных»: поэтому и Эсхил¹¹⁷ в «Иксионе» иносказательно говорит [TGF². 30]:

c Половинную флейту, короткий звук
Поглотит длинная флейта.

Эти же самые авлосы называются и «детскими», потому что непригодны для состязаний, – ими пользуются на домашних пирушках, поэтому Анакреонт и назвал их *краткими* (τέρενας). 80. Известны мне и другие виды авлосов: трагические, лисиодические и для аккомпанемента кифарам, – о них упоминают Эфор в «Изобретениях» [FHG.I.276], пифагореец Эвфранор в трактате «Об авлосах» и Алексид в «Об авлосах». Ученик Аристофана Артемидор пишет во второй книге «Дорийского диалекта», что дорийцы, жившие в Италии, монавлос называли *титирином* [ср.176e]; и еще: «магадида, называемая авлосом»; и еще: «так называемая магадида может издавать сразу и высокий и низкий звук, как пишет в «Тяжеловооруженном» Анаксандрид [Kock.II.149]:

И громко и тихонько я болтать с тобой
На магадиде буду.

e Лотосовые авлосы – это не что иное, как александрийские фотинги, но изготовленные из древесины так называемого «лотоса», дерева, растущего в Ливии. А фиванцы, как пишет Юба [FHG.III.482], делают авлосы из берцовых костей оленят. Об авлосах из слоновой кости, изготавливаемых в Финикии, пишет Трифон.

f Известно мне также, что магадида – это струнный инструмент, такой же как лира, кифара и барбитон. Эпический поэт Эвфорион пишет в сочинении «Об Истмийских играх»: «Музыканты, называемые сейчас наблестами, пандуристами и самбикистами, играют только на старинных инструментах: и баром, и барбитон, о которых упоминают Сапфо и Анакреонт, так же как магадида, тригоны и самбики известны с глубокой древности. В Митилене, например, стоит статуя одной из Муз работы Лесбофемида, держащая самбику». Аристоксен называет в числе иноземных инструментов¹¹⁸ фениксы, пектиды, магадиды, самбики, а также тригоны, клепсиямбы, скиндапсы и так называемый эннеахорд (девятиструнный). Платон пишет в третьей книге «Государства» [Ш.399c]: «– Таким образом, – сказал я, – в пении и мелической поэзии не потребуются ни многоголосия, ни смешения всех ладов. – Мне кажется, что нет. – Значит, [нам не

* Перестановка текста традиционна для Афиня с издания Исаака Казобона 1597 г.

нужны мастера,] делающие тригоны, пектиды и всякие другие инструменты со множеством струн и ладов».

81. Скиндапс – это четырехструнный инструмент, говорит пародист Матрон¹¹⁹ в следующих строках:

Он не висел на колке, на котором простер свои струны
Четырехструнный скиндапс жены, с тканьем не знакомой.

Упоминает его и эпический поэт Феопомп Колофонский в поэме «Повозочка»:

Лироподобный скиндапс держал он, очень искусно
Сделанный из сладострастной лозы, растущей на иве.

И Анаксилай в «Лирном мастере» [Kock.Π.267]:

Пектиды, лиры делал я, трехструнники,
Скиндапсы, барбиты, кифары.

Пектида имела две струны: об этом пишет пародист Сопатр в пьесе «Слуга Мистака»:

Двухструнная пектида Музой варварской
Тебе каким-то образом досталась.

О периямбидах упоминает Эпихарм в «Периалле» так:

И на авлосе дудит ловкий музыкант
Кифарные периямбиды.
Семела ликует,
Громкие слыша струнные стуки.

На псалтерии, как рассказывает Юба [FHG.ΠΙ.484], увеличил число струн Александр Киферский; в старости жил он в Эфесе и поэтому посвятил его в храм Артемиды как самый искусный образец своего мастерства. Упоминает Юба также лирофеник и эпигоний¹²⁰, который, хоть и был потом переделан в прямой псалтерий, но сохранил в своем названии имя человека, введшего его в оборот. Этот Эпигон родом был из Амбракии, однако получил сикионское гражданство. Музыкально он был чрезвычайно одарен и играл без помощи плектра.

Так вот, во всех этих [струнных] инструментах, точно так же как и в авлосах, александрийцы весьма сведущи и очень искусны; я и сам могу показать тебе мою игру на каком захочешь, а на родине у меня много музыкантов куда талантливее. 82. Например когда мой земляк Александр (он недавно скончался) выступил в Риме с игрой на тригоне, то привел римлян в такой восторг, что многие затвердили его мелодии наизусть. Тригон этот упоминается Софоклом в «Мисийцах» [TGF². 221, 182; ср.635c]:

Звучит тригон фригийский, и в ответ ему
Лидийская пектида льет созвучия, –

а также и в «Фамире». Аристофан упоминает его в «Пирующих»

- f [Kock.I.454], Феопомп в «Пенелопе» [Kock.I.746] и Эвполид в «Баптах» [Kock.I.276]:

Что прекрасно бьет в тимпаны,
По струнам тригонов плещет.

- 184 О так называемой пандуре¹²¹, как уже было сказано [ср. 182e], говорит Эвфорион, упоминает ее также Протагорид во второй книге сочинения «Об играх в Дафне» [FHG.IV.484]. Описавший же Красное море Пифагор¹²² рассказывает, что троглодиты изготавливают эту пандуру из морского лавра (белая ризофора). Трубы же и рожки – изобретение тирренов. [Семиствольную] флейту Пана (сирингу), по словам Метродора Хиосского в «Троянской истории» [FHG.III.205], придумал Марсий, игравший на ней в Келенах, тогда как до него она была одноствольная. Однако эпический поэт Эвфорион пишет в сочинении «О лирических поэтах», что одноствольную сирингу придумал Гермес¹²³ (хотя другие пишут, что ее изобретателями были меды Севф и Ронак), а много-тростниковую сирингу – Силен, Марсий же только скрепил тростинки воском.

- b 83. Вот тебе, словоловчий У л ь п и а н, от нас, александрийцев, будто бы ничего не знающих, кроме монавлоса! Тебе ведь неведомо, что историк Менекл из Барки [FHG.IV.451], а также александриец Андрон в «Хрониках» [FHG.II.352] пишут о том, как александрийцы стали наставниками всех эллинов и варваров, когда [эллинское] общее (ἐγκύκλιος) воспитание едва не угасло в смутах при наследниках Александра. Возрождение же c этого воспитания настало при седьмом из царствовавших в Египте Птолемеях, справедливо прозванном в Александрии *Злодеем*¹²⁴. Царь этот, перебив многих александрийцев, вынудил бежать множество граждан, выросших при его брате¹²⁵, и все острова и города наполнились грамматиками, философами, геометрами, музыкантами, живописцами, учителями гимнастики и многими другими искусниками. Вынужденные по бедности своей преподавать науки, в которых они преуспели, эти люди воспитали много замечательных учеников.

- d 84. В старые же времена все эллины занимались музыкой, и авлетика (игра на флейте, авлосе) была очень распространена. Так, Хамелент Гераклеийский пишет в сочинении, озаглавленном «Протрептик» (Увещевание), что игре на флейте обучались и лакедемоняне и фиванцы (как в его время – жители Гераклеи Понтийской), не говоря уже о таких видных афинянах, как Каллий, сын Гиппоника, и Критий, сын Фаллесхра. Дурид рассказывает в книге об Еврипиде и Софокле [FHG.II.484], что Алкивидада игре на флейте обучал не заурядный преподаватель, но Проном, стяжавший величайшую славу¹²⁶. Аристоксен же e пишет, что фиванец Эпаминонд обучался авлетике у Олимпиодора и Орфагора¹²⁷. Из пифагорейцев также многие занимались авлетикой, например Эвфанор, Архит, Филолай, да и немало других. Эвфанор даже оставил сочинение о флейтах, равно как и Архит. Какое рвение про-

являли при этом обучающиеся, ясно показывает в «Пирующих» Аристофан, когда говорит [Kock.I.448]:

Мне, который так измучен упражнениями на лирах
И на авлосах, велишь ты землю заступом копать?

И Фриних в «Эфиальте» [Kock.I.370]:

Видать, не обучал ты парня этого
Ни флейте, ни кифаре?

А Эпихарм пишет в «Музах», что даже Афина играла Диоскурам на авлосе эноплии¹²⁸. Ион же в стихах из «Феникса», или «Кеней», называет авлос петухом [TGF². 740]:

А на это петух-авлос запевал лидийский гимн.

Впрочем, в «Сторожах» он называет петуха идейской сирингой [TGF². 741]:

Идейская сиринга кукарекает.

Во втором «Фениксе» тот же Ион говорит [TGF². 740]:

Бегущий ритм ведя на низком авлосе, –

то есть на фригийском авлосе, у которого звук очень низкий; поэтому к нему прикрепляют рог, как к трубе колокольчик».

На этом, друг Т и м о р а т, мы закончим эту книгу – она и так уже длинная.

КОНЕЦ КНИГИ ЧЕТВЕРТОЙ

КНИГА ПЯТАЯ

185 1. Постой, Тимократ! Вот уже которую книгу мы черпаем красноречие на пирах и застольях, а ведь пропустили нужнейшее угощение – такое, которое душе не в тягость, а в пользу и в укрепление, как и подобает совершенному пиршеству! Я говорю о пирах божественного Гомера.

Как говорил красавец Агафон,

б Увы, мы делом делаем безделицу,
Из дела же безделицу мы делаем.

Постараюсь теперь припомнить, что рассказывал об этом ученийший М а с у р и й.

«...Взять хотя бы Менелая¹: говоря о нем [Од. IV.3]:

Пир он богатый давал многочисленным сродникам, свадьбу
Сына и дочери милых празднуя в царском жилище, –

Поэт показывает, как надлежит приурочивать к свадьбе, чтобы и свадебных богов почтить, и застольников привлечь в свидетели брачного союза. А его царь Ликий, пышно чествовавший Беллерофонта? Он учит, какими надлежит быть пирам в честь приема гостей [Ил. VI.174]:

с

Девять дней угощал, ежедневно тельца закалая.
[Но воссиявшей десятой богине Заре розоперстой,
Гостя расспрашивал царь и потребовал знаки увидеть.]

2. Есть ведь, кажется, в вине нечто, влекущее к дружбе, согревающее и веселящее. Потому-то ревнители старинного гостеприимства обращаются к гостю с расспросами, кто он такой, не в начале, а в конце угощения, как будто воздают почет сперва гостеприимству в целом, а потом уже отдельному его случаю.

186

И еще древние законодатели² в предвидении наших пиров учредили общественные обеды: по филам и демам, не говоря уже о фиасах³, о собраниях во фратриях и о так называемых жреческих (δρῦωνικά) обедах. В городе ведь собирается по школам великое множество философов⁴: и диогенисты, и антипатристы, и панетиасты. Феофраст завещал свои средства на подобную сходку – клянусь Зевсом, не для бесчинства участников, но чтобы проводилась она с соблюдением правил застолья, прилично и достойно. И в пританеи во благо государства ежедневно давались скромные обеды – это во время одного из них было получено известие о падении Элатьи, о котором говорит Демосфен [«О венке».169]: «Был вечер. Вдруг пришел кто-то к пританам и принес известие, что Элатья захвачена»⁵. Забо-

б

тились философы и о совместных застольях с молодежью – для этого тоже были свои уставы. В Академии, например, застольные правила были заведены Ксенократом, известны такие и у Аристотеля. И само государство заботилось у спартанцев о фидитиях, у критян – об андриях⁶. Недаром же кто-то неплохо сказал:

Добрым друзьям не пристало замешкаться с пиром веселым:
Воспоминанье о нем из всех сладчайшее будет.

с

Философ Антипатр, устраивая как-то раз застолье, потребовал, чтобы пришедшие вели беседы о философских проблемах. Об Аркесилае рассказывают, что однажды он возлежал на пире рядом с обжорой и ему никак не удавалось перехватить у того хоть малость; когда же один из пирующих протянул ему угощение, он продекламировал еврипидовский стих [TGF². 584]:

Всех благ тебе⁷, а Телефу – что думаю, –

ибо его соседа звали как раз Телефом. А Зенон, когда его сосед оторвал от только что положенной рыбы верхнюю часть, перевернул рыбу и сам оторвал от нее кусок, приговаривая [Еврипид. «Вакханки». 1129]

d

Ино с обратной стороны набросилась⁸.

Сократ же, заметив однажды, что кто-то [из участников складчины] умеренно поедает мясо, воскликнул: «Друзья! кто-то из вас пользуется хлебом как приправой, а приправой как хлебом»⁹.

[ГОМЕРОВСКИЕ ПИРЫ]

3. Но пора начать разговор о гомеровских пирах. Прежде всего, Поэт точно указывает их время, гостей, причины. Этому правилу разумно следуют Ксенофонт и Платон, с самого начала своих диалогов называющие причину пира¹⁰ и перечисляющие присутствующих. А вот Эпикур не определяет ни места, ни времени и начинает без всякого предисловия: приходится гадать, что это за человек с чашей в руке вдруг начинает ставить вопросы, как будто находится на диспуте. [Аристотель говорит о ком-то, пришедшем на пир взмокшим от пота и запыленным...]

e

Далее, Гомер учит, кого следует приглашать, – а именно, самых лучших и уважаемых [Ил. II. 404]:

f

Созвал старейшин отличных¹¹, почтеннейших в рати ахейской.

Не так у Гесиода – он больше почитает соседей [«Труды и дни». 341]:

Тех, кто с тобою живет по соседству, зови непременно.

Вот истинный образчик беотийской тупости¹², совсем подстать бесчеловечнейшей из пословиц [TGF². 858]:

Друзья далекие уже нам не друзья, –

ибо разве не верх нелепости выбирать друга по месту проживания [τότος], а не по душевным свойствам [τρόλος]? Потому-то у Гомера после выпивки [Ил. VII.324]

Старец в собрании первый слагать размышления начал, –

у тех же, кто неразумно собирает пир

Первым в собрании плут слагать поношения начал.

Замечу еще, что званные у Гомера различаются возрастом и родом занятий – так, Нестор, Аякс и Одиссей всех во всем превосходили добродетелью, но каждый шел к ней своей дорогой. Эпикур же собрал¹³ одних пророков атомной теории, хотя имел перед собой примеры разнообразных пиров Поэта, и изящных пиров Платона, да и Ксенофонта. Так, Платон изображает спорящими врача Эриксимаха, поэта Аристофана, других людей самых разных профессий, одного за другим; а Ксенофонт вводит в диалог и простых обывателей. Однако им далеко до Гомера, у которого пиры самые различные, – ведь всё познается в сравнении. Есть у него, например, пир женихов – какой бывает у юношей, склонных к распутству и пьянству; и пир феаков – полный наслаждений, но гораздо более благопристойный. Им он противопоставляет, с одной стороны, пиры военные, с другой, – более скромные гражданские. Наконец, он различает общие праздничные угощения и частные домашние сходки. Эпикур же изобразил пир одних философов.

4. Учит нас Гомер (на отличном примере одного из родственников) и тому, что не все нуждаются в приглашении, но близкие могут прийти по своей воле [Ил. II.408]:

Сам без зова пришел Менелай¹⁴ к нему, доблестный кличем, –

ведь очевидно, что не нуждаются в приглашении ни брат, ни родители, ни жена, ни любой другой, столь же близкий, – это было бы проявлением недружелюбной холодности. И все-таки нашлись знатоки, приписавшие поясняющий стих [409]:

Зная любезного брата¹⁵, и как он в душе озабочен, –

как будто необходимо особо оговаривать причину, чтобы брат пришел на пир без зова, как будто родство не является достаточным поводом! Или приписавший этот стих полагает, что Менелай мог и не знать о застолье у брата? Что за нелепость! ведь жертвоприношение совершалось публично и все о нем знали. И зачем бы он пришел, если бы не знал? Или, помилуй Зевс, своим приходом Менелай, оставшись без приглашения, извиняет Агамемнона тем, что тот был отвлечен делами, и, примирившись с такими обстоятельствами, приходит незванным, – словно говоря, что пришел

* Перестановка текста традиционна для Афиня с издания Исаака Казобона 1597 г.

без зова, чтобы наутро им не пришлось отводить взгляды, одному – от стыда, другому – от обиды? Нет, смешно было бы предположить, что Агамемнон забыл о брате, – это при том-то, что именно ради него он не только совершал жертвоприношение, но и всю войну принимал на себя! – между тем как пригласил тех, кто был ему не родня и не соседи. И Афинокл Кизикский, чувствовавший гомеровскую поэзию глубже Аристарха, убедительно говорит нам, что Гомер не мог написать этот стих, ибо Менелай Агамемнону был ближайшим родственником. Деметрий Фалерский тоже отмечает, что стих

Зная любезного брата, и как он в душе озабочен,

неуклюж, чужд стилю поэта и придает характерам героев ненужную мелочность, а потом добавляет: «...я полагаю, что у каждого порядочного человека найдется родственник или друг, на пир которого он мог бы прийти и не дожидаясь приглашения». 5. Платон в «Пире» пишет об этом эпизоде следующее [174b]: «...и, во изменение поговорки, докажем, что «к людям достойным на пир достойный без зова приходит»¹⁶». А ведь Гомер не просто искажил эту поговорку, но, можно сказать, надругался над ней. Изобразив Агамемнона необычайно доблестным воином, а Менелая «слабым копейщиком»¹⁷ [Ил.XVII.588], он заставил менее достойного Менелая явиться без приглашения к более достойному Агамемнону, когда тот приносил жертву и давал пир».

Замечу, однако, что еще Вакхилид, рассказывая о приходе Геракла к Кеику, писал:

Он ступил на каменный порог
в час приготовления к пиру
и сказал:
 «Праведные мужи
Сами находят путь
К обильному яству дома».

Далее, если одна из пословиц гласит:

К людям достойным на пир достойный без зова приходит, –

то есть и другая:

К людям негодным на пир достойный без зова приходит.

Что же касается Платона, то он объявил Менелая трусом безо всяких оснований. Гомер ведь называет его «любезным Арею», он в одиночку сражается за тело Патрокла [Ил.XVII.1] и более всех стремится к единоборству с Гектором [Ил.VII.94], будучи слабее того по силе. О нем единственном сказано в перечне предводителей войска [Ил.II.588]:

Ратников сам предводил, на душевную доблесть надежный.

Если же противник, ругаясь, назвал его «слабым копейщиком» [Ил.XVII.588], и на основании этого Платон полагает его и впрямь слабым,

d то пусть не замедлит включить в число негодных и Агамемнона, ибо это о нем сказано [Ил. I.225]:

О винопийца¹⁸, со взорами пса, но душою еленя!

e Нет: если что-либо говорится у Гомера, это не значит, что это говорит сам Гомер. И как можно назвать слабым Менелая, который в одиночку отбил Гектора от тела Патрокла, убил Эвфорба и сорвал с него доспехи в самой гуще троянцев! Самое же смешное то, что Платон не потрудились внимательно прочесть тот самый стих [Ил. II.408], на основании которого обвиняет Менелая! Ведь как раз в этом стихе о Менелее говорится «доблестный кличем». Этот эпитет Гомер прилагает к храбрейшим воинам, потому что древние называли сражение «крик» или «клич».

6. Будучи предельно точным во всем, Гомер не пропустил и такую, казалось бы, малозначительную деталь – необходимость перед пиром позаботиться о теле и принять ванну. Так, перед пиром феаков он пишет об Одиссее [Од. VIII.449]:

Тут пригласила его домовитая ключница в баню.

f И в другом месте о Телемахе и его спутнике [Од. IV.48]:

Начали в гладких купальнях они омываться.

179 «Было бы неприлично, – пишет Аристотель, – явиться на пир взмокшим от пота и запыленным» [fr.100]. Ибо человек порядочный не должен быть грязен, неумыт и, по словам Гераклита, «радоваться грязи». Нельзя также, впервые придя на пир в чужой дом, тут же набрасываться на угощение, но сперва следует порадовать зрение и осмотреть жилище. И этого не пропустил поэт [Од. IV.43]:

Странники были в высокий дворец введены; озираясь
Дому любезного Зевсу царя удивлялись оба:
Все лучезарно, как на небе светлое солнце иль месяц,
Было в палатах царя Менелая, великого славой.

b Аристофан также представляет в «Осах» нелюдимого, помешанного на сутяжничестве старика, которого сын приучает к учтивости [1208]:

Ну, бросим это! Ляг вот здесь и выучись
Застольником в хорошей быть компании.

И, объяснив ему, каким образом следует укладываться на ложе, продолжает [1214]:

Посуде полное вниманье окажи,
Взгляни на потолок, узоры похвали...

7. Учит нас Гомер и тому, что надо сделать, прежде чем приступить к еде, – посвятить начинки пищи богам. Вот и спутники Одиссея даже в пе-

щере Киклопа [Од. IX.231]:

Яркий огонь разложив, совершили мы жертву; добывши
Сыру, потом мы насытили голод.

И Ахилл, несмотря на то что пришедшие послы подняли его посреди ночи
с постели [Ил. IX.219],

...жертвовать жителям неба
Другу Патроклу велел; и в огонь он бросил начатки...

Не забывает он и совершить возлияние богам [Ил. IX.175]:

Юноши черным вином наполнили доверху чаши,
Кубками всем подносили, от правой страны начиная,
В жертву богам возлияв.

Всё это сохранил в своем «Пире» Платон [176a]. Он пишет, что «после того
как все поужинали, они совершили возлияние, спели хвалу богу, исполнили
все, что полагается». То же самое и в «Пире» Ксенофонта. У Эпикура же
нет ни возлияния, ни жертвы начатков богам, и пирушка скорее смахивает
на трапезу неряшливой жены, о которой сказано у Симонида [Аморгского]

Частенько ест, обрядов не свершив.
..... [лакуна]

8. [Филохор] утверждает¹⁹, что правильные пропорции разбавления
вина были установлены у афинян царем Амфиктионом, в честь чего был
сооружен храм «Диониса прямого», ибо Дионис действительно прям и не
шатается, когда его пьют, правильно разбавив [см.38с]. Вот что говорит о
вине Одиссей [Од. XIV.463]:

Вино мне язык развязало;
Сила вина несказанна: оно и умнейшего громко
Петь и томно смеяться и даже плясать заставляет;
Часто внушает и слово такое, которое лучше б
Было сбегать про себя.

Разумеется, называя вино «помрачающим», Гомер не хочет сказать, что
пьющий его глуп и безумен. Нет, Гомер не призывает к угрюмости, чтобы
не петь, не смеяться и не сплясать в лад при случае: не так он прост и не-
складен. Напротив, Гомер во всем тонко чувствовал степени количества и
качества, поэтому он упрекает вино не в том, что оно заставляет умнейше-
го петь, но г р о м к о петь, то есть не к месту и не в меру, нарушая при-
личие. Клянусь Зевсом, Гомер ничего не имеет против смеха и пляски – на
это точно указывает приложенное к обоим этим действиям слово «том-
но» – и осуждает их только, когда они неприличны мужчине:

Петь и т о м н о смеяться и даже плясать заставляет.

У Платона же ни в чем не найдешь умеренности – все пьют столько, что
не держатся на ногах. А чего стоят безобразия загулявшего Алкивиада!

Остальные участники пира хлещут вино восьмикотилковыми холодильными чашами [214a], оправдываясь тем, что к этому их принуждает Алкивиад. Не так пируют у Гомера:

В жертву богам возлиав и испив по желанию сердца.

Итак, Гомер указывает нам, от чего следует раз и навсегда решительно отказаться и чему можно предаться с умеренностью, не увлекаясь и относясь к этому как к прикрасе пира [Од. I.152]:

Пенье и пляска – пиру они украшение...

[ПИР МЕНЕЛАЯ]

с 9. Впрочем, не отвергая таких развлечений, Гомер отводит им место на пирах женихов и феаков, но никак не Нестора и Менелая, чей свадебный пир²⁰, кстати, не поняли комментаторы школы Аристарха. А именно, что по прошествии цепи непрерывных празднеств, вершиной которых была передача невесты жениху, а завершением – свадьба Мегапента, Менелай и Елена обедали одни, без гостей. Не поняв этого и введенные в заблуждение первым же стихом [Од. IV.3]:

Пир он богатый давал, многочисленным сродникам свадьбу, –

они присоединили следующие [Од. IV.15]:

d Шумно пируя в богато украшенных царских палатах,
Сродники все и друзья Менелая, великого славой,
Полны веселия были; на лире певец вдохновенный
Громко звучал им, и два среди круга их головоходы,
Пение в лад заводя (ἐξάρχοντες), чудесно вертелись в середине, –

механически перенеся их из «Изготовления оружия» [Ил. XVIII.604–606] и совершив к тому же грамматическую ошибку²¹. Действительно, ведь «заводилами» (ἐξάρχοντες) были никак не прыгуны, но, несомненно, пляску вело пение аэда под кифару. И вообще глагол «заводить» (ἐξάρχειν) почти всегда относится к лирной игре. Поэтому и у Гесиода в «Щите» говорится [205]:

... Пиерийские музы, богини,

Песнь завели, –

и у Архилоха:

И под флейту сам лесбийский завожу я мой пеан, –

и Стесихор называет Музу «зачинающей пенье», а Пиндар лиру – «водительницей хоров» [Пиф. I.4]. Диодор же, приверженец аристофановской школы, отнеся прибытие Телемаха к первым дням празднеств, выбросил весь рассказ о свадьбе, не сообразив, что торжества закончились накануне и за столом, по существу, доедаются остатки пиршества. К тому же Ди-

одор принимает чтение с густым придыханием, «два прыгуна порознь (κατ' αὐτούς)», что совершенно безграмотно. Ведь гомеровская форма κατ' αὐτούς и означает *порознь, по одиночке или по своей воле, ἑαυτούς* же есть неправильность.

10. Однако, как я уже говорил, всё это представление на скромном ужине Менелая является чужеродной вставкой, взятой из описания критского хора в «Изготовлении оружия» [Ил.XVIII.590]:

181

Там же Гефест знаменитый извил хоровод разнovidный,
Оному равный, как древле в широкоустроенном Кноссе
Выделал хитрый Дедал Ариадне прекрасноволосой.
Юноши тут и цветущие девы, желанные многим,
Пляшут, в хор круговидный любезно сплетая руками...

И далее Гомер к этим стихам прибавляет [603]:

Купа селян окружает пленительный хор и сердечно
Им восхищается; громко перед ними певец вдохновенный
Пел и на лире звучал. Среди круга их головоходы,
С пением такт соглашая, чудесно вертятся в середине.

b

Собственно, пляска и, особенно, искусство акробатики присущи критянам. Поэтому и говорит [Эней] критянину Мериону [Ил.XVI. 617]:

Скоро б тебя, Мерион, несмотря, что плясатель ты быстрый,
Скоро б мой дрот укротил совершенно, когда б я уметил!

Оттого и гипорхемы²² зовутся *критскими* [Симонид]:

Критский в нем лад и молосский над ним гуд...

«Так называемые лаконисты, – пишет Тимей [FHG.I.201], – пели в прямоугольных хорах». Кстати, музыкальные представления у эллинов бывали очень разными: у афинян, например, наибольшим почетом пользовались дионисийские и круговые хоры, у сиракузян – ямбические и вообще у каждого города свои. Аристарх же не только перенес в пир Менелая стихи, неподходящие спартанским обычаям и скромности царя, но, более того, выбросил певца из описания критского хора, изувечив стихи следующим образом:

d

Купа селян окружает пленительный хор и сердечно
Им восхищается; два среди круга их головоходы,
Пение в лад заводя, чудесно вертелись в середине.

В результате ошибка в падеже стала неисправимой, так как «пение» теперь уже никак нельзя отнести к певцу.

11. А что вставка этого представления в сцену пира Менелая совершенно неуместна, ясно из того, что весь он проходит в междоусобной беседе, к тому же ничего не говорится ни об имени певца, ни о песне, которую он пел; Телемах же и его спутник не уделяют ему никакого внимания, но, похоже, осматривают зал, погруженный в тишину и покой, – и было

e

бы совершенно неправдоподобно, будто сыновья разумнейших сыновей Одиссея и Нестора – такие невежи, что не обращают никакого внимания на устроенное для них представление. Ведь сам Одиссей с интересом наблюдал за плясками феаков [Од.VIII.264]:

... с наслаждением

f Легкость сверкающих ног замечал Одиссей и дивился... –

хотя многое лежало у него на сердце, так что он мог сказать [Од.VIII.154]:

Мне не до игр: на душе несказанное горе...

И разве не был бы глуп и нелеп Телемах, под звуки музыки и прыжки акробатов склонившийся к Писистрату, чтобы обсудить достоинства посуды [Од.IV.70]? А ведь Гомер, подобно превосходному живописцу, изображает Телемаха во всём похожим на отца. Во всяком случае, их обоих узнают по слезам: одного при дворе Алкиноя [Од.VIII.521], другого при дворе Менелая [Од.IV.113].

12. В эпикуровском же «Пире» стоит гам льстецов, поющих друг другу хвалу; в «Пире» Платона, напротив, – сборище забияк, постоянно кого-нибудь задирающих; о речах Алкивиада и не говорю.

Только у Гомера мы видим разумное трезвое общение: и если однажды он хвалит Менелая, уверяя, будто к нему даже не смеют обратиться [Од.IV.160]:

он мнит, что ему неприлично²³,

b Вас посетивши впервые, себя выставить в разговоре
Смелом с тобою, пленяющем всех нас божественной речью... –

то в другой раз он упрекает его за неверное слово или поступок [Од.IV.193]:

Ныне ж послушайся, царь многоумный, меня: не люблю я
Слез за вечерней трапезою...

Вспомним также [Од.III.230]:

Странное слово из уст у тебя, Телемах, излетело... –

187* ибо не должно быть ни льстецом, ни насмешником.

А Эпикур опять-таки обращается в своем «Пире» к рассуждениям о несварении желудка – вплоть до гаданий по результатам его деятельности! – а потом к разговорам о лихорадках. О нескладности слога что и говорить! А у Платона – все эти мучения от икоты, облегчительное полоскание горла, засовывание пера в нос, чтобы добиться чиха [«Пир».185d-e], – ладно, допустим, что он хотел пошутить и поиздеваться, но далее он высмеивает исоколы²⁴ и антitezы Агафона и, наконец, выводит Алкивиада, признающего, что буруева похотью! И пишущие подобные вещи изгоняют Гомера из своих государств [Платон.«Государство».595]! Говоря сло-

d

* Перестановка текста традиционна для Афиня с издания Исаака Казобона 1597 г.

вами Демохара [ср.215с], как из тимьяна не получится наконецника копья, так и достойного мужа из таких речей. Не только над Алкивиадом потешается Платон, но и над Хармидом, Эвтидемом [«Пир».222b] и многими другими юношами. Чего и ждать, если осмеивается град афинян, святилище эллинских Муз, о котором Пиндар говорил «Эллады оплот», Фукидид же в эпиграмме на Еврипида [«Палатинская антология».VII.45] называл «Элладой Эллады», а пифийский бог – «очагом и пританеем эллинов»²⁵. Впрочем то, что Платон возводит на юношей напраслину, видно из его же сочинений. Об Алкивиаде в одноименном диалоге говорится, что он начал беседовать с Сократом, когда цвет его юности уже увял и он лишился всех своих поклонников: так сказано в самом начале диалога [«Алкивиад».103a]. В «Хармиде» же противоречия видны всякому из самого диалога: Сократ у него то опьянен и ошеломлен любовью к юноше, словно олененок, наткнувшийся на свирепого льва [«Хармид».155d], то вдруг утверждает, что ему нет дела до красоты Хармида.

13. Однако и хваленый «Пир» Ксенофонта имеет недостатки, не меньше этих. Например, Каллий собирает там пир в честь победы своего любимца Автолика в панкратии²⁶ на детских Панафинеях, и пирующие в присутствии отца не спускают с мальчика глаз. «Как свет, показавшийся ночью, притягивает к себе взоры всех, так и тут красота Автолика влекла к нему очи всех. Никто не оставался равнодушен, глядя на него: одни становились молчаливее, а другие выражали чувство даже телодвижениями [1,9]». У Гомера же не говорится ничего подобного даже в присутствии Елены, о красоте которой кто-то из недоброжелателей был вынужден сказать [Ил.III.156]:

Нет, осуждать невозможно, что Трои сыны и ахейцы
Брань за такую жену и беды столь долгие терпят:
Истинно, вечным богиням она красотою подобна!²⁷ –

хотя и добавляет:

Но, и столь прекрасная, пусть возвратится в Элладу.

Юноши же, прибывшие с визитом к Менелаю, – сын Нестора и Телемах, – несмотря на то что сидят на свадебном пиру, опьянены вином и ошеломлены знаменитой красотой Елены, сохраняют спокойствие, диктуемое правилами приличия. А Сократ? – чего ради он занят и флейтистками, и мальчиком-плясуном, и кифарою, и гимнасткой да еще умудряется клеймить при этом употребление благовоний [Ксенофонт.«Пир».2.3]? Да вздумай он ими надушиться, никто бы, конечно же, не удержался от смеха, памятуя стихи Аристофана [«Облака».103]:

...босоногие
Бахвалы, негодяи бледнорожие,
Сократ несчастный, Хэрефонт помешанный.

Но и дальнейшее никак не совместимо с суровостью его нрава. Вот Критобул, воспитанный мальчик, дерзит своему старику-учителю [Ксено-

фонт. «Пир». 4.19], заявляя, что тот уродливее Силенов. Сократ же вступает с ним в спор о красоте, берет в судьи мальчика с танцовщицей и предлагает установить наградой победителю поцелуй судей. Какой юноша, попав в такую компанию, не развратится скорее, чем продвинется к добродетели?

14. У Гомера же на пиру Менелая участники задают друг другу вопросы, как это принято в умном разговоре, и учтивою беседою услаждают себя и нас. Например, Менелай, когда гости вернулись из ванны и перед ними были разложены яства, следующими словами предлагает им принять участие в пире [Од. IV. 60]:

Пищи откушайте нашей, друзья, на здоровье, когда же
Свой утолите вы голод, спрошу я, какие вы люди? –

затем, в знак своего расположения, он гостеприимно добавляет им от своей собственной порции [65]:

Тут он им подал бычатины жареной кус, из почетной
Собственной части его отделивши своею рукою, –

а те, как это приличествует юношам, едят, соблюдая молчание; если же разговаривают, то близко склонившись друг к другу и не о кушаньях или о служанках хозяина, только что мывших их в ванной, но о богатом жилище их гостеприимца [74]:

Только у Зевса обитель убранство такое имеет.

(Именно так требует писать этот стих Селевк. Аристарх же безо всяких оснований пишет:

189 Зевс лишь один на Олимпе обитель такую имеет (αὐλή).

В самом деле, ведь гости восхищаются не просто красотой дома. И как бы, например, на стенах разместились янтарь, серебро, золото? Ведь если при осмотре юношами дома говорилось о «звонких покоех» [74], (то есть высоких и просторных), то в нашем стихе говорится об утвари [73]:

Блещет всё златом, серебром, янтарями, слоновою костью, –

с естественным продолжением:

б Только у Зевса обитель убранство такое имеет.
 Что за богатство! Как много всего! С изумленьем смотрю я.

Если же сказать:

Зевс лишь один на Олимпе имеет такую обитель, –

то после этого сказать:

Что за богатство! Как много всего! –

было бы в чтении крайней несвязностью.

15. Мало того, самое слово αὐλή («обитель») только с большой натяжкой можно понимать как «жилище». Ведь оно, как правило, относится к

предметам, имеющим сквозные пустоты. Мы говорим αὐλή, «имеет тягу», о пространстве, продуваемом воздухом с обеих сторон (διαυλονίζειν); отсюда и название флейты – «авлос», так как она продувается воздухом; таково и всё, что вытянуто в длину, будь то ристалище или струя крови [Од. XXII.18]:

Черная кровь тут горячей *струей* из ноздрей засвистала.

И шлем с вертикальной трубкой (для султана) называется «авлопида». И в Афинах существовали священные лощины-«авлоны» – о них упоминает Филохор в девятой книге своего сочинения. У Фукидида в четвертой книге [IV.103] и вообще у всех историков, писавших прозой, слово «авлон» мужского рода, однако у поэтов – женского. Так у Каркина в «Ахиллах» [TGF².798]:

В *глубокую лощину*, где засел отряд.

У Софокла в «Скифах» [TGF².252]:

И скалы, и пещеры, и *прибрежные*
Протоки.

Поэтому и у Эратосфена в «Гермесе»:

Надвое *логом глубоким* рассечен (βαθὺς αὐλών) ... –

форму мужского рода βαθύς следует понимать в смысле формы женского рода βαθεῖα, точно так же как θήλυς ἔέρσε – «свежая роса» [Од. V.467] вместо θήλεια.

Итак, всё пустотелое и прямолинейное называется «авла» или «авлон». Однако в современном языке авлами называются царские дворцы (дворы); так у Менандра [Kock.III.235]:

Сатрапам и *дворцам* (αὐλάς) прислуживать...

Также у Дифила [Kock.III.235]:

Толкаться во *дворцах* (αὐλάς) – занятие подлое
Бродяг, бедняг голодных да мошенников.

Это оттого, что перед дворцами бывает обширное открытое пространство, или потому, что царская охрана спит на открытом воздухе (παρὰυλίζεσθαι) за пределами дворцов. Но Гомер *всегда* употребляет слово αὐλή в смысле двора, то есть открытого пространства, где размещался алтарь Зевса Геркейского [т.е. Оградного]. По крайней мере, Пелея застают, когда он [Ил. XI.774],

Стоя в ограде *двора* (αὐλή) и держа златоблещущий кубок,
Черное оным вино возливал на священное пламя.

Приам же [Ил. XXIV.640]

Часто в оградах *двора* (αὐλή) по сметищам смрадным валялся.

И Одиссей приказывает Фемию и его спутнику [Од. XXII.375]:

190 ...из палаты, убийством наполненной вышел,
Сядь на дворе (εἰς αὐλήν) у ворот.

А что похвала Телемаха одновременно относилась и к дому, и к его убранству, ясно из ответа Менелая [Од. IV.78]:

Дети, нам, смертным, не можно равняться с владыкою Зевсом,
Ибо и дом, и сокровища Зевса, как сам он, нетленны.)

16. Однако пора вернуться к пиру, в котором Гомер искусно находит повод показать цену сокровищ любимого героя. Богатства его неоспоримы, и Менелай, вежливо пропустив мимо ушей похвалы Телемаха, не отрицает этих богатств, добавив только, чтобы избежать зависти, что добыл их «много претерпев» и менее всего заслуживает сравнения с богами:

Ибо и дом, и сокровища Зевса, как сам он, нетленны.

После же того как Менелай показал свою привязанность к брату, после его признаний, что он с трудом заставляет себя жить и наслаждаться богатством, произносит он слова, исполненные истинной дружбы [Од. IV.97]:

Рад бы остаться я с третью того, чем владею, лишь только б
Были те мужи на свете, которые в Трое просторном
Кончили жизнь, далеко от Аргоса, питателя коней.

И кто из потомков воинов, павших за такого человека, не согласился бы, что горечь от потери отца скрашивается благодарной памятью о нем? Однако, чтобы не показалось, что все, кто в равной степени доказал свое расположение к нему, для него одинаковы, Менелай добавляет [105]:

Но сколь ни сетую в сердце своем я, их всех поминая,
Мысль об одном наиболее губит мой сон и лишает
Пищи меня...

И чтобы не показалось, что он забыл кого-нибудь из близких этого человека (Одиссея), Менелай перечисляет их поименно [110]:

Плачет о нем безутешный родитель
Старец Лазрт, с Пенелопой разумной, с младым Телемахом,
Бывшим еще в пеленах при его удаленье из дома.

Когда же при воспоминании о доме у Телемаха брызнули слезы, Менелай осекся, и только с приходом Елены, обратившей внимание на необычайное сходство [Телемаха с отцом], – женщины ведь, ревниво заботясь о нравственности подруг, зорко умеют определять сходство детей с родителями, – а также после того как и Писистрат, чтобы не ос-

таваться молчаливым телохранителем, учтиво замолвил слово о стыдливости Телемаха, – только после этого Менелай продолжает свою мысль о любви к Одиссею, рядом с которым он хотел бы встретить свою старость. 17. Как водится, все заливаются слезами, но Елена, дочь мудрого Зевса, к тому же многое перенявшая от египетских мудрецов, разводит в вине некое целительное зелье и принимается за рассказ о своих встречах с Одиссеем, не переставая при этом прясть, – занятая не скуки ради, но приучась к этому с девичества. Ведь когда Афродита является к ней после поединка [Париса с Менелаем], то говорит [Ил.Ш.386]:

..уподобясь старице, древле рожденной,
Пряхе, что в прежние дни для нее в Лакедемене граде
Волну прекрасно прядла.

А что трудолюбие Елены – не случайность, это ясно из следующих стихов [Од.ІV.123,133]:

Кресла богатой работы подвинула сесть ей Адреста,
Мягкий ковер шерстяной положила ей в ноги Алкиппа,
Фило пришла с драгоценной корзиной серебряной, даром
Умной Алкандры, супруги Полиба.

...и эту корзину
Фило, пришедши, поставила подле царицы Елены,
Полную пряжи сученой; на ней же лежала и прялка
С шерстью волнистой пурпурного цвета.

Похоже, Елена и сама сознавала свое искусство в рукоделии. По крайней мере, даря Телемаху пеплос, она говорит [Од.ХV.125]:

Одежду
Эту, дитя мое милое, выбрала я, чтоб меня ты
Помнил, чтоб этой, мной сшитой одеждой на брачном веселом
Пире невесту украсил свою...

Это трудолюбие открывает нам целомудренность ее нрава: она не кичится и не чванится своей красотой; и, например, [Ирида] застает ее за работой – ткущей и вышивающей [Ил.Ш.125]:

В терем вошла, где Елена ткань великую ткала,
Светлый, двускладный покров, образуя на оном сраженья,
Подвиги конных троян и медянодопешных данаев,
В коих они за нее от Ареевых рук пострадали.

18. Учит нас Гомер также тому, что именно приглашенные должны предложить пригласившим окончить застолье. Так, Телемах обращается к Менелаю [Од.ІV.294]:

Время, однако, уж нам о постелях подумать, чтоб, сладко
В сон погружившись, на них успокоить усталые члены.

И Афина, принявшая облик Ментора, говорит Нестору [Од.Ш.332]:

Должно отрезать теперь языки, и царю Посейдону
Купно с другими богами вином сотворить возлиянье;
Время подумать о ложе покойном и сне миротворном.

Кажется, вообще неблагочестиво задерживаться на священных празднествах слишком долго. Отсюда и назидание Афины [Од.Ш.335]:

День на закате угас, и уж боле не будет прилично
Здесь нам сидеть на трапезе богов; удалиться пора нам.

f И в наше время сохранился обычай завершать некоторые обряды засветло. Также у египтян в древности, как сказано у писавшего об этом Аполлония, любое пиршество устраивалось очень скромно: обедали сидя, довольствуясь самой малой, простой и здоровой пищей, вина же пили не более, чем нужно для благодушия, о котором Пиндар просит у Зевса [fr.155]:

Что мне сделать в угоду
Тебе, мощный громом Зевс?
Друг Музам,
И отмеченный божественным Благодушием, –
О нем молю!..

192 Платоновский же пир – не сонм, не совет, не беседа философов. Сократ и не помышляет о прекращении попойки, хотя уже ушли Эриксимах, Федр и многие другие, но продолжает бдение с Агафоном и Аристофаном, потягивая и из серебряного колодца, – так кто-то [Хамелеонт; см.461с] удачно назвал эти громадные чаши, – и из мелкого фиала, пуская его вкруговую слева направо [ср.463f]. Далее рассказывается, что, после того как двое последних задремали – первым Аристофан, а на заре и Агафон, – Сократ уложил их, встал и отправился в Ликей, хотя (говорит Геродик) лучше б ему было пойти к гомеровским лестригонам, ибо [Од.Х.84]:

b

...легко б несонливый работник

Плату двойную там мог получить.

[ЕЩЕ О ПИРАХ ДРЕВНИХ]

19. Всякий раз, когда²⁸ древние собирались на пир, это делалось в честь какого-либо божества; отсюда и венки в честь богов, и гимны, и песни. И ни один раб не мог присутствовать при этом, а вино разливали свободные юноши, как, например, сын Менелая, хоть он был женихом и праздновал свадьбу. А у прекрасной Сапфо богам разливает вино сам Гермес. И всё остальное для пира готовилось свободными, заканчивали же пир и расходились засветло. У персов на пирах иногда даже держали советы, как и при Агамемноне на войне. Пир же Алкиноя, к которому от-

c

носятся слова Одиссея [Од.IX.5]:

Я же скажу, что великая сердцу утеха
Видеть, как целой страной обладает веселье; как всюду
Сладко пируют в домах, песнопевцам внимая... —

представлял собой торжественный прием гостя, хотя феаки и сами были большими любителями роскоши. Кто сравнит этот пир с пирушками философов, тот найдет его гораздо более благопристойным, ведь хотя он изобилует весельем и шутками, однако они не так незамысловаты, как кажется. Так, после гимнастических состязаний аэд поет нескромную песнь об «Ареса свиданьи любовном», но с намеком на расправу Одиссея с жениями: хитрый хромец²⁹ побеждает Ареса, самого свирепого из богов.

20. За трапезой древние сидели. Ведь у Гомера повсюду говорится [Од.I.145]:

...сели
чином на креслах и тронах.

Само по себе слово «трон» означает сиденья для знатных особ, с подставкой для ног, называемой θρήνυς, откуда и слово «трон»: по глаголу θρήσασθαι в значении «усесться», как у Филита:

Усесться (θρήσασθαι) под сенью платана густого.

Для кресел украшением служила наклонная спинка; простыми же сидениями были скамейки (δίφροι); одну из них и предлагает Телемах явившемуся под видом нищего Одиссею [Од.XX.259]:

К ней подвинув простую скамейку и низенький столик.

Кратеры, как видно из названия [«смесительные чаши»], стояли перед ними, наполненные разведенным вином; из них черпали молодые люди, прислуживавшие пирующим, следя за тем, чтобы кубки самых почетных гостей всегда были полными; остальным же разливали поровну. Поэтому Агамемнон и упрекает Идоменея [Ил.IV.262]:

...но кубок тебе непрестанно
Полный стоит, как и мне, да пьешь до желанья сердца.

И здравицы поднимали они не так как мы, выпивая до дна, но полными кубками; так, Одиссей [Ил.IX.224]:

Кубок налил и приветствовал, за руку взявши, Пелида.

Что касается числа трапез у древних, то уже говорилось [ср. 11b-f], что их было три (а не четыре), так как одну и ту же трапезу называли то полдником, то обедом. И смешны уверяющие, будто их было четыре, так как у поэта де сказано [Од.XVII.599] «ты ж приходи, повечеряв (δειλιήσας)»; ибо они не понимают, что это означает просто «проведя темное время суток». Тем более, что никто не укажет у Гомера случая, чтобы кто-нибудь при-

нимал пищу трижды в день. Еще одну ошибку совершают многие, помещая подряд следующие стихи [Од.IV.55]:

На него положила
Хлеб домовитая ключница с разным съестным, из запаса
Выданным ею охотно; на блюдах, подняв их высоко,
Мяса различного крайчий принес и его предложил им.

Ведь если кушанья положила ключница, то ясно, что они были из подручных мясных остатков, и крайчему незачем было их приносить: достаточно, стало быть, и двух стихов. После ухода обедавших столики уносились, как это происходит у женихов и феаков, о которых сказано [Од.VII.232]:

c Тою порой со столов все *вместилища* (ἐντεα) спешно убрали.

Ясно, что речь здесь идет о посуде, хотя слово ἐντεα означает и защитные доспехи – панцири, поножи и тому подобное – ведь они такое же вместилище для тела, как посуда – для съестного.

21. Жилища свои гомеровские герои называли *покоюми*, *хоромами* и *кущами*; мы же толкаемся по людским и гостиным.

[О СУМАСБРОДСТВАХ АНТИОХА ЭПИФАНА]

d Но каким же словом назвать мне, друзья мои, празднество Антиоха, прозванного Эпифаном (явленный бог) и потом за беспутное поведение переименованного в Эпимана (безумец)? Был он царем сирийской династии, одним из Селевкидов. Полибий говорит о нем так [XXVI.1]: «Иногда без ведома придворных скрывался он из дворца и бродил там и сям по городу на виду у всех в сопровождении одного-двух товарищей. Чаше всего можно было видеть его у серебряных и золотых дел мастеров, как он болтал с резчиками и иными рабочими и расспрашивал их об их ремесле. Потом он заводил знакомства и разговоры с первым встречным из простонародья и бражничал с кем попало из чужеземцев. Если бывало прослышит, что где-нибудь собрались молодые люди на пирушку, он без всякого предупреждения является к ним в шумном сообществе, с чашей в руках и с музыкой; собравшиеся в смущении от такой неожиданности вскакивали и убегали. Тоже нередко случалось, что он снимал с себя царское одеяние и в тоге соискателя на должность эдила или народного трибуна обходил рынок, пожимал руки одним, обнимал других, убеждая подавать голоса за него. Достигнув же царской власти, он, как римлянин, воссел в кресло из слоновой кости, выслушивал споры, какие происходили на рынке, и решал дела с большим вниманием и усердием. Подобного рода действиями царь приводил людей рассудительных в большое недоумение: одни видели в нем человека простодушного, другие безумца, ибо таков он был и в подарках: одним дарил козьи бабки, другим финики, третьим золото. Иногда,

f

194

случайно встречая людей, которых раньше никогда не видел, он и им неожиданно предлагал подарки. Однако в жертвенных приношениях городам или в чествованиях богов он превосходил всех царей. В этом можно убедиться по святилищу Зевса Олимпийского в Афинах или по изображениям у Делосского жертвенника. Антиох ходил мыться в общие бани, когда они были переполнены простонародьем, и приказывал носить за собой кувшины с самыми дорогими умощениями. Однажды в бане кто-то сказал ему: «Хорошо вам, цари, с такими умощениями». Ни слова не сказал на это Антиох; только на другой день подошел туда, где мылся тот человек, и велел вылить ему на голову наибольший кувшин масла, называемого стектой. Все купальщики при виде этого кинулись туда же, чтобы натереть себя маслом, и с хохотом падали на скользком полу. Скользил и смеялся и сам царь».

22. Этот самый царь [Полибий.XXXI.3], «прослышав о том, что в Македонии устроил игры римский военачальник Павел Эмилий, пожелал превзойти его великолепием и разослал по городам послов и феоров оповестить, что он устроит игры в Дафне, будучи уверен, что эллины отзовутся на его приглашение. Началом праздника служило торжественное шествие, совершавшееся в следующем порядке. Впереди шли пять тысяч мужчин цветущего возраста, вооруженных по-римски, в кольчугах; за ними следовали мисийцы тоже в числе пяти тысяч; затем три тысячи киликийцев в легком вооружении, с золотыми венками на головах, а за ними три тысячи фракийцев и пять тысяч галлов. Далее шли двадцать тысяч македонцев, из коих пять тысяч вооружены были медными щитами, а все прочие серебряными; за ними следовали двести сорок пар гладиаторов. Далее следовали тысяча нисейских всадников и три тысячи из граждан; большей частью лошади имели золотые уздечки, а всадники – золотые венки; у прочих лошади были в серебряных уздечках. Дальше ехали так называемые «конные товарищи» в числе тысячи человек; все лошади их носили золотые украшения; в том же числе и в таком же вооружении примыкал к ним отряд «друзей» в сопровождении тысячи отборных воинов, за которыми следовал почти тысячный отряд всадников – «агемат», который считается цветом конницы. Шествие замыкалось полуторатысячной панцирной конницей, в которой, как показывает самое название, лошади и люди были в панцирях. Все перечисленные участники шествия одеты были в багряные плащи, у многих воинов расшитые золотом или украшенные изображениями. Кроме поименованных отрядов было сто колесниц шестерней, и сорок – четверней, а за ними шла колесница в четыре слона и другая – в пару слонов; в одиночку следовало еще тридцать шесть слонов в полном вооружении.

23. Трудно было бы описать остальное шествие, поэтому мы ограничимся кратким перечнем. В процессии участвовало около восьмисот юношей в золотых венках, около тысячи откормленных быков, было около трехсот жертвенных столов, тут же было восемьсот слоновых бивней.

Число статуй не поддается счету: нет такого божества или демона, известного или чествуемого, статуи которого не было бы здесь, или вызолоченной, или облеченной в шитые золотом одежды; тут же были и статуи героев. Все эти статуи имели при себе пышные изображения событий, о которых передается в священных сказаниях. За ними следовали еще изображения Ночи и Дня, Земли и Неба, Утренней Зари и Полдня. Как велико было число золотых и серебряных вещей, можно видеть из следующего: в процессии одного из царских любимцев, нисийца Дионисия, серебряные предметы несла тысяча рабов, причем не было предмета легче тысячи драхм. Царских рабов с золотыми вещами было в процессии шестьсот. Кроме того, около двухсот женщин кропили благовонными жидкостями из золотых кувшинов. За ними следовали восемьдесят женщин на носилках с золотыми ножками и пятьсот женщин на носилках с серебряными ножками, все роскошно одетые. Такова была самая приметная часть процессии.

24. Во все тридцать дней, в течение которых давались представления, все участники игр, единоборств и охот умащали себя в гимнасии шафранным маслом из золотых сосудов; таких сосудов было пятнадцать, столько же с киннамоновым маслом и нардовым. В следующие за этим дни употреблялись масла из верблюжьего сена, амарака и ириса, все необычайно ароматные. Для пира накрывались лежа в числе тысячи и даже полторы тысячи, все роскошно отделанные. Распорядителем на празднестве был сам царь. На плохонькой лошаденке скакал он вдоль процессии, одних подгоняя вперед, других сдерживая. Во время пира он сам стоял у входа, пропуская одних гостей и усаживая на места других, или вводил слуг, разносивших яства. Обходя пирующих, он здесь присаживался, там возлегал. По временам бросал кусок, вскакивал и переходил на другое место, обходил пиршественный зал, принимая здравицы то там, то сям, и в то же время перекидываясь шуточками с музыкантами. Когда пиршество подходило к концу и многие уже удалились, шуты внесли царя, закутанного с головы до ног, и положили на землю, как одного из своих товарищей. Вскопивши под возбуждающие звуки музыки, он плясал и представлял вместе с шутами, так что все от стыда разбежались. Всё это празднество устроено было частью на те средства, которые он вывез из Египта, когда предательски напал на Филометора, тогда младенца еще, частью на приношения своих друзей. К тому же он разграбил многие святилища».

[О ТОРЖЕСТВАХ В АЛЕКСАНДРИИ]

196 25. После того как все пирующие изумились образу жизни царя, явившего себя не Эпифаном, но поистине Эпиманом, М а с у р и й рассказал еще и о празднестве, данном в Александрии великолепным Птолемеем Филадельфом, о котором Калликсен Родосский говорит следующее:

«Для начала я опишу павильон, специально построенный к празднеству внутри крепости – поотдаль от казарм, мастерских и постоянных дворов, – ибо его необычайная красота заслуживает отдельного рассказа. Размеры павильона позволяли размещать в нем по кругу сто тридцать b
лож, устроен же он был следующим образом. Прямоугольный архитрав, несший на себе всю крышу, укрывавшую пир, покоился на деревянных колоннах пятидесяти локтей высоты, расставленных по пять в длину и по четыре в ширину строения. Верх павильона был затянут алым полотном с белой каймой, а по обе стороны его были балки, оббитые тканью с белыми полосами, обильные складки которой походили на башни. Промежутки между балками закрывали расположенные в строгом порядке расписные плафоны. Угловые колонны были выполнены в виде финиковых c
пальм, остальные имели вид вакхических жезлов. С трех сторон колоннада была окружена перистилем со сводчатой галереей – в ней размещалась прислуга гостей. Внутри павильона были развешаны красные финикийские занавеси, в межколонных же промежутках висели громадные шкуры d
самых диких зверей. Пространство [между колоннадой и галереей], находившееся под открытым небом, укрывал навес из ветвей мирта, лавра и других подходящих растений. Пол павильона был усыпан множеством всевозможных цветов. Так как мягкость климата Египта и мастерство его садоводов позволяют в течение всего года в изобилии выращивать растения, в других странах редкие или появляющиеся только в определенное время, то в Египте всегда можно найти и розы, и левкои, и любые другие цветы. При том обстоятельстве, что действие происходило в середине зимы, картина, открывавшаяся глазам гостей, была особенно поразительна: цветы, которых в любом другом городе с трудом можно было бы набрать e
на один единственный венок, без счета расточались на венки множеству возлежавших гостей; мало того, густым слоем устилали пол павильона, воистину являя вид божественного луга.

26. В колоннаде было расставлено сто мраморных статуй работы лучших мастеров. Между колоннами были развешаны картины живописцев сиционской школы вперемежку с различными отборными портретами; f
были там и расшитые золотом хитоны, и прекраснейшие военные плащи; на некоторых были вышиты портреты царей, на других изображались мифологические сцены. Еще выше со всех сторон висели большие продолговатые щиты, попеременно серебряные и золотые. Пространство над ними образовывало ниши – по шесть в длину павильона и по четыре в ширину – размером в восемь локтей; в них были представлены пирующие компании трагических, комических и сатирических персонажей в настоящих одеждах 197
и с золотыми кубками. В промежутках между этими нишами стояли золотые дельфийские треножники на подставках. На самом же верху крыши возносились друг против друга золотые орлы размером в пятнадцать локтей. Вдоль обеих стен павильона были расставлены сто золотых лож с ножками в виде сфинксов, так что апсида напротив входа была оставлена

b свободной. Ложа были застелены пурпурными коврами с двусторонним ворсом, вытканными из шерсти высшего качества; поверх них – превосходной работы узорные покрывала. Серединный проход был покрыт мягкими персидскими коврами с вышитыми картинами великолепной работы. Возле пирующих стояло двести золотых треногих столов на серебряных подставках, по два на каждое ложе. Позади них для омовения рук было приготовлено сто тазиков и столько же кувшинов. Прямо напротив c пиршества был сооружен обширный поставец для киликов, кубков и прочей утвари, в которой могла возникнуть надобность, – всё это было с удивительным мастерством изготовлено из золота и усыпано камнями. Описывать всё это по частям и в подробностях было бы слишком утомительно; во всяком случае общий вес утвари составил бы десять тысяч талантов в пересчете на серебро.

27. Описав павильон и его убранство, обратимся к рассказу о торжественном шествии. Было оно на городском стадионе. Первой шла колонна d «Утренней звезды» (потому что начинались торжества как раз на ее восходе). За нею следовала колонна имени родителей царя и царицы, а потом – посвященные всем богам, с изображениями мифов о каждом из них. Последней была колонна «Вечерней звезды», после чего короткий зимний e день положил предел торжествам. Кто желает знать их подробности, пусть посмотрит протоколы четырехлетних игр. В Дионисовой процессии первыми, отесняя толпу, шествовали Силены, одетые в пурпурные и красные плащи. За ними – по двадцать через каждый стаций колонны – следовали Сатиры с факелами, украшенными позолоченными листьями плюща. За ними – Победы с золотыми крыльями: они везли кадила в шесть локтей вышины, обвитые позолоченными ветвями плюща; наряжены они были в расшитые хитоны и увешаны золотыми украшениями. f Следом везли двойной алтарь шести локтей в длину с рельефом из позолоченных листьев плюща; на нем лежал золотой венок из виноградных листьев, перевитый белыми лентами. Сопровождали его сто двадцать мальчиков в пурпурных хитонах; на золотых хлебных блюдах они несли ладан, мирру и шафран. За ними шли сорок Сатиров в золотых венках из плюща; у одних тела были раскрашены пурпуром, у других – суриком или 198 другими красками. Они тоже несли золотой венок в виде листьев винограда и плюща. Затем следовали двое Силенов в пурпурных плащах и белых башмаках. Один из них, в широкополой шляпе, держал в руке золотой жезл, другой нес трубу. Между ними шагал мужчина четырех локтей роста в трагическом наряде и маске: он нес золотой рог Изобилия и олицетворял собой Год. Его сопровождала женщина необычайной красоты и такого же роста, в прекрасном хитоне и вся в золоте. В одной руке она несла b венок из персеи, в другой – пальмовую ветвь; она олицетворяла Четырехлетие. Ее сопровождали четыре «Времени года» в богатых нарядах, со своими плодами. Затем опять две кадила в шесть локтей, украшенные золотым плющом; между ними золотой алтарь. И снова шли Сатиры

в плющевых венках из золота и в багряных плащах; одни из них несли золотой ковш, другие – финикийские кубки-кархесии. За ними – поэт Филиск, жрец Диониса, и все актеры. Следом несли дельфийские треножники – награды хорегам атлетических состязаний: один, девяти локтей высотой, для детских игр, другой, двенадцатилоктевый – для взрослых. 28. Далее – четырехколесная повозка четырнадцати локтей в длину и восьми в ширину; везли ее сто восемьдесят человек. На ней возвышалась статуя Диониса десяти локтей высоты, совершающего возлияние из золотого кубка; статуя была одета в пурпурный хитон до пят, поверх него прозрачное платье шафранного цвета, а сверху пурпурный плащ, расшитый золотом. Перед Дионисом стоял лаконский кратер из золота емкостью в пятнадцать метретов и золотой треножник, на котором находились золотая курильница и два золотых фиала, полные кассии и шафрана. Над статуей был раскинут навес, украшенный плющом, виноградными лозами и другими плодами, а по сторонам висели венки, ленты, тирсы, тимпаны, повязки, а также маски – сатировские, трагические и комические. За повозкой ...[следовали]... жрецы, жрицы и иеростолы, разные фиасы Дионисовых чтилелей, а также носильщицы корзинок с первинками плодов. За ними – македонские вакханки, «мималлоны», фракийские «бассары», «лидянки», все с распущенными волосами, головы у одних были обвиты змеями, у других – венками из тисса, винограда, плюща; в руках они сжимали змей и кинжалы. Следом за ними шестьдесят человек влекли четырехколесную повозку в восемь локтей ширины, на которой возвышалась статуя сидящей Нисы в восемь локтей высоты; одета она была в желтый хитон, шитый золотом, поверх был накинута лаконский гиматий. Эта статуя сама вставала без прикосновения рук, совершала возлияние молоком из золотого фиала и садилась обратно. В левой руке у нее был тирс, обвитый лентами, на голове золотой плющ с гроздьями драгоценных камней. Эта колесница тоже имела навес, а на четырех углах ее укреплены были позолоченные светильники. За ней тридцать человек влекли еще одну колесницу, длиной в двадцать локтей и шириной в одиннадцать; на ней был водружен винный пресс длиной в двадцать четыре и шириной в пятнадцать локтей, весь наполненный виноградными гроздьями. Шестьдесят Сатиров топтали их, распевая под звуки флейты виноградарскую песенку (эпиленион), а руководил ими Силен. И по всему пути на дорогу с повозки стекал винный сок.

Следом шестьсот человек тащили повозку длиной в двадцать пять и шириной в четырнадцать локтей, на которой лежал мех объемом в три тысячи метретов, сшитый из леопардовых шкур, и он также орошал дорогу вином. Сопровождали его сто двадцать Сатиров и Силенов в венках; одни несли в руках ковши, другие – фиалы, третьи – огромные кубки Ферикловой работы; все это было из золота. 29. Сразу за ними еще шестьсот человек везли четырехколесную повозку с серебряным кратером емкостью в шестьсот метретов. Под краем, под ручками и под днищем его бы-

ли вычеканены фигурки животных; в самой же широкой части кратер был обвит золотым венком, усыпанным камнями. Следом везли две серебряные стойки для киликов длиной в двенадцать и высотой в шесть локтей, c поверху с наверхьями, а посередине и на ножках с резными животными высотой в локоть и полтора. На них стояли десять тазов и одиннадцать кратеров емкостью от тридцати до пяти метретов; двадцать четыре украшенных желудями котла – все на подставах; два серебряных винных прес-са, на которых стояло двадцать четыре кувшина, стол двенадцати локтей d длины, целиком из серебра, и тридцать других, по шести локтей. Кроме того, было там еще четыре треножника – один окружностью в шестнад-цать локтей, весь в серебре, и три другие, поменьше, но посередине укра-шенные камнями. За ними везли восемьдесят серебряных дельфийских треножников, размерами поменьше, по углам... [с чеканкой] ... емкостью по четыре метрета каждый. Также двадцать шесть сосудов для воды (гид-рий), e шестнадцать панафинейских амфор, сто шестьдесят холодильных чаш (психтеров), самая большая из которых имела емкость шесть метре-тов, наименьшая – два; и всё это из серебра.

30. Следом за ними в процессии везли золотую утварь: четыре золо-тых лаконских кратера с венками из виноградных листьев ...[текст испор-чен]... другие емкостью по четыре метрета; и два коринфских – у этих свер-ху вдоль края были чеканены очень выразительные сидящие фигурки, а на горлышке и вокруг пояса – искусно выполненные барельефы. Каждый из кратеров вмещал по восемь метретов, и все они стояли на подставах. [Следом везли] винный пресс, на нем десять винных кувшинов; два таза, f каждый по пять метретов, две фляги по два метрета, двадцать две холо-дильные чаши, от тридцати метретов до одного. Далее везли четыре гро-мادных золотых треножника, золотую стойку для золотой посуды, усы-панную камнями, она была десяти локтей высоты с шестью полками, на которых во множестве были расставлены искусно выполненные четырех-двоймовые фигурки. Было там также два поставца для киликов и два сте-клянных сосуда, усыпанных драгоценными камнями; две золотых посуд-ных стойки (ἐγγυθήκη) высотой в четыре локтя, три других, поменьше, де-сять сосудов для воды, алтарь трех локтей высоты, двадцать пять хлебных 200 блюд. Следом шествовали тысяча шестьсот мальчиков в белых хитонах, одни в венках из плюща, другие – в сосновых. Двести пятьдесят из них не-сли золотые кувшины, четыреста – серебряные, триста двадцать несли зо-лотые холодильные чаши, остальные – серебряные. За ними другие маль-чики несли глиняные кувшины для сладостей; двадцать из них были позоло-чены, пятьдесят – посеребрены, а триста остальных были расписаны вос-ковыми красками (энкаустикой) всех цветов. И так как в сосудах для воды b и бочонках уже были приготовлены напитки, вся публика на стадионе должным образом «подсластилась».

31. После этого [Калликсен] описывает столы в четыре локтя, на ко-торых было роскошно представлено множество занимательных сцен; сре-

ди них свадьба Семелы, где некоторые персонажи были наряжены в расшитые золотом хитоны с драгоценными камнями. Следует упомянуть и «четырёхколесную повозку длиной в двадцать два локтя и шириной в четырнадцать, которую везли пятьсот человек; на ней был устроен удивительный грот, густо затененный плющом и тисом, из него на протяжении всего пути вылетали голуби и голубки, а чтобы зрители могли их ловить, к их лапкам были привязаны шерстяные нитки. Из грота били два фонтана: один – молоком, другой – вином. Все нимфы, стоявшие вокруг [Диониса-младенца], были в золотых венках, Гермес держал золотой жезл глашатая, и все были наряжены в дорогие одежды. На другой колеснице, представлявшей «Возвращение Диониса из Индии», на слоне сидел Дионис, ростом в двенадцать локтей, одетый в пурпурный плащ и увенчанный золотым венком в виде плющевых и виноградных листьев; в руках у него был золотой тирс, на ногах его были сандалии с золотыми ремешками. Перед ним на шее слона сидел Сатир, ростом в пять локтей, в сосновом венке из золота; в правой руке он держал козий рог и трубил в него. Слон был в золотой сбруе с золотым плющевым венком на шее. Их сопровождали пятьсот девушек в пурпурных хитонах с золотыми поясами; передняя их группа, числом в сто двадцать, была в сосновых венках из золота. За ними шли сто двадцать Сатиров в полном вооружении, у одних – из золота, у других – из серебра или меди. За ними следовали пять ослиных табунов; на них ехали увенчанные Сатиры и Силены. У одних ослов сбруя и налобники были из золота, у других – из серебра. 32. Следом были пущены двадцать четыре колесницы, запряженные слонами, шестьдесят парных упряжек, запряженных козлами, двенадцать – сайгаками, семь – африканскими антилопами, пятнадцать – буйволами, восемь – страусами, семь – ослиными оленями, и четыре повозки, запряженные парами диких ослов. На всех повозках стояли мальчики, наряженные в хитоны и широкополые шляпы возничих. Рядом с ними стояли вооруженные легкими полукруглыми щитами и тирсами девочки в плащах, украшенных золотыми монетами. У возниц на головах были сосновые венки, у девочек – плющевые. За ними шли шесть верблюжьих караванов – по три с каждой стороны; им следовали запряженные мулами повозки. На них были сооружены варварские шатры, под которыми сидели индуски и женщины других народностей в невольничьих одеждах. Верблюды же несли триста мин ладана, триста – мирры, по двести – шафрана, кассии, киннамона, корня фиалки и других благовоний. За ними с данью шли эфиопы. Они несли шестьсот слоновьих бивней, две тысячи стволов черного дерева и шестьдесят кратеров с золотыми и серебряными монетами и золотым песком. За ними – ... охотники с позолоченными рогатинами. Вели две тысячи четырехста [охотничьих] собак – индийских, гирканских, молосских и других пород. Затем – сто пятьдесят мужей с шестью, на которых было множество разных птиц и животных. За ними в клетках несли попугаев, павлинов, цесарок, фазанов и эфиопских птиц – и всё это в великом множестве».

с

d

e

f

201

b

Перечислив несметное количество других вещей, [Калликсен] пере-
 с c числяет стада животных: «Сто тридцать эфиопских овец, триста аравий-
 ских, двадцать эвбейских, а также двадцать шесть индийских быков, цели-
 ком белых, восемь эфиопских, одна большая белая медведица, четырнад-
 цать леопардов, шестнадцать пантер, четыре рыси, три медвежонка, одна
 жирафа и один эфиопский носорог. 33. Следом – на четырехколесной по-
 возке – везли Диониса-просителя, спасающегося от преследований Геры у
 алтаря Реи. Он был в золотом венке; рядом стоял в золотом венке из плю-
 ща Приап. На статуе Геры была золотая диадема. Далее стояли статуи
 d Александра и Птолемея, увенчанные плющевыми венками из золота. Ста-
 туя Добродетели, стоявшая близ Птолемея, была увенчана золотым вен-
 ком из листьев оливы. Приап, стоявший подле них, также был увенчан зо-
 лотым венком из плюща. Возле Птолемея стояла также статуя города Ко-
 ринфа, увенчанная золотой диадемой. Рядом стоял поставец для киλικов,
 полный золота, а также золотой кратер, вмещавший пять метретов. За
 этой колесницей шли женщины в нарядных плащах с дорогими украшения-
 e ми – они олицетворяли города: некоторые – ионийские, а остальные – те-
 эллинские, которыми прежде в Азии и на островах владели персы. Все они
 были в золотых венках. На других колесницах везли вакхический тирс в
 девяносто локтей длины и серебряное копье в шестьдесят локтей, а на от-
 дельной повозке – золотой фаллос в сто двадцать локтей, разрисованный
 и обвитый золотыми лентами; на конце его была золотая звезда окружно-
 стью в шесть локтей».

Хотя [Калликсен] приводит в рассказе об этой процессии еще множе-
 f ство разных подробностей, я упомянул только о золоте и серебре. Но там
 было и много другого достойного внимания; например, дикие звери и ло-
 шади без счета, а также двадцать четыре громадных льва. «Кроме того,
 было много других колесниц с изображениями царей и богов. После них
 шествовал мужской хор из шестисот человек; среди них – триста кифари-
 202 стов, игравших слаженно как один человек. Были они в золотых венках,
 кифары их были позолочены. За ними провели две тысячи молодых одно-
 мастных волов с позолоченными рогами, в золотых налобниках. Венки на
 рогах, цепи и эгиды на груди – всё было из золота. 34. За ними прошли
 процессии, посвященные Зевсу и множеству других богов, но прежде все-
 го – Александру. Его золотую статую, по бокам которой стояли статуи
 b Ники и Афины, везли на колеснице, запряженной живыми слонами. Вез-
 ли также много тронов из золота и слоновой кости; на один из них была
 возложена золотая диадема, на другой – позолоченный рог, на третий – зо-
 лотая корона, на четвертый – еще один рог из чистого золота. На трон
 Птолемея Сотера был возложен венец, сложенный из десяти тысяч золо-
 тых монет. Везли также триста пятьдесят золотых курильниц, были и по-
 золоченные алтари с золотыми венками, а на одном из них были воздвиг-
 нуты четыре золотых факела десяти локтей высоты. Везли и две позоло-
 ченные жаровни; одна была двенадцати локтей в окружности и сорока в

высоту, другая – пятнадцати локтей. Везли девять золотых дельфийских треножников по четыре локтя каждый и восемь по шесть локтей; один был в тридцать локтей, и на нем стояли золотые фигуры высотой в пять локтей, а опоясывал его виноградный венок из чистого золота. Проследовали также семь позолоченных финиковых пальм восьми локтей в высоту, позолоченный жезл глашатая сорока пяти локтей в длину, позолоченный перун в сорок локтей длины, позолоченная модель храма в сорок локтей охвата и, наконец, двойной рог восьми локтей высотой. В процессии несли также множество позолоченных фигур – большинство двенадцати локтей в высоту; однако среди них были [фигуры] диких животных необычайных размеров и орлов двадцати локтей в высоту. Золотых венков было три тысячи двести. Среди них выделялся венок в виде миртовых ветвей окружностью в восемьдесят локтей, богато украшенный драгоценными камнями. Он висел на портале гробницы Береники, там же висела и золотая эгида. Было и множество золотых диадем, одна из которых была двух локтей высоты и одиннадцати локтей в окружности, – их несли богато наряженные девушки. Пронесли также и золотой панцирь в двенадцать локтей и другой, серебряный, в восемнадцать локтей, с двумя золотыми перунами в десять локтей, а также дубовый венок из золота с драгоценными камнями. Золотых щитов было двадцать, золотых доспехов – шестьдесят четыре, золотых поножей в три локтя – две пары, двенадцать золотых копыт, великое множество золотых фиалов, тридцать ковшей для разливания вина, десять больших кувшинов для мазей, двенадцать сосудов для воды, пятьдесят хлебных блюд, самые различные столы, пять поставцов для золотой посуды и рог из золота тридцати локтей в длину. И всё это – не считая золота, пронесенного в процессии Диониса! Далее – четыреста повозок серебряной посуды и двадцать золотой, восемьсот повозок с благовониями. 35. Затем прошли конница и пехота, вооруженные до зубов: пехоты было примерно пятьдесят семь тысяч семьсот человек, конницы – двадцать три тысячи двести. Все они проследовали в надлежащих одеяниях и должным образом вооруженные. Помимо тех доспехов, что были на них, множество других были сложены отдельно, и число их невозможно назвать». Однако Калликсен не затруднился перечислить и это.

«На данных после этого играх двадцать победителей получили золотые венки. Птолемей Первый и Береника были почтены тремя изваяниями на колесницах и священными участками в Додоне. Общие расходы в местной монете составили две тысячи двести тридцать девять талантов и пятьдесят мин; и все это благодаря энтузиазму организаторов было отсчитано экономами еще до окончания зрелищ. Сын же их, Птолемей ФилADELF, был удостоен двух золотых изваяний на золотых колесницах, воздвигнутых на столпах: один был шести локтей в высоту, пять – пяти локтей и шесть – в четыре локтя высоты.

36. Какая другая держава, друзья мои застольники, была столь же обильна золотом? Такого богатства нельзя, конечно, найти ни у персов, ни

- c в Вавилоне, нельзя его добыть в рудниках или намыть в несущем золотой песок Пактоле! Ибо только Нил, по праву зовущийся «златоструйным», вместе со щедрыми урожаями приносит неподдельное золото – земледелие без риска. И плодов его достаточно, чтобы, посылая их, подобно «дарам Триптолема», во все концы земли, питать человечество. Поэтому и поэт Парменон из Византия называет его Зевсом: «О Нил, Египта Зевс!»»
- d Превосходя таким богатством многих властителей, Птолемей Филадельф с великим рвением занялся всяческим строительством. Превзошел он всех и числом кораблей. Только самых крупных судов у него было вот сколько: два с тридцатью скамьями для гребцов, один с двадцатью, четыре с тринадцатью, два с двенадцатью, четырнадцать с одиннадцатью, тридцать с девятью, тридцать семь с семью, пять с шестью и семнадцать с пятью; судов же с числом скамей от четырех до полутора вдвое больше. А всего кораблей, плававших на острова и в другие города, находившиеся под его владычеством, а также в Ливию, было четыре тысячи. Что касается количества переписанных книг, построенных библиотек, коллекции,
- e собранной в Мусее, то стоит ли говорить о том, что известно всем?

[КОРАБЛИ ПТОЛЕМЕЯ ФИЛОПАТОРА]

37. Поскольку мы уже заговорили о постройке кораблей, расскажем и о кораблях, построенных царем Птолемеем Филопатором, ибо об этом стоит послушать. Тот же Калликсен так рассказывает о них в первой книге своего сочинения «Об Александрии»:

- «Филопатор построил тессараконтеру³⁰, имевшую в длину двести восемьдесят локтей, а от борта до борта тридцать восемь локтей; в высоту же до верхнего края борта – сорок восемь локтей, а от верха кормы до ватерлинии – пятьдесят три локтя. Корабль имел четыре рулевых весла по тридцать локтей; длина весел верхнего ряда – самых больших – была тридцать восемь локтей; так как в их рукоятках находился свинец, то они во внутренней части корабля были очень тяжелыми, что давало им равновесие и делало удобными для гребли. Корабль имел два носа и две кормы и семь бивней, из них один передний, а другие постепенно уменьшающейся длины, некоторые на скулах корабля. Скрепляющих обвязок он имел двенадцать, каждая длиной в шестьсот локтей. Корабль имел необычайно красивые пропорции. Удивительно красиво было и его снаряжение: на корме и на носу были фигуры не менее двенадцати локтей вышиной, и повсюду он был расцвечен восковыми красками, а часть борта с отверстиями для весел до самого киля была разукрашена резьбой – листовй плющом и тирсами. Очень красивые были и снасти; они заполняли все отведенные для них части корабля. При испытании корабль имел свыше четырех
- f
- 204
- b

тысяч гребцов и четыреста человек обслуживающей команды; на палубе поместилась пехота в числе трех тысяч без ста пятидесяти; да кроме того, под скамьями гребцов – еще много людей и немало продовольствия. Спущен он был с помоста, на который, говорят, пошло столько дерева, сколько на пятьдесят пентер³¹, и толпа стаскивала его с криками и трубными звуками. Лишь потом один финикиец изобрел иной способ спуска. Он выкопал рядом с гаванью ров, длиною равный кораблю, и выложил его крепким камнем на глубину пяти локтей, и расставил по нему поперечные катки во всю ширину рва, оставлявшие пространство глубиной в четыре локтя. Проведя канал от моря, он наполнил морской водой вырытое пространство и легко ввел туда корабль при помощи первых попавшихся людей. Загородив потом ...[порча в оригинале]... канал, они вычерпали воду машинами. После этого корабль оказался прочно посаженным на упомянутые выше катки.

38. Построил Филопатор и речное судно, так называемую «барку с каютами» (θαλαμηγός), длина которой достигала полутора стадий, а ширина тридцати локтей, высота же вместе с палубными надстройками – почти сорок локтей. Конструкция барки, будучи приспособленной к плаванию по реке, отличалась и от длинных военных судов, и от круглых торговых. А именно, для придания ей малой осадки днище ниже ватерлинии было сделано плоским и широким, корпус же был высок и широко растянут, особенно в носовой части, что придавало силуэту барки изящный изгиб. Барка имела два носа и две кормы³², борта же были сделаны высокими из-за того, что на реке нередко поднимались большие волны. Внутри корпуса были обеденные комнаты, спальни и все остальное, необходимое для проживания. Вокруг судна с трех сторон шла двухэтажная галерея длиной не менее пяти плетров. По своему устройству нижняя палуба походила на перистиль; верхняя же – на закрытый перистиль, обнесенный стеной с оконцами. Поднимаясь на барку с кормы, человек оказывался перед открытым помещением с колоннадами справа и слева, со стороны же носа находились пропилеи из слоновой кости и дорогого дерева самых ценных пород. Проходящие его оказывались как бы перед крытым просцениумом, за которым находилось за четырьмя дверями помещение с выходом на галерею. По обе стороны, слева и справа, на уровне пола находились амбразуры, обеспечивавшие проток воздуха. Через эти входы можно было пройти в большой зал на двадцать лож и с колоннами по стенам. Большинство колонн было из расколотого кедра и милетского³³ кипариса; а двадцать дверей со всех сторон были склеены из туевых досок и украшены слоновой костью. Декоративные гвозди и дверные кольца были из красной меди, позолоченной на огне. Стволы колонн были из кипариса, капители же, коринфского ордера, были покрыты золотом и слоновой костью. Балка над колоннами была из чистого золота, и на ней был фриз с видными фигурами из слоновой кости высотой более локтя – посредственной работы,

но впечатлявший роскошью. Потолок был штучный, из кипарисового дерева, с позолоченной лепниной. К обеденному залу примыкала спальня на семь лож; из нее можно было выйти в узкий коридор, шедший поперек всего судна от одного борта до другого; он отделял женскую половину от мужской. На женской половине был обеденный зал лишь на девять лож, но великолепием не уступавший мужскому, и женская спальня на пять лож. Таково было устройство первого этажа.

39. Поднявшись на второй этаж по лестницам, расположенным около спальни, можно было пройти в зал на пять лож с потолком из ромбовидных панелей. Рядом располагался круглый храм Афродиты с мраморной статуей богини. Напротив него был еще один роскошный обеденный зал, окруженный колоннадами из индийского мрамора. На этом этаже также размещались спальни, убранством подобные нижним. Пройдя по направлению к носу барки, можно было войти в зал тринадцати лож, посвященный Дионису, тоже со всех сторон с колоннами. Карнизы и архитравы всех четырех колоннад были позолочены; потолок же был расписан в духе этого бога. Со стороны правого борта в зале была устроена ниша; снаружи она имела вид природного камня, но была искусно изготовлена из драгоценностей и золота. Здесь стояли портретные статуи царского семейства из паросского мрамора. Очень хорошо был и верхний обеденный зал, располагавшийся над самым большим залом; он был устроен на манер шатра и вместо крыши имел навес: на дугообразных прутьях, шедших вдоль длины всего зала, натягивались пурпурные ткани. За этим залом шла открытая палуба, располагавшаяся над нижним вестибюлем. С нее по винтовой лестнице можно было спуститься в крытую галерею и обеденный зал на девять лож. Он был выстроен в египетском стиле. У египтян колонны утолщаются кверху и складываются поочередно из разных барабанов, белых и черных. Иногда капители их колонн круглы и походят на приоткрывшийся розовый бутон. А вокруг идут не завитки и аканфы, как на эллинских капителях, но чашечки цветов речного лотоса и бутоны финиковых пальм; иногда бывают изваяния и других цветов. Нижние части капителей, так называемые «корни», прилегающие к барабану, были в том же стиле: они представляли собой переплетенные цветы и листья египетских бобов. Таковы египетские колонны; стены они разукрашивают полосами из белого и черного кирпича; однако иногда их делают также из так называемого алебастрового камня. На корабле было еще много других помещений, размещавшихся на всем протяжении корпуса. Мачта имела высоту семьдесят локтей, парус был выткан из виссона, а его верхняя часть была окрашена пурпуром.

Все сокровища царя Птолемея Филадельфа, сберегавшиеся столь долгое время, были пущены на ветер последним Птолемеем, ввязавшимся в габиниеву войну и показавшим себя не мужем, но флейтистом и фокусником.

[КОРАБЛЬ ГИЕРОНА]

40. Я думаю, нельзя умолчать и о корабле, построенном Гиероном Сиракузским³⁴, тем более что постройкой его руководил геометр Архимед. Некий Мосхион издал об этом судне сочинение, которое я недавно внимательно прочитал. Вот что пишет об этом Мосхион.

«Диоклид из Абдеры удивляется осадной машине, которую Деметрий подвел к стенам города Родоса³⁵; Тимей дивился погребальному костру сицилийского тирана Дионисия, Иероним³⁶ – колеснице, изготовленной для перевозки тела Александра³⁷, Поликлит³⁸ – светильнику, сделанному для персидского царя. Сиракузский же царь Гиерон, друг римлян, строитель храмов и гимнасиев, более всего усерден был в сооружении кораблей и строил множество судов для перевозки зерна. О постройке одного из них я напомним.

Заготовляя материал, царь велел привезти с Этны столько лесу, что его хватило бы на шестьдесят четырехрядных кораблей. Когда это было исполнено, он доставил – частично из Италии, частично из Сицилии – дерево для изготовления клиньев, шпангоутов, поперечных брусьев и на другие нужды; для канатов коноплю привезли из Иберии, пеньку и смолу – с реки Родана; словом, все необходимое было свезено отовсюду. Гиерон собрал также корабельных плотников и других ремесленников, а во главе их поставил Архия, кораблестроителя из Коринфа, и приказал ему немедленно приступить к работам. Он и сам также целые дни проводил на верфи. За шесть месяцев корабль был наполовину закончен. Каждая готовая часть немедленно обшивалась свинцовой чешуей; ее выделявали триста мастеров, не считая подручных. Наконец царь приказал спустить наполовину готовое судно на воду, чтобы там завершить остальные работы. О том, как это сделать, было много споров; но механик Архимед один с немногими помощниками сумел сдвинуть огромный корабль с места, изготовив систему блоков с лебедками: Архимед первым изобрел устройство сложных блоков. Остальные работы на корабле заняли также шесть месяцев. Все судно было сбито медными скрепами, большей частью они весили по десять мин каждая, а иные и в полтора раза тяжелее: они скрепляли поперечные брусья, и гнезда для них сверлили буравами. Дерево обшили свинцовой чешуей, подложив под нее пропитанное смолой полотно. Когда внешняя отделка корабля была закончена, стали оборудовать его изнутри.

41. Это было судно с двадцатью скамьями для гребцов и с тремя проходами один под другим. Самый нижний проход, к которому нужно было спускаться по множеству крепких лестниц, вел к трюму, второй был сделан для тех, кто хотел пройти в каюты, и, наконец, последний предназначался для вооруженных воинов. По обе стороны среднего прохода находились каюты для едущих на корабле, числом тридцать, по четыре лежа в каждой. Помещение для корабельщиков имело залу на пятнадцать лож и

d три отдельных покая по четыре ложа в каждом; к ним примыкала находившаяся на корме кухня. Пол этих кают был выложен из плиток разного камня, и на нем были удивительно изображены все события «Илиады». Там же искусно было сделано и остальное: потолки, двери, убранство.

e Возле верхнего прохода находились гимнасий и помещения для прогулок, соразмерные величине корабля. В них были грядки, дивно цветущие разными растениями, получавшие влагу из скрытых свинцовых желобов. Были там и беседки из белого плюща и виноградных лоз, корни которых питались из наполненных землею глиняных бочек; эти тенистые беседки, орошавшиеся точно так же, как и сады, служили местом для прогулок. Рядом было святилище Афродиты, в котором могли поместиться три ложа; его пол сложили из агата и других самых красивых камней на острове, потолок и стены были из кипарисового дерева, а двери – из слоновой кости и туи. Покой был обильно украшен картинами, статуями и разными сосудами.

f 42. За ним шла зала для занятий размером на пять лож³⁹, стены и двери здесь были из самшита (здесь была библиотека), а на потолке – небесная сфера, как на солнечных часах в Ахрадине⁴⁰. Была на корабле и баня размером на три ложа с тремя медными котлами и ванной из пестрого тавроменийского камня, вмещавшей пять метретов воды. Было и много кают для солдат и надсмотрщиков трюмов. Поодаль находились конюшни, по десять у каждого борта, рядом с ними был сложен корм для лошадей и пожитки конников и рабов. Закрытая цистерна для воды находилась на носу корабля и вмещала две тысячи метретов; она была сделана из досок и просмоленного полотна. Рядом с нею был устроен рыбный садок, также закрытый, сделанный из досок и полос свинца; его наполняли морской водой и держали в нем много рыбы. А по обе стороны бортов через равные промежутки наружу были вынесены балки, на которых находились клетки для дров, печи, кухни, мельницы и многие другие службы. Снаружи борт корабля опоясывали атланты по шести локтей в высоту; расположенные на одинаковом расстоянии друг от друга, они поддерживали всю тяжесть надстройки. И все судно было покрыто подобающей росписью.

208

b 43. На корабле было восемь башен, сообразной ему величины: две на корме, столько же на носу, остальные – посредине. На каждой было по две выступающих балки с проемами, чтобы бросать камни в плывущих внизу врагов. На каждой башне стояли четверо вооруженных воинов и два стрелка из лука. Вся внутренность башен была заполнена камнями и стрелами. Вдоль всех бортов шла стена с зубцами, а за ней – настил, поддерживаемый трехногими козлами. На настиле стояла катапульта, бросавшая камни весом в три таланта и копья длиной в двенадцать локтей. Машину эту построил Архимед; и камни, и копья она метала на целый стадий. За стеной были подвешены на медных цепях кожаные занавесы из плотно сплетенных ремней. К каждой из трех мачт корабля было приделано по две балки для метания камней; с них в нападающего противника можно было бросать абордажные крючья и свинцовые глыбы. Корабль был об-

d

несен частоколом из железных брусев против тех, кто захотел бы ворваться на судно. Железные крючья вокруг бортов, приводимые в движение механизмами, могли захватить вражеский корабль, силой повернуть его и поставить под удар метательных орудий. У каждого борта стояло по шестьдесят юношей в полном вооружении, и столько же окружало мачты и башни с камнеметами. И на мачтах, на их медных верхушках, сидели люди; на первой – трое, на второй – двое, на третьей – один. Рабы поднимали камни и дротики в плетеных корзинах при помощи ворота.

На корабле были четыре деревянных якоря и восемь железных. Бревна для второй и третьей мачты были найдены легко; но дерево для первой мачты с трудом отыскал в горах Бруттия какой-то свинопас, а к морю его доставил механик Филей из Тавромения. Трюмную воду, даже когда ее набиралось очень много, вычерпывал только один человек при помощи винта, изобретенного Архимедом⁴¹. Назвали корабль «Сиракузия», но когда Гиерон отослал его [в Египет], он был переименован в «Александриду». На буксире за ним шли: первым – грузовой бот грузоподъемностью в три тысячи талантов, двигался он только на веслах, а за ним – рыболовные суда, по полторы тысячи талантов каждое, и множество лодок. Экипаж судна составлял не менее [...] человек; кроме тех, кого я уже упомянул, еще шестьсот человек стояло на носу в ожидании распоряжений. Чтобы судить за совершенные на корабле преступления, был создан суд, состоящий из корабельщика, кормчего и командира над гребцами; судили они по сиракузским законам.

44. На корабль погрузили шестьдесят тысяч медимнов хлеба, десять тысяч бочек с сицилийскими соленьями, две тысячи талантов шерсти и две тысячи талантов прочих грузов, не считая продовольствия для пливших на нем людей. Однако, когда к Гиерону стали приходить сообщения, что такой корабль в одни гавани вообще не сможет войти, в других же не будет находиться в безопасности, он решил послать его в дар царю Птолемею⁴² в Александрию, потому что в Египте тогда был недород. Так он и сделал: корабль был отведен в Александрию и там вытащен на берег. Гиерон также вознаграждал поэта Архимела, написавшего в честь корабля эпиграмму, тысячью медимнов пшеницы, отослав их в Пирей за свой собственный счет. Вот она:

Кто дерзновенный корабль исполинский воздвигнул на тверди?
Крепким канатом его сдвинуть по суше сумел?
К ребрам дубовым приладил он прочные, гибкие доски,
Острой секирой срубил чреву гигантскому крепь.
Корпус пенителя моря, возвысаясь вершинною Этной,
Ширью бортов посрамил остров кикладский любой.
Кто совершил этот подвиг? Гиганты ли, гордые силой,
Гневного Зевса презрев, вышли на неба тропу?
Мачтами звезд достигает; трехглавые гордые башни,
Скрытые пологом туч, мощным подобны горам.

Якорь же держат канаты, достойные Ксеркса-владыки.
 Им, крепкожилым, легко с Сестом связать Абидос.
 Нос корабля, как скала; остановит прохожего надпись:
 С твердой землей разлучив, морю он отдал корабль.
 Се совершил Гиерон, Гиероклом рожденный наследник.
 Властью не зря облечен, дорог дориец богам.
 Дарит плодов изобилие Элладе Сицилии милой.
 О колебатель земли, бурям корабль не отдай!»

Я сознательно не говорю о священной триере Антигона⁴³, при помощи которой он одержал победу над стратегами Птолемея при Левколлах на острове Кос, где он и посвятил ее Аполлону; ведь водоизмещение этой триеры не составило бы и трети, если не четверти, «Сиракузии» или «Александриды».

45. У меня получился, однако, уже целый «Каталог кораблей»⁴⁴, начатый, правда, не с беотийцев, а с праздничных процессий. Но я вижу, наш добрый У л ь п и а н уже готов задать вопрос, о какой это посудной стойке (ἑγγυθήκη) говорилось у Калликсена [см. 199с]. Поэтому скажу: существует даже приписываемая оратору Лисию речь, называемая «О посудной стойке», которая начинается так: «Если бы, господа судьи, Лисимен предъявлял разумный и умеренный иск...», и где ответчик продолжает: «...то я не стал бы судиться из-за посудной стойки – она не сто́ит и тридцати драхм». Далее он говорит, что стойка была из бронзы: «В прошлом году я решил ее починить и отдал меднику. Она разборная и украшена мордами сатиров и бычьими головами. ...[лакуна]... и другая тех же размеров. Ведь мастер обычно изготавливает много одинаковой или похожей мебели». Это свидетельство Лисия – о том, что стойка были из бронзы, – прекрасно согласуется с тем утверждением Калликсена, что на нее ставились котлы и тазики. Фактически то же самое говорит и географ Полемон в третьей книге «К Адею и Антигону», когда описывает сюжеты фресок на стенах Стои Полемарха во Флиунте (расписал ее Силлак из Регия, о котором упоминают Эпихарм и Симонид – у него ведь написано: «...поставец и на нем кубок»). И Гегесандр Дельфийский рассказывает в записках «О статуях людей и божеств», что дельфийский поставец работы Главка из Хиоса⁴⁵ похож на железную посудную стойку, пожертвованную когда-то Алиаттом и упоминаемую Геродотом [I.25], который называет ее *подставой под кратер*. Так пишет Гегесандр. Однако сам я тоже видел ее, когда осматривал приношения в Дельфах; на нее стоило посмотреть из-за украшавших ее барельефов – на них вырезаны чудные букашки и прочие козявки и былинки. Служила она подставой под кратеры и другую посуду. Но то, что называют посудной стойкой (ἑγγυθήκη) жители Александрии, – это треугольник, полый посередине, так что внутри него можно поставить глиняный кувшин. У бедняков они деревянные, у богачей – из бронзы и серебра.

46. Впрочем, пока я разбирался с посудными поставками, мне опять припомнились цари-хлебосолы. Так, Посидоний [FHG.III.257] пишет о царе,

одноименном с уже упомянутым Антиохом⁴⁶, сыне Деметрия, что он ежедневно устраивал приемы, на которых толпы гостей истребляли огромные горы снеди, и после этого каждому еще предлагались домой целые телеги неразделанных туш птиц, сухопутных и морских животных, приготовленных целиком; и кроме того, еще медовые пироги, венки из смирны и лада-на, золотые повязки, длиной в человеческий рост. И другой царь Антиох⁴⁷, празднуя игры в Дафне, тоже, согласно Посидонию [FHG.III.263], устраивал пышные приемы: «Прежде всего он устраивал раздачи гостям неразделанных туш, после чего раздавались живые гуси, зайцы и газели. Пирующим также вручались золотые венки и несметные количества серебряной утвари, рабов, лошадей и верблюдов. Причем каждый должен был взойти на верблюда и осушить кубок, после чего он принимал верблюда вместе с груженым на него добром и рабом-наездником». «И все сирийцы, – пишет Посидоний [FHG.III.258], – которых изобилие пастбищ избавило от страданий бедности, устраивали непрерывные празднества, собираясь большими компаниями; гимнасии они использовали как простые бани, умащаясь в них дорогими маслами и благовониями; а в помещениях для общественных трапез (γρᾰσισταῖᾰ) они просто жили, как у себя дома, целыми днями набивая свои утробы едой и питьем и унося все, что не смогли съесть; слух свой они непрерывно оглушали громким бряцанием арф, наполняя шумом целые города».

[О ФИЛОСОФАХ В БОЮ И НА ТРОНЕ]

47. Но мне, любезные друзья мои, больше нравится то, что случилось на пиру царя Сирии Александра⁴⁸. Этот самый Александр считался незаконнорожденным сыном Антиоха Эпифана⁴⁹... [лакуна]... вследствие чего всеобщая ненависть обратилась против Деметрия⁵⁰, о котором рассказал наш друг Афиней в сочинении «О сирийских царях». Так вот, на этом пиру произошел случай следующего рода. Был такой эпикуреец Диоген, родом из Селевкии Вавилонской, ловкий в своем философском ремесле; он частенько бывал на приемах у царя, который, впрочем, предпочитал стоиков. Александр очень уважал Диогена, хотя человеком тот был негодным и злоречивым и ради острого словца не щадил даже царского достоинства. Однажды Диоген попросил царя о милости, странной для философа, – разрешить ему носить пурпурную тунiku и золотой венок с ликом богини Добродетели, чьим жрецом хотел он стать. Царь согласился и даже прибавил ему в подарок золотой венок. Диоген же, влюбившись в актрису-лисиодку⁵¹, преподнес все свои регалии ей. Узнав об этом, Александр созвал на пир философов и самых достойных и уважаемых людей, а потом послал за Диогеном. Когда тот явился, царь предložил ему возлечь в пожалованных венке и облачениях. Диоген отговорился тем, что это бы-

d ло бы неуместной профанацией священных предметов. И вот дали знак к началу музыкального представления; вышли артисты, и среди них та самая актриса в пурпурной тунике и венке Добродетели. Раздался хохот, но Диоген, как ни в чем не бывало, продолжал расхваливать актрису. Позднее Антиох⁵², наследовавший царскую власть, не вынес злословия этого Диогена и приказал перерезать ему горло.

e Александр во всем отличался кротостью и любил поговорить о словесности. Этим он был очень непохож на философа-перипатетика Афиниона⁵³, бывшего главою школ в Афинах, а также в Мессении и фессалийской Ларисе и ставшего потом тираном в Афинах. Его историю подробно изложил Посидоний из Апамеи [FHG.III.266], и, хотя она довольно длинна, я не замедлю пересказать из нее, что помню, чтобы мы зорче присматривались ко всем, величающим себя философами, и меньше доверялись коротким плащам и длинным бородам. Ведь, говоря словами Агафона [TGF². 766]:

Коль правду расскажу, то не порадую;
А коль пораду, скажу неправду я, –

«но истина, – говорит он, – дороже нам», и я расскажу об этом человеке всё, как было.

[ТИРАНИЯ АФИНИОНА]

f 48. «Итак, был в школе перипатетика Эримния некий Афинион, с необычайным рвением посвящавший себя наукам. Приобретя рабыню-египтянку, он сошелся с ней; когда же она родила мальчика, – от него ли, от другого ли, – ему дали имя хозяина и оставили в доме. Он подучился грамоте, а когда хозяин состарился, то вдвоем с матерью водил его под руки. Когда же старший Афинион умер, юноша завладел наследством, незаконно вписал себя в списки и стал полноправным афинским гражданином. Вскоре он женился на смазливой бабенке и принялся с ее помощью заманивать молодежь учиться софистике. Поработав таким софистом в Мессении и в фессалийской Ларисе, он сколотил на этом капиталец и возвратился в Афины.

212 Здесь афиняне избрали его послом к Митридату⁵⁴, шедшему в это время от удачи к удаче. И вот Афинион втерся в доверие к царю, стал одним из его ближайших наперсников и сделал при нем блестящую карьеру. Тогда он принялся рассылать письма, в которых возбуждал афинян пустыми посулами: его де величайшее влияние на каппадокийского царя позволит им не только избавиться от [римских] недоимок и даней, чтобы жить в мире и согласии, но и можно будет восстановить демократическое правление и получить от царя великие дары государству и отдельным гражданам.

b В конце концов афиняне и впрямь польстились на это и поверили в крушение римского владычества.

49. Итак, когда уже вся Азия отпала [от римлян], Афинион отплыл на родину, однако натерпелся от непогоды и был отнесен ветрами в Каристию. Узнав об этом, сыны Кекроповы⁵⁵ послали за ним боевые корабли с паланкином на серебряных ножках. Но вот он уже прибывает! Навстречу ему высыпал почти весь город; сбежалось множество зевак, дивясь небывалому повороту фортуны: выскочка Афинион, в философском своем плаще даже издали не выдавший пурпура, теперь въезжает в Афины в паланкине с серебряными ножками и пурпурными покрывалами – даже из римлян никто так не роскошествовал над Аттикой! Поглазеть на это сбегались мужчины, женщины и дети; они возлагали на Митридата небывалые упования: – вот ведь наш бедняк Афинион, побивавшийся уроками, кто сколько даст, теперь по милости царя дерзко шествует по градам и весям. Встречали его и служители Диониса (актеры), призывая его как вестника нового Диониса⁵⁶ к общему торжеству для молитв и возлияний.

И вот, пустившись когда-то в путь из наемного жилища, Афинион поселяется в доме Диея, – богатевшего в то время на доходы с Делоса, – битком набитом коврами и картинами, статуями и горами серебряной утвари. К народу он оттуда выходит в белоснежном волочащемся плаще, на пальце у него золотой перстень с ликом царя, перед ним и за ним толпа прислужников. Дионисовы актеры в священной ограде под крик глашатая приносят жертвы в честь явления Афиниона.

На следующий день перед его домом собралась большая толпа, дожидаясь его выхода: весь Керамик наполнен горожанами и приезжими; народ без зова сбегается на собрание. С большим трудом пролагает он себе дорогу, оберегаемый доброхотами, каждый старается дотронуться до его платья, чтобы возвеличиться перед толпой.

50. Взойдя, наконец, на возвышение, устроенное перед портиком Атала⁵⁷ для римских военачальников, он постоял некоторое время, оглядывая толпу; затем вскинул взор и возгласил: «Афиняне! Положение дел и польза отечества велют мне поведать обо всем, что мне известно; но я не могу решиться – так важно и невероятно то, что я должен сказать». Все вокруг в один голос крикнули, чтобы он говорил без страха. «Хорошо, – говорит он, – вы услышите, о чем и не смели мечтать, что и во сне не могло привидеться. Царь Митридат владеет Вифинией и Верхней Каппадокией, у ног его вся Азия вплоть до Памфилии и Киликии, ему служат оружием цари Армении, Персии и вожди народов Меотиды и всего Понта на тридцать тысяч стадий вокруг. Римский командующий в Памфилии Квинт Оппий⁵⁸ выдан царю и следует за ним в окопах; бывший консул Маний Аквиллий⁵⁹, этот сицилийский триумфатор, связан цепью по рукам и ногам и бастарн-великан, пяти локтей ростом, тащит его пешего за своим конем. Из остальных римских граждан одни лежат, простершись у алтарей богов, а другие, сменив римские одежды на родные квадратные плащи, снова называют себя по исконным родинам. И все города, воздавая царю сверхчеловеческие почести, именуют его богом. Пророчества со всех концов све-

с та вещают грядущую власть над миром. Поэтому и во Фракию, и в Македонию уже отправлены великие воинства, и все края Европы на его стороне: вокруг него толпятся послы не только от италиков⁶⁰, но и от карфагян, готовых общими усилиями сокрушить Рим».

d 51. Здесь он помолчал, чтобы дать толпе обсудить неслыханные известия, потер лоб и продолжал: «Что же я предлагаю? Прежде всего, не сносить более того безвластия, которое поддерживает у нас римский сенат, пока-де он там не придумает, как нам здесь жить. Не потерпим замкнутых заброшенных храмов, гимнасиев, безлюдного театра⁶¹, безмолвия в судах! Не забудем об освященном божескими пророчествами Пниксе⁶², отнятом у народа! Не потерпим, афиняне, молчания священного голоса Иакха, закрытия великого храма двух богинь⁶³, безгласия в философских школах!»

e После того как этот природный раб наговорил еще много в том же роде, толпа, обсудив услышанное, ринулась в театр, где выбрала его начальником войска. «Шествую, словно Пифокл⁶⁴», пройдоха-перипатетик⁶⁵ прошел в оркестру и поблагодарил афинян: «Выбрав сейчас меня, вы самих себя избрали. С вашей помощью я сделаю всё, что в ваших силах».

f После этого он назначил себе товарищей по своему выбору, сам называя имена. 52. Через несколько дней он стал тираном, явив на практике пифагорейское учение о заговорах⁶⁶, а заодно и истинное значение философии
214 доброго Пифагора, как описывают его Феопомп в восьмой книге «Истории Филиппа» [FHG.I.288] и ученик Каллимаха Гермипп [FHG.III.41]. Презрев заветы Аристотеля и Феофраста, он прежде всего убрал с дороги добропорядочных граждан⁶⁷ (поистине, верна поговорка: «Рабу не давай ножа!») и поставил у ворот стражу. Многим афинянам в страхе за свое будущее пришлось по ночам спускаться со стен на веревках и бежать из города, но Афинион посылал вслед им конников, которые одних убивали на месте, а других приводили в оковах: охранники его были набраны из тяжелой конницы. На собраниях он нередко изображал показное сочувствие римлянам ...[лакуна]... Многих он казнил, обвинив их в сношениях с беглецами и подготовке переворота. К каждым воротам он поставил по

b тридцать стражников и никому не позволял ни входить, ни выходить. Он конфисковал имущество многих граждан и набрал столько денег, что набил ими несколько колодцев. По большим дорогам он разослал шайки ловить беглецов; их приводили к нему, он пытал их на дыбе и казнил без суда. Многих он обвинил в измене, утверждая, будто они готовят возвращение беглецов: некоторые из них от страха бежали сами, остальных приговаривали в суде, и он сам подсчитывал голоса и опускал камешки. В

c конце концов он довел город до нехватки самого необходимого, даже ячмень и пшеницу выдавали по малости. Повсюду он рассылал своих латников ловить [самовольно] вернувшихся или бежавших граждан; схваченных забивали палками, иные еще до казни умирали под пытками. И было велено после захода солнца всем сидеть по домам и не ходить по улицам даже с фонарями.

d

53. Расхищал он имущество не только граждан, но уже и чужестранцев, дотянувшись даже до сокровищ делосского бога. Он послал на Делос теосца Апелликона, недавно ставшего афинянином, бывалого хитреца и авантюриста. Этот Апелликон когда-то занимался перипатетической философией; будучи богат, он купил библиотеку Аристотеля и множество других книг и уже стал тайком приобретать подлинники старинных постановлений народного собрания из храма Матери богов⁶⁸, а также тащить из других городов всё, что находил древнего и редкостного. Когда его уличили, он едва не погиб, но успел скрыться из Афин. Вскоре он вернулся, сумел ко многим подслужиться и пристал к Афиниону как товарищ по перипатетической школе. Но Афинион уже забыл философию и кормил неразумных афинян птичьими пайками, по хойнику ячменя на четыре дня⁶⁹. Этого Апелликона он отправил с войском на Делос⁷⁰. Тот вел себя там не как на войне, а как на прогулке: со стороны города он выставил хоть какую-то стражу, а со стороны моря не позаботился ни о чем и разместился на ночлег, не огородившись даже тыном. Когда об этом узнал Оробий⁷¹, римский претор на Делосе, то, дождавшись безлунной ночи, он вывел свои войска и, напад на спящих и пьяных, перерезал афинян и их союзников как стадо овец: погибли шестьсот человек и около четырех тысяч были взяты в плен, а доблестный стратег Апелликон спасся бегством. Когда Оробий заметил, что многие беглецы собираются по крестьянским дворам, он сжег их вместе с домами и сжег их осадные машины, даже ту осадную башню, которую Апелликон соорудил, высадившись на остров. На этом месте Оробий установил трофей и алтарь, на котором приказал написать:

Эта могила хранит чужеземных гостей, что сгубили
 Души, сражаясь вокруг Делоса в битве морской.
 Долго терзали тогда афиняне остров священный;
 Был у них общий Арес с каппадокийским царем».

54. А в Тарсе тираном стал [другой] философ, эпикуреец⁷² по имени Лисий⁷³. Когда родной город избрал его «венценосцем» (так называли жрецов Геракла), он не сложил [по истечении срока] свои полномочия, но захватил власть и прямо из плаща переделался в пурпурный хитон с белыми полосами, набросил поверх дорожную всадническую накидку, обулся в белые лаконские башмаки, голову увенчал золотым лавровым венком. Имущество богатых он раздавал беднякам и многих сопротивлявшимся казнил.

55. Такие вот получают⁷⁴ из философов воители. Демохар говорил о них: «Как из тимьяна не сделаешь наконецник копья, так и хорошего воина из Сократа». А ведь Платон рассказывает об участии Сократа в трех походах⁷⁵: под Потидею, Амфиполь и на беотийцев, когда и произошла битва при Делии. И хотя это никем более не подтверждается, Платон даже говорит, что в то время, как все афиняне бежали с поля боя и многие были убиты, Сократ якобы удостоился военных наград. Всё это ложь.

В поход под Амфиполь, предпринятый в архонтство Алкея, Клеон, по свидетельству Фукидида [V.2], повел отборное войско. Зачем было в него призывать Сократа, у которого никогда не было ничего, кроме плаща да посоха? У какого историка или поэта рассказано об этом? Где у Фукидида хоть словом упоминается этот платоновский воин Сократ? «Что посоху до щита?» И когда это он сражался под Потидеей, как утверждает у Платона в «Хармиде»? Платон уверяет, что Сократ отказался тогда от наград, уступив их Алкивиаду. Но ни у Фукидида, ни у Исократ в речи «Об упряжке» [16.12] ничего об этом не сказано. И в какой битве, собственно, заработал Сократ эти награды и что совершил славного и замечательного? Ведь, судя по Фукидиду, никакой битвы там и не было! Но Платону мало этих чудес, он присочиняет к ним еще и подвиг при Делии. Однако, даже если бы Сократ действительно был при Делии (как утверждает ученик Кратета Геродик в сочинении «Против поклонника Сократа»⁷⁶), ему пришлось бы вместе со всеми *спасаться бегством*, когда Пагонд⁷⁷ ударил врасплох из-за холма двумя отрядами конницы [Фукидид.IV.96]. Одни из афинян бросились тогда к Делию, другие к морю, третьи – к Оропу, четвертые – к горе Парнефу; а за ними гнались беотийцы и многих убили, в особенности конники, среди которых были и локры. Среди паники и страха, охвативших афинян, мог ли один Сократ, «величественно взирая налево, направо»⁷⁸ [«Пир».221b], стоять, отражая конницу беотийцев и локров? Фукидид и поэты молчат о подобном мужестве. И мог ли Сократ уступить заслуженные им награды Алкивиаду, который вовсе не участвовал в битве? Мало того, в «Критоне» [52b] сам Платон⁷⁹, этот друг Мнемосины, прямо говорит, что Сократ никогда не выезжал из Афин, – только один раз на Истмии. Сократик Антисфен рассказывает о наградах то же самое, что и Платон. «Неверно слово это!» [Стесихор], – этот киник-собака просто льстит своему Сократу. Поэтому ни тому, ни другому не следует доверять, взяв в проводники Фукидида. Антисфен даже добавляет новую ложь: «Слышали мы, Сократ, что и за битву с беотийцами ты получил награду. – Молчи, чужеземец, то Алкивиад, а не я. – Да; мы слышали, ты ему уступил ее». Платоновский Сократ тоже говорит, что был под Потидеей и уступил награду Алкивиаду. Однако поход на Потидею во главе с Формионом⁸⁰ по единодушному признанию всех историков был раньше похода на Делий.

56. Итак, философы не только во многом вольно обращаются с истинной, но и не замечают даже хронологических ошибок. И превосходный Ксенофонт, изображая пир, данный Каллием, сыном Гиппоника, влюбленным в Автолика, сына Ликона, в честь победы того в панкратии, представляет среди других гостей и себя самого, хотя он, вероятно, еще не родился или был малым ребенком⁸¹. Ведь все это должно было происходить в год архонства Аристона⁸², так как именно в этом году Эвполид при участии Демострата поставил свою комедию «Автолик», в которой высмеял его победу. Опять же, в другом месте «Пира» [8.32] Ксенофонт за-

ставляет Сократа заявлять следующее: «Правда, Павсаний, влюбленный в поэта Агафона⁸³, говорит в защиту распутников, что войско из влюбленных и любимых было бы непобедимо, потому что им-де стыдно было бы покидать друг друга. Странное мнение: будто люди, привыкшие презирать упреки и бесстыдствовать, будут так стыдиться дурного поступка!» Однако из платоновского «Пира» можно заключить, что Павсаний ничего подобного не говорил. Ибо писанных сочинений Павсания я не знаю, а разговоры его о пользе от любовников имеются только у Платона. Впрочем, даже неважно, выдумал ли это Ксенофонт или прочел в какой-нибудь рукописи платоновского «Пира», отличной от нашей. Дело в том, что он допустил здесь хронологическую ошибку: Аристион, в архонтство которого происходит ксенофоновский пир, пятью годами предшествует Эвфему⁸⁴, в архонтство которого Платон относит празднование победы Агафона⁸⁵, где Павсаний и распространялся о любви. Странно и нелепо, что Сократ на пире у Каллия поправляет как недостойное то, что только через четыре года будет сказано в доме Агафона!

57. Полон вздора и платоновский «Пир»! Ведь когда Агафон одержал победу, Платону было всего четырнадцать лет: Агафон был увенчан на Ленеи в архонтство Эвфема, Платон же родился в архонтство Аполлодора⁸⁶, бывшего после Эвтидема⁸⁷, и скончался, прожив восемьдесят два года, в архонтство Феофила⁸⁸, бывшего после Каллимаха, который является восемьдесят вторым после Аполлодора; а от платоновского рождения четырнадцатым является Эвфем, при котором и состоялось застолье в честь победы Агафона. Да и сам Платон поясняет, что встреча эта состоялась давным-давно, говоря в «Пире» [172c]: «— [Видимо, тот, кто тебе рассказывал, и впрямь не рассказал тебе ничего толком], если ты думаешь, будто беседа происходила недавно, так что я мог там присутствовать. — Да, — отвечал он. — Да что ты, Главкон? — воскликнул я. — Разве ты не знаешь, что Агафон уже много лет здесь не живет?» И далее Платон говорит: «— Однако скажи мне, когда состоялась эта беседа? — И я ответил, что еще во времена нашего детства, когда Агафон получил награду за свою трагедию».

То, что сочинения Платона полны анахронизмов, можно показать на множестве примеров. И если поэт сказал: «...болтает, что на ум придет», то Платон без колебаний это *записывает*. Ведь это не в болтовне, но «по размышлении зрелом» Платон утверждает, например, в «Горгии» [471a]: 58. «— Значит, этот самый Архелай, по твоему разумению, несчастен? — Да, мой друг, если он несправедлив». Затем, прямо упомянув, что Архелай — это нынешний македонский царь, немного ниже он пишет [503c]: «...ни даже про Перикла, хотя уж он-то умер совсем недавно». Но если Перикл умер недавно, то Архелай еще не царь, если же он царствует, то Перикл умер уже давным-давно. Ибо Архелаю предшествовал Пердикка, процарствовавший, согласно Аканфию Никомедийскому, сорок один год, по Феопомпу — тридцать пять лет, по Анаксимену — сорок, по Иерониму —

- двадцать пять, по Марсию и Филохору – двадцать три года; выберем из этих противоречивых данных наименьшее число – двадцать три года. Перикл же скончался на третьем году Пелопоннесской войны в архонтство Эпаминонда⁸⁹, при котором умер ...[текст испорчен]... Пердикка и царская власть перешла к Архелаю. Как же Платон мог сказать, будто Перикл умер недавно? В том же «Горгии» Платон заставляет Сократа произносить следующее [473e-f]: «Когда в прошлом году мне выпал жребий заседать в Совете и наша фила председательствовала⁹⁰, то я должен был ставить вопрос на обсуждение, но лишь вызвал общий смех, потому что не знал, как это делается». Не по неопытности отказался от этого Сократ, а по гражданскому мужеству; он не захотел нарушить демократические законы. Это прекрасно показывает Ксенофонт в первой книге «Греческой истории» [I.7.14]: «Когда же и некоторые из пританов заявили, что они не могут предлагать народу противозаконное голосование⁹¹, то Калликсен, взойдя на трибуну, стал их обличать, а народ стал кричать, чтобы отказывающиеся ставить вопрос на голосование были тоже привлечены к суду; и тогда все пританы в страхе уступили – все, кроме Сократа, сына Софронискова, который заявил, что он во всем будет поступать только по закону». На голосование ставилось обвинение Эрасинида и других стратегов в том, что они не подобрали тела погибших в морском сражении [при Аргинусских островах]. Это сражение произошло в архонтство Каллия⁹², спустя двадцать четыре года после кончины Перикла.
- b 59. И это еще не все. Возьмем диалог «Протагор». Речь в нем идет о повторном приезде Протагора, произошедшем несколько дней назад⁹³ [309d], причем упоминается, что после смерти Гиппоника Каллий унаследовал его состояние. Этот Гиппоник в архонтство Эвтидема⁹⁴ был вместе с Никием поставлен командующим в битве против жителей Танагры и помогавших им беотийцев и победил их⁹⁵. Умер он, скорее всего, незадолго до постановки «Лысцев» Эвполида в архонтство Алкея⁹⁶: из этой комедии видно, что Каллий получил наследство лишь недавно. У Эвполида Протагор уже живет в Афинах; двумя же годами ранее у Амипсия в «Конне»⁹⁷ он еще не включен в хор «мыслителей». Ясно, что его приезд произошел в промежутке между двумя этими датами. Однако в «Протагоре» Платон изображает и элидянина Гиппия с несколькими земляками присутствующим в Афинах [314c, 315b], а это было бы небезопасно до заключения годичного перемирия в месяце элафеболионе⁹⁸ в год архонтства Исарха⁹⁹ [Фукидид. IV.117–118]. Платон полагает, что беседа происходит вскоре после перемирия; и при этом говорит [327d]: «Если бы они были какими-нибудь дикарями вроде тех, что в прошлом году поэт Ферекрат вывел на Ленеях¹⁰⁰». «Дикари» же были поставлены в архонтство Аристиона¹⁰¹, после которого был Астифил, четвертый после Исарха (при котором было заключено перемирие): ведь после Исарха идут Аминий, Алкей, Аристион, Астифил. Следовательно, Платон в своем диалоге вопреки истории приводит их в Афины как граждан неприятельского государства, потому что срок [годичного] перемирия давно истек.
- c
- d
- e

60. В других сочинениях Платон утверждает¹⁰² [Платон. «Апология Сократа». 21a], будто Хэрефонт спросил Пифию, есть ли кто-нибудь мудрее Сократа, и получил ответ: «никто». Однако Ксенофонт, и в этом противореча Платону, говорит [Ксенофонт. «Апология Сократа». 14]: «Однажды Хэрефонт вопрошал обо мне бога в Дельфах, и Аполлон в присутствии многих изрек, что нет человека более справедливого и здравомысленного, чем я». В самом деле, разве может быть правдоподобным и убедительным, чтобы всезнающий бог назвал мудрейшим из людей Сократа, который сам признавался, что ничего не знает? Ведь если мудрость в том, чтобы «ничего не знать», то [божье] «всё знать» будет только глупостью. И что за нужда была Хэрефонту докучать божеству расспросами о Сократе? Тот и сам убедительно говорил, что не мудр. «И был бы глуп спросивший бога о таком», например: «бывает ли шерсть мягче аттической?», или «бывают ли верблюды выносливее бактрийских?», или «есть ли кто курносее Сократа?» Ведь божество едко смеется над такими вопросами; так, например, спросившему (был ли это баснописец Эзоп или кто другой):

Как бы мне разбогатеть, Расскажи, сын Латоны и Зевса, –
был дан издевательский ответ:

Коль завладеешь серединой Коринфа и Сикиона.

61. А уж того, что наговорил о Сократе Платон, о нем не назлословил ни один сочинитель комедий: что он был сыном «суровой» повитухи [«Тезет». 149a], что сварливая Ксантиппа выливала ему на голову помой¹⁰³, что он переспал под одним плащом с Алкивиадом [«Пир». 219b], – уж это должно было быть высмеяно хотя бы тем же Аристофаном, который присутствовал на платоновском «Пире» при рассказе Алкивиада. Аристофан столько обличал Сократа в развращении юношества, что непременно здесь поднял бы шум. Но вот что мудрая Аспасия, обучавшая риторике Сократа, говорит в стихах, сохранившихся под ее именем и процитированных учеником Кратета Геродиком:

Друг мой Сократ, я вижу твое разбитое сердце:
Сын Диномахи и Клиния в том виноват. Но послушай,
Если желаешь достигнуть ты цели своей вожделенной,
Должен последовать точно Аспасии добрым советам!
Весть возбудила меня, запыхало от радости тело,
Очи мои увлажнили божественной влагою слезы.
Пусть же тебя опьянит вдохновением нежная Муза.
Пой беззаветно тому, кто внимает с охотою песне.
Пылкость влюбленного – это оружие Эрота, поверь мне.
Свадебный дар песнопенья любимое сердце добудет.

Следовательно, Сократ сам выслеживает [мальчика], имея учительницей в любви милетянку, а не попадает в расставленные ему сети, как представлено у Платона. И он, видимо, не перестает плакаться – ведь увидев, в

e каком состоянии он находился, Аспасия продолжает:

Милый Сократ, отчего ты в слезах изнемог? Неужели
Вихрем, что в сердце бушует, любовным сражен безответно,
Ранен жестокостью глаз, потерял ты бальзам утешенья,
Многу обещанный.

f А что Сократ действительно был влюблен в Алкивиада, несмотря на то
что тому было под тридцать, Платон сам ясно указывает в «Протагоре»
[309a]: «– Откуда ты, Сократ? Впрочем, и так ясно: с охоты за красотой
Алкивиада! А мне, когда я видел его недавно, он показался уже взрос-
лым – хоть и прекрасным, но все же взрослым: ведь, между нами говоря,
220 Сократ, у него уже борода пробивается. – Так что же из этого? Разве ты
не согласен с Гомером [Од.Х.279], который сказал, что самая приятная по-
ра юности – это когда показывается первый пушок над губой: то самое,
что теперь у Алкивиада?»

62. И вообще говоря, из философов вышло гораздо больше хулителей,
чем из записных остряков! Взять хотя бы сократика Эскина¹⁰⁴: в диалоге
«Телавг» он высмеивает Критобула, сына Критона, за жизнь, проведен-
ную в грязи и невежестве; что же до самого Телавга, очень бедного рито-
ра, то здесь Эскин его сверх всяких мер бранится, что он щеголяет гим-
тием и тратит на его мытье у суконщика по пол-обола в день, подпоясыва-
ясь овчинкой и подвязывая обувь гнилыми веревочками. В диалоге «Аспа-
сия» Эскин обзывает Гиппонику, сына Каллия, дураком, а всех ионийских
b женщин развратницами и проститутками. Диалог «Каллий» пересказыва-
ет распри Каллия со своим отцом и высмеивает софистов Продика и Ана-
ксагора: Продик, на беду, воспитал Ферамена, Анаксагор – Филоксена,
сына Эриксидова, и Арифрада, брата кифареда Аригнота: испорченность
и порочность воспитанников, по его замыслу, должны изобличать воспи-
t тателей. В диалоге «Аксиох» он едко обрушивается на Алкивиада, изобра-
жая того пьяницей и охотником до чужих жен. 63. Антисфен во втором
«Кире» тоже бранит Алкивиада: он-де беззаконник и во всем, и по части
женщин – по-персидски спит со своей матерью, и с дочерью, и с сестрой.
Его диалог «Политик» содержит нападки на всех афинских демагогов;
d «Архелай» – на ратора Горгия, «Аспасия» – на Ксантиппа и Парала, сыно-
вей Перикла: один-де из них был сожителем Архестрата, который вел се-
бя как низкопробная шлюха, другой – друг-приятель Эвфема, задевавшие
всех прохожих грубыми и неуместными шутками. Мерзко и похабно пе-
реименовав Платона в Сафона, он издал под таким названием направлен-
e ный против него диалог. Ведь всей этой публике ни один политик не ка-
жется честным, ни стратег разумным, ни мудрец серьезным, ни поэт по-
лезным, ни простой народ здравомыслящим. Один Сократ у них безупре-
чен – и когда валяется по притонам с флейтистами Аспасии, и когда рас-
толковывает панцирному мастеру Пистону [как тому делать свою работу],
и когда учит гетеру Феодоту приманивать клиентов, как это представлено

у Ксенофонта во второй книге «Воспоминаний»¹⁰⁵. При этом он заставляет Сократа давать Феодоте такие советы, до которых не додумались бы ни самиянка Нико, ни лесбиянка Каллистрата, ни левкадянка Филениния, ни даже афинянин Пифоник, весьма поднаторевшие в своем ремесле. Да мне дня не достало бы, стань я перечислять высокомерную брань философов! Говоря словами Платона [«Федр».229d], «нахлынет на меня целая орава всяких горгон и пегасов и несметное скопище разных других нелепых чудовищ».

[О ГОРГОНАХ]

64. На этом М а с у р и й закончил свою длинную речь, и все были поражены его ученостью. Затянувшееся молчание прервал У л ь п и а н, воскликнув:

«Дорогие сотрапезники, уж не захлебнулись ли вы в этом неожиданном словесном потоке! К тому же вы злоупотребили неразбавленным вином – недаром говорит Парменон из Византия:

Кто пьет вино, как взмыленный скакун воду,
Не выговорит внятно ни одной буквы:
Без слов он будет дрыхнуть над своей бочкой,
Как будто опоил его настой мака.

Или только что упомянутые Горгоны обратили вас в камень? А знаете ли вы, что Александр из Минда утверждает, будто действительно существуют животные, способные превращать людей в камень? Во второй книге «Рассказов о птицах» он пишет: «Горгона есть животное, которое ливийские кочевники там, где оно водится, называют «в-землю-гляд»¹⁰⁶ (κατὸ βλεπόν). По виду ее шкуры обычно полагают, что она похожа на дикую овцу; однако некоторые говорят, что на теленка. Ее дыхание будто бы столь сильно, что убивает всякого встречного. [На самом же деле] она имеет гриву, которая свисает со лба, закрывая глаза, и всякий раз, когда она встряхивает ею (а это тяжело и трудно), то не дыханием убивает, а неким излучением от особенной природы ее глаз. Обнаружено это животное было так. Несколько солдат из войска Мария, посланного против Югурты¹⁰⁷, увидели горгону и, решив из-за ее низко опущенной головы и медленной походки, что перед ними дикая овца, погнались за ней, чтобы зарезать мечами. Но животное испугалось, встряхнуло гривой, лежавшей на глазах, и тотчас умертвило бросившихся на него людей. И снова и снова повторялось то же самое, и каждый раз подступавшие к нему погибали, пока кто-то не догадался расспросить туземцев о природе этого существа. Тогда по приказу Мария туземные всадники, устроив засаду, убили животное копьями издала и принесли командующему». Такое животное существовало, ручательство тому – его шкура и экспедиция Мария. Но другое со-

общение Александра доверия не заслуживает. Он пишет, будто есть в Ливии какие-то быки-«противоходы»¹⁰⁸ (ἀντιπονόμοι), которые, когда пасутся, не идут вперед, а пятаются назад. Пастись естественным образом мешают им рога, загибающиеся не вверх, как у всех животных, а вниз, закрывая при этом глаза. Это совершенно невероятно и не подтверждается ни одним другим свидетельством».

f 65. Л а р е н с и й подтвердил рассказанное У л ь п и а н о м, добавив, что Марий отослал шкуры этих животных в Рим, но никто там не смог определить, чьи они, – настолько необычайно они выглядели. Впоследствии он посвятил их в храм Геркулеса, в котором полководцы-триумфаторы устраивают угощения граждан, как о том говорится у многих римских поэтов и историков. «Но вас, господа буквоеды, – заключил он, – такие вопросы не интересуют. Недаром говорит Геродик Вавилонский:

Вон из Эллады, сыны Аристарха! Бегите быстрее,
Морем Эгейским неся трусость оленью свою.
Точно младенцы, пищите и мямлите вы односложно:
«Се», или «сих», или «сим», – в этом лишь ваша печаль.
Скрыть невозможно дороги грядущей препоны. Геродик
Сыном Эллады рожден, с ним навсегда Вавилон.

Ибо, как говорит комедиограф Анаксандрид [Kock.II.159]:

b Отраднo сердцу, отыскав мысль новую,
Поведать всем и Креза стать счастливее.
Скупые же, что мудрость держат скрытою,
Зачахнут без вниманья и участия,
Удаче их лишь зависть воспоследует.
Неси ж толпе подарок свой – открытие!»

После этих слов большинство гостей удалилось, не попрощавшись, и наша беседа прекратилась сама собой.

КОНЕЦ КНИГИ ПЯТОЙ

КНИГА ШЕСТАЯ

1. Друг мой Т и м о к р а т, ты всегда при встречах расспрашиваешь 222* меня, о чем беседовали пирующие софисты, как будто надеешься услышать что-то новое. Но я напомним тебе, что сказал Антифан¹ в своей комедии «Творчество» [Kock.Π.90]:

Во всем счастливо ремесло трагедии:
Сюжет, во-первых, – он знаком всем зрителям,
Когда еще ни слова не рассказано, –
Поэту остаются лишь подробности.
Скажу вот я: «Эдип» – и сразу прочее
Известно всем: мать – Иокаста, Лай – отец, b
И что он сделал сам, и что с ним сделалось,
И кто его два сына, и две дочери.
Скажи лишь: «Алкмеон», и сразу названы
И мать его убитая в безумии,
И дети все. И вот Адраст разгневанный
Придет и вновь уйдет.....
А во-вторых, когда совсем неведомо
Поэту, что сказать еще, и дочиста
Опустошил он закрома фантазии,
Немедленно машина театральная
Поднимется², как палец побежденного c
Атлета, и уже довольны зрители.
Всё это совершенно недоступно нам.
Напротив, имена должны придумать мы, 223
Интриги, речи, всё, что им сопутствует,
И что сперва случилось, что потом стряслось,
Пролог, развязку. Если что упущено
В каком-нибудь Хремете ли, Фидоне ли,
Тотчас освищут зрители комедию –
Пелею же и Тевкру всё прощается.

И Дифил в «Оливковом саде» или «Сторожах» [Kock.Π.549]:

«Хранящая святилище Бравронское³,
Любимое богами, о, владычица,
Лук укрощающая, Зевса и Лето b
Девница-дочь!» – вот так-то изъясняются
Творцы трагедий: им одним дозволено
Всё говорить, что ни взбретет им в голову.

* Сбой нумерации традиционен для Афиня с издания Исаака Казобона 1597 г.

2. Перечисляя, чем трагедии могут быть полезными для повседневной жизни, комедиограф Тимокл говорит в пьесе «Женщины на празднике Дионисий» следующее [Kock.II.453]:

Послушай-ка, любезный, что скажу тебе.
 Несчастливым человек рожден природою
 И множество печалей жизнь несет ему.
 Вот почему нашел он утешение
 Своим заботам: ежели от собственных
 Дел отвлечен он и чужими бедами
 Ум поглощен его – тогда домой к себе
 Уходит он довольный и наученный.
 Возьми хоть, если хочешь, наших трагиков!
 Они полезны всем⁴; бедняк несчастнейший
 Свое несчастье переносит с легкостью,
 Увидев, что Телеф еще бедней его.
 На Алкмеона поглядит припадочный;
 Кто слаб глазами – на слепцов Финеевых;
 Сын помер? вот Ниоба в утешение;
 Кто хром – взгляни на поступь Филоктетову;
 Несчастен старец – вот дела Энеевы⁵.
 Увидит зритель, что его несчастья,
 «Которых пережить не могут смертные»,
 С другими уж случались, и охотнее
 Перенесет свои.

3. Вот так и мы, Тимократ⁶, не «дадим», но «отдадим» тебе остатки пиршества софистов, как сказал бы, осмеивая Демосфена, котокидский оратор⁷. Ведь когда Филипп давал афинянам Галоннес, то Демосфен призывал их не брать его, если Филипп будет *давать*, а не *отдавать*. Различие этих выражений Антифан обыграл в «Птенчике» [Kock.II.80]:

– Хозяин мой всё у отца забрал (ἀπολαβεῖν),
 Как будто взял свое.

– В речах охотно бы
 Словечко это Демосфен использовал.

Также Алексид в «Воине» [Kock.II.373]:

– Возьми назад вот это!

– Что ты там принес?

– Ребеночка, которого я брал у вас.

Теперь назад вернулся.

– Почему ж пришел?

Кормить не полюбились?

– Он не наш, возьми.

– Он также и не наш.

– Но вы же мне его

Вручили.

– Не вручили.

– Почему же так?

– Вернули.

– Чтобы не свое я взял?

Он же в «Братьях» [Kock.II.299]:

- Давал я что-нибудь им разве? Говори!
- О нет, конечно, но залог вернули вы,
Что брали.

Анаксил в «Красавце-мужчине» [Kock.II.265]:

- И дам я башмаки.
- О, мать сыра земля!
- Не дашь, но возвернешь!
- Да вот уж вынес я.

Тимокл в «Героях» [Kock.II.457]:

- Так значит, говорить слова нелепые
Велишь мне?
- Точно так.
- Ну что ж, польщу тебе:
- Хотя бы Бриарей не будет гневаться⁸.
- Какой там Бриарей?
- Что катапульти съест,
- Закусит копытами, терпеть не может слов:
- Сызмальства антитезы не сказал бедняк,
- Глядит Аресом.

Так и мы по примеру названных поэтов, не придумывая, но припоминая, не «дадим», но «передадим» тебе речи, следовавшие за уже рассказанными.

[ТОРГОВЛЯ РЫБОЙ В АФИНАХ]

4. Итак, [после слов Л а р е н с и я] зала наполнилась слугами, разносившими на серебряных подносах несметные количества морской и озерной рыбы, так что мы одновременно изумлялись и богатству кушаний и драгоценности утвари, ибо в угощениях недоставало разве что Нереид⁹. Один из хозяйских льстецов заметил, что, должно быть, сам Посейдон послал этих рыб в дар нашему [римскому] Нептуну, и не через римских рыбных торговцев, продающих мелких рыбок за большие деньги, но сам доставил одних – из Антия, других – из Тарацины и противлежащих приморских островов, третьих – из тирренских Пирг. Потому что римские рыбные торговцы ни на волос не отличаются от афинских, некогда высмеянных в комедиях. Говорит о них, например, Антифан в «Подростках» [Kock.II.79]:

- Всегда считал Горгон я детской выдумкой¹⁰,
- Но прихожу на рынок – тут же верю в них:
- Взгляну в лицо торговцам, – камнем делаюсь.
- Приходится мне с ними разговаривать
- Потупив взор, скривившись, а засмотрись
- На рыбку-замухрышку, но с огромнейшей
- Ценою, – холодею глыбой каменной.

5. Амфид в «Шуте-бродяге» [Kock.Π.244]:

Пойти к самим стратегам¹¹ легче в тыщу раз,
 Потребовать приема, получить ответ
 По делу своему, чем хоть чего-нибудь,
 Пойдя на рынок, от торговцев рыбою
 Проклятых нам добиться. Коль осмелишься
 Спросить у них, взяв рыбку из разложенных, –
 Как Телеф, промолчит, сидит насупившись
 (И в этом прав он: все они негодники,
 Вернее, душегубцы), и внимания
 Не обращая, тут же принимается
 Толочь какого-то полипа, будто бы
 Не слышал. Покупатель.....
 Но и тогда не говорит как следует,
 Цедя слова сквозь зубы¹²: «За чтр бла пойдет».
 «А эта вот кефаль?» «Всмь блв». Выслушивать
 Такое покупателям приходится.

f Алексид в «Человеке с бельмом» [Kock.Π.303]:

Когда стратегов вижу, заломивших бровь,
 Не очень-то доволен я, но все-таки
 Понятно мне, что те, которым почести
 Воздал наш город, более заносчиво
 Ведут себя, чем прочие. Но вижу я,
 Как рыбные торговцы (чтоб треклятые
 Пропали), глядя в землю, поднимают бровь
 Макушки выше, – холодею. Скажешь им:
 «Почем кефаль?» (Их две лежит.) «По десяти
 Оболов». «Круто! Не возьмешь по восемь ли?»
 «Могу по восемь, коль возьмешь обеих ты».
 «Возьми-ка деньги, не шути, любезнейший!».
 «За столько? Проходи». Не горше ль желчи нам
 Подобная торговля?

225

6. Дифил в «Хлопотуне» [Kock.Π.562]:

Я думал прежде, что одни афинские
 Торговцы рыбой негодяи, нынче же
 Я знаю: словно дикое животное
 Их племя повсеместно злонамеренно.
 Здесь есть один, шельмец, досель неслыханный:
 Завесил рожу космами длиннющими,
 Как говорит он, богу посвященными
 (Всё врет: конечно, он следы клеймения
 На лбу¹³ закрыл.) Коль спросишь парня этого:
 «Почем твой окунек?», – «По десяти», – ответ.
 Поди пойми, в какой монете надобно.
 А вынешь серебро – тогда потребует
 Эгинскую монету¹⁴, сам же сдачу даст
 Монетою афинской: здесь и там подлец
 Барыш имеет¹⁵ от обмена.

b

Ксенарх в «Порфирнице» [Kock.Π.470]:

с

Ведь (заявляет он) поэты вздор несут:
Новинок ни на грошик не придумают,
Таскают друг у друга ветошь старую.
Но всех философичней нечестивое
Торговцев рыбных племя. Например, закон
Им воспрещает свой товар водой кропить,
Чтоб освежить его; так ненавистнейший
Богам детина ражий только высмотрел,
Что рыба у него подсохла, сразу же
Затеял посреди нее сражение.
И вот побои, вот и повалился он,
Как будто рану получил смертельную.
Лежит меж рыб. «Воды!» – кричат подручные;
Сосед схватил кувшин и вылил воду всю...
На рыбу, и она блесит, как свежая.

d

7. О том, что продают и дохлую, и даже протухшую рыбу, свидетельствует Антифан в «Прелюбодеях» [Kock.Π.76]:

На свете рыбы твари нет несчастнее!
Их ловят, умертвляют – мало этого,
Уж съели бы, устроив погребение, –
Так нет, торговцам рыбным (чтобы сгнать им!)
Передают. Потом и по два, по три дня
Несвежими лежат, гниют, пока с трудом
Их не всучат слепому покупателю.
А тот, придя домой, их тут же выбросит,
Когда ударит в нос ему тухлятина.

e

Он же пишет в «Приверженце фиванцев» [Kock.Π.107]:

f

Не странно ли: когда нам попадаетея
Торговец *свежей* рыбой, разговаривать
Он будет, сдвинув брови и лицо скривив,
А кто *гнильем* торгует, тот, – уверен будь, –
И веселиться станет, и насмешничать.
Естественней, казалось бы, обратное:
Смеяться первый должен, и стенать второй!

О том, что рыбу продают очень дорого, пишет Алексид в «Собрании ам-фиктионов»¹⁶ [или «Пустыках»] [Kock.Π.370]:

– Немало изумлен, клянусь Афиною,
Я рыбными торговцами, – и как они
Не все разбогатели, раз уж царские
Налоги с нас берут?

226

– Одни ли подати?

А разве десятину не берут они,
Рассевшись в городах у нас, и каждый день
Не отнимают всё наше имущество?

8. И в «Котле» тот же поэт пишет следующее [Kock.Π.342]:

На свете лучше нет законодателя,
Чем богатей наш Аристоники.....
..... закон сегодня вносит он,
Гласящий, что любого, нам продавшего
b Дешевле рыбу, чем сперва запрашивал,
Немедленно вести в кутузку, – чтоб они
Иль утром объявляли цены малые,
Иль вечером назад несли гнилой товар.
И впрямь тогда и старые и малые
Всё будут покупать дешевле впятеро.

И далее он пишет:

После Солона лучше Аристоники
c В Афинах не было законодателя!
Он и других законов самых разных внес
У нас по каждому вопросу, нынче же
Новейший вносит, золотой поистине:
Не продавать торговцам рыбу более
На рынке, сидя, но стоять до самого
Конца. На следующий год грозитя он
Подвесить бедных, чтоб болтались в воздухе,
Как боги театральные¹⁷: не долго бы
О ценах торговались с покупателем.

9. Антифан же изобличает во «Враге негодяев» их глупость и ненави
d к роду человеческому, говоря, что хуже них никого на свете нет [Kock.Π.

– Ну разве мудрость скифов не отменная?
Кобыльим иль коровьим молоком они
Новорожденных кормят.

– Поклянусь тебе,
Кормилиц не заводят там завистливых
И педагогов¹⁸, ибо нет зла большего.
– Но только после повитух, свидетель Зевс!
Те всех подлей.

– Еще подлее нищенки
Кибелины¹⁹: намного нечестивее
e Их племя.

– Если только не захочет кто
Торговцев рыбой самыми негодными
Назвать.

– Да нет, менялы всех губительней.

10. Весьма убедительно пишет о дороговизне рыбы и Дифил в «К
це» [Kock.Π.551]:

Не помню, чтобы видел я когда-нибудь
Дороже этой рыбу. Посейдон-отец!
Когда бы каждый день ты десятину брал
С цены ее, то жил бы припеваючи.

Но всё же, всякий раз как улыбался мне
 Какой-нибудь из продавцов приветливо,
 Платил я с горем всё, что он запрашивал. f
 Как Гектора Приам, угря я выкупил,
 Отдав им столько злата, сколько весил он²⁰ [Ил. XXIV.556].

И Алексид в «Эллинке» [Kock.II.321]:

Морские твари все, живые ль, мертвые,
 Всегда во всём враждебны человечеству!
 Корабль потонет ли, – тотчас, как водится,
 Они к пловцам бросаются и топят их.
 И даже став простым товаром рыночным,
 Всегда терзают бедных покупателей:
 Ведь стоят нам они всего имущества – 227
 Купивший их домой уходит нищенкой.

Архипп в «Рыбах» называет по имени некоего торговца рыбой египтянина Гермея [Kock.I.684; ср. 311e]:

Египтянин Гермей из всех торгашей
 самый гнусный, как нам рассказали.
 Обдирает он шкуры с колючих акул
 или рашпильных и продает их,
 А морских окуней потрошит блудодей.

Так и Алексид говорит в «Наследнице» о каком-то торговце рыбой Микионе [Kock.II.322; см. 227d-e]. b

11. Поэтому неудивительно, что рыбаки гордятся своим ремеслом больше, чем лучшие полководцы. У Анаксандрида в «Одиссее» один из них разглагольствует о своем искусстве следующим образом [Kock.II.146]:

Прекрасно живописцев рукоделие,
 Но их дощечкам (πίναξ), по стенам развешанным,
 Дивится только публика с почтением –
 Изделья ж наши с торжеством со сковород,
 Из мисок тащат, разбирают дочиста.
 Какое же еще искусство, милый мой,
 Заставит сохнуть губки свежих юношей, c
 Заставит в миску лезть, толкаясь пальцами,
 Давиться второпях куском проглоченным?
 Что, кроме рынка, доверху набитого
 Отличной снедью, столькими знакомствами
 Богато? Разве станет кто в компании
 Вкушать обед, лишь раздобыв пескариков,
 Да коракина, да плохих анчоусов?
 Скажи-ка мне, какими заклинаньями
 Смазливые мальчишки соблазнялись бы, d
 Когда бы упразднили рыболовное

Искусство наше? Всё ему покорствуется
 При виде рыбьих рыл, в похлебке варенных,
 И рыбьих тел перед вратами завтрака:
 Всё мирозданье перед ним склоняется.

12. А эти слова из «Сиротки-наследницы» Алексиса относятся к слишком жадным покупателям на рынке [Kock.Π.322]:

Когда бедняк охоч до рыб, он тратится
 На них одних, а сам во всем нуждается,
 И по ночам по бедности он рвет плащи
 С прохожих, и они должны ловить его
 С утра пораньше у прилавка рыбного:
 Как только высмотрят, что молодой бедняк
 Пристроился к угрям, ведут в узилище.

Дифил в «Купце» даже утверждает, что в Коринфе был принят закон следующего содержания [Kock.Π.549]:

– У нас в Коринфе есть закон, любезнейший, –
 Когда на рынке видим покупателя,
 Который постоянно и роскошнейше
 Закупки делает, ему немедленно
 Допрос вчиняем: кто таков, на что живет,
 Что делает. И коль его имущество
 Доход ему дает, для трат достаточный,
 Такую жизнь продолжить разрешается,
 Но если вдруг окажется, что тратил он
 Намного больше, чем доход с имущества,
 То впредь ему строжайше воспрещается,
 И коль нарушит – будет наказание.
 А тот, кто не представит состояния,
 Передается палачу.

– Геракл!

– Пойми,

Нельзя же честно жить подобным образом!
 Он должен преступать закон хоть в чем-нибудь:
 Срывать одежду по ночам, проламывать
 В жилищах стены, или же сотрудничать
 С грабителями, или согладатею
 На рынке быть, а может, лжесвидетелем.
 Парней таких отсюда вычищаем мы.
 – И правильно, ей-богу! Но причем тут я?
 – На рынке каждый день тебя, любезнейший,
 Мы видим, и с несчетными покупками.
 Достать совсем уж стало невозможно нам
 На рыбу хоть чего-нибудь похожего,
 Ты город в овощные превратил ряды;
 Как на Истмийских играх мы сражаемся
 За чахлую петрушку²¹; зайчик выглянул –

Похитил ты его, и даже в воздухе,
Свидетель Зевс, ни куропатки, ни дрозда
Уже нам не увидеть, привозное же
Вино подорожало дальше некуда.

Такой же обычай требует учредить в Афинах и Софил в «Андрокле» [Kock.II.445], предлагая Совету выбрать двоих или троих рыбных инспекторов²². Линкей Самосский составил даже трактат «Наука покупать» для тех, кто неудачлив в покупках; в нем он учит, как разговаривать с душегубцами-рыботорговцами, чтобы легко и выгодно купить приглянувшийся товар.

[ПЛАН ШЕСТОЙ КНИГИ]

13. Тут У л ь п и а н, собрав из всего сказанного *заноzy* (трудные вопросы), объявил: «[1]) Можем ли мы доказать, что в древности эллины пользовались *серебряной столовой утварью*, а также [2]) греческое ли слово *доска* (πίναξ) [см.227b]? Говорит ведь Гомер в «Одиссее» [XVI.49]:

... деревянный²³

С мясом, от прошлого дня сбереженным, поднос (πίναξ) перед милым
Гостем поставил усердный Эвмей свинопас...

Однако Аристофан Византийский полагает, что обычай раскладывать мясо на доски является позднейшим нововведением, и забывает, что и в другом месте у поэта сказано [Од.I.141]:

... на блюдах (πίναξ), подняв их высоко,
Мяса различного крайчий принес...

Я хочу также знать, [3]) обладал ли кто из древних таким множеством рабов, как в наше время, а кроме того, [4]) могло ли слово «*сковорода*» иметь форму τήγανον, наряду с нынешним τάγηνον. Так что давайте не будем пить и есть просто так, как те обжоры, которых называют [5]) *пара-ситами* или [6]) *льстецами*».

14. В ответ Э м и л и а н сказал: «Что касается *доски*, то такое слово для этой вещи есть у комического поэта Метагена в пьесе «Фуриоперсы»²⁴ [Kock.I.707]. Слово же *сковорода*, драгоценный мой, в форме τήγανον есть в «Побрякушках» Ферекрата [Kock.I.173]:

Он говорит мне, что поест анчоусов
Со сковород.

У него же в «Персиянках» [Kock.I.182]:

[Он мне велел] не отходить от сковород
И раздувать под ними камышевые
Угли.

f И у Филонида в «Котурнах» [Kock.I.255]:

Сковородками приветствовать
И пирогами жертвенными.

И еще:

Вынюхивая сковороды.

И Эвбул пишет в «Сиротке» [Kock.II.190–191; ср.108b]:

И распаляет веер раскаленное
Дыханье сковород, уж псы Гефестовы
Сторожевые пробудились.

И еще:

Прохаживаются
Влюбленные красавицы, надеются
На причащение к сковородной роскоши.

229 И в «Титанах» [Kock.II.203; ср.227d]:

И, улыбаясь мне,
По-варварски бурчит кастрюля, булькает,
На сковородках рядом рыбка прыгает.

Глаголом *сковородничать* (т.е. есть прямо со сковороды), пользуется в «Трагиках» Фриних [Kock.I.384]:

Приятно в одиночку сковородничать.

И Ферекрат пишет в «Человеко-муравьях» [Kock.I.181]:

И ты ведь сковородничаешь.

Гегесандр Дельфийский утверждает [FHG.IV.420], что сиракузяне сковородой (τήγανον) называют миску (λολάς), а сковороду – *сухой сковородой* (ξηροτήγανον), поэтому и Феодорид написал в каких-то стишках:

Сковорода клекотала варительным водоворотом,

называя сковородой миску. Ионийцы же называют сковороду, пропуская букву т, ἥγανον, как, например, у Анакреонта²⁵: «руку на сковороду положить».

15. А вот, дорогой У л ь п и а н, насчет серебряной посуды я вспоминаю то, что сказано у Алексиды в «Изгнаннике» [Kock.II.391; ср.164f]:

c Где только выставлен горшочек глиняный (ἡέραμος) –
Знак найма поваров.

Ведь, как пишет мой земляк Юба²⁶ [FHG.III.472], вплоть до македонских времен эллины пользовались за столом только глиняной (ἡεραμείος) посудой. Так что когда римляне стали жить роскошнее, то Клеопатра, погубительница Египта, пожелавши им подражать, не смогла даже подобрать имени для золотой и серебряной посуды, и когда раздавала своим гостям

d

подарки после пиров, по-прежнему называла ее *черепушками* (κεραμῖς)²⁷. А ведь ее посуда была самой дорогой [см.148а], – на одну только русскую керамику²⁸, лучшую по росписи, она тратила по пять мин в день²⁹. Царь Птолемей³⁰, рассказывая в восьмой книге своих «Записок» о ливийском царе Масиниссе³¹, пишет [FHG.III.187]: «Обеды у него были обставлены по римской моде, «керамика» вся была из серебра. А «вторые застолья» (десерты) украшались в итальянском стиле: все корзиночки были золотые, но в виде тростниковых плетенки. Музыканты, однако, были у него эллинские»³².

16. Комедиограф Аристофан, который будто бы родом был из Навкратиса (так пишет афинянин Гелиодор в сочинении из пятнадцати книг «Об акрополях» [FHG.IV.425]), описывает в пьесе «Плутос»³³, как при появлении божества, носящего это имя, рыбные подносы внезапно стали серебряными, и всё остальное преобразилось следующим образом [«Плутос».812сл.]:

А укусницы, блюда, утварь разная –
Вся стала бронзовой. Дощечки старые
Для рыбы – все серебряными сделались.
Очаг же вдруг у нас слоновой кости стал.

Платон в «Послах»³⁴ [Kock.I.633]:

Вот потому-то Эпикрат с Формисием
Набрали взятку от Царя подносами
Серебряными, золотыми блюдами.

И Софрон пишет в «Женских мимах»³⁵: «от бронзовой, серебряной посуды дом сиял». 230

17. Филиппид в пьесе «Обезденежье» упоминает о серебряной посуде, как о редкости и безвкусице, за которой, однако, гоняются разбогатевшие метеки³⁶ [Kock.III.303]:

– Но к роду человеческого душу мне
Охватывает жалость, коли вижу я,
Как люди благороднейшие бедствуют³⁷,
Кнутом же выпоротые негодники
Грошовой солониной объедаются
С серебряных подносов в мину тяжестью,
Да каперсом³⁸ за три монеты медные
С серебряной тарелки в половинный вес.
А прежде даже в храме трудно было бы
Найти среди даров фиал серебряный.
– Так это и теперь непросто: что один
Пожертвует, другой утащит сразу же.

Алексид в «Шарфике» выводит некоего влюбленного юнца, напоказ выставляющего свое богатство любимой; говорит он при этом следующее

[Kock.Π.297; ср.502f]:

– Привел двоих рабов, и приказал я им
Начищенные содой чаши выставить.
Всего там было: черпачок серебряный
(В две драхмы весом³⁹), также чашка малая,
Что на четыре драхмы больше весила,
И маленький псиктер⁴⁰ для охлаждения
(Не меньше десяти оболов весил он),
Худее Филиппида.

– Что же мне сказать?
Придумано умно, чтобы похвастаться.

Был и в нашем городе хвастливый нищий: серебра у него не набралось
бы и на драхму, а раб был у него один-единственный, но откликавшийся на
несчетное множество имен⁴¹; и хозяин кричал ему: «Раб! Стромбихид! Не
ставь нам нашу зимнюю серебряную посуду, вынеси летнюю!» Подобный
же персонаж есть и в пьесе Никострата под названием «Цари» [Kock.Π.222].
Это хвастливый воин⁴², о котором говорится:

Лишь уксусник, да лишь псиктер серебряный,
Что тоньше ткани на плаще порфировом.

Действительно, даже в те времена серебро умели выковывать тонким, как
пленка.

18. И Антифан пишет в «Женщинах с Лемноса» [Kock.Π.70]:

Треногий стол был перед нами выставлен,
На нем – о, божества высокочтимые! –
Лежал пирог медовый на серебряной
Тарелке.

И пародист Сопатр в «Оресте»:

Серебряный поднос с сомом протухнувшим.

И в пьесе «Чечевичная похлебка»:

Но для обедов у него есть уксусник
Серебряный, с змеиными фигурками.
Такой же был когда-то у Танталова
Фиброна⁴³ мягкосердного, богатствами
Замученного.

Феопомп Хиосский пишет в «Советах Александру» о своем земляке
Феокрите [FHG.I.325]: «Теперь он пьет из золота и серебра и ест с таких же
блюд, а ведь раньше у него не то что серебряной посуды не было, но и
бронзовой, а была только глиняная, да и то зачастую битая». Дифил в
«Живописце» пишет [Kock.Π.555; ср.231d, 300c]:

Отборный завтрак весь так и приплясывал –
Всё свежее, желанное: и устрицы,
Какие хочешь, блюда, выстроенные

Фалангой, а за ними мясо грудюю
Со сковородки прямо, и с приправами,
Растертыми серебряными ступками.

Филемон во «Враче» [Kock.II.487]:

И ранец, полный блюд серебряных.

Менандр в «Самоистязателе» [Kock.III.42]:

Служанок, воду и кувшин серебряный.

И в «Гимниде» [Kock.III.136]:

Пришел я за серебряной посудую.

Лисий же говорит в речи «О золотом треножнике», если она подлинная: «Следовало еще дать серебряную и золотую посуду». Однако ревнители чистоты эллинского языка считают, что правильное было бы сказать «серебряное и золотое *убранство* (*κόσμος*)».

19. После того как Э м и л и а н всё это высказал, слово взял П о н - т и а н: «Действительно, золото у эллинов в древности было большой редкостью, да и серебра добывалось в рудниках очень мало. Поэтому, как рассказывает Дурид Самосский [FHG.II.470; ср.155с], даже отец Александра Великого Филипп, приобретя золотой фиал, держал его у себя под подушкой. Да и знаменитый золотой агнец Атрея, из-за которого произошли затмения солнца и крушения царствующих домов, давшие обильный материал трагическим поэтам⁴⁴, представлял собой, как говорит гераклеец Геродор [FHG.II.41], лишь серебряную чашу с золотой фигуркой ягненка в середине. Анаксимен из Лампсака в сочинении, озаглавленном «Первые вопросы», пишет, что и ожерелье Эрифилы⁴⁵ прославилось только из-за того, что у эллинов тогда было мало золота; да ведь и серебряная чаша тогда казалась чудом. Изобилие началось только после того, как фокейцы захватили дельфийскую сокровищницу⁴⁶. А прежде даже люди, слывшие богатеями, пили из медной посуды, и отсюда посудные стойки получили название *халкотек*⁴⁷ (склад меди). И Геродот [II.151] пишет, что египетские жрецы пили из бронзовых чаш; когда же тамошние цари совершали однажды публичные жертвоприношения, у них не хватило на всех серебряных фиалов⁴⁸ – поэтому и пришлось Псамметиху, самому младшему из царей, совершать возлияние из бронзового фиала, тогда как у остальных были серебряные. Вот так-то первый блеск золота сверкнул у эллинов только после разграбления пифийского святилища фокейскими тиранами. Тогда же явилось в оборот и серебро. И лишь позднее, когда величайший Александр опустошил азиатские сокровищницы, поистине возшло светило, по словам Пиндара [Пиф.5.1], «широковластного богатства».

20. А самые первые золотые и серебряные приношения в Дельфы были сделаны лидийским царем Гигом⁴⁹; до его царствования Пифийское божество не имело ни золота, ни серебра – это утверждают и Фений Эресий-

- f ский [FHG.II.297], и Феопомп в сороковой книге «Истории Филиппа» [FHG. I.314]. Эти авторы пишут, что пифийское святилище было украшено Гигом, а после него Крезом, после же них сицилийцами Гелоном и Гиероном: первый во время нашествия Ксеркса на Элладу⁵⁰ пожертвовал сделанные из золота треножник и статую Ники, второй повторил его приношения. Феопомп пишет: «В древности святилище было украшено бронзовыми приношениями, причем это были не статуи, но котлы и треножники из бронзы. И когда лакедемоняне решили позолотить лицо Аполлона в Амиклах⁵¹, то, не найдя золота в Элладе, послали спросить оракул, у кого следует его купить. Им было велено отправиться к лидийскому Крезу; и они отправились к Крезу и купили у него. А когда Гиерон Сиракузский, желая поднести в дар божеству треножник и Нику из переплавленного золота, долгое время не мог его раздобыть, он в конце концов отправил своих людей на розыски в Элладу. Когда после долгих блужданий они прибыли в Коринф, то обнаружили золото у коринфянина Архитела, который долгое время скупал его понемногу и накопил большой запас. Он продал посланцам Гиерона столько золота, сколько им было нужно, и еще сверх того полную горсть. Гиерон за это прислал из Сицилии корабль с хлебом и многими другими дарами».
- c 21. То же самое рассказывает и Фений в сочинении «О сицилийских тиранах» [FHG.II.297], а именно, что в древности приношения были из бронзы: и треножники, и котлы, и кинжалы; на одном из них была сделана надпись:

Вот я, взгляни на меня; был я некогда в башне широкой
В Трое во время войны за молодую жену;
Сын Антенора меня носил там, вождь Геликаон.
Ныне же держит меня сына Латоны земля⁵², –

- d а на треножнике, который был одной из наград на погребальных играх Патрокла [было написано]:

Медный треножник я, здесь стою для Пифо приношеньем⁵³,
Прежде меня выставлял в честь Патрокла Ахилл быстроногий.
В храм же Тидид Диомед, призыватель в сражение, поставил,
Выиграв конный забег вдоль широкого Геллеспонта.

- e 22. В тридцатой книге «Истории» Эфор или сын его Демофил пишут о дельфийском святилище следующее [FHG.I.275]: «Не только Ономарх, Файл и Фалек выгребли всё имущество бога, но в довершение всего жены их завладели украшением Эрифилы, которое по велению божества посвятил в дар Дельфам Алкмеон, а также ожерельем Елены, которое посвятил Менелай. Бог дал им обоим пророчество: Алкмеону, вопрошавшему, как ему избавиться от безумия, был дан ответ:

- f Простишь о даре меня драгоценном – лечение безумья;
Так принеси же и ты драгоценный мне дар, за который
Некогда Амфиарай с конями был скрыт под землею.

Менелаю же, [вопросавшему], как ему покарать Александра (Париса):

С шеи жены принеси убор золотой мне, который
Древле Киприда дала Елене на радость; вот так же
И Александр тебе ненавистнейший пеню заплатит.

Когда между женщинами произошла ссора из-за того, что они не могли решить, кто какое из этих украшений возьмет, бросили жребий, и одной из них, высокомерной и угрюмой, выпало ожерелье Эрифилы, другой же, красивой и похотливой, – Елены. И одна из них, влюбившись в какого-то юношу из Эпира, убежала с ним, другая же, вступив в заговор против своего мужа, погубила его».

23. Божественный Платон [«Законы».742a] и лаконец Ликург, запрещающая ввоз в их государства каких-либо предметов роскоши, также запрещали и ввоз серебра или золота: они считали, что вполне достаточно железа и меди, добываемых в рудниках, а пользоваться другими металлами незачем, так как они могут повредить даже самым здоровым обществам. Стоик же Зенон, допуская законное и пристойное пользование деньгами, во всем остальном объявил их *безразличными*⁵⁴, осуждая как погоню за деньгами, так и отказ от них, потому что в пользовании деньгами предпочтительнее скромность и умеренность. А чтобы ко всему, что не прекрасно и не постыдно, относиться без удивления и страха, следует по преимуществу пользоваться тем, что согласно с природой, а от противоположного отворачиваться не из страха, но с пониманием. Ничего ведь из вышеперечисленного не исключила из мироустройства природа, но скрыла эти металлы в подземных жилах, трудных для разработки, чтобы добыть их можно было лишь мучительными усилиями. И не только копающиеся в рудниках, но и собирающие поднятую на поверхность руду обретают эти вожаемые сокровища ценой невероятных страданий. Потому-то, например, когда эти металлы выходят на поверхность и, бывает, что в дальних странах крупницы золота уносятся речной водой, и тогда даже женщины и самые слабосильные мужчины разгребают их в песке, отмывают и переплавляют в тиглях. По словам нашего Посидония [FHG.III.273], это делают геллы⁵⁵ и некоторые другие кельты. А горы в Галлии, прежде именовавшиеся Рипейскими, позднее Счастливыми (ῥΟλβια), а теперь Альпами⁵⁶, при лесных пожарах сами собой текут [расплавленным] серебром⁵⁷. Однако гораздо больше его приходится добывать тяжелым трудом из-под земли, ибо, по словам Деметрия Фалерского, «алчное корыстолюбие надеется вывести из-под земли самого Плутона»⁵⁸. И в шутку он добавляет: «Часто люди, потратив надежное ради ненадежного, чего искали, того не достигают, а что имели, теряют».

24. Даже спартанцы, хотя им воспрещалось приобретать и ввозить в Спарту серебро и золото, тем не менее, по словам того же Посидония, приобретали их и складывали у своих соседей аркадян, а потом держались с аркадянами как с врагами, чтобы нарушение закона казалось неправдоподобным.

234 добным. Золото и серебро, имевшееся в Спарте, было, говорят, посвящено Аполлону Дельфийскому, а когда Лисандр ввез его для государственных надобностей⁵⁹, то это стало причиной многих бед. Так, говорят, освободитель Сиракуз Гилипп уморил себя голодом⁶⁰, после того как эфоры⁶¹ обвинили его в присвоении части Лисандровых денег. Нелегко простому смертному презирать то, что, как он видел, посвящается богу и признается прекраснейшим достоянием народа.

b 25. И среди кельтов есть племя, называемое *скордистами*⁶², где также не разрешается ввозить золото в свою страну, однако когда они совершают набег на земли соседей, то серебро разграбляют дочиста. Народ этот представляет собой остаток тех кельтов⁶³, которых Бренн привел войною на Дельфийское святилище, а некий Батанатт⁶⁴ увел на земли вдоль Истра (Дунай), вследствие чего дорога, по которой они шли, называется у них *батанаттовой*, а его потомки и по сей день зовутся *батанаттами*. Так вот, золото они изгнали и не допускают в свою страну, так как из-за него они подверглись множеству бедствий, серебром же пользуются и ради него идут на многие преступления. Однако лучше бы им следовало воспре-

c питать не святотатственное золото, но само свое святотатственное нечестие, ибо если бы они не ввозили в страну серебро, то приняли бы совершать преступления ради бронзы или железа, а если бы у них не было и этого, то всё равно продолжали бы безумствовать с оружием в руках ради пищи, питья и прочего, что необходимо для жизни».

[О ПАРАСИТАХ]

26. После того, как и П о н т и а н закончил свою длинную речь, многие сочли делом чести в свою очередь принять участие в решении Ульпиановых вопросов. Среди тех кто рассуждал на еще незатронутые темы, был П л у т а р х, рассказавший следующее:

d «Звание парасита в древности было священо и почитаемо. Например, Полемон (не знаю, предпочитал ли он зваться самосцем, сикионцем или афинянином⁶⁵: Гераклид Мопсуэстийский⁶⁶ называет его и по этим, и по иным городам, а ученик Кратета Геродик пишет, что его называли еще и «пытателем надписей»⁶⁷) пишет о параситах следующее [ср.171e]: «Имя *парасит* в наше время презренно, однако мы находим, что для древних оно заключало в себе некий священный смысл и было близко к понятию *со-трапезник*⁶⁸. Так, в Геракловом храме на Киносарге⁶⁹ на одной из стел начертано постановление народного собрания, внесенное Алкивиадом при секретарстве Стефана, сына Фукидида; там говорится: «Жрец должен при-

e носить жертвы ежемесячно в присутствии параситов. Параситы же по обычаю предков должны набираться из незаконнорожденных и их детей. Кто откажется быть параситом, тот должен предстать перед су-

дом». И на скрижалях⁷⁰ имеется следующая запись о священном посольстве на Делос: «Также два глашатая из рода Кериков⁷¹, надзирающего за мистериями. Этим исполнять обязанности параситов в священном участке Аполлона в течение года». В Палленском храме⁷² Афины на вотивных приношениях было начертано: «Посвящено архонтами и параситами, награжденными золотым венком в архонтство Пифодора⁷³. В год жрицы Дифилы параситами были Эпилик, сынстрата из дема Гаргетта, Перикл, сын Перикла из дема Питф, Харин, сын Демохара из дема Гаргетта». И в царских законах⁷⁴ написано: «Жертвы Аполлону должны приносить параситы из дема Ахарны». Клеарх Солейский, один из учеников Аристотеля, в первой книге «Жизнеописаний» пишет [FHG.II.303]: «И если теперь параситом [называют] человека на все руки, то в те времена это был внесенный в особые списки имеющих общий стол. И в наши дни в большинстве городов параситы, согласно древним постановлениям, числятся среди наиболее почетных официальных лиц». Клидем же в «Истории Аттики» пишет [FHG.I.361]: «Чествовать Геракла были выбраны также параситы». И Темисон пишет в «Палленском портике» [FHG.IV.511]: «Об этом должны иметь попечение архонт-царь⁷⁵, архонты и дополнительно избранные от демонов параситы, а также старцы и перво-мужние женщины⁷⁶».

27. Вот, кстати, тебе еще один предмет для изысканий, мой благородный Ульпиан, – кто такие перво-мужние женщины. Однако сейчас у нас речь идет о параситах, – так вот, и в Анакее на одной из стел начертано: «От мяса двух быков, отобранных в жожаки, третья часть идет на покрытие расходов, а от оставшихся двух третьей одна половина отдается жрецу, другая – параситам». Кратет во второй книге своего сочинения «Аттический диалект» пишет: «И слово «парасит» стало в наши дни означать нечто недостойное, однако в прежние времена так называли выбранных для участия в священной трапезе, и для их приема существовало специальное здание. Поэтому и в царском законе записано следующее: «Архонт-царь должен позаботиться о том, чтобы были назначены на должности остальные архонты, а также от демонов с соблюдением законов были выбраны параситы. Параситы должны собрать каждый из своей части по одному гектею⁷⁷ ячменя и по обычаю предков угощать афинян в священном участке. Ахарнские параситы должны для почитания Аполлона доставить в хранилище свой гектей после сбора ячменя». А то, что для них было создано специальное хранилище, следует из того же самого закона: «На починку храма, хранилища параситов (παράσιτων) и священных домов выдать столько серебра, за сколько возьмут подряд производители работ». Это определенно указывает на то, что здание, в котором параситы складывали первинки «священного зерна» называлось хранилищем параситов». О том же самом пишут и Филохор в сочинении «Четверограде» [FHG.I.410], где он упоминает о параситах, внесенных в список служителей Геракла, и Диодор Синопский в пьесе «Сиротка-на-

е следница», к которой мы еще вернемся [см.239b]. Аристотель же пишет в «Мефонской политике» [fr.551]: «При каждом официальном лице состояло по два парасита, только при полемархах⁷⁸ по одному; они получали назначенное содержание от частных лиц, в том числе рыбаков».

28. Каристий Пергамский пишет в сочинении «О театральных постановках», что в современном значении слово «парасит» впервые было употреблено Алексидом, забывая, что у Эпихарма в «Надежде» или «Богатстве» был выведен персонаж, произносивший за выпивкой такие слова:

За ним, на пятки наступая первому,
Другой шельмец приходит важной поступью:
Такого, уверяю, ты легко найдешь
Готовым на пиру, как ныне водится,
Всегда присутствовать. Хотя и беден он,
Пьет жизнь без передышки полной глоткою.

И далее Эпихарм выводит самого парасита, откровенничающего перед своим собеседником:

Обедая с желающим (которому
Меня позвать лишь надо), с нежелающим
(Ему и звать не надо), я за трапезой
Великий остроумец и хозяина
236 Смешу, доволен он, на похвалы не скуп.
Сказать захочет кто-то неугодное
Хозяину, осаживаю выскочку,
Ругаюсь с ним. Потом, поев и выпивши,
Я удаляюсь; но не провожает раб⁷⁹
Под факелом меня; ползу и падаю,
Бреду во тьме крошечной одинешенек;
И если стражу встречу, то молю богов
b Лишь об одном: чтоб поркой ограничились.
Когда же доберусь домой измученный,
То без постели спать ложусь, и до тех пор,
Пока мой ум объят вином несмешанным,
Побоев я не чувствую.

29. И много другого в том же роде прибавляет парасит у Эпихарма. А у Дифила он заявляет следующее [Kock.II.561]:

Когда богач зовет меня в застольицу,
На потолки я штучные не радуюсь,
Не мерю взглядом медь его коринфскую,
А целиком вперяюсь в дым поваренный:
c Когда густой он, черный и столбом стоит,
Я рад, я счастлив, чуть не кукарекаю:
А если бледен дым и низко стелется –
Всё ясно мне: хоть будет пир, да постный пир.

Впервые же, как утверждают некоторые, парасит появляется у Гомера,

упомянувшего, что троянец Подес был *складчинным* другом Гектора (εἰλαπιναστής) [Ил.XVII.575]:

Был меж троянцами воин Подес, Гетионова отрасль,
Муж и богатый и славный, отлично меж граждан троянских
Гектором чтимый как друг, и в *пирах собеседник любезный*.

d

Ибо *друг за складчиной* сказано здесь в смысле *друг за трапезами*. Поэтому поэт впоследствии изображает его пораженным Менелаем в живот [Ил.XVII.575], причем карает его спартанец, ревнитель жизни, довольствующейся малым: точно так же, по замечанию Деметрия Скепсийского, Пандар, нарушивший клятвы, поражается в язык [Ил.V.292].

e

30. Древние поэты называли параситов *льстецами*; этим именем Эвполид назвал и свою комедию, выведя в ней хор Лстецов, заявляющий следующее [Kock.I.301]:

Зрители, мы расскажем вам, как льстецы день проводят.
Слушайте. Щегольские мы умники в каждом деле:
Прежде всего, всегда при нас маленький есть невольник,
Чаще всего совсем не наш, но всё же наш немножко.
Есть у меня и два плаща, каждый красив и ярко,
Я надеваю их в черед, чтобы идти на площадь;
Чуть богатея-дурака встречу там, подбегаю.
Только он скажет что-нибудь, всё я хвалю прилежно,
Прямо в экстаз вхожу, чтоб он видел мои восторги.
После идем мы кто куда за чужой стол питаться;
Должен за ним быть парасит очень умен и ловок,
Или за дверь ведут его. Так и пропал Акестор:
Он неуместно пошутил – раб его тут же вывел,
Прямо в колодки передал сторожу городскому.

f

237

31. В следующих стихах парасит появляется и в пьесе Арарота «Гименей» [Kock.II.218]:

Не можешь, милый, параситом ты не быть;
Вот Исхомах идет, ему случается
Кормить тебя.

Однако более свойственно это слово позднейшим поэтам. В диалоге Платона «Лахет» появляется и образованный от него глагол [179c]: «В нашей трапезе участвуют (*παράσιτεῖ*) также наши мальчики». Алексид же утверждает в «Кормчем», что существуют два рода параситов [Kock.II.338]:

b

– Ведь два есть рода параситов, Навсиник:
Один общеизвестен и в комедиях
Осмеян: это мы, что носим черное⁸⁰.
Но есть другие, «парасит торжественный»
Удачно их прозвали; и сановников,
И полководцев роли исполняются
Искусно ими, этим и живут они:
Высокомерно счет ведут на тысячи,

c

Туда-сюда мотают состояния.
Тебе знакомо это?

– Превосходнейше.

– Но к одному родов обоих сводится
Работа, тех и этих: ведь основана
На лести; и всегда беда случается:
Одним патроны выпадают крупные,
Другим же мелочь; эти благоденствуют,
А мы, бедняги, вечно горе мыкаем.
Я разъяснил понятно?

d

– Да, без промаха;

Но если похвалю тебя, выпрашивать
Еще ты больше станешь.

32. Тимокл в следующем монологе из комедии «Змейка» довольно складно объясняет, каковы нахлебники [Kock.Π.454]:

Могу ли я позволить о нахлебнике
При мне злословить? Никогда! Воистину
На свете нет породы их полезнее!
Любовь к друзьям – одна из добродетелей,
А в ней – весь смысл его существования.
В любви – он твой наперсник беззаветнейший,
В делах – пособник всюду, где придет нужда;
Что ты, кормилец, хвалишь – то и он готов,
А самого тебя хвалить – тем более.
Он любит даровое угощение?
Но кто его не любит? ни герой, ни бог
От этакоего блага не откажутся.
Чтоб речь мою напрасно не затягивать,
Вот самое бесспорное свидетельство
Того, в какой чести живут нахлебники:
Какая олимпийских победителей
Ждет дома почесть⁸¹? Ясно: угощение
За счет народа, в пританейском здании.
А чем не пританей – любой бесплатный корм?

e

f

33. И Антифан говорит в «Близнецах» [Kock.Π.43]:

238

Ведь парасит, когда мы без предвзятости
Его рассмотрим, вещь необходимая
Для счастья в жизни – никогда не молится
О бедствиях друзей, несчастьях с ближними,
Напротив, всем желает благоденствовать.
Живет богато кто-то – не завидует,
Но только молится, чтоб рядом с ним побыть
И разделять добро. Он благородный друг,
И безобидный, также не обидчивый;
Он не сварлив, не клеветник, а накричишь –
Сама улыбка; шутишь – заливается.

Любезен, весел нравом и забавен он.
И, верно, был бы также славным воином,
Кабы ему платили бы обедами.

b

34. И Аристофонт говорит во «Враче» [Kock.Π.277]:

Но сперва хочу сказать, каков я по характеру.
Угощает кто – являюсь первым, и поэтому
Уж давно зовусь *Похлебкой*. Надо выбросить кого
Из напившихся – решишь ты, что аргосский я борец⁸².
Двери вышибить кому-то – я таран; а если влезть
Надо лестницей высокой – пред тобою Капаней⁸³;
Надо выдержать удары – наковальня; Теламон⁸⁴,
Чтобы бить кулачным боем; соблазнить красавцев – дым⁸⁵.

c

И в «Пифагорейце» он же говорит [Kock.Π.280]:

Коль ты не ел, и нет еды ни крошечки,
То Титималла представляй, Филиппида.
Лакать лишь воду – он лягушка, выглотать
Тимьян и зелень – гусеница, жить в грязи –
Сама нечистота, зимой без крова быть –
Он черный дрозд, а летний зной выдерживать
И в полдень потрещать – цикада, вовсе же
Не умащаться маслом – пыли облако,
С утра бродить босым – журавль, глаз не смыкать
Всю ночь – он нетопырь.

d

35. Антифан в «Предках» [Kock.Π.94]:

Ты знаешь ведь, каков я есть:
Я не спесив, а для друзей на всё готов!
Ударь – я сталь! ударю – гром и молния!
Увlechь – я буря! удушить – петля петель!
Дверь распахнуть – само землетрясение!
К столу – блохою! у стола я – мухою⁸⁶!
А от стола – трудней, чем из колодезя!
Душить, крошить, божиться в лжесвидетельствах,
Всё с полуслова исполнять, не думая, –
Вот я каков! Недаром молодежь меня
За эти дарованья прозывает: «вихрь»!
Пусть прозывает: что мне до насмешников!
Своим я свой: и словом друг и делом друг.

e

f

В комедии Дифила «Нахлебник» рвущийся на свадебный пир парасит говорит так [Kock.Π.561]:

А ты не знаешь? Подлежит проклятию
Тот, кто дорогу не укажет встречному,
Огня не даст, испортит воду пресную
Или откажет рвущемуся к ужину.

239

И у Эвбула в «Эдипе» [Kock.П.189]:

Кто ввел обычай угощать безденежно⁸⁷,
Тот, видимо, народным был заботником;
А тех, кто кликнет ближнего иль дальнего,
Покормит, а потом взимает складчину,—
Путь поразит изгнание безвозвратное!

36. А Диодор из Синопа в «Сиротке-наследнице» весьма остроумно пишет о нахлебничестве следующее [Kock.П.420]:

b ...Я докажу, что ремесло мое
Священно и завещано заветами
Самих богов, тогда как остальные все
Не от богов, а от людей придуманы.
Не сам ли тот, кто выше всех богов слывет,
Зевс-Дружелюбец, первым стал нахлебничать⁸⁸?
Всегда без приглашений он является
Во все дома, богатые ли, бедные ль,
Где только ложе выстелено мягкое
c И стол стоит, а с ним и всё, что надобно.
Вот так-то он, возлегши, угощается,
Закусывает, ест и пьет и снова ест,
И прочь идет, не заплативши складчины.
Таков и я: едва в глаза мне бросятся
И устланное ложе, и накрытый стол,
И нараспашку дверь, меня зовущая,
Как я уж тут, как я уже тишком подсел,
Чтоб не задеть кого из сотрапезников,
Как я уж от всего успел попробовать
d И прочь гряду, как новый Дружелюбец-Зевс.
А вот пример еще того нагляднее,
Красу и славу нашу величающий:
Когда Гераклу в честь справляют празднества,
И всюду – пир над жертвоприношениями,
То к тем пирам в Геракловы застольники⁸⁹
Не жеребьевкой, не по воле случая,
А всякий раз заботливо, обдуманно
Двенадцать граждан назначались городом,
e Потомственные граждане, почтенные
И жертвенного мяса заслужившие.
По этому-то образцу Гераклову
Иные из богатых завели себе
Нахлебников – но, ах, не нас, достойнейших,
А лишь таких, что ловко подольщаются
И всё хвалить готовы: как подставят им
Подгнившего сома с вонючей редькою,
Они кричат, что завтрак пахнет розами;
А грянут рядом ветрами из задницы –

Они уже туда носами тянутся:
 «Откуда ты, благоуханье дивное?»
 Вот от таких-то недостойных ерников
 Краса и честь бывая обратилась в срам.

f

39. И Аксионик говорит в «Подхалкиднике»⁹⁰ [Kock. II.414; cp.241e]:

Когда вести впервые полюбились мне
 Жизнь парасита с Филоксеном-Резаком⁹¹,
 Я был тогда еще мальчишкой; всякие
 Побои были: кулаками, мисками,
 Огромными костями; восемь ран зараз,
 По меньшей мере, мне иметь случалось.
 Но всё равно я оставался с прибылью:
 Я всё готов отдать за удовольствие.
 И потому в конце концов смекнул-таки,
 Что я рожден для этого занятия.
 Вот если, например, буян какой-нибудь
 Возьмется задирать меня, всю брань его,
 Что на меня обрушит, отражаю я,
 С ним соглашаясь тут же, не вредит она
 Ничуть; когда ж негодник строит честного –
 Я расхвалю, дождусь и благодарности;
 Поем сегодня горбыля вареного,
 А коль придется завтра доедать его –
 Не загрушу я. Вот таков характер мой.

240

b

Антидот выводит в своей комедии «Первый хорист» персонажа, как две капли воды похожего на тех, кто мудрствует в наши дни в Клавдиевом приделе Мусея⁹², о которых и поминать-то неприлично. Он разглагольствует об искусстве нахлебничества следующим образом [Kock. II.410]:

На место станьте и меня послушайте.
 Еще мальцом до совершеннолетия⁹³
 Я был и не носил плаща, но каждый раз,
 Как о нахлебничестве речи слышались,
 Усердно я искусство это впитывал –
 Как губка: потому что с детства схватывать
 Науку эту расположен был.

c

[ЗНАМЕНИТЫЕ ПАРАСИТЫ]

38. Несколько параситов известны по именам. Первым был Титималл, о котором Алексид упоминает в «Девушке из Милета» и в «Одиссее-ткаче». В «Олинфянах» он пишет о нем так [Kock. II.355]:

Подружечка, твой муж – бедняк, а этого
 И смерть сама боится: вот и Титималл
 Бессмертный вечно шляется по городу.

d

Дромон в «Кифаристке» [Kock.Π.419]:

– Сгораю от стыда, ведь собираюсь я
Не сделав взноса пообедать: очень уж
Позорно.

– Чепуха! Взгляни-ка, носится
Алее мака Титималл пылающий:
Вот так румяны, кто не вносит складчины!

Тимокл в «Кентавре» или «Дексамене» [Kock.Π.460]:

Он парасит, он Титималл, по-моему!

В «Кавнийцах»⁹⁴ [Kock.Π.460]:

Еще не принесли? Спеши, любезнейший!
Не медли! Умиравший Титималл ожил,
Сожравши восемь мер бобов ценой в обол, –
Всё потому, дружок, что не морил себя
Но, даже голодая, подкреплялся он.

В «Письмах» [Kock.Π.456]:

Проклятье, боги, боги, как влюбился я!
Так даже Титималл не вождедел поесть⁹⁵,
Ни Корм украсть, ни Нил похлебку выхлебать;
И ни Корид – пожрать без взноса складчины.

Антифан в «Тирренце» [Kock.Π.103]:

– Большая доблесть – даром послужить друзьям.
– О, Титималл богат такою доблестью,
Пусть только взыщет чести соответственно
Твоим словам, от всех, с кем он столуется.

241 39. По имени упоминался и парасит Корид (Жаворонок). Говорит о нем Тимокл в пьесе «Злорадный» [Kock.Π.456]:

Обильный рынок наблюдать богатому
Приятно, если ж пуст кошель – мучение.
Сегодня наш бедняк Корид, мне кажется,
Не позван никуда, пришлось за рыбою
Ему на рынок самому отправиться.
Уж то-то смех! Он с четырьмя медяшками
Тунцов громадных и угрей разглядывал,
У скатов терся и на крабов зарился.
Всё это обходя, «почем?» расспрашивал,
И потрусил потом к рыбешке бросовой.

Алексид в «Деметрии» или «Филетере»⁹⁶ [Kock.Π.314]:

Перед Коридом стыдно будет мне,
Коль покажусь с излишнею готовностью
Согласье давшим с кем-нибудь позавтракать,

И не поупираюсь хоть немножечко.
Он ведь таков: не любит церемонности,
Позвали, не позвали – всё равно ему.

В «Кормилице» [Kock. II.380]:

– Корид, который потешал словечками
Всех нас, задумал Остроглазом⁹⁷ сделаться.
– Он не дурак: вестимо, Остроглаз богат.

Кратин Младший в «Титанах» [Kock. II.291]:

Остерегайся Корида⁹⁸, из меди отлитого мужа,
Истину скажешь, признав: «мне ни крошечки он не оставит».
Предупреждаю тебя: за трапезой общей с Коридом
Рыбы не ешь никогда – он владеет десницею мощной,
Медною, неутомимой: огонь всё не так истребляет.

О том что Корид постоянно острил и любил смешить, пишет Алексид в «Поэтах» [Kock. II.365]:

Мне очень хочется
Всех веселить, откалывая шуточки.
Наверно, больше всех афинян, кроме лишь
Корида.

Линкей Самосский написал о нем в своих «Записках», что настоящим его именем было Эпикрат. Пишет он так: «Выпивая однажды в каком-то очень ветхом домишке, Эпикрат-Жаворонок заметил: “Здесь надо пировать подобно кариатидам, левой рукой поддерживая балки”».

40. Однажды в присутствии Корида-Жаворонка, слывшего распутником, зашла речь о том, что дрозды стали стоять дорого, и тогда Филоксен-Окорокорез заметил: «А я помню времена, когда жаворонки стоили всего обол». Этот Филоксен также был параситом, об этом уже приводилось свидетельство Аксионика в «Подхалкиднике» [см. 239f]. Есть упоминание о нем и в пьесе Менандра «Сетка для волос» [Kock. III.79]; там он называется только по своему прозвищу Окорокорез. Упоминает о нем и комический поэт Махон. Был ли он по происхождению коринфянином или сикионцем, не знаю; во всяком случае остаток жизни он провел в моей родной Александрии, где консультировал грамматика Аристофана по части комедии. В Александрии он и скончался, надгробная надпись⁹⁹ на его памятнике гласит [«Палатинская антология». VII.70]:

Легкий прах земной, возрасти на могиле Махона
Комедиографа сей, любящий подвиги плющ¹⁰⁰.
Не бесполезного трутня скрывает земля, но искусства
Старого доблестный сын в этой могиле лежит.
И говорит он: «О город Кекропа¹⁰¹! Порой и на Ниле
Также приятный для Муз пряный растет тимьян».

Из этого ясно, что Махон был александрийцем. Так вот, о Кориде он упо-

минает в следующих стихах:

- b Спросил придворный у Корида-Жавронка,
Какого тот приема удостоился
У Птолемея. Отвечал Корид ему:
«Он выпивку, как врач, дает по капельке,
А закусить и вовсе не дает. Как быть?»

- c А Линкей пишет во второй книге «О Менандре»: «Славились своими остро-
ротами сын Смикрина Эвклид и Окорокорез Филоксен. И если остроумие
Эвклида вполне заслуживало увековечения в книге, а в остальном он был
очень холоден и сух, то слова Филоксена, при всей болтливости никогда не
сказавшего ни слова дельного, всегда были милы и благожелательны –
раздражался ли он на кого-нибудь за столом или рассказывал историю.
Поэтому Эвклид окончил свои дни в неизвестности, а Филоксен от всех
встречал любовь и уважение».

41. Упомянув в «Трофонии» о каком-то парасите Мосхионе, Алексид
называет его *при-жевалом*¹⁰² (παράσσητος) [Kock.II.383]:

Там был и Мосхион,
Его все *прижевалом* кличут смертные.

- d В «Панкратиасте»¹⁰³ же Алексид, перечисляя искателей пиров [ср.4а, 95а],
пишет [Kock.II.359]:

– К тебе явился первым Каллимедонт-Краб,
Потом пришли Корид, Пескарь и Отруби,
Мучица, Скумбрия.

– Геракл! Ты говоришь
Не о пирушке, о продуктах, женщина.

Отрубями называли Эпикрата, родственника оратора Эсхина; об этом го-
ворит Демосфен в речи «О преступном посольстве» [XIX.287]. О подобных
издевательских прозвищах¹⁰⁴, которыми афиняне награждали параситов
пишет в «Одиссее» Анаксандрид [Kock.II.148; ср.307f]:

- e Я знаю, вечно прозвища даете вы друг другу:
Божественно красивого зовут *Священной свадьбой*;
Мал человек – так его вы *Капелькой* зовете;
С улыбкой выйдет, – и тотчас его зовете *Плачем*;
Демокл лоснящийся пройдет – вот он уже *Похлебка*;
А тот, кто грязен, не умыт, зовется *Пыльной тучей*;
f За кем-то ходит лысец хвостом – так будет *Челноком* он;
Кто вечно бродит натошак, – *Кестреем* назовется;
С красавчиков не сводит глаз – *Дым*¹⁰⁵ будет Теагенов,
Ягненка в шутку уведет – *Атреем*¹⁰⁶ величают;
Барана – *Фриксом*; а *Ясон*¹⁰⁷ – тот, кто овчинку стянет.

- 243 42. Выше мы уже говорили [134d], что о парасите Хэрефонте упоми-
нал Матрон. Говорит о нем и Менандр в комедии «Сетка для волос», а так-

же в «Гневе» [Kock.Ш.106; ср.8b]:

Совсем как Хэрефонт бывают многие:
Его позвали как-то раз на пир придти,
Когда от стрелки будет тень в двенадцать стоп¹⁰⁸,
А он, наутро встав еще при месяце
И видя тени, на рассвете длинные,
Примчался в гости, словно он опаздывал.

И в его же «Пьянстве» [Kock.Ш.92]:

Вот Хэрефонт, тончайший в обхождении,
«Священный брак»¹⁰⁹ отметить пиром звал меня¹¹⁰
Двадцать какого-то числа, чтоб он успел
Откушать у других двадцать четвертого
(Ведь, мол, богине всё по чину справлено).

b

Упоминает он о нем и в «Женоподобном» или «Критянине» [Kock.Ш.19].
Тимокл же в пьесе «Письма» говорит, что он нахлебничал при богатом
моте Демотионе [Kock.П.455]:

Демотион, решив, что в доме денежки
Навеки поселились, не берег мошну
И у себя всегда кормил желающих, –
Так Хэрефонт ходил к нему, как в дом родной.
Беда иметь в застолье прихлебателем
Мошенника! Хоть при деньгах Демотион,
А не умен.

c

Антифан в «Скифянке» [Kock.П.96]:

– Давай сейчас, как есть, с тобой отправимся
Кутить.
– Да что ты! Без венков и факелов?
– Сам Хэрефонт таким манером праздновать
Привык, когда сидел не евши.

Тимофей в «Щенке» [Kock.П.450]:

Давай пойдем, попасть на пир попробуем.
Мне говорили, что должно там быть семь лож,
Коли незванным не вотрется Хэрефонт.

d

43. Аполлодор Каристийский в «Жрице» [Kock.Ш.287]:

Как говорят, незванным гостем Хэрефонт,
На днях пролез к Офелу в дом на свадьбу.
Схватил, войдя впотьмах, венок с корзинкою
И стал божиться: от невесты с птицами
Пришел де он. И так на пир попасть ему,
Похоже, удалось.

e

В «Девушке, приносимой в жертву» [Kock.Ш.288]:

Зову Ареса, Нику мне сопутствовать,
Зову и Хэрефонта, потому что он
Придет ведь и без зова.

Комический же поэт Махон пишет так:

Однажды, прошагав немало стадиев,
На свадьбу Хэрефонт попал за городом.
Там, говорят, поэт Дифил сказал ему:
«Ты, Хэрефонт, забил бы в челюсть каждую
Гвоздя четыре, чтоб ты их не вывихнул
Когда бегом бежишь в далекий путь».

И в другом месте:

На рынке Хэрефонт однажды мясо брал,
И, говорят, так вышло, что мясник ему
Кусок с большою костью отрубил. «Дружок, –
Воскликнул Хэрефонт, – не надо кости мне».
«Да в этом самый смак! – Мясник в ответ ему. –
Недаром говорится, что у косточки
И мясо слаще». Но ответил Хэрефонт:
«И сладость огорчит, когда прибавит вес».

В каталоге Каллимаха¹¹¹ под рубрикой «Разное» имеется указание на сочинение Хэрефонта: «Написавшие о пирах: Хэрефонт, с посвящением Отрубям». Далее приводятся начальные слова: «“Поскольку ты меня так часто спрашивал”, триста семьдесят строк стихами». О парасите *Отрубях* я уже говорил [см.242d].

44. Упоминает Махон и о парасите Архефонте:

Царь Птолемей, вернувшийся из Аттики¹¹²,
Устроил пир, и был меж приглашенными
Нахлебник Архефонт. И от даров морских
Столы ломились: всё, что можно выловить
У скал прибрежных, рыба вместе с крабами,
Всё было выставлено; в довершение
На славный пир большую миску вынесли.
Три пескаря в ней были, измельченные
В крошку; изумлялись сотрапезники.
Один лишь Архефонт увлекся скарами,
Кефалями да маленькими фиками¹¹³ –
(Он сыт по горло был афинской рыбою:
Гольянами, да килькой, да фалерскими
Анчоусами), – но за пескарей бедняк
Не брался. Царь такому поведению
Немало удивился и Алкенора
Спросил: «Быть может, пескарей не видит он?»
Горбун в ответ: «Как раз напротив, Птолемей!
Он первым их увидел, но не трогает,
Трепещет перед рыбами священными:
Обычаем ему не позволяется
Хоть чем-нибудь обидеть рыбу с камешком¹¹⁴ (ψῆφος),
Когда складчинный взнос на пир не сделал он».

45. Алексид выводит в пьесе «Растопка» некоего парасита Стратия, негодующего на своего патрона в таких словах [Kock.II.371]:

Мне б лучше параситом при Пегасе быть,
При Бореадах¹¹⁵, славных быстроногостью, e
Чем при Демее, отпрыске Лахетовом
Из Этеобутадов¹¹⁶: он по улицам
Не ходит, а летает. -

И немного ниже:

– Уверен, Стратий, я, что любишь ты меня.
– Да больше, чем отца: меня не кормит он,
А ты вот раскормил меня отличнейше.
– Молитвы ты возносишь, чтоб я вечно жил?
– Конечно, всем богам: случится что с тобой –
Чем жить мне?

Комический поэт Аксионик в пьесе «Тирренец» упоминает о некоем f
парасите Гриллионе [Kock.II.412]:

– У нас вина нет.
– Попроси приятелей.
Скажи, что на гулянку направляемся.
Вот Гриллион ловкач всегда так делает.

Аристодем во второй книге «Забавных записок» [FHG.III.310] пере-
числяет параситов, кормившихся при царях: при царе Антиохе был 245
Сострат, при Деметрии Полиоркете – горбун Эвагор, при Селевке –
Формион. Линкей Самосский пишет в «Изречениях»: «Гриллион, па-
расит сатрапа Менандра, расхаживал в сопровождении свиты, наря-
женный в одежды, окаймленные пурпуром; когда афинянина Силана
спросили, кто это такой, он ответил: «Почтенная Менандрова че-
люсть». О Хэрефонте рассказывают, что однажды он явился на свадь-
бу незванным и занял самое последнее ложе; когда же гинекономы¹¹⁷,
подсчитав количество приглашенных, приказали ему удалиться, так
как он не вошел в дозволенное количество тридцати гостей, ответил:
“Так пересчитайте еще раз, начав с меня”». 46. Гинекономы должны
были наблюдать за пирами и следить, чтобы число приглашенных бы-
ло не больше дозволенного, об этом пишет в «Сутяге» Тимокл b
[Kock.II.465]:

Откройте дверь пошире, чтоб как следует
Мы были на виду, – а вдруг захочется
Гинеконому, мимо проходящему,
Узнать число гостей – они так делают
По новому закону, так уж водится,
Хоть им, напротив, заниматься надо бы
Домами, где и вовсе не обедают.

Менандр в «Сетке для волос» [Kock.III.78]:

По новому закону, знал он, следует,
 Чтобы гинекономам сообщали все
 И поваров число, и всех прислужников,
 Когда справляют свадьбу, и гостей число,
 Случись, что кто-то больше, чем положено,
 Назвал гостей.

И Филохор пишет в седьмой книге «Истории Аттики» [FHG.I.408]: «Вместе с членами Ареопага гинеконома наблюдали за собраниями в частных домах – свадьбами и другими празднествами».

47. Линкей записал некоторые остроты Корида. Однажды тот угощался на пиру, где была гетера, которую звали Предложение. Когда оказалось, что надо прикупить вина, он велел каждому гостю доплатить по два обола, Предложению же внести¹¹⁸ угодное народу. Кифаред Поликтор жадно хлебал чечевичную похлебку и повредил зуб камешком. «Эх ты, горемыка, – воскликнул Корид, – даже чечевица бросает в тебя камни». Возможно, об этом же Поликторе упоминает и Махон – у него есть стихи:

Какой-то кифаред, наверно, плохонький,
 Решил свое жилище ремонтировать
 И попросил камней у друга: больше, мол,
 Отдам гораздо после выступления.

Когда кто-то рассказывал Кориду, что, сходясь со своей женой, он целует ей иногда шею, иногда соски, иногда же спускается и до пупка, он воскликнул: «Нехорошо! Ведь от Омфалы Геракл перешел к Гебе»¹¹⁹. Когда Фироммах за столом сначала окунул бороду в миску с чечевичной похлебкой, а потом и вовсе перевернул ее вверх дном, Корид заметил: «Он по справедливости достоин наказания за то, что, не умея обедать, записался в число участников»¹²⁰. Когда на пире у Птолемея разносили мясной салат, но обносили Корида, он сказал: «Птолемей, я пьян или болен: у меня в глазах всё только кружится». Когда Хэрефонт признался, что не переносит вина, Корид ответил: «И того, что в вине»¹²¹. Когда же Хэрефонт на каком-то пире совершенно голым поднялся во весь рост, Корид сказал: «Хэрефонт, теперь ты подобен флакончику: я могу видеть, до какого уровня ты полон». Узнав, что Демосфен принял от Гарпала дорогую чашу¹²², Корид заметил: «Других он обзывает винными посудинами, а сам утащил самую большую». Корид имел обыкновение приносить на пирушки черные хлебцы; когда же кто-то принес хлебцы еще чернее, он заметил, что это уже не хлеб, а тень его.

48. Парасит Филоксен по прозвищу Окорокорез однажды завтракал у Пифона оливками. Когда же вынесли миску, наполненную рыбой, он хлопнул по своему блюду, воскликнув: «Хлестнул оливки»¹²³, чтобы они рванули отсюда». Когда хозяин пира вынес черные хлебцы, он сказал: «Не выкладывай слишком много, а то станет темно». Павсимах же говорил о парасите, жившем на содержании у старухи, что у них всё происходит на-

оборот: это она ему всегда *набивает живот*¹²⁴. Об этой же шутке Махон пишет так:

Рассказывают, что Мосхион-трезвенник,
В Ликее увидав в одной компании
Детину-парасита, что нахлебничал
При некоей богатой старушенции,
Воскликнул: «Странные дела творишь, чудак!
Тебе живот старуха днями целыми
Прилежно набивает».

Тот же Мосхион, услышав, что парасит, живущий на содержании старухи, сходитсся с ней каждый день, говорит:

Я вижу, нынче что угодно может быть:
Жена не зачинает, но вот этому
Детине брюхо набивает каждый день.

Птолемей, сын мегалополитанца Агесарха, пишет во второй книге «О [Птолеме] Филопаторе» [FHG.III.67], что для него во всех городах набирали собутыльников; и назывались они *потешниками*.

49. Посидоний Апамейский пишет в двадцать второй книге «Истории» [FHG.III.259]: «Кельты даже на войне не расстаются со своими нахлебниками, которых они называют параситами. Нахлебники воздают им хвалы и публично, когда те собираются вместе, и в частном порядке, каждому по отдельности. Музыкой слух им ласкают так называемые барды¹²⁵, – сочинители песенных славословий». В тридцать четвертой книге [FHG.III.264] этот же писатель упоминает некоего Аполлония, ставшего параситом сирийского царя Антиоха по прозвищу Грип (Горбоносый). Аристодем [FHG.III.310] рассказывает случай, приключившийся с Битием, параситом царя Лисимаха. Когда Лисимах подбросил ему в плащ деревянного скорпиона, Битий подпрыгнул от испуга; разобравшись в чем дело, он сказал: «Царь, я тоже могу испугать тебя. Дай мне талант!» – потому что Лисимах был очень скуп. Агафархид Книдский пишет в двадцать второй книге «О Европе» [FHG.III.193], что у аргосского тирана Аристомаха параситом был кулачный боец-панкратиаст Антемокрит.

50. Обо всех параситах в целом говорит Тимокл в пьесе «Кулачный боец», называя их *эписитиями* [букв. «нахлебник»] [Kock.II.464]:

Найдешь какого-нибудь из *эписитиев*,
От даровых обедов всех раздувшихся,
Себя атлетам вместо чучел кожаных
Лупить всегда любезно предлагающих.

И Ферекрат в «Старухах» [Kock.I.153]:

– Ты, Смикитион, на службу *эписития*
Не поспешишь пойти?

– А это кто при вас?

– Он чужестранец, и его повсюду я
Вожу с собой, заведует глотанием.

И в самом деле, *эписитиями* называли поденщиков, работающих за кусок хлеба. Платон в четвертой книге «Государства» [420a]: «Да, и вдобавок в отличие от остальных они *служат только за хлеб* (ἐπισίτιοι), не получая сверх него никакого вознаграждения». Аристофан в «Аистах» [Kock.I.504]:

Подашь на негодя в суд, а он тебе
И выставит двенадцать лжесвидетелей
Из собственных нахлебников (ἐπισίτιοι).

Эвбул в «Дедале» [Kock.II.172]:

Без платы хочет оставаться он при них,
Как эписит.

51. В пьесе «Упряжка» (так звали гетеру) Дифил упоминает имя Еврипида (так назывался один бросок при игре в кости¹²⁶), одновременно смеясь и над поэтом, и над параситом [Kock.II.565]:

– Бросок удачный вышел.
– Как любезен ты!

Поставь-ка драхму.
– Вот, уже положена.
– Вдруг выйдет Еврипид?

– Но никогда еще
Он женщин не спасал. В своих трагедиях,
Не знаешь разве, как он ненавидит их?
А параситов он всегда любил. Вот пишет же:
«Тот муж, что приобрел богатство¹²⁷ и троих
По крайней мере не кормил нахлебников,
Да сгинет на чужбине неоплаканный!»
– Откуда это, подскажи.

– Тебе-то что?
Рассматриваем мысль, а не трагедию.

Во второй редакции этой же комедии Дифил пишет о разгневанном парасите [Kock.II.566]:

– Разгневан он? Вот это новость! Сердится
Наш парасит?
– О нет! Намазал желчью стол¹²⁸
И от него бедняга отучается,
Как от груди младенцы.

И далее [Kock.II.566]:

– Не раньше, лишь тогда начнешь нахлебничать.
– О унижение ремеслу! Припомни же:
Должно быть параситу место сразу же
За кифаредом.

И в комедии, озаглавленной «Парасит» [Kock.II.562]:

Но заниматься парасита ремеслом
Не должно, не умея людям нравиться.

52. Менандр же в комедии «Гнев» утверждает, что друг не станет раз узнавать о свадебном пире [Kock.Ш.106]:

Кто воистину товарищ, тот не станет спрашивать,
Как иные, час обеда, или, что препятствует
Сесть за стол, не станет рыскать, где б урвать еще обед,
Дважды, трижды пообедать, на поминках посидеть.

e

В том же духе пишут Алекид в «Оресте», Никострат в «Богатстве», Менандр в «Пьянстве» и «Законодателе». Филонид же в «Котурнах» пишет так [Kock.I.255; ср.47e]:

Хоть голодаю (ἀλόσιτος), не терплю подобного¹²⁹.

Существует несколько имен, однокоренных *параситу*: это *эписит*, о нем уже говорилось [246f], *экосит* (питающийся самостоятельно, дома), *ситокур*¹³⁰ (дармояд), *автосит* (живущий на собственный счет); еще *плохо-ед* и *мало-ед*. Экосит упоминается Анаксандридом в «Охотниках» [Kock.Ш.144]:

Приятно, если сын самостоятельно
Себя прокормит дома (экосит).

f

Экоситом называется также тот, кто несет для города бесплатную службу. Например, у Антифана в «Скифянке» [Kock.Ш.97]:

Быстро ведь становится
Собратья членом тот, кто служит на свой счет (экосит).

Также Менандр в «Перстне» [Kock.Ш.31]:

Нашли мы жениха – самостоятелен
И, стало быть, в приданом не нуждается.

И в «Кифаристе» [Kock.Ш.81]:

А слушатели вовсе не бесплатные.

Эписита упоминает Кратет в «Буянах» [Kock.I.140]:

Пасет он эписита: хоть и мерзнет тот
В палатах Мегабиза, ему выдадут
Хлеб вместо платы.

Менандр в «Женщинах за завтраком» использует слово «экосит» в 248 особом смысле (домашний) [Kock.Ш.129]:

Хороший тон не в том, чтоб женщин множество
Созвать и угощать толпу обедами, –
В кругу домашних (экосит) свадьбу надо праздновать!

Ситокур встречается у Алексида в «Ночной страже» или «Поденщиках» [Kock.Ш.363]:

Ходячим будешь *ситокуром*-спутником.

Менандр во «Фрасилеонте» говорит о бесполезном и напрасно едящем свой хлеб ситокуре [Kock.III.70]:

- b Всё колеблется да медлит, а ведь ест за счет чужой
Добровольным *дармоедом*.

И в «Выставленных на продажу» [Kock.III.122]:

Ах, горе! Что ты до сих пор в дверях стоишь,
Поставив ношу? Дармоеда жалкого
Мы взяли в дом, такого бесполезного!

Слово «авто-сит» употребляет Кробил в «Удавленнике» [Kock.III.379]:

Нахлебник-самохлебник (автосит)! Кормит сам себя,
И на пирах присутствует с хозяином.

Слово «плохоед» употребляет в «Ганимеди» Эвбул [Kock.II.171]:

- c Он *плохо ест*, и только сном питается.

«Малоеда» упоминает Фриних в «Затворнике» [Kock.I.377]:

Что делает Геракл, в *еде умеренный*¹³¹?

Также Ферекрат или Страттид в «Бравых парнях» [Kock.I.145; ср.415c]:

Так значит, *мало ешь* ты, пожирающий
Не меньше рациона каждодневного
Триеры¹³²?»

[О ЛЬСТЕЦАХ]

53. Когда Плутарх закончил свой рассказ о параситах, слово перешло к Д е м о к р и т у. «Я могу, – сказал он, – по слову фиванского поэта [Пиндар, fr.241], «приладить свою речь к предыдущей как доску к доске», и кое-что рассказать о льстецах. Прекрасно сказал Менандр [Kock.III.64]:

- d Живут льстецы, конечно, всех блаженнее,

и слово «льстец» немногим отличается по значению от парасита. Вот, например, Клисифа все называют льстецом при македонском царе Филиппе (перипатетик Сатир пишет в «Жизнеописании Филиппа» [FHG.III.161], что родом он был афинянин); а Линкей Самосский в своих «Записках» называет его параситом: «Когда Филипп принялся бранить своего парасита Клисифа за попрошайничество, тот сказал в ответ: «чтобы ты не забывал меня». Филипп подарил ему увечного коня, и Клисиф продал его. Когда через некоторое время царь поинтересовался, где же его конь, он ответил: «Увы, от этой своей раны твой конь... был продан¹³³». Когда Филипп над ним насмеялся и все веселились, Клисиф заметил: “Ну-с, разве я не прокормлю тебя?”»

e

Гегесандр из Дельф рассказывает в своих «Записках» о Клисофе следующее [FHG.IV.413]: «Когда Филипп сказал, что ему доставили письмо от фракийского царя Котиса, оказавшийся рядом Клисоф воскликнул: «Клянись богами, славные новости!» Филипп сказал ему: «Но ты же не знаешь, о чем письмо!» – “Клянись Зевсом, – ответил Клисоф, – ты отлично меня выругал!”» 54. Сатир пишет в «Жизнеописании Филиппа» [FHG.III.161]: «Когда Филипп потерял глаз, Клисоф ходил при нем, наложив себе такую же повязку. В другой раз, когда царь был ранен в ногу, Клисоф выходил с ним, прихрамывая так же, как он. И когда Филиппу поднесли однажды какое-то острое блюдо, Клисоф весь скривился, как будто сам его попробовал. У арабов такое делается не ради лести, но в силу обычая: если у царя увечье, то все ему подражают: потому что если считается честью быть погребенным вместе с царем, то странно было бы не считать честью делить с ним его хромоту». Действительно, Николай Дамасский (из перипатетиков) пишет в сто шестнадцатой книге своей многотомной истории (а всего в ней сто сорок четыре книги) [FHG.III.418], что Адиатом, царь сотианов (это кельтский народ), имеет при себе шестьсот отборных воинов, называемых по-кельтски *силодурами*¹³⁴, а по-гречески это значит *клятвенники* (εὐχολογοῖσι): «Они живут вместе с царями и умирают вместе с ними, исполняя данную клятву. За это они разделяют с царем и его власть, одеваются и живут, как он, а в случае его смерти, умрет ли он от болезни, на войне или от чего-нибудь еще, они обязаны умереть вместе с ним. И никто не припомнит, чтобы кто-нибудь из них струсил и избежал смерти, когда она приходила к царю».

55. Феопомп пишет в сорок четвертой книге «Истории» [FHG.I.317], что Филипп поставил тираном над фессалийцами их земляка Фрасидея, человека очень ограниченного, но величайшего льстеца. Ахейца Аркадиона, однако, назвать льстецом никак нельзя: о нем рассказывает тот же Феопомп, а также Дурид в пятой книге «Истории Македонии» [FHG.II.471]. Из ненависти к Филиппу этот Аркадион удалился в добровольное изгнание. Человек он был очень одаренный, и несколько его метких высказываний сохранилось. Однажды, когда Филипп остановился в Дельфах, там оказался и Аркадион; заметив ахейца, македонец подозвал его и сказал: «Докуда же ты побежишь от меня, Аркадион?» Тот ответил [Од.XI.122]:

Буду идти я, пока не увижу не знавших... Филиппа¹³⁵.

Филарх пишет в двадцать первой книге «Истории» [FHG.I.344], что, услышав это, Филипп рассмеялся и пригласил Аркадиона на пир. Так они положили конец своей вражде.

Гегесандр рассказывает о льстеце Александра Никесии [FHG.IV.414]: когда Александр сказал, что его кусают мухи, и стал их отгонять, случившийся при этом Никесий сказал: «Теперь эти мухи гораздо лучше других – в них ведь твоя кровь».

Гегесандр также пишет и о Хирисофе, льстеце Дионисия. Он увидел, что Дионисий громко смеется над чем-то в компании знакомых (но было

далеко и не слышно было, над чем), он тоже расхохотался; а когда Дионисий спросил его, над чем это он смеется, ничего не слыша, он ответил: «Я вам верю, что было смешно».

f 56. Сына его, Дионисия Младшего, также окружало множество льстецов; люди называли их *Дионисиевыми актерами*¹³⁶. Дионисий был близорук, поэтому они прикидывались за трапезой уж вовсе слепыми и ощупью искали кушанья, пока сам Дионисий не подводил их руки к блюдам. Когда он сплевывал, они старались подставлять под плевки свои лица, и, слизывая его слюну, а иногда и блевотину, уверяли, что она слаще меда. О Демокле, льстеце Дионисия Младшего, рассказывает Тимей в двадцать второй книге «Истории» [FHG.I.224]. В Сицилии был обычай приносить у домашних алтарей жертвы нимфам, а потом всю ночь пить и плясать возле их кумиров. А Демокл, оставив нимф и сказав, что ни к чему так стараться ради лишенных души изображений богов, пришел к Дионисию и плясал вокруг него. Однажды в посольстве он вместе с другими плыл на триере; по возвращении спутники пожаловались, что в пути он затевал раздоры и вредил всему делу Дионисия. Когда тот сильно рассердился, Демокл ответил ему, будто распря с товарищами по посольству возникла у него из-за того, что они после обеда пели с моряками пеаны Фриниха и Стесихора, а то и Пиндара, тогда как он с желающими распевал пеаны, сочиненные самим Дионисием. Он готов это доказать: обвинители не смогут даже перечислить песнопения Дионисия, а он хоть сейчас пропоет их все подряд. Дионисий перестал гневаться, и Демокл сказал: «Сделай милость, Дионисий, прикажи кому-нибудь, кто знает твой пеан Асклепию, научить и меня: я слышал, ты только что его окончил». В другой раз Дионисий, созвав друзей на пир, вошел и сказал: «Друзья, к нам пришли письма от наших полководцев из Неаполя». – Демокл перебил: «Клянусь богами, славная весть, Дионисий!» – Тот посмотрел на него и сказал: «А ты откуда знаешь, приятная это весть или нет?» «Клянусь богами, славный попрек, Дионисий!» – отвечал на это Демокл. Упоминает Тимей и о некоем Сатире, бывшем льстецом при обоих Дионисиях.

e Гегесандр рассказывает [FHG.IV.415], что тиран Гиерон тоже был очень близорук, и его сотрапезники тоже шарили мимо блюд, чтобы он подводил их руки к кушаньям и казался самым зорким за столом. Тот же Гегесандр пишет, что когда перед Эвклидом, прозывавшимся *Свеклой* (он тоже был параситом), кто-то положил за трапезой пучки осота (σβύχοι), он сказал: «Капаней, которого Еврипид вывел на сцену в «Просительницах» [864], был очень воспитанным человеком,

f И не любил, когда трясли за трапезой...
Осотом¹³⁷».

57. Гегесандр также пишет, что во времена Хремонидовой войны¹³⁸ афинские демагоги льстили народу, заявляя, что если во всем прочем эллины равны, то дорога на небеса известна только афинянам. Сатир пишет

в своих «Жизнеописаниях» [FHG.III.164], что в свите льстецов Александра состоял и проповедовавший эвдемонизм¹³⁹ философ Анаксарх. Когда он сопровождал однажды царя в поездке, вдруг грянул такой гром, что все перепугались, Анаксарх сказал: «Не ты ли, Александр, сын Зевса, сотворил это?» Александр ответил смеясь: «Не хочу внушать ужас – это тебе хочется, чтобы я сервировал стол головами царей и сатрапов». Аристобул из Кассандрии пишет, что, когда Александр был ранен и истекал кровью, афинский панкратиаст Диоксипп воскликнул [Ил.V.340]:

Вот он, ихор¹⁴⁰, что струится у жителей неба счастливых.

58. Как пишет Гегесандр [FHG.IV.414; ср.229f], когда афинянин Эпикрат¹⁴¹ был отправлен послом к [персидскому] царю, то, получив от него множество подарков, настолько бесстыдно льстил ему, что открыто и беззастенчиво приговаривал: нужно-де каждый год выбирать не девять архонтов, а девять послов к великому царю. Я удивляюсь афинянам, как могли они оставить это безнаказанным, если приговорили Демада к уплате десяти талантов за то, что он предложил объявить Александра богом, а Тимагора, преклонившего перед [персидским] царем колени, приговорили к смертной казни¹⁴²! Тимон Флиунтский в третьей книге «Силл»¹⁴³ рассказывает, что Аристон Хиосский, ученик Зенона Китийского, подольщался к философу Персею, потому что тот был другом царя Антигона¹⁴⁴. Филарх пишет в шестой книге «Истории» [FHG.I.336; ср.249d], что льстец Александра Никесий, видя как царь мучается, приняв лекарство, воскликнул: «О царь, если вы, боги, так страдаете, то как же быть нам?» Александр, с трудом подняв на него взгляд, ответил: «Какие боги? Боюсь, как бы не богам ненавистные». В двадцать восьмой книге тот же Филарх пишет [FHG.I.348], что у Антигона, прозванного *Эпиптропом*¹⁴⁵ (регент), того самого, что покорил спартанцев, был льстец Аполлофан, говоривший, что счастье Антигона александрийствует¹⁴⁶.

59. Эвфант пишет в четвертой книге «Истории» [FHG.III.19], что льстецом Птолемея¹⁴⁷, третьего из царствовавших в Египте, сделался Калликрат, который был так силен в своем ремесле, что не только носил перстень с изображением Одиссея, но и назвал своих детей именами Телегона и Антиклеи¹⁴⁸. Полибий говорит в тринадцатой книге «Истории» [XIII.4], что при Филиппе, разгромленном римлянами¹⁴⁹, льстецом был Гераклид из Тарента, который и стал причиной крушения его царства. А в четырнадцатой книге [XIV.11] он пишет, что у Агафокла, сына Энанты, друга царя [Птолемея] Филадельфа, был льстецом Филон. Батон из Синопы рассказывает в своей работе «О тирании Гиеронима»¹⁵⁰ [FHG.IV.349] о паразите Фрасоне, имевшем прозвище *Зубастик*, который вечно тянул несмешанное вино. Другой льстец Гиеронима, по имени Сосий, стал виновником казни Фрасона, он же убедил Гиеронима возложить на голову диадему, надеть порфирные одежды и всё остальное, что носил тиран Дионисий. Агафархид пишет в тридцатой книге «Истории» [FHG.III.194]: «Спартиат Гере-

252 сипп, отъявленный негодяй, даже и не притворявшийся порядочным человеком, был очень красноречив в лъстивых речах и большой мастер услужать богатым людям, пока им сопутствовало счастье». Таким же был и Гераклид из Маронеи, льстец при фракийском царе Севфе: о нем упоминает в седьмой книге «Анабасиса» Ксенофонт [VII.3.16].

b 60. Феопомп же, рассказывая в восемнадцатой книге «Истории», как угодничал аргосец Никострат перед персидским царем, пишет так [FHG.I.301]: «Как не назвать ничтожеством аргосца Никострата! Один из первых людей в Аргосе, наследник знатного рода, и богатства, и имущества, он не только превзошел в раболепии и лести всех участвовавших в походе¹⁵¹, но отважился на неслыханное. Прежде всего, он столь сильно жаждал почестей от варвара, что, желая угодить ему и войти в доверие, он привел ко двору собственного сына, – этого, как легко показать, доселе не совершал никто. Во-вторых, ежедневно за обедом он выставлал отдельный стол, посвященный *гению царя*¹⁵², полный хлебом и разными кушаньями, – он прослышал, что так поступают придворные, обивающие царские пороги, и рассчитывал получить за это угодничество еще больше наград от царя, потому что был он жаден и скареден, как никто». При царе Аттале нахлебником и наставником был Лисимах, которого Каллимах причисляет к ученикам Феодора; Гермипп, однако, относит к кругу Феофраста.

c d Полибий же пишет в восьмой книге «Истории» [VIII.24]: «Галат Кавар, во всех отношениях человек достойный, был развращен льстецом Состратом, уроженцем Халкедона».

e 61. Николай пишет в сто четырнадцатой книге [FHG.III.418], что когда Лициний Красс пошел войною на парфян¹⁵³, при нем состоял льстец Андромах, родом из Карр. Красс доверял ему и делился с ним всеми своими планами, но тот предал его парфянам, и Красс погиб. Однако Андромаху не удалось избежать возмездия божества. Получив в награду за предательство тиранию над своими родными Каррами, он правил с такой свирепой жестокостью, что был сожжен жителями вместе со своим домом. Посидоний Апамейский, более известный как родосец, повествует в четвертой книге своей «Истории» [FHG.III.254], что антиохийский Гиеракс, начинавший с сопровождения на флейте актрисам-лисиодкам¹⁵⁴, стал потом отменным льстецом и имел громадное влияние при царе Птолемеи седьмом, Эвергете¹⁵⁵, а потом и при [Птолемеи] Филометоре, однако в конце концов был им казнен. И перипатетик Николай пишет [FHG.III.415], что при Митридате льстецом был какой-то колдун Сосипатр, а Феопомп в девятой книге «Эллинской истории» пишет [FHG.I.280], что эретриец Афиней был льстецом и подручным Сисифа Фарсальского.

f

253 62. Прославился раболепием и афинский демос. Вот что рассказывает племянник оратора Демосфена Демохар в двадцатой книге своей «Истории» об угодничестве афинян перед Деметрием Полиоркетом¹⁵⁶, совершенно добровольном и даже без малейшего намека с его стороны. Пишет он так [FHG.II.449]: «Некоторые из этих вещей докучали самому Демет-

рию, однако и всё прочее было до крайности постыдно и унизительно: святилища Афродиты Ламии и Леэны¹⁵⁷, алтари, возлияния, почитание как *героев*¹⁵⁸ его льстецов Буриха, Адиманта и Окситемида. Даже пеаны¹⁵⁹ пелись в честь каждого из них, так что сам Деметрий изумлялся происходящему и говорил, что при нем не осталось ни одного афинянина, великого и сильного духом». И фиванцы, как повествует Полемон в сочинении «О расписном портике в Сикионе», раболепствуя перед Деметрием, соорудили храм Афродиты Ламии, любовнице Деметрия, такой же, как Леэна. Что же удивительного, если афиняне, эти льстецы из льстецов, сочиняли в честь Деметрия пеаны и пели в шествиях торжественные гимны¹⁶⁰? Так пишет и Демохар в двадцать первой книге [FHG.II.449]: «Когда Деметрий возвращался с Левкады и Керкиры в Афины¹⁶¹, его принимали не только с фимиамом, венками и возлияниями вина, но навстречу ему шли и хорошие и фаллические шествия с песнями и плясками; а потом они становились толпой, приплясывая и распевая, что он один истинный бог, а другие боги или спят, или удалились, или вовсе не существуют, он же, мол, отпрыск Посейдона и Афродиты, всех прекраснее и всем благодетелен». Демохар говорит также, что нуждающиеся умоляли его о защите и возносили к нему мольбы.

63. Так рассказывает об угодничестве афинян Демохар. Текст этого итифаллического гимна¹⁶² приводит в двадцать второй книге «Истории» Дурид Самосский [FHG.II.476]:

Как боги всеблагие и всеильные
Городу мирволят!
Издалека Деметрия с Деметроу
К нам приводит случай:
Она справляет Девы Кору в городе
Таинства святые¹⁶³.
А он, сияя красотой, улыбчивый,
Словно бог нисходит...
Величественно выступает он, кольцом
Тесно встали други,
Как звезды в небе, верные соратники –
Сам он словно солнце!
О, здравствуй, отпрыск Посейдона мощного,
Здравствуй, сын Киприды!¹⁶⁴
Иные боги далеко находятся,
К ним мольбы напрасны,
И нет их здесь, не внемлет ни один из них,
Ты – стоишь перед нами
Не каменный, не деревянный, но живой.
Молимся тебе мы:
О милосерднейший, дай поскорей нам мир,
Всемогущ ты ныне!
Не Фивы, нет, теперь Элладу целую

Сфинга одолела¹⁶⁵:
 На этолийских скалах возлегла она,
 Словно встарь, ужасна,
 И жизни наши похищает, алчная –
 Нет в нас сил сражаться!
 Вор этолийский крал, что далеко лежит,
 Ныне – что поближе!
 Карай его своею властью – или же,
 Сам найди Эдипа,
 Чтоб Сфингу эту он со скал высоких сверг
 Или опозорил.

64. И это пели на площадях и у очагов своих те марафонские бойцы¹⁶⁶,
 254 которые казнили преклонившего колени перед персидским царем и рассе-
 яли бесчисленные мириады варваров! Так и у Алексида в «Торговце сна-
 добьями», или «Кратейе», персонаж пьет за одного из собутыльников
 здравицу с такими словами [Kock.II.336]:

Эй, раб! Подай побольше кубок, влей в него
 В честь дружбы нам четыре меры полные¹⁶⁷,
 И три из них нам будут возлияньями
 Спасительным богам: одна за славную
 Победу Антигонову¹⁶⁸, вторая же –
 За сына молодого, за Деметрия,
 За Афродиту Филу – третья¹⁶⁹. Пусть у вас,
 Друзья мои, всех будет столько радости,
 Сколь в кубок поместилось мой прекрасного!

65. Вот каковы были афиняне в те времена, когда их городом завладе-
 ло свирепое чудовище угодничества; а ведь пифийский бог провозгласил
 Афины «очагом Эллады», и даже недружелюбно настроенный Феопомп
 называл «пританеем Эллады»¹⁷⁰, хотя в других местах [своей «Истории»]
 он и пишет [FHG.I.328], что Афины переполнены Дионисиевыми лстеца-
 3 ми (актерами), матросами, уличными грабителями, не говоря уже о лже-
 свидетелях, доносчиках и охотниках за чужими наследствами. Они-то, я
 уверен, и принесли в город всё это угодничество, подобно наводнению или
 иной божьей каре. Прекрасно говаривал о лстецах Диоген, что куда гу-
 маннее послать человека к воронам¹⁷¹, чем к лстецам, которые сдирают
 добро с еще живых людей. И Анаксилай ведь пишет в¹⁷² ... [Kock.II.274]:

Лстецы – совсем что черви¹⁷³ для владеющих
 Имуществом. Найдя себе хозяина
 С беззлобным нравом, каждый заползет в него
 И ест его спокойно, до тех пор пока
 Не выжжет, как огонь, именье дочиста.
 Когда же от бедняги лишь останется
 Одна скорлупка, тут же принимается
 За следующего.

И Платон пишет в «Федре» [240b]: «Лыстец, например, это страшное чудовище и великая пагуба, однако природа примешала к лести и какое-то тонкое удовольствие». Феофраст же пишет в сочинении «Об угодничестве» [fr.83], что аргивянин Миртис, заметив, что лыстец Клеоним, хоровой танцовщик, повадился подсаживаться к нему и другим присяжным, чтобы его почаше видели среди уважаемых в городе людей, схватил его за ухо и при всем народе вытащил с заседания со словами: «Плясать ты здесь не будешь, а слушать тебе тут нечего». И Дифил пишет в «Свадьбе» [Kock.II.547]:

Но тот же лыстец
И стратега, и владыку, и друзей, и города
Сладкою злодейской речью враз погубит навсегда.
Нынче некая недужность охватила весь народ,
И больны решенья наши – лишь бы только угодить.

Поэтому, как пишет в тридцатой книге Феопомп [FHG.I.310], прекрасно поступили фессалийцы, сровнявшие с землей так называемый Город-Лыстец, который населяли малийцы¹⁷⁴.

66. Также называет лыстцами афинских колонистов на Лемносе Филарх в тринадцатой книге «Истории» [FHG.I.341]. Они раболепствовали¹⁷⁵ перед потомками Селевка и Антиоха за то, что Селевк освободил их от жестокой власти Лисимаха и вдобавок даровал им оба их города; поэтому лемноские афиняне воздвигли храмы Селевку и его сыну Антиоху и на пирах делают особое возлияние в честь *Селевка Спасителя*.

Некоторые подменяют слово *κολαχία* (заискивание) и называют его *ἀρέσχεια*, (раболепство, угодничество), как, например, Анаксандрид в «Девушке с Самоса» [Kock.II.155]:

Ведь говорится нынче не *заискивать* (*κολαχία*):
Угодничать (*ἀρέσχεια*).

И не понимают берущиеся за лезть, что занятие это очень кратковременное. Вот и Алексид говорит в «Обманутом» [Kock.II.392]:

Лишь кратким мигом расцветает жизнь лыстеца:
Седой нахлебник никого не радует.

Клеарх Солейский пишет в первой книге «Любвных рассказов» [FHG.II.331]: «Ни один лыстец не может долго быть другом, ибо время разблачивает их лживое притворство. Однако всякий влюбленный – лыстец, юностью и красотой помогающий любви». Как рассказывает в десятой книге своего сочинения «О названиях» сын Трифона Дионисий, те из лыстцев царя Деметрия, которые были сторонниками лампсакийца Адиманта¹⁷⁶, построили в Триях¹⁷⁷ храм и водрузили в нем статуи, назвав его храмом Афродиты Филы по имени матери Деметрия Филы, после чего и вся эта местность получила название Филеон.

67. Клеарх Солейский рассказывает в своем сочинении «Гергитий» [FHG.II.310] и о том, откуда пошло само понятие лыстеца, полагая, что на-

d чало свое оно берет от имени Гергития, одного из льстецов при дворе Але-
ксандра, – его именем и названо сочинение. Рассуждает он следующим об-
разом: от раболепия душонки льстецов становятся мелкими, ибо окружаю-
щие презируют их. Доказательством служит то, что они всё готовы вытер-
петь, прекрасно понимая, на что идут. В то же время лезть надувает пустым
e тщеславием души тех, перед кем они угодничают, приучая их считать себя
выше всех. Потом он рассказывает о некоем мальчишке родом с Пафоса,
волею судеб вознесенном в царское достоинство: «В неслыханной роскоши
мальчишка этот (Клеарх не называет его имени) возлежал на ложе с сере-
бряными ножками, застеленном очень дорогим сардианским¹⁷⁸ ковром с
односторонним ворсом. Накрывал его пурпурный двусторонний ковер,
обернутый аморгским¹⁷⁹ покрывалом. В головах были три подушки с наво-
лочками из тонкого льна с пурпурной каймой, которые приятно охладили
f кожу, в ногах – две окрашенные пурпуром дорийские подушки, одет он был
в тонкую белую рубашку. 68. Все правители на Кипре полагали полезным
иметь льстецов из знати – для тиранов это вещь самая необходимая. И ни-
кто не знал, ни сколько их, ни кто они, кроме нескольких самых известных,
словно это был какой-то Ареопаг¹⁸⁰. Все льстецы Саламина [Кипрского] (а
256 от них происходят льстецы на остальном Кипре) принадлежали к двум ро-
дам: *Гергинам* и *Промалангам*. Гергины толкаются по городским рынкам и
мастерским, подслушивая разговоры, и числятся осведомителями: всё, что
услышат, они ежедневно докладывают так называемым *анактам* (прави-
телям). Промаланги же следят, не окажется ли что из доложенного герги-
нами достойным розыска; они числятся расследователями. Ведут беседы
b они настолько ловко и убедительно, что мне кажется (да и сами они гово-
рят), что от них пошли знатнейшие льстецы по всем городам. И это нема-
лая похвальба – не только оттого, что ремесло их в чести у царей; они ут-
верждают, что род гергинов пошел от троянских пленников, которых
Тевкр поселил на Кипре¹⁸¹, а потом поплыл с избранными из них вдоль бе-
рега в Эолиду, чтобы разведать место и построить город в земле их пред-
ков¹⁸²: этот город он основал вблизи троянской [горы] Иды, пополнив его
население мизами, и назывался он по имени их рода в старину Гергином, а
c теперь Гергитом. Кажется, что некоторые участники этого похода отдели-
лись и осели в Кимах, потому что жители Ким происходят с Кипра, но ни-
как не из фессалийской Трикки, как утверждали некоторые, чье невежест-
во не излечить даже сынам Асклепия.

d 69. И когда нами [в Солах] правил¹⁸³ кариец Глос, то при царицах дер-
жали женщин, называвшихся *льстицами*. Последние из них перешли потом
к женам Артабаза и Ментора¹⁸⁴ и были переименованы в *лествиц*¹⁸⁵ – пото-
му что, раболепствуя перед новыми хозяйками, они устраивали из своих тел
лестницу, чтобы те могли по их спинам всходить на повозки. До такой рас-
пущенности, чтобы не сказать хуже, доводили они своей изобретательно-
стью неразумных хозяек! Так одни из них волею судеб после крайней изне-
e женности доживали жизнь в суровой скудости; другие же, когда у нас сме-

нилась власть¹⁸⁶, удалились в Македонию, и как они ублажали тамошних царей и правительниц, даже сказать неприлично – они даже занялись воровством и превратились в мерзейших уличных «охотниц за быками»¹⁸⁷. Вот какие и сколькие бедствия навлекло угодничество на своих служителей.

70. Продолжая свой рассказ, Клеарх пишет: «Вел себя тот мальчишка крайне предосудительно. Рабы его в коротких хитонах стояли в стороне, а приближаться к его ложу смели только те трое мужчин, о которых идет речь. Каждому из них было у нас дано свое прозвище. Первый сидел на ложе в ногах и, обернув их легким плащом, держал на своих коленях; делал он то, что понятно и без слов. Здешные называют его *Втершимся*, из-за того что он ловкой лестью умел навязываться даже к тем, кто не желал его знать. Другой сидел на стульчике рядом с ложем и, припавши к свесившейся руке мальчишки, гладил ее, сгибал и разгибал каждый пальчик – за это его метко прозвали *Присоской*. Третий, самый главный и знатный, по прозвищу *Зверь*, склонялся к его изголовью и левой рукой нежно разглаживал мальчишке волосы, правою же ласково колыхал фокейский веер на виссоновых¹⁸⁸ подушках, отгоняя мух. Потому-то, мне кажется, некий бог благоприличия в гневе своем и напустил на мальчика муху – ту самую, смелостью которой Афина¹⁸⁹ у Гомера наполнила сердце Менелая [Ил.XVII.570], – и когда она укусила мальчика, то этот *Зверь* так вскричал и так разъярился, что из-за одной мухи принялся гнать из дома всех: оттого-то он и взялся за эту службу».

71. Не таков был понтийский тиран Левкон: глядя, как всё меньше при нем друзей, буквально истребляемых окружающими льстецами, он сказал одному такому, когда тот пришел клеветать на уцелевшего друга: «Клянись богами, я убил бы тебя, если бы тираны могли жить без негодяев».

Похожим образом о роскоши кипрских царей рассказывает в «Воине» и комический поэт Антифан; вот кто-то расспрашивает воина [Kock.II.97]:

– Скажи, а долго были вы
На Кипре?

– Да пока война не кончилась¹⁹⁰.
– В каком же месте вы стояли?

– В Пафосе.
Такое там житье, скажу, привольное,
Что не поверишь.

– Право?
– За столом царя
Голубки-птички оведают крыльями,
Как опахалом.

– Как же это может быть?
Скажи, я не отстану.

– Умачался царь
Сирийским маслом, жатым из таких плодов,
К которым, говорят, голубки лакомы.
И вот они слетались, привлеченные

f На запах, и старались сесть на голову
 Душистую царя, а с двух сторон рабы
 Их отгоняли прочь. Они подпархивали
 Ни так, ни сяк, ни высоко, ни низенько
 И так его обвеивали крыльями,
 Что ветерок был легким и умеренным.

258 72. «Этого льстеца при вышеупомянутом мальчике, – продолжает
 Клеарх [FHG.II.312], – можно назвать *Сладострастником*; но он может
 льстить и по-другому, принимая облик хозяина и то складывая руки на гру-
 ди, то кутаясь в рваный плащ – и за это его зовут то *двурушником*, то *ли-*
 цедеем. Ибо лстец – настоящий Протей¹⁹¹: он не только многолик видом,
 но и речами многоголос. Врач Андрокид говорил, что слово *лесть*
 б (κολαίη(α)) произошло от выражения *приклеиваться* (προσκολῶσθαι); а
 по-моему, скорее от оборотливости (εὐκολί(α)) – ибо всё готов вынести
 льстец, принимая на свои плечи бремя чужого нрава, даже самое безобраз-
 ное, ибо не отягощен ни малейшей стыдливостью». А еще можно этого
 кипрского мальчишку назвать *неженкой* (ὑπόρς). Этой изнеженности в
 Афинах есть у кого поучиться, как говорит Алексид в следующем месте
 из пьесы «Молния» [Kock.II.372]:

c Другой хотел познать я образ жизненный:
 Его изнеженностью (ὑπόρς) все зовут у нас.
 Дня три лишь побродил я по Керамику,
 И вот в одном лишь только эргастерии¹⁹²
 Нашел учителей подобной мудрости
 Не меньше тридцати.

И Кробил в «Оставившей» [Kock.III.380]:

Своей изнеженностью (ὑπόρτης) ты достал меня:
 Изнеженностью ведь распутство прежнее
 Зовут все нынче.

d 73. Антифан в «Девушках с Лемноса» [Kock.II.70] говорит, что лстерь –
 это тоже искусство:

Ужели есть иль может быть приятнее
 Угодничества ремесло, и прибыльней?
 Трудясь, и живописец раздражается,
 И земледелец
 Несут труды, заботы и опасности.
 А мы проводим время среди роскоши
 И смеха: наша самая тяжелая
 Работа – веселиться. Кто откажется
 Смеяться, выпить, подшутить над кем-нибудь?
 e Ей-богу, лишь богатству уступает лстерь.

Отлично обрисовал льстеца Менандр в комедии «Лстец», также как Ди-
 фил парасита в «Телесии». Алексид выводит в «Обманутом» льстеца с та-

кими словами [Kock.II.381]:

Зевесом Олимпийским и Афиною
Клянусь, что счастлив я не тем, друзья мои,
Что отъедаюсь на застольях свадебных,
Но тем, что лопну, коль богам захочется;
Подобной я кончины удостоиться
Желал бы.

f

И еще кажется мне, любезные друзья, что наш превосходный пузан (Ульпиан) не упустит случая процитировать и этот стих из «Омфалы» трагика Иона [TGF².736]:

Ведь ежедневно надо ежегодное
Мне празднество справлять.

74. Гиппий Эритрейский, рассказывая во второй книге сочинения об истории своей родины¹⁹³ о том, как царь Кноп¹⁹⁴ был свергнут своими собственными льстецами, пишет так [FHG.IV.431]: «Гадая о спасении, Кноп получил ответ, что должен принести жертвы Гермесу *Долию* (Хитрецу). Когда после этого он отправился в Дельфы, с ним поплыли заговорщики, чтобы свергнуть его и установить олигархическое правление: Ортиг, Ир и Эхар, за свое угодничество называвшиеся *прокюнами*¹⁹⁵ и льстецами. Когда корабль отплыл уже далеко, они связали царя и бросили в море. Причालив к Хиосу, они взяли воинов у тамошних тиранов Амфикла и Политекна и ночью высадились в Эритрах. Тем временем волны выбросили труп Кнопа на берег у мыса, называемого нынче Леоподом (Львиной лапой): потому-то сигнал тревоги и застал город врасплох – жена Кнопа, царица Клеоника, справляла обряды над телом мужа, а день был праздничный и народ чествовал Артемиду Строфею. Город был захвачен, и многие сторонники Кнопа были убиты людьми Ортига; Клеоника же, узнав об этом, спаслась бегством в Колофон.

259

b

75. Опираясь на хиосское войско, тираны во главе с Ортигом истребляли всех, кто сопротивлялся, и, отменив действие законов, по своему приговору вершили все дела внутри крепостных стен, не допуская к этому никого из народа; а перед воротами они устроили судилище, где выносили приговоры, сидя в пурпурных плащах и в хитонах с пурпурной каймой. Летом они обувались в пятипалые сандалии, зимой ходили в женских башмаках; волосы носили длинные и завивали себе локоны, лбы повязывали желтыми и пурпурными диадемами, украшения носили, подобно женским, целиком из золота. Одних граждан они заставляли таскать за ними стулья, жезлы, подметать улицы; сыновей других вызывали на свои пиры; третьим приказывали приводить туда своих жен и дочерей. На ослушников они налагали самые суровые кары. Если же кто-то из тиранов умирал, то, согнав граждан вместе с детьми и женами, они заставляли оплакивать покойного, бить себя в грудь и пронзительно выть во весь голос, и за этим следил человек с бичом. Когда наконец брат Кнопа Гиппот, подойдя с вой-

c

d

e

f ском к Эритрам во время праздника, напал на тиранов, народ поддержал его. Многих сторонников тирании Гиппот подверг истязаниям, сам же Ор-
тиг вместе со спутниками был заколот во время бегства. Страшно надру-
гавшись над их женами и детьми, Гиппот даровал родине свободу».

260 76. Итак, друзья мои, из всего этого можно видеть, причиной скольких бедствий бывает лесть. И Феопомп пишет в девятой книге «Истории Филиппа» [FHG.I.301]: «Истребить перребов¹⁹⁶ и устроить тамошние дела Филипп послал Агафокла, раба из фессалийских пенестов¹⁹⁷, приобретшего огромное влияние через лесть, пляски и шутовство. Таких человечков македонец всегда держал возле себя, с ними он по пьянству и шутовству проводил большую часть времени, с ними заседал, обсуждая важнейшие государственные дела». А Гегесандр Дельфийский рассказывает о Филиппе и такое [FHG.IV.413]: записным афинским острякам, собиравшимся при храме Геракла Диомейского, он посылал большие деньги в мелкой монете и приставлял к ним писцов для записи разговоров. Феопомп же пишет в двадцать шестой книге «Истории»¹⁹⁸ [FHG.I.308]: «Зная беспутный и разнузданный образ жизни фессалийцев, Филипп собирал их у себя на пирушки, где всячески старался понравиться: он и плясал, и пускался в разгул и любое буйство. По натуре он любил шутовство, каждый день был пьян и пре-
c выше всего на свете ставил то, что этому способствует, и людей, способных смешить словом и делом. Из водившихся с ним фессалийцев он больше народу привлек на свою сторону подобным обращением, чем подкупам». Таким же образом вел себя и сицилиец Дионисий – во всяком случае так это представляет комедиограф Эвбул в пьесе, озаглавленной его именем [Kock.II.173]:

d К почтенным людям-то высокомерен он,
А вот к лъстецам, которые смешат его,
На редкость благосклонен: он ведь думает,
Что только лишь они и благородные,
Хоть и рабы.

77. Но не только Дионисий с одобрением относился к людям, тратившим имущество в пьянстве, игре в кости и прочих беспутствах, но и Филипп. Об обоих пишет Феопомп. В сорок девятой книге он так говорит о Филиппе [FHG.I.320]: «Людей благопристойных и бережливых Филипп от-
e вергал, а любил и хвалил тех, кто жил привольно и тешился пьянством и игрою. Он не только давал им в этом полную волю, но и позволил состояться во всем дурном и мерзком. Каких гнусностей в них не было? И что хорошего в них было? Взрослые, они брили и выщипывали на себе волосы; бородатые, влезали друг на друга, каждый из них таскал с собой двух-
f трех распутников и сам был готов служить другим. Поэтому верно было бы сказать, что они – не гетайры, но гетеры¹⁹⁹, не воины, но подонки, по натуре злодеи, по привычкам блудодеи. Трезвости они предпочитали пьянство, а вместо порядка искали грабежей и убийств. Говорить правду и

жить в согласии они считали ниже своего достоинства, а клятвопреступления и мошенничество полагали высшими добродетелями. Владея большою частью Европы²⁰⁰, они пренебрегали тем, что есть, и гнались за тем, чего у них не было. В это время гетайров было не более восьмисот, но земельных доходов они получали не менее, чем десять тысяч эллинов в обширной и плодородной местности». То же самое пишет он в двадцать первой книге и о Дионисии [FHG.I.303]: «Сицилийский тиран Дионисий [предпочитал] проматывавших имущество за пьянством, игрой и прочими беспутствами, ибо хотел, чтобы все были людьми дурными и испорченными: с такими ему легко было управляться».

78. Любил забавников и Деметрий Полиоркет, как пишет в десятой книге «Истории» Филарх; а в четырнадцатой книге он сообщает [FHG.I.341]: «Деметрий попускал лъстецам разглагольствовать, что он-де один настоящий царь, Птолемей же только надзиратель над флотом, Лисимах – над казною, а Селевк – над слонами²⁰¹. И конечно, всё это навлекло на него немалую ненависть». Геродот пишет [II.173,174], что и египетский царь Амасис был большим забавником и часто шутил на пирах; а когда еще не был царем, то очень любил и выпить и пошутить и вовсе не имел склонности к серьезным занятиям. Николай же в сто седьмой книге «Истории» пишет [FHG.III.416], что римский военачальник Сулла так любил повеселиться²⁰² и так обожал мимов и скоморохов, что роздал им множество общественной земли. Эту веселость он обнаруживает и в своих сатирических драмах на родном наречии²⁰³.

79. Феофраст говорит в трактате «О комедии» [fr.124], что тиринфяне очень смешливы и потому непригодны ни к каким серьезным делам. Желая избавиться от этого порока, они обратились к дельфийскому оракулу. Бог возвестил им, что если они принесут жертву Посейдону, бросив быка в море, и при этом удержатся от смеха, то наступит избавление. Тиринфяне, боясь нарушить веление оракула, запретили детям присутствовать при жертвоприношении. Однако один мальчик, узнав о предстоящей церемонии, замешался в толпу, все стали кричать и гнать его, а он возразил: «Да в чем дело? Что я, быка что ли вам опрокину?» – Все засмеялись и поняли: это бог им на примере показывает, что невозможно излечиться от такой застарелой привычки. А Сосикрат пишет в первой книге «Критской истории» [FHG.IV.500], что у жителей Феста есть особенный обычай: с самого детства они учатся зубоскалить, и благодаря многолетней привычке им и впрямь удаются меткие высказывания, и поэтому все критяне признают их великими насмешниками.

80. Вслед за лестью комедиограф Анаксандрид на втором месте называет хвастовство: в пьесе «Колдун-Чародей» он пишет [Kock.II.157]:

Так хвастовством меня коришь ты? Почему?
Ведь это ремесло далеко прочее
Все позади оставит лишь за вычетом
Угодничества: а оно-то всех побьет.

О лизоблюдстве (ψωμοκόλασθαι) упоминает в «Геритадах» Аристофан [Kock.I.432]:

Говорят, что ты лстец, говорят блюдолиз.

Также Саннирион в «Ио» [Kock.I.795]:

Да провалитесь, лизоблюды вы несносные!

262 Филемон в «Омолуженной» [Kock.II.480]:

Да он ведь лизоблюд.

Филиппид в «Омолужении» [Kock.III.303]:

И пролезая, всюду лизоблюдствую.

Корневое слово здесь – κόλαξ²⁰⁴ (лстец), а κόλον (толстая кишка) означает «питание». Отсюда же происходят и слова βουκόλος (пастух), δυσκόλος (брюзга), т.е. неудобоваримый, привередливый, κοιλία (брюхо, т.е. принимающее пищу) и даже ψωμοκόλαφος (ради пищи принимающий пощечины), как сказано в «Тесее» Дифила [Kock.II.557]:

Тебя зовут и беглым и пощечником».

[О РАБАХ]

81. Закончив свой рассказ, Д е м о к р и т попросил подать ему саврийскую бутылочку²⁰⁵ (βομβυλίσ), чтобы промочить горло. У л ь п и а н не упустил случая спросить: «А кто такой этот Саврий?» – и уже готов был начать свою бесконечную болтовню, когда в залу вошло множество слуг, несших нам новые кушанья. Увидев их, Д е м о к р и т опять заговорил, на этот раз о слугах:

«Меня всегда удивляло, друзья мои, какую воздержность проявляет племя рабов среди стольких лакомств! И не из страха пренебрегают они ими, но благодаря выучке, – не такой, как в «Учителе рабов» Ферекрата, – а приобретенной вместе с привычкой. Никто ведь не запрещает им [трогать кушанья], как это делается при жертвоприношениях на острове Кос, о которых Макарий в третьей книге «Косской истории» пишет [FHG.IV.442; ср.639d], что когда там приносят жертвы Гере, то рабам запрещено входить в храм и нельзя прикасаться ни к одному из приготовленных кушаний. И Антифан пишет в «Неудобопродажном рабе» [Kock.II.47]:

Разглядывать лежащие

Объедки дичи и пирожных кушаний,
Которые и брошенные съест рабу
Запрещено, как заявляют женщины.

А у Эпикрата в его «Неудобопродажном рабе» раб негодует так [Kock.П.284]: d

Когда зовут «эй, малый, раб!» за выпивкой,
 Что этого быть может ненавистнее?
 Прислуживать мальчишке безбородому,
 Носить горшок! Разглядывать лежащие
 Объедки дичи и пирожных кушаний,
 Которых, даже брошенных, поест рабу
 Запрещено, как заявляют женщины.
 Он де взбесился, брюхо ненасытное,
 Он глотка де бездонная, – лишь кто из нас
 Кусочек съест, хотя б и самый маленький.

При сравнении стихов легко заметить, что Эпикрат заимствовал из комедии Антифана. e

82. Диевхид пишет в «Мегарской истории»²⁰⁶ [FHG.IV.389]... [лакуна] ... о так называемых Арейских островах, что между Книдом и Симой... Когда умер Триоп и спутники его перессорились, то одни удалились на Дотий ... другие, оставшиеся с Форбантом, пришли в Иэлис, третьи же вместе с Перизергом заняли Камирскую область. Вот тогда-то, говорят, Перизерг проклял Форбанта, и поэтому острова стали называться *Ареи* (Клятвенные). Форбант и Парфения, их с Перизергом сестра, выплыли из кораблекрушения к Иэлису в месте, называемом Схедия. На них наткнулся Тамний, охотившийся неподалеку с собаками, и, желая оказать гостеприимство, повел в свой дом. С дороги он послал домой раба предупредить жену, чтобы она приготовила всё, что нужно. Однако, придя домой, Тамний увидел, что ничего не приготовлено, и поэтому самолично смолот для гостей зерно на мельнице и справил всё остальное. И так понравилось его гостеприимство Форбанту, что, умирая, он завещал друзьям, чтобы в его память приносились жертвы исключительно свободными людьми. Отсюда пошел обычай, чтобы при жертвах Форбанту прислуживали только свободные, рабу же даже приближаться не дозволялось». f

83. Поскольку вопрос о рабах тоже был задан Ульпианом [см.228d], попробуем-ка и мы пересказать что-нибудь из того, что нам случилось об этом прочесть. Ферекрат, например, говорит в «Дикарях» [Kock.I.147]: b

Не было тогда раба, ни Сикисы, ни Мания.
 Надо всю работу в доме было делать самому;
 В довершение мук с рассвета самому молоть муку,
 Так что скрипом вся деревня наполнялась жерновов.

И Анаксандрид говорит в «Анхизе» [Kock.П.137]:

Нет у рабов ведь собственного города²⁰⁷,
 Но всех судьба влечет с мест занимаемых,
 И многие, сегодня несвободные,
 В дем Суниона завтра будут вписаны,
 А через три дня все они на агоре
 Получат место, и куда захочет рок,
 Туда и повернет кормило каждого. c

d 84. Стоик Посидоний пишет в одиннадцатой книге «Истории» [FHG.III.257]: «Многие, по слабости ума неспособные постоять за себя, отдавали себя на службу к более смышленным, чтобы получать от них необходимую помощь, и за это сами делали для них всё, что могли. Именно таким образом мариандины²⁰⁸ подчинились гераклеяцам, пообещав служить в обмен на необходимую помощь, но только на их собственной земле, чтобы никого из них не посылали на работы за пределы гераклейской земли». Может быть, именно поэтому эпический поэт Эвфорион назвал мариандинов *данниками*:

e Д а н н и к и – имя для вас, дрожащих пред господами.

f И ученик Аристофана Каллистрат говорит [FHG.IV.355], что мариандинов называли *данниками*, избегая оскорбительного имени *рабов*; так и спартанцы придумали название для илотов, фессалийцы для пенестов и критяне для кларотов. Точнее, критяне называют городских рабов *хрисонетами* (купленными за золото), местных рабов, работающих в поле, – *амфамиотами*, и взятых в плен на войне – *кларотами*: из-за того, что их распределяют по жребию (κλήρος). Эфор пишет в третьей книге «Истории» [FHG.I. 242]: «Кларотами критяне называют рабов из-за того, что разыгрывают их по жребию. В Кидонии для них справляются особые празднества, во время которых свободным гражданам запрещается входить в город, но всем распоряжаются рабы и бичуют свободных как хозяева». Сосикрат же 264 пишет во второй книге «Критской истории» [FHG.IV.501]: «Общественных рабов критяне называют *мноя*, частных рабов – *афамиотами*, а подданный люд – *перизками*». Нечто подобное рассказывает в четвертой книге «Критской истории» [FHG.IV.399] и Досиад.

85. Пенестами фессалийцы называют не рабов от рождения, но взятых на войне; комический поэт Феопомп, не понимая смысла этого слова²⁰⁹, пишет [Kock.I.752]:

Хмурые

Советники пенеста-повелителя.

b Филократ пишет во второй книге «Фессалийской истории» (если только это сочинение подлинное) [FHG.IV.477], что пенестов называли также *фессалийскими рабами*. Архемах же пишет в третьей книге «Эвбейской истории» [FHG.IV.314]: «Из беотийцев, поселившихся в Арнах²¹⁰, некоторые не пожелали вернуться в Беотию, но из любви к новой местности предали себя в рабство фессалийцам на условии, что их не будут ни выводить за ее пределы, ни убивать, сами же они будут обрабатывать эту землю и отдавать доходы с нее фессалийцам. Оставшиеся на таких условиях в рабство стали называться *менестами* (оставшимися), а теперь *пенестами*²¹¹, и многие из них живут богаче своих хозяев». И Еврипид называет их слугами в 3 c следующем стихе из «Фрикса» [TGF². 630]:

Слуга-пенест в жилищах древних мой.

86. Тимей из Тавромена в девятой книге «Истории» утверждает [FHG.I.207], что в древности у эллинов не было в обычае использовать труд людей, купленных за деньги. Пишет он следующее: «...Аристотеля обвиняли в том, что он совершенно неверно описал обычаи локрийцев. Ни у локрийцев, ни у фокидян по закону не разрешалось до самого последнего времени держать рабов и рабынь: жена Филомела, захватившего Дельфы²¹², была первой, которую сопровождали две рабыни. Когда Мнасон, друг Аристотеля, приобрел тысячу рабов, то фокидяне обвинили его в том, что он лишает средств к существованию такое же количество граждан, – ибо по фокидскому обычаю молодые в доме прислуживали старым».

87. Платон в шестой книге «Законов» [776b–778a] говорит: «Всё то, что связано с рабами, плохо во всех отношениях. Почти у всех эллинов илотия спартанцев доставила бы величайшее затруднение и возбудила бы споры: одни считают ее хорошим учреждением, другие – плохим. Меньший спор может вызвать система рабовладения у гераклейцев, поработивших мариандинов, и у фессалийцев с их пенестами. Глядя на всё это, как же относиться к рабовладению? Ведь в душе раба нет ничего здорового: разумному человеку не следует доверять таким. Говорит ведь мудрейший из поэтов [Од.XVII. 322, 323]:

Зевс-дальновержец, когда пошлет человеку день рабства,
Лучшую доблестей в нем половину тогда истребляет.

Владение рабами тяжело. Это многократно было доказано возникновением частых и ставших обычными восстаний мессенцев. Сколько случается бедствий в государствах, которые обладают множеством рабов, говорящих на одном языке! Добавим еще разнообразные хищения и ущерб, причиняемый в пределах Италии так называемыми пиратами. Глядя на всё это, иной затруднился бы сказать, что с этим делать. Остаются два средства: покупать себе рабов, происходящих из разных стран (чтобы у них по возможности не было единого языка), и правильно воспитывать их не только ради них самих, но и ради собственных интересов: не оскорблять их, наказывать их только по справедливости. Не следует вразумлять их, как свободных (чтобы они не возомнили о себе), а говорить с ними только приказами и без всяких шуток – как с рабами, так и с рабынями. А ведь иные по неразумию любят делать так, что рабы преисполняются самомнения и от этого им труднее повиноваться, а хозяевам труднее управлять».

88. Первыми из эллинов, насколько я знаю, покупать рабов стали хиосцы; об этом пишет Феопомп в семнадцатой книге «Истории» [FHG.II.300]: «Хиосцы первыми из эллинов после фессалийцев и спартанцев стали использовать рабов; но приобретали они их не так, как те. Спартанцы и фессалийцы обратили в рабство эллинов, прежде заселявших области, которыми они теперь владеют: спартанцы сделали рабами ахейцев, а фессалийцы – перребов и магнетов, первые называли поработанных ило-

тами, вторые – пенестами. Хиосцы же завели рабов-варваров, приобретенных по назначенной цене». Так рассказывает Феопомп.

Я думаю, что именно по этой причине божество разгневалось на хиосцев, ибо в позднейшее время они были ввергнуты в войну с рабами²¹³.
 d Нимфодор Сиракузский в «Плавании вокруг Азии» [FHG.II.378] рассказывает: «Рабы хиосцев бегут от хозяев, направляются в горы и, собравшись там большими отрядами, опустошают их усадьбы. Остров этот горист и покрыт лесами. Сами хиосцы рассказывают, что немного лет назад некий раб убежал и обосновался в горах; человек храбрый и удачливый в войне, он стал во главе беглецов, как царь во главе войска. Хиосцы
 e не раз ходили на него походом, но ничего не могли достигнуть. Тогда Дримак (так звали беглеца), видя, что хиосцы гибнут понапрасну, говорит им так: «Найдите, господа хиосцы: не будет конца тем бедствиям, которые вы терпите от ваших рабов, – они ведь вершатся по божьему велению. Но если вы меня послушаетесь и оставите нас в покое, то я сделаю для вас немало добра».

89. Хиосцы заключили с ним договор и некоторое время соблюдали
 f перемирие. Дримак завел свои меры, веса и печать; показав всё это хиосцам, он заявил: «Если я что-нибудь у вас возьму, то возьму по этой мере и по этому весу; а взяв столько, сколько мне нужно, я буду запечатывать кладовые этой печатью. Если у вас убегут рабы, я выясню причину, и если увижу, что они убежали от нестерпимых жестокостей, то оставлю их у
 266 себя; если же они не найдут оправдания побегу, то отошлю их к хозяевам». И когда хиосцы охотно приняли эти условия, то остальные рабы стали убегать гораздо реже, боясь суда Дримака. А беглецы, бывшие с ним, гораздо больше боялись его, чем своих господ, делали всё, что он приказывал, и подчинялись ему, как солдаты полководцу. Он сам наказывал непослушных и никому не позволял без разрешения грабить села или совершать другие беззакония. В праздники приезжал он в села и принимал вино, битый скот и всё остальное, что подносили ему господа. Если же он узнавал, что кто-нибудь злоумышляет против него или готовит ему засаду, тех он наказывал.

90. Город обещал большие деньги тому, кто его поймает или принесет его голову. Когда Дримак стал уже стар, он позвал своего любимца в тайное место и сказал ему так: «Я любил тебя больше всех, ты был для меня
 c всё: и слуга, и сын. Я пожил достаточно, а ты молод, твоя жизнь в самом расцвете. Что ж! пора тебе стать свободным и благородным. Кто меня убьет, тому город Хиос дает много денег и обещает свободу – так отруби мне голову, отнеси ее в Хиос, получи от города деньги и живи счастливо!» Юноша отказывался, но Дримак его уговорил. Тот, отсекиши ему голову, взял с хиосцев объявленную награду и, похоронив тело беглого раба,
 d уехал на родину. А хиосцы, которых снова стали обижать и грабить рабы, вспомнили умеренность и мягкость покойного и воздвигли ему за городом святилище во имя *Милостивого героя*. И теперь еще беглые рабы прино-

сят туда первины своей добычи. Но и то говорят, что Дримак является во сне многим хиосцам и открывает им злые умыслы их рабов; и все, кому он является, приходят к его святилищу, и приносят ему жертвы.

91. Так пишет Нимфодор; однако ни в каких других источниках я не нашел имени Дримака. Далее, о хиосце Панионии, как известно, прекрасный историк Геродот сообщает [VIII.105, 106], что он кастрировал и продавал свободнорожденных детей и за это сам понес справедливое возмездие. Далее, о хиосцах же рассказывают Николай Перипатетик [FHG.III.415] и Посидоний Стоик в своих «Историях» [FHG.III.265], что они были поработены Митридатом Каппадокийским²¹⁴ и выданы связанными собственным рабам для поселения на земле колхов. Так поистине разгневалось на них божество за то, что они первыми стали использовать труд купленных рабов, в то время как все остальные²¹⁵ обходились собственным трудом. Отсюда, может быть, пошла пословица: «Купил хиосец хозяина»²¹⁶, которая встречается у Эвполида в «Друзьях» [Kock.I.332].

92. Афиняне, заботясь и об уделе рабов, установили закон, чтобы за обиду рабу можно было подавать в суд. Оратор Гиперид в речи «Против Мантифея по обвинению в оскорблении действием» говорит: «Постановлено быть суду не только за обиду свободному, но и если кто нанесет оскорбление действием рабу». Подобное говорят и Ликург в первой речи «Против Ликофрона», и Демосфен в речи «Против Мидия» [46]. Малак в «Сифносской летописи» [FHG.IV.442] рассказывает, что Эфес основали рабы самосцев, числом в тысячу человек, которые вначале бежали в горы Самоса и причиняли много бед самосцам, но через шесть лет самосцы по велению оракула заключили с рабами соглашение, и те свободно уплыли с острова и заняли Эфес. От них и происходят эфесцы.

[О НАИМЕНОВАНИЯХ РАБОВ]²¹⁷

93. Хрисипп утверждает во второй книге сочинения «О согласии», что следует отличать понятия «раб» (δοῦλος) и «слуга»²¹⁸ (οἰκέτης), ибо рабами остаются даже вольноотпущенники, слугами же называют только тех, кто в собственности хозяина. Он пишет: «Слуга есть раб, числящийся в собственности». А еще называют рабов, как пишет в «Глоссах» Клитарх, и *служками*²¹⁹ (ᾄξοι) и *прислужниками*²²⁰ (θεράποντες), и *спутниками*²²¹ (ἀκόλουθοι), и *подручными*²²² (διάκονοι), и *помощниками*²²³ (ὑπηρεταί), а также *проводатыми*²²⁴ (ἐπάμνες) и *служителями*²²⁵ (λάτρες). *Геркитами*²²⁶, говорит Америк, называют слуг, работающих на земле. *Мнотами*²²⁷, пишет в «Критских глоссах» Гермонт, называют «благородных» слуг. Селевк же пишет, что *служками* (ᾄξοι) называют прислужников обо- его пола, *огражденными* (ἀποφράσαι) и *брошенными*²²⁸ (βολίξαι) – ра-

d бынь, *синдромом* – раба, рожденного от раба²²⁹, *обиходкой*²³⁰ (ἄμφιπλος) – рабыню, ухаживающую за госпожой, *побегушкой*²³¹ (πρόπλος) – рабыню, которая идет впереди нее. Проксен пишет во второй книге «Лаконского государства» [FHG.II.436], что у лаконцев служанок принято называть *халкидами*²³². Ион Хиосский в трагедии «Лаэрт» вместо слова «раб» использует слово «слуга» [TGF². 734]:

Лети, *слуга* (οἰκέτα) в мой дом, запри все двери там,
Чтоб ни единый смертный не вошел.

И Ахей пишет в «Омфале» [TGF². 754], говоря о сатире:

Каким рабом, каким слугой хорошим был,

e таким своеобразным образом заявляя, что тот был хорош и как раб и как слуга. А что всякий занимающийся домашним хозяйством, даже если он лично свободен, называется слугой (οἰκέτης), давно уже стало общим местом.

[УТОПИЧЕСКИЕ КАРТИНЫ РАБСТВА В ДРЕВНЕЙ КОМЕДИИ]

94. О том, что в стародавние времена люди не знали рабства, авторы Древней Комедии пишут так: Кратин в «Богатствах» [Kock.I.64]:

Те, кто жили при Кроновом царстве,
За игрою не кости бросали – хлеба,
а в палестрах лепешки метали,
Произросшие с корнем из лона земли.

Кратет в «Зверях» [Kock.I.331]:

– Не будет, значит, ни раба, не будет ни рабыни
Ни у кого, но каждый сам, и даже дряхлый старец,
Себя обслуживать начнет?
f – Да что ты, нет, конечно!
Всё будет действовать само.
– И что же это значит?
– Вся утварь прибежит к тебе сама, лишь ты покличешь:
«А ну-ка, стол, иди сюда, и стань вот здесь, накройся!
Меси, квашня! Ковш, наливай! А где же наша чашка?
Иди-ка, милая, сюда и сполоснись быстрее!
Взойди, лепешка! А горшку давно пора бы свеклу
Сварить. Где рыба?» – «С одного поджарилась я бока». –
«Так в маслице перевернись, быстрее посыпья солью!»

А собеседник²³³ тотчас подхватывает:

268

А вот что я хочу добавить к этому:
Для всех моих друзей я баню выстрою
С водопроводом на столбах, как сделано
В Пэановом здесь зале. В ванну каждого
Сама пойдет вода, сама запросится:
«Закрой меня!», а после мигом явятся
К тебе флакончик, губка и сандалии.

95. Гораздо лучше пишет в «Амфиктионах» Телеклид [Kock.I.209; ср.64f, 644f]:

b

Расскажу я тебе о той жизни, что я
подарил поначалу всем смертным:
Вечный мир меж людьми поначалу царил,
и он был как вода под руками.
Приносила земля не болезни, не страх,
но само всё, что нужно рождалось:
По оврагам повсюду струилось вино,
и лепешки сражались с хлебами,
Чтоб их первыми съели, себя проглотить
умоляли и всем предлагали
Выбрать самых из них белоснежных. А в дом
рыбы шли своим ходом и сами
Себя жарили, после раскладывались
на столах по тарелкам и мискам.
И похлебка рекою текла меж столов
и катила горячее мясо.
А чтоб горло смочить и кишки увлажнить,
с острым вкусом струилась подлива.
А на блюдах горой пирожки на меду
пересыпаны были сладстями,
И влетали зажаренные дрозды
прямо в рот, и с лепешками вместе.
Сдоба сдобу толкала у самых у губ
и кричала, спеша проглотиться!
Ну а матками, только надкусанными,
ребятня тогда в кости играла.
И все люди упитанны были тогда
и огромны, как будто гиганты.

c

d

96. Клянусь Деметрой, друзья мои, когда бы всё было так, какая нужда была бы нам в прислуге? Угощая нас словесным пиром своих стихов, древние поэты ненавязчиво прививают нам мысль, что можно и самим о себе заботиться. Поскольку удивительнейший Кратин, словно светильником, указал своими стихами дорогу своим подражателям и завершителям, то я перечислил вам комедии в порядке их постановки. И если не наскучу

e

в а м, (а до киников мне дела нет), то напомним в том же порядке и стихи других поэтов. Вот самый аттический из аттиков Фереkrat пишет в «Ру-докопах» [Kock.I.174]:

– Битком богатством было всё набито там,
Устроено с великим изобилием.
Река из каши вместе с черным соусом
Текла журча по переулкам с ложками,
Так что кусок сам в горло шел покойникам²³⁴,
Весь в соусе. Сосиски и шипящие
Куски колбас по берегам разбросаны
Взамен ракушек там, и рыбы жареной
Куски со всевозможными подливками,
Угри под свеклой. Подле – блюда с цельными,
Нежнейшими окороками, далее –
Проваренные дважды окончности,
Что так приятно пахли, да говяжьи
Кишки; на гренках рядом аппетитные
Лежали поросеночки румяные.
В огромных, с шайку, мисках каша манная,
Как будто снегом, молоком залитая,
За нею новотельные, творожные
Куски...

– Постой, совсем меня погубишь ты.
Еще немного, – прямо в Тартар провалюсь!
– О чем ты? Захотел узнать дальнейшее?
Ошпаренные кипятком, печеные
Порхали между миртов с анемонами
Дрозды и бились в губы, чтобы съели их.
И яблоки, прекраснее прекраснейших,
Куда ни глянь, висели прямо в воздухе.
А девушки в прозрачных одеяниях,
Молоденькие, с выбритыми «розами»,
Бокалы наполняли всем желающим
Вином тягучим, темным, ароматнейшим.
И сколько бы чего ни съел, ни выпил кто,
Всего вдвойне тотчас же прибавлялося.

97. И в «Персах» он пишет [Kock.I.182]:

И какая нужда будет в пахарях нам,
в семенах, в виноградных побегах,
Кузнецах и упряжниках, серповщиках?
Ведь обильно и сами собою
На распутьях дорог, да с приправой густой,
из земли забьют реки похлебки,
И ахилловы в них поплывут пирожки²³⁵,
нам останется только нагнуться

Зачерпнуть, а начало те реки возьмут
от источников Плутоса-бога.
И дождями из сладких и дымчатых вин²³⁶
будет Зевс мыть у нас черепицы,
По карнизам, по кровле посыплется в рот
виноград с пирогами из сыра,
И медовые пряники и размазня
чечевичная, рожки да булки.
А деревья покроет в горах не листва,
но повиснут на ветках колбасы
Из козлятины да отварные дрозды
и нежнейшие из каракатиц.

е

98. Надо ли добавлять к этому еще и «Любителей жареного» прелестного Аристофана [Kock.I.523], все вы сыты по горло его едкими насмешками? Я процитирую еще из «Фуриоперсов»²³⁷ Метакена и потом закончу, но сперва воздам «Сиренам» Никофонта, где написано [Kock.I.777; ср.368b]:

Пусть из муки снега на нас посыплются,
Пускай припустит град хлебами целыми,
Похлебка пусть возьмется перекачивать
Не камни по дорогам, а громадные
Кусищи мяса, и пускай приказывать
Начнет пирог нам, чтоб его отведали.

Метакен же пишет следующее [Kock.I.706]:

f

Ведь Кратий, первая река, огромные
Несет для нас лепешки, разжевавшие
Самих себя; а вот вторая, Сибарис²³⁸,
Вся скатами вареными покрытая,
С кусками мяса пироги отменные
Толкает вниз. А третья речка, меньшая,
Кальмарами поджаренными, крабами
И фаграми течет, полна колбасами,
Рубленным мясом и несет анчоусы
Со сковородок; солонина рыбная,
Сама себя сготовив, сверху лезет в рот,
А снизу непрестанно в ноги тычется.
В кольцо нас взяли пироги тончайшие.

270

Мне известно, что и «Фуриоперсы» и пьеса Никофонта никогда не ставились на сцене, поэтому я упомянул их последними».

99. Всё это Демокрит изложил четко и ясно, поэтому пирующие приглялись хвалить его, но К и н у л ь к сказал: «Сотрапезники дорогие, умираю с голоду! Демокрит весьма любезно угощал меня, не пожалев на десерт рек нектара и амбросии, «коими душу»²³⁹ я напитал, но остался голодным», наглотавшись одних только речей. Поэтому давайте прекратим

b

бессмысленную болтовню и примемся, по словам пэанийского оратора [Демосфен. III.33], за то, что, хотя и не возвышает, но все-таки не дает умереть [от голода]:

В голодном брюхе нет любви к прекрасному;
Горька сама Киприда для голодного,

сказал Ахей в сатировой драме «Этон» [TGF². 748]. Заимствовав это, и Еврипид написал [TGF². 647]:

Лишь в сытости Киприда, а не в голоде».

На это откликнулся У л ь п и а н, постоянно враждовавший с киником:

«Рынок хлебами забит, и заполнен овощами²⁴⁰,

ты же, собака, вечно хочешь есть и мешаешь нашим речам, высоким и мудрым, – а они ведь гораздо полезнее обычной еды, ибо “питается душа речами добрыми”». И повернувшись к слуге, он сказал ему: «Левк, если у тебя осталось что-то от хлеба в яслях, брось собакам».

Однако К и н у л ь к ответил: «Если бы я был приглашен только слушать разговоры, то уж догадался бы прийти к часу, когда рынок наполняется народом²⁴¹ (πληθυούσης ἀγορᾶς), – так называл кто-то из мудрецов обычную пору для выступлений, и за это его прозвали *Плетагором*²⁴². Если же, приняв ванну²⁴³, мы должны угощаться только болтовней, то

Я дорого плачу, чтоб вас выслушивать, –

как сказал Менандр [Kock. III.212]. Поэтому, п у з а н, я охотно предоставляю тебе носиться с подобными угощениями:

Ячменная лепешка голодающим
Ценней слоновой кости, лучше золота, –

как сказано в «Лебеде» Ахея Эретрийского [TGF.² 752]».

100. Говоря это, Кинульк был уже готов встать, однако обернувшись и увидев, сколько вокруг него рыбных и всяких других закусок, он хлопнул рукой по своей подушке и воскликнул²⁴⁴:

«Бедность моя, претерпи и снеси эти глупые речи:
Разом обилье тебя истребляет и гибельный голод.

Вот так, угнетаемый нуждой, принимаюсь я не за дифирамбы²⁴⁵, как Соократ [«Федр». 238d], но за эпос, и название этой песне не «Чума» (Λοιμός), но «Голод»²⁴⁶ (Λιμός). А ведь это о тебе, Ларенсий, пророчествовал Амипсий в «Праще» [Kock. I.675]:

Из богатых людей, я Гефестом клянусь,
ни один на тебя не походит:
Угощаешь роскошно, и сам никогда
не пропустишь куска пожирнее, –

ибо:

Ведь диво мне предстало несказанное –
У мыса рыба плещется: пескаррики,
«Ослы», кестреи, спары, с ними камбалы,
Тунцы, султанки, пагель, каракатицы,
Морские скорпионы и авлопии,
И эледоны, и облады, окуни, –

как говорит в «Хлопотуне» Гениох [Kock.II.432]: стало быть, надо и мне постоять за себя по присловью Метагена [Kock.I.709; ср.: Ил.XII.243]), ибо

Знаменье лучшее всех – за живот свой отважно сражаться»²⁴⁷.

101. Когда Кинульк умолк, М а с у р и й сказал: «Что ж, так как о рабах еще не всё сказано, что можно сказать, то «я тоже вставлю свое слово из любви»²⁴⁸ к нашему милому мудрому Демокриту. В сочинении о карийцах и лелегах²⁴⁹ Филипп Феангельский [FHG.IV.475] после описания лакедемонских илотов и фессалийских пенестов говорит, что и карийцы держат в рабстве лелегов как прежде, так и по сей день. А Филарх в шестой книге «Истории» [FHG.I.336] говорит, что и византийцы так же распоряжаются вифинцами, как лакедемонцы илотами. А у спартанцев есть рабы, называемые *сопостельниками*²⁵⁰ (ἐπὶ τὸν σῶτον), о которых ясно рассказано у Феопомпа в тридцать второй книге его «Истории» [FHG.I.310]: «Когда много лакедемонцев было убито во время войны с мессенцами, то уцелевшие, боясь, как бы не узнали враги, что их осталось мало, приказали некоторым из илотов лечь в постель погибших. Потом им дали гражданство, но прозвали их «сопостельниками» за то, что те вместо убитых заняли их место в постели». А в тридцать третьей книге его «Истории» говорится [FHG.I.311], что и у сикионцев есть рабы, похожие на сопостельников и называемые *полуовчинниками*²⁵¹ (κατὸν αἰωφοῖον); почти то же пишет и Менехм в «Истории Сикиона». Кроме того, Феопомп во второй книге «Истории Филиппа» говорит [FHG.I.284; ср.443b], что у жителей Аркадии²⁵² на таком же зависимом положении, как илоты, находится 300 000 человек²⁵³.

102. *Мофаками* у лакедемонян называются люди свободные, но не полноправные лакедемоняне. Филарх в двадцать пятой книге своей «Истории» говорит о них так [FHG.I.347]: «Мофаки воспитываются вместе с лакедемонянами. Каждый ребенок гражданина, по его состоянию, берет себе одного-двух совоспитанников, а то и больше. Таким образом, мофаки – не настоящие лакедемоняне, но они свободны и получают то же воспитание. Говорят, что мофаком был Лисандр²⁵⁴, который победил афинян на море²⁵⁵ и за доблесть получил права гражданства». Мирон из Приены пишет во второй книге «Истории Мессении» [FHG.IV.461]: «Лакедемоняне часто отпускали рабов на волю и называли их после этого *отпущенниками* (ἄφῃται), *бесхозяйными* (ἄδεσποτοι), *взнузданными* (ἐρρυκτῆρες); тех, кого они брали в походы, называли *господскими матросами* (δεσποσιοναῦται), других же, из илотов, называли *новопокоренными* (νεοδαμῶνεις)». Фео-

- 272 помп, рассказывая в седьмой книге «Греческой истории» о том, что илотов называют также и гелеатами, пишет [FHG.I.280]: «С племенем илотов обращаются крайне грубо и жестоко; одни из них из Мессении, другие же, гелеаты, из жителей лаконского города Гелоса, но и те и другие давно порабощены спартиатами». 103. Тимей тавроменский по своей забывчивости (за которую его осуждает мегаполитанец Полибий в двенадцатой книге «Истории» [XII.6]) утверждал, будто у эллинов не было обычая заводить рабов [FHG.I.207], а между тем этот *Эпитимей*²⁵⁶ (так называет его сын Каллимаха Истр в «Возражениях» ему) сам пишет, что фокеец Мнасон приобрел более тысячи рабов; и в третьей книге «Истории» этот Эпитимей пишет, что Коринф был так богат, что имел 460 тысяч рабов, за что, полагая, Пифия и назвала коринфян *хойникомерами*²⁵⁷.

[О КОЛИЧЕСТВЕ РАБОВ И РИМСКОЙ ПРОСТОТЕ]

- Ктесикл в третьей книге «Летописи» пишет [FHG.IV.375], что в 177-ю олимпиаду²⁵⁸ при Деметрии Фалерском в Афинах была произведена перепись жителей Аттики и было установлено число афинских граждан²⁵⁹ – 21 000, метеков – 10 000, рабов – 400 000. Никий, сын Никерата, как пишет славный Ксенофонт в сочинении «О доходах» [4.14], имел тысячу рабов и отдавал их внаем фракийцу Сосию для работы на серебряных рудниках, получая за каждого по оболу в день. На Эгине, как пишет Аристотель в «Эгинской политике» [fr.427], число рабов доходило до 470 тысяч. Агафархид Книдский пишет в тридцать восьмой книге «Европейской истории» [FHG.III.194], что у дарданцев хозяин имел тысячу рабов, а ... [лакуна] ... еще более. В мирное время они обрабатывали землю, а во время войны собирались в отряды под началом хозяев».
104. В ответ на это Л а р е н с и й сказал: «Да у любого римлянина рабов несметное число (ты это, Масурий, отлично знаешь); и по десять, и по двадцать тысяч, и даже больше. И не ради дохода, как в Греции у богатого Никия, а по большей части просто чтобы толпой сопровождать хозяев. А в Аттике десятки тысяч этих рабов в оковах работали на рудниках. По крайней мере философ Посидоний, которого ты постоянно вспоминаешь, говорит [FHG.III.264], что они восстали, перебили стражу, захватили крепость в Сунии и долго разоряли Аттику. Это было тогда, когда в Сицилии произошло второе восстание рабов²⁶⁰; таких восстаний было много, и рабов погибло свыше миллиона. Сочинение о войнах рабов написал Цецилий Калактинский. Например, гладиатор Спартак, родом фракийский раб, бежавший из италийского города Капуи во время Митридатовых войн, взбунтовал множество рабов и долго ходил набегами по всей Италии, и к нему каждый день стекались рабы; и если бы он не погиб в битве против Лициния Красса, то нашим хватило бы с ним хлопот, как с Евном в Сицилии²⁶¹.

105. А первые римляне, наоборот, были во всем сдержаны и добродетельны. Сципион, по прозванию Африканский, к примеру, когда сенат послал его по свету наводить порядок в государствах и вверять их достойным правителям, взял с собой только пятерых слуг, как утверждают Полибий [fr.166] и Посидоний [FHG.III.255], а когда один из этих рабов умер в дороге, то Сципион велел своим домашним купить и прислать ему еще одного. Юлий Цезарь, первый человек, приплывший к британским островам с тысячью кораблей, имел с собою только трех рабов, как свидетельствует легат его Котта²⁶² в своем труде о римском государстве, который написан на нашем родном языке²⁶³.

Это вам, эллины, не сибарит Сминдирид²⁶⁴, который, не зная меры своей роскоши, повез с собой по морю, сватаясь к Агаристе, дочери Клисфена, тысячу рабов – рыбаков, птицеловов и поваров! Как рассказывает о нем Хамелеонт Понтийский в книге «О наслаждении» (эта же книга приписывается и Феофрасту), человек этот, желая еще и похвастаться тем, как счастливо он жил, говорил, что двадцать лет не видел ни восхода, ни захода солнца. И это казалось ему великим и дивным знаком блаженства: по-видимому, он засыпал рано утром и пробуждался поздно вечером, а ведь то и другое вредно. А вот Гестией Понтийский по праву похвалялся тем, что не видел никогда ни восхода, ни захода солнца, потому что всё время посвящал учению, как повествует Никий Никейский в «Преемствах» [FHG.IV.464].

106. Так что же, Сципион и Цезарь не имели рабов? Имели, но блюли законы предков и вели строгую жизнь по обычаям своего государства. Разумные люди верны идеалам тех древних времен, когда на войне побеждали, побежденных подчиняли и у пленных перенимали то, что находили полезным и прекрасным. Именно так поступали прежние римляне. Сохраняя свое, отечественное, они усваивали всё, что было хорошего в занятиях покоренных, им оставляли только бесполезные дела, чтобы не дать им вернуть себе всё, что было утрачено. Узнав, например, от греков о машинах и осадных орудиях, они с помощью этих орудий победили греков²⁶⁵; а научившись у финикийцев морскому делу, они одолели их на море²⁶⁶. У этрусков они научились сомкнутому строю²⁶⁷, длинный щит²⁶⁸ заимствовали у самнитов²⁶⁹, а метательное копьё – у испанцев. И всё, что они взяли у разных народов, они усовершенствовали. Подражая во всем порядкам лакедемонян, они сохранили их лучше, чем те. Ныне же, отбирая для себя полезное, они перенимают от врагов и дурные наклонности.

107. От предков они унаследовали, как говорит Посидоний [FHG.III.253], выносливость, неприхотливость в пище, невзыскательность и простоту в быту, изумительное благоговение к божественному, справедливость и боязнь неправды во всех отношениях с людьми, и всё это при занятиях земледелием. Это видно и по нашим жертвенным обрядам: мы шествуем по установленному пути, несем, произносим в молитвах и совершаем при священнодействиях то, что положено, просто и скромно, не имея на

себе и при себе ничего сверх необходимого: на нас дешевая одежда и обувь, на головах шляпы из мохнатой овчины, сосуды у нас глиняные и медные, пища и питье в них самые простые, ибо нелепо кажется богам приносить отечественное, самим же услаждаться привозным²⁷⁰; ведь на себя мы тратим лишь потребное, а богам несем всё первейшее.

108. Муций Сцевола был одним из трех²⁷¹, не нарушавших в Риме закон Фанния²⁷²; двумя другими были Элий Туберон и Рутилий Руф, написавший историю своего отечества. Этот закон разрешал угощать у себя не свыше трех человек гостей, а в базарные дни – не свыше пяти: таких дней бывало три в месяц²⁷³. Приварок позволялось готовить не дороже чем на 2,5 драхмы, на копченое мясо разрешалось тратить в год не больше 15 талантов, овощей же и бобов для похлебки – сколько давала земля. Однако по вине беззаконников и расточителей цены стали расти, расходы стали недостаточными, и только трое названных сумели жить привольнее, не нарушая закон. Туберон по драхме платил за птиц своим крестьянам, Рутилий у своих рабов-рыбаков покупал за три обола фунт приварка, главным образом так называемого турсиона²⁷⁴, приготавливаемого из морской собаки. Точно так же и Муций договаривался о ценах с теми, кто был у него в зависимости. Из стольких тысяч людей лишь они одни соблюдали закон, не брали даже малых подарков, а щедро одаривали друзей, питавших любовь к знанию. Так поступать²⁷⁵ заставляло их учение Стои.

109. Ныне же расцветшую роскошь первым ввел Лукулл, победитель Митридатова флота²⁷⁶, как передает Николай перипатетик. Вернувшись в Рим после побед над Митридатом и Тиграном Армянским, Лукулл справил триумф, отдал отчет о военных действиях и, забыв старинную умеренность, стал сорить деньгами. Он первый научил римлян роскоши, собрав богатства двух названных царей. А ведь древний Катон, как пишет Полибий в тридцать первой книге «Истории» [XXXI.24], сердился и кричал, что в Рим вводят чужеземную роскошь, что за горшок соленой рыбы с Понта платят 300 драхм, что красивые мальчики стоят больше, чем поместья. А когда-то жители Италии были столь нетребовательны, что даже у людей, подобных нам, и весьма состоятельных, по словам Посидония [FHG.III.253], сыновья пили воду и ели что попало. Часто, говорит он, отец или мать спрашивали сына, дать ему груш или орехов, и после такого ужина сын, довольный, ложился спать. А теперь, как пишет Феопомп в первой книге «Истории Филиппа» [FHG.I.284], даже среди людей среднего достатка всякий тратится на стол, держит поваров и прочую прислугу, расходует в будни больше, чем древние в праздники с жертвоприношениями».

Но на этом мы прекратим разговор – слишком долго я напрягаю память.

КОНЕЦ КНИГИ ШЕСТОЙ

КНИГА СЕДЬМАЯ

1. Пир был в самом разгаре, и киники, решив, что это настоящий праздник *Фагесий* (Обжорств), разошлись не на шутку. К и н у л ь к обратился к Ульпиану: «Раз уж мы продолжаем пировать, а ты, Ульпиан, потчуй нас речами¹, скажи мне, у какого автора упоминается празднество *Фагесий* или *Фагесипосий* (т.е. Едопитий)»? Тот пришел в замешательство и, хотя дело шло к вечеру, приказал слугам прекратить разносить нам блюда: «Сдаюсь, мой ученый друг, так что самое время говорить тебе – и пир будет для тебя слаще». И К и н у л ь к: «Если обещаешь поблагодарить меня за науку – я готов». Тот согласился, и Кинульк начал:

«Клеарх, ученик Аристотеля, а родом из Сол, в первой из двух книг своего сочинения «О загадках» пишет примерно следующее (мне так понравилось это слово, что я заучил его объяснение наизусть) [FHG.II.321]: «Фагесии, или, как некоторые говорят, Фагесипосии, – это празднество, в наше время уже позабытое, так же как и празднества рапсодов², которые они устраивали ... [лакуна] ... и как Дионисии: они выходили вперед и пели песни в честь каждого из божеств». Так сказано у Клеарха, если же ты не веришь, приятель, то у меня есть эта книга, которой я ради тебя не пожалею: изучив ее, ты почерпнешь много полезного для твоих ученых задач. Там, например, рассказывается, что афинянин Каллий сочинил трагедию «Азбука»³, сюжет и песни которой взяли для себя за образец Еврипид в «Медее» и Софокл в «Эдипе»».

2. Все подивились учености Кинулька, а П л у т а р х заметил: «Вот также и в моей родной Александрии некогда справлялось празднество Лагинофорий; о нем рассказывает Эратосфен в сочинении «Арсиноя». Пишет он так: «Птолемей учредил много разных праздников и жертвоприношений, особенно в честь Диониса⁴, и вот Арсиноя спросила какого-то прохожего, шедшего с масличными ветвями, что за день и что за праздник нынче справляют, а тот отвечал: «Праздник называется Лагинофории (Фляжки); участники лежат на соломе, и каждый ест то, что принес с собой, и пьет из собственной фляжки». Когда он пошел дальше, царица повернулась к нам и заметила: «Грязный же будет у них сброд! Толпа всякого звания и еда несвежая, приготовленная кое-как». А если праздник ей нравился, то царица, конечно, без усталости хлопотала над ним, как над горшечным праздником, где каждый тоже пьет в одиночку, однако всю еду доставляет “устроитель”».

276

b

c

3. Окинув взором наше угощение, один из ученых мужей воскликнул:

d

«Обедов сколько! Как мы одолеем их⁵?

Не будем же мы «ночь» пировать, как выразился прелестный Аристофан в «Эолосиконе» [Kock.I.395] в смысле «всю ночь», – точно так же, как у Гомера [Од.IX.298]

Между козлов, вдоль баранов на голой земле растянулся, –

сказано вместо «вдоль *всех* баранов», чтобы подчеркнуть огромный рост Киклопа».

e

На это откликнулся врач Д а ф н: «Любезные мои! Угощаться ночью – для всех полезнее, потому что лунное светило способствует гниению⁶, а тем самым и перевариванию: пищеварение ведь сродни гниению. Поэтому быстрее загнивают и жертвы, принесенные ночью, и деревья, срубленные при луне, да и большинство плодов вызревают больше при лунном свете».

f

4. Нам уже было подано много разных рыб, а прислуга продолжала подавать всё новых и новых, необычайной величины и диковинного вида. М и р т л на это заметил: «Друзья мои! Неудивительно, что из всего, что варится (προσψήματα) только рыба удостоилась зваться *приварком*⁷ (ῥῖον), потому что всех превзошла вкусом и любители сходят по ней с ума. Мы ведь называем лакомками (ῥιφοφάγοι) не любителей говядины, каким был, например, Геракл, который «зеленой смоквой заедал говядину [Еврипид, TGF². 652]», и не любителей смокв, каким был философ Платон, как свидетельствует Фанокрит в сочинении «Об Эвдоксе» [FHG.IV.473] (а любителем винограда, говорит он, был Аркесилай), – нет, лакомками у нас считаются *завсегдатаи* рыбных лавок. Кстати, любителями яблок были Филипп Македонский и его сын Александр, как свидетельствует Дорофей в шестой книге «Истории Александра». А Харет Митиленский рассказывает, что когда Александр обнаружил, что самые лучшие яблоки растут близ Вавилона, то наполнил ими корабли и устроил [на реке] яблочное сражение – зрелище получилось восхитительное. Вообще же *приварком* (ῥῖον) называется любая пища, приготовленная на огне, – *сварена* (ῥῖον) она или *зажарена* (ὠπτήσθαι)».

277

5. Да, мой замечательный Т и м о к р а т, перед нами было много рыб изо всех времен года, и по словам Софокла [TGF². 296],

b

К нам плыли хором рыбки бессловесные,
Вертя хвостами...

не перед *хозяйкой*, но перед тарелками; или же, по «Мойрам» Ахей [TGF². 753]:

Подводное посольство многорыбное
Хвостами колыхало гладь соленую.

c

Я перескажу тебе, что говорили мои ученые сотрапезники о рыбах: ка-

ждый из них внес в разговор свой вклад, вычитанный из книг, названия которых я ввиду их множества опущу.

Безумец тот, кто, выйдя за провизией,
Вдруг соблазнится редькой, а не рыбами, –

утверждает Амфид в «Девушке с Левкады» [Kock.II.243; ср.57b]. Для того чтобы тебе легче запомнить сказанное, я расположу имена рыб в алфавитном порядке.

Поскольку Софокл назвал в «Аянте» рыб «безмолвными» (ἄλλοις) [1297]:

Безмолвным рыбам бросил на съедение, –

кто-то из присутствовавших поинтересовался, встречалось ли это слово у кого-нибудь до Софокла [ср.308с]. На это отозвался З о и л: «Хотя сладкоежка (ὀψοφάγ(ο)τατος) из меня никудышный (это выражение употребил в «Воспоминаниях» Ксенофонт [Ш.13.4]: «...он большой сладкоежка и ужасный лентяй»), однако даже я знаю, что автор «Титаномахии» – будь это Эвмел Коринфский, или Арктин, или кто угодно, – говорит во второй песне:

Весело плавают в ней золотые безмолвные (ἄλλοι) рыбки,
Резвясь в бессмертных глубинах.

А Софокл любил этот эпический цикл и сочинял по его мифам целые драмы».

[КАТАЛОГ РЫБ]

6. Когда перед нами поставили АМИЙ, кто-то сказал: «Аристотель рассказывает, что рыбы эти имеют покрытые жабры, кривые зубы, они хищные и ходят косяками. Желчный пузырь и селезенка располагаются у них во всю длину кишечника. Говорят также, что, попавшись на крючок, она выскакивает из воды и, перекусив леску, ускользает. Упоминают о ней и Архипп в «Рыбах» [Kock.I.683]:

Когда ты толстых амий ел, –

и Эпихарм в «Сиренах»:

– Рано утром, на рассвете пухлых маленьких рыбешек
Жарили, а вместе с ними поросят и осьминогов,
А потом мы заливали их вином.

– О злая доля!

– Да, всё это можно было бы назвать простой закуской.
– Боже, что же за несчастье!

– Разве только барабулька,
Вяхирей еще немного, пара половинок амий,
Да морские скорпионы, – вот и всё, что было с нами.

О происхождении этого слова Аристотель пишет, что амия получила свое название, потому что «ходит стаей» (ἄμα ἵναι) с ей подобными: рыба эта стадная. Гикесий же пишет в сочинении «О материи», что мясо ее вкусное и мягкое, однако выводится [из организма] нелегко, а по питательности еще хуже.

7. А кулинарный кудесник Архестрат в «Гастрологии» (так, по словам Ликофрона в трактате «О комедии», озаглавлена его книга, подобно «Астрологии» Клеострата Тенедосского) пишет об амии следующее [ср.314a]:

Осени поздней порой, когда закатились Плеяды,
Амию заготовляй. Но зачем толковать тебе буду!
Ты ведь ее не испортишь, пожалуй, и даже нарочно.
Если же, Мосх дорогой, ты все-таки знать пожелаешь,
Как ее лучше всего приготовить и распорядиться, –
В листья смоковниц ее оберни, доложивши душицы.
Только без сыра, не надо безумья! Готовь ее просто
В листьях смоковниц, поверху слегка бечевой завязавши.
После углями присыпь горячими, выдержи точно
Нужное время, но только смотри, чтобы не подгорела.
Пусть эту рыбу тебе подарит любезный Византий,
Коли ты хочешь иметь наилучшую. Но неплохую
Можно найти и в других окрестных местах. А чем дальше
От Геллеспонта она, тем хуже. И если поедешь
Морем Эгейским, – тогда на амию станешь браниться:
Столь она будет плоха и былые хвалы опозорит.

[О НАСЛАЖДЕНИИ]

8. Гонимый чревоугодием, этот Архестрат, как истый педант, обшарил в поисках поживы, кажется, всю сушу и море. С дотошностью землеописателей и составителей лоций он хочет перечислить, «где наилучшее есть из питья или снеди», – так он сам объявляет во вступлении к этим дивным заповедям, обращаясь к своим друзьям Мосху и Клеандру, словно побуждая их, по слову Пифий⁸, разыскивать

Лучших всех кобылиц – фессалийских, а в жены – лаконок,
А из мужей – живущих над светлой струей Аретусы.

Хрисипп, истинный философ и муж, говорит, что Архестрат стал вожатым Эпикура и всех, кто вслед за ним учит развращающему наслаждению. И ведь не таясь, но во весь голос говорит Эпикур [ср.280а, 546е]: «Я и не знаю, что считать благом, если не удовольствие от вкуса и от любовных наслаждений». Таким образом, этот мудрец сочтет безупречной и жизнь распутного мота, если тот проводит ее весело и без страха. Поэтому всякий раз когда комические поэты обрушиваются на изнеженность и невоз-

держанность, они призывают на помощь «эпикуров»⁹. 9. Например, Батон в «Обманщике», изображая отца, распекающего раба, приставленного к сыну, пишет [Kock.III.328; см.103с]:

– Подлец! Забрав мальчишку, ты сгубил его.
Ты путь ему внушил, совсем не свойственный
Его натуре. Вот и пьянки ранние,
Чего за ним доселе не водилоя.
– Хозяин, не бранись – умеет мальчик жить.
– И это жизнь?

– Так утверждают мудрые:
Сам Эпикур сказал, что удовольствие
Есть благо величайшее. Его ж нельзя
Никак поймать иначе – только вольностью:
Сам будешь счастлив и других порадуешь!
– Скажи, ты видел пьяного философа
Хоть одного, всем этим обольщенного?
– Да всех! Они хоть важно лоб наморщивши
Разгуливают, спорят и, подумавшись,
Рассудок ищут, как раба сбежавшего;
А только рыбку перед ними выставишь –
Уж знают за какую взяться «топику»,
И «сущность» так тебе ее разделают,
Что все вокруг дивятся многоумию.

И в «Убийце» тот же Батон, высмеивая заправского философа, пишет [Kock.III.327]:

Коль есть красotka – с ней ложись, позволено!
Коль есть вино – горшками пей лесбосское!
Да, это – благо, достоянье мудрого.
То не мое ученье – Эпикурово.
И если б все так жили, как сейчас живу,
Никто б не звался вором и развратником!

И Гегесипп в «Дружелюбных» [Kock.III.314]:

– Когда просили Эпикура мудрого
Сказать им, что есть благо величайшее,
Что ищут все, ответил: наслаждение.
– Прекрасно! О великий муж, ученийший:
Впрямь, нету блага больше, чем жевать, да грызть!
– Всегда сокрыто благо в удовольствии.

10. И не только эпикурейцы привержены к наслаждениям, но и кире-
наики и фасосские мнесистратовцы¹⁰: и они ведь, как говорит Посидоний
[FHG.III.253], превыше всего ставят ... сладкую жизнь. Недалеко от них
ушел и Спевсипп, ученик и родственник Платона [см.546е]. Тиран Диони-
сий в письмах распекает его за приверженность к наслаждениям, за коры-
столюбие, за попрошайничество, за страсть к аркадянке гетере Ласфении,

f а в довершение бросает следующие слова: «Других ты попрекаешь жадностью, а сам не упустил ни одного случая постыдно обогатиться? Чего только ты не испробовал! Ты еще не брался уплатить долги Гермия, чтобы потом собрать их с прибылью?»

11. О самом Эпикуре в третьей книге «Силл» Тимон написал следующее:

Чрево он ублажал, его ж нет прожорливей в мире.

280 Действительно, ради чрева и других телесных утех сей муж пресмыкался и пред Метродором и пред Идомением. Метродор и сам, не таясь, излагает где-то милые наставления: «Желудок, о Тимократ-естествоиспытатель, желудок – вот славный предмет для всякого размышления, сообразного с природой». А учил их этому Эпикур, который прямо-таки в голос кричит: «Начало и корень всякого блага – удовольствие чрева: всё великое и мудрое сводится к нему». И в сочинении «О конечной цели» он говорит примерно так: «Я уж и не знаю, что считать благом, если не удовольствие от вкуса, от любовных наслаждений, от слуха и от зрения, приятно возбуждаемого формами». [Хрисипп] говорит, что и далее он заявляет: «Красоту, добродетель и тому подобное следует ценить, если они доставляют наслаждение; если же не доставляют, то надо с ними распрощаться».

b

12. Однако задолго до Эпикура трагический поэт Софокл сказал в «Антигоне» о наслаждении [1165]:

Если наслажденье
Кто потерял – тот для меня не жив:
Его живым я называю трупом.
Копи себе богатства, если хочешь,
c Живи как царь; но если всё не в радость –
То не отдам я даже тени дыма
За то, в чем наслажденья людям нет.

c

Филетэр в «Охотнице» [Kock.II.232]:

Да что и делать человеку смертному,
Как не стараться в сладком наслаждении
Жить день за днем, коль есть к тому возможности?
Об этом только должен созерцающий
Дела людские думать и заботиться.
Что завтра будет, то нас не касается:
d Не станет умный человек откладывать
На черный день черствеющие денежки.

d

И он же в «Энопионе» [Kock.II.231]:

Тех смертных, что имеют средств достаточно,
Живут же скудно, я считаю жалкими
Людьми: ведь умерев, уж не поешь угля,
Не испекут пирог у мертвых свадебный.

13. Аполлодор Каристийский в «Писаре» [Коск.Ш.281]:

О род людской! Оставя жизнь приятную,
 Почто лишь об одном вы все заботитесь –
 Воюя меж собой, всегда вредить себе?
 Иль, может быть, богами нашей нынешней
 Поставлен править жизнью некий Случай-бог¹¹,
 Невежда дикий, ни добра не знающий,
 Ни зла, и слепо наугад катящий нас
 Куда придется? Так и есть, я думаю!
 Не мог бы он, природным греком будучи,
 Смотреть спокойно, как валятся мертвыми
 Людишки, ободрав друг друга дочиста.
 А что мешает веселиться, нежиться,
 Как должно, слушать звуки флейт, подвыпивши?
 Скажи же, подтверди ты мне, сладчайшая:
 Судьба, что нас влечет, дика, конечно же.

И далее:

Такая, разве, жизнь не есть поистине
 Так называемая жизнь блаженная
 Богов бессмертных? И куда приятнее
 Жилось бы в наших государствах греческих,
 Кабы переменили мы обычаи:
 Тогда бы каждый молодой афинянин
 Лишь пьянствовал, и отправлялись всадники
 В Коринф бы на гулянки многодневные¹²,
 С утра надев венки и умастив тела;
 Мегарцы, эти торгоши капустою,
 Ее б варили, в баню бы союзники
 Походом шли, эвбейцы разведением
 Вина водою занялись бы. И тогда
 Не жизнь была б – сплошное удовольствие!
 Но все мы в рабстве у невежи-случая.

14. Любителем наслаждений изображают поэты и древнего Тантала. Во всяком случае поэт, описавший возвращение Атридов¹³, утверждает, что Тантал был принят в общество богов, жил среди них и ему было позволено попросить у Зевса чего только пожелает; но он, ненасытный в жажде наслаждений, пожелал только наслаждений, чтобы жить подобно богам. Вознегодовав на это, Зевс исполнил свое обещание, но так, чтобы Тантал не получал никакого удовольствия от всего, что имел, и жил в вечном страхе: над головой у него висел огромный камень, из-за которого он не мог дотянуться ни до чего, лежавшего рядом.

Однако и некоторые стойки пристрастились к удовольствиям. Так, Эратосфен Киренский, ученик стойка Аристона Хиосского, в сочинении, озаглавленном «Аристон», упоминает, что его наставник впал потом в сластолюбие, и говорит так: «Уличил я его в том, что он разрушил преграду между наслаждением и добродетелью и объявился на стороне наслаж-

d деня». И Аполлофан, хоть и приятель Аристона, в своем «Аристоне» –
 e (он тоже так назвал свое сочинение) – описывает приверженность своего наставника к наслаждению. А о Дионисии Гераклейском что и говорить? Он снял хитон добродетели, оделся в пестрое, тешился прозвищем *Перебежчик*, а в старости и вовсе отступился от Стои и переметнулся к Эпикуру. Не без изящества сказал о нем Тимон:

Время к закату идет, а он лишь обрел наслажденье.
 Есть для любви и для брака пора и пора для покоя.

[ПРОДОЛЖЕНИЕ КАТАЛОГА]

15. Аполлодор Афинский в третьей книге «О Софроне» (где речь идет о мужских мимах) приводит выражение «и еще развратнее губанствовать» и пишет: «Это некие рыбки ГУБАНЫ (ΑΛΦΗΣΤΑΙ), чешуя у них желтоватая с пурпурными пятнами. Говорят, что ловятся они парами и появляются одна за другой, вторая за хвостом первой. Именно оттого, что одна следует за за-
 f дом другой, некоторые древние авторы называют губанами сладострастных распутников»¹⁴. Аристотель пишет в сочинении «О Животных» [fr.301], что у
 282 губана плавник колючий и чешуя желтая. Упоминает губана также Нумений Гераклейский в поэме «О рыбной ловле» [ср.313d, 319b, 320e]:

Самочек фика, губана, еще скорпиона морского.

И Эпихарм в «Свадьбе Гебы» [см.308e]:

Были мидии, губаны, коракины тусклые.

Упоминает его и Митек в «Поваренной книге».

b 16. АНТИЙ (ΑΝΘΙΑΣ), или красавка¹⁵. Его упоминает Эпихарм в «Свадьбе Гебы» [см.328a]:

Рыба-меч и рыба-хромий, по словам Анания, –
 Рыба лучшая весною, антий – лучшая зимой.

Действительно, Ананий пишет так:

Лучшая из рыб весною – хромий, антий же – зимой;
 Но из всех деликатесов лучший – в фиговом листе
 Запеченные креветки. Скушать козьего мяса
 Поздней осенью приятно, поросенка же – тогда,
 Ворошат когда и топчут в чанах спелый виноград.
 Это также время зайцев, и лисичек, и собак.
 Но баранина прекрасна летом с пением цикад;
 А потом тунец приходит к нам из моря, он неплох,
 c И протертый он любую рыбу вкусом превзойдет.
 Жирный бык прекрасен в полдень и полночную порой.

17. Я привел эту длинную цитату из Анания, потому что, по-моему, он тоже обращает свои заповеди к распутникам.

Аристотель пишет в сочинении «О повадках животных» [ИЖ.IX.135]: «Там, где можно видеть антия, нет хищной рыбы, поэтому там ныряют ловцы губок и называют антиев священными рыбами». В сочинении «О рыбах» упоминает его и Дорион: «Антия некоторые называют красавкой, другие же краснославом (*καλλιόνημος*), также элопом». А Гикесий пишет в сочинении «О материи», что одни называют эту рыбу волком, другие краснославом, что она хрящевая, вкусная и легко выводимая [из кишечника], однако мясо ее не очень полезно. Аристотель пишет, что красавка, подобно амии, зубы имеет загнутые, рыба она хищная и стадная. Эпихарм в «Музах» включает в перечисление и элопа, однако ничего не говорит о том, что это та же самая рыба, что красавка и краснослав. Об элопе он говорит так:

Что касается элопа дорогого (он на вес
Бронзы ценится), его лишь одного почтил Зевес,
Повелел себе оставить, положить в густой рассол,
А другого – для супруги.

Однако Дорион утверждает в сочинении «О рыбах», что антий и красавка – разные рыбы, краснослав и элоп – тоже.

[О СВЯЩЕННЫХ РЫБАХ]

18. Но что такое «священная рыба»? Сочинитель «Истории тельхинов»¹⁶ (будь то критянин Эпименид, Телеклид или кто-либо еще) утверждает, что священными рыбами считаются дельфины и помпилы. Помпил – любовная рыба, ибо родилась будто бы вместе с Афродитой из крови Урана. Нумений пишет во второй книге «О горе Эте»:

Помпил, что путь указал морякам, томимым любовью,
И защищает их даже безгласный.

Александр Этолийский в «Кирке» (если эта поэма точно его).

Сзади правил ладьей провожатый, посланец богини,
Помпил, что плыл, держась конца судового ветрила.

Аркадянин Панкрат в поэме, озаглавленной «Морские труды» пишет:

Помпил, его моряки называют священной рыбой, –

и рассказывает, что не только у Посейдона помпил в чести, но и у Самофракийских богов. Так, еще в Золотом Веке из-за этой рыбы боги наказали старого рыбака. Звали его Эпопеем, а был он с Икарова острова. Они с сыном не поймали ничего, кроме помпилов, и, не удержавшись, съели их. За такое святотатство рыбаки вскоре были наказаны: на его судно напало морское чудовище и проглотило Эпопея на глазах у сына. Рассказывает Панкрат и о том, что помпил враждует с дельфином и тот не может без-

наказанно съест ни кусочка мяса помпила, а если съест, то делается беспомощным, в корчах выбрасывается на берег и становится добычей морских чаек; иногда его незаконно уничтожают и ловцы больших рыб.

Тимахид Родосский в девятой книге «Пира» пишет:

Морские бычки и помпилы, священные рыбы.

d И Эринна или иной автор приписываемой ей маленькой поэмы:

Рыба помпил! Мореходам счастливое плаванье шлешь ты!
Сопровождай за кормой и подругу мою дорожку!

e 19. Аполлоний Родосский (или Навкратийский) пишет в [поэме] «Основание Навкратиса», что помпил прежде был человеком и обратился в рыбу из-за одного любовного приключения Аполлона. Неподалеку от города Самоса протекает река Имбрас,

Коему некогда дочь, Окирою, прекрасную нимфу,
Хисия, знатная родом, родила, сойдясь с ним любовью;
И одарили ее красотой безмерною Оры.

f Аполлон влюбился в эту Окирою и пытался ее похитить. Когда она была в Милете на празднике Артемиды, то в страхе быть похищенной умолила моряка Помпила, старого друга ее отца, перевезти ее на родину; вот ее слова:

Помпил, отца моего укрепи добросклонное сердце,
Знающий все быстрины, шумящие в глубях подводных,
Помпил, спаси меня!

Рыбак перевез ее [через пролив] и высадил на берег; но тут появился Аполлон и похитил деву, корабль обратил в камень, а Помпила в одноименную рыбу и сделал его

284 Рыбою помпилом, стражем всегдашним путей корабельных.

20. А сиракузянин Феокрит в стихотворении «Береника» священной именуется так называемую «белую» рыбу:

Если захочет достигнуть удачи и славного лова
Тот, кого море питает, чьим плугом являются сети,
Под вечер он для богини убьет пусть священную рыбу
«Белой» что люди зовут за то, что других она ярче:
b После этого пусть закинет он сети, и в море
Полными станут они...

Дионисий, прозванный Ямбом, пишет в сочинении «О диалектах»: «Слышали мы от одного эретрийского рыбака, как, впрочем, и от многих других рыбаков, что помпила называют *священной* рыбой: рыба это морская, она появляется около кораблей густыми косяками; расцветка c у нее пестрая. Именно ее у Гомера кто-то тащит из моря [Ил.XVI.407]:

Как рыбарь,
Ловит, сидя на камне нависшем, священную рыбу,

если только *священной* здесь не названа какая-то другая рыба». Каллимах называет в «Галатее» *священной* дораду:

Или, скорее, дорада, *священная* рыба, иль окунь,
Или сколько ни есть других рыб, каких порождает
Бездна морская.

А в эпиграммах тот же поэт говорит:

Священ, конечно, *священ* гикес¹⁷.

Одни понимают *священную* (ἱερός) рыбу как посвященную богам (ἅν-ετος), подобно священному быку, другие – как «великую», подобно гоме-ровскому выражению «Алкиной *священная* сила» [Од.VIII.385], некоторые же объясняют слово «*священная* [рыба]», как «бросающаяся плыть» (ἵμενος πρὸς τὸν ροῦν).

21. Клитарх пишет в седьмой книге «Словаря»: «Моряки называют помпила *священной* рыбой, потому что он провожает (προλέμλει) корабли из открытого моря до гавани; поэтому, несмотря на то что это дорада, они зовут его помпилом». И Эратосфен говорит в «Гермесе»:

Часть улова они оставляли: живых ли иулов,
Темных дроздов, бородатых лобанов, *священную* рыбу
Быструю, что с золотыми глазами.

Пусть Ульпиан спросит по ходу нашего рыбного исследования, почему Архестрат в своих дивных заветах говорит о боспорской соленой рыбе:

Самая белая – та, что к нам приплыла из Боспора,
Но ничего добавлять нельзя к ней из жесткого мяса
Рыбы, что возросла в Меотиде и в стих не ложится, –

что это за рыба, которую нельзя вместить в стихотворный размер¹⁸

[ПРОДОЛЖЕНИЕ КАТАЛОГА РЫБ]

22. АФИИ (ΑΦΥΑΙ; мальки, анчоусы), единственное число – афия. Аристоним в «Замерзшем солнце» [Kock.I.668; ср.285с, 287d]:

До того уж дошло, что уже ни одной
даже афии нам не осталось!

Существует несколько родов афии; один из них, так называемая *пенная*, не рождается, но, как пишет Аристотель [ср.: ИЖ.VI.92], возникает из пены, толстым слоем плавающей на поверхности моря после проливных дождей. Другой род афии – так называемая *бычковая*; это потомство малых и плохих бычков, обитающих в песке, а от этих афий рождаются другие, называемые энкрасихолами. Другие роды афий – это потомство

б майнид и мембрад, а также малых кестреев, рождающихся в песке и в иле. Изо всех родов афии самый лучший – пенная. Дорион упоминает в сочинении «О рыбах» варево из бычков и атерин (это тоже мелкая рыба). Он пишет также, что существуют еще и триглитные афии. Эпихарм в «Свадьбе Гебы» [ср.286f, 287b, 306с] вместе с мембрадами и омарами перечисляет и различные виды афий, выделяя так называемое *семя* (γό-vos). Гикесий же пишет: «Афия одного рода – белая и очень тонкая, похожая на пену, некоторые называют ее бычковой; другого рода – темнее и массивнее. Светлая и тонкая лучше». А кулинарный кудесник Архестрат пишет [ср.108с]:

с Всякая афия – дрянь, лишь кроме афинской, быть может;
Семенем я называю ее, ионийцы же кличут
Пенной. Свежей возьми ты ее из священных объятий
Бухты прекрасной Фалера. Отличная водится также
И на омытом волнами Родосе славном, но только
Местная. Если тобой овладеет однажды желанье
Всё же отведать ее, прикупи к ней крапиву морскую,
Длинноволосых медуз размешай, на одной сковородке
Всё это вместе пожарь, не забудь только в масло добавить
Тертых зеленых ростков, душистых.

д 23. Пишет об афии и перипатетик Клеарх в сочинении «О поговорках» [FHG.II.319]: «Из-за того что жарка на сковороде требует малого огня, последователи Архестрата велят класть афий на горячую сковороду и снимать с огня, как только они начнут шипеть: они ведь, как масло, начинают шипеть сразу же как только нагреются. Поэтому и говорится: “увидела огонь афия”». А философ Хрисипп пишет в сочинении «О предметах, предпочитаемых ради самих себя»: «В Афинах, изобилующих афиями, их презируют и считают едой нищих, однако в других городах, где они много хуже, их превозносят до небес. И наоборот, – продолжает он, – здесь [в Афинах] с великими усилиями выращивают кур адриатической породы, хотя толку от этого мало, ибо они мельче тех, что водятся у нас; и все-таки от нас посылают за птицей, выращенной здесь».

е В единственном числе пишет [афию] в «Земляках» Гермипп [Kock.I.228]:

Ты нынче даже, кажется,
И афии не сдвинешь.

Каллий в «Киклопах» [Kock.I.695]:

Ради афии сладчайшей.

Аристоним в «Замерзшем солнце» [Kock.I.668]:

До того уж дошло, что уже ни одной
даже афии нам не осталось!

Аристофан говорит в «Любителях жареного» *афидии* [Kock.I.522]:

И ни единой маленькой афидии фалерской.

24. Расхваливая родосских афий и сравнивая афинскую снедь с родосской, Линкей Самосский пишет в «Письме к Диагору»: «[Родос] посрамит славу Кекропову: против фалерских афий он выставит свои энатидские, против главкиска – своих осетра и орфа, а против элевсинских камбал, скумбрий и прочей афинской рыбы – свою морскую «лисицу». Недаром написавший «Сладкую жизнь» (Ἠδυλάθεια) прямо советует: кто не может купить эту рыбу за деньги, пусть идет ради нее на любое преступление». Под этим ласком Линкей подразумевает Архестрата, который в своей знаменитой поэме пишет о колючей акуле так [ср.4ε, 294f–295a]:

Славится Родос акулой колючею или «лисицей»;
Если ее продавать не станут, то с риском для жизни
Выкради или же силой похить эту «жирную псину»
(Так называют ее в Сиракузах), а после достойно
И терпеливо сноси любую сужденную кару.

25. АХАРН (ΑΧΑΡΝΟΣ; лаврак). Каллий в «Киклопах» [Kock.I.694; ср.306a]:

Шиповатый скат, а также вот обжаренный кифар,
Голова тунца, лангусты, вот лобан, угри, ахарн.

26. ШИПОВАТЫЙ СКАТ (ΒΑΤΙΣ), МОРСКОЙ ЧЕРТ (ΒΑΤΡΑΧΟΣ), БАТ (ΒΑΤΟΣ). Шиповатого ската и морского черта упоминает в своих сочинениях о животных Аристотель, причисляя их к хрящевым рыбам. Эвполид говорит в «Лыстецах» [Kock.I.303]:

В доме Каллия забавных очень много есть вещей:
Есть лангусты, скаты, зайцы, даже женщины в нем есть,
Что вихляют по коровьи ляжками.

И Эпихарм в «Свадьбе Гебы»:

Были нарки, были скаты, кроме рашпильных акул,
Баты, амии, сфирены, рыбы-пилы.

Также в «Мегарянке»:

Теаген, с боков ты просто
Шиповатый скат, а сзади
Бат, но кости головные
От оленя, не от ската.
Пусть же в пах тебе вопьется
Скорпион морской!

Саннирион в «Смехе» [Kock.I.793]:

О шиповатый скат! О ты, сладчайшая
Рыбешка «серая»!

Аристотель пишет в пятой книге сочинения «О частях животных»

d [ИЖ.V.15], что хрящевыми называются [морской] бык, ламия, орел, нарка, [морская] лягва и все акуловые. Софрон называет в «Мужских мимах» какую-то рыбу «ботиду»: «кестреи, глотающие “ботиду”». Однако, может быть, это какая-то трава. О морском черте мудрейший Архестрат дает в своих наставлениях следующий совет:

Коли ты черта морского заметишь – бери
 приготовь его брюхо.

О шиповатом же скате:

e Ската вареного ешь в середине зимы, приправляя
 Сыром и сильфием: всех питомцев морских, что без жира,
 Следует так подавать. Второй уже раз говорю я.

Комедиограф Эфипп в пьесе «Филира» (это имя гетеры) [Kock.II.262]:

– Морского черта, значит, говоришь ты мне
 Варить, в окрошку порубив? А может быть
 По-сицилийски сжарить мне его?
 – Пожарь.

f 27. БОК (ΒΩΞ; полосатик). Аристотель в сочинении, озаглавленном
 «О животных» или «О рыбах»: «Те что с полосками вдоль хребта – боки,
 а с косыми полосками – колии». Эпихарм в «Свадьбе Гебы» [ср.306с]:

А вдобавок к ним афии были еще,
 были боки, смариды, омары.

Нумений называет их в «Рыбной ловле» *боэками* (βόαξ):

Или *боэков* и тринков и белого сrostнозуба.

287 Спевсипп же и все другие аттики называют их *боаками* (βόαξ). Аристофан
 в «Женщинах, захвативших палатки» [Kock.I.514]:

И вот, с утробой,
 Боаков полной, я домой отправилась.

Получил он такое имя от слова «крик» (βοή). Поэтому и говорится, что рыба эта посвящена Гермесу¹⁹, также как кифар Аполлону. И Ферекрат в «Человеко-муравьях» после стихов [Kock.I.178]

Но говорят, что рыба голоса
 И вовсе лишена, –

продолжает:

двумя богинями²⁰
 Клянусь, такой нет рыбы, как крикун-боак.

b Аристофан Византийский пишет, что мы неудачно зовем эту рыбу «крикуном» (βῶμα): правильное было бы называть его «волооким» (βόωλα) – он маленький, но глаза (ὄφλας) у него большие, а *волоокий* как раз и зна-

чит «имеющий воловь глаза». Аристофану можно возразить, что если мы неудачно зовем крикуна, то почему мы говорим «коракин», а не «корокин» (жорохῖνος) – «двигающий зрачками» (κόρας κινεῖν)? Почему мы говорим «силур» (сом), а не «сиур» (σεῖουρος) – «виляющий хвостом» (σεῖ-εἰν τὴν οὐράν)?

28. БЕМБРАДЫ (ΒΕΜΒΡΑΔΕΣ; мелкая сельдь). Фриних в «Трагиках» [Kock.I.383]:

О златоглавые морские бембрады!

Эпихарм в «Свадьбе Гебы» называет их *бамбрадонами* [ср.305с]:

Бамбрадоны, рыбы-зайцы, и драконы мощные

И дрозды морские.

И Софрон в «Мужских [мимах]» [ср.305с]: «...упитанные бамбрадоны».

И Нумений в «Рыбной ловле»:

Только с креветкой ничтожной, бембрадой, с таким пропитаньем
С лова вернешься: смотри на это как на искушение.

Дорион пишет в сочинении «О рыбах»: «Если бембрада достаточно велика, отрежь ей голову, и промой в воде с небольшим количеством соли и вари так же, как маленькую барабульку (τριγύλις)». Он пишет также, что только из бембрады готовят приправу, называемую «бембрафией»; о ней упоминает Аристоним в «Замерзшем солнце» [Kock.I.668]:

На мембрафий который так сильно похож,
сицилиец с походкою крабьей.

Аттики пишут имя рыбки *бембрада*. Аристомен в «Причитаниях» [Kock.I.691]:

Бембрад тащил он на обол.

Аристоним в «Замерзшем солнце» [Kock.I.668; ср.284f, 285с]:

До того уж дошло, что уже ни одной
даже афии нам не осталось!

Ни бембрады проклятой!

Аристофан в «Старости» [Kock.I.425]:

Откормленная пестрыми бембрадами.

Платон в «Послах» [Kock.I.633]:

О Геракл, бембрад-то сколько!

Однако у Эвполида в «Козах» можно найти это слово и с буквой μ (μεμβράς). Антифан в «Кнотидце» [Kock.II.61]:

Нелепости у нас провозглашаются
На рыбном рынке, где вот и сейчас еще
Вопит истошно кто-то, надрывается,

Что «слаще меда у него мембрадочки».
 Коль уж на то пошло, так что препятствует
 Торговцам медом голосить, что мед у них
 Тухлее, чем мембрады.

И Алексид в «Служащей» пишет *мембрада* [Коск.П.391]:

f На праздник выдает он угощение²¹:
 Протертые бобы, мембрады, выжимки
 Оливковые.

Также в «Первом хористе» [Коск.П.369]:

288 С тех пор, как параситом я заделался,
 Так тяжело ни разу мне ведь не было:
 Уж больше проку было бы мембрадами
 Кормиться с говорящим по-аттически.

29. «БЛЕНН» (ΒΛΕΝΝΟΣ; тупорылая собачка). Его упоминает Софрон в миме, озаглавленном «Рыбак против крестьянина»: «сосунок-бленн». Видом он похож на пескаря. Эпихарм же в «Свадьбе Гебы» называет неких рыбок БАЙОНАМИ (ΒΑΙΟΝΟΣ) [см.324е]:

И согбенных барабулек и байонов он привел
 Препротивных.

А еще у аттиков есть поговорка: «Не надо мне байона: рыба мерзкая!»

б 30. БЫЧИЙ ЯЗЫК (ΒΟΥΓΛΩΣΣΟΣ; морской язык, или буглосс). Архестрат, истинный пифагореец по воздержности своей, пишет:

Крупную камбалу также бери, не забудь и шершавый
 Бычий язык; но его только летом, когда близ Халкиды
 Дивно хорош он.

Эпихарм в «Свадьбе Гебы»:

Был кифар средь них и бычий был язык.

От бычьих языков отличаются «собачьи языки». О них и сам Эпихарм пишет [ср. 304е, 308е, 322f]:

Были пестрые с «пловцами» (πλωτες) и собачьи языки,
 Были там и постники (σκιαθιδες).

Аттики же называют его «псеттой» (камбала).

с 31. МОРСКИЕ УГРИ [ΓΟΓΓΡΟΙ]. Гикесий говорит, что они суше пресноводных угрей (ἔγχελος), и мясо их более рыхло, они менее питательны и гораздо менее вкусны, однако хороши для желудка. Эпический поэт Никандр в третьей книге «Словаря» [ср.356а] пишет, что их называют также *гриллами* (γρύλλος). Эвдокс пишет в шестой книге «Землеописания», что в Сикионе вылавливают много громадных угрей весом с человека; иные из них длиной с телегу.

d

[О ПОВАРАХ]

Филемон, поэт Новой комедии, вспоминает в пьесе «Воин» о превосходных сикионских углях и выводит некоего похваляющегося своим ремеслом повара²². Говорит он так [Kock.II.500]:

32. Что за желанье душу обуяло мне –
 Земле и небу молвить о стряпне моей?
 Во всем, клянусь, удача людям радостна.
 Вот рыба: как нежна она досталась мне,
 Так я ее и подал, не испортивши
 Ни едким сыром, ни пестрящей копотью,
 Как будто не с огня, а из воды она, –
 Такой развел я ласковый и бережный
 Под ней огонь! Вы даже не поверите:
 Но вы видали, как ухватит курица
 Большой кусок, какой и проглотить невмочь,
 И бегаёт кругом, закинув голову,
 А остальные вслед за нею гонятся?
 Вот так и тут: едва один распробовал,
 Как хватить поднос и ну бежать по комнате,
 А все другие гости по пятам за ним;
 Иному хоть кусочек выпал кушанья,
 Иному всё, иному ничего – хоть плачь!
 А рыба ведь была речная, тинная;
 Подумать только, что же было, если бы
 Я подал скара, или совку, или же,
 Помилуй боже, «кабана» аргосского,
 Или угля из Сикиона милого,
 Которым Посейдон бессмертных потчует, –
 Поешь его, и сделаешься сам как бог!
 В руках моих – бессмертье: даже мертвые,
 Мою понюхав кухню, к жизни тянутся.

33. Клянусь Афиной, так заноситься не стал бы даже сиракузянин Менекрат, по прозвищу Зевс! Он безмерно гордился своим врачебным искусством, считая себя единственным дарителем жизни всем людям. Всех, кто шел к нему лечиться от так называемой священной болезни²³, он принуждал давать подписку, что, исцелясь, они будут повиноваться ему как рабы. Один из них ходил при нем в Геракловом одеянии и звался Гераклом; это был аргосец Никострат, излеченный от священной болезни, о котором упоминает Эфипп в пьесе «Пельтаст» [Kock.II.260]:

И разве Менекрат не называл себя
 Владыкой Зевсом? Никострат из Аргоса
 Не звался ли вторым Гераклом?

Другой носил плащ и жезл Гермеса и даже крылышки [на сандалиях], как у Никагора, тирана Зелеи, о котором пишет Батон в книге «О тиранах в

Эфесе» [FHG.IV.348]. А излечив Астикреонта, Менеkrat наименовал его Аполлоном, как о том пишет Гегесандр [FHG.IV.414]. Еще один из вылеченных таскался в наряде Асклепия. Сам же Зевс, топоча сапогами, расхаживал в этом хоре бессмертных в пурпуровом плаще, золотом венце и со священным скипетром в руках. Филиппу, царю Македонии, он отправил такое письмо: 34. «Менеkrat Зевс шлет Филиппу привет. Ты царствуешь в Македонии, я – в медицине. Ты можешь по своей воле погубить здравствующих, я же могу спасти больных, и те, кто в меня верят, получают от меня здоровье и силу до глубокой старости. Тебе служат македонцы, а мне – все грядущие, ибо я Зевс-жизнедавец». Филипп, полагая его помешанным, ответил: «[Филипп] желает Менеkrату доброго здоровья». Такие послания Менеkrat отправлял и спартанскому царю Архидаму и многим другим, объявляя себя Зевсом. Однажды Филипп пригласил его со всеми его богами на пир и разместил их на срединном ложе, высоком и священноукрашенном, придвинул стол, на котором был алтарь с начатками всех земных плодов; и пока другим разносили кушанья, перед Менеkrатом и его свитой слуги только курили благовония и совершали возлияния. В конце концов этот новый Зевс, осмеянный, бежал с пира вместе со своей бессмертной свитой. Так рассказывает Гегесандр. Упоминает о Менеkrате и Алексид в «Миносе» [Kock.II.346].

35. Подобно этому и Фемисон с Кипра, любовник царя Антиоха (как говорит Питерм Эфесский в восьмой книге «Истории» [FHG.IV.488]), не только провозглашался на праздниках как «Фемисон, македонянин, Геракл царя Антиоха», но и принимал жертвы, приносимые всеми жителями «Гераклу Фемисону», а если жертвователю был знатный, то присутствовал и сам, возлегая на ложе в львиной шкуре, со скифским луком и палицей.

Так вот, даже этот Менеkrat, будучи таким, как о нем сказано, не мог и приблизиться в своей гордыне к вышеупомянутому повару:

В руках моих – бессмертье: даже мертвые,
Мою понюхав кухню, к жизни тянутся.

36. Такая хвастливость присуща всему поварскому племени – о том свидетельствует и Гегесипп в «Братях», когда выводит повара со словами [Kock.III.312; ср.405d]:

– О ремесле кухарском много многими,
Поведано – поэтому доказывай,
Что с новым словом ты пришел, а ежели
Не так – проваливай.

– О да, поверь мне, Сир!

В кулинарии я один всеведущий!
Не кое-как, не пару лет учился я:
Весь век свой на ее потратил отрасли!
Всех овощей изведаль существующих
Я все сорта, познал все разновидности
Рыбешки мелкой, вкусы всевозможные

Похлебки чечевичной. Хочешь меру знать
 Моих умений? Иногда случается
 Обеды поминальные обслуживать,
 Так вот, когда приходят приглашенные
 В одеждах темных, возвращаясь с выноса
 Покойника, я крышку лишь сниму с горшка, –
 И плачущие светятся улыбками,
 По телу пробегает щекотание,
 Так что поминки свадьбою покажутся.
 – И это всё, похлебку чечевичную
 С бембрадами сварив? Давай рассказывай!
 – Да это пустяки, но, если нужно
 Я получаю и могу по-своему
 Устроить кухню, Сир, тогда увидишь ты
 Дела, что некогда в былые времена
 Сирен творились, ныне возрожденные.
 Ведь никому не даст благоухание
 Пройти здесь мимо: прямо к двери кухонной
 Любой прохожий припадет немедленно
 И будет там стоять со ртом разинутым,
 Безгласный и как будто приколоченный,
 Пока его приятель с носом заткнутым²⁴
 Не подбежит и не оттащит бедного.
 – Так ты великий мастер!
 – Сам не знаешь, брат,
 С кем говоришь: из этих наших зрителей
 Уж многие проели всё имущество,
 И я тому виновник.

d

e

Как по-вашему, не таковы ли были пиндаровские «чаровательницы»²⁵, которые, подобно Сиренам, заставляли слушателей забыть свое отечество и чахнуть от наслаждения?

37. Никомах в «Илифии» также выводит повара, похваляющегося лучше дионисовых мастеров²⁶. Вот что говорит он нанимателю [Kock.III.386]:

– Ты мужем просвещенным показал себя
 И мягким; одного не разузнал.
 – Чего?
 – Каков я есть в искусстве кулинарии.
 Спросил ли ты у знатоков?
 – Увы мне, нет.
 – Так, может быть, тебе досель неизвестно,
 Чем повар отличается от повара?
 – Узнаю, если объяснишь толково мне.
 – Да приготовить рыбу, ту, что куплена
 Другими, обслужить, искусно выставить
 По силам ли посредственности?
 – О Геракл!

f

– Иное дело – кулинар обученный
 И совершенный! Многими искусствами,
 Великими владеть ты должен, ими же
 Весьма непросто овладеть желающим.
 Сперва должны мы живопись исследовать²⁷,
 Затем с другими надобно искусствами
 Знакомиться нам прежде кулинарного
 (Да и тебе их надо было б выучить,
 Потом уж к разговору приступать со мной),
 Запомни: медицина, геометрия
 И астрология! Из них узнаешь ты
 Всех рыб особенности и возможности.
 Исследуй время, ибо пища рыбная
 Бывает невпопад и своевременна,
 И вкус их от разброса так меняется,
 Что и боак первой тунца становится.
 – Я понял; но при чем здесь геометрия?
 – Представим кухню совершенной сферой
 И, надвое деля последовательно,
 Для каждого кухонного занятия
 Определим в ней точку наилучшую:
 Принадлежит сей метод геометрии.
 – Постой-ка, парень, больше слов не надо мне;
 Всё понял я, но вот о медицине что?
 – Иная пища в брюхе ветры вызовет,
 Живот расстроит – наказание сущее!
 Ведь человек, питаясь вредной пищею,
 Становится несдержан, непочтителен
 И вздорен. Отыскать противоядия
 Подобной снеди в медицине должен ты.
 А чтоб разумно всё и согласованно
 Расположилось, надобно военное
 Искусство: знать и место, и число, и счет.
 Никто со мною в этом не сравняется.
 – Теперь меня послушай.

– Что?

– Отстань, прошу,

И дай нам без забот дожить до вечера.

38. У Филемона же младшего повар походит на школьного учителя,
 когда болтает следующим образом [Коск.II.540]:

Оставьте всё как есть, лишь только сделайте
 Огонь как бы для жарки: и не слабенький
 (На слабом снедь не варится, а жарится),
 И не большой, – ведь на большом наружные
 Все части подгорят, но не проникнет он
 Внутрь мяса. Повар ведь не тот, кто явится
 К нанявшему с ножом и уполовником,

Не тот, кто по кастрюлям разбросает рыб, –
Нет, в ремесле потребно разумение.

f

39. В «Живописце» Дифила повар поучает товарища и о том, к кому следует наниматься. Говорит он следующее [Kock.II.553]:

Драконт, не бойся: мы с тобой не пустимся
Туда, где, целый вечер прохозяйничав,
Так ничего и не найдешь хорошего.
Я к пиру ни на шаг, пока не сведаю,
Кто празднует, и в честь кого он празднует,
И что за гости у него на пиршестве.
Есть роспись у меня для всяких случаев,
Когда идти, когда нейти к зовущему.
Вот, например, как быть с людьми торговыми?
Допустим, корабельщик жертвой празднует,
Что, потерявши мачту, поломавши руль,
Повыбросивши груз, он всё же выплыл цел.
К нему – ни-ни: он не для удовольствия
Пирует, а как будто исполняет долг.

292

Он и за возлияньем меж попутчиков
Об их убытках с ними препирается,
И сам себя грызет, а не еду свою.
А вот другой: приплыл он из Византия
На третий день, с попутным ветром, радостный,
Нажив на каждой мине по двенадцать драхм,
Так и рыгает фрахтами и займами,
Так и берет за грудки девок сводничьих –
Ему я сразу подмигну на пристани,
Ударю по рукам во имя Зевсово,
Сразу его насквозь своей готовностью.
Вот так сужу я! Ежели влюбленный мот
Швыряет так и сяк добро отцовское –
К нему бегу я сразу; если ж в складчину
Затеян пир, в прокат взяты посудины,
И слышен крик над рыночною завалью:
«Эй, кто сготовит нам обед из этого?» –
То пусть кричат: всю ночь на них потрудишься,
А после кулаком с тобой расплатятся.

b

c

Ты требуешь, что было уговорено,
А он тебе: «Урыльник где? Понюхай-ка:
Похлебку подавал ты нам без уксуса!»
Повторно просишь – слышишь: «Ох, поплачется
Какой-то повар!» Долог этот перечень.
Зато сейчас иду я прямо в блудный дом,
Там девки нынче празднуют Адонии –
Вот там-то мы набьем и зоб и пазуху!

d

е 40. Так же и у Архедика в «Сокровище» другой софист-поваренок рассуждает [Kock.III.276]:

Когда лежит еще
 Сырою рыбка, входят приглашенные.
 «Подай воды для рук!» «Живей проваливай!
 Да рыбу забери!» Поставив на очаг
 Кастрюли ловко, маслом я оливковым
 Полью обильно угли, разожгу огонь.
 И вот, покуда зеленью с приправами
 Хозяйская утроба убажается,
 Я рыбку отварю и подаю ее
 f Во всем соку и в полной силе соуса,
 В котором хоть купайся. Так, пожертвовав
 Одной мерой масла, сэкономлю я
 Себе добра еще на пятьдесят пиров.

Филостефан же в следующих стихах из «Делосца» перечисляет имена прославленных поваров [Kock.III.393]:

293 Дедал, я знаю, превзошел ты знанием
 Всех поваров, ты первый после Фиброна
 Афинского, что прозван Совершеннейшим.
 Возьми, тебе принес я плату должную.

б 41. Сотад (не маронейский поэт, написавший «Ионийские песни», но автор Средней комедии) также выводит в своей пьесе «Запертые» повара с такою речью [Kock.II.447]:

Сперва я взял креветок и зажарил их.
 Потом акулу взял, разрезал натрое,
 Часть среднюю зажарил, остальное же
 Я отварю, сготовив соус тутовый.
 Вот горбылей две срезанные головы,
 Большие-пребольшие, заправляю их
 В кастрюле солью, маслом, тмином, зеленью.
 Прекрасного беру морского окуня:
 Великолепен будет он за трапезой,
 Когда его сварю в рассоле с травами
 И после мяса жареного вынесу.
 c Взял барабулек лучших и дроздов морских;
 На угли бросил и в рассол с душицею.
 Кальмаров притащил и каракатицу:
 Кальмар вареный – чудо, если рубленным
 Наполнен мясом, таковы же щупальца
 Поджаренные мягкой каракатицы.
 Сварил к ним соус я из всевозможнейших
 Растений. После было еще несколько
 Вареных блюд: для них я кислжирную
 d Подливку сделал. Прикупил толстенного

Угря: в густом рассоле потушил его.
Отрезал скальным рыбам и пескарикам
Их головы, в муке их вдоволь вывалял

.....

Туда им и дорога, за креветками!
Красавицу меж рыб, вдовицу амию,
Одел я в листья фиговые, маслицем
Полил обильно, в майоране вывалял
И глубоко, как головню, в золе укрыл.
Фалерских афий взял; один черпак воды
На них плеснуть – и будет всё как следует.
Затем помельче и побольше зелени
К ним нарублю, и будь хоть двухкотиловый
Сосуд, опустошу его. Еще чего?
Да больше ничего. Вот ремесло мое:
Не нужно ни рецептов, ни записок мне.

e

[ПРОДОЛЖЕНИЕ КАТАЛОГА]

42. Однако довольно о поварах, пора вернуться к угрям. Архестрат
описывает в «Гастрономии», где какую часть угря следует покупать: f

Ведь в Сикионе, мой друг, головою угря ты владеешь,
Жирного, крепкого, очень большого, и всем его брюхом.
Долго вари ты его в рассоле, травую посыпав.

И далее, описывая области Италии, наш славный обозреватель снова ут- 294
верждает, что там:

Ловится угорь прекрасно, который настолько же лучше
Рыб остальных, насколько тучнейший тунец превосходит
Самого плохонького коракина.

Алексид в пьесе «Семеро напротив Фив» [Kock.II.323]:

Куски он в кучи вместе с тем наваливал
Угрей жирнящих до переполнения.

Архедик в «Сокровище» выводит повара, рассказывающего о своих по- b
купках [Kock.III.277]:

Главкиска за три драхмы
За голову угря и с головизною –
Еще пять драхм: о жизнь моя несчастная!
За шею – драхму! Но, свидетель Гелиос,
Уж лучше б я купил в придачу к собственной
Вторую шею и на ней повесился,
Чем мучиться такою службой каторжной:

c

Купить так много рыбы и так дорого!
 И всякий раз, как что-нибудь хорошее
 Я покупал, то с горя чуть не вешался
 И повторял: «Всё, всё сожрут негодники»,
 «Вино же на пол выльют драгоценное».
 Увы!

d 43. КАТРАНЫ, КОЛЮЧИЕ АКУЛЫ (ГАЛЕОΙ). Гикесий замечает в сочинении «О материи», что из всех акул лучше и нежнее так называемые *астерии*. Аристотель пишет, что существует несколько разновидностей акул: колючая, гладкая, детеныш, морская лисица и шершавая рина. До-рион в сочинении «О рыбах» утверждает, что морская лисица имеет лишь один плавник около хвоста, на хребте же никогда. Аристотель же в пятой книге «О частях животных» пишет, что акулы бывают как с колючим плавником, так и с острым спинным плавником. Эпэнет в «Поваренной книге» называет такую акулу «хребтовая» (ἐλινωτίδης) и утверждает, что она лучше колючей акулы, мясо которой дурно пахнет. Колючую можно распознать по шипу на переднем плавнике, которого у других рыб нет. Ры-бы это хрящевые и поэтому не имеют ни жира, ни сала. Особенностью ко-лючей акулы является сердце пятиугольной формы. Рожает акула обы-чно три раза в год; новорожденных она захватывает ртом и впоследствии выпускает на волю. В особенности это касается колючей акулы и морской лисицы, другие для этого слишком свирепы.

f 44. Архестрат, ревновавший к роскоши самого Сарданапала, утвер-ждает²⁸, что родосская колючая акула – это та самая рыба, которую на римских пирах подают в венках и под звуки флейт, и даже у прислужников венки на головах. Он называет ее *аккипесием*; однако аккипесий меньше, рыло у него длиннее, в поперечнике он более похож на треугольник; и са-мые дешевые и маленькие из них продаются самое меньшее за тысячу ат-тических драхм. Грамматик Апион считает в сочинении «О роскоши Апи-кия», что аккипесий – не что иное, как рыба элоп. Архестрат же, расска-зывая о родосских колючих акулах, дает своим друзьям как бы отеческий совет [ср.286a]:

295 Славится Родос акулой колючею или «лисицей»;
 Если ее продавать не станут, то с риском для жизни
 Выкради или же силой похить эту «жирную псину»
 (Так называют ее в Сиракузах), а после достойно
 И терпеливо сноси любую сужденную кару.

Линкей Самосский приводит эти стихи в «Письме к Диагору» и пишет, что поэт совершенно прав: кто не в состоянии уплатить [за эту рыбу], пусть идет ради нее хоть на преступление. Он пишет также, что Тесей, когда стал красавцем²⁹, уступил Тлептолему только потому, что тот угостил его этой рыбой».

Тимокл в «Перстне» упоминает [Kock.II.451; ср.385a]:

Акул и скатов и любых других пород,
Готовящихся с кислжирным соусом.

45. ГЛАВК³⁰ (ΓΛΑΥΚΟΣ; горбыль). Эпихарм в «Свадьбе Гебы» [ср.320e]:

Главки жирные, ставриды, скорпионы пестрые.

Нумений в «Рыбной ловле» [ср.328b]:

Гика, красавку, морского окуня, хромия, главка,
Что между водорослей сверкающих проплывает.

с

Расхваливая голову главка, Архестрат пишет:

Голову главка купи мне в Олинфе или Мегарах:
Ловится он у земли величавой на мелководе.

И Антифан в «Овчаре» [Kock.II.92]:

Беотские угри, из Понта мидии,
Тунцы
Мегарский главк, анчоусы Каристия,
Лещи Эретрии и крабы Скироса.

d

Он же в «Филотиде» пишет и такое [Kock.II.109; ср.662b]:

– Итак, тебе велю я, как и в прошлый раз,
Глависка малого в воде подсоленной
Варить.

– А окунька морского?

– Целиком

Зажаривать.

– Акулу?

– В кислом соусе

Сварить ее.

– Угря?

– Душица, соль, вода.

– Угря морского?

– Делай то же самое.

– А ската?

– В зелень.

– Есть еще тунец у нас

Рубленный.

– Сжаришь.

– Вот еще козлятина?

– Пожарить.

– А другое мясо?

– Выварить.

– Вот селезенка?

– Фаршируй.

– А потрохи

Пустые?

е 46. Эвбул в «Горбуне» [Kock.Π.179]:

И это блюдо миловидное
 Что кушанье приносит благороднее,
 Морского главка
 Морского окуня вареного
 В рассоле одного.

Анаксандрид в «Нерее» [Kock.Π.247]:

Здесь проживает и владеет местностью
 Нерей, который изобрел для кушаний
 И рыбы Главка рубленую голову,
 И тушу безупречную тунцовую.

f Амфид в «Семерых напротив Фив» [Kock.Π.240; см.294a]:

И главки целиком, да головных костей
 Куски мясные.

И в «Дружелюбном» [Kock.Π.247]:

Как хорошо сейчас угря попробовать,
 Головку главка, рубленую голову.

Антифан же в «Киклопе» превосходит даже лакомку Архестрата, когда пишет [Kock.Π.65]:

Кефаль пусть будет в ломтиках,
 Да окунь, вдоль расщепленный,
 Печеный скат, бока тунца,
 Кальмар нафаршированный
 И сростнозуб зажаренный,
 Да главка морда, голова
 Угря, кефали чресла,
 И ската шиповатого
 Хребет, морская ласточка,
 Желудок «черта», камбала
 Малюсенькая и анчоус,
 Креветка – пусть же ничего
 Не будет здесь пропущено.

47. Навсикрат в «Судовладельцах» [Kock.Π.295]:

296

– ...Итак два сына, нежные, прекрасные,
 Морского бога славного, которого
 Пловцы не раз в морских пучинах видели,
 Вещающего судьбы мореплавателям.

– Ты, видно, говоришь о Главке.

– Именно.

Теолит из Мефимн говорит в своей поэме о Вакхе, что этот морской бог Главк влюбился в Ариадну, когда на острове Дии ее похитил Дионис. По-

бежденный Дионисом, он был связан виноградными лозами и просил освободить его:

b

Некий град Анфедон стоит у края морского,
Против Эвбеи, вблизи от струй Эврипа: оттуда
Родом я, а моего отца называли Копеем.

Однако Премафид Гераклеяский в своих «Полуямбах» возводит родословную Главка к Полибу, сыну Гермеса, и Эвбее, дочери Ларимна. Мнасей же в третьей книге «Европейской истории» [FHG.III.151] называет его сыном Анфедона и Алкионы. Когда он вырос прекрасным моряком и ныряльщиком, его стали называть Морским (Πόντιος). Похитив Симу, дочь Изелиса и Дотида, он отплыл обратно в Азию и там поселился на пустынном острове близ Кари, по имени жены назвав его Симою. Но эпический поэт Эванф говорит в гимне к Главку, что он сын Посейдона и нимфы Наиды, что он влюбился в брошенную Тесеем Ариадну и сошелся с ней на острове Дие. Аристотель же пишет в «Делосской политии», что Главк вместе с nereидами обитает на Делосе и пророчествует вопрошающим. Магнезиец Посид сообщает в третьей книге «Об амазонках» [FHG.IV.483], что Главк был строителем корабля Арго и правил им, когда Ясон сражался с тирренами; он единственный уцелел в этой битве – Зевс скрыл его в морской пучине, и он стал морским божеством, так что видел его только Ясон. А киренец Никанор пишет в «Переименованиях», что Главком стал называться Меликерт. 48. Александр Этолийский в поэме «Рыбак» рассказывает, что он был поглощен морской пучиной, после того как

c

d

e

Травки отведал, какую для Гелиоса, светозара,
Каждой весной порождает земля, не знавшая плуга,
На островах Блаженных: а Гелиос доставляет
Эту бессмертную пищу коням на ужин желанный,
Чтобы без усталости путь совершали, не зная тревоги.

Эсхрион Самосский в своих ямбах пишет, что морской бог Главк влюбился в Гидну, дочь Скилла, ныряльщика из города Скионы; а о траве, съев которую тот стал бессмертным, он говорит по-своему:

f

Ты отыскал траву богов, посев Крона³¹.

Никандр пишет в третьей книге «Европии», что Главк был возлюбленным Нерея, а в первой книге своей «Истории Этолии» – что он был наставником Аполлона в прорицании; и когда Главк охотился на Орее (это высокая гора в Этолии), он поймал измученного погоней зайца, отнес его к ручью, потер прибрежной травой, и умирающий заяц ожил. Главк понял, в чем сила травы, отведал ее и стал боговдохновенным. Тогда по воле Зевса началась буря, и Главк бросился в пучину. А самосец (или афинянин) Гедил утверждает, что Главк бросился в море из-за любви к Меликерту. Гедил же, мать этого поэта и дочь афинской ямбической поэтессы Мосхины, в поэме, озаглавленной «Скилла», повествует, как Главк, влюблен-

297

b

ный в Скиллу, входил в ее пещеру, неся

Робко в дар на забаву для нимфы или ракушек
 С той эритрейской скалы, или бескрылых птенцов
 Птиц алкион, зимородков. Его оплакала слезы
 Дева Сирена, – она недалеко уплыла,
 К берегу около Этны.

49. «СУКНОВАЛ»³² (ΓΝΑΦΕΥΣ). Дорион пишет в книге «О рыбах», что вода, в которой варился «сукновал», удаляет любые пятна. Упоминает его и Эпэнет в «Искусстве кулинарии».

50. УГОРЬ (ΕΓΧΕΛΥΣ). Морских угрей упоминает в «Музах» Эпихарм; Дорион же, рассказывая о рыбах из Копайдского озера, особо хвалит копайдских угрей, потому что они достигают колоссальных размеров. Агафархид пишет в шестой книге «Европейской истории» [FHG.III.192], что своих огромных копайдских угрей беотийцы даже приносят в жертву богам, украшая их венками, произнося над ними молитвы и бросая на них жертвенный ячмень. Один приезжий, изумленный таким странным обычаем, стал о нем расспрашивать, а беотиец сказал ему, что знает только одно: должно блюсти уставы предков и незачем оправдывать их перед чужими людьми.

Но стоит ли удивляться, что угрей приносят в жертву подобно другим животным, когда Антигон Каристийский пишет в сочинении «О стиле» [см.303b], что когда жители Гал в пору ловли тунцов справляют празднества в честь Посейдона, то, если улов хорош, жертвуют богу первого пойманного тунца (θύννος), и жертва эта зовется θυνναῖον. 51. А у фаселидян в жертву приносят даже соленую рыбу. Так Геропиф, рассказывая в «Колофонских летописях» об основании Фаселиды [FHG.IV.428], пишет, что основатель колонии Лакий³³ заплатил за эту землю пасшему там овец пастуху Килабру по его просьбе именно соленой рыбой: Лакий предложил ему на выбор или ячменной муки, или соленой рыбы, и Килабр выбрал соленую рыбу. Поэтому фаселидяне по сей день ежегодно приносят Килабру жертву соленой рыбой. Об этом пишет и Филостефан в первой книге сочинения «Об азиатских городах» [FHG.III.29]: «Одним из спутников Мопса, сына Манто, был аргивянин Лакий; впрочем, некоторые считают его линдийцем и братом основателя Гелы Антифема. По слову своей матери Манто Мопс послал его с дружиной в Фаселиду: это было после того, как корабли их сшиблись кормами и разбились в щепки, оттого что близ Ласточкина мыса корабли Лакия опоздали и налетели на них в темноте. Так вот, этот Лакий будто бы по повелению Манто купил ту землю, на которой ныне стоит город, у некоего Калабра, заплатив ему соленой рыбой, – именно ее тот выбрал из всего предложенного. Поэтому фаселидяне каждый год приносят в жертву герою Калабру соленую рыбу».

52. Об угрях же Гикесий пишет в сочинении «О материалах», что их мясо вкуснее всех рыб и удобоваримее большинства из них: оно сытно и

питательно. Македонских угрей он считает пригодными для засолки. Аристотель пишет [ср.: ИЖ.VIII.35], что угри любят самую чистую воду. Поэтому те, кто занимается откормом угрей, наливают им чистую воду, так как в мутной они задыхаются. А кто ловит угрей, те нарочно взбалачивают воду, чтобы они задохнулись: жабры у них маленькие, и поэтому ил тут же забивает дыхательные проходы. Потому и в бурю, когда ветер баламутит воду, угри задыхаются. Когда они совокупаются, то сплетаются и выпускают клейкое вещество, из которого, когда оно попадает в ил, выводится молодь. Занимающиеся откормом угрей рассказывают, что кормятся они по ночам, днем же неподвижно лежат в иле; доживают они обычно до восьми лет. И в другом месте Аристотель рассказывает [ИЖ.VI.95, 96], что [речные] угри возникают не от спаривания, они не кладут яйца и не живородят, но зарождаются в гнилом иле и грязи, как будто в земляных кишках. Поэтому и сказал Гомер, различая природу рыб и угрей [Ил.XXI.553]:

Рыбы и угри томились одни по глубоким пучинам...

53. Тут перед нами поставили блюдо с угрем, и какой-то поклонник Эпикура³⁴ воскликнул: «Вот и явилась Елена всех пиров! значит я буду Парисом!» И не успели мы протянуть руки к угрю, как он схватил его и оторвал ему бок до самого спинного колючего хребта. В другой же раз он, когда прямо из печки принесли горячий пирог-лепешку и никто не решался до него дотронуться, возгласил [Ил.XX.371]:

Я на Пелида иду, хоть огню его руки подобны, –
набросился на пирог, проглотил его и чуть было не умер от ожогов³⁵. «Обжора выбыл из соревнования!» – сказал К и н у л ь к.

Архестрат пишет об угрях еще и вот что:

Буду любого угря хвалить я, но всех много лучше
Тот, что в проливе морском против Регия пойман. Мессенец!
Здесь между смертными всеми завиден твой жребий: ты можешь
Часто подобной едой угощаться. Великую славу
Также снискали своим достоинством угри Стримона
И Копайды: они велики, удивительно жирны.
Да, безраздельно царит в застольях, я думаю, угорь
И к наслаждению ведет нас, хотя изо всех рыб природа
Только его одного к несчастью лишила мошонки³⁶...

54. Когда Архилох пишет:

Угрей (ἔγγελλας) слепых ты много получил, –

он склоняет слово «угорь» (ἔγγελλας), следуя Гомеру, у которого сказано: «Рыбы и угри (ἔγγελλες) томились». Аттики же, согласно Трифону, хотя и знают форму слова «угорь» в единственном числе со звуком υ, однако во

множественном пишут иначе и отбрасывают ее. Так пишет Аристофан [в единственном числе] в «Ахарниях» [889]:

Смотрите, дети, угорь (ἔγγελυν) превосходнейший...

И в «Женщинах с Лемноса» [Kock.I.487]:

b Угря беотского (ἔγγελυν).

И в «Пирующих» в именительном падеже [Kock.I.447]:

Как угорь (ἔγγελυς) гладкий.

Также Кратин в «Богачах» [Kock.I.63; ср.303d]:

Тунец и орфос, главк и угорь (ἔγγελυς), пес морской.

Множественное же число они образуют несогласно с Гомером. Аристофан во «Всадниках» [864]:

Ты поступаешь, как рыбак, угрей (ἔγγέλεις) ловящий в сети.

И во вторых «Облаках» [559]:

Украв мои сравнения с угрями (ἔγγέλεων).

И в «Осах» в дательном падеже [510]:

...не рад я ни угрям (ἔγγέλεσιν), ни скатам.

Страттид в «Потамийцах» [Kock.I.722]:

Угрей (ἔγγέλεων) племянник.

c Семонид [Аморгский] в ямбах [пишет «υ»]:

Как угорь (ἔγγελυς) в иле.

И в винительном падеже:

Однажды цапля на реке у сарыча
Меандрского угря (ἔγγελυν) из клюва вырвала.

Аристотель же в своих сочинениях о животных пишет слово «угорь» через ι (ἔγγελις). Но когда Аристофан пишет во «Всадниках» [864]:

Ты поступаешь, как рыбак, угрей (ἔγγέλεις) ловящий в сети.
Пока спокойны воды, в них он рыбки не поймает;
Как только грязь поднимет с дна и воду перемутит,
Тогда и ловит. Так и ты, как взбаламутишь город,
Тогда и ловишь, –

d

он ясно показывает, что угорь берется из ила, поэтому слово «угорь» и оканчивается на -υς. Таким же образом и Поэт, желая показать, что жар достиг до самого дна реки, пишет [Ил.XXI.353]:

Рыбы и угри томились, –

e

нарочно упоминая угрей отдельно, чтобы показать, как глубоко вскипела вода.

55. Антифан пишет в «Ликоне», высмеивая египтян [Kock.II.71]:

Вот говорят, во всем умны египтяне,
 Но более всего, что богоравными
 Угрей признали: ведь они действительно
 Дороже всех богов повсюду ценятся.
 К богам мы приближаемся молитвами,
 А вот за то, чтобы к угрям приблизиться
 И лишь понюхать, платим по двенадцать драм:
 Вот подлинно священные животные!

Анаксандрид в «Городах» тоже пространно говорит об египтянах f
 [Kock.II.150]:

Никак не мог бы стать я вам союзником:
 Затем, что ваши нравы и обычаи
 Не сходны, а скорей различны с нашими.
 Смотрите: вы быка обожествляете,
 А мы его богам исправно жертвуем,
 У вас и угорь – божество великое³⁷,
 У нас же он неслыханное лакомство;
 Свины ты не ешь, а я люблю ее,
 Боготворишь собаку, я же бью ее,
 Когда поймаю над куском украденным.
 У нас жрецы всем телом безущербные –
 У ваших часть их лучшая обрезана.
 Попал в беду ваш кот – и вы стенаете,
 А я готов убить его и шкуру снять.
 Вы землероек чтите, мы – нисколючко.

300

Тимокл в «Египтянах» [Kock.II.451]:

Но как могли бы вас спасти в несчастии
 Собака или ибис? Если грешники,
 Что оскорбляют даже общепризнанных
 Богов, так долго ходят безнаказанны –
 Кого алтарь кошачий сможет покарать?

b

56. О том, что угрей ели, заворачивая их в листья свеклы³⁸, есть множество свидетельств у авторов Древней комедии; а потом и Эвбул говорит в «Эхе» [Kock.II.176; ср.113f]:

Брака не знавшая нимфа, укрывшая белое тело
 Под покровом свеклы,
 Угорь! О свет, блистаньем тебя и меня ослепивший!

И в «Ионе» [Kock.II.177; см.302d]:

c

И всплыли после этого роскошные
 Подбрюшные куски тунцов зажаренных
 И с телом змеевидным беотийские
 Угри-богини, в свеклу облаченные.

И в «Медее» [Kock. II.186]:

Беотянку, окутанную свеклою,
Из Копаид: не смею ведь по имени
Назвать богиню.

О том, что знамениты были угри из Стримона, говорит в «Фамире» Антифан [Kock. II.52]:

И ты, людской молвой навек прославленный,
Животворящий Фракию Стримон-река,
Гордящийся угрями величайшими!

И о реке Эвлее (о которой Антиммах упоминает в «Скрижалях»: «После того как пришел к Эвлея ключам многоструйным») Деметрий Скепсийский пишет в шестнадцатой книге «Троянского строя», что там тоже водятся превосходные угри.

57. ЭЛОП³⁹ (ΕΛΟΨ). Об этой рыбе уже говорилось выше. Не пропустил ее и Архестрат:

В славных стенах Сиракуз наслаждайся роскошным элопом:
Там он вкуснее всего. Ведь оттуда он и происходит,
И потому с островов, из Азии, или же Крита
Мелким и жестким до нас доплывает, избитый волнами.

58. КРАСНЫЙ ПАГЕЛЬ (ΕΡΥΘΡΙΝΟΣ). И Аристотель в трактате «О животных» и Спевсипп пишут, что красный пагель, пагр и рыба-печенка (108a) очень похожи; подтверждает это и Дорион в книге «О рыбах». А в Кирене, по свидетельству Клитарха в «Словаре», красного пагеля называют «гиком» [см. 284c, 328b].

59. ЭНКРАСИХОЛЫ (ΕΓΚΡΑΣΙΧΟΛΟΙ; анчоусы). Их тоже Аристотель в «Истории животных» [VI.93] упоминает в числе мелких рыбешек. Дорион же в книге «О рыбах» перечисляет энкрасихол среди рыб для варки: «Варить следует энкрасихол, иопов, атерин, бычков, небольших триг-лид, каракатиц, кальмаров и крабов».

60. РЫБА ДЛЯ ВАРКИ (ΕΨΗΤΟΣ). Так говорится о мелких рыбах. Аристофан в «Анагире» [Kock. I.405]:

...ни тарелочки пескариков (ἐψήτων).

Архипп в «Рыбах» [Kock. I.682]:

Бычок (ἐψήτος),
На афию наткнувшись, проглотил ее.

Эвполид в «Козах» [Kock. I.259]:

О вы, Хариты, пескарем (ἐψήτοι) довольные!

Эвбул в «Привязанности» или «Лебеде» [Kock. II.196]:

Ликует, если раз в двенадцать дней узрит
Хотя бы в свекле пескаря (ἐψήτον) вареного.

Алексид в «Ослепшем» [Kock.II.303]:

Рыбешки (ἑψητοί) были, Дедала достойные, –

потому что все красивые вещи называют достойными Дедала. И еще: b

Так что ж, ни коракина не попробуешь,
Ни пескарей для варки, ни трихидия?

Обычно это слово употребляют во множественном числе. Аристофан в «Драмах» или «Ниобе» [Kock.I.464]:

Таких мальков вареных (ἑψητῶν) мне не надобно.

Менандр в «Девушке из Перинфа» [Kock.III.113]:

Раб снедь принес, которую
Должны сварить (ἑψητοῦς).

Однако Никострат в «Гесиоде» пишет в единственном числе [Kock.II.223]:

Бембраду, афию, пескарика (ἑψητόν).

Также Посидипп в «Запертой» [Kock.III.337]:

Купить для варки рыбку (ἑψητόν) хоть какую-то.

А в моем родном Навкратисе⁴⁰ «рыбкой для варки» называют рыбешек, оставшихся в канавах после спада воды в Ниле. c

61. РЫБА-ПЕЧЕНКА (ΗΠΑΤΟΣ), или ЛЕБИЙ⁴¹ (ΛΕΒΙΑΣ). Диокл относит ее к скальным рыбам; Спесипп считает, что она подобна пагру. Аристотель пишет, что она ведет уединенный образ жизни, хищная, острозубая, чешуя у нее черная, глаза непропорционально большие, сердце треугольной формы, белое. Архестрат, воевода пиров, пишет так: d

Лебия, рыбу-печенку, мой Мосх, на волнами омытых
Делосе и на Теносе бери.

62. РЫБА-ВЕРЕТЕНО⁴² (ΗΛΑΚΑΤΗΝΕΣ). Мнесимах в «Конезаводчике» [Kock.II.438; ср.402f]:

...скумбрия,
Тиннида, бычок, веретено.

Рыбы эти относятся к китовым и хороши для засолки. Менандр говорит в «Льстеце» [Kock.III.85]:

Веретено, бычок, хвост рыбы-пса.

Мнасей из Патр пишет [FHG.III.155]: «От Рыбы и брата ее Покоя были рождены [нимфа] Галена (морская гладь), Мурена и рыбы-Веретена». e

63. ТУНЕЦ (ΘΥΝΝΟΣ). Аристотель говорит о нем [ИЖ.VIII.92], что, вплывая в Понт (Черное Море), он держится [правого] берега, потому что смотрит правым глазом, а левый у него подслеповат. Под плавником у него находится так называемый «овод». Тунец любит теплоту и поэтому дер-

f жится близко к песчаным мелям. Он становится съедобным, если у него вырезать овода. Как утверждает Феофраст, размножаются тунцы после зимней спячки и пока на попечении взрослых находится молодь, поймать их очень трудно, когда же мальки подрастают, то благодаря оводу их можно ловить. Зимой тунец впадает в спячку, хотя он полнокровен. Архестрат о нем пишет:

302 Недалеко от святого пространного Самоса можешь
Встретить тунца, что был пойман с большими трудами. Самосцы
«Оркием» кличут его, а другие китом называют.
В летнее время куски от него покупай, не колеблясь
И не торгуясь. Хорош он в Византии, также в Каристе;
Но еще лучше тунцы, которых берега Кефаледий
И Тиндарида пасут на острове славном сикюлов.
Если ж в святую придешь Италию, в город Гиппоний,
Край Персефоны прекрасновенчанной, то много, да, много
Всех они там превосходней, победной черты достигая.
К нам попадают из них лишь те, что сбились с дороги,
Много проплыв по волнам глубокопучинного моря;
b Вот почему не пригожи тунцы, когда мы их поймаем.

64. Название свое тунцы получили оттого, что они беспорядочно бросаются из стороны в сторону (θύειν). Мечутся они из-за того, что в определенную пору года их мучает так называемый «овод», поселяющийся у них на голове. Аристотель пишет о нем следующее [ИЖ.VIII.128]: «Тунцы и меч-рыбы во время восхода Пса мучаются от овода⁴³: на обоих в это время около плавников сидит нечто вроде червячка, так называемый овод, c похожий на скорпиона, величиной же с паука. Он причиняет такое страдание, что они иногда выскакивают из воды высоко, как дельфин, и поэтому часто падают в рыбацьи лодки». Об этом говорит и Феодорид:

И бросятся в бешенстве через Гадирский
Пролив тунцы.

d Мегалополец Полибий, в тридцать четвертой книге своей «Истории» [XXXIV.8.1] говорит об Иберийской Луситании, что там глубоко в море растут дубы⁴⁴, желудями которых кормятся и упитываются тунцы. Вот почему можно без ошибки сказать, что тунцы – морские свиньи, ибо тунцы, как и свиньи, тучнеют от желудей.

65. У этой рыбы высоко ценятся куски из подбрюшья, как свидетельствует Эвбул в «Ионе» [Kock.II.177; ср.300c]:

И вплыли после этого роскошные
Куски подбрюшья жареных тунцов.

Аристофан в «Женщинах с Лемноса» [Kock.I.487; см.299a]:

Ни горбыля, ни угря нет беотского
И ни тунца с подбрюшием.

Страттид в «Аталанте» [Kock.I.713; cp.399c]:

e

Подбрюшие тунца и ног свиных
На драхму.

И в «Македонцах» [Kock.I.719]:

И сладкие тунцовые подбрюшья.

Эриф в «Мелибее» [Kock.II.429]:

Не могут бедняки купить вот этого:
Угря морского или каракатицы,
Тунца подбрюший иль морского окуня,
Чьей головой и боги не побрезгуют.

Когда же Феопомп говорит в «Каллехсхе» [Kock.I.738; cp.399d]:

Подбрюшья рыбы? О Деметра! –

то следует отметить, что слово «подбрюшье» (ὑποῦστροιον) обычно относится к рыбам и редко к свиньям или остальным животным. Неясно, чье подбрюшье имеет в виду Антифан в «Понтийце», когда говорит [Kock.II.92]:

f

Кто с одинаковым великолепием
Пошел и взял пропащим этим женщинам
(Пусть Посейдон погубит их!) подбрюшья,
И ребра щедро им швырнуть готовится.

Алексид же в «Одиссее ткущем» расхваливает даже голову тунца, говорит [Kock.II.354]:

– И рыбаков я сброшу в преисподнюю:
Они несут мне в пищу мелочь всякую –
Ничтожных каракатиц, да анчоусов
Малюток, да для жарки рыбок маленьких.
– А раньше-то, когда ему случалось есть
Лишь голову тунца, от счастья прыгая,
Считал ее угрем, тунцовой тушей.

303

Высоко ценились и ключицы, или «ключи» (κλειδες), тунцов, как это показывает Аристофон в «Пирифое» [Kock.II.278]:

– Ну вот, еда, конечно, вся испорчена:
Готовые, зажаренные (δλταί) два «ключя».
– Какие, от дверей?
– Да нет, тунцовые.
– Великолепная еда.
– И третий ключ,
Лаконский⁴⁵.

b

66. Как мы уже говорили [297c], Антигон Каристийский пишет в книге «О стиле», что тунца приносили в жертву Посейдону. Гераклеон Эфесский

пишет, что аттические авторы называют тунца «оркином». Однако Сострат во второй книге «О животных» пишет, что пеламида называется тиннидой, когда она подрастает – тунцом, взрослая называется оркином, а выросшая сверх меры – китом. Упоминает о тунце и Эсхил [TGF². 96]:

Куют на наковальне, а она молчит,
Как пойманный тунец; ни стоны жалобы.

И где-то в другом месте [TGF². 96]:

Косится левым глазом, как тунец в сети; –

считая, как и Аристотель [ср.301e], что тунец слеп на левый глаз. Пишет о нем в «Рыбаке» и Менандр [Kock.Ш.11]:

Это илистое море, что растит больших тунцов.

Выражение «ловцы тунцов» встречается у Софрона ... которых некоторые называют тунцами, афиняне же *тиннидами*.

67. САМКА ТУНЦА, ТИННИДА (ΘΥΝΝΙΣ). Аристотель пишет [ИЖ.V.33], что самка тунца от самца отличается тем, что под брюхом у нее имеется плавник, называемый «атера». В пятой же книге «О частях животных» [ИЖ.V.37] он различает ее с самцом и пишет, что летом, приблизительно в месяце гекатомбеоне, она рождает нечто похожее на мешочек, полный мелких икринок. Также и Спевсипп во второй книге «Подобий» отличает тиннид от тунцов, и Эпихарм в «Музах». Кратин в «Богачах» пишет [Kock.I.63; ср.299b]:

Я для тебя тиннида черная,
Тунец, и орфос, главк, и угорь, пес морской.

Аристотель же пишет в сочинении «О рыбах», что тиннида – рыба стадная и склонная к переселениям. А Архестрат с его мелочностью пишет:

И хвост туницы бери, – говорю о тинниде громадной,
Той, чья столица Византий. Нарезав в крошку, как должно,
После зажарь (не забудь только соли посыпать немного)
И умасти его маслом. Крошку же надо горячей
Есть, окуная в рассол кусачий; тиннида прелестна,
Даже когда и всухую ты есть ее станешь, подобна
Видом и станом богам бессмертным. Но если обрызгнешь
Уксусом едим ее – без сомнения, блюдо погубишь.

И Антифан в «Педерасте» [Kock.Π.85]:

Под свекольною листвою там крошка прячется
Из тинниды самой лучшей, прямо из Византия.

Хвост тинниды расхваливает в «Цирюльнике» и Антифан [Kock.Π.63]:

– В деревне вырос он,
И ничего не ест морского – разве что
Прибрежное: как угорь, скат иль нижние

Куски туницы.

– То есть?

– Ну, подбрюшие.

– Ты стал бы есть их?

– Да! Не есть же хищных рыб,

Людоубийц.

– А съел бы тех, чудовищных?

– Каких?

– Да что в Беотии?

– Ты говоришь

Об угрях копаидских? Да, и с жадностью;

Крестьянству ведь я как раз у озера.

Но иск о дезертирстве я угрям вчиню,

Ведь отыскать их – дело невозможное.

Некоторые из этих стихов можно обнаружить и в «Швее», в «Деревенщине», в «Буталионе». И Гиппонакт пишет в стихах, которые цитирует Лисаний в сочинении о ямбических поэтах:

Привольно жил когда-то он, тучнел в неге,
Из тонких рыб (θυννῖδα) ел разносолы день целый;
Как евнух откормился, как каплун жирный,
Да всё наследство и проел. Гляди, нынче
В каменоломне камни тешет, жрет смоквы
Да корку черную жует он – корм рабий.

Упоминает тиннид и Страттид в «Каллипиде» [Kock.I.715].

68. ЗОЛОТЫЕ МАКРЕЛИ (ΙΠΠΟΥΡΟΙ). Аристотель пишет во второй книге «Частей животных» [ИЖ.V.35], что золотые макрели мечут икринки и они также, как и мурены, вырастают из маленьких в громадных; размножаются они весной. Дорион в сочинении «О рыбах» пишет, что золотую макрель называют *корифеной*. Гикесий пишет ее во множественном числе [не ἰπλοῦροι, а] ἰπλοуреῖς. Упоминает их и Эпихарм в «Свадьбе Гебы» [ср.319с, 328b]:

Рыбы-иглы острорылые, дорады и макрель.

Описывая повадки этой рыбы, Нумений говорит в «Рыбной ловле», что она беспрерывно выпрыгивает из воды, поэтому ее и называют «водолазом». Пишет он о ней так [322b,f]:

[Можешь поймать] стротнозуба-гиганта, макрель-водолаза.

Архестрат же пишет:

Лучшие всех – золотые макрели Кариста;

И вообще эта местность отменною рыбой богата.

Эпэнет подтверждает в «Кулинарном искусстве», что ее называют «корифеной».

69. РЫБА-КОНЕК⁴⁶ (ΙΠΠΟΙ). Возможно, их называет «коньками»
 е (ιππίδια) Эпихарм, когда пишет [ср.282a, 288b, 307b, 308e, 322f]:

... коракины тусклые,
 гладкие,
 Жирные коньки, креветки-водоросле-едоки.

Нумений в «Рыбной ловле»:

Скара и кофа-бычка, что упитан и очень бесстыден,
 Ханн, угрей и коней, и ночную рыбу-бутылку (?),
 Мидий или тунца, молодого с серою кожей.

Упоминает ее и Антимак Колофонский в «Фиваиде», говоря так:

Гика,
 Или же рыбу-коня, или ту, что «дроздом» называют.

70. РАДУЖНЫЕ ГУБАНЫ (ΙΟΥΛΙΔΕΣ). Дорион пишет в книге
 «О рыбах»: «...губанов варить [следует] в морской воде, а жарить на ско-
 f вороде». Нумений же:

Средством воспользуйся этим, оно и губана-обжору
 Вспять обратит или ядом плюющуюся сколопендру.

«Иулами» же он он называет дождевых червей:

305 Сам позаботься, однако, о нужных наживках, найдешь их
 Возле верхушек холмов приморских; порой называют
 Их землеедами или «иулами», черными, также
 Их дождевыми червями зовут. Набери длинноногих
 Сороконожек ползучих: когда прибой затопляет
 С шумом вершины холмов песчаных, пойдй и оттуда
 Выкопай и собери всех вместе в едином сосуде.

71. «МОРСКИЕ ДРОЗДЫ» (ΚΙΧΛΑΙ; «пестрый» губан) и «ЧЕРНЫЕ
 ДРОЗДЫ» (ΚΟΣΣΥΦΟΙ; коричневый губан). Аттические авторы по ана-
 логии пишут слово «дрозд» с окончанием на η (κίχλη). Ведь слова женско-
 го рода, оканчивающиеся на λα, имеют перед окончанием вторую лямбду
 б (λ): например, Скилла (Σκύλλα), морской лук (σκόλλα), клей (κόλλα), пияв-
 ка (βδέλλα), состязание (ἄμιλλα), сноп (ἄμαλλα); слова же, оканчивающи-
 еся на λη, – никогда: туман (ὀμίχλη), порода (φύτλη), племя (γενέθλη), блеск
 (αἶγλη), дыра (τρώγλη) и даже [рыба] барабулька (τρίγλη). Кратин
 [Kock.I.106]:

Если б съел он барабульку, оказался б лакомкой.

Диокл пишет в первой книге «Здоровья»: «У так называемых «скальных»
 рыб мясо нежное. Таковы черные дрозды, морские дрозды, окуни, бычки,
 хек, губан (ἀλφεσιτικός)». Нумений в «Рыбной ловле» [ср.315b]:

Главков или морской род орфов, с темною кожей
 Черных «дроздов» и «дроздов», одноцветных с морскою волною.

Эпихарм в «Свадьбе Гебы» [ср.287b]:

Бамбрадоны, рыбы-зайцы, и драконы мощные,
И дрозды морские.

Аристотель [пишет] в трактате «О животных»: «...и [рыбы] с черными пятнами, как черный дрозд, и с разноцветными пятнами, как морской дрозд». Аркадянин же Панкрат говорит в своих «Морских трудах», что морского дрозда называют многими именами:

Винного цвета дрозда к ним прибавим; его рыболовы
Ящерицей называют, пятнистым, и жирноголовым,
И окуньком.

Никандр в четвертой книге «Превращений»:

Скара или дрозда, у которого много названий.

72. «КАБАН»⁴⁷ (КАПРОС) и КРЕМИД (КРЕМУΣ). Аристотель пишет в сочинении «О животных»: «Другие же – беззубые и гладкие, как рыба-игла; или же с камнем в голове, как кремид; или же очень жесткие и с шершавой кожей, как кабан. Одни – с двумя полосками, как сесерин; другие – с многими полосками и красными линиями, как сальпа». Упоминают кабана также Дорион и Эпэнет. Архестрат же пишет:

Если когда-нибудь ты, придя в Амбракию, встретишь
В этом счастливом краю «кабана» – покупай непременно,
Не упusti, даже если он будет цениться, как золото,
Чтобы ужасная кара с небес на тебя не дохнула:
Это нектарный цветок. Не всем дозволяется смертным
Даже увидеть очами роскошное кушанье это,
Но только тем, у кого в руках пустые плетенки
Из тростника, на болоте возросшего, тем лишь, кто с детства
В схватках горячих трясти был приучен камня, на ловле ж
Рыбной привычно бросал приманкой бараньи суставы.

73. КИФАР⁴⁸ (ΚΙΘΑΡΟΣ). Аристотель пишет то ли в книге «О животных», то ли «О рыбах»: «Рыба кифар острозуба, ведет одинокий образ жизни, питается водорослями, язык у нее отдельный, сердце белое и плоское». Ферекрат в «Наставнике рабов» пишет [Kock.I.155]:

– [И мнилось мне,] что продаюсь на рынке я,
Кифаром став.

– Что ж, рыба благородная,
В чести у Аполлона.

– Лишь одно меня
Смущает: есть в нем что-то нехорошее.

Эпихарм в «Свадьбе Гебы» [ср.288b, 326e, 330a]:

Среди них свиные рыбы (ὕανιδες), бычьи языки, кифар.

с

d

е

f

306

Как утверждает Аполлодор, посвященной Аполлону эта рыба считается из-за своего имени. Каллий или Диокл в «Киклопе» [Kock.I.694; ср.286a-b]:

- b Шиповатый скат, а также вот обжаренный кифар
И тунцовая головка.

Архестрат в «Сладкой жизни»:

Но вот «кифара» велю я,
Ежели он уродился великим, белым и твердым,
В чистой соленой воде отварить, подложив туда листьев;
Ежели рыж он на вид и не слишком велик – велю жарить,
Прямоугольно нарезав ножом, заточенным остро.
Также приправь его сыром без меры и маслом: ведь мот он,
Любит смотреть на людей, что живут на широкую ногу.

- c 74. ТРИТОН (ΚΟΡΔΥΛΟΣ). Аристотель пишет, что это земноводное, и на солнце он иссыхает и издыхает. Нумений в «Рыбной ловле» называет его *головастиком* (κορυύλος):

Что ни возьмешь, всё приманка ему: головастик (κορυύλος), пирена,
Сороконожка морская.

В следующем стихе он упоминает и *кордилиду* (κορδύλις) [ср.304e]:

...коней-рыб,
Мидий или *тунца* (κορυύλις) молодого с серою кожей.

75. ОМАРЫ (ΚΑΜΜΟΡΟΙ). Эпихарм в «Свадьбе Гебы» [ср.286f]:

А вдобавок к ним афии были еще,
были боки, смариды, омары.

- d Упоминает их в «Женских мимах» и Софрон [ср.106e]. Это разновидность креветок; у римлян они так и называются – *caris*.

76. АКУЛЫ (ΚΑΡΧΑΡΙΑΙ). Нумений Гераклеяский в «Рыбной ловле» [ср.327a]:

Рыбу, что плещется шумно, – «песчанку», иной раз акулу.

Софрон в «Ловце тунцов»: «Когда вы чего-то ищете, то брюхо у вас, как у акулы». Никандр Колофонский пишет в «Словаре», что акулу называют еще и ламией и скиллой.

- e 77. КЕСТРЕЙ (ΚΕΣΤΡΕΥΣ). Гикесий пишет: «Существует несколько видов так называемых *левкисков* (белая кефаль). А именно: одни называются кефальями, другие кестреями, третьи хеллонами, есть, наконец, и миксины. По сочности и вкусу лучше всего из них кефали. Немного уступают им кестрей, хуже миксины, и хуже всех хеллоны (хотя так называемые бакхи на вкус очень хороши); мясо их не питательно и легко выводится [из кишечника]». Дорион в книге «О рыбах» подробно пишет о морских кестреях, но не рекомендует речных кестреев; а видами морских кестреев он считает кефаль и нестиду. Острый шип на голове кестрея он называет по-

звонком и говорит, что от кефали следует отличать *кефалина*, называемого также *блепсием*. f

Аристотель пишет в пятой книге «О частях животных» [ИЖ.V.38]: «Из рода кестреев в месяц посидеон начинают нереститься хеллоны, также сарг, так называемый микс и кефаль. Нерестятся они в течение тридцати дней. Но есть и такие [кестреи, которые] рождаются не от спаривания, а из ила и песка». В другом месте Аристотель пишет: «Обладая острыми зубами, кестреи не поедают друг друга, потому что они не хищные. Одна их разновидность называется кефалью, другая – хеллоном, третья – фереем. Хеллон водится у берега, фереи же никогда. И если фереи питаются выделяемой им слизью, то хеллон песком и илом. Рассказывают также, что икру кестрея не трогает ни одно животное, потому что и кестрей, в свою очередь, не ест других рыб». 307

Эвтидем Афинский в книге «О соленой рыбе» пишет, что разнообразиями кестреев являются кефаль (*κέφαλον*), «клин» (*σφινέα*) и «пальчик» (*δακτυλέα*). Кефали так называются оттого, что у них тяжелая голова (*κεφαλή*), клинья – оттого, что они узкие и в [поперечнике] четырехугольные, а «пальчики» в ширину имеют менее двух пальцев. Как утверждает Архестрат [ср.314а], лучше всех кестреи, выловленные близ Абдер, а затем кестреи из Синопы. b

78. Некоторые, как свидетельствует Полемон в сочинении «О реках Сицилии», называют кестреев *пловцами* (*πλωτες*). Так же называет их и Эпихарм в «Музах» [ср.288b, 308e, 322f]:

Были «пестрые» с «пловцами» (*πλωτες*) и собачьи языки,
Были там и постники (*σκιαθιδες*). c

Аристотель пишет в сочинении «О повадках и жизни животных» [ИЖ.IX.28], что кестреи живут, даже лишившись хвоста. Хвост им объедает морской окунь (*λάβραξ*), а угрям – мурена. Есть известная поговорка о честных людях «кестрей постится», потому что кестрей не плотояден. Так Анаксилай пишет в «Затворнике», обличая софиста Матона в обжорстве [Kock.II.269; ср.342d]:

Матон стащил и съел кестрея голову!
Теперь конец мне!

И достойный Архестрат пишет: d

Ты покупай кестрея из волнообъятной Эгины:
Будешь тогда своим в кругу людей утонченных.

Диокл в «Море» [Kock.I.767]:

И, как кестрей, он прыгает от радости.

79. О том, что нестиды-«постники» (*νήστεις*) есть разновидность кестреев, пишет в «Геракловой свадьбе» Архипп [Kock.I.681]:

Кефали и кестрей-постники.

Антифан в «Лампоне» [Kock.II.68]:

Тебе взамен солдат кестреев-постников
Набрать случилось.

Алексид во «Фригийце» [Kock.II.390]:

А я домой бреду кестреем-постником.

Амипсий в «Игроках в коттаб» [Kock.I.670]:

– Пойду на рынок, поищу работу я.
– Час добрый! Что ж, хотя бы не потащишься
За мной, голодный, как кестрей.

Эвфрон в «Уродине» [Kock.III.319]:

Мидас – кестрей: гуляет, мучась голодом.

Филемон во «Вместе умирающих» [Kock.II.501]:

Кестрея небольшого взял я, постника
Зажаренного.

Аристофан в «Геритадах» [Kock.I.430]:

Не здесь ли поселенье голавлиное?
Ни дать, ни взять, вы рыбки – голодарики.

Анаксандрид в «Одиссее» [Kock.II.148; ср.242f]:

Кто вечно бродит натошак, зовется тот кестреем.

Эвбул в «Навсикае» [Kock.II.188]:

Четвертый день он праздно омывается
И мучится житьем кестрея-постника.

80. Когда замечания об этом достойном кушанье подошли к концу, один из киников, подошедший к вечеру, воскликнул: «Люди дорогие! Неужто у нас средний день Фесмофорий⁴⁹, что мы как кестрей! Ибо сказано у Дифила в «Женщинах с Лемноса» [Kock.II.558; ср.156b]:

Они-то угостились, ну а я, бедняк,
Постился б, как кестрей, ведь был разгар поста».

М и р т и л подхватил:

«И стойте в ряд, –

как сказано в «Любезнице» Феопомпа [Kock.I.736], –

кестреями голодными,
Которых кормят, как гусей, лишь овощем.

Вы ведь ни к чему не притронетесь прежде, чем вы или ваш Ульпиан не объясните, почему изо всех рыб только кестрей называется *постником*».

У л ь п и а н ответил ему: «Потому что он не ест ничего живого и не приманивается ни мясом, ни чем-либо другим одушевленным. Так пишет Аристотель [ИЖ.VIII.31] и добавляет, что если он не голоден, то мясо его невкусно, и что если он испуган, то прячет голову, считая, что спрятал всё тело. И Платон пишет в «Празднествах» [Kock.I.608]:

Чуть в двери вышел, глядь –
Рыбак несет кестреев мне откуда-то;
А рыбка-то плохая и несытная.

Ты же, Миртил, хитрец фессалийский, скажи мне, почему поэты называют рыб *эллопами* (ἔλλοτες)».

М и р т и л ответил: «Потому что безголосые. Впрочем, вернее было бы их называть *иллопами*, что значит *удерживающие голос*: ведь ἰλλεομαι значит *удерживаться*, а ὄψ – *голос*. Сам ты эллоп, а этого не знаешь!»

[У л ь п и а н ответил:] «Это киническое объяснение – вздор; поэтому, по слову мудрого Эпихарма [ср.362d; Платон.«Горгий».505e]:

С тем, что двое говорили, нынче справлюсь я один!

Я утверждаю: они называются *эллопами*, потому что покрыты чешуей (λεπίς). И еще я скажу, хоть об этом и не спрашивали, почему пифагорейцы, которые изредка всё же едят животных, а некоторых даже приносят в жертву, никогда не касаются только рыбы? Не потому ли, что рыбы молчат, а молчание у пифагорейцев почитается божественным? Вот вы и молчите, псы молосские⁵⁰, хоть вы и не пифагорейцы, поэтому мы перейдем к обсуждению других рыб».

81. КОРАКИН (ΚΟΡΑΚΙΝΟΣ, разновидность горбыля). Гикесий пишет: «Рыба это морская. Она малопитательна, хорошо выделяется [из организма], сочности же средней». Аристотель рассказывает в пятой книге «О частях животных» [ИЖ.V.36], что почти все рыбы растут быстро, но коракин особенно. Размножается он у берегов, где много водорослей. Спевсипп во второй книге «Подобий» пишет, что похож он на чернохвоста. Нумений же пишет в «Рыбной ловле»:

Пестрого очень легко можешь выудить ты коракина.

Поэтому, может быть, и те «пестрые», которых упоминает в «Музах» Эпихарм, – не что иное, как коракины. У него сказано [ср.288b]:

Были «пестрые» (αἰολῶν) с «пловцами» и собачьи языки.

Однако в «Свадьбе Гебы» он говорит о «пестрых» отдельно [от коракинов] [ср.282a]:

Были мидии, губаны, коракины тусклые,
Были пестрые с «пловцами» и собачьи языки.

Эвтидем же пишет в сочинении «О соленой рыбе», что коракина многие называют *сапердой*. То же самое говорят Гераклеон Эфесский и Филотим

309 в «Поваренной книге»; а Парменон Родосский в первой книге «Пособия для поваров» добавляет, что и саперда, и коракин называются еще и *платистаками*. Аристофан упоминает в «Тельмесцах» [Kock.I.527]: «черноплавниковых коракинов», а Фереkrat в «Забычивом» называет их уменьшительно [Kock.I.160]:

С твоими коракинчиками, кильками.

Амфид в «Причитании» [Kock.II.242; ср.277с]:

Мозгов лишен, кто коракина примется
Морского есть, имея горбыля.

Однако нильские коракины мясисты и приятны на вкус: это знают все, кто пробовал. Название свое они получили, потому что непрерывно вращают глазами (*χόραξ κινεῖν*) [ср.287b]. Александрийцы же называют их *платаками* (плоскими) за их необычайный силуэт.

б 82. КАРП (ΚΥΠΡΙΝΟΣ). И эта рыба, согласно Аристотелю, плотоядная и стадная. Язык у нее прикреплен не к нижней части рта, а к верхней. Упомянув его среди речных и озерных рыб, Дорион пишет так: «Чешуйник, которого некоторые называют карпом».

83. БЫЧКИ (ΚΩΒΙΟΙ). Как пишет Гикесий, они вкусны, не задерживаются в кишечнике, однако малопитательны и выделяют дурные соки. Белые вкуснее черных. Мясо желтых бычков более рыхлое и тощее; при переваривании они испускают необильный и нежирный сок, однако по размерам своим они доставляют больше пищи. Диокл утверждает, что у прибрежных бычков мясо нежнее. Нумений в «Рыбной ловле» называет их *кофами* (*κόβων*, фляжка) [ср.304с]:

с Скара, иль кофа-бычка, что упитан и очень бесстыден.

И Софрон в «Деревенщине» говорит о *кофо-мойках* и, вероятно, поэтому назвал сына охотника за тунцами Кофонием. Никандр Колофонский в «Словаре», а также Аполлодор в сочинении «О Софроне» утверждают, будто сицилийцы вообще бычков называют *кофами*. Однако Эпихарм в «Свадьбе Гебы» называет их обычным именем:

д Острохвостые с шипами скаты, крупные бычки.

Антифан в «Тимоне» расхваливает бычков и указывает, откуда привозятся самые лучшие [Kock.II.100]:

Для свадьбы я с покупками богатыми
Вернулся с рынка: накупил вот ладану
Я на обол на всех богов с богинями;
Для всех героев – пирожки медовые,
Для нас же, смертных, вот бычки отменные.
«Прибавь!» – сказал я рыбному мошеннику,
А он: «Прибавка – что они фалерские».
И верно: у других они отринские.

е

Менандр в пьесе «Человек из Эфеса» [Коск.Ш.57]:

– А за бычков торговец рыбой только что
Четыре драхмы заломил.

– Как дорого!

Речных бычков (пескарей) упоминает в книге «О рыбах» Дорион.

84. МОРСКИЕ ПЕТУХИ (ΚΟΚΚΥΓΕΣ). Эпихарм:

Петухов морских чешуйчатых, нарезав вдоль спины,
Да поджарив, да приправив, мы поели.

f

Дорион тоже говорит, что их следует поджаривать, разрезав вдоль хребта и приправив зеленью, сыром, сильбием, солью и оливковым маслом; потом, перевернув, надо полить их маслом и немного подсолить, а сняв с огня, обрызгать уксусом. Нумений называет их «красными», потому что они действительно красные:

Иной раз

Красных морских петухов, немного и мелкой рыбешки,
Также ставриду.

85. АКУЛА-СОБАКА (ΚΥΩΝ ΚΑΡΧΑΡΙΑΣ). О них рассказывает 310
Архестрат, этот Гесиод и Феогнид всех лакомок; кстати, и [настоящий]
Феогнид любил сладкую жизнь: он сам о себе пишет в следующих стихах
[997–1002]:

В час, когда в горний эфир направит Гелиос коней
И возвестит на земле смертным полудня приход,
Пир мы закончим, насытив желудок добром всевозможным,
Сколько велело кому милое сердце его.
Пусть тогда тонкие ручки лаконской девицы прелестной
Воду для рук унесут, в дом же внесут нам венки.

b

Не чуждался этот мудрец и любви к мальчикам: он говорит [993–996]:

Если бы ты, Академ, предложил состязание в песне,
И посредине б меж нас отрок цветущий стоял,
И состязались бы мы, твоим ли, моим ли он будет, –
Сразу тогда б ты узнал: мулы сильнее ослов.

Так вот что советует Архестрат в своих прекрасных заповедях [ср.163с-d]:

c

Следует в граде Тороне тебе от акулы-собаки
К трапезе пышной купить кусков пустого подбрюшья.
Тмином приправь их, затем, подсоливши немного, пожарь их;
Не добавляй ничего, кроме светлого масла, мой милый.
Только когда уж они поджарятся, вынеси соус,
Также и всё, что ему сопутствует. Ежели станешь
Ты их в кастрюле варить пустотелой – ни винного сула
Не добавляй, ни воды из святого источника, только
Масла подлей одного да подсыпь сушеного тмина

d

И благовонных листьев, а после вари их на углях.
 Пламени не позволяй даже близко кастрюли касаться
 И непрерывно мешай, чтобы гарь от тебя не укрылась.
 Только немногие знают из смертных о лакомстве этом
 И соглашаются есть, большинство же людей обладает
 Смертной душой простофиль, бессилием разум разбит их.
 Что ж говорят в оправдание они? Человеческим мясом
 Тварь-де питается эта, — как будто не всякая рыба
 Станет охотно глотать человечину, коль повезет ей.

Именно из этой рыбы делается кушанье, которое у римлян называется «тюрсионом» (tursio): на него идет самая вкусная и изысканная ее часть.

86. **МОРСКИЕ ОКУНИ (ЛАВРАКЕС; лавраки).** Как пишет Аристотель, рыба эта хищная и ведет одиночный образ жизни. Язык у нее костистый и прикреплен глубоко, сердце же треугольное. В пятой книге «Истории животных» [V.35] он пишет, что морской окунь размножается, также как и кефали и дорады, [в Понте] более всего в устьях рек. Размножается зимою, причем дважды. Гикесий же пишет, что мясо морских окуней сочно, малопитательно, плохо выводится из кишечника, однако по вкусу не имеет себе равных. Название свое (лаврак) они получили за свою прожорливость (λαβρότητα). Говорят, они смышленнее всех рыб и ради своего спасения проявляют чудеса смекалки. Поэтому и Аристофан говорит [Kock.I.543]:

Нет в море рыб умней морского окуня.

Лирический поэт Алкей упоминает, что он плавает у самой поверхности воды. Мудрый же Архестрат пишет:

Коли в Милет ты придешь, то бери из Гесона кестрея
 Голову, окуня также морского, божьего сына.
 Там они лучше всего: такова уж природа морская.
 Много других, и жирней, в Калидоне их водится славном,
 Также в несущей богатства Амбракии, в озере Больбе,
 Но не такое в них сало, не так благовонно и приятно.
 Только лишь окунь милетский достоин и впрямь восхитенья.
 От чешуи их очисти и пожарь целиком без рассола.
 В час же, когда хлопотать ты будешь над кушаньем славным,
 Пусть не подходит никто из сиракузян, италийцев!
 Ведь не умеют они сих рыб благородных сготовить —
 Только лишь портят всегда, приправляя всё мерзостным сыром,
 Уксусом жидким кропя и сильфия липким рассолом;
 Только они и умеют, что скальных треклятых рыбешек
 Приготовлять для пирушек, да к ним измышлять прихотливо
 Много пустых разносолов с приправою вязкой и скудной.

87. И Аристофан, упоминая во «Всадниках» о морском окуне, водящемся близ Милета, считает его превосходным [361]:

Морского окуня (λάβρακας) не съешь и не проймешь милетян.

А в «Лемноских женщинах» он пишет [Kock.I.487; ср.302d]:

Ни краба не купить себе, ни окуня головки, –

очевидно, потому, что голова окуня, так же как и голова главка [ср.295с], особенно вкусна. И Эвбул в «Кормилицах» [Kock.II.204; ср.359а]:

Не пышно, но пристойно, всё, как требует
Обычай наш: кальмары, каракатицы,
Еще полипов маленькие щупальца,
Рубец начиненный да матку, постника,
Морского окуня большую голову,
Молозиво.

Гесон, о котором упоминает Архестрат [ср.311а], – это, как пишет Непанф Кизикский в шестой книге «Греческой истории» [FHG.III.3], Гесонидская лагуна, соединяющаяся с морем между Приеной и Милетом. Или, как пишет Эфор в пятой книге [FHG.I.260], Гесон – это небольшая речка, впадающая в лагуну близ Приены. Архипп упоминает в «Рыбах» морского окуня такими словами [Kock.I.684; ср.227а]:

Египтянин Гермей из всех торгашей
самый гнусный, как нам рассказали.
Обдирает он шкуры с колючих акул
или рашпильных и продает их,
А морских окуней потрошит блудодей.

88. ЛАТ⁵¹ (ΛΑΤΟΣ). Это рыба, говорит Архестрат, в Италии самая лучшая. Пишет он так:

Славного лата скрывают в лесистой Италии воды
Скиллы⁵² в узком проливе, поистине дивное блюдо.

В Ниле водятся латы весом более двухсот фунтов. Рыба эта, очень белая и вкусная независимо от способа приготовления, похожа на дунайских сомов. Нил богат и многими другими рыбами, и все они очень вкусны, особенно коракины; у них тоже много разновидностей. Водятся в нем и *мэоты*, о которых упоминает в «Рыбах» Архипп [Kock.I.684]:

Мэотов, коракинов и сомов.

Они во множестве водятся по всему Понту, имя же их происходит от Меотидского залива (Азовское море). В Ниле же водятся, насколько я могу припомнить через много лет, очень вкусный электрический скат, «свинья», макрель, пагр, осторорыл, аллабес (Surginus), сом, сростнозуб, пескарь, угорь, тритта, абрамида, слепец, чешуйник, пузан, кестрей. Немало и других.

89. ГЛАДКИЙ СКАТ (ΛΕΙΟΒΑΤΟΣ). Его называют также спинорогом (ρίνη). Как пишет Эпэнет в «Поваренной книге», мясо его белое. Платон в «Софистах» [Kock.I.637]:

...будь то акула колючая, скат или угорь.

с 90. МУРЕНЫ (ΜΥΡΑΙΝΑΙ). Феофраст пишет в сочинении «О сухопутных животных» [fr.171.4], что угорь и мурена могут долгое время находиться вне воды, потому что жабры у них маленькие и вбирают лишь немного воды. Гикесий пишет, что мурена не менее питательна, чем речные и даже морские угри. Аристотель пишет во второй книге «Частей животных» [ИЖ.V.35; ср.304с], что вырастает мурена очень быстро, она острозуба и во всякое время года мечет мелкую икру. Эпихарм в «Музах» пишет ее название с буквы μ (μύραινα):

...и морские были жирные угри
И мурены.

Так же пишет и Софрон. Платон же (или Кантар) в «Союзниках» пишет ее с буквы σ (σμίραινα) [Kock.I.640]:

Есть скат и есть (с)мурена.

д Дорион в сочинении «О рыбах» говорит, что речная мурена имеет только один колючий плавник, подобно морскому «ослику», называемому *галларией*. Андрей в книге «О ядовитых животных» пишет, что смертельны укусы только мурен, происходящих от гадюк; они менее округлы и пестры. Никандр в поэме «О действии животных ядов» [II.823]:

Рыба мурена ужасна: поднявшись с привычного ложа,
Бедных кусает она рыбаков, обращает их в бегство,
Гонит с прибрежных камней далёко в открытое море –
Если и вправду она покидает обитель морскую,
е Чтобы на твердой земле сойтись с ядоносной гадюкой.

Однако в книге «О ложных мнениях» [тот же] Андрей пишет, что это неверно, будто мурены плывут на мелководье и там совокупляются с гадюками, потому что гадюки кормятся не на мелководьях, предпочитая безлюдные песчаные места. Но Сострат в сочинении «О животных» (из двух книг) все-таки повторяет мнение об их совокуплении.

ф 91. САМЕЦ МУРЕНЫ (ΜΥΡΟΣ). Самец отличается от мурены, как пишет Аристотель в пятой книге «О частях животных» [ИЖ.V.35]: мурена пестра и слаба, самец же одноцветен и крепок, цветом похож на [сосну] и зубы имеет снаружи и внутри. Дорион пишет, что самец мурены не имеет в мясе острых костей и идет в пищу весь целиком, причем нежен необычайно. Существуют две его разновидности, черные и красноватые; черные лучше. Архестрат, этот философ наслаждения, пишет:

313
Или Италией, там живет в нешироком проливе
Рыба мурена, ее прозвали пловцом; покупай же,
Коли поймают, ведь там это будет чудесное блюдо.

92. АНЧОУСЫ (ΜΑΙΝΙΔΕΣ). Гикесий говорит, что они сочнее пескарей, однако уступают им вкусом и хуже выводятся кишечником. Спевсипп

пишет во второй книге «Подобий», что на анчоусы похожи боки и смариды, о которых упоминает в «Земле и Море» Эпихарм:

b

Так же часто как ты видишь много боков и смарид, –

и Эпэнет пишет в «Кулинарном искусстве»: «...смарида, которую иные называют собачьей подстилкой». Антифан в «Деревенщине» или «Буталионе» называет анчоусы за их малость *пищей Гекаты* [Kock. II. 39; ср. 358d]:

– Крупных рыб
Я всех давно считаю людоедами.
– Что говоришь, любезный! Людоедами?
Но почему?

– Понятно, это рыбины,
Которых люди сами с удовольствием
Едят: но он сказал про мелочь всякую,
Про снедь Гекаты – пескарей, анчоусов.

c

Некоторые анчоусы называются *белыми*, их называют также «боаками». Полиох в «Коринфствующем» [Kock. III. 390; ср. 559a]:

Пусть никто тебя не сможет убедить, – святые боги,
Кто бы ни был, – звать боаков «белыми анчоусами».

93. ЧЕРНОХВОСТАЯ ОБЛАДА (МЕΛΑΝΟΥΡΟΣ). О ней пишет Нумений в «Рыбной ловле» [ср. 282a, 319b, 320e]:

Иль вожака окуням чернохвоста.

d

Гикесий пишет, что она похожа на сарга, но не такая сочная и вкусная; ее питательное мясо немного терпко. Упоминает ее в «Свадьбе Гебы» и Эпихарм [ср. 321c]:

Были там саргины, были там и чернохвосты.

Аристотель в сочинении «О животных» пишет так: «Из рыб пятнистые хвосты имеют чернохвостая облада и сарг; на них много черных полосок». По словам Спевсиппа во второй книге «Подобий», на чернохвостую обладу похож так называемый *псир* или, как пишет Нумений в следующем стихе, *псор*:

Псора, или же сальп, а то и дракона морского.

e

94. МОРМИР (ΜΟΡΜΥΡΟΣ, атлантический землерой). Согласно Гикесию, он очень питателен. Эпихарм называет его в «Свадьбе Гебы» «мирмом» (μύρμας), если только это не разные рыбы. Пишет он так [ср. 321a]:

Рыбы-ласточки и мирмы, что побольше колиев.

Дорион в книге «О рыбах» называет их мормилами. Линкей Самосский пишет в сочинении «Съестные покупки», написанном для друга, не умевшего торговаться: «Когда рыботорговец смотрит на тебя в упор и не сбав-

f

вляет цену, то хорошо бывает обругать всех его рыб и процитировать из «Сладкой жизни» Архестрата или других поэтов, например:

Мормир прибрежный – негодная рыба, ни в чем не хорош он.

314 Или: «...осени поздней порой заготавливай амию [ср.278b], а нынче весна». Или: «...чуден с приходом зимы кестрей, а сейчас у нас лето». И много другого в том же роде. Этим ты разгонишь и покупателей и даже зевак, и придется торговцу принять твою цену».

95. ЭЛЕКТРИЧЕСКИЙ СКАТ (NAPKH). Платон или Канфар в «Союзниках» [Kock.I.640]:

Отваришь ската – недурное кушанье.

Философ же Платон говорит в «Меноне» [80a]: «[...ты очень похож] на морского ската: всякого, кто прикоснется, он *оцепеняет* (νάρκῶν)». Такой глагол есть и у Гомера [Ил.VIII.328]:

...онемела (νάρκῃσεν) рука возле кисти.

Менандр в «Фании» пишет слово «оцепенение» с окончанием α [Kock.III.143]:

По коже разлилось оцепенение (νάρκα), –

этого нет больше ни у кого из древних авторов. Гикесий пишет, что скат малопитателен и малосочен, так как всё тело у него из хрящей, однако очень вкусен. Феофраст в сочинении «О животных, живущих в норах» отмечает [fr.178], что скат прячется под землей от холода; а в сочинении «О кусающихся ядовитых животных» [fr.178], он пишет, что сила его удара проходит через палки и трезубцы, парализуя руки тех, кто его трогает. Объяснение этому дал Клеарх Солейский в сочинении «Об электрическом скате» [FHG.II.324], однако так пространно, что я позабыл его и отсылаю вас к его книге. Как пишет Аристотель, электрический скат принадлежит к хрящевым живородящим рыбам. Охотится он на мелких рыбок, своим прикосновением приводя их в неподвижное оцепенение. Но Дифил Лаодикейский утверждает в своем комментарии к поэме Никандра «О действии животных ядов», что скат парализует тело живого существа не целиком, а частично; он пишет, что установил это многими опытами. Архестрат же пишет:

И электрический скат, отваренный в масле с душистой Травкою, вместе с вином и маленьким ломтиком сыру.

Алексид в «Галатее» [Kock.II.311]:

Зажарить фаршированного ската им.

И в «Деметрии» [Kock.II.314; ср.107с]:

Громадного взял ската, понадеявшись,
Что женские изнеженные пальчики
Ущерба не потеряют от шипов его.

96. РЫБА-МЕЧ (ΞΙΦΙΑΣ). Аристотель пишет, что у этой рыбы нижняя часть рыла очень мала, верхняя же велика и костиста, равняясь по длине всему туловищу, она и называется «меч». Зубов же у рыбы нет. Архестрат пишет:

Если в Византий придеешь, отведай кусок от меч-рыбы –
Лишь хвостовой позвонок. Хороша она также в проливе
Узком, недалеко от отрогов Пелорского мыса.

f

Есть ли другой столь искушенный устроитель и судья кушаний, как этот поэт из Гелы, а вернее, Катагелы⁵³? Ради своего чревоугодия он искусно и [босфорский] пролив переплыл, и каждую часть каждой рыбы проверил на качество и на сочность, чтобы заложить основы предмета, столь полезного в жизни.

97. ОРФОС (ОРФΩΣ; полиприон или гигантский каменный окунь). 315
Некоторые, например, Памфил, называют его *орфом* (ὀρφός). Аристотель в пятой книге «О частях животных» [ИЖ.V.36] говорит, как быстро растут рыбы и как орф тоже очень быстро становится большим из малого. Рыба эта хищная, острозубая и ведет одинокий образ жизни. Особенность ее – отсутствие семенных протоков и способность долго оставаться живой после разрезания на части. Она принадлежит к разряду рыб, зимующих в норах, и предпочитает прибрежные воды открытому морю. Живет она не более двух лет. Нумений упоминает ее так:

b

Этую снастью легко ты подымешь из ложа морского
Длинного лже-скорпиона и орфа колючего, ибо
Есть у нее на конце...

И еще [ср.305с, 321b]:

Главков или морской род орфов, с темною кожей
Черных «дроздов».

Дорион пишет, что молодых орфов некоторые называют *орфакинами*.
Архипп в «Рыбах» [Kock.I.682]:

Пришел к ним орфос (ὀρφός), некоего бога жрец.

Кратин в «Одиссее» [Kock.I.59]:

Орфоса (ὀρφώ) кусок горячий.

Платон в «Клеофонте» [Kock.I.616; ср.327d]:

Тебя здесь поселил он, дура старая,
Гнилой едой акулам, орфам, паграм быть.

c

Аристофан в «Осах» [493]:

Если кто-то пожелает орфа взять, а не мемблад.

Именительный падеж единственного числа слова «орфос» аттики произносят с острым ударением на последнем слоге (ὀρφός), как у Архиппа.

Родительный падеж этого слова – у Кратина: «Кусок горячий орфоса (ὄρφω)».

d 98. ОРКИН, или ТУНЕЦ (ОРΚΥΝΟΣ). Дорион в сочинении «О рыбах» утверждает, что эти тунцы попадают в наше море из вод, что вокруг Геракловых Столпов, поэтому большинство их и ловится в Иберийском и Тирренском морях, а оттуда они расплываются по всем другим морям. Гикесий пишет, что самые жирные – тунцы-оркины из Гадир, на втором месте после них – сицилийские, а те, что пойманы далеко от Геракловых Столпов, уже без жира, потому что слишком далеко заплывли. У тунцов из Гадир «ключичные» [ср.303b] кости разъединены, так же как у осетров челюсти, небо и так называемые черные кости [ср.121b]. Гикесий говорит также, что подбрюшья у этих тунцов очень жирны и вкусней других частей тела, однако самое вкусное у них – это ключицы.

e 99. МОРСКОЙ ОСЕЛ (ΟΝΟΣ) и ОСЛИК (ΟΝΙΣΚΟΣ) (вид трески). Об «осле» Аристотель в сочинении «О животных» пишет, что, подобно колючим акулам, он держит пасть широко раскрытой, что рыба эта не стадная, что только у нее сердце находится в брюхе, а в мозгу есть камешки, похожие на жернова. Это также единственная рыба, которая прячется в норах в самую жару, когда восходит созвездие Пса, тогда как все остальные рыбы прячутся в зимнее время. Упоминает ее в «Свадьбе Гебы» и Эпихарм [ср.327f]:

«Ханн» с разинутою пастью и «ослов» с раздутым брюхом.

Осел и ослик – это разные рыбы. Дорион в сочинении «О рыбах» пишет об этом так: «...осел, которого некоторые называют «гадом», и галлерий, которого иные зовут «осликом» или “максином”». Эвтидем же пишет в книге «О соленой рыбе»: «...одни называют его бакхом, другие геларией, третьи – осликом». Архестрат пишет:

316 Анфедон славный растит «ослов» до огромных размеров (Коих «каллариями» называют), но мясо их рыхло, И, как кажется мне, невкусна эта рыба. Иные Их до небес превозносят – всегда ведь такое бывает: Нравится больше одним одно, другим же другое.

100. ОСЬМИНОГ, ПОЛИП (ΠΟΥΛΥΠΟΥΣ), родительный падеж πολυύποδος. Так аттики (и Гомер [Од.V.432]:

Если полипа (πολυύποδος) из ложа ветвистого вырвешь)

b склоняют это слово по аналогии с другими производными от слова ποῦς (нога). Например, винительный падеж «полипа» произносят πολυύπουν, подобно [винительному падежу] «Алкиноя» (Ἀλκίνου), «Эдипа» (Οἰδίπου) и «треножником» (τρίπουν), как у Эсхила в «Афаманте» [TGF². 3; ср.37f], от ποῦς (нога), как от νοῦς (ум). Винительный же падеж πώλυτον – это эолийская форма. Аристофан в «Дедале» [Kock.I.436; ср.323c]:

Добыча – осьминоги (πολυύπους), каракатицы.

И еще:

Дает мне осьминога (πολύπους).

И еще:

Бить-колотить, как осьминога (πολύπου) дряблого.

Алкей в «Сестрах-развратницах» [Kock.I.756]:

Ведь глупо осьминожий ум иметь (πολύποδος).

Амипсий в «Доедающем» [Kock.I.671]:

Нужно много осьминогов (πολύπων)!

Платон в «Дитяти» [Kock.I.626]:

На первом месте ты, как осьминожики (πολύποδας).

Алкей [Kock.I.764]:

Как осьминог (πολύπους), я поедаю сам себя.

Однако другие склоняют слово «полип» (πολύποδα) аналогично слову «нога»: ποῦς «нога» [им.п.], ποδός «ноги» [род. п.], ποδί «ногой» [дат.п.], πόδα «ногу» [вин.п.]. Эвполид в «Демах» [Kock.I.284]:

Политик точно как полип (πολύπους) ухватками.

101. Диокл в первой книге «Здоровья»: «...моллюски возбуждают человека к наслаждению и любовным утехам, особенно осьминоги». Аристотель же сообщает, что у осьминога восемь ног, из которых пара верхних и пара нижних короткие, те же, что посередине, длинные; пара щупальцев, которыми он тащит к себе пищу; два глаза, находящиеся над парой верхних ног; рот же и зубы находятся посередине, между ногами. Разрез головы обнажает мозг из двух полушарий. Есть у него и чернильная жидкость, не черная, как у каракатицы, но красноватая; она заключена в так называемой *маковке*, а маковка, подобно пузырю, находится в верхней части живота, однако с кишками не соединяется. Питается осьминог иногда мясистыми частями ракушек, а пустые раковины выбрасывает из норы наружу; по ним рыбаки его и находят. Спаривается он, сплетаясь в объятиях, и соитие продолжается очень долго, так как животное это бескровно. Икру он откладывает через так называемый «яйцеклад», похожий на трубку в его теле, а икра слипается в виде гроздей. 102. Говорят также, что, когда ему не хватает пищи, он поедает сам себя, как пишет комик Фе-рекрат в «Дикарях» [Kock.I.149]:

На оливках, на кореньях
Мы сидим, а если голод
Одолеет злую ночью –
Мы не хуже осьминогов,
Станем грызть свои же пальцы!

И Дифил в «Купце» [Kock.II.551]:

- Он – осьминог со щупальцами целыми.
- Что ж, это значит, он не обкусал себя.

Но всё это неправда, ибо щупальца ему откусывают морские угри, когда преследуют его.

Говорят, что, если в его нору подсыпать соль, он немедленно выползет. Рассказывают также, что от испуга он меняется в цвете и окрашивается в цвет тех мест, где прячется. Об этом говорит в «Элегиях» и мегарец Феогнид [215]:

Пусть образцом тебе будет полип многохитрый: к какому
Камню прилепится он, вид он и примет того.

Похожее говорит и Клеарх во второй книге сочинения «О пословицах», где он приводит следующие стихи без имени автора [FHG.II.318]:

Сын мой, герой Амфилох, в какую страну ни придешь ты,
К ней ты, как хитрый полип, приспособься.

103. «В прежние времена в Трезене, – пишет тот же Клеарх, – законом не только воспрещалось ловить так называемого священного осьминога и осьминога-гребца, но и даже прикасаться к ним, а также к морской черепахе. Тело осьминога легко размягчается, а сам он глуп, ибо идет в руки ловцов и во время преследования иногда даже не убегает. Самки осьминогов после родов размягчаются и слабеют, поэтому они очень легко ловятся. Иногда видели вылезающих на сушу осьминогов, особенно в каменистых местах, потому что гладкой земли они избегают. Они любят растения, особенно оливы, и часто их находят прямо на стволах, которые они обвивают щупальцами». (В сочинении «О водных животных» [ср.332b-c] Клеарх добавляет, что осьминогов ловили также, когда они цеплялись за прибрежные смоковницы и поедали смоквы.) «Что осьминоги любят оливы, видно вот из чего: если ветку этого растения опустить в воду, где они водятся, и немного подождать, то можно легко вытащить сколько угодно прилепившихся к ней осьминогов. Все части тела осьминогов крепкие, и только шея слаба».

104. Рассказывают также, что самец таскает в одном из щупальцев нечто вроде полового органа с двумя большими присосками. Он похож на мышцу, проходящую посередине через щупальце. В пятой книге «[Истории] животных» Аристотель пишет [V.40]: «Осьминог совокупляется зимой, а откладывает икру весной, скрываясь в норах почти два месяца. Животное это плодовито. Самец отличен от самки удлиненной головой и половым органом в щупальце, как говорят рыбаки. Отложив икру, они ее насиживают: в это время они совсем худые. Икру [V.87] осьминог откладывает в нору или какой-либо полый предмет, например, горшок. Через пятьдесят дней⁵⁴ из икры выводится много маленьких осьминогов, похожих на пауков. [V.90] Самка осьминога иногда высидит икру, иногда же сидит перед отверстием норы, расставив щупальца».

Феофраст пишет в сочинении «О животных, меняющих окраску» [fr.173], что осьминог принимает вид камней и делает это как из страха, так и для защиты. В сочинении же «О сухопутных животных» он пишет [fr.171], что осьминоги не принимают внутрь морскую воду. А в сочинении «О местных особенностях» [fr.173] он пишет, что на Геллеспонте осьминоги не водятся, ибо море это холодное и малосоленое, а осьминоги не переносят ни того, ни другого.

105. «А так называемый «кораблик», – пишет Аристотель, – не осьминог, хоть и похож на него щупальцами: спина у него панцирная. Из глубины он выныривает, держа панцирь над собой, чтобы из него вылилась вода; затем переворачивается и плывет, держа наверху одну пару щупальцев. Между ними растет тонкая кожистая перепонка, как у птиц между когтями на ногах. Два же других щупальца он опускает в воду наподобие весел. Когда он видит, что кто-то приближается, то от испуга прижимает ноги, наполняет свой панцирь водой и стремительно уходит вглубь». Однако в сочинении «О животных и рыбах» он пишет: «...одна разновидность осьминогов – меняющие окраску, другая – кораблики».

106. К этому кораблику относится и эпиграмма, приписываемая Каллимаху Киренскому:

Я – обомшелый моллюск, Зефирита, в святилище новом,
Первый Селены дар в храм, о Киприда, тебе.
Плыл я в волнах, ракушка, и ветер соленый далеко
Путь мне держать помогал, в кожу-панцирь толкал.
Если ж Галена, богиня блестящая, правила в море,
Ножками греб я с трудом, я – соименник Арго.
Вот я пристал и к песку Иулиды; потом, Арсиноя,
Стал и забавой смешной я на твоём алтаре.
Даже гнезда для себя гальциона влажная в створках
Вить не стала, ведь я был бездыханен и мертв.
К дочери Клиния будь же добра! Она из эолян,
В Смирне жила и сама делает много добра!

И Посидипп написал эпиграмму на почитавшуюся в Зефирии Афродиту:

В храм Филладельфовой славной жены Арсинои-Киприды
Морем и сушей нести жертвы спешите свои.
Эту святыню, царящую здесь, в Зефирийском побережье,
Ей, Арсиное, воздвиг первый наварх Калликрат.
Добрый молящимся путь посылает богиня и море
Делает тихим для них даже в середине зимы.

Упоминает осьминога и трагик Ион в следующих стихах из «Феникса» [TGF². 739]:

Полипа ненавижу, что меняет цвет
И щупальцами к скалам прикрепляется
Бескровными.

107. Виды же осьминогов по Аристотелю и Спевсиппу таковы: эледона, полиподина, больбитина, осмила. А в книге «О животных» Аристотель перечисляет, что к моллюскам относятся осьминоги, осмила, эледона, каракатица и кальмар. Эпихарм в «Свадьбе Гебы» [ср.323f]:

Каракатицы, полипы, да кальмары быстрые,
Да зловонные больбиты, крабы говорливые.

f Архестрат же пишет:

Лучшие из осьминогов – на Фасосе, в Кarii славной,
Также Керкира растит великое множество крупных.

Дорийцы, как например Эпихарм, выговаривают слово «полип» через о долгое: $\pi\acute{o}\lambda\lambda\upsilon\lambda\omicron\nu$. Также и Симонид говорит [ср.316b]: «Ища полипа ($\pi\acute{o}\lambda\lambda\upsilon\lambda\omicron\nu$)». Аттики же говорят $\pi\omicron\lambda\upsilon\lambda\omicron\nu$.

Относится он к семейству, близкому к селажиям ($\sigma\epsilon\lambda\alpha\chi\omega\delta\acute{\omega}\nu$): так называются хрящевые рыбы ($\chi\omicron\nu\delta\rho\acute{\omega}\delta\eta$):

Полипы ($\pi\omicron\lambda\upsilon\lambda\omicron\nu$) и колючие акулы.

Моллюсками называются все кальмароподобные, а хрящевыми – рашпильные акулы.

319 108. КРАБЫ (ΠΑΓΟΥΡΟΙ). О них упоминает Тимокл или Ксенарх в «Багрянке» [Kock.II.471]:

Рыбак я мудрый, все познал я хитрости
Боготпротивных крабов и малюток-рыб –
Ужели я буглосса, дурня старого,
Не проведу в два счета? Дело было бы!

109. ПЕЛАМИДА (ΠΗΛΑΜΙΣ). О ней в «Музах» упоминает Фриних [Kock.I.380]. Аристотель в пятой книге «О частях животных» пишет [ИЖ.V.36]: «Пелакиды и тунцы размножаются в Понте и более нигде». Упоминает их и Софокл в «Пастухах» [TGF². 242]:

b Здесь также коротает бури зимние
Соседка, пелакида геллеспонтская,
Боспорцу в летний зной еда привычная, –
Она гостит там часто.

110. ОКУНИ (ΠΕΡΚΑΙ). О них упоминает Диокл, а также Спевсипп, во второй книге «Подобий» утверждающий, что окуни, ханны и фики похожи друг на друга. Эпихарм же пишет [ср.323a,c]:

Комариды, псы-кефали, кестры, с ними пестрые
Окуни.

Нумений же в «Рыбной ловле» [ср.282a, 313d, 320e]:

То окуней, а иной раз – крутящихся между камнями
Самочек фигов, губанов, еще скорпиона морского.

c

ОКУНЬ (ПЕРКН). И его упоминают Эпихарм в «Свадьбе Гебы» и Спевсипп во второй книге «Подобий», а также Нумений в только что приведенных цитатах. Аристотель пишет в сочинении «О животных», что фик – колючеперая рыба с пестрой кожей, окунь же испещрен линиями и косыми полосками. Есть также пословица: «За чернохвостом окунь следует».

111. РЫБЫ-ИГЛЫ (ΡΑΦΙΔΕΣ; европейский сарган). Их также упоминает Эпихарм, говоря [ср.304с, 328b]:

Рыбы-иглы острорылые, дорады и макрель.

d

Дорион в сочинении «О рыбах» пишет: «...белону (игла), которую называют также рыбой-иглой». Белоной называет ее в пятой книге «Частей животных» и Аристотель [ИЖ.V.37]. В сочинении же «О животных или рыбах» он называет ее морской иглой и пишет, что она беззубая. Спевсипп тоже называет ее белоной.

112. РАШПИЛЬНАЯ АКУЛА (ΡΙΝΗ). Дорион в сочинении «О рыбах» пишет, что рашпильные акулы, и вообще все хрящевые рыбы особенно хороши в заливе Смирны. Однако Архестрат пишет:

Лучшие из хрящевых бывают рыбы в Милете;
Только зачем говорить об акуле и плоскоспинном
Скате? Но ящерицей, запеченной в печи, ионийским
Лакомством всей детворы, с удовольствием я б угостился.

e

113. СКАР (ΣΚΑΡΟΣ; средиземноморская лора). Аристотель пишет, что он хищен, острозуб, ведет одиночный образ жизни; пасть у него маленькая, язык прикреплен не жестко, сердце треугольное, печень белая, из трех долей, желчный же пузырь и селезенка черные, одни жабры двойные, другие одиночные. Это единственная рыба, которая жует жвачку. Эпихарм в «Свадьбе Гебы» пишет:

f

...большой улов
Спаров, скаргов, а ведь даже от помета их богам
Отказаться невозможно.

Селевк из Тарса пишет в «Рыболовном искусстве», что из всех рыб только скар никогда не спит; поэтому его невозможно поймать даже ночью. Может быть, это из-за страха. Архестрат пишет в «Гастрономии»:

320

Скара ищи из Эфеса, зимой же вкушай барабульку,
Ежели в Тейхиоессе, милетской деревне песчаной,
Поймана рыба была вблизи криволучных карийцев.

В другом же месте он говорит:

А в Калхедоне приморском пожарь громадного скара,
Только промыть не забудь хорошенько. В Византии тоже
Доброго скара найдешь, с такою большою спиною,
Что хоть сравни ее с круглым щитом. Приготовить примерно
Так его надо: когда он покрыт слоем сыра и масла,

b

Быстро его запеки, в горячую печку подвесив.
 Солью посыпь и растертым тмином, а после обрызги
 Светлого масла струей из собственных рук, образуя
 Дивный фонтан, что достоин самих олимпийцев бессмертных.

- c Никандр Фиатирский пишет, что есть два вида скаров, серый (δνίας) и пестрый (αἶολος).

114. СПАР (ΣΠΑΡΟΣ). Гикесий пишет, что он вкуснее анчоуса и питательнее многих других рыб. Эпихарм в «Свадьбе Гебы» [ср.319f]:

Посейдон, морского люда вождь, их лично посетил,
 Приведа на финикийских кораблях большой улов
 Спаров, скаров, а ведь даже от помета их богам
 Отказаться невозможно.

- d Нумений в «Рыбной ловле» [ср.327b]:

Спара или ходящих стаями гиков.

115. РЫБА-СКОРПИОН (ΣΚΟΡΠΙΟΣ). Диокл в первой книге трактата «Гигиена», адресованного Плистарху, пишет, что из глубоководных рыб самое жесткое мясо у скорпионов, морских петухов (κόκκυας), камбал, саргов и ставрид, а у барабулек оно мягче. Еще мягче мясо мелководных (πηγάϊοι). Гикесий же пишет: «Один род скорпионов водится в открытом море, другой – на мелководьях; первый рыжий, второй черноватый. Глубоководный лучше и вкусом и питательностью. Скорпионы слабят желудок, хорошо выводятся, сочны и очень питательны, потому что относятся к хрящевым [рыбам]». Размножается скорпион дважды [в год]; так пишет Аристотель в пятой книге «О частях животных» [ИЖ.V.32]. Нумений в «Рыбной ловле» [ср.282a, 313d, 319b]:

Самочек фигов, губана, еще скорпиона морского
 С красною кожей, а то вожака окуням чернохвоста.

- f О том, что скорпион драчлив, рассказывает в сочинении «О рыбах» или «О животных» Аристотель; о том, что он пестр, – Эпихарм в «Музах» [ср.295b]:

Жирные ставриды, главки, скорпионы пестрые.

Он ведет одиночный образ жизни и питается водорослями. В пятой книге «О частях животных» [ИЖ.V.32,36] Аристотель называет его в разных местах то скорпионом, то скорпидой. Неясно, разные ли это рыбы; а вот скорпен и скорпид я и сам часто ел, и каждый знает, что они заведомо различаются и вкусом и цветом. Кулинар же Архестрат в своих золотых стихах пишет:

- 321 Но скорпиона купи на Фасосе, если не больше
 Локтя он, а от больших держи свои руки подальше.

116. СКУМБРИЯ (ΣΚΟΜΒΡΟΣ). [О ней упоминает] Аристофан в «Геритадах» [Kock.I.434]. Гикесий пишет, что хотя скумбрии очень маленькие,

но они питательнее и вкуснее колийев, однако нелегко выводятся из кишечника. Эпихарм в «Свадьбе Гебы» упоминает о них так [ср.313e]:

Рыбы-ласточки и мирмы, что побольше колийев
Или скумбрий, но поменьше будут самочек тунцов.

117. БЕЛЫЕ САРГИ (ΣΑΡΓΟΙ). Гикесий пишет: «Мясо этих рыб более терпко и питательно, чем мясо чернохвостки». Нумений в «Рыбной ловле» называет сарга хитрецом, которого трудно вытащить [ср.305c, 315b]:

Черных «дроздов» и «дроздов», одноцветных с морскою волною;
В месте другом и в другой раз поймаешь губителя лески –
Сарга, что любит водиться у берега.

Аристотель в пятой книге «О частях животных» пишет [ИЖ.V.38], что сарг размножается дважды: весной и осенью. Эпихарм же в «Свадьбе Гебы» [325f]:

Хочешь, – сарги и сардины (χαλιδες) и создания глубин...

Однако в следующем перечислении он говорит отдельно о саргах и *саргинах* [ср.313d, 325f]:

Были там саргины, были чернохвостки, узкие
Обожаемые «ленты», – тонкие, но вкусные.

Подобным же образом и Дорион в сочинении «О рыбах» называет их саргинами (σαργίνοι) и сардинами (χαλιδες). Мудрый же Архестрат пишет:

В пору, когда Орион на небо восходит и гриву
Сбрасывать примется мать гроздей, вино приносящих,
Сарга громадного жарь, прикрыв покрывалом из сыра.
Уксусом едим его приправь: по природе он жесток,
Будь же разумен и так приправляй всю жесткую рыбу.
Мягкую же по природе и с жирным мясом лишь солью
Очень немного посыпь и полей ее маслом: такая
Рыба содержит в себе уже всю полноту наслаждения.

118. САЛЬПА (ΣΑΛΠΗ). Эпихарм в «Свадьбе Гебы» [ср.327c]:

[Были] пагры, и аоны, и морские окуни,
Также сальпы-говноеды жирные, проклятые;
Хороши они, однако, жаркой летнею порой.

Аристотель в пятой книге «О частях животных» пишет [ИЖ.V.38], что размножается она раз в году, осенью. Она густо испещрена красными полосами, имеет острые зубы и ведет одиночный образ жизни. Он пишет также, что по рассказам рыбаков она ловится на тыкву, потому что очень любит ее. Архестрат же пишет:

Сальпе же я навсегда выношу приговор: «никудашна!»
Больше всего для еды годится она в Митилене,
Брать ее надо, когда приходит пора урожая.

Панкрат в «Морских трудах»:

И равновеликие рыбы,
Сальпы; коровами их рыбаки побережья с сетями
Кличут – они ведь всегда, потакая желудку, глодают
Водоросли.

322 Рыба эта пестрая. И потому Мнасея (то ли локрийца, то ли колофонца), сочинителя «Безделок», близкие называли *Сальной* за пестроту содержания его сборника. Впрочем, Нимфодор Сиракузский пишет в «Плавании вокруг Азии» [FHG.II.378], что автором этих «Безделок» была женщина с Лесбоса; Алким же пишет в «Сицилийской истории» [FHG.IV.296], что первооткрывателем таких «Безделок», какие ходят под именем Сальпы, был человек из Мессены, что напротив острова Ботрии. Архипп в «Рыбах» пишет слово *сальпа* в мужском роде [Kock.I.683; ср.287a]:

Стал боак глашатаем,
Сальп – трубачом, за семь оболов нанятый.

Похожая на сальпу рыба, называемая «лоскутницей», водится в Красном море; всё ее тело покрыто золотистыми полосками. Об этом рассказывает Филон в сочинении «О металлах».

119. СРОСТНОЗУБЫ (ΣΥΝΟΔΟΝΤΕΣ) и СИНАГРИДА (ΣΥΝΑΓΡΙΣ) (зубан и большеглазый зубан). Их также упоминает Эпихарм:

...треску,
Синагрид и сrostнозубов с красными полосками.

Нумений в «Рыбной ловле» пишет сrostнозуба через υ:

Белого сrostнозуба (συνόδοντα), бозков и трикков.

И в другом месте [ср.304d, 322f]:

Ежели хочешь поесть ты рыбы, на эту приманку
Можешь поймать сrostнозуба-гиганта, макрель-водолаза.

Однако Дорион того же сrostнозуба пишет через ι, также как и Архестрат:

С c Стоит искать сrostнозуба (σινόδοντα), лишь если он жирен,
Рекомендую, мой милый, ловить его прямо в проливе.
Тот же совет я даю и тебе, Клезнает дорогой мой.

Также Антифан в «Архестрате» [Kock.II.28]:

Кто может съесть
Угря кусочек, сrostнозуба (σινόδοντος) голову?

120. СТАВРИДА (ΣΑΥΡΟΣ). О ней упоминает Алексид в «Левкадян-ке»; говорит повар [Kock.Π.344]:

– Умеешь приготовить должным образом
Ставриду?
– Коли объяснишь – конечно же.
– Возьми и вырежь жабры, после вымочи,
По кругу срезав плавники колючие,
Разрежь вдоль спинки, распластай, как следует,
Отбей ее затем, присыпав сильфием,
А сверху насыпь соль и сыр с душицею.

d

Эфипп, перечисляя в «Кидоне» много разных рыб, упоминает и ставриду [Kock.Π.256; ср.329d, 403b]:

Тунца кусочки, рашпильной
Акулы, угря, окуня,
С кусками голована, сом,
С колючею акулою;
Ставрида, бринк, губан, кефаль,
Пагр, лебий, барабулька, лещ,
Морской лещ и фракиянка [см.329d],
Пеструшка и дракон морской,
Летучая рыбешечка,
Кальмар, креветка, камбала,
Полип и каракатица,
Орф, иглы и анчоусы,
Бычок и с ним кестрей.

e

Мнесимах в «Конезаводчике» [Kock.Π.438; ср.403b]:

Акулы-собаки длинный хвост,
Электрический скат, рыба-лягва, бринк,
Морской петух, фика самочка,
Ставрида, трихида, и ласточка
Морская, окунь...

СКЕПИН (ΣΚΕΠΙΝΟΣ; молодой тунец). Упомянув эту рыбу в книге «О рыбах», Дорион пишет, что ее называют *аттагином* (ἄτταγινοῦς).

f

121. ПОСТНИК (ΣΚΙΑΙΝΑ; вид горбыля). Эпихарм в «Свадьбе Гебы» [ср.288b, 307c, 308e]:

Были пестрые с «пловцами» (πλωτές) и собачьи языки,
Были там и постники (σκιαίδες).

Нумений называет эту рыбу *скиадеей* [ср. 304d, 322b]:

Ежели хочешь поестъ ты рыбы, на эту приманку
Можешь поймать сростнозуба-гиганта, макрель-водолаза.
Пагра с хохлом или рыб-скиадей, собравшихся в стаю.

СИАГРИДЫ (ΣΥΑΓΡΙΔΕΣ). Их упоминает Эпихарм в «Свадьбе Гебы», а также в «Земле и Море».

- 323 122. СФИРЕНЫ (ΣΦΥΡΑΙΝΑΙ; барракуда). Гикесий пишет, что они сытнее угрей, хотя мясо их неприятно на вкус и неаппетитно; сочности оно средней. Дорион говорит: «Сфирена, которую называют кестрой...» Также Эпихарм, упомянув в «Музах» кестру, ничего не говорит о сфирене, потому что это одна и та же рыба [ср.319b]:

И халкиды, и морские псы, и кестры, пестрые
Окуни.

- b И Софрон в «Мужских мимах»: «...кестры, глотающие ботиду». Спевсипп во второй книге «Подобий» поясняет, что похожи друг на друга кестра, сарган и ставрида. Аттики тоже обычно называют сфирену кестрой и только изредка сфиреной. Например, у Страттида в «Македонцах» человек из Аттики не знает этого слова и спрашивает [Kock.I.719]:

Сфирены? Что такое?

А ему отвечают:

– Их вы, аттики,
Зовете кестрами.

Антифан в «Эвтидике» [Kock.II.50]:

– Громадная сфирена.
– По-аттически
Ее бы кестрой надо звать.

Никофонт в «Пандоре» [Kock.I.776]:

Кестры, окуни морские.

- c Эпихарм в «Свадьбе Гебы» [ср.319b]:

...кестры, пестрые окуни.

123. КАРАКАТИЦА (ΣΗΠΙΑ). Аристофан в «Данаидах» [Kock.I.436]:

Добыча – осьминоги, каракатицы.

- d Как объясняет Филемон, предпоследний слог слова σηπία имеет острое ударение, как в словах αἰτία (причина), τέληα (лоток), ταῖν(α) (лента), οἰκία (дом). Аристотель пишет, что у каракатицы восемь ног, из которых две задних длиннее остальных, и два хоботка, между которыми находятся глаза и рот. У нее два зуба [во рту], один сверху и другой снизу, и панцирь на спине. Чернильная жидкость у каракатицы содержится в маковке, которая располагается около рта и похожа на пузырь. Брюхо плоское и гладкое, как коровий сычуг. Маленькие каракатицы питаются мелкой рыбешкой, которую они захватывают хоботками, как рыбацкой леской. Говорят, что в бурю они хватаются хоботками за камни и держатся на них, как на якорю. Преследуемая каракатица выпускает e чернильную жидкость и скрывается в ней, делая вид, что уплывает впе-

ред. Рассказывают также, что когда самку каракатицы цепляют трезубцем, то самцы приходят на помощь и стаскивают ее; когда же бывает пойман самец, то самки, наоборот, разбегаются. В пятой книге «Истории животных» [Аристотель] пишет [V.21]: «Каракатицы и кальмары плавают, сплетаясь друг с другом, рот ко рту, щупальце к щупальцу и хоботок к хоботку. [40] Каракатица первая весной приступает к размножению и продолжает всю весну; икра ее вылеживает пятнадцать дней. Когда самка мечет икру, самец, следуя за ней, обливает икру [чернилами], так что она затвердевает. Самец и самка плавают рядом, причем самец пестрее самки и чернее со спины».

124. Эпихарм пишет в «Свадьбе Гебы» [ср.318e]:

Каракатицы, полипы, да кальмары быстрые.

Следует отметить, что этот стих противоречит утверждению Спевсиппа, что каракатицы и кальмары неразличимы. У Гиппонакта в ямбах есть выражение «подтек каракатицы (ὐλόσφαγμα)»; комментаторы считают, что это чернильная жидкость. Такое же название [ὐλόσφαγμα] Эрасистрат дает в «Поваренной книге» некоему соусу: «“Подтек” – это сок кровяного отбитого мяса с медом, сыром, солью, тмином, сильфием и уксусом». А Главк Локрийский в своей «Поваренной книге» пишет так: «“Подтек” – это кровь, сваренная с сильфием, вином или медом, уксусом, молоком, сыром и нарубленными пахучими травами».

Ученейший же Архестрат пишет:

Только в Абдерах найдешь каракатиц, еще в Маронее.

Аристофан [пишет] в «Женщинах на празднике Фесмофорий» [Kock.I.473; ср.104e]:

Кто покупал здесь рыбу, каракатицу?

Также в «Данаидах» [Kock.I.454]:

Рыбешки, осьминожки, каракатицы.

Феопомп в «Афродите» [Kock.I.734]:

Вот эту каракатицу

Возьми поешь и осьминога этого.

Алексид в «Порочной» выводит повара, следующим образом рассуждающего о варке каракатиц [Kock.II.367; ср.326d]:

Каракатиц покупаю я

За драхму втрое больше. Обрезаю им

Их хоботки и плавники, затем варю,

А тушку нарезаю я на тонкие

Кусочки, натираю солью мелкою

И выхожу на сцену пира, их неся

На сковородке пышущей.

125. БАРАБУЛЬКА, СУЛТАНКА (ΤΡΙΓΛΗ). Это слово, подобно слову κίχλη (дрозд), оканчивается на η. Действительно, слова женского рода, оканчивающиеся на λα, требуют удвоения лямбды (λλα): [таковы имена] d Σκίλλα, Τελεσίλλα; а слова, у которых перед λ стоит γ, оканчиваются на η: τρώγλη (дыра), αἶγλη (сияние), ζεύγλη (яремый хомут). О барабульке Аристотель пишет в пятой книге «О частях животных» [ИЖ.V.32], что размножается она трижды в год, о чем свидетельствуют рыбаки, видевшие в некоторых местах появление ее молоди. Возможно, отсюда она и получила свое название. Так, *амия* получила имя, оттого что не плавает поодиночке (οὐ μίᾱ), но всегда стает, *скар* – потому что прыгает (σκαίρειν) за креветками (καρίς), *афии* (ἄφεις), потому что они недоростки (ἄ-φειᾱ), то есть мелкие (δυσφειῖς), а буйный тунец (θύννος) от глагола θύω (бурно устремляться), потому что при восходе Пса мучается от овода в голове. e Зубы у барабульки острые, рыба это стадная и хищная, всё тело ее покрыто пятнами. Когда барабулька мечет икру в третий раз, она не дает потомства, потому что некие червячки поедают семя еще в утробе.

Эпихарм в следующем стихе из «Свадьбы Гебы» называет барабулек согбенными [ср.288a]:

И согбенных барабулек и байонов он привел
Препротивных.

Софрон же упоминает в «Мужских мимах» каких-то тригол: «тригол, перекусывающих пуповину» и «триголу, вестницу хорошей погоды». С другой стороны, в миме, озаглавленном «Пыхтящая забава», он пишет: «челюсть барабульки», но «зад триголы», а в «Женских мимах» он пишет: «барабульку бородастую». f

Диокл в «Послании к Плистарху» упоминает [ср.305b, 320d], что мясо барабульки жесткое. Спевсипп пишет, что морской петух, ласточка и барабулька похожи друг на друга; поэтому Трифон говорит в сочинении «О животных», что некоторые из-за этого сходства отождествляют триголу с морским петухом, – в частности, у обеих жесткие хвосты; именно поэтому Софрон и говорит: «челюсть барабульки, зад триголы». 325

126. Платон же пишет в «Фаоне» [Кокк.I.647; ср.5d]:

Жилы не сможет напрячь султанка, дитя Артемиды:
Девой она рождена и чуждается страсти любовной.

Барабулька считается посвященной Гекате, потому что ее имя (τρίγλη) созвучно эпитетам этого божества. Действительно, Гекату называют Трехдорожной, Трехликой и по тридцатым числам ей подносят угощения. Подобным же образом «кифара» присваивают Аполлону, боака («крикуна») Гермесу, плющ – Дионису, птицу фалариду (лысуха) – Афродите, (как это делает в «Птицах» Аристофан [566], намекая на фаллос), утку, называемую νῆττα, – Посейдону. А то порождение моря, которое мы называем афией, другие же афритом или афром (пена), тоже любезно Афродите, b

ибо она тоже родилась из пены. Аполлодор прямо пишет в сочинении «О богах», что барабульку приносят в жертву Гекате из-за схожести имен⁵⁵, ибо у этой богини три образа. Меланфий в книге «Об Элевсинских мистериях» [FHG.IV.444] добавляет к барабульке анчоуса, потому что Геката владеет и морем. Гегесандр Дельфийский утверждает [FHG.IV.420], что барабульку проносят в шествии на Артемисиях, потому что она будто бы выслеживает и уничтожает ядовитых морских зайцев, и за такую пользу людям рыбу-охотницу посвятили богине-охотнице. Софрон же называл барабульку «бородатой», потому что кефали с бородой вкуснее других. В Афинах есть место, называемое Барабулька, где приносят жертвы Гекате Триглантине; поэтому и Хариклид пишет в «Цепочке» [Kock.III.394]:

Владычица Геката, трехдорожная,
Трехтелая, трехликая,
Султанками прельщенная.

127. Если живая барабулька испустит дух в вине, то выпивший его мужчина теряет половую силу, как говорит в книге «О любовных утехах» Терпсикл; если такого вина выпьет женщина или даже птица, то она не забеременеет.

Многоученный Архестрат, похвалив барабулек из милетских Тейхиусс, продолжает [fr.55; ср. 322a]:

Надо на Фасосе брать барабульку: она не плоха там.
А вот на Теосе хуже, но добрая рыба и эта;
Ловят хороших в Эритрах, но только у самого берега.

Кратин же пишет в «Трофонии» [Kock.I.80]:

Больше не можем мы есть барабульки красной эксонской,
Ни шипохвостого ската, и ни чернохвоста гиганта.

А комедиограф Навсикрат следующим образом расхваливает в пьесе «Судовладельцы» эксонских барабулек [Kock.II.295]:

– И с ними «рыжецветки» превосходные
Своей природою, прибой эксонский их
Из здешних рыб выхаживает лучшими;
Богиню ими, деву светозарную,
Чтут моряки, даря ей от пиров своих.
– О барабульках ты с молочной кожей
Сказал.

128. РЫБЫ-ЛЕНТЫ (TAINIAI; цеполы). И о них не забыл Эпихарм [ср.321c]:

...узкие
Обожаемые «ленты» – тонкие, но вкусные,
Требующие при варке очень малого огня.

Митек пишет в «Поваренной книге»: «Рыбу-ленту выпотроши, отрежь голову, промой и, мелко порубив, приправь сыром и оливковым маслом».

- 326 Больше всего и в лучшем виде рыбы-ленты водятся в александрийском Канобе и антиохийской Селевкии. Однако когда Эвполид говорит в «Проспалтийцах» [Kock.I.323]:

Мамаша у него – фракиянка,
Торговка лентами, –

он имеет в виду ткани и пояса, которые носят женщины.

129. СТАВРИДЫ (ΤΡΑΧΟΥΡΟΙ). Диокл упоминает их в числе рыб с жестким мясом. Нумений же пишет в «Рыбной ловле»:

Водных дроздов, зимородков, ставриду – хоть в зимнее время!

- б ТАВЛОПИЙ⁵⁶ (ΤΑΥΛΟΠΙΑΣ; вид тунца). О нем рассказывает Архестрат:

Летом, когда Фазтон в зените, бери непременно
Головы крупных, но юных авлопиев (τ' αὐλοπία); быстро готовь их
И подавай к столу горячими, соусом сдобрив.
Также подбрюшья куски пожарь, насадив их на рожны.

- с 130. КАЛЬМАР (ΤΕΥΘΙΣ). Аристотель пишет, что это тоже стадное животное; оно очень похоже на каракатицу – у него столько же ног и хоботков. Однако задние ноги у него короче, а передние длиннее, правые хоботки толще, а всё тельце нежно и продолговато. Чернильная жидкость в его маковке не черная, а желтая, панцирь же маленький и хрящеватый.

- д КАРАКАТИЦА-ТЕВТ (ΤΕΥΘΟΣ). Тевт отличается [от кальмара] только величиной, достигая трех пядей. Цвета она красноватого, и нижний зуб у нее поменьше, верхний побольше, оба черные и похожи на ястребиный клюв. Если взрезать, то внутренности у нее похожи на свиные. В пятой книге сочинения «О частях животных» [ИЖ.IX.151] [Аристотель] пишет, что и тевт, и каракатица живут недолго. Архестрат же, чрева ради обошедший всю сушу и море, пишет:

В Дие искать надлежит каракатиц-тевт пниерийских
Подле потока Бафиры; в Амбракии также их много.

Алексид выводит в «Эретрийце» повара, говорящего следующее [Kock.II.323-324; ср.324с]:

- е Кальмары, пинны, сердцевик, анчоусы,
Куски мясные, скат да потроха; затем
Я «крылышки» обрезал каракатицам,
Добавил сала маленькую толику,
Приправами опрыскал, начинил же их
Нарубленную мелко-мелко зеленью.

Есть и пирог, называющийся «тевт», как пишет Памфил, ссылающийся на «Хлебопечение» Иатрокла.

131. РЫБЫ-СВИНИИ⁵⁷ (ΥΕΣ). Эпихарм в «Свадьбе Гебы» [ср.288b, 306a, 330a]:

Был кифар среди них, и бычий был язык, и рыбы-свины (ὕαν(δες).

Называет он их и ὕες [ср.328с]:

Рыбы-свиньи (ὕες), и халкиды, и морские петухи,
Жирный пес морской.

Скорее всего, это то же, что и рыба-кабан. Нумений в «Рыбной ловле» называет какую-то рыбу также *гиеной* (ὑαίνα):

f

Черного также леща, что появится, и барабульку,
Рыбу-гиену (ὑαίνα).

Упоминает эту «гиену» и Дионисий в «Поваренной книге». Кулинарный же кудесник Архестрат пишет:

В Эне и в Понте гиену бери, ее смертные кличут
Также еще «пескоройкой». Вари ее голову просто,
Не добавляя приправ, лишь помешивай воду почаще;
К ней подавай натертый иссоп; а когда пожелаешь
Разнообразить обед, увлажни ее уксусом едким,
Вымочи в нем хорошенько и ешь, давась и глотая.
Но и плавник на спине, и прочее лучше пожарить.

327

Поэтому, возможно, и Нумений в «Рыбной ловле» называет *песчанкой* именно рыбу-свинью, когда пишет [ср.306d]:

Шумную рыбу-песчанку иной раз, иной раз акулу.

132. ГИКИ (ΥΚΑΙ). Это еще одна рыба, которую Каллимах называет в своих эпиграммах священной [ср.282с,е, 284с]:

Бог у него – священный гик.

Нумений в «Рыбной ловле» [ср.320d]:

Спара, или ходящих стаями гиков, иль пагра,
Что между скал блуждает.

b

Тимей, рассказывая в тринадцатой книге «Истории» о сицилийском городке (речь идет о Гикарах), пишет о его названии [FHG.I.220], что первые люди в этих местах обнаружили рыб, называвшихся гиками, и все они были полны икрой; посчитав это предзнаменованием, пришельцы назвали местность Гикаром. Зенодот пишет, что в Кирене называют гика красным пагелем (ἐρυθρίνος). Однако Гермипп Смирнский в книге «О Гиппонакте» [FHG.III.52], считает, что гик – это иулида, и замечает, что его очень трудно поймать. Поэтому и у Филита сказано:

c

Даже последний гик скрыться [от сети] не мог.

133. ПАГР (ΦΑΓΡΟΣ). Спевсипп пишет во второй книге «Подобий», что пагр, красный пагель и рыба-печенка похожи друг на друга. Упомянулся он и в вышеприведенной цитате из Нумения [см.327b]. Аристотель сообщает, что рыба эта хищная, ведущая одинокий образ жизни, сердце у нее треугольное; лучшее время для пагра – весна. Эпихарм пишет в

«Свадьбе Гебы» [ср.321d]:

[Были] пагры, и аоны, и морские окуни.

- d Упоминает его и Метаген в «Фуриоперсах» [Kock.I.706; ср.269e-f]. Также Амипсий в «Конне» [Kock.I.672; ср.315b-c]:

В добычу орфам, паграм и селахиям.

Гикесий же пишет: «Родственны друг другу пагры, хромии, антии, акарнаны, орфы, сростнозубы и синагриды. Мясо у них сладкое, немного терпкое и сытное, но поэтому оно плохо выводится из кишечника. Питательнее их рыбы мясистые, более плотные (γεωδέστεροι) и менее жирные». Архестрат пишет, что пагра следует есть «с восходом Сириуса»:

- e В бухтах уютных у моря на Делосе и Эретрии.
Но покупай от него лишь голову вместе с охвостьем,
А остальное, мой друг, даже в дом заносить не пытайся.

Упоминает пагра и Страттид в «Лемномеде» [Kock.I.718]:

Он много проглотил уже больших пагров.

Также в «Филоктете» [Kock.I.725]:

Затем, на рынок пойдя, берут
Огромных жирных пагров они,
Куски круглореберных нежных угрей
Копайдских.

- f Некоторые камни также называют паграми; так, Симий свидетельствует, что на Крите пагром называют точильный камень.

134. ХАННЫ (ΧΑΝΝΑΙ; вид каменного окуня). Эпихарм в «Свадьбе Гебы» [ср.315f]:

«Ханн» с разинутою пастью и «ослов» с раздутым брюхом.

Нумений в «Рыбной ловле» [ср.304e]:

...Ханн, угрей и ночную
Рыбу-бутылку (?)

Упоминает ее и Дорион в книге «О рыбах». Аристотель же в сочинении «О животных» называет ее «пестро-красно-черной» и «пестро-полосатой», потому что она вся покрыта черными полосами.

- 328 135. ХРОМИЙ (ΧΡΟΜΙΣ; горбыль). И его упоминает Эпихарм [ср.282a-b]:

Рыба-меч и рыба-хромий, по словам Анания,
Рыба лучшая весною.

Нумений в «Рыбной ловле» [ср.295b]:

Гика или красавку, иной раз хромия, орфа.

И Архестрат:

Хромия в Пелле большого ты купишь (и летом он жирен),
Или в Амбракии.

136. ДОРАДА (ΧΡΥΣΟΦΡΥΣ). Архипп в «Рыбах» [Kock.I.682]:

Дорад, священных рыбок Афродитиных.

b

Согласно Гикесию, эти рыбы по сладости и вкусу превосходят всех, и к тому же очень питательны. Размножаются они, как пишет Аристотель [ИЖ.V.36], подобно кестреям, в устьях рек. Упоминают их и Эпихарм в «Музах» [ср.304с] и Дорион в книге «О рыбах». Эвполид пишет в «Льстецах» [Kock.I.298]:

Купил я рыбы только на сто драхм:
Дорад двенадцать, восемь окуней морских.

Мудрый же Архестрат вещает в своих заветах:

Не упusti и дораду, эфесскую жирную рыбу,
Местные люди ее называют еще *иониском*.
Взяв Селиунта⁵⁸, святой реки, питомицу эту,
Жарь ее целиком, хоть в три сажени длиною,
И подавай к столу.

c

137. ХАЛКИДЫ (ΧΑΛΚΙΔΕΣ; сардины) и им подобные фриссы, трихиды, эритимы. Гикесий пишет: «Так называемые халкиды, как и траги, иглы и фриссы – рыба негодная, без жира и сока». Эпихарм в «Свадьбе Гебы» [ср.326е]:

Рыбы-свиньи, и халкиды, и морские петухи,
Жирный пес морской.

Дорион называет их халкидиками. Нумений же пишет:

d

Но тщетно бы ты попытался
Тем же манером⁵⁹ пронзить анчоуса или халкиду
Малую.

Кроме халкиды существует еще халкий, о нем упоминает Гераклид в «Поваренной книге», а Эвтидем в сочинении «О соленой рыбе» пишет, что возле Кизика они урождаются круглы и шарообразны.

Фрисс упоминает Аристотель в сочинении «О животных и рыбах»: «Оседлый образ жизни ведут фрисса, энкрасихол, анчоус, коракин, красный пагель, трихида».

e

Трихид [упоминает] в «Льстецах» Эвполид [Kock.I.299]:

Да, этот парень прежде бережлив бывал:
Трихид жевал когда-то, а в самосскую
Войну питался мясом на полушку в день.

Аристофан во «Всадниках» [662]:

Когда трихидий будет сотня на обол.

f Дорион же в сочинении «О рыбах» упоминает речных фрисс, а трихидию называет трихией. Никохар в «Лемноских женщинах» [Kock.I.772]:

Трихий и тунцов-премнад,
Приплывших стаяй к нашему застолию.

Премнадами называли самок тунцов. Платон в «Европе» [Kock.I.611]:

Рыбача как-то раз, его с премнадами
Поймал я на андрахну⁶⁰, тут же выбросил:
Ведь это был боак.

Аристотель в пятой книге «Частей животных» [ИЖ.V.543a] называет этих рыб трихиями, а в сочинении «О животных» трихидами. Эта рыба – из тех, о которых говорится, что они очень любят песни и танцы и на звуки музыки выпрыгивают из воды.

329 Эритимов упоминает Дорион в сочинении «О рыбах»; он пишет, что повадками они ничем не отличаются от халкид, и что под соусом они очень вкусны. Эпзнет же пишет: «Рыбу-куницу, смариду, которую некоторые называют «собачьей подстилкой», халкид, которых называют также сардинами, эритимов, морских петухов, морских ласточек». Аристотель в пятой книге «Истории животных» называет их сардинами. Каллимах же в «Местных названиях» пишет так: «Энкрасихол, эритим – в Халкедоне. Трихидия, халкида, иктар, атерина – в Афинах». И в другом месте этого перечня рыб: «Одзена, осмилий – в Фуриях. Иопы, эритимы – в Афинах». Этих иопов упоминает также Никандр во второй книге «Об Эте»:

Также как между мальков иопов дородством гордятся
Рыбы-сычи или пагры иль орфы.

b Аристофан в «Грузовых ладьях» [Kock.I.500]:

Несчастен тот, кто на кухне в рассол, как рыба трихида, брошен, –
потому что перед тем, как жарить, рыб окунали в рассол, который называли *фасосским*. Об этом говорит тот же самый поэт в «Осах» [1127]:

Анчоусовый дважды я уж пил рассол.

c 138. «ФРАКИЯНКИ» (ΘΡΑΙΤΤΑΙ; алозы). Раз уж мы дошли до того, что заговорили о фриссах, то посмотрим, кто такие фрессы-«фракиянки», о которых говорится в пьесе Архиппа «Рыбы». Он приводит там следующий договор рыб с афинянами [Kock.I.684]: «Возвратить всё, что у каждой стороны есть чужого: мы [возвращаем] фракиянок, флейтистку Атерину, дочь Турсия Каракатицу, а также всё племя Барабулек; прежнего архонта Эвклида, Коракинов из Анагирунта, сына Бычка Саламинского, а также Рыбу-лягву Орейскую председательницу». Если кто-нибудь спросит, что это за фракиянки, которых рыбы обязуются возвратить афинянам, то об этом у меня есть особое сочинение, поэтому сейчас я скажу только самое
d важное. На самом деле фракиянка – это маленькая морская рыбка. Она

упоминается и в «Конезаводчике» Мнесимаха, поэта Средней комедии [Kock.II.438; см.403b, ср.322e]:

...кефаль, лебий, спар,
Пеструшка, тевт, «фракиянка»,
Летучая рыбка, креветка, кальмар.

Дорофей Аскалонский в сто восьмой книге своего «Словаря» [вместо θρόγτα] пишет «фетта» (θέττα) – или потому что в его руки попал не выправленный список пьесы, или же ему не понравилось это слово и он сам его поправил. Во всяком случае слово «фетта» не встречается ни у одного аттического автора. А то, что фракиянкой называлась маленькая морская рыбка, свидетельствует и Анаксандрид, когда пишет в «Ликурге» следующее [Kock.II.144; ср.105f]:

Среди фракияночек забавляется
С креветочками, окуньками.

И Антифан в «Тирренце» [Kock.II.103]:

– Из дема он Рыбачьего.
– Беда, беда!
Конец мне, бедной.
– Почему так думаешь?
– Миногу, камбалу вручит, фракиянку,
Или еще страшней морское чудище.

139. КАМБАЛЫ (ΨΗΓΓΑΙ). Диокл причисляет их к рыбам с жестким мясом. Спевсипп во второй книге «Подобий» пишет, что камбала, бычий язык и рыба-лента похожи друг на друга. Аристотель в пятой книге «Частей животных» пишет [ИЖ.V.32]: «Равным образом и большинство рыб размножаются раз в год. [Таковы,] например, проходные (которых ловят сетями), хромиды, камбала, тунец, пелагида, кефаль, халкида и тому подобное». В сочинении же «О животных» он пишет: «К хрящевым относятся рогатый скат, ядовитый скат (τρογών), электрический скат, шиповатый скат, морской черт, бычий язык, камбала, рыба-мышь». Дорион пишет в книге «О рыбах»: «К плоским рыбам относятся бычий язык, камбала и рыба-жаровня, которую называют также коридой (κόρις)». Бычий язык упоминает также Эпихарм в «Свадьбе Гебы» [ср.288b, 326e]:

Был кифар средь них, и бычий был язык, и рыбы-свиньи.

Линкей Самосский утверждает в письмах, что самые лучшие камбалы водятся близ аттического Элевсина. Архестрат же пишет [ср.288a]:

Крупную камбалу взять не забудь, а также шершавый
Бычий язык; близ Халкиды так в летнее время хорош он.

Римляне называют камбалу «ромбом», – это слово, кстати, тоже эллинское. Навсикрат в пьесе «Судовладельцы», после строк о рыбе главке,

продолжает [Kock.Π.295; см.325е, ср.296а]:

– И с ними «рыжецветки» превосходные
Своей природою, прибой эксонский их
Из здешних рыб выхаживает лучшими;
Богиню ими, деву светозарную,
Чтут моряки, даря ей от пиров своих.
– О барабульках ты с молочной кожей
Сказал. Толпа густая сицилийская
Их «ромбами» зовет.

с 140. Пожалуй, Т и м о к р а т, мы уже досыта наелись рыбной болтовней наших пирующих мудрецов, поэтому я прекращаю здесь свою речь. Если же ты хочешь отведать чего-нибудь непохожего, то я подам тебе всё, что перечисляет Эвбул в «Лаконцах» или «Леде» [Kock.Π.185]:

И будут кроме этого
Перед тобой поставлены:
Тунец рубленый и поросятина,
Кишки козлят, кабанья печень,
Бараньи яички, кишки бычачьи,
Ягнячьи головы, желудок заячий,
Колбаса (ἄλλῶς), да кишка козлиная,
Сосиски (φύσκη), кишка (χορδή), и легкие.

А насытившись всем этим, позволим себе позаботиться о наших телах, чтобы ты смог как следует угоститься и тем, что последует далее.

КОНЕЦ КНИГИ СЕДЬМОЙ

КНИГА ВОСЬМАЯ

1. О, лучший из людей Т и м о к р а т! Рассказывая о благосостоянии 330
Лузитании¹, [это область Иберии, именуемой теперь у римлян Испанией],
мегалополец² Полибий в тридцать четвертой книге своей «Истории» 331
[XXXIV.8.4] сообщает, что благодаря прекрасному климату животные
здесь и люди многоплодны, а плоды растений никогда не портятся. «Розы,
левкои, спаржа и тому подобные растения прерывают здесь цветение не
более чем на три месяца, а морская рыба по изобилию, доброкачественно-
сти и красоте много лучше той, что в нашем море³. Сицилийский медимн
ячменя стоит там одну драхму⁴, а медимн пшеницы девять александрий- b
ских обол. Метрет⁵ вина стоит драхму, средней величины козленок или
заяц – обол; ягненок – 3–4 оболы; тучная свинья весом в сто мин⁶ стоит
пять драхм, а овца две; талант смокв – три оболы, теленок – пять драхм, ра-
бочий вол – десять. Мясо диких животных почти вовсе не ценится и идет в
даровую придачу при других товарах». А наш хлебосольный Ларенсий все- c
гда для нас обращает Рим в Лузитанию и в своем ласковом и любезном ве-
ликодушии каждодневно угощает нас всем самым лучшим, хотя мы прино-
сим в нашу складчину только разговоры.

[ОБ УДИВИТЕЛЬНЫХ РЫБАХ]

2. Было видно, что К и н у л ь к у давно надоели разговоры о рыбах,
но славный Д е м о к р и т опередил его: «Однако, господа рыбы (говоря
словами Архиппа [Kock.I.685; ср.329b-c]), – надо ведь и нам внести свою до-
лю угощения! – вы упустили так называемых «подземных» рыб, которые
водятся в Геракле близ Тиона Понтийского⁷, построенного милетянами;
об этих рыбах рассказывает Феофраст [fr.171]. Он же описал и рыб, вмер-
зающих зимою в лед, которые ничего не чувствуют и не шевелятся, пока
не начнешь их варить в кастрюле. Однако даже рядом с ними совсем осо- d
бенными представляются пафлагонские подземные рыбы⁸: там копают
глубокие ямы в местах, где нет ни речной, ни ключевой воды, и находят в
них живую рыбу.

3. Мнасей из Патр пишет в «Плавании» [FHG.III.150], что в реке Клитор
водится рыба, умеющая издавать звуки, хотя Аристотель утверждает
[fr.272], что на это способны только скар и речная свинья. Также и ученик

Каллимаха Филостефан Киренский пишет в книге «Об удивительных реках» [FHG.III.32], что в реке Аорне, протекающей через Феней⁹, водится рыба, издающая звук, похожий на пение дрозда; называют ее пестрой¹⁰.

Нимфодор Сиракузский пишет в «Плаваниях» [FHG.II.376], что в реке Елоре¹¹ водятся окуни и огромные угри, настолько ручные, что едят хлеб прямо из рук кормящих. Я же, как и многие из вас, собственными глазами видел в Аретузе Халкидской¹² ручных кестреев и угрей с серебряными и золотыми серьгами; они получали корм от людей: потроха от жертв животных и зеленый сыр. Сем же пишет в восьмой книге «Истории Делоса» [FHG.IV.494]: «Когда афиняне приносили жертвы на Делосе, служба, зачерпнув воды для омовения рук, принес ее в сосуде и вылил вместе с рыбами. Поэтому прорицатели предрекли, что афиняне станут владыками морей».

4. В тридцать четвертой книге своей «Истории» Полибий рассказывает [XXXIV.10.1], что за Пиреной до реки Нарбона¹³ лежит равнина с реками Иллиберием и Роскином¹⁴ возле одноименных кельтских городов. Там водятся подземные рыбы. Почва там тонкая, поросшая луговыми травами. Ниже лежит песчаный слой в два-три локтя толщиной и в него протекает вода из рек; с нею вместе через водостоки в поисках пищи проникают под землю и рыбы, а любимая пища их – корни трав. Оттого вся равнина богата подземной рыбой, которую тамошние жители выкапывают и забирают. Феофраст утверждает [fr.171], что в Индии рыбы вылезают из рек на берег и прыгают обратно в воду совершенно так же, как лягушки, а видом они похожи на наших максинов¹⁵.

5. Не забыл я и о том, сколько написал перипатетик Клеарх о рыбе *экзокет*¹⁶ в книге «О водных животных» [FHG.II.325; ср.317с], – пожалуй, я даже смогу привести его слова: «Рыба экзокет, которую некоторые называют *адонисом*, получила свое имя, потому что часто устраивается отдыхать вне воды (ἐξω κοιταῖος); цвет ее красноват и с двух сторон тела от жабр до хвоста идет белая полоса. Рыба эта довольно округла, но не широка, величиной с плавающих у берега молодых кефалей, а они в длину не больше восьми пальцев. Больше всего она похожа на морского козла – у нее только нет под горлом черного пятна, называемого козлиной бородой. Экзокет относится к скальным рыбам и водится на каменистых мелководьях: во время затишья она выбрасывается с прибоем и долго отсыпается на сухой гальке, поворачиваясь вслед за солнцем. Отославшись, она перекатывается к воде, пока прибой не захватит ее и не унесет обратно в море. На суше она прячется от охотящихся на нее так называемых *ведренных* (παρευδίαοτης) птиц – таких, как зимородок, крапивник и похожая на коротыся цапля. Эти птицы пасутся в хорошую погоду у берега и часто натыкаются на нее; если ей удастся заметить их первой, то она прыгает и беется, пока не нырнет в воду и не скроется от них».

6. Кроме того, Клеарх пишет то же, что и Филостефан Киренский [ср.331d], только яснее: «...некоторые рыбы издают звуки, хотя и лишены

дыхательного горла: таковы рыбы из реки Ладон близ аркадского Клитора¹⁷: они издают звуки и даже производят большой шум». Николай Дамаский пишет в сто четвертой книге «Истории» [FHG.III.416]: «Во времена Митридатовых войн¹⁸ в окрестностях Апамеи Фригийской¹⁹ произошли землетрясения, после которых по всей округе открылись никогда прежде не существовавшие озера, от сдвигов потекли новые реки и забили источники, а другие исчезли; и столько прихлынуло соленой синей воды в эту далекую от моря страну, что все окрестности наполнились морскими ракушками, рыбами и прочей морской тварью». Известно мне также, что во многих местах шли дожди из рыб: так, Фений пишет во второй книге «О правителях Эреса» [FHG.II.294], что в Херсонесе²⁰ три дня шел рыбный дождь. Также Филарх пишет в четвертой книге [FHG.I.335], что повсюду есть люди, видевшие дожди из рыб, а нередко и из головастиков. Например, Гераклид Лемб пишет в двадцать второй книге «Истории» [FHG.III.168]: «В Пеонии и Дардании²¹ прошли дожди из лягушек, и было их так много, что они переполнили жилища и улицы. В первые дни люди боролись и убивали лягушек, запирали от них дома, однако ничего не могли сделать – они были всюду: их находили в пище, вареных или жареных, мало того, нельзя было ни напиться воды, ни ноги поставить на землю, покрытую кучами лягушек; так что измученные нестерпимым трупным запахом, исходившим от погибших амфибий, люди покинули эти места».

7. Известен мне и рассказ стоика Посидония о множестве рыбы [FHG.III.254]: «Когда Трифон Апамейский, захвативший сирийское царство, был атакован при Птолемаиде полководцем Деметрия²² Сарпедоном, Сарпедон был отбит и отступил с войском вглубь страны, победители же двинулись вдоль берега моря. Тут внезапно поднялась волна огромной высоты и обрушилась на сушу, накрыв собой всё войско, и все погибли, захлебнувшись в воде. Откатившись, волна оставила среди трупов громадную кучу рыбы. Услышав о таком событии, воины Сарпедона вернулись позлорадствовать над трупами врагов, а множество рыб унесли с собой и принесли их в жертву Посейдону *Отвратителю*²³ в пригороде Птолемаиды».

8. «Не умолчу я и о гадателях по рыбам²⁴, о которых рассказывает Полихарм во второй книге «Ликийской истории». Пишет он так [FHG.IV.479]: «У моря растет посвященная Аполлону роща, в ней есть пруд с водоворотом в песчаных берегах; туда приходят жрецы, там их ждут пришедшие вопрошать оракул. У каждого из них по два деревянных рожна, на каждом по десять кусков жареного мяса. Жрец сидит около рощи, соблюдая молчание, вопрошающий же бросает рожны в пруд и наблюдает со стороны. После того как рожны брошены, море наполняет пруд и в водовороте выплывает такое множество таких разных рыб, что дивись в невиданным и боишься огромных. После того как вещатель (проφήτης) перечислит, какие явились рыбы, жрец дает вопрошавшему ответ, сбудется ли по его молениям. Выплывают там орфы, главки, иногда и киты или рыбы-пилы, а

f также и вовсе неизвестные, необычайного вида». Артемидор же пишет в десятой книге «Географии»: «Местные жители утверждают, что [со дна там] бьет источник пресной воды, отчего возникают водовороты, а в водоворотах водятся громадные рыбы. Жертвующие бросают им начатки
334 жертв – куски вареного и жареного мяса на деревянных рожнах, ячменные лепешки и хлебцы. Залив и вся эта местность так и называются *Водоворотом*».

9. Небезызвестен мне и рассказ Филарха [FHG.I.334] о громадных рыбах и зеленых смоквах, которые как загадку послал царю Антигону полководец Птолемея Патрокл²⁵. Так и скифы когда-то послали вторгшемуся к ним Дарию птицу, стрелу и лягушку, как говорит Геродот [IV.131], а Патрокл послал смоквы и рыб, как пишет о том в третьей книге «Истории» Филарх. Царю доставили их за выпивкой, и все вокруг смутились от таких даров, однако Антигон рассмеялся и сказал друзьям, что ему всё понятно: или владейте морем, говорит Патрокл, или грызите зеленые смоквы²⁶.

10. Помню я и то, что Эмпедокл-физик называет все виды рыб словом *χαμαῖνες*:

Как деревья огромные вышли, как рыбы морские (*χαμαῖνες*)²⁷...

c Знаю и то, что автор эпической поэмы Киприи, – будь это Стасин Кипрский, или кто-то другой, – в следующих стихах представляет Немезиду преследуемой Зевсом и превращающейся в рыбу:

Третьей она принесла после них²⁸ Елену, для смертных
Диво, хотя родила ее Немезида, богиня
Дивноволосая, с Зевсом сойдясь в любовных объятиях,
Высшим царем всех богов, под суровым его принуждением:
Бегством пыталась уйти, сочетание в ласках отринуть
С Зевсом-отцом Кронионом, стыдом во сердце терзаясь,
Праведным гневом. На суше, во мрачных потоках бесплодных
d Бегством от Зевса спасалась, но оный возжаждал настичь.
То под волной мног шумной пучины она укрывалась,
Рыбье обличье приняв²⁹, воздымала великое море,
То на окраине мира земного в реке-Океане,
То на земле, изобильной полями, то в образе зверя,
Коих обильно питает земля, – искала спасенья.

e 11. Известно мне также и о так называемой «огневке» (*ἄλποτις*) из озера Больбы³⁰; Гегесандр в своих «Записках» пишет о ней так [FHG.IV.420]: «Вокруг Аполлонии Халкидской протекают две реки, Амита и Олинфиак. Обе они впадают в озеро Больбу. На берегу Олинфиака стоит памятник Олинфу, сыну Геракла и Больбы. В месяцы же Антестерион и Элафеболион, как рассказывают местные жители, Больба посылает Олинфу «огневку»: в это время несметное множество рыбы
f поднимается из озера в реку Олинфиак. Река эта мелкая, по щиколотку,

однако рыбы по ней идет столько, что все окрестные жители заготавливают себе рыбу впрок, сколько нужно. Удивительно, что рыба не заходит далее памятника Олинфу. Местные жители говорят, что когда-то в Аполлонии был обычай совершать жертвоприношения умершим в месяце Элафеболионе, а теперь их совершают в Антестерионе; поэтому получается, что рыбы поднимаются по реке именно в те месяцы, когда почитают умерших».

12. Так-то вот, господа рыбы! Вы собрали в кучу всё, что можно, и кинули нас в пищу рыбам, а не рыб в пищу нам; и столько наговорили, что этого не смог бы ни мегарский философ Ихтис (Рыба), ни Ихтион, – это тоже имя собственное, оно упоминается Телеклидом в «Амфиктионах»³¹ [Kock.I.212]. Из-за вас я теперь скажу моему рабу словами Ферекрата из комедии «Человеко-муравьи» [Kock.I.180]:

Больше, Девкалион, мне рыбы не подавай, хотя б и просил я.

Ведь и на Делосе, как пишет Сем Делийский во второй книге «Истории Делоса» [FHG.IV.493]: «...когда приносят жертвы Бризо (Βριζώ), – это толковательница сновидений, ведь у древних βριζειν значит *поспать*, например [Од.ХII.7]:

Сну предались (ἀποβριζάντες) в ожиданье восхода на небо денницы, –
итак, когда делосские женщины приносят ей жертвы, то несут чаши, в которых есть всё, кроме рыб, потому что ей возносят моления обо всем на свете, в том числе и о спасении кораблей».

[ПИСАТЕЛИ-КУЛИНАРЫ И ГУРМАНЫ]

13. Любезные друзья мои! За многое восхищаюсь я вождем Стои Хрисиппом, но более всего за то, что знаменитого кулинарного поэмой Архестрата он ставил на одну доску с той Филенидой³², которой приписывается непотребное сочинение о любовных утехах. Впрочем, ямбический поэт Эсхрион Самосский утверждает, что книжонку эту состряпал софист Поликрат, чтобы оклеветать скромнейшую из женщин. Вот его ямбы [«Палатинская антология» VII.345]:

Я, Филенида, женщина с дурной славой.
Здесь обрела покой на склоне лет долгих.
Ты, плаватель, вдоль мыса моего правя,
Сдержи хулу, насмешку и поклеп вздорный!
Свидетель Зевс, свидетели сыны Зевса³³ –
Я не была продажной и на блуд падкой.
Афинский Поликрат, хитрец и лжец тертый,
Что написал, то написал. И пусть; я же
Не знала и не знаю о делах этих.

Однако дивный Хрисипп всё же пишет в пятой книге «О Благе и Наслаждении»: «И книги Филениды и «Гастрономия» Архестрата, и средства, возбуждающие к любви и соитию; и рабыни, обученные нужным позам и движениям, готовые в них упражняться». И еще: «Они крепко заучивают вещи такого рода и приобретают всё, что написано об этом Филенидой, Архестратом и тому подобными сочинителями». И в седьмой книге: «Точно так же незачем заучивать сочинения Филениды и «Гастрономию» Архестрата, как будто они ведут к лучшей жизни». 14. Вы же только и толкуете об этом Архестрате, наполняя наш пир непотребством. Из всего, что есть разрушительного, ничего не упустил этот доблестный поэт. Как никто, он рвался жить по примеру Сарданапала³⁴, сына Анакиндаракса, который, как пишет Аристотель [fr.67], был глупей, чем даже имя его отца. Хрисипп говорит, что на его могиле было написано [Палатинская антология. XVI.27]:

336 Зная, что смертным родился, старайся питать свою душу
 Сладостной негой пиров – после смерти ведь нет нам отрады.
 В прах обратился и я, Ниневии великий властитель.
 Только с собой и унес я, что выпил и съел и что взято
 Мной от любви; вся же роскошь моя и богатства остались.
 [Мудрости это житейской мое поучение людям.
 Пусть накапливает кто хочет несметные горы златые.]

б И о феаках³⁵ говорит Поэт [Од.VIII.248]:

 Любим обеды роскошные, музыку, пляску,
 Свежесть одежд, сладострастные бани и мягкое ложе.

Есть и еще сочинитель, Некто другой, подобный Сарданапалу, предложивший глупцам такой совет [TGF². 858; ср.: Еврипид. «Алкеста». 788]:

 Желал бы я всем смертным посоветовать
 Приятно провести жизнь быстротечную.
 Ничто умерший, он лишь тень подземная:
 Пока ты жив, короткой жизнью пользуйся.

с И комедиограф Амфид говорит в «Причитании» [Kock.II.242]:

 Любой из смертных, тот, кто наслаждения
 Прибавить к быстрой жизни не старается,
 Предоставляя ей идти иным путем,
 По моему и многих мудрых мнению –
 Пустой болван, навек богами проклятый.

И в комедии «Власть женщин» он пишет в том же духе [Kock.II.238; ср.125b]:

 Веселись и пей! Жизнь смертна, краток век наш на земле,
 Смерть одна бессмертна, стоит только раз лишь умереть.

И некий Бакхид, проживший жизнь подобно Сарданапалу, написал на могиле: d

Пей, ешь и предавайся всем желаниям!
Смотри, взамен Бакхида, камень, я стою.

15. Поэт Алексид в пьесе «Наставник в распутстве» (так утверждает Сотийон в сочинении «О силлах»³⁶ Тимона); но сам я нигде не нашел этой пьесы, хоть и перечел, делая выписки, более восьмисот пьес Средней комедии³⁷, – я даже не знаю никого, кто бы удостоил включить ее в каталог³⁸: ее нет ни у Каллимаха, ни у Аристофана [Византийского], ни у составителей пергамских каталогов), – так вот, Сотийон говорит, что в этой пьесе раб Ксанфий проповедует товарищам-рабам науку сладострастия такими словами [Коск. II.306]: e

Чего ты мне еще городишь?! Мелешь вздор, –
Ликей, да Одеон, да Академия³⁹,
Да вечный бред софистов! А хорошего
Нет на грош! Сикон, Сикон, давай-ка пить
И радоваться, что душа пока еще
У нас за тело держится. Ей-ей, Манес!
Поверь, дороже брюха нет, оно тебе
Отец и мать, опять на свет родившие.
Все доблести, посольства, власть военная –
Пустой набор лишь слов, как сон бессмысленный.
Уморит нас судьба, и в срок положенный,
Останется при нас, что съели, выпили,
А там – всё прах: и Кимон, и Перикл, и Кодр⁴⁰. f

16. Хрисипп говорит, что надгробие Сарданапала лучше бы изменить вот так [Кратет Фиванский. «Пародия на эпитафию Херила»; Палатинская антология. II.131]:

Зная, что смертным родился, старайся питать свою душу
Сладостью мудрых речей – не в еде для души ведь отрада.
Жалок я, евший так много и так наслаждавшийся в жизни!
Только с собой и унес я, что ум мой познал и что Музы
Дали прекрасного мне; а прочих благ я лишился.

337

Прекрасно сказал и Тимон:

Первейшее из зол – желанье.

17. Клеарх сообщает в книге «О пословицах» [FHG.II.319], что учителем Архестрата был Терпсион, который первым написал «Гастрологию» и указывал своим ученикам, чего следует избегать. О черепахе он симпро- b
визировал такой стих:

Ешь черепашину или не ешь ее⁴¹.

Или, как говорят другие:

Или не ешь, или ешь черепашину.

[ОСТРОУМИЕ ДОРИОНА]

18. Откуда же появился у вас, о мудрейшие, этот кулинар Дорион? Как будто был такой писатель! Мне известен один музыкант, носивший это имя; он был большим любителем рыбы, но никак не сочинителем. Как о музыканте упоминает о нем комедиограф Махон:

Придя в Милон однажды, Дорион-флейтист
 Никак не мог найти себе пристанища.
 Поэтому в ограде у святилища,
 Присел он отдохнуть (там не построены
 Еще ворота были), у служителя
 Спросил, что богу жертвовал: «Скажи-ка мне,
 Ради Афины, всех богов, любезнейший,
 Какого бога этот храм?» А тот в ответ:
 «Храм Зевсопосейдона⁴² пред собою зришь,
 О, чужестранец». И воскликнул Дорион:
 «Да как же можно постоянный двор найти,
 Где даже божества по двое селятся!»

Линкей же Самосский, ученик Феофраста и брат историка Дурида, ставшего тираном на своей родине, пишет в «Изречениях»: «Когда кто-то сказал флейтисту Дориону, что скат – хорошая рыба, тот ответил: «Конечно, он так же хорош, как вареный плащ». Когда другой расхваливал подбрюшья тунцов, Дорион сказал: «Они прекрасны, только есть их надо так, как это делаю я». Когда тот спросил: «Как же это?» Он ответил: «С удовольствием». О крабах он говорил⁴³, что им присущи три качества: досуг, приятный вкус и созерцание. Обедая на Кипре у Никокреонта⁴⁴, он похвалил какой-то кубок. Никокреонт ответил: «Если хочешь, тот же самый мастер сделает для тебя другой». Дорион же: «Он сделает его для тебя, а этот ты отдашь мне». Всё это сказано весьма неглупо, хотя бытует старое присловье, что

Мужу-флейтисту⁴⁵ ума не вдохнули бессмертные боги,
 С выдохом вместе своим он выдувает и ум».

19. Гегесандр в своих «Записках» рассказывает о нем следующее [FHG.IV.416]: «Бичуя раба, не купившего ему рыбы, лакомка Дорион приказал ему вслух перечислять рыб. Когда же тот стал называть орфа, главкиска, угря и тому подобных, он сказал: “Я приказал тебе перечислять рыб, а это боги⁴⁶”». Тот же Дорион говаривал в насмешку над описанием бури в «Моряке» Тимофея⁴⁷, что в кипящем горшке он видывал бури и страшнее. Аристодем же пишет во второй книге «Веселых записок» [FHG.III.310]: «Хромоногий музыкант Дорион, потеряв однажды на пире сандалий с хромой ноги, воскликнул: “Чтоб этому вору сандалий пришелся впору! – вот мое самое страшное проклятие”». А что этот Дорион слыл как любитель рыбы, ясно свидетельствует комедиограф Мнесимах

в пьесе «Филипп» [Kock.II.442]:

b

Нет, но и ночью в доме нашем Дорион,
Флейтист, без устали свистит над мисками.

20. Известно мне и о том, как шутил над рыбами Лас Гермионский; это записал в книге о нем Хамелеонт Гераклеийский. Там сказано: «Лас заявлял, что сырая рыба поджарена⁴⁸ (ὀπτός); многие удивлялись, а он брался доказать это таким рассуждением: всё, что можно услышать, есть слышимое (ἀκουστόν), а что можно постичь разумом, есть постижимое, точно так же всё, что можно видеть, есть видимое (ὀπτόν); следовательно, так как рыбу можно видеть, то она жареная (ὀπτός). Однажды он в шутку утащил у рыбака рыбу и передал соседу. Когда рыбак заставил его клясться, он поклялся, что у него нет этой рыбы и он не знает никого другого, кто ее стащил; взял он ее сам, а была она у соседа, которого он научил в свою очередь клятвенно отрицать, что тот стащил ее, и заявлять, что он не знает никого другого, у которого она была бы, потому что стащил ее Лас, а была она у него самого». Похожий каламбур можно найти у Эпихарма, например в «Речи и Слове»⁴⁹:

c

d

- На складчину (γ' ἔρανος) к Пелопу Зевс позвал меня.
- Дружок! Журавль (γῆρανος) – дурное угощение.
- Но я ведь не «журавль» сказал, а «складчина».

[ЛЮБИТЕЛИ РЫБНЫХ БЛЮД]

21. Алексид в «Деметрии» высмеивает некоего рыболоба Фаилла [Kock.II.314]:

В былые дни, когда свежо Борей и Нот⁵⁰
На море задували, не могли никак
Поесть мы рыбы. Нынче к прежним двум ветрам
И третий ураган, Фаилл, прибавился.
Он вихрем проливным бушует всякий раз,
Как явится на рынок; удаляется,
Всё как добычу унося военную.
Нам остается биться в зеленных рядах.

e

Некоторых рыбоедов перечисляет в «Рыбачке» Антифан [Kock.II.20]:

Подай нам каракатиц. О Геракл, Геракл!
Все жидкостью чернильной перепачканы.
Брось в море и помой их снова, Дория,
Чтоб не болтали, будто каракатиц ты
Немытых держишь. Краба же к анчоусам
Переложил: он очень толст, свидетель Зевс.
И кто ж, Каллимедонт⁵¹, тебя отведает?
Ей-ей, никто из тех, кто не был в складчине.

f

339

Вас, барабульки, Каллисфена славного
 Усладу, положу под руку правую –
 Он ради Барабульки всё имущество
 Решил проесть. Но кто же первым явится
 И заберет себе угря вот этого,
 С шипами, толще, чем Синопа⁵²? Наш Мисгол
 Не очень любит их. Но вот кифар лежит:
 Мисгол, его увидев, не удержится –
 Замечено, что очень уж он льнет тайком
 К пригожим кифаредам. И придется мне
 В объятия прекрасной Пифионики
 Отправить Пескаря: он так и прыгает.
 Он, хоть силен, но вряд ли ей понравится:
 Ее всё больше тянет на соленое.
 Афий и шипоноса-ската здесь сложу –
 Они, как Теано, такие ж тощие.

b

c

22. Здесь Антифан отлично выставляет на смех также и Мисгола за представления к пригожим кифаредам. Оратор Эсхин тоже говорит о нем в речи «Против Тимарха» [41]: «Сын Навкрата Мисгол, коллитиец⁵³, – человек во всем прекрасный и безупречный, только вот страшно любит, чтобы во-круг толпились кифареды и кифаристы⁵⁴. Я говорю это не затем, чтобы позлословить, а только чтобы вы знали, что это за человек». Также Тимокл пишет в «Сапфо» [Kock.Π.464]:

Не видно что-то, чтобы подходил к тебе
 Мисгол, хотя уж он к цветущим юношам
 Неравнодушен.

Алексид в «Состязательнице» или «Шарфике» [Kock.Π.298]:

О мать, молю, Мисголом не стражай меня,
 Ведь я не кифаред!

d

23. А что Пифионику тянуло на соленое, Алексид говорит потому, что ее любовниками были сыновья Хэрефила, торговца копченой рыбой. Поэтому Тимокл говорит в «Икарийцах»⁵⁵ [Kock.Π.459; ср.119f]: «...когда толстый Анит съест чего-нибудь, зайдя к Пифионике. Она ведь всякий раз приглашает его, когда угощает этих двух громадных скумбрий, сыновей Хэрефила». И еще [Kock.Π.458]:

Тебя охотно примет Пифионика,
 И съест, наверно, всё, что получил от нас
 В подарок, – эта баба ненасытная.
 Однако прикажи ей всё же дать тебе
 Корзинки⁵⁶ (σαῦρανας); ведь сейчас она по случаю
 Соленой рыбою богата: водится
 С двумя сапердами, хотя несолоны
 И плоскорылы.

e

А до них ее любовником был какой-то человек по имени Пескарь.

24. О Каллимедонте-Крабе Тимокл пишет в «Хлопотуне», что тот был большим рыболобом, а еще и косоглазым [Kock.Π.463; ср.104с-d]: f

А тут и Краб-Каллимедонт явился вдруг,
Болтать принялся с кем-то, но казалось мне,
Что глаз с меня не сводит, – я уверен был!
Конечно, ничего из болтовни его
Не понял я, кивал лишь только попусту.
Так значит, не туда, куда нам кажется,
Глядят его глаза.

Алексид в «Кратейе» или «Торговке снадобьями» [Kock.Π.337]: 340

– Я со зрачками (хόραι) уж четвертый день вожусь
Каллимедонтовыми⁵⁷.

– Это дочери (хόραι)

Его?

– Да нет, глаза, и их не выпрямит
И сам Меламп, целитель дщерей Претовых⁵⁸.

b

Подобным же образом он высмеивает Каллимедонта и в «Бегущих вместе». А за гурманство ему достается в «Федоне», или «Федрии»⁵⁹ [Kock.Π.388]:

– Коль боги захотят, тогда смотрителем
На рынке станешь, и тогда, пожалуйста,
Каллимедонта укроти, громящего
В день по два раза все прилавки рыбные.
– Я вовсе не желаю так тиранствовать –
На рынке так не делают смотрители:
Он сильный воин и хорош для города.

Те же стихи можно найти и в комедии «В колодец». В пьесе же «Мандра-горщица»⁶⁰ [Kock.Π.350]: c

Люблю я вас сильнее, чем всех других гостей!
Коли не так, то пусть угрем я сделаюсь,
Чтобы купил и съел Каллимедонт меня.

В «Кратейе» же [Kock.Π.337; ср.315b]:

С Орфеем-Орфом⁶¹ рядом Краб-Каллимедонт.

Антифан в «Горгите» [Kock.Π.42]:

Коли затеял, уж того не брошу я,
Как рыбью голову наш Краб-Каллимедонт.

Эвбул в «Спасаемых» [Kock.Π.167]: d

Другие же, сплетенные с богами...
Придут с Каллимедонтом, он единственный
Из смертных может рыбу всю соленую
С еще шипящих мисок проглотить зараз
И ни кусочка не оставить.

В то же время Феофил во «Враче» высмеивает его холодность как оратора⁶² [Kock.II.474]:

Всякий юноша охотно услужить готов ему.
[Раздобыв] угря кусочек, выставляет пред отцом.
«Вот кальмар прелестный, папа!», «А хорош ли этот краб?»
Тот в ответ: «Такой холодный! Убери-ка ты его.
Мне ораторы противны».

Филемон же в «Преследователе» [Kock.II.489]:

Когда перед Агиррием поставили
Мы краба, он воскликнул: «Здравствуй, батюшка!»
И что ж он сделал? – Съел родного батюшку!

Ссылаясь на этот отрывок, ученик Кратета Геродик доказывает в своих «Пестрых записках», что Агиррий был сыном Каллимедонта.

25. Были и другие любители рыбы. Как рассказывает Гегесандр⁶³, поэт Антагор не позволял рабу поливать рыбу маслом, но только мыть ее. Он также пишет [FHG.IV.416]: «Когда царь Антигон увидел, как Антагор однажды в лагере, подпоясавшись⁶⁴, варит угря, он спросил его: «Антагор, как по-твоему, если бы Гомер варил угрей, мог бы он воспеть подвиги Агамемнона?» Антагор отлично ответил: «А по-твоему, смог бы Агамемнон совершить свои подвиги, если бы всё высматривал, кто у него в лагере варит угрей?» В другой раз Антагор варил курицу и не хотел идти в баню, опасаясь, что кто-нибудь из рабов отхлебнет бульона. Филокид сказал, что за этим присмотрит мать, но Антагор ответил: “Как же я могу доверить матери куриный бульон?”»

Живописец Андрокид Кизикский тоже был любителем рыбных блюд, как рассказывает Полемон, и дошел в своем сластолюбии до того, что на картине «Скилла»⁶⁵ с особой любовью написал рыб, ее окружавших.

26. О дифирамбическом поэте Филоксене Киферском комедиограф Махон пишет так:

Как слышал я, поэт дифирамбический
Киферский Филоксен все блюда рыбные
Любил самозабвенно и поэтому
Однажды в Сиракузах исполинского
Взял осьминога в два локтя и съел всего,
Лишь голову оставил. Тут же схваченный
Поносом жутким, чуя приближение
Кончины, он врача зовет. Тяжелого
Больного видя, тот сказал: «Послушай-ка,
Быть может, у тебя дела расстроены,
Устрой их побыстрее: через семь часов
Умрешь». И Филоксен: «Давно дела мои
В порядке, врач: с благословенья божьего
Оставляю дифирамбы в полной зрелости,

В венках, сестрицам-Музам посвященными [...]
 И будет Дионис им попечителем
 Совместно с Афродитой. Растолковано
 Всё точно в завещании. Но вот уже
 Харон (что из «Ниобы» Тимофеевой⁶⁶)
 Велит мне на ладью взойти не мешкая.
 Увы, зовет меня судьбина мрачная,
 Ее же никому нельзя послушаться,
 Но чтобы при себе имел я всё свое,
 Дай мне доесть от осьминога голову!»

d

И в другом месте:

Киферский Филоксен, как говорит молва,
 Молил богов о шее в три локтя длиной:
 «Чтобы как можно дольше я куски глотал
 И чтоб вкушал все блюда одновременно».

Ведь и киник Диоген скончался оттого, что съел осьминога сырым⁶⁷, и у него раздулся живот. А еще о Филоксене пародист Сопатр пишет следующее:

e

Сидит ведь он меж порциями рыбными,
 Любуясь видом Этны⁶⁸ живописнейшим.

27. Любителем рыбных блюд был и оратор Гиперид, как свидетельствует в «Делосе» комедиограф Тимокл. Рассказывая о бравших взятки у Гарпала⁶⁹, он пишет [Kock.Π.452]:

f

– И Демосфен талантов пятьдесят забрал.
 – Счастлив, когда ни с кем он не поделится!
 – Мерокл еще присвоил много золота.
 – Дающий глуп и счастлив получающий.
 – Демон и Каллисфен уволокли свое.
 – То были бедняки, и я прощаю их.
 – Взял что-то также языкастый Гиперид.
 – Ну он-то оживит торговлю рыбную:
 Он рыбоед и чаек всех сирийцами
 Оставит⁷⁰.

342

И в «Икарийцах» тот же поэт говорит [Kock.Π.458]:

И рыбой реку Гиперид кишащую
 Ты перейдешь. Она встречает каждого
 Вступающего самым сладким голосом,
 Потом бурлит, хвалясь своей разумностью.
 Потом твердит одно и то же взад-вперед,
 За взятку орошая поле давшего.

Филетер добавляет в «Асклепии», что Гиперид был не только лаком-кой, но и игроком, как и оратор Каллий⁷¹, обличаемый Аксиоником в

b

«Поклоннике Еврипида» [Kock.Π.230]:

Другую же рыбу,
Гордую ростом,
Принес в эти места на плечах
Некий пойманный в море Главк⁷²
В пищу рыбоедам,
На радость лакомкам.
Какова же будет приправа ей?
Желтым ли увлажнивши соусом,
Умастив ли
Каплями кусачего рассола,
Я предам ее пылающему огню?
Некто молвил, что ее, уваренную
В жарком рассоле, поглотил бы
Дышущий в флейты Мосхион⁷³.
Но вопит он и корит тебя, Каллий.
Что твоя-де радость – смоквы и соленья,
Но не власть тебе истинная рыба.

с

Смоквы здесь означают упрек в доносительстве⁷⁴, а соленая рыба, несомненно, намек на похоть⁷⁵. Гермипп в третьей книге «Об учениках Исократа» пишет [FHG.III.50], что Гиперид всегда с утра прогуливался по рыбному рынку.

d

28. Тимей Тавроменийский пишет, что любителем рыбных блюд был и философ Аристотель. Таков же был и софист Матон⁷⁶; это видно из Антифанова «Кифареда», который начинается словами «Нет, он не врет» [Kock.Π.58]:

Явился кто-то, взялся глаз выдавливать,
Как то Матон с несчастной рыбой делает.

Также и Анаксилай в «Затворнике» [Kock.Π.269; 307с]:

Кестрея голову
Сожрал Матон, похитив! я погиб.

e

Вывать пищу во время еды, да к тому же голову кестрея, – это просто верх обжорства; может быть, знатоки найдут в кестреевой голове что-нибудь особо полезное, однако нам, не имея Архестратова чревоугодия⁷⁷, этого не понять.

29. Целый перечень любителей рыбных блюд предлагает Антифан в следующих стихах из «Богачей» [Kock.Π.89]:

На пальце с перстнем, в дорогих сандалиях
Стоял Эвтин, натертый благовоньями,
Задумывая что-то сделать с рыбками,
А Феникид, Таврей милейший, издавна
Одним глотком переглотать готовые
Все рыбные куски на рынке лучшие,

f

Так те, его завидев, чуть не умерли,
 И от нехватки рыбы были в ярости.
 Они клялись пред кучками сторонников:
 «Так дальше жить нельзя, нельзя терпеть того,
 Что тратим деньги мы, деремся на море,
 А рыбы ни на грош сюда не ввозится.
 Какой же толк от островных правителей?
 Давно могли б нужде мы воспрепятствовать,
 Законом обязав их конвоировать
 Все корабли, что с рыбой. А теперь Матон
 Всех рыбаков прибрал к рукам, Диогитон
 Всех убедил, чтобы улов несли ему, –
 Я Зевсом поклянусь! Он обжирается,
 Вершит в дому дела антинародные:
 Всё свадьбы да попойки там веселые...»

343

Эвфрон в «Музах» [Kock.III.321]:

b

Когда увидел Феникид среди юношей
 Горшок кипящий, весь набитый доверху
 Детьми Нереевыми⁷⁸, он хоть в гневе был,
 Но руки удержал: «Кто возомнил себя
 Из общего котла таскать тут мастером,
 Из кучи похищать куски горячие?
 Где Фиромах, где мощный Нил, где Жавронок⁷⁹?
 Пускай сразится с нами, и, скорей всего,
 Ни крошки не получит!»

30. Таков же был и трагический поэт Меланфий, писавший также элгии. В комедиях его высмеивают за чревоугодие Левкон в «Товарищах по фратрии»⁸⁰ [Kock.I.704], и Аристофан в «Мире» [804сл.], и Ферекрат в «Широкой» [Kock.I.185]. В комедии «Рыбы» Архипп [Kock.I.685] вяжет его и отдает рыбам, чтобы те съели его за то, что он ел их.

c

Был рыболобом и сократик Аристипп⁸¹, которого, как рассказывают Сотион и Гегесандр [Дельфийский], сам Платон бранил за чревоугодие; дельфиец пишет так [FHG.IV.416]: «Платон однажды выругал Аристиппа за то, что тот накопил много рыбы; а тот ответил, что заплатил за нее только два обола. Платон воскликнул, что за такую цену он и сам бы взял, и Аристипп сказал: “Видишь, Платон, выходит, что не я чревоугодник, а ты корыстолюбец”».

d

Антифан во «Флейтистке» или «Близнецах» высмеивает за чревоугодие какого-то Феникида [Kock.II.30]:

Десятилетье Менелай с троянцами
 Провоевал за женщину прекрасную,
 А Феникид с Тавреей за угря.

31. Оратор Демосфен [XIX.229] бранит за распущенность и чревоугодие некоего Филократа⁸², скупавшего девок и рыбу на деньги, выручен-

e

ные от продажи родины. Гегесандр рассказывает [FHG.IV. 416], что когда кто-то спросил обжору Диокла, какая рыба лучше, угорь или морской окунь, тот ответил: «Первый хорош вареным, второй – жареным». Лакомой был и Леонтей, трагический актер из Аргоса, ученик Афиниона⁸³. Как пишет Амарант в книге «О театре», он был рабом мавританского царя Юбы⁸⁴, и однажды после его неудачной игры в трагедии «Гипсипила» Юба сочинил следующую эпиграмму:

Я, Леонтей, мной вещает поэт, артишоки любивший⁸⁵,
 Но не надейся во мне внять Гипсипилы печаль⁸⁶.
 Прежде был другом я Вакху, и уши его золотые
 Не наслаждались ничьим пением так, как моим.
 Ныне жаровни на ножках, горшки, сковородки сухие
 Гласа лишили меня, преданного животу.

32. Гегесандр рассказывает также [FHG.IV.417], что однажды большой любитель рыбы Фориск никак не мог отрезать от рыбы, сколько хотел, но всякий раз прихватывалось гораздо больше; тогда он воскликнул [Софокл. «Антигона».714]:

Противящийся – с корнем исторгается!

и уничтожил всю рыбину. Бийон же, после того как кто-то оторвал от рыбы верхнюю половину, перевернул остаток и уничтожил его дочиста, приговаривая [Еврипид. «Вакханки».1129]:

Ино с обратной стороны набросилась⁸⁷.

Когда у лакомки Диокла умерла жена и тот стонал на поминках, не переставая уписывать за обе щеки, хиосец Феокрит сказал ему: «Перестань хныкать, негодник, это же мешает тебе обжираться». Позднее, когда Диокл уже проел все свои земли и, проглотив однажды горячую рыбу, принялся кричать, что у него горит всё нёбо⁸⁸, Феокрит сказал: «Тебе остается выпить еще и море – и ты уничтожишь все три стихии: землю, небеса и море».

Клеарх в «Жизнеописаниях» описывает одного рыбоеда [FHG.II.308]: «Технон, старинный флейтист, когда умер флейтист Харм (большой любитель рыбы), совершил на его могиле жертву жареными рыбешками».

Любителем рыбы, как пишет Линкей Самосский, был и поэт Алексид; когда какие-то зубоскалы спрашивали, чего бы он охотнее всего поел, Алексид ответил: «Жареных болтунов⁸⁹ (σπερμολόγοι)». 33. Был рыболобом и трагический поэт Нотипп⁹⁰, о котором Гермипп пишет в «Мойрах» [Kock.I.236]:

Если б эта порода людская на нас
 походила в уменье сражаться,
 И вели б их гигантский зажаренный скат,
 да свиной бок, то дома оставить

Можно было бы всех остальных, и Нотипп
в одиночку охотно пошел бы.
Ибо он и один проглотил бы легко
всю Пелопоннесову тушу⁹¹.

Что это именно поэт Нотипп, видно из Телеклидовой комедии «Гесиоды» [Kock.I.214].

Платон в «Отребье» высмеивает за чревоугодие трагического актера Минниска [Kock.I.642]:

– Вот для тебя есть Орф от Анагирунта.
– Я знаю, дружит с ним Минниск халкидянин.
– Ты верно говоришь.

е

За это же высмеивают прорицателя Лампона⁹² Каллий в «Скованных» [Kock.I.697] и Лисипп в «Вакханках» [Kock.I.702]. Кратин упоминает его в «Беглых рабах» [Kock.I.30]:

Лампона, кого не мог
Декрет удержать ни один от пира дружеского, –

добавляет:

Отрывает опять,
Ведь жадно он жрет всё, что есть; за султанку стал бы драться.

f

34. Гедил, перечисляя в своих эпиграммах лакомок, упоминает некоего Федона:

...Федон ведь сумел принести капусту морскую,
К ней еще вдосталь колбас. Столь ненасытен арфист.

В следующих стихах – Агида:

Сварена рыбка – засов на дверь наложи поскорее,
Как бы Агид не пришел, чашек и мисок Протей⁹³.
Он ведь водой и огнем и чем хочешь предстанет...

345

.....

Знаю, сюда прибежит, подобно Зевсу, когда тот
Ливнем золотого дождя⁹⁴ в миску Акрисия тек.

Таким же образом высмеивается и некая женщина Клио:

Ну и жадна ты, Клио! Не могу тебя видеть. Одна ешь!
Угорь перед тобой, драхма ему вся цена.
Дай только мне поясок или серьгу, или залог подороже,
Или еще что-нибудь... Лишь бы не видеть... Молчу.
Ты – Медуза моя. Камень же, несчастный, я стану
Не от Горгоны⁹⁵, поверь! Угорь для чаши готов!

b

35. Аристодем пишет в «Забавных записках» [FHG.III.310], что лакомка Эвфранор, услышав, что другой лакомка умер, проглотив горячий кусок

c

рыбы, воскликнул: «О смерть, ты святотатец!» Когда перед рыболобами Киндоном и Димилом поставили блюдо с главком и больше ничего, то Киндон вцепился в рыбий глаз, а Димил в его собственный глаз и затеял драку, крича: «Отпусти, тогда и я отпущу!» Однажды на пиру вынесли прекрасное рыбное блюдо, и Димил, чтобы съесть его одному, плюнул в него.

- d Зенон Китийский, основатель Стои, обедал у одного чревоугодника, с которым он долго жил рядом, как рассказывает Антигон Каристийский в жизнеописании Зенона. Случилось так, что на стол подали большую рыбу и больше ничего. Зенон взял рыбу с блюда, как будто собирался съесть ее целиком, а когда хозяин глянул на него с изумлением, сказал: «А что же, по-твоему, чувствуют твои соседи, если ты моего обжорства и один раз не смог вынести?» Истр же рассказывает, что поэт Херил⁹⁶ получал от Архелая⁹⁷ четыре мины в день и все их тратил на лакомства, потому что
- e был чревоугодником. Небезызвестны мне также и рабы-рыбоеды, о которых упоминает Клеарх в сочинении «О песчаных пустынях» [FHG.II.325]. Он пишет, что египетский царь Псамметих⁹⁸ содержал рыбоедов, желая отыскать с ними источники Нила, а других рабов приучал не пить воды, желая исследовать ливийские пустыни (из них выжили только немногие). Известно мне также о быках из окрестностей фракийского Мосина, кормящихся рыбой, которую бросают им в ясли. Феникид же бывало приговаривал, разнося рыбу только уплатившим складчину, что море принадлежит всем, но рыба в нем – только тем, кто за нее заплатил.
- f 36. Друзья мои, кроме существительного «чревоугодник» (ὄψοφάγος), имеется еще и глагол «чревоугодничать» (ὄψοφαγεῖν). Аристофан в «Облаках» (вторых)⁹⁹ [983]:

В кулачок не смеялись, не крали сластей (ὄψοφαγεῖν).

Кефисодор в «Свинье» [Kock.I.802]:

Не чревоугодник, не болтун.

Махон в «Послании» [Kock.III.325]:

346

Чревоугодник я. А это главное
В поваренной работе: не желающий
Испортить переданную провизию,
Питать к ней должен сильное влечение.
Не оплошает повар, относящийся
К своим делам с потребным разумением.
Опять же, если вкус и обоняние
Чисты, не промахнешься. И за варкою
Почаще пробуй: соли мало – сыпь ее!
Недостает другого после этого –
Пока не станет вкусным, всё отведывай.
Как будто за струной струну ты пробуешь
Натягивать на лире¹⁰⁰. А когда сочтешь,

Что блюда зазвучали согласованно,
 То выводы свой хор.....
Николайд Миконский¹⁰¹.....

b

Помимо этих гурманов, друзья мои, я знаю еще почитаемого в Элиде Аполлона Чревоугодника¹⁰². О нем упоминает в «Послании к Атталу» Полемон. Мне известно также, что в Писатиде имеется картина Клеанфа Коринфского¹⁰³, хранящаяся в храме Артемиды Алфейской: на ней Посейдон приносит тунца мучающемуся родами Зевсу¹⁰⁴. Об этом рассказывает Деметрий [Скепсийский] в восьмой книге «Троянского строя»¹⁰⁵.

c

37. Всё это дополнительное угощение, – добавил Демокрит, – я приготовил вам собственноручно, хотя, зная нашего во всех отношениях превосходного Ульпиана, пришел сюда отнюдь не ради рыбных блюд – он ведь, следуя обычаям своих предков, обездолил нас рыбою¹⁰⁶ и оделил иными сирийскими затеями. Однако пишет же стоик Антипатр Тарсский в четвертой книге «О предрассудках»¹⁰⁷, что некоторые авторы утверждают, будто сирийская царица Гатида была такой любительницей рыбных блюд, что запретила своим подданным есть рыбу без Гатиды (ἄτερ Γάτιδος), и только по невежеству многие после этого отказались от рыбных блюд, царицу же называли Атаргатидой¹⁰⁸. А во второй книге сочинения «Об Азии» Мнасей пишет так [FHG.III.155]: «Атаргатиды, по-видимому, была злобной царицей, жестоко правила своими подданными и даже запретила им есть рыбу, а приказала относить ей, потому что любила это кушанье. Поэтому до сих пор сохраняется обычай, молясь богине, подносить ей серебряных и золотых рыбок; жрецы же каждый день подают богине на стол настоящих рыб, вареных или жареных, которых они поедают сами». И немного далее: «Атаргатиды, как пишет Ксанф Лидийский [FHG.I.38], за свою жестокость была схвачена лидийцем Мопсом и вместе с сыном Ихтием (Рыба) брошена в Аскалонское озеро¹⁰⁹, где ее и съели рыбы». 38. Да еще вы, друзья мои, может быть намеренно пропустили ту рыбу [ср.284с], которой угощали Гериона¹¹⁰ в одноименной комедии Эфиппа. Там сказано [Kock.II.252]:

d

e

f

Когда поймается рыба в сеть
 Не из тех, что ловятся каждый день,
 А ростом с остров такой, как Крит, –
 То ее несут на блюде царю,
 На блюде, годном для тысячи рыб.
 А все народы, что там живут,
 Синдийцы¹¹¹, ликийцы, мигдонцы,
 Кранайцы, пафийцы – все в лес по дрова
 Идут, чтоб рыбу сварить царю.
 Одни дров навалят, сколько вместит
 Их город, другие огонь разожгут.
 Рассол же готовят в озере,
 А соли – гора, восемь месяцев

347

b

Упряжки быков везут ее.
И десятивесельных пять челнов
По краю блюда плавают,
Приказы везут: «Ликийский притан,
Огонь разожги – бока холодны!
Не дуй на огонь, македонский вождь,
Сейчас наша рыба подгорит!
А ты огонь погаси-ка, кельт!»

c Эти же стихи Эфипп повторил и в пьесе «Пельтаст»¹¹², добавив к ним следующие [Kock.Π.261]:

И вот, меля подобный вздор,
Он припеваючи живет,
Повсюду мальчики любят его,
Хотя даже камешки вряд ли бы смог
Он пересчитать¹¹³, и гордо свою
Хланиду¹¹⁴ плут по земле волочит.

А на что здесь намекает Эфипп, – об этом, благородный У л ь п и а н, скажи теперь ты и объясни нам всё по слову эсхиловского Прометея [814]:

Когда темна, косноязычна речь моя,
Переспроси, всё выпытай старательно.
Досуга больше у меня, чем сам хочю».

d 39. Однако тут К и н у л ь к завопил: «Да разве справится этот Ульпиан не с большою рыбой, а с большой задачей? Ему бы только косточки вытаскивать из пескарей¹¹⁵, да корюшки, да прочей мелюзги, а на крупные куски он не обращает внимания. Как

И на блестящих и роскошных трапезах, –
говорит Эвбул в «Иксионе»¹¹⁶ [Kock.Π.176; ср. 169f, 300c, 417c],

Где пироги разложены тончайшие,
Укропом, сельдереем угощаются,
Другими пустяками, приготовленным
Для них лишь кардамоном, –

e вот так же, мне кажется, и наш Ульпиан, «Харон с лоханью»¹¹⁷, как сказал бы мой земляк¹¹⁸ Керкид Мегалополитанский, не берет в рот ничего, достойного мужчины, а только выслеживает, не упустит ли кто в своей еде какой-нибудь колючки, хрящика или косточки, и нет ему дела, что благородный и великолепный Эсхил говорил, что его трагедии – лишь крошки от великих пиров Гомера. А ведь Эсхил был великий философ, и когда однажды незаслуженно потерпел поражение (об этом пишет Феофраст или Хамелеонт в книге «О наслаждении»), то сказал, что посвящает свои трагедии вечности, и там его ждет достойная награда.

f 40. Разве знает Ульпиан, что сказал Стратоник кифареду Пропину родосскому? А Клеарх в книге «О пословицах» [FHG.Π.319] пишет: когда

Стратоник увидел, что Пропин ростом велик, а искусством куда ничтожнее, то на вопрос, каков ему кажется Пропин, он ответил: «Плохой никакая большая рыба не бывает»¹¹⁹. Первым словом он намекнул, что Пропин плох, вторым – что он «никакой», и, наконец, что, будучи большим, он безголос как рыба. Феофраст же в книге «О смехе» [fr.310] пишет, что это о льстеце Симики Стратоник сказал «гнилой большая рыба не бывает» [Демосфен. «О венке».262]. Об этой поговорке Аристотель пишет в «Нак- 348
сосской Политии» [fr.510]: «Большая часть состоятельных людей на Нак-
сосе¹²⁰ жила в городе, остальные были рассеяны по деревням. В деревне
под названием Лестады жил Телестагор, человек очень богатый, извест-
ный и уважаемый в народе: каждый день ему подносили подарки. Когда
городские покупатели предлагали за сельские товары слишком мало, про-
давцы часто говорили, что лучше даром отдадут добро Телестагору, чем
продавать за такую цену. И вот какие-то юнцы, покупая большую рыбу, 3
услышали то же самое от продававшего ее рыбака; им надоело слышать
такие слова, они, подвыпив, отправились гурьбой к Телестагору. Он при-
нял их ласково, а они набросились на него и двух его дочерей на выданье.
Граждане возмутились, взялись за оружие и напали на обидчиков. Нача-
лась великая смута, во главе граждан встал Лигдамид, и как военный
вождь сделался тираном отечества...»¹²¹

[ВЕСЕЛЫЕ ИСТОРИИ О КИФАРИСТЕ СТРАТОНИКЕ]

41. Однако, раз уж я вспомнил о кифаристе Стратонике¹²², думаю, что 4
сейчас самое время рассказать кое-что о его метких и остроумных отве-
тах. Обучал он игре на кифаре, и в училище у него было девять статуй муз
и одна Аполлона, а учеников – только двое; но на вопрос, сколько у него
учеников, он ответил: «Благодаря богам, двенадцать!» А однажды он при-
ехал в Миласу¹²³ и увидел, что народу в городе мало, а храмов много; тог- 5
да, встав посреди площади, он [вместо того, чтобы начать: «слушайте, лю-
ди!»] начал: «слушайте, храмы!». Махон же написал о нем такие записки:

Пришел Стратоник в Пеллу¹²⁴ македонскую.
Он был наслышан, что у многих в городе
Больные селезенки и распухшие.
Однако, в бане у огня пристроившись,
Увидел он толпу цветущих юношей
Как на подбор и всех с телами крепкими,
Тогда сказал он, что предупреждавшие
Его ошиблись; но, когда на выходе
Увидел он, что селезенка сторожа
Громадней живота, сказал немедленно:
«Мне кажется, что сторожит он, сидя здесь,
С плащами селезенки посетителей,
Чтоб толкотни внутри излишней не было».

К плохому кифаристу в гости как-то раз
 Зашел Стратоник; тот ему за выпивкой
 Свое искусство принялся показывать.
 Обед претенциозен и роскошен был,
 Стратоник наш, пресытись этой музыкой,
 Но не имея вовсе собеседника,
 Разбил свой кубок, взял другой, поболее,
 Взглянул на солнце и потом свалился спать,
 Всё остальное вверив провидению.
 Приходят в дом веселые приятели
 И видят, что Стратоник спит, мертвецки пьян.
 Потом спросили, почему напился он
 Так сильно и свалился? Он отвечал:
 «На пире кифарист негодный¹²⁵, как быка
 При яслях, заколол меня злокозненно».

- b Отправившись на игры, учрежденные
 В Абдерах¹²⁶, он нашел у местных жителей
 По одному глашатаю у каждого,
 Чтоб каждый наступление новолуния
 Провозглашал, когда ему захочется¹²⁷;
 Поняв, что слишком много здесь глашатаев
 Для жителей столь небольшого города,
 Стратоник, осторожно встав на цыпочки,
 Пошел обратно, вглядываясь пристально
 Себе под ноги, а когда спросил его
- c Какой-то гость, что за болезнь случилась вдруг
 С его ногами, то Стратоник так в ответ
 Сказал: «Суставы все мои целехоньки,
 На пир я прибегаю всех льстецов быстрее,
 Но жуткий страх снедает сердце – как бы мне
 Не наступить на трубача¹²⁸-глашатая».

Флейтист худой на жертвоприношении
 Играть собрался, но опередил его
 Стратоник: «Друг, благоговей в безмолвии¹²⁹:
 Сначала совершим мы возлияние
 И вознесем богам молитвы чистые».

- d Какой-то кифаред Клеон, по кличке Бык,
 Фальшиво пел, бряцал на лире варварски.
 Его услышав, произнес Стратоник наш:
 «Про лиру и осла¹³⁰ была пословица –
 Теперь про лиру и Быка подумаем».

Стратоник-кифарист немало времени
 Провел на Понте у царя понтийского,

Берисада¹³¹, а как засобирался он
 В Элладу, то узнал, что вряд ли выпустят.
 Тогда, как говорят, воскликнул кифарист:
 «Так ты, Берисад, значит здесь останешься?»

Заехал раз в Коринф Стратоник. Там взялась
 Старушка ветхая его разглядывать –
 Где б ни был он, куда б ни шел – ходить за ним.
 Стратоник, наконец: «Мать! Ради всех богов,
 Скажи, чего ты хочешь, что ты ищешь здесь?»
 Ответила старушка: «Удивительно,
 Что мать тебя носила десять месяцев,
 И все-таки ее утроба вынесла,
 А ты замучил город за единый день»¹³².

С рабыней вместе, со своей наперсницей,
 Войдя на пир, жена Никокреонтова¹³³,
 Аксиотея, с громким треском пукнула
 И тут же наступила на миндалину.
 Под сикионским башмачком¹³⁴ та треснула.
 Услышав это, кифаред наш так сказал:
 «На первый звук второй нисколько не похож».
 Однако ночью из-за слова смелого
 Он поплатился, в волны моря брошенный¹³⁵.

Негодный кифаред в Эфесе, кажется,
 Другьям своим ученика показывал.
 По случаю там был Стратоник, он сказал:
 «Кто сам себя негоден пенью выучить,
 Уча других, еще негодней кажется».

42. Клеарх во второй книге сочинения «О дружбе» пишет [FHG.II.313]:
 «Кифарист Стратоник перед сном всегда приказывал рабу принести ему
 пить: “Не оттого, что мне сейчас хочется пить, – говорил он, – а для того,
 чтобы потом не захотелось”».

В Византии¹³⁶ один кифаред хорошо пропел вступление к песне, но затем стал фальшивить; тогда Стратоник встал и объявил: «Кто мне найдет того кифареда, который пел вступление, тому я заплачу тысячу драхм». На вопрос, кто самые негодные люди, он ответил: «Фаселийцы – самые негодные¹³⁷ в Памфилии, а сидейцы – самые негодные на свете». Далее, по словам Гегесандра [FHG.IV.415], на вопрос, кто невежественнее – беотийцы или фессалийцы, он ответил: «Элидяне». В своем училище он поставил трофей и написал на нем: «От побед над дурными кифаристами». На вопрос, какие корабли безопаснее, длинные военные или круглые торговые, он сказал: «Вытащенные на берег»¹³⁸.

Однажды он выступал на Родосе, но никто ему не хлопал; тогда он ушел из театра со словами: «Вам жалко даже того, что ни гроша не стоит:

какой же мне от вас ждать награды?» Он говорил: «Пусть элидыне устраивают¹³⁹ гимнастические состязания, коринфяне – музыкальные, афиняне – театральные, а спартанцы пускай бьют за ошибки состязающихся». Так он насмеялся над спартанским обычаем бичеваний, по утверждению Харикла в первой книге «О состязании городов» [FHG.IV.360].

Когда царь Птолемей¹⁴⁰ слишком запальчиво спорил с ним об искусстве игры на кифаре, он сказал: «Царь, иное дело – скиптр, а иное – плектр»¹⁴¹. Так говорит эпический поэт Капитон в четвертой книге «Воспоминаний», посвященных Филопаппу¹⁴².

Приглашенный на выступление одного кифареда, он послушал его и сказал [Ил.XVI.250]:

Дал ему вышний владыка одно¹⁴³, а иное отвергнул.

А на вопрос: «Что же именно?» – он ответил: «Дал ему плохо играть и не дал хорошо петь».

Однажды упала балка и убила одного дурного человека. «Видите, граждане, – воскликнул Стратоник, – есть боги! а если нет богов, то есть, по крайней мере, балки»¹⁴⁴.

43. В дополнение к рассказанному, [Каллисфен]¹⁴⁵ пишет так в своих «Записках о Стратонике». – Когда отец Хрисогона¹⁴⁶ говорил, что у него есть целый театр на дому: сам он постановщик, один его сын пишет драмы, а другой играет на флейте, – Стратоник сказал: «Одного только тебе не хватает». – «Чего?» – спросил тот. – «Публики на дому», – ответил Стратоник.

На вопрос, почему он странствует по всей Элладе, а не поселится в каком-нибудь одном городе, он ответил, что все эллины достались ему в подарок от Муз, и он теперь собирает с них штраф за то, что Музы от них отказались¹⁴⁷. О флейтисте Фаоне¹⁴⁸ он говорил, что в его игре царит не Гармония, а Кадм¹⁴⁹. Когда Фаон хвастался, что он – настоящий флейтист и что он нанял себе в Мегарах настоящий хор, Стратоник сказал: «Врешь: не ты его нанял, а он тебя нанял».

Он говорил, что больше всего на свете удивляется матери софиста Сатира¹⁵⁰: как могла она носить целых десять месяцев человека, которого ни один город не может вынести и десяти дней! Узнав, что этот Сатир приехал в Трою на Троянские игры, он сказал: «Трое всегда не везло».

Когда сапожник Миннак стал спорить с ним о музыке, Стратоник ему сказал: «Мне до тебя дела нет, коли ты судишь выше сапога»¹⁵¹. Дурному врачу, говорил он, достаточно дня, чтобы отправить в Аид своих больных. Встретив одного знакомого и увидев, как начищены у него сандалии, он стал сочувствовать его бедности, полагая, что сандалии не блестели бы так, если бы хозяин не чистил их своими руками. В Тихиунте Милетском¹⁵², где жили метеки, он увидел на всех могилах имена иноземцев и сказал рабу: «Идем скорей отсюда: все приезжие здесь умирают, а из местных жителей никто». Кифаристу Зету, рассуждавшему о музыке, он ска-

зал: «Уж тебе-то вовсе не к лицу болтать о музыке, коли ты выбрал себе самое чуждое музам имя и зовешься не Амфион, а Зет»¹⁵³. Обучая некоего македонца игре на кифаре, он рассердился, что тот ничего толком не умеет сделать, и крикнул: «В Македонию!»¹⁵⁴

44. Однажды он выходил из холодной и убогой бани, кое-как помывшись, и увидел по соседству пышное святилище. «Не удивительно, – сказал он, – что здесь такая уйма благодарственных табличек¹⁵⁵: каждый, кто здесь помылся, должен благодарить богов за то, что остался жив».

В Эносе¹⁵⁶, говорил он, стоит восемь месяцев мороз и четыре месяца стужа. О приморских понтийцах¹⁵⁷ он говорил, что они спаслись из морской пучины, разумея «от гибели»; родосцев называл «белокожими киренейцами»¹⁵⁸ и «городом женихов», Гераклею – «мужским Коринфом»¹⁵⁹, Византий – «подмышкой Эллады, левкадян – «коринфянами второго по-мола»¹⁶⁰, амбракийян – «мембракидянами»¹⁶¹. Покидая Гераклею, он вышел за ворота и стал озиаться по сторонам; на вопрос, зачем он это делает, он сказал, что ему стыдно попасться кому-нибудь на глаза, выходя из такого блудилища.

Увидев большую колодку, в которой сидело только двое преступников, он сказал: «Что за городишко! и на колодку-то народу не наберут!» – Когда с ним спорил о гармонии музыкант, прежде бывший садовником, он сказал ему:

Пусть каждый поливает то, что высадил¹⁶².

Однажды в Маронее¹⁶³ за вином он сказал собутыльникам, что помнит, где живет, на тот случай, если его придется вести домой пьяного; а когда он напился и его спросили, куда же его вести, он ответил: «В кабак!» – потому что вся Маронее казалась ему кабаком. А когда Телефан, лежа рядом с ним, стал играть на флейте, Стратоник ему крикнул: «Перестань рыгать!»

Банщику в Кардии¹⁶⁴, который вместо щелочи дал ему землю негодную, а воду – соленую, он сказал: «Ты меня осаждаешь с земли и с моря!» 45. Победив в Сикионе своих соперников, он посвятил награду в храм Асклепия, сделав на ней надпись: «Посвятил Стратоник, взяв добычу с плохо играющих на кифаре». После того как какой-то певец пропел песню, он спросил, чья это мелодия. Когда тот ответил, что Каркина (Краб), он сказал: «Понятно, что не человека». Он говорил, что в Маронее весны не бывает, – одна жара¹⁶⁵. В Фаселиде раб Стратоника бранился с банщиком, который, по обычаю, хотел с них как с иностранцев взять дорожje. «Злодей! – крикнул ему Стратоник¹⁶⁶, – за какой-то грош ты хочешь сделать меня фаселийцем!» Бедняку, который восхвалял его в надежде пожить-ся, он сказал, что куда бедней его. Давая уроки в маленьком городишке, он заметил: «Что-то ваш городок больно короток!»¹⁶⁷ В Пелле он подошел к колодцу и спросил, можно ли пить здешнюю воду. «Да мы-то пьем», – отвечали водоносы. «Стало быть, нельзя», – сказал Стратоник, потому что водоносы были бледные и худые.

Прослушав «Роды Семелы» Тимофея, он воскликнул: «А каково бы
 она кричала, кабы рожала не бога, а подрядчика!»¹⁶⁸ Когда Полиид хва-
 бился, что его ученик Филот победил Тимофея, Стратоник сказал: «Ты
 разве не знаешь, что твой Филот сочиняет указы, а Тимофей законы¹⁶⁹
 (νόμοι)?» Кифареду Арею, который ему докучал, Стратоник сказал:
 «Пой до дна¹⁷⁰, да поскорее!» В Сикионе какой-то кожевник, ругаясь,
 обозвал его: «дурень!» «А ты – шкурень!»¹⁷¹ – ответил Стратоник. Тот
 же Стратоник, увидев, что родосцы живут в роскоши и пьют вино подо-
 гретым, назвал их белокожими киренейцами¹⁷², а Родос – городом жени-
 хов: этим он хотел сказать, что родосцы в своей распушенности только
 цветом кожи отличаются от киренейцев, а в своем разврате подобны го-
 меровским женихам¹⁷³.

46. В своей страсти к таким ловким ответам Стратоник подражал по-
 эту Симониду¹⁷⁴, как говорит Эфор во второй книге «Об изобретениях»
 [FHG.I.275]; таким же увлечением, по его словам, был охвачен и Филоксен
 Киферский. А перипатетик Фений во второй книге «О поэтах» сообщает
 [FHG.II.299]: «Афинянин Стратоник, по-видимому, первый ввел многозвуч-
 ние в игру на кифаре без голоса, первый стал обучать гармонии и соста-
 вил таблицу музыкальных интервалов. Да и по части шутовства он был не
 из последних». И добавляет, что за вольные шутки он поплатился жизнью:
 кипрский царь Никокл за насмешки над своими сыновьями заставил его
 выпить яд¹⁷⁵.

[КРИТИКА АРИСТОТЕЛЕВСКОЙ ЗООЛОГИИ]

47. Мой добрый Демокрит! Что касается Аристотеля¹⁷⁶, который на
 устах у всех этих мудрецов (ты и сам преклоняешься перед его словами,
 как впрочем и перед остальными философами и ораторами), то больше
 всего поражает меня его мелочная дотошность. Откуда он знает, от како-
 го выплывшего к нему Протея или Нерея¹⁷⁷, чем заняты рыбы, как они
 спят и как проводят дневное время? Он понаписал как раз то, что у коми-
 ков называется «чудесами для простаков». Вот он утверждает, что моллю-
 ски-трубачи, да и вообще все панцирные не знают спаривания, что багрян-
 ки и трубачи – долгожители. Да откуда ему было знать, что багрянка жи-
 вет де шесть лет, и что самый продолжительный акт совокупления у гадю-
 ки, и что [из голубиных] крупнее всех вяхирь, второй по величине голубь
 дикий, самая же мелкая – горлица [ИЖ.V.43]? Откуда ему знать, что жере-
 бец живет тридцать пять лет, а кобыла более сорока, и был случай, когда
 она дожила до семидесяти пяти лет? Он рассказывает, и что от вшей поро-
 жаются гниды [ИЖ.V.137], и что есть червь, который превращается в гу-
 сеницу, а она сворачивается в кокон, из кокона же выходит так называе-
 мый *некудал*¹⁷⁸ [ИЖ.V.97]. Еще он пишет, что пчела живет шесть лет, а не-

которые семь; и что ни пчелу, ни трутня никогда не видели при совокуплении, а поэтому нельзя узнать, кто из них самец, а кто самка. Откуда, опять же, он взял, что люди хуже пчел? Пчелы, конечно, соблюдают равенство, не меняют привычек, и, никем не обучаемые, всегда копят добро; но где он подсмотрел, что люди хуже и полны сомнением как пчелы медом? В трактате «О долгожительстве» он пишет, что видели муху, прожившую то ли шесть, то ли семь лет. Да как это доказать? 48. А где он видел плющ, выросший из оленьего рога? Совы и [ночные] вороны, говорит он, не могут видеть днем и поэтому вылетают на охоту в темноте, но не всю ночь, а с вечера [ИЖ.IX.122], и глаза у них не одинаковые, а у одних серые, у других черные, у третьих голубые. В то же время он заявляет [ИЖ.I.44], что у людей глаза бывают самые разные, в зависимости от характера человека. У кого глаза, как козы, у тех и острота зрения прекрасная, и нрава они наилучшего. У остальных глаза или навывкате, или посажены глубоко, или занимают среднее положение. У глубоко посаженных глаз зрение самое острое, глаза навывкате обличают дурной нрав, глаза среднего положения – хороший. Одни [глаза] часто мигают, другие неподвижны, третьи занимают промежуточное положение; кто мигает – тот ненадежен, кто вперяется – тот бесстыден, а промежуточный взгляд показывает наилучший нрав. Человек – единственное существо, у которого сердце слева, у всех других оно расположено посередине груди [ИЖ.I.76]. Зубов у самцов больше, чем у самок: это замечено, – пишет он, – у овец, свиней и коз. Яичек ни одна рыба не имеет, грудных желез нет ни у рыб, ни у птиц [ИЖ.II.52]. Дельфин вовсе не имеет желчного пузыря; некоторые рыбы имеют его не около печени, но около кишечника – таковы элоп, синагрида, мурена, меч-рыба и морская ласточка; у амии желчный пузырь протягивается вдоль всего кишечника [ИЖ.II.68], у ястреба и коршуна он прилегает и к печени и к кишечнику, у айгокефала¹⁷⁹ к печени и к желудку; у голубя, перепела и ласточки – только к кишкам или только к желудку [ИЖ.II.69].

49. Еще он пишет, что у мягкокожих, панцирных, хрящевых и насекомых спаривание продолжается очень долго. У дельфина и у некоторых рыб спаривание происходит, когда самец и самка лежат рядом, причем дельфин совокупляется медленно, а рыбы быстро. Далее он пишет, что у льва очень твердые кости, и когда они соударяются, от них летят искры, как от камней. Дельфин имеет кости, но у него нет колючек; у хрящевых же хрящи и колючки. Что касается рыб [...]. Одни [животные] живут на суше, другие в воде, третьи рождаются в огне [ИЖ.V.106]. Некоторые называются однодневками и живут только один день [ИЖ.V.107]. В двух средах живут такие животные, как гиппопотам, крокодил и выдра. У всех животных две ноги являющиеся ведущими, и только у краба их четыре. Он пишет также, что все животные с кровью в жилах либо не имеют ног, либо имеют две, либо четыре ноги; а все, у кого более четырех ног, бескровны. Поэтому и все передвигающиеся животные двигаются при помощи четырех

354 конечностей: человек двумя ногами и двумя руками, птица двумя ногами и двумя крыльями, морской и пресноводный угри – при помощи двух плавников и двух изгибов. Далее, одни животные имеют руки, как человек, другие только кажутся имеющими их – таковы обезьяны: никто ведь из неразумных животных ничего не дает и не берет, а руки служат именно для этого. Опять же, одни животные имеют суставы – таковы, например, человек, осел, бык, а другие их лишены – таковы змеи, устрицы и «легкие» (род моллюска). Многие животные показываются во всякое время года – таковы зимующие в норах, а из не зимующих в норах таковы аисты и ласточки [ИЖ.VIII.108,109].

b 50. Я умолкаю, хотя мог бы еще много чего рассказать о глупостях этого аптекаря¹⁸⁰. Я знаю, что такой борец за правду, как Эпикур, в письме «О занятиях» писал и не такое: будто Аристотель проел отцовское наследство, ушел на военную службу, ничего не добился и занялся торговлей снадобьями. Когда Платон открыл свою школу, Аристотель бросился туда, сидел на лекциях и, будучи не без способностей, развил в себе склонность к умозрению. Впрочем, всё это пишет только Эпикур; ни Эвбулид, c ни Кефисодор не посмели поставить такое в укор Стагириту, хоть и писали книги, направленные против него. В том же письме Эпикур и про софиста Протагора говорит, как он из носильщика и дровоноса стал писцом Демокрита: Демокрит удивился, как он по особенному складывал дрова, и d взял его к себе; потом Протагор учил грамоте в какой-то деревне, а вслед за этим занялся софистикой. А я, господа сотрапезники, после стольких речей хочу заняться гастрономией».

Наше словесное угощение слишком затянулось, и кто-то уже велел поварам проследить, чтоб не остыли кушанья, потому что никто не стал бы есть холодное. К и н у л ь к отозвался на это: «А вот в комедии «Милькон» Алексид говорит [Kock.II.353]:

...Хотя б их даже ставили холодными.
Ведь благо, – говорит Платон, – останется
Повсюду благом, понял? И приятное
Приятно здесь и там ничуть не менее.

e Не без изящества повел себя однажды и Сфер¹⁸¹, который учился вместе с Хрисиппом у Клеанфа, а потом Птолемей¹⁸² пригласил его в Александрию. На пиру были поданы куры из воска, он протянул было руку, а царь уличил его в том, что он поддался ложному представлению. Но Сфер ловко отговорился: он-де представил себе не то, что перед ним куры, а то, что перед ним, возможно, куры. А представление постигающее и представление вероятное¹⁸³ – вещи разные: первое безобманно, а второе бывает f всякое. Отнесемся же и мы к восковой пище согласно постигающему представлению: пусть зрение нас обманывает, но хотя бы мы не будем тратить время на пустую болтовню».

[РЫБА ГЛАЗАМИ ВРАЧА]

51. Мы совсем уже было собрались приступить к трапезе, но Д а ф н 355 приказал нам остановиться, процитировав ямбы из «Маменькина сынка» или «Ветерка» Метатена [Kock.I.705]:

Когда обедать, так и разговаривать!

«Я также утверждаю, что наша рыбная дискуссия страдает серьезным изъязном, ибо много было сказано об этом предмете сынами Асклепия¹⁸⁴. Я имею в виду сочинения о пищевых продуктах, принадлежащие Филотиму, Мнесифею Афинскому, а также Дифилу Сифнийскому.

Последний пишет в сочинении «О пище для больных и здоровых», что b
скальные морские рыбы легко перевариваются, очень сочны, хорошо сла-
бят, однако мяса в них мало, и оно непитательно; глубоководные же ры-
бы хуже перевариваются, питательны, но плохо усваиваются. Из при-
брежных рыб у самцов и самок фигов мясо нежное, лишено запаха и лег-
ко переваривается. Морской окунь похож на них, слегка отличаясь тем
или другим в зависимости от места обитания. Пескари подобны окуню: од- c
ни из них, мелкие и белые, нежны, лишены запаха, сочны и легко усваива-
ются, желтые же (их называют «стволовыми») сухи и нежирны. У ханн
мясо мягкое, но жестче, чем у окуня. Скар бывает мягким, рыхлым, слад-
ким и легким, он хорошо переваривается и усваивается, расслабляя ки-
шечник. Однако свежепойманных скаров следует есть с осторожностью:
они поедают морских зайцев, и поэтому их внутренности могут быть пора-
жены холерой. У так называемой кериды мясо нежное, полезное для ки-
шечника и желудка, а отвар из нее толстит и слабит. Орф или орфос, бу- d
дучи вкусным и сочным, клеек, тяжел для желудка, питателен и мочего-
нен. Впрочем, головизна его клейка и легко переваривается, а мясистые
части тяжелы для желудка и плохо перевариваются; более нежны хвосто-
вые части. В целом орф неудобоварим и вызывает отделение слизи. Сфи-
рены питательнее угрей; озерные же угри вкуснее и питательнее морских.
Чернохвосты во всем схожи с дорадами. Желтые морские скорпионы, во- e
дящиеся в открытом море, питательнее крупных, водящихся на прибреж-
ных мелководьях.

52. Спар остр на вкус и мягок, лишен запаха, хорош для желудка и mочегонен; вареный переваривается легко, жареный же – плохо. Бара-
булька вкусна, довольно терпка, мясо ее жесткое, плохо переваривается
и сковывает кишечник, особенно если рыба жарилась на углях; однако и
жареная на сковороде барабулька также тяжела для желудка. Зато в лю-
бом случае она способствует кроветворению. К этому же семейству при-
надлежат сростнозуб и харак, однако харак лучше. Пагр бывает и реч- f
ной, однако морской лучше. Рыба-свинья называется также морскою
мышью, она жестка и плохо пахнет, для желудка она тяжелее, чем ки-
фар, однако шкура ее вкусна. Рыба-игла (ее зовут также «бесслизкой»)

плохо переваривается, водяниста и легка для кишечника. Легко усваивается фрисса и родственные ей халкида и эритим. Кестрей бывает морской, озерный и речной. Дифил пишет, что называют его и острорылом. 356 Коракин – нильская рыба; черный хуже белого и вареный хуже жареного, ибо последний полезен для желудка и кишечника. Сальпа¹⁸⁵ жестка и безвкусна, лучшая – из Александрии, а также пойманная осенью: она выделяет белесую жидкость без запаха. Грилл хотя и похож на угря, но невкусен. Мясо у рыбы-ястреба жестче, чем у морского петуха, в остальном же они похожи; а рыба-ворон еще жестче, чем ястреб. Рыба-звездочет и так называемая священная рыба, и краснослав¹⁸⁶ – все они слишком тяжелы. Вареный «бок»¹⁸⁷ (βῶξ) легко переваривается и усваивается, выделяя жидкость, он хорош для кишечника; зажаренный на углях, он приятнее и мягче. Бакх¹⁸⁸ вкусен, сочен и сытен. Морской козел¹⁸⁹ неудобоварим и вонюч. Камбалы и бычьи языки питательны и приятны на вкус; сходен с ними и ромб¹⁹⁰. Белянки¹⁹¹, кефали [см.307b], кестреи, миксины и хеллоны [см.306e] сходны по пищевым качествам, но кестрей уступает кефали, еще хуже миксин и хуже всех хеллон.

53. Самец и самка тунца тяжелы и питательны. Так называемый «акарнан» сладок и терпок, сытен и быстро выводится из кишечника. 3 c Афия же тяжела и плохо переваривается; белая ее разновидность называется пескаркою. К этой же породе относится и маленькая рыбка гепсет [см.301a]. Из хрящевых очень мясиста рыба-корова, однако еще лучше пятнистые акулы, особенно звездчатые. Акула-лисица на вкус похожа на сухопутную лисицу, отсюда и имя. Очень вкусны скаты. Звездчатый скат нежнее и сочнее. Гладкий же скат вызывает запоры и плохо пахнет. Электрический скат тяжел для желудка, головизна у него мягка и хороша для желудка и даже легко переваривается, а всё остальное – нет. 4 d Лучше всего бывают мелкие скаты, особенно если их просто и без затей отварить. Рашпильная акула, также принадлежащая к хрящевым, легко переваривается и не тяжелит; чем она крупнее, тем питательнее. Вообще же от всех хрящевых пучит живот, они мясисты, плохо перевариваются, а если ими объестся, то темнеет в глазах. Каракатица, даже вареная, нежна, вкусна, хорошо переваривается и расслабляет кишечник: выпускаемый ею сок разжижает кровь и способствует облегчению при геморрое. Кальмары-тевты 5 e питательны и легко перевариваются, особенно мелкие; однако вареный он жесток и невкусен. Осьминог возбуждает к сладострастию, но он жесткий и с трудом переваривается; чем он крупнее, тем питательнее. Если его долго варить, он увлажняет кишечник и крепит желудок. Алексид в «Памфиле» о пользе осьминога пишет так [Kock.II.360]:

Скажи, Ктесон, что может для влюбленного
Полезней быть того, с чем я пришел сейчас?
Моллюски-трубачи, лук-бульба, гребешки,
Полип громадный, рыба исполинская.

Пеламида сытна и тяжела, но мочегонна и плохо переваривается; однако если ее засолить, то подобно кубовой солонине¹⁹² она расслабляет кишечник и способствует похуданию; самые крупные из них называются сростнозубыми. Рыба-ласточка (χελιδονίς) похожа на пеламиду, но жестче ее. Летучая рыба (χελιδών), похожая на осьминога, выделяет жидкость, улучшающую цвет кожи и ускоряющую кровоток. Оркин¹⁹³ грязен; крупные оркины жесткостью подобны рыбам-ласточкам, однако его подбрюшье и ключицы вкусны и нежны. Так называемые «косты» дают солонину среднего качества. Желтый тунец (ξάνθιος) немного воняет, но мягче оркина. Вот что сказано у Дифила.

54. Мнесифей Афинский пишет в сочинении «О пище», что среди крупных рыб некоторые называются «нарезными»¹⁹⁴ или же «морскими»; так- b
 вы дорада, главк или пагр. Рыбы эти плохо перевариваются, однако, переварившись, бывают очень питательны. Есть также рыбы «бесчешуйчатые», например, тунец, скумбрия, самка тунца, угорь и тому подобные; рыбы эти, как правило, не стадные. Так вот, те рыбы, которые не являются ни одиночными, ни стадными, перевариваются гораздо легче: таковы угри, острозубые (καρχαρίαι) рыбы и им подобные. Стадные разновидности этих рыб приятны на вкус, потому что жирны, однако тяжелы и трудно перевариваются. Поэтому они очень хороши для засолки и лучше всех среди соленых рыб. В жареном виде они тоже полезны, ибо жир их при этом вы- c
 тапливается. Так называемые «ободранные»¹⁹⁵ рыбы – это те, которые имеют на коже вместо чешуи шершавые наросты, как, например, у шиповатых скатов и рашпильных акул. Все они хорошо перевариваются, но дурно пахнут; тело они снабжают влажной пищей и очищают кишки лучше любой другой вареной рыбы. В жареном виде они хуже. У моллюсков, таких, например, как осьминоги, каракатицы и тому подобные, мясо переваривается плохо, поэтому они пригодны для любовного возбуждения: они вздутые, а для любовного возбуждения бывает нужна вздутость. Моллю- d
 сков лучше отваривать, так как жидкости, содержащиеся в них, вредны, – их можно видеть во время мытья моллюсков, – варка же удаляет их из мяса, ибо слабый огонь с водой как бы вымывают их. А при жарке эти жидкости высыхают, тем более что и само по себе мясо моллюсков жестко.

55. Афии, мембрады, трихидии и прочие рыбы, которых мы поедаем вместе с костями, при переваривании пучат живот, питание же доставля- e
 ют влажное. Это потому, что переваривание идет неравномерно: мясо усваивается быстро, а кости, которых в афиях так много, размягчаются медленно. Оба этих процесса начинают мешать друг другу, и такое пищеварение приводит к выделению газов и жидкостей. Поэтому этих рыб лучше есть вареными, хотя они сильно слабят кишечник. Так называемые «скальные» рыбы¹⁹⁶, то есть пескари, морские скорпионы, камбалы и то- f
 му подобные, наоборот, дают нашим телам сухое питание: они плотны, питательны, перевариваются быстро, отбросов оставляют мало и не производят при этом кишечных газов. Всякая рыба гораздо лучше усваивает-

358 ся, если подается без лишних приправ; скальные же рыбы становятся при этом и вкуснее. С этими рыбами сходны так называемые «мягкотелые» рыбы – губаны, черные дрозды и тому подобное. Они влажнее скальных, но усваиваются приятнее. Они больше слабят и более мочегонны, чем скальные рыбы, потому что их мясо влажнее и обильнее. Если кто хочет очистить кишки, пусть ест этих рыб отваренными, если же кишечник в порядке, то они питательны в жареном виде, а в качестве мочегонного средства хороши как вареные, так и жареные.

b 56. В устьях рек и лагун, в заливах и на мелководьях всякая рыба водяниста и жирна; на вкус она приятнее, но менее питательна и хуже переваривается. У берегов, открытых морю и ветрам, рыба обычно жесткая, тощая и избита волнами. А где море у берегов глубокое и бурям не подверженное, особенно около городов, там обычно рыба одинаково хороша на вкус, питательна и хорошо переваривается. Те рыбы, которые заплывают из моря в реки и озера, например кестрей, и вообще все рыбы, живущие в c обеих водах¹⁹⁷, тяжелее морских и нелегко перевариваются. Из пресноводных же рыб, речные лучше озерных: стоячей воде присуще загнивание. А из речной рыбы самая лучшая та, что водится в речных стремнинах: так-ovy гольцы – они появляются только там, где вода быстра и холодна, и пер-евариваются они легче всех речных рыб.

d 57. Вот вам рыбное, друзья мои, – самое здоровое, по мере наших сил! Ведь и у Антифана в «Парасите» сказано¹⁹⁸ [Kock.Π.87]:

Я не чрезмерно налетал на лакомства,
Но и не торопился оборвать свой труд,
Так что иной, раздувшийся от выпивки,
Меня бы попрекнул похмелем эллинским¹⁹⁹.

Однако же я и не такой рыболоб, как персонаж из «Буталиона» того же поэта; пьеса эта – переделка комедии «Крестьяне». Там сказано [Kock.Π.38]:

e – Сейчас я пир задам, иди на рынок, Пист,
Да денег не забудь.

Π и с т. Смотри, не жалуйся!

Я не умею покупать, как надо вам.

– Какую рыбу, Филумен, хотел бы ты?

Ф и л у м е н. Какую? Всю!

– Нет, расскажи подробнее.

Ф и л у м е н. Однажды к нам торговец мелкой рыбою

Пришел в деревню и принес анчоусов,

Султанок; поклонись, он нам понравился.

– Тогда скажи, поел бы и сейчас ты их?

Ф и л у м е н. Да, и других, но тоже мелких: крупных рыб

Я всех давно считаю людоедами.

f – Что говоришь, любезный! Людоедами?

Но почему?

П и с т. Понятно, это рыбины,
 Которых люди съели б с удовольствием:
 А он всё о султанках и анчоусах,
 Которыми подстать Елене тешиться.

А в «Деревенщине» он называет мелких анчоусов и султанок пищею Гекаты²⁰⁰. Мелких рыбок бранит и Эфиоп в «Филире»²⁰¹ [Kock. II.262]:

– Не хочешь, батюшка,
 Пойти на рынок мне еды купить?
 – Какой?
 – Рыб взрослых, умных, папа, не детенышей.
 – Не знаешь ты, дитя, что на вес золота²⁰²
 Повсюду деньги ценятся.

359

58. Очень мил у того же поэта в «Вертелоносцах»²⁰³ молодой человек, называющий все угощения уменьшительными именами [Kock. II.258; ср.311d]:

– Купи
 Всего, но понемножку: и достаточно
 Нам будет.
 – Господин, скажи понятнее.
 – Не пышно, но пристойно; всё, как требует
 Благочестивость: хватит каракатички,
 Кальмарчика, а ежели и крабика
 Захочет кто поесть, двоих достаточно
 На стол их будет; забредают угрики
 Из Фив к нам – их возьми, да куропаточку,
 Вяхирьчика и петушка, так далее.
 А зайчик забежит, так и его бери.
 – Но как ты скуп!
 – Ты слишком расточителен:
 У нас довольно мяса.
 – Разве кто-нибудь
 Прислал?
 – Нет, жертву совершила женщина:
 Теленочком Вороны²⁰⁴ пообедаем
 Мы завтра.

b

Точно так и скаредный Брюзга в одноименной комедии Мнесимаха обращается к юноше, мотающему деньги [Kock. II.436]:

– Не предъявляй, молю я, непосильных просьб,
 Жестоких и деньгами перегруженных, –
 Ведь я родной твой дядя.
 – Как же, боже мой,
 Еще скромнее?
 – Как? А ты слова урежь
 И обмани меня: *рыбешкой* рыб зови,
 Пусть угощение будет *угощеньцем*,
 И погибать мне будет так приятнее.

c

d

59. Но раз уж я это процитировал, то скажи мне, дражайший У л ь - п и а н, или вы, сыны словесников, что имел в виду Эфипп, когда говорил:

Теленочком Вороны пообедаем
Мы завтра.

Здесь заведомо что-то скрыто, и очень хотелось бы узнать, что».

И П л у т а р х ответил, что есть такая история, которую рассказывают на Родосе, но сразу пересказать ее он не может, потому что читал слишком давно. «Однако я знаю одно место в «Ямбах» Феникса Колофонского, где какие-то люди собирают подаяние вороне; там сказано так:

Подайте, люди добры, ячменя горстку
Вороне нашей, аполлоновой дочке²⁰⁵,
Пшеницы миску, грошик иль кусок хлеба –
Чего кто хочет. Дайте, добрые люди,
Вороне из того, что под рукой вашей.
Она и соль возьмет, ворона соль любит.
Кто даст сегодня соли горстку, тот завтра
Кусок отломит сот медовых. Эй, малый,
Дверь отвори! Уже услышал нас Плутос,
И девушка несет вороне смокв груды.
О боги, дайте ей вы всяких благ вдосталь,
Богатого пошлите, знатного мужа –
Пускай отец понянчит на руках внука,
Пускай положит на колени мать внучку,
Чтоб и она хорошею женой стала.
А мне, куда б меня ни понесли ноги,
Всё под дверями буду петь с моей Музой,
И давшим и не давшим я прошу блага.

И в конце:

Всё, милые, чем закрома у вас полны,
Вороне дайте щедро хоть бы в день свадьбы.
Обычай есть давать ей всё, когда просит.
Так я пою. Что дашь, то и пойдет в пользу.

Собиратели подаяния для вороны назывались *коронистами*²⁰⁶, как говорит Памфил Александрийский в трактате «Об именах», а песни их называются *коронисмы*, как сообщает Агнокл Родосский в «Коронистах». 60. А на Родосе обычай собирать милостыню назывался *петь ласточку* (χελιδονίξειν). Об этом сообщает Феогнид во второй книге «Родосских праздников»: «Есть обычай собирать милостыню, который родосцы называют *петь ласточку*. Эти сборы происходят в месяце Боедромий²⁰⁷. Это название происходит от такого припева:

Прилетела ласточка
С ясною погодою,
С ясною весною.
Грудка у нее бела,

Спинка черненькая.
 Что ж ей ягод не даешь
 Из дому богатого?
 Дашь ли в чашке ей вина,
 Сыру ли на блюдечке
 И пшенички?
 И от каши ласточка
 Не откажется.
 Уйти и нам или дадут, что прощено?
 Что дашь, возьмем; не дашь, так сами вынесем.
 Дверь унесем от дома или притолку,
 Не то хозяйку, что в светлицу спряталась.
 Ее ж не диво взять: она ведь маленькая.
 Угостить ли вздумал,
 Угощай на славу...
 Открой, открой скорее дверцу ласточке,
 Перед тобой не старики, а деточки».

Эти сборы подаения первым учредил Клеобул Линдский²⁰⁸, когда в Линде однажды возникла нужда в деньгах.

[ЗАВОЕВАНИЕ РОДОСА]

61. Раз уж мы заговорили о Родосе, то я хочу принести вам рыбный рассказ с прекрасного Родоса, который добрый Линкей называет прекрасно-рыбным²⁰⁹.

Эргий Родосский в книге «Об отечестве» говорит [FHG.IV.405], что первыми поселенцами на острове были финикийцы и что они под предводительством Фаланта владели в Иалисе неприступной крепостью Ахеей. Располагая источниками воды, они долго выдерживали осаду, которую вел против них Ификл. Было у них божье вещание от оракула, что они будут владеть этой землей, пока не станут белыми вороны и рыбы не заплавают в винных сосудах; полагаясь на то, что такого не может быть никогда, они стали небрежны в войне. Но Ификл проведал откуда-то об оракулах, полученных финикийцами, подстерег отправившегося за водой Ларка, доверенного человека Фаланта, и, взяв с него честное слово, поймал в источнике рыбок, бросил их в ведро и затем вручил его Ларку, приказав отнести воду и вылить ее в сосуд, из которого черпали вино для Фаланта. Тот так и сделал; а Ификл же поймал ворон, выбелил их гипсом и выпустил. Увидев этих ворон, Фалант бросился к винному сосуду, а увидев в нем рыб, понял, что земля уже им не принадлежит. Он послал к Ификлу просить перемирия, чтобы уйти со всем что было при нем. Ификл согласился, и Фалант придумал хитрость: заколов жертвенных животных, он выпотрошил их и попытался вынести золото и серебро в их утробах; однако де-

ло раскрылось, и Ификл его оставил. Фалант стал ссылаться на то, что в клятве было сказано: «вынести даже всё, что в животе», но Ификл перехитрил его, дав им для отплытия корабли без кормил, весел и мачт, потому что в клятве-де было сказано «корабли» и больше ничего. Финикийцы, оказавшись в безвыходном положении, много своих сокровищ закопали в землю, сделав отметины, чтобы, вернувшись потом, забрать их, и много денег оставили Ификлу. Так финикийцы покинули эти места, и власть над ними перешла к эллинам. То же самое рассказывает и Полизел в своей «Истории Родоса» [FHG.IV.481], добавляя, что пророчество о рыбах и воронах было известно только [финикийцу] Факасу и его дочери Доркии. Это она, влюбившись в Ификла и условившись через кормилицу о свадьбе, уговорила водоноса взять рыб и бросить их в сосуд, а сама набелила и выпустила ворон.

62. А Креофил пишет в «Эфесских летописях» [FHG.371], что основатели Эфеса долго страдали из-за скудости [выбранной] местности и послали спросить оракул, где им строить город. Им был дан ответ: строить город там, где рыба укажет и куда вебрь ответит. И вот, говорят, там, где ныне источник Гипелей (‘Υπέλαιος) и священное озеро, однажды полдни-чали рыбаки, и одна из [жарившихся] рыб выпрыгнула вместе с горящим углем и упала в мусор, а от этого загорелись кусты, где лежал дикий кабан. Испугавшись огня, тот пустился наутек и далеко забежал на гору Трихию (Каменистую) и там, где ныне стоит храм Афины, пал от охотничьих дротиков. Тогда эфесцы переправились с острова, на котором прожили двадцать лет, и вторично заселили Трихию и склоны Коресса; на городской площади они построили святилище Артемиды, а в гавани храм Аполлона Пифийского».

[О НАЗВАНИЯХ ПИРШЕСТВ]

63. Среди подобного рода долгих разговоров вдруг раздался по всему городу свист флейт, трезвон кимвалов, грохот бубнов и пение. Это начался праздник, прежде называвшийся Парилиями, ныне же Ромеями²¹⁰, учрежденный в честь Фортуны города Рима, где воздвиг храм наилучший император Адриан²¹¹, великий любитель художеств. Этот день с особенным торжеством ежегодно отмечается всеми жителями Рима и его гостями. И вот У л ь п и а н сказал: «Господа, что это [Од.I.226],

362 Праздник иль свадебный пир? Ведь не складочный пир здесь, конечно».

И когда кто-то ответил, что весь город *танцует*²¹² (βαλλίζω) в честь божества, У л ь п и а н засмеялся: «Бесценный мой! Какой же эллин скажет об этом βαλλίζω, когда следует говорить χομαίω или χορεύω, или воспользоваться иным обычным словом? Ты же прикупил свое словечко

в Субуре²¹³ и этим

Испортил нам вино, подлив воды в него²¹⁴».

На это ответил М и р т и л: «А я тебе покажу, любезный Эпитимей²¹⁵, что это чистейшее эллинское слово. Всё-то ты постоянно пытаешься заткнуть нам рты, хотя до сих пор никого еще не уличил в безграмотности, а сам – «пустей змеиной кожи сброшенной»²¹⁶. Удивительный ты человек! Ведь βαλλισμός [в значении «танец»] упоминается еще Эпихармом в «Посланниках», а от Сицилии недалеко до Италии. В этой пьесе послы осматривают в дельфийском храме приношения богу и, обсуждая каждый предмет, говорят и такие слова [ср.408d]:

Медные

Тазы, кратеры, рожны. Посмотри-ка здесь!

Вот на подставке пляшущие (βαλλίζοντα) мальчики –

Чудесная работа!

И Софрон говорит в миме «Занимающийся с невестой»: «Затем он взял это и стал впереди, другие же пустились в пляс (ἐβάλλιζον)». И еще: «Танцуя (βαλλίζοντες), они наполнили комнату дерьмом». Мало того, и Алексид пишет в «Цирюльнике» [Коск. II.333]:

Но вижу я ватага приближается
Парней, пошедших на гулянку. Видимо,
Они считают, что здесь место сборища
Как раз для них. Я не хотел бы встретиться
С такими в ночь, когда они потрутся
В своих веселых плясках (βαλλισμός): в этом случае
Не донести плаща домой мне, разве что
Я крылья отращу.

64. Я встречал это слово и в других местах, и могу их припомнить и привести. А вот изволь-ка сам объяснить нам – ты припомнил ведь следующее место из Гомера [Од.I.225]:

Что здесь у вас происходит? Какое собрание? Дашь ли
Праздник (εἰλαπίνῃ) иль свадьбу пируешь?
Не складочный пир (ἔρανος) здесь, конечно, –

чем отличаются *эйлапине* (εἰλαπίνῃ) от *эрана* (ἔρανος)? Поскольку ты молчишь, я скажу сам: как сказано у сиракузского поэта²¹⁷ [Эпихарм; ср.308c]:

С тем, что двое говорили, нынче справлюсь я один!

Самые пышные жертвоприношения древние называли *эйлапинами*, а участвующих в них – *эйлапинастами*. Эраны же – это обеды в складчину, называемые так, потому что участвующие *любят друг друга* (συνεῖραν) и помогают друг другу. Один и тот же обед мог называться то эраном, то фиасом²¹⁸ (θιάσος), а обедающие – эранистами и фиасотами. Фиасом называ-

ется и сопровождающая Диониса вакхическая толпа, как это сказано у Еврипида [«Вакханки». 680]:

Но вижу я вакхических (θείσους)
Три хоровода женских.

- f Фиасы (θείσσι) получили свое название от слова «бог» (θεός), ведь и сами боги на лаконском наречии называются σιοί [т.е. не через ε, а через ι]. Эйлапины же названы так по большим приготовлениям и расходам, ибо λαφύττειν и λαλάζειν значит «опустошать» и «тратить»; поэтому и поэты пишут ἀλαλάζειν в значении «грабить город», и награбленная добыча называется λάφυρα по аналогии с λάφυρις (жадное обжорство). Именно 363 такие пиршества Эсхил [TGF². 119] и Еврипид [«Медея».193; «Елена».1337] называют эйлапине, потому что они опустошают припасы (λελαλάχθαι). Также существует глагол λάλττειν (переваривать пищу), становясь по мере опустошения «впалым» (λαγαρός); а от этого прилагательного образовались слова «полость» (λαγών) и «вафли»²¹⁹ (λάγανον), а от глагола λαλάττειν (опорожнять, разорять) – «живот» (λαλάρα). Лафύττειν тоже означает «усиленно опустошать» и «разорять» (λαλάττειν). Глагол же δαπανᾶν (расходовать) происходит от δάλττειν (пожирать): оба они связаны с понятием «изобилие» (δαψιλῶς). Поэтому о ненасытно и зверски пожирающих говорится «растерзать» (δάψαι, δαρδάψαι) – так у Гомера [Од.ΙΙΙ.259]:

Хищные птицы и псы бы его растерзали (κατέδαψαν).

- b Пиршества (εὐωχ(α)) же называли так не от слова «питание» (ὄχη), а от получаемого там хорошего настроения (εὖ ἔχειν). Участвующие в них, почитая божество и отдаваясь расслабляющему веселью (μεθιέντες), питье называли пьянством (μέθυ), дарующего же его бога²²⁰ *Мефимнеем, Лиеем, Эвием, Изем*, а человека, не замкнутого и не мрачного – *веселым*²²¹ (ἰλαρός). Поэтому они кричали «из! из!» (ιή! ιή!), чтобы божество сделалось *милостивым*²²² (ἱλεως); поэтому и место, где они этим занимались, называли священным (ἱερός). То, что ἱλεως и ἰλαρός означали одно и то же, видно из пьесы Эфиппа, озаглавленной «Купец»; об одной гетере там говорится следующее [Kock.Π.254; ср.571e]:

Потом, входящего, –
Когда случится огорченным кто из нас, –
Приветливо похвалит, поцелуется
Не сжатыми губами, как целуются
Враги, но распахнув, как пьют воробушки,
Усадит и утешит, побеседует,
Развеселит (ἰλαρόν), разгонит прочь немедленно
Его тоску и явит жизнерадостным (ἱλεων).

- d 65. Представляя богов в человеческом образе, древние и празднества устроили соответственно человеческой натуре. Видя, что для человека не-

возможно противиться тяге к наслаждению и в то же время полезно и выгодно приучать его к порядку и умеренности, они установили сроки, чтобы принести жертвы богам, а потом разрядиться и отдохнуть. И каждый, веря в то, что боги сами сходят принять от них начатки плодов и возлияния, вел себя в их обществе почтительно. Недаром ведь у Гомера [Од.III.435, 436]:

Пришла и богиня Афина

Жертву принять.

И Посейдон [Од.I.22, 25]:

Был в отдаленной стране эфиопов

Пышную тучных быков и баранов принять гекатомбу.

И Зевс [Ил.I.424]:

С сонмом бессмертных на пир к эфиопам отшел непорочным.

Ведь даже если присутствует человек, старший по возрасту и важный по облику, то при нем стыдятся сказать или совершить что-нибудь неподобающее; как говорит где-то Эпихарм:

Но молчанье – благо, если лучший муж присутствует.

Вот почему, считая, что боги находятся поблизости от них, древние проводили свои праздники чинно и скромно. Поэтому не было у них в обычае возлегать на ложах, но «сидя вели они пир» [Од.III.471] и не напивались допьяна [Од.III.395]:

Все, сотворив возлиянье, испив по желанию сердца,
Каждый к себе возвратился, о ложе и сне помышляя.

66. Это только теперь иные, созвав на праздник друзей и домашних будто бы для жертвоприношений богам, тут же принимаются ругать последними словами детей, браниться с женами, доводить до слез прислугу, пререкаться с окружающей толпой; им не хватает только сказать, приглашая на пир [Ил.II.381; ср. 420f]:

Ныне спешите обедать²²³, а после начнем нападение, –

забыв сказанное автором «Хирона», будь то Ферекрат, или Никомах – ритмолог, или кто-либо другой [Коск.I.193]:

Если на пир изобильный зазвал ты любезного мужа,
Не негодуй на его присутствие: так поступает
Зло затаивший в душе; но в сердце храни безмятежность
И весели его.

Нынче же этих стихов вовсе не помнят; зато вызубрили идущие после них – они пародируют приписываемые к Гесиоду «Великие Эойи»²²⁴:

Жертвы богам принося, мы знакомца на пир приглашаем,
Но негодуем, когда он приходит, глядим исподлобья,

- с Ждем не дождемся, чтоб он поскорее убрался за двери.
Если, заметив вражду, он встает, уходить собираясь,
Кто-то ему говорит: «Ты уходишь? И с нами не выпьешь?
И не развяжешь сандалий?» Но тут же хозяин во гневе
Сам доброхоту пеняет, читая стихи из элегий:
*«Не заставляй никого²²⁵ против воли у нас оставаться,
Не заставляй уходить, кто не желает того,
И не буди, Симонид мой, заснувших из нас, кто упился...»*

Можно добавить еще и следующее [Гесиод. «Труды и дни».722]:

- d На многолюдном, в складчину устроенном пире не хмурься;
Радостей очень он много дает, а расход пустяковый.

67. И, принося жертвы богам, мы тратим очень немного из того, что попало под руку, как показывает в «Пьянстве» превосходнейший Менандр [Kock.Ш.91; ср.146d]:

- e А жертвы мы приносим по достатку ли?
Богам отдать достаточно паршивую
За десять драхм овцу, хотя не менее
Таланта нам обходятся флейтистки,
Певички, благовония, фасийское,
Мендейское²²⁶, сыр, угли и так далее.
И если жертву эту боги приняли,
То нас дарят добром – всего-то навсего
За десять драхм, а если и не приняли,
То деньги эти из потери вычтутся.
Лишь множат зло такие приношения!
Вот будь я богом, я уж не позволил бы,
Чтоб на алтарь мне клали просто бедрышки!
Пускай уж вместе с ними мне и угря жгут,
Чтоб помер с горя Каллимедонт-родственник²²⁷.

- f 68. Упоминают древние и о каких-то «добавочных» обедах (ἐπιδόματα), которые александрийцы называют обедами «из особых взносов»²²⁸ (ἐξ ἐπιδομάτων). Алексид, например, говорит в комедии «В колодец» [Kock.Ш.319]:

– Послал меня хозяин за кувшинчиком
Вина к соседям.
– Как? Ну да, понятно мне:
За взносом к пиру шлет тебя добавочным.
– Как я люблю старух, всё понимающих!

И Кробил в «Лжеподкидыше» [Kock.Ш.380]:

- 365 – Лахет, а я к тебе спешу:
Идем.
– Куда?
– Конечно, к Филумене в дом.

Добавочные взносы наши там лежат:
Ты за нее вчера заставил пить меня
Киаров дюжину²²⁹ вином несмешанным.

Известны древним и обеды, называемые сейчас «из корзинки». Что это такое, объясняет Ферекрат, говоря о них в «Забычивом» или «Море» так [Kock.I.159]:

Обед сготовив и упаковав его
В свою корзинку, он пошел к Офелию.

Ясно, что речь идет об обеде «из корзинки», – когда человек сам готовит для себя обед, но есть его отправляется, уложив этот обед в корзинку, к кому-нибудь в гости.

«Общей трапезой» (σύνδειπνον) называется застолье у Лисия в речи «Против Микона об убийстве»²³⁰: «...он был приглашен на общую трапезу». И Платон пишет²³¹: «...к тем, кто устроил общую трапезу». И Аристотель в «Геритадах» [Kock.I.429]:

Эхила прославлять по общим трапезам²³² (συνδείπνοις).

Поэтому некоторые требуют назвать этим словом среднего рода софоклову пьесу «Общая трапеза» (σύνδειπνον) [а не «Сотрапезники» (σύνδειπνοι)].

Некоторые обеды называются еще и «сборными» (συναγωγή), как, например, у Алексида в «Любителе прекрасного» или «Нимфах» [Kock.II.389]:

Ложись и приглашай-ка наших девочек.
Устроим сборный пир, хотя и знаю я:
Давно ты приобрел привычку скражничать.

И Эфиоп в «Гериионе» [Kock.II.252]:

И платят больше взноса сборной трапезы.

Точно так же говорили «собирать» (συνάγειν) в значении «пить друг с другом» и «сходка» (συναγωγή) в значении «попойка». Менандр в «Сжигаемой» [Kock.III.46]:

И потому сейчас по одиночке пир (συνάγουσι κατὰ μόνας).

И продолжает:

Он за попойку (συναγωγή) уплатил.

Возможно, здесь имеется в виду складчинный обед. А какие это складчинные взносы, проясняет в следующих стихах из «Мандрагорщицы» Алексид [Kock.II.349]:

– Тогда пойду с тобой и взносы понесу.
– Какие взносы?
– Ленточки халкидские,
Флакончики из алебаstra²³³ взносами
Зовутся. Эх, ты, старая!

Однако у аргосцев есть и другие слова – это отмечает в «Записках» Гегесандр [FHG.IV.419]: «Складчину, собираемую пьющими на пирушку, аргосцы называют χῶν (куча), а часть каждого они называют αἶσα (доля)».

69. Друг мой Т и м о к р а т, так как достигла конца и эта книга, самое время прекратить наш разговор, чтобы кто-нибудь не подумал, что и мы, согласно Эмпедоклу²³⁴, были некогда рыбами. Ибо сказано у естествоиспытателя:

Был уже некогда отроком я, был и девой когда-то,
Был и кустом, был и птицей и рыбой морской бессловесной.

КОНЕЦ КНИГИ ВОСЬМОЙ

ПРИЛОЖЕНИЯ

АФИНЕЙ И ЕГО КНИГА

I. ОБ АВТОРЕ

Об Афинее мы знаем немного: родился в Египте, в городе *Навкратисе*¹; был автором еще двух сочинений – о сирийских царях и о комедии Архиппа под названием «Рыбы»². Больше ничего он о себе не сообщает, даже время его жизни устанавливается лишь по косвенным данным. Во-первых, поэт второй половины II в. н.э. *Оппиан* упомянут в «Пире мудрецов» как «живший незадолго» до самого Афиней³. Следовательно, время жизни нашего автора сдвигается к самому концу II в. Это подтверждается еще одной деталью: *императора Коммода*, умершего в 192 г., Афиней называет своим современником⁴. Во-вторых, среди участников афинеевского диалога есть некий *Ульпиан из Тиры*. Человек с таким именем действительно существовал – это был знаменитый правовед, погибший в 228 г. В книге XV Афиней сообщает, что Ульпиан умер через несколько дней после пира⁵. Следовательно, если Ульпиан исторический и Ульпиан афинеевский – одно и то же лицо, то время написания «Пира мудрецов» отодвигается к 228 г.⁶ По данным словаря Суды, Афиней жил *при Марке* (ἐπὶ τῶν χρόνων Μάρκου). Эти сведения не противоречат нашей хронологической раскладке, если под *Марком* подразумевается не Марк Аврелий (правил в 161–180 гг.), а Марк Аврелий Антонин (Каракалла) (правил в 211–217 гг.). Сопоставление всех данных приводит к выводу, что Афиней жил на рубеже II и III вв.

II. О ЗАГЛАВИИ

По-гречески книга Афинейя называется одним словом – Δειπνοσοφιστά. Это слово придумал, скорее всего, сам Афиней, присоединив корень δειπν- (ср. δειπνον «еда, трапеза») к слову σοφιστής. Буквально это слово означает «знаток, сведущий человек», иногда даже «мудрец», и такое – вполне нейтральное – значение сохранялось на протяжении всей античности. Вместе с тем, некоторые события греческой интеллектуальной жизни придали ему еще одно, специальное значение. Это произошло во второй половине V в. до н.э., когда в Афинах

¹ Афиней. «Пир мудрецов» (далее: Афиней) III.73a; VII.301c; XI.480d.

² Афиней. V.211a; VII.329c.

³ Афиней. I.13c.

⁴ Афиней. XII.537f.

⁵ Там же. 686a сл.

⁶ См., однако, ниже, раздел V «О действующих лицах».

появились люди, которые за деньги стали учить красноречию. Эти люди объясняли афинянам: всякий, кто хочет добиться успехов на государственном поприще, должен уметь хорошо и убедительно говорить, потому что истинным является то, что хорошо доказано, а никакой *объективной* истины не существует. Своих новых учителей афиняне стали иронически называть «знатоками» (σοφισταί) – их-то мы и называем *софистами*. Это были так называемые первые софисты. Второе поколение софистов появилось гораздо позже – уже в Римской империи, в I–II вв. н.э. «Вторые» софисты, считавшие себя наследниками «первых», не учили красноречию как политическому орудию – ведь участие граждан в государственной жизни в это время было незначительным. Уделом Второй софистики стало услаждение публики речами на самые разные темы, для чего требовалось не только красноречие, но и обширные знания. Очень важно, что софисты римской эпохи считали себя преемниками старых софистов и потому видели свою задачу в том, чтобы всеми возможными способами культивировать греческую классику, которая уже для них стала стариной.

Что же стоит за словом σοφιστής в заглавии Афинеевой книги? Для того чтобы правильно истолковать это заглавие, необходимо понять и другое – как соотносятся *логически* составляющие его части. В словаре Суды зафиксировано слово ἱατροσοφιστής. Оно устроено по той же схеме, что и интересующее нас δειπνοσοφιστής, и означает «сведущий в медицине» (ср.: ἱατρεία – «врачебное искусство, медицина»). Таким образом, σοφιστής здесь используется в самом простом значении – «*знаток, сведущий человек*», а первая часть слова обозначает ту область, в которой человек сведущ. Такая логическая схема легко объяснима: σοφιστής – отлагольное существительное со значением действующего лица; оно сохраняет способность «своего» глагола (σοφίζομαι) иметь при себе объект. Следуя аналогии, можем предположить, что δειπνοσοφιστής означает «*сведущий в трапезах*». Заметим, что и в других сложных словах с δειπν-, где вторая часть – отглагольная и обозначает некое действующее лицо, логические отношения между частями именно таковы: ср. δειπνολόχος, «ловец обедов, парасит»; δειπνοκρίτης, буквально «тот, кто оценивает трапезу» (название должностного лица); δειπνολοῖς, буквально «тот, кто делает обед» (так обозначался поставщик продуктов). При таком толковании заглавия наиболее естественным кажется перевод «*Знатоки трапез*».

Возможен и другой перевод заглавия – «*Пирующие софисты*»⁷. Он предполагает совсем иное толкование смысла греческого заглавия. Само слово «софист» отсылает к тому специальному значению, о котором мы говорили выше. И это, видимо, правильная отсылка – во всяком случае, наука XX в. прочно связала Афиня с движением Второй софистики⁸. Зато внутренняя логическая схе-

⁷ Ср. англ. «*Dining Sophists*» (Cambridge History of Classical Literature I. Cambridge, 1985) или «*The sophists at dinner*» (Athenaeus. The Deipnosophists / With an Engl. translation by Ch. Gulick: In 7 vol. L., 1987. Vol. 1. Introd.).

⁸ В работах последних лет эта линия продолжается и развивается: см.: Anderson Gr. Athenaeus: the Sophistic Environment // Aufstieg und Niedergang der Römischen Welt. Bd.34 (3): Sprache und Literatur. B.; N.Y., 1997.

ма слова при таком истолковании выглядит не как «действующее лицо + объект его действия», а как «действующее лицо + его определение». По правилам греческого словообразования такая схема возможна, если в первой части использовано прилагательное, а не существительное (ср., например, ἀριτολόγης – «наилучший гражданин»), но если допустить, что Афиней относился к правилам своего языка вольнее, чем мы, то можно предположить вслед за новейшими исследователями, что он сознательно озаглавил свое произведение так, чтобы читатель мог интерпретировать его сразу несколькими способами⁹. Именно поэтому очень трудно перевести заглавие книги, так что многие переводчики предпочитают транслитерацию¹⁰.

В России до сих пор отдавалось предпочтение варианту «Пирующие софисты». Его мы встретим и в отечественных учебниках античной литературы, и в справочниках¹¹. В предлагаемом издании принято заглавие «Пир мудрецов». Это сделано для того, чтобы не смущать современного русского читателя трудным словом и не вводить его в заблуждение в том случае, если слово «софист» он связывает только с афинскими философами V в. до н.э.

III. О ТЕКСТЕ

Текст «Пира мудрецов» – такая же загадка для исследователей, как и сам автор. В 1423 г. епископ Феррары Джованни Тавелла де Туссильяно, известный в среде гуманистов как Ауриспа, привез из Константинополя в Венецию рукопись «Пира мудрецов» X в. Это самая ранняя из дошедших до нас рукописей Афиней. Ее принятое название – Codex Venetus Marcianus; в изданиях она обозначается сиглой A. В этой рукописи весь текст разделен на пятнадцать книг, но не хватает кн. I – II, начала книги III, имеются пропуски (лакуны) в книге XI и, как считается, отсутствует конец всего сочинения. С рукописи A было сделано множество списков, но издатели нового времени обращаются чаще всего к спискам XV–XVI вв. – Codex Laurentianus (B) и Codex Palatinus (P).

Кроме того, сохранилась так называемая *эпитома* (иначе говоря, краткий пересказ) афинеевского сочинения. Эта эпитома была сделана в XI в. и содержит все пятнадцать книг. Следовательно, пересказчик пользовался более полным текстом, чем тот, что дошел до нас в рукописи A. Списков эпитомы было множество, но издатели считают лучшими Codex Parisinus (C) и Codex Laurentianus (E). Эпитома позволяет в какой-то степени восполнить те пропуски, о которых уже было сказано, однако проблемы с текстом «Пира мудрецов» остаются.

Вплоть до последнего времени в науке господствовала точка зрения, согласно которой дошедший до нас текст является лишь *сокращенным вариантом*

⁹ Ibid., p. 2173, n. 2.

¹⁰ Ср. ниже, примеч. 12.

¹¹ Тронский И.М. История античной литературы. М., 1983; Античная культура: Словарь-справочник. М., 1995.

подлинного афинеевского сочинения¹². Каковы же аргументы? Во-первых, на полях рукописи А есть такие пометки: к кн. III, гл. 50: τῶν εἰς λ' τέλος τοῦ ε' ἀρχῇ τοῦ ζ' («из тридцати, конец 5-го, начало 6-го»); к кн. IV, вступление: τῶν εἰς λ' ἀρχῇ τοῦ ζ' («из тридцати, начало 7-го») и т.п. Всего таких пометок одиннадцать (к кн. III, IV, VI – X). Г. Кайбель считал, что эти пометки устанавливают соответствие между *полным* вариантом афинеевского сочинения, включавшим 30 книг, и *сокращенным*, включавшим всего 15 книг.

Во-вторых, в тексте обнаруживается множество несообразностей и противоречий, которых не должно быть в последовательном авторском тексте. Вот несколько примеров.

1. Из вступления следует, что автор намерен пересказать нам беседы, происходившие во время *одного* пира¹³. Но далее в тексте есть указания на то, что участники беседы собирались *несколько* раз. Первая встреча заканчивается в конце книги V; возобновившись в книге VI, она опять прерывается в конце книги X: «Вот сколько всего наговорили пирующие софисты о загадках, но стоит отложить разговор о чашах на завтра, ведь пока мы обдумывали сказанное, настал вечер» (459b) (здесь и далее перевод мой. – О.Л.). Книга открывается обещанной новой встречей: «Ну-с, дружище Тимократ, с чего начнем, как сказал комический поэт Кефисодор, ведь собрались мы рано, влекомые к чашам, и пока гости еще сидели¹⁴ и разговор не начался, Ульпиан сказал...» (459f). В конце книги XIV отмечается завершение еще одного дня и собеседники расходятся (664f).

2. Невозможно понять, в какое время года происходит пир. Из книги IX можно заключить, что софисты пируют в *январе*: «Так вот, мы изумлялись, поедая тыквы в январе» (372d). В книге VIII читаем, что дело происходит во время праздника Парилий, т.е. в *апреле* (361e-f), а в книге III один из собеседников, Ульпиан, обращаясь к философу-кинику по прозвищу Кинульк, говорит: «Не лай, дружище, и не сходи с ума, кичась собачьим бешенством дней под созвездием Пса» (99e)¹⁵.

3. В некоторых книгах форма диалога стерта, а книга XII вообще представляет собой монолог. При беглом чтении он воспринимается как речь самого Афинейя, но одна оговорка («у нас в Александрии» – 554a) показывает, что в тексте путаница, – остался неотмеченным переход речи к другому собеседнику, так как Афиней назвать себя «александрийцем» не мог – обычно он говорит о себе «мы, жители Навкратиса» (ср., напр., 73a).

¹² Сторонником такого взгляда на текст был немецкий издатель Георг Кайбель (Athenaei Naucratis Deipnosophistarum libri XV / Rec. G. Kaibel. Lipsiae, 1887–1890), и его идеи до недавнего времени поддерживались большинством исследователей и издателей – и английских (см. выше, примеч. 7), и французских (Athénée de Naucratis. Les Deipnosophistes. Livres I–II. Texte établi et traduit par A.M. Desrousseaux. P., 1956).

¹³ Как остроумно замечено, «эти беседы заморили бы гостей насмерть, если бы такой пир действительно состоялся» (The Cambridge Ancient History. Cambridge, 1939. Vol. XII. P. 619 sq).

¹⁴ То есть еще не расположились на ложах, приняв обычную позу полулежа.

¹⁵ «Псом», или «Жгучим Псом» (отсюда «Сириус»), называлось созвездие, восходившее в самую жаркую пору лета.

4. Форму диалога разрушают и многочисленные лексиконы и каталоги, которые «вклиниваются» в речь собеседников.

Эти и многие другие «дефекты» текста Г. Кайбель объясняет злонамеренностью безвестного пересказчика, по вине которого мы теперь имеем дело с перекроенным текстом. Английский издатель Ч. Гьюлик допускает, что виноват мог быть как пересказчик, так и сам автор, запутавшийся в своем громоздком тексте. Французский издатель также склонен думать, что первоначально сочинение Афиней было объемнее и состояло из 30 книг¹⁶.

В науке последних лет возобладало прямо противоположное мнение, согласно которому книга Афиней – цельное, стройное, продуманное произведение¹⁷. Его структура, как считают новейшие исследователи, определяется соотношением *диалогических* и *повествовательных* частей. Диалоги, как и повествования, делятся на *внутренние* и *внешние*. *Внешние диалоги* происходят между Афинеем и Тимократом. Фактически это *псевдодиалоги*, потому что мы слышим только слова Афиней, обращенные к Тимократу, из которых понятно, о чем тот спрашивает или просит Афиней, но прямых реплик Тимократа Афиней не приводит никогда. Эти своеобразные диалоги образуют *рамку* всего произведения и каждой отдельной книги. В некоторых случаях, как в конце книг VI, IX, X, Афиней предлагает своему незримому собеседнику закончить с данной темой или перенести ее обсуждение на следующий день, но прямого обращения к Тимократу здесь нет – его заменяют «побудительные» формы («давай остановимся», «давай отложим») или аналогичные им формы будущего времени («остановившись здесь, мы начнем»).

В двух случаях рамка расплывается, так как Афиней просто констатирует окончание беседы: «На этих словах народ стал расходиться и потихоньку завершил встречу» (кн. V); «После всего сказанного... решили разойтись – ведь наступил вечер. Так мы и вынуждены были расстаться» (кн. XIV). И здесь уже неясно, относятся ли слова Афиней к обстоятельствам его встреч с Тимократом, или к самому пиру, который он пересказывает для Тимократа. Такой способ оформления рамки вслед за новейшими исследователями назовем *внешним повествованием*¹⁸.

Внешние диалоги и повествования служат не только формальной задаче деления книги от книги – иногда они имеют программный характер: например, в конце книги III Афиней и Тимократ спорят, какие пиры лучше обсудить, *аттические* или *македонские*, а в начале книги IV (130е) темой обсуждения становятся *аттические* и *македонские* блюда; далеко не случайной оказывается и затронутая Тимократом в начале книги II тема *пестроты* (греч. ποικιλία) – ведь

¹⁶ Издания указаны в примеч. 12.

¹⁷ См.: Rodriguez-Noriega Guillen L. Are the fifteen books of the *Deipnosophistae* an Excerpt? // Athenaeus and his World. Reading Greek Culture in the Roman Empire / Ed. by D. Braund and J. Wilkins. Exeter, 2000; Wilkins J. Dialogue and Comedy: The Structure of the *Deipnosophistae* // Ibid.

¹⁸ Idem. P. 251.

именно принцип *пестроты*, т.е. соединения всевозможных тем и стилей, лежит в основе афинеевского творческого метода¹⁹.

Внутренние диалоги происходят между участниками пира, о котором Афиней рассказывает Тимократу. Иногда содержание бесед излагается без оформления их в виде прямой речи – это *внутреннее повествование*. Переход от внешних диалогов и повествований к внутренним иногда бывает стертым, иногда попросту отсутствует, как, например, в книге IV (134d), где за речью самого Афиней, обращенной к Тимократу, непосредственно следует речь одного из пирующих с пометкой «и Плутарх сказал». Такая небрежность объясняется внутренними приоритетами Афиней, готового пожертвовать формой своего произведения ради его содержания²⁰.

Впрочем, это не мешает новейшим исследователям считать глубоко продуманной и композицию «Пира мудрецов». Существует мнение, что она отражает «композицию» реального античного пира: если пирующие сначала встречают гостей, рассаживаются и закусывают, потом основательно обедают, а напоследок переходят к винопитию и развлечениям, то и в афинеевской книге нас сначала знакомят с гостями и рассуждают о пирах вообще (книге I–V), потом угощают по преимуществу кулинарными темами (кн. VI–середина кн. X), а под конец переходят к темам «десертным» – эротика, музыка, развлечения, игры, десерты в собственном смысле и т.п.²¹

Структура и композиция «Пира мудрецов» яснее видна в схеме. Для первых трех книг картина приблизительная, так как полного текста этих книг у нас нет.

Книга I

1. Рамка: ?
2. Внутренние диалоги/повествования:
 - 1с–2с: знакомство с гостями и хозяином-библиофилом;
 - 2d–3d: владельцы библиотек;
 - 3f–8е: сочинения и литературные игры на пиршественную тему;
 - 8е–26b: различные аспекты пиршественной темы у Гомера; сопоставление с более поздними авторами;
 - 26 b – до конца книги: о винах.
3. Рамка: ?

Книга II

1. Рамка: ?
2. Внутренние диалоги/повествования:
 - 35a–40f: вина (продолжение);
 - 40f–47a: воды и др. жидкости;

¹⁹ Lukinovich A. The Play of Reflections between Literary Form and the Symptotic Theme in the Deipnosophistae of Athenaeus, p. 267 // Symptotica. A symposium on The Symposion / Ed. by O. Murray. Oxford, 1990. P. 267; Wilkins J. Dialogue and Comedy... P. 31.

²⁰ Rodriguez-Noriega Guillen L. Op. cit. P. 247.

²¹ Ibid. P. 253.

47b–49d: разное;

49e–71e: каталог овощей и фруктов.

3. Рамка: диалог Афиней и Тимократа.

Книга III

1. Рамка: ?

2. Внутренние диалоги/повествования:

72b–85c: продолжение каталога овощей, фруктов и прочих съедобных плодов;

85c–94b: морские продукты;

94c–96e: требуха;

96f–100b: о ревнителях точного словоупотребления;

100c–101b: свиная матка;

101c–104c: классические пиры;

104d–108f : морские животные;

109a–116a: хлеб и его сорта;

116b–121e: солонина;

121f–125f: прохладительные напитки;

126a–до конца книги: запахи.

3. Рамка: диалог Афиней и Тимократа.

Книга IV

1. Рамка: диалог Афиней и Тимократа.

2. Внутренние диалоги/повествования:

128a–130d: свадебный пир у македонян (из «Пиршественных писем Гипполоха»);

130d–138b: аттические пиры;

138b–143f: лаконские и критские пиры;

143f–144b: персидские пиры;

144 b – 148c: роскошь персов, Антония и Клеопатры;

148d–153d: пиры отдельных областей и народов (фиванцы, аркадяне, египтяне, индийцы и т.д.);

153e–155a: поединки;

155b–до конца книги: разное;

174a–185a: музыкальные инструменты.

3. Рамка: повествование.

Книга V

1. Рамка: диалог Афиней и Тимократа.

2. Внутренние диалоги/повествования:

186d–193c: гомеровские пиры; их воспитательное значение;

193d–195f: пир у Антиоха Эпифана. Праздничное шествие;

196a–206d: праздничное шествие, устроенное Птолемеем Филадельфом; корабли Птолемея Филопатора;

206d–209e: корабль Гиерона Сиракузского;

210d–211d: цари – любители пиров;

211e–216c: философы на общественном поприще;

216c–221a: сочинения философов как источник (анахронизмы, ложные обвинения и т.п.).

3. Рамка повествование: конец 1-го дня.

Книга VI

1. Рамка: диалог Афиней и Тимократа.
2. Внутренние диалоги/повествования:
 - 224с–228с: рыбная ловля и торговля рыбой;
 - 228с–231b: домашняя утварь;
 - 231b–234с: золото, серебро и бронза у греков и других народов;
 - 234d–248с: паразиты;
 - 248d–262a: лъстецы;
 - 262a–272f: рабы;
 - 273е–до конца книги: рабы у римлян; римские патриархальные обычаи и современная римская роскошь.
3. Рамка: диалог Афиней и Тимократа.

Книга VII

1. Рамка: отсутствует.
2. Внутренние диалоги/повествования:
 - 275с–276с: понятия φαγησία, φαγησιπλοσία и λαγυνοφορία;
 - 276е–278d: рыба;
 - 3. рамка: 277 b: обращение к Тимократу;
 - 278е–281е: отступление: о наслаждении;
 - 281f–до конца книги: алфавитный каталог рыб.
3. Рамка: диалог Афиней и Тимократа.

Книга VIII

1. Рамка: диалог Афиней и Тимократа.
2. Внутренние диалоги/повествования:
 - 331с–348е: рыба и любители рыбных блюд;
 - 348е–354d: разное;
 - 352d–354d: критика зоологических воззрений Аристотеля;
 - 355a–362е: продолжение рыбной темы;
 - 362d–365d: типы обедов.
3. Рамка: диалог Афиней и Тимократа.

Книга IX

1. Рамка: диалог Афиней и Тимократа.
2. Внутренние диалоги/повествования:
 - 366a–369a: пряности;
 - 369a–376с: овощи, домашняя птица, свинина;
 - 376a–383f: речь повара;
 - 384a–399a: блюда из дичи; о птицах; о животных;
 - 399a–399d: каталог: съедобные части животных;
 - 399d–408с: каталог: животные;
 - 408с–до конца книги: сосуды для умывания и полотенца.
3. Рамка: диалог Афиней и Тимократа.

Книга X

1. Рамка: диалог Афиная и Тимократа.
2. Внутренние диалоги/повествования:
 - 411a–418c: обжоры и обжорство;
 - 418c–423a: об умеренности;
 - 423a–448b: употребление вина (способы смешения, сосуды) и злоупотребление вином;
 - 448c–459b: загадки.
3. Рамка: диалог Афиная и Тимократа: конец 2-го дня.

Книга XI

1. Рамка: диалог Афиная и Тимократа: начало 3-го дня.
2. Внутренние диалоги/повествования:
 - 459c–782d: сосуды;
 - 782d–784d²², 466e–503f: каталог: сосуды для питья;
 - 504e–509e: критика Платона.
3. Рамка: диалог Афиная и Тимократа.

Книга XII²³

- 510b–513c: роскошь и наслаждение;
513f–550f: любители роскоши (персы, лидийцы, этруски и т.д.);
551a–552f: преимущества бедности;
553a–до конца книги: роскошь.

Книга XIII

1. Рамка: диалог Афиная и Тимократа.
2. Внутренние диалоги/повествования:
 - 555b–557c: брачные обычаи;
 - 557f–560a: женщины в комедиях;
 - 560b–f: женщины как причина войн;
 - 561a–563d: эрот;
 - 564b–565a: педерастия;
 - 565a–566a: мужская красота;
 - 566f–599 d: гетеры;
 - 599f–до конца книги: разное.

Книга XIV

1. Рамка: диалог Афиная и Тимократа.
2. Внутренние диалоги/повествования:
 - 613a–c: опьянение;
 - 613b–616e: шуты, фокусники, акробаты, шутки и любители шуток;
 - 616e–628c: музыка, песни, рапсоды, импровизаторы;
 - 628c–631c: танцы;

²² Эта часть книги XI вместе с нумерацией страниц дается по тексту эпитомы.

²³ Книга XII не имеет формы диалога – все повествование Афиной ведет от своего лица.

633f–638b: музыкальные инструменты;

640c–643e: десерты.

3. Рамка: повествование: конец 3-го дня.

Книга XV

1. Рамка: диалог Афиней и Тимократа.

2. Внутренние диалоги/повествования:

665e–668f: коттаб;

669c–686c: венки;

677c–680d: каталог венков;

686c–692f: благовония;

692f–693f: последняя чаша;

693f–695f: сколии;

695f–699d: другие песенные жанры;

699d–700e: светильники²⁴.

3. Рамка: диалог Афиней и Тимократа.

Рассматривая «Пир мудрецов» как цельное, хорошо построенное произведение, исследователи находят объяснение всем подозрительным деталям.

1. Пометки в рукописи А предлагается понимать не как нумерацию книг полного варианта, а как нумерацию *папирусных свитков*, которым переписчик придал форму *кодекса*²⁵.

2. Завершаются и возобновляются не встречи пирующих софистов, а беседы Афиней и Тимократом – к ним и относятся все временные указания²⁶.

3. Афиней вполне определенно указывает, что пир, о котором он рассказывает Тимократу, происходит в *апреле*²⁷. *Январь* упоминается в контексте воспоминания о каком-то другом пире – не случайно же все повествование о тыквах в январе вводится фразой: «*Однажды (потé) зимой нам подали тыквы*»²⁸, а *дни Пса* упомянуты вообще вне связи с календарем – это шутка, направленная против киников²⁹. Понять ее можно, имея в виду, что название этой философской школы происходило от слова *κύων* («собака») и само по себе было шутливым³⁰. Кроме того, оно постоянно обыгрывалось, так как киники были излюбленным предметом насмешек среди философов и вообще интеллектуалов. Естественно, что шутки эксплуатировали главным образом «собачью» тематику. Ульпиану мало назвать собеседника «бешеной собакой» – он намекает, что это такое бешенство, каким оно бывает в самую жаркую летнюю пору, когда и нормальные живые существа сходят с ума, т.е. бешенство в самой острой форме.

²⁴ Далее текст книги XV утрачен; с 701 по 702c приводится текст эпитомы.

²⁵ Rodriguez-Noriega Guillen L. Op. cit. P. 246.

²⁶ В этом отношении проблематичны книги V и XIV.

²⁷ Афиней. VIII.361e-f.

²⁸ Афиней. IX.372b.

²⁹ Афиней. III.99e.

³⁰ См.: Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., 1979. С. 67–68.

4. Ничего необычного не видят новейшие исследователи и в том, что в книге XII, где речь ведется от лица самого Афинейя, появляется фраза: «...я и сам знаю, что у нас в Александрии...» Просто Афиней как уроженец Египта отождествляет себя с его столицей, подобно тому как уроженец Фессалии Миртил говорит о «наших прекрасных Афинах»³¹.

5. Что касается лексиконов и каталогов, то и здесь объяснение найдено: отдавая предпочтение содержанию перед формой, Афиней сам избирает эти удобные способы представления материала, о чем и заявляет: «...чтобы тебе, [Тимократ], лучше запомнить сказанное, я расположу названия в алфавитном порядке»³².

Итак, исследователи последних лет предпочитают трактовать афинеевский текст не как хаос, а как космос, но под определенным углом зрения эти две крайние точки совпадают, а именно, когда мы обращаемся к проблеме тематических *переходов*. Попробуем проследить, как Афиней переходит от темы к теме, на примере книги VIII.

I. Рамка: Афиней приводит слова Полибия о Лузитании (Иберия) и сравнивает ее щедрую природу с пирами Ларенсия.

II. Диалог:

1. Кинульк выражает недовольство бесконечной «рыбной» темой. Демокрит, напротив, возвращает к ней собеседников;
2. «разное» о рыбе, в том числе *шуточные высказывания* о ней;
3. *шутки* на рыбную тему в *прозе*;
4. то же у *Эпихарма*;
5. рыбная тема у *комедиографов*, в том числе – о *любителях рыбы*;
6. *любители рыбы* среди исторических лиц;
7. различные *mois*, связанные с рыбой, в том числе – *кифариста Стратоника*;
8. о *Стратонике*, в том числе – из книги «О поэтах» *перипатетика Фения*;
9. критика *Аристотеля*;
10. о *других интеллектуалах*, в том числе – о Протагоре, и т.д.

Очевидно, что Афиней переходит от темы к теме путем ассоциаций. Эти переходы иногда более заметны, иногда почти неуловимы, но всегда очень естественны: одна тема легко возникает из предыдущей, спровоцированная поворотом мысли или даже брошенным словом. Ассоциации могут быть и ситуативными. Так, в книге XV тема *благовоний* возникает, когда слуги вносят благовоения, а тема *венков* – когда появляются венки, и т.п.

IV. О ЖАНРЕ

В самом начале «Пира мудрецов» Афиней ясно дает понять, что его сочинение будет строится по платоновской модели так называемого *пересказанного диалога*³³. Главной особенностью таких диалогов было рамочное построение. Рамкой служил разговор двух персонажей, один из которых был свидетелем

³¹ Афиней. XIII.583d.

³² Афиней. VII.277c.

³³ См. примеч. 12 к кн. I.

или участником бесед с Сократом, а другой любопытствовал узнать их содержание. Пересказ этих бесед «по ролям» и составлял внутреннюю, основную часть диалога. На использование именно такой модели диалога Афиней указывает непрямо, но внятно: начало «Пира мудрецов» почти дословно повторяет начало «Федона» – одного из «пересказанных» платоновских диалогов. Это сходство, видимо, так поразило автора эпитомы, что он ошибся: в рукописи С вместо *Тимократ* стоит *Эхекрат* – это персонаж «Федона», играющий в рамке диалога ту же роль, что Тимократ у Афиней.

К Платону восходит не только модель пересказанного диалога, но и сама обстановка афиневых бесед – как и в диалоге «Пир», они ведутся за пиршественным столом. И вообще Афиней никогда не забывает о Платоне – об этом свидетельствуют многочисленные ссылки и реминисценции (их около 90). Особого внимания заслуживает критика Платона в книге XI³⁴.

Однако Афиней вовсе не является прямым наследником Платона – между ними лежит многовековая традиция литературного жанра застольных бесед. Насколько мы можем судить, этот жанр стал складываться в платоновских кругах: непосредственным откликом на «Пир» Платона был «Пир» Ксенофонта³⁵; отдал дань застольным беседам и первый схолярх платоновской академии Спевсипп³⁶. Сочинение с таким же названием было и у самого строптивого платоновского ученика – Аристотеля³⁷. Он ввел жанр застольных бесед в традицию своей школы – именно поэтому «сочли достойным труда записать речи, которые велись на симпозиях,» перипатетики начала III в. до н.э. Притан и Иероним Родосский³⁸. Свой «Пир» был у Эпикура³⁹. Не избегали пиршественного жанра и стоики – нам известно, что сочинение «О пире» было у Персея Китийского (III в. до н.э.)⁴⁰ и Клеанфа⁴¹.

К сожалению, из всех вышеназванных послеплатоновских «Пиров» до нас дошел только Ксенофонт, поэтому особую ценность для истории этого жанра представляют «Застольные беседы» Плутарха и примыкающий к ним «Пир семи мудрецов»⁴².

«Застольные» сочинения создавались не только в философской среде – судя по словам Афиней, в этом жанре работал и грамматик I в. до н.э. Тимахид Родосский, и его современник, врач Гераклид Тарентский⁴³.

³⁴ Афиней. XI.504e–509e.

³⁵ См.: *Ксенофонт Афинский*. Сократические сочинения / Пер. С.И. Соболевского. М.; Л.: Academia, 1935.

³⁶ Плутарх. «Застольные беседы». I.613d-e.

³⁷ Афиней. XV.674 f.

³⁸ Плутарх. «Застольные беседы». I.613d-e.

³⁹ Афиней. 186e; ср.: Плутарх. «Застольные беседы». I. 613d-e; Диоген Лаэртский. X. 28.

⁴⁰ Афиней. XIII.607b.

⁴¹ Диоген Лаэртский. VII.175.

⁴² Перевод названных сочинений, снабженный комментарием, см. в изд.: *Плутарх*. Застольные беседы. Л.: «Наука», 1990.

⁴³ О Тимахиде – I.5a; III.82d; VII.283c; XV.682c; о Гераклиде – II.53c, 64a-e, 67d-e; III.74b, 79e-f, 120b-d.

Большим успехом пользовалась, видимо, и *пародийная* разновидность жанра застольных бесед – о ее существовании сообщает Афиней⁴⁴, а образцом может служить «Пир, или Лапифы» Лукиана. Существовала и другая разновидность пиршественного жанра – *пиршественные письма* (Δειπνικαὶ ἐπιστολαί): так Афиней многократно ссылается на «Пиршественные письма» Гипполоха Македонского к Линкею Самосскому, перипатетику, ученику Теофраста, но здесь не сохранилось ни одного образца⁴⁵.

Как мы видим, история застольного жанра была богатой и разнообразной, и Афиней превосходно знал ее – не случайно большую часть сведений мы находим именно у него. И тем не менее Афиней возвел свой «Пир мудрецов» непосредственно к платоновским диалогам, причем прежде всего в *формальном* отношении – *содержательную* связь между тем же «Федоном» и афинеевским сочинением установить сложно⁴⁶. В чем же состоял замысел Афиней? Возможно, он хотел показать, что в его случае застольный жанр сохраняет классическую платоновскую форму при совсем особом, оригинальном ее наполнении, не имеющем аналогов в предшествующей традиции. При этом оригинальность состоит не столько в тематике (тут у Афиней есть точки соприкосновения с другими «застольными» авторами – прежде всего с Плутархом), сколько в способе раскрытия этих тем.

Действительно, все известные нам образцы застольного жанра строятся как соотязание в учености, когда затрагиваются все возможные области знания, от философии до теории языка, от мифологии до теории музыки. При этом очень важна способность собеседников логически мыслить и убедительно говорить. Собеседники Афиней демонстрируют не столько ученость, сколько начитанность, они не столько мыслят и говорят, сколько цитируют. В пятнадцати книгах «Пира мудрецов» содержится более полутора тысяч цитат из 800 авторов. Вместе с тем, тематический круг здесь гораздо уже – в основном он охватывает только те темы, которые так или иначе связаны с *пирами* – их историей, традициями, блюдами, пиршественными развлечениями и т.д. Но иногда Афиней все же обращается к вопросам из области популярной философии, которые часто решаются у других «застольных» авторов: так в книге VI беседуют о паразитах, льстецах, рабах и сибаритской роскоши, в книге VII – о наслаждении, в книге VIII находим полемику с зоологическими воззрениями Аристотеля.

Можно сказать, что все сочинение Афиней – это материализация метафоры, сконцентрированной в собственном афинеевском словечке λοῦόμενον –

⁴⁴ IV. 134d.

⁴⁵ См.: III.126d, 127e; IV.128b-c; IX.402a; XIV.614d.

Отдельную проблему составляет соотношение «Пира мудрецов» с римскими образцами застольного жанра – с «Пиром Трималхиона» Петрония, с «Аттических ночами» Авла Геллия, с «Сатурналиями» Макробия. Ср. также: Гораций. «Сатиры». II.8.

⁴⁶ Содержательная связь с «Пиром» Платона видна в книге XIII, посвященной проблемам эроса. Но, судя по «Застольным беседам» Плутарха, эта тема была традиционной для застольного жанра (см.: кн. I, вопрос 5; кн. III, вопрос 4, 6; кн. VII, вопрос 7).

«словесный пир». Автор угощает нас *на пиру* беседами о *пире*, подавая в качестве богатых и разнообразных блюд богатые и разнообразные цитаты из греческих авторов, преимущественно классических и эллинистических. И в этом, пожалуй, действительно сказывается принадлежность Афиней к движению Второй софистики с ее культом греческой «старины».

V. ОБ ИСТОЧНИКАХ

Мы не будем останавливаться на вопросе о том, каких именно авторов использовал Афиней, – все они перечислены в Указателе имен⁴⁷. Гораздо важнее, как нам кажется, представлять себе, как работал Афиней со своими источниками – как отбирал цитаты, как располагал эти «чужие» тексты в структуре своего собственного⁴⁸.

Что касается отбора цитат, то Афиней, как считают ученые, не приходилось прочитывать от начала до конца свитки с текстами всех 800 авторов – он черпал материал главным образом из компилятивных сборников, во множестве появившихся с I в. до н.э.⁴⁹ Но работал Афиней с этим материалом как книжник александрийской выучки.

Единого принципа цитирования у Афиней нет. Чаще всего он пользуется моделью «*имя автора* + *φησὶ* (ὑράφει) + *цитата*». Анонимные цитаты редки, а вот названия произведений Афиней часто не приводит, заменяя его кратким *που* («где-то»)⁵⁰. Цитируя прозу, Афиней иногда не только дает название произведения, но и указывает номер книги. Благодаря этому мы знаем, пользовался ли Афиней всем сочинением или определенной его частью.

В некоторых случаях цитируемое произведение отождествляется у него *по начальным словам*. Этот способ, введенный александрийскими учеными, был наиболее надежным, ведь заглавия произведений могли варьироваться, а имена авторов – совпадать⁵¹. Существование одноименных авторов заставляло Афиней снабжать имена «особыми приметами» – к их числу относились место рождения, имя отца, прозвище, философская ориентация. Так, например, относительно Посидония он уточняет, что тот был стоиком (8 раз), уроженцем Апамеи (4 раза), философом (3 раза). Большое значение придает Афиней *датировке* цитируемых произведений⁵², иногда опровергает чужие мнения – например такое, согласно которому Алкей и Сапфо жили в разное время⁵³. Очень зани-

⁴⁷ См. ниже, с. 601.

⁴⁸ См.: *Jacob Ch. Athenaeus the Librarian // Athenaeus and his World...*

⁴⁹ К сожалению, об этих сборниках мы знаем только то, что они существовали и широко использовались.

⁵⁰ Афиней. VIII.334a; III.99b.

⁵¹ Афиней. I.4d-e; V.209f; XI.479d.

⁵² Афиней. X.453e; IV.128a; II.51a, 71a-b; V.218b-c; IV.183e.

⁵³ Афиней. XIII.599c.

мали Афиней те случаи, когда отождествить произведение было трудно, как в случае с речами Демосфена и Лисия⁵⁴.

Где же черпал Афиней сведения, чтобы снабдить приведенную цитату необходимыми указаниями? Под рукой у него были аннотированные библиографии и справочники, составленные учеными александрийцами. В первую очередь это знаменитые «Таблицы» Каллимаха и дополнения к ним, составленные Аристофаном Византийским. К «Таблицам» Афиней обращался, когда ему нужно было проверить имя автора той или иной книги, ее точное название, первую фразу, количество строк и т.п. Кроме того, в «Таблицах» можно было почерпнуть и биографические сведения об авторах, а также найти перечень книг на ту или иную тему (ср. систематические каталоги в современных библиотеках)⁵⁵. К Аристофану Византийскому Афиней обращался не только за библиографическими, но и за лексикографическими сведениями⁵⁶. Еще один известный нам источник – это работа Артемона Кассандрейского «Об использовании книг». Насколько мы можем судить, в этом справочнике Афиней мог найти не только библиографические данные, но и классификацию поэтических жанров, снабженную образцами⁵⁷. Очень полезным было и сочинение Деметрия Магнесийского об одноименных авторах, которым широко пользовался другой библиограф и библиофил поздней античности – Диоген Лаэртский⁵⁸. Особое место среди источников Афиней занимают лексиконы. На один из них Афиней ссылается особенно часто (не менее двенадцати раз) – это работа «О редких словах и именах» Памфила.

Приводимые Афинеем цитаты так многочисленны и обширны, что вытесняют собственную речь собеседников. Пирующие фактически *говорят цитатами*, обыгрывая их по своему вкусу и часто придавая им тот смысл, которого они на самом деле не имели. Особенно ярко этого видно в случаях с цитатами из Гомера, потому что их «родной» контекст, в отличие от многих других случаев, нам хорошо известен⁵⁹.

VI. О ДЕЙСТВУЮЩИХ ЛИЦАХ

Гости афинеевского пира перечисляются и характеризуются в самом начале книги. Долгое время ученые стремились отождествить названных Афинеем гостей с реальными лицами: считалось, например, что хозяин дома Ларенсий – это не кто иной, как знаменитый Герод Аттик⁶⁰. Поиском исторических прото-

⁵⁴ Афиней. XIII.573b, 586e; VI.231b, 13.586e-f, 592.

⁵⁵ Афиней. VI.244a; XIV.643e; XV.669d-e; XIII.585b; VI.252c; XI.496e-f.

⁵⁶ Афиней. VIII.336d; IX.408f; 410b-c.

⁵⁷ Афиней. XII.515d-e; XV.694a.

⁵⁸ Афиней. XII.611b. Диоген Лаэртский ссылается на Деметрия более двадцати раз.

⁵⁹ Это мы старались показать в примечаниях к соответствующим местам. См., например, примеч. к кн. I-II.

⁶⁰ Hirzel R. Der Dialog. Leipzig, 1895. Bd. 2. P. 352 sq.

типов заняты и современные исследователи: для Ларенсия найден младший понтифик Публий Ливий Ларенсий, упомянутый в эпитафии⁶¹, а Ульпиана из Тира предлагается отождествить не со знаменитым правоведом, чему препятствует по крайней мере одна существенная деталь в Афинеевом тексте (см. об этом чуть ниже), а с его старшим родственником или даже с отцом⁶². Бесспорно, такой ход мысли спровоцирован самим Афинеем – ведь почти каждое из названных имен ассоциируется с реальным лицом даже у современного читателя (*Плутарх, Зоил, Демокрит, Гален*). Вместе с тем эти имена снабжены у Афины такими приметами, которые не позволяют отождествить имя с его знаменитым носителем. Так Плутарх назван у него грамматиком, а также александрийцем (III.118f; VII.267a), и если первое определение еще можно применить к Плутарху, толкуя греческое слово *ῥαμματικὸς* в широком смысле – «знаток, ученый», то второе вовсе не годится, так как Плутарх был родом из беотийского города Херонеи. Из философов на Афинеевом пиру присутствует *Демокрит*, но не знаменитый уроженец Абдеры, а безвестный никомедиец. Так же обстоит дело и с менее знакомыми для нас именами. В числе Афинеевых гостей назван Ульпиан из Тира. Так звали знаменитого правоведа, жившего на рубеже II и III вв. Исторический Ульпиан погиб от руки убийцы в 228 г., а у Афины Ульпиан умирает спокойной смертью через несколько дней после описанного пира⁶³.

В некоторых случаях все характеристики персонажа как будто определено отсылают к историческому лицу (*врач из Пергама Гален, грамматик Зоил*), но тут приходится вспомнить о хронологии: врач Гален умер в 199 г., т.е. Афиной теоретически еще мог видеть его живым, а вот грамматик Зоил, критик Гомера, жил на 600 лет раньше.

Очень интересны имена Дафна Эфесского и Руфина Никейского. Г. Кайбель предположил, что эти имена «сделаны» Афинеем из одного – из имени *Руфа Эфесского*⁶⁴.

А что если Афиной просто мистифицирует своих читателей? В таком случае попытки отождествить того или иного собеседника «Пира мудрецов» с историческим лицом оказываются не только пустыми, но даже вредными для понимания творческого замысла автора. Собрав на своем ученом пиру знатоков с громкими именами и неразличимыми лицами, Афиной, возможно, хотел сказать, что подлинные, живые действующие лица для него – это не *люди*, а *книги* (или, как мы бы сейчас сказали, *тексты*) и только они достойны бесспорного узнавания и бережной памяти.

⁶¹ Corpus Inscriptionum Latinarum (CIL). VI.2126.

⁶² Braund D. Learning, Luxury and Empire // Athenaeus and his World... P. 16.

⁶³ См. XV.686 а. Независимо оттого, как соотносится афинеевский Ульпиан с историческим, эпизод его смерти играет важную роль в композиции «Пира мудрецов» – кончина одного из главных собеседников предвещает конец всего сочинения.

⁶⁴ Athenaei Naucratis Deipnosophistarum libri XV / Rec. G. Kaibel. Lipsiae, 1887–1890. Vol. 1, Praefatio.

ПРИМЕЧАНИЯ

Перевод выполнен по следующему изданию: *Athenaeus. Deipnosophistae*, edited et translated by Charles Burton Gullick. Vol. I–VII. Cambridge, 1950 (Loeb Classical Library).

При работе над переводом были использованы фрагменты текста Афиней, содержащиеся в следующих изданиях: Памятники поздней античной научно-художественной литературы II–V вв. М., 1964. С. 178–188; Поздняя греческая проза. М., 1961. С. 449–464.

При переводе отдельных фрагментов античных авторов, содержащихся в тексте Афиней, были использованы следующие издания: Античная лирика. М., 1968 (БВЛ); *Аристотель*. История животных / Пер. В.П. Карпова. М., 1996; *Аристофан*. Комедии. Фрагменты / Пер. А. Пиотровского. М., 2000; *Геродот*. История / Пер. Г.А. Стратановского. Л., 1972; *Гомер*. Илиада / Пер. Н.И. Гнедича. Academia, 1935; *Гомер*. Одиссея / Пер. В.А. Жуковского. М., 1958; Греческая эпиграмма. М., 1960; Греческая эпиграмма. СПб., 1993; *Ксенофонт*. Сократические сочинения / Пер. С.И. Соболевского. Academia, 1935; *Ксенофонт*. Анабасис. М.; Л., 1951; *Менандр*. Комедии. Фрагменты. М., 1982; *Пиндар*. *Вакхилид*. Оды. Фрагменты / Пер. М.Л. Гаспарова. М., 1980; *Полибий*. Всеобщая история / Пер. Ф. Мищенко. Т. I–III. М., 1890–1899; *Платон*. Сочинения. Т. I–III. М., 1969–1972; *Феофраст*. История растений / Пер. М.Е. Сергеенко. М., 1951; Фрагменты ранних греческих философов. Часть I. М., 1989; Хрестоматия по истории Древней Греции. М., 1964; Эллинические поэты. М., 1999; *Эсхил*. Трагедии. М., 1989.

Афиней не повезло у издателей и комментаторов. По содержанию текст его был слишком пестр и разнообразен, по форме не отличался никакими заметными художественными достоинствами и выглядел лишь сборником цитат. Чтобы разобраться в его гастрономических каталогах рыб и птиц, нужно было знать зоологию и физиологию лучше, чем к этому привыкли европейские филологи. Первое печатное издание Афиней (Марка Мусура) вышло в 1514 г., первый комментарий (Исаака Казобона) только в 1600 г., второй (Иоганна Швайгхойзера) только в 1801–1807 гг., оба были сосредоточены преимущественно на чисто филологических проблемах установления текста. Завершением этой работы стало издание Г. Кайбеля 1887–1890 гг.; характерно, что главной специальностью Кайбеля была греческая комедия и Афинеем он занимался, собственно, только как источником текстов Эпихарма и Софрона. На издание Кайбеля целиком опираются оба двуязычных издания Афиней в XX в.: английское Ч. Гьюлика (1937–1941 гг. с позднейшими переизданиями) и незавершенное французское А.М. Деруссо (с 1957 г.). Комментарий в них минимальный, но очень ценный, использующий результаты исследований XIX–XX вв. по античной фауне и флоре. Этот материал используется и в наших примечаниях. Новейшее издание Афиней, в котором он впервые дождался подробного комментария, – *Ateneo. I Deipnosophisti. I Dotti a Banchetto*. Salerno editrice. Roma, 2001 – начало выходить лишь тогда, когда работа над нашим изданием подходила к концу, и могло быть использовано лишь частично.

Для экономии места все указания на источники приводимых Афинеем цитат введены в текст перевода в квадратных скобках. Ссылки на сохранившиеся произведения античных авторов даются обычным образом (римская цифра – номер книги, арабские цифры – номера стихов или, в прозе, глав и параграфов; иногда, как для Платона и для самого Афиней, по номерам страниц и частей страниц, например, 37d). Названия гомеровских поэм сокращаются: «Ил(иада)» и «Од(иссея)»; сокращения ИЖ и ИР означают «Историю животных» Аристотеля и «Историю растений» Феофраста. Ссылки на несохранившиеся произведения (только для важнейших авторов) даются по номерам фрагментов (для Аристотеля – по изд. Розе, для Феофраста – по изд. Виммера и т.п.). Чаще всего встречаются ссылки на издания XIX в.: Kock = *Comicorum Atticorum Fragmenta*, ed. Th. Kock; FHG = *Fragmenta Historicorum Graecorum*, ed. C. Mueller; TGF² = *Tragicorum Graecorum Fragmenta*, ed. A. Nauck, ed. 2; DK = *Die Fragmente der Vorsokratiker*, hrsg. H. Diels–W. Kranz. Перевести их нумерацию на нумерацию более новых изданий (Якоби, Радта и др.) мы не имели возможности. Перекрестные ссылки на самого Афиней даются тоже в квадратных скобках, без имени автора.

¹ *По византийским эпитамам.* – См. статью в наст. изд., с. 461.

² *...отец этой книги.* – Это метафорическое обозначение сочинителя, который ответствен за жизнь своего творения, восходит к Платону («Федр». 275е; «Пир». 177d). Мы не знаем, использовал ли эту метафору сам Афиней или его византийский пересказчик, но в любом случае ниже есть еще одно указание на связь афинеевского сочинения с Платоном и его диалогами (см. примеч. 12). Французский комментатор Афиней явно придерживается того мнения, что эта связь была лишь косвенной (Athénée de Naucratis. Les Deipnosophistes. Livres I–II. Texte établi et traduit par A.M. Desrousseaux. P., 1956. P. 1; далее: Desrousseaux).

³ *...как афинские риторы...* – Риторами греки называли как ораторов, так и учителей красноречия. Здесь, конечно, речь идет об ораторах, и не случайно упоминаются именно афинские. Ведь в демократических Афинах государственная жизнь определялась тем, насколько убедительным окажется выступающий в народном собрании (политическое красноречие), а судебные решения зависели от того, чья речь – обвинителя или защитника – больше повлияет на присяжных (судебное красноречие). Кроме того, во всех торжественных случаях, как радостных, так и печальных, афиняне считали необходимым произнести речь (так называемое торжественное красноречие). Образцом политического красноречия могут служить для нас речи Демосфена (см., например, его знаменитые «Филиппики», обличавшие македонского царя Филиппа); в судебном красноречии прославился Лисий, а мастером торжественного красноречия был Исократ (см., например, его «Панегирик», приуроченный к открытию состязаний в Олимпии), хотя и судебные ораторы могли выступать с торжественными речами – так, например, Лисию принадлежит речь по случаю Олимпийских состязаний и Эпитафия (надгробная речь по поводу погребения афинских граждан, павших под Коринфом). Бесконечная риторическая практика получила и свое теоретическое обоснование. Первыми теоретиками красноречия стали софисты (о них более подробно см. статью в наст. изд.). Чуть позже в Афинах основал свою риторическую школу Исократ, современник и идейный соперник Платона. Несмотря на то что со временем риторические школы появились и в Малой Азии, и на Родосе, а потом и в Риме, афинское красноречие оставалось образцовым.

⁴ *...толкователь законов, ревнитель... учености... усердный энциклопедист.* – Использованное переводчиком слово «энциклопедист» не следует понимать в привычном для нас значении «всесторонне образованный, обладающий универсальными знаниями». У греков не было ни такого слова, ни такого понятия, как не было и слова «энциклопедия» (оно появилось только в XVI в.). Греки знали только словосочетание ἐγκύκλιος παιδεία – буквально «общее для всех образование». Так обозначали круг дисциплин, обязательных для свободного человека. Набор этих общеобразовательных дисциплин устоялся окончательно в I в. до н.э. и включал грамматику, риторику, философию, геометрию, арифметику, астрономию и музыку. А.-И. Марру предлагает для ἐγκύκλιος παιδεία перевод «общая культура» (Марру А.И. История воспитания в античности. М., 1998. С. 247; далее: Марру). Достоинство упомянутого Масурия состоит, таким образом, в том, что он не только ревностно изучил весь курс общеобразовательных дисциплин, но сведущ и в тех, которые мы бы сейчас называли «специальными» – к ним относятся, например, медицина, архитектура или военное искусство.

⁵ *Он сочинял ямбы ... не хуже любого из поэтов после Архилоха.* – Ямбы – жанр античной лирики, отличительным признаком которого является не столько стихотворный размер (это мог быть и ямб, и трохей, и более сложный стих, сочетавший различные стопы, в том числе дактилические), сколько содержание: ямбы всегда демонстрируют

критическое отношение автора к миру в целом или к отдельным его сторонам. Эта критика может принимать форму насмешки, поношения, даже брани или, наоборот, утонченного скепсиса. В отличие от прочих лирических жанров, которые были песнями, сольными или хоровыми, ямбы не пелись, но декламировались (возможно, нараспев и под аккомпанемент лиры). *Архилох* – первый известный нам сочинитель ямбов (VII в. до н.э.). Его младшим современником был Симонид (Семонид) Аморгский. Тексты обоих дошли до нас во фрагментах. Столетием позже жил еще один знаменитый ямбограф – Гиппонакт. Писал ямбы и Каллимах. Сохранившиеся тексты греческих ямбографов собраны в изданиях: *Iambi et Elegi Graeci ante Alexandrum cantati* / Ed. M. West. Oxford, 1971–1972. Vol. 1–2; Русские переводы: *Архилох. Стихотворения и фрагменты*. М., 1915; Греческая литература в избранных переводах. М., 1939; Лирика древней Эллады в переводах русских поэтов. М.; Л.: Academia, 1935; Парнас: Антология античной лирики. М., 1980; Эллинические поэты. М., 1999.

Римские поэты тоже сочиняли ямбы: Гай Валерий Катулл (ок. 87–54 г. до н.э.), его современник Фурий Бибакул. См. в издании: *Гай Валерий Катулл Веронский. Книга стихотворений*. М.: Наука, 1986. К жанру ямбов относятся и эподы Горация (65–8 гг. до н.э.).

⁶ *Грамматиками* у греков называли ученых, занимавшихся литературными текстами – их анализом и всесторонним толкованием. Такие ученые-грамматики (сейчас мы бы назвали их филологами) появились в александрийскую эпоху, когда стараниями царей – преемников Александра Великого создавались роскошные библиотеки (в Александрии, в Пергаме), а при них возникли своего рода научно-исследовательские центры. Александрийские ученые комментировали тексты не только с историко-культурной и философской, но и с лингвистической точки зрения – объясняли значение редких слов, давали этимологические справки и т.д. Кроме того, они «редактировали» тексты (особенно это касалось гомеровских поэм), исправляя в рукописях отдельные слова и целые выражения. Так появилась *грамматика* уже в узком смысле – как наука о языке. Первое известное нам сочинение по научной грамматике – это «Грамматика» Дионисия Фракийского (I в. до н.э.).

⁷ ... *Филадельф Птолемей... не только умом постигший философию, но и претворявший ее в жизнь*. – Птолемей II Филадельф, правивший Египтом после своего отца, Птолемея I Сотера, в 283–247 гг. до н.э., действительно был прекрасно образован – его учителями были поэт Филит Косский и ученый-филолог Зенодот, и, вступив на престол, Птолемей Филадельф продолжал политику своего отца, покровительствуя искусствам и наукам. К собственно философии этот правитель никакого пристрастия, кажется, не имел, не говоря уже о том, что отправил в ссылку перипатетика Деметрия Фалерского, чьи советы пользовался его отец. Факты жизни Птолемея мало свидетельствуют о том, чтобы он претворял в жизнь постулаты какой-либо из философских школ. Скорее, он относился с интересом и любопытством к самим философам: например, у Диогена Лаэртского («О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов») есть такой эпизод: Птолемей посылает к стоику Зенону узнать, не хочет ли он что-нибудь сказать царю (VII. 24). Так что пересказчик Афиней либо иронизирует, либо употребляет слово «философия» расширительно, как обозначение любви ко всякого рода учености и знаниям – ср. примеч. 184 к кн. I.

⁸ *Кинульк* – прозвище (настоящее его имя было Феодор), буквально «влекущий за собой собак или киников». В следующей фразе очевидна ироническая игра слов: упоминаемая собак (по-греч. «кинес») Телемаха и Актеона, автор подразумевает философов-киников, окружавших Кинулька (примеч. переводчика).

⁹ ...свора, гораздо большая, чем за самим Актеоном. – Согласно мифу, юноша по имени Актеон, внук фиванского царя Кадма, охотился однажды на Кифероне и случайно попал в грот, где обычно отдыхала богиня Артемида. Актеон застал богиню обнаженной – она собиралась искупаться в ручье. Разгневанная Артемида превратила несчастного юношу в оленя. Собаки, с которыми охотился Актеон, не почуяли в олене своего хозяина, бросились за ним в погоню и разорвали на части. См.: Гигин. 180; Аполлодор. III. 4.4.

¹⁰ ...подходит или не подходит... слово «пора» к обозначению части дня... – В период архаики и классики слово *ῥῶρα*, переведенное здесь словом «пора», обозначало у греков любой естественный отрезок времени – и время года (лето, осень и т.д.), и часть дня (утро, день и т.д.). Позже, в эллинистическое время, когда астроном Гиппарх (II в. до н.э.) разделил сутки на 24 часа, словом *ῥῶρα* воспользовались для обозначения часа, но в быту день делили на 12 равных частей (от рассвета и до заката), и этим словом обозначали 1/12-ю часть дня. Вместе с тем, словом *ῥῶρα* обозначалось и просто подходящее, удобное для чего-то время. Отсюда метафорическое значение слова «расцвет».

...слово «пьяница» к мужчине... – Прилагательное *μέθυρος* («пьяный») первоначально употреблялось применительно к особам женского пола: у Гекатея Милетского (VI–V вв. до н.э.) – к амазонке (Fragmente der griechischen Historiker / Ed. F. Jacoby. В., 1923 – I, р. 1; далее: FGtH), у Аристофана – к старухе («Облака». 555; ср. также: «Осы». 1402), однако в Новой комедии и у авторов эпохи Империи (Плутарх, Лукиан) это ограничение снято.

... слово «матка» к съедобной пище... – Словом *μήτρα* греки обозначали и свиную матку, считавшуюся деликатесом, и женский орган.

...присущие ли «свинство» вепрю. – Словом «свинство» переводчик передает здесь сложное существительное *σύντροφος* (от *σῦς* – «свинья» и *τροφός* – «дикий»), обозначавшее только дикое животное – кабана или вепря. При этом само слово *σῦς* могло обозначать как домашнюю свинью, так и ее диких сородичей. Смысл вопроса, видимо, таков: можно ли употребить слово *σύντροφος* как точное соответствие слова *σῦς*.

¹¹ Академики – слушатели или выученики философской школы Платона – Академии. Так назывался общественный гимнасий, около которого в 387 г. до н.э. Платон приобрел участок и стал вести занятия с учениками. История Академии разделяется на несколько периодов и заканчивается только в IV в. н.э. См. об этом: Dillon J. The Middle Platonists. A Study of Platonism 80 B.C. to A.D. 220. L., 1977.

¹² ...Афинея делает свой диалог драматическим. – Афинея, подражая Платону, воспроизводит форму так называемого «пересказанного» диалога. У Платона так построены «Федон» и «Пир». Ср. начало «Федона»: «Скажи, Федон, ты сам был подле Сократа в тот день, когда он выпил яд в тюрьме, или только слышал обо всем от кого-нибудь еще? – Нет, сам, Эхекрат» (57a; пер. С.П. Маркиша). Таким образом, у Платона, как и у Афинея, между читателем и участниками диалога есть некий посредник, благодаря которому иллюзии непосредственного читательского присутствия при беседах не создается. Мы оказываемся уже третьей инстанцией, на что и намекает Тимократ цитатой из киренского поэта.

Современные комментаторы считают, что киренским поэтом здесь назван не Каллимах (310–240 гг. до н.э.), а Эратосфен (ок. 275 г. – ок. 195 г. до н.э.) (Desrousseaux, р. 178), хотя эпитет киренский сам по себе приложим к обоим – они были уроженцами Кирены, города на сев. побережье Африки, основанного в VII в. до н.э. выходцами из греческого города Феры (Фессалия).

Процитированная строчка буквально звучит так: «Тем, кто запечатлел троекратно, боги дают лучшее».

¹³ ...по сократовской методике... – Сократовский метод в широком смысле – это метод антидогматический, когда истина не постулируется, а отыскивается в ходе беседы. Свой метод сам Сократ называл *майевтикой* – «повивальным искусством» (см.: Платон. «Теэтет». 150a–151d; «Пир». 206b–208e). Разговаривая с людьми и задавая им вопросы, Сократ подводил их к ответу. Обычно обсуждалось содержание этических понятий: что такое добродетель? мудрость? мужество? и т.д. Насколько можно судить по платоновским диалогам, в сократовский метод поиска ответов на поставленные вопросы входило использование индуктивного (от частного к общему) и дедуктивного (от общего к частному) способов умозаключения. Вот как они описаны в диалоге «Федр»: «Первый – это способность, охватывая все общим взглядом, возводить к единой идее то, что повсюду разрозненно, чтобы, давая определение каждому, сделать ясным предмет поучения... Второй вид – это, наоборот, способность разделять все на виды, на естественные составные части, стараясь при этом не раздробить ни одной из них...» (265d–266a).

¹⁴ ...«запечатанными книгами»... – Буквально «умолкнувшими». Кокк. I.356.

¹⁵ ...прилично тебе и способно. – Вольный пересказ гомеровских стихов «Илиады».

¹⁶ ...Конон, победив лядедемонян в морской битве у Книды... – Афинский полководец Конон прославился во время Пелопоннесской войны (431–404 гг. до н.э.), командуя флотом с 413 г. После поражения Афин жил на Кипре и оттуда завязал отношения с персидским двором. Когда Спарта, вдохновленная победой над Афинами, начала войну с Персией, персидский царь поставил во главе своего флота грека Конона, и спартанцы были разбиты у г. Книды. См. об этом: Ксенофонт. «Греческая история». IV.3.7; Плутарх. «Агесилай». 17. Это сражение не решило исход войны, но подорвало спартанцев морально.

¹⁷ ...окружив стенами Пирей... – Разбив спартанский флот при Книде, Конон приплыл в Афины, по пути опустошая берега Пелопоннеса. Деньги, полученные от персидского царя, Конон отдал на восстановление так называемых Длинных стен, построенных еще при Фемистокле в 456 г. до н.э. и впоследствии разрушенных. Длинные стены, соединяя Афины с портом Пиреем, делали город практически неприступным.

¹⁸ ...заняли в Олимпии первое, второе и четвертое места... – Учреждение атлетических состязаний в Олимпии (так называлась местность в Элиде, на Пелопоннесе) греки связывали с именами Пелопса, в честь которого стали проводиться погребальные игры на берегах реки Алфей, и Геракла, который возобновил после перерыва традицию этих игр. В историческое время проведение всегреческих игр в Олимпии известно с VIII в. до н.э. Олимпийские игры прекратили свое существование только в IV в. н.э., при императоре Феодосии Великом. В программу олимпийских игр входили: 1. бег на стадий (ок. 200 м), 2. прыжок в длину, 3. метание диска, 4. метание копья, 5. борьба (эти виды объединялись в единый комплекс – пентатлон, «пятиборье»), 6. кулачный бой, 7. панкратий (наиболее жестокий вид борьбы, разрешавший выводить противника из строя всеми способами, включая удары в живот, укусы, удушение и т.д.), 8. скачки верхом, 9. колесничный бег, 10. состязания мальчиков (бег на стадий, борьба, кулачный бой), 11. бег с оружием. Победитель получал венок из оливы и право водрузить в Олимпии памятник в честь своей победы. За состязанием следовал пир, на котором в честь победителей исполнялись торжественные хоровые песни – эпикнии.

¹⁹ ...на Олимпийских скачках... – См. выше, примеч. 18.

²⁰ ...был пифагорейцем и не ел животного... – Учение Пифагора (ок. 570 – ок. 496 гг. до н.э.) известно по косвенным и притом разноречивым сведениям. Идейная подоплека запрета на употребление животной пищи ясна из Порфирия (ок. 232 – ок. 301 гг. до н.э.).

В «Жизнеописании Пифагора» читаем: «О чем он говорил собеседникам, никто не может сказать с уверенностью, ибо не случайно окружили они себя молчанием; но прежде всего шла речь о том, что душа бессмертна, затем, что она переселяется в животных и, наконец, что все рожденное вновь рождается через промежутки времени, что ничего нового на свете нет и что все живое должно считаться родственными друг другу» (19). О запрете на животную пищу упоминает и Страбон (со ссылкой на философа Онесикрита) (XV. 716). Для комедиографов IV–нач. III в. до н.э. это был излюбленный предмет шуток (DK. 58 E).

Вместе с тем, судя по другим сведениям, пифагорейский запрет на животную пищу ограничивался определенными видами живых существ (см.: Диоген Лаэртский. VIII.33–34) или определенными их частями («Жизнеописание Пифагора». 43).

Наконец, некоторые свидетельства вообще опровергают существование такого запрета. У Диогена Лаэртского (со ссылкой на Аристоксена) читаем: «Пифагор воздерживался только от пахотных быков и от баранов, а остальных животных позволяя в пищу» (VIII. 20). У Авла Геллия в «Аттических ночах» говорится, что это заблуждение и что Пифагор включал в свой рацион молодых поросят (IV. 11 = DK. 14.9). Кроме того, у Диогена Лаэртского (VIII. 13) и у Порфирия («Жизнеописание Пифагора». 15) сказано, что Пифагор изобрел мясную диету для атлетов. Более подробно об этом см.: Guthrie W.K. A History of Greek philosophy. Cambridge, 1962. Vol. 1. P. 181–193 (далее: Guthrie).

²¹ ...трагедия заняла первое место в Афинах... – Драматические представления в Афинах проходили в форме состязаний между поэтами – авторами трагедий. Известно, когда и как появился этот обычай, но мы знаем, что во времена Феспиды (ок. 530 г. до н.э.) состязания трагических поэтов уже существовали. Происходили они дважды в год, во время празднеств в честь бога Диониса (Великие (Городские) Дионисии происходили во время весеннего равноденствия, в конце марта – начале апреля, а Малые (Сельские) – в конце декабря – начале января). Участники представляли на суд специального жюри тетралогии – четыре пьесы, связанные общим сюжетом: три из них были трагедии, а последняя – сатировская драма, забавная пьеса, где наряду с героями действовали мифологические существа – козлоногие сатиры. Представления длились четыре дня, с утра и до вечера. Имена авторов, время и место постановки пьесы, результаты состязания записывались на мраморных досках. Эти записи назывались дидаскалиями (от выражения διδάσκειν δρᾶμα – «ставить пьесу»). Дидаскалии первоначально выставлялись прямо в театре, а потом с них стали делать копии, излагая все в хронологическом порядке. Эти театральные летописи тоже назывались дидаскалиями. Дидаскалии сохранились частично у отдельных грамматиков и схолиастов.

²² Хиосское вино – остров Хиос лежит в Эгейском море, у берегов Турции. Этот большой плодородный остров славился своим вином и мрамором, а также входил в семерку городов и островов, претендовавших на то, чтобы считаться родиной Гомера. Прославил этот остров и упомянутый Афинеем трагический поэт *Ион* (ок. 490–422 гг. до н.э.), от сочинений которого остались только фрагменты.

²³ [О том], что... – Предложения, начинающиеся с «что...» подразумевают в начале отметку компилятора σημειώτεον, что соответствует современному nota bene (примеч. переводчика).

²⁴ ...халкедонец Ксенократ, академик Спевсипп и Аристотель написали царские законы. – Французский комментатор Афиня (Desrousseaux, р. 7) предлагает понимать здесь сочетание βασιλικῶν νόμων (букв. «царские законы») как «пиришественные законы». Такое толкование возможно лишь в том случае, если прилагательное βασιλικῶν считать произведенным от βασιλεύς («царь») в метафорическом значении «председатель пира»

(ср.: Плутарх. «Застольные беседы». I. 4. 622b). О пиршественных сочинениях Спевсипа и Аристотеля см. статью. *Халкедонец* – житель (или выходец из) Халкедона, правильное – Калкедона, города в Вифинии на южном берегу Пропонтиды, основанного греками из Мегары. *Академик* – см. выше, примеч. 11.

²⁵ *Акрагантец* – житель (или выходец из) Акраганта, города на южном берегу Сицилии, основанного греками с острова Родос. Жители Акраганта славилась своим гостеприимством (ср.: Цицерон. «Против Верреса». 4. 43), но, возможно, особая щедрость упомянутого здесь Геллия к всадникам из Гелы объясняется еще и тем, что это был соседний с Акрагантом город, также основанный выходцами с Родоса.

²⁶ *Хитон* – простейшая рубашка из льна или шерсти. Хитоны, как и вообще вся одежда греков и римлян, не кроились и не шилась: прямоугольный кусок ткани складывали в длину пополам, в верхней части перегиба делали отверстие, куда просовывалась рука (например, левая); тогда на правом плече два верхних края ткани закреплялись застежкой, а остальная часть оставалась несоединенной. Хитоны могли быть короче и длиннее, их подпоясывали по вкусу, высоко (под грудью) или ниже, на талии или на бедрах. *Гиматий* – плащ. Для гиматия брали четырехугольный кусок материи, один конец перебрасывали через левое плечо и придерживали левой рукой; остальную часть обвивали от левой стороны к правой вокруг спины, правой руки и груди, а конец перебрасывали назад через левое плечо.

²⁷ *...складчинный обед*. – Трапезы у греков бывали общественные и частные, домашние. Общественные трапезы были частью обряда жертвоприношения, которое мыслилось совместной трапезой богов и людей. Сначала на алтаре сжигались положенные части жертвенного животного (о том, почему для богов сжигается наименее съедобное, см. этимологический миф о Прометее: Гесиод. «Теогония». 535 сл.). Потом из оставшего устраивалось пиршество для участников обряда, причем каждому в этой трапезе полагалась равная доля. Такой обед назывался *δαίς* – ср.: *δαίωμα* «делить на части», «распределять». О том, что этот обычай сохранялся вплоть до эпохи римской империи, свидетельствует Плутарх («Застольные беседы». II. 10. 644a-b). Частный обед мог давать один человек на свой счет у себя дома; гости на таком обеде были званые, но по обычаю греков званый гость мог привести с собой еще кого-то – по своему усмотрению. Так у Платона в «Пире» Сократ по дороге на пир к Агафону встречает своего знакомого Аристодема и приглашает его с собой (174a-d). Наконец, у греков можно было явиться на обед и вовсе без приглашения – об этом свидетельствует и контекст «Илиады» (II. 408), и контекст «Пира». (174e–175a), а также поговорочное выражение, которое приводит Сократ («Пир». 174b-c) и ниже обсуждает сам Афиней (V.178a). Ср. также у Плутарха: «Так, если кто-либо из приглашенных на обед приведет с собой своего друга, то ему, согласно доброму обычаю, будет оказан такой же любезный прием, как и остальным гостям; так дружелюбно был принят, например, Аристодем, которого Сократ привел к Агафону. Но если кто явится по собственному почину, то перед ним надо закрыть дверь» («Застольные беседы». III. 1. 645f–646a. Пер. Я.М. Боровского).

С обычаем принимать незваных гостей связано, вероятно, и такое явление, как паразитство («нахлебничество», от греч. *παρά-* – «рядом», «около», и *ῥίτος* – «хлеб», «пища»). Другой разновидностью светского обеда был обед вскладчину, когда каждый вносил свою долю еды (греч. *μερίς*) и выпивки (греч. *συμβολή*).

²⁸ *Мессенцы* – жители Мессены, ныне Мессина – город на Сицилии.

²⁹ *...сицилийские мурены...* – Муренами называется семейство морских рыб отряда угрей. Длина мурен достигает 3 м. Водятся они в тропических и субтропических морях всех океанов.

...*Водоплавающие угри*... – Точнее, просто плавающие. Французский комментатор Афиней объясняет (Desrousseaux, p. 8), что так называлась разновидность угрей, плававших по поверхности воды. Всего отряд угрей – рыб длиной до 3 м, весом до 65 кг – насчитывает 22 семьи и около 400 видов. Водятся угри не только в теплых морях, но и, например, в бассейнах Балтийского, Белого и Баренцева морей.

...*пахинских тунцов*... – Пахин – южный мыс Сицилии, ныне Капо ди Пассаро.

...*козлята с Мелоса*... – Мелос – самый восточный из группы Кикладских о-вов в Эгейском море (ныне Милос).

...*скиафская рыба*... – Рыба, ловившаяся у побережья о-ва Скиаф (н. Скиатос) в Эгейском море, к северу от Эвбеи.

...*пелорские моллюски*... – Пелор, или Пелориада – северо-восточная оконечность Сицилии в Сицилийском проливе, ныне Капо ди Фаро.

...*липарская килька*... – Липара (ныне Липари) – самый большой из Липарских (Эолийских) островов у северного побережья Сицилии. Судя по Лукиану, другие виды кильки совсем не ценились («Икароменипп, или Заоблачный полет». 27).

...*мантинейская репа*... – Мантинея – город, упомянутый еще у Гомера (Ил. II.607); находился в восточной части Аркадии при речке Офисе.

...*фиванский рапс*... – Фивы – город в Беотии. Эта была самая плодородная местность в Средней Греции.

...*аскрийская свекла*... – Аскра – селение в Беотии, у подошвы Геликона, родина поэта Гесиода. Климат Аскры Гесиод описывает как резко континентальный и неудобный для жизни человека («Труды и дни». 638 сл.), однако место это было очень плодородным – ср.: Павсаний. IX.29; Овидий. «Письма с Понта». 4.14.31 сл.

³⁰ ...*за платоновской трапезой было двадцать восемь едоков*. – В диалоге Платона «Пир» число участников не названо.

³¹ *Гостям незванным*... – См. выше, примеч. 27.

³² ...*говорит сиракузский поэт*... – Поэт Феокрит родился около 300 г. до н.э. в Сиракузах на Сицилии, но жил и на о-ве Кос, где входил в кружок Филита Косского, и в Александрии. Феокрит известен как изобретатель нового лирического жанра – «идиллии» (греч. εἰδύλλιον – «видик», «картинка»). В этом жанре работали поэты Мосх (серед. II в. до н.э.) и Бион (конец II в. до н.э.), но решающую роль в судьбе этого жанра сыграл Вергилий (70–19 гг. до н.э.) («Буколики»). Здесь цитируется 2-я идиллия, ст. 58.

³³ *Эпический стих* – гексаметр. Это стих, состоящий из шести дактилических стоп. В первых четырех стопах дактиль мог заменяться спондеем. Последняя, шестая стопа, могла быть или спондеической, или усеченной (так называемой каталектической). Подробно о греческой метрике см.: *Снельс Б.* Греческая метрика / Пер. Д. Торшилова. М., 1999.

³⁴ ...*Древней комедии*. – Древнегреческую комедию принято делить на Древнюю (с первого представления комедии на Великих Дионисиях в 486 г. до конца Пелопоннесской войны в 404 г. до н.э.), Среднюю (с конца Пелопоннесской войны до смерти Александра Македонского в 323 г. до н.э.) и Новую (с 323 г. до н.э.). Новая греческая комедия продолжилась в комедии римской, у Плавта и Теренция. Из авторов Древней комедии нам лучше всего известен Аристофан, а Новой – Менандр. Данное деление достаточно условно, но его придерживались сами греки задолго до Афиней: ср. точный сравнительный анализ Древней и Новой комедии у Плутарха («Застольные беседы». VII. 8. 711f–712d).

³⁵ ...ошибочно прозываемый учеником Аристофана... – Возможно, его притязания считаться учеником Аристофана оспаривались ввиду того, что он жил гораздо позднее выдающегося филолога. Ср. 182d, 387d, 662d (примеч. переводчика).

³⁶ ...о Филоксене с Киферы... – См. примеч. 39. О его появлении на свадьбе в качестве незванного гостя см. 6b; ср. примеч. 27 к этой книге.

³⁷ Холодными, как снег на Иде, пальцами... – Каламбурный намек на Дактилей (греч. δάκτυλος – «палец»), мифических существ, спутников к кругу Реи, Идейской Матери Богов (примеч. переводчика).

³⁸ Гименей – греч. ὑμέναιος – «божество, покровительствующее браку». Существует несколько версий его происхождения: по одной из них, Гименей был сыном Музы, по другой – Диониса и Афродиты. Но развитая мифология Гименея появляется только в римско-византийское время (см.: Аполлодор. I. 3.3; III. 10.3), а в более раннее время слово «гименей» употреблялось как имя нарицательное – как название свадебной песни (Ил. XVIII. 493; Гесиод. «Щит». 274). Смысл распространенного припева свадебных песен «Гимен, о, гименей» не вполне понятен – является ли он обращением к божеству или именованием самой песни, которое со временем стало восприниматься как имя божества-покровителя свадебного обряда. См. у Сапфо знаменитый фрагмент «Эй, потолок поднимайте» с припевом «Гимен, о, гименей» (Lyrica Graeca Selecta / Ed. D. Page. Oxford, 1988. Fr. 229), а также: Еврипид. «Троянки». 310, 331; Аристофан. «Мир». 1332; «Птицы». 1736.

³⁹ ...киферский поэт... – Кифера (ныне Китира) – остров у входа в Лаконский залив, близ мыса Малеи. Киферой называется и главный город острова. См.: Геродот. VII.235; I.82; Фукидид. IV.53–54, 118; V.18.

⁴⁰ ...поэму о Галатее... – Пикантность ситуации в том, что Галатеей звали и возлюбленную Дионисия – флейтистку, о которой речь пойдет чуть дальше, и героиню мифа – дочь морского старца Нерея. О Нерее см.: Гесиод. «Теогония». 233–236; Аполлодор. II. 5, 11.

⁴¹ ...Филоксен и написал своего «Киклопа»... – Киклопами («Круглоглазыми») в греческой мифологии называли сыновей Урана и Геи, великанов с одним глазом посреди лба. У Гесиода их трое – Бронт (Гром), Стероп и Арг (оба имени можно перевести как «Молния»). См. о них: Аполлодор. I. 2. 1; III. 10. 3–4. У Гомера киклопы просто злые великаны, не связанные, как у Гесиода, со стихийными силами природы. В IX песни «Одиссеи» рассказывается о том, как Одиссей попал в плен в киклопу Полифему; на этот же сюжет написана сатирическая драма Еврипида «Киклоп». Любви Полифема к нереиде Галатее посвящена 11 идиллия Феокрита, а вот каким сюжетом связаны в поэме Филоксена Полифем, Галатее и Одиссей, остается только догадываться. См.: Julien P. Le thème du Cyclope dans les littératures grecque et latine. P., 1941.

⁴² ...некий Апикий... – Это имя носили три знаменитых римских гурмана. Наиболее известен Марк Гавий Апикий, живший во времена Тиберия. Ему приписывается сочинение в десяти книгах под названием «О кулинарии» («De re coquinaria»), представляющее собой сборник кулинарных рецептов (примеч. переводчика).

⁴³ Киренский философ Аристоксен... претворявший в жизнь философию своей родины... – О Кирене см. выше, примеч. 12. Выходцем из Кирены был Аристипп (ум. после 366 г. до н.э.), ученик Сократа, основавший философскую школу, приверженцы которой назывались киренаиками. Киренаики не занимались изучением природы, считая ее непостижимой, и были сосредоточены целиком на проблемах этики. Они считали, что главная цель человеческой жизни – наслаждения, а совокупность всех наслаждений является счастьем. Наслаждение киренаики понимали как «плавное движение души»,

противопоставляя ему боль как «резкое движение души». О киренаиках см.: Диоген Лаэртский. II. 86 сл.; Aristippi et Cyrenaicorum fragmenta // Ed. E. Mannebach. Leiden; Köln, 1961.

⁴⁴ ...Апикий посылал ему свежих устриц... – Разумеется, не тот Апикий, о котором шла речь выше (примеч. переводчика).

⁴⁵ Анчоусы – семейство рыб отряда сельдеобразных. Длина до 16 см, вес до 19 г. Насчитывается до 40 видов анчоусов. Водятся в морях и пресных водах тропических и умеренных широт.

⁴⁶ ...Архилох... упрекает... за то, что он, как миконец, врывается на пиры незванным. – Букв. «на миконский манер». Архилох – самый ранний дошедший до нас источник сведений о скверной репутации жителей Миконоса – небольшого острова из группы Кикладских островов в Эгейском море. Само выражение «на миконский манер» показывает, что репутация миконцев как людей невежливых была во времена Архилоха (VII в. до н.э.) уже сложившейся – если, конечно, Афиней, приводя эти фрагменты, не искажал архилоховского контекста. В словаре Суды зафиксировано выражение «миконский сосед», т.е. мелочный и скаредный человек («Суда»: Μικωνίους γείτον). см.: Iambi et elegi Graeci // Ed. M. West. Vol. 1, fr. 124. Oxford, 1978.

⁴⁷ ...у друзей... всё общее. – Пословица, автором которой античная традиция считает Пифагора (Диоген Лаэртский. VIII. 10–11 со ссылкой на Тимея Локрского, пифагорейца и главного героя платоновского диалога «Тимей»). Действительно, тот замкнутый религиозный союз, каким была пифагорейская школа, строился, насколько нам известно, на принципе общности имущества. Эту поговорку использует Платон («Федр». 279с); ср. также : Аристотель. «Никомахова этика». 1159 b 31.

⁴⁸ Гномон – гномоном (от греч. γι-γνώ-σχω – «узнавать», «распознавать») назывались солнечные часы, изобретение которых античная традиция иногда приписывает философам Анаксимандру или Анаксимену (VI в. до н.э.) – см.: Диоген Лаэртский. II. 1, 3; Плиний. II. 187. Вместе с тем, по мнению Геродота, гномон и деление светового дня на 12 частей греки усвоили у вавилонян (II. 109). «Стрелка» гномона представляла собой штырек, стоявший строго отвесно на ровной или сферической поверхности, мраморной или медной. Время определяли сначала по длине тени от стрелки, а потом – по ее направлению. См.: Витрувий. I. 6.6; IX. 7.2. В целом см.: PWRE. Bd. VIII, Horologium.

⁴⁹ ...только лишь бездымные / Приносим жертвы. – т.е. живем за чужой счет (примеч. переводчика).

⁵⁰ ...не было незнакомо принятие пищи в одиночку... – Обычай принимать пищу в одиночестве у греков действительно существовал, но связан он с традицией одного только греческого острова – Эгины, где жители после принесения жертв Посейдону в течение 16 дней пировали дома в полном одиночестве и молчании, не допуская к себе даже рабов. Участников такого пиришества и называли монофагами. Этиологию этого обычая Плутарх объясняет так: «Многие из эгинцев, пошедших войной на Трою, погибли в сражениях, а еще больше – в морских бурях. Родственники немногих спасшихся, видя остальных граждан в скорби и печали, решили, что не подобает открыто поздравлять своих близких с возвращением и приносить богам благодарственные жертвы. И вот, таясь, каждый в своем доме принимали они спасенных и устраивали праздничное угощение, за которым сами прислуживали отцам, родичам, братьям и домочадцам, а никого чужого не пускали» («Греческие вопросы, 44 – Кто такие «монофаги» на Эгине?»).

Возможно, для всех остальных греков, кроме эгинцев, «монофагия» была лишь дикостью и поводом для насмешек – не случайно слово «монофаг» (от μόνος – «один» и

φαγεῖν – «есть») звучит у Амипсия (Kock. I.677) как ругательство, сочетаясь с распространенным выражением «к воронам» (ср. рус. «к чертям»).

⁵¹ Гомер видел, что скромность есть добродетель... – Как сказал Платон: «Гомер воспитал Грецию» («Государство». X. 606е; ср.: «Протагор». 339а). Привычка черпать в гомеровских поэмах уроки практической морали стала складываться, вероятнее всего, уже тогда, когда греки слушали эпических певцов – сначала сочинителей-аэдов, позже исполнителей-рапсодов. Поведение героев, их нравственные принципы служили образцом и объектом подражания. Скорее всего, именно такое безмятежное и некритическое отношение к Гомеру вызвало взрыв критики в VI в. до н.э.: Ксенофан Колофонский нападал на гомеровских богов, страдающих всеми человеческими слабостями (DK. 21. В 10–12, 14–16), Гераклит развенчивал авторитет Гомера как философа (DK. 22. А 22, В 40, 42, 56, 57, 106), а Пифагор даже якобы видел, как наказывают Гомера в царстве мертвых за лживые измышления о богах (Иероним Родосский, fr. 42 Wehrli). К концу VI в. у Гомера появился защитник – это был Феаген Регийский. Судя по сохранившимся сведениям, он первым использовал (если не изобрел) метод аллегорического толкования текста. Так, он считал, что битва богов (Ил. XXI–XXII) – это иносказательное описание борьбы физических элементов и т.п. (DK. 8.2, 3).

В V в. до н.э. к Гомеру подходят рационалистически: и Геродот, и Фукидид, и даже поэт Пиндар смотрят на гомеровские тексты с позиции здравого смысла, устанавливая, сколько в них правды, а сколько вымысла (см. об этом: *The Iliad: A Commentary* / Ed. G.S. Kirk. Cambridge, 1996. Vol. 6. P. 27–28, а также: *Гринцер П.А., Гринцер Н.П.* Становление литературной теории в Древней Греции и Индии. М., 2001).

Софисты искали в гомеровских текстах подтекст, утверждая, что Гомер (а также Гесиод и Симонид) скрывали подлинную мудрость под покровом поэзии (см.: Платон. «Протагор». 316d-e; «Теэтет». 180c-e). Поиски скрытого в поэтических текстах смысла были не чем иным, как аллегорезой. Вместе с тем софисты прибегали к гомеровским сюжетам и образам как таковым, чтобы с их помощью выразить или подкрепить свои собственные этические тезисы. Так, показателен спор о сравнительных достоинствах Ахилла и Одиссея, который ведет софист Гиппий с Сократом в диалоге Платона «Гиппий Меньший» (363b). Для самого Сократа, насколько мы можем судить по Ксенофону и Платону, Гомер тоже служил источником моральных примеров и образцов. Таким образом, в IV в. до н.э. Гомер продолжал быть для греков учителем жизни, чему в конце концов и воспротивился Платон в X книге «Государства».

Аристотель написал целое сочинение под названием «Гомеровские проблемы» (fr. 142–179 Rose), где не только обобщил весь предшествующий опыт толкования и критики гомеровских поэм, но и объяснил, что абсолютных моральных оценок поведения гомеровских героев быть не может, что нужно непременно учитывать, как бы мы сейчас сказали, историко-культурный контекст (fr. 166 Rose).

В послеаристотелевское время сосуществуют два метода интерпретации Гомера. С одной стороны, остается актуальной аллегореза – это излюбленный метод философов-стоиков; до нас дошло два образца сочинений такого рода – «Гомеровские проблемы» Гераклита и «О жизни и поэзии Гомера» Плутарха (?) (I в. н.э.). С другой стороны, в сочинении Плутарха «О том, как следует слушать поэтов» мы видим уже знакомый нам метод морально-этического толкования гомеровских поэм. Его и предпочитает Афиней. Более подробно о традиции толкования Гомера см.: *Richardson N.* Homer and his ancient critics // *The Iliad: A Commentary*. Vol. 6. P. 25 sq.

⁵² Кандил – греч. κάνδυλος или κάνδαυλος, лидийское блюдо.

⁵³ ...подносит Аяксу после единоборства... – С Гектором (Ил. VII.200).

⁵⁴ *Менелай, справляя свадьбу детей...* – У Гомера Менелай действительно справляет свадьбу своих детей, когда к нему прибывает Телемах, чтобы расспросить о судьбе своего отца Одиссея.

⁵⁵ *...Нестор... отдает повеление...* – У Гомера Нестор приносит жертву не Посейдону, а Афине.

⁵⁶ *...о кушаньях, которые, по словам Менандра, «распаляют похоть»...* – Коск.П.462. Из комедии «Трофоний». Ср. 132f и 517a.

⁵⁷ *...Приам упрекает сыновей...* – У Гомера упрек Приама относится не к истреблению скота как таковому, а к праздности и невоинственности многочисленных Приамовых сыновей, которые проводят время в развлечениях, выбирая для своих пиров самых деликатесных животных – ягнят и козлят (в переводе Н. Гнедича – *коз* и *агнцев*). *Вопреки обычаю* сыновья Приама действуют потому, что забивают не чужих ягнят и козлят, что в героическую эпоху было совсем не преступно, но своих собственных, троянских. Нелестную характеристику Приамовых сыновей встречаем и в песни III, ст. 106. В целом же у Гомера пиры и пляски противопоставляются сражениям как праздность – деятельности (см., напр., Ил. III.393 и XV.508).

⁵⁸ *...поэт с удовольствием о них упоминает...* – Гомер упоминает не об обычных фруктах – у него речь идет о волшебных садах царя Алкиноя, где плоды поспевают круглый год.

⁵⁹ *Мирра* – см. примеч. 95 к кн. II.

⁶⁰ *Нектар и амбросия* – нектар – это напиток богов, а амбросия – их пища. См.: Од. V.93; «Гимн к Деметре». 49; «Гимн к Аполлону». 10; Платон. «Федр». 247e. О том, что нектар и амбросия дают бессмертие: Пиндар. Ол. I.60; Ил. V.341. О том, что они делают тело неподвластным какому бы то ни было разрушению: Ил. XIX.38–39. О том, что они отбивают все дурные запахи: Од. IV.445–446. Эпитет «амбросийный»: Ил. V.369; Од. XVIII.191–193; «нектарный» (об одеждах): Ил. III.385; XVIII.25. См. также: Roscher W. Ausführliches Lexikon der griechen und römischen Mythologie. Leipzig, 1884–1937. I.282 (далее: Roscher).

⁶¹ *Одни ... обращаются к гимнастическим упражнениям ... Другие ... слушают кифаредов...* – Той ситуации, которую описывает Афинея, – когда часть гостей предается физическим упражнениям, а другая в это время слушает певцов, – мы у Гомера не встречаем. Скорее всего, обычный порядок развлечений описан царем Алкиноем в VIII песни «Одиссеи»: «Душу свою насладили довольно мы вкуснообильной // Пищей и звуками лиры, подруги пиров сладкогласной; // Время отсюда пойти нам и в мужеских подвигах крепость // Силы своей оказать, чтоб наш гость, возвратясь, домашним // Мог возвестить, сколь других мы людей превосходим в кулачном // Бое, в борьбе утомительной, в прыганье, в беге проворном» (98 сл.).

⁶² *...мудрейший Нестор подносит вино раненому в правое плечо ... Махаону...* – У Гомера не говорится ни о том, что Нестор предлагает Махаону прамнийское вино в качестве наилучшего лекарства от воспаления, ни о том, что он добавляет туда сыр и дает в прикуску лук для возбуждения жажды, – здесь Афинея (или его византийский пересказчик) по своему обыкновению вольно толкует гомеровский текст. У Гомера наложница Нестора готовит для своего господина и его раненного гостя кикео́н (от греч. *κικῆω* – «смешивать») – традиционный напиток, составлявшийся из вина, меда, сыра и муки. В схолиях отмечается, что этот напиток дают раненому в первую очередь для укрепления сил. В прикуску к кикео́ну действительно подается лук, но не для возбуждения жажды, наоборот, – кикео́ном, как сказано у Гомера, герои «утолили палящую жажду» (Ил. XI.620 сл.). *Прамнийское вино* – о нем см. 30b.

⁶³ ...*Нестор приглашает его продолжить питье...* – Ил. XIV.5 – Махаон уже подкрепился кикеоном и утолил жажду (ср. выше, примеч. 62), но это не означает, что выпивка закончена, поэтому слова Нестора не входят в противоречие с контекстом XI песни.

⁶⁴ ...*вино обессиливает...* – Об этом говорит Гектор (Ил. VI.265) – см. примеч. 65.

⁶⁵ *Что касается Гектора...* – Эпизод передан почти точно – правда, у Гомера ничего не говорится о том, что Гекуба, предлагая Гектору совершить возлияние богам и выпить вина самому, рассчитывает, что он проведет остаток дня в городе (Ил. VI.258 сл.).

⁶⁶ ...*хлебать его большими глотками...* – Од. XXI.294. В гомеровском выражении $\chi\alpha\nu\delta\acute{o}\nu \epsilon\lambda\epsilon\acute{\iota}\nu$ – «пить с широко открытым ртом», т.е. жадно, Афиней заменяет глагол $\epsilon\lambda\epsilon\acute{\iota}\nu$ (букв. «брать») на однокоренной, но более разговорный и обычно употребляемый в комедиях в значении «жадно пить» – $\epsilon\lambda\chi\epsilon\acute{\iota}\nu$ (букв. «тянуть», «тащить»).

⁶⁷ ...*различные пропорции смешения...* – Греки всегда разбавляли вино водой – пить неразбавленное вино было для них признаком дикости и варварства. О том, в какой пропорции следует смешивать вино и воду, подробнейшим образом рассуждают герои «Застольных бесед» Плутарха (кн. III, вопр. 9).

⁶⁸ ...*«раствори покрепче»...* – Греч. $\zeta\omega\rho\acute{o}\tau\epsilon\rho\omicron\nu \delta\grave{\epsilon} \chi\acute{\epsilon}\rho\alpha\iota\epsilon$. Эта просьба Ахилла (Ил. IX.262) смущала критиков и комментаторов Гомера по меньшей мере с IV в. до н.э., со времен Зоила. Казалось, что просьба Ахилла приготовить напиток покрепче характеризует героя негативно. В «Застольных беседах» Плутарха эта фраза становится предметом специальной дискуссии, в которой много внимания уделяется собственно семантике прилагательного $\zeta\omega\rho\acute{o}\varsigma$ и производимого от него наречия $\zeta\omega\rho\acute{o}\tau\epsilon\rho\omicron\nu$. Судя по разноречивости мнений, уже во времена Плутарха (серед. I в. н.э.) это слово было не вполне прозрачным, но сам Плутарх считает, что не стоит выискивать для $\zeta\omega\rho\acute{o}\varsigma$ какое-то специальное значение, потому что просьба Ахилла в действительности не бросает тени на героя. О толковании, предложенном Плутархом, см.: *Плутарх*. Застольные беседы. Л., 1990 (кн. V, вопр. 4 и примеч. на с. 438–439).

⁶⁹ ...*вино, смешанное с мучицей и сыром...* – т.е. кикеон; см. выше, примеч. 62.

⁷⁰ ...*как девушки и женщины омыают гостей...* – У Гомера это делают рабыни: Телемаха и его спутника, прибывших в Спарту к царю Менелая, «омыла и чистым елеем натерла рабыня» (Од. VI.49). Вместе с тем волшебница Кирка сама омывает Одиссея (X.357 сл.).

⁷¹ ...*дочери Кокала ... купали...* – Кокал – мифологический царь сицилийцев, у которого искал пристанища спасавшийся от Миноса Дедал. О нем см.: Диодор. IV.77–79. Когда Минос явился на Сицилию, дочери Кокала из любви к Дедалу сварили Миноса заживо. О гибели Миноса Софокл написал трагедию «Камикийцы», а Аристофан – комедию «Кокал» (Kock.I.345–355). Ср.: *Гигин*. Мифы / Пер. Д.О. Торшилова. СПб., 2000. С. 66–67.

⁷² ...*гостей Кирки ... превращает во львов и волков...* – У Гомера Кирка превращает попавших к ней спутников Одиссея в свиней, а не во львов и волков, и причина этого превращения – не их пьянство (они успевают лишь угоститься кикеоном – о нем см. выше, примеч. 62), а киркино зелье. Афиней толкует гомеровский текст аллегорически, усматривая в зелье волшебницы иносказательное обозначение вина. Львы и волки окружают дом Кирки и ведут себя как домашние, укрощенные киркиным «очарованным питьем» (Од. X.277 сл.). О том, что это люди, превращенные волшебницей в животных, догадывается только Эврилох, ставший свидетелем превращения своих товарищей в свиней (там же, 429 сл.). См. также: Аполлодор. Э.7.14.

⁷³ *Эльпенор же, предававшийся пьянству и распущенности...* – У Гомера юный и неопытный Эльпенор, «крепким вином охмеленный», ушел спать на крышу дома Кирки, а проснувшись, забыл, где находится, упал и сломал позвоночник.

⁷⁴ *И Антиной ... погибает...* – Действительно, Антиной погибает от стрелы Одиссея в тот момент, когда подносит чашу к губам, – так поэт хочет показать, насколько спокоен и беззаботен был Антиной, продолжавший пировать в тот момент, когда Одиссей уже направил на него свой лук. Афиней толкует этот эпизод вольно, приводя читателя к мысли, что смерть Антиной была карой за его склонность к выпивке.

⁷⁵ *...Энею ... из-за пьяной болтливости и хвастливых обещаний...* – В «Илиаде» действительно есть эпизод, где к троянскому герою Энею обращается Аполлон: «Где же угрозы твои, Анхизид, предводитель дарданцев? // Или не ты в Илионе, с царями за чашей пируя, // Гордо грозился, что с сыном Пелеевым станешь на битву?» (Ил. XX.80 сл.). Вообще у Гомера герои и боги часто напоминают друг другу о невыполненных смелых обещаниях, но не затем, чтобы упрекнуть в хвастовстве, – для этики героической эпохи было гораздо важнее, чтобы за словами следовали поступки. Так Агамемнон стыдит свое войско: «Там на пирах, поедая рогатых волов неисчетных, // Чаши до дна выпивая, вином через край налитые, // На сто, на двести троян, говорили вы, каждый из наших // Станем смело на бой! а теперь одного мы не стоим // Гектора...» (Ил. VIII.230 сл.). Ахилл напоминает своим воинам об их угрозах в адрес врагов (Ил. XVI.200 сл.), а Посейдон обращается к Идоменею: «Где же, о критян советник, куда же девались угрозы, // Коими Трои сынам угрожали ахейские чада?» (Ил. XIII.219 сл.). Ср. также: Ил. I.396 сл.; XXI.475 сл. Таким образом, Афиней, толкуя гомеровский текст, переставляет акценты и даже утрирует (в интересах своей концепции) отдельные детали – ведь обещания, данные за чашей на пиру (т.е. в обычной для гомеровских героев обстановке), не являются проявлением *пьяной болтливости*.

⁷⁶ *...и едва не поплатиться жизнью.* – Действительно, поединок с Ахиллом кончился бы для Энея плачевно, если бы не вмешательство Посейдона: окутав Ахилла темным облаком, он унес Энея подальше от противника (Ил. XX.290 сл.).

⁷⁷ *Так приводит эти стихи...* – Вторая строчка в дошедших до нас рукописях «Илиады» отсутствует.

⁷⁸ *...воплощенная «фессалийская хитрость»...* – Фессалийской хитростью и фессалийским плутом Афиней именует одного из собеседников – Миртила (ср. 308b). Пересказчик Афиней справедливо замечает, что «фессалийская хитрость» – поговорочное выражение: см.: Еврипид. «Финикиянки». 1407; «Суда»: *Θεσσαλὸν ὀφιοῖα*.

⁷⁹ *...прежде всего шел завтрак...* – Словом *ἀκράτις* (или однокоренным *ἀκρατισμός*) греки обозначали завтрак уже после Гомера – ср.: Аристотель. «История животных». 564 а 20; Этимология, которую Афиней предлагает для этого слова, – самая расхожая и популярная (ср.: Плутарх. «Застольные беседы». VIII.6.726c), хотя у того же Плутарха предлагается и другая версия: «...в старину слишком ранняя трапеза считалась предосудительной, и потому название раннего завтрака объясняют как происшедшее от слова *ἀκρασία* “невоздержность”» (там же, 726b).

⁸⁰ *...который он называет полдником...* – Слово *ἄριστον* у Гомера действительно употребляется для обозначения завтрака – см.: Ил. XXIV.124; Од. XVI.2. В более позднее время этим словом стали обозначать уже не утреннюю, а полуденную трапезу – «ланч» (Фукидид. IV.90; VII.81; Геродот. III.26; VI.78; Аристотель. «История животных». 619а 15; ср. также классификацию Филемона, приведенную ниже).

⁸¹ *Утреннюю трапезу он также называет эмброма...* – Слово *ἐμβρομα* (от *βι-βρώ-σχω* – «есть, поедать») у Гомера вообще не употребляется.

⁸² *Филемон утверждает...* – Не вполне понятно, кто и когда пользовался той системой обозначения трапез, которую приводит Филемон со ссылкой на «древних». Слово *ἐσπέριον* (от *ἐσπέρα* – «вечер») в значении «обед» встречается только у самого Филемона; это же касается и слова *δισανησιμόδς*. Словом *δортητόδς* греки обозначали не трапезу, а время вечерней трапезы, которую с гомеровских времен именовали *δóρπov* (ср.: Аристофан. «Осы». 103; Ксенофонт. «Анабасис». I.10.17; Гиппократ. «Об эпидемиях». 5.22). Так вечерняя трапеза именуется и в нижеприведенном перечислении Эсхила наряду с *ἄριστον* – «завтрак» и *δεῖπνον* – «обед». Слово *ἐλιδорlς* как обозначение ужина известно только из Филемона.

⁸³ *Четвертая трапеза, упоминаемая Гомером ... имела место...* – Од.XVII.599. Когда имела место трапеза, именуемая *δεῖπνον*, точно определить невозможно. Само существительное *δεῖλη* обозначает время после полудня; произведенный от него глагол *δεῖλῶ* имеет расплывчатое значение «вкусать пищу после полудня» (приведенный здесь перевод В. Жуковского «ночевавши» ошибочен, скорее уж «вечерявши»); прилагательное *δεῖλος*, означает «послеполуденный», а как субстантив – «послеполуденная трапеза». О четвертой трапезе см. 193а.

⁸⁴ *...Гомер использует слово обед как синоним завтрака...* – И не только в этих стихах из «Илиады» (VIII.53–54) – слово *δεῖπνον* у Гомера может обозначать как утреннюю (Ил.II.381; X.578; XIX.171; Од.XV.94), так и вечернюю трапезу (Од.XVII.175; XX.390). Обстоятельное рассуждение о названиях трапез есть у Плутарха («Застольные беседы». VIII.6.726а сл.).

⁸⁵ *Пируют у Гомера сидя.* – Афиней не случайно отмечает это – в классическую эпоху греки пировали полулежа на боку, подобрав на ложе ноги и локтем опираясь на подушку. Эту манеру у них усвоили и римляне.

⁸⁶ *...ставился отдельный столик.* – Современные комментаторы Гомера согласны с таким толкованием; о том, что это были маленькие переносные столы, которые полагалось уносить по окончании пира, см.: The Iliad: A Commentary. Vol. 3. P. 92).

До какого времени использовались у греков отдельные столики, сказать трудно, но в афинеевские времена (т.е. в императорскую эпоху) это уже воспринималось как экзотическая причуда – если, конечно, мы правильно толкуем эпизод в «Сатириконе» Петрония (гл. 34), где Трималхион говорит: «Марс любит равенство. Поэтому я велел поставить каждому отдельный столик».

⁸⁷ *Принесенные блюда оставались на столах...* – Совершенно ясно, что во времена Афиней (III в. н.э.) блюда было принято уносить, сменяя их новыми. Учитывая, что при Анакреонте (VI–V вв. до н.э.) этого обычая еще не было, можно предположить, что он укоренился только в классическую эпоху и сохранялся до конца античности.

⁸⁸ *...опровергается следующим стихом...* – Строчка *ἔτι καὶ παρήξειτο τράπεζα* («и пред ним еще стол оставался») смущала многих редакторов и комментаторов Гомера. В рукописи *Т* она атетирована именно как избыточная – ведь считалось, что в те времена, о которых повествует Гомер, столы и не было принято уносить сразу после еды (см.: Schol.Od.VII.174). Изменение пунктуации, предлагаемое Афинеем, превращает строчку из неясной в бессмысленную, а вот второе объяснение современные комментаторы считают удовлетворительным: сомнительная строчка, подтверждают они, означает просто, что стол еще оставался, но его вот-вот должны были унести, потому что Ахилл, скорбя о Патрокле, должен был ограничиться скромной трапезой, не превращая ее в длительный пир (The Iliad: A Commentary. Vol. 6. P. 322).

⁸⁹ *...получили название пиров...* – Объяснение корректное. В качестве примеров приводятся цитаты из «Одиссеи» (VIII.98) и «Илиады» (IX.225).

⁹⁰ ...*происхождение слова нечестие*... – Греч. ἀτασθαλία. Для современных ученых этимология этого слова не очевидна. Предполагается, что оно происходит от ἀτή, «помешательство, безумие; пагуба» и θάλλω – «цвести» (или θάλλος – «поросль», «побег»). См.: Chantaine P. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. P., 1990. Vol. 1–2 (далее: Chantaine).

⁹¹ ...*Зенодот в своей редакции поэм*... – О Зенодоте Эфесском см. примеч. 7. Его задача состояла в том, чтобы «извлечь порядок из того хаоса рукописей (гомеровских поэм. – О. Л.), которые были собраны в Мусейоне». (The Iliad: A Commentary. Vol. 4. P. 22 sq.). Работая над текстом, Зенодот отвергал одни строчки, менял чтение в других, вводил в текст послегомеровские грамматические формы. Зенодот не оставил комментария, так что иногда бывает трудно понять мотивы производимых им изменений. В данном месте (Ил. I.4) Зенодот меняет слово πᾶσι («всем») на δαῖτα («на обед»). Современные комментаторы считают это чтение удачным (см.: The Iliad: A Commentary. Vol. 4. P. 22 sq.).

⁹² ...*у Гомера гости не уносили с собой остатки пиришества*... – Правило «не выноси!» (οὐκ ἔκφορά!) восходит к сакральным трапезам, которые следовали за обрядом жертвоприношения и воспринимались как совместная трапеза богов и людей. Не случайно в святилищах сооружались гостиницы и пиришественные залы – ни куска жертвенной трапезы нельзя было вынести за пределы священной территории. Правило «οὐκ ἔκφορά!» сохранилось вплоть до времен Римской империи, но превратилось просто в правило хорошего тона. Так, у Плутарха читаем: «...постараться унести с собой что-нибудь из угощения было бы проявлением крайней невоспитанности...» («Застольные беседы». IV.660в). Вместе с тем, известно, что в обычае были и гостинцы – блюда, специально предназначенные для того, чтобы гости могли унести их домой. Ср. у Лукиана – «Пир, или Лапифы» (38).

⁹³ ...*и рыбой и птицей*. – Ср. выше, гл. 9, где сказано, что у Гомера никто не ест ни рыбы, ни птицы. Вероятно, последующее рассуждение принадлежит в аутентичном афинеевском тексте другому персонажу диалога, который пытается опровергнуть мнение, согласно которому гомеровские герои питались исключительно мясом, и доказать, черпая сведения из того же Гомера, что в героические времена, ставшие для современников Афиняя глубокой древностью, пища людей была не столь уж однообразной.

⁹⁴ ...*спутники Одиссея ловят на острове Тринакии*... – Од. XII.331. Тринакия (Тринакрия) – упоминается в «Одиссее» еще три раза – XI.107; XII.127, 135. Ср.: Аполлоний Родосский. IV.965, 995; Нонн Панополитанский. «Деяния Диониса». XV.274; XXVII.195). В античности Тринакрию отождествляли с Сицилией – см.: Фукидид. VI.22.1; Страбон. VI.263; Диодор. V.2.1; Плиний. III.86; Schol.Od. XI.107.

⁹⁵ *Я имею в виду*... – Далее перечисляются: *аргивянин* – житель или уроженец Аргоса (см. примеч. 215), *гераклеец* – житель или уроженец Гераклеи (см. примеч. 275), *аркадец* – житель или уроженец Аркадии (см. примеч. 216), *киликеец* – житель или уроженец Киликии (см. примеч. 284).

⁹⁶ ...*Селевка из Тарса*... и *Агафокла из Атракия*... – Тарс – город в Киликии (М. Азия); Атракий (Атрак) – город в Фессалии на р. Пеней.

⁹⁷ *И если Гомер не упоминает о подобной снеди на пирах*... – Предлагаемое объяснение не согласуется с гл. 8–9: там отсутствие на столах гомеровских героев иной пищи, кроме мяса, объясняется их стремлением к здоровой простоте, а здесь речь идет уже о том, что питаться рыбой считалось дурным тоном у высокородных героев.

⁹⁸ *Удивительно быстро ныряет!* – Так Патрокл глумится над своей жертвой – возницей Гектора, который падает мертвый с колесницы на землю.

⁹⁹ ...перед Демодокom ставится корзина, стол и чаша... – Демодок – это совсем не «каждый пирующий» – во-первых, он певец, во-вторых, он слеп, и хозяева, как показывает Гомер, стараются не только оказать ему особый почет, но и устроить его поудобнее.

¹⁰⁰ ...«кратеры венчались вином»... – Ил. I.470. *Кратеры* – большие (обычно около 14 литров) чаши для смешивания вина с водой, что явствует из самого их названия (греч. слово *κράτηρ* имеет тот же корень, что и глагол *κράννυμι* – «смешивать»). Современные комментаторы предполагают, что упоминание кратеров в «Илиаде» и «Одиссее» – анахронизм, так как смешивание вина с водой – практика более поздних, чем героическая, эпох. Этому предположению отчасти противоречит микенское *ka-ra-te-ra*, этимологически и семантически родственное уже упомянутым *κράτηρ* и *κράννυμι*. См.: The Iliad: A Commentary. Vol. 3. P. 90.

¹⁰¹ *Басилеи* – букв. «цари». Цари гомеровской эпохи – это не монархи. В западной науке их статус часто объясняют, проводя аналогии со средневековым рыцарством. В этом случае гомеровские цари оказываются чем-то вроде феодальных сеньоров (см.: Марру, с. 21 сл.). В русской и советской исторической науке они трактовались как племенные вожди, облеченные военной, судебной и жреческой властью (см.: История древней Греции / Под ред. С.И. Ковалева. М., 1936. Т. 2, ч. 1. С. 128; ср.: Зелинский Ф.Ф. История античной культуры. СПб., 1995. С. 30). О содержании понятия «царь» применительно к гомеровской и микенской эпохе см.: Андреев Ю.В. Раннегреческий полис (гомеровский период). Л., 1976.

¹⁰² ...то есть чествовал его, подавая правой рукой кубок. – Эпизод из «Илиады» (IX.224 сл.): *кто-то* – это Одиссей, который приходит в шатер Ахилла, чтобы уговорить его забыть свой гнев и вступить в сражение.

¹⁰³ ...Одиссей, отрезавший для Демодока... – Од. VIII.474 сл. Демодок – не просто «понравившийся сотрапезник»: Одиссей почтил его высокий поэтический дар («Выше всех смертных людей я тебя, Демодок, поставляю»).

¹⁰⁴ *Кифаред* – от *κithára* – «кифара», и *αοιδός* – «певец». Кифара – струнный щипковый инструмент, имевший от 4 до 7 струн. Непосредственной предшественницей кифары была лира. У лиры нижней частью корпуса служил панцирь черепахи, а верхней – козы рога. Корпус кифары делали из дерева или металла.

¹⁰⁵ ...как это делали женихи. – О том, что женихи приглашали на свои пиры в одиссеевом доме *плясунов*, в «Одиссее» не говорится. Возможно, Афиней имел в виду вот какую строчку: «Те же (т.е. женихи. – О. Л.), опять обратившись к пляске и сладкому пенью...» (I.417). Толкование Афиня небесспорно, так как петь и плясать могли и сами женихи, о чем, кажется, свидетельствует и продолжение строки: «Начали снова шуметь в ожидании ночи...» (418). А вот *кифаред* там был – знаменитый Фемий, которого пощадил Одиссей, справляясь с женихами (Од. I.320 сл.; XXII.330 сл.).

¹⁰⁶ Перевод «зачиная веселье» для сочетания *μολλής ἐξάρχοντες* учитывает толкование Афиня, согласно которому слово *μολλή* в этом контексте нужно понимать расширительно, как обозначение развлечения вообще. Такое толкование нужно Афиню, чтобы доказать, что гомеровские аэды не чуждались забав и развлечений, несмотря на то что, как это следует из нижесказанного, были моральными наставниками людей. Толкование Афиня, как всегда, очень вольное, так как слово *μολλή* у Гомера обозначает либо танец, сопровождаемый пением (Од. VI.101; Ил. XVIII.606), либо просто пение (Ил. I.472; XIII.637; Од. I.152). Ср. глагол *μέλλω* – «петь» и имя музы *Μελλομένη* – «Певунья».

¹⁰⁷ ...Агамемнон в качестве стража ... оставил при Клитемнестре именно певца... – Од. III.265 сл. Толкование Афиня не вполне соответствует гомеровскому тек-

сту: там говорится, что певец был сослан на безлюдный остров и оставлен на растерзание псам уже *после* того, как Клитемнестра стала склоняться к измене.

¹⁰⁸ *Таков же и тот певец, который...* – Фемий – о нем см. примеч. 105. О том, что Фемий был оставлен при Пенелопе, у Гомера не говорится, а вот о том, что он пел *по принуждению* и *ненавидел* женихов Пенелопы, речь действительно идет, но Гомер говорит об этом не прямо, а устами самого Фемия, когда тот пытается спастись от разъяренного Одиссея, готового его уничтожить вместе с женихами (XXII.330 сл.).

¹⁰⁹ *...певцы ... высоко чтимы...* – Од.VIII.480. Каламбур основан на созвучии двух слов, этимологически между собой не связанных: αοιδός – «певец» и αἰδοῖος – «почтенный».

¹¹⁰ *...Демодок поет перед феаками о любви Ареса и Афродиты...* – Од.VIII.266 сл.

¹¹¹ *...Фемий пел женихам по их желанию о возвращении ахейцев...* – Од.I.325 сл. Тема *возвращения* возникает в «Одиссее» постоянно – ср. III.130–198, 254–312; IV.351–586. Особенно важно для Гомера горькое возвращение Агамемнона – I.30 сл., 294; XXIV.100 сл. Песня Фемия играет важную роль в структуре I песни: она усиливает впечатление, произведенное появлением Афины-Ментеса. В том, что женихи молча и внимательно слушают песню о возвращении ахейцев из-под Трои, современные комментаторы «Одиссеи» усматривают, в отличие от Афиней, не желание певца угодить слушателям, а иронию. См.: Heubeck A., West S., Hainsworth J.B. A Commentary on Homer's Odyssey. Oxford, 1988. Vol. 1.

¹¹² *...Сирены пели Одиссею...* – Знаменитый эпизод XII песни «Одиссеи», когда Одиссей слушает пение сирен, привязанный спутниками к мачте (ст.189 сл.). Следует уточнить: сирены у Гомера разжигают *честолюбие* Одиссея тем, что обещают поведать о событиях Троянской войны, – ведь он был одним из ее главных героев; а его *любопытство* могли тешить песни не только о том, что «на лоне земли многодарной творится», но и о том, «какая участь по воле бессмертных постигла троян и ахеян».

¹¹³ *...керкирская словесница Агалида...* – Керкира, или Коркира (так на всех надписях и монетах), – остров, ныне Корфу. Этот остров в античной традиции часто отождествлялся со Схерией – волшебным островом, где жили феаки, описанные Гомером в «Одиссее» (песни VII–XIII). Так Диодор Сицилийский (IV.729) выстраивает генеалогию, из которой следует, что Коркира, давшая свое имя острову, была внучкой Океана и от ее брака с Посейдоном родился Феак, от которого и получили имя жители этого острова – феаки. См. также: Steph. Byz.: Φαίῳξ; Schol. Od.XIII.131; ср.: Аполлоний Родосский. IV.566.

В схолиях к «Илиаде» (XVIII.490) упоминается некая *Агалиас* из Керкиры, а в словаре Суды – *Анагаллис*. Вероятно, это три варианта одного и того же имени. Судя по тексту схолий, Агаллис толковала описание щита Ахилла как предысторию Аттики, усматривая в двух изображенных на щите городах Афины и Элевсин. В схолиях указано также, что Агаллис была «знакомой Аристофана». Скорее всего, подразумевается Аристофан Византийский (ок. 257–180 гг. до н.э.).

¹¹⁴ *Сикионцы* – жители Сикионии, области на севере Пелопоннеса, граничившей к северу с Коринфским заливом. Главный город области назывался Сикион.

¹¹⁵ *Хэрефан* – возможно, игра слов: имя Хэрефан значит «радующей внешности» (примеч. переводчика).

¹¹⁶ *Фолликул* – здесь Афиней передает латинское слово folliculum. В значении «мяч» это слово встречается у Светония («Жизнеописание Августа». 83).

¹¹⁷ *Грабеж* – так переводчик передает греч. отглагольное прилагательное ἀρπαστόν, букв. «то, что хватают (похищают)». Чаше это слово встречается в римском узусе и, соответственно, в латинской транслитерации (harpastum) и обозначает не столько иг-

ру, сколько мяч – так, о «запыленном гарпасте» читаем у Марциала (IV.19.6; VII.32.10; 67.4; XIV.48). *Фенинда* – этимология этого слова темна. Игра обозначалась по-гречески и как φαίννδα, и как φεύνδα. Последнюю форму иногда соотносят с глаголом φεύξιζω – «мошенничать, плутовать», а вот предлагаемая связь с φρεσις невозможна. В схолиях к Клементу Александрийскому (III.10.50) фенинда описана так: «Игрок держит мяч; затем, делая вид, [что посылает мяч] кому-то из игроков, посылает его другому. И название игры происходит либо от имени ее изобретателя Фенида (Φαίνδου), либо от глагола φεύξιζειν, т.е. «обманывать» – ведь тот, кто сделал вид, что [посылает мяч] одному, а сам отправляет его другому, действительно обманывает». У Поллукса (IX.105) находим сходное описание фенинды; в отличие от Афиней, Поллукс считает, что игра под названием «гарпаст» подобна фенинде, но не тождественна ей.

¹¹⁸ ...из свиты царя Антигона... – Подразумевается Антигон II Гонат, царь Македонии в 283–240 гг., с которым дружил упомянутый философ Ктесибий.

¹¹⁹ ...«стучать»... – В схолиях к «Одиссее» (VIII.379) семантика глагола объясняется иначе – «отбивать такт ногой». Ср. в переводе В. Жуковского: «И затопали юноши в меру ногами».

¹²⁰ И в «Изготовлении оружия»... – Известное нам разделение «Илиады» и «Одиссеи» на 24 песни было предпринято александрийскими филологами (о них и их работе см. ниже, примеч. 184), а до этого существовала традиция озаглавливать различные части гомеровских поэм. Так у Геродота находим заголовок «Подвиги Диомеда» (это соответствует VI песни «Илиады» начиная с 289 ст.); Аристотель упоминает «Поединок» («Риторика». 1502 b 31) и «Каталог кораблей» («Поэтика». 1459 а 36); Фукидид ссылается на «Передачу скипетра» (I.9) и т.д. «Изготовление оружия» соответствует XVIII песни «Илиады» начиная с 468 ст., где описан щит, изготовленный Гефестом для Ахилла. Мальчик, поющий и играющий на кифаре, и хоровод девушек и юношей вокруг него – одна из многочисленных сцен, выкованных на щите (ст. 572 сл.).

С пеньем, и с криком... – У Афиней – μολπῇ τε ὀρχηθῶν – «с пеньем и пляской». В дошедших до нас рукописях «Илиады» эта строчка читается по-другому – μολπῇ τε λυγρῇ. Это чтение и учитывает приведенный здесь перевод Н. Гнедича «с пеньем и криком». Возможно, Афиней цитирует по памяти, приведя в данном месте то сочетание, которое у Гомера встречается в других местах (Ил.XIII.637; Од.XXIV.145). Об этом же свидетельствует и слово «напротив» (ἐναντίοι), которого в этом месте у Гомера нет, зато мы находим его в XI песни «Илиады» (67); ср. также: Од.X.412.

¹²¹ *Гипорхематическая пляска* – греч. ὑπόρχημα. Слово трудно для перевода, несмотря на прозрачную внутреннюю форму (приставка ὑπο- имеет практически тот же спектр значений, что и русская «под-»; ὀρχημα означает «танец»). Обычно гипорхема определяется как разновидность хоровой лирики, служившая сопровождением к так называемой пиррихе – танцу с оружием. О том, что гипорхема была именно музыкальным жанром, говорится в сочинении (1134b sq.), авторство которого приписывается Плутарху. Здесь гипорхемы стоят в одном ряду с пеанами и элегиями. Сохранились и фрагменты гипорхем, написанных Пиндаром (fr. 105–117 Snell). Вместе с тем, из объяснений Плутарха («Застольные беседы». IX.15.748a сл.) следует, что гипорхемой мог именоваться весь комплекс «танец + пение» и что танец в гипорхеме служил иллюстрацией к поэтическому тексту. См. также: Лукиан. «О пляске». 16; Гелиодор. «Эфиопика». III.2; Гомеровские гимны («Гимн к Аполлону». 156–164); ср.: Тит Ливий. VII.2.

Из определения гипорхемы, предлагаемого Афинеем, а также из приводимого им ксенофоновского отрывка («Анабасис». VI.1.5) следует, что гипорхема была танцем-пантомимой на военный сюжет, включавшим исполнение победной военной песни.

¹²² *Пеан* – обычно так называлась торжественная хоровая песнь в честь Аполлона. У Гомера пеан исполняют после жертвенной трапезы: «И когда питием и пищею глад утолили // Юноши, паки вином наполнивши доверху чаши, // кубками всех обносили, от правой страны начиная. // Целый ахейне день ублажали пением бога; // Громкий пеан Аполлону ахейские отроки пели, // Слава его, стреловержца, и он веселился, внимая» (Ил. I.471). В более позднее время, судя по контексту Ксенофонта, пеаном называли победную военную песню.

¹²³ *Пафлагонцы...* – Пафлагония – область на севере М. Азии между Вифинией и Понтом.

¹²⁴ *...распевая «ситалку»...* – Ситалк – один из эпитетов Аполлона – возможно, от οἶτος – «хлеб» и ἀλ-αλγεῖν – «защищать»; ср.: Павсаний. X.15.2. Вместе с тем, как свидетельствует Геродот, это было имя фракийских царей (IV.80); ср.: Фукидид. I.29. Таким образом «ситалка» как название фракийской победной военной песни может восходить к личному царскому имени. С другой стороны, принимая во внимание, что аркадяне исполняют в качестве победной песни *пеан*, можно предположить, что ситалкой называлась фракийская разновидность пеана (ситалка как песнь во славу Аполлона Ситалка).

¹²⁵ *...фракийцы...* – Фракия – область на северо-востоке Балканского п-ва.

¹²⁶ *Энианы* – фессалийское племя, упомянутое еще у Гомера в каталоге кораблей (Π.742); *магнеты* – также фессалийское племя. Запутанную историю и географию фессалийских племен см. у Страбона (IX.441).

¹²⁷ *...карпейский вооруженный танец.* – Более о нем ничего неизвестно. Возможно, название танца связано с греч. καρπός – «плод», и тогда это праздник урожая (или жатвы).

¹²⁸ *...игра на флейтах и сирингах.* – Звуки флейт и сиринг доносятся до Агамемнона из лагеря троянцев, вдохновленных своими успехами на поле битвы (Ил. X.13).

¹²⁹ *Зевс-Вершитель* – Τέλειος – один из эпитетов Зевса.

¹³⁰ *...Гермес считался покровителем сна.* – Действительно, у Гомера Гермес усыпляет и пробуждает людей с помощью своего жезла (Ил. XXIV.343, 445–447); этот жезл помогает ему и управляться с душами умерших, сопровождая их в царство мертвых (Од. XXIV.1–10; ср.: Стаций. «Фиваида». II.30). Подробно жезл Гермеса и его функции описаны в гомеровском «Гимне к Гермесу» (528–532). О возлиянии Гермесу перед сном – Од. VII.138; Гелиодор. «Эфиопика». III.5; Лонг. «Дафнис и Хлоя». IV.34.2. См. также: Аполлоний Родосский. IV.1732.

¹³¹ *...отсекались языки...* – У Гомера этот обряд описан вне всякой связи с Гермесом.

¹³² *...некоего иберийского правителя...* – Более о нем ничего неизвестно.

¹³³ *Ячменное вино* – пиво.

¹³⁴ *...эти стихи...* – Од. IX.5:

Я же скажу, что великая нашему сердцу утеха
Видеть, как целой страной обладает веселье (εὐφροσύνη), как всюду
Сладко пируют в домах, песнопевцам внимая...

Пер. В. Жуковского

Чтение Эратосфена заменяет сочетание хατὰ δῆμον λάντα (букв. – «во всем народе») на καχότῃτος ἀλούσης (в нашем переводе «беспорочно», букв. – «при отсутствии порока»). В таком контексте слово εὐφροσύνη естественно воспринимается уже не в значении «радость», а в другом своем значении – «здравый смысл».

¹³⁵ ...«в шашки играя пред входом». – Современные комментаторы считают, что традиционный перевод «шашки» для греческого слова *λεσσοί* не вполне точен и вводит в заблуждение (*Heubeck A., West S., Hainsworth J. A Commentary on Homer's Odyssey. Vol. 1. P. 89*). Однако, судя по позднейшим описаниям, это и были примитивные шашки: камешки (они назывались *λεσσοί*, а сама игра – *λεσσοει(α)*) расставлялись на доске и передвигались по определенным правилам. Одной из задач было запереть противника, лишив его возможности передвигаться по полю. На амфоре Эксекия из Вульчи (серед. VI в. до н.э.) изображены Ахилл и Аякс за игровой доской. Вероятно, это был эпизод одной из недошедших до нас эпических поэм. Сами греки связывали изобретение игр типа «шашек» с именем Паламеда, но скорее всего, эти игры пришли к грекам с Ближнего Востока (ср.: Платон. «Федр». 274d). См. об этом: *Murray H.J.R. A History of Boardgames other than Chess. Oxford, 1952*.

¹³⁶ ...Эсхил ... недостойно изображает пьяных эллинов... – Цитата из сатировой драмы «Собиратели костей».

¹³⁷ *И Софокл в «Ахейской пирушке»*... – Это тоже сатирическая драма – вероятнее всего, на тот же сюжет, что и вышеупомянутые «Собиратели костей» Эсхила.

¹³⁸ *Амида* – слово «амида» можно перевести как «ночной горшок». Ср.: Аристофан. «Осы». 935; «Женщины на празднике Фесмофорий». 633. У Плутарха использована поговорка «бросать хлеб в амиду» – ср. «не мечите жемчуг перед свиньями» («*De liberis educandis*». 12f).

¹³⁹ ...пируют в шатре Агамемнона... – Ил.П.395 сл. Возможно также, что подразумевается эпизод не из «Илиады», а из «Киприй». О «Киприях» см. примеч. 7 к кн. II.

¹⁴⁰ ...упоминается о ссоре Ахилла и Одиссея... – Од. VIII.75. Художественную тонкость этого эпизода трудно переоценить. На пиру у царя феаков Алкиноя певец Демодок, развлекая гостей, выбирает для исполнения ту часть эпической поэмы, где рассказывается о ссоре Одиссея с Ахиллом. Выбор певца непреднамерен (ведь никто из феаков не знает, что их безвестный гость – сам Одиссей), но абсолютно точен. Так Гомер (если мы правильно понимаем авторский замысел) еще раз показывает, что истинным певцом руководят сами боги. Вместе с тем, автор ведет прихотливую литературную игру с героем. С одной стороны, нам показывают одновременно двух Одиссеев – гонимого богами безвестного гостя на пиру и знаменитого героя. С другой стороны, мы должны понять, что чувствует живой человек, когда видит себя в качестве литературного персонажа, а подробности своей собственной биографии – в качестве эпического предания о славном прошлом.

¹⁴¹ ...воловьей ногой, запущенной в Одиссея. – Действительно, один из женихов по имени Ктесипп швыряет окорок в жалкого старика, еще не зная, что это сам Одиссей. Выходка Ктесиппа оскорбительна не только для гостя – она позорит хозяина дома, если он не сумеет защитить пришедшего (Од. XX.299 сл.). Таковы были этикетные нормы героической эпохи, если только автор «Одиссеи» не допускает анахронизма, перенося правила более позднего времени на эпоху гомеровских героев. Об этике героической эпохи см.: Марру, с. 23 сл.

¹⁴² ...герои ... не возлежали, но восседали. – Ср. выше, примеч. 85.

¹⁴³ ...хотя был и храбр, и охотник хороший. – Аристотель. «Политика». 1324 b 17.

¹⁴⁴ ...в сцене Посольства... – Эпизод IX песни «Илиады» (ст. 205 сл.). О заголовках отдельных частей «Илиады» см. выше, примеч. 120. Это самое подробное описание жертвенной трапезы в «Илиаде», из которого мы узнаем, как герои Гомера жарили мясо, как накрывали стол, как принимали гостей. Античным комментаторам это место казалось сомнительным – ведь Одиссей со спутниками является в шатер Ахилла сразу по-

сле ужина у Агамемнона (IX.90 сл.). О том, какую редакцию текста предлагал Аристарх, чтобы устранить это досадное свидетельство обжорства гомеровских героев, см.: The Iliad: A commentary. Vol. 3. P. 91.

¹⁴⁵ ...когда Менелай справляет свадебный пир... – Од.XV.141.

¹⁴⁶ ...бани вошли в обиход совсем недавно... – В гомеровскую эпоху греки пользовались теплыми омовениями и на войне, где это была лечебная процедура (ср. 24d сл.), и в мирной жизни, где это была процедура гигиеническая и просто очень приятная – не случайно царь Алкиной называет бани «сладострастными» (Од.VIII.249; ср. VIII.453 и X.357 сл.). Платон в «Законах» говорит о «горячих банях для стариков» (761c), а у Гиппократата даже появляется специальное слово θερμολουοῖα, букв. «горячее мытье» («О бессонице». 93), что означает, что теплые и горячие омовения и в V в. до н.э. практиковались и в медицине, и в быту. Мы не знаем точно, когда у греков появились парные. Страбон, описывая так называемый «лаконский образ жизни», сообщает, что его сторонники дважды в день посещают комнаты для натирания маслом и принимают *паровые бани, нагреваемые раскаленными камнями* (курсив мой. – О. Л.) (III.154). Протест против горячих бань (парных ли, просто ли горячего мытья – определить невозможно) как разлагающего и изнеживающего мероприятия слышим уже в Аристофана («Облака». 991, 1044; «Всадники». 1401). Что касается появления общественных бань, то они существовали еще в V в. до н.э. (см.: Пс.-Ксенофонт «О государстве афинском». «De republica Atheniensium». II.10). Таким образом, во времена Афинейя появление общественных бань можно назвать «совсем недавним» только сравнительно с гомеровской эпохой.

Устройство бань нам известно только по образцам римской эпохи – см.: Витрувий. V.10.

¹⁴⁷ ...употребляя это слово в метафорическом смысле... – Афиней исходит из того, что для Гомера первое и основное значение слова στέφανος – «гирлянда, венок». Скорее всего, это анахронизм – указанное значение развилось в языке позже (Гесиод. «Теогония». 576; «Труды и дни». 75). Буквально στέφανος означает «нечто, плотно окружающее», «круг» (Chantraine: s.v. στέφω). Если в приведенных стихах из «Одиссеи» (X.195) и «Илиады» (XIII.736) слово στέφανος употреблено в этом исходном значении, то рассуждение Афинейя об отношении Гомера к венкам теряет смысл.

¹⁴⁸ ...каристийца... – Карист, ныне Каристос – город на южной оконечности Эвбеи, под горой Оха; Карист упомянут в уже «Илиаде», в так называемом каталоге кораблей (II.539).

¹⁴⁹ Гестиейцы – жители Гестиеи – города на северном побережье Эвбеи; Гестиея тоже упомянута в каталоге кораблей.

Ореоты – то же, что гестиейцы. После греко-персидских войн, в 445 г. до н.э., когда Перикл дал земельные наделы в сев. части Эвбеи 2 тысячам афинян, эвбейские города Орей и Гестиея слились в один, так как Гестиея была опустошена войной. Этот объединенный город в народе продолжал называться Орей, но в официальных документах и на монетах сохранялось название Гестиея. О двойном именовании города см.: Страбон. X.3.

Учитывая эти особенности, французский переводчик Афинейя передает сочетание «гестиейцы и ореоты» как «жители Гестиеи-Орея» (Desrousseaux, p. 43).

...фокусы с игральными камешками... – В оригинале Феодор назван ψηφοκλέπτης, букв. «похититель камешков». Обычно те, кто показывали фокусы с камешками, назывались ψηφοπαίχτες (от παίζω – «играть»), букв. «играющие с камешками»).

¹⁵⁰ Милетцы – жители Милета, города на берегу М. Азии. У Гомера в каталоге кораблей (Ил.II.868) Милет упоминается как город варваров-карийцев, союзников Трои

(ср.: Павсаний. VII.2.8). Около XII в. до н.э. Милет заняли греки-ионийцы. В VIII–VI вв. до н.э. Милет стал выводить свои колонии на Черное море; в их числе – Пантикапей, Феодосия, Ольвия, Одесс. Об основании и истории Милета см. также: Геродот. I.146. Милет был родиной великих мудрецов и философов – *Фалеса*, *Анаксимандра*, *Анаксимена* (так называемая милетская школа).

¹⁵¹ *В Фивах же статуи Пиндара нет ... памятник ... Клеону... – Фивы – город в Беотии, упомянутый еще у Гомера (Ил.IV.406). В Фивах в 522 г. до н.э. родился великий поэт Пиндар. Клеон – более о нем ничего не известно.*

¹⁵² *...когда Александр сносил Фивы до основания... – В 335 г. до н.э., когда до Греции дошли слухи о смерти Александра Македонского, фиванские демократы, высланные Филиппом, возвратились и взяли власть в свои руки. Их поддерживали Этолия, Аркадия и Элида. Афины также приняли решение об оказании помощи Фивам. Александр боялся союза четырех военных государств – Фив, Афин, Этолии и Спарты, и через две недели после того, как известия о фиванских делах достигли Александра в Фессалии, он уже стоял под стенами Фив. Город не сдался, как хотел бы этого Александр, и был разрушен полностью – нетронутыми остались только храмы и дом Пиндара. Территорию города поделили между собой беотийские города.*

¹⁵³ *...когда же город был отстроен... – За восстановление Фив взялся Кассандр в 316 г. до н.э. Он собрал рассеявшихся фиванцев, афиняне помогли выстроить большую часть городских стен, но восстановление самого города растянулось на много лет. В 310–308 гг. были урегулированы территориальные проблемы, и Фивы, несколько уменьшившись, вошли в беотийский союз.*

¹⁵⁴ *...при дворе царя Антиоха ... Отец же этого царя... – Подразумевается Антиох II Теос, царь Азии в 261–246 гг., и его отец, Антиох I Сотер, царь Азии в 281–261 гг. ...декламатора мимов... – Мим – общее название всякого рода балаганных представлений, к которым относились выступления фокусников, акробатов, жонглеров, шутов. Шуты (греч. *ὑελωτοποιοί*, букв. «смехотворцы») могли передразнивать людей, их особенности – и частные, и типические. Такие балаганные шутовские «показы» легли в основу мима как литературного жанра, известного нам по произведениям Софрона (V в. до н.э.). Мимы Софрона – это бытовые сценки, в которых показывают прежде всего человеческие нравы, но мы не знаем, показывались ли эти сценки зрителям. Возможно, они не были предназначены для сцены, но исполнялись (читались), как рассказ (О.М. Фрейденберг называет это нарративным (повествовательным) мимом – см.: *Фрейденберг О.М. Миф и литература древности*. М., 1978. С. 243). Употребленный Афинеем термин *λοῦβμοι*, переданный переводчиком как «декламатор мимов», подтверждает, кажется, нарративный характер мима. Вместе с тем, употребленный ниже Афинеем термин *ἡδολόγος* («мимический актер»), возможно, показывает, что параллельно с несценическим мимом существовал и зрелищный, сценический мим.*

¹⁵⁵ *Шут – в оригинале букв. «обманщик», т.е. фокусник.*

¹⁵⁶ *...«Проблемы»... – Подлинный (аутентичный) текст аристотелевских «Проблем» до нас не дошел. В корпусе сочинений Аристотеля сохранилось произведение под названием «Физические проблемы». По мнению большинства ученых, это результат компилятивной работы последователей Аристотеля – перипатетиков. Сравнительный анализ показывает, что в этом тексте содержатся и некоторые фрагменты подлинно аристотелевских «Проблем».*

Шуточные «Проблемы» Матрея построены на игре слов. 1) *...заходит, но не захватывает... – в оригинале δύνω и χολυμβάω. В прямом своем значении оба глагола фактически синонимичны и означают «погружать», а также (в непереходном значении) «по-*

гружаться», «нырять». Первый глагол широко используется у Гомера и уже там наряду с прямым имеет метафорическое значение «заходить» (по отношению к светилам) (ср., например, Ил. XVIII.241; Од. III.329). Второй глагол – более поздний, разговорный; по отношению к светилам он не употребляется и устойчивого метафорического значения не имеет. 2) *...напиться, но не напиваются...* – в оригинале *οὐμλίvouσι* и *οὐκὼθωνίονται*. Использована та же схема. Оба глагола означают «принимать участие в попойке», «выпивать». Первый глагол как более ранний употребляется по отношению к губкам в метафорическом значении, а второй как более поздний и разговорный переносного значения не получает. 3) *...можно спустить, но науськать никак нельзя...* – в оригинале *καταλλάττομαι* и *βρούζομαι*. Первый глагол означает «обмениваться», «меняться», а в переносном смысле – «примиряться», «мириться». Второй глагол означает «раздражаться», «сердиться». Данный вопрос следовало бы перевести так: «Почему тетрадрахмы могут меняться, а сердиться не могут?»

¹⁵⁷ *Куклы-марионетки* (греч. *νευρολόγοι* от *νεῦρον* – «жила» и *οἶσθω* – «тянуть, тащить») упоминаются у многих авторов. Делались они из глины, воска, кости или дерева. Кукольники относились к разряду бродячих актеров – фокусников, шутов и т.д. Марионетки стали излюбленной метафорой в поэзии (Гораций. «Сатиры». II.7.82; Персий. 5.129). Сравнение людей с марионетками вошло и в философский обиход со времен Платона («Законы». 644е).

¹⁵⁸ *...сцену...* – Слово «сцена» здесь употребляется не в привычном для нас смысле, а в том, который вкладывали в него сами греки. Сkenой (греч. *σκηνή* – букв. «шатер», «палатка») они называются у многих авторов. Делались они из глины, воска, кости или дерева – площадки, где происходило действие. Там актеры меняли костюмы и маски; выходили они из дверей с задней стороны *скены*, а переднюю ее стену использовали как элемент декорации, оформляя в соответствии с сюжетом пьесы. Там же хранился и реквизит, так что выражение *предоставили сцену* означает, скорее всего, «предоставили декорации и весь театральный реквизит».

¹⁵⁹ *Восхищались ... фокусником Ксенофонтом...* – Фокусник – греч. *θαυματοποιός* – букв. «создатель чудес». Ксенофонт, «занимавшийся сказочными чудесами», упомянут и у Диогена Лаэртского (II.59). Упомянутый далее *Флиунт* – город близ Коринфа.

¹⁶⁰ *...поссорившись с жителями Регия, первым высмеял их за трусость.* – Регий – город на юго-западной оконечности Италии (п-в Бруттий), ныне Реджо. Фраза не очень внятная. Возможно, это означает, что появление бытового сицилийского мима следует связывать не с именем Софрона, который традиционно считается родоначальником этого жанра, а с именем никому не известного Нимфодора. Поводом к насмешкам над регийцами могли дать монеты с изображением зайцев – такие монеты чеканились в Регии в правление Анаксилы (494–476/5 гг. до н.э.).

¹⁶¹ *...лирных певцов...* – Подразумеваются исполнители эпоса; ученики упомянутого и ближе неизвестного Эноны могли пародировать и Гомера – кораблекрушение, испытанное Одиссеем, и эпизод с Киклопом находим соответственно в V (290сл.) и IX (170 сл.) песнях.

¹⁶² *...Одиссей ... бормотал, как чужеземец.* – В оригинале использован глагол *οἰολοιῖσθω* – «говорить на испорченном языке», «говорить с ошибками». Этот прием часто использовала греческая комедия: так, например, у Аристофана разговаривает скиф («Женщины на празднике Фесмофорий». 1001 сл.) или варварский бог Трибалл («Птицы». 1615).

¹⁶³ *...миимический актер...* – Греч. *ἡθολόγος* – «этолог», букв. «изобразитель нравов». Так называли актеров, игравших в мимах (о них см. выше, примеч. 154).

¹⁶⁴ ...*Ксенофонт упоминает еще о шуте Филиппе*. – Шут Филипп упомянут не только Ксенофонтом («Пир». I.11) – о нем вспоминает и Плутарх («Застольные беседы». II.629с; VII.6.709е-ф).

¹⁶⁵ *Определение*. – Скорее всего, собеседники Афиней упражняются в определениях, подражая основоположнику диалогического жанра – Платону, у которого поиском точных определений всегда занят Сократ. Кроме того, в корпусе сочинений Платона есть текст, представляющий собой перечень определений (*Платон*. Диалоги. М., 1986. С. 427–437). Возможно, поиск определений входил и в программу обучения диалектике в Академии Платона.

¹⁶⁶ ...*можно было бы назвать Рим выжимкой вселенной*. – Современные комментаторы Афиней считают автором этих слов софиста Полемона из Лаодикеи (88–145 гг.).

¹⁶⁷ ...*назвали Мемфисом современного философа-танцора*... – Это был раб императора Вера по имени Агрипп (Agrippus) (Юлий Капитолин. «Вер». 8.10). Вер, увлекавшийся зрелищными искусствами, привез Агриппа из Сирии. Полное имя этого человека было: Луций Элий Аврелий Аполавст (Apolautus от греч. ἀπολαυτός – «дающий наслаждение») Мемфий (Memphius). В 189 г. актер был казнен императором Коммодом (Элий Лампридий. «Коммод». 7.1). Упомянут также Лукианом («О пляске». 35.70). О смысле метафорического прозвища Мемфис можно только догадываться. Возможно, этого танцора отличала безупречная пластика, исключая мелкие и резкие движения. В этом случае понятно, что цитата из Вакхилида приведена ради определения Мемфиса «для бурь недоступный» (греч. ἀχέϊμαντος – букв. «небурный»), т.е. ничем не колеблемый.

¹⁶⁸ ...*так называемый трагический танец*... – Судя по контексту, речь идет о танце-представлении, театрализованном танце. Ср. 624d сл.; Геродот. VI.129; Поллукс. IV.99.105; Лукиан. «О пляске». 8.32.

¹⁶⁹ ...*танцевал по правилам*. – т.е. основу пластики Батилла составляли движения и фигуры танцев, входивших в состав трагедий и комедий. О батилловой и пиладовой пляске вспоминают и собеседники у Плутарха: «Что касается плясок, то я отстраняю так называемую пиладову, как слишком напыщенную и патетическую и притом требующую многочисленных исполнителей, но из уважения к похвалам, которые воздает пляскам Сократ, допускаю так называемую батиллову, близкую к кордаку и воспроизводящую приплясывание Эхо или какого-нибудь Пана, или Сатира, вдохновляемого Эротом и выступающего в праздничном шествии» («Застольные беседы». VII.8.711е).

¹⁷⁰ ...*кордак ... эммелию ... сикинниду*... – *Кордак* – греч. κórδαξ, внутренняя форма слова и его этимология темны. Большинство греческих авторов определяют его как «комический танец». В схолиях к Аристофану (Schol.Aristoph.Nub.540) уточняется, что танца кордак «неприлично двигают бедрами». См.: Аристотель. «Риторика». III.8.1408б; Лукиан. «О пляске». 22.26; Плутарх. «Застольные беседы». VII.8.711f; Арриан. «Поход Александра». VII.8; Поллукс. IV.99; «Суда»: κórδακις; Eustath.II.XVIII.605 (р. 1167,21); Гесихий: κórδακιςμοί.

О происхождении кордака известно мало. Можно было бы ожидать, что как комический танец он связан прежде всего с Дионисом (ср.: Лукиан. «О пляске». 22). Вместе с тем, по сведениям Павсания (VI.22.1), кордак связан с культом Артемиды: в Элиде есть остатки святилища Артемиды Кордаки; этот эпитет, объясняет Павсаний, появился из-за того, что в честь богини плясали танец кордак, родина которого – гора Сипил (М. Азия). Согласно эпиграфическим данным, кордак имел отношение и к культу Аполлона: SIG.II, s. 1035, № 22640.

Эммелия – греч. ἐμμέλεια, букв. «слаженность», «складность» от ἐν- – «в-» и μέλος – «мелодия». Слово могло употребляться: 1) в широком смысле и обозначать согласован-

ность движений танца с мелодией; 2) в узком смысле и обозначать определенный вид танца. См.: Платон. «Законы». 816b-c; Геродот. VI.129; Плутарх. «Застольные беседы». IX.15.747b; Лукиан. «О пляске». 26; Поллукс. IV.53, 99, 105; Schol. Aristoph. Ran. 806; Eustath. II. XVIII.605 (p. 1167, 20); Od. XXIII.134 (p. 1942, 6).

Сикиннида – греч. σικίννις, этимология и внутренняя форма темны; так назывался танец сатиров в сатирической драме. См.: Еврипид. «Киклоп». 37; Лукиан. «О пляске». 22; Дионисий Галикарнасский. VII.72. Евстафий (со ссылкой на Арриана – см.: Eusth. II. XVI, p. 1078 = FHG. III, fr. 106) приводит сведения, отличные от Афинеевых: Сикиннидой звали нимфу – служительницу Кибелы. Танец, таким образом, имеет малоазийское происхождение.

¹⁷¹ *Гипорхема* – см. выше, примеч. 121.

¹⁷² *Лампр* – знаменитый музыкант и педагог, упомянут Платоном («Менексен». 236a) и Псевдо-Плутархом («De musica». 31).

¹⁷³ ...*после морского сражения при Саламине*... – Одно из самых значительных сражений греко-персидских войн произошло у о-ва Саламин в 480 г. до н.э. Ему посвящена трагедия Эсхила «Персы».

¹⁷⁴ *При постановке «Фамира»... «Навсикаи»... – «Фамир»* – греч. θάμυρις. Одна из ранних трагедий Софокла, названная по имени главного действующего лица – фракийского певца Фамира, или Фамира, считавшегося родоначальником эпической поэзии наряду с Орфеем. О Фамире см.: Ил. II.594; Аполлодор. I.3.3; Павсаний. IV.33.3; X.30.8. Фрагменты этой трагедии см.: TGF². 216–224.

«Навсикая» – Евстафий в комментарии к «Одиссее» (p. 1553) приводит двойное название этой трагедии: «Навсикая, или Прачки». Фрагменты см.: TGF². 406–408.

¹⁷⁵ ...*слово «пляска» иногда употребляется*... – Подразумевается метафорическое употребление слова.

¹⁷⁶ *Перипат* – греч. περίπατος исходно означало «прогулка», а также (по метонимическому переносу) «крытая галерея для прогулок». Со временем это слово стали использовать применительно к философской школе, и не только к аристотелевскому Ликее, но и к платоновской Академии (Epicur. Fr. 171. Usener.); о привычке Платона прогуливаться во время занятий сообщает Аммоний (In Aristotelis Categorias Commentarius 3.8: Commentaria in Aristotelem Graeca IV / Ed. A. Busse. B., 1895. P. IV). Аристофан этим словом обозначает пустые псевдо-ученые разговоры («Лягушки». 942, 953).

¹⁷⁷ ...*иерофанты и факелonosцы*... – Иерофанты (греч. ἱεροφάντης от ἱερός – «священный» и φαίνω – «показывать») – жрецы, посвящавшие в Элевсинские таинства. Иерофантов сопровождали факелonosцы (греч. δαδούχοι) – это тоже была священная должность.

¹⁷⁸ *Делос* – один из Кикладских островов в Эгейском море, посвященный Аполлону.

¹⁷⁹ ...*то бессознательно*... – Ср. 428f.

¹⁸⁰ *Из ... танцев известны следующие*... – *Лаконские* – спартанские; *трезенские* – о Трезене см. ниже, примеч. 258; *эпизефирские* – скорее всего, подразумеваются Эпизефирские (букв. «Западные») Локры – город на самом мысу Итальянского «сапога», основанный дорийцами ок. 700 г. до н.э. См.: Геродот. VI.23; Страбон. VI.259. *Критские* – с острова Крит; *ионийские* – Ионией называлась центральная часть западного побережья М. Азии, область между Эолидой и Карией, простиравшаяся от Фокеи и Гермы до местности ниже Милета. Иония дала Греции множество великих людей – мудреца Фалеса, философов Анаксимандра, Анаксимена и Анаксагора, поэтов Мимнерма и Анакреонта, живописцев Апеллеса и Паррасия. *Мантинейские* – о Мантинее см. выше, примеч. 29.

¹⁸¹ *Гомериды* – букв. «дети (или потомки) Гомера». Так именовали себя эпические певцы о-ва Хиос, считавшие себя потомками самого Гомера. См.: Страбон. XIV.1.35. В широком смысле гомеридами могли называться просто подражатели или даже почитатели Гомера. См.: Платон. «Государство». 599е; «Федр». 252b; «Ион». 530d.

¹⁸² *Катана* – ныне Катания, греческая колония в восточной Сицилии, выведенная с о-ва Наксос в 729 г. до н.э.

¹⁸³ *Силлограф* – тот, кто сочиняет силлы. Родоначальником жанра силл считается Тимон Флиунтский (320–230 гг. до н.э.). «Силлами, – пишет Диоген Лаэртский, – называются три его книги, в которых он как скептик бранит и вышучивает догматиков с помощью пародии. В первой из них он ведет речь от своего лица, во второй и третьей – в виде диалога: он будто бы расспрашивает Ксенофана Колофонского о каждом из философов...» (IX.109 сл.). Силлы Тимон писал гексаметрами. Элиан определяет силлы как «порицание, облеченное в форму едкой шутки» и связывает этимологически слово «силла» со словом «силен»: «Силены получили имя из-за своей привычки издеваться» («Пестрые рассказы». III.40). О силлах см.: Страбон. XIV.1.28; Schol.Aristoph.Eq.406; Scholl.II.II.212.

¹⁸⁴ *...издеваясь над кормившимися в Мусее философами...* – Мусеем, или Мусейоном, назывался крупнейший научно-исследовательский центр, созданный в Александрии (Египет) во время царствования преемников (диадохов) Александра Великого – Птолемея I Сотера, Птолемея II Филадельфа и Птолемея III Эвергета. Со всех концов греческого мира туда собирались поэты, писатели и ученые – геометры, астрономы, медики, историки, грамматики. Находясь на царском содержании, они жили безбедно. Специальные должностные лица заботились о том, чтобы ученые ни в чем не испытывали недостатка и «могли свободно предаваться своим занятиям, пользуясь такими замечательными рабочими инструментами, предоставленными в их распоряжение, как ботанический и зоологический сад и прежде всего знаменитая библиотека с филиалом Серапейон, единственная в древности по богатству, размерам и качеству» (Марру, с. 264 сл.). Слово *философ* у Афиней устойчиво употребляется расширительно и означает просто «ученый».

¹⁸⁵ В тексте лакуна.

¹⁸⁶ *...нифийский оракул...* – См. примеч. 8 к кн. II.

¹⁸⁷ *...как взойдет Пес...* – См. примеч. 191.

¹⁸⁸ *...почитать Диониса-целителя.* – См. примеч. 9 к кн. II.

¹⁸⁹ *Алкей же, митиленский поэт...* – Митилена – город на восточном побережье Лесбоса, родина Алкея и Сапфо.

¹⁹⁰ *Легкие сохнут...* – Эти стихи Алкея приводит и Плутарх, но не как простое приглашение к выпивке, а как повод для медицинской дискуссии о том, действительно ли выпитое вино проходит через легкие («Застольные беседы». VII.1 – «Против тех, кто упрекает Платона, сказавшего, что выпитое проходит через легкие»).

¹⁹¹ *Звездный ярится Пес.* – Пес (греч. Κύων, лат. Canis) – Сириус. С восходом Сириуса начинается самое жаркое время года. От латинского названия этой звезды происходит и слово «каникулы» – «дни Пса».

¹⁹² *Ты знаешь, сколь растет зимой вдоль быстрых рек...* – Пародия на «Антигону» Софокла (709–711):

Ты знаешь: деревья при зимних ливнях,
Склоняясь долу, сохраняют ветви,
Упорные же вырваны с корнями.

¹⁹³ ἀναπλήτειν – к сфере душевных переживаний глагол относится в своем втором, метафорическом значении. Переход к следующему глаголу – ἀνάξειναι – был бы совершенно нелогичным, если бы глагол ἀναπλήτειν не имел значения «возлежать за трапезой» (правда, не вполне понятно, был ли он стилистически нейтрален в таком значении – скорее всего, это был сниженно-разговорный стилистический пласт: см.: Лукиан. «Луций, или Осел». 23). Таким образом, пересказчик Афиней выпустил, по-видимому, часть рассуждения о семантике первого глагола. Глагол ἀνάξειναι вводится по контрасту: хоть он и имеет то же значение «возлежать за трапезой», но менее употребителен и относится (в этом своем значении) к сфере возвышенно-поэтической лексики.

¹⁹⁴ καταχεῖσθαι – действительно синонимично καταχλύσθαι. Как синонимы употребляются эти глаголы и в «Пирах» Ксенофонта и Платона – ср., напр.: Платон. «Пир». 176a и 177d; Ксенофонт. «Пир». 8,13.

¹⁹⁵ У Аристотеля в «Тирренской Политии»... – Fr. 556 Rose.

¹⁹⁶ λάσασθαι – этот глагол с прямым объектом означает просто «есть» (ср., напр.: Ил. I.464), а с родительным падежом в функции Genetivus Partitivus приобретает значение «брать часть от чего-либо», т.е. «отведывать» (ср., напр.: Од. IX.87).

¹⁹⁷ ...в смысле «насыщаться». – Приведенный контекст из Каллимаха не подтверждает такого значения: μύθου λάσασθαι можно перевести «рассказа [бы] отведал».

¹⁹⁸ «Притерлись, как доска к доске»... – т.е. последующая речь с предыдущим обсуждением гомеровских вопросов. По-видимому, один из участников диалога «по размышлению зрелом» решил дополнить рассказ Миртила (8е и сл.) (примеч. переводчика).

¹⁹⁹ ... «пир изобильный» (δαῖτα θάλειαν)... – Эпическая формула – ср.: Од. VIII.76,99; III.420; Ил. VII.475; Гесиод. «Труды и дни». 742. Мнение Селевка ошибочно, так как существительное δαῖς этимологически связано именно с глаголом δαίνυμι – «разделять пищу»; в медиальном залоге этот глагол означает «угощаться», «пировать». Ср. у Плутарха столь же ошибочную этимологизацию: слово δαῖς и однокоренные с ним возводятся к διασπεῖν и διασπένειν. Основанием для сближения здесь, как и у Селевка, служит только некоторое звуковое сходство («Застольные беседы». II.10.644a-b).

²⁰⁰ ...еще и в наши дни... – Скорее всего, это выражение самого Каристия и, следовательно, сведения относятся ко II в. н.э.

²⁰¹ Юноши еще и охотятся на самых различных зверей... – Стихи, приведенные Афинеем (Ил. XII.43), входят в состав развернутого сравнения, где Гектор уподоблен дикому зверю, а его противники – охотникам, которые не могут со зверем совладать. Никаких указаний на то, что охотники эти – юноши и что они охотятся, чтобы приучить себя к опасностям войны, в гомеровском тексте нет, да и не может быть, потому что в героическую эпоху охота была не спортивным занятием, а промыслом.

²⁰² ...в «Играх по Патроклу». – «Играми» (точнее, «Поминальным состязанием», греч. Ἑλιστάφιος) именуется вторая половина XXIII песни «Илиады», где рассказывается о состязаниях, устроенных в честь Патрокла после его погребения. Об именовании различных частей «Илиады» и «Одиссеи» см. выше, примеч. 120. Состязание в стрельбе по голубке описано в ст. 850 сл.

²⁰³ ...не пренебрегали варкой мяса... – Приведенные Афинеем слова из Гомера (Ил. XXI.362) никак об этом не свидетельствуют: с котлом, в котором клокочет кипящий жир, сравнивается река Скамандр (Ксанф), подожженная Гефестом. Сравнения, взятые из быта, редки у Гомера. Ср.: Од. XII.237–238; XX.25–30.

Античные редакторы и комментаторы Гомера предлагали разные варианты чтения строк 362–363 из XXI песни «Илиады». Общепринят вариант Аристарха, которому и со-

ответствует перевод Н. Гнедича, приведенный здесь: *κνίστην μελδόμενος* (букв. «[котел], растопляющий жир»). Однако Афиней цитирует эти строки в другом варианте – *κνίσσην μελδόμενος* (букв. «[котел], растопляющийся жиром»). Здесь налицо троп – метонимия. Об этих строчках более подробно см.: *The Iliad: A Commentary*. Vol. 6. P. 83.

²⁰⁴ ...*воловоья нога*... – Этот эпизод уже обсуждался ранее; см. выше, примеч. 141.

²⁰⁵ ...*мяса различного крайчий принес*... – Од. I.141.

²⁰⁶ ...*сицилийская и сибаритская кухни ... хиосская*. – О специфике кухни Южной Италии и Сицилии см.: Платон. «Письма». VII.326b; «Государство». III.404d; «Горгий». 518b. О Сибарисе см.: Афиней. XI.484f.

²⁰⁷ *Спят с женщинами у Гомера*... – О наложнице Нестора прекрасной Гекамедой говорится в XI песни «Илиады» (630 сл.).

²⁰⁸ ...*будучи составленным из более тонких частиц*... – В оригинале этому обороту соответствует одно прилагательное – *λεπτομερής* (от *λεπτός* – «тонкий, изящный» и *μέρος* – «часть, частица»), которое появляется и используется как термин в сочинении под названием «Περὶ ψυχῆς κόβου καὶ φύβου» – это поздний пересказ платоновского диалога «Тимей» (ок. I в. н.э.), дошедший до нас под именем Тимея Локрского. Этот текст см.: *Platonis dialogi* / Ed. C.F. Hermann. Leipzig, 1852. Само понятие «тонких частиц» у Платона см.: «Тимей». 53a сл.

См. также: *Placita philosophorum*. I.7.34; Диоген Лаэртский. X.63.

²⁰⁹ *Гомер хвалит вино*... – В «Одиссее» говорится о вине, которое Одиссей получил в подарок от Марона – жреца храма Аполлона в Исмаре (Фракия). Это вино обладает таким свойством: «Если кто, пить собираясь, один наполнил только кубок // Красным вином этим сладким и двадцать примешивал кубков // С чистой водою к вину, то сладчайший, чудеснейший запах // Шел от кратера. Не мог тут никто от питья воздержаться» (IX.208 сл.).

²¹⁰ *Некоторые даже толкуют бегство Диониса в море*... – Приведенное далее толкование этого эпизода встречаем у Гераклита, автора «Гомеровских вопросов», или «Аллегорий» (I в. н.э.). См.: *Quaestiones Homericae*. Leipzig, 1910.

...*бегство Диониса в море*... – Эпизод из «Илиады» (VI.130–137). Ср. также: Аполлдор. III.5.1.

²¹¹ ...*багряным*... – Прилагательное *ῥιθόψ* (от *αἶθος* – «жар, огонь» и *ὥψ* – «вид») Гомер использует как применительно к вину, так и применительно к металлу (ср. формульное словосочетание *ῥιθόψ χαλκός*, традиционное передаваемое как «сияющая медь»). Вероятно, именно на этом основании некоторые комментаторы утверждают, что данный эпитет характеризует не *цвет* вина, а его способность сверкать, сиять, словом, излучать некий свет – см.: Desrousseaux, p. 60–61.

²¹² *Феопомп пишет*... – FHG.I.278; IV.643.

²¹³ *Об итальянских винах*... – Далее речь идет о различных сортах итальянских вин. *Фалернское* – Фалерн (Falernus ager) – область в Кампании. Этот сорт вина славился уже в I в. до н.э. (ср.: Гораций. «Оды». I.20 и Катулл, 27, в переводе А.С. Пушкина: «Пьяной горечью Фалерна...»). Плиний пишет, что виноградные лозы из Фалерна не приживаются ни в каких других местах (XIV.62).

Альбанское – название вина происходит от названия древнейшего города Альбы-Лонги (Alba Longa), основанного, по преданию, сыном Энея Асканием (Вергилий. «Энеида». III.390), а по археологическим данным – во 2-й пол. XII в. до н.э. Около 600 г. до н.э. город был разрушен римлянами и перестал существовать, дав свое имя усадьбе (praedium Albanum), расположившейся на месте погибшего города, у подошвы горы Mons Albanus (ныне Monte Cavo). Вино, производимое в этом месте, и называлось альбанским.

Соррентинское – Суррент (Surrentum, ныне Sorrento) – приморский город в Кампании, к юго-востоку от Неаполя. У Плиния сказано, что этот сорт вина делался из приторно-сладкого винограда (praedulci uva) (XIV.62). Как это согласуется со сведениями Афиней, могут решить только специалисты по виноделию.

Регийское – Регий (Ρῆγιον, Regium, ныне Reggio) – греческая колония на самом кончике итальянского «сапога», напротив Мессаны; основана в 720 г. до н.э. Вплоть до конца императорской эпохи Регий оставался густонаселенным грекоязычным городом. См.: Страбон. VI.257 сл.; Геродот. VI.23; VII.165.170; Диодор. XI–XVI; Тит Ливий. XXIII.30.

Привернское – Приверн (Privernum, ныне Priverno) – город вольсков в Лации.

Формианское – Формии (Formiae, ныне Mola di Gaeta) – приморский город в южном Лации.

Трифоллийское – Трифоллий (Trifolium) – гора близ Неаполя.

Статан – точнее, «статанское» (греч. Στατάνος). Происхождение этого названия установить не удастся.

Тибуртинское – Тибур (Tibur, ныне Tivoli) – город в Лации, на реке Аниен (приток Тибра). В Тибуре были виллы поэтов (Катулл, Гораций) и даже императоров (Август и Адриан). Катулл. 44; Проперций. III.16; Тит Ливий. XXX.45.

Лабиканское – Лабики (Labici) – город в Лации между Тускулом и Пренестой.

Гавранское – Гавр (Gaurus, ныне Monte Gauro) – вулканический горный хребет в Кампании.

Марсикское – Марсы (Marsi) – сабельское племя, обитавшее в нагорьях центральной Италии, в районе Фуцинского озера (ныне Lago di Celano).

Ульбанское – греч. Οὐλβάνος. Происхождение этого названия установить не удастся.

Анконское – Анкона (Ancon, ныне Ancona) – город в северном Пицене (Кампания).

Буксентинское – Буксент (Buxentum, ныне Policastro di Busento) – город на западном побережье Лукании. См.: Диодор. XI.59; Страбон. VI.25.

Велитернское – Велитры (Velitrae, ныне Velletri) – город вольсков в южном Лации.

Каленское – Калы (Cales, ныне Calvi) – город в северной Кампании, к северо-западу от Капуи. Земли там славилась плодородием, а глина – пригодностью для гончарного дела. См.: Страбон. V.237; Полибий. III.91; Вергилий. «Энеида». VII.728; Тит Ливий. VIII.16; X.20; XXVII.9; Тацит. IV.27; VI.15.

Цекубское – Цекуб (Caecubum, или ager Caecubus) – болотистая область в южном Лации. См.: Гораций. «Эподы». IX.1.36; Од. I.20; I.37; III.28; Плиний. XIV.52.

Фунданское – Фунды (Fundī, ныне Fondi) – приморский город в Лации.

Сабинское – Сабиняне (Sabini) – племя, обитавшее в гористой области к северо-востоку от Рима. Вследствие метонимического переноса словом Sabini называлась и область обитания этого племени.

Сигнийское – Сигния (Signia, ныне Segni) – город в Лации, к юго-востоку от Рима.

Номентанское – Номент (Nomentum, ныне Mentana) – город в Лации, к северо-востоку от Рима.

Сполетинское – Сполетий (Spoletum, ныне Spoleto) – город в южной Умбрии.

Экванское – Эквы (Aequi) – племя, жившее к востоку от Рима (от Тибура, ныне Tivoli, и Пренесты, ныне Palestrina, до Фуцинского озера, ныне Lago di Celano).

Баринское – Лучшие рукописи (С и Е) дают чтение βαρβίνοϛ. Г. Кайбель предлагает читать βαρίνοϛ; эту конъектуру принимает Ч. Гюлик. Конъектура разумна, так как известно местечко в области эквов на правом берегу реки Аниен под названием Вария.

Кавкинское – правильное «хавкинское». Хавки (Causi/Cauchy/Chauci) – германское племя, обитавшее между реками Эмс и Эльба.

Венефран – скорее всего, от названия города Венафр (Venafrum, ныне Venafro) на границе Самния и Кампании.

Требиллик – происхождение названия неясно.

Эрбуланское – возможно, происходит не от географического названия, а от прилагательного *helvolus* – «желтовато-розовый». У Плиния упоминаются *helvolae uvae* («желтовато-розовые грозди») (XIV.29), а у Катона – *helvolum vinum* («De re rustica». 24). Ср.: также: *Columella*. III.2. Впрочем, Ч. Гюлик связывает это название с умбрийским городом *Nervillum*.

...из *Массалии*... – Массалия (Μασσαλία, *Massilia*, ныне Марсель) – греческая колония, основанная в 600 г. до н.э. См.: Фукидид. I.13; Аристотель. «Политика». 1321 а 30 сл.

Тарентинское – Тарент (*Tarentum*, Τάρας) – крупнейший город в южной Италии (так называемой Великой Греции), выросший на месте греческой колонии, основанной спартамцами в 700 г. до н.э.

Мамертинское – Мамертинцами («людьми Марса» – от *Mamers* = *Mars* – «Марс») называли наемников сиракузского правителя Агафокла (ум. в 289 г. до н.э.). Ок. 284 г. до н.э., после того как их отряды были распущены, мамертинцы захватили Мессану (*Messana*, ныне *Messina*) и стали звать ее Мамертиной. Таким образом, «мамертинский» = «мессанский».

...называется *иоталинским*. – Переводчик принимает чтение *ιωτάλινοϛ*, которое западные издатели считают испорченным. Возможно, здесь следует читать *Ιταλιώτης*, хотя этим словом обычно именовались греки, жившие в Италии (ср., напр.: Геродот. IV.15; Фукидид. VI.44).

²¹⁴ ...индусы почитают божество по имени *Сороадей*... – Греч. Σοροάδειοϛ. Ср. санскр. *Suryadeva* (Солнечный бог) или *Suradeva* (богиня Сура от *sura* – «крепкие напитки»).

²¹⁵ *Элидский*... *сикионская*... – *Элидский* – Элида – область на западе Пелопоннеса с одноименным главным городом.

Аргос – главный город Арголиды – области на востоке Пелопоннеса.

Флиунт – город в Арголиде. По сведениям Страбона, упомянут в гомеровском каталоге кораблей под именем Арефиреи (Ил. II.569). См.: Страбон. VIII.372.

Коринф – город на Истмийском перешейке.

Эгина – о-в в Сароническом заливе близ Аттики.

Сикион – город в северном Пелопоннесе.

²¹⁶ *Гермипп делает это так*... – Фрагмент из комедии Гермиппа («Носильщики»; комедия ставилась между 431 и 423 гг. до н.э. См.: Гесихий: Δίδς βάλανοι; Kock.63. По мнению французского комментатора Афиняя, это пародия на *дидактический эпос* (Desrousseaux, p. 64, п. 3), но возможна и другая точка зрения: во-первых, зачин взят из «Илиады» – там он предваряет знаменитый каталог кораблей, где перечисляются пришедшие под Трои греческие войска (II.485 сл.); во-вторых, у Гермиппа перечисляются города и области, откуда прибывает товар, а в гомеровском каталоге перечисляются города и области, откуда прибывают войска; наконец, в середине фрагмента Гермипп

вставляет гомеровскую формулу, использованную в том числе и в каталоге кораблей. Таким образом, вполне возможно, что Гермипп пародирует Гомера.

Фрагмент разбит на реплики переводчиком.

В город... – В Афины.

...по вино-цветному морю. – Гомеровская формула.

Сильфия стебли... – Сильфий, лат. *lasericium* (в современной ботанической классификации – *Ferula tingitana*) – смолистое растение из семейства зонтичных. Его сок использовался в кулинарии и медицине. См.: Феофраст. ИР.VI.3.1; Диоскорид. III.80. У Аристофана говорится, что сильфий вместе с сыром служит острой приправой («Птицы». 1579), и что сильфий имеет сильный запах («Всадники». 895 сл.). См. также: *Chamoux F.* *Cyrene sous la monarchie des Battiades.* P., 1953. P. 246–263.

...шкуры быков... из Кирены... – Кожа из Северной Африки считалась наилучшей. Морская торговля с Киреной (об этом городе см. выше, примеч. 66), замершая при Перикле, оживилась по инициативе Клеона. Следовательно, комедия Гермиппа была написана уже после смерти Перикла (429 г. до н.э.).

...от Ситалка ... чесотку ... Да от Пердикки вранья... – Скорее всего, Гермипп обыгрывает события Архидамовой войны (431–421 гг. до н.э.), когда Афины ради военных успехов на севере заключили союз с Ситалком – царем крупнейшего фракийского племени одрисов, и с Пердиккой, македонским царем; последний нарушил договор: преследуя свои интересы, он обратился за помощью к противнику Афин – Спарте. В этом случае понятно, почему от Пердикки везут вранье, а вот почему от Ситалка – чесотку, можно только догадываться.

...на их кораблях пустозвонных... – Греч. *ναυσὶν ἐπὶ γλαφυραῖς* (букв. «на выдолбленных кораблях») – гомеровская формула (см., напр.: Ил. II.454).

...богам стволы кипариса... – Древесину кипариса использовали для строительства храмов: кипарисовая кровля упомянута у Пиндара (Пиф. 5.51); кипарисовые ворота храма в Эфесе – у Феофраста (ИР.V.4.2); из кипариса делали и изваяния богов – ИГ.IV(1).102, 26.

...фиг, что сладостный сон навевают... – Фиги (инжир) считались снотворным средством.

Груши Эвбея везет... – Почва на о-ве Эвбея была более плодородна, чем на большинстве греческих островов, где хорошо вызревал только виноград.

...тучных овец и баранов... – Греч. *ἰφία μῆλα* («тучные овцы», или «тучные козы») – гомеровское словосочетание (ср. напр.: Ил.V.556). Афиней обыгрывает омонимию: *μῆλον* – «овца», «коза», вообще «мелкий скот» и *μῆλον* – «яблоко» (ср. лат. *malum*). Ч. Гюльки, стараясь передать эту словесную игру, переводит «жирные яблоки» (*fat apples*).

Фригия – область в Малой Азии, занимавшая центральную и западную ее части. Упомянута уже у Гомера в «Илиаде» (III.184). Политической самостоятельности Фригия не имела с тех пор, как в VII в. до н.э. подпала под власть Лидии, так что слово «фригиец» стало для греков синонимом слова «раб». Политическая история Фригии кратко изложена в кн.: *Korte G., Korte A.* *Gordion. Ergebnisse der Ausgrabung im J.1900.* B., 1904.

...взятых в сраженьи... – В оригинале *ἀνδράλοδα* (букв. «человеконогие»); так называли рабов-военнопленных. Друг друга греки порабощали редко: например, во время Пелопоннесской войны, после неудачной Сицилийской экспедиции, афиняне, попавшие в плен к сиракузянам, трудились в каменоломнях. Обратить в рабство своих сограждан можно было и в мирное время, юридическим путем, но в целом греки предпочитали порабощать негреков (варваров – греч. *βάρβαροι*, как они сами их называли). Как поставщик рабов Фригия была у греков на первом месте.

...*Аркадия – ищущих боя.* – Аркадия – область в самом центре Пелопоннеса, окруженная горами. Особенности географического положения – удаленность от моря и изолированность от других областей Греции – во многом определили историко-культурное развитие Аркадии. С одной стороны, ее почти не затронул процесс миграции племен, происходивший на Балканах в XII–X вв. до н.э., и в Аркадии более чем где-либо сохранилось коренное население Пелопоннеса, что отразилось и в особенностях местного (аркадского) диалекта. С другой стороны, последующие достижения в культурно-экономическом развитии Греции VIII–VI вв. до н.э. Аркадии также не коснулись. Занимались аркадцы главным образом скотоводством, торговли не знали, городов вплоть до IV в. до н.э. не имели; уклад их жизни был простым и грубым, верования – примитивными, возможно, практиковались даже человеческие жертвоприношения. Для бедных и многочисленных аркадцев наемная служба в армии любого другого греческого государства была единственным способом заработать на жизнь. В 371 г. до н.э., когда после поражения Спарты аркадцы объединились в союзное государство, бедное население получило возможность не уходить на наемную службу – теперь все они могли служить в собственной наемной армии численностью в 5000 человек. Воины этой союзной армии назывались эпаритами. См.: The Cambridge Ancient History. Cambridge, 1982. Vol. III. P. 532; Vol. VI. P. 88 sq.

Пагасы – приморский город в Фессалии.

...*миндаль блестящий*... – Точнее, «лоснящийся», т.е. «жирный». О миндале подробно см. 52с.

...*желуди Зевса*... – Греч. Διὸς βάλανοι – так называли каштаны – см.: Феофраст. ИР.IV.5.1; Диоскорид.I.106.

Пафлагонцы – см. выше, примеч. 123.

...«*ведь пиру они украшенья*». – Цитата из «Одиссеи» (I.152). Правда, у Гомера сказанное относится к песням и танцам.

²¹⁷ *И Пиндар в пифийской оде, посвященной Гиерону*... – Пиф. 1. Гиерон I – правитель Гелы и Сиракуз (Сицилия). При дворе Гиерона собирались поэты и философы – там бывали Эсхил, Пиндар, Вакхилид, Симонид, Эпихарм. Данный фрагмент – не из Пифийских од и вообще не из эпиникиев. Возможно, Пиндар написал оду в честь Гиерона для какой-то церемонии, проходившей в Дельфах.

²¹⁸ *Критий дает свое перечисление*... – Греки любили составлять каталоги, в том числе каталоги изобретений и открытий. Их можно встретить в «ученых» прозаических сочинениях (Плиний.VII.191; Климент Алекс. «Строматы».I.74), в мифографических сборниках (Гигин. 274 – «Кто что открыл», 277 – «Первые изобретатели вещей»). Здесь перед нами образец такого каталога в лирике.

²¹⁹ *Коттаб* – существовало несколько разновидностей этой игры. 1. Большой глубокий сосуд наполняли водой. На поверхность клали маленькие пустые мисочки. Нужно было выплеснуть остатки вина из своего бокала так, чтобы попасть в мисочку и потопить ее. 2. Мисочки уравнивались на подставке наподобие весов. Плеснув вина, нужно было попасть в одну из мисочек так, чтобы она упала и стукнулась о стоящую внизу бронзовую фигурку. По характеру погружения (1) или звуку удара (2) судили о том, что ждет играющего в любви. Этой игре посвящена большая часть кн. XV.

²²⁰ *Финикияне нашли буквы*... – Первое упоминание о греческой письменности принадлежит поэту Стесихору (630–555 гг. до н.э.). Ее изобретение Стесихор приписывает герою Паламеду. Согласно Гекатею Милетскому, письменность привез грекам из Египта Данай. Геродот первым пришел к выводу, что источником греческого письма был семитский алфавит, который, как считал Геродот, привез Кадм из Финикии (Финикией Ге-

родот называл область от Оронта до границ Палестины – III.91.1). См.: FGh.I.20; Геродот. V.58.1–2. Действительно, порядок, названия и очертания знаков показывают, что греческий алфавит был заимствован из семитского. Более того, упомянутое Геродотом название букв φοινίκια зафиксировано в надписях. См., например, IG.XII.2.967. Правда, некоторые ученые толкуют это название иначе, связывая его не с местом происхождения алфавита, а с пурпурной краской, которая могла использоваться в качестве чернил.

Диодор Сицилийский утверждал, что письменность у греков появилась раньше всех, но случившийся потоп унес и памятники письменности, и даже воспоминания о них; поэтому-то и считается, что это Кадм первым принес грекам письменность из Финикии (V.57.3). Ср. также: Диоген Лаэртский. VII.30.10; Плиний. VII.192; Гигин. 277.

Реальная, а не мифологическая передача алфавита могла произойти, скорее всего, в двуязычной области. Вопрос в том, были здесь первыми учителями семитские поселенцы, жившие среди греков, или это греки, жившие среди семитов, взяли у них алфавит. Не менее важно знать, произошло ли это заимствование однократно или происходило в различных частях Финикии или Греции? Если последнее предположение правильно, то становится понятно, почему архаическое греческое письмо представляет собой набор различных версий одного и того же алфавита, а единообразие утверждается в Аттике к концу V в. до н.э., когда верх одерживает ионийская версия, а в других областях Греции – в течение IV в. до н.э.

Самые ранние греческие надписи относятся к середине VIII в. до н.э. Эти надписи происходят из городов, расположенных на самом побережье Эгейского моря, или из их колоний. Видимо, первоначально алфавит распространялся по морским торговым путям. Более подробно об этом см.: The Cambridge Ancient History. Vol. III, part 1. P. 819 sq.

²²¹ *Морем карийцы владеть стали...* – Согласно Геродоту, во времена Миноса карийцы были самым знаменитым народом (I.171). См. также: Гесихий: *καρίων πλοῖον*.

²²² *Та, что воздвигла прекрасный трофей Марафону...* – Подразумеваются Афины. Покровительница города Афина была богиней ремесел вообще и гончарного дела в частности. Под «трофеем Марафону» подразумевается победа над персами в битве при Марафоне во время греко-персидских войн (490 г. до н.э.).

²²³ *...халибонийское...* – Ксенофонт упоминает халибов среди прочих народов Причерноморья; он пишет, что «халибы немногочислены и подвластны моссиноикам и живут они преимущественно добыванием и обработкой железа» («Анабасис». V.5.1. Пер. М.И. Максимовой). У Страбона халибы упомянуты тоже как причерноморское племя, живущее за счет разработки местных рудников. По мнению Страбона, именно халибов подразумевал Гомер в каталоге кораблей под гализонами, так как там сказано, что они явились под Трою «из Алибы» (Ил. II.856; XII.549). Плиний говорит, что халибы первыми стали делать из меди различные предметы (VII.41.197). См. также: Эсхил. «Прометей». 715; Геродот. I.28; Аполлоний Родосский. II.141, 373; 1002–1010.

²²⁴ *Исса* – о-в в Адриатическом море у побережья Далмации (ныне Лисса).

²²⁵ *О хиосском и фасосском винах...* – Плиний пишет, что наибольшей известностью после упомянутых Гомером вин пользовались фасосское и хиосское, а благодаря авторитету знаменитого врача Эрасистрата к ним добавилось еще и лесбосское (Плиний. XIV.9).

²²⁶ *Асклепий* – бог врачевания, сын Аполлона и нимфы Корониды (по другой версии – Арсиноий). Асклепия воспитал кентавр Хирон. Сыновья Асклепия, Махаон и Подалирий, упомянуты Гомером как превосходные врачи. См.: Ил. IV.194, XI.518; Аполлодор. III.10.3–4; Пиндар. Пиф. 3.8–53. В целом об Асклепии см.: Herzog R. Die Wunderheilung von Epidauros. Leipzig, 1931; Edelstein E.J., Edelstein L., Asclepius: A collection

and interpretation of the testimonies. Baltimore, 1945. Vol. 1–2; Kerenyi K. Der göttliche Arzt. Darmstadt, 1956.

²²⁷ ...сам Марон... – Ср. выше, примеч. 209.

²²⁸ ...прамнийское... – Об этом сорте вина см. 30b.

²²⁹ ...Киприда изобилие предпочитает... – Цитата из Еврипида (Fr.895 Nauck). Введение в текст комедии цитат из произведений «серьезного» ряда (эпоса, трагедии), как и вообще литературная игра, – излюбленный прием греческих комедиографов.

²³⁰ ...о псифийском... – Псифийским (греч. ψίφιος) назывался сорт винограда. См.: Диоскорид.V.5; Вергилий. «Георгики». II.93; о псифийском вине см. также: Плиний.XIV.80.

²³¹ ...второму изданию комедии Аристофана «Женщины на празднике Фесмофорий»... – Иных сведений о втором издании этой комедии и ее новом заглавии у нас нет.

²³² ...пепаретийское вино... – Пепареф (ныне Пипери) – остров из группы Северных Sporad, к северо-востоку от Эвбеи. Славился растительностью и плодородием. Гераклид Понтийский называет его «благовинным» (εὐβοῖνος, а Софокл – «благовиноградным» (FHG.II.217.13; Софокл. «Филоклет». 549). Покровителем Пепарефа считался Дионис – его изображения (или изображения его атрибутов) встречаются на всех монетах, которые чеканились на этом острове. Плиний пишет, что некоторые врачи считали пепарефское вино наиболее полезным, но поскольку оно требует шестилетней выдержки, в число самых знаменитых оно так и не вошло (XIV.76). Ср., однако, ниже цитату из *Гермиппа* (ст. 12).

²³³ *Левкадское* – Левкада – остров в Ионийском море напротив Аккарнии, ныне Лефкас; *медвяное* – перевод по конъектуре μελιττιος (Schweighaeuser). Наиболее надежные рукописи С и Е дают μελιττιος – слово, не поддающееся интерпретации.

²³⁴ ...взяв из бокала Спасителя Зевса... – У греков был обычай в самом начале трапезы совершать возлияние в честь Благого Демона несмешанным вином, а в конце трапезы, перед началом попойки, возливать уже разбавленным вином Спасителю Зевсу. В книге XV Афинея, ссылаясь на врача Филонида, пересказывает этиологический миф: когда Дионис привез в Грецию вино, все стали пить его неразбавленным и напивались до состояния буйства или, наоборот, полного бесчувствия. Однажды какие-то люди устроили попойку на берегу моря; неожиданно начался ливень, все разбежались; когда ливень кончился и люди вернулись, то обнаружили, что в чаши с остатками вина налилась дождевая вода; попробовав, все убедились, что содержимое чаш очень вкусно. С тех пор возлияние несмешанным вином творят в честь Диониса, называя его Благим Демоном за то, что он подарил грекам этот напиток, а смешанным чествуют Зевса, называя его Спасителем за то, что он как владыка всех дождей и ливней вовремя научил людей правильно пользоваться Дионисовым даром (675c, 692f).

Этот миф объясняет происхождение одного из многочисленных культовых имен Зевса – Спаситель (греч. Σωτήρ). О храмах Зевса Спасителя сообщают Павсаний. (I.1.3) и Страбон (IX.395). Подробнее об этом см.: Nilsson M. Geschichte der griechischen Religion. München, 1941. Bd.I. S.415–416 (далее: Nilsson).

²³⁵ ...о мендейском... – Менда (греч. Μένδη, или Μίνδη – таково более древнее название, зафиксированное на монетах VI–V вв. до н.э.) – город на п-ве Паллена на северном берегу Эгейского моря. См.: Фукидид. IV.121 сл.; Страбон. VII.330; Плиний.IV.36; «Суда»: Μενδαῖος. Мендой называлось также небольшое ионийское поселение во Фракии; упомянуто только у Павсания (V.27.12).

Это отрывок из комедии Кратина «Эфебы». Если форма «винишко» (οἶνισκος) не случайно созвучна форме γεγνῖσκος («парнишка»), то весь отрывок приобретает двусмысленный характер – особенно, если учесть, что перевод «Тройку не потянет ли?» можно максимально приблизить к оригиналу и тогда получится «А три-то вынесет?».

По отношению к вину это означает: можно ли разбавить это вино в пропорции одна часть вина к трем частям воды?

²³⁶ ...*Фемистоклу... от персидского царя...* – Речь идет о событиях 460 г. до н.э.: Фемистокл, изгнанный из Афин, был вынужден в конце концов бежать из Греции. Он воспользовался покровительством персидского царя (то ли самого Ксеркса, то ли его сына – тут источники разноречивы). Вот как описаны эти события у Фукидида: «Царь дал Фемистоклу Магнесию на хлеб, и она приносила ему ежегодного дохода 50 талантов, Лампсак на вино (местность эта считалась в то время богатейшею своими виноградниками), а Миунт на приправу» (I.138; пер. Ф. Мищенко). Ср. у Плутарха: «По свидетельству большинства историков, ему были даны три города – на хлеб, на вино и на приправу, а именно: Магнесия, Лампсак и Миунт. Кизикиец Неанф и Фаний добавляют сюда еще два города: Перкоту и Палескепис – на постель и одежду» («Фемистокл». 29). Персидские (и египетские) цари дарили города членам царской семьи и фаворитам «на булавки» – таков был их обычай. Ср. ниже, примеч. 291.

Лампсак – город на севере Троады, основанный фокейцами; стратегически значимая точка. Сообщения Фукидида и Плутарха о Лампсаке подтверждаются эпиграфическими данными конца III в. до н.э.

Магнесия – в данном случае речь идет не о фессалийской Магнесии, а о городе в Ионии – «том, что на [реке] Меандр», как называет его Диодор Сицилийский (XI.57); ср.: Птолемей. V.2.15; Плиний. V.114. О том, что Фемистокл правил Магнесией, см. у Афиней книги XII, 533е.

Миунт – город в Карию.

Перкота, Палескепис – города на азиатском берегу Геллеспонта.

Демарат – царь Спарты (конец VI в. до н.э.). Был свергнут с престола, бежал в Персию и сопровождал Ксеркса в его походе на Грецию. См.: Геродот. VI.64.

...*было приказано... ходить в варварском наряде...* – О таком приказе ни Фукидид, ни Плутарх не сообщают, однако в Плутарховом тексте есть указание на то, что по крайней мере Демарат носил персидскую одежду, – это следует из просьбы Демарата разрешить ему носить *тиару* (головной убор персов) так, как ее носят цари, а не все прочие персы (см.: Плутарх. «Фемистокл». 29).

Гамбреон – город в Мисии (М. Азия) к юго-западу от Пергама, у истоков Каркаса, притока Каика.

²³⁷ ...*Кир Великий даровал своему другу... семь городов...* – Персидский царь, родоначальник династии Ахеменидов (559–529 гг. до н.э.). Победа над лидийским царем Крезом обеспечила ему владычество над М. Азией; он владел также Вавилоном, Ассирией, Сирией и Палестиной. Власть Кира распространялась вплоть до Иранского нагорья. Ему посвящено сочинение Ксенофонта «Киропедия».

Кизик – город на Пропонтиде.

Педас – город в Троаде, в области лелегов. Упомянут уже у Гомера (Ил. VI.34; XX.92, 96; XXI.86). Из истории о Кире и Питархе следует, что этот город существовал и много после Троянской войны. Во времена Страбона (ок. 64 г. до н.э.–ок. 20 г. н.э.) местонахождение города еще было известно (VII.321; XIII.584).

Акамантий – город во Фригии, основанный, по преданию, Акамантом – сыном Тезея и Феды. С именем Акаманта связано и название аттической филы Акамантиды, а также мыс Акамант на Кипре (Страбон. XIV.683; Гесихий: Ἀχαμάντα).

Тий – город на Черном море, на границе Вифинии и Пафлагонии, между Гераклеей Понтийской и Амастридой.

Прочие упомянутые здесь города ближе неизвестны.

²³⁸ В Лампсакe почитается Приап... – Приап – итифаллическое божество производящих сил природы. Триамб, Дифирамб – θρίαμβος, Διφύραμβος. Оба слова обозначают гимн в честь Диониса и одновременно являются эпитетами этого бога. В греческом языке есть еще несколько слов с формантом -αμβ- (ἵθυμβος, ἰάμβος). Все они так или иначе связаны с образом Диониса или, шире, с празднествами плодородия (это касается прежде всего слова «ямб»). Современные этимологи признают, что происхождение этой группы слов темно и, возможно, является догреческим. Иногда формант -амб- сопоставляется с скр. anga- – «член». См.: Chantraine: ἰάμβος.

²³⁹ Митилена – город на восточном побережье острова Лесбос, родина Алкея и Сапфо.

²⁴⁰ Продром, протрон – оба слова означают «предтеча», т.е. «сочащийся из гроздей еще до выжимки» (примеч. переводчика).

²⁴¹ Восхищаются... икарйским вином. – Икар, или Икария (так он называется и сейчас), – остров в восточной части Эгейского моря, лежащий южнее Хиоса и западнее Самоса.

²⁴² Фурии – греческая колония, основанная в 443 г. до н.э. либо на месте города Сибариса, либо неподалеку. Страбон пишет об этом так: после того, как Сибарис был затоплен кротонцами, «немногие оставшиеся в живых жители собрались вместе и вновь заселили город. Но с течением времени и этих сибаритов уничтожили афиняне и другие греки, которые хоть и прибыли, чтобы жить вместе с ними, но, относясь к ним с презрением, перебили их, а город перенесли в другое место поблизости и назвали его Фурием по одноименному источнику» (VI.263). См. также: Диодор. XII.9.

²⁴³ ...фиги кимолйские. – Известно три топонима, от которых могло быть произведено прилагательное «кимолйский»:

а) Кимолией называлось местечко в Мегарской области. Ср.: Фукидид. I.105–106.
б) В Пафлагонии был г. Кимолита (Страбон. XI.545; Плиний. VI.5; Птолемей. V.4.2).
в) Один из Кикладских о-вов назывался Кимолос (Страбон. X.484; Плиний. IV.70; ср. также: Афиней. IV.123d).

²⁴⁴ Прамний – об этом сорте вина см. 30b.

²⁴⁵ ...«сочащиеся нектаром зрелости». – В переводе М.Л. Гаспарова этот фрагмент, пересказанный Афинеем, выглядит так:

Сухих поэтов наш народ не жалует:
Они с сухим вином прамнийским сходственны,
От них на лбу морщины, в брюхе колики –
Мы больше любим сочных, зрелых, нектарных.

²⁴⁶ ...прежде назывался Ихтиоесса... – ныне Никария; ср. 283b.

²⁴⁷ Эхинады... Лопадуссы. – Эхинады – от ἑχίνοc – «еж», «морской еж»; Сепийский мыс – от σπία – «каракатица»; Лагусские острова – от λαγώς – «заяц»; этим же словом обозначался и так называемый морской заяц (Lepus marinus) – разновидность моллюска; Фикуссы – от φῆκοc – «водоросль»; Лопадуссы – от λопάτιc – «миска, тарелка». Так именвались морские животные с панцирем – черепахи и крабы.

²⁴⁸ ...жители Энои... – Эноя, греч. Οἰνόνη (тот же корень, что и в слове οἶνοc – «вино»). Городов и поселений с таким названием у греков было множество: в Спарте, у Коринфского залива, в Элиде; так же называлось местечко на пути из Аргоса в Мантинейю, а еще два аттических дема.

²⁴⁹ ...вино из города Аканфа... – Известно несколько городов с таким названием: а) один находится на восточном берегу Халкидики (ныне Эрисос); основан выходцами с о-ва Андрос. См.: Геродот. VII.115.121; Фукидид. IV.84; Плутарх. «Греческие вопросы». 30; Страбон. VII.331; Плиний. IV.38; Тит Ливий. XXXI.45; Птолемей. III.13.11; б) упоми-

нается Аканф на Херсонесе книдском, именовавшийся также Дулополем (Плиний.V.104); ср.: Steph. Byz.: Ἀκανθος; в) город с таким названием был и в Египте, к югу от Мемфиса. См.: Страбон. XVII.809; Диодор.I.97.2; Птолемей.IV.5.55.

²⁵⁰ ...*Решил характер уподобить имени / Отчествва...* – Ἀκανθος как имя нарицательное обозначает травянистое растение семейства акантовых. Форма листьев этого растения известна всем – она запечатлена в капителях коринфского ордера. Листья аканта, или аканфа, по краям имеют колочие зубчики, откуда и сравнение у Амфида.

²⁵¹ *Наксос* – самый большой из Кикладских островов в середине Эгейского моря.

²⁵² *Исмар* – город во Фракии (ныне Измахан). Упомянут еще у Гомера (Од.IX.40, 198). Ср.также: Вергилий. «Энеида». VI.30; «Георгики». II.37).

²⁵³ ...*из Скиафа...* – См. выше, примеч. 29.

²⁵⁴ *Библийское* – сведения о происхождении этого названия, разноречивы, что явствует уже из самого афинеевского пассажа. Библийское вино упоминают Гесиод («Труды и дни». 589), Еврипид («Ион». 1195) и Феокрыт (XIV.15). Само название βιβλινός восходит к слову βύβλος – «папирус» (и вместо у возникло как результат ассимиляции – ср.: IG.2.1b) и означает «сделанный из папируса». Однако античные историки и грамматик всегда стремились возвести это название вина к какому-либо топониму: кроме приведенных у Афиней мнений Эпихарма и Арменида есть мнение грамматика Сема с Делоса, который указывает на реку Библ (о-в Наксос) – ср.: Steph. Byz.: βιβλίνη.

²⁵⁵ ...*ее называют Библия, а также Антисара и Эсима.* – В тексте путаница, внесенная, скорее всего, пересказчиком: Антисарой и Эсимой назывались портовые города на фракийском побережье. Эсима находилась между Стримоном и Нестом. Фукидид сообщает, что этот город был основан перселенцами с о-ва Фасос в 429 г. до н.э. (IV.107), хотя похожее название города (Αίσυνη) встречается еще у Гомера (Ил.VIII.304 сл.). Об Антисаре сведений мало (ср.: Steph. Byz.: Ἀντισάρη).

²⁵⁶ ...*не что иное, как библийское.* – т.е. форма «библийское» есть результат искажения формы «поллийское» (?).

²⁵⁷ ...*в Анфедоне...* – Об этом оракуле рассуждает Плутарх («Греческие вопросы». 19). Плутарх считает, что здесь подразумевается не беотийский город Анфедон, который «не богат вином», а остров Калаврия, который прежде назывался Анфедонией и Гиперией по именам пришельцев *Анфа* (Ἄνθος) и *Гипера*. Это объяснение почерпнуто Плутархом из Аристотеля (fr. 597 Rose), но, к сожалению, ни тот, ни другой не объясняют, тождественны ли эти Анф и Гипер сыновьям Посейдона и Алкиопы *Анфасу* (Ἄνθος) и *Гиперу*, о которых рассказывается у Павсания (см. примеч. 258). Более подробно о запутанной истории этих именований см.: *Плутарх*. Застольные беседы. Л.: Наука, 1990. С. 228 (вопрос 19 и примеч.).

²⁵⁸ *Трезена* – город на юго-востоке Арголиды. У Павсания говорится, что сыновья Посейдона и Алкиопы *Анфас* и *Гипер* основали два города – Гиперей и Анфию. Сын Анфаа стал правителем обоих городов и вступил в союз с Пелопидами Трезеном и Питфеем; после смерти Трезена Питфей объединил оба города и назвал его Трезеной (II.30.7).

²⁵⁹ ...*по имени некоего Альтефия...* – Алтефий или Алтеф – сын Посейдона и Леиды, дочери трезенского царя Орота (Павсаний. II.30.7).

²⁶⁰ *Энунт* – река в Спарте. Как название города или местечка в других источниках, кроме Афиней, не фигурирует. Возможно, здесь следует понимать не *из Энунта*, а с *Энунта*. *Оноглы, Статмы* – более о них ничего не известно.

²⁶¹ ...*в окрестностях Питаны в Лаконии.* – Об этом местечке упомянуто также у Пиндара (Ол.6.28), Геродота (III.55), Еврипида («Троянки». 1112) и Каллимаха («Гимны». III.172).

²⁶² *Карист* – 1) город на Эвбее; 2) город в Лаконии. Отменным вином славился лаконский Карист (Страбон. X.446).

²⁶³ ...в *Капуе*... *виноград, именуемый древесным*... – *Капуя* – крупный город в Кампании (средняя Италия); *древесный виноград* – упомянут в специальном сочинении Geoponica (5.51.1) / Ed. H. Bekh. Leipzig, 1815.

²⁶⁴ *Лето* – имя матери Аполлона и Артемиды. Упоминаний об амазонке по имени *Латория* нами не обнаружено.

²⁶⁵ ...«*подслащенным*»... – Греч. ὑλόχυτος – «то, к чему что-то подлито». Ч. Гьюлик переводит это как doctored, т.е. «с добавками»(?).

²⁶⁶ «*Сладковатым*»... – Греч. γλυῖς. У Гесихия это слово объясняется как обозначение вина с добавлением суслу.

²⁶⁷ ...*превосходное вино из Беневента*... *называет негодное*... «*амфия*». – *БенеVENT* – город в Самнии на реке Калор, к востоку от Капуи; расположен на плодородной равнине, окруженной горами; ныне Беневенто. ...«*амфия*»... – Гесихий объясняет, что так именуется δίψος ἄνθος, «цветок вина», т.е. то, что находится на самой поверхности вина.

²⁶⁸ ...в *аркадийской Герее*... – Город в западной части Аркадии, в долине реки Алфей.

²⁶⁹ ...*мужчины становятся безумными, а женщины беременными*. – У Феофраста речь идет не о людях, а о собаках.

²⁷⁰ *Поблизости же от ахейской Керинии*... – Ср.: Элиан. «Пестрые рассказы». XIII.6; Плиний. XIV.116. Керинией назывался также город на северном побережье Кипра. Павсаний упоминает и гору с таким названием (II.25.5).

²⁷¹ *Фасос* – о-в в Эгейском море у побережья Македонии, ныне Тасос.

²⁷² ...*ароматного букета*... – Греч. ἀνθοσμία – от ἄνθος – «цветок» и ὀσμή – «запах».

²⁷³ *Хой* – мера жидкости, равная 3,28 л.

²⁷⁴ ... в *пританее*... – Пританеем называлось здание, где собирались должностные лица (пританы).

²⁷⁵ *Гераклейское* – городов с названием Гераклея в античном мире было не менее 30-ти. Скорее всего, Афиней подразумевает Гераклею Понтийскую – крупный город в Вифинии на берегу Эвксинского Понта (Черного моря). Возможно, однако, что речь идет о так называемой Трахинской Гераклее (Этолия). Тит Ливий сообщает, что климат этой Гераклеи очень влажный; ср.: Феофраст. «Исследование о растениях». IV.15.2. В эпоху Империи оба города сохраняли свою значимость. *Эритрейское* – Эритры – 1) город в Беотии; 2) город в Ионии (М. Азия).

²⁷⁶ *Мириное* – Мирина, город на о-ве Лемнос.

²⁷⁷ *Кеос* – один из группы Кикладских о-вов.

²⁷⁸ ...*миндское*... – Минд – порт на южном побережье М. Азии, к востоку от Галикарнасса.

²⁷⁹ *Книдское*... – Книд – город в Карии (М. Азия). Книдское вино хвалит Страбон (XIV.637). О замечательных свойствах книдского *протропа* (о нем см. примеч. 93 к кн. II) пишет Плиний (XIV.75).

²⁸⁰ ...*ариусий*. – По свидетельству Страбона, область Ариусия находится на северо-западе о-ва Хиос (XIV.645е). О замечательных свойствах почвы в этой области пишет и Плутарх («Moralia». 1099а).

²⁸¹ *Из итальянских вин*... – Перевод по конъектуре Г. Кайбеля. Перевод по тексту рукописи должен выглядеть так: «Из вин самое приятное – альбанское из Италии». *Альбанское* и *фалернское* – см. выше, примеч. 213.

²⁸² ...*керкирское*. – Керкира – см. выше, примеч. 113.

²⁸³ ...*закинфское*... – Закинф – о-в в Ионийском море напротив Пелопоннеса. ...*левкадское*... – см. выше, примеч. 233.

²⁸⁴ *Киликийское*... *называемое «абат»*... – Киликия – область на юго-востоке М. Азии. *Абат* – происхождение названия установить не удалось.

²⁸⁵ *Сикион* – город, ближайший сосед Коринфа с запада, находился в плодородной равнине недалеко от моря.

²⁸⁶ *Алкид* – так называли Геракла, по имени его деда Алкея, отца Амфитриона. *Иолай* – племянник Геракла, сын его брата-близнеца Ификла; Иолай и Ификл были спутниками Геракла – см.: Аполлодор. II.61; Од. XI.260.

²⁸⁷ *Маря* – иначе Мареотиды – озеро в окрестностях Александрии. У Страбона читаем: «На озере восемьдесят островов, и все окрестности его хорошо заселены; урожай в этой области такой хороший, что мареотийское вино разливают в сосуды, чтобы оно стало выдержанным» (XVII.799). Ср. также: Вергилий. «Георгики». II.91; Гораций. «Оды». I.37.14; Лукан. «Фарсалия». X.160; Плиний. XIV.39.

²⁸⁸ *Марон* – жрец Аполлона во фракийском городе Исмае, давший Одиссею и его спутникам «драгоценного вина» (Од. IX.197 сл.). О вине Марона см. также: Еврипид. «Киклоп». 409, 609; Ахилл Татий. «Левкиппа и Клитопонт». II.2.

²⁸⁹ ...*тениотское*... – Тения – коса на Мареотидском озере.

²⁹⁰ *Антилла* – город между Канопом и Навкратисом. Упомянут Геродотом (II.97–98), хотя и в другом написании – Ἀνθύλλα, а не Ἀντύλλα, как у Афиней.

²⁹¹ ...*женам «на пояса»*. – т.е. «на булавки»: членам царской семьи и фаворитам шли доходы натурой с городов и областей, подаренных царем. Это было принято и у персидских царей (ср.: Ксенофонт. «Анабасис». I.4.9; II.4.27), и у египетских (ср.: Геродот. II.4.27; Платон. «Алкивиад». I.123b).

²⁹² *Копт* – главный город 5-го верхнеегипетского нома, самый восточный из всех египетских городов; через него шел путь через пустыню к Красному морю, что и определило его роль крупнейшего торгового центра.

²⁹³ *Жена, себя ты хвалишь, как Астидамант*. – Изолированная выписка. Астидамант написал эпigramму на свой успех в театре с таким хвастовством, что оно вошло в пословицу (примеч. переводчика).

²⁹⁴ *Алфей* – самая большая река на Пелопоннесе, протекающая через Аркадию и Элиду.

²⁹⁵ ...*на Дионисии*... – Подразумеваются празднества в честь Диониса. О них см. выше, примеч. 21.

²⁹⁶ *Плиньфина* – город на берегу Мареотидского озера. Приведенное Афинеем свидетельство Гелланика, согласно которому виноделие родилось в египетском Плиньфине, – единственное.

²⁹⁷ *Ячменный напиток* – пиво.

²⁹⁸ κράμβη – ῥάφανος – см. примеч. 152–154 к кн. II.

КНИГА ВТОРАЯ

¹ *Речи, которые ты припоминаешь*... – Скорее всего, здесь эпитоматор сохранил слова Тимократа, обращенные к Афиней (см. об этом статью в наст. изд.).

² *Не промахнуться мимо цели*. – Ср. 20b.

³ *Ойней* – греч. Οἰνέυς или (более архаическая форма) Οἰνύς. Самый ранний дошедший до нас источник сведений об Ойнее (Инее) – Гомер. В «Илиаде» Ойней упоминается: 1) в связи с родословной Диомеда (как дед героя); 2) в связи с Калидонской охотой (как ее виновник – ведь знаменитый вебрь опустошал окрестности Калидона в наказание за проступок Ойнея перед Артемидой) (Ил. XIV.115; IX.529). Афиняне интересуют другие аспекты мифа об Ойнее, связанные с его культотрегерской ролью: из приведенных строчек лирического поэта V в. до н.э. Меланиппида и эпического поэта II в. до н.э. Никандра понятно, что греки как-то связывали Ойнея с появлением у них вина (греч. οἶνος). Гекатей (FHG.I.26) предлагает такую версию мифа, которая объясняет появление в Греции виноделия вне связи с культом Диониса. Поздние источники, напротив, увязывают две версии появления в Греции виноделия. Так Гигин сообщает, что Ойней принял у себя бога вина, который «за радушное гостеприимство дал в дар виноградную лозу, показал, как ее сажать, и установил, чтобы ее плод назывался *ойнос* по имени его гостеприимца» («Мифы». 129). Ср. также: Аполлодор. I.8.1. Возможно, Ойней был греческим богом вина до распространения культа Диониса.

⁴ ...называли лозы «ойнами». – Самые ранние сведения о том, что слово οἶνη означает «виноградная лоза», содержатся у грамматика Аммония (I–II вв.); остальные относятся к послеафинеевскому времени и, следовательно, могли быть почерпнуты у самого Афиня.

⁵ *Платон, разбирая в «Кратиле» этимологию...* – Образчик этимологических забав платоновского Сократа (406 с). К слову οἶνος и однокоренным с ним слово οἶνος отношения не имеет. Современные ученые считают его семитским заимствованием.

⁶ ...Гомер, обыгрывая это значение слова... – Если в ст. 258–261 VI песни «Илиады» Гомер действительно что-то обыгрывает, то, в первую очередь – не этимологическую близость слов οὐφῶσαι (букв. «ты получишь пользу») и οἶνος, а их созвучие.

⁷ «*Киприи*» – одна из так называемых *киклических* (от греч. κύκλος – «круг») поэм. Термин ἐπικός κύκλος (букв. «эпический круг») появился у александрийских филологов – так назывались поэмы, охватывавшие целый круг мифологических сюжетов. Клемент Александрийский так объясняет значение термина «киклический»: «Киклическими называются поэты, повествовавшие о событиях вокруг «Илиады» – или то, что предшествовало описанному в гомеровских поэмах, или то, что произошло после этого» («Протрептик». II.30.5). Определение Клемента учитывает только один круг эпических поэм – Троянский, хотя существовал еще и Фиванский, а также круг поэм, связанных с началом мира и происхождением богов. Сведения о киклических поэмах мы вынуждены черпать из цитат, пересказов и проч., так как ни одна из них до нашего времени не сохранилась.

Троянский «кикл» складывался вокруг гомеровских поэм, и в него наряду с «Киприями» входили «Эфиопида» (о борьбе Ахилла с вождем эфиопов Мемноном), «Малая Илиада» (о гибели Ахилла), «Разрушение Илиона», «Возвращения» (о судьбе Агамемнона и Менелая) и «Телегония» (о гибели Одиссея от руки Телегона, его сына от Кирки). В «Киприях» речь шла о причинах Троянской войны и излагался ее ход до начала «Илиады». Автором «Киприй» традиция считала и самого Гомера, и его зятя Стасина Кипрского. Первым высказал сомнение в авторстве Гомера Геродот (II.117). Платон и Аристотель предпочитали не называть автора «Киприй» по имени (см.: «Евтифрон». 12а; «Поэтика». 1459 а 30). В более позднее время по вопросу об авторстве «Киприй» единства также не было. Схолиаст Клемента Александрийского утверждает, что автор «Киприй» неизвестен («Протрептик». II.30.5). В схолиях к «Илиаде» (I.5),

в схолиях к «Евтифрону» (12а) в качестве автора указан Стасин Кипрский (ср. также: Климент Алекс. «Строматы». VI.2.19,1). О «Киприях» у Афиней см.: VIII.334b; XIV.682e; XV.682d.

⁸ *Пифия* – пифиями звались жрицы Аполлона, служившие в его святилище в Дельфах. Пифии были прорицательницами – их устами вещал сам Аполлон, поэтому вся Греция ходила за пророчествами в Дельфы. Именование «пифия» напоминает об истории святилища: согласно мифу, некогда здесь было прорицалище Геи и Фемиды, которое охранял рожденный Геей чудовищный змей Пифон. Аполлон уничтожил Пифона и основал на месте старого прорицалища свой храм. Учрежденные Аполлоном в честь победы над Пифоном всегреческие атлетические состязания называются Пифийскими. О пифии см. подробнее: *Приходько Е.В.* Двойное сокровище. М., 1999.

⁹ ...называть Диониса *врачевателем*. – Связь Диониса с врачеванием видна в нескольких его эпитетах: ἰατρός, ὑγιάτης, λαῖώνιος, λαῖν (соотв.: «врач», «целитель», «пеанический», «Пеан»); два последних эпитета прямо относятся к богу-целителю Пеану (Ил. V.401,899), отождествленному после Гомера с Аполлоном и иногда – с Асклепием. О культе Диониса-целителя сообщает Павсаний (X.33.11): в местечке Амфиклее (Фокида) местные жители почитают Диониса как пророка и целителя; от болезней он избавляет «посредством сновидений» (скорее всего, подразумевается сон в святилище Диониса, в процессе которого больной получает врачебные предписания. Подобным же образом исцелял своих пациентов и Асклепий – ср.: *Элий Аристид*. Вторая Священная речь // Ораторы Греции. М., 1985. Плутарх толкует связь Диониса с врачеванием рационалистически: «А Дионис был признан врачевателем не только потому, что изобрел вино, могущественное и сладостное лекарство, но и потому, что научил почитать плющ как умеряющий силу вина и увенчивать им вакхантов, чтобы своей прохладностью он противодействовал чрезмерно разгорячающему опьянению» («Застольные беседы». III.1.647a).

В целом см. об этом: Nilsson. Bd. 1, p. 569.

¹⁰ ...говорящего следующее... – Начало этой цитаты вдохновило Пушкина на следующие строки:

Бог веселый винограда
Позволяет нам три чаши
Выпивать в пиру вечернем.
Первую во имя граций,
Обнаженных и стыдливых,
Посвящается вторая
Краснощекому здоровью,
Третья дружбе многолетней.
Мудрый после третьей чаши
Все венки с главы слагает
И творит уж возлиянья
Благодатному Морфею.

¹¹ *Хариты, Горы, Дионис* – *Хариты* – благодетельные богини (от греч. χάρις – «милость, доброта»). Их число в мифологии варьируется от трех (Гесиод. «Теогония». 907–911) до одной (Ил. XVIII.382 сл.; ср.: Ил. XIV.267). Об установлении культа трех Харит см.: Павсаний. IX.35.1–7. Павсаний сообщает также, что в Спарте принято почитать двух Харит – Клету («Желанную») и Фаенну («Сияющую»), а в Афинах двух Харит – Ау-

ксо («Преумножающую») и Гегемону («Руководительницу») и двух Гор – Карпо («Плодородящую») и Талло («Цветущую»).

Горы (Оры) (от греч. ὄρσι – «времена года») по существу очень близки Харитам. У Гесиода они, как и Хариты, – дочери Зевса; их тоже три – Эвномия («Благозаконие»), Дике («Справедливость»), Ирена («Мир») («Теогония». 900 сл.). Горы и Хариты вместе одевают Пандору («Труды и дни». 73–75); из контекста ясно, что Хариты отвечают за дары человеческих рук, а Горы – за дары природы.

Гор и Харит часто изображали вместе. Павсаний сообщает о статуе Геры работы Поликлета, где Хариты и Горы увенчивают Геру (II.17.3–4), и о статуе Зевса работы Фидия, где три Хариты и три Горы окружают Зевса (V.11.7); рассказывает Павсаний и о статуе Аполлона в Спарте, где трон бога украшен изображением двух Гор и двух Харит (III.18.10); ср. также: VII.5.9. Нередко Харит и Гор смешивали – так, например, на стеле 2-й пол. IV в. до н.э. из афинского дема Ахарны в качестве трех Харит упомянуты Ауксо, Гегемона и Талло (Lexicon Iconographicum Mythologiae Classicae. Zurich; München, 1981–, III(1), p. 192).

Совместный культ Харит и Диониса существовал в Элиде, где у них был общий алтарь, и, вероятно, в Орхомене (Беотия), где храмы Харит и Диониса соседствовали (см.: Павсаний. V.14.10; IX.38.1).

Возможно, в приведенном тексте Паниасид связь Харит, Гор и Диониса не имеет культового основания, а является поэтическим иносказанием (Дионис = вино, Горы = природные блага, Хариты = все изысканное и приятное). Ср. также: Пиндар. Ол.13.25; Orphei hymni / Ed. G. Quandt. B., 1955, N 45, 5; Гораций. «Оды». III.21; «Гимн к Аполлону Пифийскому». 16 сл.

¹² Согласно же киренскому поэту... – Те же стихи как эратосфеновские цитирует Иоанн Стобей (III, p. 513), их первую строчку, слегка видоизмененную, – Гесихий (s.v. *ναρθήχοληρωτόν*). Ср. также: Климент Алекс. «Педагог». II.2.

¹³ ...в Акраганте... – См. примеч. 25 к кн. I.

¹⁴ ...два вида треножников... – Треножниками (греч. *τρίπους*) именовались медные котлы на трех ножках с двумя ручками, которые ставились прямо над огнем. У Гомера они служат только для нагрева воды, напр.: «Яркий огонь разложив под треножным котлом, вскипятила // Воду она; вскипятивши же воду в котле, осторожно // Стала сама, из котла подливая воды вскипяченной // В свежую воду, плеча орошать мне и голову теплой // Влагой...» (Од.X.358 сл.); ср.: Од. VIII.434, а также Ил.XVIII.344; XXII.443; XXIII.40. Считается, что такие котлы служили и для приготовления пищи, но сведения об этом мы находим преимущественно у самого Афиней – это нижеприведенная цитата из Эсхила и Алкмана (кн. X, 416с.). Треножники могли служить и наградой в состязаниях, например: «Мздой победителю вынес огонный треножник, огромный, // Медный, – в двенадцать волов оценили его аргивяне...» (Ил.XXIII.702). Наконец, треножники могли служить и посвятельным даром – фрагменты треножников найдены в изобилие в греческих святилищах, в том числе и в идейской пещере Зевса на Крите.

Сведений о том, что существовали специальные треножники-кратеры, немного. Сем Делийский утверждает (FHG.IV.495), что именно такие треножники подразумеваются у Гомера под эпитетом *ἄλτροι* (букв. «чуждые огня»), хотя из гомеровского контекста следует, что так назывались просто новые, еще не побывавшие в огне треножники (ср.: Ил.IX.122). Вообще весь пассаж со слов «Филохор же пишет» до цитаты из Сема невяntenя что может быть следствием вмешательства эпитоматоров), а потому непонятна цель всего рассуждения о треножниках. Возможно, она состояла в попытке применить к Дионису выражение «треножник истины», обычно относимое к пифийско-

му треножнику, с которого вещала жрица (см. примеч. 8), понимая при этом «треножник» не как метафору, но буквально. Возможно, никакой специальной разновидности треножника-кратера не существовало, потому что сведения Сема Делийского не слишком надежны. Ср., однако, пассаж у Филострата («Жизнеописание Аполлония Тианского». III.27), где медные треножники служат сосудами не только для *воды*, но и для *вина*. Впрочем, треножниками иногда назывались и подставки под кратеры, так что и сам кратер мог именоваться треножником в результате метонимического переноса.

¹⁵ ...первым разбавил вино водой афинский царь Амфиктион... – Согласно мифу, Амфиктион принимал у себя Диониса как гостя (Аполлодор. I.7.26; III.14.6). Павсаний сообщает, что в Афинах, у ворот, ведущих в Керамик, находился гимнасий Гермеса, где был священный участок Диониса, а рядом с ним – небольшое здание с глиняными изображениями «афинского царя Амфиктиона, принимающего у себя Диониса и других богов» (I.2.5). Об истоках традиции разводить вино водой см., однако, примеч. 234 к кн. I.

¹⁶ ...в святилище Гор ... воздвигли жертвенник Дионису Прямому. – Эпитет «Прямой» (*Ορθός) обыкновенно связан с фаллосом в культе Диониса – ср. у Афиней, XIV.622b; в целом см. об этом: Nilsson. Bd. 1, p. 592 sq.

¹⁷ Нимфы – божества различных элементов природы, в том числе – воды. В мифологии нимфы связаны с Дионисом как его воспитательницы (Еврипид. «Вакханки». 556–559). Поздние авторы предпочитают рационалистически толковать связь Диониса с нимфами как связь вина с водой; ср. у Плутарха: «...Мы предоставим им философствовать за кубком, сочетая Диониса с Музами в той же мере, что и с Нимфами: ведь эти делают его милостивым и кротким для тела, а те – поистине отрадным и благодатным для души» («Застольные беседы». I.1).

¹⁸ Благой Бог (*Αγαθός θεός; *Αγαθός δαίμων) был связан с культурой виноделия. По свидетельству Плутарха, в Беотии ему был посвящен 6-й день месяца Простатерия (аттического Антестерия – февраль/март): в этот день полагалось принести жертву Благому Богу и отведать молодое вино «после того, как подует зефир: ибо этот ветер более всех других воздействует на вино, и то, которому он не повредил, может считаться пригодным и для продолжительного хранения» («Застольные беседы». III.7.655e-f). По другим сведениям, Благому Богу был посвящен 2-й день каждого (?) месяца – см.: Гесихий: ἀγαθοῦ δαίμονος πόμα. Указание Афиней на обычай выпивать после обеда и перед началом выпивки (собственно *симпозиа*) небольшую чашу несмешанного вина в честь Благого Бога отчасти подтверждается Аристофаном («Всадники». 105; «Осы». 533). Ср. также: Диодор.IV.3.4.

Вместе с тем Благой Бог почитался и как хтоническое божество – во всяком случае, как сообщает Павсаний (IX.39.5), в Лебадее перед посещением пещеры Трофония, куда спускались за прорицаниями, нужно было провести какое-то время в находившемся неподалеку святилище Благого Бога и Благой Удачи (*Αγαθή Τύχη). Изображения Благого Бога относятся к достаточно позднему – эллинистическому и римскому – времени. Антропоморфных изображений Благого Бога известно мало, а вот в виде змея Благой Бог изображался чаще; самое раннее – рельеф IV в. до н.э. См.: Lexicon Iconographicum... I(1), p. 278.

¹⁹ ...имя Зевса-Спасителя... – Об этом см. примеч. 234 к кн. I.

²⁰ Платон во второй книге «Законов»... – В «Законах» (674b) читаем, что нельзя пить вина ни воинам, ни рабам, ни должностным лицам, ни днем, ни ночью – «разве что для телесных упражнений или по причине болезни».

²¹ ...Диониса уподобляют быку и барсу... – Связь Диониса с различными животными (львом, лошастью, козлом, барсом, быком, змеей) отразилась как в мифологических и литературных, так и в изобразительных сюжетах. Древнейший текст о Дионисе-бы-

ке – это гимн, приведенный Плутархом: «Рано приди, Дионис, в священный храм приморский бычьей ногой в сопровождении Харит, принося себя в жертву» («Греческие вопросы». 36. Пер. Н. Брагинской). Павсаний сообщает, что в Аркадии есть зимний праздник в честь Диониса, когда из стада выбирают быка – того, которого подкажет выбрать сам бог, доставляют его в святилище и приносят Дионису в жертву. О бычьей ипостаси Диониса см. также: Еврипид. «Вакханки». 1017; Плутарх. «Об Исиде и Осирисе». 364f. О связи Диониса с животными в мифологических сюжетах см.: Аполлодор. III.5.1–3.

Дионис верхом на барсе изображен на аттических краснофигурных сосудах – тарелке (кон. V–нач. IV в. до н.э.), ойнохое (нач. IV в. до н.э.), на двух кратерах (серед. IV в. до н.э.); этот же сюжет – на мозаике с о-ва Делос (200–150 гг. до н.э.). Дионис верхом на быке с канфаром в руке изображен на аттической чернофигурной амфоре (ок. 500 г. до н.э.); на другой стороне этой амфоры изображен Посейдон. Дионис на быке с ритонном в окружении пьяных силенов украшает и более позднюю аттическую амфору (кон. IV в. до н.э.). Наконец, на сицилийской монете конца V в. до н.э. изображен Дионис с бычьими рогами (Lexicon Iconographicum... III(1–2) Dionysos).

В поздней античности связь Диониса с животными предпочитали толковать рационалистически – образцом такого толкования и является данное Афинеем объяснение («так как он пробуждает в пьяных насилие»). Ср. подобное объяснение в «Греческих вопросах» Плутарха (36). Современная наука усматривает в этой связи отражение древнейших представлений о божестве, приносящем в жертву себя самого. См.: Nilsson. Bd. 1, p. 568 sq.; Фрезер Дж. Золотая ветвь. М., 1998. С. 410 сл.; см. примеч. 2 к № 36 «Греческих вопросов» в изд.: Плутарх. Застольные беседы. Л., 1990.

²² ...нектар ...в окрестностях лидийского Олимпа... – Более подробные сведения об этой горе нами не обнаружены. *Нектар* – см. примеч. 60 к кн. I.

²³ ...Бромий, сын двух матерей... – Бромий – «Шумный» (от греч. βρόμος – «шум») – одно из многочисленных культовых имен Диониса. «Сыном двух матерей» Дионис назван потому, что родился недоношенным и его отец Зевс зашил его себе в бедро. О рождении Диониса см.: Гесиод. «Теогония». 940 сл.; Еврипид. «Вакханки». 1–9; 88–98; 286–297; Аполлодор. III.26; Гигин. 179. Показательны и эпитеты Диониса: διμήτωρ, δισσοτόχος, μπρорραφής, πουργηνής.

²⁴ ...говорил твой Кратин, винный дух издавая... – Комедиограф и современник Аристофана Кратин сам способствовал распространению слухов о своем пьянстве: одна из его комедий была поставлена в 423 г. до н.э. и называлась «Бутылка» (Πυτίνη). Главными действующими лицами там были Комедия, законная жена автора, его подруга Пьянь (μέθη) и другие юные красотки, которым автор отдает предпочтение, забросив жену-Комедию. Друзья (хор) хотят вернуть автора на стезю добродетели, разбив все винные бочки, но автор защищает права поклонников Диониса. См.: Аристофан. «Всадники». 526–536 и схол.; Лукиан. «Дважды обвиненный». 26.

²⁵ ...лоб ... увенчан был плющом. – Плющ (Κισσός) – одно из культовых имен Диониса. Плющ был одним из атрибутов Диониса, его часто изображали увенчанным плющом. Например, такие изображения встречаются на сицилийских монетах VI–V вв. до н.э. (Lexicon Iconographicum... III(2), N 176, 177, 193). В мифе связь Диониса с этим растением объясняется так: плющ покрыл новорожденного Диониса, когда от молнии Зевса сгорел дворец Кадма, где жила мать Диониса Семела – см.: Софокл. «Антигона». 1115; Еврипид. «Вакханки». 88 сл.

²⁶ ...в Мунихии... – Одна из четырех афинских гаваней; остальные назывались: Пирей, Зея, Фалерон.

²⁷ *Акратопот* – это имя встречается только у Афиней, зато Павсаний упоминает *Акрата* – божество из свиты Диониса, и *Акратофора* (I.2.5; VIII.39.6). Нимфу-служительницу Диониса по имени *Акрата* упоминает Нонн Панополитанский в «Деяниях Диониса» (XIV.224).

²⁸ *Фидитии* – греч. φειδίτια, возможно, связано с глаголом φείδω – «проявлять бережливость, экономить». Так назывались общие обеды, традиция которых установилась в Спарте. Кружки по 15 человек – их называли «скенами» (греч. σκηνή – «палатка») – были частью военно-политической организации Спарты. Совместные обеды в таких кружках отрывали юношей и мужчин от уклада частной, домашней, семейной жизни, способствуя созданию между ними таких связей, которые были необходимы для воплощения спартанского идеала.

Один раз в месяц собиралась провизия для этих обедов: каждый гражданин сдавал по 1,5 медимна ячменной крупы, 11–12 хоев вина, определенное количество сыра, винных ягод, фиников, а также деньги – 10 эгинских оболлов. Кроме того, существовала так называемая ἐλπίηλα – букв. «добавка к трапезе» (от εἶκλον – так именовалась в Спарте вечерняя трапеза). «Добавкой» служила охотничья добыча, пшеничный хлеб, домашняя птица.

²⁹ ...*Аристарх сохранил следующие стихи...* – Ил.VIII.229. Издатели и переводчики «Илиады» не учитывают критики Аристарха, и отброшенная им строка остается на своем месте – после строки 230-й («Те, что на Лемне...»).

³⁰ *Икария* – название одного из афинских демонов; существовало до середины V в. до н.э. Потом этот дем стал называться Эгеида.

Согласно «Суде», оттуда происходил Феспид (первый приз в 534 г. до н.э.), первым выделивший из хора актера и добавивший к хоровым песням прологи и монологи (*примеч. переводчика*).

³¹ *Отсюда произошли названия...* – Афиней представляет себе фантастическое словообразование: θοίνη = θεοί + οἶνος; θάλεια = θεοί + ἄλιζω. Ни эти, ни приведенная ниже аристотелевская этимология (fr. 102 Rose) критики не выдерживают.

³² ...τέλος значит «жертвоприношение». – Такое значение это слово имеет только во множественном числе. В приведенных стихах из «Одиссеи» (IX.5) τέλος означает «результат», а не «жертвоприношение».

³³ *Телеты* – греч. τελετή означает буквально «исполнение, совершение» и, скорее всего, является эвфемистическим обозначением обряда, тем более, что так чаще всего обозначался обряд посвящения в мистерии. Слово τελετή действительно происходит от глагола τελέω, только в его исходном значении «исполнять, совершать», а не вторичном значении «тратиться». Полутелής («дорогой») и εὐтелής («дешевый») связаны с этим вторичным значением.

³⁴ «*Меламподия*» – поэма о Мелампе, или Мелампode. У Гомера Меламп – прорицатель (Од.XV.225 сл.); в позднейшей традиции – основатель культа Диониса и фаллических шествий (Геродот. II.49). О Мелампе см. также: Аполлодор. II.2.2; I.9.1.

Помимо Афиней (ср. также: XI.498a-b; XIII.609e) автором «Меламподии» считает Гесиода Страбон (XIV.642). Павсаний сообщает, что в Беотии, в окрестностях Геликона (именно там находилась деревушка Аскра, где жил Гесиод, – см. примеч. 29 к кн. I) местные жители были убеждены в том, что Гесиод написал только «Труды и дни», хотя есть и другое мнение, согласно которому Гесиод был автором множества эпических поэм, в том числе и о прорицателе Мелампе (IX.31.4).

³⁵ *Титаресий* – река в Фессалии.

³⁶ ...*поблизости от ключевой воды*. – Букв. «сладкой».

³⁷ ...*теплыми ваннами лечат раненого Эврипила*... – У Гомера Эврипил просит Патрокла смыть кровь теплой водой, как учил кентавр Хирон.

³⁸ *Афиняне... называют теплое смешанным* (μετάμικτος). – Утверждение верное – у Гиппократов словом μετάμικτος обозначается процесс смешения холодной и горячей воды, т.е. получение теплой («О диете при острых болезнях». 65).

³⁹ ...*считая их бесполезными*... – Домысел Афиней; из гомеровского контекста ничего подобного не следует.

⁴⁰ *Тильфосса* – также Тильфуса (Тельфуса) – нимфа источника в Беотии. См.: Павсаний. IX.33; «Гимн к Аполлону». 244 сл.. Об эпизоде с Тиресием см.: Аполлодор. III.84; Страбон. IX.27.

⁴¹ Ζηνποσειδών – греческое обозначение божества, почитавшегося в Карии под именем Osogo (Osogoa) (греч. Ὀσούω, Ὀσούωα). Самые ранние упоминания об этом божестве в письменных источниках относятся к IV в. до н.э. – во всяком случае, если доверять сообщениям того же Афиней (337с). В надписях Зевс-Осого появляется не ранее 200 г. до н.э. Сохранились монеты с изображением этого божества; его атрибуты – трезубец, двойная секира, краб, орел. На связь Зевса-Осого с морской стихией указывает Павсаний (VIII.10.4). У Страбона говорится, что в Миласах, одном из трех значительных карийских городов, было два святилища Зевса – одно из них принадлежало Зевсу-Осого.

Этимология имени «Осого» темна. Не исключено, что «Осого» было именем финикийского морского божества.

⁴² ...*в Трезене*... – См. примеч. 258 к кн. I.

⁴³ *Котила* – мера объема, 0,274 л.

⁴⁴ *Драхма* – мера веса, 4,37 г.

⁴⁵ ...*вода, текущая в водяных часах*... – Единственное место, где слово «гномон» употреблено в значении «водяные часы» (ὡλεψύδρα). Последующий текст неясен и по конструкции, и по смыслу (примеч. переводчика).

⁴⁶ ...*имея большую плотность* (ὑψώβετον)... – Букв. «будучи более землеподобным», что не вполне соответствует современному понятию «плотность», хотя и приближается к нему. «Землеподобие» – термин античного естествознания; под «землей» (γῆ) подразумевается один из четырех – наряду с огнем, воздухом и водой – элементов («стихий»), лежащих в основе всех природных образований. О землеподобных частицах в морской воде см.: Аристотель. «Метеорологика». 357 а 5–359 а 15; Fr.217 Rose; ср.: Плутарх. «Застольные беседы». I. 9.

⁴⁷ ...*имея более теплую природу*... – Под «холодной» и «теплой» водой в этом контексте следует понимать не температурные характеристики воды, но постоянное свойство «теплоты» или «холодности», присущее всем предметам как органической, так и неорганической природы. Теорию четырех главных «сил», или способностей (δυνάμεις) – теплоты/холодности, сухости/влажности – создал Аристотель («Метеорологика». 331 а 25–35). Преобладание той или иной «силы» и делает любое природное соединение «теплым» или «холодным», «сухим» или «влажным». Очень часто эти свойства нельзя определить эмпирически, так как они могут и не распознаваться органами чувств – например, когда речь идет о «теплоте» или «холодности» растения или вина. В этом случае рассуждение ведется логически. См. об этом: Феофраст. «О причинах растений». I.21.4–22.7. Ср.: Плутарх. «Застольные беседы». III.2, 4, 5.

⁴⁸ *Аретуза* – 1) источник на о. Эвбея; 2) источник близ Сиракуз.

⁴⁹ *Краннон* – город в Фессалии.

⁵⁰ ...в Вавилоне ... озеро становится красным... – См.: Плиний. XXX.55.

⁵¹ *Борисфен* – ныне р. Днепр.

⁵² *Гипанис* – ныне р. Буг.

⁵³ *Пафлагония* – область на севере М. Азии.

⁵⁴ *У сицилийских сиканов*... – Сиканами назывались исконные жители Сицилии афроиберийского происхождения. Их имя сохранилось в древнем названии Сицилии – Сикания (Од. XXIV.307; Геродот. VII.170; Фукидид. VI. 2; Диодор. V.6.1).

⁵⁵ ...в *Эгах киликийских*... – Уточнение «килийских» действительно необходимо, так как Эгами (греч. Αἰγάι) называлось несколько городов: 1) на западном побережье Эвбеи – этот город упомянут еще у Гомера (Ил. VIII.203; XIII.21; Од. V.381; ср.: Страбон. VIII.386); 2) на северное побережье Ахайи (Геродот. I.145; Павсаний. VII.25.12); 3) в Македонии; 4) на южном побережье п-ва Паллена; 5) в Мисии; 6) в Киликии. Последний достиг расцвета в эпоху Римской империи. См.: Плиний. V.91; Лукан. «Фарсалия». III.227; Птолемей. V.8.4; Филострат. «Жизнь Аполлония Тианского». I.3; Страбон. XIV.676; Павсаний. V.21.11; Тацит. XIII.8.

⁵⁶ *Пагасы* – город в Фессалии. Плиний сообщает, что тамошние термальные источники – соленые, а не пресные, как мы читаем у Афиней. Возможно, следует принять конъектуру ἄλυκᾶ («соленые») вместо γλυκῦα («сладкие», т.е. пресные) – см.: PWRE.HIb.36, p. 2304.

⁵⁷ ...в *троянской Лариссе*... – Уточнение «троянской» неслучайно – Лариссой называлось более 10-ти греческих городов, в том числе в Фессалии, на горе Оссе, на Крите и в Троаде. Эта последняя Ларисса упомянута еще Гомером (Ил. II.841; XVII.301); см. также: Страбон. IX.440; XIII.620; Плиний. V.121; Фукидид. VIII.101.2; Ксенофонт. «Анабасис». VII.8.8.

⁵⁸ ...около *Магнесии*... – Так называлась: 1) область в Фессалии; 2) город в Ионии на р. Меандр (см.: Диодор. XI.57; Птолемей. V.2.15); 3) город на горе Сипил в Лидии (см.: Страбон. XIII.621; Птолемей. V.2.14; Тит Ливий. XXXVII.56.3. Судя по обороту «около Магнесии» (περὶ Μαγνησίαν), речь идет о каком-то из двух городов – возможно, о том, что находился в долине Меандра, так как Афиней в связи с особенностями разных вод упоминает еще о нескольких городах, лежавших в этой местности.

⁵⁹ ...на *Мелосе и Липаре*... – см. примеч. 29 к кн. I.

⁶⁰ *Пруса* – город в Вифинии. Упомянут в огромном количестве надписей. У Страбона находим историю основания этого города и указание на то, что он находится «на мисийском Олимпе» (XII.564); ср. также: Птолемей. V.1; Плиний. V.148. В этом городе родился знаменитый ритор Дион Хрисостом (ок. 40–120 гг.).

⁶¹ *Траллы* – город в Карию. Упомянут во множестве надписей; название города сохранилось и на монетах. Из греческих авторов первым упоминает Траллы Ксенофонт («Анабасис». I.4.8). О первых жителях Тралл см.: Плиний. V.108; Плутарх. «Греческие вопросы». 46; Страбон. XIV.649.

⁶² ...в *реке Харакомет*... – Более об этой реке ничего неизвестно.

⁶³ ...в *городе Ниса*... – Так именовалось несколько городов: 1) на Геликоне – см.: Страбон. IX.405; Steph. Byz.: Νῖσα; 2) в Палестине – см.: Плиний. V.74.3. Так же назывался город и гора в Индии, связанные с мифом о Дионисе и с историей Александра Великого. В данном случае речь идет еще об одной Нисе, находившейся в Карию. Ниса, как и Траллы, лежала в долине Меандра, в плодородной местности.

⁶⁴ ...в *деревне Даскила*. – *Даскил* – упоминают у Аполлодора как отец Лика, царя маориандионов в Малой Азии и эпонима Ликии, которому Геракл помогал в борьбе с бебриками (см.: Аполлодор. II.5.9; Аполлоний Родосский. II.752 сл.). По сообщению Павса-

ния (IV.35.11), около «деревни Даскила» в Карии находится термальный источник с водой «слаще молока».

⁶⁵ *Каруры* – город на границе Фригии и Карии. «Это – селение с постоянными дворами и источниками горячих вод, из которых одни находятся в реке Меандре, другие же – над его берегом» (Страбон. XII.17.578).

⁶⁶ ...от деревни Мена, что во Фригии... – Мен – божество, почитавшееся в М. Азии. О местечке во Фригии под названием «деревня Мена» упоминает Страбон (XII.557).

⁶⁷ ...из ... деревни Леонта. – Упомянута только здесь.

⁶⁸ *Дорилей* – город во Фригии на пересечении множества путей.

⁶⁹ ...в окрестностях Бай, или Байя... – Байи – город в Кампании, знаменитый сернистыми источниками. Считалось, что здесь выходят на поверхность воды Пирифлегетона – реки царства мертвых (см.: Страбон. V.244 сл.).

⁷⁰ ...из источника, называемого в Коринфе Пиреной... – Пирена – в мифологии дочь Ахелоя, родившая от Посейдона Лехея и Кенхрия, давших свои имена двум коринфским гаваням. Скорбя по Кенхрию, погубленному Артемидой, Пирена так обливалась слезами, что превратилась в источник. См.: Страбон. VIII.6.21; Плиний. IV.4.5; Павсаний. II.2.3; 5.1. Источник Пирены находился, вероятно, в районе Акрокоринфа.

⁷¹ ...назвал воду «телом реки»... – Вода, называемая «телом реки», – поэтическая метафора.

⁷² *Тенос* – один из Кикладских островов в Эгейском море (между Андросом и Делосом).

⁷³ *Эригон* – самый крупный приток Аксия в Македонии; ныне Џпа Рјека.

⁷⁴ ...после убийства царя лелегов *Трамбела*. – Страбон, описывая Троаду, сообщает, что лелеги «жили ... между племенами, подвластными Энею, и народностями, называемыми у Гомера киликийцами. После опустошения их территории Ахиллом они переселились в Карию и завладели областью около современного Галикарнаса». (XIII.611). Как самостоятельное племя упомянуты лелеги и у самого Гомера (X.428). Ср. также: Элиан. «Пестрые рассказы». VIII.5. Греки могли употреблять это слово и в широком смысле – делегами часто называли автохтонное население материковой и островной Греции и Малой Азии (синоним – пеласги).

Трамбел – милетский герой, приходился Ахиллу двоюродным братом; он чтился также на Лесбосе (Scholia in Lycophronem. 467; Парфений. «Любовные истории». 26.1.1).

⁷⁵ *Каппадокия* – область в центре Малой Азии.

⁷⁶ *Царь же Птолемей ... в седьмой книге «Воспоминаний»*... – FHG.III.187. Птолемей II Эвергет. Никаких дополнительных сведений о его сочинении обнаружить не удалось.

⁷⁷ *Контопорья* – горный перевал на пути из Аргоса в Коринф. Скорее всего, от греч. хοντός – «шест» и лорε(α – «путь». См.: Ксенофонт. «Греческая история». IV.4.19; Полибий. XVI.16.4.

⁷⁸ *Клитор* – город в северной Аркадии на реке того же названия.

⁷⁹ ...ловко управившись с водой... – Острота, основанная на измерении времени водными часами (клепсидрой) (примеч. переводчика).

⁸⁰ ...древние воду тоже называли несмешанной. – т.е. чистой.

⁸¹ *Ларисса* – см. примеч. 57 к кн. II.

⁸² ...в седьмой книге... – Сочинение Филарха состояло из 28 книг; в нем описывались наиболее значительные исторические события, имевшие место между 272 и 220 гг. до н.э. Плутарх пользовался этим сочинением как надежным источником.

⁸³ ...миртовыми плодами... – Мирт – общее название семейства миртовых (Мугтасеае). Здесь, скорее всего, подразумевается мирт обыкновенный (*Myrtus communis*). Листья и другие части этого вечнозеленого кустарника содержат эфирное масло.

⁸⁴ А комик Махон... о... Мосхионе. – См. 246б.

⁸⁵ Академик – см. примеч. 11 к кн. I.

⁸⁶ Пепаретец – см. примеч. 232 к кн. I.

⁸⁷ ...ласионец Ласирт... – Ласион – город в Элиде на одноименной реке; через него пролегал путь в Аркадию. См.: Ксенофонт. «Греческая история». III.2.30; IV.2.16; VII.4.12; Полибий. IV.72–74; V.102; Диодор. XIV.17; XV.77.

⁸⁸ Персидский царь – Кир Великий. О нем см. примеч. 237 к кн. I.

⁸⁹ ...протекающей у Суз реки Хоаспа. – Сузы – главный город основанного Кирием персидского царства. Хоасп – река, берущая начало в Мидии; на этой реке стоял город Сузы.

⁹⁰ ...Эпифан, которого Полибий ... называет Эпиманом... – Эпифан – греч. ἐπιφανής – «славный»; Эпиман – греч. ἐπιμανής – «бешеный, безумный».

⁹¹ ...фригийский Мидас, когда захотел спойть Силена... – Мидас, легендарный фригийский царь, хотел выведать у Силена ему одному ведомую мудрость. Для этого он и подпоил Силена, смешав с вином воду источника. О том, что именно сказал Силен Мидасу, в разных источниках сообщается по-разному. У Плутарха («Moralia». 115b) Силен говорит о том, что лучше человеку вовсе не родиться на свет и что умереть лучше, чем жить. Другие версии см.: Элиан. «Пестрые рассказы». III.18.

По-разному описывается и месторасположение источника: Геродот помещает его в Македонию (VIII.138.4), Ксенофонт – в Киликию («Анабасис». I.2.13), а здесь, т.е. у Биона (FHG. II.19), источник оказывается между Фракией и Пеонией (к северу от Македонии). Ср.: Геродот. V.1.13; VII.124.

⁹² ...между медами и пеонами... – Меды – фракийское племя; пеоны – жители Пеонии. Упомянуты еще у Гомера как союзники Трои (Ил. II.848).

⁹³ ...так называемый протроп... – Ср. греч. τραπέζω – «давить виноград», тро – «до, перед». Протропом называлось сладкое вино, которое вытекало из спелых гроздьев еще до того, как их начинали давить.

⁹⁴ Кармания – местность на северном побережье Персидского залива. Источники сообщают о том, что это была плодородная и богатая полезными ископаемыми местность; славилась Кармания и ладаном, а ее жители – воинственностью и даже канибальством. См.: Плиний. VI.98sq.; XII.56.76; Птолемей. VI.8.7–9; Арриан. «Об Индии». 32.4; Страбон. XV.726; Полибий сообщает, что карманы сражались в армии Антиоха (V.79).

⁹⁵ Мирра, или миро – благовонное растительное масло, а также мази, изготовлявшиеся с использованием этого масла.

⁹⁶ ...ирисовым или нардовым. – Ирисовая мирра – изготавливается из цветков ириса (главный род семейства ирисовых – Iridaceae); нардовая мирра: нард – общее название для семейства валериановых (Valerianaceae). Скорее всего, здесь подразумевается *Nardus Indica* – многолетняя трава с толстым, мясистым, пахучим корневищем, из которого и добывали нардовое масло.

⁹⁷ В сочинении «О водах»... – В дошедшем до нас Гиппократовом корпусе есть трактат «О воздухе, водах и местностях».

⁹⁸ ...воды от Амфиарая и из Эретрии... – Подразумевается вода из источника, находившегося на территории святилища прорицателя Амфиарая в Оропе (Аттика). См.: Павсаний. I.34. Эретрия – город на Эвбее, упомянутый еще Гомером в каталоге кораблей (Ил. II.485 сл.).

⁹⁹ ...в сторону солнечного восхода, особенно летнего... – т.е. на северо-восток (примеч. переводчика).

¹⁰⁰ ...абдерский... – Уроженец Абдеры, города во Фракии, основанного, по данным мифографов, Гераклом в память о его любимце Абдере (Аполлодор. II.5.8); историки, однако, относят основание Абдеры к более позднему времени – приблизительно к VII в. до н.э. Несмотря на то что из Абдеры родом были умнейшие греки (например, софист V в. до н.э. Протагор, философ-атомист V–IV вв. до н.э. Демокрит, историк и грамматик IV в. до н.э. Гекатей), этот город уже в античности имел славу «Города Глупова», а слово «абдерит» часто было синонимом тупицы и глупца. См.: Цицерон. «Письма к Аттику». IV.16; VII.7. Ювенал называет Абдеру «родиной валухов» (т.е. холощеных баранов) (X.48). В данном контексте слово «абдерит» употребляется, скорее всего, нейтрально.

¹⁰¹ *Фесмофории* – женский общегреческий праздник, справлявшийся ежегодно в октябре/ноябре в честь Деметры-Фесмофоры. Присутствие мужчин на этих празднествах было строжайше запрещено.

¹⁰² ...а когда прошли дни праздника и мед унесли... – Легенда о вдыхании испарений меда, вероятно, возникла на основе двух учений Демокрита: во-первых, из-за консервирующего действия меда он рекомендовал, чтобы те, кто хотят, чтобы тело их сохранилось после смерти, завещали хоронить себя в меде; во-вторых, как видно из приводимого здесь изречения Демокрита, он считал мед самой полезной пищей (примеч. переводчика).

¹⁰³ ...изнутри ... медом, а снаружи – оливковым маслом. – Любопытную пародию на изречение Демокрита мы находим у Козьмы Пруткова (Ответ одного итальянского старца): «Потому я сыздетства употребляю масло внутрь, а мед снаружи» (примеч. переводчика).

¹⁰⁴ *Кирнии* – жители острова Кирн, ныне Корсика.

¹⁰⁵ ἄνητις – νῆπις, ἄτοαχος – ὀτάαχος. – В этих словах альфа эвфоническая, не меняющая смысла слова, но добавленная для благозвучия.

¹⁰⁶ ὀξύλεινος – наряду с названными Афинеем авторами это слово встречается у Аристотеля (здесь и далее сведения об употреблении редких слов даются по TLG).

¹⁰⁷ νωγαλεύματα – это слово встречается только у Араота (Коск. II.217), однокоренное νωγαλίζει употребляет Алексид (Коск. II.398), а νωγαλα встречаем не только у Антифана (Коск. II.3.8) – употребляет его и комедиограф Эфипп (ср. 29d).

¹⁰⁸ ἀναρίστητος – встречается также у современника Эвполида Аристофана, а также комедиографов IV в. до н.э. Алексиды, Антифана и Тимокла.

¹⁰⁹ *Залы-триклинии* – τρικλῖνον, пиршественный зал с тремя ложами (κλῖνη).

¹¹⁰ *Тетраклинии, гептаклинии, эннеаклинии* – т.е. залы, рассчитанные на 4, 7, 9 лож. Само ложе было рассчитано на двоих (примеч. переводчика).

¹¹¹ ...при ... Геликоне. – О поясе работы Геликона упоминает Плутарх («Александр». 32.7). Скорее всего, этот мастер был современником Фидия (2-я пол. V в. до н.э.).

¹¹² ... *Геликон-саламинец* – Саламином назывался остров близ Аттики, откуда родом был Тевкр, сын Теламона; Тевкр основал город на восточном побережье Кипра и назвал его именем родного острова. Геликон был уроженец кипрского Саламина.

¹¹³ ...подражая Фемистоклу... – Возможно, ирония: Фемистокл был вынужден обратиться к персидскому царю Артаксерксу после того, как его изгнали из Афин, а потом заочно приговорили к смертной казни. Артаксеркс был сыном царя Ксеркса, чей флот Фемистокл разбил у Саламина. От Артаксеркса Фемистокл получил в управление три города в Малой Азии.

¹¹⁴ ...назвал стол треножником... – Стол по-греч. τράπεζα. Слово образовано от τετράπεζα – «четвероножник», но негодование Ульпиана против словоупотребления «кого-то из киников» не вполне понятно – ведь судя по дальнейшему тексту, треногие столы действительно были в ходу с VII в. до н.э. (если «Свадьба Кеика» действительно текст Гесиода). О треногих столах сообщает Поллукс (X.80); mensa tripes упомянут у Горация (Сатиры. I.3.13). А вот к текстам из комедиографов IV в. до н.э. Антифана и Эвбула следует отнестись с осторожностью – возможно, речь там идет не о столах, а о треножниках в собственном смысле (о них см. примеч. 14 к этой кн.).

Сомнение в том, что «Свадьба Кеика» – произведение Гесиода, высказывает Плутарх в «Застольных беседах» (VIII.8.730e). Вместе с тем есть папирусный отрывок, считающийся гесиодовским, где упоминается Кеик (Р. Оху. 2498, ed. Lobel).

¹¹⁵ ...сборщиком я сделаюсь // Пятидесятницы. – Пятидесятница – пошлина в размере одной пятидесятой (двухпроцентный налог).

¹¹⁶ ...по имени Дамаска эти плодовые деревья называются дамаскинами... – Дамаск – город в Сирии. Дамаскины – особый вид слив (Prunus insititia).

¹¹⁷ ...чтобы отличать их от терносливов, произрастающих в других местностях. – т.е. от сливы домашней (Prunus domestica).

¹¹⁸ Я терносливом был увенчан и мятой. – Имеется в виду кулачный боец (примеч. переводчика).

¹¹⁹ ...называют кукушкины яблоки лесной сливой... – Кукушкины яблоки – народная этимология греческого слова κοκκυμῖλον – «слива»: κοκκυξ – «кукушка» и μῖλον – «яблоко». Лесная слива – слива колючая, или терн (Prunus spinosa).

¹²⁰ Селевк пишет в «Глоссах»... – Далее дается фантастическая этимология.

¹²¹ Мушмула – колючий кустарник семейства розоцветных (Mespilus germanica).

¹²² ...философ описывает дерево, называемое ... черешней. – На самом деле философ описывает боярышник (Crataegus Heldreichii или Crataegus oxyacantha).

¹²³ В земле вифинской... – Вифиния – область на северо-западе Малой Азии, омываемая Пропонтидой и Понтом Эвксинским.

¹²⁴ Земляничное дерево – вечнозеленое деревце из семейства вересков с плодами, похожими на землянику (Arbutus Unedo).

¹²⁵ ...сатиrowsкую драму «Агена» написал... – Сатиrowsкая драма «Агена» была представлена в лагере Александра Македонского на реке Гидасп в 326 г. до н.э. на Дионисии.

¹²⁶ ...римский полководец Лукулл, тот самый, что воевал с Тиграном и Митридатом... – В 74 г. до н.э., когда консулом был Луций Лициний Лукулл, царь Понта (см. примеч. 137) Митридат VI начал третью войну с Римом, осадив Кизик. Лукулл нанес поражение армии Митридата, который был вынужден отойти на территорию Понта. В 72 г. до н.э. римляне одержали победу под Кабирой. Митридат нашел приют у своего зятя, царя Армении. Тигран II отказался выдать Митридата. Лукулл объявил ему войну и в 69 г. до н.э. разгромил его армию при Тигранокерте. Лукулл намеревался захватить его столицу Артаксату, но из-за протестов в армии ему пришлось отступить. В 67 г. до н.э. римляне потерпели от Митридата поражение при Зелле. В 66 г. до н.э. по закону Манилия главное командование в войне перешло от Лукулла к Помпею.

¹²⁷ ...как рассказывают наши писатели... – См.: Плиний. XV.102.1.

¹²⁸ ...зовут эти ягоды морами. – Плоды шелковицы черной (Morus nigra).

¹²⁹ ...не плоды египетской смоковницы, чьи ягоды... зовут сикоморами. – Плоды Ficus Sycimorus.

¹³⁰ *Деметрий Иксион считает, что слова сикамина и мора...* – Далее Афиней приводит фантастическую этимологию этих слов.

¹³¹ *Каристия* – область на юге острова Эвбея.

¹³² *Существует и какой-то вид орехов, называемый мостенами.* – Текст, вероятно, испорчен; ср. 54d (примеч. переводчика).

¹³³ *Накос* – самый крупный из Кикладских островов.

¹³⁴ *Тенос* – один из Кикладских островов.

¹³⁵ *Согласно александрийцу Геродиану, слово «миндаль» произошло...* – Дается фантастическая этимология этого слова.

¹³⁶ *...должно стоять на последнем слоге и быть обложенным.* – В греческом языке ударный слог выделялся разными типами повышения тона. Ровно восходящий тон обозначался острым ударением ´, а восходяще-нисходящий преломленный тон – обложенным ударением ~. Вопросами места ударения и его типа в каждом конкретном слове занимались александрийские грамматиканы, специалисты в истории языка. В большинстве случаев они руководствовались принципом аналогии.

¹³⁷ *...так называемый «понтийский» орех...* – *Понт* – северо-восточная часть Малой Азии. О каком роде орехов идет речь, точно сказать нельзя: приводимые Афинеем другие названия этого ореха совпадают как с названием гераклейских орехов («зевсовы бобы», см. 53d), так и с названием каштанов («облупленные», см. 54d).

¹³⁸ *Гераклейские орехи* – лещина обыкновенная (*Corylus avellana*). *Гераклея* – город в Трахинии (Средняя Греция).

¹³⁹ *Персидские орехи*, равно как и царские орехи – названия грецких орехов (*Juglans regia*).

¹⁴⁰ *Сарды* – столица Лидии (Малая Азия).

¹⁴¹ *Фасос*, или *Тасос* – см. примеч. 271 к кн. I.

¹⁴² *Синопа* – город в Понте.

¹⁴³ *Коттаб* – игра на пирах и попойках, которая заключалась в том, чтобы, плеснув вином, попасть на чашечку коттаба (его устройство напоминало весы) и наклонить ее вниз. Подробнее см. примеч. 219 к кн. I.

¹⁴⁴ *...когда нагрянул Мидиец...* – т.е. когда начались греко-персидские войны. Мидяне – первоначально группа племен, занимавшая территорию на юге от Каспийского моря. В 550 г. до н.э. Мидийское царство было побеждено Киром, и в нем воцарилась персидская династия. Мидийцами стали называть персов.

¹⁴⁵ *Фригия* – область в М. Азии, между Лидией и Каппадокией. См. примеч. 216 к кн. I.

¹⁴⁶ *...горох есть дар Посейдона.* – Об этом подробнее из других источников неизвестно.

¹⁴⁷ *...Ликофрон Халкидский в сатировой драме...* – На это произведение ссылается также Диоген Лаэртский. Однако, согласно этому автору, оно было написано не для осмеяния, а «в похвалу» Менедема (II.140).

¹⁴⁸ *...философа Менедема ... от которого получила название эретрийская школа...* – Менедем (ок. 350–277 гг. до н.э.) родился в Эретрии (о. Эвбея). Согласно Диогену Лаэртскому, он был сначала учеником Платона, потом – Стильпона Мегарского. Затем перешел в философскую школу, основанную учеником Платона Федоном в Элиде. Как пишет Диоген Лаэртский, «школа эта дотоле именовалась элидской, а с той поры – эретрийской, по отчеству Менедема» (II.126). Известно имя только одного ученика Менедема, Ктесибия, которого упоминает Афиней (162е).

¹⁴⁹ *... с волчьими бобами...* – Пришедшее в греческий язык латинское слово *lupinus* означает «волчий» (*lupus* – «волк»).

¹⁵⁰ ...на ... пирах, называемых Копидами... – От слова *κοπίς* – нож для разделки мяса; давался иноземцам во время некоторых празднеств (примеч. переводчика).

¹⁵¹ *Кервель* – растение семейства зонтичных (*Anthriscus cerefolium*). Возможно, намека на мать Еврипида, торговавшую зеленью. Ср.: Аристофан. «Всадники». 19.

¹⁵² *Название редьки связано с легкостью ее выращивания.* – Согласно народной этимологии, слово *ράφανις* – «редька» состоит из слов *ράδιος* – «легко» и *φαίνεσθαι* – «появляться».

¹⁵³ ...редьки, называющиеся также «фасийскими», или тасийскими – см. примеч. 271 к кн. I..

¹⁵⁴ ...называет ... редьку словом *ράφανος*... – Слово *ράφανος* обозначало и редьку, и капусту. Ср. 34d-е. Гесихий: «Слово *ράφανος* означает «капуста», но и «редька» у нас передается словом *ράφανος*».

¹⁵⁵ *Ночь, от ветра зачав, первородок-яйцо принесла.* – Пародируется орфический образ Яйца, созданного Хроносом и ставшего началом рождения Вселенной, богов и людей (fr. 54–58, 60, 291 Kern).

¹⁵⁶ *Говорят, нашла когда-то Леда яйцо.* – Существуют два варианта мифа о рождении Елены. Согласно первому, Немесида родила от Зевса, превратившегося в лебедя, яйцо. Из этого яйца, которое хранила Леда, родилась Елена (см.: Аполлодор. III.10.7). Согласно второму, Леда сама родила яйцо от снизошедшего к ней в виде лебедя Зевса (см.: Еврипид. «Елена». 257–259; Аполлодор. III.10.7; Павсаний. III.16.2).

¹⁵⁷ *Меандр* – река в Лидии и Кarii.

¹⁵⁸ ...*Клеарх, добавляя, что поэтому-то о Елене ... разнеслась молва...* – Пример рационализации мифа, характерной для греческих историков.

¹⁵⁹ *Белоконных сыновей / Молионы убил я...* – Сыновья Молионы, Эврит и Ктеат, были убиты Гераклом из засады в Клеонах (см. примеч. 215 к кн. II) за то, что они, воспользовавшись его болезнью во время похода против Авгия, их дяди, нарушили мирный договор и перебили его войско (см.: Аполлодор. II.7.2; Пиндар. Ол.10.26–38; Павсаний. II.15.1).

¹⁶⁰ ...*Гусиные, наверно, а не Ледины.* – По более позднему мифу, Леда снесла два яйца. Из одного из них родилась Елена, из другого – близнецы Кастор и Полидевк (см.: Овидий. «Героиды». 17.55; Гораций. «Наука поэзии». 147; Гораций. «Сатиры». II.1.26). Видимо, по аналогии с этим мифом Ивик пишет, что из яйца родились и сыновья Молионы.

¹⁶¹ ...*о вифинском царе Зеле...* – Подробнее об этом в других источниках не сообщается.

¹⁶² *В составе этого аперитива Афинея выделяет мальвы.* – См. 66d.

¹⁶³ *Асфодели* – растение из семейства лилейных с белыми цветами.

¹⁶⁴ *Дикая мальва* – алтей лекарственный, растение с бархатисто-шелковистыми листьями и стеблем, с розовыми цветками (*Althaea officinalis*).

¹⁶⁵ *Мегалополь* – известно два города под таким названием – в Аркадии и на Понте. Здесь имеется в виду аркадский.

¹⁶⁶ *Книд* – город в Кarii; см. примеч. 210 к кн. II.

¹⁶⁷ *Магнесия* – известны два города с таким названием. Один находился у горы Сипила (Лидия), другой – на Меандре.

¹⁶⁸ *Антиохия* – столичный город в Сирии на реке Оронт.

¹⁶⁹ ...*салат-латук в Смирне и Галатии...* – *Салат-латук* – овощное растение семейства сложноцветных (*Lactuca sativa*). *Смирна* – город на западном побережье Малой

Азии, где в Эгейское море впадает река Герм. *Галатия* – область Великой Фригии, захваченная галлами, или, как их называли греки, галатами.

¹⁷⁰ ...*рута* – в *Мире*. – *Рута* – полукустарник семейства рутовых (*Ruta Graveolens*). Употреблялась как пряность. *Мира* – город в Ликийи.

¹⁷¹ *Кидония* – город на Крите.

¹⁷² ...*воробьиные яблоки*... – Считалось, что слово *отρουνθ(α)* внутренне связано со словом *отρουνθός* – «воробей».

¹⁷³ *В гимнасии при Академии*... – *Гимнасий* – помещение для занятий физическими упражнениями, где занимались в обнаженном виде (от *γυμνός* – «голый»). *Академия* – роща в Афинах, названная по имени героя Академа. Там Платоном в 388 г. до н.э. была основана философская школа.

¹⁷⁴ *Панафиней* – афинские празднества, справлявшиеся в честь Афины каждые четыре года.

¹⁷⁵ *Осот* – растение семейства сложноцветных (*Sonchus aspera*).

¹⁷⁶ *Кос* – остров в Икарийском море.

¹⁷⁷ ...*называют дождевиками*... – Имеются в виду *Lycoperdon bovista*.

¹⁷⁸ ...*вокруг Геракловых Столпов*... – Мысы Абила и Кальпа. Согласно мифу, Геракл, когда шел за коровами Гериона, воздвиг два гигантских каменных столпа по обеим сторонам Гибралтарского пролива как границу пределов земли.

¹⁷⁹ *Феофраст в «Истории растений»*... – Цитата Афиней не согласуется с текстом Феофраста.

¹⁸⁰ ...*исполинский дождевик*. – Греческое название этого растения, *γεράνειον*, согласно народной этимологии, произошло от слова *γέρανος* – «журавль».

¹⁸¹ *Кирена* – город в Ливии (Северная Африка).

¹⁸² ...*гриб, называемый мίον*. – Имеется ввиду летний трюфель (*Tuber aestivum*).

¹⁸³ ...*так что грома-де их и порождает*. – Об этом см. также: Плутарх. «Застольные беседы». IV.2; Плиний. XIX.37.

¹⁸⁴ *Митилена* – город на о. Лесбос.

¹⁸⁵ *Тиары* – город в Иудее (современный Сион).

¹⁸⁶ ...*в Абарниде близ Лампсак*. – *Лампсак* – город на азиатском берегу Геллеспонта (см. примеч. 189). *Абарнида* – первоначально называлась Апарнида, так как там, по преданию, Афродита родила Приапа, но из-за его безобразности отказалась (*ἀπαρνισθῆναι*) от него.

¹⁸⁷ *Алопеконнес* – город на Херсонесе Фракийском.

¹⁸⁸ *Элида* – западная прибрежная область Пелопоннеса.

¹⁸⁹ *Геллеспонт* – пролив, названный в честь упавшей в него с золотого барана Геллы (современные Дарданеллы).

¹⁹⁰ *Мастичное дерево* – дерево из семейства анакардиевых (*Pistacia lentiscus*).

¹⁹¹ *Этна* – высочайший вулкан Европы (3263 м) на северо-востоке Сицилии.

¹⁹² ...*называются «предобедниками»*. – Греческое слово *χωλυσιδείλτωνος* сложилось из слов *χωλυσίς* – «задержка» и *δείλτων* – «обед».

¹⁹³ *Мега-ры* – город на Пелопоннесе и город в Сицилии.

¹⁹⁴ *Упоминает о них в «Облаках» и Аристофан*. – Стих 339: Камбалою копченой, «прозрачной, как сон», и жарким «из дроздов сладкогласных».

¹⁹⁵ ...*называют иксоедом, потому что он питается ... ягодами омелы*. – Ягоды омелы – растение из семейства ремнецветниковых, по-гречески *ἰξόβν*. *Иксоедом* греки называли дерябу (*Turdus viscivorus*), светло-бурую сверху птицу, снизу с пестринами по охристо-белому фону.

¹⁹⁶ Другой – *трихад*... – *Turdus musicus*.

¹⁹⁷ ...*третий, которого называют илладом (ἰλλάδα)*... – Имеется ввиду белобровик (*Turdus iliacus*), птица с широкой охристо-белой «бровью» и ржаво-рыжими боками. У Аристотеля он назван ἰλλάδα.

¹⁹⁸ *Пеночки фиговые* – певчие птички, живущие в Южной Европе.

¹⁹⁹ *Справляются ведь в доме Амфидромии*... – В другом месте (370d) Афиней приписывает эти стихи Эфиппу. *Амфидромии* – семейный праздник, справлявшийся в течение пяти дней после рождения ребенка (*примеч. переводчика*).

²⁰⁰ *Черные дрозды* (*Turdus merula*) – птицы с черными перьями, ярко-оранжевым клювом и светлым кольцом вокруг глаза.

²⁰¹ *Философы не разрешают нам есть их*... – Пифагорейское табу на употребление бобов гласит: «Есть же бобы – все равно что родителей головы милых». Греки остерегались есть головы всех живых существ.

²⁰² ...*Геракл швырнул Лихаса в море*... – Захватив Ойхалию, Геракл собирался совершить жертвоприношение. Он послал Лихаса к своей жене Деянире за праздничным хитоном. Деянира испугалась, что Геракл полюбит свою пленницу Иолу. Она вымазала одежду кровью кентавра Несса, считая ее любовным средством. Кровь кентавра была отравлена ядом гидры. Когда Геракл надел хитон, яд, нагревшись на солнце, стал жечь героя. Испытывая страшные мучения, Геракл схватил Лихаса за ноги и бросил его в море.

²⁰³ ...*Гекубу, оплакивающую сброшенного эллинами Астианакта*... – Греки сбросили с крепостной стены сына Гектора Астианакта, потому что, по предсказанию Калхаса, он должен был отомстить за разрушение Трои.

²⁰⁴ *Смирна* – *Balsamodendron Myrrha*.

²⁰⁵ *Мелколепестник* – *Erigeron* (*примеч. переводчика*).

²⁰⁶ *Кардамон* – растение из семейства имбирных (*Elettaria cardamomum*). Употреблялось как пряность.

²⁰⁷ *Болиголов* – ядовитое растение из семейства зонтичных.

²⁰⁸ *Койфи* – египетское снадобье.

²⁰⁹ *Метрет* – аттическая мера жидкостей, равная 39,5 л.

²¹⁰ *Кария* – область на юго-востоке Малой Азии.

²¹¹ *Кармания* – область Азии, с юга омывается Персидским заливом и Эритрейским (Аравийским) морем.

²¹² *Аммонияк* – каменная соль. Греки добывали соль из морской воды.

²¹³ *Из Фурий масло, чечевица гельская*. – *Фурии* – город на юге Италии в устье реки Кратиса. *Гела* – город на южном побережье Сицилии.

²¹⁴ *Рыбный соус* греки готовили следующим образом: мелкую, но дорогую рыбу клали в чан, сильно ее солили. Она стояла на солнце 3–4 месяца. Содержимое чана часто и тщательно перемешивали. Когда образовывалась густая масса, в чан опускали большую корзину, которая постепенно наполнялась густой жидкостью.

²¹⁵ *Клеоны* – город в Арголиде (Пелопоннес).

²¹⁶ *Котила* – приблизительно четверть литра.

²¹⁷ *Из Декелеи уксуса домашнего*... – Уксусом здесь саркастически называется декелийское вино, известное своим кислым вкусом. *Декелея* – дем Аттики.

²¹⁸ *Горбыль* – морская рыба, которая может издавать звуки при помощи плавательного пузыря, выталкивая из него газ в дополнительные камеры.

²¹⁹ *Сильфий* – растение, добываемое в северной Африке (*Ferula tingitana*); использовался как приправа.

²²⁰ ...кешу... / Меда... – Добавлено из Поллукса (VI.66).

²²¹ *Кресс-салат* – растение семейства крестоцветных (*Lepidium sativum*).

²²² *О том, что древним был известен так называемый эфиопский тмин.* – Ср.: Плиний. XIX.161; XX.161.

²²³ *Парос* – один из Кикладских островов, известен своим мрамором.

²²⁴ ...как дыня-евнух... – Дыню называли также холостой и скопцом.

²²⁵ *Аскалон* – город в приморской Сирии со знаменитым храмом Афродиты.

²²⁶ *Сколимум* – растение с золотисто-желтыми цветками (*Scolymus hispanicus*). Родина – страны Средиземноморья.

²²⁷ *Киприда* – Афродита. На Кипре находились наиболее значительные посвященные ей храмы.

²²⁸ *Индау* – растение семейства крестоцветных (*Eruca sativa*); оно же рукола.

²²⁹ *Кишнец*, он же кориандр – растение семейства зонтичных (*Coriandrum sativum*).

²³⁰ *Вокруг моря, называемого Гирканским...* – Каспийское море, вдоль южного и юго-восточного берега которого жили гирканы.

²³¹ ...собачья колючка. – Считалось, что греческое слово *κύνδρα* – «шиповник» однокоренное с *κύων* – «собака».

²³² *Хорасмии* – племя, жившее частью в дельте современной Амударьи (у Аральского моря), частью к югу от современного Хивинского оазиса. От них название этой местности: Хорезм.

²³³ ... *Локр*, получив пророчество... – *Локр* – эпоним племени локров, населявших Локриду Опунтскую и Локриду Озолевскую. Историю о Локре см. подробнее: Плутарх. «Греческие вопросы». 15.

²³⁴ ...называет... сицилийским «кактосом». – Кардон, или испанский артишок, растение из семейства сложноцветных с рассеченными, очень колючими листьями (*Carduus cardunculus*). У культурных сортов в пищу употребляются черешки листьев.

²³⁵ *Сафлор* – однолетнее травянистое растение семейства сложноцветных (*Carthamus tinctorius*). Из цветочков корзинок готовят желтую краску.

²³⁶ ...рыба лабракс... – *Labrax lupus*.

²³⁷ *Копайдское озеро* – озеро в Беотии, впоследствии заболотившееся и высохшее. У него было несколько названий: Копайдское (от стоявшего на нем города Коп), Галиартское (от города Галиарта). См.: Страбон. X.2.27.

²³⁸ Остаток 71-го листа занимают изолированные выписки, в различных списках эпитомы они помещены в разных местах: в списке С в конце кн. XIII, в списке Е в конце кн. XV.

КНИГА ТРЕТЬЯ

¹ *Каллимах* – он фигурирует здесь не только как поэт, написавший более 800 свитков, но и как глава Александрийской библиотеки, хорошо знакомый с изнурительным процессом чтения свитков с длинными литературными произведениями, которые приходилось постоянно разворачивать и сворачивать по мере продвижения по тексту.

² *Египетские бобы* – произрастающий в теплых заболоченных местах от Юго-Восточной Азии до Северной Африки лотос орехоносный (*Nelumbo nucifera* Gaertn.), съедобное корневище которого в античности называли колокасией по аналогии с клубнем истинной колокасии или таро (*Colocasia antiquorum* Schott.), растения совершенно друго-

го рода, который древние греки издавна употребляли в пищу. Истинная колокасия оставалась в моде и во времена Империи: поэт Марциал (XIII.57) жаловался на ее чрезмерную волокнистость, а в кулинарной книге Апиция, или Апикия («De re coquinaria». 322 et al.), содержится несколько рецептов ее приготовления.

³ ...они по бобам стосковались. – В Греции пиры состояли из двух частей: сначала участники приносили жертву богам и утоляли голод, а затем, совершив омовение и умастившись благоуханиями, пили вино, беседовали и всячески развлекались. Молодым людям, вероятно, желателен переход от трапезной части пира (δεῖπνον) к собственно питевой (σιμλόσιον), традиционно сопровождаемой закуской из мелких лакомств (τραγῆματα), в частности различными бобовыми, сухофруктами и орехами (ср.: Платон. «Государство». 72с).

⁴ Эдес – город на северо-западном побережье Эвбеи, знаменитый своими целебными серными источниками.

⁵ ...трагасейскую соль... – Из поселения Трагасы, на южном берегу Троады; об этих соляных залежах упоминают и другие авторы.

⁶ Огурец – Cucumis sativus L., давно одомашненный в Средиземноморье овощ, который в античности ели как сырым, так и приготовленным, но в те времена огурцы горчили гораздо больше, поэтому их нередко подавали на стол с медом или сладким вином. Что касается самого слова, принцип аналогии – достраивание редких словоформ по словам с известной падежной парадигмой – был весьма популярен у античных грамматиков, таких как александрийские ученые Аристофан Византийский, Аристарх, Дионисий Фракийец, а позже, в римские времена, его поддерживали Цицероны, Варрон, Цезарь и Кальв, в противоположность принципу аномалии, при которым за каждым словом признавали право индивидуальных отклонений в его формах, как это делали стоики (Хрисипп), пергамская грамматическая школа (Кратет Маллосский), а в Риме – Цицерон, Гораций и Квинтилиан.

⁷ Лахет – безвестная личность, не прославившаяся на литературном поприще, поэтому Кайбель предлагает две конъектуры: Диевх (врач III в. до н.э., создатель работы по диететике, фрагменты которой приводит Орибасий, а Плиний пользуется ею как источником) или Лесх (лесбосский поэт, некоторыми считается автором «Малой Илиады», одной из многих поэм гомеровского цикла).

⁸ Сквородка с рукоятью... – Конъектура Кайбеля οτελέον букв. «рукоять»; в рукописи – маловразумительное οτέλνω, возможно, искаженная форма глагола «посылать».

⁹ Редька – Raphanus sativus L., весьма распространенный овощ в античности, предок современных редек и редисок, образец скромной сельской пищи, противопоставленный городским гастрономическим изыскам.

¹⁰ ...так называемые драконтии... – Названия различных ползучих растений; какое именно здесь имеется в виду и действительно ли это сорт огурца, определить не представляется возможным.

¹¹ ...слово «огурец» (οικνός) образовано от глаголов... – Типичный пример фантастической этимологии, как ее понимали в античности, возможно потому, что первые случаи этимологии зафиксированы уже у Гомера и трагиков и естественно являются скорее поэтическим приемом, чем попыткой научного обоснования происхождения слов. В дальнейшем этимологией занялись философы, в ведомстве которых она и оставалась до конца античности в практически неизменном виде, так что основанием для этимологизации чаще всего служили семантические толкования того или иного порядка, ср. труд Исидора Севильского «Этимологии, или Начала» (I. 29) VII в. н.э.

¹² *Поручейник* – сладкий корень, или поручейник, зонтичное растение *Sium hisarum* L. (до XVIII в. был деликатесным овощем в западной Европе) или, возможно, водяной кресс, или жеруха, *Nasturtium officinale* R. Br.

¹³ *...растут главным образом в полнолуние...* – Теория о влиянии луны на ей «посвященные» предметы и явления, такие как приливы, беременность и даже огурцы и морские ежи (шарообразное иглокожее, известно более 700 видов), восходит к основам стоического учения о мировой гармонии и всеобщей согласованности.

¹⁴ *Смоквы* – инжир, он же фи́га, плод смоковницы *Ficus carica* L., практически повсеместно присутствующий в ежедневном рационе грека в античности, вне зависимости от его имущественного положения. К периоду Римской империи в садах Средиземноморья выращивалось уже множество сортов фи́г (всего для той эпохи зафиксировано 44 сорта, больше нам известно только сортов груш и винограда).

¹⁵ *...плод же ее они зовут Предводителем...* – Эти смоквы связаны также с празднеством Плиний. В мае–июне в Афинах устраивалась торжественная процессия, сопровождавшая изображение Афины-Полии, которое несли купаться на побережье, сняв с него украшения и одежды, а в начале процессии несли местные смоквы как первый культурный плод – возможно, вариант мифа о состязании Афины и Посейдона за господство над Афинами (с маслиной и соленым ключом).

¹⁶ *...первыми стали называться тогда сикофантами...* – Выявляющие смоквы, а позднее, в переносном значении, доноскики, соглядатаи, плуты.

¹⁷ *Сминфийские празднества* – празднества в честь Аполлона-Сминфея, архаическая полузооморфная крито-мисийская ипостась: вождь мышей и их губитель одновременно.

¹⁸ *О так называемых фибалийских смоквах...* – По названию местности в Аттике или Мегариде.

¹⁹ *...и сорт миртовых ягод...* – Некогда популярное в Греции лакомство, особенно на закуску к вину. В Риме ягоды мирта *Myrtus communis* L. чаще использовались как пряность, отсюда название современной итальянской колбасы мортаделла, которая некогда была щедро приправлена именно миртовыми ягодами, создававшими легкий перченный эффект.

²⁰ *...форминские...* – Возможно, сорт из окрестностей города Формии в области Лаций, что вокруг Рима, отличавшейся хорошим климатом, развитым сельским хозяйством вообще и виноделием в частности.

²¹ *...Линкей... стал бы куда зорче своего тезки...* – Наделенный острым зрением рыси и именем, производным от того же корня, Линкей, брат-близнец Идаса, – мессенская параллель спартанским братьям-близнецам Диоскурам, Кастору и Полидевку. Линкей и Идас принимали участие в Калидонской охоте, а также в плавании на первом корабле Арго за золотым руном.

²² *О диких смоквах...* – Без диких смоковниц и насекомых, живущих в их плодах, невозможно естественное опыление смоковниц культурных, ср.: Феофраст. ИР. II. 8.3.

²³ *Мушмула* – плод и дерево вида *Mespilus germanica* L. семейства розоцветных, распространенного на территории южной Европы. Красновато-ржавые плоды собирают незрелыми и оставляют вызревать и слегка подгнуть на соломе, только тогда бело-розовая мякоть с косточками, заключенная внутри, становится съедобной, сладковатой с вяжущей кислинкой.

²⁴ *...называемого на Крите кипрской смоковницей...* – Сикомора, *Ficus sycomorus* L., два раза в год приносит обильный урожай мелких фи́г низкого качества.

²⁵ ...Феофраст говорит, что дикая смоковница плодоносит дважды в год... – В тексте Феофраста нет этого пассажа о дикой смоковнице, но об этом упоминается у Плиния (XXVI. 113); тот же случай с речью философа из второй книги «Истории растений» в 77f–78a.

²⁶ ...все, что посажено в «морском луке»... – Растение *Scilla maritima* L., оно же *Urginea maritima* Baker, действительно обладает полезными свойствами отвращать грызунов (для них оно сильнейший яд), так что в античности его нередко использовали при посадках в профилактических целях.

²⁷ Так называемая индийская смоковница... – *Ficus religiosa* L., фикус священный, или баньян.

²⁸ Трифон – греческий грамматик второй половины I в. до н.э. Последующие поколения активно пользовались его дошедшими до нас лишь фрагментарно трудами: «Грамматическое искусство», «Чтение вслух в древности», «Аттическая просодия» и пр. Он также создал гигантский ономастикон с разделами «растения» и «животные», так что Магн, вероятно, ошибочно приводит здесь заголовок «История растений», это была скорее история их имен.

²⁹ ...производит название смокв... – Характерная для поздней эпической поэзии мифологизация реальности. Орей, горный дух (брос – «гора»; подобным образом, от названий деревьев и их плодов, образованы и приведенные ниже имена гамадριάд) и отец Оксила и Гамадριάды, породивших нимф-гамадριάд, живущих каждая в своем дереве и умирающих вместе с ним; интересно, что среди них как плодоносные, так и другие деревья. Впрочем, грецкие орехи (*Juglans regia* L.), съедобные желуди (одного из видов дубов *Quercus* L., но могут подразумеваться еще и каштаны или даже финики), плоды кизила (*Cornus mas* L.) и шелковицы (*Morus nigra* L.), а также виноград (*Vitis vinifera* L.) и инжир (*Ficus carica* L.) при всей их пользе никак не умаляют пользу для античного сельского хозяйства вязов (*Ulmus campestris* L.) и тополей (разнообразные варианты *Populus* L.), которые применяли как деревья-подпорки для тех же виноградных лоз и т.д.

³⁰ ...жители Наксоса рассказывают... – Наксос и Диониса, после его бракосочетания с Ариадной, покинутой Тесеем на этом острове, вероятно, связывали особенно важные религиозные отношения. Возможно, потому там и было целых два знаменитых священных изображения Диониса, которые, вероятно, находились в двух разных святилищах.

³¹ Царь! Ты собираешься в поход на людей... – Речь идет о Крезе, последнем лидийском царе, собирающемся в поход на царя персов Кира, невзирая на предостережения некоего лидийского мудреца. В результате в 546 г. до н.э. Сарды, прекрасная столица лидийской державы, были взяты Киром.

³² Филипп, отец Персея... – Речь идет о Филиппе V, царе Македонии с 222 по 179 г. до н.э., прекрасном полководце с отвратительным характером, и его войне против Родоса, в которой он поработил половину Малой Азии (Магнезия – город на реке Меандр в Ионии, Миунт – город в южной Ионии на северо-восток от Милета, т.е. к югу от Магнезии). Грекам пришлось воззвать к Риму о помощи, и римские войска в конце концов разгромили Филиппа.

³³ Смоквы из Тралл... – Наконец-то упоминаются знаменитые карийские смоквы (город Траллы находится на границе Ионии, Карии и Лидии), по имени которых у римлян сушеные фиги назывались *carica*.

³⁴ ...относящиеся к смоквам общеизвестные пословицы... – По мнению Евстафия Византийского, комментатора «Одиссеи» в XII в., в первой пословице «за рыбой смоква» принижается ценность фиг по сравнению с рыбой (но может также служить знаком

перехода от застольной части к попойке, так как и фиги, и бобы в древности подавали на закуску к вину, после того как с основной едой – мясом и рыбой – было покончено), а вторая смеется над дикостью и ленью.

³⁵ *Яблоки* – *Pirus malus* L., в античности было выведено немало сортов яблок (в источниках упоминается как минимум 32 сорта); в связи с климатическими условиями лучшие сорта выращивались на территории Италии: так, матианские яблоки (ср. 82с) – знаменитое произведение агронома Гая Матия времен императора Октавиана Августа и упоминаемые здесь *орбиклата* – «круглые» яблоки (так же назывался сорт итальянских груш), о которых даже упоминает Цицерон в одном из своих писем и пр. Названия греческих сортов *платании* и *сетании* менее ясны; *платании* могут быть как-то связаны только с названием дерева платан, а *сетании* (от прилагательного σῆτάκιος – «этого года») – распространенное сортовое название различных зерновых, овощей и фруктов: в том числе для мушмулы и лука! С перечислением сортов яблок (в частности, римских) заканчивается цитата из Дифила, который в III в. до н.э. не мог быть столь хорошо знаком с римскими садоводческими достижениями.

³⁶ *Что же касается кидонских яблок...* – Айва, *Cydonia vulgaris* Pers., не отличалась столь великим разнообразием сортов: их было всего 4–5; зато один римский сорт можно было есть сырым без всякого вяжущего эффекта: так называемую мультвианскую айву (результат прививки обычной айвы на воробьиную – собственно, упоминаемые в тексте *воробьиные яблоки* – ср.: Плиний. XV. 38). Интересно, что один из сортов (крупный, по свидетельству лексикографа Гесихия) назывался *фавлии*, как и крупные грубые зеленые оливы (ср. 56с).

³⁷ *О кидонских яблоках упоминает в «Елене» и Стесихор...* – Розы, фиалки, мирт и яблоки (пусть даже кидонские) относятся к атрибутам Афродиты, а следовательно, и ее проекции – Елены.

³⁸ *...аромат... притупляет... действие смертельных ядов.* – В античности бытовало представление о нейтрализации ядов ароматами: поэтому в качестве классических противоядий выступали особенно пахучие предметы – самый ранний появившийся в Европе вид цитрусовых цедрат (см. 83а и сл.), пряная трава рута (интересно, что и рута, и все цитрусовые по современной ботанической классификации относятся к единому семейству рутовых). *Фаросский яд* – более не упоминается; возможно, египетский – от острова Фарос; объяснить это сочетание при нынешнем состоянии источников не представляется возможным.

³⁹ *Яблоки рвать принялся, вырезать на них Кадмовы знаки.* – Кадмовы знаки – буквы (финикийскому герою Кадму приписывалось изобретение алфавита), а писать на яблоках – традиция, заложенная еще богиней раздора в завязке Троянской войны; так что, учитывая, какую большую роль обычно играли яблоки в играх влюбленных в древности (перекидывание яблока, вручение яблока, отбирание яблока, что традиционно со времен мифических Мелеагра и Аталанты, которую во время их состязания по бегу задержали его золотые яблоки), речь, вероятно, идет о подарке, совмещенном с любовной запиской.

⁴⁰ *...холмистой Эфире...* – Родина знаменитого царя-обманщика Сизифа в Аргосе, позже отождествлялась с Коринфом.

⁴¹ *...стол богов...* – Теоксения в Греции и *lectisternium* в Риме, празднование прихода богов в гости к людям. Считается, что боги посещают невидимо частный или общественный пир: для них устраивается специальное ложе и особо накрывается стол; разумеется, на него выставляется то, что прекрасно выглядит и благоухает, а на вкус можно не обращать внимания, так что несъедобные яблоки при таком обряде вполне естественны (ср. историю о Прометее и жертвоприношении Зевсу: Гесиод. «Теогония». 535 сл.).

⁴² ...называют их *гесперидскими яблоками*. – Яблоки вечной молодости из сада Гесперид, расположенного за горизонтом на Западе; с ними связан 11-й подвиг Геракла. Яблоки ассоциировались с молодостью у всех индоевропейских народов, ср. скандинавскую богиню молодости Идун, всегда держащую при себе корзинку с яблоками вечной юности, ср. молодильные яблоки славянских сказок. Однако слово «яблоко» с определением могло обозначать любой яблокообразный плод, и в дальнейшем (83а) появляется представление о цедрате, мидийском яблоке, как о гесперийском яблоке (хотя цедрат впервые оказался в Европе не раньше IV в. до н.э. и пришел не с запада, а с востока), а в Песни Песней, наоборот, гранатовые яблоки, которыми надо освежать изнемогающих от любви, при переводе превращаются в яблоки обыкновенные.

⁴³ *Персики* – здесь смешиваются понятия о самом персике как фрукте, *Persicus vulgaris* Mill., и его косточке, которая воспринимается как орех, похожий на миндаль (о косточках идет речь, когда упоминается маслянистость). Дискуссия на тему, что считать орехом, а что фруктом, продолжалась на протяжении всей эпохи античности, ее окончательные результаты на закате Римской Империи были обобщены Макробием в «Сатурналиях» (III. 18).

⁴⁴ ...*Феофраст пишет...* – Далее приведенный текст отсутствует в «Истории растений»; ср. примеч. 25 к этой книге.

⁴⁵ ...*тогда как другие зовут их адриями*. – Сицилийцы, согласно лексикографу Гесихию.

⁴⁶ *Цедрат* – он же цитрон, *Citrus medica* Risso, предшественник лимона в Средиземноморье. Долгое время этот привозимый с Востока плод, 90% которого составляет толстая горько-ароматная кожура и лишь в самом центре находится маленький и кислый комочек мякоти, поделенный на дольки, как и у всех цитрусовых, использовали только в парфюмерных целях. Однако постепенно, к I в. н.э., его научились выращивать, избавившись от заблуждения, что это плод туи (или других хвойных деревьев), которая носила то же название, и плоды стали использовать в кулинарных целях: так у Апиция («De re coquinaria». 169) встречается рецепт рагу с цедратом (главным образом туда идет кожура).

⁴⁷ ...*к диким козам...* – Греческие бранные реплики, как правило, являются завуалированными посланиями собеседника в Аид, и эта не составляет исключения, ср.: «пошел к воронам!»

⁴⁸ ...*сохранит ее от моли*. – Различные цитрусовые плоды, главным образом лимоны и апельсины, используют в этих целях и в наше время, а в XVIII–XIX вв. пользовались еще и листьями лимонов.

⁴⁹ ...*Эриф продолжил...* – В следующих стихах Артемида, вероятно, упоминается как Артемида-Геката, богиня подземного царства, которое, как считалось, находилось на Западе, а к Афродите прилагается нигде более не зафиксированный эпитет Бербея, возможно, связанный с ее культом на Кипре, подверженным сильному финикийскому влиянию.

⁵⁰ ...*выпивать аконит*. – Яд из растений рода аконит (*Aconitum* L.) семейства лютиковых, который, подобно цикуте, применяли при казни преступников; в малых дозах его использовали также врачи в качестве болеутоляющего. О способности цедрата и руты противостоять ядам см. примеч. 38 к этой книге.

⁵¹ ...*устриц и других родов панцирных моллюсков*. – В этой части книги речь в основном пойдет именно о моллюсках, хотя будут встречаться упоминания и об иглокожих (морские ежи), оболочниках (асцидии), морских членистоногих (омары, креветки и пр.) и даже кишечнополостных (актинии). Часть моллюсков, чьи названия здесь встретятся,

до сих пор не идентифицирована учеными достоверно, поэтому при переводе приходится пользоваться транскрипцией греческих названий. Часть – идентифицирована только в самом общем виде (например, нерейта – спиральный одностворчатый моллюск, возможно рода *Cassis*, или теллины и скифидрии – моллюски двустворчатые). К тому же подобные названия часто используются для обозначения представителей совершенно разных родов одновременно, а иногда даже разных отрядов: так, словом «морской желудь» (βάλανος), согласно словарю Дарси Вентворта Томпсона «A glossary of Greek Fishes» (Лондон, 1947), обозначается не только моллюск-сверлильщик, но и ракообразный морской желудь. В довершение всего некие общие названия упоминаются как частные и наоборот. Так, «сердцевидки» или «устрицы» могут обозначать «моллюсков вообще», а общее название «конх» для моллюсков может быть и названием моллюска одного из их видов, очевидно, в зависимости от узуса того или иного автора. Та же проблема возникает при переводе названий рыб с древнегреческого на современные языки.

⁵² *Крабизов и кикибалов...* – Незафиксированные более нигде названия даров моря, возможно комическое подражательное словообразование, как в речи хвастливого повара у Плавта («Псевдол». 831–832), когда тот, рассказывая о своем мастерстве, сыпет всякими «профессиональными словечками», вставляя свои выдумки, типа «секаптида», «маккида» и «кокилендрум» и «кеполендрум», похожие на названия реально существующих праностей.

⁵³ ...в сочинении, озаглавленном «О сломанной скитале»... – Грамматик Аристофан воспользовался для названия своего сочинения цитатой из Архилоха (фрагмент 89=185), в котором тот рассказывает историю о встрече обезьяны и лисы, где фигурирует сломанная скитала. Скитала – специальный жезл для спартанских депеш, на который наматывали ленту и писали на ней секретное сообщение. Ленту снимали и отправляли с гонцом, а получатель ее мог прочитать текст, только намотав ее на точно такой же жезл, – всякий другой давал бы абракадабру. Возможно, в этой работе Аристофана, одного из первых создателей филологической науки и главы Александрийской библиотеки, шла речь о трудных текстах и разночтениях (непреренно возникающих, если скитала сломана) в древних текстах, тем более, что в следующей цитате приводится его разногласия с Дикеархом по поводу чтения стиха Алкея (в духе своего времени Аристофан хочет видеть стих более мифологичным, на место ракушки-блюдечка помещая черепаху, из панциря которой младенец Гермес когда-то создал первую в мире лиру и вручил ее Аполлону), еще одного древнего для того века (III–II в. до н.э.) поэта. Интересно, что в 451d упоминается трактат об Архилохе современника Аристофана, также побывавшего главой великой библиотеки, поэта и филолога Аполлония Родосского, в котором подробно рассказывается о спартанских скиталях.

⁵⁴ *Флиаки* – южно-италийский драматический жанр IV в. до н.э., о котором можно судить лишь по изображениям на местных краснофигурных вазах того периода, вероятно представлял собой бурлески из жизни богов и героев и даже обычных граждан – жизнерадостные сельские сценки, которые разыгрывались актерами с непомерными фаллосами и гротескными масками.

⁵⁵ ...он называет их *херамбами*... – В обоих случаях речь идет о других названиях мидий: меланиды – морские мидии, херамбы – пресноводные.

⁵⁶ ...в «Персах» Эсхила сказано... – Цитата отсутствует в сохранившемся тексте трагедии.

⁵⁷ ...мак трубочей... – Так рыбаки называли все, что относится к внутренним органам моллюсков, что по большей части для невооруженного глаза представляет собой некую мало дифференцированную смесь.

⁵⁸ ...*Пиррейского залива*... – У города Пирры на острове Лесбос, который вообще был знаменит дарами моря; главный город острова, возможно, получил имя Митилены по одному из названий мидий (μῑτυλος).

⁵⁹ ...*в землю попадает ихор*... – Мифическое название крови богов (тем самым связанное с оплодотворяющей силой), позже – бесцветная внутренняя жидкость, лимфа.

⁶⁰ ...*у большинства из них цветок черный, у некоторых же красный и небольшой*. – Цветком называется железа багрянок (несколько видов: *Murex trunculus*, *Murex brandaris* и *Purpura haemastoma*), из которой изготавлиляли драгоценную пурпурную краску двух видов, фиолетово-пурпурную и багряно-пурпурную (последняя ценилась выше), на редкость долговечную (сохраняла цвет 500 лет; ср.: Плиний. VIII. 197) и стойкую. Об этом писал даже Лукреций в своей поэме «О природе вещей» (VI. 1074–1075): «Раковин пурпурных сок сочетается с шерстью столь тесно, / Что никогда от нее отделиться он больше не может». Пурпур в античности и в средние века был одним из атрибутов власти, его носили цари и императоры, им окрашивали самые драгоценные книги (так в Публичной библиотеке Санкт-Петербурга можно увидеть старинное так называемое «пурпурное Евангелие», фиолетово-пурпурные страницы которого исписаны серебряными «чернилами»), и вплоть до падения Константинополя (основной экспортер пурпурных тканей) одежды западных кардиналов были пурпурны, а не окрашены кошенилью в красный цвет, к которому мы теперь привыкли. Тем не менее в отдельных местах ремесленное производство пурпура иногда встречалось еще в XVII в.

⁶¹ ...*в них обитают стражи*... – Классический пример симбиоза, совместного проживания и борьбы за существование представителей разных биологических видов и даже классов (моллюски и членистоногие); однако представление, что без симбионта пинна не приспособлена к самостоятельному существованию, неверно. Согласно современным биологическим описаниям пинны, или раковины-перья, вполне самостоятельны, в них часто зарождается жемчуг, а еще они ценны своим биссусом – достигающими 20 см похожими на шелк шелкопрядов прочнейшими и тончайшими нитями, которыми они крепятся ко дну моря. Эти нити со времен античности использовали для создания драгоценной легкой и шелковистой ткани виссон (от того же βύσσος), которая была столь ценной, что даже в Италии XVIII в. за пару перчаток из биссуса пинн давали 20 золотых дукатов.

⁶² ...*еще и «матери»*. – Можно читать также как: «О самая мужественная (дочь) бабок-асцидий и матерей актиний». Асцидии, как и актинии, напоминают по форме скорее растения, чем животных, и слегка похожи друг на друга (асцидия – надутый чехол, актиния – надутый чехол, увенчанный стрекалами-лепестками), так что возникает родственная картина, хотя на самом деле они относятся к совершенно разным биологическим типам.

⁶³ *Спатамги же меня*... – У Аристофана в приапическом смысле: «пожирая, вычерпывая ложкой, и вылизывая начисто морского ежа-спатамга у меня внизу»; моллюски нередко становились материалом для эротических аллюзий, чему, как и многовековому убеждению в том, что их поедание способствует играм Венеры, немало способствовал их внешний вид.

⁶⁴ *Сваренные с мальвой или со щавелем*... – Мальва различных видов (*Malva* L.), любимая зелень античных диетологов, и щавель (*Rumex patientia* L.), греческое название которого произошло от глагола λαλάσσω – «расслаблять», действительно улучшали пищеварение, даже чрезмерно, на это жаловался в своих письмах Цицерон.

⁶⁵ *Скользкие дети самой Галосидны*... – «Морерожденная» – эпитет Амфитриты; в «Одиссее» детьми Галосидны названы тюлени (IV. 404).

⁶⁶ ...*Парий – цикаду морскую...* – Вид насекомоподобного морского членистоногого (возможно, *Scyllarides latus* Latreille или *Squilla mantis* L.), размером меньше лангуста, но гораздо больше креветки, с очень нежным мясом.

⁶⁷ *А всех трубачей...* – Здесь игра слов, так как *κῆρυξ* не только «моллюск-трубач» (чье мясо жестковато и не слишком вкусно), но и человек, занимающий мало оплачиваемую государственную должность глашатая, требующую весьма зычного голоса. В его обязанности входило объявлять о принятии тех или иных постановлений, поддерживать порядок в народном собрании, театре, при жертвоприношениях и т.д., по поручению проводить распродажу имущества и пр.

⁶⁸ ...*один из самых удивительных камней...* – Жемчуг появился в греко-римском мире достаточно поздно, в отличие от изумрудов, сердоликов и прочих драгоценных и полудрагоценных камней, упоминаемых уже в гомеровскую эпоху. О жемчуге начинают впервые говорить во времена Страбона и Плутарха, из-за своей необычности он входит в моду в Римской империи, а затем становится идеальной «христианской» драгоценностью и средневековым символом чистоты.

⁶⁹ ...*множество вареного мяса...* – В разряд вареного мяса входят все субпродукты. Их, как правило, продавали в любое время после жертвоприношения, и они никак не были связаны с ритуалом еды, а поэтому представляли собой поле деятельности для чревоугодника.

⁷⁰ *Сильфий* – пряная камедь (застывший сок) и корень исчезнувшего ныне вида фенулы с очень сильным запахом, на монопольной торговле которыми было во многом основано благосостояние Кирены, – этот город изображал сильфий даже на своих монетах. Во времена Римской империи плантации сильфия пришли в упадок, город исчерпал свои ресурсы и впоследствии место сильфия заняла асафетида (*Ferula asafetida* L.), поставляемая с Ближнего Востока. Последняя до сих пор используется в кухнях народов Средней Азии.

⁷¹ *И Стесихор пишет в «Охотниках на верпр»...* – Темой поэмы была знаменитая Калидонская охота Мелеагра и других героев, которая происходила невдалеке от вышеупомянутого Страта.

⁷² ...*подлинную мать сыновей Гиппократа...* – Имеется в виду племянник Перикла, а не знаменитый врач. Каламбур строится на созвучии слов «свины» (*ὑβών*) и «сыновья» (*υἱών*), которое, кстати, обыгрывается и у Аристофана в «Облаках» (1001). В реплике Ульпиана продолжается «скотская» тема: «нажрались до отвала», форма глагола «кормить скот» (*χορτάζω*).

⁷³ ...*через чертополох и грубые сорные травы...* – Стих неизвестного поэта, который упоминает также Плутарх в «Моралиях» (II. 44е).

⁷⁴ *Не ты ли утверждал, будто «эпиномида»...* – Здесь и далее высмеивается педантизм Ульпиана и похожих на него любителей языковых диковинок и изощренных словарных игр, которые предпочитают в обычной речи пользоваться как можно более редкими и необычными словами, наслаждаясь своей образованностью. Эпиномида, название философского трактата, приписываемого Платону (букв. «Послезаконие», воспринималось как добавление к его «Законам»), по Ульпиану означает еще и то же, что латинское *strena*, – благоприятный знак и подарок-пожелание счастья, изначально – веточки из специальной священной рощи, которые было принято дарить на Новый год, в январские календы. По Кинульку (который на самом деле так же в восторге от редких слов, как и Ульпиан), эпиномида – часть триеры: это он вычитал в специальном трактате. И то, и другое словоупотребление, кроме как здесь, в сохранившихся текстах древнегреческой литературы больше не встречается.

⁷⁵ ...когда ты искал свой «непригодный фенол». – Фенола или фенол (в разговорной речи обычно использовался мужской род), плотный плащ, ср. латинское *raepula*, канусийский – из знаменитой овечьей шерсти из-под города Канусий в Апулии, на родине Горация. Ульпиан здесь использует прилагательное «непригодный» как «неиспользованный», а при ответе «смыться» в оригинале стоит архаическая форма от глагола «мыться», которая во времена Ульпиана употреблялась только как форма глагола «погибнуть».

⁷⁶ ...натираются, а засим омываются. – В оригинале педантичное использование форм двойственного числа в первом лице, крайне редко употребляемых даже в классическое время.

⁷⁷ Я несколько дней не показывался из-за жары. – Путаются латинские глаголы *februo* – «совершать очистительные обряды» и *febrüo* – «иметь жар».

⁷⁸ ...неложной... – т.е. не знающей брачного ложа Афины, в оригинале еще комичней: ὀλέκτορος (петуха) вместо ὀλέκτορος.

⁷⁹ Неосновательное... – В классические времена употреблялось в значении «неодолимое».

⁸⁰ ...копье – противобросом (βαλάντιον)... – Этим словом обычно называли кошель.

⁸¹ ...свинью – иакхом. – Иакх, как и Вакх – мистическое имя Диониса, производится от глагола ἰάχω – «вопить».

⁸² Хойник – мера зерна, достаточная человеку на день.

⁸³ Это же утверждает Антифанов «Клеофан»... – Сатира на элеатскую философию Ксенофана, Парменида и Зенона, которые были озабочены проблемами онтологии.

⁸⁴ ...эти песьи дни... – Самое жаркое время года с июля по сентябрь, когда на рассвете восходит Сириус, самая большая звезда созвездия Гончих Псов (по-латыни часто называемая *canicula* – «собачка»). Аргосский праздник Псоубийства нигде кроме «Пира мудрецов» не упоминается.

⁸⁵ ...Антифан в «Маменькином сынке»... – В этом отрывке четыре раза упоминаются слова с корнем *μητρ-* («матка»). Само название комедии тоже включено в шутку и может быть в контексте переведено как «Матколюб». Свиная матка действительно была одним из важнейших деликатесов как в Греции, так и в Риме, причем в Греции особым деликатесом считались матки свиной после выкидыша, о которых речь пойдет ниже, а в Риме – матки родивших первый раз, а еще лучше вообще нерожавших свиной (т.е. свиной в возрасте до года). Три из пяти рецептов матки в римской кулинарной книге Апиция требуют *сильфия*, два – *сильфия* вместе с *уксусом*. Свиную матку именно с *уксусом* и *сильфием* в дальнейшем упоминают описатель пиров Линкей и гастрономический поэт Архестрат.

⁸⁶ ...с соком *сильфия*... – Подробнее о *сильфии* и *Кирене* см. примеч. 70 к этой книге.

⁸⁷ ...как свидетельствует кулинарный кудесник Архестрат, по окончании пира... – Во времена платоновского современника Архестрата закуска сопровождала десертную (собственно питейную) стадию пира, а не подавались перед основной едой, как стало модно во времена Афиней. Архестрат изгоняет любезные Платону закуску под вино и неприличным образом роскошествует, подавая деликатесы: свиные матки и медовые пироги.

⁸⁸ ...пир флейтистки Ламии... – Подробнее об истории любви Ламии, получившей 200 талантов за свою красоту, и Деметрия Полиоркета, разграбившего Афины и учредившего там божественный культ себя и своего отца (Ламии впоследствии тоже было посвящено несколько храмов, в частности храм Афродиты Ламии в Афинах и Фивах), см. 577с-ф.

⁸⁹ ...аскрейскому мудрецу... – Имеется в виду поэт Гесиод, родом из деревни Аскры в Беотии, основоположник греческой дидактической поэзии.

⁹⁰ Также у Антифана в «Воине» или «Тихоне»... – Еще один литературный мотив симпосия. Поскольку индивидуальная подача блюд не практиковалась, страх не успеть урвать себе кусок от общего блюда становился причиной постоянных волнений чревоугодников на пиру.

⁹¹ ...своей Феогнидианой. – Вторая книга Феогнида содержала бодрые дружеские песни, предназначенные для застольного общения.

⁹² ...буквы левые учил... – Следовательно, отсутствие всякой пользы от грамотности, ср.: Афиной. 571b.

⁹³ ...на комедию Аристофана «Женщины на празднике Фесмофорий»... – Вторая, ныне утраченная редакция комедии.

⁹⁴ ...и слово «изюм». – т.е. *δοταφίς* вместо *δοταφίς*.

⁹⁵ И Анаксандрид в «Ликурге»... – О связи названий рыб и даров моря с именами гетер и уподоблении последних первым подробнее см. примеч. 22 к кн. IV.

⁹⁶ ...тебя завернут в них и должным образом поджарят... – Вероятно, подразумевается, что Ульпиан запутается в изощренной беседе, как в сальнике. Популярный способ приготовления печени в сальнике сохранился на территории Италии до наших дней – так, известно тосканское блюдо *fegatello*, которое состоит из пряного печеночно-го фарша, завернутого в сальник и обжаренного.

⁹⁷ ...из чернозадых я. – Этот эпитет впервые упоминается еще у Архилоха, а затем и в «Лисистрате» Аристофана и, по лексикону Гесихия, означает «отважный», «дерзкий».

⁹⁸ ...девица фалерская... – Анчоус, основной улов Фалера, западной гавани Афин.

⁹⁹ Сириец я... – Тимьян в изобилии произрастал в Аттике, поэтому на его покупку не требовалось никаких затрат, а Пифагор здесь упоминается как самый суровый регламентатор еды. Его последователи практиковали весьма жалкий вид вегетарианства, подробнее об этом см. книгу IV (161a-f).

¹⁰⁰ Где же хлеб? – Несмотря на то что хлеб представлял собой пищу *par excellence*, т.е. был основой всякой трапезы, среди разных хлебов выделялись более и менее подходящие для пира. Так, основная хлебная дихотомия античности – хлеб ячменный и пшеничный. Ячменный хлеб был более доступен в древности, поэтому и является платоническим идеалом простоты в еде, тогда как пшеничный оказался доступным большинству гораздо позже; ср. цитату Арриана (113a) «завален город булками пшеничными». Так как все пирующие склонны к педантизму, то они упоминают многие сорта хлеба, фактически не существовавшие к их времени, – сведения о таких хлебах в основном были почерпнуты ими из редких старинных трактатов на эту тему.

¹⁰¹ О сколько западней / Для хлеба... – Скорее всего, Кинульк несколько переиначивает цитату под тему разговора.

¹⁰² ...козел, полный жира, для Скорбящей. – Хлеб часто пекли в виде различных сакральных фигурок, а козел связан с хтоническим культом Деметры во время Фесмофорий. Эпитет «Скорбящая» (Ахея/Ахена) Деметра получила из-за ежегодной разлуки с дочерью (и своей ипостасью) Персефоной-Корой, похищенной Аидом и ставшей его супругой в царстве мертвых.

¹⁰³ Печеный хлеб – скорый хлеб, приготовляемый в переносной печи-колоколе; ср. «Сатирикон» Петрония, где у Тримальхиона на пиру для пущей роскоши такой хлеб раздается из крайне не утилитарных серебряных печей.

¹⁰⁴ *Он только что ел булку-автопир.* – Здесь каламбур ἄρτον ἄρτίως («булку только что»).

¹⁰⁵ *Клянусь обеими богинями...* – покровительствующими зерну и хлебу Деметрой и Персефоной.

¹⁰⁶ *...хорошо приготовленный хлеб?* – Диоген, благодаря своему остроумию, показал, что не изменил нормам пресловутой неприхотливости киников в быту (он же питается хлебом!) и в то же время смог насладиться лакомством.

¹⁰⁷ *...выпекают для аррефор.* – т.е. для двух девушек, несущих хлеб впереди торжественной процессии на праздник Аррефорий в честь Афины Полиады (защитницы города) в Афинах.

¹⁰⁸ *...какая разница между понятиями...* – Разницы нет, первое более распространено.

¹⁰⁹ *...сынами Асклепиадов* – потомков детей Асклепия, бога врачевания, т.е. врачей.

¹¹⁰ *...облегчает дыхание...* – Возможны связи с теорией медицинской школы пневматиков, объяснявшей физиологические функции деятельностью дыхательной системы.

¹¹¹ *...раз уж речь зашла о солонине...* – Еще одна закуска, вокруг которой в классических Афинах бушевали страсти, – находились и ревнители, и противники ее. Несмотря на то что можно было найти и очень дешевую соленую рыбу, сам интерес к ней рассматривался как отступление от норм поведения в сторону изнеженности, и потому страсть к соленой рыбе высмеивается в комедиях и обличается в речах (как у Тимокла в речах против Демосфена).

¹¹² *...не так похожи на ранних тунцов.* – Несмотря на чудовищную путаницу уже у античных авторов в многообразных названиях солонины из тунца и родственных ему рыб (таких как пеламида, или бонито) разных размеров и возраста, с некоторой уверенностью можно утверждать, что ранними тунцами и тунцами-кибиями называются все-таки способы приготовления тунцовой солонины, а не виды тунца: ранние тунцы – это, если верить лексикографу Гесихию, тунцы, засоленные весной, тунцы-кибии – это «кубические», засоленные кубами куски тунца.

¹¹³ *...упоминаемую комедиографом Кратетом в пьесе «Самосцы» слоновую солонину...* – Кратет (V в.), один из основоположников Древней аттической комедии, первый снабдил свои произведения элементами фантастики и откровенной небылицы-нескладухи. Подобной техникой, слегка ее видоизменив, воспользовались и его младшие современники, в том числе Аристофан. Что касается приведенного ниже фрагмента, в нем, помимо таких очевидных сказочных мотивов, как волки в перьях, слоновая солонина и черепаха-лесоруб, присутствуют и бытовавшие тогда поверья: так, считалось, что у жителей Кеоса не было календаря.

¹¹⁴ *...хеллария имеет несколько имен...* – Скорее всего, рыба из семейства тресковых, возможно галей, она же средиземноморский налим (*Gaidropsarus mediterraneus* L.).

¹¹⁵ *...Дионисокл умолк...* – До этого говорил Дафн, и неясно, где кончается его реплика, а где начинается реплика Дионисокла; следовательно, можно предполагать лакуну в тексте.

¹¹⁶ *...всего за два оболы.* – В одной драхме шесть оболов, так что выгода получилась существенная.

¹¹⁷ *...мужского ли рода у аттиков слово «солонина»?* – Обычно в древнегреческом это слово употреблялось в среднем роде; дальше следуют примеры его употребления в мужском роде.

¹¹⁸ *...солонин.* – Имитация ломаного греческого языка иностранки, матери демагога Гипербола.

¹¹⁹ ...солонины был мертвей египетской. – Имеются в виду египетские мумии.

¹²⁰ Менандр в «Третьейском Суде»... – Первый фрагмент сейчас чаще приписывают комику Древней аттической комедии Хиониду, считая, что это строчка фрагмента комедии «Бедняки».

¹²¹ Что это / За пара скумбрий? – Пассаж направлен против Демосфена, добившегося гражданства для сыновей торговца солониной.

¹²² ...называют кетема... – Вероятно, от *κῆτος* – название произвольной громадной рыбы, часто мифологической (отсюда русское «кит»), но может употребляться и для очень крупного тунца.

¹²³ ...попросил выпить декокта... – Латинское слово (*aqua*) *decocta* – кипяченая вода, охлажденная снегом.

¹²⁴ ...гибель Фемистокла предпочтительней... – Кинульк пользуется цитатой из «Всадников» Аристофана, в которой упоминается легендарная смерть Фемистокла, вынужденного после своей блистательной победы над персами при Саламине бежать из Афин к бывшим врагам, где он через некоторое время, несмотря на роскошную жизнь, покончил с собой, принеся быка в жертву Артемиде и выпив залпом кровь, наполнившую жертвенную чашу. Бычья кровь считалась ядом; так, ставшая причиной Троянской войны Елена во фрагменте одноименной трагедии Софокла (178) говорит, что ей лучше всего было бы выпить бычьей крови и не слышать столько дурной молвы.

¹²⁵ ...слово, приносящее выгоду, не может быть плохим. – Имеется в виду «Полезная речь – так значит хороша» («Электра». 611). Хотя ожидаются неудачные стилистические примеры, Кинульк приводит здесь примеры, неудачные морально и носящие антивоспитательный характер.

¹²⁶ ...если кратеры получили свое название... – Кратеры, пиршественные сосуды из расписной керамики или серебра для смешивания вина с холодной или горячей водой в заданной симпозиархом пропорции, действительно названы словом, производным от глагола *κεράννυμι* – «смешивать». Их описание здесь несколько искажено в результате эпитомизации; ср. кратеры у Поллукса (IX. 67–70).

¹²⁷ Если человеку жарко, не прибавится ли к его жажде желание чего-нибудь горячего... – Кинульк намеренно «переиначивает» Платона, используя противоположный ему философский принцип – популярный в тогдашней медицине метод лечения «подобное подобным», здесь – в жару горячим, а в холод холодным.

¹²⁸ ...«Истории островов»... – Скорее книга называлась «История Делоса»; ср. 109е.

¹²⁹ ...виришей Араротовых / Прохладней. – Арарот, потомственный комедиограф, сын Аристофана и соперник Алексиды. Ср. аналогичные шутки гетеры Гнафены над комиком Дифилом полвека спустя (579е–580f).

¹³⁰ ...речное плавание царя Антиоха... – Протагорид описывает плавание по Нилу царя Сирии Антиоха IV Эпифана, которое тот совершил, разграбляя Египет (весь, кроме Александрии), перед своей коронацией в Мемфисе в 168 г. до н.э. *Гидрии* – большие сосуды для воды; были нужны для вылазок в пустынные области Египта. На обратном пути Антиох спровоцировал восстание Маккавеев, заставив построить в Иерусалиме храм Зевса Олимпийского.

¹³¹ ...внесли пирог из молока, лепешек и меда... – Подобный пирог, *πλακοῦς*, в котором слои теста перемежаются слоями мягкого сыра с медом, в Риме обычно назывался тем же слегка латинизированным словом *placenta*; архаический рецепт его III в. до н.э. сохранился в трактате Катона Старшего «О земледелии» (76), а рецепт римского жертвенного пирога *libum* по Катону (75) меда не содержит вовсе – это простая лепешка из

сыра, муки и яйца. Правда, четыре века спустя незамысловатая жертвенная лепешка вполне могла видоизмениться в роскошное сладкое лакомство.

¹³² ...твоих соотечественников Санхуниатона и Мох... – Ульпиан, родом из финикийского Тира, не единственный выходец оттуда, известный в эллинистическом мире. Полулегендарный финикиец Санхуниатон, как считалось в античности, жил до Троянской войны и от верховных финикийских жрецов приобрел эзотерические познания о мире, которые и воплотил затем в своем труде о космогонии (сотворение богов и животных, человеческие жертвоприношения и пр.). Предполагалось, что этот трактат был переведен на греческий Филоном из финикийского Библоса в I в. н.э., отрывки этого перевода сохранились в трудах Евсевия Кесарийского. Мох имеет так же мало отношения к истории, как и Санхуниатон, – судя по всему, Мох описывал финикийские представления о мире, от которых в упоминающих его греческих авторах сохранилось в основном то, что мир родился, когда мировое яйцо разбилось и распалось на две половинки: небо и землю.

¹³³ ...не стану же я называть ложку... – Мистила и мистрон сначала представляли собой ломти хлеба, используемые для зачерпывания и поедания соусных и полужидких блюд (ср. дальше у Никандра в переложении Эмилиана: «...ешь ее полыми мистрами»), но к IV в. до н.э. появились металлические ложки, которые унаследовали от этих ломтей как название, так и функцию.

¹³⁴ ...«убог ведь я и немощен». – Стих неизвестного автора.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

¹ ...Линкей описывает пир... – Линкей (см. статью и первое полное издание фрагментов Линкея: *Dalby A. Lynceus and the Anecdotists // Athenaeus and his world / Ed. by D. Braund and J. Wilkins. University of Exeter Press, 2000. P. 372–394*), малоизвестный писатель III в. до н.э., оставил след сразу в двух новых литературных жанрах, появившихся вместе с эпохой эллинизма. Переписка Линкея с Гипполохом, а также с Посидиппом, Аполлодором и другими современниками (см.: Афиней. IX. 401f; XI. 652c etc.) – самая ранняя известная нам безусловно подлинная литературная переписка, в отличие от знаменитых, но признаваемых ныне большинством ученых поддельными писем Гиппократа, Платона, Исократа, Демосфена и тем более Сократа. Именно во времена Линкея возник литературный интерес и мода на частные письма, что обеспечило его трудам и трудам его корреспондентов жизнь в книжных лавках и библиотеках античности как минимум до II в. н.э., времени создания «Пира мудрецов». Другой вклад Линкея в литературу – письменная фиксация вслед за знаменитым софистом Каллисфеном и философом Клеархом из Сол исторических анекдотов (ἀποφθέγματα или ἀπομνημονεύματα), существовавших прежде в устной традиции. Их героями могли быть как Великий Александр, так и знаменитые параситы, гетеры, прославившиеся не только своей красотой, но и остроумием, и т.д. Афиней цитирует Линкея в обоих его литературных ампула, а чуть дальше (131f) приводит и необычный отрывок из пьесы Линкея «Кентавр», которую современные исследователи (на основании перемены ролей повара и участника пира – именно повару, а не участнику пира свойственно сыпать гастрономическими наставлениями в Средней и Новой аттической комедии) относят скорее к жанру пьесы для чтения, а не к обычной комедии, так что и здесь Линкей оказывается «новатором».

² ...на медных блюдах коринфской работы... – Бронза коринфской выделки, с добавлением в сплав не только общепринятого цинка, но и золота и серебра (для создания необычной цветовой игры), была самой дорогой и изысканной бронзой в античности (подробнее см.: Плиний. XXXIV. 1–10), так что присутствие подобной бронзовой посуды на пире в таком количестве – еще один показатель его близкой к варварской (все же Македония!) роскоши.

³ ...а также кур... – В дальнейшем перечисляются самые общеупотребительные в античной кухне птицы: курица (ὄρνις – *Gallus domesticus*) и утка (ἄνασσα – *Anas domestica* от *Anas platyrhynchos*), гусь (χίην – *Anser domesticus* от *Anser anser*), вяхирь (φάσσα – *Columba palumbus*), голубь (περιοιτέρα – *Columba livia domestica*), горлица (τρουγών – *Streptopelia turtur*), куропатка (πέρδιξ – *Alectoris graeca*, а в Италии еще и вид *Perdix perdix*), дрозд (κίχλη – *Turdus pilaris* или *Turdus viscivorus*), черный дрозд (κόσσυφος – *Turdus merula*), винноградник-славка (σικαλλίς – чаще всего разнообразные представители рода *Sylvia*). Из них уже до Гомера были одомашнены гуси, затем голуби и утки, а курица, пришедшая в Европу с Востока лишь несколько веков спустя, считалась экзотической птицей еще во времена Аристофана. Остальные птицы чаще оказывались на столе в результате удачной охоты, хотя порой их и разводили (в особенности это касается голубей). В римской кулинарной книге Апиция встречаются рецепты, использующие все вышеперечисленные виды птиц, кроме черного дрозда.

⁴ ...брюхо, набитое лакомствами... – Подобное приготовление свиньи для праздничного пира было популярно и позже, как у греков, так и у римлян; ср. рецепты у Апиция («поросенок по-огородному» с начинкой из 18 компонентов. Апис. 380) и Макробия (III. 13. 13 «троянская свинья»). О правомерности исправления английского филолога П.П. Добре (1782–1825) рукописного «матки» на «утки» можно судить по сохранившимся рецептам: с одной стороны, матки – деликатес, совершенно закономерный в сочетании с дроздами и устрицами, с другой – это слово стоит в тексте между двумя названиями птиц, а в апициевском рецепте для фарширования поросенка используется именно три вида пернатых (курица, к тому времени как раз ставшая общеупотребительной и отеснившая популярное ранее утиное мясо на второй план, и те же дрозды и винноградники).

⁵ ...золотые ложки... – Показатель того, что козленок был отварен и подан в соусе, иначе бы его ели руками, как и все остальное. Отваривание в соусе – распространенная кулинарная технология, существовавшая как в греческой, так и в римской кухне; ср. рецепты козленка и поросенка, приготовленных в соусе у Апиция (Апис. 366 и 377).

⁶ ...в афинских горшечных празднествах... – Имеется в виду третий день Анфестерий, празднеств в честь Диониса и душ умерших, проходящих в Афинах ежегодно с 11-го по 13-й день месяца анфестерион (февраль–март). В первый день, «открытия пифосов», пробовали молодое вино, во второй, «кувшинный», пили вино прямо из кувшинов, молча и не обмениваясь тостами, причем вино, как и еду, приносили на пир с собой (считалось, что этот обычай воспроизводит то, как афинский царь принимал у себя Ореста, еще не очистившегося после убийства матери), в третий, «горшечный», день душам умерших и Гермесу Хтонию, чтобы их умилизовать, готовили плоды земли в горшках. Все это сопровождалось характерными театрализованными представлениями. Завершался праздник кличем: «Изыдите, Керы, нет больше Анфестерий!».

⁷ ...а с ними фаллоносцы... – Одна из «труп», выступавших на дионисийских празднествах в масках пьяниц (итифаллы); подробнее о них и о фаллофорах см. выдержки из Сема Делосского в книге XIV, 622a-d.

⁸ ...*подогретым крепким вином...* – Лесбосское, фасосское и мендейское (с Халкидики) вино наряду с не упомянутым здесь хиосским – общепризнанно считались лучшими греческими винами античности. Эти вина не только имели каждое свою неповторимую индивидуальность (например, фасосское – с легким яблочным ароматом), но еще и становились насыщеннее (отсюда эпитет «более несмешанное, крепкое») и благороднее с возрастом, как и современные великие вина.

⁹ ...*оправленное серебром стеклянное блюдо...* – Подобное блюдо в III в. до н.э. (когда и происходит описываемый пир) имело особую ценность, так как в то время еще не были известны стеклодувные технологии (около I в. до н.э.), – посуда из стекла (как правило, прессованного, производимого в Египте) была в диковинку.

¹⁰ ...*каппадокийскими булками...* – Лучшие пекари, как уже упоминалось в предыдущей книге, – каппадокийцы (112с), соответственно и их хлеб (113b) выше всяких похвал и уместен на столь роскошном пиру.

¹¹ ...*эриманфских вепрей...* – т.е. громадных; аллюзия на четвертый подвиг Геракла, поимку гигантского дикого кабана с горы Эриманф, который опустошал окрестности.

¹² ...*тимьянами, руколами...* – Гипполох, будучи македонцем, не слишком изыщно пишет по-гречески, и это как раз один из примеров стилистической несообразности; так, у Феофраста в «Истории растений» названия этих пряных трав (*Thymus vulgaris* L. и *Eruca sativa* Lam.) встречаются неоднократно, но ни разу не употребляются во множественном числе, как здесь. Кстати, приверженность к тимьяну – еще один показатель скудости и примитивности афинских вкусов; ср. того же Феофраста о деревенщине: «...тот, кто провозглашает, что мирра пахнет ничуть не приятнее, чем тимьян» («Характеры». 4.3).

¹³ ...*листогрызы...* – Намек на преобладание в рационе греков бедняцкой растительной пищи – капусты, диких трав и пр.

¹⁴ *Верблюда преподнес...* – Скорее, топос («блюда из экзотических животных»), чем истинная реалья роскошного пира у персидского царя (по титулу – великий царь). Приготовление блюда из верблюда приписывали позже и Апицию (см.: Лампридий. «Гелиогабал». 20. 5), но среди сохранившихся рецептов оно не встречается.

¹⁵ *Она зовется уткой.* – Вероятно, подразумевалась игра слов φέναξ «врун» и φοῦνιξ – мифическая восточная птица феникс, впервые упомянутая еще у Геродота. Однако, если шутка имеет под собой реальные основания, вполне возможно, что здесь имеется в виду фламинго, φοῦνικόπττερος (*Phoenicopterus ruber*), упоминаемый тем же Аристофаном в другой комедии («Птицы». 273). На роскошном пиру той эпохи фламинго был бы экзотикой, хотя у Апиция приводится несколько рецептов его приготовления (Apic. 232, 233).

¹⁶ *Маслоеды...* – Употребление сливочного масла в пищу в противоположность оливковому было признаком варварства соседних народов (фракийцев, скифов, галлов); это одно из излюбленных противопоставлений греков при контрастной самоидентификации и делении на «мы» и «они». Сами греки сливочное масло использовали в основном в медицинских целях (у Галена, например, оно входит в состав многих снадобий, в частности, рекомендуемых при опухолях).

¹⁷ ...*луковиц-бульб...* – Речь идет о луковицах мускари (*Muscari comosum* Mill.), повседневной греческой пище наряду с луком и чесноком; что касается гекатомбы (изначально праздничная жертва из ста быков, потом – любая большая жертва), то она «устроена» либо из осьминогов, либо, что реальней для Фракии, при условии метрической гаплогонии (πολυπόδων вместо πολυπόδιον, – как немногим дальше, в описании пра-

вильного пира, πολυλῦποδεῖων вместо πολυλῦδων), из растения многоножка обыкновенная или сладкокорень (Polypodium vulgare L.), обладающего в основном медицинскими качествами (эффект слабительного), весьма широко применяемого в античности, так что оба примера служат показателем того, что описываемое свадебное торжество нельзя назвать роскошным.

¹⁸ *Мой сотрапезник...* – Столики на пирах приносили к ложа, на которых пирующие возлежали по двое.

¹⁹ *Кандавл* – блюдо знаменитой своей роскошью лидийской кухни (подробнее см. XII. 516с–517а), по одной из версий, готовилось из отварного мяса, тертого хлеба, фригийского сыра, укропа и жирного соуса или бульона.

²⁰ *О как я рвусь...* – Пародия на «Ипполита» Еврипида (219).

²¹ *Муза, скажи мне про тот многохлопотный ужин, которым...* – Единственный стих, при переводе которого пародировался перевод В.А. Жуковского (Од. I.1), дальше даются только ссылки на переиначенные Матроном стихи Гомера, так как иллюстрировать каламбуры Матрона при помощи русских переводов Гомера – задача невозможная (примеч. переводчика).

²² *...Тритона подруга...* – Здесь и далее Матрон прибегает к шуточному обожествлению наиболее известных рыб. Если анчоус – подруга морского божества Тритона, то каракатица – сереброногая дочь Нерее Фетида, мать Ахилла, морской угорь – Титий, великан, посягнувший на честь Латоны и за это растянутый в Аиде на 900 стоп (вот и угорь лежит здесь на 9 столах), озерный угорь (самый высоко ценимый деликатес) сочетается браком с Зевсом и т.д. Конечно, у Матрона подобная «героизация» – дань гомеровскому стилю, тем более, что его «Афинский пир» – практически полный (за исключением названий рыб и различных блюд) центон. Тем не менее главный объект насмешки здесь, разумеется, не Гомер, а нечто гораздо более приземленное – фанатичная, доходящая почти до религиозных порывов, страсть афинян к рыбе, которая была настолько всепоглощающей, что перекрещивалась с любовными переживаниями: к рыбам, столь желанным, но столь дорогостоящим, нередко относились, как к ветреным гетерам, а многие гетеры подогревали страсти своих поклонников, нося прозвища рыб; см. фрагмент Антифана из «Приверженцев фиванцев» (169с). Подробнее об этом см. книгу Джеймса Дэвидсона «Куртизанки и рыбные лакомства» (Davidson J. Courtesans and fishcakes: The consuming passions of classical Athens. L., 1997).

²³ *...лишь она различает белое с черным.* – Имеется в виду каракатица, выпускающая чернильную жидкость при бегстве от преследователей.

²⁴ *...свиней-водохлабов.* – Игра слов: Гиадами греки называли скопление ярких звезд в созвездии Тельца, их предутренние заходы и восходы совпадали с периодом осенне-весенних дождей, поэтому их имена некоторые в античности возводили к ὕω («проливаться дождем»), однако другие производили от ὕς («свинья»), а «свиньей» у греков также называлась одна из до сих пор не идентифицированных средиземноморских рыб.

²⁵ *«...ячменное тесто месили».* – Этого стиха у Гомера нет.

²⁶ *...два пира: один в Ликее, другой в Академии.* – Один из самых знаменитых философов-стоиков Хрисипп здесь показывает отсутствие истинно философского отношения к жизни в старых философских школах: как в платоновской Академии, где философы с удовольствием обедают, но для сокрытия этого с пристрастием (как члены коллегии 10 жрецов-надзирателей за правильностью совершения обрядов) следят за тем, в какой посуде подаются блюда, чтобы не было чуждых излишеств, – так и в аристотелевском Ликее, где философы, напившись обедом, возмущаются изысками (вполне

обычными: с соленой рыбой было связано немало блюд-имитаций) повара и считают нужным выпороть его, чтобы доказать всем окружающим свою неприхотливость в еде.

27 *...заставляешь этих людей угощаться...* – Речь идет о закуске, *ῥῆον*. У древних греков этим словом называлось все, что сопровождало и приправляло «основную еду», еду для насыщения *οἶτος*, т.е. хлеб и его разновидности. В античности считалось, что это слово восходит к глаголу *ῥῆω* – «варить» (современные этимологи опровергают это и говорят об отсутствии удовлетворительной этимологии для этого слова; см. словари Фриска и Шантрена). Тем не менее в классические времена для жителей Афин самым желанным *ῥῆον* была рыба и дары моря, из-за страсти в первую очередь к этим продуктам людей называли «опсофагами» («пожирателями закусок»). От слова *ῥῆον* через уменьшительное *ῥῆριον* произошло даже современное греческое *ψάρι* – «рыба». Сократ как противник чревоугодия (см.: Ксенофонт. «Воспоминания о Сократе». 3, 14, где Сократ заводит дискуссию на тему «кого можно назвать опсофагом» – правильный ответ: тот, кто ест закуски и совсем не ест хлеба) предлагает в качестве дополнения к хлебу самые простые и невдохновляющие добавки, к тому же относительно соответствующие общепринятой этимологии *ῥῆον*. Другие лакомства-закуски – *τραγήματα* – традиционно сопровождают вино после окончания основной трапезы, но и для них Сократ выбирает самые скудные и простые продукты; ср. в третьей книге мнение гастронома Архестрата о подобном выборе закусок и его собственный выбор (101d).

28 *...палатку с разноцветными занавесями...* – Во времена Перикла по этой модели в Афинах был построен первый Одеон, закрытый и камерный концертный зал-театр (см.: Павсаний. I. 20. 4), увенчанный конической деревянной крышей.

29 *...после общей трапезы в фидитии...* – Совместная трапеза всех совершеннолетних спартанцев-граждан мужского пола и место ее проведения.

30 *...Аполлону...* – Невольному убийце Гиацинта.

31 *...потому что продаются под утро...* – По другой версии, молочные поросята были так названы спартанцами в отместку за то, что сикионский тиран Клисфен из рода Орфагоридов (ок. 600 – ок. 570 гг. до н.э.) дал трем дорийским филам (спартанцы собственно относились к дорийскому населению Греции) унижительные имена, связанные со свиньями, ослиами и поросятами (см.: *Берве Г.* Тираны Греции. Ростов-на-Дону, 1997).

32 *...девять дней.* – Здесь, по-видимому, оканчивается цитата из Дидима, начатая в 139d.

33 *...до царя Клеомена...* – Клемен III (272–220 гг. до н.э.), вступил на престол около 235 г. до н.э.

34 *...возлегал вместе с братом...* – Греческие ложа, в отличие от римских триклиниев на 3–4 человек, как правило, были рассчитаны на двоих.

35 *...едят крытые сидя...* – В противоположность античному обычаю возлежать во время пира.

36 *Обеденных яств у них немного...* – Подразумевается, что персы изнежены и почти не едят «основную еду», хлеб, а ведут жизнь опсофагов (см. примеч. 27 к кн. IV), поглощая одно лакомство за другим не из-за голода, а из-за своего чревоугодия.

37 *...обсуждают во хмелю.* – Здесь речь идет о ритуальных оргиях, а не о бытовых попойках. Согласно «Авесте», опьянение персов некоей «златоцветной хаомой» дарует «всестороннее знание».

38 *...пролилась вода.* – Далее см. 409е.

39 *...она купила роз на целый талант...* – Топос утопания в роскоши, но одновременно и весьма семантически нагруженное действие. Роза – цветок античности *par excellence*,

совмещающий в себе семы роскоши (высокая цена), царственности (порфира), смерти (быстрое увядание), дионисийского начала (была посвящена Дионису-Либеру; см.: Овидий. «Фасты». V. 344), так что неудивительно, что сразу после этого описания идет история Антония-Диониса. Поздние римские императоры II–III в. н.э., такие, как Гелиогабал, Галлиен и пр., также засыпали все вокруг розами, пытаясь перещеголять друг друга в расточительности (см.: «История августов», *passim*).

⁴⁰ ...по своему предназначению... – Тут смешиваются две этимологии: ложная – «обычай ячменных лепешек» (от слова «закон» – νόμος) и истинная – «распределитель ячменных лепешек» (от «распределять» – νέμω).

⁴¹ ...из страха перед ночной дорогой. – Чтобы кормить подвластных Гекате злых духов в обличье псов или ее ипостаси в том же обличье (Eustath. II. 728.18).

⁴² ...против Оха, царя персидского. – Прозвище Артаксеркса III (правил с 359/358 по 337 г. до н.э.).

⁴³ ...поставить огромные котлы и наполнить их разным мясом. – Возможно, неправильно истолкованная Филархом процедура кельтского ритуала; ср. средневековое ирландское представление о неистощимом котле изобилия Дагда, принесенном в Ирландию племенами богини Дану.

⁴⁴ ...сочинивший свою «Историю»... – Знаменитому стоику принадлежало немало исторических и географических сочинений, в том числе «История после Полибия» в 52 книгах.

⁴⁵ ...внутреннего и внешнего моря... – Средиземного моря и Атлантического океана.

⁴⁶ ...приправляя ее солью, уксусом и тмином... – Подобный рецепт запеченной рыбы с использованием семян кориандра вместо тмина сохранился в римской кулинарной книге (Apic. 437).

⁴⁷ ...или Массалии... – Марсель на юго-востоке современной Франции, колония фокейцев, основанная около 600 г. до н.э., ближайшее винодельческое соседство кельтов. В Греции и Риме дешевое массалийское вино, подвергаемое «старению» дымом, особой популярностью не пользовалось (см. эпиграммы Марциала X. 36 и XIII. 123); но кельты были не столь утонченными ценителями вина, хотя, по преданию, именно страсть к неведомому им ранее вину заставила их сначала пойти войной на Рим, а затем осесть на римских границах.

⁴⁸ ...во второй книге «Истории Индии»... – Эта книга была написана Мегасфеном по наблюдениям за экономической и административной жизнью индийского государства Чандрагупты, в котором он провел пять лет как посол Селевка в IV в. до н.э.

⁴⁹ У кампанцев иногда устраивают поединки во время пиров. – Ср. впечатления Горация от его поездки по Южной Италии и шутовского поединка на пиру, представленного для его развлечения («Сатиры». I. 5, 52sq.).

⁵⁰ ...погребение царя и царицы... – Это были государственные похороны слабоумного сына Филиппа II и сводного брата Александра Македонского Арридея (после смерти Александра он некоторое время правил в Македонии как Филипп III при малолетнем сыне Александра Александре IV) и навязанной ему жены, его племянницы и внучки Филиппа II, Эвридики. Оба они были убиты по приказу Олимпиады (матери Александра Македонского) в 317 г. до н.э., после того как Эвридика отказалась от ставленника Олимпиады Полисперхонта и назначила в регенты Кассандра. Ее мать Кинна была убита еще одним союзником Олимпиады, Алкетом, будущим царем молоссов, эпирских соседей Македонии, который впоследствии противостоял Кассандру. Все трое были похоронены в царской гробнице в Эгах.

⁵¹ ...как те славные философы... – Вероятно, подразумевается иудейский или христианский обычай, хотя речь могла идти и об одной из сект, например неопифагорейского толка.

⁵² ...отхлебни чабера... – Здесь имеется в виду способность чабера (род *Satureja* L., по-немецки, кстати, так и называется *Bohnenkraut* – «бобовая трава») при сочетании с бобовыми смягчать обычные негативные побочные эффекты от их употребления: образование избыточных газов в кишечнике и пр.

⁵³ ...«омывальная». – т.е. поданная перед началом или после окончания пира.

⁵⁴ ...наливалась за нею другая. – Видоизмененная пословица про Данаид, обреченных вечно наполнять мгновенно пустеющий сосуд.

⁵⁵ ...этих... чечевиц. – Вместо «бед»; пародия на «Медео» Еврипида (332): игра слов φαῖῶν вместо καῖῶν, как и в следующей цитате.

⁵⁶ Это же губан священный... – Сапердида (σαπέρδης – рыба из мелких тунцовых или ставрид), как уже упоминалось раньше, – малоценная рыба: как правило, ее подают засоленной (отсюда и специфический запах), ср. цитату из Архестрата в третьей книге (116f). Губан священный (так как в море он распугивает все другую рыбу даже большей величины, чем он сам) – ἀνθίας – до сих пор не идентифицированная рыба (возможно, осетр или один из тунцовых, но никак не губан), а вот дрозды – χίχλη – в действительности один из видов губанов. В результате игра слов: ставрида, конечно, не благородный ἀνθίας, но при ее появлении губаны или дрозды (а значит и надежды на более роскошные блюда) исчезают.

⁵⁷ ...ахейцы у него не едят рыбы... – Излюбленный философский вопрос античности – почему герои Гомера не едят рыбу; об этом же см.: Платон. «Государство». 404b–405a; Плутарх. «Застольные беседы». VIII. 8. На самом деле рыба была вне сакрального контекста, ее почти никогда не приносили в жертву и потому ее можно было есть в любое время, в зависимости от своих желаний, а не общественных норм. Рыба – предельно частное и индивидуальное угощение и потому не может открыто фигурировать в идеальном героическом контексте.

⁵⁸ ...трех законных способов. – Три самых распространенных способа самоубийства в античности: заколоться, удавиться или прыгнуть с высокой скалы. Никион продолжает свою мысль, игнорируя ответ Карнея.

⁵⁹ ...водительствующей части души... – Выражение (τὸ ἡγεμονικόν), заимствованное стоиками у Платона.

⁶⁰ ...пародист факиец... – Вместо «пафиец» (от φαῖός – «чечевица»).

⁶¹ ...чечевичный хлеб глотать. – Родос славился чечевичными хлебцами.

⁶² ...голосят даже при смерти... – Ср. письма Сенеки (115. 14–15):

«Превыше блага для людей, чем деньги, нет:
Ни наслаждение матери, ласкающей
Детей, ни отца опека не сравнится с ним.
И если лик Венеры так же сладостен,
Ее недаром любят боги и смертные.

(15) Когда последние слова были произнесены, все зрители, как один, вскочили, чтобы прервать трагедию Еврипида и прогнать актера, – и тогда сам Еврипид вышел на сцену и попросил их подождать и посмотреть, чем кончит этот поклонник золота. Беллерофонт в этой драме поплатился карой, как и любой из нас платится в своей драме.

⁶³ ...«конха»... – Блюдо, которое существовало и в Риме под названием «конхис» (ср.: Ювенал. III. 293; XIV. 131; Марциал. VII. 78; XIII. 7), а затем «конхикла» (conchis и conchi-

cla), – особый вид каши из бобовых (изначально в стручках, а позже и лущенных), под которую даже существовал горшок-«конхиклар» (conchiclaris; см.: Apic. 199). Кинульк здесь, вероятно, провоцирует Ульпиана и остальных ученых мужей, специально представляя слово *κόνιχος* в мужском роде, хотя по приведенной им далее цитате оно женского рода.

⁶⁴ *Лакомство Лидии дальней...* – Карика (*καρίκη*), пряная мясная похлебка-соус на основе крови.

⁶⁵ *«Мирра в чечевичную похлебку»...* – О бессмысленной или показной роскоши на пустом месте.

⁶⁶ *...Варрон, прозванный Мениппейцем...* – Менипп (III в. до н.э.) – философ-киник, создавший немало не дошедших до нас иронических произведений и оказавший большое влияние на эллинистическую литературу как в Греции, так и в Риме. В качестве формы он избрал *ποικιλόμετρον* – смесь прозы со стихотворными строфами различных размеров. Варрон (I в. до н.э.), вдохновившись его трудами, написал свои «Менипповы сатиры» в той же форме, сочетая поэзию и прозу, и получил прозвище Мениппейца. О содержании произведений Мениппа можно получить представление по Лукиану, который развивал его сюжеты, такие, например, как путешествие на небо («Икароменнип»).

⁶⁷ *...по словам из «Галатов»... пленников поджаривать...* – Галаты – один из кельтских народов, вторгшийся в Малую Азию в III в. до н.э. во время кельтской экспансии. Обычай сжигать людей на кострах в жертву богам, вероятно, был общей кельтской традицией; ср. описание галльских обычаев у Цезаря («Записки о галльской войне». IV. 16).

⁶⁸ *...наследнику Зенонову...* – Зенон (IV–III в. до н.э.) – основатель стоической школы, учившей превозмогать земные чувства и ощущения; по его учению, мысль человека должна справляться с любыми аффектами, будь то удовольствие или боль.

⁶⁹ *«Персей, Зенонов домочадец»...* – Игра слов: *Κίτιεύς* – «китиец» и *οἰχτιεύς* – «раб, рожденный в доме господина».

⁷⁰ *А ищут на прогулках и в собраниях / Разумное, как бы раба сбежавшего.* – Буквально: «в перипатетике и диатрибах»; о «сбежавшем рабе» ср. 103d.

⁷¹ *...с часами носиться.* – Смысл неясен; возможно, трезвенник бережет масло и потому постоянно смотрит на его уровень, тем самым создавая о себе у окружающих впечатление делового человека с клепсидрой, водяными часами, но не принося обществу никакой пользы.

⁷² *...Диодор... ввел в моду длинные бороды...* – Ср. латинскую поговорку «борода не делает философом» (*barba philosophum non facit*) и слова Авла Геллия (XIII. 8) о ложных философсах, прикрывающихся бородой и плащами.

⁷³ *Геракл же, схватив кулинарную книгу...* – В очередной раз задействован комический топос обжорства Геракла (ср.: Аристофан. «Лягушки»); «реальный» повар-трагик – комическое травести персонажа повара-комика, без которого, как правило, не обходилась Средняя и Новая аттическая комедия (о роли повара в комедии см.: Berthiaume G. *Les rôles du mageiros*. Leiden, 1982).

⁷⁴ *...фасосская буря...* – Имеется в виду сам создатель язвительных ямбов Архилох, который некоторое время жил на Фасосе.

⁷⁵ *...царь Антигон...* – Имеется в виду Антигон II Гонат, сын Деметрия Полиоркета и внук Антигона, диадоха Александра Македонского (319–239 гг. до н.э.). В юности учился у основателя стоического учения Зенона и, воцарившись на македонском престоле, звал его к своему двору, но тот прислал вместо себя упомянутого выше «домочадца» Персея, который стал воспитателем его сына, а позже (244 г. до н.э.) комендантом Ко-

ринфа. Событие, о котором идет речь, произошло вскоре после капитуляции Афин в Хремонидовой войне (263–262 гг. до н.э.).

⁷⁶ *...назначил его фесмофетом.* – Традиционно фесмофетами в Афинах назывались шесть архонтов, не имевших постоянного круга полномочий; они избирались жребием по одному от каждой филы. Здесь, однако, идет речь о прямом вмешательстве в афинскую конституцию, что могло иметь место между 262 и 255 гг. до н.э., поэтому термин «фесмофет» здесь нельзя употреблять в своем обычном значении. В Деметрии Младшем следует видеть царского эмиссара, наводившего «порядок». См.: *Хабихт Х.* Афины... М., 1999. С. 153 (*примеч. переводчика*).

⁷⁷ *...возле герм помост выше самих герм.* – Изображения Гермеса, стоявшие в ряд на афинской агоре. Во время Панафиней перед ними проходила праздничная процессия.

⁷⁸ *...именно на это он истратил наследство...* – Считается, что целью сочинения Демокрита было опровергнуть философско-религиозное учение о воскресении или выходе из гробов мертвых, о загробной жизни и муках ада, страшном суде. В пользу такого предположения о содержании этой книги говорит уже само заглавие сочинения, которое у Демокрита может иметь только смысл полемики и пародии на одноименную египетскую книгу. См.: *Лурье С.* Демокрит. Л., 1970. С. 560 сл. (*примеч. переводчика*).

⁷⁹ *...неразбавленным вином...* – Прозаическое продолжение поэтической цитаты; ср.: Аристофан. «Облака». 1276.

⁸⁰ *...три главы, как Артемиды...* – Речь идет о трехликих изображениях Артемиды или Гекаты, которые стояли на перекрестках.

⁸¹ *...некоего Апикия...* – Апикий (Апиций), виновный в изгнании Рутилия (93 г. до н.э.), жил несколько раньше предполагаемого автора кулинарной книги и мота-чревоугодника (I в. н.э.).

⁸² *...победу в конных состязаниях...* – Эти состязания (апобаты) представляли собой сочетание бега с конскими бегами: по условленному знаку состязавшиеся на полном ходу соскакивали с коней (или прыгивали с колесницы) и на заключительной части дистанции из наездников превращались в бегунов.

⁸³ *...губит твою победу...* – Яснее передает эту историю Плутарх («Фокион». 20): «Когда... многие вылезали устроить пир в честь его победы, Фокион, отказав всем прочим, предоставил это почетное право лишь одному. Сам он тоже явился на пир и, увидев среди иного убранства тазы для омовения ног, которые наполняли вином, смешанным с благовониями, и подносили входящим, подозвал сына и сказал: «Неужели, Фок, ты не остановишь своего приятеля? Ведь он губит твою победу!»»

⁸⁴ *...Каллия, сына Гиппоника...* – Мы так ничего особенного и не узнаем о Каллии, хотя личность он был знаменитая и происходил из одного из самых богатых афинских семейств: его мать была второй женой Перикла, а сестра стала супругой Алкивиада. Платон и Ксенофонт уважали Каллия, а комики высмеивали его как промотавшего отцовское имущество.

⁸⁵ *Стратоник* – возможно, знаменитый кифарист и шут IV в. до н.э.

⁸⁶ *Займет весь стол он, благородный.* – Речь идет о горшке из эвбейской глины («благородный» – εὐγενής – намек на название острова Εὐβοία) с мыса Карист (южная оконечность Эвбеи); об эвбейских кастрюлях см. 135е.

⁸⁷ *...ситтибом...* – Говорящий соревнуется с педантом, используя малоизвестные слова, и прибегает к первому попавшемуся (σῖττιβος – кожаный ярлык, наклеивавшийся на свиток).

⁸⁸ *В кастрюлю... душицы положи...* – Здесь для приготовления соуса берется новая глиняная кастрюля, не впитавшая еще посторонние запахи предыдущих блюд (ср. по-

добные рекомендации у Апиция, например: Apic. 71), растертая душица (τῆς δριγάνου... τὸ τρίψα) разводится уксусом и подкрашивается уваренным виноградным соком (сходная кулинарно-красительная технология применялась и в римской кухне; ср.: Apic. 73, 212, 214, 282), затем все это размешивается сильфием, скорее всего стеблем этой благоуханной ферулы, так достигаются две цели одновременно: однородная консистенция и дополнительная ароматизация (о размешивании соуса ароматическими травами см.: Apic. 148, 225, 346).

⁸⁹ ...называется *obsonator*... – Латинское образование от греческого ὀψωνοῦμαι – «закупать закуски» (ὀψων).

⁹⁰ ...во второй книге... – По нынешней традиции в первой книге (I.5.2); разбивка на книги у многих античных авторов отличается от современной.

⁹¹ ...стихах из «Клеобулин»... – Цитата утеряна; Клеобулина писала загадки и была дочерью Клеобула, одного из семи мудрецов.

⁹² ...«молодой и старый день»... – Буквально «молодая и старая» (луна), последний день каждого месяца.

⁹³ ...зовусь я *Дорпией*. – Так назывался первый день (от δόρπον – «обед») осеннего празднества Апатурий (в месяц варки бобов Пианепсион, октябрь-ноябрь), в который афиняне заносили своих достигших совершеннолетия сыновей в списки граждан.

⁹⁴ ...в архонтство Кефисодора... – Соответствует 323–322 г. до н.э., упоминаемый совет, вероятнее всего, Ареопаг. *Параситы* здесь – коллегия жрецов, обедающих за общественный счет, см. 234с.

⁹⁵ *Сегодня повар пирожков наделает*... – Противостояние между поваром и пекарем и отсутствие в их работе взаимозаменяемости сохранялось до конца античности, ср. возникую в V в. н.э. поэму «Словопрение повара и пекаря» (Iudicium coci et pistoris: Untersuchungen zur Anthologie des Codex Salmasianus, vorgelegt von A. J. Baumgartner von Rapperswill. Baden, 1981). Впрочем, различие поварской и пекарской профессии прослеживается и в эпоху Возрождения (тогда повара изучали химию и биологию, а пекари – живопись и архитектуру) и далее – вплоть до наших дней.

⁹⁶ ...поэме «Погребальные игры»... – Имелись в виду погребальные игры в честь Пелия, царя фессалийского Иолка, пославшего своего племянника Ясона за золотым руном.

⁹⁷ ...поныне некоторые из них прозываются... – Среди этих «шуточных» имен есть несколько засвидетельствованных эпиграфически, например Агнец (Ἄμνος) и Кухарь (Ἀρτυσίλεως). Однако, хотя в основе этого текста мог действительно лежать принятый делосцами подлинный декрет о необходимом гостеприимстве, предоставляемом паломникам, красочные наслоения в духе средней и новой аттической комедии не дают возможности с уверенностью говорить об этом.

⁹⁸ ...на стоянке вечной в гавани... – Конъектура Кока: «заживо съев груз вместе с обоими кораблями».

⁹⁹ *Ножей ли тетка, чрево рассекающих?* – Аллюзия на каламбур дельфиец/дельфийский (Δελφός) и чрево (δελφύς).

¹⁰⁰ ...водяного органа... – Инструмент, распространенный в эпоху римской империи. Его функционирование описано Героном («Пневматика». I. 42) и Витрувием (X. 13). Сохранился один экземпляр этого инструмента, датированный 228 г. н.э.

¹⁰¹ ...изобретение александрийца, цирюльника по профессии, а по имени *Ктесибий*. – Иначе говорится у Витрувия (IX. 9. 2): Ктесибий упоминается Витрувием лишь как автор, рассказывавший в своем сочинении об изобретении органа; изобретателем же Ктесибий называл некоего механика, жившего в Александрии при Птолемее II

(283–247). Об этом механике, который, возможно, помимо водяного органа изобрел также водяные часы, брендспойт и дальнобойные орудия см.: *Fraser P.M. Ptolemaic Alexandria. Oxford, 1972. Vol. I. P. 431f; Vol. II. P. 622f.*

¹⁰² ...*орган похож на круглый алтарь*... – См.: Витрувий. X. 8. 2.

¹⁰³ *Птолемей Эвергет II* – Птолемей VIII Эвергет II Фискон; см. 43е.

¹⁰⁴ ...*как утверждает Ксенофонт*... – Возможно, имя Ксенофонта названо здесь ошибочно; форма дательного падежа, в которой стоит в греческом оригинале слово *гинграс*, указывает на поэтический источник (возможно, Ксенофан?).

¹⁰⁵ ...*причитаний по Адонису*... – Описание культа Адониса см.: Феокрит. XV. 112 сл.; Аристофан. «Лисистрата». 389 сл.

¹⁰⁶ ...*вы, финикийцы*... – Ульпиан происходит из Тира.

¹⁰⁷ *Набл* – струнный инструмент финикийского или иудейского происхождения.

¹⁰⁸ *И самбикистки*... *не видывал?* – Самбик – четырехструнный музыкальный инструмент негреческого происхождения.

¹⁰⁹ ...*инструмента, называемого тригоном*... – Струнный музыкальный инструмент треугольной формы, со струнами неодинаковой длины.

¹¹⁰ ...*«финикийская лира»*... – Об этом инструменте более ничего не известно.

¹¹¹ *Барбитон* – музыкальный инструмент, родственник лире; сначала он был четырехструнным, позднее – семиструнным. Пиндар приписывает его изобретение Терпандру (см. 635d).

¹¹² *Монавλος* – флейта, сделанная из тростника и состоящая из одной трубки.

¹¹³ ...*косой авлос, называемый фотингом*. – Античный аналог поперечной флейты.

¹¹⁴ ...*о войне апамейцев с ларисийцами*... – Между 145 и 140 гг. до н.э.

¹¹⁵ Сокращенное переложение этой эпиграммы (по французскому переводу Афиней) – у А.С. Пушкина:

Славная флейта, Феон, здесь лежит. Предводителя хоров
Старец, ослепший от лет, некогда Скирпал родил
И, вдохновенный, нарек младенца Феоном. За чашей
Сладостно Вакха и муз славил приятный Феон.
Славил и Ватала он, молодого красавца. Прохожий!
Мимо гробницы спеша, вымолви: здравствуй, Феон!

¹¹⁶ ...*«элимами»*... – Об этом и других перечисляемых здесь видах авлосов см.: *Kleine Pauli. I. 755ff.*

¹¹⁷ ... *поэтому и Эсхил*... – После этих слов в кодексе *A* вместо ожидаемой цитаты из Эсхила следует характеристика пиров у Гомера и Ксенофонта, продолжающаяся до 182с; стихи Эсхила приводятся только после этого рассуждения в 182с. Перестановка текста 177b–182с в пятую книгу после 187b принята всеми современными издателями Афиней.

¹¹⁸ ...*иноземных инструментов*... – *Феникс*, согласно Геродоту (IV.192), африканского, а согласно Эфору и Скамону (см. далее: Афиней. XIV. 637b), финикийского происхождения. *Пектиду* Пиндар (fr. 125 = Афиней. XIV. 635b) считает лидийской; о *самбике* см.: Афиней. XIV. 633f, 635a.

¹¹⁹ ...*говорит пародист Матрон*... – Пародия на Гомера (Од. VIII. 67; IV. 134 и Ил. XX. 70).

¹²⁰ *Эпигоний* – большая арфа с сорока струнами, созданная неким Эпигоном и названная по его имени.

¹²¹ *Пандура* – трехструнный инструмент, похожий на лютню.

¹²² *Описавший же Красное море Пифагор...* – Путешественник и географ, который по поручению Птолемея II исследовал и описал побережье Красного моря, см.: Афиней. XIV. 633 сл.; Элиан. «О природе животных». XVII. 8. 9. Возможно, это то же лицо, что и упоминаемый у Плиния (XXXVII. 24) префект Птолемея.

¹²³ *...одностовольную сириунгу придумал Гермес...* – Ср. гомеровский гимн к Гермесу, 511 сл.; о мифологической традиции, касающейся изобретения сиринги и авлоса, см.: Kleine Pauli. I. 757.

¹²⁴ *...при седьмом из царствовавших в Египте Птолемеях... прозванном в Александрии Злодеем.* – Речь идет о Птолемеях VIII Эвергете II (144–116 гг.). Чтобы прийти к власти, этот Птолемей в 144 г. до н.э. убил своего племянника и предшественника Птолемея VII Филопатора; впоследствии он выслал из Александрии многих известных художников и ученых, как, например, Аполлодора и Дионисия Фракийского.

¹²⁵ *...при его брате...* – Речь идет о Птолемеях VI Филометоре (180–145 гг.).

¹²⁶ *...Пронем, стяжавший величайшую славу.* – Ср.: Аристофан. «Женщины в народном собрании». 102 со схолиями; Афиней. XIV. 631е; Павсаний. IX. 12. 5.

¹²⁷ *...фиванец Эпаминонд обучался авлетике у Олимпиодора и Орфагора.* – О музыкальном образовании Эпаминонда см. также: Цицерон. «Тускуланские беседы». I. 2; Непот. «Эпаминонд». I. 2.

¹²⁸ *Эноплии* – военные маршевые песни специального ритма.

КНИГА ПЯТАЯ

¹ *Взять хотя бы Менелая...* – Очевидно, с этого места до 195f продолжается речь Масурия.

² *И еще древние законодатели...* – Возможно, с этих слов начинается фрагмент Геродика из Селевкии.

³ *...учредили общественные обеды: по филам и демам, не говоря уже о фиасах...* – Обеды для оргеонов («жреческие») устраивались для депутатов от каждого дома, являвшихся для совершения жертвоприношений в определенное установленное время. Фиас представлял собой особый тип религиозного объединения, организованного для совместного отправления культа. В *пританеях* в Афинах общественные обеды устраивались в честь чужеземных послов, одержавших победы полководцев или атлетов, государственных деятелей и т.п. Ср.: Афиней. 32b, 149d, 187b, 425a.

⁴ *...множество философов...* – Речь идет о последователях трех философов, поочередно возглавлявших стоическую школу в Афинах, – Диогена Вавилонского, Антипатра из Тарса и Панетия Родосского.

⁵ *...Элатея захвачена.* – Взятие Элатеи в Фокиде македонским царем Филиппом II произошло в октябре 339 г. до н.э.

⁶ *...у спартанцев о фидитиях, у критян – об андриях.* – Об общественных трапезах у спартанцев и критян см. 138b–143f.

⁷ *Всех благ тебе...* – Реминисценция стиха из комедии Аристофана «Ахарняне» (446), который, в свою очередь, пародирует строчку из «Телефа» Еврипида (TGF². 584).

⁸ *Ино с обратной стороны набросилась.* – Речь идет о вакханках, заживо терзающих Пенфея. Ту же историю Афиней рассказывает о Бионе, 344a.

⁹ *...а приправой как хлебом.* – Хлеб считался основной пищей, а мясо – приправой к нему.

¹⁰ *...называющие причину пира...* – Поводом для пира, изображаемого в диалоге Платона «Пир», была победа трагического поэта Агафона на Великих Дионисиях в 416 г. до н.э.; пир, описываемый Ксенофонтом, давал один из его персонажей, Каллий, в честь победы своего возлюбленного Автолика на Великих Панафинейх в 422 г. до н.э.

¹¹ *Созвал старейшин отличных...* – Речь идет об Агамемноне.

¹² *...беотийской тупости...* – Гесиод происходил из Беотии; жители всей прочей Греции имели обыкновение подсмеиваться над глупостью беотийцев.

¹³ *Эпикур же собрал...* – О «Пире» Эпикура см.: Диоген Лаэртский. X. 28.

¹⁴ *...без зова пришел Менелай...* – Речь идет о визите Менелая к своему брату Агамемнону.

¹⁵ *Зная любезного брата...* – Современные исследователи, в отличие от источника Афиней, признают этот стих аутентичным.

¹⁶ *...достойный без зова приходит.* – Поговорка гласила: «Храбрые люди приходят на пир к трусам без зова».

¹⁷ *...«слабым копейщиком»...* – Так Менелая называет Гектор.

¹⁸ *О винопийца...* – Слова Ахилла во время ссоры с Агамемноном.

¹⁹ *[Филохор] утверждает...* – См. 38с.

²⁰ *...чей свадебный пир...* – Этот пир изображен у Гомера в «Одиссее» (IV. 3 сл.).

²¹ *...грамматическую ошибку.* – По мнению, которому следует здесь Афиней, Аристарх и его последователи ошибочно приписали роль ведущего пляску акробатам, а не певцу, поменяв для этого в своих изданиях Гомера форму причастия «ведущий». Некоторые современные филологи разделяют точку зрения Афиней. См.: Valk M. van der. *Researches on the Text and Scholia of the Iliad II*. Leiden, 1964. P. 527ff; Forde M. *Der Saenger in der homerischen Schildbeschreibung* // Synousia: Festgabe fuer W. Schadewaldt. Pfullingen, 1965. P. 23.

²² *Гипорхема* – подвижный танец, сопровождавший песни в честь Аполлона.

²³ *...он мнит, что ему неприлично...* – Эти слова о Телемахе произносит Писистрат, сын Нестора.

²⁴ *Исоколы* – сложные предложения с равными частями.

²⁵ *...очагом и пританеем эллинов.* – Ср. 254b. После взятия Афин спартанцами, ведомыми Лисандром, в 404 г. до н.э. дельфийский оракул повелел победителям «не разрушать общий очаг Эллады». См.: Элиан. «Пестрые рассказы». IV. 6.

²⁶ *Панкратий* – атлетическое состязание, состоявшее из кулачного боя и борьбы.

²⁷ *Нет, осуждать невозможно... вечным богиням она красотой подобна!* – Слова троянских старцев. Ср. рассуждение об этом отрывке у Аристотеля в «Никомаховой этике» (1109b).

²⁸ *Всякий раз, когда...* – Возможно, до 193с продолжается фрагмент, взятый Афинеем у Геродика из Селевкии.

²⁹ *...хитрый хромец...* – Гефест.

³⁰ *Тессараконтера* – корабль либо с сорока скамьями для гребцов, либо с сорока гребцами при каждой вертикальной группе весел. Ср.: Плутарх. «Деметрий». 43.

³¹ *Пентера* – корабль с пятью скамьями для гребцов или с пятью гребцами при каждой группе весел.

³² *...два носа и две кормы...* – Два носа, как и две кормы, были расположены один над другим.

- ³³ ...милетского... – Возможно, имеется в виду Милет на Кипре.
- ³⁴ *Гиерон Сиракузский* – имеется в виду Гиерон II.
- ³⁵ ...осадной машине, которую Деметрий подвел к стенам города Родоса... – Речь идет о Деметрии Полиоркете, который в 304 г. до н.э. после годовой осады взял Родос. См.: Диодор. XX. 81; Плутарх. «Деметрий». 21 сл.
- ³⁶ *Иероним* – по мнению Якоби, здесь имеется в виду Иероним из Кардии (см.: PWRE. Bd.VIII. P.145, а также: *Hornblower J. Hieronymos of Cardia. Oxford, 1981*). Верли приписывает эту цитату Иерониму Родосскому (*Hieronimos von Rhodos, fr. 49 Wehrli*).
- ³⁷ ...для перевозки тела Александра... – Тело Александра Македонского было перевезено из Вавилона в Александрию в 323 г. до н.э.
- ³⁸ *Поликлит* – Поликлит из Ларисы, по-видимому, участвовал в походах Александра Македонского и составил историю Александра (см. 539а).
- ³⁹ ...зала для занятий размером на пять лож... – Буквально «зала для проведения досуга», т.е. для ученых и литературных занятий. У древних греков не было письменных столов – во время чтения или письма они возлежали на ложах.
- ⁴⁰ ...на солнечных часах в Ахрадине. – Ахрадина – центральная часть Сиракуз. Дионисий I повелел установить там издавека заметные солнечные часы; см.: Плутарх. «Дионисий». 29.
- ⁴¹ ...винта, изобретенного Архимедом. – Ср.: Диодор. V. 37. 3 сл.; Страбон. XVII. 1. 30; III. 2. 9; Витрувий. X. 6.
- ⁴² ...в дар царю Птолемею... – Птолемей III Эвергет.
- ⁴³ ...триере Антигона... – Речь идет об Антигоне Гонате, который в 262 г. до н.э. окружил флот Птолемея II возле острова Кос.
- ⁴⁴ ...целью «Каталог кораблей»... – Намек на каталог кораблей в «Илиаде» Гомера (II. 484–877), начинающийся с беотийцев.
- ⁴⁵ ...работы Главка из Хиоса... – Согласно Геродоту (I. 25), изобретатель искусства инкрустировать железо. Упоминаемая здесь железная подставка для сосуда, которую посвятил в Дельфы лидийский царь Алиатт (VI в. до н.э.), описана у Павсания (X. 2).
- ⁴⁶ ...о царе, одноименном с уже упомянутым Антиохом... – Здесь рассказывается об Антиохе VII Эвергете Сидете (царствовал 138–129 гг.). Великолепные общественные пиры, по-видимому, происходили после победы над Трифоном в 138 г. (Иосиф Флавий. «Иудейские древности». XIII. 223 сл.) или после завоевания Иерусалима ок. 134–132 гг. (Иосиф Флавий. «Иудейские древности». XIII. 225 сл.; Диодор. XXXIV. 1).
- ⁴⁷ И другой царь Антиох... – Антиох VIII Грип.
- ⁴⁸ ...царя Сирии Александра. – Речь идет об Александре I Бале, правителе государства Селевкидов в 150–146 гг. до н.э.
- ⁴⁹ *Антиох Эпифан* – Антиох IV Эпифан (175–164 гг.).
- ⁵⁰ ...против Деметрия... – Имеется в виду либо Деметрий I Сотер, царь Сирии в 175–150 гг., погибший в 150 г. в сражении с претендовавшим на престол Александром Балой (ср.: Полибий. XXXIII. 19; Диодор. XXXI. 20, 32; Иосиф Флавий. «Иудейские древности». XIII. 109 сл., 116 и др.), либо его сын Деметрий II Теос Никатор Филадельф, победивший Александра I Балу в 147–145 гг. в союзе с Птолемеем VI (Диодор. XXXII. 9; Иосиф Флавий. «Иудейские древности». XIII. 109 сл., 116.).
- ⁵¹ *Актриса-лисиодка* – актриса, исполнявшая мужские роли. См. также 182с.
- ⁵² *Позднее Антиох...* – Антиох VII Эвергет Сидет, царь Сирии в 138–129 гг., или Антиох VI Эпифан (145–142 гг.); см. 540б-с.
- ⁵³ ...философа-перипатетика Афиниона... – Афинский тиран, история которого известна только из рассказа Посидония.

⁵⁴ ...*послом к Митридату* – Митридат VI Эвпатор. Речь идет о событиях 88–86 гг., происходивших во время первой Митридатовой войны.

⁵⁵ ...*сыны Кекропы*... – Иронично-торжественное обозначение афинян; *Кекроп* – легендарный основатель Афин.

⁵⁶ ...*вестника нового Диониса*... – Имя Дионис служило прозвищем Митридата; ср.: Плутарх. «Моралии». 624a-b.

⁵⁷ *Аттал* – Аттал II Филадельф, царь Пергама в 159–138 гг.

⁵⁸ *Римский командующий в Памфилии Квинт Оппий*... – Квинт Оппий, пропретор Памфилии; о его поражении от Митридата см.: Диодор. XXXVII. 26 сл., Тит Ливий, перифраза 78.

⁵⁹ *Маний Аквиллий* – римский полководец; будучи вместе с Марием консулом в 101 г., подавил восстание рабов на Сицилии. В 90 г. послан на Восток, в 88 г. потерпел поражение и попал в руки Митридата, который повелел придать его смерти.

⁶⁰ ...*послы не только от италиков*... – О контактах между Митридатом и италиками сообщает также Диодор (XXXVII. 2, 11).

⁶¹ ...*безлюдного театра*... – Театр в Афинах служил местом для народных собраний.

⁶² *Пникс* – холм к юго-западу от Акрополя, где проводились народные собрания, пока местом для них не стал театр.

⁶³ ...*двух богинь*... – Деметры и Персефоны. Все три названных божества – Иакх, Деметра и Персефона – связаны с Элевсинскими таинствами, о закрытии которых говорится в данном предложении.

⁶⁴ *Шествую, словно Пифокл*... – Слова из речи Демосфена «О преступном посольстве» (314), ставшие поговоркой и обозначавшие заносчивое поведение.

⁶⁵ ...*перипатетик*... – В греческом оригинале обыгрывается исходное значение слова «перипатетик» – «проходящий туда-сюда».

⁶⁶ ...*пифагорейское учение о заговорах*... – См.: Диоген Лаэртский. VIII. 39; Ямвлих. «Жизнеописание Пифагора». 260.

⁶⁷ ...*добропорядочных граждан*... – Ср.: Цицерон. «Брут». 306 (о бегстве оптиматов из Афин).

⁶⁸ ...*храм Матери богов*... – Находился в западной части агоры и служил государственным архивом.

⁶⁹ ...*птичьими пайками, по хойнику ячменя на четыре дня*. – Один хойник ячменя считался дневной нормой.

⁷⁰ ...*отправил с войском на Делос*. – Об описываемом ниже сражении на Делосе см. также: Диодор. XXXVII. 28.

⁷¹ *Оробий* – имеется в виду Луций Оробий, которому на Делосе была посвящена статуя (215b-c).

⁷² *А в Тарсе тираном стал... философ, эпикуреец*... – Возможно, из сочинения Афины «О сирийских царях» (см. 211a).

⁷³ ...*по имени Лисий*. – Из других источников неизвестен. Об эпикурейцах-тиранах см.: Journal of Roman Studies. 1941. Vol. 31. P. 155.

⁷⁴ *Такие вот получаются*... – Возможно, с этого места до 218е следует фрагмент Геродика из Селевкии.

⁷⁵ ...*об участии Сократа в трех походах*... – См.: Платон. «Апология Сократа». 28е; «Хармид». 153b; «Пир». 219е и сл. Осада изменившей Афинам Потидеи происходила в 432–429 гг., битва при Амфиполе в 422 г., сражение под Делием – в 424 г.

⁷⁶ ...*Геродик в сочинении «Против поклонника Сократа»*... – Это сочинение Афины цитирует также в 504е сл.

⁷⁷ *Пагонд* – фиванский полководец, нанесший афинянам сокрушительное поражение при Делии в 424 г. (см.: Фукидид. IV. 76 сл.). Произшедшую во время бегства афинян встречу Алкивиада с Сократом описывает Платон в «Пире» (221a-b) и «Апологии Сократа» (29a).

⁷⁸ *...величественно взирая налево, направо...* – Так описывает Сократа Платон в «Пире» (221b); цитата взята Платоном из «Облаков» Аристофана (362).

⁷⁹ *...в «Критоне» сам Платон...* – Платон. «Критон». 52b. Упоминание о посещении Сократом Истмийских игр, однако, отсутствует в лучших из рукописей «Критона» и поэтому отвергается современными издателями Платона.

⁸⁰ *...поход на Потидею во главе с Формионом...* – Об этом сражении см.: Фукидид. I. 64 сл.; Диодор. XII. 37. 1.

⁸¹ *...Ксенофонт... еще не родился или был малым ребенком.* – Ксенофонт родился между 430 и 425 гг., его античную биографию см. у Диогена Лаэртского (II. 48 сл.).

⁸² *...в год архонства Аристиона...* – 421–420 гг.

⁸³ *...Павсаний, влюбленный в поэта Агафона...* – О дружбе Агафона с Павсанием см.: Платон. «Протагор». 315d; Элиан. «Пестрые рассказы». XIII. 4.

⁸⁴ *Эвфем* – архонт в 417–416 гг.

⁸⁵ *...победы Агафона...* – На Ленеях в 416 г.

⁸⁶ *...в архонство Аполлодора...* – В 430–429 гг.

⁸⁷ *...после Эвтидема.* – Видимо, ошибочно вместо «Эвтина», архонта 431–430 гг.

⁸⁸ *...в архонство Феофила...* – 348–347 гг.

⁸⁹ *...в архонство Эпаминонда...* – 429–428 гг. Пелопоннесская война продолжалась с 431 по 404 гг.

⁹⁰ *...наша фила председательствовала...* – В течение года десять фил по очереди через своих представителей председательствовали в Совете; председатели именовались «пританами». О председательстве Сократа см.: Платон. «Апология Сократа». 32b.

⁹¹ *...противозаконное голосование...* – Речь идет о предложении проголосовать «единым списком» за смертный приговор десяти военачальникам, которые не сумели после битвы при Аргинусах в 406 г. подобрать тела погибших афинян.

⁹² *...в архонство Каллия...* – 406–405 гг. Битва произошла в сентябре 406 г.

⁹³ *...о повторном приезде Протагора, произошедшем несколько дней назад...* – См.: Платон. «Протагор». 309d; ср.: DK. 80A11.

⁹⁴ *...в архонство Эвтидема...* – Возможно, «Эвтидема» ошибочно вместо «Эвтина».

⁹⁵ *...Гиппоник ... победил их.* – См.: Фукидид. III. 91. 4; Диодор. XII. 65. 3.

⁹⁶ *...в архонство Алкея...* – 422–421 гг.

⁹⁷ *...у Амипсия в «Конне»...* – «Конн» был поставлен в 423 г. на Великих Дионисиях.

⁹⁸ *...в месяце элафеболионе...* – Девятый месяц аттического года (в нашем марте–апреле). Ср.: Фукидид. IV. 117 сл.

⁹⁹ *...в год архонства Исарха.* – 424–423 гг.

¹⁰⁰ *...дикарями... что в прошлом году поэт Ферекрат вывел на Ленеях.* – «Дикари» Ферекрата были поставлены на Ленеях в 420 г.

¹⁰¹ *...в архонство Аристиона...* – 421–420 гг.

¹⁰² *В других сочинениях Платон утверждает...* – Возможно, с этого места до 221a продолжается фрагмент, взятый у Геродика из Селевкии.

¹⁰³ *...выливая ему на голову помои...* – У Платона об этом нигде не говорится.

¹⁰⁴ *...сократика Эсхина...* – См. биографию у Диогена Лаэртского, который из множества приписываемых Эсхину диалогов считает аутентичными семь; четыре из этих семи названы здесь: «Телавг», «Аспасия», «Каллий» и «Аксиох».

¹⁰⁵ ...у Ксенофонта во второй книге «Воспоминаний». – На самом деле, в третьей книге; см.: Ксенофонт. «Воспоминания о Сократе». III. 10. 9; 11. 15.

¹⁰⁶ ...«в-землю-гляд»... – Ср.: Элиан. «О природе животных». VII. 5; Афиней. IX. 409с; Плиний. VIII. 77.

¹⁰⁷ ...из войска Мария, посланного против Югурты... – 107–105 гг.

¹⁰⁸ ...быки-«противоходы»... – Ср.: Элиан. «О природе животных». XVI. 33.

ШЕСТАЯ КНИГА

¹ ...напомню... что сказал Антифан... – Сюжеты Средней аттической комедии, одним из главных представителей которой был Антифан, часто брались из мифов и трагедий и трактовались в пародийном духе. В цитируемом месте Антифан, видимо, выступает как чрезмерно легкое и потому недостойное уважения. Аристотель (который был современником Антифана) также обсуждает в «Поэтике» (1451b) данное различие между трагедией и комедией, но указывает при этом, что персонажи трагедии не всегда бывают общеизвестны, а кроме того, «и то, что известно, известно немногим, однако же нравится всем».

² Немедленно машина театральная / Поднимется... – О том, что авторы трагедий прибегали в затруднительных случаях к специальному подъемному механизму, вывопившему на сцену богов (deus ex machina), известно нам из сочинений многих авторов, в том числе Платона и Аристотеля. Эта практика давала повод для насмешек и зачастую свидетельствовала о недостатке мастерства.

³ Хранящая святилище Бравронское... – Артемида. Святилище в Бравроне (Аттика) было одним из самых известных мест поклонения богине.

⁴ Они полезны всем... – Вышучивая трагедию, Тимокл говорит убедительно и произносит слово в ее защиту по всем правилам судебного красноречия. В то же время подход его, как и положено автору комедий, подчеркнуто утилитарен, так что апология оборачивается издевательством: в трагедии предлагается видеть в первую очередь простое и действенное лекарство от бед и неприятностей, которые несет с собой повседневность. Нищий Телеф, безумный матереубийца Алкмеон, сыновья фракийского Финея, ослепленные отцом, потерявшая всех своих детей Ниоба, несчастный больной Филоклет только и ждут, чтобы облегчить страдание.

⁵ ...вот дела Энеевы. – Эней (Οἰνύς), царь Калидона, отец Мелеагра.

⁶ Вот так и мы, Тимократ... – т.е. следуя примеру авторов трагедий, ничего не придумывая, а только припоминая.

⁷ как сказал бы... котокидский оратор. – Эсхин (из дема Котокиды в Аттике), выдающийся оратор, современник и соперник прославленного Демосфена. Не желая мириться со второй ролью, Эсхин преследовал Демосфена многочисленными нападениями. В частности (Эсхин. «Против Ктесифонта». 83. 1–5: «Филипп давал Галоннес; Демосфен же отговаривал брать, если он «дает», но не «отдает», споря из-за слогов»), неудовольствие Эсхина вызвало то слишком большое значение, которое Демосфен придавал разнице между «дать» и «отдать», когда решался такой важный для государства вопрос: если «дает», значит Филипп считает захваченный им остров Галоннес своим, если «отдает», то афинским. Вслед за насмешками над трагедией настал черед

лучших образцов ораторской прозы. О том, насколько и этот жанр был популярен, говорит значительное число примеров, приводимых тут же.

⁸ *Хотя бы Бриарей не будет гневаться.* – Высмеивается Демосфен: сходство со сторуким Бриареем и Аресом, по-видимому, состоит в стихийном напоре и грубой силе, которые здесь противопоставлены искусству («антитезам»).

⁹ *...недоставало разве что Нереид.* – Упоминание здесь Нереид, обитательниц морских глубин, дочерей морского старца Нерея, нужно расценивать как гиперболу: среди рыбных кушаний не хватало разве что такого блюда.

¹⁰ *Всегда считал Горгон я детской выдумкой...* – Взглянув в лицо Горгоне, человек, по преданию, превращался в камень. Здесь то же свойство убивать взглядом приписывается торговцам рыбой, заламывающим чудовищные цены.

¹¹ *Пойти к самим стратегам...* – Коллегия из десяти стратегов (по одному от каждой филы), избиравшихся ежегодно, ведала в Афинах всеми иностранными и военными делами.

¹² *Цедя слова сквозь зубы...* – «За четыре обола», «за восемь оболов». *Обол* – мелкая серебряная монета.

¹³ *...следы клеймения / На лбу...* – Клеймо на лбу изобличало беглого раба или преступника.

¹⁴ *Эгинскую монету...* – Эгинская монетная система была принята в большинстве греческих полисов. Эгинский обол приравнивался к 4,3 аттическим ободам.

¹⁵ *...здесь и там / ...Барыш имея...* – т.е. в обоих случаях оставаясь в выигрыше: и когда получает с покупателя деньги, и когда сам расплачивается с другим, давая сдачу легковесными аттическими ободами.

¹⁶ *...в «Собрании амфиктионов»...* – Амфиктионами назывались представители городов-государств, объединенных в религиозно-политический союз (амфиктионию). Государства объединялись вокруг какого-либо святилища для совместного отправления культа и решения спорных вопросов (ἄμφι – «кругом», κτίζω – «заселять» – собственно, «амфиктионы» означает «живущие кругом, соседи»). Крупнейшей амфиктионией была Дельфийская.

¹⁷ *Подвесьте бедных, чтоб болтались в воздухе / Как боги театральные...* – Насмешка одновременно над торговцами, которых жестокая мера должна склонить к уступчивости, и над трагедиями, где поднятые при помощи театральной машины боги вынуждены в такой же спешке решать судьбы героев.

¹⁸ *...педагогов...* – Педагогами (букв. «проводжатыми детей») называли рабов, сопровождавших детей в школу.

¹⁹ *...нищенки Кибелины...* – οἱ μητραγυρτοῦντες, мужчины и женщины, жрецы Кибелы (Великой Матери богов), странствовавшие и собиравшие для богини подаяние.

²⁰ *...сколько весил он.* – О том, что Приам отдал за тело Гектора количество золота, равное его весу, в «Илиаде» (XXIV. 556) ничего не сказано.

²¹ *Как на Истмийских играх мы сражаемся / За чахлаю петрушку...* – Наградой победителю на Истмийских играх (одни из четырех общегреческих игр, наряду с Олимпийскими, Пифийскими и Немейскими) был венок из сельдерея.

²² *...рыбных инспекторов.* – т.е. опсономов (ὀψονόμοι). В Афинах – чиновники, избиравшиеся для контроля за ценами на рыбу.

²³ *...деревянный...* – В действительности у Гомера сказано только следующее: «свинопас поставил перед ними доски (πίνακας) с мясом» (Од. XVI. 49).

²⁴ *Фуриоперсы* – жители Фурий, колонии на юге Италии, славились такой роскошью, что их сравнивали с персами.

²⁵ ...у Анакреонта... – Ни начало, ни конец стихотворения не известны.

²⁶ ...мой земляк Юба... – Историк Юба, статуя которого в Афинах упоминается Павсанием (I. 17), как и Эмилиан, происходил из Африки – был сыном нумидийского царя. Ср. примеч. 84 к кн. VIII.

²⁷ ...черепушками (ῥεραα). – По-гречески ῥεραα – «глина», отсюда происходит название «керамика», что первоначально означало «глиняная посуда».

²⁸ *Росская керамика* – по названию города Рос в Сирии, недалеко от границы с Киликией.

²⁹ ...по пять мин в день. – Мина равнялась 100 драхам (одна драхма – шести оболам).

³⁰ *Царь Птолемей...* – Птолемей VII (145–144 г. до н.э.).

³¹ ...рассказывая... о ливийском царе Масиниссе... – О царе Масиниссе (ок. 215–149 г. до н.э.) как о большом друге римского народа пишет, например, Саллюстий («Югуртинская война». 14, 18 и др.).

³² *Музыканты, однако, были у него эллинские.* – В том, что Масинисса, во всем стремившийся подражать римлянам, доверял сопровождение пиров греческим (а не итальянским) музыкантам, не было, впрочем, ничего удивительного: ведь так же поступали и в самом Риме, да еще и в значительно более поздние времена.

³³ *Плутос* – по-гречески «Богатство».

³⁴ *Платон в «Послах»...* – Имеется в виду несохранившаяся комедия древнеаттического комедиографа Платона. Отрывок относится к посольству, отправленному к персидскому царю в 395 г. до н.э., после которого было возбуждено обвинение Эпикрата в коррупции. См.: Лисий. «Речи». 27. Ср. 251b.

³⁵ ...в «Женских мимах»... – В мимах, в отличие от трагедий и комедий, где мужские и женские роли исполняли актеры-мужчины, играли и женщины (Плутарх. «Сулла». 36). Софрону, уроженцу Сиракуз, жившему в первой половине V в., приписывалось само изобретение мима – жанра бытовой комедии в прозе без хора. Мимы Софрона делились на мужские и женские.

³⁶ ...разбогатевшие метеки... – Люди, перебравшиеся в Афины из других полисов и преуспевшие, несмотря на ограничения в правах, сопряженные с их статусом переселенцев («метек» от греческого μεταίχθω – «менять местожительство»), и дополнительные налоги.

³⁷ ...люди благороднейшие бедствуют... – Свободнорожденные афиняне (οἱ ἐλεύθεροι) здесь противопоставляются пришельцам с темным прошлым, «по которым веревка плачет» (μαστιγίαι).

³⁸ *Каперсы* – маринованные почки кустарника, употреблявшиеся в пищу как приправа. Плутарх в «Застольных беседах» упоминает о свойстве каперсов возбуждать аппетит у людей, уже пресыщенных кушаньями (VI. 2. 687d).

³⁹ *В две драхмы весом...* – т.е. около 9 грамм. Обол как мера веса равнялся 0,7 г.

⁴⁰ *Психтер* – от греч. ψυχρός – «холодный»; сосуд с тонкими двойными стенками, куда наливалась холодная вода. В результате содержимое основной емкости охлаждалось. Психтеры как правило делались из тонких листов серебра (см. следующий фрагмент из комедии Никострата и комментариев к нему Ульпиана).

⁴¹ ...несчетное множество имен... – Чтобы со стороны показалось, что у него много рабов: в тексте он назван πτωχολαζών – «хвастливый нищий».

⁴² ...хвастливый воин... – Один из любимейших персонажей среднеаттической и, в особенности, новоаттической комедии. То, о чем говорится дальше, – по-видимому, все, что ему удалось сохранить из полученного за военную службу. Причин бедности воина

могло быть две: или он плохо воевал, или уже успел промотать нажитое имущество (оба мотива нередки в комедии).

⁴³ ...у *Танталова Фиброна*... – Место, сложное для перевода. Буквально сказано, что Фиброн был замучен недостатком денег, причем повинны в этом были сами деньги (откуда сравнение с мифическим Танталом: стоя по горло в воде, среди изобилия земных плодов он страдает от голода и жажды). О Фиброне – спартанце, правителе Кирены – известно (Библиотека Фотия. 70а. 10–29; Диодор. XVII. 108; XVIII. 19–21), что он коварно убил своего друга Гарпала, присвоившего еще при жизни Александра Македонского его богатства, и, в свою очередь, ограбил его, отняв сокровища. Впоследствии Фиброн в битве за Кирену потерпел поражение и был убит.

⁴⁴ ...давшие обильный материал трагическим поэтам... – Поводом к ссоре братьев Атрея и Фиеста послужил (как обычно пишут) золотой барашек в стаде Атрея. В борьбе за царскую власть в Аргосе Атрей убил детей Фиеста и накормил отца их мясом; при виде этого солнце с середины неба поворотило вспять. Преступление навлекло проклятие на последующие поколения дома Атридов, несчастья которых легли в основу целого ряда трагедий («Орестея» Эсхила, «Электра» Софокла, одноименная трагедия Еврипида и др.).

⁴⁵ ...ожерелье *Эрифилы*... – Эрифила, жена Амфиарая, наделенного пророческим даром и предвидевшего свою гибель в войне Семерых против Фив, послала мужа на войну, польстившись на ожерелье Гармонии, которое впоследствии было принесено в дар Дельфийскому богу.

⁴⁶ ...*фокейцы захватили дельфийскую сокровищницу*. – Событие, положившее начало так называемой Священной войне (356–346 гг. до н.э.).

⁴⁷ ...получили название *халкотек*... – Халкотеками (собственно, «хранилищами меди») стали называться вообще ящики для хранения дорогой посуды.

⁴⁸ ...не хватило на всех *серебряных фиалов*... – Как об этом рассказано у Геродота, фиалы (чаши) были золотые, Псамметиху же не хватило чаш не из-за недостатка драгоценной утвари, а из-за ошибки жреца.

⁴⁹ ...*лидийским царем Гигом*... – Гиг (Гигес) правил Лидией в первой половине VII в. (по Геродоту, погиб в 652 г.).

⁵⁰ ...во время *нашествия Ксеркса на Элладу*... – 480–478 гг. до н.э.

⁵¹ ...*Аполлона в Амиклах*... – Это святилище в Амиклах, первой столице Лаконии, было основным местом почитания Аполлона в Спарте. Аполлон считался покровителем спартанцев.

⁵² ...сына *Латоны земля*... – Вероятно, имеется в виду храм Аполлона в Дельфах.

⁵³ ...стою для *Пифо приношеньем*... – т.е. посвятителем даром в святилище Аполлона в Дельфах. *Пифон* – чудовищный змей, порождение земли – до того как бог Аполлон убил его, охранял в этом месте древнее прорицалище Геи.

⁵⁴ ...*объявил их безразличными*... – Учение о «безразличном» составляло важную часть этической концепции Зенона. Все вещи, согласно этой концепции, делились на благие (то, что причастно добродетели и к чему следует стремиться), дурные (сюда относилось все, причастное пороку) и безразличные. Последние делились на три группы: вещи, согласные природе (их следует предпочитать), противные природе (их следует избегать) и занимающие промежуточное положение между теми и другими, безразличные в узком смысле слова. Деньги, о разумном пользовании которыми здесь идет речь, как и изделия из драгоценных металлов, нужно, таким образом, внутри безразличного отнести к категории предпочитаемого (см.: Фрагменты ранних стоиков. М., 1998. Т. I, фр. 190–196).

⁵⁵ *Гельветы* – племена, населявшие часть территории современной Швейцарии.

⁵⁶ *...горы... прежде именовавшиеся Рипейскими... а теперь Альпами...* – Отождествление мифических Рипейских гор с Альпами, вероятно, принадлежит Посидонию, чаще Рипеем (Рифеем) называли более отдаленные горные массивы (Валдай, Урал и т.д.)

⁵⁷ *...текут [расплавленным] серебром.* – Страбон (III. 147) довольно скептически относится к этому свидетельству Посидония, которое последний излагает более подробно. Посидоний, в частности, говорит о том, что во время пожара «каждая гора и каждый холм представляли собой кучи монетного сплава, наваленные какой-то щедрой судьбой» (пер. Г.А. Стратановского).

⁵⁸ *...«алчное корыстолюбие надеется вывести из-под земли самого Плутона».* – Известные слова Деметрия Фалерского были сказаны об аттических рудокопах. Проникая в недра земли, люди как будто хотят вывести на белый свет самого Плутона (бога земных недр, позднее отождествленного с Аидом, имя которого Платон этимологизирует как «богатство», поскольку богатство приходит из-под земли – «Кратил», 403а). Посидоний, рассказывая о драгоценных металлах Испании, развивает эту мысль: здесь столько серебра и золота, что подземным богом должен быть не Аид (Плутон), а само Богатство (Плутос).

⁵⁹ *...Лисандр ввез его для государственных надобностей...* – Когда после окончательной победы над афинянами и их союзниками – взятия Афин и уничтожения Длиных стен (404 г. до н.э.) – в Спарту по приказу Лисандра были привезены значительные средства, среди граждан возник спор, оставить ли золото и серебро в городе, или вовсе запретить его использование в Спарте, разрешив хождение только дедовых денег – громоздких железных прутьев, которые к тому же проходили закалку в уксусе, от чего железо теряло прочность и делалось хрупким. Повод для этих разногласий дал поступок *Гилиппа*, доставившего в родной город огромные богатства, но не устоявшего перед искушением присвоить часть. Сторонники Лисандра настояли на том, чтобы новые деньги остались в Спарте, однако было решено использовать их исключительно для государственных нужд, а частным лицам, уличенным во владении золотом и серебром, грозила смертная казнь (Плутарх. «Лисандр». 17).

⁶⁰ *...Гилипп уморил себя голодом...* – Гилипп, по другим сведениям, отправился в добровольное изгнание (Плутарх. «Лисандр». 17).

⁶¹ *Эфоры* – первоначально назначавшиеся царями, затем (начиная с VI в. до н.э.) выборные должностные лица в Спарте. В V в. до н.э. пяти эфорам принадлежала высшая власть.

⁶² *...племя, называемое скордистами...* – Кельтское племя на Среднем Дунае (иначе – скордиски).

⁶³ *...тех кельтов...* – Из Центральной Европы на Балканы в 280 г. до н.э. вторглись кельты (греки называли их галатами). Они осели в разных местах, в том числе в Малой Азии, где образовали собственное государство – Галатию.

⁶⁴ *...некий Батанатт...* – Батанатт из других источников не известен.

⁶⁵ *...Полемон... афинянином...* – Полемон Перизгет, известный своими описаниями греческих древностей, согласно Лексикону Суды, происходил из Трояды, но получил афинское гражданство, из-за чего иногда его именуют афинянином (Плутарх).

⁶⁶ *Гераклид Мопсуэстийский* – из города Мопсуэстия в Киликии (Малая Азия), название которого буквально означает «очаг, град Мопса».

⁶⁷ *...«пытателем надписей»...* – Собственно, «пожирателем стел» из-за особого пристрастия к чтению древних надписей.

⁶⁸ *Имя парасит... близко к понятию сотрапезник.* – Греческое слово «парасит» (παράσιτος) буквально означает «находящийся возле хлеба» (οἶτος).

⁶⁹ *...в Геракловом храме на Киносарге...* – Киносаргом называлось место к северо-востоку от Афин у подножия Ликабетта. Здесь находилось святилище Геракла и гимнасий, куда, наряду с другими гражданами, разрешался вход незаконнорожденным. Геракл, пишет Плутарх («Фемистокл». 1), сам считался незаконнорожденным среди богов, поскольку матерью его была смертная женщина.

⁷⁰ *Скрижали* – треугольная пирамида из дерева, камня или меди, укрепленная на вращающейся оси. Такие скрижали (три грани в форме треугольника) использовались для записи древнейших законов.

⁷¹ *...из рода Кериков...* – Один из двух (наряду с Эвмолпидами) жреческих родов в Афинах, по преданию ведший происхождение от Керика, сына Гермеса.

⁷² *В Палленском храме...* – Находившемся в аттическом деме Паллена.

⁷³ *...в архонтство Пифодора.* – В 432 или 404 г. до н.э. (в списках архонтов имя Пифодора встречается дважды).

⁷⁴ *...в царских законах...* – Имеется в виду закон об архонте-басилее.

⁷⁵ *Архонт-царь* – то же, что архонт-басилей; второй архонт в Афинах, отвечавший за исполнение религиозных обрядов, устройство праздников и принесение публичных жертв.

⁷⁶ *...первомужние женщины.* – Замужние женщины, состоящие в первом браке.

⁷⁷ *Гектей* – 1/6 часть мединна. Медимн – около 52,2 л.

⁷⁸ *Полемархи* – военные должностные лица, круг обязанностей которых в различных греческих государствах варьировался. Что касается должности полемарха в Мефоне, то более подробно об этом ничего не известно.

⁷⁹ *...но не провожает раб...* – Как правило, гости приходили на обед в сопровождении одного-двух своих рабов.

⁸⁰ *...носим черное.* – У Афиня сказано просто «черные»; т.е. рядовые, третьеразрядные прихлебатели.

⁸¹ *Какая... / Ждет дома почесть?* – Победители на Олимпийских играх получали право бесплатно питаться в *пританее* – общественном здании, где за государственный счет обедали *пританы*, действующая часть государственного Совета во главе с эписитом (50 человек).

⁸² *...аргосский я борец.* – Это выражение больше нигде не встречается. Как считалось, именно в Аргосе борьба была излюбленным видом состязаний («Палатинская антология». II. 139).

⁸³ *...пред тобою Капаней...* – Имеется в виду известный эпизод из «Финикиянок» Еврипида, изображающий Капанея – одного из Семерых – взбирающимся по лестнице на городскую стену.

⁸⁴ *Теламон* – отец Тевкра и Аякса, могучий герой, сподвижник Геракла, участник похода аргонавтов и Калидонской охоты, славился своей силой (ср.: Пиндар. Нем. 4. 25; 3. 36). Его тяжелые кулаки вошли в пословицу: сокрушительной силы «Теламонов удар» (τελαμώνιοι κόνδυλοι).

⁸⁵ *...соблазнить красавцев – дым.* – Как дым проникает в малейшие щели, так парасит находит путь к сердцам и способен обмануть самых бдительных сторожей, потакая прихотям хозяина.

⁸⁶ *...у стола я – мухою!* – т.е. никем не званный (ἄκλητος).

⁸⁷ *Кто ввел обычай угощать безденежно...* – В строке этой и следующих – речь парасита, в роли которого выступает трагический герой Эдип. Он говорит о распростра-

ненном в Афинах обычае устраивать пиры в складчину: парасит, не имеющий денег на взнос, обращает свой гнев против хозяина, который осмеливается требовать с гостя его долю.

⁸⁸ ...первым стал нахлебничать? – В обязанности верховного бога Зевса входило также опекать дружеские собрания и пирушки. В этом качестве он почитался как Зевс Дружелюбец (Φίλος) и мыслился незримо присутствующим при угощении.

⁸⁹ ...Герাকловы застольники... – У Афиняе употреблено слово «парасит» в его первоначальном значении: граждане, исполнение которыми их религиозных обязанностей сопровождается бесплатным питанием за счет государства (см. выше, примеч. 68).

⁹⁰ ...Аксионик говорит в «Подхалкиднике»... – Аксионик взял для своей комедии название, позаимствовав его у главного города Эвбеи – Халкиды, жители которой славились распущенностью нравов и жадностью. «Подхалкидник» буквально – «подражающий халкидцам».

⁹¹ ...с Филоксеном-Резаком... – Настоящее прозвище Филоксена – Окорокорез (πτεροχορής). Под этим именем он упоминается и у Менандра (см. 241f). Ср. также 220b.

⁹² ...в Клавдиевом приделе Мусея... – Император Клавдий расширил Александрийский Мусей пристройкой, названной Клавдиумом.

⁹³ ...до совершеннолетия... – т.е. до внесения в списки граждан (πρὶν τοῦ ἐγγράφησαι). Юноши, внесенные в списки, назывались эфебами и получали от государства вооружение и верхнюю одежду, в том числе темный плащ (τὸ χλαμύδιον). В Афинах это совпадало с достижением 18-летнего возраста.

⁹⁴ Кавнийцы – жители Кавна, города в Кари; отличались неестественно бледным цветом лица, что делало их объектом насмешек современников. Кроме комедии Тимокла известно о «Кавнийцах» комедиографа Алексиды.

⁹⁵ В этой и следующих строках обращают на себя внимание «говорящие» имена или, скорее, прозвища параситов: *Титималл* («Молочай»), *Корм* («Багор»), *Корид* («Жаворонок»).

⁹⁶ «Филетер» – «любящий друзей» (φιλέταιρος).

⁹⁷ Остроглаз – богатый меняла по имени Остроглаз (Βλέπαιος) дважды упоминается у Демосфена (XXI. 215, 6; XL. 52. 2).

⁹⁸ Остерегайся Корида... – Пародический оракул наподобие тех, которые встречаются в комедиях Аристофана (см., напр.: «Всадники». 197–201).

⁹⁹ ...надгробная надпись... – В Палатинской антологии эта эпитафия приписывается поэту Диоскороду (III в. до н.э.).

¹⁰⁰ ...любящий подвиги плющ. – Плющ был посвящен Дионису – покровителю поэзии. Здесь эпитет плюща – «любящий подвиги» (φιλᾶγων) – напоминает об обычае увенчивать голову победившего в состязании поэтов венком из листьев этого растения.

¹⁰¹ О город Кекрона! – Афины.

¹⁰² Прижевала – παρὰμασθήτης, слово производное от μάσθαι – «жевать» с приставкой παρὰ – «при, около».

¹⁰³ Панкратиаст – борец, занимавшийся особым видом борьбы («панкратий» букв. «всеборье»).

¹⁰⁴ О... прозвищах... – ср. примеч. 95 к кн. VI.

¹⁰⁵ ...Теагенов будет Дым... – Распутник Теаген по прозвищу Дым упоминается Аристофаном («Птицы». 823).

¹⁰⁶ Атрей – см. 231с и примеч. 44 к кн. VI.

¹⁰⁷ Фрикс и Ясон – персонажи мифа об аргонавтах. Фрикс бежал в Колхиду на золотом баране, Ясон отправился туда за шкурой этого барана – Золотым Руном.

¹⁰⁸ ...в двенадцать стоп... – Длинные тени бывают и на восходе солнца, и вечером. Воткнутый в землю шест (гномон), служивший грекам солнечными часами, отбрасывал тень в двенадцать футов (3,6 м), когда с неба еще не сошла луна.

¹⁰⁹ «Священный брак» – праздник в Афинах в честь бракосочетания Зевса и Геры. Праздновался в 24-й день месяца гамелиона (первая декада февраля).

¹¹⁰ ...звал меня... – Из следующих строк ясно, что Хэрефонт рассчитывает поест в двух местах; буквально у Менандра сказано: «...говорил, что нужно устроить пир 22-го».

¹¹¹ В каталоге Каллимаха... – Имеются в виду «Таблицы» – огромное произведение Каллимаха (120 книг), которое являлось своего рода каталогом Александрийской библиотеки и первым сводом всей греческой литературы.

¹¹² Царь Птолемей, вернувшийся из Аттики... – Птолемей I Сотер, ведший в то время войну с Деметрием Полиоркетом, вернулся в Египет из похода на Грецию в 308 г. до н.э. Им были заняты Коринф, Сикион и Мегары.

¹¹³ Фики – мелкие морские рыбешки, живущие среди водорослей.

¹¹⁴ ...рыбу с камешком... – Существовало поверье, что в желудках пескаррей можно найти жемчужину. Не участвующий в складчине Архефонт теряется перед рыбой, имеющей камешек (ψῆφος): камешки выступали в роли входных билетов.

¹¹⁵ Бореады – крылатые сыновья ветра Борея – Калаид и Зет.

¹¹⁶ Этеобутады – жреческий род в Афинах.

¹¹⁷ Гинекономы – γυναικονόμοι – «определяющие законы для женщин»; в обязанности гинекономов входил контроль над расходами частных лиц на свадьбы (разрешено было звать не больше 30 гостей), похороны, пиры в складчину, а также наряды для женщин.

¹¹⁸ ...он велел каждому гостю доплатить по два обола, Предложению же внешности... – В оригинале имя подружки Γνώμη – «мнение»: «Пусть Гнома соберет то, что решит дать народ» (буквальный смысл), и «Пусть народ выскажет мнение, какое ему угодно» (шуточная пародия на слова, произносимые в народном собрании).

¹¹⁹ ...от Омфалы Геракл перешел к Гебе. – Игра слов: имя лидийской царицы Омфалы, в услужении у которой находился Геракл, созвучно греческому слову «пупок» (ὀμφαλός), тогда как имя Гебы, богини юности, отданной в жены Гераклу после его обожествления, также имело известный обценный смысл (лобок).

¹²⁰ ...записался в число участников. – Обыгрываются правила атлетических состязаний.

¹²¹ «И того, что в вине». – Греки пили вино, разбавляя его водой. Смысл шутки Кориды в том, что Хэрефонт, предпочитая пить неразбавленное вино, плохо переносит добавленную в вино воду.

¹²² ...Демосфен принял от Гарпала дорогую чашу... – См. примеч. 43 к кн. VI. Когда Гарпал, спасаясь от гнева Александра, искал убежища в Афинах, Демосфен выступил за то, чтобы принять его под защиту. Противники Демосфена утверждали, что он был подкуплен.

¹²³ Хлестнул оливки... – Филоксен Окорокорез в своем желании освободить место для рыбы прибегает к выражению, часто встречающемуся у Гомера: μάστιξεν ἑλάαν, что означает: «хлестнул (коней), чтобы пустить их вскачь». Шутка заключается в совпадении звучания формы винительного падежа существительного ἑλάαν (=ἐλαίαν) – «оливку» и неопределенной формы глагола «гнать, пускать вскачь». Для образованного человека, а таким непременно должен был казаться паразит, хорошее знание поэм Гомера было обязательно.

¹²⁴ ...набивает живот. – Сказанные о женщине, эти слова означали беременность.

¹²⁵ ...так называемые барды... – О бардах (βαρδοί), певцах, исполнявших песни собственного сочинения под аккомпанемент струнного инструмента, сходного с лирой, в которых возносилась хвала или звучало порицание, мы знаем от Посидония, на свидетельство которого здесь ссылается Афиней, Страбона (IV. 4. 4) и Диодора Сицилийского (V. 31).

¹²⁶ ...имя Еврипида (так назывался один бросок при игре в кости)... – Самый удачный бросок при игре в кости, когда выпадало 40 очков, получивший свое имя по некоему Геврипиду (Ἐυριπίδης), одному из Сорока, – судейской коллегии, разбиравшей мелкие денежные тяжбы в аттических демах. Помимо совпадения чисел (40 очков и 40 судей) сыграло роль созвучие его имени с выражением «удачно бросить» (εὖ ῥίπτειν). Трагик Еврипид здесь вовсе не при чем.

¹²⁷ Тот муж, что приобрел богатство... – Из трех стихов, преподносимых как фрагмент трагедии Еврипида, Еврипиду принадлежат первый (недошедшая трагедия «Антиопа», фр. 8) и третий («Ифигения в Тавриде». 535). Гневные слова, будто бы обращенные трагиком к человеку, плохо относящемуся к нахлебникам, на самом деле Ифигения говорит об Одиссее, которого она ненавидит, как и всех, ради чьего отплытия в Трою она была принесена в жертву («Ифигения в Авлиде»).

¹²⁸ Намазал желчью стол... – Параситу не свойственно сердиться. Проявленное им раздражение (желчь) воспринимается другими как желание порвать с ролью прихлебателя.

¹²⁹ Хоть голодаю... не терплю подобного. – Смысл такой: слушать твою игру готовы (за обед) только те, кто не может сам себя прокормить – «поденщики» (ἀλόβοιτος), а не эскиты.

¹³⁰ Ситокур – буквально «истребитель хлеба» (χεῖρω).

¹³¹ ...Геракл, в еде умеренный. – Буквально «малоед» (ὀλιγόβοιτος). В пародийно-мифологической сицилийской комедии, из которой заимствовали аттические комедиографы, Геракл выступал обжорой и приживалом.

¹³² Не меньше рациона каждодневного триеры... – На триере могло быть более 200 человек (гребцов и солдат).

¹³³ ...от ... раны твой конь ... был продан. – Обыгрывается выражение «скончаться от ран» (ἐκ τραμάτων θνήσκειν).

¹³⁴ ...силодурами... – О сотиатах и силодурах говорит Цезарь в «Записках о Галльской войне»: «В то время как внимание римлян было направлено исключительно на эту капитуляцию, из другой части города главный вождь сотиатов (sotiates, вариант – sontiates) Адиатунн попытался сделать вылазку во главе отряда из шестисот «преданных», которых галлы называют «солдуриями» (soldurii). Их положение таково: они обыкновенно пользуются всеми благами жизни сообща с теми, чьей дружбе они себя посвятили; но если этих последних постигнет насильственная смерть, то солдурии разделяют их участь; и до сих пор на памяти истории не оказалось ни одного такого солдурия, который отказался бы умереть в случае умерщвления того, кому он обрек себя в друзья» (III.22) (пер. М.Покровского).

¹³⁵ Буду идти я, пока не увижу не знавших... Филиппа. – Перифраз пророчества Тиресия, данного Одиссеей (Од. XI. 122): «Отправься странствовать снова, и странствуй, пока людей не увидишь, моря не знающих».

¹³⁶ ...Дионисиевыми актерами. – Буквально сказано «Дионисовыми лъстецами» (Διονυσιοκόλακες), прозвище, данное служителям бога Диониса. Аристотель в «Риторике» говорит, что выражение «Дионисовы лъстецы» как метафора «от худшего» может применяться по отношению к актерам и постановщикам драм на празднестве в честь Диониса. Впоследствии Дионисовыми (Дионисиевыми, Διονυσιοκόλακες) лъстецами стали

называть подобострастное окружение сиракузского тирана Дионисия (очевидно, сыграло роль сходство имен) и учеников Платона (Диоген Лаэртский. X.8).

¹³⁷ *И не любил, когда трясли за трапезой... /Осотом.* – В тексте обыгрывается созвучие слов *οἰκος* (осот) и *δῆκος* (гордыня). Цитируя стих Еврипида («Он не любил вздувавших спесь за трапезой» – «Просительницы». 864), Эвклид слегка изменяет его, чтобы получился нужный смысл: Капаней был совершенно прав, «не любя тех, кто наваливает на стол слишком много осота». Ср. 159а.

¹³⁸ *Хремонидова война* – война с Антигоном Гонатом (267–262 гг.), очень неудачная для греков, закончившаяся взятием Афин. Названа по имени Хремонида, внесшего предложение начать войну.

¹³⁹ *...проповедовавший эвдемонизм...* – Эвдемониками назывались философы, считавшие счастье высшим благом.

¹⁴⁰ *Вот он, ихор...* – Ихором называлась жидкость, в отличие от крови текущая в жилах богов. В биографии Александра (Плутарх. «Александр». 28) раненый царь, напротив, говорит о себе: «Это, друзья, течет кровь, а не влага, какая струится у жителей неба счастливых!».

¹⁴¹ *...афинянин Эпикрат...* – См. примеч. 34 к кн. VI.

¹⁴² *...приговорили к смертной казни!* – Этот эпизод также известен в пересказе Плутарха («Артаксерс». 22).

¹⁴³ *...в ... книге «Силл»...* – Силлами (σίλλοι) назывались насмешливые стихи, написанные гекзаметрами (Тимон, Антимак Колофонский).

¹⁴⁴ *...царя Антигона.* – Антигон II Гонат (283–239 гг.).

¹⁴⁵ *...у Антигона, прозванного Эпитропом (регент)...* – Этот Антигон, племянник Гоната, известен также под именем Досона (229–221 гг.). Перед тем как стать царем, он был регентом при Филиппе, сыне царя Македонии Деметрия II. В 222 г. до н.э. он нанес при Селласии поражение спартанскому царю Клеомену.

¹⁴⁶ *...счастье Антигона александрійствует.* – Этими словами Аполлофан приравнял удачу Антигона в вышеупомянутой битве к военному счастью Александра.

¹⁴⁷ *Птолемей* – Птолемей III Эвергет (246–222 гг.).

¹⁴⁸ *...именами Телегона и Антиклеи.* – Телегоном звали сына Одиссея, Антиклеей – мать Одиссея. Эвфант хотел показать, что в искусстве лести Калликрат хитроумен, как Одиссей. Со времен сицилийского комедиографа Эпихарма Одиссей прочно занял в комедии место героя-плута, готового на любые проделки.

¹⁴⁹ *...при Филиппе, разгромленном римлянами...* – Филипп V, царь Македонии, был разгромлен римлянами под командованием Тита Фламинина в битве при Киноскефалах (197 г. до н.э.). Полибий пишет, что Гераклид, пользовавшийся неограниченным доверием Филиппа, предал его, выдав замыслы Филиппа враждебным родосцам. Это, по мнению историка, стало чуть ли не главной причиной поражения Филиппа и гибели величайшего царства (Полибий. XIII.4). О самом Гераклиде из Тарента у Полибия говорится, что он, человек с юности порочный, но умный и ловкий, бежал из родного города, уличенный в пособничестве римлянам. Найдя убежище при дворе Филиппа, он лестью завоевал себе место приближенного и доверенного лица.

¹⁵⁰ *Гиероним* – один из последних тиранов Сиракуз, 215–214 гг. до н.э.

¹⁵¹ *...в походе...* – Речь идет о походе персидского царя Артаксеркса III Оха (361–338 гг.) против непокорного Египта. Союзниками Оха были македонцы.

¹⁵² *...отдельный стол, посвященный гению царя...* – Тем самым персидский царь приравнивался к богам. В глазах эллинов это выглядело неуместной профанацией обычной теоксии (угощения богов). Теоксии были главным праздником в Дельфах (впо-

следствии он был позаимствован римлянами и известен под названием лектистерний), когда выставляли столы и множество богов получали приглашение принять участие в пиршестве. За трапезой богов следовало всеобщее угощение. Теоксения была и основной формой почитания Диоскуров в Спарте.

¹⁵³ ...*пошел войною на парфян...* – 53 г. до н.э.

¹⁵⁴ ...*актрисам-лисиодкам...* – Ср. 182с, 211b.

¹⁵⁵ ...*при царе Птолемее седьмом, Эвергете...* – О том, что Гиеракс был придворным льстецом Птолемея VII Эвергета (145–116 гг.), другое прозвище которого Фискон, говорится также у Диодора Сицилийского (XXXIII.22). Птолемей VI Филометор (180–145 гг.) был отцом Эвергета.

¹⁵⁶ ...*об угодничестве афинян перед Деметрием Полиоркетом...* – Помимо почестей, о которых здесь и далее говорится у Афиней, приравнивавших Деметрия к богам, древние историки рассказывают о пребывании Деметрия в Афинах следующее: по прибытии в город новый правитель был поселен в Парфеноне; на том месте, где он сошел с колесницы, афиняне возвели храм Деметрия Нисходящего, в его честь был переименован месяц мунихий, называвшийся отныне деметрием.

¹⁵⁷ ...*святилища Афродиты Ламии и Лезны...* – О знаменитой афинской флейтистке и гетере Ламии, дочери Клеонора, подруге Деметрия Полиоркета, упоминают, кроме Демохара и Полемона у Афиней, также Плутарх («Деметрий». 16,27), Элиан («Пестрые рассказы». XII.17) и Диоген Лаэртский (V.76). Последний, впрочем, говорит о ней как о возлюбленной современника Деметрия Полиоркета – известного философа и правителя Афин Деметрия Фалерского. О гетере Лезне (Λέαινα, «львица»), которой Деметрий тоже посвятил храм, известно, что она была родом из Коринфа и жила в Афинах. Лексикограф Суда называет ее в ряду прославленных коринфских гетер.

¹⁵⁸ ...*почитание как героев...* – Культ героев, детей богов и смертных людей, был распространен по всей Греции. В честь них возводились храмы, так называемые герооны.

¹⁵⁹ *Пеан* – хоровая песнь, первоначально исполнявшаяся в благодарность за исцеление от болезни и прославлявшая бога-избавителя – как правило Аполлона или Артемиду.

¹⁶⁰ *Торжественные гимны* – имеется в виду особый род песен, исполнявшихся во время шествия, откуда их греческое название – просодические (τὰ προσόδια).

¹⁶¹ *Когда Деметрий возвращался с Левкады и Керкиры в Афины...* – Деметрий Полиоркет, снова ставший в 294 г. до н.э. царем Македонии, в 290 г. возвращался в Афины после успешных войн против этолийцев, Фив (пали в 291 г.) и Эпира. *Левкада* и *Керкира* – острова в Ионическом море у побережья Эпира.

¹⁶² *Итифаллический гимн* – гимн, написанный особым размером, где каждый второй стих – так называемый «итифаллик» (– U– U– –); пляска и пение итифаллического гимна сопровождали праздничную процессию.

¹⁶³ ...*Девы Коры в городе / Таинства святыя.* – Кора (Дева) – другое имя дочери Деметры Персефоны, похищенной богом подземного царства Аидом. Здесь речь идет о знаменитых мистериях в Элевсине неподалеку от Афин, где находилось святилище Деметры и куда из города направлялась праздничная процессия. В Элевсине, по мифу, завершилось странствие Деметры в поисках Персефоны, на время которого вся природа погрузилась в печаль и рост растений прекратился.

¹⁶⁴ *О, здравствуй, отпрыск Посейдона мощного, / Здравствуй, сын Киприды!* – Мать Деметрия Фила отождествлялась с Афродитой (Кипридой – ср. о храме Афроди-

ты Филы в Триах, 255с), отец Деметрия Антигон – с сыном Посейдона (прозвище Антигона было Циклоп и Одноглазый).

¹⁶⁵ *Сфинга ододела...* – Сфинга (Сфинкс), по-гречески женского рода, «душительница», полу-женщина, полу-львица – ужасное чудовище, безжалостно истреблявшее жителей Фив (ср. миф об Эдипе). Здесь со Сфингой, наводящей страх уже не на одних фиванцев, а на всю Элладу, сравнивается Этолия, против которой воевал Деметрий.

¹⁶⁶ *...марафонские бойцы...* – т.е. те самые афиняне, деды которых одержали в 490 г. до н.э. победу над персами: нарицательное имя древней доблести.

¹⁶⁷ *...четыре меры полные...* – Четыре черпака (киафа) по 0,045 л каждый. Хитроумный льстец, афинянин объединяет в одной сразу четыре здравицы: предлагая выпить за здоровье своего товарища, он тут же ловко поминает отца Деметрия Полиоркета Антигона, мать Деметрия Филу и самого Деметрия. Смысл льстивого тоста становится еще очевиднее, если вспомнить существовавший на пирах порядок, когда первую чашу полагалось посвящать богам – об обожевлении родителей Деметрия см. примеч. 164.

¹⁶⁸ *...за славную / Победу Антигонову...* – Антигон I Одноглазый, отец Деметрия Полиоркета, был тем из диадохов, кому после смерти Александра удалось сосредоточить в своих руках наибольшую власть, – ему подчинялась почти вся Азия. Четверо других – сатрапы Лисимах, Птолемей, Селевк и Кассандр, – объединившись, нанесли ему поражение в битве при Ипсе (301 г. до н.э.), в которой Антигон был убит. Здесь, вероятно, имеются в виду события 306 г. до н.э., когда, после победы над Птолемеем Лагом у Кипра, Антигон и Деметрий принимают титулы царей. Перед этим, в 307 г. до н.э., Деметрий освободил Афины.

¹⁶⁹ *За Афродиту Филу – третья.* – Ср. то, что мы знаем о посвящении храмов Афродите Ламии и Афродите Леэне (см. примеч. 157), а также то, что говорится далее: в Триах (один из демов Аттики) Афродите Филе был возведен храм (255с).

¹⁷⁰ *...«очагом Эллады»... «пританеем Эллады»...* – Возможно, впрочем, Феопомп, переименовав все тот же известный оракул, данный Афинам, хочет сказать другое: что этот город будет очагом и пританеем – т.е. сердцем – Эллады (ср. 187d-e). Разделив очаг и пританей как сердце и желудок, недоброжелательно настроенный в отношении Афин историк говорит о том, что в город, долгое время бывший важнейшим центром Балканской Греции, стекается в надежде пожить всякий сброд, подобно тому как в пританей люди приходят, рассчитывая пообедать за общественный счет.

¹⁷¹ *...послать человека к воронам...* – Игра слов: *κόλαχες* (льстецы) – *κόραχες* (вороны). То же у Аристофана («Осы».42). «К воронам» – проклятие, часто встречающееся в комедиях.

¹⁷² *...Анаксилай ведь пишет в ...* – Название комедии утеряно.

¹⁷³ *...совсем что черви...* – Тоже игра слов: *κόλαχες* (льстецы) – *σκώληχες* (черви).

¹⁷⁴ *...Город-Льстец, который населяли малийцы.* – Колакия (Κολάχεια). О городе с таким названием больше ничего не известно. Малийцы – жители Малиды (область близ Фермопил, между Северной и Средней Грецией).

¹⁷⁵ *Они раболепствовали...* – Далее речь идет о событиях 281 г. до н.э., когда в ходе так называемых войн диадохов Лисимах был разгромлен и убит Селевком в битве при Курупедионе, а его союзник Антигон захватил Афины.

¹⁷⁶ *...были сторонниками лампсакийца Адиманта...* – Правильнее было бы сказать «партий». Известны имена, по меньшей мере, трех главных льстецов Деметрия (ср. 253а), вокруг каждого из которых в свою очередь сплачивались те, кто хотел быть ближе к царю; одним из них был Адимант. Адиманта среди известных жителей Лампсак в Малой Азии упоминает Страбон (XIII.589).

¹⁷⁷ ...в *Триях*... – Дем в Аттике.

¹⁷⁸ ...*сардианским*... – Сардским, от названия города Сарды в Малой Азии.

¹⁷⁹ *Аморгским* – т.е. сотканным из аморгского (аморгосского) льна – по названию острова Аморгос.

¹⁸⁰ ...*словно это был какой-то Ареопаг*. – Членами Ареопага становились архонты по истечении своих полномочий. Таким образом, каждый год их число увеличивалось на девять человек. Даже если принять во внимание, что какое-то число бывших архонтов, нынешних членов Ареопага, ежегодно умирало, общее их количество могло быть очень большим.

¹⁸¹ ...*от троянских пленников, которых Тевкр поселил на Кипре*... – Здесь и далее излагается миф, объясняющий родство кипрских гергинов с жителями двух одноименных городов в Малой Азии (в Троаде и южнее, в районе Ким). Ср.: Страбон. XIII.589.

¹⁸² ...*в земле их предков*... – Тевкр, сын троянки и Теламона, царя Саламина, был одним из ахейцев, сражавшихся под Троей. Изгнанный из дома отцом за то, что не отомстил за смерть своего брата, Аякса Теламонида, Тевкр основал город на Кипре, назвав его Саламином.

¹⁸³ ...*нами ... правил*... – т.е. правил Солами.

¹⁸⁴ *Артабаз и Ментор* – персидские полководцы и сатрапы западных провинций Персидской державы при последних Ахеменидах. *Артабаз* был военачальником при Артаксерксе II, позднее состоял на службе у Дария III, после смерти которого (330 г. до н.э.), уже при Александре Великом, являлся сатрапом Бактрии. *Ментор*, грек с острова Родос, был зятем Артабаза.

¹⁸⁵ ...*переименованы в лестницы*... – *χολακίδες* – «льстицы», *κλιμακίδες* – «лестницы».

¹⁸⁶ ...*когда у нас сменилась власть*... – т.е. когда власть перешла от персов к македонцам.

¹⁸⁷ ...*в ... уличных «охотниц за быками»*... – т.е. уличных Артемид. Тавропола – одно из имен Артемиды, самой кровожадной, прибывшей в Грецию из Тавриды, где ей приносились человеческие жертвы. Изображение этой богини будто бы было привезено Орестом и Ифигенией и хранилось то ли в одном из храмов в Аттике, то ли в Спарте. Поклонение Артемиде Таврополе (Таврической – от названия Тавра, горной гряды в Крыму, или «охотницы за быками», или «влекомой упряжкой быков – точно не известно) и на греческой земле сопровождалось пролитием человеческой крови. Употребленное здесь же слово «уличный» (*τριώβιτις* – «находящийся на пересечении трех дорог») в первом своем значении тоже является эпитетом богини – Гекаты, покровительницы поздних прохожих и чародейства, которую часто называют «ночной Артемидой» (ср. латинское прозвище Дианы – *Trivia*). Клеарх, судя по всему, хочет сказать одно: женщины эти окончательно опустились, так что в ночную пору стали промышлять чем придется на улицах и перекрестках.

¹⁸⁸ ...*виссоновых*... – Виссоном называли всякое тонкое полотно.

¹⁸⁹ ...*муху – ту самую, смелостью которой Афина*... – У Гомера Афина такими словами укрепляет Менелая, сражающегося с троянцами: «Крепость ему в рамена и в колена богиня послала, // Сердце ж наполнила смелостью мухи, которая, мужем // Сколько бы крат ни была, дерзновенная, согнана с тела, // Мечется вновь уязвить, человеческой жаждая крови, – // Смелость такая Атриду наполнила мрачное сердце...» (Ил. XVII.569–573).

¹⁹⁰ ...*пока война не кончилась*. – О какой именно войне идет речь, наверняка сказать сложно. Известно, что находившийся с 386 г. (по условиям Анталкидова мира) под вла-

стью персов Кипр около 360 г. отпал от державы Ахеменидов. Власть оказалась в руках царей, правивших в крупных городах – Пафосе на западном побережье острова и Саламине на восточном (ср.: Страбон. XIV.684). Комедиограф Антифан (ок. 405 г. – ок. 335 г. до н.э.), описывавший современные ему события, предположительно имел в виду именно это время.

¹⁹¹ *Протей* – морской старец Протей, кроме мудрости, дара угадывать прошлое и предсказывать будущее, был также наделен способностью принимать вид различных существ. Так, уклоняясь от Менелая, стремившегося узнать у него свою судьбу, Протей поочередно превращался в зверя, воду и дерево.

¹⁹² *Эргастерий* – так называлась всякая лавка и мастерская.

¹⁹³ ...сочинения об истории своей родины... – Других фрагментов «Истории Эритр» Гиппия Эритрейского не сохранилось. *Эритры* – город на малоазийском побережье (Иония), напротив Хиоса.

¹⁹⁴ *Царь Кноп* – сын последнего афинского царя Кодра, был, по одним данным, основателем (Страбон. XIV.633), по другим – одним из первых правителей Эритр (Павсаний. VII.3.7).

¹⁹⁵ *Прокуны* – от слова *προχών* – «брехливый пес».

¹⁹⁶ *Перребы* – племя в Фессалии.

¹⁹⁷ *Пенесты* – лексикограф Гесихий так объясняет значение этого редкого слова: «Пенестами называли рабов не по рождению, работавших на земле. О них можно сказать «илоты» (ἐῷλωτες) или наемные работники (λάτρεϊς). Или бедные, или зависимые землепашцы». См. 264а.

¹⁹⁸ *Феопомп же пишет в... «Истории»...* – Известно, что, став продолжателем «Истории» Фукидида, Феопомп ненамного продвинулся в описании жизни Эллады, но оставил свою «Греческую историю» для «Истории Филиппа». Полибий (VIII.11.7) упрекает его в этом, хотя и полагает, что сам Феопомп нашел бы что ответить. Однако то, в каком свете предстают греки в «Истории Филиппа», кажется Полибию недопустимым: «...что же касается речей, позорящих соотечественников, то здесь, думаю я, он не нашел бы себе оправдания, а согласился бы, что тем самым нарушил все мыслимые приличия». О том, что Феопомп был недружелюбно настроен по отношению к грекам, и в первую очередь к афинянам (называл Афины «пританеом Эллады»), Афиней говорит выше (см. 254б).

¹⁹⁹ ...не гетайры, но гетеры... – «Не друзьями, а подружками» (игра слов: ἑταῖροι – ἑταῖραι). Гетайрами («друзьями») при дворе Филиппа назывались командиры конницы, а также другие приближенные к царю должностные лица.

²⁰⁰ ...большую часть Европы... – Речь идет о всегдашнем стремлении македонцев, а позднее римлян, к завоеваниям на Востоке – в Азии.

²⁰¹ ...он-де один настоящий царь, Птолемей... надзиратель над флотом, Лисимах – над казною, а Селевк – над сдонами. – Все названные здесь диадохи в 306–305 гг. до н.э. объявили себя царями. Лыстецы Деметрия называют Птолемея по той должности, которую он одно время занимал при Александре (точнее, он был триерархом), Селевка – по его прозвищу, полученному впоследствии; что касается Лисимаха, то он был одним из наиболее приближенных к Александру македонян, но, видимо, не казначеем (γαζοφύλαξ). Плутарх, пересказывающий ту же историю («Деметрий». 25), сообщает, что из царей обиделся, узнав об этих словах, только Лисимах (поскольку соответствующий пост на Востоке обычно занимал евнух).

²⁰² ...так любил повеселиться... – Плутарх в «Сравнительных жизнеописаниях» так говорит об этой черте характера Суллы: он «был по природе таким любителем шуток, что молодым и еще неизвестным проводил целые дни с мимами и шутами, распутничая

вместе с ними, а когда стал верховным властелином, то всякий вечер собирал самых бесстыдных из людей театра и сцены и пьянствовал в их обществе, состязаясь с ними в остроловии» («Сулла». 2).

²⁰³ ...в своих сатировских драмах на родном наречии. – Историки римской литературы с недоверием относятся к этому свидетельству Афиней. Как предполагают, здесь имеет место путаница: вместо того чтобы самому сочинять комедии, Сулла, судя по всему, с удовольствием читал как раз в его время начавшие появляться ателланы (см.: W. Teuffel. Geschichte der römischen Literatur, § 157, 3).

²⁰⁴ *Корневое слово здесь – μόλαξ...* – Интерес к происхождению слов (этимологиям) персонажи Афиней проявляют часто (ср., например, объяснение того же слова «льстец» через глагол проοκολλᾶσθαι, «приклеиваться», врачом Андрокидом в 258b). Как и в большинстве случаев, приводимые в этом месте этимологии любопытны, хотя совершенно не научны. Истинное происхождение слова не выяснено.

²⁰⁵ ...*саверийскую бутылочку...* – Бомбилей, которому Афиней посвящает отдельную «статью» в «энциклопедии чаш» (книга XI). Бомбилей имел узкое горло, через которое жидкость просачивалась очень медленно, издавая булькающий звук (откуда, очевидно, и название).

²⁰⁶ ...в «Мегарской истории»... – Мегарец Диевхид (IV в.) известен как создатель истории родных Мегар (Τὰ Μεγαρχικά). В том, что события, о которых говорится в приводимом у Афиней эпизоде, происходят не в Мегарах, а на Родосе, нет, впрочем, ничего удивительного. Начав рассказ с Девкалионова потопа, Диевхид в своем повествовании (насколько можно судить по сохранившимся фрагментам «Мегарской истории») касался событий, происходивших в разное время в разных частях Греции. У Климента Александрийского говорится («Строматы». VI.2.26), что начало своего труда историк заимствовал у Гелланика Лесбосского (2-я пол. V в.), автора известных сочинений как по истории отдельных областей Греции, так и по мифологии, в числе которых использованная Диевхидом «Девкалиония».

²⁰⁷ *Нет у рабов ведь собственного города...* – Анаксандрид говорит о том, что никто не является рабом по месту своего рождения (как, например, родившийся в Фивах – фиванцем, а родившийся в Афинах – афинянином), напротив, судьба изменчива: сегодня раб, а послезавтра от дема Сунциона (южная оконечность Аттики) прибыл в Афины и участвует в управлении одним из самых могущественных греческих полисов.

²⁰⁸ *Мариандины* – племя в Малой Азии по соседству с Гераклеей Понтийской.

²⁰⁹ ...не понимая смысла этого слова... – Феопомп, родом из Аттики, мог не знать значения фессалийского слова *пенесты*, приняв его за этноним. Ср. современную этимологию этого слова, сближающую его с такого рода названиями (Διέσται, Κραννέσται – Chantraine, p. 880).

²¹⁰ *Арны* – городок в южной Фессалии, одноименный с беотийскими Арнами, упоминаемыми только у Гомера.

²¹¹ *Пенесты* – πένης по-гречески «бедный».

²¹² ...*Филомела, захватившего Дельфы...* – Филомел из Ледона (Фокида), как рассказывает Павсаний (X.2.2–4), после того как на Фокиду была наложена амфиктионами большая контрибуция, предложил согражданам захватить общегреческое святилище в Дельфах, которое находилось на их территории, что и было сделано. Это событие послужило началом Священной войны, приведшей в конечном итоге к установлению в Элладе гегемонии Филиппа Македонского. О захвате фокейцами святилища в Дельфах см. также 231с и примеч. 46.

²¹³ ...в войну с рабами. – События III в. до н.э.

²¹⁴ *Митридат Каппадокийский*, он же Митридат VI Евпатор, прозванный Великим, – царь Понта, противник Рима, потерпевший окончательное поражение от римлян под командованием Помпея в 66 г. до н.э.

²¹⁵ ... в то время как все остальные... – Ф. Ф. Зелинский, приводя этот фрагмент Посидония в книге «Религия эллинизма» (гл. IX: «Посидоний»), понимает несколько иначе: «... между тем как налицо были для службы им и свободные работники».

²¹⁶ «*Купил хиосец хозяина*» – каким образом пословица, известная по комедии «Друзья» современника Аристофана Эвполида (446–412 гг. до н.э.), могла появиться в результате событий времен Митридатовых войн, не вполне понятно.

²¹⁷ *О наименованиях рабов* – этой теме посвящены исследования известного русско-го античника М. С. Куторги «Общественное положение рабов и вольноотпущенных в Афинской республике» (*Куторга М. С. Собр. соч. СПб., 1894. Т. 1*) и советского исследователя Я. А. Ленцмана «О древнегреческих терминах, обозначающих рабов» (ВДИ. 1951. № 2).

²¹⁸ ... следует отличать понятия «раб» и «слуга»... – Слово «слуга» (οἰκέτης) происходит от слова «дом, хозяйство» (οἶκος), отсюда устанавливаемая Хрисиппом прочная связь слуги и остального имущества хозяина, представление о слуге как части хозяйской собственности (так же объясняет слово «слуга» и лексикограф Суда: слуги – те, которые в доме, πάντες οἱ κατὰ τὴν οἰκίαν. Слово «раб» (δοῦλος), напротив, означает раба по рождению, из-за чего, как говорит Хрисипп, вольноотпущенники, перестав быть слугами, тем не менее остаются рабами. Случаи, когда древние авторы, подобно Хрисиппу, проводят разграничение между οἰκέτης и δοῦλος, достаточно редки (ср.: Платон. «Законы». 763a, 777a).

²¹⁹ *Служка* – слово δῆρος (δῆρος, ἄρορος) встречается у Гомера и Эсхила, где означает «спутник» (слуга) прежде всего бога или царя (ср., например: Эсхил. «Агамемнон». 231). Производным от него является известное по надписям слово ἀροζ(α), означающее «служение» (божеству).

²²⁰ *Прислужник* – слово θεράπων в самых ранних текстах, в первую очередь у Гомера, означает «оруженосец», «спутник на войне». В этом смысле Патрокл – слуга Ахилла, сам же Ахилл и другие герои – слуги Арея.

²²¹ *Спутник* – слово ἀκόλουθοι обозначает собственно тех, кто сопровождает, идет следом. Оно считается производным от χελεύθος – «путь», о чем говорится еще у Платона («Кратил». 405d).

²²² *Подручный* – слово διάκονος, возможно, этимологически связано с глаголом «спешить» и означает «слуга», «посыльный». В надписях эллинистического времени διάκονος – «храмовый служитель», откуда церковное «диакон».

²²³ *Помощник* – ὑπηρέται. Слово заимствовано из морского обихода, и следы этого употребления еще можно видеть (см.: Chantraine, p. 1159). Первоначально ὑπηρέτης – гребец, подчиняющийся командам капитана (ср. глагол ἑρέσσω – «грести»). Устойчивое значение этого слова в языке – «помощник», «слуга» – например, состоявший при гопплите (тяжеловооруженном воине).

²²⁴ *Провожатые* – ἐλάτορες. У Афиня это слово встречается один раз, еще его можно встретить только в «Лексиконе» Гесихия, объяснявшего редкие или вышедшие из употребления слова. Тем не менее его значение не может вызывать сомнений: оно происходит от древнего глагола ἔλονται – «следовать», позднее почти вытесненного его синонимом – ἀκολουθεῖω (от ἀκόλουθος – «спутник»).

²²⁵ *Служители* – λάτρες, как считается, происходит от λάτρον – «плата». В данном случае речь должна идти о людях, свободных по рождению, но вынужденных идти в ус-

лужение за деньги. Впрочем, со временем так могли называть храмовых служителей и просто слуг.

²²⁶ *Геркиты* – ἑρκίται от ἑρκος – «ограда». Слово «геркиты» означает сельских рабов, прикрепленных к одной усадьбе (хозяйству, обнесенному оградой).

²²⁷ *Мноты* – о мнотах в основном известно (со ссылкой на Гермонта у Афиней) только то, что таково было название рабов на Крите. Этимологически μνώτης связывается с δόμος (жилище) или δάμνυμι (укрощать). Помимо этого, у византийского комментатора Гомера Евстафия (XII в.) говорится, что «жители Крита называли словом μνωά рабство вообще (δουλίαν), а словом μνώται прирожденных рабов (τοὺς ἐγγενεῖς οἰκέτας)» (Eustath. II. P. 752, 18 sq.). Малопонятное же применительно к слугам «благородных», возможно, своим появлением в тексте Афиней обязано путанице: ἐγγενεῖς (благородные) вместо ἐγγενεῖς (прирожденные) – ср. приведенный фрагмент Евстафия.

²²⁸ ...огражденными и брошенными... – Эти, очевидно, существовавшие на Крите наименования рабынь встречаются еще только у Евстафия (Eustath. II. P. 944, 6), который, судя по всему, черпал сведения из того же несохранившегося сочинения Селевка. Текст Евстафия здесь очень близок к тексту Афиней.

²²⁹ ...синдромом – раба, рожденного от раба... – Других сведений о синдромах нет. Очевидно, впоследствии слово приобрело отрицательный смысл: Светоний помещает его в своем словаре греческих бранных выражений, поясняя значение σὺνδρῶν через κακοήθης – «порочный, дурной». Подобным образом толкуют это слово Гесихий и Фотий.

²³⁰ *Обиходка* – это слово, встречающееся уже у Гомера и Геродота, восходит к древнему глаголу πέλονται (двигаться) и буквально означает того, кто «движется вокруг» ко-го-то, а значит и заботится о ком-то, служит кому-то.

²³¹ *Побегушка* – слово по происхождению сходно с предыдущим. Оно указывает на движение вперед (про-), так что такая служанка или слуга совершают свои действия впереди идущего следом господина (госпожи).

²³² *Халкиды* – о лаконских рабынях, называвшихся халкидами, из других источников ничего не известно. Ср.: Eustath. II. P. 944, 5.

²³³ ...собеседник... – Персонаж, играющий роль оппонента.

²³⁴ ...сам в горло шел покойникам... – Речь идет о царстве мертвых, где, очевидно, побывал один из собеседников и теперь рассказывает об этом.

²³⁵ *И ахилловы в них поплывут пирожки...* – Выпечка из тонкой ячменной муки.

²³⁶ ...дымчатых вин... – Ср. 131f.

²³⁷ ...из «Фуриоперсов»... – Ср. 228е и примеч. 24 к кн. VI.

²³⁸ *Ведь Кратий... Сибарис...* – Кратий и Сибарис – реки близ Фурий.

²³⁹ ...кошми душу... – Цитируется фрагмент неизвестной комедии.

²⁴⁰ *Рынок хлебами забит... овощами...* – Неизвестный гекзаметр. Буквально сказано: «полон рынок овощей, полон и хлебов». Слова «рынок» (ἄγορῃ) и «полон» (πλήρης) вдохновляют Кинулька на дальнейшую импровизацию.

²⁴¹ ...к часу, когда рынок наполняется народом... – Так по-гречески называлось время между десятью и двенадцатью. Время обеда наступало несколькими часами позже.

²⁴² ...прозвали Плетагором. – Неизвестно, кого из мудрецов в шутку называли Плетагором (Протагора? Пифагора?). Помимо Кинульковой этимологии («Плетагор» от выражения πλήθουός ἄγοράς), возможна также игра слов, основанная на действительном родстве существительного «рынок» (ἄγορά) и глагола «говорить» – (ἀγορεύω). Плетагор – «тот, кто обильно говорит» и «тот, кто говорит в часы, когда рынок полон».

²⁴³ ...приняв ванну... – т.е. вымыли руки, чтобы есть, а угощаемся болтовней.
²⁴⁴ ...воскликнул... – В приведенных стихах Кинульк свободно соединяет два стиха первой песни «Илиады»: «Милая мать, претерпи и снеси, как ни горестно сердцу» (586) и «Вдруг и война и погибельный мор истребляет ахеян» (61), меняя слова и совершенно переиницируя смысл.

²⁴⁵ ...не за дифирамбы... – Сократ у Платона от «нужды» (ἐνδεῖα: у Афиней «нужда» – голод, в «Федре» – любовь) запел дифирамбами («Федр». 238d).

²⁴⁶ ...название... не «Чума», но «Голод»... – I песнь (ῥαψῳδία) «Илиады» носит название Λοιμός (чума, моровая язва). Здесь у Афиней игра слов: голод по-гречески – λοιμός.

²⁴⁷ Знаменье лучшее всех – за живот... сражаться. – Переделка очередного стиха Гомера (Ил. XII.243): «Знаменье лучшее всех – за отечество храбро сражаться» (пер. Гнедича). Вместо «за отечество» сказано: «за обед».

²⁴⁸ ...«я тоже... из любви»... – Фрагмент Филоксена Киферского.

²⁴⁹ Лелеги – древнее, догреческое население ряда районов Балканской Греции и Малой Азии (по имени древнего лаконского царя).

²⁵⁰ Сопостельник (ἐλευνᾱχτοί) – название происходит от глагола εὐνάζω – «укладывать спать».

²⁵¹ Полуовчинники (κατωναχοφόροι) – название происходит от имени одежды, которую носили рабы: «катонака» – платье, отороченное по нижнему краю овечьей кожей.

²⁵² ...жителей Аркадии... – В рукописях разночтение. Возможно, речь идет об ардиеях, живших в Далмации (на восточном берегу Адриатического моря). Ср.: Страбон. VII.315.

²⁵³ ...300 000 человек. – Возможно, что здесь и далее (272b-d) число рабов завышено, что признавалось даже советскими учеными, вынужденными считаться с точкой зрения Ф. Энгельса, которому было «на руку» для его концепции рабовладельческой «формации» доверять этим данным Афиней (ср.: Радциг С.И. Введение в классическую филологию. М., 1965. С. 365).

²⁵⁴ ...мофакон был Лисандр... – У Элиана («Пестрые рассказы». XII.43) так говорится об этом: «Калликратида, Гилиппа и Лисандра звали в Лакедемон мотаками: так назывались там рабы из богатых домов, которых вместе с сыновьями хозяев посылали в гимнасий для совместных упражнений; Ликург не только допустил это, но даже даровал права гражданства тем, кто содействовал обучению мальчиков» (пер. С.В. Поляковой). Плутарх, хотя знает о таком обычае спартанцев, в биографии Лисандра ничего подобного не говорит, ограничиваясь упоминанием, что Лисандр вырос в бедности.

²⁵⁵ ...победил афинян на море... – В битве при Эгоспотамах (405 г. до н.э.).

²⁵⁶ ...этот Эпитимей... – т.е. Придира (от ἐπιτίμιω – «порицать, упрекать»), шутовское прозвище историка Тимея из Тавромения. Ср. 362b.

²⁵⁷ ...хойникомерами. – Хойником (хеником) назывался дневной паек раба, около 1 л зерна. Хойникомерами (χοινιχομέτραι) коринфяне назывались, похоже, потому, что из-за очень большого количества принадлежащих им рабов они проводили все свое время, отмеривая их ежедневные порции.

²⁵⁸ ...в 177-ю олимпиаду... – Должно быть, видимо, «в 117-ю» (312–309 гг.), так как именно в это время Афинами правил Деметрий Фалерский.

²⁵⁹ ...афинских граждан... – Женщин во время переписи вообще не считали.

²⁶⁰ ...второе восстание рабов... – 104 г. до н.э.

²⁶¹ ...с Евном в Сицилии. – Евн руководил первым восстанием сицилийских рабов (130-е годы до н.э.).

²⁶² ...*легат его Котта*... – Луция Аврункулея Котту неоднократно упоминает в «Записках о Галльской войне» сам Цезарь, но от его сочинения ничего не дошло.

²⁶³ ...*на нашем родном языке*. – На латинском, поскольку эти слова принадлежат Ларенсию.

²⁶⁴ ...*сибарит Сминдирид*... – Этого Сминдирида (Сминдириса) из Сибариса в Южной Италии (города, известного особым пристрастием его жителей к роскоши) упоминает как «человека, утопавшего в роскоши» уже Геродот (VI.127). Элиан («Пестрые рассказы». IX.24) рассказывает о нем, будто он, «проспав на ложе из розовых лепестков, встал поутру с жалобой на вскочившие от этого волдыри».

²⁶⁵ ...*победили греков*... – Возможно, имеется в виду взятие римлянами городов Великой Греции в первой половине III в. до н.э.

²⁶⁶ ...*они одолели их на море*. – Речь идет о победе римского флота над карфагенским при Милах (Сицилия) в 260 г. до н.э. Карфагеняне (пунийцы) были по происхождению финикийцами (лат. *Poenus* = греч. Φοίνιξ).

²⁶⁷ ...*сомкнутому строю*... – Буквально сказано «рукопашному бою фалангами». Сомкнутый строй, иначе фаланга, стал знаменит благодаря победам Александра Великого. Первоначально римские легионы строились фалангой (восемь рядов тяжеловооруженных воинов). Впоследствии такое построение уступило место подвижным когортам и манипулам.

²⁶⁸ *Длинный щит* – продолговатый щит, по-латыни *scutum*, был неотъемлемой частью вооружения римского воина. Он противостоял круглому щиту, называвшемуся *clipeus*. И удлиненный, защищавший человека целиком, и круглый щит имели соответствия в оружии греков: греческий продолговатый щит, *θυρεός*, получил свое название от слова «дверь» (θύρα), греческий круглый щит назывался *ἀσπίς*.

²⁶⁹ *Самниты* – итальянские племена, покоренные Римом.

²⁷⁰ ...*нелепо кажется богам приносить отечественное, самим же услаждаться привозным*... – Речь идет о том, как совершались обряды жертвоприношения. Богам приносились начатки, после чего участники действия принимались за совместную трапезу, где ели те самые продукты, от которых часть была только что принесена в жертву.

²⁷¹ *Муций Сцевола был одним из трех*... – Вероятно, речь идет о Квинте Муции Сцеволе, консуле 117 г. до н.э., известном юристе, учителе Цицерона и Аттика. *Элий Туберон* – Квинт Элий Туберон по прозвищу Стоик, римский оратор, историк и юрист, консул-суффект 118 г. до н.э. Он был сыном Элия Туберона – зятя знаменитого полководца Эмилия Павла. О *Рутилии Руфе* см. 168е.

²⁷² ...*закон Фанния*... – Фанний, зять Сципиона Эмилиана, консул 161 г. до н.э., издал закон, направленный против роскоши. Познакомившись во время завоевательных походов начала II в. до н.э. с утонченным бытом эллинистического Востока, римляне расплатились за военные успехи тем, что внесли в свою жизнь, наряду с любовью к комфорту, также и сопутствующие пороки: распутство, мотовство, обжорство. Необходимость защитить устои традиционной морали вызвала появление ряда законов, ограничивающих траты: Орхийев (182 г. до н.э.), Фанниев (161 г. до н.э.), Дидиев (143 г. до н.э.). Плиний в «Естественной истории» (X.139) рассказывает: «Откармливать кур раньше всего начали на Делосе, откуда и пошел пагубный обычай поедать упитанных птиц, приправленных собственным жиром. Их касалось первое запрещение, которое я нахожу в древних законах о пирах, – уже в законе консула Гая Фанния, принятом одиннадцатую годами раньше третьей Пунической войны, где говорилось, что «не следует брать пернатых, кроме одной откормленной курицы». Этот параграф затем обошел все законы».

²⁷³ ...*три в месяц*. – Согласно Макробию («Сатурналии». I.15.13), базарным был каждый восьмой день («нундины»).

²⁷⁴ *Турсион* – об этой похлебке из морской собаки больше ничего не известно. Плиний (IX.34) упоминает рыбу турсия, или турсиона (thursio): «Похожи на дельфинов так называемые турсионы. Отличие в грустном выражении – поскольку отсутствует присущая тем веселость – и, главное, в том, что мордами они больше всего сходны со злыми собаками». О турсии также см. 310с-е.

²⁷⁵ *Так поступать...* – Эта оценка, по-видимому, принадлежит стоику Посидонию, которого пересказывает здесь Афиней.

²⁷⁶ ...*победитель Митридатова флота...* – События времен Третьей войны с Митридатом (74–64 гг. до н.э.). Ср. также 51а.

КНИГА СЕДЬМАЯ

¹ ...*потчует нас речами...* – Ср.: «...потчует его прекрасными доводами» (Платон. «Государство». 571d), а также «Застольные беседы» Плутарха (672е–673а). Здесь, как в предыдущих и в последующих книгах (Афиней. 12b, 12е, 185а, 358с и др.), обыгрывается ситуация речевого пиршества, на котором достойные восхищения блюда – это ученые беседы участников, приправленные цитатами из многочисленных античных авторов, как редких и практически забытых в эпоху Афиня, так и ставших классикой, таких, как Платон. Вообще Платон как родоначальник литературного жанра пира – основополагающий автор для Афиня. Его «Пир мудрецов» начинается (ср. 2а) с игры с платоновским «Федоном» и «Пиром», а завершается (702b-с) прямой цитатой из писем Платона. У Афиня Платон не только самый цитируемый автор после Аристотеля и Феофраста, но и постоянный повод для литературной игры «Пир Афиня – Пир Платона»: участники пира Афиня нередко прибегают к платоновским формулировкам, отсылающим образованного читателя к оригиналу: так, в своей следующей реплике «...поблагодарить меня за науку» Кинульк снова обыгрывает «Государство» Платона (338b). Подробнее о роли Платона в тексте Афиня см. статью Майкла Траппа (*Trapp M. Plato in the Deipnosophistae // Athenaeus and his world. University of Exeter Press, 2000*).

² ...*празднество, в наше время уже позабытое, так же как и празднества рапсодов...* – В отличие от празднеств-состязаний рапсодов (певцов-исполнителей гомеровских поэм), которые согласно эпиграфическим данным спорадически проводились вплоть до III в. н.э. (т.е. пережили самого Афиня где-то на век), Фагесии нигде больше не упоминаются, если не считать византийского комментария Евстафия к «Одиссее», который явно восходит к той же приведенной ниже цитате из Клеарха.

³ ...*афинянин Каллий сочинил трагедию «Азбука»...* – Об этой трагедии и Каллии ничего достоверного не известно, но современные ученые считают, что речь шла скорее о комедии-пародии «Азбучная трагедия» и не ее копировали Еврипид и Софокл, а она – их. Это произведение упоминается также в X книге «Пира мудрецов» и из него приведены описывающие различные буквы греческого алфавита отрывки, наряду с фрагментами трагедий Еврипида, Агафона и Феодекта, использующими сходные приемы (453с–454f).

⁴ ...*Птолемей учредил много разных праздников и жертвоприношений, особенно в честь Диониса...* – Вероятно, имеется в виду Птолемей IV Филопатор и его сестра-жена Арсиноя III (III в. до н.э.), однако вся египетская династия Лагидов уделяла особое вни-

мание Дионису, отождествляемому в их царстве с важными египетскими божествами – Осирисом и Сераписом. Египетское дионисийское празднество сравнивается со вторым днем аттических анфестерий, см. примеч. 6 к кн. IV.

⁵ *Обедов сколько! Как мы одолеем их?* – В оригинале этого предположительно комического отрывка неизвестного автора используется распространенная в древнегреческом языке *figura etymologica* «прообедаем обедов» (глагол сопровождает прямое дополнение, однокоренное глаголу, как в русском «горе горевать»).

⁶ *...лунное светило способствует гниению...* – О связи пищи с астрологией и медициной у античных авторов вообще и у Афиней в частности написано немало. Здесь Дафн приводит в пример распространенное воззрение той эпохи; ср. «Застольные беседы» Плутарха, книгу III, вопрос 10 «Почему мясо загнивает скорее при луне, чем при солнце».

⁷ *...только рыба удостоилась зваться приварком...* – О приварке-закуске *δψων* и его месте в греческой жизни см. подробно примеч. 27 к кн. IV.

⁸ *...по слову Пифии...* – Часть знаменитого оракула, полученного мегарцами в Дельфах; Аретуса, упоминаемая здесь, – река на острове Эвбея, а вовсе не одноименный поток в Сицилии.

⁹ *...призывают на помощь «эпикуров».* – Каламбур; имя Эпикур означает «помощник». Далее следует длинная язвительная цитата из комедии Батона, уже приведенная Афинеем в книге III(103с); похожий фрагмент из другой его комедии приведен в IV книге (163б).

¹⁰ *...киренаики и фасосские мнесистратовцы...* – Имеются в виду последователи проповедовавшего жизнерадостное наслаждение и внутреннюю свободу космополитического философа Аристиппа (435–366 гг. до н.э.), который был оттуда родом, и последователи философа Мнесистрата сходной направленности.

¹¹ *...некий Случай-бог...* – В эпоху эллинизма божество, оттеснившее на второй план традиционных олимпийских богов; стяжавшая поклонение в эллинистические времена после исчезновения патриархального уклада (культ с IV в. до н.э.) богиня случая Тиха (Τύχη), аналогичная римской Фортуне. Важный структурный элемент новой аттической комедии, как собственно в приведенном отрывке.

¹² *В Коринф бы из гулянки многодневные...* – Жители Коринфа славились распущенностью своих нравов и изнеженностью, к тому же там были лучшие в Греции публичные дома. Афины и Коринф всегда очень враждовали, так что подобное общение выглядело столь же неправдоподобно, как традиционно торгующие овощами мегарцы, которые будут бесплатно варить свою капусту в противоположных целях (общезвестное в античности средство), союзники, нежащиеся в банях, или жители Эвбеи, угощающие своим вином.

¹³ *...поэт, опишавший возвращение Атридов...* – Неизвестный рапсод времен Гомера, но, возможно, и один из более поздних эпических поэтов, так называемых «кикликов», которые в своих поэмах (сохранившихся лишь фрагментарно) описывали события, происходившие с героями «Илиады» и «Одиссеи» до и после описанных Гомером событий. Так, существовала поэма «Возвращения», в которой рассказывалось о возвращении домой из-под Трои победоносных ахейцев, в том числе и сыновей Атрея (и правнуков Тантала) Агамемнона и Менелая; к ней, в частности, могло бы относиться и данное описание.

¹⁴ *...называют губами сладострастных распутников.* – Это шутовское прозвище приверженцев мужской однополной любви (кстати, даже в зоологической номенклатуре прошлого века эта рыба носила имя *Labrus cinaedus*) выигрывает еще и потому, что в «Одиссее» и у некоторых трагиков это слово используется для характеристики достойных мужей – «предприимчивые, добытчики» (примеч. переводчика).

¹⁵ *Антий, или красавка*. – Современные ученые не могут предложить удовлетворительной идентификации, в качестве вариантов выдвигались средиземноморский антиас (*Anthias anthias*), один из видов каменного окуня (*Serranus anthias*) и пр.

¹⁶ *«Истории тельхинов»*... – Тельхины – мифический народ, сведения о котором в античной литературе весьма обрывисты и скудны. Они считались аборигенами Родоса и сыновьями моря. Были способны ко многим искусствам, но не делились своими умениями с окружающими. Создали первые изображения богов. Рея передала им на воспитание младенца Посейдона. Они вырастили его, тот родил от их сестры 6 ужасных сыновей и был вынужден спрятать их в недра земли. Чтобы избежать грозящего им наводнения, тельхины рассеялись по всему свету.

¹⁷ *«священ гикес»*. – О гикесе (или *гике*) подробнее см. 327с.

¹⁸ *«нельзя вмести́ть в стихотворный размер?»* – Имеется в виду осетр, чье греческое название (*ἀνταῖος*) не могло быть помещено в гекзаметрический стих (долгий, краткий и снова долгий слог основы). Ответ на этот вопрос мог быть потерян в конце страницы вместе с соответствующей главкой (*примеч. переводчика*).

¹⁹ *«рыба эта посвящена Гермесу»*... – Гермес – покровитель глашатаев, а Аполлон – музыкантов.

²⁰ *«двумя богинями»*... – Деметрой и Персефоной (*примеч. переводчика*).

²¹ *На праздник выдает он угощение»*... – Дословно «в праздник четвертого дня»; вероятно, имеется в виду стереотипный скупой хозяин, принимающий гостей в день рождения Гермеса и Геракла, выпадавший на четвертый день месяца, или в день Афродиты Пандемос.

²² *«похваляющегося своим ремеслом повара»*. – Здесь, как и далее, выводится типическая фигура повара Средней и Новой комедии: хвастун, прославляющий собственное искусство, непременно открывший новый гастрономический закон сочетаемости ингредиентов, способов приготовления и т.п. и сопрягающий свои познания и умения с познаниями и умениями философов, музыкантов, художников, врачей, астрологов и пр. О роли образа повара в комедии и в греческом обществе см.: *Berthiaume G. Les rôles du mageiros*. Leiden, 1982.

²³ *«лечиться от так называемой священной болезни»*... – В узком смысле эпилепсия, но часто под священными подразумевались все неизлечимые болезни непонятного происхождения.

²⁴ *«с носом заткнутым»*... – Пародия на подвиг Одиссея, спасшего спутников от губительных песен Сирен, заткнув им уши воском: в данном случае уязвимый орган – нос, и его затыкают, чтобы не поддаться гастрономическому соблазну.

²⁵ *«пиндаровские «чаровательницы»»*... – Речь идет о шести золотых птицах, которые украшали фронто́н в третий раз возведенного (из бронзы Афиной и Гефестом) храма в Дельфах и которые так завораживали посетителей, что те забывали о всех своих нуждах и чувствах и умирали. Согласно восьмому пеану Пиндара, Зевс разгневался и поразил злосчастный для посетителей храм перуном, убив птиц и спрятав храм от людских глаз. Конец этой истории неясен: по одной из версий Афина затем наделила ворожей пророческим даром и, вероятно, так появились пифии.

²⁶ *«дионисовых мастеров»*. – т.е. актеров трагедии и комедии.

²⁷ *«живопись исследовать»*... – Примерно так же думал и великий французский повар начала XIX в. Антонин Карем (готовивший впоследствии и для Наполеона, и для Александра I), просяживая в юности в период работы подмастерьем каждую свободную минуту в кабинете гравюр парижской национальной библиотеки.

²⁸ *Архестрат, ревновавший к роскоши самого Сарданапала, утверждает...* – Очень странный пассаж с любой точки зрения. Даже если Архестрат, живший в IV в. до

н.э., мог что-то знать об ассирийском царе Сарданапале, жившем за три века до его рождения (Сарданапал действительно впервые упоминается у Геродота (II.150), однако описание его роскошной и распущенной жизни появляется у греческих писателей гораздо позже: у Полибия, Плутарха, Лукиана), то откуда бы он узнал о нравах римлян периода Империи через примерно те же триста лет после своей смерти? Что-то совершенно не сходится. В IV в. до н.э. римляне были для своих соседей из Великой Греции маленьким варварским местным италийским народом, одним из многих, с которыми они практически не общались, и уж тем более у римлян той поры не было в обычае есть на пирах дорогостоящую изысканную рыбу (аккипесий – искаженное латинское *accipenser*, осетр, которого часто путали с катраном) – только через век чума роскоши начнет постепенно проникать в вечный город, и Катон Старший будет жаловаться, что рыбу покупают по цене быка. Можно найти этому три объяснения. Первое, что Архестрат действительно что-то подобное сказал, но имел в виду этрусков, которые уже несколько веков жили в роскоши, а не в те времена совершенно аграрных римлян, а в какой-то момент, то ли при переписке рукописи, то ли у самого Афиней, мифические ко II в. н.э. этруски превратились в римлян. Второе, что в рукописях «Пира мудрецов» на раннем этапе образовалась лакуна и пассаж о подаче у римлян большой рыбы с флейтами и венками относится к нижеследующей фразе о грамматике Апионе и его сочинении о роскоши знаменитого римского гурмана (что весьма правдоподобно), а вот в чем выражалась ревность Архестрата к Сарданапалу, вероятно, уже никогда не узнать. И третье, что Афиней (крамольная мысль, а может и кто-то из переписчиков), наделенный весьма своеобразным чувством юмора, изысканно пошутил, объединив под единым позднееллинистическим сводом Древний Восток, Грецию и Рим и наглядно явив искушенному читателю связь времен и преемственность культур. Есть и четвертое, что утомившийся переписчик (или, крамольная мысль, сам Афиней), отвлекшись, совершил опisku и вместо имени Архестрата на этом месте должно было стоять имя некоего любителя роскоши, жившего в период поздней римской Республики или ранней Империи, но это, пожалуй, самое разочаровывающее предположение.

²⁹ ...Тесей, когда стал красавцем... – Об отношениях Тесея и Тлеполема (сына Геракла) ничего неизвестно. Единственное, что их как-то связывает, это то, что Геракл освободил Тесея из подземного царства, а Тлеполем начал свою взрослую жизнь в Аттике. В дальнейшем он жил на Родосе и привел 9 кораблей под стены Трои, где и погиб, сражаясь с Сарпедоном. Возможно, так как Тесей воплощает собой Афины, а Тлеполем – Родос (цитата в контексте разговора о родосской акуле), эта фраза – злободневный комментарий на тему тогдашних отношений Афин и Родоса.

³⁰ *Главк* – несмотря на ее популярность в древней Греции, для этой рыбы до сих пор не предложено удовлетворительной идентификации; рассматривались различные варианты: луфарь (*Pomatomus saltator*), лихия (*Lichia glauca*) и даже синяя акула (*Prionace glauca*).

³¹ *Ты отыскал траву богов, посев Крона*. – Мотив волшебной травы, известный со времен «Одиссеи» (траву моли, которую Гермес дает Одиссею, чтобы защитить его от чар Кирки), здесь обретает новое назначение: запретное бессмертие людей, бывшее естественным во времена золотого века и в правление Крона, отца Урана и деда Зевса, но ставшее богам впоследствии ненавистным.

³² *Сукновал* – по некоторым отождествлениям шагреневый скат (*Raja fullonica*).

³³ *Лакий* (критская форма имени Рахий) – мифологический персонаж, муж Манто и отец Мопса; цитируемый текст сильно искажен (примеч. переводчика).

³⁴ *...поклонник Эпикура...* – Буквально «празднующий двадцатый день» (месяца Гамелиона), годовщину смерти Эпикура (*примеч. переводчика*).

³⁵ *...чуть было не умер от ожогов.* – Жадно есть пышущие жаром лакомства, чтобы они не успели достаться сотрапезникам по пиру, – один из основных признаков опсофага, развращенного роскошью и чревоугодием человека. Подробнее о подобных людях и об их специальных приспособлениях и тренировках ради поглощения первыми самых раскаленных лакомств Афиной рассказывает в книге I (5e-f, 6c-d).

³⁶ *...лишила мошонки...* – Популярное античное заблуждение, что угорь лишен половых признаков; поэтому поэты так часто сравнивали его с беспорочной девой-невестой.

³⁷ *У вас и угорь – божество великое...* – Еще Геродот (II.72), а с ним и многие более поздние источники упоминают, что угорь с несколькими другими нильскими рыбами (их названия как раз варьируются от источника к источнику) действительно почитался в Египте священным.

³⁸ *...листья свеклы...* – Листовая свекла, ныне именуемая мангольд, была даже более популярна в античности, чем корневая. В большие листья свеклы, так же как и в листья смоковницы, особенно нежную и крупную рыбу и другие продукты заворачивали главным образом, чтобы предохранить их от излишнего жара во время запекания и прочей тепловой обработки, а собственно листья, скорее всего, уже потом не ели.

³⁹ *Элоп* – рыба не идентифицируется, популярная ранее трактовка «осетр» признана ошибочной.

⁴⁰ *...в моем родном Навкратисе...* – Одно из малочисленных выступлений Афиней от первого лица, как всегда связанное с египетским городом, откуда он был родом.

⁴¹ *Рыба-печенка, или лебий* – также не идентифицируется, хотя, возможно, – это какой-то вид пагеля или каменного окуня.

⁴² *Рыба-веретено* – не идентифицируется.

⁴³ *...мучаются от овода...* – Скорее всего, имеется в виду паразит тунцов, часто поражающий и рыбу-меч, – *Brachiella thynni*.

⁴⁴ *...в море растут дубы...* – Скорее всего, имеется в виду моллюск морской желудь, а дубы привнесены для эффекта (тунец ко всему прочему еще и хищная рыба и растительностью не питается). К тому же у Полибия, а также Страбона (III.2.7) описывается не Лузитания, а Турдитания и речь идет о берегах Бетис (ныне Гвадалквивир). Зато и свиное и тунцовое подбрюшье действительно считаются деликатесами и по сей день у самых разных народов, от японцев до итальянцев.

⁴⁵ *И третий ключ, лаконский.* – Тут двойная игра слов: ключи тунцов и настоящий секретный ключик (такие делали в Спарте), а также ὄλταῖ имеют двойное значение – «жареные» и «видимые», в отличие от спартанского, ключи.

⁴⁶ *Рыба-конек* – не идентифицируется, кто-то указывает на корифену (золотую макрель), кто-то на морского конька.

⁴⁷ *Кабан и кремид* – не идентифицируются удовлетворительно; возможно, один из мелких видов сомов.

⁴⁸ *Кифар* – возможно, тюрбо (*Psetta maxima*).

⁴⁹ *...средний день Фесмофорий...* – Он назывался «нестия» (пост). Сам праздник продолжался три дня, ежегодно справлялся женщинами Афин с 11-го дня месяца Пианепсиона и был посвящен Деметре и Персефоне (*примеч. переводчика*).

⁵⁰ *...псы молосские...* – Известная уже в античности своими размерами и свирепостью порода собак. Так киники показывают, что они опять готовы к бою, а на протяжении пира соблюдали единственную заповедь Пифагора – молчание, формально из-за

своих слабых диалектических способностей, но, как правило, чтобы можно было больше внимания уделить еде.

⁵¹ *Лат* – неидентифицируемый вид рыбы.

⁵² *...воды Скиллы...* – Мессенский пролив между Сицилией и материковой Италией, в котором, по легенде, обитала многоглавая и многолапая лающая Скилла, гроза проходящих поблизости кораблей, которые, пытаясь обойти ее как можно дальше, попадали в губительный водоворот Харибды.

⁵³ *...вернее, Катагелы?* – Каламбур, заимствованный у Аристофана («Ахарняне». 606). Гела, сицилийский город и предполагаемая родина Архестрата, созвучна греческому «смеяться», а Катагела – «ухахатываться» (примеч. переводчика).

⁵⁴ *...пятьдесят дней...* – В переводе В.П. Карпова (Аристотель. ИЖ.V.87) указано 15 дней. Ср. 323f (примеч. переводчика).

⁵⁵ *...барабульку приносят в жертву Гекате из-за схожести имен...* – Вероятно потому, что богине подземного царства Гекате на развилках возводили трехликие изображения, так что к ней относится все, что включает в себе «три», даже название барабульки, греч. τρίγυλη. Кроме того, барабулька-тригла особенным образом связана со смертью, так как, погибнув, меняет свой нейтральный цвет на ярко-красный. Из-за этого эффекта она была очень модна в древнем Риме: гурманы сначала наслаждались красочным зрелищем, а потом отдавали ее поварам на кухню.

⁵⁶ *Тавлопий...* – Слово-ошибка, возникшее при соединении в нижеследующем стихотворном фрагменте разделенных апострофом союза *те* («и») и названия рыбы «авлопий». Авлопий – род неизвестной морской рыбы; по некоторым предположениям это *Scomber alalonga* (примеч. переводчика).

⁵⁷ *Рыбы-свиньи* – вид до сих пор однозначно не идентифицирован.

⁵⁸ *...Селинунта, святой реки...* – Имеется в виду река у храма Артемиды Эфесской (Страбон. VIII. 387) (примеч. переводчика).

⁵⁹ *Тем же манером...* – Острогой для крупных рыб (примеч. переводчика).

⁶⁰ *...на андрахну...* – Малопонятное растение (возможно, очиток), используемое в качестве приманки; ср.: Плиний. XXV.162 (примеч. переводчика).

КНИГА ВОСЬМАЯ

¹ *Лузитания* – Лузитанией называлась территория современной Португалии (Иберия и Испания – древние наименования всего Пиренейского полуострова).

² *...мегалополец...* – Полибий происходил из Мегалополя, главного города Аркадии (Пелопоннес).

³ *...много лучше той, что в нашем море.* – т.е. в Средиземном. «Нашем» сказано в противоположность Океану, омывающему берега Лузитании. В древности Средиземное море также называли Внутренним, как всякое, окруженное со всех сторон землей (ср., напр.: Плиний. II.173). Выход к Средиземному морю имели все те государства, один из важнейших периодов в истории которых избрал темой своего труда Полибий (200–120 гг. до н.э.), современник большей части описываемых событий. В 40 книгах его «Всемирной истории», из которых полностью сохранились лишь первые пять, рассказывалось о происходившем в странах Средиземноморья (в Греции, Македонии, Малой Азии, Сирии, Египте, Карфагене и Риме) с начала Первой Пунической войны (264 г. до н.э.) – подробно с 221 г. – и до 144 г.

⁴ ...медимн ячменя стоит там одну драхму... – Медимн – около 52,2 л. Приведенные далее цены явно очень низкие: к примеру, в Риме, где Полибий прожил 16 лет (до 150 г. до н.э.), в то же время приходилось устанавливать законы, ограничивавшие траты на съестное. Так, траты на приварок к обеду на шесть человек, который разрешалось устраивать до трех раз в месяц, по закону Фанния (161 г. до н.э.) не должны были превышать 2,5 драхмы – на эти деньги, если верить Полибию, в Лузитании можно было купить овцу и трех козлят. У Афиняев приводятся цены на домашнюю птицу – по одной драхме, и на фунт рыбной приправы – 0,5 драхмы, как сильно заниженные, позволявшие фактически обойти закон, при этом его не нарушив (274c-d). Кроме того, качество монеты, имевшей обращение в Риме, было, несомненно, выше. О законе Фанния см. примеч. 272 к кн. VI.

⁵ *Метрет* – 40 литров.

⁶ ...весом в сто мин... – Около 40 кг.

⁷ ...в Геракле близ Тиона Понтийского... – Речь идет о колониях на Черном море (Понте Эвксинском). Тион Понтийский, основанный выходцами из Патар, впоследствии колония Милета, располагался на берегу Понта, в Вифинии (область в северо-западной части Малой Азии). Среди более чем 10 городов, носивших название Гераклея (по имени популярного во всем Средиземноморье героя Геракла), здесь, судя по всему, имеется в виду Гераклея Понтийская, колония Мегары (ср.: Павсаний. V.26.7), а не та упоминаемая Афинеем в XI книге (461e) Гераклея, которая находилась в Локриде, близ Фермопил.

⁸ ...пафлагонские подземные рыбы... – Пафлагония – область на севере Малой Азии, между Вифинией и Понтом. Здесь «пафлагонские», очевидно, значит то же, что «вифинские». Границы Вифинии и Пафлагонии разные авторы представляли себе по-разному. Так, римский географ I в. н.э. Помпоний Мела говорит о Тионе как о городе в Пафлагонии («Описательная география». I.104.1). Так же определяет местоположение Тиона автор объемного труда по географии Стефан Византийский, живший в VI в. н.э.

⁹ ...в реке Аорне, протекающей через Феней... – По-видимому, то же что Ароаний – река в северной Аркадии, упоминание о которой несколько раз встречается у Павсания (VIII.14.3 и др.). Феней – город в Аркадии на этой реке.

¹⁰ ...называют ее пестрой. – Рассказывая об этих местах в Аркадии, Павсаний (VIII.21.1) также упоминает о пестрых рыбах, водящихся в реке Аорне: «Среди других рыб в Ароание есть так называемые пестрые рыбы. Говорят, что эти пестрые рыбы издают такой же звук, как пение дрозда. Я видел их пойманными, но не слышал, чтобы они подавали голос, хотя я простоял у реки до самого солнечного захода: говорили, что рыбы подадут голос особенно в это время» (пер. С.П. Кондратьева).

¹¹ *Елор* – река в Сицилии.

¹² ...в Аретузе Халкидской... – Источник близ Халкиды на Эвбее, знаменитый оракулом, данным жителям Мегар (Эгия), в котором халкидцы назывались самыми мужественными людьми в Греции.

¹³ ...за Пиреной до реки Нарбона... – От гор Пиренеев до реки Атакс (нынешнее название – Од).

¹⁴ ...реками Иллиберием и Роскином... – Иллиберий – река в Нарбоннской Галлии (ныне Тек во Франции). Роскин (Рускинон) – по-видимому, нынешний Тет.

¹⁵ *Максины* – неизвестная морская рыба. Дорион у Афиняев (315f) отождествляет ее с треской (γαλλερίας, ὄνισκος).

¹⁶ *Эзокет* – ἐξώκοιτος, буквально «спящий снаружи». Существовало поверье, что эти рыбы выходят из воды и спят на берегу.

¹⁷ ...близ аркадского Клитора... – Город в Аркадии у одноименной реки (Павсаний. VIII.21.1).

¹⁸ *Во времена Митридатовых войн...* – Было три войны с Митридатом (Митридат VI Эвпатор, царь Понта), закончившихся победой римлян: 89–84 гг. до н.э. (I война), 83–82 гг. до н.э. (II война), 74–64 гг. до н.э. (III война).

¹⁹ *Апамея Фригийская* – город во Фригии на реке Меандр (др. название – Апамея Кибот).

²⁰ ...*«О правителях Эреса», что в Херсонесе...* – Эрес – город на западном берегу Лесбоса. О каком Херсонесе писал Фений, точно сказать трудно. Самыми известными были Херсонес Фракийский на Геллеспонте и Херсонес Таврический (Скифский).

²¹ *Пеония и Дардания* – области к северу от Македонии.

²² *Деметрий* – речь идет о сирийском царе Деметрии II Никаторе (145 – 140 гг. до н.э.). *Трифон Апамейский* (Диодот) узурпировал власть и некоторое время (142–138 гг.) был правителем Сирии. Тот же случай упоминает Страбон (XVI.26), однако относительно исхода сражения расходится с Афинеем. В его передаче победителем (у него – в схватке между Птолемеями и Сарпедоном) вышел Сарпедон, а приливная волна, напротив, накрыла бегущих с поля боя Птолемеев. *Птолемида* – прибрежный город в Финикии южнее Тира.

²³ *Посейдон Отвратитель* – призываемый под этим именем (Тропей, Τροπαιῶς от глагола τρέλλω – «поворачивать», «обращать вспять»; ср. известные изображения Горгоны – апотропеи) Посейдон был призван отвращать грозившие на море беды.

²⁴ ...*о гадалцах по рыбам...* – Ликийские «рыбные прорицатели», ἰχθυομαντεῖς, из древних авторов упоминаются еще только Евстафием в комментарии на «Одиссею» Гомера (т. 2, 23, 1). *Ликия* – область на юге Малой Азии.

²⁵ ...*полководец Птолемея Патрокл*. – Патрокл был начальником флота при египетском царе Птолемеи II Филадельфе. Приведенный эпизод относится к событиям так называемой Хремонидовой войны, которую афиняне вели против сына Деметрия Полиоркета Антигона Гоната (283–239). Павсаний (III.6.4–5) так рассказывает об этом: «Когда в Спарте царствовал Арей... Антигон, сын Деметрия, двинулся походом на Афины и с пешим войском и с флотом. На помощь афинянам прибыл из Египта Патрокл вместе со своим войском и флотом» (пер. С.П. Кондратьева; ср. также: Павсаний. I.1.1). Хремонидова война оказалась для Афин крайне неудачной: в 262 г. город был захвачен Антигоном. См. 250f и примеч. 138 к кн. VI.

²⁶ ...*или грызите зеленые смоквы.* – т.е. не надейтесь на успех.

²⁷ ...*рыбы морские (χαμαῖνες)*... – Слово, известное только благодаря этому фрагменту Эмпедокла в передаче Афиней. Отсюда же в лексиконе Гесихия χαμαῖνες – «рыбы».

²⁸ ...*принесла после них...* – т.е. после Кастора и Полидевка. По другому варианту мифа, матерью Елены и Диоскуров была Леда.

²⁹ *Рыбье обличье приняв...* – У Аполлодора в «Мифологической библиотеке» (III.10.7) Немезида превращается в гусыню. Елена родилась из яйца, снесенного гусыней-Немесидой и отданного пастухом Леде.

³⁰ *Больба* – озеро в Македонии, на севере п-ва Халкидика, уже в те времена болотистое и поросшее камышом. В этих местах известны две Аполлонии: близ города Олинфа и Мигдонская (обе южнее Больбы). Мигдонская Аполлония, по-видимому, и есть та, о которой пишет Гегесандр. О Больбе, возлюбленной Геракла, матери Олинфа, больше ничего не известно.

³¹ *«Амфиктионы»* – об амфиктионах см. примеч. 16 к кн. VI.

³² *Филенида* – ср. 220e-f, где Филенида (Филиния) упоминается в числе непристойных писателей.

³³ ...свидетели сыны Зевса... – Кастор и Полидевк. Вместо «Диоскуры» (Διόσχοροι, что значит «сыновья Зевса») в эпитафии буквально сказано «юноши, пребывающие в нижнем, т.е. загробном мире» (οἱ κατὸν χοῖρον). Согласно мифу, из двух братьев только один Полидевк был взят на небо. Однако он поделился бессмертием с братом, и с тех пор каждый из них, считалось, проводит часть времени в царстве мертвых.

³⁴ ...по примеру Сарданапала... – О надписи на могиле Сарданапала, которая находилась поблизости от киликийского города Анхиаля, основанного этим ассирийским царем, говорят и другие греческие авторы (Страбон. XIV.672; Арриан. II.5). Хрисипп передает не саму эпитафию (написанную, как говорит Арриан, стихами, но «по-ассирийски»), а ее греческую переделку, принадлежащую поэту Херилу Самосскому (V в. до н.э.). Сам Афиней пишет обо всем этом подробнее в книге XII.

³⁵ ...ο φαεακ... – У Гомера феаки – сказочный народ, живший счастливо и беззаботно на несуществующем острове Схерия (в древности считалось, что это Керкира у западного побережья Греции). Царем феаков был Алкиной.

³⁶ ...Ο συλλαх... – см. примеч. 143 к кн. VI.

³⁷ ...Средней комедии... – Ученые-филологи в Александрии делили аттическую комедию на Древнюю (с момента возникновения до 400 г. до н.э.), Среднюю (ок. 400 – ок. 320 г. до н.э.) и Новую (после 320 г. до н.э.). Произведения Средней комедии сохранились в незначительных фрагментах, из авторов самыми известными были Алексид и Антифан.

³⁸ ...включить ее в каталог... – Речь идет о знаменитых «Таблицах» Каллимаха (см. примеч. 111 к кн. VI), каталогах драматических произведений, составленных Аристофаном Византийским (III–II вв. до н.э.) и каталогизаторской деятельности Пергамской школы (II в. до н.э.).

³⁹ Ликей, да Одеон, да Академия... – Одеоном (от греч. ὄδῃ – «песня») назывался театр в Афинах, построенный Периклом для состязаний рапсодов и кифаредов; примечателен вход в него (у Афиней буквально сказано «ворота Одеона»), который, говорится у Павсания (I.8.6), украшали статуи египетских царей. В одном ряду с Ликеем, где помещалась школа Аристотеля, и Академией, где учили последователи Платона, и также Одеон приобретает значение места, где можно было слушать философов. Действительно, от Диогена Лаэртского мы знаем о том, что в Одеоне вел занятия стоик Хрисипп (VII.7). Именно ему принадлежит приводимая тут же переделка надгробной надписи Сарданапала как ответ философов, призывавших заботиться о душе, всем бывшим на стороне земных радостей.

⁴⁰ ...и Кимон, и Перикл, и Кодр. – Славные имена героев прошлого, которым их доблесть не помешала благополучно отправиться в царство теней. Кодр – легендарный царь Афин, пожертвовавший жизнью ради спасения родины; Кимон (510–450 гг. до н.э.) – знаменитый афинский политик и военачальник времен Персидских войн; Перикл (495–429 гг. до н.э.) – противник Кимона, самая влиятельная фигура в период расцвета Афин, после побед над персами и до начала Пелопоннесской войны.

⁴¹ Ешь черепашину или не ешь ее. – Мясо черепахи, при употреблении его в небольших количествах, вызывало желудочные колики, а в больших действовало как слабительное. В этом высказывании, видимо, следует видеть пародию на известное изречение о поэзии: «Напейся досыта из пиэрийского источника или не пей из него вовсе».

⁴² Храм Зевсопосейдона... – Во II книге (42а) Афиней упоминал храм Зевсопосейдона в Кари; имя этого карийского божества, кроме того, встречается в некоторых надписях. Из двух известных городов, носивших название Милы, один находился в Сицилии, другой – в Фессалии. Почему храм Зевсопосейдона оказался в Милах, а не в Кари, не

вполне ясно. Можно предположить, что здесь Милы названы вместо карийского города Миласы (в одной из надписей, найденных на месте древней Миласы, действительно упоминается Зевосепейдон). См. 42а и примеч. 41 к кн. II. Ср. также 348d-e, где о Миласе говорится, что храмов там больше, чем жителей.

⁴³ *О крабах он говорил...* – Дурид здесь приписывает крабу качества, которые на деле должны сопутствовать его поеданию (как перед тем в шутке о тунцах). Возможно, именно эти особенности краба дали повод прозвать Крабом политика Каллимедонта. Другое объяснение «кулинарного» прозвища – Каллимедонт страдал косоглазием (о Каллимедонте-Крабе см. 339f–340e и примеч. 57 к кн. VIII).

⁴⁴ *Никокреонт* – царь Саламина на Кипре. Будто бы по его приказу был убит известный своим острым языком кифарист Стратоник (об этом см. 349e-f).

⁴⁵ *Мужу-флейтисту...* – Элегический дистих неизвестного автора.

⁴⁶ *...перечислять рыб, а это боги.* – Раб принял за перечислять рыб, вкус которых казался Дориону божественным.

⁴⁷ *...в насмешку над описанием...* в «*Моряке*» Тимофея... – Насмешки над излишне натуралистичными описаниями в стихах Тимофея не были редкостью. Ср. 352a-b и примеч. 168 к кн. VIII.

⁴⁸ *...сырая рыба поджарена...* – Игра слов: греч. ὀλτός означает одновременно «видимый» и «жареный» (совпадение форм отглагольного прилагательного от глаголов «готовить» и «видеть», ἔψω и ὄψομαι).

⁴⁹ *...в «Речи и Слове»...* – В основе названия комедии Эпихарма лежит игра слов: обычного для греческого языка λόγος (слово) и чрезвычайно редкого, нигде практически больше не встречающегося – Λογίνα (речь), возможно, «дочь или подруга Слова» (новообразование Эпихарма?).

⁵⁰ *...Борей и Нот...* – Имена двух господствовавших на море ветров: северного (Борей) и южного (Нот).

⁵¹ *Каллимедонт* – как уже говорилось выше (примеч. 43), прозвище Каллимедонта было Краб (Κάραβος).

⁵² *...толице, чем Синопа...* – Синопа – знаменитая афинская гетера, равноправная участница застолий. Возможно понимание, при котором Синопа в этих стихах вовсе не сравнивается с угрем, а, напротив, угорь – ее вклад в пиршество, так же как триглы – вклад Каллисфена. Старуха Синопа многократно упоминается Афинеем в книге XIII.

⁵³ *Коллитиец* – уроженец аттического дема Коллита филы Эгеида.

⁵⁴ *...кифареды и кифаристы.* – Кифаред, в отличие от кифариста, сопровождал игру на кифаре пением.

⁵⁵ *...Тимокл говорит в «Икарийцах»...* – В собрании фрагментов аттической комедии этот отрывок помещают как стихотворный.

⁵⁶ *...дать тебе / Корзинки...* – Буквально сказано: «веревочные сетки». Такие сетки использовали для хранения рыбы.

⁵⁷ *Я со зрачками... Каллимедонтовыми...* – Здесь в оригинале игра слов: выражение κώρας θεραπεύειν одновременно означает «заботиться о девочках» и «лечить глаза».

⁵⁸ *...целитель дочерей Претовых.* – Врачеватель Меламп, наделенный еще и пророческим даром, понимавший язык животных, первый, кто начал лечить людей травами, исцелил от безумия дочерей тиринфского царя Прета. Безумием Претиды были наказаны за отказ участвовать в празднике Диониса. В награду Меламп получил часть царства Прета и взял в жены одну из его дочерей.

⁵⁹ *...в «Федоне», или «Федрии»...* – Объединение в названии сразу двух диалогов Платона: «Федон» и «Федр» (по-гречески название комедии Φαίδων ή Φαίδριος).

⁶⁰ В пьесе же «Мандрагорища»... – Плоды мандрагоры, известной еще как «майское яблоко», оказывали на человека дурманящее действие.

⁶¹ *С Орфеем-Орфом*... – Как Краб было прозвищем лакомки Каллимедонта, так неизвестного Орфея прозвали Орфом, т.е. Окунем. Комический эффект усилен сходством в звучании имени древнего поэта и названия рыбы.

⁶² ...*холодность как оратора*... – Холодность (ψυχρότης), иначе выпренность, признавалась античными теоретиками стиля главным недостатком публичных речей. Характерными чертами «холодности» были чрезмерно усложненный синтаксис, использование заимствований и архаизмов, злоупотребление метафорами и фигурами.

⁶³ *Как рассказывает Гегесандр*... – Следующие истории о поэте Антагоре пересказывает также Плутарх («Застольные беседы». IV.4.668с-d).

⁶⁴ ...*подпоясавшись*... – Чтобы не запачкать одежду.

⁶⁵ *Скилла* – мифическое чудовище с шестью головами и двенадцатью ногами, жившее в пещере по одну сторону узкого пролива, через который лежал путь Одиссея. По другую сторону пролива, напротив Скиллы, обитала Харибда. См.: Од. XII.85–100.

⁶⁶ ...из «*Ниобы*» Тимофеевой... – Тимофей – лирический поэт; «*Ниоба*» – ном, в основу которого положен трагедийный сюжет (ср. примеч. 1 к кн. VI).

⁶⁷ ...и киник Диоген скончался оттого, что съел осьминога сырым... – По Диогену Лазертскому (VI.76), это одна из версий смерти знаменитого киника Диогена (другая – что он намеренно задержал дыхание и от этого умер); раннехристианские авторы не преминули использовать такой нелепый уход из жизни в своей полемике против язычества (Татиан. «Слово против эллинов». 2).

⁶⁸ ...*видом Этны*... – Упоминание Сиракуз в отрывке из комедии Махона и Этны во фрагменте Сопатра свидетельствуют о том, что Филоксен, родом с Киферы (остров к югу от Пелопоннеса), жил и умер на Сицилии.

⁶⁹ ...о *бравших взятки у Гарпала*... – См. примеч. 122 к кн. VI.

⁷⁰ ...*чаек всех сирийцами* / *Оставит*. – Сирийцы не ели рыбу. Ср. 346с-е.

⁷¹ ...*оратор Каллий*... – Более о нем ничего неизвестно.

⁷² *Некий*... *Главк*... – Беотийский бог рыбаков: рыбак, ставший морским жителем в результате чудесной метаморфозы.

⁷³ *Мосхион* – о «прижевале» Мосхионе уже говорилось в 242с.

⁷⁴ ...*упрек в доносительстве*... – Слово «доносчик» (συκοφάντης) означает буквально «человек, указавший того, кто украл смоквы (συκῆ)».

⁷⁵ ...*соленая рыба*... *нарек на похоть*. – Солонина (ταρίχη, тарίχια) – всякое копченое, сушеное, вяленое мясо или рыба. Возможно, здесь обыгрывается сходное влияние, оказываемое на организм такого рода пищей и любовными утехами: то и другое действует иссушающе, вызывая нестерпимую жажду (то же слово по-гречески означает «мумия»). Другое возможное объяснение: одним из видов солонины была свежепосоленная (ср. молодое вино) – тот же эпитет применялся к хорошеньким мальчикам (φραῖα, ср. 116е).

⁷⁶ *Матон* – неизвестный софист, упоминаемый только у Афиней. См. 307с.

⁷⁷ ...*Архестратова чревоугодия*... – Архестрат известен как автор популярного сочинения по гастрономии, переведенного на латынь Эннием. См. 335е.

⁷⁸ *Детьми Нереевыми*... – Здесь – рыбами. *Нерей* – морское божество, отец Нереид, морской старец, наделенный даром прорицания, меняющий свой облик, подобно изменчивой морской воде.

⁷⁹ *Где Фирмах, где мощный Нил, где Жавронок?* – См. упоминания в 240е и сл.

⁸⁰ ... в «*Товарищах по фратрии*»... – Фратрией называлась часть филы, первоначально родового объединения внутри полиса. Члены фратрии были связаны общим ре-

лигиозным культом. В Афинах после Солона существовало четыре филы (φύλαί), каждая из которых делилась на три фратрии, в свою очередь включавшие по тридцать родов (γένη).

⁸¹ ...сократик Аристипп... – Философ Аристипп из Кирены, ученик Сократа, основатель Киренской школы философии. На ходившее под его именем сочинение «О роскоши древних» неоднократно ссылается Диоген Лаэртский.

⁸² ...некоего Филократа... – Речь идет о Филократе, заметной фигуре в политической жизни Афин времен Демосфена, стороннике Филиппа Македонского. В 346 г. до н.э. посольство афинян во главе с Филократом заключило с Филиппом мир (так называемый Филократов мир), который Демосфен называл предательским («О предательском посольстве». 229). То же замечание со ссылкой на Демосфена, о пристрастии Филократа к рыбе, мы находим в «Застольных беседах» (IV.4.668a-b): «Демосфен упоминает о том, что Филократ полученные за предательство государственных интересов деньги тратил «на девок и рыб»: этим показана и его безнравственность и обжорство» (пер. Я.М. Боровского).

⁸³ Афинион – трагический поэт из Афин, живший, судя по упоминанию Юбы у Амаранта, в I в. до н.э., известен только из этого места у Афиней. От его сочинений не сохранилось никаких фрагментов.

⁸⁴ ...мавританского царя Юбы... – Юба II (30 г. до н.э. – ок. 22 г. н.э.), сын Юбы I, получил воспитание в Риме. Дружески расположенный к нему Октавиан сделал Юбу царем сначала Нумидии, а потом Мавритании. Был ученым историком и грамматиком, автор сочинений по истории (история Сирии, Ливии, Аравии и Рима до времен Суллы на греческом языке), живописи, грамматике и истории театра. Современники высоко ценили дарование Юбы, в Афинах рядом со статуей Хрисиппа ему была поставлена статуя (Павсаний. I.17.2). Его неоднократно цитирует Афиней. Ср. 229с.

⁸⁵ ...поэт, артишоки любивший... – Текст в этом месте, очевидно, испорчен; перевод предположительный; употребленное здесь слово *ῥαπίζων* больше нигде не встречается, перевод предположительный.

⁸⁶ ...Гипсипилы печаль. – Несчастливая судьба Гипсипилы, дочери лемносского царя Фоанта, возлюбленной Ясона, няньки маленького Офелта (Архемира), дала сюжет целому ряду трагедий. Среди них «Гипсипила» Эсхила, «Лемнианки» Софокла, сохранились фрагменты «Гипсипилы» Еврипида.

⁸⁷ Ино с обратной стороны набросилась. – Точная цитата из «Вакханок» Еврипида (1129). Поедая рыбу, Бийон в шутку уподобляет себя разъяренным женщинам, в иступлении рвущим на куски Пенфея. Ино – сестра матери Пенфея Агавы.

⁸⁸ ...горит всё небо... – Далее следует игра слов: «небо» и «нёбо» обозначались одним словом οὐρανός.

⁸⁹ ...«Жареных болтунов»... – Игра слов: *σπερμολόγοι* означает одновременно болтунов (букв. «собирающие сплетни») и птиц (букв. «собирающие семена»; у Аристотеля в «Истории животных» – грачи). Философы в Афинах называли так апостола Павла (Деяния апостолов. 17:18).

⁹⁰ Нотипп – никаких подробностей о поэте Нотиппе, так же как и трагическом актере Минниске из следующих стихов комика Платона, неизвестно.

⁹¹ ...Пелопоннесову тушу. – т.е. сам Пелопоннес, который сравнивается здесь с огромной рыбиной.

⁹² Прорицатель Лампон – знаменитый предсказатель времен Перикла, осквитель Фурий на месте Сибариса в Южной Италии (Лукания). Его высмеивал Аристофан в «Птицах» (521). Лампон упоминается в III кн. «Риторики» Аристотеля.

⁹³ *Протей* – морское божество; обладал способностью принимать облик различных существ.

⁹⁴ ...*подобно Зевсу... / Ливнем золотого дождя...* – Миф о Данае. Акрисий – сын Абанта, брат Прета, аргосский царь. Акрисий запер свою дочь Данаю, чтобы избежать рождения внука, – тот, как было предсказано, должен был убить его. Однако Зевс, превратившись в золотой дождь, проник к Данае, и она родила Персея. Образ всепроникающего золотого дождя, как и образ Протея, лучше всего подходит для обжоры, преодолевающего любые препятствия на пути к лакомым блюдам.

⁹⁵ *Камень... я стану / Не от Горгоны...* – Согласно мифу, под взглядом Медузы Горгоны все живое обращалось в камень. Персей, убивший Горгону, смотрел на ее отражение в медном щите (Аполлодор. II.4.2).

⁹⁶ *Херил* – поэт родом с Самоса (иначе – из Иаса или Галикарнасса в Карию). Друг Лисандра и Архелая Македонского. Херил воспел победу греков над персами.

⁹⁷ *Архелай* – македонский царь, друг и покровитель Херила. Херил также пользовался покровительством Лисандра (Плутарх. «Лисандр». 17).

⁹⁸ *Египетский царь Псамметих* – правил в VII в. до н.э.

⁹⁹ ...в «Облаках» (вторых)... – Известно, что Аристофан переделал «Облака». До нас дошла незавершенная вторая редакция, которую и цитирует Афиней.

¹⁰⁰ *Как будто за струной струну ты пробуешь / Натягивать на лире.* – Сходные рассуждения находим у Плутарха в «Застольных беседах» (III.9), где говорится о мере смешения вина с водой по образцу лирной гармонии: смешение 2:3 дает «квинту», 1:2 – «октаву», а 1:3 – наименее гармоничную «кварту», «трезвенное и безвкусное смешение, приличествующее архонтам» (пер. Я.М. Боровского). У Афиней хороший повар по законам музыкальной гармонии «настраивает» обед.

¹⁰¹ *Николай Миконский* – более о нем ничего неизвестно.

¹⁰² *Аполлон Чревоугодник* – шуточная эпиклеза (прозвище) Аполлона. Эпитет «чревоугодник» (ὀψοφάγος) часто встречается в комедии.

¹⁰³ ...*картина Клеанфа Коринфского...* – О картинах коринфского мастера Клеанфа в святилище Артемиды Алфейской (Алфионии) упоминает Страбон (VIII.343). *Писатида* – область в Элиде на Пелопоннесе.

¹⁰⁴ ...*мучающемуся родами Зевсу.* – Речь идет о рождении Диониса из бедра Зевса.

¹⁰⁵ ...*рассказывает Деметрий в восьмой книге «Троянского строя».* – Деметрий Скепсийский, уроженец Трояды, известен как автор комментария к каталогу троянцев (Ил. II.816–877). На его сочинение из тридцати книг «Троянский строй» (другой перевод: «О построении боевых сил троянцев») ссылается Страбон (VII.56; XIII.603).

¹⁰⁶ ...*обездолит нас рыбою...* – См. 342а и примеч. 70 к кн. VIII.

¹⁰⁷ ...*Антипатр Тарсский в ... книге «О предрассудках»...* – Ср. 186с.

¹⁰⁸ ...*царицу же называли Атаргатидой.* – Атаргатис (Ἀταργατίς), другое имя – Деркетос: сирийская богиня, почитатели которой не употребляли в пищу рыб и голубей. Те, на кого ссылается Антипатр, пытаются истолковать культ Атаргатис, рассказывая историю обожествления некоей царицы Гатиды (не упоминается больше никем из древних авторов), когда Гатиду, любившую рыбу и потому запрещавшую подданным в одиночестве есть ее, обожествили, и так возник будто бы культ Атаргатиды. По мнению этих писателей, таково происхождение суеверия (δεισιδαιμονία), распространенного среди почитателей Атаргатис. От брака Атаргатис и речного бога Каистра, сына амазонки Пентесилеи, родилась легендарная вавилонская царица Семирамида.

¹⁰⁹ ...в *Аскалонское озеро...* – Речь идет о гавани палестинского города Аскалона, основанного, по преданию, как раз лидийцами. Легенда, рассказанная у Ксанфа Лидий-

ского, больше нигде не встречается, как и упоминание о Мопсе, лидийском царе. Ихтия, сына Атаргатида, еще раз упоминает Афиней в книге VII.

¹¹⁰ *Герион* – великан, у которого увел коров Геракл (так называемый десятый подвиг Геракла). Герион, по преданию, жил на крайнем Западе.

¹¹¹ *Синдийцы*... – Следует перечисление различных приморских народов: ликийцы (Малая Азия), краинцы (краианцы) (по одним данным – афиняне, по другим – неизвестный народ), мигдонцы (мигдониоты) (македонцы – от другого названия Македонии – Мигдония), синдийцы (синды) (жили на восточном побережье Черного моря). Все они живут вокруг «блюдища», или миски (λοτός), где в рассоле варится рыба «боле Крита острова». Средиземное море вместе с Черным?

¹¹² *«Пельтаст»* – в переводе «легковооруженный пехотинец» (от πέλτη – легкий кожаный щит, по происхождению фракийский).

¹¹³ ...*даже камешки вряд ли бы смог / Он пересчитать...* – т.е. умел считать лишь приблизительно, на пальцах. Камешки применялись для точного счета (с использованием счетной доски – абака).

¹¹⁴ *Хланида* – верхняя одежда из тонкой шерстяной ткани. Хланиды носили как мужчины, так и женщины, причем на мужчинах это одеяние (из-за своей длины и сходства с женским платьем) часто расценивалось как признак изнеженности.

¹¹⁵ *Ему бы только косточки вытаскивать из пескарей...* – Намек на обычное занятие ученых грамматиков – объяснение трудных мест и исправление неправильностей.

¹¹⁶ ...*Эвбул в «Иксионе»...* – В комедии Эвбула, по-видимому, пародировался миф об Иксионе, допущенном к трапезе богов, но проявившем дерзкую несдержанность. За это Зевс обрек его на вечные муки в Тартаре: Иксион пребывает там, привязанный к огненному колесу.

¹¹⁷ *«Харон с лоханью»* – (Λεβητοχάρων) так называлась недошедшая пьеса комедиографа Керкида.

¹¹⁸ ...*как сказал бы мой земляк...* – Кинульк родом из того же Мегалополя в Аркадии, что и Керкид.

¹¹⁹ *Плохой никакая большая рыба не бывает.* – В тексте: οὐδεὶς καχὸς μέγας ἰχθύς; если взять каждое слово в отдельности и представить его как самостоятельное высказывание, получится такая характеристика: «Никто. Плохой. Большой. Рыба».

¹²⁰ *Наксос* – крупнейший из Кикладских островов.

¹²¹ ...*тираном отечества...* – Дальше текст испорчен.

¹²² *Стратоник* – кифарист и острослов родом из Афин, жил в IV в. до н.э.

¹²³ *Миласа* – город в Кари. Ср. примеч. 42 к кн. VIII.

¹²⁴ *Пелла* – столица Македонии.

¹²⁵ *На пире кифарист негодный...* – Стратоник в шутку процитировал здесь «Одиссею» (IV.535), применив к себе то, что говорится об Эгисфе и Агамемноне: «Введши его, подозрению чуждого, в дом, на веселом/ пире, его он убил, как быка убивают при яслях».

¹²⁶ *Абдеры* – город во Фракии, родина Демокрита и Протагора, среди греческих городов тем не менее слыл городом глупцов.

¹²⁷ ...*наступленье новолунья / Провозглашал, когда ему захочется...* – В новолуние взимались проценты по ссудам.

¹²⁸ ...*как бы мне / Не наступить на трубача...* – Игра слов: «трубач» – морской моллюск, длинная витая раковина которого использовалась в качестве сигнального рожа, обозначался тем же словом, что и глашатай (κῆρυξ).

¹²⁹ ...*благоговей в безмолвии...* – Шутка Стратоника, заставившего замолчать негодного флейтиста, в том, что он использовал для этого глагол εὐφημέω, означающий

«хранить благоговейное молчание», – например, при жертвоприношении. Такой призыв, совершенно естественный в отношении прочих, в данном случае звучит как издевка: флейтист игрой должен был придавать происходящему большую торжественность.

¹³⁰ *Про лиру и осла...* – Имеется в виду пословица, говорящая об отсутствии слуха: «осел слушал лиру, а свинья – трубу».

¹³¹ *Берисад* – царь одрисов, фракийцев, живших по берегу Черного моря (Понта) к северо-западу от Босфора (Страбон. VII.47; Плутарх. «Демосфен». 23). Однако здесь может иметься в виду и Перисад I, правивший в Боспорском царстве (Северное Причерноморье). Смысл приведенной далее – так, впрочем, и не понятной до конца – шутки, по-видимому, в том, что, если холодная Фракия кому-то из них двоих надоела, Стратоник может уехать, а Берисад – нет: «Так ты, Берисад, значит здесь останешься?», – спрашивает царя Стратоник (οὐ γὰρ διανοεῖ αὐτοῦ καταμένειν).

¹³² *А ты замучил город за единый день.* – Ср. 351a.

¹³³ *...жена Никокреонтова...* – См. 337e и примеч. 44 к кн. VIII. Ср. также 352d, где излагается другая версия гибели Стратоника.

¹³⁴ *Под сикионским башмачком...* – Нарядная женская обувь из войлока. Для мужчины ношение сикионских башмаков было признаком изнеженности. С ними Сократ сравнил, рассказывает Цицерон, составленную для него речь Лисия – то и другое, хоть и удобно, но не к лицу мужчине. Город Сикион находился на севере Пелопоннеса.

¹³⁵ *...в волны моря брошенный.* – Ср. 352d.

¹³⁶ *Византий* – город на европейском берегу Босфора, на месте которого был построен Константинополь.

¹³⁷ *Фаселийцы – самые негодные...* – И Фаселида, и Сида находились в Памфилии (юг Малой Азии). В двух взаимоисключающих утверждениях Стратоник словно бы не знает, кому отдать пальму первенства. Очевидно одно (и в этом смысл шутки): жители двух памфилийских городов спорят за звание наихудших людей, в то время как всем остальным до них далеко.

¹³⁸ *Вытащенные на берег.* – У Диогена Лаэртского та же шутка вложена в уста мудрого скифа Анахарсиса (I.104).

¹³⁹ *Пусть элидыне устраивают...* – В Элиде находилась Олимпия – место проведения знаменитых Олимпийских игр. Раз в четыре года близ Коринфа на Истмийском перешейке устраивались Истмийские игры, на которых состязались в мастерстве музыканты – авлеты и кифаристы. В Афинах на празднике Великих Дионисий звание лучших в своем искусстве отстаивали драматурги и актеры со всей Греции.

¹⁴⁰ *...царь Птолемей...* – Упоминание царя Птолемея, по-видимому, анахронизм – Стратоник жил раньше Птолемея.

¹⁴¹ *Плектр* – костяная пластинка, при помощи которой играли на лире, ударяя ею по струнам.

¹⁴² *...посвященных Филопаппу.* – Никаких подробностей о нем неизвестно.

¹⁴³ *Дал ему вышний владыка одно...* – У Гомера это говорится об Ахилле, перед боем Гектора с Патроклом, молившем Зевса об успешном исходе схватки.

¹⁴⁴ *...есть, по крайней мере, балки.* – Игра слов: δοξῶ (мне кажется) – δοξοῖ (балки) – θεοῖ (боги).

¹⁴⁵ *Каллисфен* – имя автора здесь сохранилось только в схолии. Каллисфен – историк, известный, в первую очередь, «Деяниями Александра» – это наиболее популярная в античности история походов Александра Великого.

¹⁴⁶ *Хрисогон* – известный флейтист, современник Алкивиада (Плутарх. «Алкивиад». 32).

¹⁴⁷ ...Музы от них отказались. – Смысл шутки Стратоника в том, что он, переезжая с места на место, собирает с эллинов дань – вместо Муз, махнувших на них рукой и передавших право откупа ему, Стратонику. Музы тем самым уподобляются земным правителям, при дворе которых существовал такой обычай.

¹⁴⁸ *О флейтисте Фаоне...* – Более о нем ничего неизвестно.

¹⁴⁹ ...не Гармония, а Кадм. – Гармония, по мифу, – жена Кадма.

¹⁵⁰ ...софиста Сатира... – Возможно, имеется в виду тот самый актер Сатир, которого упоминает Плутарх («Демосфен». 7).

¹⁵¹ ...судишь выше сапога. – Буквально сказано – «выше щиколотки».

¹⁵² *Тихиунт Милетский* – у Фукидида – укрепленная стоянка пелопоннесцев на некотором расстоянии от Милета (VIII.26.28). Впоследствии – район, где жили переселенцы, воспринимавшийся уже как часть Милета.

¹⁵³ ...не Амфион, а Зет. – Зет и Амфион – братья, сыновья Зевса и Антиопы. Ими была наказана жестокая Дирка, притеснявшая их мать. Амфион, по мифу, любил мусическое искусство, Зет отдавал предпочтение охоте и войне. При возведении фиванских стен Зет приносил тяжелые камни, в то время как Амфион игрой на лире – подарок Гермеса – заставлял их самостоятельно укладываться в нужное место.

¹⁵⁴ «*В Македонию!*» – Во времена Стратоника Македония, несмотря на растущее могущество македонских царей, уступала тем не менее Элладе в культурном отношении (ср.: Исократ. «Филипп». 107–108, 154). В книге III Афиней говорит о варварских обычаях македонцев, в частности о том, что они напиваются в самом начале трапезы (III.120). Если так, это делало их неспособными отличить игру хорошего кифариста от плохого.

¹⁵⁵ ...уйма благодарственных табличек... – В Греции существовал обычай в случае удачи или после того, как бог исполнил просьбу, оставлять в святилище таблички с надписями благодарственного содержания.

¹⁵⁶ *Энос* – город во Фракии, которая считалась у греков холодной северной страной.

¹⁵⁷ *О приморских понтийцах...* – Понт – отдаленная область в Малой Азии, название которой буквально означает «море». Приехавшие оттуда казались Стратонику избежавшими гибели – возможно, еще и потому, что эти места представлялись грекам более холодными и дикими, чем даже Фракия.

¹⁵⁸ *Киренейцы* – жители Кирены. Что дало основание Стратонику плохо думать о киренейцах, неизвестно. Возможно, впрочем, что под киренейцами (κιρηναῖοι) одновременно подразумеваются так называемые киренаики – последователи уроженца Кирены Аристиппа. Это философское направление (одна из сократических школ) именовалось еще «гедонистическим». См. 352с.

¹⁵⁹ ...«*мужским Коринфом*»... – (Ἀνδροκόρινθος) название – придумано по аналогии с Акрокоринфом – коринфским акрополем; первая часть названия, означающая «вершину», заменена корнем «муж, мужской». Как женщины Коринфа во всей Греции славились своей распущенностью, так распутны были, по мнению Стратоника, мужчины Гераклея.

¹⁶⁰ ...левкадян – «коринфянами второго помета»... – Левкада была колонией Коринфа.

¹⁶¹ ...«*мембракидянами*». – От слова «мембрада» – мелкая рыбешка, разновидность анчоуса. Амбракия находилась в северо-западной части Греции (Эпир).

¹⁶² *Пусть каждый поливает то, что высадил.* – Переделка стиха из комедии Аристофана «Осы» (1430): вместо «пусть каждый *делает* то, что он умеет» (ἔρδοι) сказано: «пусть каждый *орошает* то, что он умеет» (ἔρδοι).

¹⁶³ *Маронея* – город во Фракии. Фракийцы славились пьянством.

¹⁶⁴ *Кардия* – город на Херсонесе Фракийском.

¹⁶⁵ ...в *Маронее весны не бывает*, – одна жара. – Довольно сложная игра слов: существительное «весна» (ἔαρ) созвучно глаголу «отпускать» (ἐλάω), тогда как ἄλεια – «тепло» имеет второе значение: «убежище». Стратоник хочет сказать, что весна в холодной Фракии – не спасение, а только временное укрытие от холода, который не отпускает даже с ее приходом. Ср. примеч. 156 к кн. VII.

¹⁶⁶ ...крикнул ему *Стратоник*... – т.е. своему рабу. О том, какое мнение было у Стратоника о жителях Фаселиды, см. 350а.

¹⁶⁷ ...городок больно короток... – Игра слов: πόλις (город) – μόλις (еле-еле).

¹⁶⁸ ...не бога, а подрядчика! – Поэт Тимофей прославился новаторством и реализмом (например, в передаче ломаной греческой речи персов), так что вопли Семелы для непривычных ушей звучали, вероятно, действительно ужасно. Шутка Стратоника – в обычном сближении страданий матери, рождающей в муках ребенка, и тех, которые приходится на долю слушателей и зрителей, – жертв дурного автора или исполнителя (ср. 350, «Сатир»). Здесь такой музыкант (скорее всего, сам Тимофей) назван «подрядчиком» – бездушным наемником, которого интересует только плата. Стратоник сравнивает такого «ребенка» с рожденным Семелой богом Дионисом – музыкантом и покровителем искусств, в честь которого в Афинах устраивались состязания трагических и комических авторов, а также хоров.

¹⁶⁹ ...Тимофей законы (νόμοι)... – Как и во многих других случаях, здесь в основе шутки лежат два значения одного слова. По-гречески νόμος – «ном», музыкальный жанр, в котором работал Тимофей, но прежде всего, «ном» – «закон» (отсюда «номо-тет», законодатель). Обыгрывая двусмысленность, Стратоник дает понять невозможность самого соревнования между Филотом и Тимофеем: как постановления принимаются на основании определяющих их содержание законов, так все, что делает первый, не может стать в один ряд с произведениями второго.

¹⁷⁰ *Пой до дна*... – Букв. сказано: «пой (играй) к воронам». Ср. примеч. 171 к кн. VI.

¹⁷¹ *Шкурень* – игра слов: хажόβαццов (дурень – букв. «сумасшедший») и вахόβαццов (составлено из второй части предыдущего и слова вахос – «шкура»).

¹⁷² ...родосцы живут в роскоши... назвал их белокожими киренейцами... – Ср. 351с.

¹⁷³ ...подобны гомеровским женихам. – Ср.: Од. II.50–58.

¹⁷⁴ ...поэту Симониду... – Знаменитый поэт Симонид Кеосский (556–468 гг. до н.э.).

¹⁷⁵ ...Никокл... заставил его выпить яд. – Выше говорилось о том, что Стратоник был убит по приказу другого кипрского царя – Никокреонта (349е-ф). Никокл тоже правил в IV в. до н.э.

¹⁷⁶ *Что касается Аристотеля*... – Возвращение к прерванной мысли – см. 348b-с. Дальше следует критическое рассмотрение трактата Аристотеля «История животных» (русское издание: *Аристотель. История животных*. М., 1996)

¹⁷⁷ ...от какого... *Протей или Нерей*... – См. примеч. 191 к кн. VI и 78 к кн. VIII.

¹⁷⁸ *Некюдал* – кокон шелковичного червя. Происхождение слова от νέκυς – «мертвый» объясняют отсутствием в коконе видимых признаков жизни. Ср.: Аристотель. «Жизнь животных». V.97.

¹⁷⁹ *Айгокефал* – ушастая сова. Буквально название переводится – «с козьей головой». Торчащие уши совы напоминали козы рога.

¹⁸⁰ ...этого аптекаря... – Аптекарем Аристотель назван здесь в насмешку; основанием для такого прозвища, очевидно послужило, то, что отец его был врачом (Диоген Лаэртский. V.1).

¹⁸¹ *Сфер* Боспорский – стоик, ученик Клеанфа. Ту же историю с небольшими расхождениями рассказывает Диоген Лаэртский (VII.177).

¹⁸² *Птолемей* – Птолемей IV Филопатор (222–205 гг.).

¹⁸³ ...представление постигающее и представление вероятное... – Рассуждение из области стоической гносеологии. См.: Фрагменты ранних стоиков. М., 1998. Т. I, фр. 624 и примеч.

¹⁸⁴ *Сыны Асклепия* – врачи. Асклепий – бог врачевания, сын бога Аполлона и нимфы Коронида.

¹⁸⁵ *Сальпа* – см. 321d-f.

¹⁸⁶ *Краснослав* – см. 282d.

¹⁸⁷ *Вареный «бок»*... – См. 286f.

¹⁸⁸ *Бакх* – серая кефаль или разновидность трески.

¹⁸⁹ *Морской козел* – самец анчоуса в пору метания икры.

¹⁹⁰ *Ромб* – см. 330b.

¹⁹¹ *Белянки* – в одной из рукописей – «главкиски».

¹⁹² *Кубовая солонина* – см. примеч. 111, 112 к кн. III.

¹⁹³ *Оркин* – разновидность тунца. Ср. 315d.

¹⁹⁴ ...нарезными... – В оригинале – τμητὸν γένος (от глагола τέμνω – «резать»). Возможно, эти рыбы называются так потому, что их режут на ломтики.

¹⁹⁵ *Так называемые «ободранные»*... – τὰ καλούμενα δαρτά. Перед приготовлением этих рыб полагалось ободрать.

¹⁹⁶ *Так называемые «скальные» рыбы*... – См. 244b, 355a-f.

¹⁹⁷ ...в обеих водах... – В соленой и пресной.

¹⁹⁸ *Ведь у Антифона в «Парасите» сказано...* – Не вполне понятный фрагмент.

¹⁹⁹ ...попрекнул похмельем эллинским. – Эллинские застолья считались умеренными.

²⁰⁰ ...пищу Гекаты. – О том, что анчоусы и триглы – пища Гекаты, см. 313b, где цитируется тот же фрагмент.

²⁰¹ ... в «Филире»... – О заглавии см. 286е.

²⁰² ...на вес золота... – При переводе теряется игра слов: τὰ ρύριον («деньги», буквально – «серебро») – ἐστ' ἰσάρυρον («драгоценный», буквально – «по цене серебра»).

²⁰³ *Вертелоносцы* – люди, несшие вертела со специальными, испеченными на них хлебами (ὀβελλοί) во время дионисийских процессов.

²⁰⁴ *Ворона* – прозвище гетеры Теоклеи.

²⁰⁵ *Вороне нашей, аполлоновой дочке...* – Ворона считалась птицей Аполлона.

²⁰⁶ ...назывались коронистами... – От слова κορώνη (ворона). Афиней единственный из древних авторов говорит об этом обычае, его источники не сохранились. Коронистов вскользь упоминает Плутарх («О доблести женской». 261d); из текста можно понять, что, если у Плутарха действительно имеется в виду обычай собирать подаяние для вороны, это было занятием мальчиков, еще не остригших волос. О редкости слова и обычая лишний раз говорит даваемая тут же этимология: Плутарх объясняет малоизвестное слово, производя его от κόμη – «волосы».

²⁰⁷ *Боздромий* (Бадромий) – месяц родосского календаря, соответствующий второй половине февраля – первой половине марта.

²⁰⁸ *Клеобул Линдский* – Линд – крупный город на Родосе, как и упоминаемый ниже Иалис. Тиран Линда Клеобул, сын Эвагора, – один из Семи мудрецов, автор изречения «лучшее – мера».

²⁰⁹ *Линкей* – уроженец Самоса (III в. до н.э.), известен как автор сочинений по кулинарии; *прекрасно-рыбным* – εὐχθός.

²¹⁰ ...*Парилиями, ныне же Ромеями...* – *Парилии* – древний праздник в честь италийского пастушеского божества Палес, приходившийся на 21 апреля. Позднее, в императорскую эпоху, он приобрел значение дня рождения города Рима (лат. Roma).

²¹¹ ...*где воздвиг храм... Адриан...* – Вероятнее всего, речь идет о большом храме Венеры и Рому, возведенном при императоре Адриане (117–138 гг.) по лично им разработанному плану. Храм находился в начале Священной Дороги, рядом с Колизеем и аркой Тита. Поперечная стена делила его на две части, в одной из которых стояла статуя Венеры, а в другой – статуя Рому. Прежде на этом месте стоял знаменитый 30-метровый Колосс – статуя Нерона в образе солнечного бога Гелиоса, которую по приказу Адриана оттуда перенесли, посвятив затем Солнцу.

²¹² ...*весь город танцует* (βαλλίζω)... – К βαλλίζω (танцевать) в языке сицилийских и южноиталийских греков, скорее всего, восходит латинское ballare – «танцевать» (ср.: «балет» и «бал»). Сам глагол происходит от общегреческого βάλλω – «бросать». В случившейся перепалке Ульпиан, напротив, воспринимает греческое слово как заимствование из языка италийцев.

²¹³ *Субура* – торговый квартал Рима по соседству с Форумом, пользовавшийся сомнительной репутацией. Здесь – в смысле места, которое меньше всего подходит для того, чтобы научиться правильно говорить по-гречески.

²¹⁴ ...*подлив воды в него*. – Стих из недошедшей драмы «Киклоп» трагика Аристия.

²¹⁵ ...*любезный Эпитимей...* – Шутливое прозвище историка Тимея, здесь – в адрес придравшегося к якобы «не эллинскому» слову Ульпиана. См. примеч. 256 к кн. VI.

²¹⁶ ...*а сам* – «пустей змеиной кожи сброшенной». – Слегка измененный фрагмент из комедии Страттида (V в. до н.э.).

²¹⁷ ...*у сиракузского поэта...* – Имеется в виду Эпихарм.

²¹⁸ *Фиас* – см. примеч. 3 к кн. V.

²¹⁹ *Вафли* – см. 110а.

²²⁰ ...*дарующего же его бога...* – Далее следуют прозвища (эпikleзы) Диониса: Метимней (Μεθυμναῖος) – бог опьянения, Лией (Λυαῖος) – бог освобождающий, Эвий (Εὔιος) – бог радостно кричащий (εὐάζω – испускать радостный вопль, от возгласа «эвоэ!», которым приветствовали Диониса), Иэй (Ἰήιος) – от радостного возгласа ἦ, который раздавался, прежде всего, на празднествах в честь Аполлона (ἦτε παῖόν).

²²¹ ...*веселым...* – Связь междометия ἦ с ἱαρός (весельчак) – одна из народных этимологий, возводивших этот возглас, например, к глаголу «отпускать» – ἵμμι.

²²² ...*милостивым...* – ἱαρός и ἵλεως действительно имеют общую этимологию.

²²³ *Ныне спешите обедать...* – Эти слова произносит Агамемнон, обращаясь к войску ахейцев.

²²⁴ ...«*Великие Эойи*»... – Далее неясность в тексте. Гесиод известен как автор ряда поэм, в их числе «Труды и дни» – собрание рекомендаций практического характера по земледелию и ведению хозяйства – и «Эойи» (дошла во фрагментах) – о женах героев. Кроме того, сохранились незначительные фрагменты так называемых «Больших (или Великих) Трудов» и так называемых «Больших (или Великих) Эой». Приведенный здесь отрывок скорее можно принять за пародию на «Великие Труды», чем на «Великие Эойи», – откуда «καὶ μεγάλων» «Ἐργων» («и Великие Труды»), опущенное в переводе.

²²⁵ *Не заставляй никого...* – Далее следует цитата из Феогнида, ст. 467–469.

²²⁶ *Фасийское, мендейское* – сорта вин: фасийское – с о-ва Фасос в Эгейском море у берегов Фракии, мендейское – по названию города Менда в Халкидике, экспортировавшего это вино.

²²⁷ *Чтоб помер с горя Каллимедонт-родственник.* – Лакомка-Каллимедонт по прозвищу Краб славился обжорством – для него легче было бы умереть, чем согласиться принести угря в жертву. Ср. 337а.

²²⁸ *...обедами «из особых взносов»...* – Слово ἐπιδοσца, встречающееся только у Афиней, засвидетельствованное, впрочем, эпиграфически. Ср. 141b-e.

²²⁹ *Киафов дюжину...* – Около 1/2 литра.

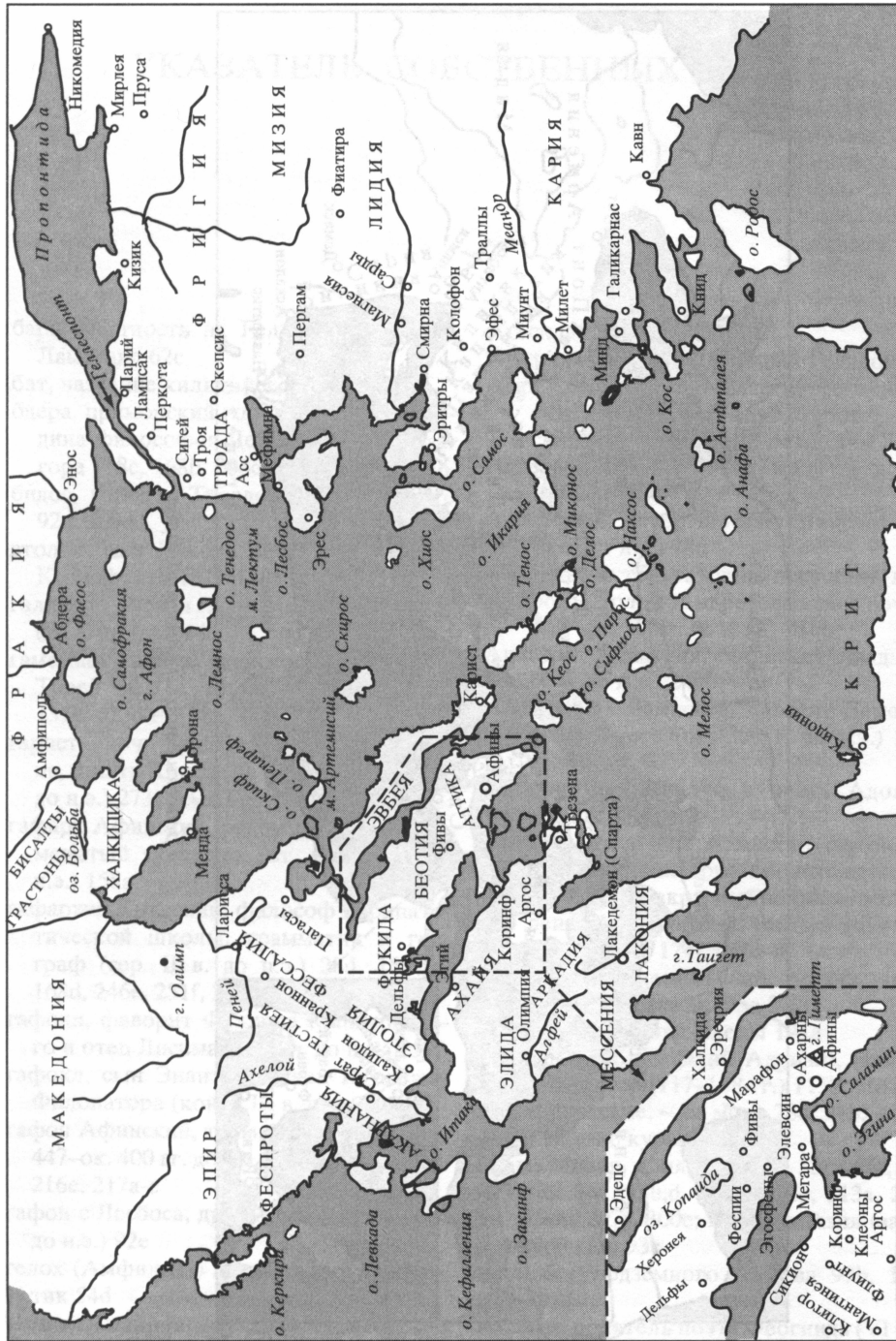
²³⁰ *... в речи «Против Микона об убийстве»...* – От этой речи Лисия дошли лишь многочисленные фрагменты.

²³¹ *И Платон пишет...* – «Пир». 172b.

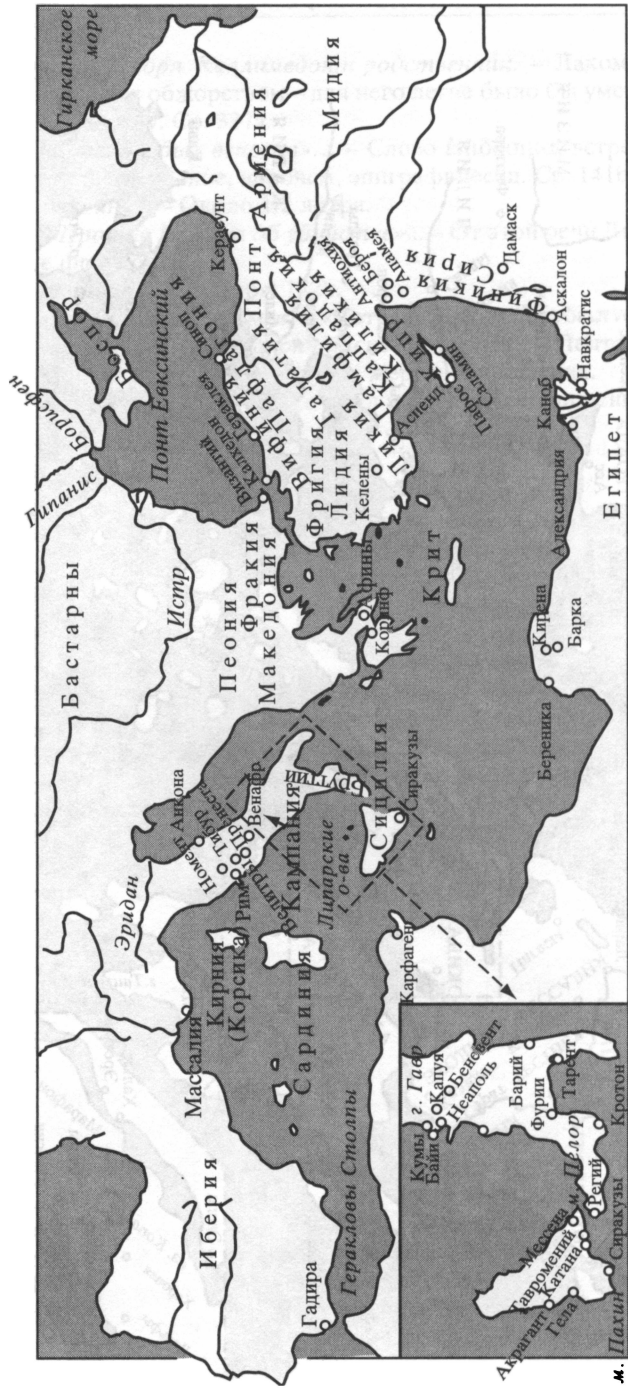
²³² *...по общим трапезам.* – Вместо «Сотрапезники» (Σύνδαιτνοι).

²³³ *Ленточки халкидские, / Флакончики из алебаstra...* – Ленточки (повязки) и флакончики из алебаstra были частью ритуала жертвоприношения.

²³⁴ *...согласно Эмпедоклу...* – Те же строки из поэмы «Очищения» цитирует Диоген Лаэртский (VIII.77).

Древняя Греция

Греческий мир Средиземноморья

м.

УКАЗАТЕЛЬ СОБСТВЕННЫХ ИМЕН

- Абарн, местность на Геллеспонте около Лампсака 62с
- Абат, название киликийского вина 33b
- Абдера, приморский город во Фракии, родина философов Демокрита и Протагора 118с, 168b, 206d, 349b, 307b, 324b
- Абидос, город в Троаде на Геллеспонте 92d, 209d
- Автолик, сын Ликона, персонаж «Пира» Ксенофонта 187f, 188a, 216d
- Агаллида, ученая женщина с Керкиры (III в. до н.э.) 14d
- Агамемнон, вождь ахейского войска под Троей 9a, 11a, 13f, 14b, 16a, 17e, 41d, 137e, 177d-e, 178a, 186f, 192с, f
- Агариста, дочь Клисфена, тирана Сикиона, и мать Клисфена Афинского (VI в. до н.э.) 273с (см.: Геродот VI. 126)
- Агафарх Афинский, родом с Самоса, знаменитый художник (вт. пол. V в. до н.э.) 158a
- Агафархид Книдский, философ перипатетической школы, грамматик и географ (сер. II в. до н.э.) 28d, 155с-d, 168d, 246e, 251f, 272d, 297d
- Агафокл, фаворит Филиппа Македонского и отец Лисимаха (IV в. до н.э.) 259f
- Агафокл, сын Энанты, льстец Птолея Филопатора (конец III в. до н.э.) 246с
- Агафон Афинский, трагический поэт, (ок. 447–ок. 400 гг. до н.э.) 185a, 186с, 211e, 216e, 217a-с
- Агафон с Лесбоса, друг Архестрата (IV в. до н.э.) 92e
- Агелох (Амфилох?) неизвестный грамматик 54d
- «Агена», сатирическая драма; авторство спорно 50f
- Агесилай, эпитет Аида 99b
- Агид, гурман, высмеиваемый Гедилом 344f
- Агий Аргосский, упоминается всегда вместе с Деркиллом; возможно, спутан с эпическим поэтом Гагием Трезенским 86f
- Агиррий, сын Каллимедонта (IV в. до н.э.) 340e
- Аглаосфен, автор истории Наксоса (нач. III в. до н.э.) 78с
- Адей, автор трактатов по искусству, которому Полемон адресовал свое сочинение (ок. 200 г. до н.э.?) 210b
- Адиатом, Адиатунн, галльский вождь (ок. 60 г. до н.э.) 249b
- Адимант из Лампсака, парасит Деметрия Полиоркета (ок. 300 г. до н.э.) 253a, 255с
- Адонии, празднества в честь Адониса, 292d
- Адонис, восточное божество сирийского или финикийского происхождения, у греков – прекрасный юноша, возлюбленный Афродиты, убитый диким зверем 69b-d, 174f, 456a-b
- Адраст, мифический царь Аргоса, вождь Семерых против Фив 222b
- Адреса, служанка Елены 191a
- Адриан (Публий Элий Адриан), римский император (117–138 гг.) 115b, 361f
- Адриатические, ~-ое море 28d, 91b; ~ вино 33a; ~-ие куры 285d
- Азия, Малая Азия 42f, 43a, 53с, 67a, 70a, 78f, 84a, 93b,d, 201e, 212b, 213a, 231e, 296с, 297f, 300e; Верхняя Азия (закаспийская) 93с
- Аид, бог подземного царства 99b, 168b, 351a
- Академ, приятель поэта Феогнида (VI в. до н.э.) 310b

- Академия, роща и гимнасий под Афинами (около 2,5 км на северо-запад), где преподавал Платон 59a, 137f, 186b, 336e
- Акамантий, во Фригии 30a
- Аканф, город на восточном побережье п-ва Халкидика 30e, 217d-e
- Аквилея, римская колония в углу Адриатического моря 82c
- Аквиллий, Маний, римский военачальник, коллега Мария по консульству 101 г. до н.э.; разбит и замучен до смерти Митридатом в 86 г. до н.э. 213b
- Акес, кипрский ткач (VI в. до н.э.?) 48b
- Акестор, афинский трагический поэт, осмеивавшийся как чужестранец и раб (вт. пол. V в. до н.э.) 237a
- Акона, местность около Гераклеи Понтийской 85b
- Акрагант, город на южном побережье Сицилии 37b
- Акратопот, божок винопития 39c
- Акрисий, царь Аргоса, отец Данаи 345a
- Акрополь, в Афинах 148c
- Акротат, сын Арея, царь Спарты (265–262 гг. до н.э.) 142b
- Аксионик, поэт Средней комедии (IV в. до н.э.) fr. 1, 166c; fr. 2, 244f; fr. 3, 175b; fr. 4, 342b; fr. 5, 442a; fr. 6, 239f, 241e; fr. 8, 95c
- Аксиоффея, жена Никокреонта (IV в. до н.э.) 349e
- Актеон, охотник, превращенный Артемидой в оленя 1d
- Александр (Парис), сын Приама 232f
- Александр, тиран г. Феры в Фессалии (убит в 359 г. до н.э.) 112f
- Александр (II), сын Пирра, царь Эпира (вступил на царство в 272 г. до н.э.) 73b, 249d-e, 251c. *(Однако Кайбель относит это место к Александру Великому)*
- Александр, сын Аристиона, поэт Средней комедии (ок. 300 г. до н.э.?) fr. 3, 170e
- Александр Александрийский, музыкант (ок. 200 г. н.э.) 183e
- Александр Балас, сирийский царь, внебрачный сын и наследник Антиоха IV Эпифана (150–146 гг. до н.э.) 211a-e
- Александр (III) Великий, сын Филиппа, царь Македонии (336–323 гг. до н.э.) 3d, 17f, 19a, 20a, 22d, 42f, 50f, 51a, 71b, 120e, 124c, 146c-d, 148d, 155d, 167c, 171c, 184b, 201d, 202a, 206e, 230e, 231b,e, 250f, 251a-b, 255d, 276f, 277a
- Александр Киферский, музыкант, живший в Эфесе (время неизв.) 183c
- Александр Миндский, автор «Естественной истории» (I в. н.э.) 57b, 65a-b, 221b
- Александр Этолийский, поэт и ученый (ок. 280 г. до н.э.) 283a, 296e
- «Александрида», корабль, посланный Гиероном в Египет 208f, 209e
- Александрийцы 110b, 118f, 121b, 158d, 174b, 175e, 176e-f, 183d, 184a-c, 210c
- Александрия, город в Троаде, родина Гегесианакта 155b
- Александрия, богатый город на побережье Египта, в западном углу дельты Нила, основана Александром Великим в 332 г. до н.э. 3b, 20b,d, 33d, 51b,e, 72b, 87f, 94c, 109b, 111b, 158d, 162e, 196a, 203e, 209b, 241f, 242a, 276a, 309a, 326a, 331b, 336d, 354e, 356a, 360b, 364f
- Алексарх, сын Антипатра, основатель Уранополя, реформировавший язык (ок. 325 г. до н.э.) 98d-e
- Алексид из Фурий, поэт Средней комедии (победа в 347 г. до н.э.) 235e, 240c, 344c; fr. 2, 230b; fr. 3, 339c; fr. 6, 120a-b; fr. 7, 195; fr. 9, 431d; fr. 15, 117e-f; fr. 16, 224f; fr. 17, 301a; fr. 18, 301b; fr. 24, 169d; fr. 25, 336d; fr. 37, 314d; fr. 42, 125b; fr. 45, 36d-e; fr. 46, 338d; fr. 47, 241b; fr. 48, 314d; fr. 50, 108a; fr. 56, 104d; fr. 59, 125f; fr. 61, 171b; fr. 65, 364f; fr. 66, 109b; fr. 67, 340c; fr. 76, 226f; fr. 77, 119f; fr. 78, 227b,d; fr. 83, 294a; fr. 84, 326d; fr. 90, 159d; fr. 92, 133b-c; fr. 97, 127c, 134c-d; fr. 105, 165d; fr. 107, 362c; fr. 110, 95a, 107a-e; fr. 111, 254a; fr. 112, 340a; fr. 113, 340c; fr. 116, 237b; fr. 118, 96a; fr. 120, 114d; fr. 121, 110e; fr. 125, 126, 226a; fr. 127, 170a; fr. 128, 76d; fr. 132, 94f; fr. 133, 322c; fr. 135, 164b; fr. 136, 289f; fr. 137, 123e; fr. 141, 123f; fr. 143, 365d; fr. 145, 340c; fr. 152, 354d; fr. 155, 302f;

- fr. 159, 240c; fr. 162, 54f, 75b; fr. 166, 247e; fr. 168, 242c; fr. 170, 356e; fr. 174, 170b; fr. 175, 96a; fr. 177, 248a; fr. 179, 123e; fr. 182, 74e; fr. 183, 241d; fr. 186, 117d; fr. 187, 324b; fr. 188, 170c; fr. 190, 46a; fr. 191, 127c; fr. 193, 100c; fr. 195, 287f; fr. 196, 197, 161c; fr. 198, 122f; fr. 200, 225f; fr. 201, 244d; fr. 203, 258b; fr. 209, 223e; fr. 210, 165a; fr. 213, 137c; fr. 218, 120a; fr. 215, 340b; fr. 220, 221, 161b; fr. 222, 134a; fr. 227, 241b; fr. 231, 258e; fr. 236, 242c; fr. 246, 165e; fr. 247, 340b; fr. 251, 365b; fr. 256, 307d; fr. 257, 164f, 229b; fr. 258, 287e; fr. 260, 255b; fr. 261, 57e, 60a; fr. 263, 21d; fr. 265, 40e; fr. 266, 55c; fr. 269, 47c; fr. 272, 49e; fr. 273, 49f; fr. 274, 28e, 47d; fr. 275, 28e, 47d; fr. 277, 23c-d; fr. 278, 36f; fr. 279, 63e; fr. 282, 26a; (ср. 25f); fr. 283, 39b; fr. 285, 67e; fr. 286, 34c-d; fr. 290, 30f; fr. 293, 23e; fr. 294, 47e; fr. 299, 30f; fr. 300, 18d; fr. 301, 40c; fr. 342, 66f
- Алиатт, царь Лидии, отец Креза (605–560 гг. до н.э.) 210c
- Алкандра, супруга Полиба, принимавшего Елену в Египетских Фивах 191b
- Алкей, афинский архонт, 422/421 г. до н.э. 215d, 218b,d
- Алкей Афинский, поэт Древней комедии (соперничал с Аристофаном в 388 г. до н.э.) 107f, 110a; fr. 1, 316b; fr. 36, 316c
- Алкей Лесбосский, лирический поэт (конец VII в. до н.э.) 22e-f, 37e, 38e, 73e, 85f, 311a
- Алкenor, поэт Новой комедии (ок. 300 г. до н.э.) 244d
- Алкивиад, сын Клиния и племянник Перикла, политический деятель и полководец (ок. 450–404 гг. до н.э.) 3e, 180b, 182a, 184d, 187c-e, 215e, 216b-c, 219b–220c, 234e
- Алкид, поэтическое имя Геракла 33c
- Алкид Александрийский, музыкант, один из участников пира 1f, 174b–185a
- Алким Сицилийский, историк (IV в. до н.э.) 322a
- Алкиной, царь феаков 9a, 13e, 182a, 192c, 284d, 316a
- Алкиона, нимфа 296b
- Алкиппа, служанка Елены 191a
- Алкифрон из Магнезии на Меандре, философ (ок. 150 г. н.э.?) 31d
- Алкман Лакедемонский, лирический поэт (вт. пол. VII в. до н.э.) fr. 20, 114f; fr. 70, 71, 140c; fr. 74, 110f; fr. 90, 81f; fr. 100, 39a; fr. 117, 31c; fr. 143, 81d
- Алкмаон, вариант имени Алкман 140c
- Алкмеон, мифический аргосский герой 222b, 223c, 232e
- Алопеконес (Лисий остров), город на западном берегу Херсонеса Фракийского (совр. п-в Галлиполи) 62c
- Алфей, река в Пелопоннесе, протекающая через Элиду 31c, 34a; алфейская Артемида 346c
- Альба, гора в Лации 26d,f, 27a, 33a
- Альпы 82c, 233d
- Альтефий, сорт винограда 31c
- Альтефий, потомок речного божества Алфея 31c
- Амазонки, женское племя; считалось, что они обитают на реке Термодонт 31d
- Амалфея, няяда или коза, вскормившая Зевса, позднее символ изобилия 198a
- Амарант из Александрии, автор трактата о театре 343f
- Амасис, египетский фараон (570–526 гг. до н.э.) 261c
- Аматунт, город на южном побережье Кипра 167d
- Амбракия, город на юге Эпира 92d, 105e, 183d, 305e, 311a, 326d, 328a, 351d
- Америй Македонский, грамматик (конец III в. до н.э.?) 52c, 76e, 114c,e, 176c,e, 267c
- Амиклы, древний город, расположенный к югу от Спарты 140a, 232a
- Аминий, афинский архонт (423/422 г. до н.э.) 218d
- Аминкланская, рыба 121a
- Аминта, полководец Александра Македонского (убит в 330 г. до н.э.) автор «Географии Персии» 67a
- Амипсий, поэт Древней комедии (посл. четв. V в. до н.э.) 218c; fr. 1, 307d; fr. 6, 316b; fr. 8, 327d; fr. 19, 270f; fr. 24, 8e; fr. 25, 62f; fr. 35, 68b

- Аммита (Песчаная), река на п-ве Халкиди-
ка 334е
- Амны, слуги на Делосском празднестве 173а
- Аморейская, сорт редьки 56f
- Ампела, нимфа 78b
- Амфиарай, аргосский прорицатель и ге-
рой похода против Фив 172f
- Амфиарай, источник в Аттике 46с-d,
- Амфид, поэт Средней комедии (IV в. до н.э.)
fr. 7, 123е; fr. 8, 336с; fr. 14, 175а; fr. 16, 295е;
fr. 20, 69b; fr. 21, 336с; fr. 22, 309а; fr. 26, 57b,
277с; fr. 28, 100а; fr. 29, 421а; fr. 30, 224d;
fr. 35, 295f; fr. 36, 30е; fr. 37, 84е; fr. 38, 50f;
fr. 39, 8с; fr. 40, 30b, 67b; fr. 41, 44а; fr. 43,
168b; fr. 46, 47f
- Амфидромии, аттический обряд обнесе-
ния младенца вокруг домашнего очага
при наречении ему имени на 5-й или
7-й день после рождения 65с
- Амфий, название вина 31е
- Амфикл, персонаж комедии Диоксиппа
«Историк» 100е
- Амфикл, тиран Хиоса 259b
- Амфиктион, мифический царь Афин 38с,
179е
- Амфилох, адресат стиха, цитируемого
Клеархом 317а
- Амфион, мифический музыкант из Фив 47с
- Амфиполь, порт в западной Фракии в
устье Стримона 77е, 215d
- Анагир, дем в Аттике 344е
- Анакей, храм Диоскуров в Аттике 235b
- Анакиндаракс, отец Сарданапалла, царя
Ассирии (ошибочно понято греками
как имя собственное) 335f
- Анакреонт Теосский, лирический поэт (ко-
нец VI в. до н.э.) 175е, 182f, 229b, 396d;
fr. 20, 177а, 182с; fr. 69, 21а; fr. 121, 12а
- Анаксагор Клазоменский, философ-мате-
риалист (род. ок. 499 г. до н.э.) изгнан
из Афин в 433 г. до н.э. 57d, 220b
- Анаксандрид Камийский (с Родоса), по-
эт Средней комедии (первая победа в
376 г. до н.э.) fr. 4, 263b; fr. 18, 176а;
fr. 22, 106а; fr. 24, 247е; fr. 27, 105f, 329е;
fr. 30, 295е; fr. 33, 227b; fr. 34, 242d, 307е;
fr. 35, 182d; fr. 37, 105f; fr. 39, 299f; fr. 41,
131а; fr. 42, 255а; fr. 43, 95с; fr. 45, 166d;
fr. 49, 261f; fr. 50, 68b; fr. 51, 176а; fr. 54,
222b; fr. 57, 39а; fr. 58, 34d-e; fr. 70, 48а;
fr. 71, 28f; fr. 77, 57d
- Анаксарх, философ, учитель скептика
Пиррона, приятель Александра Вели-
кого (вт. пол. IV в. до н.э.) 250f
- Анаксилай, поэт Средней комедии (сер. IV в.
до н.э.) fr. 3, 4, 124f; fr. 9, 224а; fr. 10, 171f;
fr. 15, 183b; fr. 20, 307с; fr. 33, 254с
- Анаксимен Лампсакский, ритор (ок.
380–ок. 320 гг. до н.э.) 21с, 217е, 231с
- Анаксипп, поэт Новой комедии (ок. 300 г.
до н.э.) fr. 6, 169b
- Ананий, автор сатирических ямбов (ок.
550 г. до н.э.) 78f, 282b-с, 328а
- Анахарсис, цивилизованный скиф, идеализи-
ровавшийся в греч. литературе, якобы
посещавший Афины в 592 г. до н.э. 159с
- Андрей или Андрон, врач Птолемея IV
(ум. в 217 г. до н.э.) 115е, 312d-e
- Андриск, автор истории Наксоса (III в. до
н.э.?) 78с
- Андрокид, врач Александра Великого 258b
- Андрокид Кизикский, художник, соперник
Зевксиды и Паррасия (ок. 380 г. до н.э.)
341а
- Андрокоринф, эпитет Гераклеи 351с
- Андромах из Карр, предал Красса парфя-
нам 252d
- Андромеда, женщина, осмеянная Сапфо
21b-с
- Андрон из Александрии, историк (ок.
125 г. до н.э.) 184b
- Андрон из Катаны, флейтист (V в. до н.э.)
22с
- Андросфен из Фасоса, один из флотовод-
цев Александра, исследовал побере-
жье Аравии (IV в. до н.э.) 93d
- Андротийон, автор трактатов по сельскому
хозяйству, в особенности по садовод-
ству (IV в. до н.э.) 75d, 78а, 82с
- Анит, богатый развратник (IV в. до н.э.)
339d
- Анкона, город на адриатическом побере-
жье Италии 26f
- Анонимные цитаты 36а, 48а, 67а, 97d-e,
107е, 113а, 126f, 156f, 164е, 169а, 187а,
219а, 362b

- Антагор Родосский, эпический поэт при дворе Антигона Гоната (III в. до н.э.) 340e-f
- Анталкид, спартанский флотоводец, посол в Персию («Анталкидов мир», 387 г. до н.э.) 48e
- Антемокрит, панкратиаст (ок. 250 г. до н.э.) 246e
- Аntenор, троянец 232c
- Аntenор из Афин или из Милета, знаменитый панкратиаст (олимпийский чемпион 308 г. до н.э.) 135d
- Антигенид, флейтист (нач. IV в. до н.э.) 131b
- Антигон I (Одноглазый), один из полководцев Александра (382–301 гг. до н.э.) принял титул царя в 306 г. до н.э. 15c, 44b, 73c, 101f, 128b, 254a(?)
- Антигон Гонат, сын Деметрия Полиоркета, внук Антигона Одноглазого, царь Македонии (ок. 283–239 гг. до н.э.) 162d, 167f, 209e, 251c, 334a-b, 340f
- Антигон Каристийский (на Эвбее), скульптор, работавший по бронзе, философ и биограф (умер после 226 г. до н.э.) 44e, 82b, 88a, 162e-f, 210b, 297e, 303b, 345d, 419e, 437e
- Антидот, поэт Средней или Новой комедии (ок. 340 г. до н.э.?) fr. 2, 240b; fr. 3, 109c; fr. 4, 28e
- Антий, морской порт Лация 224c
- Антий, рыба 282a
- Антиклея, мать Одиссея 251e
- Антиклид Афинский, историк (III в. до н.э.) 157f
- Антилла, город в дельте Нила к востоку от Александрии 33f
- Антимах Колофонский, эпический и лирический поэт (ок. 400 г. до н.э.) 300d, 304e
- Антиной, один из женихов Пенелопы 19f
- Антиох I Сотер, сын Селевка Никатора, царь Сирии (281–261 гг. до н.э.) включил сыновей Сострата в число своих телохранителей 19d, 244f, 255a
- Антиох II Теос, сын Антиоха I, царь Сирии (261–246 гг. до н.э.) женился на Беренике, дочери Птолемея Филадельфа 19c, 45c
- Антиох III Великий, младший сын Селевка II, царь Сирии (ок. 223–187 гг. до н.э.) 155b
- Антиох IV Эпифан, сын Антиоха III, царь Сирии, (175–165 гг. до н.э.) 45c, 124e, 193d, 210d, 211a, 289f–290a
- Антиох VI Эпифан Дионис, сын узурпатора Александра Баласа (146–142 гг. до н.э.) 211d
- Антиох VII Эвергет, прозванный Сидетом, сын Деметрия I, царь Сирии (138–129 гг. до н.э.) 210d
- Антиох VIII (или IX) Грий (букв. Горбоносый) (121–96 гг. до н.э.) 153b, 210e, 246d
- Антиохия, богатый сирийский город, основанный Селевком ок. 300 г. до н.э. 20b, 45c, 59b, 252e, 326a
- Антипатр, гражданин Фасоса, принявший войско Ксеркса (480 г. до н.э.) 146b
- Антипатр из Тарса, философ-стоик, ученик и наследник Диогена Вавилонского, учитель Панэтия (II в. до н.э.) 196a, 346c
- Антипатристы, ученики философа-стоика Антипатра 186a
- Антисар, город на фракийском побережье 31a
- Антисфен Афинский, ученик Сократа и основатель кинической школы философии (ок. 450–365 гг. до н.э.) 157b, 216b, 220c-e
- Антифан, поэт Средней комедии (ок. 407–343 гг. до н.э.) 358d; fr. 25, 123b; fr. 26, 338e–339b; fr. 29, 122d; fr. 34, 127b; fr. 43, 322c; fr. 44, 142f; fr. 48, 343d; fr. 58, 84b; fr. 62, 161e; fr. 64, 125f; fr. 65, 47d; fr. 68, 313b, 358d; fr. 70, 169d; fr. 71, 160d; fr. 72, 95a; fr. 76, 340c; fr. 77, 118d; fr. 80, 237f; fr. 82, 127d; fr. 87, 161d; fr. 89, 262c,e; fr. 95, 169d; fr. 97, 323b; fr. 105, 300c; fr. 108, 175a; fr. 113, 134b; fr. 125, 287e; fr. 128, 120a; fr. 129, 303f; fr. 132, 295f; fr. 135, 161a; fr. 138, 307d; fr. 142, 68a; fr. 144, 258d; fr. 145, 230d; fr. 147, 299e; fr. 152, 170d; fr. 158, 58d; fr. 159, 226c; fr. 160, 161a; fr. 161, 225d; fr. 166, 224c; fr. 168, 108e; fr. 169, 223e; fr. 172, 130e; fr. 173, 158c; fr. 176, 112c; fr. 177, 123b; fr. 178, 125a-b; fr. 179, 43b, 74d; fr. 181, 303f; fr. 182, 169e;

- fr. 184, 358d; fr. 185, 96b; fr. 186, 118d; fr. 187, 156c-d; fr. 188, 60e; fr. 190, 342e; fr. 191, 222a; fr. 192, 302f; fr. 193, 295c; fr. 195, 238d; fr. 198, 77d; fr. 199, 243c; fr. 200, 247f; fr. 202, 257d; fr. 204, 103e; fr. 206, 309d; fr. 210, 240f; fr. 211, 329e; fr. 217, 169c; fr. 218, 225f; fr. 220, 100d; fr. 222, 295d; fr. 225, 172c; fr. 226, 60c; fr. 228, 3f; fr. 229, 4f; fr. 231, 22f; fr. 234, 15a; fr. 235, 38b-c; fr. 236, 27d; fr. 242, 28f; fr. 243, 8d; fr. 245, 18c; fr. 246, 45a; fr. 248, 71e; fr. 249, 71e; fr. 271, 40c; fr. 273, 12b; fr. 274, 3b; fr. 275, 56e; fr. 276, 47b; fr. 277, 66d; fr. 279, 66d; fr. 282, 14f; fr. 283, 15a; fr. 284, 11c; fr. 286, 23a; fr. 287, 49b; fr. 298, 8e; fr. 299, 47f; fr. 300, 44a; fr. 301, 63a; fr. 302, 65e; fr. 331, 66f
- Антифем из Линда на Родосе, основатель Гелы 298a (см.: Геродот. VII. 153)
- Антоний, Марк, знаменитый римский военачальник (82–30 г. до н.э.) 147f, 148b
- Анф, герой-эпоним, сын Посейдона 31c
- Анфедон, город на северном побережье Беотии 31c, 296b, 316a
- Анфедонский, сорт винограда 31c
- Анфестерион, восьмой месяц аттического календаря (приблизительно февраль–март) 334e-f
- Анхимол, софист из Элиды, ученик сократика Федона 44c
- Аорн (Ароаний?), река 331e
- Апамея, город в Сирии к югу от Антиохии, на реке Оронте 176b, 211d, 246c, 252e, 333c
- Апамея Кибот, город во Фригии 332f
- Апатурии, древнее аттическое празднество фратрий, справлявшееся осенью 171e
- Апелликон из Теоса, противник римлян (нач. I в. до н.э.) 214d–215a
- Апикий, мот и деятель всаднической партии в Риме (ок. 100 г. до н.э.) 168d-e
- Апикий, под этим именем существовало два знаменитых римских кулинарных эрудита 7a, 8d, 168d, 294f
- Апион Александрийский, грамматик (I в.) 16f, 294f
- Аполлас, автор истории городов Пелопоннеса (III в. до н.э.) 63d
- Аполлодор, афинский архонт в 430/429 г. до н.э. 217a
- Аполлодор из Гелы, поэт Новой комедии, возможно, идентичен с А. Каристийским, (ок. 300 г. до н.э.) fr. 1, 125a; fr. 14, 3c
- Аполлодор Афинский, преданный последователь Сократа 217 b-c
- Аполлодор Афинский, грамматик, ученик Аристарха и стоика Диогена из Селевкии (вт. пол. II в. до н.э.) 63d, 66a, 81f, 82b, 89a, 172f, 281e, 306a(?), 309c, 325b
- Аполлодор Каристийский, поэт Новой комедии (III в. до н.э.) fr. 5, 280d; fr. 24, 243d; fr. 25, 76a; fr. 26, 243e; fr. 27, 34d
- Аполлон 38a, 99b (ср. 98f), 135b, 139d, 140a, 209e, 218e, 234f, 235c, 283e-f, 287a, 289c, 296f, 306a, 325a, 333d, 348d, 359e; ~ из Амикл 232a; ~ Гринейский 149d; ~ Дельфийский 233f, 254b; ~ Комей 149d; ~ «лакомка» 346b; ~ Пифийский, в Эфесе 149e, 361e
- Аполлоний, парасит Антиоха Грипа (II в. до н.э.) 246d
- Аполлоний, автор сочинения о египетской религии (время неизв.) 191f
- Аполлоний, неизвестный автор трактата о триерах (II в. до н.э.?) 97d
- Аполлоний Родосский, поэт (III в. до н.э.) 283d-f
- Аполлония, город в северной части п-ва Халкидика 334e
- Аполлония, город во Фригии 81a
- Аполлофан, поэт Древней комедии (ок. 400 г. до н.э.) fr. 2, 114f; fr. 5, 75c
- Аполлофан, парасит Антигона Досона (III в. до н.э.) 251d
- Аполлофан Антиохийский, ученик и биограф Аристона Хиосского (ок. 300 г. до н.э.) 281d
- Арабы 249a
- Аравийские страусы 145e, ~ овцы 201c
- Арарот, сын Аристофана, поэт Средней комедии (нач. IV в. до н.э.) 123f; fr. 1, 95e; fr. 8, 47d, 86d, 105e; fr. 13, 175f; fr. 16, 237a; fr. 20, 50b
- Арат Сикийнский, вождь Ахейской федерации против македонян (271–213 гг. до н.э.) 162d

- Аратейские, сорт смокв 77a
 Аргас, певец (нач. IV в. до н.э.) 131b
 Аргинуссы, три островка у побережья Эо-
 лиды 218a
 Арго 296d
 Аргос, область и город в восточной части
 Пелопоннеса 27d, 28a, 96a, 99e-f, 190c,
 238c, 246e, 252a, 254d, 288f, 297f, 343e,
 365d-e
 Ареи (Клятвоенные), острова 262e-f
 Арей I, царь Спарты (309–265 гг. до н.э.)
 142b
 Арей, лирный мастер (ок. 300 г. до н.э.)
 352b
 Ареопаг, холм в Афинах и место заседа-
 ния одноименного древнейшего суда,
 происхождение которого относится
 к мифическим временам 167e, 168a-b
 Ареопагиты 245c, 255f
 Арес, бог войны 14c, 122c, 154e, 175f, 178c,
 191d, 192d-e, 224b, 364a
 Арета, жена Алкиноя, царя феаков
 17c
 Аретуза, источник и река в сев.-зап. Гре-
 ции; считалось, что она течет под мо-
 рем и снова выходит на поверхность в
 Сицилии 42c-d, 278e
 Аретуза, источник около Халкиды на Эв-
 бее 331e
 Ариада, дочь Миноса 181a, 296a-c
 Ариамн, богатый кельт (III в. до н.э.)
 150d-f
 Аригнот, кифаред, прославлявшийся Ари-
 стофаном, как виртуоз (вт. пол. V в.)
 220b-c
 Ариста, аркадянин в войске Ксенофонта
 (400 г. до н.э.) 151b
 Аристагора Коринфская, любовница мота
 Деметрия (ок. 260 г. до н.э.) 167e-f
 Аристарх, титул Зевса 99b
 Аристарх Самофракийский, александрий-
 ский ученый (ок. 217–145 гг. до н.э.)
 21c, 39d, 53a, 71b, 113d, 177e, 180c,
 188f, 222a
 Аристий, сын Пратина, трагический поэт
 (V в. до н.э.) fr. 6, 60b, 362a
 Аристион, афинский архонт в 421/422 г. до
 н.э. 216d-f, 218d-e
 Аристипп Киренский (ок. 435–355 гг. до
 н.э.), ученик Сократа, философ-гедо-
 нист 343c-d
 Аристобул Кассандрийский, историк (ок.
 300 г. до н.э.) 43d, 251a
 Аристодем, автор «Веселых записок» (II в.
 до н.э.?) 244f, 338a, 345b
 Аристокл (Никокл?), автор сочинения о тан-
 це (конец II в. до н.э.) 22a, 140b-c, 174c
 Аристократ Спартанский, автор истории
 Спарты (конец I в. до н.э.?) 82e
 Аристоксен Киренский, философ-гедо-
 нист 7c
 Аристоксен Тарентский, музыкант и исто-
 рик (ученик Аристотеля), (вт. пол. IV в.
 до н.э.) 19f, 22b, 47a, 174c,e, 182f, 184d-e
 Аристомах, тиран Аргоса (сер. III в. до
 н.э.) 249e
 Аристомен, поэт Древней комедии (вт. пол.
 V в. до н.э.) fr. 7, 287d; fr. 14, 11c-d
 Аристомен, актер, вольноотпущенник им-
 ператора Адриана (II в.) 115a-b
 Аристон Кеосский, философ-перипатетик
 (III в. до н.э.) 88f
 Аристон Хиосский, философ-стоик, ученик
 Зенона (ок. 300 г. до н.э.) 251c, 281c-d
 Аристоники, богатый афинянин. Возмо-
 жно, тождествен Аристонику Марафон-
 скому, вместе с Демосфеном участво-
 вавшему в сопротивлении македонцам
 и казненному Антипатром (322 г. до
 н.э.) 226a-b
 Аристоники Александрийский, грамматик
 (конец I в. до н.э.) 20e
 Аристоники Каристийский, игрок в мяч
 (IV в. до н.э.) 19a
 Аристон, поэт Древней комедии (конец
 V в. до н.э.) fr. 1, 87a; fr. 2, 287c; fr. 3,
 284f, 285e, 287d
 Аристотель из Стагиры, философ (384–
 322 гг. до н.э.) 3a-f, 51e, 93a, 173e, 178f,
 186b-e, 214a, 234f, 235e, 264c-d, 272d,
 275e, 277e, 278a, 281f, 282c-d, 284f,
 286b-c,e, 294d, 296c, 298b-d, 299c, 300e-f,
 301c,e, 302b, 303c-d, 304c, 305c-d,f,
 306b,f, 307a,c, 308a-b,d, 309a, 310e,
 312c,e, 320e-f, 321b,e, 323c,e, 324d,
 326b,d, 327c,f, 328b,d, 329a,f, 335f, 348a;

- критика Аристотеля: 352d-354c; fr. 83, 6d; fr. 102, 40d; fr. 103, 44d; fr. 236, 24e; fr. 304, 88b; fr. 596, 31c; fr. 607, 23d; fr. 633, 44b-c; «История животных» 530 а 34, 91b; 541 б 19, 105c; 544 а 15, 88c; 544 а 23, 63b; 546 б 18, 88d; 547 а 13, 89b; 547 б 18; 89e; 548 а 22, 89f; **Пародии на «Проблемы»** 19d
- Аристофан, поэт Древней комедии (ок. 446–385 гг. до н.э.) 219b; fr. 1, 112e; fr. 4, 95e; fr. 13, 276d; fr. 23, 158c; fr. 51, 133b; fr. 52, 301a; fr. 68, 86f; fr. 103, 111b; fr. 108, 75a; fr. 125, 109f; fr. 137, 287d; fr. 141, 133a; fr. 153, 305b; fr. 154, 99f; fr. 155, 112e; fr. 156, 307e; fr. 158, 95f; fr. 159, 158c; fr. 167, 261f; fr. 182, 321a; fr. 189, 316b, 323c; fr. 200, 119b-c; fr. 203, 127c; fr. 215, 169c; fr. 217, 4d; fr. 218, 299b; fr. 221, 184e; fr. 244, 183e; fr. 247, 324b; fr. 253, 57a; fr. 257, 114c; fr. 282, 301b; fr. 317, 29a; fr. 318, 104e, 324b; fr. 333, 117c; fr. 347, 156b-c; fr. 363, 311c; fr. 364, 299a, 302d; fr. 391, 56b; fr. 409, 91c; fr. 413, 111a; fr. 414, 118d; fr. 416, 329b; fr. 437, 247a; fr. 461, 95d; fr. 463, 80a; fr. 475, 286f; fr. 479, 169c; fr. 497, 110f; fr. 503, 171a; fr. 506, 96c, 107f, 110f; fr. 507, 285e; fr. 508, 269e; fr. 530, 49c; fr. 537, 308f; fr. 558, 154e; fr. 560, 62d, 90a; fr. 579, 30c; fr. 590, 53a; fr. 595, 310f; fr. 677, 21f; fr. 680, 50e; fr. 684, 173d; fr. 695, 48c; без номера, 86e; «**Ахарняне**» 85, 130f; 872, 112f; «**Богатство**» 1005, 170d; «**Всадники**» 83, 122a; 160, 94d; 300, 94c; 356, 94d; 361, 311c; 662, 328e; 864, 299b; 1178, 94e; «**Женщины в народном собрании**» 347, 329b; 707, 77d; 843, 110a; «**Лисистрата**» 549, 90b; «**Лягушки**» 134, 66b; «**Мир**» 27, 173a; 122, 111a; 563, 119c-d; 804, 343c; 1196, 171c; «**Облака**» 103, 188c; 339, 64f; 362, 216a; 455, 94f; 559, 299b-c; 983, 345f; «**Осы**» 493, 315c; 510, 299b; 884, 90a; 1127, 329b; 1208, 179a; 1430, 352d; «**Плутос**» 720, 67c; 812, 229e; «**Птицы**» 566, 325b; 695, 57d
- Аристофан Византийский, александрийский ученый (ок. 257–180 гг. до н.э.) 21c, 77a, 83a, 85e-f, 180e, 182d, 228d, 241f, 263e, 287a, 336e
- Аристофан Фиванский, историк Беотии (IV в. до н.э.) 41e
- Аристофонт, поэт Средней комедии (IV в. до н.э.) fr. 4, 238b; fr. 7, 303a; fr. 9, 161e; fr. 10, 238c; fr. 16, 63a
- Ариусий, сорт винограда из северо-западной части Хиоса 32f
- Арифрад, беспутный брат Аригнота 220b
- Аркадион, ахеец, льстец Филиппа Македонского (IV в. до н.э.) 249c-d
- Аркадия, гористая область в центре Пелопоннеса 16a, 27f, 31d,f, 68b, 132f, 148f, 149d, 151b, 154d, 156d, 233f, 271e, 279e, 283a, 332f
- Аркесилай из Питаны в Эолиде, философ, основатель Средней академии (315–240 гг. до н.э.) 186c, 276f
- Арктин Милетский, эпический поэт (VIII в. до н.э.?) 22c, 277d
- Арменид, историк (I в. до н.э.) 31a
- Армения 93c, 213a
- Арны, город в Фессалии 264b
- Арриан, грамматик, один из участников диалога 113a
- Арридей, Филипп III Македонский, двоюродный брат Александра Великого, убит Олимпиадой (317 г. до н.э.) 155a
- Арсиноя, супруга Птолемея Филадельфа 276b, 318c-d
- Арт, царь Мессапии 108f, 109a
- Артабаз, перс царской крови, командующий армией Артаксеркса II, позднее был назначен Александром Великим сатрапом Бактрии 256d
- Артаксеркс II Мнемон, царь Персии (404–358 гг. до н.э.) 22c-d, 48d, 144f
- Артаксеркс III Ох, (358–337 гг. до н.э.), в 343 г. завоевал Египет 150b-c
- Артемиды, богиня охоты, сестра Аполлона 84b, 130a, 283e, 325a; ~ Кориталия 139b; ~ Строфея 259b; ~ Эфесская 361e
- Артемидор из Тарса, александрийский ученый школы Аристофана, живший, однако, много позже его (I в. до н.э.) 5b, 111c, 171b, 182d
- Артемидор Эфесский, географ (ок. 100 г. до н.э.) 111d, 333f

- Артемисий, трехглавое изображение Артемиды 168с
- Артипс, город в Малой Азии 30а
- Архедик, поэт Новой комедии fr. 2, 292d; fr. 3, 294b
- Архелай, известный танцор (III в. до н.э.) 19с
- Архелай, македонский царь (413–399 гг. до н.э.) 217d-e, 345d
- Архемах Эвбейский, историк (III в. до н.э.?) 264а
- Архестрат из Афин, развратник 220d
- Архестрат из Сиракуз (или из Гелы), автор кулинарной книги, пародирующей эпический стиль, современник Аристотеля (ок. 330 г. до н.э.) 4е, 29а, 56с, 64а, 92d, 101b,f, 104f, 105е, 110а, 111е–112с, 116f–117b, 119а, 162b, 163с-d, 278а,d-e, 284е, 285b,d, 286а,d, 288а, 293f, 294е–295а,c,f, 298е, 300d, 301с,f, 303е, 304d, 305е, 306b, 307b,d, 310а-b, 311а,d,f, 312f, 313f, 314d-e, 315f, 318f, 319d, 320а,f, 321с,e, 322с, 324а,325d, 326b,d, 327d, 328а-b, 330а, 335b, d-e, 337b
- Архефонт, парасит (ок. 300 г. до н.э.) 244b,d
- Архидам (III), спартанский царь, сын Агесилая (IV в. до н.э.) 289е
- Архий из Коринфа, предводитель колонистов, основавших Сиракузы (ок. 735 г. до н.э.) 167d
- Архий из Коринфа, архитектор (III в. до н.э.) 206f
- Архилох Паросский, старейший представитель ямбической лирики (нач. VII в. до н.э.) 1с, 7f, 8а, 107f, 164е; fr. 29, 52f; fr. 51, 76b; fr. 76, 180е; fr. 101, 299а; fr. 124, 122b; fr. 145, 167d; fr. 151, 30f; fr. 198, 86b
- «Архилохи», заглавие комедии Кратина 86е, 92е
- Архимед Сиракузский, математик, физик и механик (ок. 287–212 гг. до н.э.) 206d, 207b, 208с,f
- Архимед Афинский, автор эпиграмм (вт. пол. III в. до н.э.) 209b-с
- Архипп, поэт Древней комедии (современник Аристофана) fr. 1, 95е; fr. 12, 307d;
- fr. 16, 301а; fr. 17, 315b-с; fr. 18, 328а; fr. 19, 322а; fr. 20, 277f; fr. 23, 86с, 90f; fr. 25, 227а, 311е; fr. 26, 312а; fr. 27, 329b; fr. 28, 343с; fr. 29, 331с
- Архит Тарентский, философ-пифагореец, математик, политич. деятель и военачальник (пер. пол. IV в. до н.э.) 184е
- Архонид из Аргоса, не хотел пить, хотя ел соленую пищу (ср.: Диоген Лаэртский. IX. 81) 44d
- Архит, известный гурман, автор кулинарной книги (IV в. до н.э.) 5f
- Архит, эпический поэт (III в. до н.э.) 82а
- Аршак II, парфянский царь (253–216 гг. до н.э.) 153а
- Асий Самосский, поэт (VII в. до н.э.) 125b, d
- Аскалон 329d, 346е
- Асклепиад из Менда в Египте, историк (нач. I в. н.э.) 83с
- Асклепиад Мирлейский, грамматик и историк (I в. до н.э.) 50d-e
- Асклепиад Флиунтский, философ, друг Менедема (конец IV в. до н.э.) 168а
- Асклепиады, члены гильдии Асклепия, врачи 115с, 355а
- Асклепий, бог врачевания 250с, 256с, 289с, 351f
- Аскра, деревня в Беотии, родина Гесиода 4d, 101f
- Аспасия, милетянка, гражданская жена Перикла, в комедии высмеивалась как гетера 219b-e, 220е
- Аспенд, город в Памфилии, родина философа Диодора 163е, 174d
- Астеропей, союзник троянцев 2с
- Астианакт, сын Гектора 66а
- Астианакт Милетский, панкратиаст (IV в. до н.э.) 135d
- Астидамант, ритор и трагический поэт (сер. IV в. до н.э.) 33f; fr. 6, 40b
- Астикреонт 289с
- Астифил, афинский архонт 421/420 г. до н.э. 218d-e
- Ата, божество злого рока, бедствий и мести 36d
- Атабирит, хлеб, называвшийся по имени горы Атабирий на Родосе 109е (о родосском хлебе см. также 155d)

- Атаргатида, сирийская богиня 346d-e
 Атис, царь Лидии 19a
 Атлантический океан 152a
 Атрей, аргосский царь 242f; «Возвращение Атридов» 281b
 Аттагин, сын Фринона, принимал Мардония (479 г. до н.э.) 148e
 Аттал, адресат письма Полемона 346b
 Аттал I, царь Пергама (241–197 гг. до н.э.) 252c
 Аттал (II) Филадельф, царь Пергама (160–139 гг. до н.э.) 212f
 Атик из Неаполя, преподаватель атлетики (I в. до н.э.) 14f
 Атика, область на востоке центральной Греции, столицей которой были Афины 28c, 33e, 40a-b, 43b-c, 74d-e, 75e, 85a, 101e, 106b, 224c, 244b, 272c,e-f, 330a
 Аттическая куропатка, прозвище Аристомена 115b
 Аттические, ~й диалект 119b,e, 121f, 122a, 126e, 268e, 286f, 287d,f, 288b, 299a, 303b-c, 305a, 315c, 316a-b, 318f, 323b, 329d; ~ меры 141c; ~ монеты 225b, 294f; ~ обеды 34a-d, 137c-d; ~ пироги, 130d; ~ писатели 52a, 56e, 58d, 59c, 62d,f, 67c, 68f, 73e, 76f, 105b; ~ рыбы 288f; ~ хлебы 114f; ~ая шерсть 219a
 Афанатийцы, населяли юго-восток Эпира 114b
 Афаний Сиракузский, историк (ок. 350 г. до н.э.) 98d
 Афидант, мифический царь Афин 96d
 Афина, богиня наук, искусств и ремесел, победоносной войны и мирного процветания, покровительница Аттики и Афин 11f, 94e, 182b, 184f, 191e, 202a, 257c, 258f, 288d, 289a, 337c, 361e, 363e; ~ Колокасия 72b; ~ «неложная» 98b
 Афинея из Навкратиса, автор «Пира мудрецов» и других книг 1a, 11b, 12a, 20b, 23a, 31b, 33a-b, 35a-b, 40f, 50d, 52b, 55e, 58c, 71e, 73a, 127d, 211a
 Афинея Эретрийский, парасит 252f
 Афинион, ученик философа-перипатетика Эримния (ок. 125 г. до н.э.) 211e
 Афинион, сын предыдущего, бесславный афинский тиран в течение нескольких недель (88 г. до н.э.) 211d–215b; см. Аристион
 Афинокл Кизикский, автор трактата о поэмах Гомера (ок. 200 г. до н.э.) 177e
 Афинские, ~ хлебы 112c-d; ~ шуты 130c; ~ обеды 131f, 132d, 134a-b,d, 137c,f, 175a; ~ «фаланги» 136a
 Афины 20b-c, 27e, 33c, 96d, 101d, 108e, 109d, 112b, 119f, 128b, 130d, 132c, 134d, 137f, 148c, 155a, 156e, 159d, 166d, 168e, 171d-e, 186a, 187d, 189c, 194a, 211d–215b,e, 220d, 228b, 229e, 248d, 250f, 254b, 258b, 260b, 272c, 285b,d-e, 293a, 297a-b, 325d, 329a, 352c, 355a, 357a
 Афиняне 19a,d-e, 22e, 30c, 41d, 56d, 74d, 87b, 110b-c, 114f, 119f, 123e, 132d, 136e, 137e, 151c, 179e, 181c, 184d, 214d, 215d, 216a, 223e, 234d, 235c, 239d, 241d, 242d, 245a, 250f–251b, 252f–255a, 266f, 268e, 271f, 272c, 280f, 285f, 288a-b, 331f, 335d, 339d, 350c
 Афия 284f
 Афон, мыс на юго-восточной оконечности полуострова Халкидика 105d
 Африканские, сорт смокв 75f
 Афродита, богиня любви 14c, 18e, 28f, 36d, 69c, 84c, 88a, 95f, 96a, 101f, 128b, 191a, 205d, 207e, 253c,e, 282f, 325b, 341c; ~ Ламия 253a-b; ~ Лезна 253a-b; ~ Фила 254a
 Ахайя, область на севере Пелопоннеса, на побережье Коринфского залива 39d, 77a, 249c, 265c
 Ахайя, финикийский город на Родосе 360e
 Ахарны, дем в Аттике 234f, 235c
 Ахей Эретрийский, трагический поэт, прославившийся сатировскими драмами (ок. 496–406 гг. до н.э.) 173c-d; fr. 6, 270c; fr. 25, 270e; fr. 27, 277b; fr. 32, 267d; fr. 41, 31a; fr. 42, 63b
 Ахейцы, древние обитатели Фессалии и части Пелопоннеса; греки, осаждавшие Трою 25c, 157b, 186f, 188b, 191d
 Ахилл, герой «Илиады», сын Пелея и Фетиды 10c, 11a, 12b, 14a, 17e, 18b, 23f, 43d, 179c, 193a, 232d

- Ахиллей, источник поблизости от Милета 43d
- Ахиллова мука, очень тонкого помола 269d
- Ахилловы лепешки, выпекались из ахилловой муки 114f
- Ахрадина, центральная часть Сиракуз, включавшая в себя примыкавшее с запада скалистое плато 207f
- Аякс, сын Теламона, вождь саламинцев в троянской войне 9a, 13f, 187b
- Байи, город и источник в Кампании близ Неаполя 43b
- Бактрия, область в северо-восточной Персии 219a
- Балана, дриада 78b
- Барабулька (Trigla), квартал в Афинах 325d
- Баринское, вино из Бария (Бари), города на юго-восточном побережье Италии 27b
- Барка, город в Киренаике (ок. 550 г. до н.э.) 184b
- Бассары, вакханки 198e
- Бастарны, германское племя, совершавшие набеги на Малую Азию 213b
- Батанатт, вождь, руководивший отступлением галлов из Греции (280 г. до н.э.) 234b
- Батанатты, батанаттова (дорога) 234b
- Батон, поэт Новой комедии (пер. пол. III в. до н.э.) fr. 2, 163b; fr. 3, 279c; fr. 5, 103b, 279a
- Батон Синопский, историк (вт. пол. III в. до н.э.) 251e
- Баттал, упоминается в эпиграмме Гедилы 176d
- Бафилл из Александрии, вольноотпущенник Мецената, танцор-пантомим (современник Августа) 20d-e
- Бафира, река в Пиерии (Македония) 326d
- Беллерофонт Коринфский, мифический герой 185c
- Беневент, самнитский город в Италии 31e
- Беотийские, ~ угри, 295c, 297d, 299b, 300c, 302d, 304a
- Беотия, область в Центральной Греции к северо-западу от Аттики 27e, 41e, 56f, 74a, 109a, 155a, 186f, 209f, 215d, 216a, c, 218b, 350a
- Бербея, эпитет Афродиты 84c
- Береника, жена Птолемея Сотера 202d, 203a
- Береника, дочь Птолемея Филадельфа (в 248/247 г. до н.э. вышла замуж за Антиоха II) 45c
- Береника (Бенгази), город на побережье Кирены 71b
- Берисад, понтийский царь, родственник Котиса (ум. 357/356 г. до н.э.) 349d
- Бероя, город в Сирии 153b
- Библийское, вино из Финикии 29b, 31a; или ~ Фракии 31a
- Биксент (Буксент) город в Лукании на южном побережье Италии 27a
- Бион, гурман 344a
- Бион Борисфенит, странствующий философ (пер. пол. III в. до н.э.) 162d-e, 421e
- Бион из Проконнеса, историк (IV в. до н.э.) 45c (цитата приписана ему Швейгхойзером)
- Бисалтия, область на восточной границе Македонии 77e
- Битий, парасит Лисимаха (ок. 300 г. до н.э.) 246e
- Битуит, главный город галльского племени арвернов, завоеванный римлянами в 121 г. до н.э. 152d
- Блаженных острова 296e
- Боги-спасители 254a, 288f, 292b-c; боги в клятвах 337c
- Больб, танцор (V в. до н.э.) 22c
- Больба, крупное озеро в Македонии к северу от п-ва Халкидика, также нимфа-эпоним озера 311a, 334e
- Борей, северный ветер 125c, 134e, 244e
- Борисфен, древнее название Днепра 42e, 162d
- Боспор (Босфор) 116b, 284e, 319b
- Ботрия, остров около Мессении 322a
- Боздромион, третий месяц аттического календаря (приблизительно сентябрь) 360c
- Браврон, город в Аттике 223a
- Бренн, вождь галлов в походе на Грецию (280 г. до н.э.) 234b

- Бриарей 224а
 Бризо, богиня сна на Делосе 335а
 Британские острова 273b
 Бромий, эпитет Диониса 39b, 137a-b
 Бруттии, племя в Южной Италии 208f
 Бруттий, область в Южной Италии 116с-d
 Бурх, лъстец Деметрия Полиоркета 253а
 Бык, прозвище певца Клеона 349с
 Бычья река, около Трезен в Арголиде 122f
- Вавилон, Вавилония** 30а, 32b, 42е, 93d, 168е, 203с, 211b, 222а, 277а
Вакх, титул Диониса 78с, 343f
Вакханки 198е
Вакхид, распутник 336d
Вакхилид Кеосский, лирический поэт (ок. 505–429 гг. до н.э.) 20с-d; fr. 27, 39е-f, 174f, 178b
Вакхический 148b, 196с, 198d,f, 201е, 204b, 205е
Вар, один из участников пира 118d
Варрон, М. Теренций, римский грамматик и сатирик, подражатель Мениппа (116–27 гг. до н.э.) 160с
Велитернский, из Велитр, города в Лации 27а
Венефранский, из Венафра, на территории Самния 27с
Веретено, рыба 301d
Вечерняя звезда (Геспер) 197d; ср. 195b
Византий, византийцы 116b,d-f, 117а, 118d, 120f, 132е, 203с, 221b, 271с, 278с, 292b, 302а, 303е, 314е, 320b, 349f, 351с
Вифиния, область в северо-западной части Малой Азии 7d, 58с, 213а
Вифинцы 271с
Вихрь, водоворот в Ликий 333f–334а
Вихрь, прозвище парасита 238f
Ворона, прозвище гетеры 359b,d
Воронья песенка 359е–360b
Втершийся, прозвище кипрского парасита 257а
- Габиний А., римский полководец (консул 58, ум. в 47 г. до н.э.)** 206d
Гавранское (вино), от горы Гавр, около Кум в Кампании 28f
- Гадара, город в Палестине** 157b
Гадира, современный Кадикс, город на Пиренейском п-ве 116с, 118d, 302с, 315d
Галатея, морская нимфа, возлюбленная Киклопа (Полифема) 6е
Галатия, область в Малой Азии к югу от Вифинии и Пафлагонии (занятая с III в. до н.э. галлами) 59b
Гален Пергамский, знаменитый врач (130–ок. 202 гг.), участник пира 1е, 26с, 115с
Галена (Спокойствие), аллегория 301d
Галикарнас, город на побережье Карии (юго-запад Малой Азии) 32е, 33b
Галоннес, о-в в Эгейском море 223е
Галосидна, титул Амфитриты 92d
Галы, на побережье Аттики 297е, 329е
Гамадриада, дриада 78b
Гамбреон, город на юго-западе Мизии 30а
Гангра, город на юге Пафлагонии 82с
Ганнон Карфагенский, автор географического описания западного побережья Африки (ок. 500 г. до н.э.; греческий перевод, известный источникам Афиней, относится к III–II вв. до н.э.) 83с
Гаретт, аттический дем 234f
Гармодий Лепреатский, историк Аркадии (III или II в. до н.э.) 148f
Гармония, супруга Кадма 350f
Гарпал, казначей Александра Македонского (убит в 324 г. до н.э.) 341f
Гатида, мифическая сирийская царица 346d
Геба, богиня юности 245е
Гегемон с Фасоса, пародист, поэт Древней комедии (?) 5b; fr. 1, 108с
Гегемон, автор сочинений по сельскому хозяйству (время неизв.) 75d
Гегесандр Дельфийский, историк (пер. пол. II в. до н.э.) 18а, 19с, 44с, 52а, 62d, 83а-b, 87b, 197е, 198а, 132с, 162а, 167е, 174а, 210b-с, 229а, 248е, 249d, 250е-f, 251b, 260а, 289с,f, 325с, 334е, 337f, 340f, 343d, 344а, 350а, 365d
Гегесианакт из Александрии Троадской, историк и поэт, друг Антиоха Великого (III в. до н.э.) 80d, 155b

- Гегесипп, поэт Новой комедии (III в. до н.э.) fr. 1, 290b
- Гедил Самосский или Афинский, сын Гедилы, эпиграмматист (III в. до н.э.) 176c-d, 297a, 344f
- Гедила Афинская, поэтесса (конец IV в. до н.э.) 296a
- Геката, богиня подземного мира, часто отождествлялась с Артемидой 110c, 313b-c, 325a-d, 358f
- Гекатей Милетский, историк (нач. V в. до н.э.) 35a, 70a, 114c, 148f
- Гекатомбеон, месяц аттического календаря (приблизительно июль), 303d
- Гектор, герой «Илиады» 10b, 51c, 178c-d, 226f, 236c-d
- Гекуба, супруга царя Трои Приама 10b, 66a
- Гела, город на южном побережье Сицилии 4a, 30b, 67b, 125a, 298a, 314f
- Геликаон, троянец 232c
- Гелиодор Афинский, землеописатель (конец II в. до н.э.?) 45c, 229e
- Гелиос, бог солнца 294b, 206e, 310a, 349a
- Гелланик Митиленский, историк (V в. до н.э.) 34a-b
- Геллеспонт (Дарданеллы) 9d, 27e, 41b, 59a, 62d, 105a,d, 157b, 232d, 278d, 317f, 319b
- Гелон, тиран Гелы, брат Гиерона (ум. 478 г. до н.э.) 231f
- Гелор, река на юго-востоке Сицилии 331e
- Гелос, город в Лаконии 272a
- Гельветы, галльское племя 233d
- Гениох, поэт Средней комедии (IV в. до н.э.) fr. 3, 271a
- Гера, супруга Зевса 39a, 122c, 201c, 262c
- Геракл, мифический герой 23d, 33c, 49f, 63f, 82d, 83c, 95b, 157f-158a, 164b, 178b, 215b, 227f, 234e, 235a,d, 239d-e, 242d, 245e, 248c, 260b, 276f, 287d, 289b, 290a, 291a; ~-овы Столпы 61d, 315c-d; ~-овы острова у побережья Испании 121a; храм ~-а в Риме 153c, 221f
- Гераклеон из Берои, в Сирии, виновник смерти своего благодетеля Антиоха Грима в 96 г. до н.э. 153b
- Гераклеон из Эфеса, александрийский грамматик, автор словаря кулинарных терминов (I в. до н.э.?) 52b, 76a, 111c, 303b, 308f
- Гераклея, город в Ионии 32b, 54d, 54b
- Гераклея, морской порт в Вифинии на южном побережье Черного моря 85b, 184d, 231c, 263d, 264e, 282a, 331c, 338b, 351c-d
- Гераклид Кумский, историк (конец IV в. до н.э.) 48d, 145a-146a
- Гераклид Лемб (Челн), из Оксиринах в Египте (ок. 150 г. до н.э.) 98e, 333a
- Гераклид из Маронеи, парасит Севфа (ок. 400 г. до н.э.) 252a
- Гераклид Мопсуэстийский, грамматик 234d
- Гераклид Сиракузский, автор сочинений по кулинарии 328d
- Гераклид Тарентский, знаменитый врач (ок. 75 г. до н.э.) 53c, 64a,e, 67d, 74b, 79e, 120b, 251e
- Гераклиды из Сиракуз (двое под этим именем), авторы кулинарных трактатов, (IV в. до н.э.?) 58b, 105c, 114a
- Гераклит из Митилены, фокусник (IV в. до н.э.) 20a
- Гераклит Эфесский, философ (конец VI в. до н.э.) 134b, 178f
- Гергина, Гергит, город в Троаде 256c
- Гергины, параситы и соглядатаи на Кипре 255f-256b
- Гергит, парасит Александра Великого 255c
- Гересипп, спартанский парасит 251f
- Гереея, город в западной Аркадии 31f
- Герион, гигант, побежденный Гераклом 346f
- Германцы 153e; ср. 213b (бастарны)
- Гермей, египтянин, торговец рыбой 227a, 311e
- Гермей, приятель философа Спевсиппа (IV в. до н.э.) 279f
- Гермей, автор сочинения о праздничных обрядах в Навкратисе (время неизв.) 149d
- Гермес, божество 16b, 39a, 112a, 130a, 184a, 192c, 200c, 259a, 289b, 296b, 325b; название вина 32b
- Гермиона, дочь Менелая и Елены 9b, 338b
- Гермипп, поэт Древней комедии и автор сатирических стихов (ок. 425 г. до н.э.)

- fr. 51, 77a; fr. 11, 119c; fr. 15, 285e; fr. 39, 123f; fr. 45, 344c; fr. 63, 27e-f; fr. 68, 76c; fr. 76, 18c; fr. 79, 59c; fr. 81, 56c; fr. 82, 29e
- Гермипп из Смирны, биограф и философ-перипатетик, ученик Каллимаха (ок. 200 г. до н.э.) 21a,c, 58f, 154d, 162d, 163e, 213f, 252c, 327b-c, 342c
- Гермон, персонаж «Вакханок» Лисиппа 124d
- Гермон (Гермонакс), александрийский грамматик 53b-c, 76e, 81f, 267c
- Гермы, ряд статуй или бюстов на прямоугольных постаментах на афинском рынке 167f
- Герод Аттик (Тибериус Клавдий Аттик Герод), софист и оратор (100–175 гг.) 99c
- Герод Гераклеяский, историк и мифограф (вт. пол. V в. до н.э.) 57f (см. Геродор)
- Геродиан, александрийский грамматик, живший в Риме во второй половине II в. 52e
- Геродик Вавилонский, грамматик, приверженец Кратета Пергамского и противник Аристарха (ок. 125 г. до н.э.) 192b, 215f–222b, 234d, 340e
- Геродор Гераклеяский (ок. 400 г. до н.э.), мифограф 231c
- Геродот, исполнитель мимов (сер. III в. до н.э.) 19c
- Геродот Галикарнасский историк (ок. 484–425 гг. до н.э.) 19a, 43c, 45a, 57c, 78e, 110c, 114c, 119d, 138b, 143f–144b, 146a–150c, 231d, 261c, 266e, 334a
- Геродот Ликийский, автор работ, посвященных выращиванию смокв (время неизв.) 75f, 78d
- Геронд Косский, автор мимов (пер. пол. III в. до н.э.) 86b
- Геропиф, историк Колофона 297e
- Гесиод из Аскры, эпический поэт (VIII в. до н.э.) 101f, 310a; fr. 177, 49b; fr. 192, 40f, 115a, 116a,d, 164c, 180e, 186f; «Труды и дни» 41, 58d; 410, 100b; 569, 63a; 595, 41e
- Гесон, Гесонская лагуна, соединяющаяся с морем между Приеной и Милетом 311a,d-e
- Геспериды, нимфы, охранявшие золотые яблоки 82d-e, 83c, 84b
- Гестией Понтийский (возможно, тождественен ~-ею Перинфскому, ученику Платона) 273d
- Гестия, область на северо-западе Фессалии 19b
- Гестия, богиня дома и очага 149d
- Гетион, троянец 236c
- Гетулия, в Ливии 62e
- Гефест, бог огня и кузнечного ремесла 106b, 136f, 181a, 192e, 270f
- Гефестиион, сын Аминтора из Пеллы, друг Александра Македонского (ум. 324 г. до н.э.) 120e, 146c
- Гея, богиня земли 78b, 83c
- Гиакинфии, спартанский обряд, посвященный Гиацинту 139d
- Гиакинфова дорога, в Спарте 173f
- Гибрис, дух Насилы и Дерзости 36d
- Гиг, лидийский царь (685–652 гг. до н.э.) 231e-f
- Гиганты, мятежники против олимпийских богов 209c
- Гидна, дочь Скилла (мифич.) 296e
- Гиеракс, антиохийский актер и парасит (ок. 150 г. до н.э.) 252e
- Гиерокл Сиракузский, отец Гиерона II (IV в. до н.э.) 209d
- Гиерон I, сиракузский тиран (478–467 гг. до н.э.) 28a, 121d-e, 144c-e, 171e-f, 231f, 232a-c, 250e
- Гиерон II, сиракузский царь (ок. 275–215 гг. до н.э.) 206d–209e
- Гиероним, царь Сиракуз, внук Гиерона II (215–214 гг. до н.э.) 251e-f
- Гиероним Кардийский (вост. Фракия), автор истории диадохов (ок. 260 гг. до н.э.) 206e
- Гиероним Родосский, философ-перипатетик и автор воспоминаний (III в. до н.э.) 48b, 217e(?)
- Гикара, город на северо-западном побережье Сицилии 327b
- Гикесий, врач из Смирны (ок. 100 г. до н.э.) 59a, 87b-e, 116e, 118a, 278a, 282d, 285b, 288c, 294c, 298a, 304c, 306d, 308d, 309b, 310f, 312c, 313a,d-e, 314b, 315d-e, 320c-d, 321a, 323a, 327d, 328b-c

- Гилипп, спартанский полководец в Сицилии (конец V в. до н.э.) 234a
- Гиметт, гора в Аттике, славившаяся мрамором, медом и тимьяном 28d
- Гинграс, финикийское имя Адониса 175a
- Гиоесса, ручей в Трезене 122f
- Гипанис, река, совр. Южный Буг 42e, 43c
- Гипелей (Масляный), источник около Эфеса 361d
- Гипер, герой-эпоним, сын Посейдона 31c
- Гипера (Гипара), древнее название острова Калаврии 31c
- Гиперейский, сорт винограда 31c
- Гиперид, афинский оратор и гос. деятель (390–322 гг. до н.э.) 120a, 266f, 341e–342c
- Гиппарх, автор «Египетской Илиады» (время неизв.) 101a
- Гиппас Лакедемонский, историк (II в. до н.э.?) 14e
- Гиппий из Регия, историк (пер. пол. V в. до н.э.) 31b
- Гиппий Элидский, знаменитый софист (V в. до н.э.) 218c,e
- Гиппий Эретрийский историк (время неизв.) 258f
- Гиппокл, киликийский актер, упоминаемый Алексидом 125b
- Гиппократ, племянник Перикла (вт. пол. V в. до н.э.) 96e
- Гиппократ Косский, врач и основатель медицинской науки (ок. 460–370 гг. до н.э.) 45e–f, 46b–c, 57c
- Гипполох Македонский, историк (ок. 300 г. до н.э.) 126d–e, 127e, 128a–130d
- Гиппонакт Эфесский, автор сатирических холиямбов (ок. 550 г. до н.э.) 49e, 69d, 78b, 304b, 324a
- Гиппоний, город в южной Италии 302a
- Гиппоник, персонаж в цитате из Антифана 43b
- Гиппоник, высмеивается Эвполидом 328e
- Гиппоник, сын Каллия и Эльпиники, сестры Кимона, богатый афинянин (ок. 475–ок. 422 гг. до н.э.) 169a, 184d, 216d, 218b, 220b
- Гиппоник, сын Каллия и дочери Главкона (пер. пол. IV в. до н.э.) 220b
- Гиппот, брат хиосского царя 259e
- «Гипсипила», пьеса Еврипида, плохо разыгранная Леонтием 343f
- Гиркания, плодородная местность к югу от Каспийского моря 201b
- Гирканское (Каспийское) море 70b
- Главк, морской бог (мифич.) 295e, 296a–297b, 342b
- Главк Локрийский, автор кулинарных трактатов (III в. до н.э.?) 324a
- Главк Хиосский, мастер по металлу, изобретатель пайки (пер. пол. VI в. до н.э.) 210b
- Главка с Хиоса, певица, упоминаемая Гедилом в эпиграмме (III в. до н.э.) 176d
- Главкид, врач 81a,d (69e?)
- Главкия, врач (ок. 75 г. до н.э.) 69e
- Главкон, видный афинский деятель, командовавший флотом, посланным на помощь керкирцам в 432 г. до н.э. 68c
- Главкон, брат Хремонида (ок. 265 г. до н.э.) 44c
- Главкон, сын Аристона и брат Платона 217c
- Глос, кариец, правитель Сол (IV в. до н.э.) 265c
- Гнесипп, грек в армии Кира Младшего (410 г. до н.э.) 151c–d
- Гносипп, спартанец-мот 168d
- Гомер, эпический поэт 8e, 10b, 13b, 14c–d, 15c, 16c, 17b, 18e, 22b, 24a–b, 24f, 25f, 35c, 38a, 39b, 40d, 41a–d, 48c, 54e, 61c, 65a, 66c, 76e, 86b, 122c, 137e, 156b, 157b, 163c, 164c, 172e, 173a, 185a, 186e–193c, 228c, 236c, 257c, 264e, 270e, 271a, 276d, 284b, 298d, 299a–b,d, 314a–b, 316a, 336b, 347e, 362a,d, 363a,e–f, 364a; пародируемый Матроном 134e–137c
- Гомеровский гимн Аполлону 22b
- Гомериды 22b
- Горгий из Леонтин, софист и оратор (ок. 483–376 гг. до н.э.) 113e
- Горгоны, мифические чудовища 220f, 221b, 224c
- Горшечное празднество (в Афинах), проводилось в последний день Анфестерий 129d, 130d

- Горы, богини времен года 112b, 198b, 283e
 Грастония, область в восточной Македонии 77e
 Греки 229d, 231c,e-f, 250f, 261a, 264c-d, 265b-c, 272b,e, 273b,e, 280e; ~ завоеватели Родоса 360d-361c
 Греция 133b, 145f, 146a, 167b, 187d, 209d, 222a, 231b,f, 232a-b, 253e, 254b, 349d, 350e, 351c
 Греческие, ~-ая архитектура 206b; ~-ая бедность 160a; ~ города 201d-e; ~ -ая жадность 159c; ~-й «мягкий» хлеб 113b; ~-ая одежда 213b; ~ пиры 130e, 138c, 143f-144b, 148d, 358d; ~ танцы 362a; ~-й язык 228c, 231b, 309c, 330b; см. также 155f, 160c, 168e, 171c, 184b,d, 181c, 187d, 194c
 Гриллион, паразит (IV в. до н.э.) 244f-245a
 Грип («гриф»), прозвище Антиоха VIII 153b
 Губаны, рыбы, отличающиеся похотливостью 281f
- Дайт, троянский герой 174a
 Дамаск, столица Сирии 28d, 49d, 153f, 249a, 332f
 Дамоксен, поэт Новой комедии (III в. до н.э.) fr. 2, 102a; fr. 3, 15b
 Дардания, область к югу от Мезии и к западу от Фракии 333a
 Дарданы, воинственное иллирийское племя 272d
 Дарий, персидский царь (521-486 гг. до н.э.) 334a
 Даскил, деревня в Малой Азии 43a
 Дафн из Эфеса, один из участников пира, врач 1e, 51a, 79a, 116f, 120b, 276d, 355a
 Дафна, пригород Антиохии, посвященный Аполлону 150c, 176a, 194c, 210e
 Девкалион, прародитель греков, выживший при потопе 35b, 105d
 Дедал, мифический художник и изобретатель 181a, 301a-b
 Дедал, повар в «Делосце» Филостефана 293a
 Дейнолох, сицилийский поэт; вероятно, современник Эпихарма (V в. до н.э.) fr. 1, 111c
 Дейномах, мать Алкивиада 219c
- Дейпневс, дух-покровитель пиров 39d
 Декеlea, город в Аттике на реке Кефисе, к северо-востоку от Афин 67e
 Дексикрат, поэт Средней или Новой комедии fr. 1, 124b
 Делий, участок на побережье Беотии, посвященный Аполлону Делийскому 215d,f, 216a,c
 Делос, остров в Эгейском море, посвященный Аполлону 123d, 172f, 173b-c,e, 194a, 212d, 214d,f, 215a,b, 234f, 296c, 301d, 327d, 331f, 335a; «Делос», драма Тимокла 341e
 Делькон (или река, впадающая в озеро Дельк во Фракии, или само озеро) 118b
 Дельфийские, ~-й оракул 234b, 261d; ~-ое святилище 231d-f; ~-ое божество 254b; ~-ая жрица 272c, 278e
 Дельфы, город в Фокиде (центральная Греция) со знаменитым оракулом Аполлона 36b, 48b, 70c, 80d-e, 96e, 98b,f, 107e, 132c, 173c,e-f, 197a, 198c, 199d, 202c, 210b-c, 218e, 229a, 231c-e, 232e, 233f, 249d, 259a, 260a, 362b, 264c
 Демад, афинский оратор (IV в. до н.э.) 44f, 99d
 Демарат, царь Спарты (ок. 510-491 гг. до н.э.), последние годы провел при дворе Ксеркса и сопровождал его в походе на Грецию 29f
 Деметра, богиня плодородия 12d, 63f, 108c, 109a, 111f, 113d, 123c, 126a, 137b, 158e, 213d, 253d, 268d, 287a, 302e; ~ Ахейская (Скорбящая) 109f
 Деметрий, поэт Древней комедии (конец V в. до н.э.) fr. 1, 108f; fr. 5, 56a
 Деметрий, потомок Деметрия Фалерского, назначенный Антигоном Гонатом фесмофетом (ок. 260 г. до н.э.?) 167e-f
 Деметрий Иксион, грамматик (II в. до н.э.) 50b, 51f, 74b
 Деметрий Полиоркет, сын Антигона (ок. 336-283 гг. до н.э.), царь Македонии (294-287 гг. до н.э.) 101e, 128b, 206d, 244f, 253a-f, 254a, 255c, 261b
 Деметрий Скепсийский, антиквар (ок. 200-130 гг. до н.э.) 44e, 80d, 91c, 141e, 155a, 167d, 173f, 174a, 236d, 300d, 346c

- Деметрий Трезенский, грамматик (I или II в. н.э.) 29a, 139c
- Деметрий Фалерский, афинский философ-перипатетик и гос. деятель (ок. 350–283 гг. до н.э.) 177e–178a, 233e, 272c
- Деметрий I Сотер, сын Селевка IV, царь Сирии (162–150 гг. до н.э.) содержался в Риме заложником в 175 г. 210d
- Деметрий II Никатор, царь Сирии, сын Деметрия I Сотера (145–140 и 129–125 гг. до н.э.) 333c, 211a
- Демей, мантинейский изобретатель приемов боя в тяжелых доспехах 154e
- Демей, сын Лахета (IV в. до н.э.) 244e
- Демил, гурман 345c
- Демодок, аэд из «Одиссеи» 13d, 14a, c, 15d
- Демокл, парасит Дионисия Младшего (IV в. до н.э.) 250a-d
- Демоклид (Демокл?) 175a
- Демокрит из Абдер, философ (V–IV вв. до н.э.) 46e, 102b, d, 168b, 354c
- Демокрит из Никодемии, один из участников пира 1d, 83c, 85c, 248c, 262b, 270a-b, 271b, 331c, 346c
- Демон, сын Демомела, племянник Демосфена, афинский оратор (IV в. до н.э.) 341f
- Демон, автор сочинений об аттической истории и мифологии (ок. 300 г. до н.э.) 96d
- Демострат, афинский демагог, через чье посредничество был поставлен «Автолик» Эвполида (420 г. до н.э.) 216d
- Демосфен, афинский оратор и гос. деятель (384–322 гг. до н.э.) 44e-f, 100c, 166b, 186a-b, 232d, 242d, 245f, 252f, 267a, 270b, 341f, 343e
- Демотел, игрок в мяч (IV в. до н.э.) 14e
- Демотион, мот (IV в. до н.э.) 243b-c
- Демофил, историк, сын Эфора (IV–III вв. до н.э.) 232d-e
- Демохар из Гаргетта 234f
- Демохар, родственник Демосфена, афинский оратор, политик и историк (ок. 355–272 гг. до н.э.) 187d, 215c, 252f, 253b, d
- Денфис, Денфиады, место в Спарте 31c
- Деркил, автор истории Аргоса (III в. до н.э.?) 86f
- Дея, эпитет Деметры 63f
- Диагор, приятель Линкея Самосского (ок. 300 г. до н.э.) 109d
- Диадокси, наследники Александра Великого 184b
- Дидим Александрийский, ученый и критик (I в. до н.э.) 30d, 56d, 67d, 70c, 139c–141f
- Диевх, врач и поэт (нач. III в.) 5b (λευχης 73e?)
- Диевхид Мегарский, историк (IV в. до н.э.) 262e
- Диилл, афинский историк, продолживший «Историю» Эфора (вт. пол. IV в. до н.э.) 155a
- Диитреф, участник попойки, описанной Пармениском 156f
- Дий, город у подножья г. Олимп в Пиерии (Македония) 326d
- Дикеарх Мессенский, ученик Аристотеля, географ и историк (ок. 300 г. до н.э.) 14d, 85f, 141a
- Динон Колофонский, автор истории Персии (конец IV в. до н.э.) 67b, 146c
- Диоген Вавилонский, знаменитый философ-стоик (ок. 240–151 гг. до н.э.) 168e (см. также диогенисты)
- Диоген из Селевкийский, философ-эпикурец (ок. 150 г. до н.э.) 211a-d
- Диоген Синопский, кинический философ, самый известный ученик Антисфена (ум. 323 г. до н.э.) 49a, 113f, 158f, 159c, 164a, 254c, 341e
- Диогенисты, ученики философа-стоика Диогена Вавилонского 186a
- Диогитон, богатый эпикурец 343a
- Диодор, мот, упоминаемый Алексидом (IV в. до н.э.) 165d
- Диодор, игрок в шашки (ок. 300 г. до н.э.) 16e
- Диодор Аспендский, философ-пифагореец (конец IV в. до н.э.) 163d-f
- Диодор Синопский, поэт Новой комедии (ставился на сцене в 285 и 281 гг. до н.э.) fr. 2, 235e, 239a
- Диодор из Тарса, александрийский грамматик школы Аристофана (пер. пол. I в. до н.э.) 180e

- Диокл, поэт Древней комедии (ок. 400 г. до н.э.) 140e, 306a; fr. 5, 307d
- Диокл, любитель рыбы, из других источников неизвестен 343e, 344b
- Диокл из Кариста, на Эвбее, врач и автор медицинских трактатов (IV в. до н.э.) 32d, 46d, 53d, 55b, 57b, 59b, 61c, 68d-f, 74b, 86b-c, 105b, 110b, 116e, 120d, 301c, 305b, 309c, 316c, 319b, 320d, 324f, 326a, 329e
- Диокл из Пепарета, историк (III в. до н.э.) 44e
- Диоклид Абдерский, автор описания осадной машины Деметрия Полиоркета (III в. до н.э.) 206d
- Диоксипп, поэт Новой комедии (III в. до н.э.) fr. 1, 100e; fr. 3, 100e
- Диоксипп, борец-панкратиаст (вт. пол. IV в. до н.э.) 251a
- Диома, квартал в юго-восточной части Афин, пристанище отбросов общества 260b
- Диомед, герой «Илиады» 13e, 232d
- Дион, философ-академик 34b
- Дионис, божество вина, называемый также Вакхом, в мистериях – Иакхом 22e, 26b, 27e, 30b, 34a, 35d, 36b,d, 37f, 38a,c,e, 39c,e, 56a, 78c, 82d, 100a, 148b-d, 149b,d-e, 156a,e, 179e, 181c, 197e, 198c,e, 200d, 201c, 202f, 205e, 212d, 276b, 287f, 296a, 325b, 341c, 362e;
- «Дионисиада», поэма о Дионисе Неоптолема Паросского 82d
- Дионисий, секретарь Антиоха Эпифана (II в. до н.э.) 195b
- Дионисий, сын или ученик Трифона (I в.) 255c
- Дионисий, автор гастрономических трактатов (III в. до н.э.?) 326f
- Дионисий Гераклеяский (на Понте), философ-стоик (ок. 330–250 гг. до н.э.) 281d
- Дионисий Младший, сын Дионисия Старшего, тиран Сиракуз (367–344 гг. до н.э.) 249e–250d, 279e(?); Дионисиевы актеры (льстецы) 249f, 254b
- Дионисий Старший, сиракузский тиран (406–367 гг. до н.э.) 6e, 98d, 206e, 249e-f, 251f(?), 260c-d, 261a
- Дионисий Ямб, грамматик и поэт (III в. до н.э.) 284b
- Дионисийское, сорт вина 30d
- Дионисокл, врач, один из участников пира 96d, 116d, 118d
- Диопиф из Локр, фокусник (IV в. до н.э.) 20a
- Диоскурид, ученик Исократа (ок. 350 г. до н.э.), автор трактата о Гомере, использовавшегося как источник Плутархом, Дионом Хризостомом и Афинеем 11a-b, 140b, 141a
- Диоскуры, сыновья Зевса, Кастор и Полидевк 137e, 184f, 335c
- Дифил из Лаодикеи, комментатор (I в.?) 314d
- Дифил из Синопы, поэт Новой комедии (ок. 300 г. до н.э.) 133f, 243e, 258e; fr. 17, 132c; н.э. fr. 18, 133f; fr. 24, 254e; fr. 26, 111e; fr. 30, 223a; fr. 32, 227e; fr. 33, 226e; fr. 34, 316f; fr. 38, 165e-f; fr. 43, 291f; fr. 44, 230f; fr. 49, 262a; fr. 54, 156b, 307f; fr. 56, 124d; fr. 61, 236b; fr. 62, 238f; fr. 63, 247d; fr. 64, 156f; fr. 66, 225a; fr. 73, 247a; fr. 74, 247c-d; fr. 79, 52e; fr. 86, 35c; fr. 87, 55d; fr. 95, 47b; fr. 96, 67d; fr. 97, 189e; fr. 124, 168c; fr. 125, 23c
- Дифил из Сифноса, врач и автор сочинений по гигиене (нач. III в. до н.э.) 50b, 51a,f, 53f, 54c, 55b,f, 56a, 57c, 58e, 59b, 61c, 62f, 64b, 69e, 70a, 71e, 73a, 74b, 80b,e, 82f, 90a,c, 91e, 106c, 111e, 115c, 120e, 121b, 355a–357a
- Дифила, афинская жрица 234f
- «Дифирамб», эпитет Диониса 30b
- Дия, остров 296a,c
- Додона, древний центр почитания Зевса в Эпире 203a
- Дорида, персонаж комедии Дифила «Памятка» 124d
- Дорийские, ~ подушки 255e; ~-й диалект 318f
- Дорийцы, одно из греческих племен 139b, 140c, 182d, 209e
- Дорилея, город во Фригии 43b
- Дорион, автор трактата о рыбах (I в.н.э.) 118b, 282c,e, 285a, 287c, 294d, 297c, 300e-f, 304c,f, 305e, 306e, 309b,e-f,

- 312d,f, 313e, 315b-c,f, 319d, 320d, 321c, 322b,e, 323a, 327f, 328b,d-e, 330a, 337b–338b
- Доркия, финикийская девушка 361c
- Дорофей, историк (время неизв.) 277a
- Дорофей Аскалонский, грамматик (I в. н.э.) 329d
- Дорпия, персонаж комедии Филиллия «Геракл» 171d
- Досиад Критский, историк (конец III в. до н.э.) 143a-d, 264a
- Дотида, нимфа 296c
- Дотий, плодородная равнина на о. Хиос 262e
- «Дочь Великого», титул Афины 94e
- Драконт, персонаж комедии Дифила 291f
- Драконтиад, сын Драконта 136b
- Дримак, вождь беглых рабов на Хиосе (III в. до н.э.) 265d–266e
- Дромей, парасит (III в. до н.э.) 132c
- Дромон, поэт Средней комедии (ок. 350 г. до н.э.) fr. 1, 240d
- Друз Младший Нерон Клавдий, сын императора Тиберия (ум. в 23 г.) 52d
- Дунай (Истр), река 119a, 234b, 311f
- Дурид Самосский, ученик Феофраста, историк (нач. III в. до н.э.), 17f, 19f, 128a, 155c-d, 167c-d, 184d, 231b, 249c, 253d
- Дым, прозвище 242f (ср. 238c)
- Евн, сицилийский раб, вождь восстания 136–132 гг. до н.э. 273a
- Еврипид, трагический поэт (ок. 481–406 гг. до н.э.) 3a,e, 19e, 61a, 134c, 175b, 184d, 187d, 247a-b; fr. 2, 61b; fr. 20, 159c; fr. 187, 247c; fr. 324, 159b; fr. 327, 40d; fr. 469, 97a; fr. 679, 76c; fr. 707, 186c; fr. 830, 264b; fr. 895, 270c; fr. 892, 158e; fr. 894, 165b; fr. 907, 276f; «Вакханки» 680, 362a; 743, 38e; 772, 40b; 1129, 186d, 344a; «Гипсипила» 343f; «Елена» 1337, 363a; «Ипполит» 219, 133b; 612, 122a; «Киклоп» 101, 160c; 410, 23e; 534, 36d; «Медея» 276a; 193, 363a; «Троянки» 1173, 66a-b; «Простительницы» 861, 158f; 864, 250e; «Финикиянки» 460, 160b
- Европа 261a
- Египет 27f, 33f, 34a-c, 39f, 42a-b, 48b, 51b, 61c, 64b, 66c, 67b-c, 71b, 72a,c, 73a-b, 84d, 91a, 124b, 147f, 190f, 191f, 195f, 196d, 203c, 209b, 229c, 244b, 251d, 261c, 345c
- Египетские, ~ -ая архитектура 206a; ~ пиры 150c-d, 191f; ~ бобы 206b; ~ -й хлеб 114c-d; ~ человеческие жертвоприношения 172d; ~ мумии 119c; ~ монавло-сы 175e; ~ рабы 211e
- Египтяне 231d, 299e-f
- Елена, супруга Менелая 57f, 180c, 188a-c, 190f, 191a,d, 232c,e-f, 233a, 298d; как дочь Немезиды 334c; пища Елены 358f
- Жаворонок (Корид), прозвище парасита (IV в. до н.э.) 240f, 241a–242a,d, 245d,f; см. Корид
- «Женщины на празднестве Фесмофорий», название двух комедий Аристофана; первая поставлена в 411 или 410 г. до н.э. 29a
- Закинф, крупный остров в Ионическом море 33b
- Зверь, прозвище кипрского парасита 257b
- Зевс 122c-d, 135d, 136a, 143f, 156f, 179a, 188f, 189e, 190a-b,f, 191f, 202a, 203c, 219a, 223b, 239b,d, 251a, 264e, 281b-c, 282d, 288f, 289a-b,f, 292b, 296d, 297a, 334c-d, 338d,f, 345a, 346c, 350d, 363e; ~ Потрошитель 174a; ~ Сотрапезник 174a; ~ в клятвах 159e, 161d, 166a, 172c, 175d, 177d, 186a, 226d-e, 228a-b, 248f, 258e, 269d, 290f, 292c
- Зел, царь Вифинии (III в. до н.э.) 58c
- Зелея, город во Фригии 289c
- Земля (Гея), божество 195b
- Зенодот Эфесский, александрийский ученый (ум. ок. 260 г. до н.э.) 12c,e, 96a, 327b
- Зенон Китийский, с Кипра, основатель стоической философии (ок. 335–263 гг. до н.э.) 55f, 158b, 160f, 162c-e, 186d, 233b-d, 251c, 345c-d
- Зенон с Крита, танцовщик (V в. до н.э.) 22c
- Зенопосейдон, божество, соединяющее в себе Зевса и Посейдона 42a, 337c
- Зет, мифический сын Антиопы, брат музыканта Амфиона 244e, 351b

Зет, кифарист (ок. 300 г. до н.э.) 351b
 Зефирита, эпитет Афродиты и Арсинои 318b
 Зефирий, мыс на побережье Ливии 318d
 Злодей (вместо Благодетель), шутовское прозвище Птолемея Фискона (Брюхана) 184с
 Золл, грамматик, участник пира 1d, 277с
 Золотой век 283b
 Иакх, мистическое имя Диониса 213d
 Иалис, на Родосе 262е-f, 296с, 360е
 Иас, город на побережье Карики (Малая Азия) 105е
 Иатрокл, автор трактата о хлебопечении 326е
 Иберия, древнее название Испании 16с, 44b, 206f, 330f
 Ивик Регийский, лирический поэт (вт. пол. VI в. до н.э.) 172d, 175е; fr. 16, 57f; fr. 22, 86b; fr. 33, 39b
 Ида, гора к югу от Трои 77b, 256d
 Идейский, от г. Иды, горная гряда к югу от Трои 185а
 Идомений, герой «Илиады» 13f, 192f
 Идомений, патрон Эпикура 279f
 Икар, Икария, остров в восточной Эгейде 30b,d, 61b, 91b, 283b
 Икария, город в Аттике на склоне горы Пентеликона 30b, 40a-b
 Икарий (?), из Икарии 40a-b
 Илион, другое название Трои 17f
 Иллиберий, река и одноименный город в Нарбонской Галлии, поблизости от границы с Иберией 332а
 Илоты 263е, 264d, 271b–272а
 Имбрас, река на о. Самос 283е
 Инд (Синдх), река, текущая с гор Имаус в Эритрейское море 70b-с
 Индия 18d, 58f, 59а, 64е, 77f, 93а-b, 124с, 153d-e, 200d, 201a-b, 205е, 332b
 Инна, источник около Пэонии 45с
 Ино, дочь фиванца Кадма 186d, 344а
 Иокаста, мать Эдипа 160b, 222b
 Иолай, спутник Геракла 33с
 Ион Хиосский, лирический и трагический поэт в Афинах (ум. ранее 421 г. до н.э.) 3f, 21а, 35d-e, 63b, 91d, 93f, 107а, 184f, 185а; fr. 14, 267d; fr. 21, 258f; fr. 36, 318d

Ионийцы 229b, 285b
 Иония, полоса побережья Малой Азии, населенная греками-ионийцами 22b, 111d, 132f, 159d, 201е
 Иоталинское (поталинское), другое название мамертинского вина 27d
 Ир, эритреец 259а
 Ирида, богиня радуги 135е
 Исарх, афинский архонт 424/423 г. до н.э. 218d
 Исидор из Харакса, географ (I в.?) 93d
 Исмар, город на южном побережье Фракии 30f
 Исократ, афинский оратор (436 – 338 гг. до н.э.) 11b, 215е
 Испания, испанцы 273f, 302с, 315d, 330f
 Испанская макрель 121а
 Исса, остров в Адриатике у побережья Далмации 28d
 Истм Коринфский, перешеек 216b
 Истмийские игры 228b
 Истр, река Дунай 119а; см. Дунай
 Истр из Кирены, ученик Каллимаха, историк (ок. 200 г. до н.э.) 74е, 272b, 345d
 Исхомах, персонаж комедии Арарота 237а
 Итака, остров в Ионическом море, родина Одиссея 9d, 160с
 Италия 26с, 33а, 51а, 109а, 146d, 148с, 152с, 182d, 206f, 213с, 229d, 264f, 272f, 275а, 294а, 302а, 311b,e-f, 313а, 362b
 Иулида, город на острове Кеос 318с
 Ификл, грек, возглавивший освобождение Родоса от финикийцев 360е–361с
 Ификрат, афинский полководец, (ум. до 351 г. до н.э.) прославившийся во время Коринфской войны, в 386–385 г. женился на дочери Котиса 131а,с
 Ихтиоесса, древнее название острова Икария 30d
 Ихтион, персонаж пьесы Телеклида «Амфиктионы» 335а
 Ихтис, мегарский философ 335а
 Ихтис, сын богини Атаргатида 346е
 Изэй, эпитет Диониса 363b
 Кабан, рыба 305d
 Кавар, галльский вождь 252d

- Кавкин (?), название итальянского вина 27b-c
- Кавн, город на юге Карики 76a
- Кадм, финикийец, мифический герой, принесший в Грецию письменность 82a, 350f
- Калакта, морской порт на северном побережье Сицилии 272f
- Кален, город в Кампании 27a
- Калигула (Сапожок), прозвище Гая Цезаря Августа Германика (император в 37–41 гг.) 148d
- Калидон, город в Этолии 311a
- Калипсо, нимфа из «Одиссеи» 16d
- Каллехр, отец олигарха Крития (V в. до н.э.) 184d
- Каллиад, поэт Новой комедии; см. Дифил
- Каллий, афинский архонт в 349/348 г. до н.э. 218a
- Каллий, сын Гиппоника, богатый афинянин (ок. 450–370 гг. до н.э.), в чьем доме происходит действие диалога Платона «Протагор» 22f, 169a, 184d, 187f, 216d, 217a, 218b-c, 220b, 286b
- Каллий, сын Лисимаха, поэт Древней комедии (одержал победу в 446 г. до н.э.) fr. 3, 286b, 306a; fr. 4, 140e; fr. 7, 285e; fr. 14, 344e; fr. 18, 176f; fr. 21, 57a; fr. 25, 22c
- Каллий Афинский, комический поэт, старший современник Страттида (V в. до н.э.), автор комедии «Азбука» 276a
- Каллий, афинский оратор (IV в. до н.э.) 342b-c
- Каллий из Митилены, грамматик (III в. до н.э.) 85f
- Калликрат, наварх Птолемея Филадельфа (III в. до н.э.) 251d
- Калликрат, парасит Птолемея III 251d
- Калликрат, отец демагога Каллистрата (IV в. до н.э.) 166e
- Калликсен, афинский демагог, член Пританея в 406/405 г. до н.э. 218a
- Калликсен Родосский, автор сочинения об Александрии (конец III в. до н.э.) 196a–206c
- Каллимах, афинский архонт в 349/348 г. до н.э. 217b
- Каллимах Киренский, александрийский ученый и поэт (ок. 310–240 гг. до н.э.) 4e, 24a-b, 56c, 58f, 69c, 70a, 72a, 95f, 144e, 214a, 244a, 252c, 272b, 284c, 318b, 327a, 329a, 331d, 336e, 387f, 388d, 389b, 391c, 394d, 395f, 408f, 442f
- Каллимедонт, по прозвищу Краб, парасит 242d
- Каллимедонт, афинский оратор (IV в. до н.э.) 100c-e, 104c-d, 338f, 339e–340e, 364e
- Каллисто, называвшаяся Чечевицей, сестра Одиссея 158c-d
- Каллистрат, сын Калликрата, афинский демагог (приговорен к смерти в 355 г. до н.э.) 44a, 166e
- Каллистрат, александрийский ученый школы Аристофана (II в. до н.э.) 21c, 125c, 263e
- Каллистрата с Лесбоса, гетера 220f
- Каллисфен, афинский оратор (IV в. до н.э.) 338f, 341f
- Каллифан, лже-эрудит 4c
- Калхедон, город на Босфоре, расположенный напротив Византии 92e, 320b; см. Халкедон
- Камир, город на Родосе 262e
- Кампания, область в Италии у Неаполитанского залива 7a, 26f, 116c-d, 153e
- Каноб, морской порт в Египте к востоку от Александрии 90c, 326a
- Кантар, поэт Древней комедии (конец V в. до н.э.) 312c, 314a; fr. 6, 81d; fr. 8, 11c; без номера 68b
- Канузий, город в юго-восточной Италии 97e
- Каны, город в Эолиде (Малая Азия) 75f
- Капаней, один из семерых вождей похода против Фив 159a, 238c, 250e
- Капелька, шутовское прозвище 242e
- Капитон Александрийский, эпический поэт 350e
- Каппадокия, область в центральной Малой Азии 20c, 43d, 112c, 113b, 129e, 212a, 213a, 215b, 266f
- Капуя, город в Кампании 31d, 272f
- Каран, богатый македонец (III в. до н.э.) 128b–130d
- Кариатиды, статуи, служившие колоннами 241e

- Кариды («креветки»), город поблизости от острова Хиос 195d
- Карист, город на юге Эвбеи 34d, 116e, 162e, 169e, 212b, 243d-e, 280d, 295c, 297e, 302a, 304d, 345d
- Карист, город в Пелопоннесе 31d
- Каристий из Пергама, грамматик и историк (конец II в. до н.э.) 24b, 235e
- Кария, область на юго-западе Малой Азии 28c, 42a, 67a, 76a, 88f, 105e, 174f, 256c, 271b, 296c, 318f, 320a
- Кария, дриада 78b
- Каркин, сын Ксенотима, основатель семейства актеров и танцоров, афинский полководец и трагический поэт (вт. пол. V в. до н.э.) fr. 1, 189d
- Каркин, плохой музыкант 351f
- Карманы, варварский народ, живущий у Аравийского моря 45f, 67a
- Карней, персонаж «Пира» Пармениска 156e, 157c
- Карнеи, спартанское празднество, посвященное Аполлону 141e
- Карры, город на севере Месопотамии 252d-e
- Карура, город в восточной Карии на реке Меандре 43a
- Карфаген, морской порт, основанный финикийцами на побережье Туниса (ок. 850 г. до н.э.?) 28a,d, 42f, 44e, 213c; Новый ~ 121a
- Кассандр, сын Антипатра, царь Македонии (301–297 гг. до н.э.) 18a, 98d, 144e, 155a
- Кассандрия или Касандрия, город во Фракии, основанный Кассандром на руинах Потидеи 43d, 98e, 251a
- Катагела, каламбурное переименование названия города Гелы 314f
- Катана, город на восточном побережье Сицилии 22c
- Катон Старший, М. Порций, римский цензор 184 г. до н.э. 274f
- Квинт Оппий см. Оппий 213a
- Кебет Кизикский, гость пира, описываемого Пармениском 156e
- Кеик, друг и сподвижник Геракла, царь города Трахины 178b
- Кекал, аргивянин, автор трактата об рыболовстве (время неизв.) 13b
- Кекропиды, или кекропы, потомки мифического царя Кекропа, поэтическое название афинян 47c, 156e, 242a, 285f
- Кекуб, поле, область на побережье Лация 27a
- Келены, город во Фригии у истоков рек Марсия и Меандра 184a
- Кельты (галаты) 150d–152f, 154a, 160e, 194d, 233d–234c, 246c, 249b, 252d, 332a, 347b
- Кеос, один из Кикладских островов, к югу от Аттики 3e, 32c, 38f, 61d, 77e, 117b
- Керамик, афинский квартал в северо-восточной части города 212e, 258c
- Кераон, божество смешивания вина в Спарте 39c, 173f
- Керасунт («Черешнеград»), город на южном берегу Черного моря 51a
- Керина, город в Ахайе, северный Пелопоннес 31f
- Керкид из Мегалополя, поэт и кинический философ (III в. до н.э.) 347d
- Керкира (Корфу), остров у западного побережья Греции, отождествлялся древними с гомеровской Схерией 24b, 27f, 33b, 253c, 318f
- Кефаледии, на северном побережье Сицилии 302a
- Кефалления, большой остров в Ионийском море 91b
- Кефисодор, афинский архонт в 323/322 г. до н.э. 171d
- Кефисодор, поэт Древней комедии (ок. 400 г. до н.э.) fr. 8, 119d; fr. 9, 345f
- Кефисодор, противник Аристотеля (IV в. до н.э.) 354c
- Кефисодор, ученик Исократы, (IV в. до н.э.) 60d, 122b
- Кефисодор, шут (IV в. до н.э.) 20b
- Кефисодот из Ахарны, певец (нач. IV в. до н.э.) 131b
- Кибела, малоазиатская богиня, отождествляемая с Реей, матерью богов 226d
- Кидония, город на северо-западе Крита 59b
- Кизик, город на азиатском берегу Пропонтиды 30a, 156e, 175e, 177e, 311e, 328d, 341a

- Киклады, острова в Эгейском море 209с
- Киклоп, или Полифем, гигантское существо с одним глазом («Одиссея». IX) 7а, 10е, 20а, 135b, 179с
- Килабр, легендарный герой фаселидян 297е, 298а
- «Киликийские», род караваев 110d
- Киликия, область на юго-востоке Малой Азии 33b, 42f, 72d, 77f, 78b, 125b, 147f, 194d, 213а
- Кимол, один из малых кикладских островов 123d
- Кимон, (ок. 510–450 гг. до н.э.) афинский полководец и гос. деятель 336f
- Кимы см. Кумы
- Кинара, маленький остров в Эгейском море, один из наиболее восточных Киклад 71с
- Киндон, гурман 345с
- Киники 96f, 97b, 100b, 156е, 158d, 160b, 162b, 163а,е, 164b, 216b, 268е, 270с, 275d, 307f, 308с
- Кинна, македонская или иллирийская принцесса, дочь Эвридики (конец IV в. до н.э.) 155а
- Кинофонтida («собакобойня»), празднество в Аргосе 99е
- Кинульк, философ-киник, один из участников диалога 1d, 22е, 49а, 94с, 97b-с, 100b, 106е, 108f, 113d, 121е, 122е-ф, 123е, 126а, 156а, 158d, 159е-160а,д, 163а,с, 164d–165b, 270а,с-ф, 275d, 276а, 298е, 331с, 347d, 354d
- Кипр, остров в восточном Средиземноморьи 28d, 48b, 52с, 54b, 69b, 77b,ф, 84с, 95f, 112е, 167с, 174а, 177а, 255f, 256b-д, 289f, 334b, 337е, 352d; «Кипр» (?) тростник 62е
- Киприда (Афродита) 28f, 39а, 40b, 69d, 159с, 232f, 270с, 318b,д
- «Киприи», эпическая поэма о событиях, предшествовавших «Илиаде», приписывалась Стасину Кипрскому или Гегесио Саламинскому 35с, 334b
- Кипрогенія, эпитет Афродиты 36d
- Кир Великий, основатель персидской империи (ум. в 529 г. до н.э.) 30а
- Кир Младший, сын Дария II (погиб в битве при Кунаксе в 401 г. до н.э.) 220с
- Кирена, область в северной Африке к западу от Египта 7с, 27е, 36е, 62а, 100f, 154d, 281с, 296d, 300f, 318b, 327b, 331d, 332е-ф, 351с, 352b
- Киренаики, философская школа 279d
- Кирка, нимфа-волшебница в «Одиссее» 10е
- Кирния (древнее название Корсики) 47а
- Кирра, гавань близ Дельф 390b
- Китий, город на Кипре, родина стойка Зенона 162d-е, 167b, 251с, 345с
- Кифера, остров к югу от Пелопоннеса 183с, 328b, 341а, 352с
- Клавдиев придел (пристройка к александрийскому Мусею, сделанная императором Клавдием) 240b
- Клароты, рабы на Крите 263е-ф
- Клеандр, один из друзей Архестрата в Гастрологии 278е
- Клеанф, философ-стоик (III в. до н.э.) 354е
- Клеанф Коринфский, художник (архаич. период) 346с
- Клеанф Тарентский, декламатор стихов (дата неизв.) 4d
- Клеарх Афинский, поэт Средней и Новой комедии (IV в. до н.э.) fr. 5, 28е
- Клеарх Солейский (на Кипре), философ-перипатетик, автор биографий (нач. III в. до н.э.) 4а,д-е, 5f, 6b, 43f, 49f, 57е, 116d, 157с-д, 160с, 234f, 255b–258b, 275е, 276а, 285с, 314с, 317а-с, 332b,е, 337b, 344с, 345е, 347f
- Клеарх, тиран Гераклеи Понтийской (IV в. до н.э.) 85b
- Клейо, женщина-гурман 345а
- Клеол из Фив, танцор 22с
- Клеомен III, царь Спарты (235–222 гг. до н.э.) 142b-ф
- Клеон, афинский демагог (убит под Амфи-полем в 422 г. до н.э.) 215d
- Клеон, сын Пифея, известный певец (IV в. до н.э.?) 19b, 349с
- Клеоника, жена Кнопа 259b
- Клеоним, танцор и парасит (IV в. до н.э.) 254d
- Клеоним, известный толстяк (напр., Аристофан, «Ахарняне», 85) 131а
- Клеоны, название двух городов, одного на п-ве Халкидике во Фракии, другого в Аргосе южнее Коринфа 56f, 67d

- Клеопатра (VII), дочь Птолемея Авлета, царица Египта (51–30 гг. до н.э.) 147e–148b, 229c–d
- Клеострат с Тенедоса, автор гастрономической поэмы (IV в. до н.э.) 278b
- Клеофан, персонаж из комедии Антифана 98f
- Клеофрон (?), победитель на Олимпийских играх 3e
- Клета, деревня в Лаконии 139b
- Клезнет, приятель Архестрата, к которому тот обращается в своей «Гастрологии» 322c
- Клезнет, афинский трагический поэт (ок. 400 г. до н.э.) 55c
- Клидем (Клитодем), самый ранний аттидограф (ок. 300 г. до н.э.) 235a; см. Антиклид
- Клиний, отец девушки, к которой адресована эпиграмма Каллимаха 318c
- Клиний Афинский, отец Алкивиада (V в. до н.э.) 219c
- Клисоф, афинянин, льстец Филиппа (IV в. до н.э.) 248d–f
- Клисфен, тиран Сикиона (VI в. до н.э.) 273c
- Клитарх, грамматик 267c, 284d, 300f
- Клитарх Александрийский, историк (ок. 300 г. до н.э.) 69d, 148d–f
- Клитемнестра, жена Агамемнона 14b
- Клитор, река (?) и город в Аркадии 43f, 331d, 332f
- Книд, город в Карии (Малая Азия) 3d, 28c, 32e, 59a, 67c, 155c, 246e, 262e, 272d
- Кноп, потомок Кодра и легендарный основатель Эритра 258f–259f
- Кносс, древний город на севере Крита, резиденция Миноса 181a
- Кнота (кнотидцы), гора в Аттике 287e
- Кодр, последний афинский царь 111d, 336f
- Кокал, мифический сицилийский царь 10e
- Коллит, аттический дем, расположенный к северу от Акрополя 339b
- Колосс Родосский, бронзовая статуя Гелиоса работы Харета Линдского 158e
- Колофон, город в Ионии к северу от Эфеса 35a, 110d, 126b, 183a, 259b, 304e
- Колхи, население Колхиды 266f
- Комейский (Аполлон) 149d
- Конон, афинский военачальник (ок. 444–387 гг. до н.э.) 3d
- Контопория, перевал на дороге между Аргосом и Коринфом (букв. «место, требующее применения горных палок») 43e
- Копайда, озеро в Беотии 71c, 135d, 297c–d, 298f, 304a
- Копей, отец морского божества Главка 296b
- Копиды, спартанское празднество 138e–139b, 140a–b
- Копты, народность в Египте; их город, Копт, был расположен к северу от Фив 33f
- Кора, дочь Деметры 113e, 213d, 253d
- Коресс, гора близ Эфеса 361e
- Корид (Жаворонок), паразит и остроумец (IV в. до н.э.) 240f, 241a–242a, 343b (см. также Эвкрат)
- Коринна из Танагры, лирическая поэтесса (ок. 500 г. до н.э.) 174f
- Коринф, морской порт на Истмийском перешейке 27d, 30f, 43b,d–e, 56f, 82a–b, 162d, 165a, 167d,e, 201d, 206f, 219a, 227e, 232b, 236b, 241f, 272b, 277d, 281a, 346c, 349d, 350b, 351c–d
- Коринфские, ~ -ая бронза 128d, 199e; ~ -ий ордер, 205c, ~ -ая роскошь 137d
- Корм, воришка съестного (IV в. до н.э.) 240e
- Коронисты 360b
- Кос, остров в Эгейском море около побережья Малой Азии 32e, 33b, 209e, 262c
- Котал, название народной песенки 176d
- Котис, фракийский царь, первоначально союзник, затем противник афинян (ум. 358 г. до н.э.) 131a–c, 248e
- Котокида, дем в Аттике 223d
- Котоний, персонаж Софрона 309c
- Котта Л. Аврункулей, военачальник Цезаря в Галлии 273b
- Кранайцы поэтическое название афинян 347a
- Крания, нимфа 78b
- Краннон (прежде Эфира), город в Пеласгиотиде (Фессалия) 42c

- Красное море 183f, 322a
 Красс см. Лициний Красс
 Кратет Афинский, поэт Древней комедии (ок. 450 г. до н.э.) fr. 14, 267e; fr. 15, 268a; fr. 17, 119c; fr. 29, 117b; fr. 33, 247f; fr. 40, 50e; fr. 44, 47e
 Кратет Малльский, ученый и критик, глава Пергамской школы (пер. пол. II в. до н.э.) 114a, 215f, 219c, 234d, 235b, 340e
 Кратет Фиванский, поэт и кинический философ (вт. пол. IV в. до н.э.) fr. 10, 158b
 Кратин Афинский, поэт Древней комедии (умер между 423 и 421 гг. до н.э.) fr. 6, 164e; fr. 8, 86e, 92e; fr. 40, 119b; fr. 45, 47a; fr. 57, 58, 344e; fr. 92, 171b; fr. 99, 111e; fr. 136, 68c; fr. 142, 99f; fr. 163, 94e; fr. 164, 138e; fr. 147, 315b-c; fr. 161, 299b, 303d; fr. 165, 267e, 268d; fr. 183, 29d; fr. 192, 94f; fr. 199, 39c; fr. 221, 325e; fr. 280, 67b; fr. 301, 49a; fr. 303, 68a; fr. 313, 56e; fr. 320, 305b; fr. 325, 62e; fr. 328, 8a; fr. 330, 69d; fr. 345, 23b
 Кратин Младший, поэт Средней комедии (IV в. до н.э.) fr. 3, 177a; fr. 8, 241c
 Кратис, река в южной Италии 269f
 Кратисфен из Флиунта, фокусник 19e
 Кремид, рыба 305d
 Креофил, автор истории Эфеса (ок. 200 г. до н.э.) 361c-e
 Крит, большой остров в южной Эгеиде 22b, 27f, 48d-e, 77b, 261e, 263e-264a, 282e, 300e, 327e, 246f; пироги с ~ -а 130d; обычаи ~ а, 143a-f, 180e, 181b,d, 186b
 Критий (ок. 460–403 гг. до н.э.), поэт и политический деятель, дядя Платона, один из Тридцати тиранов (404–403 гг.) 184d; fr. 1, 23b
 Критобул, сын сократовского друга Критона (род. ок. 440 г. до н.э.) 188d, 220a
 Критон, поэт Новой комедии (ок. 160 г. до н.э.) fr. 3, 173b
 Критон, гражданин острова Ренея 173b
 Кробил, поэт Новой комедии (IV в. до н.э.) fr. 1, 47e; fr. 2, 109d; fr. 5, 364f; fr. 7, 107e; fr. 8, 5f; fr. 9, 54e
 Крон, отец Зевса 110b, 122d, 191f, 267e, 296f, 334d
 Ксантипп, сын Перикла (вт. пол. V в. до н.э.) 220d
 Ксантиппа, жена Сократа 219b
 Ксанф Лидийский, историк (V в. до н.э.) 346e
 Ксанфий, раб в цитате из Алексиды 336e
 Ксенарх, сын Софрона, автор мимов (ок. 400 г. до н.э.) fr. 1, 63f, fr. 7, 225c; fr. 8, 319a
 Ксенодем или Ксенодам из Киферы, музыкант (VII в. до н.э.?) 15d
 Ксенокл, афинский оратор, высмеянный Матроном 134d
 Ксенократ из Халкедона, ученик Платона (глава Академии в 339–314 гг. до н.э.) 3f, 186b
 Ксенофан Колофонский, поэт и философ (вт. пол. VI в. до н.э.) 54e, 174f(?)
 Ксенофонт, историк, биограф, эссеист (ок. 430–355 гг. до н.э.) 121d, 124c, 138e, 144b, 150f-151e, 157e, 171a,e-f, 174f(?), 186e, 187b, 179d, 187f, 188c-d, 216d-f, 217f, 218e, 252a, 272c, 277d; «Анабасис» II.3.14, 29d; II.3.16, 71d; VI.1.5, 15e; VII.3.21, 49b; «Об искусстве верховой езды» 1.8, 94e; «Домострой» 8.8, 23b; «Пир» 1.11–16, 20b; 2.16, 20f
 Ксенофонт, фокусник 19e
 Ксеркс, царь Персии (486–464 гг. до н.э.) 29f, 138b, 146a-b, 209d, 231f
 Ктесий, историк из Книды в Кари, врач Артаксеркса Мнемона, сопровождавший его в войне с Киросом в 401 г. до н.э., написал труды по истории Персии и Индии (сохранилось краткое изложение Фотия) 22d, 45b, 67a, 146c
 Ктесибий Александрийский, изобретатель водяного органа (вт. пол. II в. до н.э.) 174b-e
 Ктесибий Халкидский, философ, приятель Менедема (III в. до н.э.) 15c, 162e-f
 Ктесикл, историк (ок. 240 г. до н.э.?) 272c
 Ктесипп, известный мот (конец IV в. до н.э.) 160a, 165e-f
 Ктесон с Итаки, грамматик (I в. н.э.) 16f
 Ктесон, персонаж «Памфилы» Алексиды 356e

- Кумы (греч. Кимы), древний город в Кампании (основан колонистами из Халкиды ок. 750 г. до н.э.) 26f, 256c
- Лабики, город в Лации 26f
- Лагинофории, александрийский праздник 276b-c
- Лагиссы, небольшие острова в Троаде 30d
- Ладон, река в Аркадии 332f
- Лаида, имя двух знаменитых гетер, одной из Коринфа (конец V в. до н.э.), другой из Сицилии (IV в. до н.э.); возможно, хотящее имя богатой красотки 137d
- Лай, отец Эдипа 222b
- Лакедемон 184d, 191a, 233f, 350c, 362f; *см.* Спарта
- Лакедемоняне, также лаконцы и спартанцы 52c, 53b, 78c, 82e, 231f, 233e, 251d, 271b
- Лакий, основатель Фаселиды 297e–298a
- Лаконисты, исполнители «прямоугольных» плясок 181c
- Лакония, область Спарты на юге Пелопоннеса 22b, 28a, 67d, 68a, 74a, 75a,d-e, 77c, 82c, 173f, 181c, 198d,f, 199e, 215c, 272a, 303b, 310b; *см.* Спарта.
- Ламия, флейтистка, развлекавшая Деметрия Полиоркета (ок. 300 г. до н.э.) 101e, 128a-b, 253a-b
- Лампон, прорицатель 344e
- Лампр, музыкант, обучавший Софокла (нач. V в. до н.э.) 20f, 44d
- Лампсак, город на азиатском берегу Геллеспонта 28f, 30a-b, 62c, 231c, 255c, 304b
- Ланика, нянька Александра Македонского (IV в. до н.э.) 129a
- Лаодикея, название нескольких городов в Азии 314d
- Ларенсий (П. Ливий Ларенсий), хозяин пира, описываемого Афинеем 1a, 2b, 50f, 160b-d,e, 221f, 270f, 272d, 331b
- Ларимн, отец нимфы Эвбеи 296b
- Ларисса, город в Сирии, воевавший со своим соседом Апамеей 176b
- Ларисса, город на севере Фессалии 44b, 211d, 212a
- Ларих, друг педанта Помпейяна 98a
- Ларк, финикиец 360f
- Лас Гермийонский, поэт VI в. до н.э. 338b
- Ласий, город в Элиде 44f
- Ласирт, ласионец, знаменитый отсутствием жажды 44f
- Ласточкин мыс (Хелидония), на юго-восточном побережье Ликии 298a
- Ласточкина песня на Родосе 360c-d
- Ласфения, аркадская гетера (IV в. до н.э.) 279e
- Латинский язык 273b, 306d, 330b
- Лает, персонаж в «Лжеподкидыше» Кробила 365a
- Лает, неизвестный автор 73e
- Лает, из рода Этеобутадов 244e
- Лает, отец Одиссея 25b, 68c, 190d
- Летр, отпрыск знатного афинского рода (вт. пол. V в. до н.э.), высеиваемый за тучность и тупость 68c
- Левк, слуга Ульпиана 97e, 270c
- Левкада, остров в Ионическом море 29a, 33b, 253c, 351d
- Левколл, мыс на о. Кос 209e
- Левкон, поэт Древней комедии fr. 2, 343c
- Левкон, царь Боспора (389–349 гг. до н.э.) 257c
- Леда, мать Елены 58b
- Лейофасийская (букв. «гладкофасийская»), сорт редьки с о. Фасоса или Фракии 56f
- Лектум, мыс на юго-западной оконечности Троады 88f
- Лелеги, туземное население Ионии 43d, 271b
- Лемнос, остров в северной Эгейде 31b, 39d, 254f, 255a
- Ленеи, празднество в честь Диониса, справлявшееся в феврале 130d, 217a, 218d
- Леон, деревня во Фригии 43b
- Леонид из Византии, автор трактата о ловле рыбы (ок. 100 г. до н.э.) 13c
- Леонид из Элиды, грамматик, один из участников пира 1d, 96d, 116a,d
- Леонт из Митилены, игрок в шашки (IV в. до н.э.) 16e
- Леонтий Аргосский, трагический поэт 343e

- Леопод (Львиная лапа), берег около Эритр, в Ионии 259b
- Леофрон, олимпийский победитель 3е
- Лепрей, город в Элиде 148f
- Лерна, болото к югу от Аргоса 156е
- Лесбос, остров в северо-восточной Эгейде 28е-ф, 29b-с, 31а, 32f, 33с, 45е, 92е, 111f, 129d, 137а, 180е, 322а
- Лесбофемид, лесбосский скульптор архаического периода 182f
- Лестады, деревня на Наксосе 348b
- Лестригоны, дикое племя людоедов, к которым попал Одиссей 192b
- Лета, речка в Киренаике 71b
- Лето (Латона), мать Аполлона и Артемиды 31d, 219а, 223b, 232с
- Лезна, любовница Деметрия Полиоркета (конец IV в. до н.э.) 253а-б
- Ливианские, сорт смоков из окрестностей Рима 75f
- Ливия, северная Африка 7b, 27f, 36f, 62е, 64b, 66d, 71b, 83b-с, 182е, 203d, 221b, 229d, 345е
- Лигдамид, тиран Наксоса (VI в. до н.э.) 348с
- Лидийские, ~ пекари 112b-с; ~ блюда 160а-б; ~ гимны 185а, ~ пектиды 183е; ~ женщины (вакханки) 198е
- Лидия, древнее государство в западной Малой Азии со столицей в Сардах 8f, 70b, 231е, 232а, 346е
- Лик (Ликон) из Иаса, в Карии, пифагореец (время неизв.) 69е
- Лик Регийский, историк (конец IV в. до н.э.?) 47а
- Ликей, роща и гимнасий, расположенные к востоку от Афин, где преподавал Аристотель 98f, 137f, 192b, 246b, 336е
- Ликей, автор сочинения об Египте (время неизв.) 150b
- Ликия, область на южном побережье Малой Азии 13f, 185b, 333d, 347а-б
- Ликон, афинянин, отец Автолика (вероятно, тот же Ликон, который был обвинителем Сократа в 399 г. до н.э.) 216d
- Ликон см. Лик
- Ликофрон Халкидский, трагический поэт, принадлежавший к александрийской Плеяде, автор сочинения по истории литературы (ок. 280 г. до н.э.) 55d, 140а, 278а
- Ликург, легендарный спартанский законодатель 233а
- Ликург, афинский оратор (IV в. до н.э.) 267а
- Лин, наставник Геракла в музыке 164b-d
- Линд, город на Родосе 298а, 360d
- Линкей Самосский, брат историка Дурида, ученик Феофраста (III в. до н.э.) 4е, 62с, 75е, 100е, 101е, 109d, 126е, 128а-б, 130d, 228с, 241d, 242b, 245а,d, 248d, 285е, 295а, 313f, 330а, 337d, 344с, 360d
- Линкей, поэт Новой комедии (III в. до н.э.) fr. 1, 131f
- Липары, острова у побережья Сицилии 4d, 43а, 105а
- Лисандр, спартанский полководец, взявший Афины в 404 г. до н.э. (убит при Галиарте в 395 г.) 233f, 234а, 271f; Лисандровы деньги 234а
- Лисаний, грамматик и историк литературы (ок. 300 г. до н.э.) 304b
- Лисий, сын Кефала, афинский оратор (ок. 445–375 гг. до н.э.) 67f, 209f–210а, 231b, 365b
- Лисий, эпикурейский философ, ставший тираном г. Тарса 215b
- Лисимах Александрийский, грамматик (ок. 125 г. до н.э.) 158d
- Лисимах, один из диадохов Александра Македонского (царь Фракии в 305–281 гг. до н.э.) 51а, 73d, 246е, 255а, 261b
- Лисимах, ученик Феодора или Феофраста (III в. до н.э.) 252с
- Лисимен, истец, для которого Лисий написал речь (ок. 390 г. до н.э.) 209f
- Лисипп, поэт Древней комедии (ок. 420 г. до н.э.) fr. 1, 124d
- Литтии, жители Литта, на Крите 143а-d
- Лихас, глашатай в трагедии Софокла «Трахинянки» 66а
- Лициний Красс М., римский триумвир, погиб в 55 г. до н.э. 252d, 273а

- Лизей, эпитет Диониса 363b
- Поверний (Поверий), вождь галльского племени арвернов (ок. 150 г. до н.э.) 152d
- Покр, сын Амфиктиона, основатель локрийского города Кина 79d
- Локрида, местность в центральной Греции к северо-западу от Беотии 115a, 216a
- Локрийцы, жители Локриды 264c
- Локсий, прозвище Аполлона 66b
- Лопадуса, остров, лежащий между Сицилией и Африкой, названный так по греческому названию устриц, водившихся там во множестве 30d
- Лузитания западная часть Испании 303c, 330f-331c
- Лукулл, Луций Лициний, римский полководец (ок. 117–56 гг. до н.э.) 50f–51a, 274e
- Льстец, город малейцев 254f
- Мавретанцы 343f
- Магн, один из участников пира 74a, 79a, 113e, 160d-164d, 165a, 169a
- Магон, карфагенянин (IV в. до н.э.) 44d
- Магнесийцы, обитатели фессалийской Магнесии 265c
- Магнесия, город в М. Азии, на реке Меандре 29f, 43a, 59b, 78f, 173f
- Магнесия, полоса побережья в восточной Фессалии 15f, 29e, 59b(?)
- Макар, один из переживших всемирный потоп 105d
- Макарий, историк Коса 262c
- Македония 71c, 87b, 98d, 105e, 126e, 167b-с, 194c, 198e, 213c, 217d, 347b, 351b
- Македонцы 114b, 120d, 122a, 127d, 128a, 130b, 155c, 194c, 229c, 248d, 249d, 256e, 260a, 276f, 289d, 298b
- Малак, историк Сифноса 267a
- Малийцы, жители Малиды в средней Греции 254f
- Мамертинское, вино из окрестностей Мессении, Сицилия 27c-d
- Мандроген, шут на пире Карана (III в. до н.э.) 130c
- Манес, имя, часто дававшееся рабам мужского пола 263b, 336f
- Маний Аквиллий см. Аквиллий
- Мантиней, город в Аркадии 4d, 22b, 154d
- Манто, прорицательница 298a
- Марафон, город в Аттике к северо-востоку от Афин 28c, 56c, 114a, 253f
- Мардоний, командующий персидским войском во время похода Ксеркса на Грецию (480 г. до н.э.) 138b-d, 148e
- Марей, озеро около Александрии в Египте 33d
- Мариандины, причерноморский народ 263d-e, 264e
- Марий, знаменитый римский полководец (ум. в 86 г. до н.э.) 221c-f
- Марк Аврелий, римский император (161–180 гг.) 2c
- Марон, жрец Аполлона в «Одиссее» 26b, 28e
- Мароней, город во Фракии 252a, 293a, 324b, 351e-f
- Марсий, сатир, мифический изобретатель сиринги 184a
- Марсий Младший, автор истории Македонии (III в. до н.э.) 69d, 217e
- Марсикский, относящийся к итальяскому племени марсов 26f
- Массалия (Марсель), морской порт на побережье Галлии (основана греками из Фокеи ок. 600 г. до н.э.) 27c, 152c
- Массинисса, нумидийский царь (III в. до н.э.) 229d
- Масурий, участник пира 1c, 185a, 188f (?), 196a, 209e, 211a, 221a, 271b, 272e
- Матон, софист, высмеиваемый за обжорство (IV в. до н.э.) 307c, 342c-d, 343a
- Матрей, или Матрон, из Питаны, автор пародий (нач. III в. до н.э.) 5b, 62c, 64c, 73d, 134d-137c, 183a, 242f
- Матрид Фиванский, ритор (I в. до н.э.) 44c
- Матрон см. Матрей
- Маттон, божество, покровительствующее пекарям в Спарте 173f
- Махаон, врач ахейцев под Троей 10a,d
- Махон Сикийский, поэт Новой комедии, живший в Александрии (ок. 250 г. до н.э.) 44d, 241f, 242a, 243e, 244b, 245d, 246b, 337c, 341a, 345f, 348e

- Меандр, река, разделяющая Лидию и Карию 173f, 299с
- Мегаларт, божество в Беотии 109а
- Мегалартия, празднество на Делосе 109е-ф
- Мегаломазд, божество в Беотии 109б
- Мегалополь, город в Аркадии (основан в 370 г. до н.э.) 58f, 246с, 272а, 330f, 347d
- Мегапент, сын Менелая 18б, 180с
- Мегара, город и область в центральной Греции, граничащая с Аттикой 28d, 64d, 75d, 127а, 156е, 281а, 295с, 317а, 335а, 350f
- Мегарская запеканка 127с
- Мегасфен, автор истории Индии (ок. 300 г. до н.э.) 153d
- Медуза, мифическое чудовище 345б
- Меды, племя, населявшее северную границу Македонии или западную Фракию 45с, 184а
- Мейлихис («милостивый»), титул Диониса 78с
- Меламп, мифический прорицатель, связанный с городом Колофоном (?); о нем Гесиод сочинил поэму «Меламподия» 40f, 45d, 340а
- Меланиппид, пифагореец, упоминаемый Алексидом 161с
- Меланнипид Мелосский, дифирамбический поэт (конец V в. до н.э.) fr. 5, 35а
- Меланф, мифический царь, изгнанный из Мессении 96d-e
- Меланфий, трагический поэт, известный гурман (V в. до н.э.) 6с, 343с
- Меланфий, автор сочинений о мистериях 325с
- Мелеагр, мифический герой из Калидона 172е-ф
- Мелеагр из Гадары, эпиграмматист и составитель греческой антологии (ок. 140–70 гг. до н.э.) 157б
- Мелес, устроитель свадьбы, упоминаемый Асием 125d
- Меликерт, сын Ино, морское божество 296d, 297а
- Мелисса, актриса, упоминаемая Пармениском 157а
- Мелия, провинция Парфии 153а
- Мелос, остров в Эгейском море, входящий в Кикладский архипелаг 4с, 35а, 43а
- Мембракия, каламбурное название Амбракии 351d
- Мемфис, древняя столица Египта 20с
- Мен, деревня во Фригии 43б
- Менандр, поэт Новой комедии (342–291 гг. до н.э.) 9с, 243а, 247е, 258е; fr. 25, 303с; fr. 56, 243b; fr. 103, 247f; fr. 113, 172с; fr. 129, 146е-ф; fr. 141, 231а; fr. 158, 159, 365с; fr. 178, 119е; fr. 196, 309е; fr. 223, 248d; fr. 244, 248а; fr. 259, 175а; fr. 272, 245b; fr. 277, 241е; fr. 286, 247f; fr. 299, 301d; fr. 319, 146d, 364d; fr. 349, 166b; fr. 363, 166а; fr. 364, 243а; fr. 367, 247d; fr. 373, 94b; fr. 398, 301b; fr. 420, 248b; fr. 436, 115b; fr. 450, 248а; fr. 462, 132е; fr. 465, 99f; fr. 475, 231а; fr. 498, 314b; fr. 500, 171а; fr. 518, 172а; fr. 561, 71е; fr. 755, 270d; fr. 897, 189е; fr. 923, 71е
- Менандр, полководец Александра Великого, позднее сатрап Лидии (IV в. до н.э.) 242b, 245а
- Менд, город в Египте 83с, 118f, 119а
- Мендейский, из Менды, города на п-ве Халкидика во Фракии 29d-f, 31а, 129d, 146е; мендейское вино 364d
- Менедем, философ, основатель эретрийской школы (конец IV в. до н.э.) 55d, 59d, 162е, 168а
- Менекл из Барки, историк (III в. до н.э.?) 184б
- Менекрат Сиракузский, врач (вт. пол. IV в. до н.э.) 289а–290а
- Менелай, брат Агамемнона, муж Елены, царь Спарты 9б, 12а, 13f, 16с, 18б, 25f, 35с, 185б, 177с-е, 178а-б,d-e, 179а, 180с-d, 181с-d, 182а, 188б-е, 190а,d-e, 191d, 192б, 232е-ф, 236d-e, 257с, 343d
- Менехм Сикионский, историк (ок. 300 г. до н.э.) 65б, 271d-e
- Менипп Гадарский, киник, автор сатир (III в. до н.э.?) 32е, 160с
- Менодор, врач, автор трактатов по кулинарии (ок. 100 г. до н.э.) 59а
- Ментор, персонаж «Одиссеи» 191е
- Меотид, Азовское море 118б, 213а, 284е, 312а

- Мерион, критянин, сражавшийся под Троей 181b
- Мерокл, афинянин, обвинявшийся по делу Гарпала (IV в. до н.э.) 341f
- Мессапии, племя, обитавшее на юго-востоке Италии 108f, 109a, 111c
- Мессена, мессенцы, город на северном побережье Сицилии 92d, 298f
- Мессена, поздняя столица Мессении, основана Эпаминондом в 369 г. до н.э. 211d,f, 322a
- Мессения, юго-западная часть Пелопоннеса 96d
- Мессенцы, обитатели Мессении 164f, 271c,f, 272a
- Метаген, поэт Древней комедии (ок. 400 г. до н.э.) fr. 3, 355a; fr. 6, 269e-f, 270a, 327d; fr. 8, 228e; fr. 17, 270e; fr. 18, 271a
- Метанира, гетера 197e
- Метона, прибрежный город в Македонии 235e
- Метр Хиосский, демагог (нач. IV в. до н.э.) 100d
- Метродор Хиосский, грамматик и историк (ум. в 70 г. до н.э.) 184a
- Метродор, патрон Эпикура (III в. до н.э.) 279f
- Метроон, храм Матери богов 214e
- Мефимна, город на северном побережье Лесбоса 92e, 296a
- Мефимнейский, эпитет Диониса 363b
- Мигдониоты, жители южной Македонии 347a
- Мидас, мифический царь Фригии 45c
- Мидас, персонаж, упоминаемый Эвфроном 307e
- Мидийцы, поэтическое название персов 54e, 138d
- Мидия, гористый район на севере Персии 83d, 93d
- Мизия, область на северо-западе Малой Азии 43a
- Мизы, фракийское племя, обитатели Мизии 194d, 256c
- Микион, афинский торговец рыбой 227b,e
- Микон, маленький кикладский остров 7f, 346b
- Миласа, город в Карии 348d
- Милет, богатый город в Ионии 19b, 28b,d, 35a, 43d, 51b, 55b, 122c, 148f, 219d, 283e, 311a-e, 319d, 320a, 325d, 331c, 351a
- Милон (букв. «Город Мельниц»), так Махон называет г. Миласу в Карии 337c
- Милостивый герой, на Хиосе 266d
- Мималлоны, вакханты 198e
- Мимнерм Колофонский, элегический поэт (ок. 600 г. до н.э.) 174a
- Минд, морской порт на южной окраине Ионии, к востоку от Галикарнасса 32e, 33b
- Миннак, сапожник (ок. 300 г. до н.э.) 351a
- Минникс Халкидский, трагический актер (V в. до н.э.) 344d-e
- Минос, мифический царь Крита 10e
- Мира, морской порт на южном берегу Ликии 59b
- Мирлея, город на южном берегу Пропонтиды 50d
- Мирон Приенский, историк Мессении (III в. до н.э.) 271f
- Миртил, фессалиец, филолог, участник пира 83a-b, 106f, 108d-e, 119b, 125a-b,d, 127a, 276e, 308a-b, 362a
- Миртис, аргосец 254d
- Мисгол, распутник, упоминаемый комическим поэтом IV в. до н.э. 339a-c
- Митек, автор сочинения о сицилийской кухне (IV в. до н.э.) 112d-e, 282a, 325f
- Митилена, крупнейший город Лесбоса 22e, 30b, 62b, 86e, 92d, 182f, 277a, 321f
- Митис см. Миртис
- Митридат Великий, царь Понта (ок. 121–63 гг. до н.э.) 51a, 212a,c,e, 213a, 215b, 252f, 266f, 272f, 274e-f
- Митридатовы войны 89–84, 83–82 и 74–64 гг. до н.э. 332f
- Миунт, город на юге Ионии, к северо-востоку от Милета 29f, 78f
- Мнасалк Сикионский, эпиграмматист (III в. до н.э.) 163a
- Мнасей Локрийский или Колофонский, сочинитель «Безделок» 321f
- Мнасей из Патр, историк (ок. 140 г. до н.э.) 158d, 296b, 301d, 331d, 346d
- Мнасон, фокеец, друг Аристотеля (IV в. до н.э.) 264d, 272b

- Мнесимах, поэт Средней комедии (IV в. до н.э.) fr. 3, 359c; fr. 4, 301d, 322e, 329d; fr. 10, 338b
- Мнесистрат, философ (III в. до н.э.?) 279e
- Мнесифей Афинский, врач и автор медицинских трактатов (нач. IV в. до н.э.) 22e, 32d, 54b, 57b,d, 59b, 80c,e, 92b, 96d, 106d, 115f, 121d, 355a, 357a
- Молиона, мать Молионидов 58a
- Молиониды, мифические близнецы, убитые Гераклом 57f
- Молоссские псы 308d
- Молоссы, греческое племя в Эпире, ведшее свое происхождение от Неоптолема и Андромахи 181b, 201b
- Молпид, автор истории Спарты (время неизв.) 140a–141d
- Молпид, приятель Пармениска, которому тот адресовал свой «Пир» 156d
- Мопс, герой, предводитель колонизации Фаселиды 297f, 346e
- Мопсестия, город в Киликии 234d
- Мордиум, город во Фригии 81a
- Моря, нимфа 78b
- «Морих», заглавие сочинения Полемона, посвященного поговорке «глупее Мориха» 109a
- «Морской», эпитет морского божества Главка 296b
- Моссин, во Фракии 345e
- Мосх, софист из Элиды (до II в. до н.э.) 44c
- Мосх, приятель Архестрата, которому тот посвятил свою «Гастрономию» 111f, 116f(?) 278b,e, 301d
- Мосхина, афинская ямбическая поэтесса (ок. 300 г. до н.э.) 297b
- Мосхион, автор описания корабля Гиерона (III в. до н.э.?) 206d–209e
- Мосхион, трезвенник (III в. до н.э.) 44d, 246b,c
- Мосхион, парасит (IV в. до н.э.) 242c
- Мосхион, музыкант (IV в. до н.э.) 342c
- Мох Сидонский, историк Финикии (время неизв.) 126a
- Музы 44d, 122d, 134d, 163a, 176d, 180e, 187d, 191f, 219d, 242a, 341c, 348d, 350e, 360a
- Мунихия, холм в Пирее 39c, 168e
- Мурена, аллегория 301d
- Мусей, «пристанище Муз», эпитет Афин 187d
- Мусей, библиотека в Александрии 22d, 203e
- Муций Сцевола, Кв. (140–82 гг. до н.э.) римский юрист, учитель Цицерона 274c,e
- Мучица, прозвище парасита 242d
- Навкрат, афинянин, отец Мисгола (ок. 400 г. до н.э.) 339b
- Навкратис, город в западной части дельты Нила, основанный греками из Милета 73a, 149d, 150a, 229e, 283d, 301c
- Навсикая, дочь Алкиноя, царя феаков 14d
- Навсиклид, автор афоризмов (ок. 200 г. до н.э.) 62d
- Навскрат, поэт Средней комедии (IV в. до н.э.) fr. 1, 296a; fr. 2, 330b
- Навсиник, персонаж комедии Алексиды «Кормчий» 250b,d
- Наида, нимфа 296c
- Наксос, большой остров в группе Кикладских островов 52b,d, 78c, 348a–c
- Нарбон, река в Нарбонской Галлии 332a
- Неанф Кизикский, историк (ок. 240 г. до н.э.) 111d, 175d–e, 311d
- Неаполь, древний город на западном побережье Италии (основан колонистами из Ким в VIII в. до н.э.) 27c, 250d
- Небеса (Уран) 250f, 252d, 258f, 265c, 266f
- Нелей, наследник библиотеки Аристотеля и Феофраста (нач. III в. до н.э.) 3b
- Немезида, богиня возмездия 334c
- Неокл Кротонский, мифограф (V в. до н.э.) 57f
- Неоптолем из Пария в Вифинии, александрийский поэт и теоретик, повлиявший на «Искусство поэзии» Горация (ок. 225 г. до н.э.) 82d
- Нептун 224c (см. также Посейдон)
- Нереиды, морские нимфы, дочери Нерея 62c, 130a, 224b, 296c
- Нерей, морское божество 6e, 107b, 135c, 295e, 296f, 343b, 352e
- Несiot, географ (IV в. до н.э.?) 70b
- Нестор Пилосский, старейший вождь ахейцев под Троей 9a–b, 10a,d, 17c, 25f, 180c, 181e, 187b, 188b, 191e

- Ника (Победа) 231f, 232b
 Никагор, тиран Зелеи (III в. до н.э.) 289c
 Никандр Колофонский, дидактический поэт (II в. до н.э.) 35a, 49f, 51d, 52e, 53d, 54d, 60f, 61a, 64d, 66e, 68c, 69b, 71d, 72a-b, 82a, 92c-d, 99b, 105c, 110d, 111e, 126b-c, 133c-e, 282f, 288c, 296f, 305d, 306d, 309c, 312d, 314d, 329a
 Никандр Тиатирский, грамматик (I в. до н.э.?) 76a, 81c, 114c-d, 320c
 Никанор Киренский, автор «Переименований» (III-II вв. до н.э.?) 296d
 Никерат, отец полководца Никия (ок. 450 г. до н.э.) 272c
 Никесий, парасит Александра Эпирского (IV в. до н.э.) 249d-e, 251c
 Никея, название двух крупных городов, один в Вифинии, другой в Македонии 162e, 273d
 Никий, афинский полководец и вождь аристократической партии (погиб в 413 г. до н.э.) 94d, 218b, 272b,e
 Никий из Никеи, биограф (ок. 50 г.) 162e, 273d
 Никия, гетера 157a-d
 Нико из Самоса, гетера 220f
 Никокл, кипрский правитель (IV в. до н.э.) 352d
 Никокл Лакедемонский, историк 140b-c(?),d, 141a (см. также Аристокл)
 Никократ Кипрский, владелец большой библиотеки 3a
 Никокреонт, кипрский правитель (IV в. до н.э.) 337e, 349e, 352d(?)
 Николаид Миконский, неизвестное лицо 346b
 Николай Дамасский, историк (конец I в. до н.э.) 153f, 249a, 252d,f, 261c, 266e, 274e, 332f
 Никомах, «ритмолог», автор эпической поэмы «Хирон» 364a
 Никомах, поэт Новой комедии (III в. до н.э.) fr. 1, 290e; fr. 3, 58a
 Никомед из Аканфа, историк (время неизв.) 217d-e
 Никомед I, царь Вифинии (278 – 250 гг. до н.э.) 7d
 Никомедия, столица Вифинии, основанная Никомедом I 20b
 Никострат Аргосский, льстец Артаксеркса Оха (IV в. до н.э.) 252a, 289b
 Никострат, поэт Средней комедии (конец IV в. до н.э.) fr. 1, 133c; fr. 4, 118e; fr. 6, 65d; fr. 7, 108c; fr. 9, 230d; fr. 13, 301b; fr. 14, 110a; fr. 15, 111e; fr. 23, 247e; fr. 32, 47e
 Никофонт, поэт Древней комедии (ок. 400 г. до н.э.) fr. 6, 323b; fr. 12, 80b, fr. 13, 269e, 270a; fr. 19, 126e-f
 Никохар, поэт Древней комедии (ок. 400 г. до н.э.) fr. 11, 328c; fr. 15, 34e
 Нил, река 33e, 41f, 45c, 67b, 90c, 121b, 124e, 203c, 242a, 309a, 311f, 312a, 345e, 356a
 Нил, голодный парасит (IV в. до н.э.) 240a, 343b
 Нимфодор, фокусник (IV в. до н.э.?) 19f
 Нимфодор Сиракузский, географ и парадоксограф (III в. до н.э.?) 265c, 266e, 321f, 331e
 Нимфы 38c-d, 130a, 200c, 250a, 283e
 Нин, или Ниневия, город в Ассирии 336a
 Ниоба, мифическая фиванская царица 223d
 Ниса, гора, мифическое место рождения Диониса 198f
 Ниса, город в Малой Азии, возможно, в Карию 43a
 Нисея, район Мидии, славившийся лошадами 194e
 Новый Карфаген, город в Испании (Картахена) 121a
 Номентанское, вино из города Номенты на севере Лация 27b
 Нотипп, трагический поэт 344c-d
 Ноэмон, мимический актер (IV в. до н.э.) 20a
 Нума Помпилий, легендарный царь Рима 2c
 Нумений Гераклеяский, пародист, автор трактата о рыболовстве (III в. до н.э.) 5b, 13b, 282a, 286f, 287c, 295b, 304d-f, 305a-b, 306c-d, 308e, 309c,f, 313c,e, 315b, 319b-c, 320d-e, 321b, 322b,f, 326a,f, 327a-f, 328a,d
 Нумидийцы, кочевое ливийское племя 221b-d

Одеон 336е

«Одиссеи», заглавие комедии Кратина 68с
 Одиссей из Итаки, один из вождей греков
 под Троей, герой «Одиссеи» 9а, 10d,f,
 14а,d, 17с,e, 18b, 20а, 25b,e, 40а, 158с,
 160с, 178е, 179b, 181е, 182а, 187b, 189f,

Ойней см. Эней 190d-f, 192с-f

Озирис, главное египетское божество 175е
 Океан 136f, 334d

Окироя, самосская нимфа 283е

Окорокорез, прозвище парасита Филоксе-
 на 239f, 241е, 242b, 246а

Оксил, отец нимф 78b

Оксимед, лстец Деметрия Полиоркета
 (конец IV в. до н.э.) 253а

Олимп, высочайшая вершина Греции, рас-
 положенная на границе Фессалии и
 Македонии 27е, 125с

Олимп, гора в Лидии 38f

Олимп, гора в Мизии, Малая Азия 43а

Олимпий, город в Малой Азии 30а

Олимпийские игры 237f

Олимпийский Зевс 258е

Олимпиодор, преподаватель музыки 184е

Олимпия, поселок в Элиде, в котором про-
 водились Олимпийские игры 3е, 34а

Олинф, сын Геракла 334е

Олинф, город на п-ве Халкидика 295с,
 334е

Олинфияк, река на п-ве Халкидика 334е-f

Омфала, мифическая царица Лидии
 245е

Оноглы, место в Спарте 31d

Ономарх Фокидский, тиран (IV в. до н.э.)
 232е

Оппиан из Корики в Киликии, поэт, писав-
 ший о рыболовстве (ок. 150 г.) 13с

Оппий, Квинт, римский военачальник в
 Митридатовой войне (88 г. до н.э.)
 213а

Орей, горное божество 78b

Орей, город на северном побережье Эвбеи
 19b

Орейя, гора в Этолии 297а

Орест, сын Агамемнона и Клитемнестры
 158а

Оресфей, сын Девкалиона 35b

Орион, мифический охотник 321с

Оробий, римский командующий на Делосе
 (86 г. до н.э.) 215а-b

Ороп, город на побережье, предмет спора
 Афин и Беотии 215а

Ортиг, тиран Хиоса 259а-259f

Орфагор, известный учитель музыки (V в.
 до н.э.) 184е

Орфей, мифический певец 164с

Орфей, каламбурный обыгрыш названия
 рыбы орфа (или орфоса, гигантский
 каменный окунь) 340с

Орфос, рыба 340с, 344е

«Остроглаз», ироническое прозвище пе-
 данта 113е

Отрина, деревня около Элевсина 309е

«Отруби», прозвище парасита 242d, 244а

Офел, из комедии Аполлодора «Жрица»
 243d

Офелий, в цитате из Ферекрата 365а

Офелион, поэт Средней комедии (IV в. до
 н.э.) fr. 1, 100а-b; fr. 2, 106а; fr. 3, 66d;
 fr. 4, 43f; fr. 5, 67а

Ох, Артаксеркс III, царь Персии (358–
 337 гг. до н.э.), в 343 г. покорил Египет
 150b-с

Павел см. Эмилий

Павсаний, спартанский царь, командовал
 греческим войском при Платеях
 (479 г. до н.э.) 138b-d

Павсаний Афинский, приятель поэта Ага-
 фона (конец V в. до н.э.) 216е-f,
 217а

Павсимах (если идентичен с одноименным
 софистом, то жил ок. 350 г. до н.э.)
 246b

Пагасы, морской порт на южном побере-
 жье Фессалии 27f, 42а

Пагонд, командующий фиванцами в битве
 при Делии в 424 г. до н.э. 215f

Пакал, название песенки 176d

Пактол, река в Лидии, знаменитая золо-
 тым песком 203с

Паламед, сын Навплия, один из ахейских
 героев, персонаж утерянной трагедии
 Эсхила 11d, 17е

Палеаскепис, город во Фригии, около
 Троады 29f

- Паллада, титул Афины 48b
 Паллена, дем в Аттике 234f, 235a
 Памфил Александрийский, грамматик школы Аристарха (сер. I в.) 35b, 52f, 53b, 62d, 69d, 77a, 82d-e, 85c, 89d, 121b, 171b, 315a, 326e
 Памфил Сицилийский, декламатор стихов 4d
 Памфилия, область на юге Малой Азии, между Ликией и Киликией 213a, 350a
 Пан, аркадское лесное божество 52e, 130a, 174e, 184a
 Панафинеи, празднество, справлявшееся в Афинах раз в четыре года в честь богини Афины 59d, 98b, 104d, 167f, 168f, 187f, 199d
 Пангей, гора на побережья Фракии 42b
 Пандар, троянец 236d
 Панетиасты, последователи философа-стоика Панетия Родосского (ок. 185–110 гг. до н.э.) 186a
 Паниасид Галикарнаский, эпический поэт, дядя историка Геродота (нач. V в. до н.э.) 36d, 36f–37b, 172d
 Панионий, хиосец 266e
 Панкрат Аркадский, автор работ по рыболовству (III в. до н.э.?) 13b, 328a,c, 305c, 321f
 Панталеон, шут (IV в. до н.э.) 20b
 Парал, сын Перикла (V в. до н.э.) 220d
 Параситы, коллегия жрецов, принимавших участие в общественных трапезах 171e, 173b
 Парий, город на северном побережье Троады, поблизости от входа в Пропонтиду 92d, 116c-d
 Парилии, римский праздник 361f
 Парис, сын Приама 18e, 232f, 298d
 Пармениск, автор «Попойки киников» 155c–158a
 Парменон Византийский, автор ямбических стихов (время неизв.) 75f, 203c, 221a-b
 Парменон Родосский, автор сочинений по кулинарии 308f
 Парменон, персонаж пьесы Филемона 175d
 Парнеф, горная цепь в Аттике 216a
 Парос, большой остров, принадлежащий Кикладам, знаменит мрамором 68c, 76b, 205f
 Парфений, сын Дионисия, александрийский грамматик (ок. 100 г. до н.э.) 51f
 Парфения, сестра Форбанта Перьерга 262f
 Парфия, обширная область в Иране к востоку от Мидии 7d, 70b
 Парфяне 152f, 252d
 Пасикипр, кипрский правитель (вт. пол. IV в. до н.э.) 167c
 Патаний (Горшок), имя повара 169e
 Патрокл, друг Ахилла 18b, 178c-d, 179c, 232d
 Патрокл, наварх Птолемея Филадельфа (III в. до н.э.) 334a-b
 Патры, портовый город в Ахайе, на Коринфском заливе 158d, 301d, 331d
 Пафийцы, жители Пафоса на Кипре 347a
 Пафимий, египетский ткач 48b
 Пафлагония, область на севере Малой Азии 15e, 28a, 42e, 82c, 144f, 331d
 Пафос, главный город Кипра 71a, 160e, 255e, 257d
 Пахин, юго-восточная оконечность Сицилии 4c
 Пегас, крылатый конь 221a, 244e
 Педас, город в Мизии 30a
 Пелей, отец Ахилла 189f, 223a
 Пелла, столица Македонии 328a, 348e, 352a
 Пелоп, родоначальник аргосских царей 338d
 Пелопиды, потомки Пелопа (Атрей, Фигения, Менелай, Агамемнон, Орест, Ифигения, Электра) 63f
 Пелопоннес, крупнейший п-в Греции 344d
 Пелор, мыс на северо-востоке Сицилии 4c, 314f
 Пеней, река в Фессалии 41a
 Пенелопа, жена Одиссея 14c, 190d
 Пенесты, рабы в Фессалии 263e–264b, 271b
 Пепарет, остров в северной Эгейде, к северо-востоку от Эвбеи 29a,f, 44e
 Пергам, город в Малой Азии, основан Аталом I (241–197 гг. до н.э.) 3a, 24b, 235e, 336e

- Пердикка II, царь Македонии (454–413 гг. до н.э.) 27e, 217d-e
- Перикл, афинский политик (ок. 495–429 до н.э.) 217d-e, 336f
- Перикл, сын Перикла из дема Питф, упомянут в надписи 234f
- Перимед, сын Эврисфея, убитый Гераклом 158a
- Перинф, город во Фракии, на Пропонтиде 131f
- Перипатетики, философы школы Аристотеля 153f, 155c, 157c-d, 160c, 248d, 249a, 266e, 274e, 332b-c
- Перизрг, легендарный основатель Камира 262e,f
- Перкота, город в Троеде, к юго-востоку от Лампсакa 28f
- Перребы, племя в северной Фессалии 259f, 265c
- Персей, последний царь Македонии (179–168 гг. до н.э.) 78f
- Персей, мифический герой 154f
- Персей Китиец, философ-стоик, военачальник Антигона Гоната (убит в 243 г. до н.э.) 140b,e, 162b-e, 251c
- Персефона 253d, 287a, 302a
- Персидские, ~ богатства 203b; ~ ковры 197b; ~ нравы 220d; пиры 130f, 143f-144b, 150b, 192c; ~ слова 121f, 146b; ~ цари 130f, 142b, 144b-146f, 201e, 206e, 213a
- Персия, персы 28d, 33f, 45a, 48d,f, 53d, 56b, 67a, 82f, 88a,d, 93b-c,e, 252a-c, 253f
- Пескарь, прозвище гурмана 134d; прозвище парасита 242d
- Пескарь, распутник, упоминаемый Антифаном 339a,e
- Песья звезда (Сириус) 22e, 89b, 99e, 324d
- Петосирис, первоначально египетский жрец и астролог, позднее нарицательное имя астролога 114c
- Петра, крепость в Индии 124c
- Пигмалион Китийский, купил крепость у Пасикипра (вт. пол. IV в. до н.э.) 167d
- Пилад из Киликии, танцор и автор сочинений о танце (конец I в. до н.э.) 20e
- Пиндар, лирический поэт (518–442 гг. до н.э.) 3a, 15d, 19b, 231e, 248c, 250b; fr. 76, 187d; fr. 78, 19a; fr. 106, 28a; fr. 148, 22b; fr. 155, 191f; fr. 164, 154f; fr. 198, 41e; fr. 241, 24b; Ол. 1. 1, 40f; 1. 14, 3b; 9. 48, 25f; Пмф. 1. 4, 180e
- Пирги, город на побережье Этрурии 224c
- Пиргион, описатель критских обычаев (время неизв.) 143e
- Пирей, афинская гавань 3d, 44c, 99d, 173c, 209b
- Пирена, знаменитый источник в Коринфе 43b, 156e, 332a
- Пирр, царь Эпира (306–272 гг. до н.э.) 73b
- Пирра, город на о. Лесбос 41f, 88c
- Пиррон Элидский, философ-скептик (ок. 365–275 гг. до н.э.) 160a
- Писа, город в Элиде около Олимпии 346b
- Писистрат, афинский тиран (VI в. до н.э.) 3a
- Писистрат, сын Нестора 181f 182a, 190e
- Пист, персонаж комедии Антифана «Буталион» 358e
- Пистон, афинский оружейник (посл. четв. V в. до н.э.) 220e
- Питерм Эфесский, историк (вт. пол. III в. до н.э.) 44c, 52a, 289f
- Питф, аттический дем 234f
- Пифагор Самосский, философ (ок. 582–500 гг. до н.э.) 20d, 108f, 161a, 163f, 213f
- Пифагор Александрийский, воин и автор сочинения о Красном море (нач. III в. до н.э.) 183f
- Пифагорейцы 46e-f, 47a, 69e, 157c, 160f-161a, 162b, 163e-f, 164a, 182c, 184e, 213f; пифагорики, поздние последователи Пифагора, осмеиваемые за лицемерие 288a, 308c-d
- Пифарх Кизикский, друг Кира Великого (VI в. до н.э.) 30a
- Пифей, афинский оратор (IV в. до н.э.) 44e-f
- Пифийский, титул Аполлона Дельфийского (см. Пифо) 22e, 36b, 38a, 48b, 149e, 187d, 218e
- Пифилл, известный гурман 6c
- Пифионика, гетера (IV в. до н.э.) 339a-d
- Пифо, древнее название Дельф 232d, 362b
- Пифодел, мот, упоминаемый Aksiоником (IV в. до н.э.) 166c

- Пифодор, афинский архонт (432/431 г. до н.э.) 234f
- Пифокл, имя, ставшее нарицательным обозначением гордо выступающих 213е
- Пифон, неизвестное лицо 246f
- Пифон из Катаны, трагический поэт (ок. 400 г. до н.э.) 50f
- Пифоник, афинский развратник 220f
- Пиэрия, область на юге Македонии 125d, 180е, 326d
- Платеи, город на юге Беотии 148f
- Платон, поэт Древней комедии (ок. 450—ок. 390 гг. до н.э.) fr. 29, 308b; fr. 44, 328f; fr. 49, 119b; fr. 56, 315c; fr. 61, 76f; fr. 64, 68c; fr. 74, 170f; fr. 76, 110d; fr. 86, 110d; fr. 93, 316c; fr. 119, 229f; fr. 123, 287d; fr. 137, 312b; fr. 150, 314a; fr. 151, 312c; fr. 154, 68b; fr. 160, 344d; fr. 163, 5b; fr. 171, 56f; fr. 173, 146f, 325a; fr. 198, 67c; fr. 207, 47d; fr. 208, 48a-b; fr. 244, 31e
- Платон, философ (427—347 гг. до н.э.) 1f, 4e, 10a, 23c, 59d,f, 66d, 97d, 112d, 123c, 138a, 155f, 174c, 182f, 186e, 187b, 178a-b,e, 179d, 180a, 182a, 187c-e, 192a, 215c-220f, 233a, 237a, 247a, 254d, 264d, 276f, 279e, 314a, 343c-d, 354b,d; «Государство» 611d, 92f; «Законы» 674b, 38d; «Кратил» 406c, 35b; «Пир» 172b, 365b; «Политик» 261e, 99c; 264d, 99b; 280b, 48a; «Протагор» 347c, 97a; «Тезет» 175e, 21b; «Тимей» 75d, 94e; 92b, 92f; «Федр» 250c, 92f; «Филеб» 21c, 97c
- Плач, шутовское прозвище 242e
- Плейст, река в Фокиде, протекающая мимо Дельф 82a
- Плетатор (Полный рынок), прозвище болтливового софиста 270d
- Плеяды 192c, 278b
- Плинфин, город на побережье Ливии, к западу от Александрии 34a
- Плистарх, адресат трактата Диокла «Здоровье» 320d, 324f
- Плистоник, врач (?) 45d
- Плутарх Александрийский, участник пира, грамматик 1c, 83b, 234c, 241f, 248c, 276a, 359d
- Плутарх Херонейский, историк и автор других сочинений (ок. 46—121 гг.); «Застольные беседы» 52d, 624c
- Плутон, бог подземного мира 233e
- Плутос, бог богатства 159c, 229e, 269d, 359f
- Пникс, холм к юго-западу от афинского Акрополя 213d
- Пнигатор, получил в подарок от Александра Великого крепость 167c
- Подес, троянец 236c-e
- Покой, мифическая фигура 301d
- Полдень, аллегория 195b
- Полемарх, магистрат Флиунта 210b
- Полемон, историк, уроженец Трояды (проксен в Дельфах в 177/176 г. до н.э.) 19c, 39c, 55e, 56a, 70b, 81f, 108f, 109a, 138e-139c, 140b-d, 210a-b, 341a, 346b
- Полемон Афинский, глава Академии (в 315—266 гг. до н.э.) 44e, 232d, 253b, 307b
- Полиб, правитель в египетских Фивах («Одиссея») 191b
- Полиб, сын Гермеса 296b
- Полибий Мегалопольский, историк (ок. 205—120 гг. до н.э.) 16c, 31d, 45c, 78e, 95d, 193d, 251e, 252c, 272a, 273a, 274f, 302c, 330f, 332a
- Полиевкт, мот, упоминаемый Анаксандридом (IV в. до н.э.) 166d
- Полизел, поэт Древней комедии (конец V в. до н.э.) fr. 1, 31e
- Полизел, автор истории Родоса (ок. 200 г. до н.э.?) 361c
- Полиид, музыкант 352b
- Поликлит из Ларисы, историк (ок. 325 г. до н.э.) 206e
- Поликрат, историк, автор сочинения о Лаконии (время неизв.) 139d
- Поликрат, самосский тиран (ок. 533—522 гг. до н.э.) 3a
- Поликрат, афинский и кипрский софист (конец V в. до н.э.) 335c-d
- Поликратон Ренейский, вел тяжбу против делосцев 173b
- Поликтор, кифарист 242d
- Полиох, поэт Новой комедии (III в. до н.э.) fr. 1, 313c; fr. 2, 60b
- Полисперхонт, полководец Александра Великого (конец IV в. до н.э.) 155c
- Политехн, ранний насельник Хиоса 259b

- Полихарм из Навкратиса, историк 333d
 Поллий Аргосский, легендарный царь в Сиракузах 31b
 Помпей (Гней Помпей Великий), римский полководец (106–48 гг. до н.э.) 14f
 Помпейя из Филадельфии, софист-педант 97f
 Помпил, в легенде 283d–284a
 Понт, область в северо-восточной части Малой Азии, на Черном море 20c, 51a, 53b,f, 54b, 184d, 213a, 257c, 273c-d, 275a, 295c, 331c, 349d, 351c
 Понт, Черное море 301e, 312a, 319a, 326f
 Понтиан из Никомерии, философ, участник пира 1d, 109b, 123e, 231b, 234c
 Понтоной, один из феаков в «Одиссее» 13e
 Порттик, или Расписной Порттик (Стоя), в Афинах, давший название стоической философии 151e, 163f, 176b
 Посейдон (римск. Нептун), морское божество, брат Зевса 9b, 27f, 55b, 135f, 191e, 209e, 224c, 226e, 253c,e, 261d, 283a, 296c, 297e, 302f, 303b, 320c, 324b, 333d, 346c, 363e
 Посидеон, месяц аттического календаря (=декабрь–январь) 306f
 Посидипп из Кассандрии, поэт Новой комедии (пер. пол. III в. до н.э.) fr. 3, 301b; fr. 14, 87f; fr. 16, 118b; fr. 21, 94c; fr. 22, 154f; fr. 34, 32b
 Посидипп из Пеллы, автор эпиграмм (ок. 270 г. до н.э.) 318d
 Посидоний из Апамен в Сирии, философ-стоик и историк (ок. 135–55 гг. до н.э.) 28d, 45f, 151e–153d, 154a, 168d, 176b, 210d-f, 211d-215b, 233d-e, 246c, 252e, 263c, 266e, 272f, 273b, 274a, 275a, 279e, 333b
 Посидоний Коринфский, автор работ по рыболовству, александрийский ученый (конец II в. до н.э.) 13b
 Поссид, историк (время неизв.) 296c
 Потидея, город на п-ве Халкидика 215d-e, 216c
 Потин, кукольник (III в. до н.э.) 19d-e
 Похлебка, прозвище парасита 238b, 242e
 Праксагор Косский, врач (IV в. до н.э.) 32d, 41a, 46d, 81c
 Прамнийское (вино) 28f, 30b-d, 31d-e
 Пратин Флиунтский, трагический поэт (нач. V в. до н.э.) 22a
 Предвкушатели (должностные лица, в обязанности которых входило пробовать пищу, приготовленную для общественных трапез) 171c-f
 «Предводитель», плод священной смоковницы 74d
 «Предложение», имя гетеры 245d
 Пренеста, город в Лации 26f
 Прет, мифический царь Аргоса 340a
 Приам, царь Трои 9c, 21f, 23f, 189f, 226f
 Приам, отождествленный с Дионисом 30b
 Приап, божество, связанное с Дионисом 201d
 Приварок, прозвище обжоры 134d
 Приверн, город в Лации 26e
 Приена, город в Ионии близ Милета 271f, 311e
 Присоска, прозвище кипрского парасита 257a
 Притан, афинский магистрат, председательствовавший в Совете и Народном собрании 170d, 217f, 218a
 Пританей, здание, предназначенное для местопребывания пританов и приема почетных гостей 149d, 237f
 Продик Кеосский, софист (вт. пол. V в. до н.э.) 220b
 Проксен, историк Спарты (ок. 300 г. до н.э.) 267d
 Прокюны, льстецы 259a
 Промаланги, параситы и соглядатаи на Кипре 255f–256a
 Проматид Гераклеийский, историк и поэт (вт. пол. II в. до н.э.) 296b
 Проном, знаменитый преподаватель игры на флейте (вт. пол. V в. до н.э.) 184d
 Проппин Родосский, певец (IV в. до н.э.) 347f
 Протагор Абдерский, философ (ок. 485–410 до н.э.) 22f, 113e, 218b-c, 354c
 Протагорид Кизикский, автор, известный только из сочинения Афиней 124d, 150c, 162b, 176a, 183f
 Протей, морское божество, славившееся способностью к превращениям 258a, 352e; эпитет Агида 345a

- Протей, молочный брат Александра Великого (вт. пол. IV в. до н.э.) 129а
- Протей, македонец, потомок Ланики, кормилицы Александра Великого (III в. до н.э.) 129а,е
- Пруса, город в Мизии, северо-запад Малой Азии 43а
- Псамметих I, царь Египта (664–610 гг. в. до н.э.) 231d, 345е
- Псифийское (вино) 28f
- Птелея, нимфа 78b
- Птолемаида, город на побережье Памфилии в Малой Азии 333с
- Птолемей I Сотер, основатель эллинистического Египта (царь в 306–283 гг. до н.э.) 100f, 101f, 128b, 171c, 202b, 203а, 244b-d, 242b(?), 245f, 261b, 334а, 350с
- Птолемей II Филадельф, царь Египта (285–246 гг., н.э.) 3b, 45с, 71b, 196а, 197d, 201d, 203b-е, 206с, 209е, 272b
- Птолемей III Эвергет I, царь Египта (246–222 гг. до н.э.) 209b, 251d
- Птолемей IV Филопатор (222–205 гг. до н.э.) 246с, 251е, 354е
- Птолемей VI Филометор, царь Египта (181–146 гг. до н.э.) 195f, 252е
- Птолемей VII см. Птолемей VIII
- Птолемей VIII Эвергет II, царь Египта по прозвищу *Злодей* или *Брюхан* (146–117 гг. до н.э.) 43d-е, 61с, 71b, 174d-е, 184с, 229d, 252е (Афиней называет его седьмым Птолемеем, потому что предыдущий Птолемей Эвпатор царствовал всего несколько дней)
- Птолемей XII Авлет, царь Египта, отец знаменитой Клеопатры (80–51 гг. до н.э.) 206d
- Птолемей Мегалополитанский, сын Агесарха, автор записок (ок. 200 г. до н.э.) 246с
- Пунический, финикийский или карфагенский 29b-с
- Пыльная туча, шутовское прозвище 242е; ср. 238d
- Пэанида, дем и деревня в Аттике, родина оратора Демосфена 270b
- Пэония, область на северо-западе Македонии 45с, 333а
- Пятилетие, символическая фигура в процессии 198b
- Пятьсот, высший государственный орган в Афинах в V и IV вв. до н.э. 217f
- Регий, морской порт на южной оконечности Италии 19f, 26е, 31b, 175е, 210b, 298е
- Рения, остров по соседству с Делосом 173b
- Рея, жена Крона, мать Зевса 201с
- Риан Критский, поэт и грамматик (вт. пол. III в. до н.э.) 82b
- Рим, римляне 19d, 20b, 56а, 70е, 75е-f, 82с, 85с-е, 97d, 98с, 111с, 113d, 114е, 121f, 126а, 147f, 152d, 153f, 154с, 160с, 168d,e, 170е, 183е, 193f, 194d, 206е, 212b,c, 213а-d, 214b,221f, 224с, 229с-d, 251е, 261с, 272d–275а, 294е, 310е, 330b, 330f, 331b, 361f
- Ринтон Тарентский, автор фарсов, известных под названием *флиаки* (ок. 300 г. до н.э.) 111с
- Ринх («Рыло»), местность в Акарнании 95d
- Рипейские горы, обычно – Урал 233d
- Родос, крупный остров в Эгейском море поблизости от Малой Азии 3b, 27f, 31е, 32е, 49f, 74f, 75е, 80с, 109d, 131f, 132d, 158d, 196а, 206d, 252е, 283с,d, 285с,e, 286а, 294е, 295а, 308f, 347f, 350b, 351с, 352с, 359d, 360b-361с; самбикист с Родоса 129а
- Ромул, легендарный основатель Рима 2с
- Рона, река 206f
- Ронак, мед, изобретатель сиринги 184а
- Роскин, река и одноименный город в Нарбонской Галлии 332а
- Российская керамика, из Роса, в Сирии 229с
- Рутилий (П. Рутилий Руф), римский государственный деятель, стоик, автор истории Рима на греческом языке (ок. 158–76 гг. до н.э.; изгнан из Рима ок. 93 г. до н.э.) 168е, 274с-d
- Руфин из Никеи, врач, участник пира 1f
- Рыба, сестра Покоя (мифич.) 301d
- Сабинское (вино), из области в центральной Италии, к северу от Лация 27b
- Саврий 262b

- Сакситания, Секситания, на Пиренейском п-ве 121a
- Саламин, город на Кипре 48b, 255f
- Саламин, остров у побережья Аттики и Мегары; битва у С. (480 г. до н.э.) 20f, 136e
- Саламиняне, жители Саламина (неясно, острова или города на Кипре, более вероятно последнее) 51f
- Сальпа, прозвище Мнасея 321f
- Сальпа, имя или прозвище писательницы с Лесбоса 322a
- Самниты, племя в Средней Италии 273f
- Самос, крупный остров близости от ионийского побережья Малой Азии 66f, 99d, 109d, 125b, 130d, 155c, 228c, 231b, 234d, 241d, 245a, 248d, 253d, 267a-b, 283e, 296e, 297a, 301f, 328e, 335c, 337d, 344c
- Самофракия, остров в северо-восточной Эгеиде, к югу от фракийского побережья 28d, 283a
- Саннирион, поэт Древней комедии fr. 3, 286c; fr. 10, 261f
- Санхуниатон, мифический финикиец; Филон из Библа (I в.) утверждает, что перевел его космогонические сочинения 126a (см. FHG. III. 561)
- Сапфо из Эреса или Митилены, лесбосская лирическая поэтесса (конец VII в. до н.э.) 21b-c, 182f, 192c; fr. 30, 54f; fr. 51, 39a; fr. 56, 57d
- Сарамб, виноторговец (IV в. до н.э.) 112e
- Сарданапал, последний ассирийский царь (VII в. до н.э.) 294e, 335f, 336b,d,f
- Сардиния, остров 47a; сардинский тунец 121a
- Сардианский ковер 255e
- Сарды, столица Лидии 48b, 53f, 54c
- Сарпедон, полководец Деметрия II Никатора (вт. пол. II в. до н.э.) 333c-d
- Сарпедон, ликийский царь, союзник троянцев 13f, 25b
- Сатир из Каллатия на Понте, грамматик и биограф (конец III в. до н.э.?) 168c, 248d,f, 250f
- Сатир, софист (ок. 300 г. до н.э.) 350f
- Сатир, парасит сицилийских тиранов (IV в. до н.э.) 250d
- Сатиры 197e-f, 198b, 199a-b, 200d-e, 210a (см. также Силены)
- «Светозарная», эпитет Артемиды-Гекаты 84b
- «Священная свадьба», прозвище 242e
- Севф, мед, изобретатель сиринги 184a
- Севф, фракийский правитель (ок. 400 г. до н.э.) 15e, 150f-151e, 252a
- Секситания 121a (см. также Сакситания)
- Селевк I Никатор, один из диадохов Александра Великого, позднее сатрап Вавилонии и основатель династии Селевкидов (царь в 306-280 гг. до н.э.) 18d-e, 193d, 245a, 255a, 261b
- Селевк II Каллиник, сын Антиоха II Теоса (правил в 246-226 гг. до н.э.) 153a
- Селевк, ученый-гомерист времен Августа и Тиберия (I в.) 20d, 24b, 40c, 50a, 52c, 76f, 77d, 114b,d, 155e, 172d, 188f, 267c
- Селевк из Тарса, в Киликии, автор сочинения по рыболовству (II в. до н.э.?) 13c, 320a
- Селевкиды 193d (см. Селевк I)
- Селевкия, город на р. Тигр 211b, 326a
- Селена, имя девушки в эпиграмме Каллимаха 318b
- Селиунт, река близ Эфеса 328c
- Сем Делосский, историк (III в. до н.э.) 30c, 38a, 71c, 109e, 123d, 173e, 331f, 335a
- Семела, дочь Кадма, мать Диониса 183c, 200b
- Семидалида (Тонкая мука), имя гетеры 127d, 134d
- Семонид Аморгский, автор сатирических ямбов (вт. пол. VII в. до н.э.) 179d; fr. 11, 57d; fr. 15, 106e, 299c, 318f
- Сенат Рима 273a
- Сепия, мыс на побережье Магнесии в Фессалии 30d
- Сест, город во Фракии на Геллеспонте, напротив Абидоса 209d
- Сибарис, река 269f
- Сибариты, жители г. Сибариса, южная Италия; их роскошь вошла в поговорку 25e, 34c, 138d, 273b
- Сигей, город в Троаде на входе в Геллеспонт 88f, 105d
- Сигнийское (вино), из Сигния в Лации 27b

- Сида, город в Памфилии 350а
 Сидоесса, пригород Коринфа 82а-с
 Сидон, древний город в Финикии 175с
 Сика, нимфа 78b
 Сиканы, аборигены Сицилии 42f
 Сикей, титан 78а
 Сиксея, город в Киликии 78b
 Сикинн с Крита, дал свое имя танцу 20е
 Сикион, город и область в Пелопоннесе к западу от Коринфа 14е, 27d, 33с, 72b, 155с, 162d, 163а, 183d, 219а, 234d, 241f, 253b, 271d, 288с, 289а, 293f, 351е, 352b; сикионская школа живописи 196е; сикионские башмаки 349е
 Сикиса, расхожее имя рабыни 263b
 Сикон, раб в комедии Алексида 336е
 Силан, афинянин 245а
 Силен, приемный отец Диониса, предводитель сатиров 45с, 184а
 Силены, сатиры, мифическая свита Силена 188d, 197е, 198а-b, 200е
 Силлак Регийский, живописец (ок. 500 г. до н.э.) 210b
 Сим, повар, пытавшийся стать актером (IV в. до н.э.) 164d
 Сима 262е, 296с
 Симарист, грамматик 99с
 Симий Родосский, грамматик и поэт (III в. до н.э.) 327f
 Симик, актер (IV в. до н.э.) 348а
 Симонид, в элегии Феогнида 364с
 Симонид Аморгский см. Семонид
 Симонид Кеосский, лирический поэт (556–448 гг. до н.э.) 3е, 121е, 125b-с, 144с,е, 172е, 181b, 210b, 352с; fr. 88, 32b-с; fr. 221, 40а; fr. 231, 99b
 Синдийцы, народ, живший близ Азовского моря 347а
 Синопа, гетера (IV в. до н.э.) 339а
 Синопа, греческий город в Пафлагонии на берегу Черного моря 54d, 118с, 235е, 251е, 307b
 Синорида, имя гетеры 247а
 Сир, распространенное имя раба 290b,d
 Сиракузы, морской порт на восточном побережье Сицилии (колония Коринфа, ок. 735 г. до н.э.) 27f, 64f, 101с, 109а, 167d, 181с, 206е, 209а, 229а, 232а, 234а, 251е, 265d, 284а, 286а, 289а, 295а, 300е, 311b, 331е, 341b, 362d
 «Сиракузия», название корабля Гиерона 209е
 Сирены, мифические существа, завораживавшие людей пением 14d, 290d-е, 297b
 Сириус, звезда в созвездии Пса 327d
 Сирия, область и царство к северу от Палестины 27f, 28d, 45с, 72d, 101с, 108е, 113с, 115f, 131d, 193d, 210е, 246d, 257е, 333с, 346с; сирийцы 137d, 157b, 175d, 176а, 342а, 346с,d
 Сисиф Фарсальский, ближе неизвестен 252f
 Ситалк, фракийский царь (V в. до н.э.) союзник афинян в войне против Спарты 27е
 Ситалка, народная фракийская песня 15f
 Сифнос, один из кикладских островов 50b, 115с, 355а
 Сицилия, сицилийцы 4с, 25е, 27d, 28а-с, 42f, 47f, 49f, 59f, 70d-е, 91b, 112е, 116f, 167d, 169d, 206е-f, 209а,е, 231f, 232b-с, 260с, 261а, 272f, 273а, 286е, 287d, 302а, 307b, 309с, 315d, 327b, 330b, 362b; сицилийская мука 331а
 Скамандр, крупнейшая река в Троаде 41с
 Скепсис, город в Троаде 44е, 80d, 91с, 141е, 155b, 167d, 173f, 236d, 300d, 346с
 Скептра, город в Малой Азии 30а
 Скиаф, остров у побережья фессалийской Магнесии 4с, 30f
 Скилак из Карианды в Кари, географ (ок. 500 г. до н.э.) сохранившаяся под его именем работа – позднего происхождения 70b
 Скилл, ныряльщик из г. Скионы 296е
 Скилла, нимфа, в которую был влюблен Главк 297b, 305b, 324с, 341а; пролив Скиллы 311f
 Скимн из Тарента, фокусник (IV в. до н.э.) 20а
 Скиона, город в Халкидике 296е
 Скирос, остров в западной Эгеиде, к северу от Эвбеи 28а
 Скирпал, сын флейтиста Феона 176d
 Скифия 7е, 20с

- Скифы 119а, 221а, 334а
 Скол, город в Беотии 109а
 Скомбария, морской порт на Пиренейском п-ве 121а
 Скордисты, кельтское племя 234а
 Скумбрия, прозвище паразита 242д
 Смиктион, персонаж комедии Ферекрата «Старуха» 246f
 Сминдирид из Сибариса (VI в. до н.э.) 273b
 Сминфии, празднество в честь Аполлона Сминфийского («губителя мышей») 74f
 Смирна, морской порт в Ионии, Малая Азия 59b, 318с, 319d
 Сократ, афинский философ (ок. 469–399 гг. до н.э.) 20f, 157е, 158f, 162с, 186d, 187е, 188с-d, 192а-b, 215с–216с, 218а, 270f, 343с
 Сократ Косский, автор сочинения об эпитафках богов (III в. до н.э.?) 111b
 Сократ Родосский, историк (I в. до н.э.?) 147е-148с
 Солон, афинский законодатель (архонт 594 г. до н.э.) 137е, 226b
 Солы, город на северо-западе Кипра 89d, 116d, 234f, 255b-с, 275с
 Сопатр Пафосский, александрийский автор непристойных стихов (ок. 300 г. до н.э.) 230е, 341е; fr. 1, 158d; fr. 2, 176а; fr. 3, 160а; fr. 6, 160е; fr. 7, 85f; fr. 8, 101а; fr. 9, 109е; fr. 10, 175с; fr. 11, 183b; fr. 12, 119а; fr. 14, 160b; fr. 16, 175с; fr. 18, 101b; fr. 21, 101а; fr. 22, 71а
 Сороадей, индусское божество 27d
 Соррентинское, вино из Соррента на Неаполитанском заливе 26d-е, 27b
 Сосибий, историк Спарты (пер. пол. III в. до н.э.) 78с, 81f, 115а, 144е
 Сосий, владелец горных выработок во Фракии (V в. до н.э.) 272с
 Сосий, паразит Гиеронима (III в. до н.э.) 251f
 Сосикрат, поэт Новой комедии (конец III в. до н.э.) fr. 7, 31е
 Сосикрат Родосский, биограф (I в.?) 163f, 261е, 263f
 Сосипатр, мошенник и льстец 252f
 Сострат, известный флейтист при дворе Антиоха I (III в. до н.э.) 19d, 244f
 Сострат, автор зоологических сочинений 303b, 312е
 Сострат Халкедонский, паразит галла Кавара 252d
 Сотад, поэт Средней комедии (IV в. до н.э.) fr. 1, 293а
 Сотад Маронеиский, автор непристойных стихшков 293а
 Сотианы, кельтское племя 249b
 Сотион Александрийский, биограф (конец III в. до н.э.) 162е, 336d-е, 343d
 Софил, поэт Новой комедии (нач. III в. до н.э.) fr. 1, 123е; fr. 2, 228b; fr. 6, 100а; fr. 7, 125е; fr. 8, 54f; fr. 9, 158а
 Софокл, трагический поэт (496–406 гг. до н.э.) 20е, 22а-b, 184d, 276а, 277е, 365b; fr. 18, 122f; fr. 25, 122с; fr. 108, 94е; fr. 140, 17d; fr. 182, 76с; fr. 218, 183е; fr. 220, 175f; fr. 301, 86с-d; fr. 306, 164а; fr. 323, 70а; fr. 363, 51d; fr. 378, 183е; fr. 412, 176f; fr. 462, 310а; fr. 505, 189d; fr. 549, 67с; fr. 552, 110е; fr. 586, 176f; fr. 605, 99f; fr. 614, 67f; fr. 646, 119с; fr. 651, 70а; fr. 689, 23d; fr. 690, 33с; fr. 691, 40а; fr. 692, 52b; fr. 693, 99d; fr. 694, 99d; fr. 695, 277а; fr. 1021, 68а; «Антигона» 1165, 280b; «Аякс» 1297, 277с; «Навсикая» 20f; «Следопыты» 273, 62f; «Трахинянки» 781, 66а-b; «Фамира» 20f; «Электра» 61, 122с
 Софрон Сиракузский, автор мимов, т.е. пьес без хора (V в. до н.э.) 44b, 48с, 86а,е, 87а, 89а, 91b, 106d, 230а, 281е, 286d, 287с, 288а, 303с, 306с-d, 309с, 312с, 323а, 324е-f, 325а,с, 362с; fr. 27, 28, 29, 110b-с
 Софрониск, афинский скульптор, отец философа Сократа (V в. до н.э.) 162с, 218а
 Спарта, также Лакедемон, Лакония 31с, 39с, 56а, 91с, 131с, 142f, 143а, 155f, 156а, 168d, 186b, 233а-f, 236е, 251f, 263е, 264d, 265b,с, 271b–272а, 273f, 278е, 289е; Карнейи в ~е, 141е-f; пиры в ~е, 138b-е, 139b, 140с, 141f–142f
 Спартак, вождь восстания рабов (73–71 гг. до н.э.) 272f

- Спевсипп, племянник и ученик Платона (глава Академии в 347–339 гг. до н.э.) 3f, 59d, 61c, 68e, 86c,d, 105b, 133b, 279e, 286f, 300e, 301c, 303d, 308d, 313a-e, 318e, 319b-d, 323a-f, 324f, 327c, 329f
- Сполетанское (вино), из города Сполета, на юге Умбрии 27b
- Средиземное море 152a, 315d
- Средняя комедия (IV в. до н.э.) 336d
- Стагира, город на п-ве Халкидика, родина Аристотеля 354c
- Стасин, эпический поэт (VII в. до н.э.) 334c
- Статан (?), название вина, производившегося повсюду в Лации 31d
- Стафилий из Навкратиса, историк (время неизв.) 45c-d
- Стесихор из Гимеры (Сицилия), лирический поэт (ок. 640–555 гг. до н.э.) 81d, 95d, 250b; fr. 2, 172d-f; fr. 32, 216b; fr. 48, 154f; fr. 77, 180e
- Стефан, сын Фукидида 234e
- Стильпон Мегарский, философ (ок. 300 г. до н.э.) 162c
- Стоики 103b, 104b, 151e, 158a, 163f, 211b, 233b, 263c, 266e, 274e, 281c, 333b
- Столпы Геракла, совр. Гибралтар 61f
- Страбон, географ и историк (ок. 67 г. до н.э.–19 г. н.э.) 121a
- Страт, город в Акарнании поблизости от реки Ахелоя 95d
- Стратий, парасит (IV в. до н.э.) 244d-e
- Стратокл, парасит, упоминаемый Матроном 135b, 137c
- Стратон, знаменитый афинский шут (IV в. до н.э.?) 130c
- Стратон Тарентский, пародист дифирамбов (IV в. до н.э.) 19f
- Стратоник, кифаред и остроумец (конец IV в. до н.э.) 163f, 347f–352d
- Страттид, поэт Древней комедии (ок. 400 г. до н.э.) 248c; fr. 2, 127c-d; fr. 4, 302d; fr. 12, 304b; fr. 22, 32b; fr. 25, 327; fr. 28, 323b; fr. 31, 302e; fr. 39, 299b; fr. 42, 76e; fr. 44, 327e; fr. 45, 160b; fr. 51, 169a-b; fr. 57, 124c-d; fr. 61, 30f; fr. 66, 69a
- Стрепсиад, персонаж «Облаков» Аристофана 171c
- Стримон, река во Фракии 298f, 300c
- Стромбихид, имя раба 98a, 230d
- Субура, квартал в Риме 362a
- Сузы, одна из столиц Персии 45b, 93c
- Сулла, Л. Корнелий (138–78 гг. до н.э.), римский диктатор 261c
- Суний, самый южный дем Аттики 263c, 272f
- Сфер, философ-стоик, ученик Клеанфа (нач. III в. до н.э.) 141c, 354e
- Сфеттий, дем на юге Аттики 67d
- Сфинкс (Сфинга), мифическое существо, полу-женщина, полу-птица 197a, 253e
- Сфодрий, киник 162b
- Схедия (Плот), наименование местности на побережье Родоса, около Иалиса 262f
- Сцевола см. Муций Сцевола
- Сцилла, чудовище в «Одиссее» 13b (см. Скилла)
- Сципион Африканский, Л. Корнелий (235–183 гг. до н.э.), римский полководец и государственный деятель 273a-b, d
- Счастливые горы 233d
- Таврей, эпикуреец (IV в. до н.э.) 342f, 343d
- Тавромений, город на севере Сицилии 37b, 163e, 207f, 208f, 264c, 272a, 342c
- Таис, жена аспендийца Ктесибия 174e
- Тайгет, высокая горная гряда на юге Пелопоннеса, отделяющая Лаконику от Мессении 28a
- Тамний, абориген Родоса 262f
- Танагра, город в Беотии 218b
- Тантал, мифический царь Фригии 25a, 230e, 281b
- Тарент, богатый город на южном побережье Италии 19f, 27c, 116c-d, 120b, 156a, 166e-f 251e
- Таррацина, морской порт Лация 224c
- Тарс, город в Киликии 320a, 346c
- Тартар, место казни грешников под Аидом 101e, 269a
- Теаген, распутный афинянин (V в. до н.э.) 242f
- Теано, гетера (IV в. до н.э.) 339b
- Теарион, знаменитый пекарь (нач. IV в. до н.э.) 112d-e

- Тевкр, сын Теламона, брат Аякса 223а, 256b
- Тегея, город в Пелопоннесе 112b
- Тейхоесса, деревня около Милета 320а, 325d
- Теклесис или Телест, учитель танца (нач. V в. до н.э.) 21f, 22а
- Телавг, ритор, высмеянный сократиком Эксином 220а
- Теламон, отец Аякса 23е, 238с
- Телегон, сын Одиссея и Кирки 251d
- Телеклид, поэт Древней комедии (ок. 440 г. до н.э.) fr. 1, 64f, 268а; fr. 4, 32b; fr. 5, 75с; fr. 8, 335а; fr. 16, 344d; fr. 19, 87а; fr. 24, 170d; fr. 38, 56d
- Телеклид, эпический поэт (время неизв.) 282е
- Телемах, сын Одиссея 1d, 9b, 11f, 17с, 178f, 181e-f, 182а-b, 188b-e, 190а-e, 191b-d, 192f
- Телесилла Аргосская, поэтесса (ок. 500 г. до н.э.) 324с
- Телестагор, богатый наксосец 348b-с
- Телеф, мизийский царь, раненый Ахиллом, герой трагедии Еврипида, высмеиваемой Аристофаном 186с, 223с, 224е
- Телефан, флейтист (ок. 300 г. до н.э.) 351е
- Теллий Агригентский, известный гостеприимностью 4а
- Тенедос, островок у входа в Геллеспонт 28d, 278b
- Тениотское вино, по имени косы (ταῖν(α) в Египте 33е
- Тенос, остров из группы Киклад 43с, 52с, 301d
- Теолит из Мефимны, эпический поэт и автор хроник (200 г. до н.э.?) 296а
- Теос, город в Ионии 160а, 214d, 325е
- Терпсикл, ближе неизвестен 325d
- Терпсион, учитель Архестрата (IV в. до н.э.) 337b
- Тесей, мифический герой 295b, 296с
- Технон, флейтист 344с
- Тиана, крупный город в Каппадокии 113а
- Тиары, область на Лесбосе 62b-с
- Тиасс, источник в Лаконии 139b
- Тиберий Клавдий Нерон, римский император (14–37 гг. н.э.) 7а, 52d
- Тибур (Тиволи), город в Лации 26е-f
- Тигран, царь Армении (ум. ок. 55 г. до н.э.) 51а, 274f
- Тидей, мифический герой 232d
- Тидид (Диомед), герой «Илиады» 13е
- Тильфосса, ручей в Беотии 41е
- Тимагор, афинянин при дворе Артаксеркса I (465–424 гг. до н.э.) 48d-e
- Тимасий, грек из Трояды, участник похода Кира Младшего (401 г. до н.э.) 151с
- Тимахид Родосский, грамматик и пародист (ок. 100 г. до н.э.) 5а, 31d-e, 53с, 82d, 114с,e, 283с
- Тимей из Тавромения, в Сицилии, историк (ок. 350–260 гг. до н.э.) 34с, 37b, 81f, 109а, 153d, 163е, 181с, 206е, 250а,d, 264с, 272а, 327b, 342с
- Тимокл, поэт Средней комедии (вт. пол. IV в. до н.э.) fr. 1, 300а; fr. 3, 295b; fr. 4, 341e-f; fr. 5, 165f; fr. 6, 223b; fr. 8, 237d; fr. 9, 243b; fr. 10, 240е; fr. 11, 241а; fr. 12, 224а; fr. 14, 339d; fr. 15, 342а; fr. 17, 120а; fr. 18, 240d-e; fr. 19, 240d; fr. 27, 339f; fr. 29, 246f; fr. 30, 339с; fr. 32, 245b; fr. 33, 109с; fr. 37, 25f
- Тимократ, приятель Афиней 1а, 2а, 35а, 71е, 127d, 128а, 130е, 185а, 222а, 223d, 277а, 280а, 330с, 330f, 365е
- Тимон Флиунтский, сатирик (ок. 320–230 гг. до н.э.) 22d, 158а-b, 160а,d, 162f, 163d, 251с, 279f, 281е, 336d, 337а
- Тимофей Милетский, дифирамбический поэт (ок. 448–358 гг. до н.э.) 122с, 243d, 338а, 341с, 352а-b
- Тиндарида, город на северном побережье Сицилии 302а
- Тион, город на Понте 331с
- Тиос, городок в Пафлагонии 30а
- Тир, древний город Финикии 167с
- Тиресий, слепой фиванский прорицатель 41е
- Тиринфяне, жители города Тиринфа близ Аргоса 261d
- Тиррены (этруски) 153d,f, 154а, 184а
- Титаны, сыны Урана и Геи, воевали с Зевсом 78а

Титаресий, река в Фессалии 41а
 Титий, сын Геи 135с
 Титималл, афинский парасит (IV в. до н.э.) 238с, 240с-ф
 Тифон, возлюбленный богини Эос, получил от нее бессмертие, но не вечную молодость; превратился в кузнеца 6с
 Тихиунт, местность около Милета 351а
 Тлеподем, друг Тесея 295б
 Торона, морской порт на п-ве Халкидика 72d, 310с
 Тортира, город в Малой Азии 30а
 Трагассы, город в юго-западной части Трояды 73d
 Траллы, город в северо-западной Кариин, около р. Меандра 43а, 80с
 Трамбел, мифический царь лелегов 43d
 Траян, Марк Ульпий, римский император (98–117 гг.) 7d
 Требеллик, название вина из окрестностей Неаполя 37с
 Трезена, город в юго-восточной части Аргониды 22b, 31с, 42а, 122f, 317b
 Триамб, эпитет Диониса 30b
 Триглантина, эпитет Гекаты 325d
 Трии, деревня в Аттике 255с
 Трикка, город в Фессалии 256с
 Тринакрия, мифическое название Сицилии в «Одиссее» 13а
 Триоп, герой карийских греков 262е
 Триптолем, сын Келея из Элевсина, был послан Деметрой распространять земледелие 203с
 Тритоны, мифические морские существа 37d, 135а
 Трифолийское, вино из Трифанума, города на побережье Лация 26е
 Трифон Александрийский, грамматик, (вт. пол. I в. до н.э.), 53а-б, 78а, 109b,е, 114b, 114е, 174е-ф(?), 182е, 255с, 299а, 324f
 Трифон Апамейский, претендовал на сирийский трон (погиб в 138 г. до н.э.) 333b-d
 Трихия, гора около Эфеса 361е
 Троада, северо-западная часть Малой Азии, на Геллеспонте 43а, 73d, 77b, 155b
 Троглодиты, народ в Агрике 183f

Троя, троянцы 63d, 174а, 178е, 188b, 190с, 191d, 232с, 236с, 256b, 348d, 351а
 Туберон, Квинт Элий, римский юрист (I в. до н.э.) 274с-d
 Ульбанское (?), название вина из окрестностей Кум в Кампании 26f
 Ульпиан, участник пира, тождественен с юристом Ульпианом Тирским (ум. 229 г.) 1d, 49а, 58b-с, 65е, 94с, 96f, 97f, 98с, 99е, 100b, 104с, 106е, 107а, 108d-f, 115b, 118f, 121f, 122е, 125а,d, 126а,f, 127а, 150b, 165b–169а, 174b,f, 175b, 176с, 184b, 209f, 221а,f, 228с,d, 229b, 234с, 235b, 262b, 263а, 270с, 275d, 284е, 308а, 346с, 347с,d, 359d, 361f–362b
 Уран (Небо), старший из богов 282f
 Уранополь, город на п-ве Халкидика 98d
 Утренняя заря 195b
 Фавлийские, разновидность маслин 56с; яблок 81а,d, 82b-с
 Фагесипосии, праздник питья и обжорства 275d
 Фагесии, праздник обжорства 275d
 Фаилл, любитель рыбы (у Алексиды) 338d
 Фаилл Фокидский, тиран, (IV в. до н.э.) 232е (ср. 231с)
 Факас, финикиец 361с
 Фалант, вождь финикийцев на Родосе 360е–361с
 Фалек Фокидский, сын Ономарха, полководец (IV в. до н.э.) 232е (ср. 231с)
 Фалер, бухта и гавань недалеко от Афин 108b, 135а, 167е, 177е, 244с, 272с, 285b,е, 309е
 Фалерн, область в Кампании, знаменитая своими винами 26с,е-ф, 27а,с, 33а
 Фан, пифагореец, упоминаемый Александом 161с
 Фанния закон против роскоши (161 г. до н.э.) 274с
 Фанодем, историк (III в. до н.э.) 20а, 114с, 168а
 Фанокрит, автор сочинения об Эвдоксе 276f
 Фаон, пифагореец, упоминаемый Александом 161с

- Фаон, флейтист (ок. 300 г. до н.э.) 350e-f
 Фариакский яд 81e
 Фарос, остров в гавани Александрии 87f
 Фарсал, город в Фессалии 252f
 Фаселида, фаселийцы, в Памфилии 297e, 298a, 350a, 351f, 352a
 Фасос, остров в северной Эгеиде, поблизости от побережья Фракии 28d-f; 29c,e; 31f, 32a, 54b, 56f, 105d, 112a, 129d,f, 146a,e, 164e, 318f, 321a, 325e, 329b, 364d
 Фасосцы, жители о. Фасоса, философы-ученики Мнесистрата 279d
 Фазтон, сын Солнца 326b
 Феак, персонаж комедии Эвполида 106d
 Феаки, мифические обитатели острова, отождествляемого с Керкирой (совр. Корфу) 9a,d, 14c, 15c, 16c, 177b, 178e, 180b, 181e, 192d, 193b
 Феангела, город в Карии, около Галикарнаса 271b
 Феано, гетера (IV в. до н.э.) 339b
 Феб, Аполлон 135b (см. Аполлон)
 Федон, кифаред, осмеянный в эпиграмме Гедилы 344f
 Фемий, итакийский певец в «Одиссее» 14d, 189f
 Фемисон Кипрский, любимец Антиоха Эпифана 289f
 Фемистокл, афинский гос. деятель (524–459 гг. до н.э.) 29f, 48d, 122a
 Феней, на реке Аорне 331e
 Фенестий, изобретатель игры в мяч фенинды (IV в. до н.э.) 15a
 Фений из Эреса, на Лесбосе, ученик Аристотеля, историк (ок. 300 г. до н.э.) 6e, 16e-f, 29f, 48d, 51e, 54f, 58d, 61f, 64d, 68d, 70d, 84c, 90e–91b, 231f, 333a, 352c
 Феникид, эпикурец (IV в. до н.э.) 343b,f, 345e
 Феникс, наставник Ахилла 9a, 23f, 25f
 Феникс Колофонский, ямбический поэт (ок. 285 г. до н.э.) 359e
 Феогнет, поэт Новой комедии (III в. до н.э.) fr. 1, 104b
 Феогнид Мегарский, гномический поэт (вт. пол. VI в. до н.э.) 104b, 310a, 317a, 364b
 Феогнид Родосский (?), историк 360b-d
 Феодект, Фаселидский, ритор и трагический поэт (первое упоминание 365 г. до н.э.) 134b
 Феодор, танцор (IV в. до н.э.) 22d
 Феодор, известный фокусник (IV в. до н.э.) 19b
 Феодор, ритор? (конец IV в. до н.э.) 252c
 Феодор, вариант чтения имени Диодор, игрок в шашки 16e
 Феодор из Лариссы, политический деятель в Фессалии (конец IV в. до н.э.) 44b
 Феодор, элегический поэт (ок. 400 г. до н.э.) 122b
 Феодорид, автор эпиграмм (III в. до н.э.) 229b, 302c
 Феодот, мошенник, упоминаемый в комедии Алексиды (IV в. до н.э.) 134a
 Феодота, афинская гетера, прославленная натурщица (посл. четв. V в. до н.э.) 220f
 Феокрит Сиракузский или Косский, буколический поэт (пер. пол. III в. до н.э.) 5a, 49f, 82d, 284a
 Феокрит Хиосский, софист (IV в. до н.э.) 14e, 21c, 230f, 344a-b
 Феон, флейтист, прославляемый Гедилом (III в. до н.э.) 176c-d
 Феопомп, поэт Древней комедии (конец V в. до н.э.) fr. 6, 324b; fr. 13, 308a; fr. 19, 82c; fr. 23, 302e; fr. 34, 165b; fr. 49, 183e; fr. 64, 23d-e; fr. 67, 50e; fr. 68, 62e; fr. 72, 68d; fr. 75, 264a
 Феопомп Колофонский, александрийский эпический поэт 183a
 Феопомп Хиосский, историк (ок. 376–320 г. до н.э.) 26b, 34a, 43d, 45c, 67f, 77d, 85a, 144f, 145a, 149d, 157d-e, 166d-e, 167a-c, 213f, 217e, 230e, 231f, 249c, 252a,f, 254b,f, 259f, 260b,d, 261a, 265b-c, 271c-e, 272a, 275b
 Феофил, афинский архонт в 348/347 г. до н.э. 217b
 Феофил, поэт Новой комедии (III в. до н.э.) fr.4, 340d; fr. 8, 95a
 Феофил, ученик Зенодота (ок. 250 г. до н.э.) 6b
 Феофраст из Эреса на Лесбосе (372–287 гг. до н.э.) первый ученик Аристотеля

- 3а, 18d, 21а, 22с, 31е-ф, 32а, 34е, 41е-ф, 44b-с, 50b,ф, 54f, 55е, 56f, 57b, 58f, 61е-ф, 62а, 63е, 64d, 66е-ф, 67b, 69а, 70а,д, 71с, 72b, 74а, 77а-с,е-ф, 82а-е, 83с-д,ф, 93а, 100е, 105d, 128а, 130d, 144е, 173е, 186а, 214а, 252с, 254d, 261d, 273с, 301е, 312b, 314b, 317f, 331с, 332b, 337d, 347е, 348а
- Ферамен, афинский политик (казнен Тридцатью в 403 г. до н.э.) 220b
- Ферекрат, поэт Древней комедии (первая победа в 437 г. до н.э.) 218d, 261b; fr. 1, 248с; fr. 7, 171d; fr. 10, 263b; fr. 13, 316е; fr. 22, 119d; fr. 24, 90а; fr. 32, 246f; fr. 39, 305f; fr. 45, 96b; fr. 52, 365а; fr. 55, 111b; fr. 56, 308f; fr. 67, 159е; fr. 80, 75b, 80а; fr. 84, 55b; fr. 102, 95d; fr. 104, 228е; fr. 108, 96а, 268е; fr. 113, 287а; fr. 120, 335а; fr. 123, 229а; fr. 127, 228е; fr. 130, 269с; fr. 132, 78d; fr. 139, 343с; fr. 152, 364а; fr. 153, 364b; fr. 154, 122е; fr. 159, 55b; fr. 173, 67с; fr. 175, 56е
- Ференик Гераклевский, дидактический поэт (I в. до н.э.) 78b
- Фертат, торговец талисманами (IV в. до н.э.) 123b
- Фесмофеты, шестеро младших архонтов в Афинах 167f
- Фесмофории, празднество, справляемое женщинами в честь Деметры 46е, 307f
- Фесмофоры (Законодательницы), богини Деметра и Кора 109е
- Феспии, город на юге Беотии 41f
- Феспис Аттический, ранний трагик (ок. 536 г. до н.э.) 22а
- Феспротия, область на юге Эпира 73b
- Фессалийские, ~-ий хлеб, 114b; ~-ая запеканка, 127с
- Фессалия (область северной Греции), фессалийцы 27е, 28b, 198d, 112а,ф, 127а-с, 137d, 167b, 211d, 249с, 254f, 256с, 259f, 260b-с, 263е, 264а-с,е, 265b-с, 271b, 278е, 308b, 350а
- Фест, город на юге Крита 261е
- Фета (Феры?), город в Фессалии 41f
- Фетида, nereida, мать Ахилла 62с, 135с
- Фиам, река в Эпире 73b
- Фиатира, город на севере Лидии 76а
- Фиброн, знаменитый афинский повар 293а
- Фиброн, убийца Гарпала (324 г. до н.э.) 230е
- Фиваида, район в долине Нила, получивший название по своему главному городу Фивам 33f
- Фивы, главный город Беотии, родина Пиндара 19b, 20а, 28а,с, 112а, 131с, 148d, 158b, 182е, 184d, 253е, 359b
- «Фига», прозвище гетеры, упоминаемой Аксиоником (IV в. до н.э.) 166с
- Фигалея, город в Аркадии 148f
- Фидий, персонаж одной из комедий Антифана 38b
- Фидипп, афинский торговец рыбой (IV в. до н.э.) 120а-б
- Фидиппид, персонаж «Облаков» Аристофана 171с
- Фидон (Скряга), маска Средней и Новой комедии 223а
- Фикуссы, острова, получившие такое название по находившемуся там большому количеству водорослей 30d
- Фила, жена Деметрия Полиоркета (конец IV в.) 255с
- Филадельф из Птолемаиды, участник пира 1d
- Филадельф, Птолемей см. Птолемей 3b
- Филарх Афинский или Навкратидский, историк (III в. до н.э.) 18d, 43f, 44b, 45с (?), 58с, 73b, 81е, 141f–142f, 150d-ф, 249d, 251с-д, 254f, 261b, 271b,е, 333а, 334а
- Филей из Тавромения, механик (III в. до н.э.) 208f
- Филемон, поэт Новой комедии (361–263 гг. до н.э.) fr. 1, 81d; fr. 8, 262а; fr. 35, 231а; fr. 40, 123е; fr. 41, 133а; fr. 42, 340е; fr. 44, 175d; fr. 61, 170f; fr. 79, 288d; fr. 80, 307е; fr. 122, 64е; fr. 188, 52е; fr. 190, 33f
- Филемон Афинский, грамматик (время неизв.) 11d, 56с, 76f, 114d, 323с
- Филемон Младший, поэт Новой комедии fr. 1, 291d
- Филенида Левкадская, гетера, которой приписывалось непристойное сочинение о любовных утехх (вт. пол. IV в. до н.э.) 220f, 335а-с
- Филеон, храм Филы 255с

- Филетер, поэт Средней комедии (победитель ок. 370 г. до н.э.) fr. 2, 342a; fr. 7, 280c; fr. 13, 280d; fr. 14, 15, 169e; fr. 17, 106e; fr. 19, 21c; «Антилл» (?) 65d (см. 108c, 118d и Никострат)
- Филлилий, поэт Древней комедии (ок. 400 г. до н.э.) fr. 4, 110f; fr. 8, 171d; fr. 16, 140a; fr. 13, 86e, 92e, 104f; fr. 21, 63a; fr. 24, 31a; fr. 25, 52b; fr. 27, 63a
- Филин, любитель молока 44c
- Филипп, шут (IV в. до н.э.) 20b
- Филипп II Македонский, отец Александра Великого (355–336 гг. до н.э.) 71b, 77d, 155d, 166f–167c, 223e, 231b,f, 248d–249d, 259f–261a, 276f, 289d-e
- Филипп III Арридей Македонский, двоюродный брат Александра Великого 155a см. Арридей
- Филипп V Македонский (221–179 гг. до н.э.) 78e-f
- Филипп, сын Деметрия II Македонского (ок. 200 г. до н.э.) 251e
- Филипп Феангельский, историк 271b
- Филипп, автор «Календаря земледельца» (II в. до н.э.?) 75d
- Филиппид Афинский, поэт Новой комедии (ок. 300 г. до н.э.) fr. 4, 90b; fr. 8, 262a; fr. 9, 230a; fr. 30, 23c
- Филиппид, афинский парасит (IV в. до н.э.), осмеянный за хитрость 230c, 238c
- Филира (Липа), прозвище гетеры 286e
- Филиск Керкирский, александрийский трагический поэт и жрец Диониса (пер. пол. III в. до н.э.) 198b
- Филистид, фокусник из Сиракуз (IV в. до н.э.) 20a
- Филистий Локрийский, из Локров Эпизефирских в Италии, врач (IV в. до н.э.) 115d
- Филит (так везде у Афиня, обычная форма *Филет*) Косский, поэт и ученый (конец IV в. до н.э.) 71a, 114e, 192e, 327c
- Филлис Делосский, музыкант и автор работ по музыке 21f
- Фило, служанка Елены 191b
- Филократ, при дворе Антигона Гоната (III в. до н.э.) 340f
- Филокл, трагический поэт, племянник Эсхила (вт. пол. V в. до н.э.) fr. 5, 66b
- Филократ, историк, ближе неизвестен 264a
- Филократ, известный гурман (IV в. до н.э.) 8b, 343e
- Филоксен, по прозвищу Окорокорез, парасит и обжора (IV в. до н.э.) 239f, 241e, 242b-c, 246a
- Филоксен, александрийский грамматик (время неизв.) 53a
- Филоксен, демагог (IV в. до н.э.) 90e
- Филоксен, адресат письма Александра Македонского 22d
- Филоксен, сын Эриксия, гурман, ученик Анаксагора (вт. пол. V в. до н.э.) 6b,d, 220d
- Филоксен Киферский, дифирамбический поэт (435–380 гг. до н.э.) 5f, 6e, 35d, 146f, 156e, 271b, 341a,d-e, 352c
- Филоксен Левкадский (иногда отождествляется с Киферским), пародист (V в. до н.э.) 5b,d, 146f, 156e
- Филоктет, герой троянской войны, ужаленный в ногу змеей 223d
- Филолай из Кротона в Великой Греции, знаменитый пифагореец (ок. 400 г. до н.), чье учение о природе души перенял Эвксифей 157c-d, 184e
- Филомел Фокидский, тиран (IV в. до н.э.) 264c
- Филометор, титул Птолемея VI 195f, 252e
- Филомест, историк (время неизв.) 74f
- Филон, лстец Агафокла (III в. до н.э.) 251e
- Филон, автор сочинения о металлах 322a
- Филонид, поэт Древней комедии (ок. 425 г. до н.э.) fr. 1, 47e, 247e; fr. 2-3, 228f; fr. 8, 23e; fr. 9, 67d
- Филопапп, ему посвящены воспоминания Капитона 350c
- Филопатор, титул, принятый Птолемеем IV 203e, 246c, 251e
- Филостефан, поэт Новой комедии (III в. до н.э.) fr. 1, 292f
- Филостефан Киренский, историк (III в. до н.э.) 297f, 331d, 332f
- Филот, музыкант, ученик Полиида 352b
- Филотим, врач и автор сочинений о пищевых продуктах 53f, 79a, 81a-b, 82f, 308f, 355a

- Филохор, афинский историк (ум. 261 г. до н.э.) 9с, 37е, 38с, 168а, 179е, 189с, 217е, 235d, 245с
- Филумен, персонаж комедии Антифана «Буталион» 358е
- Филумена, персонаж комедии Кробила «Лжеподкидыш» 365а
- Фимэтий, мифический царь Афин 96d
- Финей, мифический царь, наказанный слепотой 223с
- Финикийские, ~ занавеси 196с; ~-ий купец 173b; ~ механики, 204с; ~-ая мука 127b; ~ музыканты 174f; ~ пекари 112b-с; ~ -ая солонина 135а
- Финикийцы 273е, 320с, 360е–361с
- Финикия, полоса побережья в восточной части Средиземноморья, граничит с Палестиной 28а,с, 126а, 127b, 174f, 175а,с-d
- Фиромах, пифагореец, упоминаемый Александом 161с
- Фиромах, обжора (IV в. до н.э.) 245е, 343b; ср. 161с
- Фис, пафлагонский царек, восстававший против Артаксеркса II (380 г. до н.э.) 144f
- Фитий, сын Оресфея, внук Девкалиона 35b
- Флиунт, город на северо-востоке Пелопоннеса, южнее Коринфа 22d, 27d, 158а, 210b, 251с
- Фок, сын Фокиона (ок. 350 г. до н.э.) 168е–169а
- Фокейцы 231с, 264с-d, 272b
- Фокея, город в Ионии 257b
- Фокион, афинский политик и военачальник (ок. 400–318 гг. до н.э.) 168е
- Форбант, родосский герой 262е–263а
- Фориск, рыболоб, из других источников неизвестен 344а
- Формии, город на побережье Лация 26е
- Формион, парасит Селевка (ок. 300 г. до н.э.) 245а
- Формион, афинский военачальник (ум. до 428 г. до н.э.) 216с
- Формисий, ближе неизвестен 229f
- Фортуна Рима 361f–362а
- Фракия 31а, 56f, 62а, 125с, 131а, 150f–151е, 213с; фракийцы 155е, 194d, 248е, 252а, 272с,f, 300с, 326а, 345е
- Фрасидей, тиран Фессалии (ок. 340 г. до н.э.) 249с
- Фрасон, парасит Гиеронима 251е-f
- Фригия, область в западной Малой Азии 21f, 27f, 43b, 45с, 55а, 69d, 75b, 176f, 177а, 185а, 332f
- Фрикс, обладатель барана с золотым руном 242f
- Фриних, поэт Древней комедии (первое упоминание 429 г., ум. 413 г. до н.э.) 115b; fr. 2, 184f; fr. 3, 165b; fr. 23, 248с; fr. 25, 74а; fr. 35, 319а; fr. 38, 110е; fr. 49, 87b; fr. 50, 287b; fr. 57, 229а; fr. 60, 53а; fr. 61, 59с; fr. 66, 47f; fr. 68, 52с; fr. 69, 44d
- Фриних, трагический поэт (нач. V в. до н.э.) 22а, 250b
- Фринон, фиванец, отец Аттагина (ок. 500 г. до н.э.) 148е
- Фукидид, историк (ок. 460–396 гг. до н.э.) 23b, 108f, 187d, 189с, 215d-f, 216а-b, 234е
- Фунды, город на юге Лация 27а
- Фурии, город на юге Италии, основанный Афинами поблизости от руин Сибариса (444 г. до н.э.) 30b, 67b, 329а
- Фэдим, персонаж «Заупокойных жертв» Дифила 165f
- Хабрий, афинский полководец (погиб в 357 г. до н.э.) 165е-f
- Халибон, город в Сирии к северу от Дамаска 28d
- Халкедон 252d, 329а, 416а, 454f см. Калкедон
- Халкида, морской порт на западном побережье Эвбеи 44f, 75f, 132с, 153с, 162е, 288b, 330b, 331е, 344е, 365d, 420а, 439е-f, 456с
- Халкидика, п-ов во Фракии 334е, 442е
- Хамелеонт из Гераклеи Понтийской, грамматик и философ-перипатетик (конец IV в. до н.э.?) 21е, 22а,е, 184d, 273с, 338b, 347е
- ХаракOMET, река в Карии 43а
- Харакс, город около устья Тигра 93d
- Харет Митиленский, историк (конец IV в. до н.э.) 27d, 93с, 124с, 171b, 277а
- Харикл, историк (время неизв.) 350с

- Хариклид, поэт Новой комедии fr. 1, 325d
- Харин, сын Демохара 234f
- Хариты (Грации), богини красоты 36d, 163a
- Харм из Сиракуз, пародист (ок. 300 г. до н.э.) 4a-b
- Харм, флейтист 344c
- Хармид Афинский, сын Главкона, дядя Платона (ок. 440–403 гг. до н.э.) 187d-e
- Харон, из «Ниобы» Тимофея 341c
- Херемон, трагический поэт (IV в. до н.э.) fr. 15, 35d; fr. 17, 43c
- Херей Афинский (II в. до н.э.?) 32b
- Херей, персонаж Алексиды 431c
- Херий, раб, убитый Гераклом 410f
- Херил, один из первых трагических афинских поэтов (ок. 500 г. до н.э.) 164c
- Херил Самосский, гурман и эпический поэт (ок. 450 г. до н.э.) 345d
- Херонея, город в Беотии 52d
- Херсонес Фракийский, ныне п-ов Галлиполи 65c, 333a
- Херсонес Таврический, в Крыму 64d
- Хионид Афинский, поэт Древней Комедии (ок. 461 г. до н.э.) 119e, 137e
- Хиос, большой плодородный остров у ионийского побережья Малой Азии 25e-f, 26b,d, 29e, 31a, 32f, 33a,c, 105d, 167e, 210b, 230e-f, 251c, 259b-c, 265b–266f, 267d, 281c, 344a
- Хиосские, род смоков, росших около Рима (?) 75f, 80c
- Хирисоф, парасит Дионисия Старшего (IV в. до н.э.) 249e
- Хисия, мать самосской нимфы Окирои 283e
- Хоасп, река, начинающаяся в Мидии и впадающая в Тигр 45b
- Хои, празднество в Афинах 276c
- Хорасмы, народ, живший к востоку от Каспийского моря, к северу от Парфии 70b
- Хремет, популярный персонаж Средней и Новой комедии 223a
- Хремонидова война (267–262 гг. до н.э.) греческих городов против Антигона Македонского 250f
- Хрисипп, танцор (IV в. до н.э.) 22d
- Хрисипп Тианский, автор трактата о хлебопечении (ок. 50 г.) 113a
- Хрисипп Солейский, философ-стоик (ок. 280–204 гг. до н.э.) 4e, 8c, 9c, 18b, 67c, 89d, 104b, 137f, 153b, 159a-c,d, 267b, 278e, 280b, 285d, 335b,d,f, 336f, 354e
- Хрисогон, театральный деятель (IV в. до н.э.) 350e
- Хромий, рыба 282b
- Хэрефан, игрок в мяч 14e
- Хэрефил, любитель рыбы (ок. 350 г. до н.э.) 119f, 339d
- Хэрефонт, афинский парасит, упоминаемый Матроном и авторами Новой комедии (ок. 300 г. до н.э.) 134e, 136e, 164f, 165a, 243a–244a, 245a,f
- Хэрефонт, из дема Сфеттия, восторженный почитатель Сократа (ум. до 399 г. до н.э.) 188c, 218e-f
- Цезарь см. Юлий Цезарь
- Цецилий Калактинский, римский ритор (I в. до н.э.) 272f
- Чандрагупта, индийский царь (конец IV в. до н.э.) 18d-e
- «Чаровательницы», у Пиндара 290e
- Челнок, прозвище льстеца 242f
- Четвероградь 235d
- Чечевица, имя сестры Одисея 158c
- Эвагор, парасит Деметрия Полиоркета (ок. 300 г. до н.э.) 244f
- Эвант, эпический поэт (I в. до н.э.?) 296c
- Эвбея, крупный остров поблизости от восточного побережья Греции напротив Аттики и Беотии 27f, 30f, 54b,d, 135e, 201c, 281a, 296b
- Эвбея, нимфа 296b
- Эвбул, афинский гос. деятель, противник Демосфена (ок. 405–331 гг. до н.э.) 166d
- Эвбул, поэт Средней комедии (одержал победу ок. 370 г. до н.э.) fr. 7, 63d; fr. 9, 340d; fr. 10, 47b; fr. 14, 69c; fr. 17, 248b; fr. 18, 110a; fr. 19, 28f; fr. 21, 247a; fr. 24, 100e, 107f; fr. 25, 260c; fr. 30, 100a; fr. 35,

- 300b; fr. 36, 347d; fr. 37, 300c, 302d; fr. 38, 169f; fr. 44, 295e; fr. 61, 108a; fr. 63, 330c; fr. 64, 300c; fr. 68, 307f; fr. 72, 239a; fr. 75, 108b, 228f; fr. 76, 108d; fr. 77, 112e; fr. 78, 105f; fr. 88, 108d; fr. 93, 301a; fr. 94, 36b; fr. 106, 80a; fr. 109, 229a; fr. 110, 311d; fr. 111, 106a; fr. 119, 8b; fr. 120, 25b; fr. 121, 47f, 49c; fr. 123, 65e; fr. 124, 28f; fr. 125, 35f; fr. 126, 23a; fr. 127, 34d; fr. 128, 66d; fr. 131, 29a; fr. 135, 43f; fr. 137, 52b; fr. 139, 113f; fr. 150, 65c; fr. 151, 43c
- Эвбулид, оппонент Аристотеля 354c
- Эвдик, шут (IV в. до н.э.) 19f
- Эвдокс Книдский, известный математик и философ (ок. 408–355 гг. до н.э.) 276f, 288c
- Эвенор, врач и автор медицинских трактатов (получил афинское гражданство в 322/321 г. до н.э.) 46d
- «Эвергет» (Благодетель), титул двух Птолемеев 184c, 252e
- Эвий, эпитет Диониса 363b
- Эвклид, сын Смикрина, известный остряк и парасит (IV в. до н.э.) 242b-с, 250e
- Эвклид Афинский, обладатель большой библиотеки 3a
- Эвкрат по прозвищу Корид (Жаворонок), афинский парасит (IV в. до н.э.) 242a–242a, 240f, 241d, 242a, 245d-f
- Эвкрат, историк (время неизв.) 111b-d
- Эвксифей, пифагореец (IV в. до н.э.) 157c-d
- Эвлей, река, впадающая в Персидский залив 300d
- Эвмей, свинопас Одиссея 11b
- Эвмел Коринфский, эпический поэт (ок. 700 г. до н.э.) 22c, 277d
- Эвник, поэт Древней комедии (конец V в. до н.э.) 86e
- Эвпалам («Ловкая рука»), прозвище флейтиста Феона 176d
- Эвполид, поэт Древней комедии (погиб в 411 г. до н.э.) 216d, 218b-с; fr. 6, 301a; fr. 7, 106b; fr. 28, 287d; fr. 30, 94f; fr. 60, 89f; fr. 68, 47e; fr. 70, 53a; fr. 77, 183f; fr. 101, 316c; fr. 107, 106b; fr. 108, 123a; fr. 138, 138f; fr. 147, 22f; fr. 150, 328b; fr. 154, 328e; fr. 159, 236e; fr. 161, 286b; fr. 172, 100b; fr. 243, 326a; fr. 253, 52d; fr. 255, 170d; fr. 269, 266f; fr. 312, 56a,e; fr. 335, 68a; fr. 351, 17d; fr. 366, 3a
- Эврибий, сын Эврисфея, убитый Гераклом 158a
- Эвридика, македонская принцесса, супруга Филиппа Арридея (казнена в 317 г. до н.э.) 155a
- Эвриклид, фокусник 19e
- Эвримах, спутник Одиссея 17b
- Эврип, пролив, соединяющий залив Лесбоса с Эгейским морем 88c,f
- Эврип, пролив, отделяющий Эвбею от материка 296b
- Эврипил, сын Эврисфея, убитый Гераклом 158a
- Эврипил, персонаж «Илиады» 41b
- Эврисфей, мифический царь Аргоса, двоюродный брат Геракла 157f
- Эвритион, кентавр, упоминаемый в «Одиссее» 10e
- Эвтидем Афинский, врач и писатель по вопросам диетологии (II в. до н.э.?), 58f, 74b, 116a,d, 118b, 307b, 308e, 315f, 328d
- Эвтидем, афинский архонт 431/430 г. до н.э. 217a, 218b
- Эвтидем, сын Диокла, приятель Сократа (ок. 400 г. до н.э.) 187d
- Эвтикл, автор Средней (?) комедии (нач. IV в. до н.э.) fr. 1, 124b
- Эвтин, щеголь 342e
- Эвтин, афинский торговец солониной (нач. IV в. до н.э.) 120a
- Эвфант Олинфский, философ и историк (III в. до н.э.) 251d
- Эвфем, афинский архонт 417/416 г. до н.э., 216f, 217a-b
- Эвфем, афинский хулиган (вт. пол. V в. до н.э.) 220d
- Эвфорб, дарданец, союзник троянцев, убит Менелаем 178d
- Эвфорион Халкидский, эпический и элегический поэт, заведовал царской библиотекой у Антиоха (III в. до н.э.) 44f, 82a, 154c, 182e-f, 183f, 184a, 263d
- Эвфранор, гурман 345c
- Эвфранор, пифагореец, автор сочинений о флейтах и флейтистах (IV в. до н.э.) 182c, 184e

- Эвфрон, поэт Новой комедии (III в. до н.э.) fr. 6, 301a; fr. 8, 343b; fr. 9, 100d; fr. 11, 7d; fr. 28, 287d; fr. 101, 316c; fr. 150, 328b; fr. 154, 328e; fr. 159, 236f; fr. 161, 286b; fr. 243, 326a; fr. 269, 266f
- Эгейское море 209c, 278d
- Эги, город в Киликии, Малая Азия 42f
- Эгий, морской порт в Ахайе на берегу Коринфского залива 27d
- Эгина, остров в Сароническом заливе напротив Афин, населенный дорийцами 99d, 141c, 143b, 225b, 267e, 272d, 307d
- Эгира, дриада 78b
- Эгисф, двоюродный брат Агамемнона, любовник Клитемнестры 14b
- Эгосфена, город в северной части Мегариды 440f
- Эдепс, город на северо-западном побережье Эвбеи 78c
- Эдип, фиванский царь-страдалец 154e, 222b, 253f, 316a
- Эзоп, баснописец (VI в. до н.э.) 219a
- Эквана, город около Соррента 27b
- Эксона, прибрежный аттический дем 325e, 330b
- Экфангид, поэт Древней комедии (нач. V в. до н.э.) fr. 1, 96c
- Элатея, главный город Фокиды, захвачена Филиппом Македонским (339 г. до н.э., осень) 186a-b
- Элафеболийон, девятый месяц аттического календаря, пригл. март–апрель 218d, 334e-f
- Элевсин, город на побережье Аттики со святилищем Деметры 96e, 167f, 285f, 330a; ~ские мистерии 234f, 325c
- Элеодиты, прислужники на Делосе 173a
- Элида, область на северо-западе Пелопоннеса 27d, 34a, 44c, 62c, 111e, 218c, 346b, 350a-b
- Элий Туберон, Квинт, отличался честностью (народный трибун 129 г. до н.э.) 274c
- Эллада см. Греция
- Эльпенор, спутник Одиссея 10f
- Эмилиан Мавр, грамматик, один из участников пира 1d, 83b, 126b, 127a-b, 169a–174a(?), 228d, 231b
- Эмилий (Л. Эмилий Павел), командующий римскими войсками в Македонии и Греции во время его второго консульства, 168 г. до н.э. 194c
- Эмпедокл Акрагантский, философ (ок. 490–430 гг. до н.э.) 3e, 334b
- Энанта, мать Агафокла (IV в. до н.э.) 251e
- Эней (Ойней), мифический царь, правивший в Центральной Греции, по имени которого было названо вино 11a, 35a-b
- Эней, сын Анхиса, троянский герой 223d
- Энианы, греческое племя в южной Фессалии 15f
- Энона, пародист из южной Италии (IV в. до н.э.) 20a
- Энопион, сын Диониса, основатель Хиоса 26b-c, 28b
- Энос, город на фракийском побережье Эгейского моря 92d, 285f, 326f, 351c
- Эноя, город на острове Икарии 30d
- Энтим из Гортины, на Крите, при дворе Артаксеркса I (465–424 гг. до н.э.) 48d-f
- Энун, в Спарте 31d
- Эолида, область на западном побережье Малой Азии 75f, 88a, 316b
- Эолийцы 256b, 318c
- Эпаминонд Фиванский, полководец и гос. деятель (погиб в битве при Мантинее, 362 г. до н.э.) 184e
- Эпархид с Икарии (время неизв.), историк, 30b-d, 61a-b
- Эпиген, поэт Средней комедии (IV в. до н.э.) fr. 1, 75c
- Эпигон Сикионский, кифарист, изобретатель кифары с жесткими струнами, на которой он играл без плектра (VI в. до н.э.) 183d
- Эпизефирские Локры, греческий народ в Южной Италии 22b
- Эпикрат, афинянин, посланный в Персию и обвиненный в коррупции (ок. 389 г. до н.э.) 229f, 251a
- Эпикрат, родственник оратора Эсхина, получивший прозвище «Отруби» 242d, 244a
- Эпикрат Амбракийский, поэт Средней комедии (IV в. до н.э.) fr. 5, 262d-e; fr. 11, 59c-f

- Эпикур, основатель эпикурейской философской школы (341–270 гг. до н.э.) 101f, 102a-b, 103b-c, 104b, 177b, 179d, 182a, 186e, 187b-c, 211a, 215b, 278e–280b, 281e, 298d, 354b-c
- Эпилик, поэт Древней и Средней комедии (конец V в. до н.э.) fr. 3, 140a; fr. 4, 133b; fr. 6, 28d-e
- Эпилик, занимал религиозную должность парасита 234f
- Эпиман (Безумец), ироническое прозвище Антиоха Эпифана 45c, 193d
- Эпименид Критский, прорицатель и поэт (VII в. до н.э.) 282e
- Эпир, обширная область к западу от Фессалии, простирающаяся вдоль Адриатического моря 73b, 233a
- Эпитимей (Обличитель), прозвище Тимея 272b
- Эпитимей (Обличитель), прозвище Ульпиана 362b
- Эпифан (Великолепный), титул Антиоха IV и многих других сирийских царей 45c, 193d
- Эпихарид, пифагореец, упоминаемый Алексидом 161b, 165e
- Эпихарм из Мегар в Сицилии, автор комедий (ок. 550–460 гг. до н.э.) 31a, 36c-d, 49c, 52a, 53c, 56a, 57d, 58d, 59c, 60e, 64f, 65b-c, 68b,f, 70a,f, 71a, 76c, 85c,e, 86a, 91c, 92f, 94f, 105a-c, 106e-f, 107a, 110b, 119d, 120d, 121b, 139b, 158c, 160d, 164c, 183c, 184f, 210b, 235e-f, 236,b, 277f, 282a-b,d, 285a, 286b-c,f, 287b, 288a-b, 295b, 297c, 303d, 304c,e, 305c, 306a,c, 307b, 308c,e, 309c,e, 312c, 313b,d-e, 315f, 318e-f, 319b-c,f, 320c,e, 321a-b,d, 322b,f, 323a-b,f, 324e, 325f, 326e,f, 327c,f, 328a-c (ср. 286a), 330a, 338d, 363b,d, 363e
- Эпопей, рыбак 283b
- Эпэнет, автор кулинарного трактата (не позднее I в. до н.э.) 58b, 88c, 294d, 297c, 304d, 305e, 312b, 313b, 328f
- Эрасинид, афинский военачальник в битве при Аргинусских островах (казнен в 406 г. до н.э.) 218a
- Эрасистрат Кеосский, врач (III в. до н.э.) 46c-d, 59a, 324a
- Эратосфен Киренский, александрийский ученый (ок. 275–195 гг. до н.э.) 140a, 154a, 189d, 276a, 281c, 284d; fr. 35, 24b; fr. 34, 36e-f; fr. 37, 2a; о пятом стихе IX песни «Одиссея» 16d, 41d
- Эрбуланское, сорт итальянского вина, возможно, из Гервиллия, города в Умбрии 27c
- Эргий Родосский, историк 360e
- Эрес, город на Лесбосе, родина Феофраста 29f, 111f, 128a, 231f, 333a
- Эретрия, морской порт на западном побережье о. Эвбеи 46c-d, 55d, 160a, 173c, 252f, 270e, 284b, 295d, 327d
- Эригон, река в Македонии, впадающая в Аксий 43d
- Эриксид, отец Филоксена, осмеиваемого в комедии за безобразность и обжорство (V в. до н.э.) 220b
- Эриманф, высокая гора на севере Аркадии 130a
- Эримний, глава афинской перипатетической школы (ок. 125 г. до н.э.) 211e
- Эринна, поэтесса (IV в. до н.э.?) 283d
- Эритры, город в Ионии 32b, 112b, 258f, 259b,e, 197b, 325e
- Эриф, поэт Средней комедии (IV в. до н.э.) fr. 1, 134c; fr. 2, 84b; fr. 3, 302e; fr. 6, 137d; fr. 7, 58a
- Эрифилла, супруга Амфиарая 231c, 232e, 233a
- Эрот, божество любви 130a
- Эсим, во Фракии 31a
- Эсхил, трагический поэт (525–456 гг. до н.э.) 19e, 21d-e, 22a, 95b, 347c, 363a, 365b, 373d, 375d, 394a, 402b-c, 421f, 424d, 427f, 428f, 429a, 447c; fr. 1, 37f, 316a; fr. 34, 87a; fr. 91, 182c; fr. 116, 51c-d; fr. 180, 17c; fr. 182, 11d-e; fr. 211, 67c; fr. 264, 51c; fr. 285, 86c; fr. 306, 67f; fr. 308, 303c; fr. 406, 99b; «Прометей» 297, 165c; танцы в «Семерых против Фив» 22a;
- Эсхин, уроженец дема Сфеттия, ученик Сократа и автор диалогов (ок. 400 г. до н.э.) 220a,c, 339b
- Эсхин Афинский, оратор и политический противник Демосфена (ок. 390–315 гг. до н.э.) 223d, 242d

- Эсхрион Самосский, автор холиямбических стихов (IV в. до н.э.) 296е, 335с
- Этеобутады, афинский род 244е
- Этна, высокая вулканическая гора на востоке Сицилии 63b, 206f, 209с, 297а, 341е
- Этол, праправнук Девкалиона 35b
- Этолийский союз 253f
- Этолия (область в Центральной Греции), этолийцы 35b, 95d, 114b-с, 283а, 296е, 297а (см. также Акарнания)
- Этрурия, этруски (тиррены), страна и древний народ, обитавший в Италии к северу от Рима 28b, 153d,f, 154а, 184а, 224с, 273f, 296d, 315d
- Эфес, морской порт в Ионии, Малая Азия 87с, 90d, 92d, 116f, 183с, 267а-b, 289f, 303b, 320а, 328b, 349f, 361с-е
- Эфиоп, мот, упоминаемый Архилохом (нач. VII в. до н.э.) 167d
- Эфиопия, название земель к югу от Египта и Ливии, 68b, 110е, 201а-с; рабы из ~-и 148b
- Эфиопы 363е, 337d
- Эфипп, поэт Средней комедии (пер. пол. IV в. до н.э.) fr. 1, 112f; fr. 4, 365с; fr. 5, 346f; fr. 6, 363с; fr. 8, 29d, 58а; fr. 12, 322d; fr. 15, 359d; fr. 17, 289b; fr. 19, 347b; fr. 21, 358f; fr. 22, 286е; fr. 24, 29d, 57е; fr. 25, 38b; fr. 26, 48с; fr. 27, 61а; fr. 28, 28f
- Эфипп Олинфский, один из офицеров Александра, автор сочинения о погребении Александра и Гефестиона (конец IV в. до н.э.) 120d, 146с-d
- Эфира, древнее и поэтическое название Коринфа 82b
- Эфор из Ким, в Эолиде, ритор и один из первых авторов всеобщей истории (IV в. до н.э.) 105d, 154d, 182с, 232d, 263f, 311е, 352с
- Эфоры, высшие должностные лица в некоторых дорийских полисах 140f, 141а, 168d, 234а
- Эхар, приверженец Кнопа 259а
- Эхинады, небольшие острова у западного побережья Акарнании, Центральная Греция 30d
- Юба II, царь Мавретании (25 до н.э. – 22 гг. н.э.), грамматик и историк 15а, 83b-с, 98b, 170е, 175d-е, 177а, 182е, 183с, 229с, 343f
- Югурта, царь Нумидии (118–105 гг. до н.э.) 221с
- Юлий Цезарь, Гай (100–44 гг. до н.э.), римский диктатор 272b,d, 273b,d
- Япигия (Апулия), область на юго-востоке Италии 108f
- Ясон, вождь аргонавтов 242f, 296d

ОГЛАВЛЕНИЕ

АФИНЕЙ. ПИР МУДРЕЦОВ

Книги I–VIII

Перевод Н.Т. Голинкевича под редакцией М.Л. Гаспарова

Книга первая (по византийским извлечениям). Вступление. Похвала хозяину пира Ларенсию. О гостеприимстве. Остроумие за столом. Гурман Филоксен. Кулинар Апикий. – Век нынешний и век минувший. Об умеренности гомеровских героев. Число дневных трапез. Игра в мяч. Музыка за столом. Изысканность кушаний. Досуг. Благовония. Шуты. Пляски. Питье на пирах. Еще о героях Гомера: спорт, рыболовство, ловля птиц. – <i>О вине</i> . Изобретение вина. Какой город чем славен. Каталог вин (среди них хиосское, фасийское, лесбосское, левкадское, финикийское, лампсакское, икарийское, прамнейское, коринфское, библийское, цветочное, из итальянских – альбанское и фалерское). О винолюбии египтян	5
Книга вторая (по византийским извлечениям). <i>О вине</i> (продолжение): Ойней, Дионис, выпивка, пьяная выходка молодых сицилийцев (по Тимею), разбавление вин, о напитках богов. – Вода. – Мёд. – О слове «натошак». – Об убранстве залов. – <i>Каталог закусок</i> (в том числе: дамасские смоквы, вишня, шелковица, орехи, миндаль, горох, волчий боб, фасоль, оливки, редька, сосновые шишки, аперитив, мальва, тыквы, грибы, поручейник, трюфель, крапива, спаржа, моллюски, лук-порей, дрозды, пеночки, яблоки, черные дрозды, скворцы, воробьи, свиньи мозги, оливковое масло, уха, уксус, хлебцы, латук, шиповник)	51
Книга третья (начало – по византийским извлечениям). <i>О плодах</i> . Египетские кувшинки. Смоквы. Яблоки. Персики. – <i>О моллюсках</i> . Жемчуг. – Требуха. – Спор Кинулька с Ульпианом. – О свиной матке. – Отступление о классических пирах. – Снова о морских животных: <i>крабы, креветки</i> . – <i>О хлебе</i> (52 сорта изделий). – <i>О солонине</i> . – Варваризмы. – Питьевая вода. Крупа. Мука	103
Книга четвертая . <i>О пирах</i> . Пир македонца Карана (по Гипполоху). – О роскоши варварского быта. – Об аттических симпозиях (со вставкой пародии Матрона). Сопоставление спартанских пиров с критскими, греческих с персидскими. Роскошь персидского двора. – Времяпрепровождение Антония и Клеопатры. – Описание трапез различных народов. – Перебранка Кинулька. – Пир Кебета. Чечевичная похлебка. Магн отчитывает киников. – О мотовстве. – Поварская утварь. – О сортах печенья. – Поварское искусство делосцев. – О музыке: различные инструменты, игра на флейтах	174
Книга пятая . <i>О пирах и праздниках</i> (продолжение). Вступление. – О гомеровских пирах. Сравнение их с классическими. – Сумасбродства Антиоха Эпифана (по Полибию). – Празднование Дионисий в Александрии (по Калликсену). – Корабли	

Птолемея Филопатора (по Калликсену). Корабль Гиерона (по Мосхиону). – Пирры различных царей. – Философы в бою и на троне: тирания Афиниона в Афинах (по Посидонию), Масурий обличает Сократа и его учеников. – О горгонах	236
---	-----

Книга шестая. Вступление. – <i>О рыбе</i> . Торговля рыбой в Афинах (по цитатам комиков). – О серебряной утвари. – О золоте и серебре. – <i>О параситах</i> (о древнем значении слова «парасит», знаменитые параситы и т.д.) – Прославившиеся льстецы. – <i>О рабах</i> (история, повстанец Дримак, утопии комиков, численность рабов в классическую эпоху, рабы в Риме)	281
---	-----

Книга седьмая. Вступление. О времени принятия пищи. – О наслаждении. – <i>О рыбе</i> (продолжение). Алфавитный каталог рыб. В том числе: губан, морской окунь, священные рыбы, сардины, анаррих, шиповатый скат, морской черт, камбала, угорь. – Отступление о поварском искусстве; Менеkrat-Зевс. – Продолжение каталога: пятнистая акула, горбыль, речной угорь, эллоп, барабулька, рыба-веретено, тунец, золотая макрель, губан, кифар, тритон, кефаль, морской окунь, скат, мурена, анчоус, чернохвостка, мормир, электрический скат, меч-рыба, орф, тунец, осьминоги, крабы, окунь и т.д.	343
--	-----

Книга восьмая. <i>О рыбе</i> (продолжение). Рассказы об удивительных рыбах. – Писатели-кулинары и гурманы. – Веселые истории о кифаристе Стратонике. – Критика естественнонаучных сочинений Аристотеля. – Рыба глазами врача. – О названиях пиршеств.....	415
--	-----

ПРИЛОЖЕНИЯ

<i>О.Л. Левинская.</i> Афиной и его книга.....	459
--	-----

Примечания.....	475
-----------------	-----

Книга первая (составила <i>О.Л. Левинская</i>)	476
---	-----

Книга вторая (составили <i>О.Л. Левинская, И.В. Рыбакова</i>)	514
--	-----

Книга третья (составила <i>А.А. Григорьева</i>).....	531
---	-----

Книга четвертая (составили <i>А.А. Григорьева, Б.М. Никольский</i>)	544
--	-----

Книга пятая (составили <i>Б.М. Никольский, Е.С. Иванюк</i>).....	555
---	-----

Книга шестая (составила <i>М.Г. Витковская</i>)	560
--	-----

Книга седьмая (составила <i>А.А. Григорьева</i>).....	579
--	-----

Книга восьмая (составила <i>М.Г. Витковская</i>)	584
---	-----

Указатель имен (составил <i>Н.Т. Голинкевич</i>).....	601
--	-----

Научное издание

АФИНЕЙ

ПИР МУДРЕЦОВ

В пятнадцати книгах

Книги I–VIII

*Утверждено к печати
Редколлегией серии
“Литературные памятники”*

Зав. редакцией *Е.Ю. Жолудь*
Редактор *Е.Л. Никифорова*
Художник *В.Ю. Яковлев*
Художественный редактор *Т.В. Болотина*
Технический редактор *З.Б. Павлюк*
Корректоры *З.Д. Алексеева, А.Б. Васильев,*
Е.Л. Сысоева

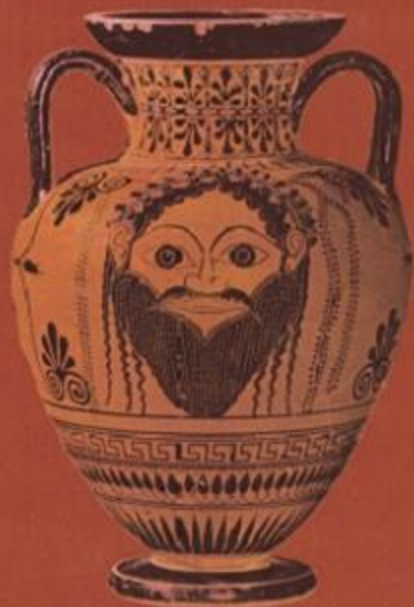
Подписано к печати 16.03.2004
Формат 70 × 90 1/16. Гарнитура Таймс
Печать офсетная
Усл.печ.л. 48,0. Усл.кр.-отт. 50,2. Уч.-изд.л. 51,1
Доп. тираж 1000 экз. Тип. зак. 9774

Издательство “Наука”
117997, Москва, Профсоюзная ул., 90

E-mail: secret@naukaran.ru
Internet: www.naukaran.ru

ППП “Типография “Наука”
121099, Москва, Шубинский пер., 6

ΑΘΗΝΑΙΟΥ

ΔΕΙΠΝΟΣΟΦΙΣΤΑΙ